

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Графа Мих. Вл. Толстого.

СОЧИНЕНИЕ ОДОБРЕНО

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для библиотекъ духовныхъ семинарій, духовныхъ училищъ и училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, и Ученымъ Комитетомъ при Министер. Народнаго Просвѣщенія для гимназій, среднихъ учебныхъ заведеній, уѣздныхъ и женскихъ училищъ.

Внесено въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

ВЪ 5-ТИ КНИГАХЪ.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

Издание книгопродавца А. Д. Ступина.

1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Пятое изданіе настоящей книги избавляетъ отъ обязанности говорить что-либо въ пользу произведеній графа Толстого. Но все-таки мы считаемъ не лишнимъ познакомить своихъ читателей съ мнѣніемъ о ней одного изъ высшихъ ученыхъ учреждений. Вотъ оно: *Извлеченіе изъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ о сочиненіи статскаго совѣтника графа Михаила Владиміровича Толстого подъ названіемъ: „Разказы изъ Исторіи Русской Церкви“.*

„Разказы“, составленные графомъ Толстымъ, обнимаютъ собою жизнь и дѣятельность Русской Церкви отъ временъ ея основанія до царствованія Іоанна IV. Авторъ раздѣлилъ свои разказы на три части, или книжки *), вѣроятно, на томъ основаніи, что онъ, какъ можно догадываться изъ самаго содержанія его книги, имѣлъ въ виду приспособить свои разказы къ церковно-историческимъ періодамъ, на которые обыкновенно дѣлится исторія Русской Церкви. Такъ, въ первой книжкѣ излагаются у него событія, совершившіяся въ первый періодъ существованія Русской Церкви, отъ начала распространенія христіанства въ Россіи до монгольскаго ига; во второй — событія второго періода, обнимающаго собою время порабощенія Россіи монголами до раздѣленія митрополіи, а въ третьей — третьяго періода, только не до 1589 года, въ которомъ учреждено было патріаршество, а до 1533 года, когда скончался великій князь Василій Іоанновичъ **).

*) Не на три, а на пять частей, или книжекъ, которые вышли послѣ этого отзыва.

**) Въ четвертой и въ пятой части разказаны всѣ послѣдующія событія до уничтоженія патріаршества и учрежденія Св. Синода.

Главное достоинство „Разказовъ“ заключается въ ихъ прекрасномъ изложеніи. Авторъ мастерски владѣетъ перомъ; слогъ его отличается чистотою, ясностью, живостью и по мѣстамъ исполненъ даже поэтическаго одушевленія. Читатель выносить изъ „Разказовъ“ не сухія свѣдѣнія о событіяхъ церковной исторіи, но живые образы замѣчательнѣйшихъ личностей и свѣжее впечатлѣніе жизни давно минувшей. Такія качества составляютъ важное достоинство въ церковно-историческомъ сочиненіи, которое должно не только передавать читателямъ правильныя и точныя свѣдѣнія объ избранномъ предметѣ, но и передавать ихъ живо и занимательно. Съ этихъ-то именно сторонъ „Разказы изъ исторіи Русской Церкви“ могутъ служить полезною и занимательною книгою для духовныхъ воспитанниковъ.

При живости, изяществѣ и занимательности изложенія „Разказы“ проникнуты искреннимъ религіознымъ чувствомъ и глубоко-благоговѣйнымъ отношеніемъ къ изображаемому предмету. Вездѣ, во всѣхъ разказахъ автора, господствуетъ одна основная мысль, что Русская Церковь есть Церковь истинная, святая, божественная, — Церковь, которая во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ находилась подъ особеннымъ покровительствомъ Промысла и запечатлѣна знаменіями и чудесами всемогущества Божія. Дивно было первое появленіе христіанства въ Россіи: дивными путями Провидѣнія бѣдная псковитянка, впослѣдствіи св. Ольга, дѣлается супругою великаго князя Игоря и „денницею спасенія земли Русской“; чудеса предшествуютъ крещенію св. Владиміра, не безъ особеннаго устройства Божія воспитаннаго своею мудрою и благочестивою бабкой; по внушенію свыше основывались монастыри, созидались храмы. Промыслъ Божій видимо бодрствовалъ надъ Русскою Церковью даже и тогда, когда совершилась гибель Россіи во времена монгольскаго ига. „Исчезла, — говоритъ авторъ, — самостоятельность государства; исчезли начатки просвѣщенія, успѣхи промышленности и торговли; разрушены города, храмы и обители иноческія. Словомъ, погибло все земное, все временное, всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Уцѣлѣло только то, что вѣчно и неизмѣнно: св. Вѣра Христова, Церковь православная, которой, по обѣтованію Спасителя, не одолѣетъ и самый адъ. Она одна уцѣлѣла между развалинами, горѣла

и не сгорала, подобно купинѣ, прохлаждаемой росой любви небесной. Она очищалась, какъ золото, въ горнилѣ страданій; возвышалась неизбежно, какъ каменный утесъ посреди бурь океана“. Проникнутый благоговѣніемъ къ Русской Церкви, авторъ съ любовью слѣдитъ за ея судьбами и заноситъ на свои страницы каждый случай, каждый фактъ, гдѣ такъ или иначе высказалось сверхъестественное дѣйствіе Промысла Божія. Особенно хороши, живы и сочувственны выходятъ у него изображенія тѣхъ фактовъ и личностей, въ которыхъ вѣра православная, является своею практическою стороною, какъ нравственная, божественная сила, искореняющая грубые плевелы нравовъ и возвращающая святыя плоды добродѣтели въ жизни вѣрующихъ христіанъ. Начиная со св. Ольги, Владимира, Бориса и Глѣба—этихъ, по выраженію автора, „прекрасныхъ весеннихъ цвѣтовъ новопросвѣщенной земли Русской, этихъ раннихъ и яркихъ звѣздъ на христіанскомъ небосклонѣ Россіи,—Церковь православная во все времена воспитывала въ нѣдрахъ своихъ и благочестивыхъ царей, и доблестныхъ гражданъ, и высокихъ подвижниковъ, и добродѣтельныхъ отцовъ и матерей семейства.

Конечно, при внимательномъ разсмотрѣніи, „Разказы изъ исторіи Русской Церкви“ не во всѣхъ своихъ частяхъ удовлетворяютъ требованіямъ критики въ научномъ отношеніи.

Впрочемъ, эти недостатки сочиненія графа Толстого въ значительной мѣрѣ выкупаются его одушевленнымъ изложеніемъ и строго православнымъ характеромъ. Поэтому учебный комитетъ полагалъ бы, что сочиненіе графа М. В. Толстого—„Разказы изъ исторіи Русской Церкви“—можетъ быть допущено въ бібліотеки духовныхъ семинарій, духовныхъ училищъ и училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Кромѣ того, „Разказы изъ исторіи Русской Церкви“ графа Толстого одобрены ученымъ комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ и женскихъ училищъ.

Издатель *).

---

*) Пятаго изданія.

ГЛАВА I.

Первыя проявленія христіанства на землѣ Русской. — Аскольдъ и Дирь. — Св. княгиня Ольга. — Первые мученики - Варяги. — Св. Равноапостольный князь Владиміръ. Свв. Страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. — Препод. Ефремъ Новоторжскій.

„Духовное возрожденіе цѣлаго народа, какъ и одного человѣка, совершается не одинаково, — говоритъ одинъ почившій знаменитый архипастырь ¹⁾: въ иномъ народѣ оно совершается ранѣе, въ другомъ позднѣе, въ одномъ быстро, въ другомъ медленно“.

Преп. Несторъ повѣствуетъ, что Апостоль Андрей изъ Синопы чрезъ Корсунь, или Херсонъ, доходилъ берегомъ Днѣпра до Кіевскихъ горъ, благословилъ ихъ и водрузилъ тамъ крестъ, сказавъ: „на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія“. Оттуда онъ отправился на сѣверъ до береговъ Волхова и озера Ильменя, а оттуда въ Римъ ²⁾. Но въ лѣтописи Нестора не упомянуто, чтобы путешествіе Первозваннаго Апостола оставило по себѣ слѣды на почвѣ Кіевской Руси.

Извѣстія о частныхъ обращеніяхъ жителей южной Руси къ христіанству начинаются съ IV вѣка. Блаженный Иеронимъ писалъ: „Гунны изучаютъ Псалтирь; хладная Скиѣія согрѣвается огнемъ вѣры истинной; войска рыжихъ и бѣлокуроухъ Гетовъ и Даковъ носятъ за собою походные храмы“. Изъ этихъ словъ видно, что подъ именемъ холодной Скиѣи нужно разумѣть ту, которая простиралась отъ лѣваго берега Дуная и до Дона, гдѣ, по свидѣтельству древнихъ, еще съ I вѣка по Р. Х. обитали Славяне ³⁾. У Гетовъ, или Готевъ, жившихъ въ нынѣшней Бессарабіи вмѣстѣ съ Славянами, еще при Константинѣ Великомъ образовалась епархія.

О распространеніи вѣры между Готами и Скиѣями болѣе всѣхъ заботился святой Іоаннъ Златоустъ. Онъ посылалъ миссіонеровъ къ Скиѣамъ, жившимъ за Дунаемъ, и для Готевъ посвятилъ епископа Ульфилу. Но Гунны, Авары и Болгары, одинъ за другими, опустошали Скиѣю, и христіанство, еще слабое между Скиѣями, искоренялось войною или гоненіемъ язычества.

¹⁾ Исторія Русской Церкви преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, изд. 3. Ч. 1, стр. 1.

²⁾ Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку.

³⁾ Иорнандъ и византійскіе историки.

Толстаго. — Исторія Русск. Церкви.

На сѣверѣ Русской земли, гдѣ Славяне, жившіе при впаденіи Волхова въ озеро Ильмень, призвали къ себѣ на княженіе Рюрика съ братьями (около 862 года), почти не было слуховъ о христіанствѣ. Двое изъ сподвижниковъ Рюрика, Аскольдъ и Дирь, отправились изъ Новгорода искать счастья въ Царьградъ. На берегу Днѣпра они увидѣли городокъ и завладѣли имъ: это былъ Кіевъ. Отсюда въ 866 году они предприняли походъ къ Царьграду съ языческою дружиною на 200 вооруженныхъ судахъ, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Босфоръ Фракійскій (Константинопольскій проливъ), опустошили берега Пропонтиды (Мраморнаго моря) и заставили трепетать столицу имперіи. Блаж. патріархъ Фотій, столько заботившійся о просвѣщеніи Славянъ, вынесъ изъ Влахернскаго храма ризу Богоматери и погрузилъ ее въ море, тихое и спокойное. Вдругъ оно закипѣло бурей и разбило суда Руссовъ ⁴⁾. Аскольдъ и Дирь, объятые страхомъ, увѣрвали во Христа. Повѣствуютъ, что по возвращеніи съ остатками флота въ Кіевъ Аскольдъ принялъ на вѣчѣ народномъ епископа, присланнаго отъ патріарха Фотія. Стали разсуждать о вѣрѣ своей и христіанской и спросили епископа: чему онъ хочетъ учить ихъ? Епископъ открылъ Евангеліе и сталъ говорить имъ о Спасителѣ міра и земной Его жизни, говорилъ и о разныхъ чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ Ветхомъ завѣтѣ. Руссы, слушая проповѣдника, сказали: „если и мы не увидимъ чего-нибудь подобнаго тому, что случилось съ тремя отрѣками въ печи, мы не хотимъ вѣрить“. Служитель Божій не поколебался; онъ смѣло отвѣчалъ имъ: мы ничтожны передъ Богомъ, но скажите, чего хотите вы? Они просили, чтобы брошено было въ огонь Евангеліе, и обѣщались обратиться къ христіанскому Богу, если оно останется невредимымъ. Тогда епископъ воззвалъ: Господи! прослави имя Твое предъ симъ народомъ, и положи книгу въ огонь. Евангеліе не сгорѣло. Видя это, князя и многие язычники, пораженные чудомъ, приняли крещеніе ⁵⁾.

Спустя 15-ть лѣтъ, Олегъ, принявшій на себя правленіе въ Новгородѣ по смерти Рюрика и въ малолѣтство сына его Игоря, предпринялъ походъ на югъ. Оставивъ назади войско, онъ прибылъ на ладьяхъ къ Кіеву, вызвалъ къ себѣ обманомъ Аскольда и Дира и умертвилъ ихъ.

Мѣстность и удобство Кіева плѣнили Олега; онъ сказалъ: „да будетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ“, и поселился на берегахъ Днѣпра. Оттуда съ огромною ратью, собранною изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ, на 200 легкихъ судахъ онъ спустился къ югу и осаждалъ Константинополь. Греки откупились отъ него деньгами. При язычникѣ Олегѣ христіанство могло скорѣе ослабѣть, нежели усили-

---

⁴⁾ Объ этомъ событіи писали Георгій Амартолъ и другіе византійскіе историки.

⁵⁾ Патріархъ Фотій пишетъ въ одномъ изъ своихъ посланій: «Руссы предложили нечестивое языческое суетвѣріе на чистую и неблаженную христіанскую вѣру и, принявъ епископа и учителя, ведутъ себя, какъ послушные дѣти и друзья».

ваться въ Кіевѣ; однако и онъ, хотя безъ намѣренія, знакомилъ Руссовъ съ вѣрою евангельскою. Когда послы его были въ Царьградѣ для заключенія мира, имъ показали „страсти Господни, терновый вѣнецъ, гвозди и хламиду багряную“ и мощи святыхъ и учили ихъ христіанской вѣрѣ. Возвратясь въ Кіевъ, они рассказали землякамъ, что видѣли и слышали.

При Игорѣ вѣра Христова имѣла болѣе покоя и свободы въ Кіевѣ. Въ договорѣ, заключенномъ имъ съ Греками, упоминается о томъ, что Руссы крещеные будутъ присягать въ соборной церкви св. Іліи въ Кіевѣ и цѣловать крестъ. Такимъ образомъ христіанъ между Руссами уже было столько, что надобно было упоминать о нихъ въ договорѣ, и въ Кіевѣ былъ соборный храмъ, что можетъ указывать на существованіе другихъ храмовъ.

Но еще ярче возсіялъ свѣтъ Евангелія въ Россіи по смерти Игоря. Игорь былъ женатъ еще при жизни правителя Олега. Жена его, природная славянка ⁶⁾, родившаяся близъ Пскова или, лучше сказать, въ той сторонѣ, гдѣ послѣ основался Псковъ, называлась прекрасною, а при бракѣ переименована Ольгою.

По смерти мужа, убитаго возмущившимися Древлянами (въ 946 году), и въ малолѣтство сына Святослава, который остался сиротою на пятомъ году, Ольга правила Русской землею, какъ Любуша у Чеховъ и Драгомира въ Богеміи. Она наказала и усмирила Древлянъ, обложивъ ихъ тяжкою данью, учредила въ Новгородской землѣ погосты и оброки. При ней въ Кіевѣ было много христіанъ. Одаренная свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ, Ольга видѣла непорочную жизнь христіанъ и понимала, что язычество не могло воспитать такихъ людей; бесѣды съ учителями христіанскими (одинъ изъ нихъ сопровождалъ ее въ Царьградѣ) открыли ей небесную чистоту и высоту ученія Христова. Она рѣшилась креститься и, чтобы вѣрнѣе ознакомиться съ христіанствомъ, отправилась сама въ Константинополь въ 957 г. Тамъ пребыла она около трехъ мѣсяцевъ, и хотя сначала была принята очень холодно и должна была долго простоять на пристани, но потомъ пользовалась вниманіемъ императора и наставленіями патріарха Поліевкта, знаменитаго по святости жизни и по высокой образованности. Патріархъ самъ крестилъ Ольгу, нарекъ ее Еленой и сказалъ ей: „возлюбивъ свѣтъ и отвергнувъ тьму, благословенна ты между женами Русскими; благословлять тебя будутъ сыны Русскіе до послѣдняго рода“ ⁷⁾.

Возвратясь въ Кіевъ, она заботилась о распространеніи христіанства, но не могла обратитъ сына своего Святослава. Онъ не только не обнаруживалъ расположенія къ истинной вѣрѣ, но, исключительно за-

---

⁶⁾ По Іоакимовой лѣтописи, отысканной Татищевымъ, Ольга была правнука Гостомысла, того самаго правителя Новгородскаго, который будто бы далъ совѣтъ призвать Рюрика.

⁷⁾ О пребываніи Ольги въ Царьградѣ и о крещеніи ея сохранилось много подробностей въ сочиненіи императора Константина.

нятыи мечтами о власти и славѣ, не разъ выражалъ гнѣвъ свой на предложенія матери.

Блаж. княгиня послѣ крещенія своего прожила еще 12 лѣтъ и успѣла посѣять первыя сѣмена вѣры въ юномъ внукѣ Владимірѣ и его братьяхъ. Пользуясь частыми отсутствіями войнолюбиваго сына, она посѣтила свою родину. Тамъ, обозрѣвая мѣстность нынѣшняго Пскова и стоя на берегу рѣки Великой, гдѣ тогда былъ густой лѣсъ и многія дубравы, она увидѣла три свѣтоносные луча, какъ бы падающіе съ неба на крутое возвышеніе противоположнаго берега. Равноапостольная княгиня водрузила крестъ на этомъ мѣстѣ ⁸⁾ и предрекла, что здѣсь будетъ храмъ Св. Троицы и воздвигнется великій и славный городъ ⁹⁾.

Тогда какъ святая мать подвизалась для счастья своей родины, сынъ ея Святославъ, рыская по чужимъ землямъ, едва не потерялъ своей: стѣсненные Печенѣгами, безпомощные Кіевляне доведены были до того, что готовы были передать городъ врагамъ. Возвращаясь поспѣшно въ Кіевъ, Святославъ прогналъ Печенѣговъ, но снова спѣшилъ за Дунай, тогда какъ мать его лежала на одрѣ смертномъ. Благов. Ольга сказала со скорбью сыну: „погребѣ меня и тогда иди, куда хочешь“. Спустя три дня, 11 іюля 969 г., св. Ольга скончалась; она завѣщала не совершать надъ нею языческой тризны и не насыпать кургана языческаго, а послала деньги на поминовленіе патріарху, и духовникъ ея совершилъ надъ нею погребальное пѣніе. Церковь называетъ святую Ольгу „денницей спасенія земли Русской, равноапостольною и единоревнительницею апостоламъ“ ¹⁰⁾, а преп. Несторъ говоритъ о ней: „она предтекла христіанству во землѣ нашей, какъ зарница предъ солнцемъ, какъ утренняя заря предъ свѣтомъ полуденнымъ; какъ луна въ ночи, такъ свѣтила она между людьми невѣрными. Она и по смерти молить Бога за Русь. Ее славятъ всѣ сыны Русскіе, видя ее лежащую въ тѣлѣ много лѣтъ“. Эти прекрасныя слова лѣтописца доказываютъ, что въ его время Церковь уже чтѣла Ольгу между святыми и мощи ея почивали открыто. Другой лѣтописецъ ¹¹⁾ говоритъ, что св. Ольга почила во гробѣ какъ спящая, въ Десятинной церкви Богородицы, куда перенесъ мощи ея св. князь Владиміръ при митрополитѣ Леонтіи.

Послѣ Святослава, который жилъ и умеръ упорнымъ язычникомъ, наступили междуусобія между тремя сыновьями его. Младшій

⁸⁾ Этотъ крестъ былъ взятъ въослѣдствіи въ Троицкій соборъ и тамъ сгорѣлъ въ 1509 году. Св. Ольга поставила также кресты въ Никольскомъ погостѣ на рѣкѣ Наровѣ и въ другихъ мѣстахъ Псковской стороны. Нѣкоторые изъ нихъ были еще цѣлы и въ XVI вѣкѣ.

⁹⁾ На мѣстѣ, гдѣ стояла блаж. княгиня, напротивъ Псковскаго кремля и Троицкаго собора, находится теперь часовня блаженной княгини Ольги, при источникѣ, изъ котораго и лѣтомъ и зимою струится чистая вода, имѣющая цѣлебное свойство.

¹⁰⁾ Изъ службы св. Ольги, въ Минѣ 11 іюля.

¹¹⁾ Іаковъ Черноризецъ въ похвалѣ Владиміру. Христ. Чтеніе 1849 г.

изъ нихъ Владиміръ, рожденный отъ наложницы Малуши, Ольгиной ключницы, съ восьмилѣтняго возраста былъ отправленъ Святославомъ въ Новгородъ подъ присмотромъ дяди, Добрыни Любчанина, который, какъ грубый язычникъ, давалъ полную волю страстямъ своего воспитанника. По смерти отца Владиміръ съ Добрынею завладѣлъ Кіевомъ посредствомъ измѣны, велѣлъ умертвить старшаго брата своего Ярополка, взялъ себѣ насильно невѣсту его Рогнѣду, княжну Полоцкую, и беременную жену его гречанку. Сдѣлавшись единовластителемъ Русской земли, Владиміръ проводилъ свою молодость въ необузданномъ сластолюбіи: кромѣ пяти женъ, у него было въ разныхъ мѣстахъ до 800 наложницъ. Онъ отличался также страстью къ войнѣ и отдаленнымъ походамъ.

Въ 983 году Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ и покорилъ землю ихъ (въ нынѣшней Гродненской губерніи). Возвратясь въ Кіевъ, онъ совершалъ жертвоприношенія идоламъ. Старшины и бояре сказали ему: бросимъ жребій на отрока и дѣвицу; на кого падеть, того и принесемъ богамъ. Жребій палъ на юнаго Іоанна, сына одного Варяга-христианина, по имени Θεодора, жившаго въ Кіевѣ. Посланные сказали отцу: отдай сына богамъ; они выбрали его себѣ въ жертву. Θεодоръ отвѣчалъ: „ваши боги—истуканы, сотворенные руками человѣческими. Единъ Богъ, которому поклоняются Греки, сотворилъ небо и землю. Не дамъ сына моего бѣсамъ“. Услышавъ этотъ отвѣтъ, Кіевляне сбѣжались и разломали дворъ Варяга. Онъ стоялъ съ сыномъ на сѣняхъ. Ему кричали: подай сына твоего! Онъ отвѣчалъ: „пусть боги ваши сами придутъ и возьмутъ его“. Язычники подрубили сѣни подъ ними и умертвили обоихъ ¹²⁾.

Но приближалось уже время общаго просвѣщенія земли Русской: ужасное братоубійство, сластолюбіе грубое не могли не тяготить совѣсти Владиміра. Онъ думалъ облегчить душу тѣмъ, что ставилъ новыхъ кумировъ на берегахъ Днѣпра и Волхова, украшалъ ихъ серебромъ и золотомъ, закалалъ тучныя жертвы предъ ними. Но все это, какъ чувствовалъ онъ, не доставляло покоя душѣ,—душа искала свѣта и мира. Владиміръ чувствовалъ тревогу, движенія и сомнѣнія въ душѣ. Онъ сталъ припоминать свое дѣтство и наставленія блаженной бабки своей Ольги. Къ великому князю, недовольному старою вѣрою, явились проповѣдники новыхъ вѣръ. Первыми явились послы изъ восточной Болгаріи, мусульмане. Описаніе магометова рая, населеннаго прекрасными гуріями, понравилось сластолюбивому князю, но обрѣзаніе казалось ему мерзостью, а запрещеніе пить (крѣпкіе напитки) несовмѣстнымъ съ обычаями Руси. Послѣ нѣмецкіе паписты говорили о величій невидимаго Бога и о ничтожности идоловъ; но князь зналъ папскую политику и отвѣчалъ имъ: „идите обратно, отцы наши не

¹²⁾ Мощи мученика Іоанна-младенца почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ. Къ нему прибѣгаютъ съ молитвою о чадородіи не имѣющіе дѣтей. Гдѣ находятся мощи отца его Θεодора, неизвѣстно. Празднованіе памяти Θεодора и Іоанна означено въ прологѣ XV в. мѣсяцъ 12-мъ числомъ мая.

принимали вѣры отъ папы“. Выслушавъ проповѣдь Іудеевъ Хозарскихъ, Влидиміръ спросилъ: „а гдѣ ваше отечество?“ Въ Іерусалимѣ,—отвѣчали они,—но Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и расточилъ ихъ по чужимъ странамъ“.—„И вы, отвергнутые Богомъ,—сказалъ имъ Владиміръ,—еще приходите учить другихъ? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?“ Наконецъ выслушанъ былъ философъ, инокъ греческій. Показавъ несправедливость другихъ вѣръ, онъ представилъ исторію Ветхаго и Новаго завѣта и въ заключеніе развернулъ картину страшнаго суда. „Добро стоящимъ одесную,—сказалъ Владиміръ,—и горе грѣшнымъ на лѣвой сторонѣ“.—„Крестись, и будешь въ раю съ праведными“, отвѣчалъ ему инокъ.

Отпустивъ послѣдняго проповѣдника съ уваженіемъ и дарами, Владиміръ созвалъ бояръ и старшинъ на совѣтъ объ избраніи новой вѣры; рѣшено послать пословъ и разсмотрѣть каждую вѣру на мѣстѣ. Послы побывали у Болгаръ восточныхъ, потомъ у Нѣмцевъ и наконецъ прибыли къ Грекамъ. Императоры Василій и Константинъ, узнавъ причину прибытія Русскихъ выборныхъ, извѣстили о томъ патріарха, и патріархъ въ присутствіи пословъ совершилъ торжественную службу. Великолѣніе храма Софійскаго, множество духовенства въ богатыхъ облаченіяхъ, стройное пѣніе клира привели Русскихъ въ восторгъ. Они думали, что стоятъ на небѣ, а не на землѣ. Возвратясь въ Кіевъ, они съ восхищеніемъ говорили о вѣрѣ греческой. „Если бы греческій законъ не былъ лучше всѣхъ другихъ,—сказали великому князю бояре и старцы,—то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ людей“. Владиміръ рѣшился принять крещеніе, но не хотѣлъ унижаться предъ Греками и рѣшилъ завоевать себѣ вѣру.

Черезъ годъ послѣ совѣщанія о вѣрѣ, Владиміръ пошелъ съ войскомъ къ Корсуню ¹³⁾ и, взявъ его, требовалъ себѣ отъ двора Константинопольскаго руки царевны Анны, сестры императоровъ. Ему отвѣчали: „пустъ приметъ святую вѣру“.—„Я давно испыталъ и полюбилъ законъ христіанскій“,—сказалъ Владиміръ. Но прежде чѣмъ невѣста его прибыла въ Корсунь, съ языческимъ княземъ случилось то-же, что было пѣкогда съ Савломъ: онъ ослѣпъ. Прибывшая царевна совѣтовала ему не медлить крещеніемъ, какъ средствомъ къ исцѣленію. Когда епископъ возложилъ руку на выходящаго изъ купели князя, Владиміръ, въ крещеніи Василій, прозрѣлъ и душевно, и тѣлесно, и въ восторгѣ воскликнулъ: „теперь я увидѣлъ Бога истиннаго“ ¹⁴⁾.

¹³⁾ Городъ Корсунь (Херсонъ) находился на Таврическомъ полуостровѣ, въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя. Въ недавнее время заложенъ на этомъ мѣстѣ храмъ во имя св. князя Владиміра.

¹⁴⁾ Такъ какъ Владиміръ отправился въ Корсунь весною въ мартѣ, а имя св. Василія, которымъ названъ крещеный Владиміръ, указываетъ въ такомъ случаѣ св. Василія Парійскаго, празднуемаго 12-го апрѣля, и пасха 988 года была въ 8 д. апрѣля, то крещеніе кн. Владиміра по всей вѣроятности происходило 8-го апрѣля, въ день св. пасхи, что согласно и съ древнимъ обычаемъ креститься въ этотъ праздникъ. А крещеніе Кіевлянъ, по одному древнему извѣстію (Синод. рук. № 323), совершилось 1-го августа того же года. См. «Русскіе Святые» преосв. Филарета Черниговскаго, іюль, стр. 98.

По крещеніи Владимірѣ вступилъ въ бракъ съ царевною и отдалъ Корсунъ Грекамъ, а самъ возвратился въ Кіевъ новымъ челоувѣкомъ, съ памятниками боевой и христіанской славы ¹⁵⁾.

Равноапостольный князь искалъ лучшей вѣры не для себя одного, но для всего своего народа. Прежде всего крестились въ Кіевѣ сыновья его. Потомъ уничтожены были идолы; главнаго изъ нихъ Перуна Владимірѣ велѣлъ привязать къ хвосту конскому, стащить съ горы и бросить въ Днѣпръ; суевѣрный народъ плакалъ изъ сожалѣнія о старинѣ своей и долго слѣдовалъ по берегу за уплывавшимъ истуканомъ ¹⁶⁾. Тогда же князь велѣлъ объявить, чтобы на другой день всѣ жители Кіева, не исключая женщинъ и дѣтей, собрались на берегъ Днѣпра для принятія крещенія, подѣ опасеніемъ немилости князя за ослушаніе. Кіевляне давно уже знали греческую вѣру, знали и рѣшимость князя и бояръ перемѣнить вѣру и охотно шли креститься. Необозримыя толпы людей, старцы и юноши, матери съ младенцами покрыли берегъ рѣки. Туда явился и Владимірѣ съ соборомъ духовенства. Народъ взошелъ въ Почайну, взрослые держали на рукахъ младенцевъ, священники съ берега читали молитвы. Владимірѣ, объятый небеснымъ восторгомъ, молился Господу и поручалъ ему себя и народъ свой. „Въ этотъ день небо и земля ликовали“, говорить лѣтописецъ.

Св. Владимірѣ не ограничился просвѣщеніемъ престольнаго своего города, но поспѣшилъ распространеніемъ святой вѣры и во всѣхъ другихъ городахъ, большихъ и малыхъ, при чемъ первымъ дѣятелемъ былъ св. Михаилъ, первый митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Послѣ Кіева былъ просвѣщенъ святою вѣрой второй изъ славныхъ городовъ Русскихъ, Новгородъ Великій. Но здѣсь перемѣна вѣры обошлась не безъ сопротивленія: нужно было укрощать возмущеніе силою ¹⁷⁾. Послѣ того благовѣстіе вѣры Христовой принесено было въ область Ростовскую. Тамъ, какъ и въ Новгородѣ, ревностные благовѣстники крестили множество людей, поставили церкви и священниковъ, но не искоренили язычества. Въ прочіе города Владимірѣ отправилъ сыновей своихъ и съ ними священниковъ для водворенія вѣры евангельской; въ то же время онъ распространялъ и просвѣщеніе: въ Кіевѣ

---

¹⁵⁾ Владимірѣ привезъ съ собою изъ Корсуни мощи св. Климента, папы Римскаго, и ученика его Фива, честные кресты (можетъ быть тѣ самые, которые назывались Корсунскими и Владиміровыми въ Новгородѣ и теперь находятся подъ тѣмъ же именемъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ) и многія иконы, въ томъ числѣ иконы Спасителя (теперь въ томъ же соборѣ въ Москвѣ), Богородицы и первоверховныхъ Апостоловъ (обѣ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, куда, по преданію, присланы отъ самого Владиміра). Онъ привезъ также съ собою въ Кіевъ двое воротъ изъ Коринеской мѣди.

¹⁶⁾ Въ Кіевскомъ Синописисѣ разсказывается, что, когда идолъ Перуна плылъ рѣкою, суевѣрные язычники бѣжали по берегу и кричали: «Выдыбай!» т. е. выплывай. Онъ дѣйствительно выплылъ на берегъ, и это мѣсто названо Выдибичи, или Выдубичи. Впослѣдствіи тамъ сооруженъ Выдубицкій Михайловскій монастырь.

¹⁷⁾ Въ народѣ сохранилось присловіе о крещеніи Новгородцевъ: «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ».

открыто было училище; богослужебныя и учительныя книги получены были изъ южной Болгаріи. Храмы строились преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли идолы. Особенная заботливость св. князя обращена была на построенный имъ въ Кіевѣ храмъ Богородицы, прозванный Десятиннымъ, потому что въ пользу его блаженный храмоздатель назначилъ десятую часть изъ своихъ доходовъ.

Нравственная жизнь Владиміра совершенно измѣнилась послѣ благодатнаго крещенія. Довольствуясь одною женою (царевною), съ которою сочетался бракомъ по закону христіанскому, онъ отпустилъ отъ себя всѣхъ прочихъ женъ и наложницъ, а Рогнѣдѣ послалъ сказать: „я теперь христіанинъ, и долженъ имѣть одну жену; ты же, если хочешь, выбери себѣ мужа между боярами“. Рогнѣда отвѣчала: „я природная княжна. Ужели тебѣ одному дорого царство небесное? и я хочу быть невѣстою Христовою“¹⁸⁾. Повѣствователь, почти современнѣйшій¹⁹⁾, говоритъ, что Владиміръ глубоко скорбѣлъ о прежней нечистой жизни и говорилъ: „Господи! былъ я какъ звѣрь, жилъ я поскотски, но ты укротилъ меня. Слава Тебѣ, Боже!“

Владиміръ-христіанинъ заботился о внутреннемъ благоденствіи своихъ владѣній, которыя прежде распространялъ мечомъ. Онъ не поднималъ оружія на сосѣдей, но жилъ съ ними мирно. Только дикіе Печенѣги вынуждали его воевать съ ними. Желая скрѣпить миръ съ Польшею родственнымъ союзомъ, св. Владиміръ женилъ сына своего (а можетъ быть и племянника)²⁰⁾ Святополка на дочери короля Болеслава. Но вмѣстѣ съ польскою королевною прибылъ бискупъ Рейнбергъ, пустилъ въ ходъ римскіе происки и расположилъ Святополка къ папизму и возстанію противъ великаго князя. Владиміръ заключилъ Святополка въ темницу съ женою и бискупомъ²¹⁾.

Жестокій и мстительный въ язычествѣ, Владиміръ-христіанинъ сдѣлался образцомъ кротости и любви къ ближнему; онъ не хотѣлъ наказывать даже и преступниковъ. Епископы представили ему, что злодѣйства умножились и строгія мѣры правосудія необходимы. Послушавъ ихъ, онъ сталъ наказывать преступниковъ, но весьма осторожно и безъ жестокости. Бѣднымъ и нуждающимся отворенъ былъ входъ къ нему: онъ щедро раздавалъ имъ пищу, одежду, деньги; покоилъ странниковъ, выкупалъ должниковъ, невольникамъ и плѣннымъ возвращалъ свободу. Видя, что больные не въ силахъ придти къ нему за помощію, онъ приказалъ развозить по улицамъ мясо, рыбу, хлѣбъ, овощи, квасъ и медъ. Въ праздничные дни всегда были у него три трапезы: первая—для митрополита съ епископами, иноками

¹⁸⁾ Рогнѣда постриглась и назвалась Анастасіей. Разсказъ объ отвѣтѣ ея Владиміру взятъ изъ Тверской лѣтописи (Исторія Россіи проф. Соловьева. Ч. I, стр. 478).

¹⁹⁾ Черноризецъ Іаковъ въ похвалѣ Владиміру.

²⁰⁾ Святополкъ рожденъ отъ жены Ярополка, гречанки, которую Владиміръ, убивъ брата, взялъ къ себѣ беременною.

²¹⁾ При дворѣ Владиміра являлся и другой латинскій миссіонеръ Бруно (Русскіи Бесѣда. Ч. I стр. 11). Онъ ходилъ проповѣдывать къ Печенѣгамъ.

и священниками; вторая—для нищихъ; третья — для самого князя съ боярами и дружиною. Такова была христіанская жизнь приснопамятнаго крестителя земли Русской!

Св. равноапостольный князь Владиміръ преставился въ старости ²²⁾ 15 іюля 1015 года и погребенъ въ созданной имъ Десятинной церкви, рядомъ съ гробницею супруги его Анны, скончавшейся за 4 года до него. Церковь уже чтитъ память его при сынѣ его Ярославѣ. Митрополитъ Иларіонъ называетъ его вторымъ Константиномъ, а постоломъ Русской земли, и, обращаясь къ нему, говоритъ: „За благія дѣла получивъ нынѣ возмездіе на небеси, блага, уготованныя отъ Бога любящимъ Его, и насыщаясь сладкимъ Его лицецрѣніемъ, помолися Господу о землѣ твоей и о людяхъ, надъ которыми ты благовѣрно владычествовалъ“ ²³⁾. Но мощи св. Владиміра не были открыты и прославлены ²⁴⁾. Онѣ покоились въ мраморномъ гробѣ, который при нашествіи Татаръ былъ скрытъ въ землѣ подъ развалинами Десятинной церкви и обрѣтенъ въ 1631 ²⁵⁾. Св. церковь, празднуя память равноапостальнаго князя, воспѣваетъ: „Радуйся, слава Россіи! радуйся, правитель вѣрныхъ; радуйся, божественный Владиміръ, первоначальникъ нашъ; радуйся, забрало вѣры; радуйся, притекающихъ пристанище тихое; радуйся, камень вѣры и молебникъ о поющихъ и величающихъ тебя вѣрно“ ²⁶⁾.

Немедленно по кончинѣ Владиміра Святополкъ, какъ старшій въ семьѣ княжеской, сѣлъ на престолѣ и спѣшилъ задобрить Кіевлянъ ласками и подарками; но они знали, каковъ онъ, и не довѣряли ему; къ тому же братья ихъ были въ походѣ противъ Печенѣговъ съ княземъ Борисомъ. Чтобы вѣрнѣе сохранить власть, Святополкъ рѣшился умертвить двухъ любимыхъ сыновей Владиміра ²⁷⁾, Бориса и Глѣба.

Святые князья Борисъ и Глѣбъ—прекрасные весенніе цвѣты новопросвѣщенной Русской земли, раннія и яркія звѣзды на христіанскомъ небосклонѣ Россіи.

²²⁾ Вѣроятно св. Владиміръ прожилъ около 60-ти лѣтъ.

²³⁾ Похвала кагану нашему Владиміру, писанная митрополитомъ Иларіономъ. (Прибавл. къ твор. св. отцовъ. Ч. II, стр. 281).

²⁴⁾ Черноризецъ Іаковъ, для успокоенія современниковъ, говоритъ: «не будемъ дивиться, возлюбленные, если онъ по смерти не творитъ чудесъ: многіе праведники не творили чудесъ и однако святые», и потомъ приводитъ слово Златоуста, который училъ, что святые люди узнаются не по чудесамъ, а по дѣламъ.

²⁵⁾ Тогда же взяты изъ гроба нѣкоторые остатки просвѣтителя Россіи, извѣстные до-нынѣ, каковы: глава благовѣрнаго князя, находящаяся въ Великой церкви Кіевопечерской лавры, челюсть—въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и ручная кисть—въ Кіевосѣфійскомъ соборѣ. (Ист. Рус. Церкви пресвящ. Макарія. Ч. I, стр. 68).

²⁶⁾ Изъ службы св. Владиміру. Она извѣстна по рукописи XIII вѣка и писана во время удѣловъ, какъ видно изъ послѣднихъ словъ тропаря: «моли спастися державы твоя начальникомъ, христоролюбивымъ княземъ и множеству владомыхъ».

²⁷⁾ По лѣтописи Іоакимовой, Борисъ и Глѣбъ родились отъ Греческой царевны Анны, а по свидѣтельству Нестора и черноризца Іакова,—отъ христіанки Болгарыни.

Рожденные отъ матери христіанки и, оставаясь, по малолѣтству, еще довольно долго при отцѣ своемъ, тогда какъ прочіе братья ²⁸⁾ отправлены были на удѣлы, они росли и развивались въ благочестіи, не тронутые заразою язычества. Они оба, какъ и праведный отецъ ихъ, любили назидательное чтеніе. Борисъ (въ крещеніи Романъ) научень былъ грамотѣ, прилежно читалъ книги, особенно же подвиги и житія святыхъ; а Глѣбъ (въ крещеніи Давидъ), младшій братъ, слушалъ съ полнымъ вниманіемъ и наслажденіемъ. Читая о страданіи мучениковъ, св. Борисъ обливался слезами и молился: „Господи Іисусе Христе! удостой меня участвовать въ святомъ произволеніи святыхъ Твоихъ; научи меня идти по ихъ слѣдамъ. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетою міра сего; просвѣти сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповѣди; даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты угодникамъ Твоимъ“ ²⁹⁾. Борисъ и Глѣбъ горячо любили отца своего, любили другъ друга и были всегда неразлучны въ дѣтствѣ. И отецъ преимущественно любилъ ихъ, видя на нихъ благодать Божію, и назначилъ имъ сосѣдственные удѣлы, Борису—Ростовъ, а Глѣбу—Муромъ. Прибывъ въ свои удѣлы, они дѣлали все, что могли, для распространенія святой вѣры и отличались правосудіемъ, кротостію, смиреніемъ и милосердіемъ къ бѣднымъ.

Вызванный изъ Ростова отцемъ, состарившимся и больнымъ, Борисъ былъ отправленъ противъ Печенѣговъ и, возвращаясь послѣ напрасной погони, на берегу рѣки Альты, близъ южнаго Переяславля, узналъ о смерти блаженнаго родителя. Это извѣстіе поразило его тяжкою скорбію: онъ горько плакалъ, говоря: „свѣтъ очей моихъ, не буду уже я наслаждаться благимъ ученіемъ и мудростію твоею!“ Окружавшіе его предлагали ему выгнать Святополка и возвести его на великое княженіе. „Нѣтъ, отвѣчалъ святой Борисъ, не подниму я руки на брата старѣйшаго; умеръ отецъ мой, пусть онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Онъ распустилъ войско и собирался въ Кіевъ, куда звалъ его Святополкъ, обѣщая ему лучший удѣлъ.

Былъ вечеръ субботы 24 іюля 1015 года. Борису дали знать, что къ нему подосланы убійцы. Онъ велѣлъ священнику пѣть утреню, самъ читалъ шестопсалміе и канонъ. Окончилась утренняя; но онъ стоялъ еще передъ иконою и молился: „Господи! Ты пострадалъ за грѣхи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не отъ враговъ, а отъ брата; не поставь ему того во грѣхъ“. Затѣмъ, причастившись Святыхъ Таинъ и простясь со всѣми, покойно легъ въ постель. Убійцы, какъ звѣри, ворвались въ шатеръ, пронзили Бориса копьями и, думая, что онъ умеръ, вышли вонъ. Но рана не была смертельна; страдалецъ опомнился и вышелъ изъ шатра. Одинъ изъ

²⁸⁾ При жизни Владиміра получили удѣлы: Изяславъ, Ярославъ, Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, Всеволодъ, Мстиславъ и Святополкъ.

²⁹⁾ Древнее житіе свв. Бориса и Глѣба въ Чтен. Имп. М. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858, книга I, стр. 4.

злодѣвъ ударилъ его копьемъ въ сердце. Тѣло святого Бориса тайно привезли въ Вышгородъ и схоронили при церкви св. Василя.

Святополку мало было смерти Борисовой. Онъ послалъ къ Глѣбу гонца: „иди скорѣе, — велѣлъ онъ сказать ему, — отецъ тяжело боленъ и зоветъ тебя“. Глѣбъ спѣшилъ въ Кіевъ. Онъ былъ близь Смоленска, плывя на ладьяхъ по р. Смядынѣ, когда старшій братъ Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, прислалъ сказать ему, что отецъ умеръ, а братъ Борисъ убитъ Святополкомъ. Глѣбъ оплакалъ смерть отца и еще болѣе горевалъ о братѣ, котораго нѣжно любилъ. „Не услышу я болѣе кроткихъ наставленій твоихъ, братъ мой любимый. Если получилъ ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадалъ, какъ ты; лучше быть мнѣ съ тобою, чѣмъ въ этомъ зломъ мѣрѣ“. Такъ говорилъ плачущій юноша, рано постигнувъ суету временной жизни. Скоро встрѣтили его убійцы, посланные Святополкомъ. Спутники Глѣба увидали ихъ и схватились за оружіе, чтобы защитить любимаго князя. Глѣбъ сказалъ имъ: „братцы, если мы не будемъ драться съ ними, они возьмутъ меня и поведутъ къ брату; если же вступимъ въ бой, они всѣхъ насъ убьютъ. Плывите къ берегу, а я останусь на срединѣ рѣки“. Убійцы, приблизившись къ лодкѣ святого князя, схватились за оружіе. Напрасно Глѣбъ говорилъ имъ, что ни въ чемъ не виноватъ передъ братомъ: злодѣи заставили повара Глѣбова, родомъ изъ Торковъ, зарѣзать своего господина, вынесли тѣло князя изъ лодки и бросили между колодами въ глухомъ лѣсу ³⁰).

За смертью святыхъ страстотерпцевъ послѣдовало кровавое волненіе во всей Россіи. Святополкъ убилъ еще брата Святослава, княжившаго въ землѣ Древлянской, и вступилъ въ отчаянную борьбу съ Ярославомъ. То съ дикими Печенѣгами, то съ Поляками, четыре года сряду обагралъ онъ свою родину кровью. Наконецъ онъ встрѣтился съ Ярославомъ въ 1019 году на берегахъ рѣки Альты, на мѣстѣ страшнаго братоубійства. Ярославъ молился и сказалъ: „кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему!“ Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая; подобной, по словамъ лѣтописца, не бывало еще на землѣ Русской. Наконецъ Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, гонимый небеснымъ гнѣвомъ, безпрестанно слыша за собой мнимую погоню, извергъ бѣжалъ черезъ Польшу въ пустыни Богемскія и тамъ кончилъ гнусную жизнь свою, заслуживъ проклятіе современниковъ и прозваніе „окаяннаго“.

Занявъ престолъ Кіевскій, Ярославъ прежде всего захотѣлъ отъдать послѣдній долгъ страдальцамъ-братьямъ. Скоро успѣлъ онъ

---

³⁰) Преп. Несторъ замѣчаетъ о мученической кончинѣ святыхъ князей: «видите ли, какъ важна покорность старшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли бы удостоились такого дара отъ Бога. Потому что и нынѣ много юныхъ князей, которые не покоряются старшимъ, сопротивляются имъ и бывають убиваемы; но они не удостоиваются благодати, какъ сіи святые братья».

узнать о мѣстѣ погребеніи св. Бориса, но цѣлый годъ искалъ напрасно останковъ св. Глѣба. Только въ 1020 году тѣло его случайно найдено въ лѣсу звѣроловцами, перевезено въ Вышгородъ и погребено подлѣ св. Бориса. Тѣло св. Глѣба, лежавшее пять лѣтъ на открытомъ воздухѣ, ни мало не повредилось отъ перемѣнъ погоды; ни птицы, ни звѣри плотоядные не коснулись его; оно было бѣло и цвѣло нетлѣніемъ, какъ живое. Скоро у могилы мучениковъ начали являться знаменія и чудеса. Великій князь Ярославъ, по совѣщаніи съ митрополитомъ Іоанномъ, рѣшился открыть мощи повоявленныхъ мучениковъ, прославленныя нетлѣніемъ и даромъ чудотвореній. Съ благоговѣйною радостію перенесли святая мощи въ часовню, поставленную на мѣстѣ церкви св. Василія, которая незадолго передъ тѣмъ сгорѣла. Рѣшились соорудить новую церковь и установить праздникъ въ честь мучениковъ. Лѣсъ приготовили зимою, ко дню кончины св. Бориса построили церковь и поставили въ ней икону святыхъ князей. Іюля 24 1021 года³¹⁾ храмъ освященъ митрополитомъ Іоанномъ въ присутствіи великаго князя, при многочисленномъ стеченіи народа. Во время литургіи хромой, ползавшій у раки святыхъ, всталъ и сталъ ходить въ виду всѣхъ. Митрополитъ поставилъ открыто на правой сторонѣ церкви мощи первыхъ Русскихъ чудотворцевъ и установилъ ежегодно праздновать память ихъ въ этотъ день. Въ 1072 году храмъ, сооруженный Ярославомъ, оказался ветхимъ, и сынъ его Ізяславъ построилъ новый храмъ. При торжественномъ перенесеніи святыхъ мощей изъ старой церкви въ новую, мощи св. Бориса были несены князьями, а каменную раку св. Глѣба везли на саняхъ. Тогда же совершилось нѣсколько чудесъ и положено праздновать каждый годъ 2-го мая перенесеніе мощей святыхъ страстотерпцевъ.

„Придите восхвалимъ чудотворцевъ и мучениковъ: пострадавъ законно, они побѣдили врага и нынѣ, свѣтло украшенные, радостно предстоятъ Христу. И мы съ любовію прославляемъ память ихъ пѣснями, зывая къ нимъ: радуйтесь заступники вселенной и поборники на враговъ; радуйтесь врачи болящихъ и прогонители демоновъ; радуйтесь любезная чета прекрасныхъ братьевъ, любимыхъ Христомъ— Романъ славный и Давидъ чудный³²⁾).

Съ памятью св. страстотерпца Бориса неразлучна память о вѣрномъ слугѣ его, преп. Ефремѣ Новоторжскомъ. Ефремъ, уроженецъ Венгерскій, пришелъ на службу къ князю Борису вмѣстѣ съ двумя своими братьями—Моисеемъ и Георгіемъ. Послѣдній изъ нихъ былъ при своемъ князѣ на берегу рѣки Альты и хотѣлъ прикрыть его собою отъ послѣднихъ ударовъ убійць, когда блаж. Борисъ, уже раненый, вышелъ изъ шатра. Злодѣи умертвили Георгія и отрѣзали ему

³¹⁾ «Русскіе святые», іюль, стр. 137.

³²⁾ Изъ службы святымъ Борису и Глѣбу, находящейся въ рукописи XII вѣка. Въ Истор. Русс. Церкви преосв. Макарія (Ч. I, стр. 244—250) помѣщена служба вполне, какъ весьма древній и вѣроятно первый опытъ пѣснопѣній Русской Церкви.

голову, чтобы снять съ шеи золотую гривну. Узнавъ о смерти князя и любимаго брата, Ефремъ искалъ тѣло Георгія на мѣстѣ убійства, но нашель только голову его, которую взялъ съ собою. Онъ принялъ иночество и удалился на берегъ рѣки Тверцы, въ селеніе Новый Торжокъ. Тамъ построилъ онъ страннопріимный домъ и нѣсколько лѣтъ усердно служилъ странникамъ. Когда открылись мощи св. князя Бориса и Глѣба, преп. Ефремъ построилъ въ честь новоявленныхъ мучениковъ каменный храмъ и при немъ основалъ обитель иноческую. Веселясь духомъ, что въ созданномъ имъ храмѣ вѣрующіе молятся любимому князю его, прославленному Господомъ, онъ подвизался въ постѣ и молитвѣ и мирно почилъ въ глубокой старости 28 января 1053 года ³³⁾.

---

³³⁾ Мощи преп. Ефрема, обрѣтенныя въ 1872 году, почиваютъ открыто въ соборной перкви Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. При нихъ нетлѣнная глава брата его Георгія, которая, по завѣщанію преп. Ефрема, была положена съ ними въ могилу.

ГЛАВА II.

Раздѣленіе Россіи на удѣлы.—Вел. кн. Ярославъ I.—Распространеніе христіанства.—Различіе между православною и латинскою проповѣдью евангелія.—Іерархія русской церкви.—Способы содержанія духовенства.—Церковное управленіе.—Уставы Владиміра и Ярослава о судахъ церковныхъ.

Раздѣленіе Россіи на удѣлы имѣло гибельныя послѣдствія для государства; но Промыслъ Божій и изъ этого великаго зла извлекъ благо для Церкви Своей. Сыновья св. Владиміра, просвѣщенные христіанствомъ, отправляясь въ свои удѣлы, брали съ собою священниковъ, созидали храмы и заботились о водвореніи христіанства. Историческія преданія свидѣтельствуютъ, что св. Борисъ содѣйствовалъ утвержденію вѣры въ Ростовѣ, Мстиславъ въ Тмутаракани, Судиславъ въ Псковѣ, Изяславъ въ Полоцкѣ и что св. Глѣбъ нѣсколько разъ, хотя и безуспѣшно, пытался просвѣтить крещеніемъ жителей Мурома.

Ярославъ-Георгій, котораго преп. Несторъ называетъ христіолюбцемъ, а позднѣйшіе историки—великимъ и мудрымъ, сдѣлавшись единоподержавнымъ обладателемъ Россіи, ревностно продолжалъ святое дѣло равноапостольнаго отца своего, употреблялъ всѣ средства къ утвержденію въ Руской землѣ вѣры Христовой, заботился о распространеніи священныхъ и назидательныхъ книгъ, повелѣвая писцамъ своимъ списывать ихъ и предлагать для чтенія всѣмъ желающимъ; создалъ въ Кіевѣ великолѣпный Софійскій соборъ по образцу знаменитаго храма; воздвигнутаго Юстиніаномъ въ Константинополѣ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, и украсилъ его мозаическими картинами и Византійскими фресками ¹⁾. Онъ построилъ еще нѣсколько храмовъ въ разныхъ областяхъ своего обширнаго государства, даже самыхъ отдаленныхъ, какъ, напримѣръ, въ Чудской сторонѣ, гдѣ онъ основалъ гор. Юрьевъ (прежній Дерптъ) съ храмомъ ангела своего, св. великомученика Георгія. Вездѣ, гдѣ могъ, онъ заводилъ училища; любилъ духовенство и иноковъ; ревностно заботился укоренить благочестіе въ собственномъ благословенномъ семействѣ. Супруга его Анна и сынъ Владиміръ прославлены отъ Бога святостію и нетлѣніемъ.

¹⁾ Кіевскій Софійскій соборъ заложенъ въ 1037 году; годъ окончанія и освященія его неизвѣстенъ. День освященія 4-го ноября установлено было праздновать ежегодно. Многіе мозаики и фрески уцѣлѣли до нашего времени.

Святая благовѣрная княгиня Анна, дочь Шведскаго короля Олава, называлась въ язычествѣ Индегердоу, а во святомъ крещеніи наречена Ириною. По кончинѣ супруга она постриглась съ именемъ Анны и скончалась 10 февраля 1050 года.

Святый князь Владиміръ Ярославичъ Новгородскій въ юныхъ лѣтахъ получилъ отъ родителя Новгородское княженіе и княжилъ тамъ 18 лѣтъ. Оставивъ о себѣ незабвенную память сооруженіемъ Софійскаго собора, первой и важнѣйшей святыни Великаго - Новгорода, до-нынѣ уцѣлѣвшей во всей древней красѣ своей, онъ преставился на 33-мъ году отъ рожденія ²⁾ 4-го октября 1052 года и былъ погребенъ въ аспидной (краснаго шифера) гробницѣ, рядомъ съ матерью, блаж. княг. Анною, въ Корсунской паперти Софійскаго собора ³⁾.

Возвратимся къ разсказу о распространеніи христіанства при св. Владимірѣ равноапостольномъ и ближайшихъ его преемникахъ.

На югѣ Россіи, близъ средоточія власти духовной и княжеской, проповѣдь евангельская имѣла наиболѣе успѣха: въ концѣ XI вѣка тамъ было семь епископій ⁴⁾; не только по городамъ, но и по многимъ селеніямъ стояли храмы христіанскіе. Между тѣмъ востокъ Россіи еще мало былъ знакомъ съ христіанствомъ, а въ сѣверовосточныхъ дѣбряхъ и болотахъ еще господствовало язычество; оно держалось тамъ даже и въ началѣ XII вѣка. Святители и смиренные иноки принимали на себя трудный подвигъ просвѣщать свѣтомъ истины грубыхъ язычниковъ.

Въ Новгородѣ, какъ мы уже видѣли выше, дѣло первоначальнаго обращенія народа обошлось не безъ сопротивленія, которое надлежалъ укрощать силою. Окончательное утвержденіе святой вѣры въ Новгородѣ суждено было первому Новгородскому епископу, блаженному Іоакиму. Прибывъ на свою паству, онъ ниспровергъ остальныхъ идоловъ, построилъ деревянный соборный храмъ и при немъ основалъ монастырь, называвшійся Десятиннымъ ⁵⁾. Ревнуя о христіанскомъ про-

²⁾ Новгородскій Софійскій соборъ основанъ въ 1045 году и освященъ 14 сентября 1052 года. Въ алтарѣ его сохранилась мозаика, а въ средней главѣ—изображеніе Спасителя со сжакою рукою; то и другое современно построенію собора. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ—въ книгѣ моей: «Святыни и древности В. Новгорода», стр. 7—64.

³⁾ Нетлѣнныя мощи святыхъ князя и княгини въ 1652 году перенесены Новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ изъ притвора въ соборъ и переложены въ новые деревянные гробы. Впослѣдствіи онѣ переложены въ серебряныя раки: мощи св. княгини Анны—въ 1861 году, а мощи св. князя Владиміра—7-го сентября 1862 года, наканунѣ торжества тысячелѣтія Россіи. Деревянная рака, въ которой нетлѣнные останки блаженнаго князя покоились болѣе 200 лѣтъ, сохранилась совершенно свѣжею, какъ бы новалъ.

⁴⁾ Въ Кіевѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Юрьевѣ, Туровѣ, Переяславлѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и Тмуторакани. Тогда же на сѣверѣ Руси было только три епископа: въ Новгородѣ, Полоцкѣ и Ростовѣ.

⁵⁾ Вѣроятно потому, что въ пользу архіерейской каѳедры собиралась десятина. Впрочемъ этотъ монастырь существовалъ недолго, и послѣдующіе лѣтописцы о немъ не упоминаютъ.

свѣщеніи, онъ поставилъ ученика своего Ефрема въ должность наставника въ училищѣ, куда Ярославъ велѣлъ собрать до 300 дѣтей. Пастырскіе труды блаж. Іоакима продолжались 37 лѣтъ (993—1030)⁶⁾.

Въ области Ростовской, несмотря на ревностные подвиги перваго епископа Θεодора, многіе жители еще не принимали крещенія и были столь упорны и непріязнены къ святителю, что онъ принужденъ былъ покинуть Ростовъ и переселиться въ Суздаль, гдѣ проповѣдь его была успѣшнѣе⁷⁾.

Дикая страна Вятичей оставалась въ язычествѣ до начала XII-го вѣка. Одинъ только изъ древнѣйшихъ городовъ ея Курскъ былъ христіанскимъ городомъ ранѣе прочихъ сосѣднихъ мѣстъ.

Удѣлъ св. Глѣба—Муромъ, также долго упорствовалъ въ язычествѣ, чему способствовало въ особенности то обстоятельство, что послѣ кончины св. Глѣба Муромская область долго оставалась безъ близкаго княжескаго надзора. Первый изъ князей, поселившихся въ Муромѣ, св. Константинъ (Ярославъ) Святославичъ, внукъ Ярослава перваго, отправилъ сына своего князя Михаила для убѣжденія Муромцевъ въ покорности; но язычники убили юнаго князя и выбросили тѣло его изъ города. Когда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ, жители согласились принять его на княженіе, но не захотѣли принимать новой вѣры. Константинъ построилъ первую церковь Благовѣщенія надъ могилою сына своего и однажды, когда Муромскіе язычники вобрались съ оружіемъ, чтобы убить его, выпелъ къ нимъ одинъ съ иконою Богородицы въ рукахъ. Пораженные ужасомъ, язычники пали на землю, едипогласно прося крещенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чудеснаго обращенія весь народъ Муромскій торжественно крещенъ на рѣкѣ Окѣ⁸⁾.

Во многихъ мѣстностяхъ, особенно на сѣверѣ, распространеніе святой вѣры встрѣчало препятствія. Особенно волхвы, друзья невѣжества и чувственныхъ страстей, старались быть подпорою падающаго язычества. Суевѣрія еще долго держались въ народѣ усиліями волхвовъ, пока власть ихъ надъ народомъ не была ослаблена подвигами пастырей Церкви.

Несмотря на препятствія со стороны язычества, христіанство нигдѣ не водворялось такъ мирно, такъ быстро, какъ водворилось въ

⁶⁾ Блаж. Іоакимъ и преемникъ его блаж. Лука, по прозванію «Жидята», первый изъ Русскихъ удостоенный сана епископскаго, мѣстно чтятся въ Новгородѣ. Моши ихъ перенесены въ XVII вѣкѣ въ Золотую или Мартирьевскую паперть Софійскаго собора. Послѣ блаж. Луки сохранилось пастырское поученіе (Ист. Рус. Цер. преосв. Макарія ч. I, стр. 262—263).

⁷⁾ Моши св. Θεодора, перваго епископа Ростовскаго и Суздальскаго, открыто почиваютъ въ Суздальскомъ соборѣ.

⁸⁾ Подробное изслѣдованіе о времени и происхожденіи св. князя Константина можно видѣть въ Ист. Рус. Цер. преосвщ. Филарета, ч. 1, стр. 23—24. Нетлѣнные моши св. кн. Константина и сыновей его Михаила и Θεодора обрѣтены 21 мая 1553 года и положены открыто въ Благовѣщенской церкви монастыря, основаннаго въ то же время по обѣщанію царя Іоанна Грознаго.

Россіи. Сколько борьбы и страданій вытерпѣли исповѣдники имени Христова между Греками и Римлянами! Сколько пролито крови при введеніи христіанства въ разныхъ странахъ западной Европы и въ Америкѣ! Въ Россіи же не было ничего подобнаго. Говорятъ, что Русскій народъ, всегда кроткій и мало испорченный язычествомъ, спокойно принималъ крещеніе изъ покорности къ уважаемому князю и тѣмъ охотнѣе, что въ теченіе ста лѣтъ (отъ Аскольда до Владиміра) привыкалъ видѣть христіанъ близъ себя. Эти причины справедливы; но почему же онѣ не оказали того же вліянія при обращеніи западныхъ Славянъ? Послѣдніе — тотъ же народъ, какъ и Славяне восточные, съ тѣмъ же характеромъ кротости и миролюбія; они жили цѣлое столѣтіе въ сосѣдствѣ западныхъ христіанъ, тогда какъ наши предки съ трехъ сторонъ окружены были язычествомъ. Однако, между западными Славянами латинскіе миссіонеры гибли отъ ярости озлобленнаго народа, который проливалъ кровь за своихъ мнимыхъ боговъ и не хотѣлъ покориться Евангелію.

Значить, мало было одного кроткаго народнаго духа, мало и долговременнаго знакомства съ сосѣдями-христіанами. Что же еще нужно было для мирнаго успѣха святой вѣры?

Необходимо сѣять слово Божіе такъ, какъ сѣяли апостолы Христовы и послѣдователи ихъ — проповѣдники православной восточной Церкви.

Латинскій миссіонеръ приходилъ къ язычникамъ съ огнемъ и мечемъ, съ жестокимъ насиліемъ и корыстолюбивыми притязаніями; проповѣдуя Христа Распятаго, онъ въ то же время проповѣдывалъ царскую власть папы Римскаго. Проповѣдникъ восточный не опоясывался мечемъ, не проливалъ крови, не зажигалъ костровъ; онъ приходилъ не съ войскомъ, а съ картиною Страшнаго Суда, не требовалъ земныхъ выгодъ, не отягчалъ никого новою землею властію.

Латинскій миссіонеръ приносилъ съ собою латинскую Библию, непонятную для народа, къ которому онъ приходилъ. Проповѣдникъ православный приносилъ Священное писаніе въ переводѣ на языкъ того народа, къ которому онъ обращался съ проповѣдью; сила его проповѣди заключалась въ силѣ Слова Божія; вмѣсто него дѣйствовала на душу язычника сама Библия. Такъ было и въ Россіи, для которой уже былъ готовъ переводъ Священныхъ книгъ — трудъ свв. Кирилла и Меодія.

Церковная іерархія и правленіе Церкви со времени крещенія Руси при св. Владимірѣ, были устроены по образцу православной Восточной Церкви. Главный архипастырь — митрополитъ Кіевскій и всей Руси, избирался и поставлялся въ Царьградѣ отъ вселенскаго патріарха, начальствовалъ надъ епископами, но управлялъ Церковію не самовластно, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ сзывалъ епископовъ на совѣтъ. Князья называли его „отцемъ“. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, мирилъ князей, поднималъ ихъ на защиту родной земли, останавливалъ народныя волненія

Къ счастью новопросвѣщенныхъ странъ между первыми митрополитами Кіевскими было нѣсколько лучшихъ богоугодныхъ. Первый свя-

титель и просвѣтитель земли Русской, ревностный подражатель апостоловъ, митрополитъ Михаилъ, скончался въ 982 году. Мощи его прославлены нетлѣвнiемъ ⁹⁾.

Иларіонъ былъ прежде старшимъ священникомъ въ селѣ Берестовѣ, гдѣ былъ лѣтній дворецъ великаго князя и гдѣ, по примѣру отца, любилъ жить Ярославъ, обогащая церковь и причетъ своими дарами. Блаж. Иларіонъ и тогда былъ извѣстенъ великому князю, какъ постникъ, мужъ добродѣтельный и просвѣщенный. Не довольствуясь священническимъ служеніемъ, онъ налагалъ на себя особенные подвиги. Изъ Берестова часто удалялся онъ на сосѣднюю гору, покрытую тогда дремучимъ лѣсомъ, выкопалъ себѣ тамъ пещерку въ двѣ сажени и въ ней предался уединенной молитвѣ и богомыслию, удаляясь отъ шума житейскаго. Такіе подвиги располагали къ нему благочестиваго князя и возвышали его въ общемъ мнѣніи народа. Въ 1051 году Ярославъ собралъ соборъ епископовъ въ Кіевѣ и предложилъ имъ посвятить Иларіона въ санъ митрополита ¹⁰⁾. Тогда въ первый разъ первосвятитель Русскій былъ избранъ и посвященъ соборомъ Русскихъ святителей, по волѣ Русскаго самодержца, и изъ природныхъ Русскихъ; въ первый разъ обнаружилась мысль, что и наша церковь подобно многимъ другимъ можетъ сдѣлаться независимою въ собственномъ управленіи, не нарушая ни каноновъ церковныхъ, ни уваженія къ патріарху Цареградскому. Предъ посвященіемъ, Иларіонъ былъ постриженъ въ монашество ¹¹⁾, а послѣ посвященія испросилъ себѣ благословеніе и утвержденіе Цареградскаго патріарха. О пастырскихъ подвигахъ бл. Иларіона не сохранилось подробныхъ свѣдѣній, но преп. Несторъ замѣчаетъ, что тогда „вѣра христіанская начала плодиться“. Въ правленіе Иларіона развивалось устройство церковнаго богослуженія и приняли изъ Греціи пѣвцы для обученія Русскихъ стройному демественному пѣнію. Тогда же начало процвѣтать Русское духовное просвѣщеніе: самъ Иларіонъ написалъ слово о законѣ и благодати, направленное противъ Іудеевъ, похвалу равноапостольному Владиміру, исповѣданіе вѣры и нравственное наставленіе. Въ его же время положено основаніе лаврѣ Печерской, которая, какъ увидимъ ниже, имѣла большое значеніе въ исторіи Русской

⁹⁾ Мощи св. митрополита Михаила погребены въ Десятинной церкви, обрѣтены нетлѣнными въ 1103 году и тогда же перенесены въ Антоніеву пещеру, а въ 1730 году—въ Великую церковь Печерскую. По Іоакимовой лѣтописи, онъ былъ родомъ изъ Болгаріи южной

¹⁰⁾ Нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, почему Ярославъ не хотѣлъ принять митрополита изъ Константинополя; но можно полагать съ вѣроятностію, что послѣ войны, вѣроломно начатой Греками и оконченной страшною жестокостію—ослѣпленіемъ 800 Русскихъ плѣнныхъ, онъ хотѣлъ порвать единственную нить своей зависимости отъ Греческаго императора, по волѣ котораго, какъ извѣстно, поставлялись Русскіе митрополиты въ Константинополѣ. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что избраніе и посвященіе Иларіона было правильно: по древнимъ правиламъ Церкви, избраніе митрополита предоставлено было епископамъ той области, для которой онъ избирался (Апост. прав.—I-го Ник. соб. прав. IV).

¹¹⁾ Въ исповѣданіи своемъ Иларіонъ говоритъ: «азъ милостію чловѣколюбиваго Бога мнихъ и пресвитеръ Иларіонъ, отъ богочестивыхъ епископъ священъ быхъ...» (Прибавленія къ Твор. св. отцевъ. Т. II, стр. 255).

церкви. Блаж. Иларіонъ преставился около 1067 года, проведя нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ схимѣ, въ пещерномъ монастырѣ. Мощи его нетлѣнно почиваютъ въ пещерахъ преп. Θεодосія ¹²⁾).

Митрополитъ Іоаннъ II, посвященный въ 1080 г. въ Константинополь, заслужилъ имя „добраго“. Современный лѣтописецъ говоритъ о немъ: „подобнаго ему еще не было на Руси, да и не будетъ. Былъ мужъ свѣдущій въ книгахъ, искусный въ ученіи, милостивый къ убогимъ и вдовицамъ, равно ласковый къ богатому и бѣдному, смиренный и молчаливый, владѣвшій даромъ слова и утѣшавшій святыми бесѣдами печальныхъ“.

Ефремъ, скопецъ, любимецъ и казначей великаго князя Изяслава, постриженникъ Печерскій, изучившій впоследствии монашескую жизнь на востокѣ, вынесъ оттуда знаніе устава иноческой жизни и благочинія церковнаго. Возведенный въ санъ епископа Переяславскаго, онъ управлялъ дѣлами митрополіи за болѣзнію митрополита Іоанна III и въ 1090 году называется митрополитомъ, хотя постоянно жилъ въ Переяславлѣ южномъ, укрѣпивъ его каменною стѣною и украсивъ нѣсколькими храмами. Блаж. Ефремъ установилъ празднованіе 10 мая, въ память перенесенія мощей св. Николая Чудотворца изъ Ликии въ Итальянскій городъ Баръ, завелъ въ разныхъ мѣстахъ больницы для безмезднаго пользованія больныхъ и за благодѣянія свои получилъ отъ Господа даръ творить чудеса при жизни и послѣ смерти. Преставился въ первыхъ годахъ XII вѣка и погребенъ въ построенной имъ соборной Архангельской церкви въ Переяславлѣ. Нынѣ мощи его почиваютъ въ Антоніевыхъ пещерахъ.

Епархіи упразднились епископами. Избраніе епископа въ удѣльномъ княжествѣ почти всегда зависѣло отъ князя, который представлялъ избраннаго митрополита для посвященія. Власть епископа, сообразно съ правилами православной Церкви, была чисто духовная. Онъ поставлялъ служителей алтаря, судилъ ихъ и наказывалъ по правиламъ церковнымъ. Епископы призывались на совѣщанія народные, мирили князей въ ихъ распряхъ, и князья не рѣшались на важныя предпріятія безъ благословенія архипастырей. Болѣе другихъ епископовъ участвовалъ въ гражданскомъ управленіи Новгородскій владыка, избираемый (послѣ кончины Ярослава I) народнымъ вѣчемъ съ участіемъ князя, игуменовъ и Софійскаго причта.

Способы содержанія митрополита и епископовъ состояли изъ десятины доходовъ, пожертвованныхъ князьями въ пользу Церкви, изъ судебныхъ пошлинъ и изъ доходовъ съ недвижимыхъ имѣній, по-

¹²⁾ О томъ, что мощи блаж. Иларіона митрополита почиваютъ въ пещерѣ съ именемъ пр. Иларіона схимника, смотри Ист. Русск. Цер. преосв. Филарета, ч. I, стр. 126 и «Сказанія о жизни и подвигахъ св. отцевъ дальнихъ иещеръ Кіевопечерской лавры» игумена Модеста. Во многихъ древнихъ рукописяхъ митрополитъ Иларіонъ называется святымъ, а въ Кіевскомъ каталогѣ Русскихъ архіереевъ сказано о немъ, что онъ «положенъ бысть въ Печерскомъ монастырѣ и крайнія ради его добродѣтели бысть святъ и чудотворецъ предивенъ».

жертвованныхъ въ пользу Церкви ¹³⁾. Эти доходы митрополитъ и епископы употребляли не для себя однихъ, но и на содержаніе соборнаго храма съ его причтомъ, на пропитаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, на пособія потерпѣвшимъ отъ пожара и неурожая, на возобновленіе храмовъ и монастырей. Такъ домъ каждаго святи-теля былъ домомъ призрѣнія всякой нищеты.

Приходскіе храмы иногда обезпечивались пожертвованіями своихъ строителей и благотворителей. Христолюбецъ Ярославъ, поставляя храмы по городамъ и селамъ, давалъ священникамъ „отъ имѣнія сво-его урокъ“, т.-е. опредѣленное жалованье. Общимъ же источникомъ содержанія причтовъ были добровольныя приношенія отъ прихожанъ, какъ это издревле и постоянно существовало въ Церкви Восточной.

Православная Церковь Русская управлялась на основаніи Грече-скаго Номоканона (называвшагося позднѣе Кормчею книгою), прине-сеннаго въ Россію изъ Царяграда вмѣстѣ съ православною вѣрою. Усердіемъ двухъ христіанскихъ князей—равноапостольнаго Владиміра и сына его Ярослава, даны два новые устава, касающіеся церковныхъ дѣлъ, по духу и по существеннымъ основаніямъ совершенно согласные съ древними церковными правилами, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ примѣненные къ особеннымъ потребностямъ православной Церкви сре-ди Русскаго народа ¹⁴⁾.

Церковный уставъ св. Владиміра дошелъ до насъ въ разныхъ спискахъ, болѣе или менѣе пространныхъ и относящихся къ разному времени (отъ XIII до XVII вѣка). Онъ состоитъ изъ трехъ существен-ныхъ частей. Въ первой изъ нихъ говорится о десятинѣ, дарованной великимъ княземъ въ пользу созданной имъ въ Кіевѣ церкви пресв. Богородицы. Во второй части исчисляются предметы суда церковнаго, переданнаго митрополиту и епископамъ, или тѣ преступленія, по ко-торымъ должны подлежать суду Церкви всѣ христіане земли Русской. Къ такимъ преступленіямъ отнесены: 1) дѣла противъ вѣры и право-славной Церкви, какъ-то: суевѣріе, еретичество, колдовство, или вол-шебство, отиравленіе языческихъ обрядовъ, святотатство, оскорбленіе храмовъ и ограбленіе могилъ; 2) дѣла семейныя: похищеніе женъ, всту-пленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства и свойства ¹⁵⁾,

¹³⁾ Начало владѣнія недвижимыми имѣніями относится къ самымъ древнимъ временамъ Русской Церкви; объ нихъ упоминается еще въ уставахъ святаго Владиміра и Ярослава. Для Печерской обители еще при жизни пресв. Θεодосія пожертвованы были помѣстья.

¹⁴⁾ Хотя Номоканонъ былъ положенъ въ основаніи уставовъ Владиміра и Ярослава, но эти послѣдніе разнятся отъ Греческаго Номоканона нѣкоторыми особенностями. Такъ, напр., св. Владиміръ далъ Русскому духовенству десятину, которою не пользовалось духо-венство Греческое. Дѣла о публичныхъ играхъ, о самоубійцахъ, о публичныхъ баняхъ, о рабахъ, отыскивающихъ свободу, о лихоимствѣ, отнесенныя Номоканономъ къ духовному суду, не упомянуты въ Русскихъ церковныхъ уставахъ, а въ Русской Правдѣ Ярослава почти всѣ подчинены суду гражданскому.

¹⁵⁾ Браки были допущены между правнучатыми и далѣе, бракъ между внучатыми считался незаконнымъ и подлежалъ расторженію. Четвертый бракъ былъ безусловно за-прещенъ; третій хотя считался оскверненіемъ, но разрѣшался подъ нѣкоторыми условіями.

ссоры между мужемъ и женою, обличенное прелюбодѣяніе, покинутіе матерью незаконорожденнаго младенца, противоестественные пороки, оскорбленія родителей и тяжбы о наслѣдствѣ. Третья часть заключаетъ въ себѣ исчисленіе лицъ, подлежащихъ вѣдомству Церкви. Здѣсь поименованы: 1) лица служащія Церкви: игумень, попь, діаконъ и тѣ, кто въ клиросѣ (причетники), попадья, цоповичъ, чернецъ, черница и просвирница; 2) лица, принятія подъ покровительство Церкви и получающія содержаніе изъ церковныхъ доходовъ: вдова, слѣпецъ, хромецъ, калѣка, лѣщецъ (врачъ), прощенникъ (получившій чудесное исцѣленіе), прикладень или прикладникъ (человѣкъ, находящійся подъ эпитиміей и потому временно отданный въ вѣдѣніе Церкви), задушный человѣкъ (рабъ, отпущенный на волю по духовному завѣщанію господина), странникъ и паломникъ. Сверхъ того тотъ же уставъ предоставляет, по примѣру Византійскаго законодательства, наблюденію епископовъ городскія вѣсы и всякія мѣрила и воспрещаетъ тѣнамъ, или судьямъ, нарушать церковные суды, или судить ихъ безъ святительскаго намѣстника.

Христоролюбивый Ярославъ, въ дополненіе церковнаго устава, даннаго отцомъ его, далъ свой уставъ по церковнымъ дѣламъ, при митрополитѣ Иларіонѣ, незадолго до своей кончины. Этотъ уставъ, дошедшій до насъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ спискахъ, имѣетъ свои особенности. О нѣкоторыхъ предметахъ, изложенныхъ въ уставѣ св. Владиміра, онъ вовсе не упоминаетъ, какъ-то: о десятинѣ въ пользу Церкви, о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ, о тяжбахъ за наслѣдство. О другихъ предметахъ, напр., о преступленіяхъ семейныхъ и нарушающихъ цѣломудріе, о незаконныхъ бракахъ и разводахъ, о незаконномъ рожденіи дѣтей, въ уставѣ Ярослава говорится гораздо подробнѣе, нежели въ уставѣ св. Владиміра.

Отличительныя черты Ярославова устава состоятъ въ слѣдующемъ: 1) судъ церковный точнѣ отдѣляется отъ свѣтскаго или княжьяго; 2) опредѣляются болѣе яснымъ и точнымъ образомъ степени преступления и виды наказаній—эпитиміи, денежныя пени и градскія казни. Назначеніе послѣднихъ предоставляется князю, — существовавшее различіе уголовнаго суда древней Россіи отъ западной Европы гдѣ явнѣе налагать уголовныя наказанія было предоставлено судьямъ церковнымъ; 3) оставляя неприкосновеннымъ святительскій судъ надъ лицами подвѣдомственными Церкви, Ярославъ исключаетъ изъ этого суда дѣла уголовныя (душегубство и кражу съ поличнымъ) Если кто изъ лицъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Церкви, былъ обвиняемъ въ этихъ дѣлахъ, то подлежалъ суду смѣшанному, т.-е. князьему вмѣстѣ съ церковнымъ.

Церковные уставы Владиміра и Ярослава имѣли повсемѣстное значеніе въ землѣ Русской. Удѣльные князья съ своей стороны дѣлали примѣненія этихъ уставовъ въ своихъ областяхъ, по своему конечно усмотрѣнію.

и. Самовольный разводъ наказывался денежною пенею и сверхъ того княжескимъ судомъ («князь казнить»).

ГЛАВА III.

Начало иночества въ Россіи.—Основаніе Кіевопечерской обители.—Преподобные Антоній и Феодосій.—Сооруженіе и освященіе великой церкви.

Церковныя уставы св. Владиміра и Ярослава упоминаютъ объ игуменахъ, чернецахъ и черницахъ. И дѣйствительно, нѣкоторые монастыри мужскіе и женскіе существовали со времени крещенія Русской земли ¹⁾. Но эти обители, основанныя князьями или епископами при каеэдрахъ, извѣстны почти только по имени и не сдѣлались разсадниками Русскаго иночества, доколѣ не возникла дивная обитель Кіевопечерская.

„Много монастырей,—пишетъ преп. Несторъ лѣтописецъ,—поставлено отъ князей, отъ бояръ и отъ богатства; но не таковы они, какъ вы поставленные слезами, пощепіемъ и молитвою. Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, но все стяжалъ слезами и постомъ“.

Антоній, въ мѣрѣ Антипа, родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, не далеко отъ Чернигова.—Здѣсь понынѣ показывается пещера, въ которой юный Антипа испытывалъ силы свои въ великихъ подвигахъ иночества.—„Богъ положилъ ему на умъ,—говоритъ пр. Несторъ,—желаніе странствовать, и странствуя, достигъ онъ Святой горы (Аѳонской). Здѣсь онъ смотрѣлъ многія обители чудныя и, возжелавъ облещись въ черническія ризы, молилъ игумена одной изъ обителей постричь его; тотъ возложилъ на него монашескій образъ, назвавъ его Антоніемъ, и училъ его монашескому чину“. По примѣру большей части тогдашнихъ черноризцевъ Аѳонскихъ, Антоній избралъ для себя образъ жизни отшельнической. Близъ одного монастыря Аѳонскаго, Есфигмена, въ которомъ онъ принялъ постриженіе, доселѣ показываютъ пещеру, гдѣ началъ свои подвиги первоначальникъ иноковъ Русскихъ. Успѣхи его въ духовной жизни, постоянно возрастающіе, радовали всѣхъ. Тогда игуменъ сказалъ ему: „Антоній, иди опять

---

¹⁾ Преданіе говоритъ, что еще первый митрополитъ Кіевскій св. Михаилъ основалъ въ Кіевѣ монастырь на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ истуканъ Перуна. Первый святитель Новгородскій блаженный Іоакимъ основалъ Десятинный монастырь при Новгородской Софійской церкви. Ярославъ построилъ въ Кіевѣ монастыри: Иринскій и Георгіевскій; были и нѣкоторыя другія обители.

въ Россію, и да будетъ тебѣ благословеніе отъ Святой горы; отъ тебѣ произойдетъ множество черноризцевъ“.

Антоній пришелъ въ Кіевъ (около 1028 года) и, ища себѣ здѣсь мѣста для жительства, обходилъ монастыри, но не захотѣлъ ни въ одномъ изъ нихъ остаться. Затѣмъ началъ ходить по дебрямъ и горамъ, и пришелъ на холмъ, гдѣ существовала уже небольшая пещера, ископанная священникомъ Иларіономъ (впослѣдствіи митрополитомъ). Возлюбивъ это мѣсто, преп. Антоній поселился на немъ и выкопалъ себѣ пещеру при подошвѣ холма, пребывая въ молитвѣ, трудахъ, постѣ и бдѣніи, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью; сухой хлѣбъ и то чрезъ день былъ его пищею; простая вода и то въ мѣру была его питьемъ. Вскорѣ о подвигахъ Антонія узнали люди: одни приносили ему необходимое для жизни; другіе просились къ нему въ сожителство.

Первый поселился при немъ преп. Никонъ, іеромонахъ, которому преп. Антоній поручалъ постригать приходившихъ къ нему впослѣдствіи. Въ 1032 году пришелъ Θεодосій.

Замѣчательна жизнь этого избранника Божія съ самыхъ первыхъ лѣтъ его юности. Родившись въ городѣ Василевѣ (близъ Кіева) и вскорѣ переселившись съ родителями въ Курскъ, Θεодосій, едва началъ приходитъ въ сознаніе и возрастъ, какъ уже обнаружилъ въ себѣ самое благочестивое настроеніе души. Каждый день ходилъ онъ въ церковь и со всѣмъ вниманіемъ слушалъ божественную службу; чуждался дѣтскихъ игръ, не любилъ свѣтлыхъ одеждъ, какія давали ему родители, а облакался въ простыя и убогія; самъ упросилъ родителей отдать его на ученіе книжное къ одному изъ городскихъ учителей и вскорѣ такъ успѣлъ въ знаніи Свящ. Писанія, что всѣ чудились премудрости и разуму мальчика; отличался совершенною скромностію и покорностію не только къ учителю, но и соученикамъ своимъ. На 13-мъ году лишившись отца своего и оставшись подъ надзоромъ матери—женщины строгой и упорной, не сочувствовавшей влеченію сердца его, хотя и пламенно любившей сына, Θεодосій еще болѣе началъ подвизаться. Смирненіе его простиралось до того, что онъ съ рабами своими, въ простой одеждѣ, ходилъ на работы; попрежнему удаллся игра съ сверстниками и не хотѣлъ надѣвать нарядной одежды, несмотря ни на увѣщанія матери, ни даже на сильныя отъ нея побои. Услышавъ о св. мѣстахъ Палестинскихъ и встрѣтивъ странниковъ, которые шли туда, Θεодосій упросилъ ихъ взять его съ собой и тайно отъ матери ушелъ съ ними. Мать догнала его, наказала побоями и нѣсколько времени держала въ оковахъ. Сынъ принужденъ былъ остаться дома и попрежнему часто ходилъ въ церковь. Замѣтивъ, что литургія совершается рѣдко по недостатку просфоръ, онъ сталъ печь просфоры; потомъ возложилъ на себя желѣзныя вериги. Но когда мать замѣтила это по крови на одеждѣ сына, она сорвала съ него вериги.

Но ничто уже не могло удержать юношу отъ стремленія къ по-

движнической жизни. Тайно отъ матери ушелъ онъ въ Кіевъ, обходилъ тамъ всѣ монастыри и, наконецъ, пришелъ къ пр. Антонію, подвизавшемуся въ пещерѣ. Бросившись къ ногамъ отшельника, юноша со слезами умолялъ принять его къ себѣ. „Чадѣ, сказалъ ему Антоній, видишь пещеру мою; она трудна для жизни, мѣсто мое тѣсное. Ты молодъ, не вытерпишь“. Θεодосій отвѣчалъ: „Самъ Богъ привелъ меня къ твоей святынѣ; буду дѣлать все, что ты мнѣ повелишь“. Принятый въ пещеру, Θεодосій, по приказанію Антонія, былъ постриженъ Никономъ и со всѣмъ жаромъ чистой души предался трудамъ подвижничества, такъ что опытные старцы Антоній и Никонъ дивились подвигамъ юноши. Еще разъ надлежало ему вытерпѣть борьбу съ материнскою любовью: мать отыскала его и насильно влекла къ себѣ, но Θεодосій убѣдилъ ее оставить міръ и постричься въ женской обители при церкви св. Николая, на могилѣ Аскольдовой.

Жизнь пещерная была вообще строга. Отшельники питались однимъ ржанымъ хлѣбомъ; въ субботу и въ воскресенье они ѣли сочиво (вареный горохъ или бобы). Чтобы имѣть хлѣбъ, занимались простымъ рукодѣліемъ; продавали его, покупали рожь и, раздѣливъ ее между собою, сами мололи на ручныхъ жерновахъ. По окончаніи утрени и опали землю въ огородѣ; послѣ литургіи трудились въ подземныхъ своихъ кельяхъ. Θεодосій трудился болѣе обоихъ старцевъ. Крѣпкій тѣломъ, онъ бралъ на себя часть ихъ работы: носилъ за нихъ воду, рубилъ дрова, молотъ рожь. Иногда въ знойную ночь, обнаживъ плечи и грудь, онъ отдавалъ тѣло свое въ пищу комарамъ и мошкамъ, кровь текла по немъ, а онъ спокойно пряхъ волну и пѣлъ псалмы. Во храмѣ, устроенномъ въ пещерѣ, являлся онъ прежде другихъ и, ставъ на мѣстѣ, не сходилъ съ него до конца службы.

Тогда, по словамъ преп. Нестора, три свѣтила сіяли въ пещерѣ: Антоній, Никонъ и Θεодосій. Вскорѣ присоединился къ нимъ еще одинъ подвижникъ—преп. Моисей Угринъ (Венгерецъ), родной братъ Георгія и Ефрема, вмѣстѣ съ ними служившій у князя Бориса. Когда св. Борисъ былъ умерщвленъ на рѣкѣ Альтѣ, онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ слугъ князя и скрылся у сестры его, княжны Предиславы. Послѣ того онъ попался въ плѣнъ и отведенъ въ Польшу, гдѣ томился пять лѣтъ въ оковахъ. Крѣпкій тѣломъ и красивый лицомъ, онъ невольно обратилъ на себя вниманіе одной знатной и богатой Польки. Воспламененная страстью, она выкупила его изъ оковъ и вселчески старалась привлечь его къ себѣ. Но напрасно истощала она ласки и угрозы; напрасно заключила его въ темницу и томила голодомъ; напрасно показывала свои богатства и даже предлагала свою руку; напрасно жаловалась на своего невольника королю Болеславу, котораго благоволеніемъ пользовалась: ничто не могло поколебать новаго цѣломудреннаго Юсифа. Давъ Богу обѣтъ быть инокомъ, онъ скорѣ получилъ возможность достигнуть своей цѣли: къ нему пришелъ Аѳонскій черноризецъ и тайно постригъ Моисея.

Узнавъ, что плѣнникъ уже иннокъ, искусительница запылала зло-

бою, велѣла ежедневно бить его палками и, наконецъ, сдѣлать евнухомъ, такъ что страдалецъ, истекая кровью, едва остался живъ; а Болеславъ въ угоду неистойой женщинѣ выгналъ всѣхъ черноризцевъ изъ своихъ владѣній. Судъ Божій не замедлилъ покарать нечестіе и неправду: Болеславъ умеръ внезапно; поднялся мятежъ въ землѣ Ляховъ, много пановъ было избито народомъ и въ числѣ ихъ погибла и та нечестивая Полька, которая мучила цѣломудреннаго Моисея. Это было около 1027 года. Мало-по-малу собравшись съ силами и оправившись отъ жестокихъ страданій, многострадальный Моисей, спустя нѣсколько лѣтъ, пришелъ въ пещеру къ пр. Антонію. Здѣсь провелъ онъ десять лѣтъ въ постѣ и молитвахъ, но постоянно больной и слабый тѣломъ. За великую побѣду надъ нечистою страстью Господь далъ ему власть врачевать эту страсть и въ другихъ. Одинъ братъ, мучимый волненіемъ плоти, пришелъ къ преп. Моисею и просилъ у него помощи. „Во всю жизнь не говори ни съ одной женщиной“, сказалъ мученикъ цѣломудрія, и коснулся тѣла брата своего посохомъ, безъ котораго не могъ ходить отъ прежнихъ терзаній; нечистая страсть утихла и братъ освободился отъ искушенія. Преп. Моисей предугадывалъ блаженную свою кончину ²⁾.

Слава преп. Антонія привлекла въ пещеру его еще двухъ подвижниковъ изъ знатныхъ бояръ. У перваго боярина при великомъ князѣ Изяславѣ (сынѣ Ярослава I) былъ сынъ, который любилъ слушать бесѣду преп. Антонія и его сподвижниковъ и пожелалъ, по примѣру ихъ, отречься міра. Отвергая мірскую пышность, оставивъ жену и домъ отца, онъ просилъ о постриженіи. Антоній напомнилъ ему о важности обѣтовъ иноческихъ, о власти отца, о гнѣвѣ великаго князя. Юноша отвѣчалъ, что готовъ потерпѣть даже мученіе, но не возвратится въ міръ. Тогда Никонъ постригъ его по волѣ Антонія и назвалъ Варлаамомъ.

Въ то же время пришелъ къ дивному старцу другой любимецъ великаго князя, скопецъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Изяслава. По усердной просьбѣ его онъ былъ также постриженъ и названъ Ефремомъ.

Постриженіе этихъ двухъ важныхъ лицъ сильно прогнѣвало Изяслава; онъ потребовалъ къ себѣ Никона, съ гнѣвомъ допрашивалъ его и велѣлъ ему убѣдить новопостриженныхъ воротиться домой, угрожая, въ случаѣ неисполненія его воли, сослать въ заточеніе всѣхъ старцевъ и раскопать пещеру. „Дѣлай, что хочешь,—отвѣчалъ преп. Никонъ,—а я не могу отнимать воиновъ у Царя небеснаго“. Антоній и сподвижники его удалились изъ своей пещеры, съ намѣреніемъ перейти въ другую область. Княжій отрокъ извѣстилъ о томъ князя. Супруга Изяслава, родомъ Польская княжна, вступилась за пещерныхъ иноковъ. „За какое-то дѣло,—говорила она мужу,—король Болеславъ

²⁾ Преп. Моисей преставился еще при жизни преп. Антонія, 26 іюля, вѣроятно, въ 1043 году. Мощи его почиваютъ въ пещерѣ Антоніевой.

изгналъ черноризцевъ и много бѣдъ вышло изъ того въ Польской землѣ“. Изяславъ, убоясь гнѣва Божія, отпустилъ Никона и приказалъ воротить уходившихъ отшельниковъ. Антоній, всегда покорный и смиренный, возвратился въ свою пещеру.

Отецъ Варлаама силою увлекъ его изъ пещеры домой и сорвалъ съ него иноческую одежду. Но юный подвижникъ просидѣлъ три дня молча въ домѣ отца, безъ пищи и питія, желая только одного — возвращенія въ пещеру. Наконецъ, на четвертый день отецъ сжалился надъ сыномъ, опасаясь, чтобы онъ не умеръ голодною смертію, и Варлаамъ съ радостію возвратился въ свою пещеру.

Съ этого времени начало еще болѣе стекаться народа: одни приходили за благословеніемъ отшельниковъ, другіе просили постриженія. А нѣкоторые изъ прежнихъ братій стали оставлять пещеру. Такъ преп. Никонъ удалился въ Тмутаракань и тамъ основалъ Богородицкій монастырь. Другой инокъ, родомъ болгаринъ, постриженникъ монастыря св. Мины, удалился вмѣстѣ съ Никономъ къ Черному морю, и затѣмъ одинъ отправился къ Царыграду, но встрѣтивъ уединенный островъ, поселился на немъ, отчего и островъ долго прозывался Болгариновъ. Третій черноризецъ, преп. Ефремъ, переселился въ одинъ изъ Царыградскихъ монастырей.

По удаленіи Никона, преп. Θεодосій посвященъ въ санъ пресвитерскій и отправлялъ богослуженіе въ пещерной церкви.

Число братій въ пещерѣ простиралось уже до 15 человекъ. Преп. Антоній, любя уединеніе, собралъ братію и сказалъ имъ: „Богъ собралъ васъ сюда, братія, и надъ вами почиваетъ благословеніе св. горы Афонской, данное мнѣ постригимъ меня игуменомъ, а отъ меня перешедшее на васъ. Я назначу вамъ игумена, а самъ пойду въ другое мѣсто жить наединѣ, какъ привыкъ издавна“. Назначивъ первымъ игуменомъ Варлаама, онъ выкопалъ себѣ новую пещеру, которая и понынѣ называется Аптоніевою или Ближнею, въ разстояніи 100 сажень отъ прежней пещеры. Чуждаясь, по глубокому смиренію, власти игуменской и сана іерейскаго и уединяясь въ новой пещерѣ, онъ не переставалъ быть великимъ отцомъ и наставникомъ для всѣхъ учениковъ своихъ; духъ его постоянно пребывалъ съ братією и крѣпкія молитвы его низводили на сердца подвижниковъ благодать небесную, укрѣпляющую ихъ въ жизни духовной. Въ особенныхъ случаяхъ игумень и братія обращались къ нему за совѣтами и наставленіями.

Такъ въ 1057 году преп. Антоній не только одобрилъ желаніе братіи построить монастырь на горѣ, но и послалъ отъ себя къ великому князю съ такою просьбою: „князь мой! Богъ умножаетъ братію, а мѣсто у насъ тѣсное; не подарить ли ты намъ ту гору, что надъ пещерою?“ Изяславъ охотно исполнилъ смиренную просьбу великаго отшельника. На горѣ построили малую деревянную церковь Успенія Богородицы, но братія еще жили въ пещерѣ.

Въ это время великій князь Изяславъ-Дмитрій основалъ въ честь ангела своего монастырь Дмитріевскій, украсилъ его великолѣпно и

думая возвысить новую обитель надъ Печерскою при помощи богатства, взявъ туда въ игумены Варлаама ³⁾).

Тогда братія выбрали на игуменство преп. Феодосія, и св. Антоній утвердилъ избраніе. Первымъ дѣломъ новаго игумена было устройство нагорнаго монастыря, недоконченное предмѣстникомъ его Варлаамомъ: Феодосій построилъ болѣе обширный деревянный храмъ, окружилъ его кельями и оградилъ тыномъ. Принявъ начальство надъ братіей, онъ не перемѣнилъ своего смиренія и образа жизни: на труды и на службу церковную выходилъ прежде всѣхъ. Онъ не отвергалъ никого изъ тѣхъ, кто желалъ быть черноризцемъ, ни бѣднаго, ни богатаго, но постригалъ не вдругъ, а прежде испытывалъ во всѣхъ послушаніяхъ.

Окончательно устроивъ братію на новомъ мѣстѣ, бдительный игумень сталъ вводить въ Печерскій монастырь (около 1062 года) порядокъ общежительнаго житія по уставу Студійскому, принесенному изъ Цареградскаго монастыря преп. Феодора Студита блаженнымъ Ефремомъ скопцомъ ⁴⁾. Этотъ уставъ перешелъ изъ Печерскаго монастыря во всѣ прочія Русскія обители, а потому преп. Феодосій называется „начальникомъ общаго житія монашескаго въ Россіи“ и Киевопечерскій монастырь „старѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей Русскихъ“.

Такъ, кромѣ игумена, явились и другія подчиненныя ему должностныя лица. Такъ domestikъ, или уставщикъ распоряжался пѣніемъ и чтеніемъ въ церкви. Церковные строители (пономари) завѣдывали церковнымъ виномъ, елеемъ для лампадъ и звономъ. Эконому поручена была казна и все монастырское имущество. Келарь имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи братскую трапезу, просфорню и всѣ съѣстные припасы. Ключнику, помощнику келаря, ввѣрены были ключи отъ погребовъ. Начальникъ хлѣбопековъ завѣдывалъ пекарнею. Вратарь находился постоянно при вратахъ обители.

Братія раздѣлялась на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили въ мірской одеждѣ; другіе хотя еще и не были пострижены, но ходили въ монашеской одеждѣ; третьи были уже пострижены и носили мантию; четвертые были облечены въ великую схиму.

Все въ обители совершалось не иначе, какъ съ благословенія игумена, и освящалось молитвою. Въ келіяхъ не позволялось братіи держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды, ни какого-либо другаго имущества. Келейныя занятія состояли въ молитвѣ, чтеніи и пѣніи псалмовъ и рукодѣліи. Послѣ повечерія запрещено было инокамъ ходить другъ къ другу и бесѣдовать между собою. Для наблюденія за всѣмъ этимъ преп. Феодосій имѣлъ обычай

³⁾ Теперь не могутъ даже указать мѣста, гдѣ стоялъ Димитріевскій монастырь; нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ построенъ на крутомъ бугрѣ, гдѣ теперь лютеранская кирка.

⁴⁾ Это тотъ самый Ефремъ, впоследствии епископъ Переяславскій, о которомъ мы упоминали прежде, исчисляя первыхъ митрополитовъ Киевскихъ.

каждую ночь обходить всё келіи, и если слышалъ въ келіи молитву инока, то благодарилъ Бога, если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, то ударялъ рукою въ двери келіи и отходилъ, а на утро призывалъ виновныхъ и обличалъ: раскаявающихся прощалъ, а на другихъ налагалъ эпитиміи. Для отдохновенія братіи, проводившей въ богослуженіи большую часть ночи и все утро, назначалось полуденное время, а потому ворота монастырскія запирались тотчасъ послѣ обѣда и не отворялись до вечерни.

Преп. Θεодосій съ величайшею заботливостью и любовью слѣдилъ за духовнымъ развитіемъ своей братіи, и не упускалъ случая подать каждому приличное наставленіе. Когда онъ поучалъ, то говорилъ тихо, смиренно, какъ бы умоляя того, къ кому обращался; когда обличалъ виновнаго, слезы текли изъ глазъ его. Если кто изъ братіи подвергался искушеніямъ отъ злыхъ духовъ, онъ призывалъ его, убѣждалъ не ослабѣвать въ борьбѣ, указывалъ на опыты подвижниковъ и подкрѣплялъ искушаемаго силою своей молитвы.

Но не столько правилами устава и устными паставленіями руководилъ свою братію богомудрый игумень, сколько примѣромъ своей святой, высокой, истинно-подвижнической жизни. За братской трапезою онъ вкушалъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла; не пилъ ничего кромѣ воды; одежду носилъ ветхую и худую, а подъ нею колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но послѣ по-вечерія засыпалъ сидя. Часто проводилъ онъ ночи безъ сна, въ молитвѣ за себя и за обитель, что много разъ замѣчали церковные будильники, слыша плачь его и звукъ земныхъ поклоновъ, когда приходили за благословеніемъ къ утренѣ. Когда наступалъ великій постъ, онъ удалялся въ пещеру, извѣстную доннѣ подъ именемъ Θεодосіевой или Дальней, а иногда переходилъ изъ нея въ другую, близъ монастырскаго села; возвращался въ обитель наканунѣ Лазаревой субботы. Въ свободное время онъ самъ трудился въ пекарнѣ, рубилъ дрова и носилъ воду.

Смиреніе преп. Θεодосія было изумительно. Однажды онъ замедлил до вечера у великаго князя Изяслава, гдѣ-то далеко отъ города. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти его въ обитель. Слуга, видя инока въ худой одеждѣ, сказалъ ему дорогою: „ты, чернецъ, всегда празденъ, а я живу въ хлопотахъ и трудѣ; дай мнѣ отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь“. Преподобный обмѣнялся мѣстомъ съ слугою и цѣлую ночь то ѣхалъ верхомъ, то шель подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло, вельможи, ѣхавшіе къ великому князю, при встрѣчѣ съ Θεодосіемъ слѣзали съ коней и кланялись ему. Слуга испугался, но смиренный игумень успокоилъ его и угостилъ въ обители. Столько же замѣчательно было и милосердіе преп. Θεодосія. Онъ былъ заступникомъ притѣсняемыхъ и обиженныхъ. Особенно же любилъ онъ бѣдныхъ. Для нихъ построилъ онъ при монастырѣ особый дворъ и отдѣлялъ имъ десятую часть монастырскихъ доходовъ. Каждую субботу отсылалъ онъ возъ хлѣбовъ въ

темницы. Однажды привели къ нему воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ. Увидѣвъ ихъ связанными, преподобный заплакалъ, велѣлъ развязать и накормить ихъ; потомъ, давъ имъ наставленіе не обижать другихъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отпустилъ съ миромъ.

По свидѣтельству преп. Нестора, Θεодосій поучалъ братію въ церкви духовными словами: „молю васъ, братія, говорилъ онъ инокамъ, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Попечемся о спасеніи душъ нашихъ; возвратимся отъ злобы и отъ путей грѣха, каковы: любодѣяніе, татьба, клевета, празднословіе, пьянство, обьяденіе, неприязнь къ брату. Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покорностію, послушаніемъ. Назвавшись чернецами, должны мы каждый день каяться о своихъ грѣхахъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ Богу; онъ есть ключъ къ царству; безъ него никому нельзя войти въ царство небесное“⁵⁾.

Сила вѣры преподобнаго игумена обнаружилась во многихъ благодатныхъ опытахъ. Собравъ множество иноковъ, онъ не любилъ собирать запасы для обители, но заботился прежде всего о спасеніи душъ и во всемъ возлагалъ упованіе на Бога. Когда недоставало хлѣба и другихъ припасовъ для братской трапезы и угощенія приходящихъ, или вина и елея для церковной службы, то до молитвѣ Θεодосія все являлось въ свое время; иногда благодѣтели монастыря съ избыткомъ доставляли то, что было на этотъ разъ нужно; иногда пустые закромы оказывались полными.

Въ обращеніи съ князьями и вельможами преп. Θεодосій оказывалъ то же смиреніе, простоту и любовь къ правдѣ, безъ всякаго лицепріятія, какъ и въ обращеніи съ простымъ народомъ, который всегда находилъ въ немъ помощника и покровителя. Великій князь Изяславъ, весьма любившій добродѣтельныхъ иноковъ, по примѣру христіюлюбиваго родителя своего Ярослава I, нерѣдко посѣщалъ преп. Θεодосія и съ любовію слушалъ его наставленія, почитая святого старца какъ отца. Онъ никогда не позволялъ себѣ вѣзжать въ монастырь на конѣ и не бралъ съ собою многочисленной свиты. Однажды Изяславъ пришелъ въ обитель во время послѣобѣденнаго отдыха братіи, когда Θεодосій запрещалъ впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноковъ; привратникъ хотя и узналъ князя, но не смѣлъ впустить его, не доложивъ Θεодосію. Изяславъ у воротъ дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостію устава монастырскаго, но еще болѣе полюбилъ Θεодосія. Изяславу поправилась брашна монастырская. Онъ спрашивалъ: отчего его брашна, которая гораздо дороже, не такъ сладки? „Оттого,—отвѣчалъ Θεодосій,—что здѣсь братія все готовитъ съ молитвою и благословеніемъ, а твои рабы ссорятся,

⁵⁾ Въ одной рукописи отысканы шесть поученій преп. Θεодосія; всѣ они кратки, дышатъ кротостію, простотою и силою духа. Извѣстны еще два посланія его къ Изяславу и замѣчательно слово о «казняхъ», сказанное послѣ несчастной битвы съ Половцами въ 1067 г.

клянуть другъ друга и получаютъ побои отъ приставниковъ, когда готовятъ тебѣ трапезу. У насъ, когда хотятъ что-нибудь варить, или печь хлѣбы, пекарь беретъ сначала благословеніе у игумена, потомъ кладетъ три земныхъ поклона предъ алтаремъ и, зажегши свѣчу отъ святаго алтаря, разводитъ огонь; вливая воду въ котель, онъ говоритъ: благослови, отче! Принявъ благословеніе, онъ начинаетъ свое дѣло“.

Когда, послѣ неудачнаго похода на Половецъ въ 1067 году, Святославъ и Всеволодъ, братья Изяслава, изгнали его изъ Кіева, Θεодосій долго отказывался имѣть общеніе съ Святославомъ и никогда не переставалъ устно и письменно обличать его въ незаконномъ поступкѣ. Въ церковныхъ молитвахъ онъ поминалъ одно только имя Изяслава и только по усиленной просьбѣ братіи согласился, вслѣдъ за именемъ законнаго князя, помянуть имя Святослава за любовь его къ церкви. Святославъ смиренно выслушивалъ обличенія отъ святаго старца и приглашалъ его въ свой дворецъ. Однажды Θεодосій пришелъ къ Святославу во время пиршества; гѣсни и музыка оглашали дворецъ княжескій. Θεодосій сѣлъ поодаль, опустивъ глаза въ землю, и потомъ, взглянувъ на князя, сказалъ: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ Святославъ прослезился и велѣлъ прекратить игры. Послѣ уже всегда умолкали игры въ палатахъ князя, когда возвѣщали о приходѣ Θεодосія. „Если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, — говорилъ Святославъ Θεодосію, — я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу“.

Несчастливая битва съ Половцами на рѣкѣ Альтѣ, послѣ которой Изяславъ лишился великокняжескаго престола, была предсказана пр. Антоніемъ князьямъ, пришедшимъ къ нему за благословеніемъ. Военачальникъ, варягъ Шимонъ (въ крещеніи Симонъ), другъ пр. Θεодосія, утраченный предсказаніемъ святаго отшельника, палъ къ ногамъ его и молилъ, чтобы не погибнуть ему въ битвѣ; блаженный старецъ сказалъ ему: „многіе падутъ отъ меча, преслѣдуемые врагами; но ты, сынъ мой, останешься живъ и будешь положенъ въ томъ храмѣ, который здѣсь воздвигнется“. И дѣйствительно, Симонъ чудесно уцѣлѣлъ въ кровопролитной битвѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанный Изяславъ возвратился въ Кіевъ и началъ гнѣваться на преп. Антонія за общеніе его съ Всеславомъ Полоцкимъ, который при Изяславѣ содержался въ темницѣ, а по изгнаніи его былъ возведенъ Кіевлянами на престолъ. Услышавъ о неудовольствіяхъ противъ Антонія, князь Черниговскій Святославъ взялъ его къ себѣ въ Елецкій монастырь, не задолго передъ тѣмъ основанный на мѣстѣ явленія иконы Богородицы на ели. Преп. Антонію особенно понравилась Болдина гора, покрытая густымъ лѣсомъ, и онъ выкопалъ въ ней себѣ пещеру. Скоро собрались къ нему иноки ⁶⁾. Такъ смиренный старецъ и самое гоненіе обратилъ въ славу Божию.

⁶⁾ Елецкій Успенскій Черниговскій монастырь находится близъ Чернигова въ Болдиныхъ горахъ. Тамъ находится Елецкая икона Богородицы, явившаяся на ели въ 1060 году.

Возвратясь въ свою Кіевскую пещеру, по просьбѣ великаго князя, который скоро почувствовалъ, что согрѣшилъ предъ человѣкомъ Божимъ, преп. Антоній былъ награжденъ небесною славою за земное униженіе. Къ нему пришли изъ Царяграда четверо зодчихъ, нанятыхъ въ чудномъ видѣніи самую Царицею небесною во Влахеріѣ для построенія Ей церкви въ Кіевѣ. Царица повелѣла имъ идти къ Антонію и Θεодосію, которыхъ указала имъ въ видѣніи, сказавъ: „этотъ Антоній только благословить васъ на трудъ и отойдетъ на вѣчный покой; на другой годъ послѣдуетъ за нимъ Θεодосій“. Окончивъ рассказъ, зодчіе спросили: гдѣ же намъ строить церковь? Антоній сказалъ: подождите три дня. Затѣмъ обратился онъ къ Богу съ пламенною молитвою и испросилъ чудесное указаніе мѣста для храма. — По молитвѣ его въ одну ночь на избранномъ мѣстѣ было сухо, а всѣ окрестности покрыты были росой; въ другую ночь, одно оно оросилось, тогда какъ прочія мѣста были сухи. Благословеніе мѣста для Великой Печерской церкви было послѣднимъ земнымъ дѣломъ дивнаго Антонія. На 90-мъ году своей многотрудной жизни, 7 мая 1073 года, онъ мирно предалъ духъ свой Господу 7).

По кончинѣ преп. Антонія, вскорѣ послѣдовала закладка новаго храма на предназначенномъ мѣстѣ. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарилъ ее монастырю и самъ первый началъ копать ровъ для основанія храма.

Наконецъ и преп. Θεодосій приблизился ко дню блаженнаго упокоенія. Онъ велѣлъ собрать всю братію, находившуюся на послушаніяхъ въ селахъ и другихъ мѣстахъ. Когда всѣ собрались, онъ училъ братію со слезами спасенію души и богоугодной жизни, пощенію, усердію къ церкви, братолюбію и покорности. Вскорѣ замѣтили, что блаженный игуменъ лежалъ въ сильномъ лихорадочномъ изнеможеніи: то томилъ его холодъ, то огонь сильно жегъ его, такъ что не могъ онъ говорить. Въ продолженіе трехъ дней былъ онъ въ такомъ положеніи, что думали, не умеръ ли онъ. Затѣмъ всталъ онъ и сказалъ: „братіи и отцы! вотъ я знаю, что время жизни моей оканчивается, какъ открылъ мнѣ Господь еще во время поста въ пещерѣ“. Благословивъ избраннаго братією игумена и простившись со всѣми, онъ легъ въ постель, взглянулъ на небо и съ веселымъ лицомъ громко сказалъ: „благословенъ Богъ! если такъ, то я уже не боюсь, а съ радостію отхожу изъ сего свѣта“. Затѣмъ онъ предалъ духъ свой Господу, 3 мая 1074 года, 65 лѣтъ отъ роду. Мощи преп. Θεодосія погребены были въ пещерѣ.

Незабвенны заслуги преп. Θεодосія для Русскаго монашества и вообще для Русской Церкви. Онъ первый ввелъ въ своей обители общежительный уставъ, и своимъ мудрымъ правленіемъ, своей святою жизнію онъ далъ новую силу этому уставу, доставилъ ему такое ува-

7) Мощи преп. Антонія почиваютъ подъ слудомъ въ той пещерѣ, гдѣ онъ подвизался. То глубокое смиреніе, которое онъ хранилъ во всю земную жизнь свою, сокрываетъ его отъ славы человѣческой и за гробомъ («Русскіе Святые», май, стр. 76).

женіе, что его стали вводить во всѣхъ монастыряхъ Русскихъ. Духъ благочестія и подвижничества, укоренившійся при преп. Θεодосіи, крѣпко держался и при его преемникахъ. Печерскій монастырь былъ сонмомъ святыхъ подвижниковъ, украшенныхъ различными дарованіями духовными, и разсадникомъ усердныхъ дѣлателей вертограда Церкви во всѣхъ краяхъ Русской земли. „Радуйся, насадитель винограда Христова,—такъ взываетъ къ Θεодосію составитель похвальнаго ему слова, — ибо простерлись вѣтви до моря, и отрасли его до великихъ рѣкъ. Нѣтъ страны, ни мѣста, куда не проникли бы отпрыски отъ виноградной лозы св. Θεодосія“.

Строеніе храма, начатое при разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, продолжалось въ краткое время игуменства преп. Стефана, который вскорѣ долженъ былъ, по неудовольствіямъ съ братією, оставить обитель и основалъ вблизи ея новый монастырь Кловскій, или Влахернскій, а въ послѣдствіи былъ епископомъ во Владимірѣ Волынскомъ⁸⁾. Послѣ него былъ четвертымъ игуменомъ преп. Никонъ, собесѣдникъ и первый ученикъ великаго Антонія, присный другъ преп. Θεодосія, который поручалъ ему братію, когда временно удалялся изъ обители. Въ 1083 году пришли къ игумену Никону иконописцы изъ Царяграда, чудесно нанятые въ видѣніи почившими первоначальникамъ Печерской обители—Аптоніемъ и Θεодосіемъ, и принесли съ собою чудотворную икону Успенія Божіей Матери, которая и доныпѣ остается драгоцѣннѣйшею святынею Печерской лавры⁹⁾. Тогда же Греческіе купцы привезли мозаику на украшеніе церкви. Но преп. Никонъ не дожидилъ до освященія храма¹⁰⁾. При пріемникѣ его, игуменѣ Іоаннѣ, 14 августа 1089 года великая церковь Печерская была освящена митрополитомъ Іоанномъ съ епископами: Іоанномъ Черниговскимъ, Исаією Ростовскимъ, Лукою Бѣлоградскимъ и Аптоніемъ Юрьевскимъ.

Красота и великолѣпіе этого храма изумляли современниковъ. Внутренность его блистала золотомъ и мозаикою и привлекала взоры иконною живописью. Помость устроена была мозаически изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, расположенныхъ красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крестъ, поставленный на главномъ куполѣ, былъ выкованъ изъ чистаго золота; современники называли Печерскую церковь „небеси подобною“ и говорили, что она составляетъ славу и украшеніе всей земли Русской.

Когда Великая церковь была освящена, игуменъ и братія Печерскаго монастыря рѣшили перенести въ нее мощи преп. Θεодосія. Преподобному Нестору, лѣтописцу, поручено было выкопать мощи.

⁸⁾ Св. Стефанъ, въ санѣ епископа, былъ при перенесеніи мощей преп. Θεодосія; преставился 27 апрѣля 1094 года.

⁹⁾ Эта чудотворная икона въ настоящее время привѣшена надъ царскими вратами Великой церкви Печерской. Она покрыта золотою ризою, осыпанною множествомъ дорогихъ камней, и вставлена въ серебряный, вызолоченный кругъ.

¹⁰⁾ Преп. Никонъ преставился 23 марта 1088 года. Мощи его почиваютъ въ пещерѣ преп. Антонія.

Онѣ оказались совершенно нетлѣнными, составы не распались и только волосы присохли на головѣ; на слѣдующій день собрались бывшіе въ Кіевѣ епископы, пришли игумены всѣхъ монастырей съ черноризцами и множество народа. Святая мощи перенесены были въ Великую церковь и поставлены въ притворѣ, 14 августа 1091 года ¹¹⁾

Прославленіе имени преп. Феодосія довершено въ 1108 году причисленіемъ его къ лику святыхъ, при митрополитѣ Никифорѣ. Тогда же начали праздновать какъ день преставленія блаж. первоначальника монашескаго житія, такъ и день перенесенія мощей его.

„Приидите всѣ вѣрные,—зываетъ св. Церковь, празднуя память преп. Феодосія,—воспоемъ богоносныхъ отцевъ, которыхъ прославилъ Христосъ Богъ нашъ. Воззовемъ къ нимъ голосомъ радости и чистой совѣсти: Радуйся, ангель земный и человѣкъ небесный, Антоній преблаженный! Радуйся, восточная звѣзда златозарная, отецъ нашъ Феодосій, свѣтило и пастырь монашествующихъ! Радуйтесь, похвала наша, помощники и утѣшители вселенной, водворяясь съ ангелами во свѣтѣ Пресвятой Троицы! Молите Господа, чтобы избавилъ насъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и отъ всякой бѣды и напасти!“ ¹²⁾

---

¹¹⁾ Со времени татарскаго нашествія и разоренія Кіева мощи преп. Феодосія пребываютъ скрытыми въ основаніи Великой церкви, а на томъ мѣстѣ притвора, гдѣ онѣ прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряною вызолоченною доскою съ изображеніемъ преподобнаго («Кіевскія пещеры и Лавра»).

¹²⁾ Стихира изъ службы преп. Феодосію. Мѣсячная минея подъ 3 числомъ мая.

Г Л А В А IV.

Подвижники Печерской обители: затворники, претерпѣвшіе искушеніе духовной гордости, похоти плотской и сребролюбія; образцы добродѣтелей и служенія ближнимъ; проповѣдники вѣры Христовой.— Распространеніе христіанства въ Ростовской области и вообще на сѣверныхъ окраинахъ Русской земли.

Ученики преп. Феодосія, достойные великаго наставника, были сильны духомъ для подвиговъ духовныхъ. „Господь собралъ такихъ черноризцевъ въ обители Пречистой Матери Своей, что они сіяли добродѣтелями, какъ звѣзды, въ землѣ Русской. Одни крѣпки были въ постѣ, другіе въ бдѣніи или въ колѣнопреклоненіи; иные постились черезъ день или черезъ два дня; другіе вкушали только хлѣбъ съ водою; иные вареную зелень, а другіе и невареную. Всѣ же пребывали въ любви. Младшіе покорялись старшимъ, не смѣя говорить предъ ними иначе, какъ съ покорностію и послушаніемъ великимъ. А старшіе имѣли любовь къ младшимъ, наставляя ихъ, какъ дѣтей любезныхъ. Если кто впадалъ въ какое-либо согрѣшеніе, его утѣшали съ кротостію, и трое или четверо по любви дѣлили эпитимію одного. Если братъ выходилъ изъ монастыря, всѣ братія скорбѣли о томъ, посылали за нимъ и просили возвратиться въ монастырь. И когда приходилъ, всѣ шли къ игумену, кланялись и умоляли игумена. И потомъ съ радостію принимали брата. Такова была божественная любовь, таковы смиреніе и воздержаніе въ святомъ братствѣ. И по смерти сіяютъ преподобные, какъ неугасающая свѣча, различными чудесами и молятъ за насъ Бога“ ¹⁾.

Самый трудный и самый опасный видъ иноческой жизни—затворничество. Въ Печерской обители было нѣсколько затворниковъ. Они доказали своимъ примѣромъ, что не можетъ быть такого искушенія, котораго бы не вынесли силы человѣческія, укрѣпляемая незримою силою Божіею. Преп. Исаакій былъ богатый купецъ Торопецкій. Пожелавъ жизни иноческой, онъ роздалъ все свое имѣніе и пришелъ въ пещеру къ преп. Антонію, прося постриженія. Антоній принялъ его и

---

1) Преп. Несторъ въ Лѣтописи.

постригъ. Исаакій наложилъ на себя тяжелые подвиги: надѣлъ власяницу и сверхъ ея покрылся сырой козлиной кожей, которая на немъ высохла, затворился въ тѣсной пещерѣ и молился Богу со слезами. Пища его была просфора и то черезъ день; воду пилъ онъ въ мѣру. Антоній приносилъ ему то и другое, подавая въ малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лѣтъ провелъ онъ въ такихъ подвигахъ, не выходилъ изъ затвора, не ложился на бокъ, но только сидя засыпалъ не надолго. Съ вечера до полуночи онъ пѣлъ псалмы и клалъ поклоны. Однажды онъ сѣлъ отдохнуть послѣ ночныхъ поклоновъ. Внезапно пещера озарилась яркимъ свѣтомъ. Взошли два свѣтлые юноши. Исаакій,—сказали они,—мы ангелы, и вотъ идетъ къ тебѣ Христосъ—поклонись ему. Обольщенный затворникъ, не оградивъ себя ни крестнымъ знаменіемъ, ни сознаниемъ своего недостойнства, поклонился до земли бѣсовскому дѣйствію, какъ самому Христу. Бѣсы воскликнули: ты нашъ, Исаакій, пляши съ нами! Они подхватили его, начали имъ играть и оставили полумертвымъ. На утро Антоніи, по обычаю, подошелъ къ окошку и сотворилъ молитву; отвѣта не было. Великій старецъ подумалъ, что затворникъ уже преставился; откопали пещеру и вынесли его какъ мертвеца, но тутъ замѣтили, что онъ еще дышитъ. Опытные въ духовной жизни старцы узнали дѣло бѣсовъ. Во время болѣзни ходилъ за нимъ сначала преп. Антоній; потомъ Ѳеодосій взялъ больного къ себѣ въ келью и служилъ ему. Исаакій былъ въ такомъ разслабленіи, что не могъ не только встать или сѣсть, но даже оборотиться съ одного бока на другой. Два года пролежалъ онъ, ничего не вкушая, лишешный языка и слуха. Денно и ношно молился о немъ Ѳеодосій. Наконецъ, на третій годъ, Исаакій проговорилъ, началъ слышать и, какъ младенецъ, сталъ учиться ходить. Насильно приводили его въ церковь, потомъ приучали ходить въ трапезу. Но хотя и лежалъ предъ нимъ хлѣбъ, онъ не дотрогивался до него, если кто изъ братіи не положитъ въ руки. Потомъ Ѳеодосій велѣлъ, чтобы онъ самъ приучался брать хлѣбъ; такимъ образомъ, мало-по-малу, Исаакій оправился отъ страшнаго потрясенія, произведеннаго въ немъ нападеніемъ бѣсовскимъ. Онъ опять началъ вести строгую жизнь. Испушенный въ затворѣ, подвижникъ не захотѣлъ уже идти опять въ пещеру, но надѣлъ власяницу и началъ помогать поворамъ въ кухнѣ. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ церковь и стоялъ неподвижно. Во время зимы ходилъ онъ въ протоптанныхъ черевьяхъ, такъ что ноги примерзали къ землѣ, но онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ до конца службы. Послѣ заутрени уходилъ въ поварню, приготовлялъ воду и дрова, разводилъ огонь. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ юродивымъ. Укрѣпившись въ силахъ духовныхъ, онъ снова вошелъ въ прежнюю пещеру и выдержалъ много нападений отъ злыхъ духовъ, которые являлись къ нему въ видѣ лютыхъ звѣрей и гадовъ. „Побѣдилъ ты насъ“, сказали наконецъ бѣсы. „Вы побѣдили меня прежде,—отвѣчалъ имъ Исаакій,—когда пришли въ образѣ Христа моего и ангеловъ. Теперь, въ подлинно своемъ видѣ, вы мнѣ не страшны, вы

точно гадки и злы“. Еще много лѣтъ провелъ онъ въ подвигахъ воздержанія, поста и бдѣнія до блаженной кончины своей ²⁾).

Тому же искушенію духовной гордости подвергся и другой затворникъ—Никита, постриженный при игуменѣ Никонѣ. Желая славы предъ людьми и избирая великое дѣло подвижничества не для Бога, онъ просилъ у старца дозволенія идти въ затворъ. Игуменъ не позволялъ ему. „Чадо! ты молодежь,—говорилъ онъ,—и потому не полезно для тебя сидѣть празднымъ; лучше тебѣ трудиться вмѣстѣ съ братьями и ты не потеряешь твоей награды; самъ ты видѣлъ брата нашего Исаакія, какъ онъ прельщенъ былъ; только великая благодать Божія спасла его и онъ творить нынѣ чудеса“. Никита отвѣчалъ: никогда не соблазнюсь я такою вещію, а прошу у Господа, дабы далъ мнѣ даръ чудотворенія. „Выше силъ твоихъ прошеніе твое,—сказалъ Никонъ;—остерегись, братъ, чтобы вознесишься не упасть. Смиреніе наше приказываетъ тебѣ служить братіи“. Никита настоялъ на своемъ, и тайная гордость его привлекла къ нему отца гордости. Явившійся въ видѣ ангела онъ далъ ему совѣтъ оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принялъ молиться за него и молился въ виду его. Скоро сталъ Никита прозорливымъ и учительнымъ. Онъ послалъ сказать Изяславу: „нынѣ убить Глѣбъ Святославичъ въ Заволочѣ, пошли скорѣе сына твоего Святополка на Новгородскій престолъ“. Какъ сказалъ онъ, такъ и исполнилось: князь Глѣбъ точно былъ убитъ 1078 г. мая 30 дня. Это оправдавшееся прозрѣніе обратило вниманіе всѣхъ на Никиту: князья и бояре стали приходять къ нему, чтобы слушать наставленія его и предсказанія. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ знаніи книгъ ветхаго Завѣта; онъ зналъ ихъ на память, но книгъ Новаго Завѣта онъ чуждался. По этой послѣдней странности поняли, что онъ обольщенъ. Любовь отцовъ не могла быть равнодушною къ несчастію брата. Игуменъ и подвижники Печерскіе пришли къ прельщенному брату и, помолвившись, отогнали отъ него бѣса. Они вывели его изъ затвора и спрашивали о ветхомъ законѣ, желая что-нибудь услышать отъ него. Но онъ съ клятвою увѣрялъ, что никогда не читалъ книгъ. Тотъ, который прежде зналъ на память всѣ ветхозавѣтныя книги, теперь не зналъ ни слова, и отцы едва научили его грамотѣ. Съ того времени онъ посвятилъ себя посту и чистому, смиренному, послушливому житію, такъ что превзошелъ добродѣтелями другихъ подвижниковъ. Въ 1096 году онъ избранъ и посвященъ въ санъ епископа Великаго-Новгорода, гдѣ однажды во время пожара молитвою угасилъ пламя, а въ сильную засуху испросилъ дождь на жаждущую землю. Послѣ тридцатилѣтняго святительства блаженный пастырь скончался 30 января 1108 года и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ ³⁾).

²⁾ Вторичные труды преп. Исаакія въ затворѣ продолжались до 20 лѣтъ, такъ что преставленіе его должно полагать около 1090 года. Мощи его почиваютъ въ пещерахъ преп. Антонія.

³⁾ Память св. Никиты начали почитать съ XIII вѣка; мощи его открыты въ 1553 году (Святѣни и древности В. Новгорода, стр. 23—26).

Преп. Іоаннъ многострадальный представляет собою примѣръ тяжкой борьбы съ плотскою похотью и славной побѣды надъ нею, при совокупномъ дѣйствіи твердой воли подвижника и благодати небесной. „Послушай,—говоритъ Іоаннъ одному брату, страдавшему униженіемъ отъ борьбы съ нечистыми помыслами,—я расскажу тебѣ, что было со мною. Отъ самой юности много я страдалъ, мучимый похотію плоти, и не знаю, чего не дѣлалъ я для своего спасенія. По два и по три дня пребывалъ я безъ пищи, часто и по цѣлой недѣлѣ не ѣлъ ничего, томилъ себя жаждою, носилъ на себѣ вериги. Въ такомъ страданіи провелъ я три года и все не находилъ желаннаго покоя. Я пошелъ въ пещеру, гдѣ лежалъ отецъ нашъ Антоній, и пробылъ тутъ день и ночь, молясь предъ его гробомъ. Тогда услышалъ я голосъ: „Іоаннъ! тебѣ надобно затвориться здѣсь, чтобы по крайней мѣрѣ невидѣніемъ и молчаніемъ ослабить брань. Господь поможетъ тебѣ молитвами Своихъ преподобныхъ“. Съ того времени поселился я въ скорбной и тѣсной пещерѣ. Вотъ уже 30 лѣтъ живу я здѣсь и только недавно нашелъ покой, а всю жизнь провелъ обуреваемый страстями. Жестока была моя жизнь въ постоянной борьбѣ съ плотскимъ вожделѣніемъ. Не имѣя силы выносить эту борьбу, я думалъ бѣжать отсюда. Наконецъ я возложилъ на себя тяжелыя вериги и выкопалъ себѣ яму по плечи; при наступленіи великаго поста влѣзъ въ нее и своими руками засыпалъ себя землею, такъ что только руки и голова остались у меня свободными. Такъ, подавляемый землею, провелъ я весь постъ, не имѣя возможности двинуть ни однимъ членомъ тѣла. Но и тутъ не вдругъ прекратилось волненіе плотское. Ноги мои, засыпанныя землею, были какъ въ огнѣ, такъ что корчились жилы, трещали кости, жаръ обнималъ чрево и всѣ члены мои. Но я забывалъ лютую болѣзнь и въ душѣ своей радовался, что чрезъ это утихали нечистыя движенія. Подлинно, я лучше желалъ сгорѣть въ этомъ огнѣ для Бога, чѣмъ выйти изъ ямы. Врагъ спасенія навелъ на меня страхъ, желая выгнать меня изъ пещеры. Я увидѣлъ страшнаго змѣя, который хотѣлъ пожрать меня, дыня пламенемъ, осыпая меня искрами,—и много дней продолжалось это дѣйствіе лукаваго. Въ самую ночь Свѣтлаго Воскресенія Христова этотъ змѣй такъ напалъ на меня, что голова моя какъ бы поглощена была его пастью. Тогда воззвалъ я изъ глубины сердца: „Господи Боже и Спасителю мой! почто оставилъ Ты меня? Помилуй меня, Ты единъ человѣколюбивый; избавь меня отъ сквернаго беззаконія моего, чтобы не увязнуть мнѣ въ сѣти непріязненнаго; избавь меня отъ врага моего; блесни молніею и прогони его“. Лишь только произнесъ я эти слова, вдругъ блеснула молнія; змѣй исчезъ, и я не видѣлъ его съ тѣхъ поръ. Свѣтъ божественный осіялъ меня, какъ солнце, и я услышалъ голосъ: „Іоаннъ! вотъ тебѣ помощь; отселъ внимай себѣ, чтобы не случилось тебѣ худшее и не пострадалъ ты въ будущемъ вѣкѣ“. Я поклонился и сказалъ: „Господи! зачѣмъ же Ты оставилъ меня такъ долго мучиться?“— „По силѣ терпѣнія твоего,—сказано въ отвѣтъ,—навелъ Я на тебя

искушеніе, чтобы ты былъ выжженъ какъ золото; крѣпкимъ и сильнымъ слугамъ назначаетъ господинъ тяжкую работу, а немощнымъ и слабымъ—малую и легкую; ты молись о себѣ погребенному здѣсь противъ тебя: онъ можетъ помочь тебѣ въ этой борьбѣ; онъ выше Іосифа“. Я не зналъ имени умершаго, уже послѣ узналъ, что это былъ Моисей Угринъ. Молись и ты, братъ, сему преподобному Моисею“.—Блаженная кончина препод. Іоанна послѣдовала въ затворѣ, гдѣ онъ подвизался. Святыя мощи его почиваютъ въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ умеръ: голова и крестообразно сложенные руки—на виду; все прочее—въ землѣ ⁴⁾).

Въ удаленіи отъ міра и его соблазновъ, отшельники, еще не вполне укрѣпившіеся въ любви къ Богу, подвергаются иногда искушенію сребролюбія, страсти не столь грубой, какъ страсти плотскія, но тѣмъ не менѣе опасной для души. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ было и въ обители Печерской. Одинъ инокъ, по имени Феодоръ, при вступленіи въ монастырь раздавшій все свое имѣніе нищимъ, поселился въ Варяжской пещерѣ ⁵⁾ и провелъ много лѣтъ въ строгомъ воздержаніи. Но, по искушенію врага, въ сердцѣ его зародилась скорбь о розданномъ имѣніи и желаніе обогатиться, чтобы не терпѣть нужды въ старости. Искуситель помогъ ему отыскать въ пещерѣ сокровище, состоявшее изъ золота и дорогихъ сосудовъ. Обрадованный Феодоръ хотѣлъ уйти съ богатствомъ своимъ въ міръ. По счастью, другой инокъ, по имени Василій, связанный съ нимъ союзомъ братской любви, успѣлъ привести сребролюбца въ раскаяніе. Феодоръ снова забылъ сокровище и чтобы впредь не увлекался опасными помыслами, поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ рожь и ночью молотъ ее. Между тѣмъ до Мстислава, сына великаго князя Святополка Изяславича, дошелъ слухъ, что Феодоръ нашелъ кладъ въ пещерѣ; онъ призвалъ Феодора и Василія и сталъ ихъ допрашивать. Феодоръ отвѣчалъ ему: „еще при жизни отца нашего Антонія слышалъ я, что въ этой пещерѣ было древнее Варяжское хранилище. Я видѣлъ тамъ много золота и сосудовъ латинскихъ, но Богъ отнял у меня память, теперь не знаю, гдѣ зарылъ ихъ“. Мстиславъ, будучи пьянъ, велѣлъ мучить Феодора и самъ пустилъ стрѣлу въ Василія, который вынулъ ее, бросилъ къ ногамъ князя и сказалъ, что онъ самъ погибнетъ отъ стрѣлы. Оба инока въ ту ночь скончались ⁶⁾, а Мстиславъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ смертельно раненъ стрѣлою.

Другой инокъ, по имени Ареѳа, имѣлъ много богатства въ своей кельѣ и никогда не подавалъ нищимъ. Въ одну ночь воры украли все его сокровище. Отчаяніе довело его до тяжелой болѣзни. Но выздо-

⁴⁾ Время кончины преп. Іоанна многострадальнаго можно полагать не ранѣе 1160 года. Память его празднуется 18 июля.

⁵⁾ Пещера Варяжская находится подлѣ Феодосіевыхъ пещеръ. Она частію обвалилась въ XVII вѣкѣ.

⁶⁾ Преп. Феодоръ и Василій скончались 11 августа 1901 года. Мощи ихъ почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ въ одномъ гробѣ.

ровѣвъ онъ раскаялся, роздалъ нищимъ все, что у него осталось, сдѣлался затворникомъ и провелъ остатокъ жизни въ постѣ и молитвѣ 7).

Искушеніе страсти сребролюбія постигло также преп. Еразма, который прежде того употребилъ все свое имѣніе на украшеніе Великой церкви Печерской. Врагъ сталъ внушать ему: нѣтъ тебѣ пользы отъ того, что ты истратилъ добро свое на церковь; лучше было бы сберечь деньги у себя и подавать нищимъ. Мучимый помысломъ, онъ занемогъ и семь дней лежалъ въ безчувственномъ положеніи. На восьмой день Еразмъ внезапно всталъ какъ здоровый и сказалъ: „Отцы и братія! я великій грѣшникъ, но нынѣ явились мнѣ отцы наши Антоній и Θεодосій и сказали мнѣ: мы молились за тебя, и Господь далъ тебѣ время на покаяніе. Потомъ видѣлъ я и Пречистую Богородицу съ Предвѣчнымъ Сыномъ Ея на рукахъ, и Она сказала мнѣ: ты украсилъ церковь Мою иконами, и Я украшу тебя въ царствѣ Сына Моего; встань, покайся, а на третій день Я возьму тебя къ Себѣ“. Послѣ того Еразмъ исповѣдалъ грѣхи свои предъ всѣми, постригся въ схиму и на третій день умеръ 8).

Два кіевлянина, Іоаннъ и Сергій, предъ прославленною чудотвореніями Печерскою иконою Богоматери заключили между собою духовное братство. Спустя нѣсколько времени Іоаннъ заболѣлъ; чувствуя приближеніе смерти, онъ пригласилъ къ себѣ преп. игумена Никона и при немъ, раздавъ много имѣнія бѣднымъ, завѣщаль 1.000 гривенъ серебра и 100 гривенъ золота пятилѣтнему сыну своему Захарію, а до совершеннолѣтія его отдалъ это наслѣдство на сохраненіе другу своему Сергію. Захарія, пришедши въ возрастъ, сталъ просить у Сергія отцовской собственности. „Отецъ твой,—отвѣчалъ Сергій,—отдалъ имѣніе свое Богу: у Него и проси, а я ничѣмъ не долженъ ни тебѣ, ни отцу твоему; отецъ твой былъ такъ глупъ, что роздалъ имѣніе бѣднымъ, а сына оставилъ нищимъ“. Молодой человекъ со слезами просилъ дать ему половину или даже третью часть наслѣдства, но Сергій отказалъ. „Если ты ничего не взялъ у отца моего,—сказалъ, наконецъ, Захарія,—то иди и поклянись въ томъ предъ чудотворною иконою Богородицы, предъ которою ты заключилъ союзъ братолюбія съ отцомъ моимъ“. Сергій пошелъ въ церковь и предъ иконою Богородицы сказалъ, что ничего не взялъ изъ имѣнія Іоаннова. Но когда хотѣлъ онъ лобызать св. икону, то не могъ подойти къ ней и закричалъ: „Преп. отцы Антоній и Θεодосій!—запретите этому жестокому ангелу губить меня; молитесь Пресвятую Богородицу, чтобы прогнаны были отъ меня злые духи; пусть возьмутъ серебро и золото въ запечатанномъ ящикѣ, въ моей клѣтѣ“. Принесли ящикъ и нашли въ немъ 2.000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота. Пораженный чудомъ, Захарія отдалъ

7) Мощи преп. Ареы почиваютъ въ Антоніевоі пещерѣ.

8) Преп. Еразмъ скончался около 1160 года. Мощи его почиваютъ въ Антоніевоі пещерѣ.

золото и серебро въ распоряженіе игумена Іоанна, а самъ постригся и сдѣлался строгимъ постникомъ; до самой кончины онъ не вкушалъ ничего, кромѣ сырой зелени ⁹⁾).

Безопаснѣе затворничества путь общежительной жизни, подвиги послушанія и отреченія отъ своей воли. Въ числѣ смиренныхъ послушниковъ былъ преп. Николай Святоша, сынъ Черниговскаго князя Давида Святославича, въ мѣръ Святославъ-Понкратій. Онъ первый изъ Русскихъ князей добровольно принялъ иночество, хотя имѣлъ жену и дѣтей; одна дочь его была супругою св. князя Всеволода-Гавриила. Оставивъ княжество, онъ проходилъ разныя послушанія въ Печерской обители: три года работалъ на братію въ поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ изъ рѣки воду на плечахъ своихъ и приготавливалъ братскую пищу; еще три года стоялъ у вратъ монастырскихъ, какъ сторожъ, не отходя никуда, кромѣ церкви; отсюда взятъ былъ служить при трапезѣ и своимъ усердіемъ приобрѣлъ общую любовь. Послѣ такихъ подвиговъ послушанія, преподобный долженъ былъ, по совѣту игумена и всей братіи, поселиться въ келіи и заботиться только о собственномъ спасеніи. Онъ повиновался, и никто никогда не видѣлъ его празднымъ. Своими руками онъ насадилъ предъ своею кельею небольшой садъ и постоянно занимался какимъ-либо рукодѣліемъ, имѣя въ устахъ молитву Иисусову. Не вкушалъ ничего, кромѣ общей монастырской пищи на трапезѣ, и не имѣлъ у себя никакой собственности, потому что раздавалъ нищимъ и на устроеніе церкви все, что получалъ отъ родственниковъ. Братья его много старались возратить его въ мѣръ, особенно чрезъ врача, поселившагося для князя-инока въ Кіевѣ. Врачъ увѣрялъ, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. „Да и благочестивые братья твои, Изяславъ и Владиміръ,—говорилъ врачъ,—терпятъ укоризну отъ твоей нищеты. Кто изъ князей поступалъ такъ? Кто изъ бояръ пожелалъ иночества, кромѣ того Варлаама, что былъ здѣсь игуменомъ?“ Блаженный отвѣчалъ ему: „Много думалъ я и положилъ не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня; пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто изъ князей не дѣлалъ этого прежде меня, то пусть я буду вождемъ, и кто захочетъ, пойдетъ по слѣдамъ моимъ. Благодарю Бога моего, что освободилъ меня отъ работы мѣрской и сотворилъ слугою рабамъ Своимъ, блаженнымъ черноризцамъ. Братья мои пусть думаютъ о своемъ спасеніи, а мнѣ прибытокъ—если умру для Христа“. Опытъ показалъ, что подвижническая жизнь надежнѣе искусства врачеванія. Подвижникъ-князь бывалъ нездоровъ; но каждый разъ выздоравливалъ прежде, нежели приходилъ врачъ. Разъ захворалъ врачъ, и очень тяжело. Князь-инокъ послалъ ему сказать: „Если не будешь пить зелья, будешь здоровъ; а если не послушаешься, много будешь страдать“. Врачъ не послушался и едва спасся отъ смерти. Въ другой разъ случилось заболѣть врачу: онъ послушалъ совѣта блаж. князя и на тре-

⁹⁾ Мощи преп. Захарія постника почиваютъ въ Феодосіевой пещерѣ.

тій день выздоровѣлъ. Въ 1142 году преп. Николай примирилъ князей Черниговскихъ съ братьями великаго князя Всеволода и тѣмъ прекратилъ междоусобіе; это была послѣдняя земная служба его Церкви и родинѣ: въ томъ же году 14 октября онъ мирно почилъ ¹⁰⁾. Братъ его Изяславъ выпросилъ себѣ на благословеніе крестъ и власяницу умершаго и надѣвалъ послѣднюю, когда отправлялся на войну, для избавленія отъ опасностей.

Преп. Алипій, научившись иконописанію отъ греческихъ художниковъ, которые расписывали Великую Печерскую церковь, принялъ постриженіе при игуменѣ Никонѣ, трудился неуспынно и бесплатно писалъ иконы для игумена, для братіи и для церквей кievскихъ. Если случалось ему получать плату за трудъ, то одну треть ея употреблялъ на краски, другую—на милостыню, а третью—на свои нужды. За чистую и добродѣтельную жизнь онъ удостоился священства и прославленъ отъ Бога даромъ чудотворенія: онъ помазывалъ раны своими красками, какъ лѣкарствомъ, и больные исцѣлялись. Одна изъ иконъ, чудесно написанныхъ въ его кельѣ, находится и теперь въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ она сохранилась невредимою при трехъ большихъ пожарахъ, при паденіи перваго каменнаго храма и при грабительскихъ набѣгахъ татаръ и ляховъ ¹¹⁾. Другая икона была также чудесно написана въ послѣдніе дни жизни Алипія. Онъ сказалъ братіи: „Ангель, написавшій икону, стоитъ теперь предо мною и хочетъ взять меня“. Съ этими словами первый Русскій иконописецъ предалъ духъ свой Богу ¹²⁾.

Преп. Спиридонъ и Никодимъ занимались печеніемъ просфоръ, трудясь единомышленно въ теченіе тридцати лѣтъ. Первый изъ нихъ, бывъ неграмотнымъ, выучилъ наизусть всю псалтирь и прочитывалъ ее ежедневно при своей работѣ. Оба они почилы около 1140 года ¹³⁾.

Маркъ, называемый пещерникомъ и гробокопателемъ, живя въ пещерѣ, постоянно копалъ землю и выносилъ ее на своихъ плечахъ, приготовляя мѣста для погребенія братіи. За свой трудъ не бралъ онъ ничего, а если кто давалъ ему, онъ раздавалъ нищимъ. Однажды, утомившись отъ трудовъ, онъ не успѣлъ раскопать могилу достаточной ширины. Случилось тогда умереть одному изъ братіи. Мѣсто оказалось такъ тѣсно, что мертвый едва съ нуждою былъ вложенъ въ могилу;

¹⁰⁾ Преп. Николай Святоша провелъ въ иночествѣ 36 лѣтъ (1106—1142); мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

¹¹⁾ О чудотворной Ростовской иконѣ Богородицы (которая зовется Владимірскою) подробно описано въ книгѣ моей: «Святѣицы и древности Ростова Великаго», изданіе 3-е, стр. 30 и 31.—Другая икона преп. Алипія, находящаяся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, извѣстна подъ именемъ: «Предста Царица».

¹²⁾ Кончину преп. Алипія можно полагать около 1114 года. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

¹³⁾ Мощи преп. Спиридона и Никодима—въ пещерѣ преп. Антонія. Троеперстное изображеніе крестнаго знаменія, которымъ преп. Спиридонъ осѣнилъ себя въ минуту кончины, доселѣ сохранилось на его рукѣ и обращаетъ къ православію многихъ поклонниковъ мнимой старины.

братія роптали на Марка, не имѣя возможности убрать покойника, какъ слѣдовало, ни возлитъ на него елей. Пещерникъ смиренно кланялся и говорилъ: „простите меня, отцы святые, по худости моей не докончилъ“. Инокѣ еще болѣе стали бранить его. Тогда Маркъ сказалъ умершему: „самъ, братъ, потрудись: возьми и возлей на себя елей“. Мертвый протянулъ руку, взялъ масло и возлилъ его себѣ на лицо и на грудь крестообразно; потомъ, отдавъ сосудъ, оправилъ на себѣ одежду и почилъ. Когда совершилось это чудо, на всѣхъ напалъ страхъ ¹⁴⁾.

Нѣкоторые изъ братіи Печерской исключительно посвящали себя на служеніе нуждамъ ближнихъ: таковъ былъ преп. Прохоръ, прозванный Лебедникомъ, уроженецъ Смоленскій, постриженный при игуменѣ Иоаннѣ. Онъ такъ полюбилъ воздержаніе, что лишилъ себя ржаного хлѣба, а вмѣсто его собиралъ лебеду, растиралъ ее, пекъ себѣ хлѣбъ и тѣмъ питался. Кромѣ просфоры церковной и хлѣба изъ лебеды, онъ не вкушалъ ничего, ни овощей, ни вина, никогда не былъ печаленъ и всегда весело работалъ для Господа. Въ княженіе Святополка Изяславича, послѣ сильныхъ междоусобій, наступилъ голодъ. Лебеды родилось очень много. Блаж. Прохоръ удвоилъ труды свои, собирая лебеду и приготовляя изъ нея хлѣбъ. Всѣмъ голоднымъ онъ раздавалъ хлѣбъ свой, который казался всѣмъ сладкимъ, какъ будто испеченный съ медомъ; но тотъ же хлѣбъ, если брали его тайно у Прохора, оказывался нестерпимо горькимъ. Когда, по причинѣ войнъ между князьями, прекратился привозъ соли, Прохоръ собралъ золу изъ всѣхъ келій и раздавалъ ее нуждающимся: она оказывалась чистою солью. Князь Святополкъ, желая воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своего обогащенія, послалъ отнять соль у Прохора. Привезли отнятую соль: оказалось, что это зола; три дня подержали и выбросили. Тогда нуждающіеся, по наставленію Прохора, стали подбирать пепелъ, выброшенный княземъ, и онъ былъ для нихъ солью. Узнавъ, какъ Прохоръ дѣлалъ хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ пепла, князь съ чувствомъ раскаянія пришелъ въ монастырь и примирился съ игуменомъ Иоанномъ, котораго прежде онъ сослалъ было въ заточеніе и возвратилъ только по настоянію Владиміра Мономаха. А къ блажен. Прохору онъ сталъ имѣть великое уваженіе и заключилъ съ нимъ такой договоръ: „если я прежде тебя умру, положи меня въ гробъ своими святыми руками, чтобы видно было на мнѣ твое незлобіе; если же ты представишься прежде меня, я возьму тебя на плеча и самъ отнесу въ пещеру, чтобы Господь простилъ мнѣ грѣхъ мой предъ тобою“. Въ 1107 году настало время кончины преп. Прохора. Святополкъ собирался тогда на войну съ Половцами. Блаженный послалъ ему сказать, чтобы пришелъ, если хочетъ исполнить свое обѣщаніе. Давъ наставленіе князю, Прохоръ предрекъ ему побѣду, благословилъ его и вскорѣ

¹⁴⁾ Преп. Маркъ преставился въ послѣднихъ годахъ XI вѣка. При мощахъ его, въ пещерѣ преп. Антонія, находится мѣдный крестъ, служившій ему опредѣленною мѣрою воды для утоленія жажды.

скончался. Князь своими руками перенесъ его въ пещеру¹⁵⁾; потомъ онъ отправился на войну и возвратился съ побѣдою. Послѣ того онъ предъ всякимъ походомъ приходилъ за благословеніемъ въ обитель Печерскую.

Нѣкоторые изъ подвижниковъ Печерскихъ имѣли даръ исцѣленія болѣзней. При преп. Θεодосіи былъ черноризецъ-пресвитеръ, по имени Даміанъ. Онъ отличался необыкновенною кротостію и былъ такой постникъ, что кромѣ хлѣба и воды не вкушалъ ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдающее какимъ-либо недугомъ, или приходили больные въ монастырь, преп. Θεодосій поручалъ Даміану сотворить молитву надъ больнымъ. Даміанъ совершалъ молитву, помазывалъ освященнымъ елеемъ, и страждущіе получали исцѣленіе. Когда онъ самъ разболѣлся и приближался къ кончинѣ, ангель явился ему въ образѣ преп. Θεодосія, обѣщая царство небесное. Послѣ пришелъ Θεодосій и сѣлъ подлѣ него. Умиравшій, взглянувъ на игумена, сказалъ: „не забудь же, что ты обѣщалъ мнѣ въ эту ночь“. Великій Θεодосій отвѣчалъ ему: „братъ Даміанъ, да будетъ тебѣ, что обѣщано мною“. Онъ же, сомкнувъ очи, предалъ духъ свой Господу¹⁶⁾.

При преп. Антоніи постригся безмездный врачъ Агапить, уроженецъ кievскій. Онъ помогаль великому отшельнику въ заботахъ его о больныхъ. Когда занемогаль кто-либо изъ братій, Агапить, оставляя свою келью, переходилъ къ больному брату, служилъ ему и давалъ вмѣсто лѣкарства свою пищу—вареную траву. И больной по молитвѣ его выздоравливалъ. Если же болѣзнь продолжалась, блаженный Агапить оставался неотступно при больномъ, молясь непрестанно, пока Господь подавалъ здравіе по его молитвѣ. Многіе изъ города приходили къ нему, и безмездный врачъ никому не отказывалъ въ благодатной помощи. Сдѣлался боленъ князь Владиміръ Мономахъ, княжившій тогда въ Черниговѣ. Не получая помощи отъ своихъ врачей, онъ послалъ звать къ себѣ Агапита. „Если пойду къ князю,—разсуждалъ блаженный Агапить,—то долженъ ходить и ко всѣмъ. Для чelовѣческой славы не пойду за ворота монастырскія, чтобы не преступить обѣта моего. Если выгонять меня отсюда, пойду въ другую сторону и послѣ опять возвращусь“. Онъ не пошелъ къ князю, но послалъ ему вареную траву, которую употреблялъ въ пищу. Исцѣленный князь пришелъ благодарить чудотворца, но Агапить скрылся. Найдя въ кельѣ золото, положенное княземъ, онъ выбросилъ его вопъ. Чудесное врачеваніе безмезднаго врача Печерскаго возбудило зависть въ Армянинѣ, который славился тогда врачевнымъ искусствомъ. Но убѣдившись многократными опытами, что во врачеваніи Агапита дѣйствуетъ не искусство земное, а сила небесная, Армянинъ вскорѣ по блаженной кончинѣ Агапита¹⁷⁾ самъ сдѣлался инокомъ и въ добрыхъ подвигахъ кончилъ жизнь.

¹⁵⁾ Мощи преп. Прохора почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

¹⁶⁾ Преп. Даміанъ преставился въ 1071 году, мощи его—въ Антоніевой пещерѣ.

¹⁷⁾ Преп. Агапить скончался въ 1095 году, мощи его—въ Антоніевой пещерѣ.

Другихъ подвижниковъ благодать божественная призывала къ спасенію путемъ страданій и тѣлесныхъ болѣзней. Преп. Пимень, прозванный многоболѣзненнымъ, родился больнымъ и выросъ въ болѣзняхъ: страданія очистили душу его отъ грѣховъ. Много разъ просилъ онъ родителей, чтобы дозволили ему постричься, но имъ не хотѣлось отдать въ монастырь единственнаго своего наслѣдника. Наконецъ, не видя надежды на выздоровленіе, они рѣшились отнести его въ Печерскую обитель, дабы молитвы отцовъ испросили ему исцѣленіе. Но и эти молитвы остались безуспѣшными, потому что самъ больной усердно молилъ себѣ не здоровья, а умноженія болѣзни, остаться въ монастырѣ. Онъ желалъ только одного—иночества. И вотъ, въ одну ночь пришли къ нему невидимые иноки, совершили надъ нимъ обрядъ постриженія, облекли страдальца въ иноческую одежду. Никто не слышалъ, какъ пришли они; никто не зналъ, какъ въ запертой церкви, на ракъ преп. Феодосія, очутились волосы Пимена, отнятые при постриженіи. Только звуки пѣнія дошли до нѣкоторыхъ; но обрядъ былъ конченъ, когда пришли къ Пимену и нашли его уже постриженнымъ съ горящею свѣчю въ рукахъ. Болѣе 20 лѣтъ пробылъ Пимень въ тяжкой болѣзни, такъ что прислужники тяготились имъ, нерѣдко оставляли его безъ пищи и питья; но онъ все переносилъ съ радостью. Въ ту же пещеру принесенъ былъ другой больной, чтобы слугѣ было удобнѣе ходить за двумя вмѣстѣ, но и послѣ того часто оставляли ихъ безъ присмотра. „Братъ,—сказалъ Пимень лежавшему съ нимъ больному,—служащіе намъ гнушаются нами. Если Богъ насъ исцѣлитъ, можешь ли ты исправлять эту службу?“ Больной обѣщался посвятить всю жизнь на служеніе больнымъ. По слову блажен. Пимена, онъ всталъ здоровымъ и служилъ ему; но однажды облѣнился и вновь заболѣлъ. „Маловѣрный,—сказалъ ему Пимень,—развѣ ты не знаешь, что болящій и служащій ему получаютъ равную награду? Здѣсь—скорбь легкая, а тамъ веселіе вѣчное. Богъ, Который исцѣлилъ тебя, можетъ исцѣлить и меня; но я не желаю. Пусть я сгнію въ этой жизни, чтобы тамъ плоть моя осталась безъ истлѣнія; пусть здѣсь будетъ вокругъ меня смрадный запахъ, но чтобы тамъ наслаждаться мнѣ пещерпаемымъ благоуханіемъ“. Передъ смертію добровольный страдалецъ сдѣлался здоровъ, обошелъ всѣ кельи, чтобы проститься съ братьями, указалъ себѣ мѣсто для погребенія и скончался въ мирѣ ¹⁸⁾.

Преп. Григорій чудотворецъ постригся еще въ игуменство преп. Феодосія. Подъ его руководствомъ онъ обучился смиренію, послушанію и нестяжательности; особенно же любилъ непрестанную молитву и столь успѣлъ въ духовной жизни, что творилъ чудеса, провидѣлъ будущее и однимъ приближеніемъ своимъ изгонялъ бѣсовъ. Особеннымъ подвигомъ его было исправленіе воровъ: три раза они покуша-

¹⁸⁾ Время жизни преп. Пимена относится къ первой половинѣ XII вѣка. Мощи его—въ Антошіевой пещерѣ.

лись обокрасть его. Но онъ чудесами своими обратилъ ихъ къ покаянію. Недостойному брату Мономаха, князю Родиславу Всеволодовичу, шедшему въ походъ на половцевъ, блаж. Григорій предсказалъ, что онъ утонетъ въ рѣкѣ (что вскорѣ и исполнилось), и за это предсказаніе самъ тотчасъ былъ утопленъ, по волѣ разгнѣваннаго князя, но на третій день найденъ мертвымъ въ своей кельѣ, съ камнемъ, привязаннымъ на шеѣ ¹⁹⁾.

Въ числѣ иноковъ Печерскихъ былъ преп. Несторъ лѣтописецъ, поступившій въ обитель при преп. Ѳеодосіи, незадолго до его кончины, и постриженный при игуменѣ Стефанѣ. Обладая необыкновенными дарованіями и разнообразными свѣдѣніями богословскими и историческими, онъ посвятилъ труды свои на изображеніе жизни и чудесъ появившихся чудотворцевъ, святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба; потомъ написалъ житіе наставника своего преп. Ѳеодосія; наконецъ положилъ начало Русской лѣтописи, доведенной имъ до 1110 года. Многихъ происшествій былъ онъ самовидцемъ, а о другихъ узналъ отъ брата своего по иночеству, монаха Яна Вышатича, жившаго 96 лѣтъ и умершаго въ 1106 году, слѣдовательно родившагося еще при Владимірѣ Равноапостольномъ. Преп. Несторъ преставился въ 1115 году въ глубокой старости ²⁰⁾.

Въ жизни преп. Тита, пресвитера Печерскаго, находимъ поразительный примѣръ силы примиренія. Онъ имѣлъ искреннюю любовь къ іеродіакону Евагрію, но ненавистникъ добра посѣялъ вражду между ними: они стали ненавидѣть другъ друга, не могли смотрѣть одинъ на другого и старались не встрѣчаться. Такъ прошло много времени; они дерзали совершать литургію и принимать Св. Тайны, не примирясь между собою. Наконецъ Титъ тяжело заболѣлъ и послалъ къ Евагрію, умоляя простить его. Братія, видя Тита умирающимъ, насильно привели Евагрія, чтобы онъ простился съ братомъ. Больной, увидя его, поднялся съ помощію другихъ и палъ къ ногамъ его, повторяя со слезами: „прости меня и благослови!“ Евагрію отворотился отъ брата и сказалъ: „не прощу его ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!“

Съ этими словами онъ вырвался изъ рукъ монаховъ и упалъ мертвый, а Титъ всталъ, совершенно здоровый. „Что было съ тобою?“ спросили Тита. Я видѣлъ,—говорилъ онъ,—что ангелы отступили отъ меня, а злые духи радовались моею злобѣ на брата. Тогда началъ я просить прощенія у брата. Когда привели его ко мнѣ, я увидѣлъ ангела съ огненнымъ копьемъ; когда же Евагрію не захотѣлъ простить меня грѣшнаго, ангелъ ударилъ его копьемъ, а мнѣ подаль руку и исцѣлилъ меня“ ²¹⁾.

¹⁹⁾ Несчастная битва съ Половцами на р. Стунгѣ и кончина преп. Григорія были въ 1094 году. Мощи его въ Антоніевой пещерѣ.

²⁰⁾ Нетлѣнные мощи перваго Русскаго лѣтописца покоятся въ Антоніевой пещерѣ, въ ракѣ, окованной серебромъ. Надъ нею прибита бронзовая вызолоченная доска, присланная въ 1826 году отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ

²¹⁾ Преп. Титъ жилъ въ началѣ XII вѣка. Мощи его—въ Антоніевой пещерѣ.

Въ распространеніи вѣры Христовой потрудились Кіевскіе подвижники. Преп. Евстратій постникъ попался въ плѣнъ къ половцамъ, разорившимъ Печерскій монастырь въ 1096 году. Онъ вмѣстѣ съ монастырскими работниками былъ проданъ въ Корсунь одному Еврею. Еврей сталъ принуждать плѣнниковъ своихъ голодомъ къ отреченію отъ Христа. Подкрѣпляемые наставленіями Евстратія, они рѣшились скорѣе умереть, нежели измѣнить вѣрѣ, и всѣ скончались голодною смертью. Остался одинъ Евстратій, привыкшій съ юности къ посту: онъ пробылъ 14 дней безъ пищи и питья. Въ день Пасхи Еврей распялъ Евстратія на крестѣ; распятый страдалецъ благодарилъ Господа Иисуса Христа за то, что Онъ удостоилъ его пострадать такъ, какъ пострадалъ Онъ Самъ. „Я вѣрую,—говорилъ онъ жидамъ,—что Господь скажетъ нѣкогда и мнѣ, какъ сказалъ разбойнику: днесъ будешь со Мною въ раю. Но васъ постигнетъ мщеніе за кровь христіанскую“. Раздраженный Еврей пронзилъ страдальца копьемъ и бросилъ тѣло его въ море ²²⁾. Казнь Божія постигла убійцу: онъ былъ повѣшенъ. Многіе изъ Евреевъ, свидѣтели страданій и исполненія пророчества распятаго инока, увѣровали во Христа и крестились. Такимъ образомъ мученической подвигъ преп. Евстратія положилъ основаніе христіанства между Козарами Евреями.

Нѣчто подобное случилось тогда же и у половцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ, приведенныхъ ими изъ Кіева, находился преп. Никонъ (впослѣдствіи прозванный Сухимъ); онъ достался въ рабы одному Половчанину, который держалъ его въ оковахъ. Богатые родственники хотѣли выкупить плѣнника. „Не тратьте понапрасну денегъ,—сказалъ онъ имъ. Если бы Господу было угодно, чтобы я былъ свободенъ, Онъ не отдалъ бы меня въ руки беззаконниковъ. Охотно перенесу все, что случится со мною по волѣ Его“. Не получивъ выкупа, Половцы озлобились, начали мучить плѣнника разными муками: морили голодомъ, били, жгли на огнѣ, рѣзали ножами, лѣтомъ сажали на солнце, зимой держали на морозѣ. И такъ прошло три года; страдалецъ молился и наконецъ, удостоившись откровенія, предсказалъ своимъ мучителямъ, что черезъ три дня онъ будетъ въ Печерскомъ монастырѣ. Думая, что Никонъ хочетъ бѣжать, Половецъ подрѣзалъ ему жилы на обѣихъ ногахъ; но на третій день, въ самый полдень, онъ вдругъ сдѣлался невидимъ и внезапно явился, окованный цѣпями и покрытый ранами, въ Великой церкви Печерской. Спустя нѣсколько времени пришелъ въ Кіевъ Половецъ, у котораго Никонъ былъ въ плѣну, и узналъ своего плѣнника, такъ чудесно спасшагося изъ плѣна. Это такъ поразило язычника, что онъ немедленно крестился, принялъ постриженіе въ Печерской обители и усердно служилъ преп. Никону Сухому, который прожилъ еще нѣсколько времени ²³⁾. По слуху о чу-

²²⁾ Мученическая кончина преп. Евстратія совершилась 28 марта 1096 года. Мощи его, по совершившимся чудесамъ, отысканы вѣрующими и привезены въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

²³⁾ Время кончины преп. Никона Сухаго должно полагать въ первыхъ годахъ XII вѣка. Мощи его—въ Антоніевой пещерѣ.

десномъ избавленіи Никона, крестились многіе Половцы; въ послѣднихъ годахъ XI вѣка и въ началѣ XII крестились въ Кіевѣ и вступили въ бракъ съ Русскими князьями три дочери Половецкихъ хановъ.

Просвѣтителемъ дикихъ Вятичей былъ преп. Кукша, священноинокъ Печерскій. Хотя Курскъ былъ христіанскимъ городомъ въ началѣ XI вѣка (въ раннюю молодость преп. Θεодосія, какъ мы видѣли изъ житія его), но другія поселенія Вятичей—Мценскъ, Брянскъ, Козельскъ оставались языческими. Одушевляемый св. ревностью къ вѣрѣ, Кукша съ ученикомъ своимъ оставилъ тихую Печерскую обитель, чтобы проповѣдывать истину Неба грубымъ язычникамъ; проповѣдь сопровождалась чудесами, которыя утверждали вѣру въ сердцахъ простыхъ; большая часть крестились; но упорные въ суевѣрїи идольскіе жрецы замучили св. проповѣдника. „Всѣ вѣдаютъ,—писалъ блаж. Симонъ, епископъ Владимірскій о преп. Кукшѣ,—какъ онъ бѣсовъ прогналъ, Вятичей крестилъ, дождь свель, озеро изсушилъ, сотворилъ многія другія чудеса, и послѣ многихъ мученій убить былъ ученикомъ своимъ“. Въ одинъ день и часъ съ ними скончался и преп. Пименъ постникъ, другъ Кукши, исцѣлявшій недужныхъ, имѣвшій даръ пророчества и за два года предсказавшій свое отшествіе къ Богу. Ставъ посреди церкви, онъ громко воскликнулъ: „братъ нашъ Кукша теперъ убить“. Сказавъ эти слова, онъ преставился ²⁴⁾.

И на сѣверь—въ землю Ростовскую и Суздальскую, стремились съ Евангельскою проповѣдью благодатныя чада Антонія и Θεодосія. Мы видѣли прежде, что вѣра Христова еще не укоренилась въ Ростовѣ, и первый епископъ того края, св. Θεодоръ вынужденъ былъ оставить Ростовъ и поселиться въ Суздаль. Преемникъ его, грекъ Иларіонъ, послѣ бесплодной борьбы съ язычествомъ, удалился въ Царьградъ. Третій епископъ Ростовскій былъ св. Леонтій, одинъ изъ учениковъ преп. Антонія, первый святитель (первопрестольникъ) изъ числа иноковъ Печерскихъ. Онъ великъ по дѣйствіямъ земной жизни, какъ равноапостольный просвѣтитель Ростовскаго края. Онъ великъ на небѣ, какъ сильный молитвенникъ за землю Русскую. Въ пещеру преп. Антонія пришелъ онъ, безъ сомнѣнія, позднѣе 1032 года, потому что тогда Θεодосій нашель у Антонія одного только Никона, а рукоположенъ въ санъ епископа прежде 1051 года, т.-е. прежде нежели былъ посвященъ блаж. митрополитъ Иларіонъ, вторый святитель изъ пещерянь. Въ землѣ Ростовской, населенной чудскимъ племенемъ Мери, святитель Леонтій встрѣтилъ язычниковъ упорныхъ, суровыхъ и дикихъ. Они не хотѣли слушать его, а близкой помощи князя не было ²⁵⁾. Увѣщанія и мольбы любви христіанской не имѣли успѣха; язычники

²⁴⁾ Обращеніе Вятичей и кончину преп. Кукши должно отнести къ первымъ годамъ XI вѣка. Мощи его и преп. Пимена постника—въ Антоніевой пещерѣ.

²⁵⁾ Ростовскій удѣлъ принадлежалъ князю Всеволоду и потомъ сыну его Владиміру Мономаху. Оба они постоянно жили на югѣ.

осыпали святителя бранью, били его и выгнали изъ города. Но онъ рѣшился не оставлять вѣрннаго ему стада. Поселясь за городомъ, близъ ручья Брутовщины, онъ построилъ здѣсь деревянный храмъ архистратига Михаила. Видя невозможность дѣйствовать прямо на жителей Ростова, закоренѣлыхъ въ язычествѣ, онъ обратился къ юному, еще не испорченному поколѣнію: сталъ приглашать къ себѣ дѣтей, кормилъ ихъ и ласкалъ; обласканныя дѣти охотно ходили къ Леонтію, а онъ училъ ихъ началамъ св. вѣры и потомъ крестилъ, вслѣдъ за дѣтьми обратились ко Христу и нѣкоторые изъ взрослыхъ. Но застарѣлыя язычники взволновались и бросились къ церкви съ дубинами и оружіемъ. Причетъ, окружавшій Леонтія, испугался; но святитель былъ спокоенъ, облачился въ ризы святительскія, и вмѣстѣ съ священниками и діаконами, также облаченными въ ризы, вышелъ къ дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычниковъ: они пали передъ нимъ въ страхѣ, и многіе изъ нихъ крестились. Св. Леонтій рукоположилъ многихъ священниковъ и діаконѡвъ, но не успѣлъ привести ко Христу всю „заблудящую чудь“ (какъ выражается древній писатель житія его). Апостольскій подвигъ его окончился мученическою смертію ²⁶⁾.

Преемникомъ великаго святителя былъ также инокъ Печерскій, Исаія, бывший игуменомъ Димитріева монастыря въ Кіевѣ, по кончинѣ блаж. Варлаама. Онъ превзошелъ многихъ подвижниковъ въ постѣ, молитвѣ и другихъ добродѣтеляхъ и за высокую жизнь свою поставленъ епископомъ Ростовской страны въ 1078 году. Блаж. святитель, найдя въ Ростовѣ людей новокрещенныхъ и еще не утвердившихся въ вѣрѣ, усердно напоялъ ихъ ученіемъ вѣры: обходилъ поселенія Ростовскія и Суздальскія, обращалъ невѣрныхъ къ вѣрѣ и крестилъ ихъ; истреблялъ идоловъ и на мѣстахъ ихъ строилъ храмы ²⁷⁾. Утѣшеніемъ

²⁶⁾ Древнія извѣстія молчатъ о годѣ кончины святого епископа Леонтія; по всей вѣроятности онъ былъ убитъ около 1070 года, т. е. въ то время, когда видимъ въ лѣтописяхъ страшныя злодѣйства чудскихъ волхвовъ въ предѣлахъ Ростовской епархіи.—Блаж. епископъ Симонъ, исчисляя Печерскихъ иноковъ, удостоенныхъ сана епископскаго, пишетъ: «первый былъ Ростовскій епископъ Леонтій, священномученикъ, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ; это былъ первый (изъ Печерской обители) престольникъ; невѣрные мучили и убили его, и онъ сталъ третьимъ небеснымъ гражданиномъ изъ Русской земли, получивъ вмѣстѣ съ двумя Варагами вѣнецъ отъ Христа, за Котораго пострадалъ».—Нѣкоторые заключаютъ изъ этихъ словъ, что страдальческій подвигъ Ростовскаго святителя слѣдовало бы отнести ко времени св. Владиміра Равноапостольнаго, прежде страдальческой кончины Бориса и Глѣба. Но блаж. Симонъ исчисляетъ Русскихъ мучениковъ за Христа, въ числѣ которыхъ Леонтій былъ дѣйствительно третьимъ, потому что и св. церковь ублажаетъ Бориса и Глѣба, какъ прославленныхъ Богомъ за невинное страданіе, и именуетъ ихъ страстотерпцами, а не мучениками.

²⁷⁾ Такъ въ селѣ Угодичахъ (древняя слобода Угожь, въ 5 верстахъ отъ Ростова, на восточной сторонѣ озера Неро) сохранилось преданіе, что первая деревянная церковь этого села сооружена при св. Исаи, который благословилъ жителей Угожа, за усердіе ихъ въ вѣрѣ, иконою Богоявленія Господня. Эта икона сохранилось до нашего времени храмовою въ Богоявленской церкви села Угодичъ (Святыни и древности Ростова Великаго, изд. 3-е, стр. 95—97).

для св. Исаи послужило участіе князя Владиміра Мономаха. Этотъ набожный князь построилъ на свой счетъ храмъ въ Ростовѣ и прислалъ для него одну изъ чудесныхъ иконъ преп. Алипія ²⁸⁾. Ревностный святитель преставился въ 1090 году ²⁹⁾.

Почти современно святителю Исаи трудился въ просвѣщеніи остальныхъ язычниковъ Ростовскаго края преп. Авраамій, не принадлежавшій къ Печерскому братству. Неизвѣстно, откуда пришелъ онъ въ Ростовъ, гдѣ весь чудскій конецъ города поклонялся еще каменному идолу Велесу. Близъ озера Неро, Авраамій поставилъ себѣ убогую хижину, началъ принимать приходившихъ къ нему христіанъ и поучать ихъ закону Божію, а вмѣстѣ и молить Господа, чтобы помогъ сокрушить идола Велеса и привести Ростовцевъ къ истинной вѣрѣ. Скорбя объ этомъ всею душою, благочестивый старецъ вскорѣ удостоился видѣнія св. евангелиста Іоанна Богослова, который вручилъ ему жезлъ для сокрушенія идола. Идолъ немедленно былъ сокрушенъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ явился св. Іоаннъ Богословъ, Авраамій поставилъ церковь ³⁰⁾, а тамъ, гдѣ стоялъ прежде Велесъ, устроилъ первую въ Ростовѣ иновѣрческую обитель съ малымъ храмомъ во имя Богоявленія Господня. При помощи Божіей, преп. Авраамій мало-по-малу привелъ ко Христу и крестилъ всѣхъ остальныхъ язычниковъ города Ростова и почилъ въ глубокой старости ³¹⁾.

Около того же времени христіанство укоренилось и въ другихъ окраинахъ Русской земли. Такъ въ предѣлахъ древней Біарміи, при сліяніи двухъ рѣкъ Сухоны и Юга, въ началѣ XII вѣка существовалъ Троицкій Гledenскій монастырь близъ города Устюга Великаго. Можно предполагать, что въ этихъ мѣстахъ уже были тогда христіане, если не туземцы, то поселенцы Новгородскіе, или что самое основаніе иноческихъ обителей имѣло цѣлью дальнѣйшее распространеніе христіанства между коренными жителями.

Около 1177 года многіе жители Новгородской области, вѣроятно вынужденные смутами своей родины, оставили ее и поплыли Волгою

²⁸⁾ См. выше, стр. 38, прим. 11.

²⁹⁾ Мощи святителя Леонтія и Исаи обрѣтены нетлѣнными въ 1164 году при копани рововъ для закладки каменнаго соборнаго храма на мѣстѣ погорѣвшаго дубоваго. Онѣ почиваютъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ: мощи св. Леонтія подъ спудомъ, въ придѣлѣ, посвященномъ его имени, а мощи св. Исаи открыты близъ иконостаса, у южныхъ вратъ алтаря, въ серебряной ракѣ. До нашествія Ляховъ въ 1609 году мощи св. Леонтія почивали открыто въ «золотой» ракѣ, единственной въ Россіи.—Чудеса св. Леонтія описаны въ книгѣ моей: «Святѣныи и древности Ростова», изд. 3-е, стр. 35—36.

³⁰⁾ На берегу рѣки Ишни близъ вѣзда въ Ростовъ по Московской дорогѣ. Тамъ и теперь существуетъ древняя деревянная церковь, построенная въ 1687 году.

³¹⁾ Мощи преп. Авраамія обрѣтены и прославлены чудесами 29 октября 1210 года. Онѣ почиваютъ открыто въ главномъ храмѣ Богомишескаго Аврааміева монастыря, въ великолѣпной серебряной ракѣ, устроенной въ 1862 году. Здѣсь же хранятся мѣдный шестиконечный крестъ отъ жезла, врученнаго Авраамію св. Іоанномъ Богословомъ для сокрушенія идола. Самый жезлъ взятъ Грознымъ паремъ въ 1553 году. (Святѣныи и древности Ростова Великаго, изд. 3-е, стр. 64—67).

до устья Камы: одни изъ выходцевъ остались на Камѣ, другіе продолжали плыть къ западу. Вышедши на берегъ, они нашли укрѣпленный городъ Болванскъ (нынѣ село Никулицкое) и овладѣли имъ. Туземцы, грубые язычники Финскаго поколѣнія, убѣжали отъ новыхъ пришельцевъ въ лѣса и долго не могли ознакомиться и соединиться съ ними. Новгородцы построили въ своемъ городкѣ церковь; оставшіеся на Камѣ спутники этихъ выходцевъ плыли р. Вяткою до Черемисскаго города Кокшарска (нынѣшній Котельничъ); завоевавъ его, соединились между собою и для безопасности отъ туземцевъ основали крѣпкій городъ Хлыновъ (нынѣшняя Вятка). Переселенцы старались просвѣтить христіанствомъ язычниковъ, среди которыхъ жили. Вначалѣ встрѣтили они со стороны суевѣрія сильное сопротивленіе; но впослѣдствіи Вотяки стали обращаться въ христіанство. Раннее водвореніе христіанства въ Вяткѣ было залогомъ успѣшнаго дѣйствования Русскихъ проповѣдниковъ Евангелія на сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Россіи.

Почти въ то же время трудился преп. Герасимъ, уроженецъ и постриженникъ Печерскій. Въ 1147 году онъ пришелъ изъ Кіева на берега рѣки Вологды и у ручья Кайсарова основалъ обитель съ храмомъ св. Троицы. Это было еще до начала города Вологды. Тогда былъ здѣсь глухой лѣсъ, а въ лѣсу посадъ съ Воскресенской церковью и при немъ малый торжокъ. Подвижникъ благочестія примѣромъ своей жизни и свѣтлыми наставленіями озарилъ дикую страну и мирно почилъ 4 марта 1178 года ³²⁾.

---

³²⁾ Мощи преп. Герасима почиваютъ подъ спудомъ въ Вологдѣ въ Троицкомъ храмѣ обители его, упраздненной въ 1764 году. Болѣе подробныя свѣдѣнія—въ моихъ «Письмахъ съ Сѣвера», стр. 37 и 38.

Г Л А В А V.

Гибельныя послѣдствія удѣльной системы правленія.—Убіеніе св. князя Игоря-Гавріила.—Владиміръ Мономахъ и сынъ его св. Мстиславъ Великій. — Преп. Антоній Римлянинъ. — Сыновья Великаго Мстислава: св. Всеволодъ и блаж. Ростиславъ.

Раздробленіе Русской земли на множество удѣловъ препятствовало развитію государственнаго значенія потомковъ св. Владимира: каждый изъ нихъ смотрѣлъ на свое княжество, какъ на временную стоянку, въ ожиданіи болѣе обширнаго или болѣе богатаго удѣла. Народъ съ своей стороны смотрѣлъ на князя, какъ на временнаго правителя.

Самодержецъ (по выраженію современниковъ, самовластецъ) Ярославъ I, раздѣливъ свои владѣнія между пятью сыновьями, назначилъ старшаго изъ нихъ, Изяслава, великимъ княземъ. Порядокъ и согласіе между князьями не могли быть прочными, тѣмъ болѣе, что великій князь не былъ государемъ для младшихъ, а только имѣлъ надзоръ надъ ними—надзоръ отца за дѣтьми, не пользуясь даже правомъ лишать виновныхъ княженія. По прямому смыслу завѣщанія, Ярославъ имѣлъ въ виду постоянную неприкосновенность владѣній, данныхъ каждому изъ сыновей его.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Ярослава старшій сынъ его былъ выгнанъ изъ Кіева (какъ мы видѣли выше), а младшіе сыновья стали заботиться, каждый насчетъ прочихъ, объ усиленіи владѣній своихъ. Междоусобія сдѣлались непрерывными. Наконецъ всѣ князья рѣшились, по совѣту лучшаго изъ нихъ — Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава I, отъ третьяго сына его Всеволода, не подчиняться суду великаго князя, но сдѣлать общій княжескій съѣздъ и на немъ порѣшить возникшіе споры. Этотъ первый съѣздъ князей (по нынѣшнему — общій конгрессъ) былъ въ Любечѣ въ 1097 году и въ послѣдствіи нерѣдко повторялся, при чемъ утвердилось новое правило — отнимать по общему приговору удѣлы у князей, которые окажутся виновными. Границы княженія и отношенія князей стали опредѣляться договорами.

Но и этихъ мѣръ было недостаточно для спокойствія и порядка. Право на великое княженіе принадлежало старшему въ родѣ. Несмотря на то, князья очень часто восходили на Кіевскій престолъ не по стар-

шинству, а по согласію союзниковъ, по выбору народа и просто по праву сильнаго. Ни одинъ княжескій родъ не могъ укрѣпиться на Кіевскомъ престолѣ, гдѣ успѣли перебывать предки всѣхъ родовъ княжескихъ. Такъ было и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ иногда братъ наследовалъ брату, иногда сынъ отцу, иногда одинъ родственникъ вытѣснялъ другого только потому, что былъ сильнѣе его.

Раздоры князей губительно дѣйствовали на народъ: онъ учился подражать имъ въ самоуправствѣ. Когда Изяславъ Мстиславичъ звалъ Кіевлянъ на войну противъ родственниковъ низверженнаго и постриженнаго великаго князя Игоря Ольговича, нѣкоторые изъ народа сказали: „идемъ съ радостію, но врагъ князя и народа Игорь не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно въ монастырѣ св. Феодора; убьемъ его и пойдёмъ на Ольговичей Черниговскихъ“. Тысячи голосовъ завопили: „убьемъ Игоря!“ Напрасно князь Владиміръ, братъ Изяслава, митрополитъ Климентъ и народные сановники запрещали, удерживали, молили. Неистовые устремились къ монастырю, схватили жертву свою въ церкви во время литургіи, безжалостно убили Игоря и бросили нагого на площади. На другой день Феодоровскій игумень, совершая печальный обрядъ погребенія убиеннаго князя-схимника Гавріила, воскликнулъ къ народу: „Горе живущимъ нынѣ! горе вѣку суетному и сердцамъ жестокимъ! Гдѣ любовь христіанская?“ ¹⁾

Не даромъ народъ, ненавидя родъ Ольговичей, былъ искренно привязанъ къ племени Мономаха. Родоначальникъ этого племени, изъ котораго вышло много святыхъ князей, князь Владиміръ Всеволодовичъ, прозванный Мономахомъ, славный побѣдами, подвигами за отечество и благими нравами, употребилъ всю свою жизнь на примиреніе князей и успокоеніе земли Русской ²⁾. Лѣтописцы хвалятъ привязанность его къ отцу, котораго онъ никогда и ни въ чемъ не ослушался, снисходительность, милосердіе, щедрость, незлобіе. Онъ творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами; молясь въ церкви, всегда проливалъ обильныя слезы. Но всего яснѣе изображаетъ его душу завѣщаніе и поученіе, написанное имъ для сыновей.

„Приближаясь ко гробу,—пишетъ онъ,—благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ. Рука Его довела меня до старости маститой. И вы, дѣти мои, помните заповѣди Божіи, ходите по стопамъ отцовъ вашихъ. Страхъ Божій—основаніе добродѣтели. Великъ Господь и чудны дѣла Его! О, дѣти мои! хвалите Бога и любите челоувѣковъ. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ; спасутъ васъ дѣла добрыя. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе принадлежитъ Богу, а намъ дано только на время.

¹⁾ Св. князь Игорь убитъ 19 сентября 1147 года. Мощи его перенесены въ Черниговъ. Икона Богородицы, передъ которою онъ молился въ послѣднія минуты своей жизни, находится теперь въ Печерской лаврѣ.

²⁾ Великій князь Владиміръ Мономахъ скончался въ 1125 г.

Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли. Сиротамъ будьте отцами, не давайте сильнымъ губить вдовъ и слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго; жизнь и душа христіанина священны предъ Спасителемъ нашимъ. Принимайте съ любовью благословіе пастырей духовныхъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ и думайте: „мы тлѣнны, нынѣ живы, а завтра во гробѣ“. Бойтесь лжи, пьянства и любострастія, равно пагубнаго для тѣла и души. Старцевъ чтите, какъ отцовъ, мудрыхъ слушайте, старшимъ покоряйтесь, съ равными и меньшими имѣйте любовь, бесѣдуйте безъ криводушія, воздерживайтесь отъ смѣха, старайтесь опускать очи къ землѣ, а душу возносить къ небу. Въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще: Господи, помилуй! Не засыпайте никогда безъ земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на постели. Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые люди въ мое время. Когда озаряло ихъ восходящее солнце, они радостно славили Господа“.

Благочестіе и добрыя дѣла составляли принадлежность семейства Мономаха. Старшая сестра его, блаженная княжна Анна, прозванная Янкою, постриглась въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, основанномъ родителемъ ея, великимъ княземъ Всеволодомъ, и занималась воспитаніемъ дѣвицъ, сама учила ихъ грамотѣ, пѣнію и рукодѣліямъ. Она преставилась 3 ноября 1113 года. Сестра ея Евпраксія и дочь Владиміра Мономаха Марина кончили жизнь свою въ подвигахъ иночества въ той же обители.

Достойный сынъ благочестиваго Мономаха, св. Метиславъ - Теодоръ, заслужилъ отъ современниковъ имя Великаго. Съ 12-лѣтняго возраста отправленный дѣдомъ княжить въ Новгородѣ, онъ еще въ молодости явился образцомъ мужества и великодушія христіанскаго. Олегъ, князь черниговскій, убилъ брата его Изяслава и захватилъ удѣлъ его Ростовъ и Суздаль. Метиславъ, не желая проливать кровь, послалъ сказать ему: „Ты убилъ брата моего, но на войнѣ гибнуть цари и князья; будь же доволенъ своей наслѣдственной Рязанью, а я упрошу отца моего помириться съ тобою. Олегъ не послушалъ кроткихъ уоѣжденій и увѣщаній, но, разбитый Метиславомъ, потерялъ свои завоеванія и едва укрылся въ Муромѣ. Тогда Метиславъ снова предложилъ ему миръ, умолилъ отца простить Олега, и Мономахъ согласился, сознавшись, что сынъ пристыдилъ его великодушіемъ. Вскорѣ Олегъ снова нарушилъ миръ, снова былъ разбитъ и бѣгалъ въ отчаяніи, не зная, гдѣ приклонить голову. Метиславъ послалъ сказать ему: „Святополкъ и отецъ мой Владиміръ (о себѣ онъ не говорилъ) не лишатъ тебя земли Русской; я буду твоимъ ходатаемъ, останься въ своемъ княженіи, только смирись. Вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ великимъ княземъ Святополкомъ и Мономахомъ.“

Понятно, что такимъ княземъ не могли не дорожить Новгородцы. Когда Святополкъ хотѣлъ послать въ Новгородъ сына своего; Новгородскіе послы объявили ему: „если у сына твоего двѣ головы, то пришли его къ намъ. Новгороду нуженъ Мстиславъ, Новгородцамъ далъ его Всеволодъ; мы вскормили его для себя и любимъ его, а сына твоего не хотимъ“. Мстиславъ остался въ Новгородѣ, гдѣ сохранились, какъ памятники его благочестія, каменные храмы: Благовѣщенскій на Городищѣ, близъ Новгорода, гдѣ со времени Рюрика было пребываніе князей, и великолѣпный соборъ на княжемъ дворѣ во имя святителя Николая, котораго мощи незадолго предъ тѣмъ были перенесены въ Баръ-градъ. Этотъ послѣдній храмъ былъ памятникомъ признательности блаженнаго князя къ великому святителю за исцѣленіе отъ болѣзни. Св. Николай въ видѣніи повелѣлъ больному князю Мстиславу послать въ Кіевъ пословъ за иконою своею, которой видъ и мѣра были показаны. Послы отправились, но буря, поднявшаяся на озерѣ Ильменѣ, удержала ихъ у острова Липнаго три дня. Здѣсь нашли они плывшую по водѣ икону святителя Николая, того самаго вида (круглую) и размѣра, какіе показаны въ видѣніи. Больной князь, приложась къ святой иконѣ, получилъ исцѣленіе ³⁾).

Послѣ многихъ воинскихъ подвиговъ для защиты предѣловъ Новгородскихъ областный Мстиславъ, по волѣ отца, перешелъ въ Бѣлгородъ, а въ 1125 г., оплакавъ кончину родителя, сѣлъ въ Кіевѣ на престолѣ великокняжескомъ. Въ Кіевѣ онъ устроилъ монастырь въ честь ангела своего, великомученика Феодора, и храмъ въ честь Пирогощей иконы Богородицы, доставленной изъ Царьграда.

Послѣ блистательнаго похода противъ дикой Литвы доблестный и благочестивый князь скончался въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней Пасхи (15 апрѣля 1132 года) на 56 году своей жизни и погребенъ въ построенномъ имъ монастырѣ. Онъ умѣлъ править Русскою землею, хранилъ порядокъ и правду, могъ бы надолго утвердить спокойствіе Россіи, если бы дожилъ до маститой старости отца своего. Еще современники не только называли его добрымъ и христіюлюбивымъ княземъ, но и надѣялись на загробныя молитвы его. Въ одномъ древнемъ Прологѣ сказано, что онъ былъ неудержимо милостивъ ко всякому, серебра и золота въ руки не принималъ, потому что не любилъ богатства, и заранѣе узналъ день преставленія своего ⁴⁾).

Во время княженія св. Мстислава при святительствѣ св. епископа Никиты основана въ Новгородѣ первая общежительная обитель преподобнымъ Ананіемъ чудотворцемъ. Онъ былъ уроженецъ города Рима, сынъ богатыхъ и благородныхъ родителей. Зная твердо догма-

³⁾ Чудесно-явленная на озерѣ Ильменѣ икона св. Николая находится въ Новгородскомъ Николо-Дворищскомъ соборѣ на островѣ Липномъ, гдѣ она была найдена, въ 7 верстахъ отъ Новгорода; блаж. Мстиславъ поставилъ деревянную церковь и основалъ монастырь Липенскій, отъ котораго сохранились только развалины каменнаго храма, построеннаго въ 1290 г. «Святѣи и древности В. Новгорода», стр. 115 и 253).

⁴⁾ «Русскіе Святые». Апрѣль, стр. 64.

ты вѣры православной и хорошо научившись греческому языку, онъ прилежно читалъ книги св. отцовъ; по кончинѣ родителей, будучи 18 лѣтъ отъ роду, онъ роздалъ бѣднымъ большую часть имѣнія, а оставшееся золото, серебро, драгоценные сосуды и другія церковныя вещи вложилъ въ бочку (делву) и пустилъ въ море. Послѣ того Антоній, въ 1088 году, удалился въ пустыню, гдѣ отыскалъ православныхъ монаховъ, укрывавшихся отъ папскихъ гоненій въ горахъ и разсѣлипахъ, и поселился съ ними, припавъ постриженіе. Оттуда, по любви къ уединенію, онъ перешелъ на одну приморскую скалу и здѣсь, стоя на камнѣ, провелъ годъ и два мѣсяца въ постѣ и молитвѣ, постѣ чего неисповѣдимыми судьбами Божиими перенесенъ вмѣстѣ съ камнемъ, на которомъ стоялъ, по морю, рѣкѣ Невѣ, Ладожскому озеру (Невоезеро) и вверхъ по рѣкѣ Волхову въ страну Новгородскую. Камень присталъ къ берегу въ ночь съ 7-го на 8-е сентября 1106 г. Преподобный услышалъ звонъ къ утреннему пѣнію, увидѣлъ жителей невѣдомой страны и не понималъ языка ихъ, а они смотрѣли съ удивленіемъ на чуднаго пришельца, который не смѣлъ сойти съ своего камня, не зная, гдѣ онъ, и опасаясь новыхъ гоненій отъ враждебнаго Рима. Послѣ трехдневной молитвы Господь послалъ ему человѣка, знающаго греческій и латинскій языки. Съ изумленіемъ узналъ отъ него Антоній, что передъ нимъ Великій-Новгородъ и св. Софія, что онъ въ три дня и три noci совершилъ тотъ путь, который обыкновенно совершается въ полгода. Ликовала душа пришельца, когда онъ увидѣлъ священное величіе храма св. Софіи, благолѣпіе обрядовъ церковныхъ и услышалъ сладкогласное пѣніе, хотя на незнакомомъ ему языкѣ. Обучившись нѣсколько Русскому языку, онъ открылъ тайну своего чуднаго пришествія одному только епископу св. Никитѣ, который посоветовалъ преподобному устроить обитель ипическую въ честь Рождества Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ къ берегу плившій камень, и выпросилъ это мѣсто у Новгородскихъ посадниковъ.

Спустя годъ послѣ того, случилось однажды, что рыбаки, трудившись цѣлую ночь въ рыбной ловлѣ, ничего не поймали. Тогда преподобный Антоній предложилъ имъ гривенный слитокъ серебра съ тѣмъ, чтобъ они еще разъ закинули сѣти въ Волхвъ и все, что поймутъ, отдали въ новую обитель. Рыбаки закинули сѣти и едва могли вытянуть ихъ на берегъ: къ общему изумленію, въ неводѣ, кромѣ великаго множества рыбы, оказалась та самая бочка, которую Антоній, еще будучи въ Италіи, бросилъ въ море. Но рыбаки заспорили, увѣряя, что бочка принадлежитъ имъ издавна и что они занимались ловить рыбу, а не товары. Преподобный долженъ былъ прибѣгнуть къ суду посадниковъ, и бочка была присуждена ему, когда онъ объяснилъ, что въ ней находятся золотые потиры, церковная утварь, также золото и серебро, доставшееся ему въ наслѣдство отъ родителей. Это богатство послужило на построение каменнаго храма и на покушку близлежащихъ земель для монастыря. Святитель Никита самъ началъ копать ровъ подъ основаніе церкви, но не дожилъ до окончанія

зданія. Послѣ 16-лѣтняго игуменства преподобный Антоній, предузнавъ свою блаженную кончину, открылъ духовному отцу дивную повѣсть жизни своей и велѣлъ предать ее писанію во славу Божію ⁵⁾.

Два сына блаженнаго великаго князя Мстислава Владиміровича оставили по себѣ память добродѣтельной и святой жизни.

Старшій изъ нихъ, святыи князь Всеволодъ-Гавриилъ, въ ранней юности былъ оставленъ отцомъ въ Новгородѣ на княженіи, когда престарѣлый монархъ вызвалъ Мстислава къ себѣ, чтобы имѣть въ немъ помощника. Достойный сынъ великаго Мстислава много сдѣлалъ добра для Новгородцевъ, но они заплатили ему зломъ.

Начало своего княженія юный князь ознаменовалъ основаніемъ Юрьева монастыря въ Новгородѣ: вмѣстѣ съ игуменомъ Кириакомъ онъ заложилъ тамъ въ 1119 году величественный храмъ великомученика Георгія, надѣливъ обитель разными угодьями. По случаю рожденія сына Іоанна онъ построилъ на торговой Новгородской площади, на Петрятиномъ дворницѣ, храмъ св. Іоанна Предтечи и выдалъ для новаго храма весьма значительную по содержанию грамоту ⁶⁾.

Наступило тяжкое время для Новгорода: угнетаемый двухлѣтнимъ голодомъ, народъ питался липовымъ листомъ, березовою корою, соломой и мохомъ; по улицамъ лежали трупы, и некому было погребать ихъ; родители отдавали дѣтей своихъ купцамъ иноземнымъ, чтобы только спасти ихъ отъ голодной смерти. Въ эти горестные дни Всеволодъ явилъ всю отеческую любовь свою къ народу: онъ былъ отцомъ сиротъ и вдовъ, нитателемъ нищихъ и голодныхъ, истощалъ на нихъ казну свою, но и ея не доставало для множества прѣсяшихъ.

Пребывая въ Новгородѣ, Всеволодъ дѣлалъ походы въ Емь (Финляндію) для охраненія Новгородскихъ границъ, въ Эстонию и Литву; всѣ эти походы были удачны.

Въ 1132 году дядя его, князь Ярополкъ, вступилъ на Кіевскій

⁵⁾ Преподобный Антоній Римлянинъ преставился 3 августа 1147 года и погребенъ въ созданной имъ церкви. Мощи его открыты въ 1597 году. Въ обители его сохранились: камень, на которомъ онъ приплылъ изъ Італіи, вѣтви морской травы, которую онъ держалъ въ рукѣ во время плаванія; двѣ фелони и два паникадила, принадлежавшія чудотворцу, а изъ вещей, найденныхъ имъ въ бочкѣ,—шесть мозаическихъ (мусійныхъ) иконъ. Полагаютъ, что два драгоцѣнныхъ потира, взятые Грознымъ царемъ при разграбленіи Антоніева монастыря въ 1560 году и находящіеся теперь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, принадлежали также преп. Антонію (Святѣи и древности В. Новгорода, стр. 154—157).

⁶⁾ Въ этой грамотѣ обезпечено содержаніе храма и причта и назначена пошлина со всѣхъ предметовъ торговли, особенно же съ воска. Другая грамота св. князя Всеволода, данная имъ Софійскому собору (Новгородской каѳедрѣ), сходная по содержанию съ уставами св. Владиміра и Ярослава, заключаетъ въ себѣ замѣчательную черту. По Русской Правдѣ дочерямъ боярина давалась часть наравнѣ съ сыновьями, а дочери смерда (простою свободнаго человека) получали равную часть только тогда, когда не выданы замужъ; иначе братья давали только приданое. Блаженный князь Всеволодъ пишетъ: «Если послѣ кого-нибудь останутся сыновья и дочери, то какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ слѣдуетъ изъ всего имущества по равной части». Князь лишаетъ наслѣдства только неплумудренную дочь, но и при этомъ говоритъ: «если братъ изъ желанія корысти взведетъ на свою сестру ложь, то онъ повиненъ за то смерти».

престоль, далъ Всеволоду удѣлъ Переяславскій, который считался старшимъ послѣ Кіева и служилъ иногда переходнымъ къ великому княженію. Съ неудовольствіемъ отпустили Новгородцы своего добраго князя, упрекая его, что онъ измѣнилъ св. Софіи; а между тѣмъ родной дядя его, младшій сынъ Мономаха, князь Юрій Долгорукій вооружился, говоря, что Ярополкъ хочетъ сдѣлать племянника наслѣдникомъ своимъ въ Кіевѣ. Утромъ вѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль и до обѣда выгнанъ былъ Юріемъ. Избѣгая междоусобія, богобоязненный князь возвратился въ Новгородъ, но тамъ на вѣчѣ уже не хотѣли принять его, позабывъ благодѣтельное его правленіе и славныя побѣды. Впрочемъ, одумавшись, гордая вольница воротила изгнанника и только ограничила власть его новыми правами своихъ посадниковъ. Спустя два года, братъ его Изяславъ, лишенный удѣла тѣмъ же дядею Юріемъ, пришелъ въ Новгородъ просить помощи. Новгородцы зашумѣли, вызываясь защищать Мстиславичей противъ властолюбиваго Юрія. Всеволодъ выступилъ съ войскомъ, но походъ былъ неудаченъ. Новгородцы требовали новой войны, хотѣли снова идти къ Суздалю, но и на на этотъ разъ Богъ не благословилъ оружія Новгородскаго. Начали зимній походъ, съ терпѣніемъ сносили холодъ и вьюги, но кровопролитная битва на Ждановой горѣ (26 января 1135 года) осталась навсегда памятною въ лѣтописяхъ; здѣсь Новгородцы потеряли множество людей, побили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды, и самъ Всеволодъ едва спасся съ остаткомъ дружины. „Вся земля Русская разодралась тогда“, по краснорѣчивому выраженію лѣтописца.

Раздраженные неудачей Новгородцы, собравшись на смутное вѣче, осудили Всеволода на изгнаніе. Онъ былъ заключенъ въ епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею (супругою св. князя Николы-Святоши), семь недѣль содержался, какъ преступникъ, за стражею и получилъ свободу только тогда, когда прибылъ въ Новгородъ избранный народомъ князь Святославъ Ольговичъ, другъ Юрія.

Добродушный Ярополкъ далъ изгнаннику Вышгородъ. Жители Пскова, до того времени неразлучные отъ Новгородцевъ подъ властью одного князя, дорожили благодѣяніями Всеволода и съ живымъ усердіемъ звали его къ себѣ. Всеволодъ согласился на призывъ любви; на дорогѣ имѣлъ онъ утѣшеніе видѣть, что между князьями его времени не изсякла любовь христіанская. Полоцкій князь Василій вмѣсто того, чтобы мстить за обиды, нанесенныя ему Великимъ Мстиславомъ, принималъ и провожалъ Всеволода съ братскою любовью. Вѣрные Псковитяне приняли съ восторгомъ призваннаго ими князя и не утрашили, когда Новгородцы поднялись на нихъ войною. Устроивъ засѣдки и засѣвши въ окопахъ, они клялись не выдать своего князя. Одумался Святославъ Новгородскій, побоялся кровопролитія и воротился въ Новгородъ, говоря: „пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ“².

Между тѣмъ святой Всеволодъ заложилъ въ Псковѣ каменный храмъ Св. Троицы. Не болѣе одного года княжилъ онъ въ Псковѣ,

но этотъ послѣдній годъ его жизни былъ ознаменованъ непрестанными благодѣянiями. Блаженный князь во всю жизнь свою любилъ Господа и его служителей; любилъ читать священныя книги и самъ ихъ списывалъ; любилъ и нищихъ, которыхъ щедро снабжалъ все́мъ нужнымъ. Предчувствуя близкую кончину, онъ смирялъ себя постомъ и молитвою, питалъ нищихъ, призрѣвалъ странныхъ, самъ перевязывалъ раны больнымъ; но окрестные народы трепетали при имени князя, который никому не выдавалъ чести своей и вѣрнаго ему Пскова; никто не смѣлъ нападать на подвластный ему городъ. Послѣ краткой болѣзни онъ мирно скончался въ лѣтахъ зрѣлаго мужества 11 февраля 1138 года.

Опамятовались граждане Великаго-Новгорода, услышавъ о кончинѣ блаженнаго князя, и послали протопопа отъ св. Софiи именемъ Полюда, и съ нимъ нѣсколько благоговѣйныхъ людей, чтобы взять мощи въ Новгородъ. Но рака не двинулась съ мѣста, потому что св. князь хотѣлъ остаться тамъ, гдѣ любили его. Горько плакали послы Новгородскiе, раскаяваясь въ неблагодарности своего народа и молили дать имъ хотя малую часть отъ св. мощей на утверженiе града ихъ. Тогда отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя. Съ радостью принялъ святыню протопопъ Полюдь и возвратился съ нею въ Новгородъ, а Псковитяне погребли благовѣрнаго князя въ построенномъ имъ храмѣ великомученика Димитрiя Солунскаго, потому что Троицкiй соборъ былъ еще недостроенъ. Спустя 54 года, онъ обрѣтены нетлѣнными. Св. князь явился въ видѣнiи одному богобоязненному человѣку и сказалъ: „объяви властямъ, чтобы перенесли мощи мои въ храмъ Святой Троицы; тамъ хочу я возлечь. Господь Иисусъ Христосъ предалъ мнѣ градъ мой Псковъ, чтобы хранить его отъ нечестивыхъ Нѣмцевъ“. Святыя мощи были благоговѣйно перенесены открыто въ Троицкiй соборный храмъ (27-го ноября 1192 года)⁷⁾; тамъ онъ прославились многими чудотворенiями.

Ночью подъ 30 число iюля 1363 года св. князь явился соборному пономарю, спавшему въ притворѣ храма, и сказалъ: „завтра объяви причту св. Троицы и посадникамъ, чтобы вынесли иконы изъ церкви; въ слѣдующую ночь Господу угодно явить чудо надъ моими мощами“. Приказанiе исполнено, и ночью обрушился громадный сводъ храма и отшибъ малую часть челюстей благовѣрнаго князя, которая и донинѣ сохраняется въ серебряномъ ковчегѣ.

Надъ гробницею св. Всеволода виситъ огромный и тяжелый мечъ его съ надписью: „*honorum meum nemini dabo*“ (чести моей никому не отдамъ)⁸⁾.

Другой сынъ Великаго Мстислава, благовѣрный князь Ростис-

⁷⁾ Мощи св. князя Всеволода-Гавриила въ царствованiе императора Петра I закрыты и съ того времени почиваютъ подъ спудомъ. Въ день Пасхи 22 апрѣля 1834 года онѣ переложены вмѣстѣ съ дубовою ракою въ великолѣпную серебряную.

⁸⁾ Описанiе и рисунокъ этого меча можно видѣть въ книгѣ моей: «Святыни и древности Пскова», стр. 23.

лавъ-Михаилъ, родоначальникъ князей Смоленскихъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ правителей, которые въ блескѣ верховной власти находятъ болѣе тягости, нежели наслажденія. Два раза возводили его на престолъ великаго княженія, но онъ не любилъ власти и всегда готовъ былъ отказаться отъ нея. Достигнувъ глубокой старости и уже больной, онъ отправился изъ Кіева въ Новгородъ, чтобы утвердить тамъ сына своего Святослава. На дорогѣ Смоленскіе послы встрѣтили его за 300 верстъ отъ города; въ Смоленскѣ жители всѣхъ сословій приняли съ подарками добродѣтельнаго старца-князя. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ-Лукъ и тамъ взялъ клятву съ пословъ Новгородскихъ—забыть прежнія неудовольствія на сына его и не искать себѣ другого князя. Больной возвратился онъ въ Смоленскъ, гдѣ сестра его Рогнѣда и сынъ Романъ уговаривали его остаться, чтобы быть погребеннымъ въ сооруженной имъ церкви Петропавловской ⁹⁾. „Везите меня въ Кіевъ, — отвѣчалъ онъ,—если умру на дорогѣ, положите меня въ отчемъ монастырѣ у св. Теодора; если же Богъ исцѣлитъ меня молитвами Пречистой Своей Матери и преп. Теодосія, постригусь въ Печерскомъ монастырѣ“. Блаженный князь скончался на пути съ тихою молитвой на устахъ: „нынѣ отпусти раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“. Это были послѣднія слова его, и слезы остановились на застывшихъ ланитахъ почившаго ¹⁰⁾.

Блаженный князь Ростиславъ отличался необыкновеннымъ незлобіемъ: онъ все прощалъ другимъ, помнилъ только о своихъ грѣхахъ, о своихъ долгахъ предъ Богомъ и забывалъ о томъ, что должны ему другіе. Часто говорилъ онъ Печерскому игумену; „приготовь мнѣ келью, боюсь смерти неожиданной“. Во время великаго поста по субботамъ и воскреснымъ днямъ приглашалъ онъ къ своей трапезѣ игумена съ избранными старцами обители преп. Теодосія, бесѣдовалъ съ ними о душевномъ спасеніи, а въ каждое воскресенье поста пріобщался Святыхъ Таинъ. Ему очень хотѣлось уклониться отъ суетнаго міра въ Печерскую обитель, чтобы краткую мимо-текущую жизнь посвятить Богу въ безмолвіи. Не разъ говорилъ онъ о томъ Печерскому игумену, блаженному Поликарпу ¹¹⁾, но благоразумный старецъ останавливалъ его, говоря: „Богъ требуетъ отъ тебя другихъ подвиговъ; твори правду и блюди землю Русскую“. Ростиславъ не равнялся свойствами съ отцомъ и дѣдомъ, но любилъ родину, любилъ миръ и правду и боялся запятнать себя кровью Русскою.

⁹⁾ Петропавловскій храмъ въ Смоленскѣ, построенный въ 1146 году набожнымъ княземъ Ростиславомъ, несмотря на всѣ перевороты времени, особенно страшные для Смоленска въ 1612 и 1812 годахъ, уцѣлѣлъ безъ малѣйшаго поврежденія.

¹⁰⁾ Блаж. князь Ростиславъ Набожный (такъ звали его современники) преставился 14 марта 1168 года и погребенъ въ Кіевскомъ Теодоровскомъ монастырѣ. При немъ открыта епископская кафедра въ Смоленскѣ, въ пользу которой онъ пожертвовалъ два села съ землями и далъ грамоту о судахъ церковныхъ, сходную съ грамотою брата его, св. Всеволода.

¹¹⁾ Преп. Поликарпъ, первый изъ игуменовъ Печорскихъ именованныйся архимандритомъ, преставился 24 іюля 1182 года. Мощи его почитаютъ въ Антоніевской пещерѣ.

Г Л А В А VI.

Основаніе великаго княженія во Владимірѣ.—Юрій Долгорукій.—Сынъ его св. Андрей Боголюбскій.—Св. епископы Новгородскіе: Нифонтъ и Илья. Іоаннъ.—Св. князь Мстиславъ Храбрый.—Преп. княжна Евфросинія.—Св. Кириллъ Туровскій.—Преп. Никита Столпникъ.—Преп. Варлаамъ Хутынскій и ученики его.

Между тѣмъ какъ достойный сынъ Мономаха, Мстиславъ Великій, и благочестивые сыновья его, Всеволодъ и Ростиславъ, подавали землѣ Русской примѣръ христіанскихъ и царственныхъ добродѣтелей, на сѣверо-востокѣ Россіи, въ землѣ Суздальской, княжилъ младшій сынъ Мономаха Юрій (Георгій) Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ. Властолюбивый, но безпечный, онъ знаменитъ въ исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края Руси, въ которомъ онъ провелъ цвѣтуція лѣта своей жизни. Онъ заботился о распространеніи тамъ христіанской вѣры, строилъ церкви въ Суздаль, Владимірѣ, на берегахъ Нерли; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; основалъ новые города: Юрьевъ-Подольскъ, Переяславль-Залѣскій и Дмитровъ. Но онъ не любилъ дикаго и суроваго сѣвера, считалъ себя изгнанникомъ въ землѣ Суздальской и скучалъ по Кіеву. „Неужели и дѣтямъ моимъ не будетъ части въ землѣ Русской?“—говорилъ онъ, стараясь добыть Кіевъ. Юрій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца, не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ, ни однимъ дѣйствіемъ искренняго добросердечія, свѣйственнаго Мономахову племени. Онъ не уважалъ святости клятвъ и часто волновалъ Русь въ пользу своего честолюбія. Будучи сыномъ Мономаха, котораго любили во всѣхъ концахъ земли Русской, онъ не умѣлъ заслужить народной любви ни на сѣверѣ, ни на югѣ, гдѣ наконецъ удалось ему, незадолго до смерти, занять престолъ великаго княженія. Народъ Кіевскій столько ненавидѣлъ Долгорукаго, что, узнавъ о смерти его, поспѣшилъ разграбить дворецъ княжескій и не далъ похоронить тѣла его подлѣ гробницы Мономаховой: Юрія похоронили за городомъ въ Спаскомъ Берестовскомъ монастырѣ.

Сынъ его Андрей, прозванный Боголюбскимъ, любилъ сѣверъ какъ родину; тамъ народъ былъ спокойнѣе, нежели на югѣ, не судилъ и не мѣнялъ князей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Видя, что ему нечего искать на югѣ при жизни

сыновой старшаго изъ Мономаховичей, Великаго Мстислава, храбрый и набожный Андрей тяготился въ душѣ неразсчитливымъ властолюбіемъ отца своего и тайно удалился изъ Кіева въ наслѣдную область, гдѣ Ростовцы и Суздальцы приняли его съ радостью и по смерти отца признали своимъ княземъ. Онъ могъ тогда же завоевать себѣ древнюю столицу, но хотѣлъ единственно тишины долговременной и порядка въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ. Онъ основалъ новое великое княженіе Суздальское, или Владимірское, которое промыслъ Божій предназначилъ быть истиннымъ сердцемъ Русскаго государства. Чувствуя, что Россія гибнетъ отъ раздробленія власти, Андрей старался ввести единоедержавіе.

Удаляясь изъ Кіева въ Суздаль, онъ тайно взялъ съ собою знаменитую икону Богоматери, написанную, по общему вѣрованію нашихъ предковъ, св. евангелистомъ Лукою. Изъ Іерусалима она была принесена въ Царьградъ императрицею Евдокіею, супругою Θεодосіа Младшаго, и поставлена во Влахернскомъ храмѣ, а патріархъ Константинопольскій Лука ХризOVERГъ прислалъ ее въ Кіевъ къ великому князю Юрію, который поставилъ икону въ дѣвичьемъ монастырѣ въ Вышгородѣ. Оттуда и взялъ ее Андрей. Когда пришли на берегъ Клязьмы, не доѣзжая до Владиміра, кони, везшіе икону, остановились и не могли сдвинуться съ мѣста. Князь построилъ здѣсь каменный храмъ и поставилъ на время икону, а мѣсто назвалъ Боголюбовскимъ, потому что Богородица возлюбила его. Построивъ во Владимірѣ великолѣпный соборный храмъ ¹⁾, благочестивый князь перенесъ въ него чудотворную икону и украсилъ ее окладомъ изъ 15 фунтовъ золота, жемчугомъ и драгоценными каменьями. Бывъ свидѣтелемъ многихъ опытовъ благодатной помощи отъ сей святой иконы, князь Андрей питалъ къ ней особенную вѣру и, когда выходилъ на брань, имѣлъ обычай брать съ собою ее и честный крестъ. Такъ поступилъ онъ и въ 1164 году, отправляясь въ походъ противъ восточныхъ Болгаръ-Магометанъ. Предъ сраженіемъ благочестивый князь укрѣпилъ духъ свой пріобщеніемъ св. Тайнъ и молитвою предъ иконою Богоматери. Болгары были разбиты, и князь далеко преслѣдовалъ ихъ. По возвращеніи изъ преслѣдованія на мѣсто битвы князь прежде всего принесъ благодареніе Богоматери предъ чудотворною Ея иконою. Въ это время отъ животворящаго креста и иконы Богоматери возсіялъ свѣтъ, озарившій все войско. Память о семъ чудѣ доселѣ сохраняется въ празд-

---

1) Храмъ этотъ уцѣлѣлъ до нашего времени. Камень для постройки его привозили изъ каменоломенъ Болгарскихъ. Внутренняя отдѣлка и украшеніе собора отличались необыкновеннымъ великолѣпиемъ: дорогіе каменья, золото, серебро покрывали иконы; сосуды и кресты были золотые. Храмъ былъ заложенъ въ 1158 году; освященіе совершено 21 іюня 1160 года. Князь назначалъ для собора лучшія села съ купленными поселенцами, десятую часть своихъ стадъ и десятую пошлину съ торгоа; онъ назначилъ быть здѣсь епископской каедрѣ и все это утвердилъ грамотою. Онъ даже спросилъ Цареградскаго патріарха объ избраніи особеннаго митрополита для сѣверной Россіи съ тѣмъ, чтобы каедрѣ его была во Владимірѣ, но патріархъ не согласился, боясь раздоровъ.

нествѣ Всемилостивому Спасу (1 августа), установленномъ по желанію Андрея и по сношенію съ императоромъ греческимъ Мануиломъ, который въ тотъ же день видѣлъ свѣтъ отъ креста Господня и побѣдилъ Сарацинъ ²⁾.

Княженіе Андрея Боголюбскаго кончилось страдальческою смертію: люди, осыпанные милостями князя, убили его въ Боголюбовѣ. Послѣднія слова его были: „Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой“ ³⁾. За девять дней до убіенія св. князя Андрея скончался сынъ его князь Глѣбъ, 20-лѣтній юноша, благочестивый, чистый душою и тѣломъ. Тѣло его, положенное во Владимірскомъ соборѣ, прославлено нетлѣніемъ и чудесами ⁴⁾.

Между тѣмъ какъ въ землѣ Суздальской возникало новое великое княженіе, на архіерейской кафедрѣ Великаго Новгорода сіяли добродѣтелями два великіе святители—Нифонтъ и Ілія-Іоаннъ.

Св. Нифонтъ, уроженецъ Кіевскій, монахъ Печерскій, за святость жизни поставленный въ санъ епископа Новгородскаго въ 1130 году, великолѣпно возобновилъ Софійскій храмъ и построилъ каменныя церкви: Успенія и св. Климента въ Новгородѣ и Спасскую на Псковскомъ Завеличѣ ⁵⁾.

Въ 1147 году великій князь Изяславъ рѣшился послѣдовать примѣру Ярослава Великаго и созвалъ соборъ епископовъ для избранія и посвященія митрополита. Къ несчастію, тогда происходило кровавое междоусобіе между Изяславомъ и Юріемъ Суздальскимъ за Кіевскій престоль, и почти все князья удѣльные, раздѣлившись на двѣ стороны, принимали участіе въ этой распрѣ. Естественно, тогда не могло быть того единодушія на соборѣ, какое было при самодержцѣ Ярославлѣ, тѣмъ болѣе, что давность обыкновенія—получать первосвятителей изъ Царьграда обратилась какъ будто въ непреложный законъ. Нельзя было ничего сказать противъ лица, предлагаемаго великимъ княземъ: это былъ Климентъ Смолятичъ, родомъ Русинъ, черноризецъ и затворникъ, строгій и просвѣщенный подвижникъ. Но св.

---

²⁾ Въ тотъ же день совершается празднованіе честному кресту, упоминаемое еще въ мѣсяцесловѣ Остромирова Евангелія (1070) подъ 31-мъ іюля и уже позднѣе перенесенное на 1-е августа.

³⁾ Убіеніе св. князя Андрея было ночью съ 29 на 30 іюня 1175 года. Мощи его открыто почиваютъ въ серебряной рацѣ въ посвященномъ памяти его придѣлѣ сооруженнаго имъ собора. По словамъ лѣтописи, князь Андрей былъ не высокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, красивъ лицомъ, съ волосами черными и кудрявыми, съ высокимъ челомъ, съ большими свѣтлыми очами.

⁴⁾ Св. князь Глѣбъ преставился 20 іюня 1175 года; мощи его, открытыя въ 1702 г., отличаются изумительною живостью: рука юнаго князя свободно поднимается, гнется, наклоняется, какъ бы у живого. Въ честь князя Глѣба устроенъ придѣлъ во Владимірскомъ соборѣ, гдѣ почиваютъ мощи его въ серебряной рацѣ.

⁵⁾ Спасо-Мирожская церковь, основанная св. Нифонтомъ въ годъ кончины его, сохранилась донынѣ въ цѣлости. Св. Нифонтъ почитается основателемъ не только этого храма, но и монастыря Спасо-Мирожскаго, въ которомъ первымъ настоятелемъ былъ преп. игуменъ Авраамій (престав. 24 сентября 1158 года). Въ монастырской ризницѣ хранится принадлежавшая св. Нифонту деревянная чаша «Святѣни и древности Пскова», стр. 67).

Нифонтъ и Грекъ Мануиль, епископъ Смоленскій, утверждали, что митрополитъ можетъ быть посвященъ не иначе, какъ вселенскимъ патриархомъ въ Царьградѣ. Несмотря на ихъ несогласіе, Климентъ былъ посвященъ Русскими епископами въ Кіевѣ, а для блаженнаго Нифонта наступило тяжелое время. За несогласіе покориться новому митрополиту онъ вызванъ былъ въ Кіевъ и содержался въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока Юрій Долгорукій, утвердись на Кіевскомъ престолѣ, не отпустилъ его съ честью въ Новгородъ. Вскорѣ въ Царьградѣ посвятили новаго митрополита Константина ⁶⁾, и Нифонтъ поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы встрѣтить его, но, не дождавшись его пріѣзда, скончался въ Кіевѣ 21 апрѣля 1156 года, въ субботу пасхальной недѣли ⁷⁾. Новгородскій лѣтописецъ, благоговѣя предъ высокими добродѣтелями св. Нифонта, говоритъ: „мы за грѣхи наши лишены утѣшенія видѣть у себя гробъ его“.

Извѣстны отвѣты блаженнаго Нифонта на вопросы Кирика, іеромонаха Новгородскаго Антоніева монастыря, относящіяся до богослуженія, совершенія Таинствъ и обрядовъ. Эти отвѣты въ древности пользовались полнымъ уваженіемъ всей Русской Церкви и теперь служатъ для насъ доказательствомъ, что все существенное въ догматахъ вѣры и совершеніи Таинствъ сохранилось издревле неизмѣннымъ, какъ непреложна самая воля Божія ⁸⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ преставленія блаженнаго Нифонта, вступилъ на Софійскую кафедру, по избранію народнаго вѣча, св. Ілья-Іоаннъ, природный Новгородецъ, священникъ Власьевской церкви на Волосовой улицѣ ⁹⁾. Онъ посвященъ въ Кіевѣ въ 1166 году и вскорѣ послѣ того получилъ отъ митрополита грамоту, предоставлявшую Новгородскому владыкѣ и преемникамъ его санъ архіепископа.

Вскорѣ потомъ Новгородцы, безпрестанно призывая и изгоняя князей, не послушались Андрея Боголюбскаго. Тогда великій князь рѣшился сломить гордыню Новгорода и послалъ многочисленное вой-

⁶⁾ Митрополитъ Константинъ не долго оставался на Софійской кафедрѣ. Раздоры между князьями окончились тѣмъ, что положили: не управлять митрополіею ни Клименту, ни Константину, а призвать новаго митрополита изъ Греціи. Изгнанный изъ Кіева, блж. Константинъ горько сокрушался о томъ, что былъ невинной причиною столь упорнаго раздѣленія мыслей въ князьяхъ, духовенствѣ и народѣ; онъ скоро скончался въ Черниговѣ (5 іюня 1159 года), удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную епископу Черниговскому Антонію, истребовавъ клятву, что послѣдняя его воля будетъ исполнена. Антоній въ присутствіи князя Святослава срѣзалъ печать и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: «не погребайте моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ гроба, и повержено псамъ на снѣдніе!» Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но князь, страшась гнѣва небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло митрополита въ Черниговъ и съ честью предать землѣ въ соборной церкви Спаса.

⁷⁾ Мощи св. Нифонта почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ. Память его празднуется повсемѣстно, по установленію митрополита Макарія (въ XVI в.).

⁸⁾ «Русскіе Святые». Апрѣль, стр. 96—98.

⁹⁾ Св. Ілья-Іоаннъ былъ поставленъ въ санъ епископа безъ постриженія въ монашество (см. въ прибав. къ Тв. св. Отп. 1862 г. статью о санѣ епископскомъ стр. 469).

ско съ 72-мя князьями. Безчеловѣчно опустошивъ область Новгородскую на триста верстъ въ окружности, князья осадили Новгородъ. Въ третью ночь осады, 25 февраля 1170 года, святитель Илія со слезами молился предъ иконою Спасителя, ¹⁰⁾ и небесный голосъ возвѣстиль ему: „иди въ церковь Спаса, что на Ильиной улицѣ, возьми тамъ икону Богородицы, носи ее на городскія стѣны, и увидишь чудное спасеніе“. На утро архіепископъ вынесъ икону на наружное укрѣпленіе города ¹¹⁾ прямо противъ осаждающихъ. Народъ молился съ воплемъ и слезами. Осаждавшіе простерли воинскую отвагу до наглости противъ святыни: сыпались стрѣлы на молящихся, и одна изъ нихъ поразила святую икону ¹²⁾. Тогда на Суздальцевъ напалъ внезапный ужасъ, и они потерпѣли страшное пораженіе; въ плѣнъ взято ихъ было такъ много, что за плѣннаго Суздальца давали только по двѣ ногаты (денежки). Святитель установилъ ежегодный праздникъ (27 ноября) Знаменія Богородицы въ воспоминаніе чудной побѣды, „дня избавленія для Новгорода и дня наказанія для враговъ его“ ¹³⁾.

Послѣ того Новгородъ нѣсколько времени наслаждался миромъ. Блаженный пастырь, умиряя народъ и умилоствляя князей, находилъ время на сооруженіе многихъ храмовъ въ городѣ и Благовѣщенской обители на озерѣ Мячинѣ ¹⁴⁾, на составленіе церковныхъ правилъ, сохранившихся до нашего времени, а можетъ быть и на писаніе лѣтописи. Достигнувъ глубокой старости, предъ концемъ жизни, онъ сложилъ съ себя омофоръ и принялъ схиму подъ именемъ Іоанна. По усердной просьбѣ духовенства и всего народа, онъ передалъ архіепископство брату своему Гаврилу и преставился 7-го сентября 1186 года ¹⁵⁾.

¹⁰⁾ Изображеніе Спасителя, предъ которымъ молился св. Илія-Іоаннъ, находится на каменной стѣнѣ притвора или сѣней предъ входомъ въ грановитую палату въ Іоанновскомъ корпусѣ Новгородскаго архіерейскаго дома. Въ недавнее время устроена въ этой палатѣ церковь во имя святителя Іоанна.

¹¹⁾ По народному преданію, вынесенная святителемъ икона поставлена на Бѣлой башнѣ, которая одна только изъ всѣхъ наружныхъ укрѣпленій Новгорода сохранилась до нашего времени.

¹²⁾ Чудотворная икона Знаменія Божіей Матери находится въ Знаменскомъ соборномъ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь ея Новгородцами въ 1682 году. Подъ лѣвымъ окомъ изображенія замѣтно небольшое пятно отъ пораженія стрѣлой. На украшеніе иконы употреблено болѣе 12 ф. золота. Знаменіе Богородицы изображалось на печати Владыкъ Новгородскихъ.

¹³⁾ Выраженіе изъ рукописнаго житія св. Іоанна (сборникъ въ библиотекѣ Святотроицк. Серг. Лавры, № 692, л. 8).

¹⁴⁾ Каменная церковь Благовѣщенія при озерѣ Мячинѣ, построенная въ 1170 году, сохранилась донинѣ. Бывшій при ней монастырь упраздненъ въ 1786 году.

¹⁵⁾ Мощи святителя Іоанна обрѣтены въ 1440 году и почиваютъ въ богатой серебряной ракѣ въ Предтеченскомъ придѣлѣ Софійскаго собора. Братъ и преемникъ его, блж. архіепископъ Гавриилъ, также удостоенный архіерейства безъ постриженія, послѣ шестилѣтнаго святительства принялъ на себя схиму съ именемъ Григорія и почилъ 24 мая 1193 года. На гробницѣ его подъ помостомъ Предтеченскаго придѣла положено изображеніе святителя въ ростъ.

Въ числѣ князей, которыхъ много перемѣнилось при 40-лѣтнемъ святительствѣ архіепископа Иліи-Іоанна, былъ св. Мстиславъ, сынъ блаженнаго великаго князя Ростислава и внукъ св. Мстислава Великаго. Еще въ молодости онъ заслужилъ у современниковъ прозваніе Храбраго не только по личному мужеству въ битвахъ, но и по особенному благородству характера, по которому онъ всегда вступался за праваго противъ виноватыхъ и за слабаго противъ сильныхъ. Руководствуясь древнимъ обычаемъ, по которому Кіевскій престолъ долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ, онъ вмѣстѣ съ братьями посадилъ на Кіевское княженіе дядю своего Владиміра Мстиславича противъ воли Андрея Боголюбскаго. Привыкнувъ, какъ пишутъ современные лѣтописцы, отъ ранней юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго, храбрый князь не побоялся стотысячной рати Боголюбскаго. Съ малочисленною, но смѣлою дружиной, онъ заперся въ Вышгородѣ, рубился на вылазкахъ днемъ и ночью и выдержалъ девятинедѣльную осаду. Между тѣмъ въ станѣ осаждающихъ не было ни усердія, ни согласія: одни князья тяготились самовластіемъ Андрея, другіе опасались коварства Ольговичей, нѣкоторые тайно доброжелательствовали Мстиславу и его братьямъ. Наконецъ, когда одинъ изъ князей, подручныхъ Андрею, Ярославъ Лупкій, открыто перешелъ на сторону осажденныхъ, несмѣтныя полчища осаждающихъ взволновались и ночью въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство, стараясь переправиться на другой берегъ Днѣпра.

При свѣтѣ утренней зари Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ Вышгорода. Онъ смотрѣлъ съ изумленіемъ, какъ войско многочисленное, какъ бы гонимое сверхъестественною силою, бросалось съ крутого берега въ глубину Днѣпра, поднималъ руки къ небу и восклицалъ за ступниковъ Вышгорода, св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Мгновенно вскочилъ на коня храбрый князь и спѣшилъ довершить пораженіе враговъ, завладѣлъ станомъ непріятельскимъ и множествомъ плѣнныхъ, которыхъ отпустилъ безъ выкупа. Посадивъ въ Кіевѣ старшаго брата своего Романа, онъ отдалъ ему и Смоленскъ. Себѣ храбрый князь не искалъ никакого удѣла: онъ былъ вездѣ, куда звала его правда и слава. Съ того времени Мстиславъ Ростиславовичъ считался храбрѣйшимъ изъ всѣхъ храбрыхъ князей. Вскорѣ Новгородцы прислали звать его къ себѣ на княженіе, но онъ колебался, говоря, что не хочетъ разстаться съ добрыми братьями и своею отчиной—Смоленскомъ. „А Великій-Новгородъ развѣ не твоя отчина?—возразилъ посадникъ.—Иди, князь, поклонись св. Софіи, послужи ей вѣрой и правдой, какъ служили дѣдъ твой и прадѣдъ“. Мстиславъ согласился, потому что добрая душа его, какъ пишутъ современные лѣтописцы, „всегда рвалась на дѣла великія“.

Съ восторгомъ встрѣтили Новгородцы храбраго князя, прославившагося борьбою съ тѣмъ самымъ Андреемъ, который угрожалъ св. Софіи своими несмѣтными полчищами. Мстиславъ усмирилъ Чудь, принудивъ ее платить дань, освободилъ Псковъ отъ междоусобій и

собирался въ походъ на Полоцкаго князя, котораго прадѣль ограбилъ иѣкогда Новгородъ и святую Софію.

Но приближался уже предѣлъ земной его жизни: во всей силѣ мужества онъ внезапно пораженъ былъ тяжкимъ недугомъ. Чувствуя приближеніе смерти, Мстиславъ велѣлъ нести себя въ Софійскій соборъ и тамъ предъ всемъ народомъ приобщился св. Тайнъ; послѣ того онъ взглянулъ на супругу и трехъ сыновей и, прослезясь, сказалъ: „поручаю ихъ добрымъ братьямъ моимъ, особенно берегите младенца моего Владимірка“. Тогда успокоились крестообразно мощныя руки его на широкой груди, которая служила щитомъ Великому-Новгороду, и почилъ доблестный князь 14 іюня 1180 года. Громко рыдалъ о немъ народъ, погребая храбраго князя въ Софійскомъ соборѣ въ древней аспидной гробницѣ блаженнаго храмоздателя св. Софіи, князя Владиміра Ярославича ¹⁶⁾.

Современники, оплакивая раннюю кончину Мстислава, всеми любимаго, величаютъ мужественную красоту его, свѣтлый и смѣлый взглядъ голубыхъ очей, исполинскій ростъ, необыкновенную силу, удачу въ побѣдахъ, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкостью сердца благороднаго, ненависть къ неправдѣ, смиреніе предъ старшими родомъ и лѣтами, ласковость и привѣтливость ко всемъ, милосердіе къ бѣднымъ и сиротамъ, горячее усердіе къ Богу и Церкви. По свидѣтельству лѣтописца, онъ былъ красою Руси и своего вѣка. Другіе воевали для корысти, онъ только для правды и славы, презирая опасности и отдавая всю добычу церкви и своей дружинѣ, которую ободрялъ въ битвахъ, говоря: „за насъ Богъ и правда, умремъ сегодня или завтра, умремъ лишь съ честью“. Не было земли на Руси, гдѣ бы не желали служить ему и гдѣ бы не оплакивали ранней его кончины.

Въ лицѣ храбраго Мстислава мы видимъ уже третье поколѣніе святыхъ князей изъ благословеннаго рода Мономахова, какъ бы самимъ Промысломъ Божиимъ предназначеннаго для счастья и славы Россіи. Но и въ другихъ родахъ княжескихъ того времени появлялись личности, удивлявшія современниковъ благочестіемъ и святостію жизни. Къ числу ихъ принадлежитъ преподобная княжна Евфросинія, въ мѣрѣ Предислава, внука владѣтельнаго князя Полоцкаго Всеслава Брячиславича. Отецъ ея, Святославъ-Георгій, былъ младшій изъ семи сыновей князя Всеслава. Родители воспитывали Предиславу въ страхѣ Божиемъ, и она оказывала такую любовь къ книжному ученію, что изумляла тѣмъ родителей. Красота ея стала привлекать князей, но сердце чистой дѣвы было занято любовью къ Небесному Жениху и она тайно удалась въ дѣвичій монастырь, гдѣ игуменствовала тетка

¹⁶⁾ Нелѣпныя мощи св. князя Мстислава почиваютъ открыто у южной стѣны соборнаго алтаря св. Софіи въ бронзовой ракѣ, которой подножіемъ служить аспидная (красноватаго пифера) гробница св. князя Владиміра. Время открытія мощей и переложенія ихъ изъ аспидной въ бронзовую раку неизвѣстно.

ея, вдова князя Романа Всеславича, и по неотступной просьбѣ пострижена подъ именемъ Евфросиніи. Впослѣдствіи она испросила себѣ позволеніе жить въ пристроенной къ Софійскому собору келии и голубцѣ. Здѣсь она пребывала въ молитвѣ, занималась списываніемъ книгъ и плату, какую получала за то, раздавала нищимъ. Потомъ, по особенному видѣнію, рѣшилась она основать свой монастырь на загородномъ мѣстѣ, отданномъ ей мѣстнымъ епископомъ съ ветхою Спасскою церковью.

Тамъ къ благочестивой Евфросиніи скоро собрались сестры. Въ числѣ ихъ была младшая родная сестра ея Градислава, нареченная въ иночествѣ Евдокією; потомъ двоюродная сестра ея, Звенислава, принесла къ преподобной всѣ дорогія вещи, приготовленныя ею на приданое, и навсегда отрелась отъ міра съ именемъ Евпраксіи. Ревнуя о благолѣпіи дома Божія, блаженная Евфросинія вмѣсто ветхаго деревяннаго храма построила (около 1160 года) каменный храмъ Спасителя въ своемъ монастырѣ, сохранившійся до нашего времени ¹⁷⁾, и приготовила для новаго храма драгоценный напрестольный крестъ ¹⁸⁾. Горя любовью къ Спасителю и Богоматери, она воспользовалась родственною связью съ домомъ императоровъ Комниновъ, чтобы выпросить одну изъ трехъ иконъ, писанныхъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, которая тогда находилась въ Ефесѣ ¹⁹⁾. По усердной ея просьбѣ, императоръ Мануиль и патріархъ Лука Хризвергъ прислали ей Ефесскую икону, и Евфросинія, украсивъ ее драгоценною ризой, поставила въ своей Спасской церкви.

Преподобная игуменья усердно заботилась о спасеніи сестеръ своихъ о Господѣ. Древній жизнеописатель передаетъ трогательную бесѣду, которою она возбуждала ихъ къ подвижничеству. „Я собрала васъ о Господѣ,—говорила преподобная,—какъ коконшъ собираетъ птенцовъ, собрала словесныхъ овецъ на духовную пажить. Паситесь же въ

¹⁷⁾ Этотъ храмъ, построенный преп. Евфросиніей, въ просторѣчїи называется Спасъ-Юревичи (Спасъ-Георгіевъ); онъ сохраняетъ доселѣ какъ снаружи, такъ и внутри неизгладимые временемъ признаки священной древности. На стѣнахъ церкви уцѣлѣло стѣнное писаніе въ древнемъ византійскомъ вкусѣ, а на хорахъ—двѣ крестообразныя келліи, мѣсто молитвы преп. Евфросиніи и сестры ея Градиславы. Въ 1832 году эта церковь, бывшая въ рукахъ униатовъ, передана въ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія.

¹⁸⁾ Крестъ преп. Евфросиніи шестиконечный. Длина его $1\frac{1}{8}$ вершка, верхняя перечина, или титло, на 3 вершка, нижняя $\frac{4}{8}$ вершковъ. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ множество украшеній, искусно сдѣланныхъ изъ мелкой мусси (мозаики), и 19 маленькихъ образовъ (одинъ утраченъ). Внутри креста вложены: часть животворящаго древа, камня отъ гроба Господня и Богородицы и нѣсколько частицъ св. мощей. Изъ боковой надписи, начертанной вокругъ всего креста, видно, что крестъ приложенъ въ Спасскую церковь отъ преп. Евфросиніи въ 6669 (1161) году и стоимость креста, кромѣ заключенной въ немъ святыни, составляла 140 гривенъ, т. е. около 1400 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.

¹⁹⁾ Въ 1239 году, когда св. великій князь Александръ Невскій сочетался бракомъ въ Торонѣ съ дочерью полоцкаго князя Бръчислава, эта княжна принесла съ собою изъ Полоцка на бракъ Ефесскую икону Богородицы и поставила ее въ Торопецкомъ соборномъ храмѣ. Здѣсь находится она и теперь подъ именемъ Торопецкой, или Корсунской.

заповѣдяхъ Господнихъ, возрастайте въ добродѣтеляхъ отъ силы въ силу, чтобы я съ радостію заботилась о вашемъ спасеніи и видѣла съ утѣшеніемъ духовные плоды трудовъ моихъ. Стараюсь я сѣять въ васъ слова Божіи, но сердечныя нивы ваши не остаются ли въ прежнемъ видѣ? Онѣ не зрѣютъ, а время жатвы близится, и лопата готова, чтобы отдѣлить плевелы отъ пшеницы. Страшусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были огню негасимому. Старайтесь, молю васъ, старайтесь сохранить себя отъ грѣховъ и спастись отъ геенны. Творите изъ себя чистую пшеницу Христову, измелитесь въ жерновахъ смиренія, трудами постническими, чистотою, любовію, молитвами, да будете Богу, какъ хлѣбъ сладкій“.

Уже въ преклонныхъ лѣтахъ преподобная Евфросинія исполнила давнее свое желаніе—посѣтить святія мѣста Палестины. Ввѣривъ обитель сестрѣ своей Градиславѣ-Евдокии, она отправилась на востокъ въ сопровожденіи родного брата своего, князя Давида и Звениславы-Евираксіи. На пути она встрѣтилась съ императоромъ Мануиломъ, шедшимъ въ походъ противъ Венгровъ; потомъ въ Константинополь была обласкана патріархомъ Лукою. Она посѣтила св. Софію Цариградскую, поклонилась святынямъ и въ другихъ мѣстахъ столицы восточной и продолжала путь въ Іерусалимъ. Здѣсь, оставаясь въ Русскомъ монастырѣ пресв. Богородицы, блаженная княжна нѣсколько разъ ходила на поклоненіе Живоносному Гробу Господню и поставила надъ нимъ золотую лампаду. Потомъ обоняла мѣста, ознаменованныя земною жизнію Спасителя, и въ Русскомъ монастырѣ занемогла. Послѣ краткой болѣзни она предала духъ свой Господу 23 мая 1173 г. Тѣло преп. Евфросиніи погребено было въ окрѣстностяхъ Іерусалима, въ общежительномъ Θεодосіевомъ монастырѣ, на паперти храма, тамъ, гдѣ покоились мощи преп. Саввы Освященнаго и преп. Θεодосія. Въ послѣдствіи ²⁰⁾ св. мощи ея перенесены въ Кіевскія пещеры, гдѣ нетлѣнно почиваютъ и понынѣ въ ракъ, окованной серебромъ, въ знакъ благодарности за исцѣленіе.

Въ одно время съ преподобною Евфросиніей жилъ великій святитель Русской Церкви, св. Кириллъ Туровскій, по выраженію древняго писателя житія его, „златословесный учитель, свѣтлымъ ученіемъ благоразумія своего просвѣтившій всѣ концы Русскіе“. Онъ родился въ Туровѣ, на рѣкѣ Припети, отъ богатыхъ родителей, но, отказавшись отъ наслѣдства, принялъ монашество въ Туровскомъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ. Не довольствуясь строгою жизнію обыкновенныхъ иноковъ, блаж. Кириллъ, по примѣру великихъ столпниковъ востока, первый изъ Русскихъ сталъ подвизаться на столпѣ. Впослѣдствіи возведенный въ санъ архипастыря туровскаго, онъ съ ревностію пред-

²⁰⁾ Кульчинскій въ книгѣ своей (Specim. Eccl. Ruth.) приводитъ извѣстіе, что Русскіе монахи перенесли мощи преп. Евфросиніи изъ Θεодосіевой обители въ Аккону, нынѣ Севъ Жанъ-д'Аркъ, уходя отъ нашествія Египетскаго султана Саладина, который вскорѣ послѣ того (въ 1187 году) покорилъ Іерусалимъ. Оттуда (вѣроятно они же) привезли мощи въ Кіевъ.

лагалъ паствѣ своей поученія въ храмѣ. По любви къ уединенію, блаженный пастырь въ 1182 году оставилъ кафедру и проводилъ послѣднее время жизни своей въ уединенной молитвѣ. Онъ преставился 27 апрѣля 1183 года.

Послѣ св. Кирилла сохранились драгоцѣнные памятники трудовъ его: объясненіе чина черноризцевъ съ превосходными мыслями объ иноческой жизни, 24 молитвы, покаянный канонъ, вполне достойный имени великаго не по обширности, но по обилію и глубинѣ чувствъ, и 12 поучительныхъ словъ на Господскіе праздники; слова эти справедливо оставили за Кирилломъ имя Русскаго Златоуста; они дышатъ любовью къ слову Божію и спасенію людей.

Вотъ нѣсколько тропарей изъ покаяннаго канона, написаннаго св. Кирилломъ:

„Становлюсь обличителемъ противъ меня самого въ злыхъ дѣлахъ, которыми прогнѣваль я Христа, преступая заповѣди его: передаю письму всѣ помыслы, слова и дѣла, всѣ скверны и беззаконія въ слухъ всему міру“.

„Доколѣ тебѣ, бѣдная душа, быть въ узахъ, объятаю страстями, обидами, немилосердіемъ, гордостію, пьянствомъ? Эти тенета врага сведутъ тебя живую въ адъ. Воззови въ покаяніи: о, Христе мой! разорви узы грѣха и спаси меня“.

„Душа моя! горька темница и тяжелы оковы—злыя твои страсти. Если не сбросишь ихъ, сама себя отдашь ты бѣсамъ и будешь ими мучима“.

„Какъ человѣкъ согрѣшилъ я, но прости меня какъ Богъ, Ты, Отче, Сыне и Св. Духъ! Тебѣ поклоняюсь я вѣрно и ищу Твоей милости до послѣдняго вздоха моего“.

„Всѣхъ я грѣшнѣе, не смѣю взглянуть на небо; припадая вопію предъ Тобю, Матерь Божія пречистая: умилосердись надо мною, избавь меня отъ вѣчнаго мученія“.

Подвижничество на столпѣ, по примѣру великаго Симеона Столпника, продолжалось на востокѣ до XII вѣка, но и тамъ, какъ необыкновенно тяжкое, мало находило подражателей. Въ Русской Церкви,—при суровомъ климатѣ нашего отечества столпничество было еще рѣже: кромѣ св. Кирилла, извѣстенъ только одинъ Русскій столпникъ, также XII вѣка, преп. Никита, Переяславскій чудотворецъ.

Уроженецъ Переяславля - Залѣскаго, преп. Никита завѣдывалъ сборомъ податей на своей родинѣ въ то время, когда устройство многихъ городовъ Суздальскаго края княземъ Юріемъ Долгорукимъ и перенесеніе Переяславля съ низменнаго берега озера Клещина на берегъ рѣки, прозванной тогда Трубежомъ, требовали усиленныхъ налоговъ. Сборщикъ Никита былъ безпощаденъ къ другимъ не столько для князя, сколько для своей корысти: грабилъ бѣдныхъ, тѣснилъ слабыхъ и незаконно наживался на счетъ другихъ. Такъ жилъ онъ много лѣтъ безъ страха Божія. Однажды случилось ему войти въ церковь и услышать чтеніе изъ книги Исаи пророка: „измыйтеся, и чисти бу-

дете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ“ и проч. Слова эти такъ потрясли душу Никиты, что онъ цѣлую ночь провелъ безъ сна. На утро, желая развлечься, онъ пригласилъ къ себѣ пріятелей на веселую бесѣду и велѣлъ женѣ приготовить обѣдъ. Но когда она стала варить, то сперва увидѣла кровь на поверхности воды, потомъ разные члены человѣческаго тѣла. Въ ужасѣ сказала она о томъ мужу, и онъ увидѣлъ то же самое. „Горе мнѣ, много согрѣшившему“, промолвилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ и ушелъ изъ дому. Игумень Никитскаго монастыря, куда пришелъ Никита, ища спасенія, велѣлъ ему стоять три дня у воротъ обители. Никита сдѣлалъ еще болѣе: онъ пошелъ и сѣлъ нагой въ тростниковое болото; тамъ комары и мошки осыпали его; кровь текла изъ тѣла, искусаннаго ими. Принятый въ обитель, Никита затворился на столпѣ. Тамъ молился онъ о грѣхахъ своихъ въ тяжелыхъ веригахъ и каменной шапкѣ ²¹⁾ открытый морозу и зною. По ночамъ, выходя изъ обители, онъ выкопалъ два колодца ²²⁾.

Въ такихъ многотрудныхъ подвигахъ душа блаженнаго Никиты очистилась и удостоилась благодати Божіей. Князь Михаилъ, сынъ Всеволода Черниговскаго (тогда еще отрокъ, а впослѣдствіи мученикъ, какъ увидимъ ниже), страдалъ тяжкимъ недугомъ. Услышавъ, что въ Переяславлѣ живетъ святой столпникъ, удостоенный дара исцѣленій, онъ съ вѣрою отправился къ нему; преп. Никита послалъ ему жезлъ свой, и больной, опершись на него, сталъ здоровъ. Признательный князь 16 мая 1186 года велѣлъ поставить въ память милости Божіей крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ получилъ исцѣленіе ²³⁾.

Вскорѣ послѣ того родственники блаженнаго Никиты, приходившіе къ нему, прельстясь блестящими веригами, которыя показались имъ сдѣланными изъ драгоценнаго металла, умертвили столпника 24 мая 1193 года ²⁴⁾.

Иноческая жизнь въ Новгородѣ и его окрестностяхъ въ это время особенно распространялась изъ Хутынскаго монастыря. Основателемъ этой знаменитой обители, находящейся въ 10 верстахъ отъ Новгорода, на высокомъ берегу рѣки Волхова, былъ преп. Варлаамъ (въ мѣрѣ Олекса Михалевичъ, или Алексѣй Михайловичъ), уроженецъ Новгородскій, сынъ благочестивыхъ и благородныхъ родителей. Принявъ

²¹⁾ Тяжелыя вериги преп. Никиты находятся при его гробницѣ. Каменная шапка до 1735 года оставалась въ обители, и ее вмѣстѣ съ веригами носили на себѣ богомольцы, обходя вокругъ столпа блаж. столпника.

²²⁾ Одинъ изъ этихъ колодезей—близъ бывшаго Борисоглѣбскаго монастыря, другой—близъ потока Слуднаго. Оба недалеко отъ Никитскаго монастыря.

²³⁾ Крестъ, поставленный св. княземъ Михаиломъ Черниговскимъ, находится въ часовнѣ въ разстояніи около версты отъ монастыря по дорогѣ къ Переяславлю.

²⁴⁾ Мощи преп. Никиты хотя были приобрѣтены нетлѣнными при митроп. Фотіи и прославились множествомъ чудесъ, почиваютъ подъ спудомъ въ Никитскомъ монастырѣ въ соборной церкви св. великомученика Никиты. Въ 1564 году тамъ устроенъ придѣлъ во имя преп. Никиты Столпника. Годъ кончины преп. столпника показанъ по сборнику Синод. бібліотеки № 628.

на себя постриженіе, онъ поселился на мѣстѣ, называемомъ Хутынъ, или Худынъ, гдѣ онъ видѣлъ свѣтлый лучъ изъ чаши лѣса. Мало-по-малу собиралась къ нему братія, которой онъ построилъ малую деревянную церковь Преображенія Господня.

Даръ прозорливости и чудотвореній привлекалъ къ Варлааму особенное уваженіе гражданъ вольнаго города. Особенно замѣчательны въ житіи его два опыта прозорливости.

Однажды блаж. игумень Хутынской увидѣлъ на Великомъ Волховскомъ мосту толпу народа и палача, который готовился сбросить въ рѣку человѣка, осужденнаго на смерть. Преподобный остановился и, благословивъ народъ, сталъ просить, чтобы отдали ему осужденнаго, дабы онъ загладилъ вину свою служеніемъ въ монастырѣ. Народъ единогласно воскликнулъ: „отдайте, отдайте, отдайте его отцу нашему Варлааму!“ Впослѣдствіи этотъ несчастный постригся въ обители и кончилъ жизнь въ богоугодныхъ подвигахъ. Но въ другой разъ, встрѣтивъ на томъ же мосту другого осужденнаго на потопленіе, прозорливый старецъ, несмотря на просьбы сродниковъ несчастнаго и многихъ изъ народа, не захотѣлъ вступиться за него и проѣхалъ мимо; казнь совершилась. На вопросы учениковъ, почему онъ поступилъ не такъ, какъ прежде, старецъ сказалъ имъ: „первый осужденникъ, котораго я выпросилъ у народа, былъ весьма грѣшный человѣкъ и осужденъ справедливо. Но какъ въ сердцѣ его возбудилось раскаяніе, и я видѣлъ, что по вѣрѣ своей онъ можетъ спастись, то и выпросилъ его у народа и пристроилъ въ обитель, какъ было угодно Богу. Другой же осужденъ былъ напрасно, и я видѣлъ, что онъ умираетъ мученическою смертію, и готовъ ему вѣнецъ отъ Христа; не нужно мнѣ было ходатайствовать о немъ, потому что самъ Христосъ—Помощникъ ему и Избавитель“²⁵⁾.

Часто приходилъ преподобный для бесѣды къ владыкѣ Новгородскому. Однажды, разставаясь съ владыкою, св. Варлаамъ сказалъ ему: „Если Богъ благословитъ, приѣду къ святынѣ твоей на саняхъ въ пятницу первой недѣли поста св. апостоловъ“. И дѣйствительно, въ ночь наканунѣ этого дня выпалъ снѣгъ на полтора аршина при сильномъ морозѣ. Св. Варлаамъ исполнилъ свое обѣщаніе и съ тѣмъ вмѣстѣ успокоилъ народъ, испуганный безвременною непогодой, предсказавъ необыкновенный урожай, что и сбылось, потому что снѣгъ истребилъ червей, появившихся во множествѣ на корняхъ хлѣба²⁶⁾.

Незадолго до блаженной кончины преп. Варлаамъ окончилъ сооруженіе каменнаго храма въ своей обители²⁷⁾. Чувствуя приближе-

²⁵⁾ Изъ рукописнаго житія преп. Варлаама въ сборникѣ святотр. Серг. лавры, № 792.

²⁶⁾ Въ память этого чуднаго событія донинѣ совершается крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Хутынской монастырь въ первую пятницу Петрова поста.

²⁷⁾ Храмъ Преображенскій, построенный преп. Варлаамомъ, существовалъ около 312 лѣтъ. Онъ былъ разобранъ за ветхостью, и на мѣстѣ его построенъ въ 1515 году великолѣпный соборъ, который сохранился донинѣ. Въ аркѣ между этою соборною церковью и южнымъ Покровскимъ предѣломъ почиваютъ нетлѣнные мощи преп. Варлаама, прикры-

ніе смерти, онъ назначилъ вмѣсто себя настоятелемъ ученика своего Антонія и предалъ Богу праведную свою душу 6-го ноября 1193 года ²⁸).

Сокровище мощей преп. Варлаама со дня преставленія его и донынѣ остается подъ спудомъ ²⁹). Онъ былъ отцомъ иноковъ и насадителемъ иночества въ предѣлахъ Новгородскихъ. Преемникъ его въ игуменствѣ, преп. Антоній, основалъ свой монастырь ³⁰) на берегу Дымскаго озера, въ 15 верстахъ отъ г. Тихвина. Тамъ онъ почилъ 24 іюня 1224 года ³¹).

Третій игуменъ Хутынской, также ученикъ преп. Варлаама, преп. Ксенофонтъ, удалился за 25 верстъ отъ Новгорода и на берегу рѣчки Робейки около 1230 года основалъ пустынную обитель съ храмомъ св. Троицы ³²).

Другіе ученики преп. Варлаама, Константинъ и Козьма, уединились въ окрестности Старой Русы и тамъ на островѣ, омываемомъ двумя рѣчками, Полистью и Снѣжною, положили основаніе Косинской обители ³³).

гья богатою серебряною ракой. Подлѣ раки повѣшены тяжелыя вериги его съ большими желѣзными крестами спереди и сзади. Въ ризницѣ монастыря сохранились облаченія преп. Варлаама: фелонь, епитрахиль, подризникъ, поручи и власница около 18 фунт. вѣса. Вообще всѣ эти облаченія отличаются необыкновенными размѣрами и доказываютъ, что Хутынской чудотворецъ былъ огромнаго роста.

²⁸) Чудеса преп. Варлаама подробно описаны въ моей книгѣ: «Святѣи и древности Великаго Новгорода», стр. 180—189.

²⁹) Когда св. Евемій, владыка Новгородскій, пожелалъ видѣть мощи преп. Варлаама и приподнял каменную доску, прикрывавшую гробъ, нетлѣнныя мощи оказались поверхъ земли, ликъ и брада сходны были съ изображеніемъ на гробовой иконѣ. Но великій чудотворецъ не захотѣлъ явить славы своей державному властителю земли Русской. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, покоривъ власти своей Новгородъ, приходилъ въ Хутынъ и дерзновенно велѣлъ поднять каменную доску и копать землю въ гробницѣ чудотворца; внезапно поднялся изъ гроба густой дымъ и пламень, опалившій стѣну и южную дверь иконостаса. Іоаннъ съ ужасомъ бросился изъ церкви, ударяя жезломъ своимъ въ землю, при чемъ изъ земли появлялся огонь не только въ церкви, но и на монастырѣ. Жезлъ, брошенный великимъ княземъ, и опаленная дверь хранятся въ Хутынской ризницѣ.

³⁰) Еще и нынѣ Дымскій монастырь окруженъ густыми лѣсами. Въ 1409 году онъ былъ ограбленъ и сожженъ полчищами Едигея; въ 1613 году опустошенъ Шведами.

³¹) Мощи преп. Антонія обрѣтены нетлѣнными, прославлены чудесами и съ того времени стояли открыто въ храмѣ Дымской обители. По слуху о приближеніи Татаръ въ 1409 году св. мощи сокрыты были въ землѣ и донынѣ остаются подъ спудомъ. На ракъ преп. Антонія лежитъ желѣзная 15-тифунтовая шляпа его.

³²) Преп. Ксенофонтъ Робенскій преставился въ половинѣ XIII вѣка; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ упраздненной его пустыни.

³³) Косинскій Николаевскій монастырь, въ 3 верстахъ отъ Старой Русы, упраздненъ въ 1764 году. Мощи преп. Константина и Козьмы почиваютъ подъ спудомъ подъ деревянную крытую папертью, соединяющую сооруженную ими каменную церковь св. Николая съ деревянною колокольней.

Г Л А В А VII.

Всеволодъ Великій.—Взятіе Царьграда Латинами.—Орденъ меченосцевъ въ Ливоніи.—Мстиславъ Удалой.—Борьба между сыновьями Всеволода: Константиномъ и Георгіемъ (Юріемъ).—Св. Симонъ, епископъ Владимірскій.—Князья Муромскіе: св. Петръ и св. Февронія.—Св. князь Ѳеодоръ Новгородскій.—Дѣла Галицкія.—Первое нашествіе татаръ и битва на р. Калкѣ.—Нашествіе Батыя.—Разореніе Рязань, Владиміра и другихъ городовъ.—Убіеніе св. великаго князя Георгія.—Св. Василько, князь-мученикъ.—Разореніе Кіева.—Порабощеніе Русской земли.

Въ Сѣверномъ великомъ княженіи, основанномъ Юріемъ Долгорукимъ и укрѣпившемся при сынѣ его, Андреѣ Боголюбскомъ, нѣсколько времени сохранялось единоедержавіе, но и тамъ наконецъ появились княжескіе удѣлы. Братъ Андрея, Всеволодъ Георгіевичъ, прозванный Великимъ, княжилъ славно и счастливо 37 лѣтъ и строго наблюдалъ правосудіе. „Не обвиняся лица сильныхъ, по словамъ лѣтописца, и не туне нося мечъ, отъ Бога данный“, „нѣ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ, мстилъ иногда жестоко, но безъ несправедливости; уважалъ древніе обычаи, требовалъ безусловной покорности отъ князей южныхъ, но безъ вины не отнималъ у нихъ удѣловъ; повелѣвая Новгородомъ, онъ льстилъ иногда своеволю гражданъ; мужественный и счастливый въ битвахъ, онъ старался сохранить миръ и не любилъ кровопролитія бесполезнаго. Онъ соорудилъ нѣсколько храмовъ, укрѣпилъ Владиміръ, Суздаль и Переяславль-Залѣскій и казнилъ убійцъ Андреевыхъ.

Первая супруга Всеволода, Марія, родомъ Ясыня, мать 8-ми сыновей, изъ коихъ двое умерли въ младенчествѣ, отличалась благочестіемъ и мудростью. Лѣтописцы называютъ ее Русскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Въ послѣдніе годы жизни, страдая тяжкимъ недугомъ, она показывала собою примѣръ удивительнаго терпѣнія часто сравнивала себя съ Іовомъ, а предъ кончиною призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви и помнить слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, привѣтливыми ко всѣмъ и особенно уважать старцевъ ¹⁾.

¹⁾ Княгиня Марія скончалась 19 марта 1206 года, принявъ постриженіе передъ смертію. Гробница ея находится въ церкви основаннаго ею дѣвичьяго монастыря во Владимірѣ, гдѣ она приняла иноческое постриженіе предъ кончиною.

Въ княженіе Всеволода въ 1204 году взять крестоносцами третьяго крестоваго похода Царьградъ,—происшествіе горестное для нашихъ предковъ, тѣсно связанныхъ съ Греками вѣрою и торговлею. Ограбивъ богатые храмы ²⁾, похитивъ многія святыни ³⁾, крестоносцы избрали не только своего императора, Балдуина, графа фландрскаго, но и латинскаго патріарха Өому Морозини; православный патріархъ Іоаннъ Каматеръ, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, удалился изъ города, какъ бѣдный странникъ, на ослѣ, прикрытый рубищемъ. Папа Инокентій III, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ первосвященниковъ Римскихъ, спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подчинить себѣ Русскую Церковь. Онъ писалъ къ нашему духовенству, что вѣра истинная торжествуетъ въ Царьградѣ и во всей имперіи, что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и внѣ ея все должно погибнуть: неужели одни только жители земли Русской захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой?—Увѣщаніе папы осталось безъ послѣдствій; митрополиты наши поставлялись послѣ того въ Никеѣ, гдѣ пребывали православные патріархи Царьградскіе, до изгнанія Латинянъ изъ Константинополя.

Тогда же другіе крестоносцы сдѣлались опасными для сѣверо-западной Россіи. Еще Ярославъ I утвердился въ прибалтійскомъ краѣ, населенномъ Эстонскою Чудью, построивъ тамъ городъ Юрьевъ (Дерптъ), и заботился о распространеніи православной вѣры между туземцами; но во время междоусобій власть князей въ этомъ краѣ ослабѣла, и только по временамъ Новгородцы производили въ немъ опустошенія и заставляли Чудь платить дань. Въ другой сторонѣ прибалтійскаго края, по Западной Двинѣ, до самаго устья, Латыши, или Ливы, издревле платили дань князьямъ Полоцкимъ. Сюда-то, къ устью Двины, присталъ въ 1158 году корабль Бременскихъ купцовъ и положилъ основаніе двумъ торговымъ конторамъ въ Уксукулъ и Даленѣ. Узнавъ о томъ, архіепископъ Бременскій, съ благословенія папы Александра III, отправилъ сюда миссіонеровъ. Вслѣдъ за миссіонерами открылся кре-

2) По словамъ современнаго писателя Никиты Хоніата, крестоносцы нашли столько серебра, золота и разныхъ драгоценностей въ домахъ Цареградскихъ жителей, что изъ бѣдняковъ вдругъ сдѣлались богачами. Въ храмѣ св. Софіи крестоносцы изрубили на части и раздѣлили между собой св. престолъ, слитый изъ золота съ драгоценными камнями, сорвали всѣ украшенія, захватили священные сосуды и утвари. Они навьючивали сокровища въ храмъ и поднимали ударами копій вьючныхъ животныхъ, когда они скользили и падали на мраморномъ помостѣ: кровь животныхъ и другія нечистоты оскверняли святылице. Развратная женщина пѣла непристойныя пѣсни и плясала на горнемъ мѣстѣ.

3) Нигдѣ не было столько святыни, какъ въ столицѣ православія восточнаго. Въ числѣ своихъ сокровищъ Церковь Константинопольская имѣла крестъ изъ животворящаго древа, терновый вѣнецъ Спасителя, много мощей мучениковъ и другихъ угодниковъ Божіихъ: почти всѣ эти святыни были расхищены латинскими аббатами и монахами. Такъ въ Римъ перенесены были—терновый вѣнецъ, мощи великихъ святителей Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; въ Амалфи—мощи св. апостола Андрея, въ Венецію—мощи св. царицы Елены и св. Іоанна Милостиваго; въ Парижъ части животворящаго древа, ризы Богородицы и главы Іоанна Крестителя.

стовый походъ противъ язычниковъ; въ концѣ XII вѣка крестоносцы утвердились въ Ливоніи; въ 1200 году епископъ Альбертъ основалъ Ригу, а два года спустя возникъ въ Ливоніи и орденъ рыцарей Меча. Князья Полоцкіе не имѣли достаточныхъ силъ для прогнанія пришельцевъ и готовы были довольствоваться данью, которую привыкли брать съ Латышей или Ливонской Чуди. Нѣмцы не только отказали имъ въ платежѣ дани, но мало-по-малу совершенно завладѣли всею южною частью приморскаго края, или собственно Ливоніи. Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменемъ креста лилъ кровь на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Германіи толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ искать спасенія души въ убійствѣ людей.

Сѣверная часть прибалтійскаго края и особенно страны, пограничныя съ областью Псковской, еще держались подъ властью Новгорода, который тогда, болѣе чѣмъ когда-либо, нуждался въ доблестномъ князѣ. Тамъ княжилъ малолѣтній сынъ великаго князя Всеволода; бояре владимірскіе правили именемъ князя-отрока. Мстиславъ Удалой или Удатный, сынъ св. князя Мстислава Храбраго, вздумалъ воспользоваться обстоятельствами, зная, что память отца его любезна Новгородцамъ и что они тяготеютъ самовластіемъ Всеволода. Онъ внезапно занялъ Торжокъ и прислалъ посла къ Новгородцамъ съ такими словами: „бю челомъ св. Софіи и гробу родителя моего; низко кланяюсь Великому Новгороду. Я свѣдалъ, что Суздальскій князь угнетаетъ васъ. Новгородъ—моя отчизна; иду возстановить вольность его по всей старинѣ“. Эта рѣчь плѣнила гражданъ вольнаго города; они единогласно объявили Мстислава своимъ княземъ. Удалой Мстиславъ собралъ войско для защиты отъ Всеволода; но осторожный старецъ не хотѣлъ битвы: онъ довольствовался возвращеніемъ къ себѣ юнаго сына, самъ предложилъ миръ Новгороду и назвался отцемъ Мстислава, который поспѣшилъ ополчиться на Нѣмцевъ, прошелъ по Чудской землѣ до самаго моря и взялъ выкупъ 400 гривенъ серебра.

Вскорѣ послѣ того (15 апрѣля 1212 года) великій князь Всеволодъ скончался. Великое княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Константинъ, старшій изъ сыновей умершаго, княжилъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; второй сынъ, Юрій (Георгій), котораго отецъ передъ смертью назначилъ наслѣдникомъ всего великаго княженія, владѣлъ Владиміромъ и Суздалемъ; оба желали единовластія и каждый считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ; первый опирался на право старшаго въ родѣ, а послѣдній—на предсмертную волю отца. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Феодоръ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ и Святославъ въ Юрьевѣ-Польскомъ взяли сторону Георгія; Дмитрій-Владиміръ въ Москвѣ остался вѣрнымъ Константину. Началось кровавое междоусобіе. Большая часть князей, въ томъ числѣ и Мстиславъ Удалой, была на сторонѣ Константина. Борьба братьевъ кончилась битвою на берегахъ рѣки Липецы. Лѣтописцы оплакиваютъ эту страшную сѣчу, въ которой сынъ шелъ на отца, братъ на брата. Констан-

тинъ при помощи Мстислава одержалъ побѣду, не сталъ преслѣдовать брата и медленно пошелъ къ Владиміру. Георгій не могъ уже обороняться, покорился старшему брату и уступилъ ему великое княженіе, а Константинъ оказалъ великодушіе, объявивъ его своимъ наслѣдникомъ.

Правленіе Константина продолжалось только три года (1216--1219). Онъ заложилъ въ Ростовѣ на мѣстѣ прежней соборной церкви, которая по неопытности зодчихъ обрушилась, великолѣпный храмъ Успенія Богородицы ⁴⁾; оказывалъ любовь къ просвѣщенію, необыкновенную въ его время: когда еще вся Европа коснѣла въ глубокомъ невѣжествѣ, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и просвѣщенный князь часто и прилежно читалъ ихъ. Онъ былъ благочестивъ, любилъ раздавать милостыню, не оскорблялъ ни одного человѣка, но словомъ и дѣломъ утѣшалъ всякаго.

При немъ святительствовалъ во Владимірѣ св. епископъ Симонъ, постриженникъ Печерскій и писатель житій подвижниковъ Кіевскихъ, поступившій на епископскую кафедру въ 1214 году, по желанію князя Георгія. Онъ преставился 20 мая 1226 года, принявъ предъ кончиною схиму. Современный лѣтописецъ называетъ его „блаженнымъ, милостивымъ и учительнымъ епископомъ“, а по сочиненіямъ онъ извѣстенъ, какъ благочестивый и искусный жизнеописатель. Онъ написалъ для друга своего Поликарпа, Печерскаго инока, повѣствованіе о жизни и трудахъ подвижниковъ, трудившихся въ Печерской обители. Сочиненіе блаж. Симона, какъ житіе преп. Θεодосія, написанное преп. Несторомъ, вошли въ составъ первоначальнаго Патерика Печерскаго, который сохранился въ множествѣ древнихъ списковъ. Въ превосходномъ посланіи къ Поликарпу св. Симонъ, величая обитель преп. Антонія и Θεодосія, изъ которой вышло тогда уже до 50 епископовъ, выражается такъ: „я радъ бы былъ оставить епископію и служить игумену въ Печерскомъ монастырѣ. Но тебѣ извѣстно, что удерживаетъ меня. Кто знаетъ, что у меня, грѣшнаго Симона епископа, соборная церковь во Владимірѣ—красота города, а другая въ Суздальѣ, которую самъ я построилъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и сель! И десятину собираютъ со всей земли той. И всѣмъ тѣмъ владѣть худость наша. Но предъ Богомъ говорю тебѣ: всю эту славу и власть сочель бы я за ничто, если бы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами Печерскаго монастыря и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести. Въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, чѣмъ въ селеніяхъ грѣшниковъ ⁵⁾“.

⁴⁾ Успенскій соборъ въ Ростовѣ, существующій донинѣ, достроенъ и освященъ уже по кончинѣ Константина при сынѣ его, св. князѣ Василькѣ Ростовскомъ. По своему зодчеству этотъ храмъ принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ древнихъ зданій въ Россіи (Святѣи и древности Ростова, изд. 3-е, стр. 27—45).

⁵⁾ Мощи блаж. епископа Симона были погребены во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, а впослѣдствіи перенесены въ Кіевъ въ пещеру преп. Антонія, гдѣ и нынѣ почитаются.

Ко всеобщей горести народа, великій князь Константинъ скончался въ цвѣтущихъ лѣтахъ (на 33 году) *). Онъ оставилъ по себѣ сыновей: Василька, Всеволода и Владиміра, назначивъ имъ удѣлы: первому—Ростовъ, второму—Ярославль, а третьему—Угличъ. Великое княженіе онъ предоставилъ брату Георгію. Сыновьямъ своимъ, изъ коихъ старшему было только 10 лѣтъ, онъ завѣщалъ жить согласно, дѣлать добро и чтить дядю какъ второго отца.

Русская земля нѣсколько времени наслаждалась тишиной. Здѣсь мы можемъ остановить взоръ на двухъ отраднѣхъ явленіяхъ христіанской жизни: благовѣрной четѣ Муромскихъ чудотворцевъ и князѣ Новгородскомъ, въ ранней юности удостоенномъ небесной славы.

Блаженный Давидъ, князь Муромскій, былъ второй сынъ князя Юрія Владиміровича Муромскаго †). Старшій братъ его, Владиміръ, княжилъ въ Муромѣ. Между тѣмъ князь Давидъ подвергся тяжелой болѣзни—тѣло его покрыто было струпьями. Дочь бортника (древотлаца), славившаяся умомъ и красотой, вылѣчила его мазью; князь далъ слово жениться на ней, но потомъ нашелъ неприличнымъ для себя супружество съ дѣвицею простаго рода, дочерью лѣсного пчеловода. Болѣзнь возобновилась. Евфросинія вновь вылѣчила князя; и онъ выполнилъ свое обѣщаніе—сочетался съ нею бракомъ. Когда же онъ наслѣдовалъ княженіе послѣ брата, Муромская знать объявила ему: „или отпусти жену, которая своимъ происхожденіемъ оскорбляетъ знатныхъ барынь, или оставь Муромъ“. Князь, вѣрный долгу христіанина, согласился лучше отказаться отъ власти княжеской, нежели разлучиться съ супругою. Онъ остался послѣ того съ весьма скудными средствами къ жизни и нерѣдко скорбѣлъ о томъ. Но умная княгиня говорила ему: „не печалься, князь, Богъ милосердъ и не оставитъ насъ въ бѣдности“. Въ Муромѣ скоро открылись раздоры и кровопролитія; князь Давидъ, по усердной просьбѣ бояръ, возвратился съ княгинею на свое княженіе.

Въ Муромѣ правленіе князя Давида было правдивое, но безъ суровой строгости, милостивое, но безъ слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу совѣтами и дѣлами благотворительности. Оба жили по заповѣдямъ Господа, не любили ни гордости, ни несправедливой корысти; покоили странниковъ, облегчали участь несчастныхъ; чтили иноческій и священническій чинъ, ограждая его отъ нужды. Оба вели жизнь постническую, чистую, цѣломудренную. Когда князь и княгиня достигли старости, то въ одно время приняли иночество, одинъ съ именемъ Петра, другая съ именемъ Февроніи.

---

*) Великій князь Константинъ Всеволодовичъ скончался 2 февраля 1219 года во Владиміръ и погребенъ въ соборѣ въ придѣлѣ св. князя Глѣба Андреевича у южныхъ дверей алтаря.

†) Князь Юрій Владиміровичъ Муромскій былъ внукъ Святослава Рязанскаго, а этотъ послѣдній былъ правнукъ Ярослава Великаго отъ четвертаго сына его Святослава.

Оба преставились въ одинъ день—на пасхальной недѣлѣ 1228 года и, согласно завѣщанію, положены въ одномъ гробѣ ⁸⁾).

Въ Новгородѣ княжилъ тогда старшій сынъ князя Ярослава, внукъ Всеволода Великаго, юный князь Феодоръ. По волѣ отца, онъ собирался вступить въ бракъ: уже готова была невѣста ⁹⁾, гости князя собрались на пиръ. Но не свадебнымъ весельемъ окончились пригволенія, а плачемъ погребальнымъ ¹⁰⁾: женихъ, чистый дѣвственникъ, прекрасный душою и тѣломъ, скончался отъ внезапной болѣзни. Это было 5 іюня 1233 года. Мать умершаго князя, блаженная княгиня Феодосія, перенесла тяжкую потерю съ покорностію волѣ Божіей. Она говорила: „Ты, Господи, дажь, Ты и взялъ; да будетъ благословенно святое имя Твое“ ¹¹⁾! Тѣло юнаго князя погребено было въ Юрьевѣ монастырѣ, а впоследствии, прославленное нетлѣніемъ и чудесами, перенесено въ Софійскій соборъ ¹²⁾).

Между тѣмъ какъ Новгородцы оплакивали раннюю кончину своего князя, дѣдъ его, Удалой Мстиславъ, былъ далеко на югѣ Россіи. Прощаясь въ 1218 году съ гражданами вольнаго города, онъ сказалъ имъ: „бю челомъ св. Софїи и гробу отца моего. Иноплеменники завладѣли княженіемъ Галицкимъ; пойду прогону ихъ. Но васъ, вѣрные Новгородцы, никогда не забуду; желаю, чтобы кости мои лежали подъ сводами св. Софїи, въ ногахъ у блаженнаго родителя моего“.

Обширное княженіе Галицкое (нынѣшняя Галиція), окруженное народами иноплеменными и иновѣрными—Венграми, Ляхами и другими, въ это время оставалось безъ главы. Умный и властолюбивый князь Галицкій, Романъ Мстиславичъ, соединялъ въ себѣ, по выраженію лѣтописи, „мудрость Соломонову, дерзость львиную, быстроту орлиную, ревность Мономахову“. Галичане и Волынцы хотя не люби-

⁸⁾ Мощи св. князя Петра и княгини Февронїи почиваютъ подъ спудомъ въ одной ракѣ въ Муромскомъ соборномъ храмѣ. Празднованіе памяти ихъ установлено на соборѣ 1547 г.

⁹⁾ Въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, въ древней Петропавловской церкви на Синичей горѣ, гдѣ прежде былъ женскій монастырь, почиваютъ подъ спудомъ мощи прѣд. инокини Харитины, княжны Битовской и настоятельницы Петропавловской обители. Нѣкоторые полагаютъ, что она была обрученною невѣстою св. князя Феодора.

¹⁰⁾ Новгородскій лѣтописецъ пишетъ: «Преставися князь Феодоръ, сынъ Ярославъ ваящій, и положенъ бысть въ монастыри святаго Георгія, и еще младъ, и кто не пожадуеть сего? Сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселїи мѣсто плачь и сѣтованїе за грѣхи наши».

¹¹⁾ Мѣстно-читая въ Новгородѣ блаженная княгиня Феодосія Мстиславовна, дочь Мстислава Удалого, супруга великаго князя Ярослава Всеволодовича, мать девяти сыновей, въ числѣ которыхъ были двое святыхъ—Феодоръ и Александръ Невскій, въ концѣ жизни постриглась подъ именемъ Евфросинїи и скончалась 4 мая 1244 года. Гробница ея въ соборной церкви Юрьева монастыря близъ Новгорода.

¹²⁾ Въ 1614 году, когда Новгородъ былъ во власти Шведовъ, гробъ св. князя Феодора былъ вынутъ изъ земли и открытъ нагими солдатами шведскими. Митрополитъ Новгородскій Исидоръ перенесъ гробъ въ Софійскій соборъ, при чемъ мощи дѣвственнаго князя не только оказались нетлѣнными, но источили исплѣнія. Онѣ почиваютъ открыто въ серебряной ракѣ при входѣ въ Предтеченскій придѣлъ Софійскаго собора.

ли его за жестокость, но уважали, не боялись подъ щитомъ его ни хищныхъ Ятвяговъ, ни дикой Литвы. Романа знали и въ Византіи на защиту которой онъ ходилъ съ войскомъ, знали и въ Римѣ. Папа Иннокентій прислалъ къ князю Галицкому посла, чтобы доказать ему превосходство закона латинскаго; не выдержавъ спора съ Романомъ, искуснымъ въ преніяхъ богословскихъ, посоль наконецъ сказалъ ему, что папа можетъ надѣлать его городами и сдѣлать великимъ королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ свой собственный мечъ, отвѣчалъ ему: „такой ли у папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ чужомъ мечѣ и кровью покупаю города, по примѣру дѣдовъ моихъ, возвеличившихъ землю Русскую“. Этотъ смѣлый князь въ 1205 году погибъ въ битвѣ съ Ляхами, оставивъ княженіе малолѣтнему сыну своему Даниилу подъ опекою матери. Тогда начались и нѣсколько лѣтъ продолжались неуройства въ землѣ Галицкой, обуреваемой внутренними мятежами и нападеніями хищныхъ сосѣдей. Уже самый Галичъ былъ занятъ Венграми, но подоспѣлъ съ дружиною Удалой Мстиславъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство враговъ, сѣлъ на престолѣ Галицкомъ, обручилъ дочь свою юному Даниилу, привелъ подкрѣпленіе изъ южной Руси и орды Половецкія, завоевалъ и очистилъ отъ Венгровъ и Ляховъ все Галицкое княжество. Неустрасимый воинъ, но искусный политикъ, онъ впалъ въ непонятное ослѣпленіе: по совѣту Галицкихъ бояръ-измѣнниковъ, Мстиславъ обручилъ другую дочь съ Венгерскимъ королевичемъ Андреемъ и обѣщаль ему въ наслѣдство все княженіе Галицкое, безвинно обидѣвъ Даниила, который лишился законнаго своего достоянія. Это безразсудство, какъ кажется, не было вполне оцѣнено современниками. Имъ было не до того: приближалось бѣдствіе ужасное — гибель ратей, гибель князей, порабощеніе государства.

Русская земля въ 1223 году въ первый разъ услышала о Татарахъ. Казалось, самая природа предчувствовала что-то страшное. На западѣ появилась комета величины необыкновенной, съ хвостомъ, обращеннымъ на юго-востокъ наподобіе копья. Въ то же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха, лѣса и болота загорались; густыя облака дыма закрывали свѣтъ солнечный; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію народа, падали мертвыя на землю.

Изъ глубины средней Азіи нахлынули полчища Монголовъ, или Татаръ (какъ называли ихъ современники). По волѣ Чингисъ-Хана, завоевателя большей части Азіи, эти дикія орды начали опустошеніе въ степяхъ Половецкихъ. Множество Половцевъ бѣжало въ Кіевскую область съ семействами и стадами и принесли туда вѣсть о новомъ страшномъ непріятелѣ. Бодрый Мстиславъ Галицкій собралъ южныхъ князей на совѣтъ въ Кіевѣ; они рѣшились встрѣтить непріятеля внѣ предѣловъ отечества, въ степяхъ Половецкихъ. Перешедъ Днѣпръ, они достигли до рѣки Калки ¹³⁾ и здѣсь увидѣли несмѣтныя полчи-

¹³⁾ Нынѣ рѣка Килипа, близъ Мариуполя.

ща Татаръ. Половцы обратились въ бѣгство: князья не успѣли еще изготавиться къ битвѣ, потому что Удалой князь Галицкій, желая одинъ воспользоваться честью побѣды, не далъ имъ вѣсти о началѣ сраженія. Этотъ порывъ славолюбія храбраго князя погубилъ войско Русское. Послѣ ужасной сѣчи Татары одолѣли Русскія рати и погнали ихъ въ безпорядкѣ передъ собой; завладѣли укрѣпленнымъ станомъ, умертвили всѣхъ плѣнниковъ, задушили трехъ князей подъ досками и пировали на ихъ трупахъ. Павшихъ въ битвѣ было множество, въ томъ числѣ шесть князей. Избѣгшіе смерти и плѣна князья разбѣжались по своимъ удѣламъ, и побѣдители шли за бѣгущими остатками Русскаго войска до самаго Днѣпра, истребляя все, что попадалось на пути. Вся южная Россія трепетала: народъ съ воплями отчаянія молился въ храмахъ. Вдругъ Татары обратились на востокъ и ушли въ Бухарію.

Земля Русская, по словамъ лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное и многочисленное совершенно исчезло, народъ разбѣжался въ ужасѣ по лѣсамъ и болотамъ. Мстиславъ Галицкій, въ первый разъ въ жизни потерпѣвъ пораженіе, въ горести и ужасѣ уѣхалъ въ Галичъ, гдѣ нашелъ страшный безпорядокъ, произведенный Венграми и Ляхами. Не чувствуя въ себѣ прежней бодрости духа, онъ не только выдалъ дочь за королевича Андрея, но и возвелъ его на престолъ Галицкій, оставивъ себѣ одно Позные ¹⁴⁾. Сознавая вину свою передъ зятемъ Даниломъ Романовичемъ и видя неблагодарность другого зятя—Венгерца, Мстиславъ думалъ снова вооружиться, привести на помощь Половцевъ и возвратить Данилу отцовское наслѣдіе. Но онъ не успѣлъ исправить зла, которое сдѣлалъ. На пути въ Кіевъ въ 1228 году Мстиславъ заболѣлъ и скончался въ Торческѣ, постриженный въ схиму. Тѣло знаменитаго князя, пережившаго свою воинскую славу, было отвезено въ Кіевъ и погребено въ построенной имъ Воздвиженской церкви.

Послѣ несчастной битвы при Калкѣ нѣсколько лѣтъ не слышно было о Татарахъ. Сѣверная Русь наслаждалась миромъ. Великій князь Георгій Всеволодовичъ занимался устройствомъ Русской земли, заложилъ при впаденіи Оки въ Волгу Нижній-Новгородъ, посылалъ войска на помощь Новгороду и Пскову противъ Ливонскихъ нѣмцевъ. Къ стыду своего имени, князь Ярославъ Владиміровичъ, недостойный внукъ св. Мстислава Храбраго, былъ другомъ и союзникомъ нѣмцевъ. Онъ оставилъ по себѣ злую память: княживъ въ Псковѣ, поссорился съ гражданами и ушелъ къ Ливонскимъ рыцарямъ, вмѣстѣ съ ними ходилъ опустошать Псковскія земли, прогналъ отъ себя добродѣтельную супругу Евпраксію и едва не принялъ участія въ буйствѣ ея пасынкомъ, сыномъ его отъ нѣмки ¹⁵⁾.

¹⁴⁾ Юго-восточный край Галиціи, часть нынѣшней Подольской губерніи.

¹⁵⁾ Святая княгиня-инокиня Евпраксія, въ мірѣ Евфросинія, дочь Полоцкаго князя Рогвольда Борисовича, супруга князя Ярослава Псковскаго, отвергнутая мужемъ, который

Въ Ростовѣ юный Василько, сынъ великаго князя Константина Всеволодовича, скоро сталъ показывать своими дѣлами, что былъ вполне достоинъ любви отца и дяди. Вотъ какъ описываетъ его современникъ: „онъ былъ красавецъ лицомъ, съ очами свѣтлыми и грозными; онъ былъ храбръ, добръ сердцемъ, ласковъ съ боярами. Кто изъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ изъ его чаши, тотъ не могъ забыть его, не могъ быть слугою другого князя. Въ немъ мужество соединено было съ умомъ и правдивость съ знаніемъ. Онъ былъ во всемъ свѣдушъ, на все способенъ. Это былъ отецъ и кормитель сиротъ, великое утѣшеніе печальнымъ. Очи сердца его отверсты были Богомъ на весь церковный чинъ, и онъ былъ отцомъ для всѣхъ бѣдныхъ“ ¹⁶⁾. При первомъ появленіи Татаръ Василько, по волѣ дяди своего, великаго князя Георгія, ходилъ съ ратью на помощь къ южнымъ князьямъ и дошелъ уже до Чернигова, когда узналъ о жестокомъ пораженіи русскаго войска на берегахъ Калки. При княженіи Василька на Ростовскую епископію, по желанію его, былъ посвященъ въ Кіевѣ блаженный епископъ Кириллъ II изъ архимандритовъ Рождественскаго монастыря во Владимірѣ ¹⁷⁾.

Между тѣмъ снова поднималась гроза надъ Русскою землею. Въ глубинѣ великой Татаріи жилъ ханъ Октай, или Угдай, старшій сынъ и преемникъ завоевателя Чингисъ-Хана. Онъ далъ полмилліона войска племяннику своему Батыю и велѣлъ ему идти на покореніе сѣверныхъ береговъ моря Каспійскаго и дальнѣйшихъ странъ.

Въ 1237 году Батый разорилъ столицу закамскихъ Болгаръ. Едва слухъ о томъ достигъ до Русскихъ князей, какъ Монголы сквозь густые лѣса вступили въ южную часть Рязанской области. Владѣтели Рязанскіе дали знать великому князю во Владимірѣ, что пришло время крѣпко стать за вѣру и отечество; но они не дождались помощи отъ Георгія. Тогда старшій изъ князей Рязанскихъ, Юрій, послалъ сына своего Теодора съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ супруги Теодора Евпраксіи, захотѣлъ видѣть ее; но юный князь отвѣчалъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ языч-

---

ушелъ къ рыцарямъ и женился на нѣмкѣ, построила въ Псковѣ Предтеченскій храмъ, сохранившійся донинѣ, и при немъ основала дѣвичій монастырь. Тамъ она постриглась и была настоятельницей. Приглашенная для свиданія съ мужемъ въ Ливонскій городъ Одемпе (Медвѣжья голова), она была тамъ убита 8 мая 1243 года злымъ пасынкомъ. Мощи ея привезены во Псковъ и погребены въ построенной ею церкви, а чрезъ нѣсколько дней совершилось чудо: отъ иконы Спасителя, стоящей надъ гробницею убиенной княгини, текло миро въ теченіе 12 дней. Эта чудотворная икона и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ. Надпись о чудѣ вырѣзана на древнемъ подсвѣчникѣ и на камнѣ, вдѣланномъ въ стѣну церкви. Блаж. Евпраксія изображена на древней иконѣ въ молитвенномъ положеніи предъ Іоанномъ Предтечею и апостоломъ Андреемъ (Святыни и древности Пскова, стр. 70).

¹⁶⁾ Собр. лѣт. ч. I, стр. 191.

¹⁷⁾ Епископъ Ростовскій, Кириллъ II, по выраженію лѣтописца—«блаженный, учительный, истинный пастырь, пасый люди Ростовскія съ кротостію», былъ посвященъ въ 1231 году и скончался 21 мая 1262 года. По всей вѣроятности ему принадлежитъ, извѣстное въ рукописяхъ «поученіе попомъ» (Прибав. къ твор. св. от. 1843, стр. 426 и 427).

никамъ. Батый велѣлъ мучительно умертвить Феодора; а Евпраксія, услышавъ внезапно о страдальческой кончинѣ любимаго супруга, ринулась въ безпамятствѣ изъ высокаго терема вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, младенцемъ Іоанномъ, котораго держала на рукахъ, и оба убились до смерти. Батый двинулъ страшную рать свою къ Рязани и взялъ приступомъ городъ послѣ пятидневной кровавой битвы. Князь Юрій съ семействомъ и множество народа погибло. Варвары распинали плѣнниковъ, оскверняли храмы насиліемъ женщинъ и дѣвицъ, обагрляли алтари кровью священниковъ. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепель. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ умолкъ вопль отчаянія, ибо уже некому было стенать и плакать.

Только одного изъ князей, Олега Ингваревича Краснаго, привели послѣ битвы къ Батыю живого, но изнемогающаго отъ ранъ. Удивляясь смѣлости и красотѣ его, Батый предлагалъ ему свою дружбу и убѣждалъ отречься отъ вѣры Христовой. Но когда юный князь назвалъ его безбожнымъ, варваръ, разъярившись, велѣлъ разнять его по суставамъ¹⁸⁾. Старый князь Ингваръ, возвратившись изъ Чернигова, гдѣ онъ находился во время разоренія его родины, похоронилъ тѣла князя Юрія, сына своего Олега и другихъ убиенныхъ князей въ Рязани, а надъ могилами князя Феодора Юрьевича съ супругою и сыномъ поставилъ каменные кресты на берегу рѣки Осетра подлѣ знаменитаго храма св. Николая Заразскаго¹⁹⁾.

Продолжая свой опустошительный набѣгъ, Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына великаго князя, Всеволода, который соединился съ остатками Рязанской дружины, смѣло вступилъ въ неравную битву, потерпѣлъ поражение и бѣжалъ къ отцу во Владимірѣ. Батый въ то же время сжегъ Москву, тогда еще ничтожный городокъ, перерѣзалъ жителей и плѣнилъ втораго сына Георгіева—Владимира. Великій князь увидѣлъ, какъ опасны новые непріатели, и спѣшилъ выѣхать изъ столицы, поручивъ защиту ея двумъ сыновьямъ, а самъ отправился собирать войска.

Въ праздникъ Срѣтенія Господня, 2 февраля 1238 года, татары подошли къ стѣнамъ Владиміра. Изъ города стали пускать въ нихъ

---

¹⁸⁾ Въ древнихъ рукописныхъ святахъ извѣстныхъ подъ названіемъ: «книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святахъ», помѣщены въ числѣ святахъ князя Рязанскіе: Романъ Ольговичъ, Олегъ Красный и Феодоръ Юрьевичъ съ супругою Евпраксіей и младенцемъ Іоанномъ.

¹⁹⁾ Этотъ храмъ воздвигнуть княземъ Феодоромъ Юрьевичемъ для чудотворной иконы святителя Николая, принесенной въ землю Рязанскую въ 1224 году. Передъ тѣмъ князь Феодоръ видѣлъ во снѣ святителя Николая, который сказалъ ему, что невидимо сопутствуетъ иконѣ своей, приближающейся къ его удѣлу, и общалъ испросить у Господа вѣнецъ небеснаго царствія ему, женѣ его и сыну. Пробудившись отъ сна, юный князь дивился видѣнію, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ женатъ. Въ послѣдствіи юный князь женился на Евпраксіи, «дѣвицѣ отъ царскаго рода» (вѣроятно изъ рода императоровъ византійскихъ) и имѣлъ отъ нея сына Іоанна. Мѣсто, гдѣ Евпраксія убила съ младенцемъ, прозвано Заразъ (убой). Здѣсь послѣ возникъ городъ Зарайскъ.

стрѣлы. „Не стрѣляйте“, кричали Татары, показывая на плѣннаго князя Владиміра, котораго влачили они за собою блѣднаго, истомленнаго страданіями. Братья его, Всеволодь и Мстиславъ, не могли удержаться отъ слезъ и говорили дружинѣ: „лучше намъ умереть за святую вѣру, чѣмъ быть въ неволѣ варварской. Все это навелъ на насъ Богъ за грѣхи наши“. Непрiятель поставилъ вокругъ города стѣнобитныя орудія, и въ мясопустное воскресенье, 7 февраля, вскорѣ послѣ заутрени, начался приступъ. Князья Всеволодь и Мстиславъ, мать ихъ, княгиня Агаея, съ дочерью и двумя снохами, многіе вельможи собрались въ соборный храмъ Богоматери и приняли отъ епископа Митрофана иноческое постриженіе; всѣ они принесли исповѣдь въ грѣхахъ своихъ, причастились св. Таинъ и приготовились къ смерти. Татары завладѣли городомъ и зажгли церковь; тогда епископъ сказалъ: „Господи, простри невидимую руку Свою и прими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ“, и благословилъ всѣхъ на смерть неизбежную. Всѣ бывшіе въ соборѣ ²⁰⁾ страдальчески умерли отъ дыма и мечей непріятельскихъ, кромѣ сыновей великаго князя, которые успѣли пробиться съ дружиною за городъ и тамъ пали въ битвѣ; большая часть жителей столицы убиты, немногіе взяты въ плѣнъ. Великій князь, получивъ вѣсть о гибели своего семейства, столицы и народа, сказалъ съ Іовомъ: „такъ ли, Господи, угодно милосердію Твоему? Зачѣмъ я остался одинъ?“

Благовѣрный Георгій подъ тяжестью бѣдъ не только не палъ духомъ, но еще окрѣпъ. Удалясь въ Ярославль, онъ взялъ съ собою Ростовскихъ князей съ ихъ дружинами и рѣшилъ идти въ глушь лѣсовъ на берега рѣки Сити, гдѣ тянутся болота на огромныя пространства. Туда же пригласилъ онъ ополченіе братьевъ своихъ, Ярослава и Святослава. Батый, взявъ Владиміръ, отправилъ сильныя отряды къ Ярославлю въ погоню за великимъ княземъ; но Георгій рѣшилъ сбегать слабыя силы свои до лучшаго времени. Онъ разбилъ станъ свой на берегахъ Сити ²¹⁾ и ждалъ Татаръ отъ Ярославля; но они, опустошивъ Переяславль и Капинъ, напали на него со стороны Бѣжецкаго-Верха. Съ великимъ княземъ былъ братъ его Святославъ, съ своими Юрьевцами, и племянники, князья Ростовскіе съ ихъ дружинами, но не было брата Ярослава съ Переяславцами. Открылась кровопролитная война съ непріателемъ многочисленнымъ и развирѣпѣвшимъ; Русскія дружины при всемъ мужествѣ не устояли; великій князь былъ убитъ вмѣстѣ съ племянникомъ Всеволодомъ Константи-

²⁰⁾ Въ тѣхъ же древнихъ святцахъ помѣщены между святыми: святитель Митрофанъ, князья Владиміръ, Всеволодь и Мстиславъ Георгіевичи, мать ихъ, великая княгиня Агаея, съ снохами Марією и Христиною и дочерью княжкою Феодорою.

²¹⁾ Село Станилово съ валами и окопами остается памятникомъ Георгіева стана. Оно находится въ Моложскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, на берегу рѣки Сити, которая вытекаетъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ изъ огромной топи и впадаетъ въ рѣку Мологу въ 40 верстахъ отъ впаденія сей послѣдней въ Волгу (см. статью свящ. Преображенскаго въ этногр. сборникѣ, ч. 1, стр. 121, 122).

новичемъ, первымъ княземъ Ярославскимъ; почти все русское войско легло на полѣ сраженія. Это было 4 марта 1238 г. ²²⁾.

Князь Василько Ростовскій израненный остался плѣнникомъ въ рукахъ варваровъ. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію объ отчизнѣ и голодомъ, онъ былъ влачимъ Татарами до Шеренскаго лѣса ²³⁾. Здѣсь онъ долженъ былъ вытерпѣть послѣднюю борьбу съ обольщеніями славы и ужасами смерти. Татары любовались величественнымъ его видомъ, знали по опыту мужество и крѣпость руки юнаго князя: они старались убѣдить его, чтобы онъ вступилъ къ нимъ въ службу и присталъ къ нечестивымъ ихъ обычаямъ. Но напрасно обольщали его дружбою Батя, напрасно хвалились своимъ воинственнымъ счастьемъ. Мужественный князь не слушалъ ихъ; онъ не хотѣлъ прикоснуться къ пищѣ и питью Татаръ, считая ихъ нечистыми. О, темное царство,—сказалъ онъ,—не разлучить тебѣ меня со Христомъ моимъ. Онъ предалъ насъ въ ваши скверныя руки, любя насъ и даруя намъ жизнь вѣчную. Но есть Богъ, и темное царство погибнетъ, когда исполнится мѣра беззаконій его: взыщеть Онъ кровь вѣрныхъ своихъ“. Варвары скрежетали зубами отъ ярости, готовые напиться кровью страдальца. А онъ молился вслухъ: „Господи, Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всѣ нечистоты мои; очисти меня отъ грѣховъ моихъ“. Онъ молился за себя, за малолѣтнихъ сыновей своихъ Бориса и Глѣба, за всѣхъ братьевъ-христіанъ; онъ благодарилъ Бога, что въ цвѣтѣ лѣтъ умираетъ мученикомъ и память о немъ не будетъ безславною. Варвары много мучили неустрашимаго князя, свирѣпо умертвили его и бросили въ лѣсу Шеренскомъ.

Между тѣмъ Ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлозерской страны, куда онъ удалился отъ Татаръ, проходилъ по берегамъ р. Сити и въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ отыскалъ обезглавленное тѣло св. великаго князя Георгія. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію, взялъ съ благоговѣніемъ священные останки, привезъ въ Ростовъ и, съ великою честью совершивъ надгробное служеніе, положилъ въ Ростовскомъ соборѣ ²⁴⁾; туда же привезли тѣло св. Василька, пай-

²²⁾ Хотя въ степенной книгѣ мученическая кончина св. князя Георгія показана 4 февраля и память его совершается въ тотъ же день, но здѣсь очевидная ошибка, потому что вѣсть о взятіи Владиміра дошла къ великому князю въ исходѣ февраля (Никон. лѣт. 376). Битва на Сити не могла быть ранѣе 4 марта.

²³⁾ Шеренскій лѣсъ извѣстенъ и нынѣ, въ 25 вер. отъ Кашина и въ 38 отъ Колязина. Здѣсь былъ позднѣе Шеренскій монастырь, конечно, въ память страдальческихъ подвиговъ князя-мученика, а нынѣ село Шеренское при рѣкѣ Шеренкѣ, въ лѣсной сторонѣ («Русскіе св.», мартъ, стр. 43). Проф. Соловьевъ указываетъ этотъ лѣсъ близъ Козельска. Но здѣсь епископу Кириллу вовсе было не по дорогѣ проходить съ Бѣлоозера.

²⁴⁾ Голова великаго князя Георгія отыскана послѣ и положена въ гробъ его. На второмъ году послѣ кончины тѣло страдальца вѣры и отчизны перенесено было во Владиміръ. Тогда увидѣли невиданное чудо: св. глава прильнула къ св. тѣлу, такъ что не осталось и слѣда отсѣченія. Мощи св. великаго князя почиваютъ открыто во Владимірскомъ соборѣ въ серебряной ракѣ, устроенной въ 1645 году, по обѣщанію, патрі рхомъ Іосифомъ.

денное въ лѣсу Шеренскомъ ²⁵⁾. Вдовствующая супруга его, княгиня Марія, дочь св. князя Михаила Черниговскаго, дѣти, епископъ Кирилль и весь народъ Ростовскій встрѣтили съ горькимъ плачемъ тѣло любимаго князя и погребли его подъ сводами соборнаго храма ²⁶⁾.

Полчища Татаръ съ береговъ Сити устремились къ Новгороду; взяли Волокъ-Камскій, Тверь, Торжокъ, не давая никому пощады. Уже Батый былъ въ 100 верстахъ отъ Новгорода, гдѣ плоды долговременной торговли обѣщали ему богатую добычу; но вдругъ, испуганный непроходимыми лѣсами и болотами этого края, обратился назадъ къ Козельску, который осмѣлился сопротивляться и выдержалъ семидневную осаду. Наконецъ, Татары завладѣли Козельскомъ, умертвили всѣхъ жителей и прозвали Козельскъ „злымъ“ городомъ. Князь Козельскій, младенецъ, изъ племени князей Черниговскихъ, пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ утонулъ въ крови.

Отдѣльные отряды Татаръ по завоеваніи Владиміра разсѣялись по великому княженію, завладѣли въ теченіе одного мѣсяца четырнадцатью городами, въ томъ числѣ Ростовомъ, Ярославлемъ, Галичемъ, Дмитровымъ, Переяславлемъ, Юрьевымъ. „Головы жителей, по словамъ лѣтописца, падали на землю, какъ трава скошенная“. Одинъ изъ этихъ отрядовъ (вѣроятно изъ-подъ Козельска) приступалъ къ Смоленску, гдѣ прославился доблестными подвигами св. мученикъ Меркурій ²⁷⁾.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, удался въ землю Половецкую на берега Дона. Ярославъ Всеволодовичъ, братъ св. великаго князя Георгія, въ надеждѣ, что буря миновалась, спѣшилъ изъ Кіева во Владиміръ—принять достоинство великаго князя и господствовать надъ развалинами и трупами.

На югѣ Россіи продолжалась борьба между князьями, которые не приняли участія въ бѣдствіяхъ сѣверной Руси, издали смотрѣли на нихъ равнодушно, помышляя единственно о выгодахъ своего властолюбія. Михаилъ Черниговскій, занявъ Кіевъ, посадилъ въ Галичѣ сына своего Ростислава; но Даніиль Галицкій успѣлъ завладѣть безъ

²⁵⁾ Тѣло Василька, брошенное въ лѣсу, узнала одна женщина и сказала о томъ бо-гобоязненному человѣку, поповичу Адриану, который взялъ тѣло и скрылъ до времени въ тайномъ мѣстѣ.

²⁶⁾ Мощи св. князя Василія Константиновича погребены въ княжеской усыпальницѣ подъ сводами алтаря Ростовскаго соборнаго храма. Онѣ почиваютъ въ срединѣ усыпальницы подъ самымъ престоломъ. Теперь нѣтъ хода въ усыпальницу, но старожилы Ростовскіе еще помнятъ, что прежде была дверь туда изъ придѣла св. Леонтія.

²⁷⁾ Въ Русскомъ Временникѣ повѣствуется: во время приступа татаръ къ Смоленску былъ тамъ православный и благородный римлянинъ Меркурій. Онъ слышалъ гласъ отъ чудотворной иконы Богоматери, повелѣвшей ему выйти на единоборство съ татаринномъ-исполиномъ, который наводилъ собою страхъ на Смоленскую рать. Меркурій побѣдилъ этого богатыря и убилъ его. Потомъ вышелъ ночью на Долгій мостъ и перебилъ множество татаръ. Утомившись, онъ заснулъ, и татаринъ отрубилъ ему сонному голову. Не одолѣвъ города, татары отступили. Мощи св. Меркурія почиваютъ подъ слудомъ въ Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ; тяжелый желѣзный шпашакъ и копы св. витязя висятъ надъ его гробницею.

битвы своимъ родовымъ княженіемъ. Галичане, по выраженію лѣтописца, „стремились къ Даниилу, какъ пчелы къ маткѣ или какъ жаждущіе къ источнику водному“. Но приближалась уже кара Божія и къ южной Руси. Покоривъ совершенно Половцевъ, толпы Батыевы снова явились въ предѣлахъ Россіи: опустошили Переяславль и южный Черниговъ, на пути къ Кіеву.

Батый давно слышалъ о Кіевѣ, о церковныхъ сокровищахъ древней столицы и о богатствѣ людей торговыхъ. Михаилъ Черниговскій, княжившій тогда въ Кіевѣ, удалился въ Венгрію. Смѣлый Даниилъ Галицкій занялъ Кіевъ; но и онъ видѣлъ невозможность обороны столицы съ малочисленною дружиною и рѣшился искать помощи у короля Венгерскаго, поручивъ оборону Кіева опытному и храброму боярину Дмитрію.

Несмѣтная рать Батыя со всѣхъ сторонъ облегла Кіевъ; стѣнитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Татары разбили стѣны и ворвались въ городъ. Но Дмитрій не зналъ страха. Онъ отступилъ съ Кіевлянами къ церкви Десятинной, ночью укрѣпилъ ее тыномъ и на другой день снова оборонялся. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; они схватили мужественнаго Дмитрія и привели къ Батыю, который, удивляясь его храбрости, даровалъ ему жизнь.

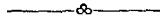
Варвары нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія. Они грабили дома жителей и великолѣпные храмы, разрушили до основанія церковь Десятинную—первое зданіе греческаго зодчества въ Россіи, похитили всѣ сокровища Печерской обители, сняли съ главы великой церкви златокованный крестъ, разломали его до самыхъ оконъ вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Пещеры со святынею мощей были закладены и скрыты отъ варваровъ ²⁸⁾.

Гибель Россіи совершилась. Князья, которые не жалѣли отчизны въ кровавыхъ междоусобіяхъ, заботясь только о личной прибыли или о первенствѣ и власти, теперь всѣ поравнялись; всѣ сдѣлались рабами варваровъ. Исчезла самобытность государства, исчезли начатки просвѣщенія, успѣхи промышленности и торговли, разрушены города, храмы и обители иноческія. Словомъ, погибло все земное, все временное, всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Уцѣлѣло только то, что вѣчно и неизмѣнно: св. вѣра Христова, Церковь православная, которой, по обѣтованію Спасителя, не одолѣетъ и самый адъ. Она одна уцѣлѣла между развалинами, горѣла и не сгорала, подобно купинѣ, прохладжаемая росой любви небесной. Она очищалась, какъ золото въ горнилѣ страданій, возвышалась незыблемо, какъ каменный утесъ посреди бурь океана. Только на этотъ утесъ могла опереться Русь, когда наступилъ свѣтлый день воскресенія ея изъ могилы!

²⁸⁾ Повѣствуютъ, что иноки Печерскіе укрылись въ лѣсахъ и собирались на молитву въ одинъ малый придѣлъ, уцѣлѣвшій среди развалинъ монастыря (Карамз. И. Госуд. Р. ч. VI, стр. 11).

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Графа М. Толстаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

Г Л А В А I.

Состояніе русской земли подъ игомъ монголовъ.—В. кн. Ярославъ Всеволодовичъ.—Состояніе церкви.—Блажен. митропол. Кирилль.—Побѣда св. Александра Невскаго надъ шведами и ливонскими рыцарями.—Мученическій подвигъ св. кн. Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора.—Св. Александръ на великомъ княженіи.—Кочина его.

Страшное иго порабощенія легло на Русскую землю. Болѣе двухсотъ лѣтъ Церковь Русская, князья и народъ наслаждались свободою; но князья кровопролитными распрями, а народъ грубыми пороками и суевѣріями, сохраненными изъ язычества, навлекли на себя наказаніе Божіе. Наступило время тяжкихъ и продолжительныхъ страданій.

Поработитель Руси,—Батый, основаль свое пребываніе на берегахъ Волги, назвавъ столицу свою Сараемъ. Здѣсь кочевала орда его, извѣстная подъ именемъ Золотой и Кипчакской. Но и самъ Батый не былъ полновластнымъ повелителемъ: онъ въ свою очередь зависѣлъ отъ великаго хана, наслѣдника Чингиса, который кочеваль съ большою ордою въ пустыняхъ средней Азіи.

Особенно тяжело и безотраднo было положеніе князей. Покорностью дикимъ завоевателямъ опредѣлялась не только участь самихъ князей, но и участь народа: по судьбамъ Вышняго, это было для князей урокомъ—дорожить счастьемъ народа. И когда для спокойствія христіанской земли своей князья жертвовали своимъ самолюбіемъ, имуществомъ, здоровьемъ и самою жизнію,—эта была жертва чистая, высокая, христіанская ¹⁾.

Въ 1243 году Батый назначилъ въ города Рускіе своихъ надзирателей—баскаковъ, а князьямъ приказаль являться къ нему съ изъявленіемъ покорности. Прежде всѣхъ подвергся этому униженію великій князь Ярославъ Всеволодовичъ: онъ долженъ былъ отправиться въ Золотую орду къ Батыю, а одного изъ сыновей своихъ послать въ Татарію къ великому хану Монголовъ—Октаю. Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ „главою всѣхъ князей Рускихъ“, отдавъ ему Кіевъ. Поступокъ великаго князя служилъ при-

¹⁾ Просов. Филарета Истор. Рус. Церкви, пер. II, стр. 11.

мѣромъ для князей удѣльныхъ: они также били челомъ надменному татарину, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Мало-по-малу князья начали устраиваться въ своихъ удѣлахъ; мало-по-малу начали оживать города и селенія Русской земли, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ. Ростовская область поступила въ наслѣдство малолѣтнимъ сыновьямъ князя-мученика, Борису и Глѣбу Васильковичамъ, подъ опекою матери ²⁾; въ послѣдствіи младшій изъ нихъ получилъ въ удѣлъ Бѣлозерскую область и сдѣлался родоначальникомъ князей Бѣлозерскихъ ³⁾. Также и въ Ярославлѣ стали княжить сыновья князя Всеволода Константиновича, павшаго на берегахъ Сити ⁴⁾, святые князья Василій и Константинъ ⁵⁾. На югъ князь Михаилъ Всеволодовичъ долженъ былъ, по волѣ хана, уступить Кіевъ великому князю и возвратился въ Черниговъ. Храбрый Даниилъ Галицкій послѣ опустошенія земли своей Монголами долженъ былъ смириться и идти на поклонъ къ Батыю, который въ знакъ особеннаго благоволенія впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ православнымъ князьямъ. „Ты долго не хотѣлъ меня видѣть, сказалъ Батый, но теперь загладилъ вину повинovenіемъ“ ⁶⁾. Впрочемъ Даниилъ мечталъ объ освобожденіи при помощи западныхъ государей, входилъ даже въ сношенія съ папою и хитрилъ предъ нимъ, изъясняя расположеніе къ покорности римскимъ догматамъ. Папа Иннокентій IV съ своей сто-

²⁾ Супруга князя-мученика Василька, Марія, была дочь князя Михаила Черниговскаго. Оставшись вдовою въ молодости, она посвятила себя воспитанію сыновей, не принявъ постриженія надъ гробомъ супруга, по обычаю княгинь того времени. Она скончалась 1271 году и погребена въ Ростовѣ въ построенной ею церкви Спасскаго княгинина монастыря. Это замѣчательное зданіе XIII вѣка вполне уцѣлѣло до нашего времени и принадлежитъ къ Спасо-Іаковлевскому монастырю.

³⁾ Глѣбъ Васильевичъ, будучи княземъ Бѣлозерскимъ, около 1260 года путешествовалъ водою съ Бѣлоозера къ Устью и былъ застигнутъ бурей на Кубенскомъ озерѣ. Принесенный къ Каменному острову, онъ нашелъ тамъ 23 пустынника, давно уже жившихъ на островѣ и проходившихъ апостольское служеніе среди окрестныхъ язычниковъ. Князь Глѣбъ воздвигъ для нихъ на островѣ храмъ и монастырь во имя Преображенія Господня, названный по мѣсту Спасо-Каменнымъ. Тотъ же князь Глѣбъ въ 1251 году основалъ на устьѣ р. Шексны въ 17 верстахъ отъ Бѣлоозерска, Троицкій-Усть-Шехонскій монастырь, съ великолѣпною (по тому времени) деревянною церковью. Ист. Росс. Гер. VI, стр. 585.

⁴⁾ Князь Всеволодъ Ярославскій, второй сынъ великаго князя Константина, убитъ на Ситскомъ побоищѣ, и тѣло его тамъ не найдено.

⁵⁾ Старшій изъ сыновей Всеволода, св. князь Василій, собралъ народъ, разсѣянный варварскимъ нашествіемъ, и милостиво заботился о вдовахъ и сиротахъ ратниковъ, павшихъ съ отцомъ его на берегахъ Сити. Онъ былъ женатъ и оставилъ послѣ себя одну дочь Марію, окончивъ жизнь, испытанную скорбями, въ 1249 году. Братъ и наслѣдникъ его, св. князь Константинъ, убитъ въ 1257 году въ битвѣ съ шайками татарскихъ грабителей на горѣ близъ Ярославля, который понынѣ зовется «Туговою», какъ мѣсто туги (горести) и слезъ, пролитыхъ осиротѣвшими Ярославцами. Оба св. князя были погребены въ соборной церкви, при перестройкѣ которой въ 1501 году обрѣтены нетлѣнные ихъ мощи.

⁶⁾ Представляясь Батыю, Даниилъ пилъ кумысъ, стоя на колѣняхъ и славя величіе хана. Батый похвалилъ его за соблюденіе татарскихъ обычаевъ, однако велѣлъ подать ему кубокъ вина, говоря: «ты не привыкъ къ молоку нашихъ кобылъ».

роны нарекъ его королемъ Русскимъ, прислалъ ему корону и скипетръ, разрѣшилъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычаи, не принятыя Римскою церковью. Храбрый и умный король Галицкій ожидалъ помощи отъ западныхъ сосѣдей, которыхъ папа побуждалъ къ всеобщему ополченію противъ Монголовъ; но такъ какъ это ополченіе не состоялось, то Даніиль снялъ съ себя личину, отрёкся отъ связи съ Римомъ и смѣялся надъ гнѣвомъ папы 7).

Состояніе Церкви было такъ же скорбно, какъ и состояніе государства. На огромномъ пространствѣ отъ Бѣлаго озера до южнаго Галича Батый оставилъ за собою пепель и пустыню: храмы Божіи были истреблены огнемъ или остались грудями камней; священныя утвари, иконы, книги сдѣлались добычею богохульныхъ хищниковъ; украшенные сѣдиною служители алтарей умерщвлены, а молодые отведены въ плѣнъ 8). Не легко было возобновить храмы и все нужное къ богослуженію; еще труднѣе—найти способныхъ священнослужителей среди всеобщаго опустошенія и нищеты, тѣмъ болѣе, что образование болѣе или менѣе сохранилось только на югѣ—въ Галичѣ и Волыни,—странахъ, менѣе угнетенныхъ дикими завоевателями. Митрополиты и прочіе архипастыри должны были, подобно князьямъ, являться съ поклономъ въ орду для утвержденія на своихъ каедахъ. Монголы не поднимали явнаго гоненія на христіанскую вѣру, какъ нѣкогда Римскіе императоры въ первые вѣка христіанства. Чингисъ въ „Ясѣ“, принятой преемниками его за основной законъ государства, признавалъ единаго высочайшаго Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ чтить всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были; отсюда толпы жрецовъ идольскихъ въ ордѣ и уваженіе къ жрецамъ всѣхъ религій. Въ ярлыкахъ, выдаваемыхъ ханами Русскимъ святителямъ, запрещалось хулить вѣру Русскую подѣ страхомъ смертной казни, но произвольнаго завоевателя былъ для него выше всякой религій; онъ говорилъ: „Богъ владѣетъ небомъ, а сынъ Божій, ханъ, — землею“. Естественно, что ему не могли быть пріятными тѣ, которые не признавали мнимобожественнаго его достоинства. Естественно, что тотъ же неукротимый произволь принуждалъ иногда христіанъ слѣдовать суевѣріямъ языческимъ. Много страдала Русская Церковь и отъ ненасытной алчности Татаръ: они нападали внезапно безъ всякой причины на города, покорные ихъ власти, грабили церкви, монастыри, отнимали все, что попадалось въ руки.

7) Даніиль Галицкій скончался около ¹²¹⁴ 1240 года. Не возставая открыто противъ хана и держа союзъ государей западныхъ, онъ умѣлъ крѣпко утвердиться въ своемъ княжествѣ: преемники его около ста лѣтъ владѣли его наслѣдіемъ и рабствовали менѣе другихъ князей Русскихъ, уважаемые и ханами и сосѣдними христіанскими державами запада, которыя считали княжество Галицкое оплотомъ со стороны монголовъ.

8) При нашествіи Батыя сторѣлъ блаж. епископъ владимірскій Митрофанъ въ соборномъ своемъ храмѣ (см. гл. VII въ первой книгѣ «Разсказовъ»); умерщвленъ св. Симеонъ, епископъ Переяславскій; при взятіи Чернигова плѣненъ, истомленъ скорбями и вскорѣ скончался епископъ Порфирій; въ Кіевѣ замучены пресвитеры Печерскіе: преп. Лукіанъ и Памво и многіе другіе подвижники.

Въ премудромъ намѣреніи Промысла иго Монголовъ было мѣрою любви, врачевствомъ для нравственныхъ болѣзней народа Русскаго. Какое же было дѣйствіе ига на народъ? Общее бѣдствіе прежде всего пробудило въ народѣ чувство покаянія: люди Русскіе примѣнили къ себѣ покаяніе Ниневитянъ и каялись; воспоминали о рабствѣ Израиля въ Египтѣ и возносились мыслью отъ земли къ небу. Народъ сознавалъ, что онъ народъ христіанскій, а лютые властители его — невѣрные, ненавистные Богу. Такимъ образомъ утвердилась вѣра въ превосходство христіанскаго ученія. Эта вѣра ободряла народъ въ скорбяхъ, въ трудахъ самыхъ тяжкихъ; она заставляла дорожить тѣмъ, что внушало ему христіанство. Благодаря вѣрѣ Христовой, народъ Русскій удержалъ любовь къ разоренной родинѣ и не перенялъ дикой хищности отъ Монголовъ.

Къ довершенію бѣдствій русской Церкви, она въ первые, самые тяжкіе годы порабоженія Руси, оставалась безъ первосвятителя. Митрополитъ Іосифъ Грекъ, прибывъ изъ Царяграда передъ самымъ нашествіемъ Батыя, пропалъ безъ вѣсти ⁹⁾. Управление митрополией съ 1243 года принялъ на себя Кириллъ, одинъ изъ южныхъ игуменовъ, по выбору князей. Но всеобщее разстройство дѣлъ не прежде дозволило ему принять посвященіе отъ патріарха, какъ въ 1250 году. Возвратясь оттуда въ Кіевъ, онъ отправился обозрѣвать сѣверныя епархіи своей митрополии, посѣтилъ Черниговъ, Рязань, Владиміръ и, наконецъ, Новгородъ, который не видалъ у себя Батыя и только одинъ изъ престольныхъ городовъ Руси оставался еще независимымъ и неразореннымъ.

Можно думать, что самъ Господь хранилъ Новгородъ вмѣстѣ съ Псковомъ и другими его пригородами, какъ оплотъ со стороны запада, болѣе опаснаго для Руси, нежели орды монгольскія: Татары разоряли государство и губили народъ, а латинство грозило опасностью для самой чистоты вѣры православной. Папы старались воспользоваться для своихъ цѣлей общими бѣдствіями Русской земли и поднимали на нее крестовые походы то изъ Швеціи, то изъ Ливоніи. Но на западныхъ предѣлахъ Руси въ великомъ Новгородѣ княжилъ тогда юный князь Александръ, сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, одаренный необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, величественною красотой и крѣпкими мышцами Самсона; голосъ князя, по выраженію лѣтописца, гремѣлъ какъ труба на вѣчѣ.

Въ 1240 г. шведскій король вслѣдствіе папской буллы отправилъ многочисленное войско подъ начальствомъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву къ устью Ижоры; при войскѣ были бискупы, чтобы крестить Русскихъ. Благовѣрный Александръ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ малою дружиной, но съ твердою надеждой на Бога, На берегахъ Невы, гдѣ Шведы стояли уже станомъ, встрѣтилъ Але-

⁹⁾ Можетъ быть, онъ погибъ въ развалинахъ Кіева или удалился въ другое мѣсто и тамъ скончался.

ксандра начальникъ приморской его стражи, Ижорянинъ Пелгуй, ревностный христіанинъ и повѣдалъ ему чудное видѣніе, котораго удостоился наканунѣ. Ожидая князя, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива въ бдѣніи и молитвѣ. Мракъ ночной исчезъ, и солнце озарило поверхность тихаго моря. Вдругъ Пелгуй услышалъ шумъ на морѣ и увидѣлъ ладью съ гребцами, одѣянными мглою, и двумя лучезарными витязями въ ризахъ червленыхъ; витязи походили на св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, какъ изображались они на иконахъ. Одинъ изъ витязей сказалъ другому: „братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику нашему Александру“. Битва началась 15 іюля, въ день памяти св. Владиміра, просвѣтителя Руси, въ началѣ дня и продолжалась до ночи. Шведы бились упорно, но потерпѣли страшное пораженіе. Александръ собственнымъ копьемъ „возложилъ печать на лице“ Биргера. Темная ночь спасла остатки Шведовъ: они спѣшили бѣжать восвояси, наполнивъ три судна тѣлами лучшихъ своихъ мужей и оставивъ поле битвы, усѣянное трупами своихъ собратьевъ¹⁰). Эта славная побѣда доставила Александру прозваніе „Невскаго“.

Кончивъ со Шведами, Невскій витязь долженъ былъ поспѣшить противъ Ливонскихъ рыцарей, которые завладѣли Изборскомъ, разбили Псковитянъ и при помощи измѣнника Твердислава ворвались въ самый городъ Псковъ. Александръ двинулся на защиту Пскова и разбилъ Нѣмцевъ на весеннемъ льду Чудскаго озера. Пятьсотъ рыцарей пало въ битвѣ, около пятидесяти попало въ плѣнъ. Когда Александръ съ торжествомъ входилъ въ городъ св. Ольги, ведя за собою плѣнныхъ рыцарей, весь Псковъ съ восторгомъ встрѣтилъ его. Онъ завѣщалъ Псковичамъ любовь къ своему потомству. „Если кто изъ позднѣйшихъ моихъ потомковъ прибѣжитъ къ вамъ въ печали,—скажутъ онъ,—или просто придетъ пожить къ вамъ и вы не примете и не почтете его какъ князя, то назоветесь вторыми жидами“.

Эта знаменитая побѣда защитника православія надъ Ливонскими рыцарями (современники прозвали ее „Ледовымъ побоищемъ“) заставила орденъ трепетать за собственное существованіе¹¹); папа при-

¹⁰) При Александрѣ, по словамъ лѣтописца, «бѣ множество храбрыхъ, якоже древле у Давида царя: бяху бо сердца ихъ, аки сердца львовъ». Одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, вскочилъ въ Шведскую шнеку (судно), бился тамъ съ воеводою, убилъ его и бискупъ латинскаго. Другой новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ вѣзжалъ въ густые ряды непріятелей съ однимъ топоромъ, рубилъ направо и налево, ужасая всѣхъ своею силою и храбростію. Яша Полочанинъ, ловчій князя, ударилъ съ мечемъ на дѣлмый полкъ непріятельскій. Миша новгородецъ бросился пѣшій въ море съ товарищами и потопилъ три шнеки съ шведскими воинами. Подобные подвиги намъ кажутся невѣроятными; имъ дивились современники и даже очевидцы. По словамъ лѣтописца, Новгородцы не смѣли приписывать себѣ побѣды! но говорили, что за нихъ и вмѣстѣ съ ними сражались ангелы Божіи. Указывая на другой берегъ Икоры, покрытый непріятельскими трупами, они утверждали, что полки Александровы тамъ не были и не могли пройти туда, но силы небесныя избивали тамъ Шведовъ (Лавр. Лѣт., стр. 206).

¹¹) По свидѣтельству ливонскихъ хроникъ, магистръ меченоснаго ордена, разбитый на Чудскомъ озерѣ, опасался даже за Ригу и просилъ помощи у Датскаго короля.

нужденъ былъ до времени отложить свои виды на присоединеніе Русской земли къ латинству. Александръ послѣ того недолго оставался въ Новгородѣ. Отецъ его, великій князь Ярославъ, долженъ былъ ѣхать въ Большую орду на берега Амура, гдѣ Монголы по смерти Огтая занимались избраніемъ новаго великаго хана. Онъ въ послѣдній разъ простился съ отечествомъ; сквозь степи и пустыни достигнувъ до ханскаго стана, въ числѣ многихъ другихъ данниковъ, смирился предъ трономъ новаго хана Гаюка и скончался въ ордѣ 30 сентября 1246 года, какъ увѣряютъ, отъ яда, даннаго ему матерью хана ¹²⁾. Тѣло его было привезено и погребено во Владимірѣ въ соборной церкви.

Почти въ то же время въ Золотой ордѣ Михаилъ Всеволодовичъ, князь Черниговскій, и бояринъ его Феодоръ явились исповѣдниками и мучениками святой вѣры. Потребованный къ Батыю, Михаилъ просилъ благословенія у отца духовнаго, епископа Іоанна. „Многіе князья ѣздили въ орду,—сказалъ ему епископъ,—и, прельстясь славою міра сего, ходили сквозь огонь, кланялись идоламъ, вкушали оскверненную пищу; но ты, князь, не подражай имъ“. Князь отвѣчалъ: „я желаю пролить кровь мою за Христа и за вѣру чистую“. То же сказалъ и бояринъ Феодоръ. Епископъ далъ имъ св. дары на путь и отпустилъ съ молитвою. Когда Михаилъ прибылъ въ станъ Батя съ юнымъ внукомъ Борисомъ Ростовскимъ и бояриномъ Феодоромъ, Батый приказалъ жрецамъ совершить надъ Михаиломъ все, что слѣдуетъ по языческимъ уставамъ, и потомъ уже представить его въ ханскую ставку. Жрецы потребовали, чтобы князь и бояринъ прошли сквозь огонь ¹³⁾. Михаилъ отвѣчалъ: „христіанинъ покланяется Творцу, а не твари“. Узнавъ о непокорности Русскаго князя, Батый озлобился и велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ: или поклониться богамъ, или умереть. Я готовъ поклониться царю, отвѣчалъ Михаилъ—ему вручилъ Богъ судьбу царствъ земныхъ: но я христіанинъ и не могу поклониться, чему покланяются жрецы“. Напрасно юный Борисъ со слезами умолялъ дѣда побережь жизнь свою, напрасно бояре Ростовскіе вызывались принять на себя и на весь народъ ептимію за князя: Михаилъ, подкрѣпляемый благочестивымъ Феодоромъ, не хотѣлъ слушать ихъ. Онъ сбросилъ съ плечъ княжескую шубу и сказалъ: „не погублю души моей; прочь слава міра сего тлѣннаго, не хочю ея“.

¹²⁾ «Ярослава великаго князя зелиемъ умориша» (Волинск. Лѣт., стр. 182). О томъ, что ядъ былъ данъ Ярославу матерью хана, свидѣтельствуеетъ латинскій монахъ Плато-Карпини, бывшій въ то время въ великой ордѣ посланникомъ отъ папы. Въ Степенной книгѣ сказано о Ярославі: «причте его Богъ ко избранному своему стаду». Въ Рукоп. Свяцахъ (книга, глаголемая о Россійскихъ святыхъ) онъ включенъ въ число святыхъ.

¹³⁾ Что должно разумѣть подъ названіемъ прохода черезъ огонь? Полевой, Арцыбашевъ и другіе полагаютъ, что это была одна только маловажная формальность, суевѣрная предосторожность татаръ противъ злого умысла являющагося къ хану. Но современный западный миссіонеръ (Плато-Карпини), который самъ въ ордѣ проходилъ черезъ огонь, пишетъ, что отъ Михаила требовали поклоненія на югъ—могилѣ Ченгисхановой, поклоненія огню и войлочнымъ идоламъ.

Пока вельможи ханскіе относили къ Батыю отвѣтъ князя-христіанина, блажен. Михайль и достойный бояринъ его начали пѣть псалмы и, окончивъ пѣніе, приобщились св. Таинъ. Татарскіе чиновники еще разъ сказали имъ: идутъ отъ хана убить васъ; покоритесь, и останетесь живы. Михайль и Феодоръ отвѣчали въ одинъ голосъ: „не слушаемъ васъ, не хотимъ славы міра сего“. Скоро явились убійцы. Соскочивъ съ коней, татарскіе палачи схватили Михаила, растянули за руки и за ноги и начали бить кулаками и палками по груди, потомъ повернули лицомъ къ землѣ и били ногами. Долго длилось это звѣрство. Наконецъ, какой-то отступникъ Домантъ, уроженецъ Путивля, отрѣзалъ ножемъ голову св. мученику. Послѣднее слово его было: „я христіанинъ!“¹⁴⁾

Тогда стали уговаривать боярина Феодора и обѣщали ему почести. Онъ отвѣчалъ: „не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа моего, какъ и государь мой князь“. Его мучили такъ же, какъ и князя, и наконецъ отрѣзали ему голову. Это было 20 сентября 1246 года. Тѣла исповѣдниковъ Христовыхъ брошены были въ пищу псамъ, но остались цѣлы и невредимы. Господь, за Котораго пострадали мученики, явилъ Свое знаменіе въ подкрѣпленіе вѣры слабыхъ и униженіе язычества. Надъ св. мощами стоялъ столпъ свѣтлый, горѣли огоньки и слышалось небесное пѣніе. Богобоязненные христіане тайно взяли ихъ и принесли въ Черниговъ¹⁵⁾.

Вскорѣ по страдальческой кончинѣ св. князь Михайль вмѣстѣ съ бояриномъ Феодоромъ явился въ сіяніи небеснаго свѣта дочери своей, блаж. Евфросиніи¹⁶⁾, и возвѣстилъ ей, что они оба мучениче-

¹⁴⁾ Сказаніе о мученическомъ подвигѣ Михаила и Феодора написано духовникомъ ихъ, епископомъ Іоанномъ; нѣтъ сомнѣнія, что съ того же времени стали чтить память ихъ въ Черниговѣ.

¹⁵⁾ Св. мощи Михаила и Феодора въ 1572 году, по волѣ царя Іоанна, были перенесены въ Москву изъ опасенія, чтобы онѣ не подвергались поруганію со стороны панистовъ по переходѣ Чернигова подъ власть Польскую. Онѣ были положены подъ сводомъ въ соборной церкви Черниговскихъ владотворцевъ, находившейся въ Кремлѣ близъ Тайницкихъ воротъ. Когда же упраздненъ былъ этотъ соборъ для закладки Кремлевскаго дворца, по плану Баженова, тогда онѣ, повелѣніемъ императрицы Екатерины II, торжественно перенесены въ 1770 году августа 25 въ Срѣтенскій соборъ на сѣняхъ, откуда въ 1774 г. перемѣщены въ Архангельскій соборъ, гдѣ почивали сначала въ великолѣпной серебряной рактѣ, устроенной въ память мира съ Турціей, а послѣ 1812 года (когда эта рака похищена была непріятелями) донныя покоятся въ мѣдной посеребренной (Памятн. Моск. Древн., стр. 67).

¹⁶⁾ Старшая дочь св. князя Михаила, княжна Феодулія, отличалась искреннимъ благочестіемъ. Родители желали выдать ее замужъ за князя Мину Ивановича, потомка благочестиваго Варажскаго князя Шимова, жившаго въ Суздаль. Покорная дочь не противилась волѣ родителей, но тайно молила Господа сохранить ее въ дѣвствѣ. Молитва чистой души была услышана: женихъ ея скончался, когда она была на пути къ Суздалю. Не возвращаясь къ родителямъ, княжна рѣшилась вступить въ Суздальскій Ризположенный монастырь и приняла постриженіе съ именемъ Евфросиніи. Тамъ провела она цѣлую жизнь въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ, была настоятельницею обители и сохранила ее своими молитвами отъ разоренія при нашествіи Батыя на Суздаль. Она преставилась 25 сентября 1250 г. Мощи ея обрѣтены нетлѣнными въ 1698 году и положены въ соборномъ храмѣ ея обители.

скимъ подвигомъ стяжали вѣчное блаженство. За великій подви́гъ свой князь-мученикъ и на землѣ былъ награжденъ благословеніемъ небеснымъ: въ потомкахъ его постоянно сохранялось живое благочестіе¹⁷⁾. Между тѣмъ какъ роды многихъ другихъ потомковъ равноапостольнаго Владиміра давно уже угасли, вѣтви св. князя понынѣ зеленѣютъ на землѣ Русской¹⁸⁾.

Почти въ то же время, какъ св. Михаилъ Черниговскій заму-ченъ въ ордѣ Кипчакской, въ большой ордѣ преставился, какъ мы уже видѣли выше, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Послѣ непродолжительнаго правленія брата его Святослава престолъ великаго княженія достался по праву престолонаслѣдія Александру Невскому.

Теперь побѣдителю Шведовъ и рыцарей предстояла другая болѣе трудная побѣда—побѣда надъ самимъ собою. Доселѣ онъ не преклонялъ выи своей въ ордѣ, и Русскіе люди съ гордостью называли его своимъ независимымъ княземъ. Но теперь онъ долженъ былъ пожертвовать своею воинскою славой и идти на поклонъ къ Батыю, который давно слышалъ о немъ и желалъ его видѣть. Александръ любилъ отечество болѣе княжеской чести своей, болѣе самой жизни, не хотѣлъ подвергнуть Русскую землю новымъ бѣдствіямъ и смиренно поѣхалъ въ станъ Монгольскій, гдѣ Батый принялъ его съ ласкою и освободилъ отъ исполненія обрядовъ языческихъ (въ увѣренности, что герой-христіанинъ отвергнетъ ихъ и предпочтетъ смерть за вѣру Христову). Узнавъ Александра, Батый сказалъ, что молва не преувеличила достоинствъ доблестнаго князя, что онъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный. Оттуда Александръ долженъ былъ предпринять путешествіе въ глубину Татаріи къ великому хану. И тамъ онъ нашелъ такой же пріемъ, какъ у Батые: великій ханъ утвердилъ Александра на престолѣ Владимірскомъ, поручивъ ему всю южную Россію и Кіевъ.

Прямо изъ орды Александръ съ торжествомъ прибылъ во Владиміръ, гдѣ радостно встрѣтили его митрополитъ Кириллъ съ духс-

¹⁷⁾ У св. Михаила было пять сыновей: Романъ княжилъ въ Брянскѣ, Симеонъ—въ Глуховѣ, Мстиславъ—въ Карачевѣ, Юрій—въ Торусѣ; старшій изъ нихъ, Ростиславъ, зять короля Белы, остался въ Венгрии. Отъ сыновей его, Белы и Михаила, произошли герцоги Маховскіе и Боснійскіе.—Особенно подражалъ въ благочестіи великому родителю князь Романъ Брянскій, а еще болѣе внукъ, князь Олегъ-Леонтій Романовичъ. Онъ уступилъ княжество Черниговское брату, а самъ рѣшился въ одеждѣ инока, съ именемъ Василія, служить Господу, построилъ Петропавловскій монастырь близъ Брянска и тамъ скончался строгимъ подвижникомъ въ концѣ XIII вѣка. Въ древнемъ синодикѣ Елецкомъ поминаются имена потомковъ св. Михаила: князя Дмитрія Мстиславича Черниговскаго и князя Іоанна Романовича Путивльскаго, «страстотерца и чудотворца—убіенныхъ отъ Татаръ за православную вѣру, князя Романа Новосильскаго и князя Іоанна Титовича Козельскаго, примшихъ ангельскій образъ» (Русскіе Святые. Сентябрь, стр. 121).

¹⁸⁾ Отъ св. Михаила Черниговскаго произошли князья Барятинскіе, Волконскіе, Горчаковы, Долгорукіе, Елецкіе, Звенигородскіе, Кольцовы-Мосальскіе, Оболенскіе, Одоевскіе и Щербатовы.

венствомъ, бояре и народъ. Вскорѣ прибыло къ новому великому князю посольство отъ папы: отчаявшись водворить латинство въ Россіи оружіемъ крестоносцевъ, папа надѣялся еще успѣха отъ хитрыхъ обольщеній. Онъ увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у великаго хана, далъ слово монаху Карпини принять вѣру латинскую и, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову, что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія, что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не повинуюсь Богу и Его намѣстнику (папѣ), что князь и народъ Русскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Римской Церкви. Александръ, посовѣтовавшись съ мудрыми людьми, написалъ папѣ отвѣтъ, въ которомъ изложилъ подробно всю исторію ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви и догматы семи вселенскихъ соборовъ, заключивъ свое посланіе такъ: „все это мы вѣдаемъ, а отъ васъ ученія не приедемъ“. Этотъ отвѣтъ обличаетъ высокую умѣренность благовѣрнаго князя и истинно-христіанское желаніе правды и мира въ дѣлахъ вѣры: Александръ не думалъ укорять Римлянъ, но только доказалъ, что вѣра Русскихъ чиста и православна.

Южная Россія давно уже была обложена данью; новый ханъ Золотой орды, Сартакъ, сынъ недавно умершаго Батя, захотѣлъ распространить эту мѣру въ сѣверной Россіи и въ Новгородѣ. Александръ снова ѣздилъ въ орду и старался яснѣе опредѣлить отношенія Руси къ хану: ему удалось придать дѣлу такую форму, что только исчисленіе народа и раскладка дани были поручены татарскимъ чиновникамъ, а всѣ прочія дѣла по управленію государствомъ остались въ завѣдываніи природныхъ Русскихъ князей: они сохраняли свое право суда по роднымъ законамъ, право войны и мира безъ вѣдома хана и наконецъ, что всего важнѣе, неприкосновенность не только вѣры, но и церковнаго устройства. Такимъ образомъ Александръ достигъ того, что Русь, совершенно покоренная Монголами и не имѣвшая возможности бороться съ ними, получила отъ своихъ сильныхъ и дикихъ властителей права державы почти самостоятельной. Конечно, подати, поборы и разныя повинности, наложенныя Монголами, были очень тяжелы для народа, особенно вначалѣ, но зато Русь сохранила свою народность—душу и жизнь государства. Можетъ быть, современники не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, этого великаго дѣла; но мудрый ратоборецъ за Русскую землю зналъ, чего добивался, и вполнѣ заслужилъ благоговѣйную благодарность потомства.

Зимою 1257 года прибыли чиновники татарскіе, сочли народъ въ областяхъ сѣверной Руси и поставили сборщиковъ дани поголовной, отъ которой было избавлено одно только духовенство. Дань поголовная требовалась и отъ Новгорода: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестью взять на себя дѣло тяжкое и неприятое—склонить къ рабству

народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною вольностью. Александръ отправился въ Новгородъ, гдѣ едва успѣлъ усмирить народъ и подчинить его общему закону. Баскаки сочли жителей Новгорода, распредѣлили налоги и удалились, потому что Новгородцы обязались доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду или чрезъ великихъ князей, но не хотѣли имѣть дѣла съ татарскими сборщиками.

Не надолго могъ успокоиться во Владимірѣ защитникъ земли Русской: онъ снова долженъ былъ отправиться въ орду, чтобъ избавиться объ обязанности присылать татарамъ вспомогательное войско и оправдать изгнаніе изъ городовъ Суздальской области „бесерменскихъ купцовъ“—Хивинцевъ-мусульманъ, которые откупили тогда у Монголовъ дань Русскихъ княжествъ и мучили христіанъ безчеловѣчнымъ сборомъ податей. Ханъ принялъ оправданіе, согласился не требовать войска, но продержалъ великаго князя въ ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ возвращался въ Россію успокоить народъ и обрадовать его новою милостію хана. Близокъ былъ конецъ путешествія: Александръ уже миновалъ монгольскія пустыни и достигъ Нижняго-Новгорода, но жестокой недугъ сокрушалъ тѣло, изнуренное трудами. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько времени, онъ доѣхалъ до Городца, но тамъ, чувствуя приближеніе кончины, поспѣшилъ принять схиму съ именемъ Алексія и преставился въ ночь на 14 ноября 1268 года на 45 году отъ рожденія. Въ продолженіе немноголѣтней своей жизни Александръ участвовалъ болѣе нежели въ двадцати битвахъ, четыре раза ѣздилъ въ орду, гдѣ многіе изъ современныхъ князей сложили свои головы подъ ножами убійць; но онъ, хранимый самимъ Богомъ, вездѣ былъ цѣль и невредимъ, мечи враговъ и ножи убійць шадили его, только онъ самъ не шадилъ себя. Истопивъ силы въ ревностномъ служеніи отечеству, онъ не давалъ себѣ покоя и, отягченный трудами непомѣрными, скончался въ цвѣтъ лѣтъ ¹⁹⁾.

Горестная вѣсть о кончинѣ Александра достигла Владимира въ то самое время, когда народъ молился въ соборномъ храмѣ о благополучномъ возвращеніи его на родину. Блаж. митрополитъ Кириллъ со слезами воскликнулъ къ народу: „чада мои милыя, закатилось солнце земли Русской!“ Слезы и рыданія народа прервали рѣчь первосвященителя; всѣ поняли горькій смыслъ словъ его и въ одинъ голосъ завопили: „погибаемъ, погибаемъ!“ Митрополитъ съ духовенствомъ, князья, бояре и народъ въ глубокомъ уныніи встрѣтили останки любимаго князя у Боголюбова; по словамъ лѣтописца, земля стонала отъ вопля и рыданій. Наконецъ тѣло великаго труженика за Русскую землю было привезено во Владиміръ и 28 ноября погребено въ соборной церкви

¹⁹⁾ Александръ Невскій былъ женатъ два раза: первая супруга его Александра, дочь Полоцкаго князя Брючислава, и вторая, княгиня Васса, погребены подлѣ прежней могилы его въ Рождественскомъ монастырѣ. Тамъ же погребена и дочь его, княжна Евдокія.

Рождественскаго монастыря. Современники повѣствуютъ, что усопшій великій князь, когда при отпѣваніи хотѣли разнять руку его для вложенія разрѣшительной грамоты, самъ, какъ бы живой, распростеръ руку и принялъ грамоту изъ руки митрополита ²⁰⁾. Всѣ присутствующіе поражены были ужасомъ при этомъ чудесномъ событіи и увѣрились, что Богъ желаетъ прославить Своего угодника.

Съ того времени благовѣрнаго князя Александра Ярославича называли святымъ и чтили въ ликѣ ангеловъ - хранителей Русской земли ²¹⁾. Святая Церковь, восхваляя память благовѣрнаго князя Александра, взываетъ такъ: „Драгоценная отрасль священнаго корня, блаженный Александръ, тебя явилъ Христосъ Русской землѣ, какъ нѣкое божественное сокровище, какъ новаго чудотворца, преславнаго и Богопріятнаго. Ты невидимо посѣщаешь людей Христовыхъ и щедро подаешь исцѣленія всѣмъ усердно приходящимъ къ тебѣ и единомудушно вопіющимъ: Радуйся столпъ пресвѣтлый, просвѣщающій насъ свѣтлостію чудесь! Радуйся побѣдившій помощію Божіей гордаго короля! Радуйся, освободившій городъ Псковъ отъ невѣрныхъ! Радуйся презрѣвшій догматы латинянъ и вмѣнившій въ ничто всѣ ихъ обольщенія! Радуйся облако росы, орошающее мысли вѣрныхъ! Радуйся прогонитель темныхъ страстей! Радуйся заступникъ Русской земли! Моли Господа, даровавшаго тебѣ благодать содѣлать державу сродниковъ твоихъ Богоугодною и сынамъ Россіи даровать спасеніе“ ²²⁾.

---

²⁰⁾ Сѣф. Врем., т. I, стр. 273.

²¹⁾ Благовѣрное уваженіе къ памяти св. Александра Невскаго особенно оправдалось при вел. кн. Дмитріи Донскомъ. Предъ началомъ битвы съ Мамаемъ ночью въ храмѣ, гдѣ была могила Александра, загорѣлись свѣчи, и два старца, вышедъ изъ алтаря, подошли къ гробу его и сказали: «Александръ! возстани и спаси правнука твоего Дмитрія, одоляемаго иноплемненными». Александръ всталъ и удался. Благочестивый инокъ—причетникъ, видѣвшій и слышавшій все это, сказадь о чудѣ начальникамъ обители; они нашли нетлѣнныя мощи витязя Невскаго и поставили ихъ открыто въ ракъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали исцѣленія больныхъ (Степ. кн. I. 374, 375). Въ 1724 году императоръ Петръ I перевезъ изъ Владиміра мощи св. Александра на берега Невы въ сооруженный имъ Александро-Невскій монастырь и установилъ праздновать память его, кромѣ древняго праздника 23 ноября, еще 30 августа въ день заключенія мира со Швеціей. Св. мощи почиваютъ въ ракъ, сооруженной императрицею Елисаветою въ 1753 году изъ перваго серебра, добытаго въ ея царствованіе.

²²⁾ Икосъ и тропарь изъ службы 23 ноября по старопечатной Миней 1652 года.

Г Л А В А II.

Братья св. Александра на великомъ княженіи.—Мученичество св. кн. Романа Рязанскаго.—Соборъ 1274 года во Владимірѣ.—Постановленія этого собора.—Блаж. Серапіонъ, епископъ Владимірскій.—Преп. Петръ, царевичъ ордынскій.—Князья, подвижники благочестія: Романъ Угличскій, Василій Волынскій и сынъ его Владиміръ-Іоаннъ.—Св. Прокопій, юродивый Устюжскій.

Преемникомъ Александра Невскаго на великомъ княженіи былъ братъ его Ярославъ Ярославичъ, князь Тверской. Слѣдуя примѣру отца и великаго брата, онъ старался, сколько могъ, угождать хану. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ Ярослава; но дѣла его показываютъ, что онъ не имѣлъ великихъ качествъ брата, не ладилъ съ Новгородцами, жаловался на нихъ хану, желая вооружить Татаръ противъ Новгорода ¹⁾. обижалъ народъ и винился, какъ преступникъ, не довольствовался властью ограниченою, но не умѣлъ расширить и утвердить ее. Онъ скончался на возвратномъ пути изъ орды (въ 1272 году). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь.

Кратковременное правленіе Ярослава ознаменовано мученичествомъ князя Романа Рязанскаго. Князь Романъ Ольговичъ происходилъ изъ рода благочестиваго, искренно преданнаго вѣрѣ и отечеству: два дѣда его, Юрій и Олегъ Игоревичи, умерли страдальцами за отчизну въ битвѣ съ Батыемъ. Послѣдній изъ нихъ, богатырь и красавецъ, умиралъ отъ ранъ на полѣ битвы; Батый, дивясь мужеству князя,

---

¹⁾ Получивъ великое княженіе, Ярославъ выгналъ изъ Новгорода юнаго племянника Дмитрія Александровича, котораго оставилъ тамъ на княженіи великій родитель, когда предпринялъ послѣднее путешествіе въ орду, въ то самое время, когда ханъ былъ сильно разгнѣванъ изгнаніемъ бесерменскихъ откупщиковъ изъ области великаго княженія. Св. Александръ былъ увѣренъ, что въ ордѣ ждетъ его неминуемая смерть. Прощаясь съ Новгородцами и оставляя имъ сына, онъ говорилъ: «служите ему, какъ служили мнѣ». Несмотря на то, они безпрекословно покорились Ярославу, который заключилъ съ ними договоръ, но не хотѣлъ исполнить его. Новгородцы возмутились и выгнали отъ себя намѣстниковъ великаго князя. Ярославъ жаловался хану и просилъ у него войскъ для усмиренія непокорныхъ; младшій братъ его, Василій Костромскій, вступился за Новгородцевъ и убѣдилъ хана, что неудовольствія ихъ на великаго князя вполне справедливы и законны. Тогда ханъ воротилъ полки свои, уже выступившіе въ походъ, а добродѣтельный старецъ, митрополитъ Кириллъ, успѣлъ примирить Новгородцевъ съ Ярославомъ, умоляя ихъ не проливать крови и принимая на себя грѣхъ, если они поклялись не мириться съ великимъ княземъ.

хотѣлъ лѣчить его, съ тѣмъ, чтобы принять къ себѣ въ службу. „Съ врагомъ христіанъ не могу быть въ пріязни“, — сказалъ умирающій князь, — и разъяренный Батый велѣлъ разрубить его въ куски. Отецъ Романа, князь Олегъ Ингваревичъ, вытерпѣлъ много мученій отъ Татаръ: захваченный въ плѣтъ Батыемъ, онъ томился въ ордѣ болѣе десяти лѣтъ въ тяжкой неволѣ и, возвратившись на родину, скончался инокомъ. ²⁾ Таковы были предки благовѣрнаго князя Романа: онъ воспитался скорбями въ любви къ святой вѣрѣ; жилъ въ слезахъ и молитвѣ за родину; старался облегчать, сколько могъ, участь разоренныхъ и угнетаемыхъ подданныхъ. Благочестиваго князя много утѣшило учрежденіе кафедры православнаго епископа въ самой ордѣ ³⁾. Одинъ изъ злыхъ баскаковъ, котораго князь удерживалъ отъ безчеловѣчныхъ насилій при сборѣ дани, донесъ хану Менгу-Темиру, что князь Рязанскій поноситъ великаго царя и его вѣру. Ханъ вызвалъ Романа въ орду и велѣлъ объявить ему, что онъ долженъ выбрать одно изъ двухъ—или смерть мучительную, или вѣру Татаръ ⁴⁾. „Покорный волѣ Божіей, — сказалъ князь, — я повинуюсь власти хана, но никто не заставитъ меня измѣнить св. моей вѣрѣ“. Татары стали бить князя. „Я христіанинъ“ — говорилъ онъ: но уста его заткнули платкомъ, оковали его и бросили въ темницу. Гордый Темиръ произнесъ приговоръ твердому князю: „пусть умретъ мучительною смертію“. На мѣстѣ казни мученикъ сталъ говорить собравшемуся народу о святости вѣры Христовой. Ему отрѣзали языкъ. Затѣмъ стали мучить его съ ужасающимъ звѣрствомъ: ему вырѣзали глаза, обрубили персты рукъ и ногъ, обрѣзали уши и губы, потомъ отсѣкли руки и ноги. Когда же осталось одно туловище, но еще съ искрами жизни, мучители содрали съ головы кожу, отрубили голову и воткнули ее на копьѣ. Мученическій подвигъ св. Романа совершился 19 іюля 1270 года ⁵⁾. Память его, какъ мученика, была постоянно чтима въ Русской Церкви ⁶⁾.

²⁾ Отца св. князя Романа, Олега Ингваревича, нѣкоторые смѣшиваютъ съ княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ (въ крещеніи Козьмою), убитымъ отъ Батыя и вписаннымъ въ число святыхъ въ рукописныхъ святцахъ (книгѣ о Россійскихъ святыхъ). Отецъ погребенъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ, а Олегъ Ингваревичъ, племянникъ его и сынъ Ингваря Игоревича, скончался инокомъ и положенъ въ Спасскомъ монастырѣ.

³⁾ Въ 1265 году блаж. митрополитъ Кириллъ открылъ епархію Сарайскую въ самомъ станѣ орды. Святитель русскій среди шатровъ дикаго язычества—явленіе отрадное для всѣхъ христіанъ. Въ немъ видѣлъ утѣшителя и наставника князья; томившіяся въ ордѣ, и многія тысячи народа, захваченныя въ неволю татарами.

⁴⁾ Карамзинъ (т. IV, стр. 68—69) ошибочно говоритъ, что князя Романа принуждали къ магометанству. Въ Степ. кн. 1,384, князь Романъ говоритъ: «не достоинъ послѣдовати обычаямъ идолослуженія».

⁵⁾ Преданіе говоритъ, что св. останки князя-мученика тайно унесены были въ Рязань и тамъ преданы землѣ, но неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ.

⁶⁾ Ликъ св. Романа изображался на иконахъ такъ: «князь не старыхъ лѣтъ, съ волосами русыми, кудрявыми, падающими на плечи тонкой волною, въ собольей шубѣ на плечахъ, въ бархатной поддѣвкѣ; правая рука простерта на молитву, а лѣвая держитъ городъ съ церковью» («Русскіе Святые». Іюль, стр. 118. Буслаева «Очерки народн. словесн. и ист.» ч. 2, стр. 351).

Современники считали за особенную милость Божию къ Русскоѣ землѣ, что въ ней есть еще такіе князья, которые, презирая славу мірскую, великодушно проливаютъ кровь свою за вѣру Христову. Также за милость небесную почитали они явленіе чудотворной иконы Божіей Матери, прозванной Теодоровскою, въ окрестностяхъ г. Костромы, гдѣ тогда княжилъ Василій Ярославичъ, утвержденный на престолѣ великаго княженія послѣ смерти брата своего Ярослава ⁷⁾.

Св. вѣра жила крѣпкою жизнію въ сердцахъ народа, но устройство церковное много пострадало при совершенномъ разстройствѣ государства. Ревностный митрополитъ Кирилль, обозрѣвъ состояніе Церкви почти во всѣхъ предѣлахъ своей обширной митрополи, замѣтилъ, къ прискорбію своему, значительные беспорядки въ совершеніи таинствъ и обрядовъ, недостатокъ должной разборчивости при посвященіи въ духовный санъ и даже самое святокупство. Нравы народа также требовали исправленій: въ иныхъ мѣстахъ укоренились игры и обычаи, противные христіанской нравственности и правиламъ Церкви. Такое неустройство въ чинѣ и народѣ происходило, какъ замѣчаетъ самъ митрополитъ, частію отъ небреженія пастырей, рѣдко посѣщавшихъ свою паству, и наконецъ оттого, что правила церковныя, опредѣлявшія кругъ пастырской дѣятельности, для многихъ были невразумительны ⁸⁾ Въ 1274 году онъ открылъ соборъ во Владимірѣ съ епископами: Далматомъ Новгородскимъ, св. Игнатіемъ Ростовскимъ, Теогностомъ Сарайскимъ и Симеономъ Полоцкимъ. Изобразивъ долгъ пастырей блюсти за исполненіемъ законовъ Церкви, онъ говорилъ отцамъ собора: „Какую пользу получили мы, пренебрегши Божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были грады наши? Не пали ли сильные наши отъ острія меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запусѣли ли св. Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожныя и печестивыя люди? И все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ св. отцовъ нашихъ“. Каноническія опредѣленія этого собора ⁹⁾ на-

⁷⁾ Эта чудотворная икона прежде находилась въ Городцѣ (въ нынѣшней Нижегородской губерніи) и тамъ прославлена чудесами, сохранилась невредимою въ пожарѣ и внезапно исчезла: князь Василій, забавляясь охотою въ одной верстѣ отъ Костромы на берегу рѣчки Запрудники увидѣлъ на соснѣ икону Божіей Матери, но не могъ достать ее. Пришли священники съ крестнымъ ходомъ, взяли икону и поставили въ соборной церкви св. Теодора Стратилата. Нѣкоторые изъ жителей Костромы рассказывали, что наканунѣ явленія (15 августа), нѣкоторый воинъ, похожій на св. Теодора Стратилата, пронесъ явившійся образъ черезъ городъ. Этотъ рассказъ послужилъ поводомъ назвать явленную икону Теодоровскою. Она находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, сооруженномъ тѣмъ же княземъ Василіемъ. («Истор. Зап. о Костромѣ» прот. П. Островскаго, стр. 10—17).

⁸⁾ «Помрачени бо бѣху облакомъ мудрости еллинскаго языка». Это обстоятельство заставило митрополита еще до созванія собора вытребовать отъ намѣстника царя Балгарскаго, Якова Святислава, списокъ полныхъ церковныхъ правилъ (номоканонъ) съ толкованіями Зонары, полученный Святиславомъ отъ патріарха Константинопольскаго.

⁹⁾ Списокъ правилъ этого собора помѣщенъ въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», ч. 1, но безъ конца и безъ рѣчей митрополита Кирилла, которыя сохранились въ старинныхъ спискахъ Кормчей книги.

правлены къ прекращенію замѣченныхъ безпорядковъ и относятся: къ правильному поставленію служителей Церкви, къ доброму ихъ поведенію и обязанностямъ служенія, къ правильному совершенію таинствъ, къ благочинію при богослуженіи и къ исправленію жизни народа.

Епископамъ воспрещено брать плату или дары съ посвящаемыхъ. Кромѣ пошлины, опредѣленной обычаемъ (не болѣе семи гривенъ), за посвященіе „на мздѣ“ (за деньги) назначено изверженіе изъ сана и посвящающему и посвящаемому. Соборъ опредѣлилъ, чтобы избираемый въ санъ священства былъ тщательно испытанъ въ образѣ жизни и поведеніи, чтобъ онъ былъ или дѣвственникъ, или въ законномъ первомъ бракѣ съ дѣвицею, хорошо зналъ грамоту, чтобы не былъ обвиняемъ въ кошунствѣ, чародѣйствѣ, воровствѣ, пьянствѣ, прелюбодѣянніи, лихоимствѣ, вольномъ или невольномъ убійствѣ. Обличенный въ одномъ изъ этихъ пороковъ не можетъ быть даже и причетникомъ. Возрастъ для посвященія, на основаніи древнихъ церковныхъ правилъ, опредѣленъ: для діакона—25, а для священника—30-лѣтній. Сверхъ того, поступающій въ клиръ долженъ былъ быть непремѣнно челоуѣкъ свободный или получить освобожденіе отъ прежняго господина. Священники, замѣченные въ нетрезвости и алчности къ прибутку, если не исправятся, осуждались на лишеніе сана. „Пусть лучше будетъ одинъ достойный служитель Церкви,—прибавляютъ отцы собора,—нежели тысяча беззаконныхъ“.

Соборъ обратилъ особенное вниманіе на совершеніе таинствъ, опредѣлилъ совершать крещеніе чрезъ погруженіе въ особомъ сосудѣ (купели), а не чрезъ обливаніе ¹⁰⁾; при мѣропомазаніи помазывать части тѣла освященнымъ мѣромъ, не смѣшивая его съ елеемъ, какъ дѣлали нѣкоторые; преподавать св. Тайны всякому новокрещенному, совершать браки съ согласія родителей и по православному чиноположенію въ храмѣ ¹¹⁾.

Замѣтивъ, что непосвященные дерзали иногда исполнять то, что предоставлено было только посвященнымъ, соборъ запретилъ діаконамъ совершать проскомидію и освящать приношенія (плоды, кутью за умершихъ и т. п.), причетникамъ—касаться священныхъ сосудовъ и совершать кажденіе, а мірянамъ входить въ алтарь, сказывать прокимень и читать апостоль.

Въ жизни христіанъ замѣчены языческіе обычаи: Новгородцы въ праздники устраивали неприличныя зрѣлища, оскорблявшія честь праздниковъ. Буйныя толпы тѣшились кулачнымъ боемъ, бились коль-

¹⁰⁾ Отцы собора говорятъ: объ обливаніи нигдѣ не пишется, но предписывается погружать крещасяго въ сосудъ «отлученны» (т.-е. собственно для того предназначенный).

¹¹⁾ Тогда многіе изъ простаго народа считали церковное вѣнчаніе приличнымъ и благословеннымъ только для бояръ и князей, а сами собирались на какія-то вечернія безчинныя празднества, похищали тамъ невѣсть и «брачились по старинѣ»—посредствомъ троекратнаго объѣзда около какого-нибудь завѣтнаго дерева или озера, при чемъ по-язычески плескались водою.

ями, при чемъ многихъ убивали до смерти и съ убитыхъ снимали окровавленное платье. Соборъ опредѣлилъ: „отлучать отъ Церкви всѣхъ участвующихъ въ такомъ безчинствѣ и не принимать отъ нихъ приношеній. Если кто изъ нихъ умретъ, священники подь опасеніемъ низверженія не должны отпѣвать его и хоронить вблизи церкви. Убитые на кулачномъ боѣ прокляты въ сей и въ будущей жизни“.

Большая часть правилъ Владимірскаго собора составляетъ только возобновленіе древнихъ постановленій Церкви, и даже наказанія, опредѣленныя соборомъ, суть тѣ же самыя, какія издревле назначались Церковью за нарушенія тѣхъ же правилъ ¹²⁾. Въ историческомъ отношеніи опредѣленія Владимірскаго собора очень важны потому, что раскрываютъ тогдашнее состояніе христіанскаго общества, показываютъ его недуги и мѣры, какія принимали для уврачеванія этихъ недуговъ попечительные святители.

На этомъ соборѣ посвященъ въ санъ епископа Владимірскаго и Нижегородскаго архимандритъ Печерскаго монастыря Серапіонъ, котораго митрополитъ Кириллъ привезъ съ собою изъ Кіева,—престарѣлый подвижникъ, пастырь, по выраженію современниковъ, „учительный и сильный въ Божественномъ писаніи“. Онъ недолго управлялъ паствою, скончался 12 іюля 1275 года въ глубокой старости ¹³⁾ и погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ блаженнаго Серапіона сохранилось нѣсколько словъ; изъ нихъ особенно четвертое можетъ служить указаніемъ на образованность пастыря Русской Церкви XIII в. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ слѣпыхъ суевѣровъ, убивавшихъ волхвовъ и волшебницъ по самымъ страннымъ причинамъ. Обличеніе его исполнено ума и вполне согласно съ духомъ Откровенія; читая его, видишь и изумляешься, какое разстояніе отдѣляло тогда Западъ отъ свѣтлаго Востока? Что дѣлалось на Западѣ въ XIII вѣкѣ? На кострахъ горѣли мнимые волхвы по распоряженіямъ епископовъ! Благословенъ Господь Богъ, благоволившій хранить свѣтъ Свой въ Церкви Россійской при посредствѣ свѣтильниковъ Своихъ! ¹⁴⁾.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ поученій блаж. Серапіона. Одно изъ словъ своихъ онъ начинаетъ такъ:

„Дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ: ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ беззаконныхъ. Не такъ

¹²⁾ Такъ, напримѣръ, лишеніе сана за симонію, или святокупство, и за нетрезвую жизнь назначено еще въ правилахъ апостольскихъ (прав. 29).

¹³⁾ Блаж. Серапіонъ въ 1230 году говорилъ слово въ Кіевѣ по случаю сильнаго землетрясенія, а потому въ 1274 году былъ, безъ сомнѣнія, уже старцемъ. Четыре поученія его помѣщенныхъ въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1843, стр. 97—111, по списку XIV вѣка въ Лаврской рукописи «Златая пѣсь». Еще одно поученіе найдено и издано Шевыревымъ («Поѣздка въ Кирилловъ монастырь») и два напечатаны въ «Правосл. Собес.» 1860. Въ написаніяхъ словъ онъ называется «святымъ, преподобнымъ и блаженнымъ». Въ рукописныхъ свѣдѣніяхъ (на которыя мы уже многократно ссылались) онъ также поставленъ въ числѣ святыхъ.

¹⁴⁾ «Прибавл. къ Твор. Св. Отц.» 1843, стр. 95—96.

скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣш-
 ный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много-
 кратно бесѣдовалъ я съ вами, желая отворотить васъ отъ худыхъ на-
 выковъ, но не вижу въ васъ перемѣны. Разбойникъ ли кто изъ васъ,—
 не отстаеъ отъ разбоя; воръ ли кто,—не пропуститъ случая украсть;
 имѣеъ ли кто ненависть къ ближнему,—не имѣеъ покоя отъ враж-
 ды; обижаеъ ли кто другого и захватываеъ чужое,—не насыщается
 грабительствомъ; лихоимецъ ли кто,—не перестаетъ брать лихву; бѣд-
 ный, онъ не подумаетъ о томъ, что какъ родился нагимъ, такъ и
 умереть, не имѣя ничего, кромѣ вѣчнаго проклятiя; любодѣйствуетъ
 ли кто,—не отказывается отъ своего любодѣйства; сквернословецъ и
 пьяница не отстаютъ отъ своей привычки. Чѣмъ мнѣ утѣшиться, видя,
 что вы отступили отъ Бога? Чему мнѣ радоваться? Всегда сѣю я на
 нивѣ сердцеъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы
 оно прозябло и принесло плодъ. Умоляю васъ, братiя и дѣти, исправь-
 тесь, обновитесь добрымъ обновленiемъ, перестаньте дѣлать зло, убой-
 тесь Бога, сотворившаго насъ; вострепещите суда Его страшнаго! Къ
 кому идемъ? Къ кому приближаемся, отходя отъ сей жизни? Что ска-
 жемъ? Какой дадимъ отвѣтъ? Странно, дѣти, подпасть гнѣву Божию.
 Почему не обращаемъ вниманiя на то, что постигло насъ еще въ сей
 жизни? Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы нака-
 занiй отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты
 города наши? Не въ короткое ли время отцы и братiя наши пали
 мертвыми на землю? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти наши?
 А мы, оставшiеся, не порабощены ли горькимъ рабствомъ отъ ино-
 племенниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленiе
 и мука, и тяжкiе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ ско-
 та нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ въздыханiй
 и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши
 беззаконiя и наши грѣхи, наше непослушанiе, наша нераскаянность.
 Умоляю васъ, братiя, пусть каждый изъ васъ вникнетъ въ свои мы-
 сли, рассмотреть сердечными очами дѣла свои, возненавидитъ ихъ и
 откажется отъ нихъ. Прибѣгните къ покаянiю: гнѣвъ Божiй прекра-
 тится, и милость Господня излится на насъ. Мы въ радости будемъ
 жить на землѣ нашей, а по отшествiи изъ мiра сего придемъ съ радостiю
 къ Богу своему, какъ дѣти къ отцу, и наслѣдуемъ царство небесное,
 для котораго Господомъ мы созданы. Ибо Господь сотворилъ насъ ве-
 ликами, а мы черезъ непослушанiе сдѣлались малыми. Не погубимъ,
 братiя, своего величiя. Не слышащiе о дѣлахъ и законѣ спасаются,
 но исполняющiе законъ. Ежели въ чемъ согрѣшимъ, опять прибе-
 гнемъ къ покаянiю, обратимся съ любовiю къ Богу; прольемъ слезы;
 будемъ по мѣрѣ силъ давать милостыню нищимъ, имѣя возможность
 помогать бѣдствующимъ, отъ бѣдствiй избавляйте ихъ. Если не бу-
 демъ таковыми, то продолжится гнѣвъ Божiй на насъ. Пребывая же
 всегда въ Божьей любви, будемъ жить въ мiрѣ“.

Такъ обличалъ грѣшниковъ ревностный святитель въ то самое

время, когда Русь страдала подъ страшнымъ ярмомъ невѣрныхъ и благовѣрные князья ея проливали кровь свою за имя Христово. Но та же вѣра, которая одушевляла ихъ на крѣпкій подвигъ, въ то же время дѣйствовала и на невѣрныхъ, приводя ихъ ко Христу: примѣромъ тому можетъ служить жизнь преп. Петра, царевича Ордынскаго.

Преподобный Петръ царевичъ,—живой примѣръ тому, что пребываніе пастырей Русской церкви въ ордѣ, тяжелое для нихъ самихъ, не оставалось безплоднымъ для вѣры Христовой. Ростовскій епископъ Кириллъ, котораго современники называли блаженнымъ и учительнымъ, приходилъ въ орду къ хану Бергаю¹⁵⁾, былъ принять имъ ласково и, по желанію хана, рассказалъ ему о святой вѣрѣ,—какъ распространилъ ее въ Ростовѣ св. Леонтіи и какія чудеса совершаются при мощахъ его силою Христовою. Въ числѣ слушателей бесѣды епископа съ ханомъ былъ юный племянникъ Бергая, сынъ брата его. Слово о вѣрѣ Христовой пало на добрую почву—на сердце добраго юноши. Онъ былъ сильно пораженъ тѣмъ, что слышалъ, и сталъ увѣряться въ пустотѣ своей языческой религіи—въ пустотѣ поклоненія солнцу, звѣздамъ, огню. Въ томъ же году у хана захворалъ сынъ, и ханъ, вспомнивъ рассказы епископа объ исцѣленіяхъ, совершающихся при гробѣ св. Леонтія, вытребовалъ Кирилла къ себѣ для исцѣленія сына. Святитель послѣ теплой молитвы къ Богу и Пресвятой Богоматери молилъ чудотворца Леонтія оправдать дѣло св. вѣры передъ заблуждшими. Прибывъ въ орду, онъ исцѣлилъ царевича молитвою и освященною водою. Щедро одаренный ханомъ, Ростовскій епископъ отправился въ отечество, а юный племянникъ хана во время вторичнаго пребыванія епископа въ ордѣ рѣшился удалиться съ нимъ въ Ростовъ, чтобы тамъ принять крещеніе. Не смѣя открыть своихъ намѣреній матери и боясь власти дяди, онъ тайно ушелъ изъ орды, достигъ по дорогѣ епископа и со слезами просилъ взять его съ собою. Святитель согласился.

Въ Ростовѣ царевичъ жилъ въ домѣ епископа, ходилъ смотрѣть на чинъ богослуженія, слушалъ чтеніе и пѣніе, и все это приводило его въ восторгъ. Тогда въ каѳедральномъ храмѣ епископа, говоритъ древній повѣствователь, „на лѣвомъ клиросѣ пѣли по-гречески, а на правомъ—по-русски“. Царевичъ просилъ крестить его. Епископъ опасался, не навлечетъ бы гнѣва ханскаго на Ростовъ за царевича. Но прошло довольно много времени; поисковъ о царевичѣ не было изъ орды, и епископъ крестилъ его съ именемъ Петра. Новый христіанинъ научился Русскому языку, усердно читалъ книги, трудолюбиво молился, посѣщалъ богослуженія, жилъ чисто и воздержно, оставаясь въ домѣ епископа.

Блаженный Кириллъ скончался, и 19 сентября 1261 года изъ Авраміевой обители взошелъ на каѳедру Ростовскую св. Игнатій. Петръ

¹⁵⁾ Ханъ Бергай (или Берка) воцарился въ Золотой ордѣ по смерти брата своего Батия, умертвивъ сына его Сартака. Это было около 1256 года. При немъ дѣла русскія находились въ завѣдываніи намѣстника его Улавчія.

продолжалъ жить и при св. Игнатіи въ кафедральномъ домѣ. Продолжая усердно посѣщать храмъ Божій и жить благоговѣйно, по временамъ забавлялся онъ соколиною охотой на берегу озера Неро. Разъ, замедливъ до ночи на ловлѣ, заснулъ онъ у озера. Ему явились во снѣ, а по пробужденіи и на яву, св. ап. Петръ и Павель; въ ужасѣ онъ палъ передъ ними; они, поднявъ его, ласково сказали: „не бойся, другъ Петръ, мы посланы къ тебѣ Богомъ, въ Котораго ты увѣровалъ, и желаемъ, что бы здѣсь, гдѣ заснулъ ты, создана была церковь въ наше имя; завтра ты вымѣняешь три иконы — одну Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ, другую—св. Николая, а третью—великомуч. Димитрія, отнесешь ихъ къ епископу и скажешь: апп. Петръ и Павель повелѣваютъ построить во имя ихъ церковь на указанномъ ими мѣстѣ“. Затѣмъ дали они цесаревичу два мѣшка, одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ, и стали невидимы. Блаженный Петръ пробылъ въ молитвѣ до утра на мѣстѣ, гдѣ явились ему апостолы. Потомъ нашелъ въ городѣ у иконописца три указанные иконы, вымѣнялъ и понесъ ихъ къ епископу. Въ ту же ночь св. Игнатію явились апостолы и приказали построить во имя ихъ храмъ. Устрашенный видѣніемъ, святитель Игнатій утромъ пригласилъ къ себѣ князя (Бориса Васильковича) и разсказалъ ему о видѣніи, недоумѣвая, гдѣ строить храмъ. Въ это время они увидѣли Петра съ иконами на рукахъ; епископъ и князь поражены были изумленіемъ, откуда Петръ-иноземецъ могъ достать такія превосходныя иконы, какихъ не могъ написать тогда ни одинъ иконописецъ въ городѣ. Выслушавъ разсказъ Петра, они благоговѣйно поклонились иконамъ, отслужили предъ ними молебное пѣніе, отнесли ихъ въ крестномъ ходѣ на мѣсто явленія св. апостоловъ и здѣсь поставили въ построенной наскоро часовнѣ.

По требованію князя, Петръ рѣшился купить у него довольно большое мѣсто для церкви и монастыря по берегу озера; князь приказалъ протянуть вервь вокругъ выбраннаго мѣста, и Петръ потребовалъ, что бы выкопали ровъ, „какъ бываетъ въ ордѣ, что бы не пропало то мѣсто“. Затѣмъ царевичъ началъ класть въ вырытомъ рву монеты, вынимая ихъ изъ мѣшковъ апостольскихъ и кладя девять серебряныхъ и десятую золотую; такъ клалъ онъ по всему протяженію ровъ, а монеты, къ изумленію и ужасу князя, не истощались. Цѣлый возъ денегъ достался князю, который принялъ ихъ, какъ благословеніе апостольское, и нѣсколько дней щедро раздавалъ милостыню бѣднымъ. На отведенномъ мѣстѣ построенъ былъ храмъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла, и при немъ основалась обитель иноковъ.

Самъ царевичъ остался міряниномъ, но былъ молчаливъ, всегда занимаясь въ душѣ то молитвою, то размышленіемъ о вѣчности. Св. Игнатій и князь, опасаясь, какъ бы царевичъ не удалился въ орду, предложили ему вступить въ брачную жизнь, и Петръ согласился. Невѣстою себѣ онъ выбралъ дочь ордынскаго вельможи, поселившись въ Ростовѣ. Св. Игнатій самъ вѣнчалъ его, а князь побратался съ нимъ, и святитель укрѣпилъ это душевное братство ихъ церковною

молитвою. На земли, предоставленная храму и царевичу, князь Борисъ выдалъ грамоты ¹⁶⁾. Петръ прожилъ въ супружествѣ много лѣтъ, имѣлъ дѣтей, оставаясь отцомъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, пережилъ князя, нареченнаго брата, и св. Игнатія ¹⁷⁾. Въ глубокой старости овдовѣвъ, онъ принялъ монашество въ основанной имъ обители и мирно перешелъ ко Господу, Котораго возлюбилъ, и погребенъ въ построенной имъ церкви. Это было, вѣроятно, около 1290 года ¹⁸⁾.

Между князьями Русскими, современными преподобному царевичу Петру, были также замѣчательные подвижники благочестія.

¹⁶⁾ Эти грамоты были впоследствии предметомъ спора между потомками Петра и князьями Ростовскими. Сыновья князя Бориса звали Петра дядею, но дѣти ихъ не хотѣли уважать этого духовнаго родства и стали отнимать дуга у сына его, Лазаря Петровича. «Мы слышали—говорили они,—что родители наши называли отца его дядею, нашъ дѣдъ взялъ у Петра много золота и серебра и побратался съ нимъ въ церкви; но татарскій родъ—кость не наша, а денегъ не оставили намъ ни онъ, ни родители наши». Болѣе всего непріязнь возбуждалась завистью: князья завидовали, что сыновья царевича «въ ордѣ выше ихъ честь принимаютъ». Лазарь жаловался хану, и посоль ханскій, обмѣривъ землю по грамотѣ князя Бориса, запретилъ оскорблять родственника ханскаго. Также и у внука Петрова, Юрія, правнука стараго (Бориса) князя, стали отнимать право ловить рыбу въ озерѣ, такъ какъ въ грамотахъ его упоминалось только о землѣ. Ордынскій посоль велѣлъ князьямъ снять воду съ земли, если вода принадлежитъ имъ, а земля Юрію. Когда же они сказали, что это невозможно, онъ присудилъ по землѣ и воду Юрію, сказавъ притомъ, что «вода есть сотвореніе вышняго Бога на службу всѣмъ человѣкамъ». Сынъ Юрія Игнатій, услышавъ о приближеніи къ Ростову грознаго царя ордынскаго, заставилъ епископа Прохора идти съ нимъ навстрѣчу хана и вынесъ подарки—соколовъ, шубы и угощеніе. Онъ объяснилъ свое родство съ ханами и сказалъ: «сіе—купля прадѣда нашего». Гордый татаринъ ласково принялъ «тѣшь царскую»—соколовъ и пощадилъ городъ («Древн. святыня Ростова Великаго», изданіе 3, стран. 73—79).

¹⁷⁾—Св. Игнатій, епископъ Ростовскій, возведенъ на архипастырскую кафедру въ 1261 году. При немъ устроенъ храмъ и кельи для отшельниковъ, которые найдены были кн. Глѣбомъ Васильевичемъ Бѣлозерскимъ на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера. Эти пустынники занимались обращеніемъ къ вѣрѣ Христовой Чуди и Кореловъ, жившихъ на берегу озера. При немъ же кн. Глѣбъ основалъ Троицкую обитель на берегу Бѣлаго озера при устьяхъ Шексны, весьма полезную для распространенія свѣта евангельскаго между Чудью. Блаженная кончина св. Игнатія послѣдовала 28 мая 1288 года. Онъ одинъ изъ всѣхъ чудотворцевъ земли Русской прославился нетлѣніемъ и цѣлѣбною силою мощей своихъ еще прежде погребенія и вовсе не былъ преданъ землѣ. Чудеса, открывшіяся при отпѣваніи, заставили поставить открыто св. мощи на томъ мѣстѣ, гдѣ остаются онъ доселѣ. Когда тѣло святителя несено было въ соборную церковь, двѣ благочестивыя инокини видѣли, что святитель поднялся, взошелъ на высоту по воздуху, всталъ надъ соборомъ, благословилъ народъ и весь городъ, потомъ сошелъ къ мѣсту назначеннаго погребенія. Тогда же испѣлился архимандритъ Стефанъ, у котораго палецъ, скорченный со дня рожденія, выпрямился, прикоснувшись къ св. мощамъ. Когда послѣ отпѣванія подали списокъ священниковъ и диаконовъ, рукоположенныхъ св. Игнатіемъ во время его святительства, усопшіи простеръ руку и взялъ списокъ.—Въ лѣтописяхъ XV вѣка св. Игнатій именуется великимъ чудотворцемъ. Мощи его почиваютъ открыто въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ на лѣвой сторонѣ, близъ иконостаса, въ серебряной ракѣ, устроенной въ 1795 году.

¹⁸⁾ По памятникамъ не видно, когда царевичъ Петръ причтенъ къ лику святыхъ: въ XIV в. память его чтли мѣстно, а въ святцахъ XVI вѣка показано «преставленіе св. Петра царевича, Ростовскаго чудотворца». Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви основаннаго имъ Петровскаго монастыря, что на Полѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Ростова. Надъ гробницей его стоитъ три принадлежавшія ему иконы (о которыхъ упомянуто выше), замѣчательныя по превосходному искусству.

Благовѣрный князь Романъ Угличскій былъ сыномъ князя Владиміра, получившаго Угличскій удѣлъ отъ родителя—великаго князя Константина Всеволодовича, въ то же время, когда братья его, св. Василько и Всеволодъ получили Ростовъ и Ярославль, Блаж. Романъ вступилъ въ управление княжествомъ въ 1261 г. и былъ попечительнымъ отцомъ народа. Въ удѣлѣ его были города: Угличъ, Капшинъ, Бѣжецкій - Верхъ, Устюжна, Дмитровъ, Звенигородъ, и онъ еще построилъ на высокомъ берегу Волги, напротивъ слободы Борисоглѣбской, новый городъ Романовъ, соорудилъ до 15-ти храмовъ въ разныхъ мѣстахъ своего княжества, устроилъ богадѣльни и страннопріимные дома. Каждый день онъ слушалъ службу Божію, часто бесѣдоваль съ опытными иноками и любилъ читать божественныя книги. Осиротѣвшій, вдовый и бездѣтный блаж. Романъ посвятилъ послѣдніе дни жизни своей подвигамъ молитвы, поста и благотворительности. Онъ мирно почилъ 3 февраля 1285 года и погребенъ въ соборномъ храмѣ г. Углича ¹⁹⁾.

Между князьями южными славился особенно благочестіемъ въ послѣдніе годы жизни своей, Волинскій князь Василій Романовичъ, родной братъ короля Данила Галицкаго. Храбрый и неутомимый воинъ, доживъ до старости, онъ скончался монахомъ и труженикомъ въ окрестностяхъ Львова (Лемберга) въ дикой заросшей кустарникомъ пещерѣ подъ горою Георгіевскаго монастыря ²⁰⁾, оплакивая грѣхи мірскаго властолюбія и кровавой дѣятельности.

Сынъ его, Владиміръ-Іоаннъ, наслѣдовавшій область родительскую, былъ истинный страдалецъ Божій. Кроткій, милостивый къ другимъ, строгій къ себѣ, трезвый и цѣломудренный, смѣлый на войнѣ и въ звѣриной ловлѣ, любознательный и начитанный (современники звали его философомъ), этотъ князь четыре года страдалъ, какъ Іовъ, нижняя губа его гнила, болѣзнь распространялась и становилась сильнѣе; но онъ терпѣливо сносилъ боль и занимался дѣлами; болѣзнь усилилась: вся мясистая часть бороды отпала, нижняя челюсть и зубы выгнили; онъ молился и благотворилъ. Никто изъ князей южныхъ не построилъ столько монастырей и городовъ, никто болѣе его не надѣлилъ храмовъ книгами и утварью; предъ смертію онъ все движимое имущество: золото, серебро, одежды, роздалъ бѣднымъ ²¹⁾.

Въ концѣ XIII вѣка мы видимъ образецъ особеннаго рода жизни, высокаго и труднаго,—образецъ юродства о Христѣ. Неизвѣстно,

¹⁹⁾ Въ 1486 году при копаніи рововъ для основанія новой соборной церкви обрѣтены негдѣнныя мощи св. князя Романа. По распоряженію патріарха Іоны, онѣ были вновь свидѣтельствованы въ 1595 году Казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ. Въ 1609 г. ляхи предали огню соборный храмъ и св. мощи князя Романа; останки ихъ хранятся въ соборѣ.

²⁰⁾ Левъ Даниловичъ, князь Перемышльскій, по желанію дяди Василія, построилъ монастырь св. Георгія изъ буковаго дерева (Ист. Карамз. Т. IV, примѣч. 144).

²¹⁾ Онъ скончался въ 1289 году и погребенъ въ соборной церкви г. Владиміра Волынскаго (Ист. Карамз. Т. IV, примѣч. 175).

шелъ ли кто въ Русской землѣ по этому пути прежде блаженнаго Прокопія Устюжскаго; но изъ прославленныхъ чудотворцевъ Русской Церкви Прокопій является первымъ подражателемъ блажен. угодниковъ Божіихъ Греческой Церкви, посвятившихъ себя на этотъ тяжкій подвигъ.

Блаженный Прокопій былъ иностранный купецъ и торговалъ въ Новгородѣ. Плънившись ученіемъ православной Церкви, онъ отказался отъ папизма, принялъ православіе и оставилъ торговлю. Жизнь православныхъ иноковъ такъ подѣйствовала на него, что онъ, раздавъ имѣніе бѣднымъ, поселился на нѣсколько времени въ Хутынской обители ²²⁾, но вскорѣ удалился въ Великій-Устюгъ и тамъ вступилъ на новый путь жизни, на путь юродства. Онъ пашелъ полузырянскій городъ съ хрстіанскими храмами; соборная церковь въ немъ была деревянная и очень высокая. На паперти ея Прокопій сталъ проводить ночи въ молитвѣ, а днемъ ходилъ по городу, претерпѣвая насмѣшки, брань и побои; надъ нимъ издѣвались и дѣти, и тѣ, которые имѣли духовный смыслъ, еще менѣ развитый, нежели у дѣтей, и не могли понимать поступковъ челоуѣка духовнаго. Блаженный Прокопій молился за нихъ молитвою Распятаго: „Господи, не постави имъ грѣха сего“. Отдыхать ложился онъ то на навозѣ, то на камнѣ или на голой землѣ. Одежда на немъ была изорванная, и въ ней онъ переносилъ сѣверные морозы. Онъ принималъ пищу отъ нищихъ и отъ людей богобоязненныхъ, а отъ богачей, обогатившихся неправдою, не бралъ ничего. Утѣшеніемъ для праведника служила праведная чета: Іоаннъ и Марія. Іоаннъ Буга, или Бога, былъ монгольскимъ сборщикомъ въ Устюгѣ, дозволяя себѣ всякое своеволіе, онъ взялъ силою дочь одного гражданина Марію. Народъ взволновался и готовъ былъ убить дерзкаго баскака. Тогда Бога принялъ крещеніе и женился на Маріи. Народъ примирился съ нимъ. Бога-Іоаннъ перемѣнилъ жизнь свою, жилъ съ супругою праведно и чисто; на Сокольей горѣ онъ построилъ храмъ Предтечи съ монастыремъ. Блаж. Прокопій посѣщалъ иногда Іоанна и Марію, но не пользовался удобствами ихъ жизни ²³⁾. Другомъ и собесѣдникомъ его былъ блаж. Кипріанъ, основатель Архангельской Устюжской обители, но и у него не искалъ онъ покоя для себя ²⁴⁾.

²²⁾ Въ рукописномъ житіи блаж. Прокопія сказано, что онъ пользовался наставленіями преп. Ваарлаама Хутынскаго. Но такъ какъ сей угодникъ Божій († 1193) не былъ современникомъ Прокопія, то здѣсь, по всей вѣроятности, должно разумѣть другого подвижника Варлаама (въ мірѣ Вячеслава Прокшинича, который жилъ въ Хутыни и умеръ въ 1243 году (Новгор. лѣтоп. подъ 6751 годомъ).

²³⁾ Іоаннъ и Марія похоронены у Вознесенской церкви Устюга. Память ихъ чтится тамъ донинѣ. Рукописныя святцы называютъ ихъ святыми, но не указываютъ времени кончины ихъ.

²⁴⁾ Преп. Кипріанъ, родомъ землевладѣлецъ Двинской стороны, основалъ около 1212 г. Архангельскій монастырь близъ Устюга и провелъ тамъ въ подвигахъ болѣе 60 лѣтъ. Онъ преставился 28 сентября 1276 года въ обители своей. Въ послѣдствіи надъ могилою его построенъ храмъ и въ немъ устроена гробница.

Разъ была ночью жестокая стужа. Сильная вьюга засыпала дома и улицы снѣгомъ, и морозъ и вѣтеръ сѣверный такъ были рѣзки, что птицы падали мертвыя на землю, даже скотъ и люди замерзали. Можно представить себѣ, каково было нагому Прокопію. Терзаемый морозомъ, онъ пытался войти въ хижину нищихъ, чтобы сколько-нибудь погрѣться, но одни запирали дверь, другіе прогоняли его палкою. Прогнанный страдалецъ нашель сарай, гдѣ въ углу лежали собаки; онъ легъ около собакъ, чтобы отъ нихъ согрѣться, но и собаки ушли отъ него. Не тяжко ли не найти защиты отъ смерти у людей и даже у псовъ? „Буди имя Господне благословенно“, сказалъ Прокопій и пошелъ на обыкновенный свой ночлегъ—на паперть соборную; дрожа всѣми членами и ожидая смерти, молился онъ, да приметъ Богъ душу его. И вотъ онъ чувствуетъ какую-то теплоту; взглянувъ, онъ увидѣлъ предъ собою ангела Божія съ прекрасною вѣтвיו въ рукѣ; небесный гость, коснувшись вѣткой лица Прокопія, оживилъ страдальца: пріятная теплота разлилась по всему тѣлу его. Объ этомъ блажен. Прокопій разсказалъ любимому клирику Симеону, отцу св. Стефана Пермскаго, подъ условіемъ—не говорить о томъ другимъ до смерти юродиваго.

Любимое мѣсто, гдѣ часто и долго сиживалъ Прокопій, былъ одинъ камень на берегу рѣки Сухоны. Здѣсь, смотря на плывущія мимо суда, онъ молился за тѣхъ, которые вѣряли судьбу свою невѣрной стихіи.

Въ одинъ воскресный день Прокопій говорилъ народу въ храмѣ: „покайтесь, братія, во грѣхахъ вашихъ; умиловляйте Бога, постомъ и молитвою, иначе городъ погибнетъ отъ града огненнаго“. Онъ не въ умѣ, говорили слушавшіе Прокопія. Послѣ литургіи Прокопій, сидя на паперти, плакалъ и рыдалъ, плакалъ потомъ днемъ и ночью. Проходившіе мимо его спрашивали:—„Что съ тобою, Прокопій? Что за скорбь у тебя?“—Блаженный отвѣчалъ: „бдите и молитесь, да не увидите въ напасть“. Но проповѣди его не принимали къ сердцу.—На третій день Прокопій пошелъ по городу и говорилъ со слезами: „плачьте, други, плачьте о грѣхахъ вашихъ, молитесь, чтобы избавилъ васъ Господь отъ гнѣва правды Своей, чтобы не погубилъ васъ, какъ Содомъ и Гоморру, за беззаконія ваши“. Но и теперь ожестѣвшіе въ грѣхахъ не трогались и не приходили въ себя; надъ проповѣдникомъ смѣялись, какъ надъ безумцемъ, и молитвенникомъ остался одинъ Прокопій. Черезъ недѣлю послѣ первой проповѣди, въ полдень, явилось на небосклонѣ черное облако; приближаясь къ городу, оно расло болѣе и болѣе; наконецъ, день превратился въ темную ночь. Молніи бѣгали огненными полосами, и страшные грохоты грома раскатывались въ воздухѣ, не прерываясь ни на минуту; отъ громовыхъ ударовъ тряслись стѣны зданій и отъ оглушительныхъ звуковъ не слышно было людскаго голоса. Тогда-то увидѣли, что городу грозитъ гибель, вспомнили о проповѣди Прокопія и бросились въ Соборный храмъ Богоматери. Прокопій былъ уже здѣсь и предъ иконою Благо-

вѣщенія молился съ горькими слезами, да будетъ Богоматерь ходатаицею за людей согрѣшившихъ. И весь народъ съ рыданіемъ молился о спасеніи отъ гнѣва Божія: вдругъ отъ иконы потекло муро ручейкомъ и по Храму разлилось благоуханіе. Въ то же время оказалась переменна въ воздухѣ: не стало удушливаго зноя, тучи съ громами и молніями скатились вдаль, на пустынные мѣста. Скоро узнали, что за 20 версть отъ Устюга, въ дебри Котовальской, пали съ градомъ раскаленные камни, поломали лѣсъ, но никто изъ людей не убитъ и даже скотъ вездѣ остался цѣлъ. Между тѣмъ изъ св. иконы истекло столько мвра, что имъ наполнили сосуды церковныя; мазавшіеся муромъ получали исцѣленіе отъ разныхъ болѣзней ²⁵⁾.

Послѣ этого Прокопій сталъ опять юродствовать и юродствомъ закрывалъ отъ людей обильную благодать, обитавшую въ немъ. Онъ носилъ въ рукѣ три кочерги. Замѣчено было, что когда носилъ ихъ вверхъ головами, въ тотъ годъ бывалъ хорошій урожай; когда же оборачивалъ ихъ головами внизъ, бывалъ недостатокъ во всемъ.

Блаж. Прокопій преставился въ старости, 8 іюля 1285 года, у воть обители архистратига Михаила. Согласно съ его желаніемъ, тѣло его похоронили на берегу р. Сухоны, близъ соборной Успенской церкви. Камень, на которомъ часто сидѣлъ онъ на берегу Сухоны, молясь за плавающихъ, положенъ надъ гробомъ его, а на мѣстѣ кончины поставлена часовня ²⁶⁾

Церковь поетъ блаженному Прокопію: „Ты былъ бездомнымъ, Прокопій, и, перенося всякое оскорбленіе, приносилъ Богу дѣла добрыя, какъ еиміамъ благовонный, какъ жертву пріятную. Потому ты и получилъ дерзновеніе предъ Нимъ въ обителяхъ небесныхъ. Моли даровать очищеніе грѣховъ славящимъ святую память твою“ ²⁷⁾

Такъ, при тяжкомъ испытаніи Русской земли Господь прославлялъ въ ней избранныхъ Своихъ многоразличными путями спасенія!

²⁵⁾ Чудотворная икона Благовѣщенія Божіей матери, предъ которою молился св. Прокопій, перенесена въ Москву при царѣ Іоаннѣ и поставлена въ иконостасъ Успенскаго собора. Тяжелая серебряная, позолоченная риза устроена въ 1818 году иждивеніемъ Велико-Устюжскаго градскаго общества.

²⁶⁾ Мѣстное почитаніе св. Прокопія началось со дня его кончины. Храмъ во имя его построенъ въ Устюгѣ въ 1495, а всеобщее празднованіе его памяти въ 8 день іюля утверждено Московскимъ соборомъ 1547 года.—Наружность блаж. Прокопія въ подлинникѣ описывается такъ: «подобіемъ средовѣкъ (среднихъ лѣтъ, а по другому подлиннику, старъ и сѣдъ), волосы на головѣ русы, борода Козмина (т.-е. длинная); рубище дико багряное, съ праваго плеча спустилось; въ рукахъ три кочерги; на ногахъ сапоги разодраны, колѣни голы» (Буслаева «Очерки словес. и ист.», к. II, стр. 428).

²⁷⁾ Служба на 8 іюля въ миней Москов. изд. 1646 года.

Г Л А В А III.

Сыновья св. Александра Невского: Димитрій и Андрей.—Блаж. Симеонъ, епископъ Тверскій.—Кончина митрополита Кирилла.—Св. князь Феодоръ, Смоленскій и Ярославскій.—Св. кн. Даниль Московскій.—Св. Довмонтъ, храбрый кн. Псковскій.

Спустя тридцать лѣтъ послѣ грозы Батыевой, Русская земля какъ будто отдохнула, обязанная внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и великаго сына его св. Александра. Нѣкоторые мѣстные грабежи Татаръ, маловажныя распри князей, даже самая утрата государственной независимости казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ ужасными всеобщими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны вѣшнія были довольно счастливы: побѣды витязя Невского и бодрое охраненіе западныхъ предѣловъ отечества доказывали, что Русскіе люди еще умѣютъ владѣть мечемъ, а торговля, ободряемая ханскими грамотами, доставляла купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ большихъ затрудненій.

Въ такомъ состояніи находилось великое княженіе, когда оно досталось по смерти дядей Димитрію Александровичу, сыну св. Александра Невского. Восемнадцатилѣтнее его правленіе (1276—1294), памятное для Русской земли одними несчастіями, протекло въ непрерывныхъ кровавыхъ междоусобіяхъ, возбуждаемыхъ безумнымъ властолюбіемъ младшаго брата его Андрея, который не могъ успокоиться, пока не сдѣлался великимъ княземъ. Непрестанно враждуя со старшимъ братомъ и вовлекая въ свои распри всѣхъ прочихъ удѣльныхъ князей, Андрей въ то же время умѣлъ угождать ханамъ и получать отъ нихъ войско для разоренія городовъ Русскихъ. Такъ однажды Татары, приведенные Андреемъ, напоминали время Батяя: они опустошили окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, жгли и грабили селенія, монастыри, церкви, не щадя ни иконъ, ни сосудовъ, ни утвари церковной. Народъ разбѣжался и погибалъ въ лѣсахъ отъ жестокихъ морозовъ. Переяславль-Залѣскій, удѣльный городъ Димитрія (бѣжавшаго въ Новгородъ), хотѣлъ обороняться и былъ жестоко наказанъ: не осталось жителя, по словамъ лѣтописи, который бы не оплакалъ смерти отца, сына или брата. Это кровопролитіе случилось 19 декабря 1282 года. Въ праздникъ Рождества Христова ограблен-

Толстаго —Исторія Русск. Церкви.

ные храмы стояли пустыми; вмѣсто священнаго пѣнія раздавались въ городѣ стоны и рыданія. Одинъ только Андрей, злобный и недостойный сынъ великаго отца, праздновалъ и ликовалъ съ Татарами. Въ другой разъ онъ привелъ рать хана Ногая, который въ то время завелъ неустройство въ Золотой ордѣ и основалъ свою собственную орду,—Ногайскую. Снова Татары опустошили и ограбили много городовъ; даже духовенство, свободное отъ дани ханской, не спаслось отъ всеобщаго грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду, и только дремучіе лѣса служили убѣжищемъ для несчастнаго народа. Димитрій укрылся тогда во Псковѣ; онъ отказался отъ великаго княженія, довольствуясь наслѣдственнымъ удѣломъ Переяславскимъ. Изнуренный горемъ и болѣзнію, онъ умеръ на пути близъ Волока-Ламскаго, принявъ схиму предъ кончиною ¹⁾.

При несчастномъ правленіи его утвердилась независимость Тверскаго княженія. Оно было прежде частью Суздальскаго и Владимірскаго, но сдѣлалось отдѣльнымъ при Ярославѣ Ярославичѣ (младшемъ братѣ Невскаго, наслѣдовавшемъ послѣ него великое княженіе). При немъ же учреждена епископія въ Твери, и первымъ архипастыремъ тамъ былъ блаж. епископъ Симеонъ. Каѳедра его была прежде въ Полоцкѣ, но неустройство и распри Литовскихъ князей принудили его переселиться въ Тверь, принадлежавшую къ той же епархіи. Великій князь Ярославъ Ярославичъ принялъ его съ любовью и подѣлилъ повую епископію богатыми имѣніями и угодами. Блаж. Симеонъ управлялъ паствою, какъ одинъ изъ лучшихъ пастырей церкви. По свидѣтельству лѣтописи, онъ хорошо зналъ священныя книги, благотворилъ нищимъ и сиротамъ, безъ боязни говорилъ правду князьямъ и вельможамъ ²⁾. Онъ пережилъ благотворителя своего Ярослава, заложилъ при сынѣ и преемникѣ его, князѣ Михаилѣ, соборный храмъ въ Твери и мирно почилъ 3 февраля 1289 года.

Незадолго предъ тѣмъ угасъ великій свѣтильникъ Церкви Русской: блаженный первосвятитель Кириллъ преставился въ глубокой

¹⁾ Великій князь Димитрій Александровичъ скончался въ 1294 году, погребенъ въ любимомъ своемъ Переяславѣ-Залѣскомъ, въ соборной Спасской церкви, построенной въ 1152 году В. В. К. Юріемъ Долгорукимъ. Она сложена вся изъ бѣлаго камня и сохранила свой первобытный видъ до настоящаго времени. Недавно открыты въ ней весьма древніе фрески, можетъ быть современные построенію храма.

²⁾ Памятники древности передаютъ намъ разговоръ блаж. епископа Симеона съ Полоцкимъ княземъ Константиномъ, который, желая посмѣяться надъ своимъ тиуномъ (судейей), сказалъ за обѣдомъ святителю: «гдѣ будутъ наши тиуны на томъ свѣтѣ?» — Симеонъ отвѣчалъ: «тиунъ будетъ камъ же, гдѣ и князь». Князю это не понравилось, и онъ сказалъ: «тиунъ судить неправедно, беретъ взятки, мучитъ людей, а я что худое дѣлаю?» — Владыка объяснилъ ему: «если князь добрый и богобоязненный, жалѣетъ людей, любитъ правду и поставитъ тиуна—человѣка добраго и богобоязненнаго, умнаго и правдолюбиваго, то князь будетъ въ раю, и тиунъ его съ нимъ. Если же князь безъ страха Божія, не жалѣетъ христіанъ, не думаетъ о сиротахъ и вдовахъ и поставляетъ начальника злого, неразумительнаго, только бы доставалъ ему деньги, пускаетъ его, какъ голоднаго пса на падалъ, губитъ людей: «и князь будетъ въ аду, и тиунъ его съ нимъ» (Русскіе Святые. Февраль, стр. 7, 8).

старости 9 декабря 1280 года въ Переяславль-Залѣскомъ при объѣздѣ сѣверныхъ епархій. Тѣло его перевезено было во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ, и заключило собою рядъ первосвятительскихъ могилъ въ Софійскомъ соборномъ храмѣ. Въ продолженіе многолѣтняго святительства (1243 — 1280) онъ старался возстановить разрушенное опустошителями, водворять миръ между враждующими, оберегать вѣренное ему стадо отъ вліянія Римскаго, исправлять безпорядки въ жизни духовенства и народа, утвердить управление Церкви на правилахъ соборовъ и св. отцовъ. Преемникомъ его былъ Максимъ, родомъ Грекъ, присланный патріархомъ изъ Царьграда.

Между тѣмъ княженіе Ярославское перешло изъ рода великаго князя Константина Всеволодовича въ родъ князей Смоленскихъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Теодоръ Ростиславичъ, по прозванію Черный, сынъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, женился на дочери послѣдняго князя Ярославскаго, св. Василія Всеволодовича, Маріи, единственной наслѣдницѣ княжества Ярославскаго. Онъ былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ, чуждался распрей и ссоръ, хотя отличался мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла. Только неудовольствія съ братьями, которые дали ему изъ всего княжества Смоленскаго одинъ небольшой городокъ Можайскъ, заставили его жить въ Ярославль, гдѣ теща, княгиня Ксенія, не хотѣла усту пить ему власти

Князь Теодоръ вмѣстѣ съ другими князьями ходилъ на поклонъ въ орду и по волѣ хана Менгу-Темира предпринималъ походы противъ Ясовъ или Аланъ, которые жили близъ Кавказа и не хотѣли платить дани Татарамъ. Возвратившись оттуда съ богатою добычей, мужественный князь обратилъ на себя особенное вниманіе хана и жены его; послѣдняя предложила ему руку своей дочери. Теодоръ не побоялся отвѣчать, что у него есть супруга, и онъ, какъ христіанинъ, не можетъ имѣть другой. Но когда онъ съ опасностію для жизни отклонялъ отъ себя лестную честь быть зятемъ ханскимъ, теща его, княгиня Ксенія по возвращеніи его въ отечество не впустила его въ Ярославль, объявивъ, что тамъ есть уже законный князь, сынъ его и Маріи, малолѣтній Михаилъ. Даже посредничество ордынскаго посла не могло побѣдить упрямства властолюбивой княгини. Добрый и миролюбивый Теодоръ не хотѣлъ призывать гнѣва ханскаго на отчизну, и Господь Самъ устроилъ судьбу его: онъ вскорѣ овдовѣлъ и получилъ Смоленское княжество послѣ умершихъ братьевъ. Тогда онъ снова отправился въ орду, гдѣ принять былъ съ прежнею благосклонностію. Для брака его съ дочерью хана оставалось одно препятствіе — языческая вѣра невѣсты. Дочь Менгу-Темира крестилась съ именемъ Анны и съ разрѣшенія патріарха Цареградскаго вступила въ христіанскій бракъ съ Теодоромъ ³⁾, при чемъ ханъ назначилъ города на содержаніе до-

³⁾ Сарайскій епископъ Теогностъ ѣздилъ въ Константинополь посломъ отъ Менгу-Темира за патріаршимъ разрѣшеніемъ на бракъ кн. Теодора съ новокрещенною татаркой. Карамзинъ напрасно считаетъ Анну дочерью хана Нагая, и язычника Менгу-Темира — фанатикомъ магометанства. (Русскіе Святые. Сентябрь, стр. 100, примѣч. 166).

чери и зятя. Съ дозволенія тестя, благочестивый князь поставилъ нѣсколько храмовъ въ улусахъ орды; твердый въ бѣдахъ, онъ не измѣнялся и въ счастіи: попрежнему любилъ Господа болѣе всего и старался о славѣ имени Его.

Скоро мечты властолюбивой Ксеніи разсѣялись: внукъ ея младенецъ умеръ. Тогда благовѣрный князь Теодоръ отправился въ Ярославль съ супругою и съ двумя сыновьями, Давидомъ и Константиномъ, родившимися въ ордѣ. Жители Ярославля не хотѣли принять ихъ, но князь Теодоръ съ Смоленскою дружиной принудилъ ихъ къ покорности, а виновники возмущенія, по волѣ хана, были наказаны.

За непокорность Ярославцевъ блаж. князь Теодоръ заплатилъ имъ благодареніями: онъ распространилъ г. Ярославль, обвелъ его землянымъ валомъ, построилъ въ немъ нѣсколько храмовъ и великолѣпно украсилъ ихъ. Особенно любилъ онъ монастырь Спасскій: часто онъ молился тамъ, раздавалъ милостыню бѣднымъ, кормилъ братію. Супруга его, княгиня Анна, хотя родилась и воспиталась въ язычествѣ, но подражала ему въ добродѣтеляхъ; она построила храмъ Архангела Михаила на берегу рѣки Корости ⁴⁾).

При частыхъ смутахъ этого несчастнаго времени не удивительно, что блаж. кн. Теодоръ вовлекался невольно въ распри князей. Удрученный старостію, скорбями и недугами, онъ почувствовалъ близость кончины и велѣлъ нести себя чрезъ весь городъ въ монастырь Спасскій.— Когда поставили его здѣсь въ притворѣ церковномъ, то на вопросъ игумена: „что пришелъ, братъ? Желаетъ ли сподобиться ангельскаго образа?“ Князь, поднявъ руки къ небу, сказалъ: „всею душою готовъ, Владыка и Творецъ мой, работать Тебѣ“, и, обратясь къ игумену, прибавилъ: „да, честный отче“. По совершеніи постриженія понесли его въ келью къ игумену, гдѣ весь день прощался онъ со всѣми, исповѣдалъ всенародно грѣхи и ошибки въ жизни своей и давалъ прощенье другимъ. Позвавъ къ себѣ княгиню и дѣтей, простился съ ними, наказывая дѣтямъ исполнять его наставленія. Поздно вечеромъ попросилъ игумена облечь его въ схиму и затѣмъ попросилъ, чтобы, кромѣ игумена и немногихъ братій, всѣ вышли. Во время утренняго пѣнія онъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и предалъ духъ свой Богу; это было 19 сентября 1298 года ⁵⁾).

⁴⁾ Время кончины и мѣсто погребенія княгини Анны неизвѣстны. Въ 1692 году производилось дѣло о мошахъ княгини Анастасіи и Ксеніи и кн. Михаила, обрѣтенныхъ по случаю построенія новой Петропавловской церкви въ бывшемъ Петровскомъ монастырѣ, гдѣ погребались князья и княгини первой династіи князей Ярославскихъ (Синодальн. рукоп. № 781). Ксенія—теща, а Михаилъ—сынъ св. кн. Теодора. Анастасія, какъ можно полагать,—иноческое имя второй супруги его, княгини Анны. Въ этомъ храмѣ издревле совершалась соборная панихида въ недѣлю православія за вечернею. Это торжественное поминованіе отмѣнено Ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ. (Описаніе г. Ярославля А. П. Крылова. Стр. 124—125).

⁵⁾ Сыновья св. кн. Теодора, Давидъ и Константинъ, наслѣдовали благочестіе отъ своего; младшій скончался безбрачнымъ, а кн. Давидъ 23 года управлялъ Ярославскимъ

Между тѣмъ какъ св. князь Ѳеодоръ подавалъ современнымъ князьямъ назидательный примѣръ благочестія, умѣренности и миролюбія, злобный Андрей Александровичъ, достигнувъ великаго княженія, продолжалъ терзать землю Русскую. Наконецъ распри дошли до судилища хана: посоль ханскій созвалъ князей во Владиміръ и судъ кончился миромъ, или лучше сказать—ничѣмъ, потому что посоль ханскій взялъ дары, а великій князь далъ слово оставить въ покоѣ братьевъ и племянниковъ, но въ то же время собиралъ войско, чтобы усмирить ихъ.

Тогда возобновились, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно, древніе съѣзды князей, учрежденные нѣкогда Мономахомъ; на нихъ присутствовали и святители, какъ толкователи уставовъ правды и совѣсти. Но въ этихъ съѣздахъ не участвовали князья удѣловъ отдаленныхъ—Рязанскіе, Смоленскіе и другіе. Нашествіе Монголовъ разорвало послѣднія связи между разными частями Русской земли: великій князь, не удержавъ господства надъ удѣлами собственнаго великаго княженія Владимірскаго, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла другихъ областей и быть душею общаго согласія и порядка? Неустройство и междоусобія продолжались до смерти Андрея: онъ кончилъ жизнь въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства.

Не таковъ былъ братъ его Даніилъ, княжившій въ Москвѣ. Изъ четырехъ сыновей св. Александра Невскаго, только самый младшій вполне усвоилъ себѣ христіанское благочестіе родителя. И Господь, предназначившій высокую будущность потомству угодника Своего Александра, избираетъ только родъ Даніила для управленія Русскою землею; „праведное сѣмя его возлюбилъ Богъ, благоволилъ ему царствовать въ роды и роды“ ⁶⁾.

Жизнь Даніила ознаменована печатью особеннаго избранія Божія. Двухлѣтнимъ младенцемъ остался онъ по смерти отца ⁷⁾, но никто не

княжествомъ и, оставивъ двухъ сыновей, Василя и Михаила, умеръ въ 1321 году. Оба сына св. Ѳеодора положены подлѣ родителя въ Спасскомъ монастырѣ. Въ 1463 году Спасскій архимандритъ Христофоръ обрѣлъ нетлѣнныя мощи трехъ святыхъ князей—Ѳеодора и сыновей его «подъ церковію въ подклѣтѣхъ поверхъ земли». Онъ перенесъ ихъ въ храмъ и положилъ въ одномъ гробѣ. Благодатными струями потекли отъ святыхъ мощей исцѣленія и чудеса. Ростовскій архіепископъ Трифонъ за невѣріе въ святость новыхъ Ярославскихъ чудотворцевъ пораженъ разслабленіемъ всего тѣла, но исцѣлился, когда увѣровалъ. Съ того времени мѣсти св. князей почиваютъ открыто въ соборной перкви Спасскаго монастыря (надъ архіерейскаго дома) въ серебряной рацѣ, устроенной въ 1831 г. (Истор. г. Ярославля протоіер. І. Троицкаго, стр. 34—36. Описаніе г. Ярославля А. Крылова, стр. 166—170). Житіе св. князей написано вскорѣ по открытіи мощей ихъ іеромонахомъ Спасскаго монастыря Антоніемъ и помѣщено въ Степенной книгѣ (Обзоръ Русск. духовн. литературы. Ч. 1. § 100).

⁶⁾ Степ. кн. I, 377.

⁷⁾ Хотя неизвѣстно время второго брата св. Александра Невскаго, но весьма вѣроятно, что Даніилъ, оставшійся сиротою въ двухлѣтнемъ возрастѣ, былъ рожденъ княги-

нападать на князя-младенца, никто не покушался завладѣть удѣломъ его. А какъ часто въ то время и у взрослыхъ князей отнимали удѣлы другіе князья, болѣе сильные!

Ему достался самый незначительный изъ удѣловъ великаго княженія, съ ничтожнымъ городкомъ—Москвою. Пришедши въ возрастъ, Даніилъ увеличилъ свое княжество, не прибѣгая къ мѣрамъ насилія. Неизбѣжно вовлекаемый въ междоусобія князей ⁸⁾, онъ держалъ себя умѣренно и осторожно, берегъ свою совѣсть и старался гасить ссоры любовью ⁹⁾. Храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и миролюбивый, онъ брался за оружіе только для того, чтобы грозою меча устранить злонамѣренныхъ. Довольный своимъ жребіемъ, онъ не отнималъ чужой собственности ни насиліемъ, ни коварствомъ; за то самъ Господь неожиданно благословилъ его новымъ владѣніемъ.

Родной племянникъ блаженнаго Даніила, сынъ умершаго великаго князя Димитрія, Переяславскій князь Іоаннъ Дмитріевичъ, кроткій, набожный, благотворительный, былъ связанъ узами тѣсной дружбы съ благочестивымъ дядей. Умирая бездѣтнымъ ¹⁰⁾, онъ отказалъ удѣлъ свой Даніилу, котораго современники называли „Богоснабдимымъ“ ¹¹⁾, потому что самъ Богъ, видя благочестіе и безкорыстіе раба Своего, снабдѣвалъ его всеъмъ нужнымъ. Здѣсь начало соединенію Русскихъ княжествъ въ одну мощную державу и первенству Москвы надъ прочими удѣлами!

Блаж. кн. Даніилъ не искалъ достоинства великаго князя; но оно досталось вполнѣтвѣтствіи сыновьямъ и внукамъ его. Онъ построилъ на берегу р. Москвы деревянную церковь въ честь заступника своего преп. Даніила Столпника и при ней основалъ монастырь ¹²⁾. Принявъ схиму, съ именемъ пророка Даніила, онъ преставился 4 марта 1303 года. По глубокому смиренію, онъ назначилъ себѣ могилу

нею Вассою, а не Александрю Брячиславовною, отъ которой родились старшіе сыновья Александра.

⁸⁾ Въ усобицу между старшими братьями Дмитріемъ и Андреемъ за великое княженіе, потомъ—между Андреемъ и нѣкоторыми удѣльными князьями.

⁹⁾ Такъ, напримѣръ, послѣ княжескаго сѣзда въ Дмитровѣ изъ всѣхъ князей только одинъ Даніилъ Московскій искренно помирился съ Андреемъ. (Карамз. Ист. Госуд. Росс. т. III, стр. 344).

¹⁰⁾ Іоаннъ Дмитріевичъ имѣлъ сына, который умеръ въ младенчествѣ. Они оба погребены подлѣ гробницы великаго князя Димитрія Александровича въ древнемъ Спаскомъ соборѣ Переяславля-Залѣскаго.

¹¹⁾ Степ. кн. I. 377.—Когда Іоаннъ Переяславскій завѣщалъ свой удѣлъ Даніилу, прочіе князья дивились, что такой значительный удѣлъ присоединенъ къ «малому и убогому» городу—Москвѣ. Въ то время область Переяславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была послѣ Ростова первою во Владимірскомъ великомъ княженіи какъ по числу жителей, такъ и по крѣпости главнаго города. Переяславль-Залѣскій обведенъ былъ глубокимъ ровомъ съ водою, высокимъ валомъ и двойною стѣною съ 12 башнями.

¹²⁾ Еще прежде того при блаж. князѣ Даніилѣ и вѣроятно не безъ помощи его начать строеніемъ около 1296 года Боговѣнскій монастырь въ Москвѣ. Ист. Росс. Іерар. III. 403.

не въ храмѣ, а на общемъ кладбищѣ основанной имъ иноческой обители ¹³⁾.

Описывая внутреннiя дѣла Русской земли, мы давно не упоминали о защитѣ западныхъ ея предѣловъ. Тамъ въ это время бодрствовалъ на стражѣ мужественный князь, но не потомокъ св. Владимiра, а Литвинъ, родившiйся язычникомъ,—явленiе, дотолѣ небывалое и неслыханное!

Миндовгъ, великiй князь Литовскiй, заманивъ къ себѣ жену Довмонта, князя Нальшанскаго, заставилъ ее раздѣлить съ нимъ ложе; Довмонтъ, исполняя долгъ языческой мести, убилъ Миндовга и двухъ сыновей его. Это было осенью 1263 года. Вслѣдъ за тѣмъ началась рѣзня въ Литвѣ; сынъ Миндовга Воишелгъ страшно мстилъ за смерть отца. Тогда Довмонтъ, съ 300 семей Литовскихъ, спасая жизнь, бѣжалъ во Псковъ. Здѣсь дохнула на него, говорить древнiй лѣтописецъ, „обновляющая благодать Божiя“. Онъ крестился и названъ Тимоеемъ. Псковичи посадили его на столѣ св. Всеволода-Гавриила; но съ тѣмъ вмѣстѣ, желая соединить его съ дорогимъ для нихъ родомъ св. Александра Невскаго, они выпросили для Довмонта руку княжны Марiи, дочери великаго князя Димитрiя Александровича. Такъ пришлецъ изъ Литвы сталъ княжить во Псковѣ. Но этотъ пришлецъ щедро возблагодарилъ свое новое отечество: своими доблестями, своею ревностiю по вѣрѣ онъ напомнилъ Пскову лучшихъ князей изъ рода Рюрикова—Мстислава Великаго, Всеволода и дѣда жены своей, приснопамятнаго Александра. Довмонтъ пошелъ войной на дикую Литву, которая часто вторгалась въ предѣлы Русскiе изъ лѣсовъ своихъ, опустошала жилища и уводила въ плѣнъ множество христанъ. Еще прежде Псковскiе священники насадили православное христанство въ Летгаллiи, а въ это время Литовскiй князь Гердень уступилъ

¹³⁾ Когда сынъ св. Данила, Иоаннъ Калита, построилъ близъ дворца своего въ кремлѣ Спасскiй монастырь, то назначилъ туда архимандритомъ игумена Даниловской обители Иоанна, оставивъ за нимъ управленiе прежнимъ его монастыремъ. Вслѣдствiи монастырь блж. князя Данила оскудѣлъ и опустѣлъ; осталось только мѣсто, или сельцо, Даниловское съ деревянною церковью. При великомъ князѣ Иоаннѣ III Васильевичѣ боярину, пробѣжавшему мимо того мѣста, явился нкто неизвѣстный и сказалъ ему: «не бойся меня—я христанинъ и господинъ сего мѣста: имя мое Даниилъ, князь Московскiй. Скажи отъ меня Иоанну: «самъ ты тѣшишь себя, а меня забылъ; но не забылъ меня Богъ мой». При сынѣ Иоанна, великомъ князѣ Василiи, было новое знаменiе: бояринъ князь Василiй Шуйскiй, оказавшiй неуваженiе къ мѣсту Даниловскому, былъ тутъ же наказанъ паденiемъ на землю, послѣ чего раскаялся и часто приходилъ туда для пѣнiя панихидъ. Наконецъ, при царѣ Иоаннѣ Грозномъ исцѣлился у гроба св. Данила отрокъ, сынъ Коломенскаго купца. Послѣ того учрежденъ ежегодный крестный ходъ къ мѣсту Даниловскому для совершенiя панихиды о почивающемъ тамъ князѣ-праведникѣ. Тогда же и самый монастырь возобновленъ царскою казною, и въ немъ построенъ каменный храмъ въ честь отцовъ седми соборовъ вселенскихъ. Мощи св. Данила обрѣтены нетлѣнными и открыты въ 1652 году. Соборный храмъ, воздвигнутый при Грозномъ царѣ, разобранъ за ветхостiю въ 1729 г., при чемъ мощи перенесены въ новый соборъ, построенный надъ теплою Покровскою церковью.

эту область Гермейстеру Ливонскихъ рыцарей, и такимъ образомъ папизмъ угрожалъ новопросвѣщеннымъ. Пользуясь отсутствіемъ Герделя, Довмонтъ съ 270 воинами прошелъ съ огнемъ и мечомъ по его владѣніямъ, взялъ въ плѣнъ жену его съ дѣтьми и толпы Литовцевъ. Переправившись черезъ Двину, храбрый князь оставилъ при себѣ только 70 воиновъ, отпустивъ остальныхъ съ добычею во Псковъ. Скоро сторожевые дали знать, что Герденъ приближается съ войскомъ. „Братья Псковичи—сказалъ Довмонтъ—кто старъ изъ васъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ мнѣ братъ. Я слышалъ о вашемъ мужествѣ. Предъ вами жизнь и смерть. Братья мои! постоимъ за Св. Троицу“. Слова Довмонта одушевили Псковичей. Съ 70 человекъ дружины онъ одолѣлъ 700 Литовцевъ, многихъ побилъ и потопилъ въ Двинѣ. — На другой годъ онъ снова ходилъ въ Литву: страна предана была опустошенію и князь Герденъ убитъ.

Особенно важны подвиги Довмонта въ обузданіи Ливонскихъ рыцарей: Нѣмцы, завладѣвъ Ливоніей, готовы были простирать далѣе свои завоеванія. Въ отношеніи къ вѣрѣ они были вреднѣе языческой Литвы, которая довольствовалась грабежомъ, не касаясь совѣсти; а Нѣмцы не только грабили, но и принуждали православныхъ къ папизму, объявляя Русскихъ язычниками. — Въ 1268 году силы почти всѣхъ Русскихъ князей собрались въ Новгородъ, чтобы выгнать изъ Эстоніи Датчанъ, которые вздумали заводить поселеніе въ странѣ, издавна платившей дань Новгороду. Довмонтъ съ ратью Псковскою присоединился къ войску тестя своего, великаго князя Дмитрія. — Въ самомъ началѣ похода, дворяне Божіи (такъ называли себя Ливонскіе рыцари) прислали пословъ съ клятвенными увѣреніями, что они не станутъ помогать Датчанамъ и желаютъ сохранить миръ съ князьями. Но когда войска Русскія приблизились къ Раковору (Везенбергу), магистръ ордена и Дерптскій бискупъ явились съ многочисленнымъ войскомъ на защиту Датчанъ. Началась страшная битва; особенно отличалось мужествомъ правое крыло союзнаго войска, гдѣ стояли Довмонтъ и Дмитрій. Бискупъ былъ убитъ и съ нимъ легло, по показанію самихъ Нѣмцевъ, до 1350 человекъ. Пользуясь темнотою ночи, рыцари обратились въ бѣгство. Новгородцы, чувствуя большой уронъ въ войскѣ, возвратились назадъ; а Довмонтъ съ Псковичами прошелъ по Везенбергскому округу до самаго моря, разоряя капища Эстовъ, и возвратился со множествомъ плѣнныхъ. Спустя нѣсколько дней послѣ Раковорской битвы, Нѣмцы тайно вступили въ предѣлы Псковскіе и ограбили нѣсколько селъ. Довмонтъ съ небольшимъ отрядомъ догналъ и разбилъ ихъ. Инные скрылись на островѣ: Довмонтъ велѣлъ зажечь траву, и клятвопреступники погибли.

На слѣдующій годъ магистръ явился съ 18,000 войска и стѣнобитными орудіями; онъ грозилъ сравнять Псковъ съ землею. Осмотрѣвъ силы непріятелей и собравъ войско, Довмонтъ пришелъ въ Троицкій соборъ, положилъ мечъ свой предъ алтаремъ, палъ на лице и

молился со слезами: „Господи Боже силъ!—говорилъ онъ—призри на кроткихъ и смиренныхъ рабовъ Твоихъ и смири высокоуміе гордыхъ“. Игумень Мирожскій, Исидоръ, препоясалъ князя мечомъ и благословилъ на битву за св. вѣру; храбрый князь, не дожидаясь Новгородцевъ, ударилъ съ дружинами Псковскими на Нѣмцевъ, разрубилъ лице магистру и истребилъ нѣсколько тысячъ латинянъ. На десятый день осады, подоспѣли полки Новгородскіе: Нѣмцы бросились спасаться бѣгствомъ и потомъ заключили миръ на условіяхъ, какія предписалъ имъ Довмонтъ.

Послѣ того Нѣмцы и Литва надолго оставили въ покоѣ предѣлы Русскіе. Защищая Псковъ мечомъ своимъ, Довмонтъ укрѣпилъ его каменною стѣною ¹⁴⁾. Онъ судилъ народъ праведно, не давалъ слабымъ въ обиду, помогалъ бѣднымъ, посѣщалъ узниковъ въ темницахъ, покоилъ странниковъ, любилъ духовенство, строилъ храмы ¹⁵⁾, проводилъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и благоговѣнно чтилъ праздники.

Приближаясь къ блаженной кончинѣ, доблестный князь, уже маститый старецъ, долженъ былъ въ послѣдній разъ отразить Нѣмцевъ отъ Пскова. Въ началѣ 1299 года Ливонскіе рыцари неожиданно напали на Псковъ, грабили и жгли монастыри въ окрестностяхъ города ¹⁶⁾. Блаженный князь вывелъ дружину, сразился съ Нѣмцами подъ стѣнами города, на берегу рѣки Великой, вогналъ ихъ въ воду и многихъ захватилъ въ плѣнъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, 20 мая 1299 года, послѣ тяжелой болѣзни, св. Довмонтъ скончался. Горько плакалъ весь народъ Псковскій, погребая тѣло его подъ сводами соборнаго храма Св. Троицы, „за которую“, по словамъ лѣтописца, „онъ много потрудился“. — Спустя годъ, мирно почилъ и блаж. супруга его Марія, въ иночествѣ Марѳа ¹⁷⁾.

Псковичи вѣрили, что мужественный и благочестивый князь ихъ—

¹⁴⁾ Стѣна изъ плитняка, примыкающая къ южной сторонѣ Псковскаго Кремля, донинѣ называется Довмонтовою стѣною.

¹⁵⁾ Св. кн. Довмонтъ построилъ во Псковѣ въ память побѣдъ своихъ два храма св. Теодора Стратилата и великомученика Георгія. Оба эти храма давно уже не существуютъ. Предтеченскій женскій монастырь, основанный блаж. Евпраксією, теткою св. Довмонта, получилъ отъ щедрости его разныя угодья.

¹⁶⁾ Въ это время сожжены Нѣмцами два монастыря: Свѣтогорскій въ 4 верстахъ отъ Пскова на берегу р. Великой и Спасо-Мирожскій въ Завеличѣ. Въ первомъ изъ нихъ умерщвленъ основатель его, преп. игумень Иоасафъ, а въ послѣднемъ—преп. игумень Василій, съ многими черноризцами, нищими, женщинами и дѣтьми. Мощи преп. Иоасафа почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Свѣтогорскаго монастыря, а въ особомъ ковчегѣ открыто хранятся двѣ кости и глава его. Преп. игумень Василій погребенъ въ Мирожской обители, но мѣсто могилы его позабыто.

¹⁷⁾ Благовѣрная княгиня-инокиня Марѳа по кончинѣ св. князя Довмонта постриглась въ Предтеченской обители и преставилась тамъ въ 1300 году. Она погребена на южной сторонѣ древняго Предтеченскаго храма и въ рукописныхъ святцахъ показана въ числѣ святыхъ: память ея мѣстно читается 6 ноября. На чудотворной Мирожской иконѣ, прославленной чудесами въ 1567 году, представлены молящимися: по правую руку Богоматери—св. князь Довмонтъ, а по лѣвую—блаж. княгиня Марія.

угодникъ Божій и небесный заступникъ города, въ которомъ княжилъ. Предъ битвою съ врагами они обращались съ молитвою къ св. князю Довмонту¹⁸⁾. Въ 1480 году, когда Нѣмцы, въ числѣ ста тысячъ, осадили Псковъ, св. князь Довмонтъ явился во снѣ одному благочестивому мужу и сказалъ ему: „возьмите одѣяніе (покровъ) гроба моего, обнесите его три раза вокругъ города съ крестнымъ ходомъ, молитесь и не бойтесь“. Исполнивъ волю св. князя, Псковитяне смѣло вступили въ бой съ врагами и принудили ихъ снять осаду¹⁹⁾.

---

¹⁸⁾ Въ 1374 году Псковитяне построили храмъ во имя св. князя Довмонта.

¹⁹⁾ Дубовая гробница, заключающая въ себѣ мощи св. Довмонта, имѣетъ видъ високаго ящика, самой простой работы, съ изображеніемъ блаж. князя на верхней доскѣ. Она перенесена (неизвѣстно когда) изъ нижней церкви въ верхнюю и поставлена въ придѣлѣ св. князя Всеволода, на южной сторонѣ, у окна. Въ простѣнкѣ близъ гробницы стоитъ древняя икона св. Довмонта и виситъ знаменитый мечъ его—предметъ особеннаго уваженія Псковитянъ, которые вручали его князьямъ, возводимымъ на княженіе въ соборномъ храмѣ Св. Троицы. Этотъ мечъ, такъ же, какъ и мечъ св. Всеволода-Гавріила, имѣетъ форму креста, но онъ не такъ великъ, и отдѣлка его не такъ изящна; оба они несятся въ крестныхъ ходахъ. Рисунокъ меча св. Довмонта—въ книгѣ моей: «Святѣни и древности Пскова». Служба блаж. князю Довмонту составлена въ концѣ XVI вѣка, послѣ спасенія Пскова отъ нашествія Баторія.

Г Л А В А IV.

Борьба между Тверью и Москвою.—Страдальческая кончина в. к. Михаила Ярославича Тверскаго въ ордѣ.—Горестная судьба потомковъ его.—Облегченіе ига при великомъ княженіи Іоанна Даниловича Калиты.—Кончина блаж. митрополита Максима.—Св. митрополитъ Петръ.—Возвышеніе Москвы.—Смерть Іоанна Калиты.

Какъ жизнь, такъ и кончина великаго князя Андрея Александровича были несчастіемъ для Русской земли. Явились два искателя великаго княженія: князь Михайль Ярославичъ Тверской и князь Георгій Даниловичъ Московскій; первый изъ нихъ имѣлъ болѣе правъ, какъ внукъ Ярослава Всеволодовича и двоюродный дядя Георгія, слѣдовательно старѣйшій въ родѣ. Это, по понятіямъ того времени, казалось неоспоримымъ, и бояре великокняжескіе, похоронивъ тѣло Андрея въ Городцѣ Воложскомъ, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила съ престоломъ Владимірскимъ. Новгородцы также признали его своимъ княземъ, съ условіемъ, если ханъ утвердитъ за нимъ великое княженіе. Тщетно блаженный митрополитъ Максимъ уговаривалъ Георгія не искать великаго княженія и обѣщаль ему именованіемъ вдовствующей княгини Ксеніи, матери Михаила, предоставить ему на выборъ нѣсколько городовъ въ прибавокъ къ Московской области. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ хану; началась продолжительная кровавая борьба между Москвою и Тверью.

Сначала Михайль превозмогъ соперника и пріѣхалъ съ ханскою грамотой во Владиміръ. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ смирить Георгія оружіемъ и дважды приступалъ къ Москвѣ; но не могъ взять ее. Это еще болѣе усилило взаимную злобу, пагубную для обоихъ князей. Впрочемъ лѣтописцы оправдываютъ Михаила и винятъ князя московскаго, который заслужилъ всеобщую ненависть гнуснымъ злодѣйствомъ: онъ велѣлъ зарѣзать Рязанскаго князя Константина, находившагося у него въ плѣну.

Нѣсколько лѣтъ Михайль властвовалъ спокойно и жилъ большею частію въ Твери, управляя великимъ княженіемъ и Новгородомъ чрезъ намѣстниковъ. Между тѣмъ Георгій въ ордѣ три года билъ челомъ вельможамъ ордынскимъ, дарилъ ихъ, и, наконецъ, умѣлъ снискать милость новаго хана Узбека, который выдалъ за него замужъ любимую сестру свою Кончаку, названную въ крещеніи Агаѳією, объявилъ

его великимъ княземъ и далъ ему войско. Въ сопровожденіи Монголовъ и воеводы ихъ Кавгадыя, Георгій возвратился въ отечество и хотѣлъ немедленно завоевать Тверь.

Михаилъ отправилъ посольство къ племяннику и велѣлъ сказать ему: „будь великимъ княземъ, если такъ угодно царю; но оставь меня спокойно княжить въ моемъ наслѣдїи; ступай во Владимірѣ и отпусти войско“. Георгій вмѣсто отвѣта опустошалъ съ Татарами Тверскую область. Михаилъ призвалъ на совѣтъ епископа и бояръ: „судите меня съ племянникомъ говорилъ онъ,—не самъ ли ханъ утвердилъ меня на великомъ княженіи, а теперь отдалъ его Георгію? Я не спорю противъ воли ханской, а Георгій ищетъ головы моей, терзаетъ наслѣдственную мою область. Скажите, кто изъ насъ виноватъ?“—Епископъ и бояре единогласно отвѣтили ему: „ты правъ, государь, передъ лицомъ Божиимъ: возьми мечъ праведный и иди на врага; съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя“.—„Не за меня одного,—сказалъ Михаилъ,—но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни“. Открылась кровопролитная битва, и Михаилъ обратилъ въ бѣгство враговъ своихъ, освободивъ множество Тверитянъ, взятыхъ въ неволю Татарами. Жена Георгія и Кавгадый попались въ плѣнъ. Первая, къ несчастію, скорѣе умерла скоропостижно, и враги Михайловы распустили слухъ, будто бы она отравлена ядомъ.

Не желая продолжать кровопролитія, Михаилъ отпустилъ Кавгадыя съ богатыми дарами къ хану и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ орду на судъ. Увѣренный въ правотѣ своей, онъ не спѣшилъ и спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія. Между тѣмъ коварный племянникъ предупредилъ дядю и успѣлъ, при помощи Кавгадыя, очернить его передъ Узбекомъ.

Наконецъ и Михаилъ собрался въ орду Принявъ благословеніе отъ епископа Варсонофія, помолившись и благословивъ дѣтей, онъ отправился въ путь. Благочестивая супруга, княгиня Анна, проводила его до береговъ Нерли; тамъ онъ исповѣдался предъ духовникомъ и открылъ ему свою тайную мысль: „я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злбныхъ междоусобій; буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ землю Русскую“.

Во Владимірѣ, куду провожали Михаила два старшихъ сына: Димитрій и Александръ, посолъ ханскій объявилъ ему гнѣвъ Узбека: сыновья умоляли отца не ѣздить въ Орду, но послать ихъ вмѣсто себя, чтобы умилостивить хана. „Царь требуетъ меня, а не васъ,—отвѣчалъ Михаилъ,—за мое послушаніе падеть много головъ христіанскихъ; тогда и я не избѣгну смерти; не лучше ли теперь положить душу за братію?“ Онъ написалъ завѣщаніе, распредѣлилъ удѣлы сыновьямъ, далъ имъ отеческое наставленіе и отпустилъ ихъ въ Тверь.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Сурожскаго (Азовскаго), при устьяхъ Дона, вручилъ дары хану и шесть недѣль жилъ спокойно въ ордѣ. Вдругъ ханъ велѣлъ судить Михаила съ Георгіемъ. Въ числѣ

судей были Кавгадый и вельможи ханскіе, подкупленные Московскимъ княземъ. Въ первомъ засѣданіи суда обвиняли Михаила въ неискравномъ платежѣ дани; въ этомъ онъ легко оправдался. Во второе засѣданіе привели его уже скованнымъ и объявили ему двѣ новыя вины, сказывая, что онъ обнажилъ мечъ на посла ханскаго и опоилъ ядомъ ордынскую царевну. „Въ битвахъ не узнаютъ пословъ, — отвѣчалъ Михаилъ, — но я спасъ Кавгадыя и отпустилъ его съ честію. Въ смерти Кончаки я невиненъ; какъ христіанинъ, свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія“. Судьи не слушали его, удалили отъ него вѣрныхъ его слугъ и наложили ему на шею колодку.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека. Вся орда тронулась за ханомъ; всѣмъ за нею повлекли и Михаила. Страдалецъ, обремененный цѣпями и тяжелою колодкой, терпѣлъ уничтоженіе и муку съ удивительною твердостью; спокойно готовясь къ смерти, онъ нѣсколько разъ причащался св. Таинъ; проводилъ ночи въ молитвѣ и чтеніи Псалмовъ Давидовыхъ, при чемъ отрокъ княжескій держалъ книгу и перевертывалъ листы. Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему бѣгство, говоря, что кони и проводники готовы. Князь отвѣчалъ: „не дай Богъ и думать о томъ; спасусь самъ, а народъ мой подвергну бѣдѣ; что же будетъ ждать меня тамъ? Да будетъ воля Божія!“

Орда кочевала уже далеко за Терекомъ близъ Дербента, когда Узбекъ утвердилъ смертный приговоръ Михаилу. Страдалецъ не ужаснулся смерти. Отслушавъ утреню (съ нимъ были игумень и два священника), онъ благословилъ сына своего Константина (котораго прислалъ передъ собой въ орду) и передалъ ему на словахъ все, что было въ сердцѣ его завѣтнаго, къ супругѣ, дѣтямъ и братьямъ. „Дай мнѣ теперь Псалтирь, — сказалъ онъ, — прискорбна душа моя до смерти!“ Разогнувъ книгу, онъ прочелъ слова: „сердце мое смятется во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя“. Душа его невольно содрогнулась. Игумень сказалъ ему: въ томъ же псалмѣ написано— „возверзи на Господа печаль твою“. — Князь продолжалъ: „кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу и почию?“ Онъ закрылъ книгу. Въ ставку вбѣжалъ одинъ изъ отроковъ княжескихъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая, что князь Георгій, Кавгадый и толпа народа приближаются къ шатру. „Вѣдаю для чего“, отвѣчалъ Михаилъ и поспѣшилъ отправить юнаго сына къ супругѣ Узбека, падѣясь, что она сбережетъ его.

Недалеко отъ шатра, на плащадѣ, остановились Георгій и Кавгадый, отрядивъ палачей на убійство. Всѣхъ людей княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Убійцы повергли его на землю, мучили, били пятами; наконецъ, одинъ изъ нихъ, по имени Романецъ (вѣроятно, отступникъ), вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Это было 22 ноября 1319 года. Тѣло св. страстотерпца лежало нагое, пока народъ, по обычаю Татарскому, грабилъ имущество князя. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему:

„онъ твой дядя; оставишь ли трупъ его на поруганіе?“ Тогда Георгій приказалъ слугѣ покрыть тѣло ¹⁾.

Память Михаила была священна для современниковъ; великодушный въ бѣдствіяхъ, онъ заслужилъ славное имя „отечестволюбца“. Всѣ жалѣли его искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные Тверитяне. Онъ любилъ ихъ, какъ отецъ, и возвеличилъ Тверское княженіе. Св. Михаилъ отличался добродѣтелями семейными, нѣжною привязанностію къ супругѣ ²⁾, къ дѣтямъ и особенно къ матери, умной и добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ духѣ благочестія ³⁾.

¹⁾ Георгій отправилъ тѣло св. Михаила въ Москву. На пути, въ торговомъ городѣ Маджаряхъ, на р. Кумѣ, купцы, знавшіе лично Михаила, желали внести гробъ въ церковь, но бояре Георгіевы поставили его въ хлѣвъ. Въ Москвѣ погребли тѣло въ кремлевской Спасской обители. По просьбѣ вдовы и сыновей убіеннаго, Георгій согласился наконецъ опустить драгоценныя останки въ Тверь. Вдовствующая княгиня Анна съ сыновьями, духовенство и народъ встрѣтили гробъ великаго князя на берегу Волги. Снявъ крышку гроба, они съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденных ни дальнимъ путемъ, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Св. мощи были преданы землѣ въ соборномъ храмѣ, а въ 1765 году обрѣтены нетлѣнными и поставлены открыто въ томъ же храмѣ подлѣ иконостаса, съ правой стороны. Наружность св. князя Михаила по старинному подлиннику: волосы съ просѣдью, борода густая, на головѣ шапка, въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ (Буслаева очерки слов. и искус. II, 357).

²⁾ Блаж. княгиня Анна Дмитріевна, дочь князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго сочеталась бракомъ съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ въ 1294 году. Послѣ страдальческой кончины супруга она приняла постриженіе съ именемъ Софіи въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ и пребывала то въ Твери, то въ Кашинѣ, удѣлѣ меньшаго сына своего Василія, до блаженной своей кончины, послѣдовавшей 2 сентября 1338 года. Въ XVII вѣкѣ, по волѣ царя Алексія и патріарха Іоасафа, мощи княгини-инокини, обрѣтенныя нетлѣнными, перенесены митрополитомъ Ростовскимъ Варлаамомъ изъ Капшинской Успенской церкви въ соборный храмъ того же города. А въ 1677 году, по желанію царя Теодора, патріархъ Іоакимъ посылалъ въ Кашинъ духовныхъ лицъ для освидѣтельствованія мощей и изслѣдованія записанныхъ чудесъ; затѣмъ вмѣстѣ съ бывшими въ Москвѣ архіереями и другими властями сравнивалъ житіе блаженной княгини, написанное дячкомъ Никифоромъ Варлаамовымъ съ лѣтописями, и нашелъ много несогласій. Чудеса, приписанныя къ житію, оказались сомнительными и самое нетлѣніе мощей и одеждъ при осмотрѣ не подтвердилось. А потому присутствовавшіе на соборѣ святители рѣшили отложить сопричисленіе блаженной Анны къ лику святыхъ «до подлиннаго извѣщенія, егда аще впредь Богъ объявитъ и утвердитъ». Вслѣдствіе того рака благовѣрной княгини запечатана, иконы ея, служба и житіе отобраны и спрятаны архіепископомъ Тверскимъ, пѣніе молебновъ воспрещено, храмъ, созданный во имя ея въ Кашинѣ, освященъ вновь во имя Всѣхъ Святыхъ. Соборное дѣяніе о блаж. княгинѣ Аннѣ находится въ Моск. Синод. библиотекѣ (Сборникъ № 684, л. 381—415). Съ того времени мощи почитаютъ подъ слудомъ, а память благовѣрной княгини мѣсто читается 2 октября.

³⁾ Княгиня Ксенія, супруга князя Ярослава Ярославича, была дочь какого-то Новгородца Юрія Михайловича, а въ житіи св. Михаила Тверскаго помѣщенъ разсказъ, что отецъ его Ярославъ, ловя звѣрей на берегу Волги, близъ села Едимова, встрѣтилъ красавицу Ксенію, дочь причетника, и женился на ней, хотя она была уже невѣстою служившаго при немъ отрока Григорія. Григорій послѣ того удалился отъ свѣта и основалъ близъ Твери Отрочъ монастырь (Карамз. IV, прим. 118, Ист. Росс. Іерар. V, стр. 419). Ксенія скончалась въ 1312 году, принявъ постриженіе, и погребена въ Тверскомъ соборномъ храмѣ. Въ ризницѣ этого собора хранится древній образъ св. князя Михаила и блаж. матери его Ксеніи, которые представлены держащими въ рукахъ городъ (Тверь). Снимокъ съ этого образа приложенъ къ книгѣ священника А. Соколова: «Св. кн. Ми-

Вскорѣ злодѣй Кавгадый погибъ внезапно; чрезъ нѣсколько лѣтъ Провидѣніе наказало и коварную жестокость Георгія. Въ 1325 году Георгій встрѣтилъ въ ордѣ князя Димитрія, старшаго сына св. Михаила. Пылкій юноша, носившій прозваніе „Грозныя Очи“, затрепеталъ отъ ужаса и гнѣва при видѣ убійцы отца и вонзилъ мечъ по рукоятку въ грудь Георгія передъ глазами хана. Георгій испустилъ духъ, а Димитрій былъ казненъ въ ордѣ. Великое княженіе было предоставлено сначала Александру Михайловичу Тверскому и вскорѣ потомъ, когда онъ избилъ татаръ въ Твери ⁴⁾, Іоанну Даниловичу Московскому.

Іоаннъ Даниловичъ напоминалъ собою благочестиваго родителя, св. князя Даниила, а не коварнаго брата своего Георгія. При немъ, какъ выражаются лѣтописцы, „миръ и тишина воцарились въ землѣ Русской“. Монголы перестали, наконецъ, опустошать города и села и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; христіане на 40 лѣтъ отдохнули отъ истомы и насилій. Узбекъ и его преемники, довольствуясь опредѣленною данью, перестали посылать воеводъ своихъ на грабежъ Русскихъ удѣловъ: они были заняты дѣлами Востока и внутренними безпокойствами орды. Еще отечество наше сѣтовало въ униженіи; головы князей еще падали въ ордѣ по мановенію хановъ. Но земледѣльцы могли уже спокойно трудиться на нивахъ, купцы ѣздить съ товарами изъ города въ городъ, бояре наслаждаться избыткомъ.

Эта благословенная перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая, съ временъ Іоанна, становится сердцемъ Россіи, истинною матерью городовъ Русскихъ, замѣняя собою древній первопрестольный Кіевъ, который, вмѣстѣ съ другими южными удѣлами, почти въ то же время перешелъ подъ власть язычника Гедимина ⁵⁾.

Мы видѣли, что прежніе великіе князья предпочитали свои наследственные удѣлы Владиміру, совершая въ немъ только обрядъ возведенія на престолъ великокняжескій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переяславль-Залѣскомъ, Михаилъ Ярославичъ—въ Твери. По той же привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даниловичъ не захотѣлъ выѣхать изъ Москвы, тѣмъ болѣе, что тамъ находилась уже и кафедра Русской митрополіи.

Блаженный митрополитъ Максимъ испыталъ много скорби во время своего архипастырства. Жизнь его была скитальческая: разбѣзая

халкъ Тверскій. Тверь. 1864». Мѣстные жители почитаютъ память княгини Ксеніи, какъ молитвенницы за родину.

⁴⁾ Въ 1327 году посолъ и родственникъ ханскій Шевкаль явился въ Тверь съ многочисленными толпами грабителей. Разнесся слухъ, вѣроятно, ложный, что онъ хочетъ умертвить князя Александра Михайловича съ братьями и обратитъ Тверитянъ въ магометанство. Александръ, вооруживъ народъ напалъ на Татаръ, перебилъ значительную часть войска Шевкала и сжегъ его самого съ остаткомъ дружины во дворцѣ, гдѣ заперлись Татары; ханъ послалъ Іоанна Московскаго съ другими князьями для усмиренія Александра, который долженъ былъ бѣжать и укрыться въ Псковѣ.

⁵⁾ Гедиминъ, великій князь Литовскій, въ это время завоевалъ южные и югозападные удѣлы Россіи; Кіевъ достался ему въ 1321 году (Ист. Карамз., т. IV стр. 127—130. Нарбутъ въ исторіи Литовскаго народа т. IV, стр. 484—491).

по отдаленнымъ епархіямъ своей паствы, онъ долго не могъ найти себѣ постояннаго мѣста жительства. Въ Кіевѣ нельзя было жить ему при непрестанныхъ грабежахъ и насиліяхъ татарскихъ; а переселеніемъ на сѣверъ онъ опасался оскорбить князей южныхъ и, сверхъ того, на сѣверѣ непрочно было мѣсто престола великокняжескаго: онъ былъ то во Владимірѣ, то въ Переяславлѣ, то въ Твери. Блаж. первосвятитель проливалъ теплыя молитвы предъ Богоматерью объ указаніи ему воли Божіей, и всеблагая Матерь страждущихъ утѣшила его своимъ явленіемъ, въ которомъ указала Максиму мѣсто успокоенія во Владимірѣ. Сюда переселился онъ въ 1299 году и здѣсь преставился ⁶⁾. По кончинѣ его южные князья обратились къ патріарху Константинопольскому съ просьбою объ учрежденіи особой митрополіи для южныхъ областей Русскихъ. Это порученіе возложено было на игумена Ратскаго монастыря на Волыни, Петра, о которомъ князья (тайно отъ него самого) писали къ патріарху, чтобы онъ рукоположилъ этого игумена на южную митрополію. Между тѣмъ явился соперникъ Петру: нѣкто игумень Геронтій ⁷⁾ отправился въ Царь-градъ просить митрополіи Русской лично для себя; но Промыслъ Божій устроилъ такъ, что смиренный Петръ получилъ то, чего напрасно домогался властолюбивый Геронтій. Тотъ, кто ничего не искалъ для себя, поставленъ въ санъ первосвятителя всѣхъ областей Русскихъ; потому что Геронтій, задержанный бурей, замедлил на дорогѣ, а патріархъ не захотѣлъ раздѣлить митрополіи.

Великій во святителяхъ св. митрополитъ Петръ ⁸⁾ съ самой ранней юности былъ строгимъ подвижникомъ благочестія. Двѣнадцати лѣтъ вступилъ онъ въ монастырь и былъ образцомъ въ исполненіи послушаній монастырскихъ и въ подвигахъ молитвы и поста. Удостоенный сана пресвитерскаго, онъ началъ учиться иконному писанію, по-

⁶⁾ Митрополитъ Максимъ скончался во Владимірѣ въ 1305 году и только одинъ изъ первосвятителей Русскихъ погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Надъ гробницею его стоитъ чудотворная икона Божіей Матери, называемая Максимовскою, на которой, кромѣ Богоматери, изображенной во весь ростъ, представленъ въ маломъ видѣ и самъ митрополитъ Максимъ, принимающій омофоръ изъ рукъ Пресв. Богородицы. Эта икона написана по видѣнію блаж. Максима, о семъ свидѣтельствуется и надпись на ней (Описаніе Владим. достопамятностей іер. Іоасафа, стр. 87). Въ рукоп. святцахъ митр. Максимъ названъ святымъ и чудотворцемъ. Въ подлинникахъ наружность его описывается такъ: подобіемъ русь, брада Златоустава (т. е. продолговатая, какъ изображается на иконахъ св. Іоанна Златоустаго), въ бѣломъ клубукѣ; сакъ (саккосъ) лазоревый, съ омофоромъ и евангелиемъ» (Буслаева Очерки Словес. и Иск. ч. II, стр. 354). Послѣ него сохранилось «Правило о постахъ, съ увѣщаніемъ жить съ женами въ законномъ бракѣ, а не безъ вѣнчанія» (Востокова опис. Румянц. Музея, стр. 305—321).

⁷⁾ Геронтій вѣроятно былъ присланъ для посвященія кѣмъ-либо изъ сѣверныхъ князей. Нельзя думать, чтобы онъ самъ могъ принудить идти за собою церковныхъ сановниковъ (вѣроятно бояръ митрополичьихъ) и захватить утварь святительскую (статья г. Карпова о святомъ Петрѣ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1684, кн. III стр. 2—28).

⁸⁾ Житіе митрополита Петра составлено однимъ изъ его преемниковъ, св. митр. Кипріаномъ (помѣщено въ Стѣп. Книгѣ ч. I, стр. 410—424). Другое, болѣе древнее житіе, писанное современникомъ, Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ—въ Синод. рукоп. № 324

тому что находилъ услажденіе всегда взирать на св. изображенія Господа Иисуса Христа, пречистой Его Матери и св. угодниковъ и, взирая на нихъ, возноситься умомъ къ самимъ изображаемымъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ иноческихъ подвиговъ, св. Петръ самъ основалъ монастырь на избранномъ имъ уединенномъ мѣстѣ близъ рѣки Рати, создалъ въ немъ церковь во имя Спасителя и, собравъ немалое число братій, словомъ и дѣломъ поучалъ ихъ жизни по Богѣ. Новое званіе открыло въ немъ новыя добродѣтели: онъ былъ кротокъ въ назиданіи, безгнѣвенъ въ обличеніи согрѣшающихъ, щедръ и милостивъ въ презрѣннѣи убогихъ; если не имѣлъ чего другого, то раздавалъ требующимъ свои иконы, и отдавалъ свою власяницу.

Извлеченный изъ мирной обители на чреду первосвятительства (1308), св. Петръ встрѣтилъ не мало огорченій. Онъ видѣлъ татарскій набѣгъ въ Брянскѣ и самъ принужденъ былъ искать безопасности въ храмѣ, былъ холодно принятъ князьями сѣверными, которые не знали его и, наконецъ, подвергся клеветѣ, отъ которой долженъ былъ оправдываться на соборѣ. Тверскій епископъ Андрей, сынъ Герденя, князя Литовскаго, тайно послалъ къ патріарху доносъ, въ которомъ ложно взводилъ на митрополита какія-то тяжкія вины. Какъ человѣкъ легко-вѣрный и честолюбивый, онъ могъ завидовать Петру и, епископствуя въ той области, гдѣ жилъ великій князь, могъ самъ желать для себя митрополичьяго престола.

Патріархъ не повѣрилъ обвиненію, но для изслѣдованія дѣла прислалъ одного изъ своихъ клириковъ, требуя оправданія. Созванъ былъ соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; прибыли епископы Ростовскій и Тверскій, знатнѣйшіе игумены и пресвитеры. Изъ числа князей были тверскіе — Димитрій и Александръ Михайловичи и московскій Іоанпъ Даниловичъ. Прочитанъ былъ присланный къ патріарху доносъ; онъ произвелъ сильное волненіе въ присутствовавшихъ. Чтобъ укротить смятеніе, невинный святитель, подобно св. Григорію Богослову, предложилъ: „возлюбленные братія и чада о Христвѣ! я не лучше пророка Іоны. Если изъ-за меня такое великое волненіе, извергните меня изъ среды своей“. Наконецъ, истина восторжествовала; всѣ желали узнать имя клеветника. Когда открылось, что это епископъ Андрей, то всѣ обратились противъ него съ укоризною и посрамленіемъ. Одинъ только смиренный святитель Петръ принялъ его подъ свою защиту и сказалъ ему слова любви: „миръ тебѣ, чадо. Не ты сіе сотворилъ, но древній завистникъ рода человѣческаго, диаволь. Отнынѣ блюдишь лжи, а прошедшее да проститъ тебѣ Господь“⁹⁾.

Между тѣмъ св. Петру готовился новый тяжкій подвигъ; онъ долженъ былъ отправиться въ орду, чтобы получить отъ новаго хана Узбека подтвержденіе прежнихъ грамотъ, освобождающихъ духовенство отъ дани, и чтобы предупредить пословъ папы, которые могли

⁹⁾ Клеветникъ епископъ Андрей остался ненаказаннымъ; кромѣ смиренія и кротости св. Петра, тутъ могла быть еще другая причина: нежеланіе усилить раздоръ между Тверскими и Московскими князьями осужденіемъ Тверскаго епископа (та же статья г. Карпова, стр. 8—9).

испросить себѣ уха на вредныя для православія преимущества въ южныхъ областяхъ Руси. Богъ благословилъ путешествіе святителя полнымъ успѣхомъ, и св. Петръ, принятый ханомъ съ великими почестями, получилъ отъ него подтвержденіе всѣхъ прежнихъ правъ клира ¹⁰⁾.

Устроивъ такимъ образомъ внѣшнія дѣла Церкви, онъ тѣмъ съ большею ревностью заботился о внутреннемъ ея благосостояніи: объѣзжалъ епархіи, не стѣняясь ни болѣзнями тѣлесными, ни преклонною старостію; поучалъ ввѣренное ему стадо словомъ ¹¹⁾ и примѣромъ, щедро благотворилъ бѣднымъ и обличалъ противниковъ истины. Къ этому времени жизнеописатель св. Петра относитъ обличеніе и осужденіе еретика Сеита ¹²⁾.

Самымъ важнымъ изъ дѣлъ великаго святителя Петра было переселеніе его въ Москву: онъ положилъ прочное основаніе мира и будущаго величія Россіи, когда перенесъ первосвятительскую кафедру изъ Владиміра въ Москву и принесъ съ собою новой столицѣ Русской благословеніе Божіе. Жизнеописатель св. Петра повѣствуетъ, что въ Москву привлекла его любовь къ князю Іоанну Даниловичу, извѣстному миролюбивымъ, набожностію и щедростію къ бѣднымъ. Въ 1325 году св. Петръ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ по его желанію происходила закладка храма въ честь Успенія Пресвятой Богородицы. Убѣждая князя къ сооруженію этой соборной церкви, св. Петръ пророчески говорилъ ему: „если послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей, и градъ твой будетъ славенъ предъ всѣми градами Русскими, и святители проживутъ въ немъ, и въздутъ руки его на плечи враговъ его, и прославится Богъ въ немъ“. Князь съ усердіемъ приступилъ къ совершенію дѣла благоугоднаго: быстро воздвигаемы были стѣны храма. Но еще скорѣе приближался къ концу своему блаженный святитель. Онъ только успѣлъ заложить себѣ каменный гробъ въ новой церкви, но не освятилъ ея. Незадолго до блаженной кончины первосвятителя

¹⁰⁾ Ярлыкъ, выданный въ Ордѣ митрополиту Петру, напечатанъ въ собр. гос. грам. (т. II, № 7). Вотъ его содержаніе: 1) признается полная свобода православной вѣры и неприкосновенность всего церковнаго; 2) подробно исчисляются лица и имущества, принадлежащія церкви; 3) духовенство освобождается отъ даней; 4) предоставляется митрополиту право церковнаго суда; 5) за нарушеніе всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ назначается смертная казнь; 6) митрополиту и духовенству вмѣняется въ обязанность молиться Богу за хана, семейство и воинство его, и наконецъ 7) въ заключеніе ярлыка сказано, что онъ выданъ по примѣру прежнихъ ярлыковъ, данныхъ отъ бывшихъ хановъ.

¹¹⁾ Послѣ святителя Петра сохранился драгоценный памятникъ пастырской его попечительности о стадѣ Христовомъ—поученіе духовенству. Оно напечатано по древнимъ спискамъ въ Прибав. къ Твор. св. отц. 1844 г., стр. 85—90.

¹²⁾ Незвѣстно, кто былъ Сеитъ и въ чемъ состояла ересь его. Татищевъ говоритъ, что Сеитъ отвергалъ существованіе рая на землѣ и возставалъ противъ монашества, что къ нему пристали многіе изъ иноковъ, оставили монашество и женились, что епископъ Андрей принялъ его ученіе по легкомыслію. По замѣчанію преосв. Макарія (Ист. русск. церкви IV, стр. 313), извѣстіе о еритикѣ Сеитѣ читается различно; въ Степенной книгѣ: «и Сеитъ еретикъ явился», а въ Никоновской лѣтописи: «и се ииъ еретикъ», т.-е. другой послѣ епископа Андрея, о которомъ сказано выше. Можетъ быть изъ словъ «се ииъ» какой-нибудь переписчикъ составилъ собственно имя—Сеитъ.

Петра, князь Іоанпъ видѣлъ сонъ: представилась ему высокая гора и на вершинѣ ея снѣгъ; но вдругъ снѣгъ растаялъ и исчезъ. Рассказавъ объ этомъ сновидѣніи святителю, князь услышалъ отъ него такое объясненіе: „гора высокая—это ты, князь; а снѣгъ—это я смиренный. Мнѣ прежде тебя должно отойти изъ сей жизни въ вѣчную“¹³⁾. Вскорѣ послѣ того святитель почувствовалъ приближеніе блаженной кончины. Князя Іоанна Даниловича тогда не было въ Москвѣ; св. Петръ призвалъ къ себѣ тысяцкаго Протасія Вельяминова и сказалъ ему: „чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой успокоилъ меня въ старости, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семь и даруетъ ему животь вѣчный, и не оскудѣютъ отъ сѣмени его обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится“. Послѣ того святитель предоставилъ все свое стяженіе на строеніе соборной церкви, простился со всѣми, началъ пѣть вечерню и во время пѣнія, съ молитвою на устахъ и съ воздѣтыми къ небу руками, преставился 21 декабря 1326 года. Мощи его положены были въ гробницѣ, которую онъ себѣ приготовилъ; чудеса отъ мощей открылись при самомъ погребеніи и не прекращались послѣ того¹⁴⁾. Преемникъ св. Петра, митрополитъ Теогность, родомъ Грекъ, прибылъ изъ Царьграда въ 1328 году.

Вскорѣ начало сбываться пророчество святителя. При любимомъ его князѣ Іоаннѣ Москва стала возвышаться надъ старинными городами; парвосвятители утвердились на каѳедрѣ Московской. Единодержавная власть великаго князя Московскаго возрастала и усиливалась въ потомствѣ Іоанна и облеклась наконецъ порфирію царскою. Вѣрная Москва, съ любовію почитая память перваго своего святителя и сохраняя въ первопрестольномъ храмѣ своемъ нетлѣнныя его мощи, какъ залогъ своего благоденствія, благоговѣнно соблюла св. иконы, имъ написанныя, панагію его и жезлъ пастырскій¹⁵⁾. Св. церковь взы-

¹³⁾ Объ этомъ сновидѣніи повѣствуется въ житіи Пафнутія Боровскаго, писанномъ архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ Санинымъ (Рукопись Лаврской библ. № 692, л. 177—196).

¹⁴⁾ Празднованіе памяти святителя Петра установлено митрополитомъ Теогностомъ, съ согласія патріарха. При нашествіи Тохтамыша татары раскрыли гробницу св. Петра, думая найти въ ней сокровища. Съ того времени мощи его почивали открыто, но послѣ нашествія Ляховъ, похитившихъ драгоцѣнную серебряную раку, положены подъ слудомъ и оставались въ этомъ положеніи до 1812 года. Тогда Наполеонъ расторгнулъ гробницу святителя, вѣроятно, съ такимъ же умысломъ, какъ и Тохтамышъ. Съ дозволенія св. Синода, Московскій архіепископъ Августинъ торжественно открылъ нетлѣнныя мощи и обносилъ ихъ вокругъ Успенскаго собора при освященіи его 30 августа 1813 года (Памяти. Моск. древ., стр. 6—7). Память св. Петра празднуется 21 декабря въ день преставленія, 24 августа, въ память перенесенія мощей въ новопостроенный Успенскій соборъ въ 1471 году, и 5 октября, совокупно съ святителями Алексіемъ и Іоною.

¹⁵⁾ Храмовая икона Успенія Божіей Матери, писанная св. Петромъ, стоитъ въ иконостасѣ Успенскаго собора подлѣ мѣстнаго чудотворнаго образа Всемилоствяга Спаса. Тамъ же, въ придѣлѣ первоверховныхъ апостоловъ, находится икона Богородицы, именуемая Петровскою, та самая, которую св. Петръ, еще игумень Ратскій, поднесъ предмѣстнику своему, блаж. митрополиту Максиму. У патріаршаго мѣста поставленъ архипастыр-

ваетъ къ святителю Петру устами благодарной его паствы: „Ты явился новымъ чудотворцемъ, богоносный Петръ, подавая исцѣленія всѣмъ, притекающимъ къ тебѣ съ вѣрою, и невидимо посѣщая людей Христовыхъ; ты просвѣщаешь землю нашу, и мы единодушно взываемъ къ тебѣ: радуйся, жилище свѣта безстрастнаго! Радуйся, прогонитель страстей темныхъ! Радуйся, разрушившій козни демоновъ! Радуйся, возвеселившій лики ангельскіе! Радуйся, высота чистаго боговѣдѣнія! Радуйся, глубина смиренія, омывающая болѣзни! Радуйся, пастырь и учитель земли Русской! Радуйся, возвеличившій державу князей нашихъ! Радуйся, преславный источникъ чудотвореній! Радуйся, утвержденіе града нашего!—Свѣтло ликуй, преславный градъ Москва, имѣя въ себѣ святителя Петра—зарю солнечную, озаряющую чудесами всю землю Русскую: онъ врачуетъ немощи и прогоняетъ недуги вопіющихъ ему: радуйся, Іерархъ Бога Вышняго, чрезъ тебя посѣщающаго паству твою“¹⁶⁾.

Послѣ преставленія святителя Петра великій князь Іоаннъ Даниловичъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. По волѣ хана Узбека, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ другими князьями ополчиться противъ Псковитянъ, которые не хотѣли выдать Александра Тверскаго, между тѣмъ какъ ханъ требовалъ его къ суду своему. Іоаннъ шелъ медленно, надѣясь, что жители Пскова образумятся; наконецъ видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнувъ къ другому способу: избѣгая кровопролитія бесполезнаго, онъ склонилъ митрополита Феогноста положить клятву церковную на Александра и на всѣхъ Псковитянъ, если они не покорятся. Тогда Александръ созвалъ вѣче и, сказавъ: „да не будетъ проклятіе на друзьяхъ и братьяхъ моихъ ради меня“,—удалился въ Литву. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ самъ добровольно рѣшился ѣхать въ Орду и явился къ Узбеку. „Царь верховный,—сказалъ онъ хану,—я заслужилъ гнѣвъ твой: милуй меня или казни. Если помилуешь, прославлю Бога и твое великодушіе. Если хочешь головы моей—вотъ она предъ тобою!“.—Смирѣннѣйшій ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и объявилъ, что „князь Александръ смиренною мудростію спасъ себя отъ казни“. Узбекъ возвратилъ Александру княженіе Тверское.

Благоразумный Іоаннъ, видя, что всѣ бѣдствія Русской земли произошли отъ несогласія и слабости князей, старался присвоить верховную власть надъ князьями удѣльными. Князья Рязанскіе повиновались ему безпрекословно; онъ выдалъ одну изъ дочерей своихъ за князя Ярославскаго, другую—за князя Ростовскаго, и предписывалъ законы зятямъ своимъ въ собственныхъ ихъ областяхъ¹⁷⁾. Оставался

скій его жезлъ деревянный, съ надписью на серебряномъ ободкѣ: «смиренный Петръ митрополитъ всея Руси».—Въ синодальной ризницѣ (бывшей патріаршей) хранится панagia св. Петра: небольшая овальная, съ онисовымъ камнемъ, осыпанная венисами и жемчужомъ.—По старинному подлиннику, святитель Петръ изображается на иконахъ маслитымъ старцемъ, съ недлинною, но широкою, сѣдою бородой. (Подлинникъ библ. Моск. Дух. Акад., XVII в. № 433).

¹⁶⁾ Икосъ и тропарь изъ службы 21 декабря, по Моск. Миней 1645 года.

¹⁷⁾ Тогда Московскій бояринъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ, отрѣшилъ отъ должности и мучилъ тамошняго градоначальника, старшаго боя-

у него еще одинъ непокорный соперникъ: возвратившись изъ Орды и увѣренный въ милости ханской, могъ ли Александръ Тверской спокойно видѣть враждебный родъ князей Московскихъ на престолѣ великаго княженія, могъ ли не думать о мести? Но подозрительность Узбека предупредила новое столкновение Москвы съ Тверью: слыша, что Александръ собираетъ войско, ханъ вызвалъ его въ Орду и тамъ велѣлъ умертвить его вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Феодоромъ; имъ отрубили головы и розняли по суставамъ ¹⁸⁾. Новые князья Тверскіе—Константинъ и Василій Михайловичи, младшіе братья убитаго Александра, не дерзали выходить изъ воли великаго князя Московскаго; самый Новгородъ смирялся предъ нимъ.

Пораженный внезапно тяжкимъ недугомъ, достойный сынъ св. Даниила принялъ постриженіе въ схиму и скончался въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, 31 марта 1340 года. Москвитяне проливали слезы, погребая тѣло его въ соборѣ Архангельскомъ (гдѣ съ того времени стали погребаться всѣ князья Московскіе) ¹⁹⁾, называли его „собирателемъ“ земли Русской и государемъ-отцомъ. Князь Іоаннъ Даниловичъ не любилъ проливать кровь въ междоусобіяхъ; освободивъ великое княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, онъ возстановилъ безопасность собственности и личную, былъ правосуденъ, набоженъ, усерденъ къ построенію храмовъ и весьма милостивъ къ нищимъ. Онъ всегда носилъ съ собою калиту (мѣшокъ наполненный деньгами для бѣдныхъ), отъ чего и прозванъ Калитою ²⁰⁾, окружилъ свою столицу дубовыми стѣнами и возобновилъ сторѣвшій въ его время Кремникъ или Кремль. Въ духовномъ завѣщаніи (душевной граматѣ) онъ раздѣлилъ удѣлъ свой между сыновьями, а Москву предоставилъ имъ всѣмъ вмѣстѣ. О городахъ великаго княженія (Владимірѣ, Переяславлѣ, Костромѣ и проч.) въ завѣщаніи не сказано ни слова. Іоаннъ могъ располагать только своею отчиною, а назначеніе ему преемника зави-сѣло отъ хана.

рина Аверкія, распоряжался судами, отнималъ и давалъ имѣнія. Народъ жаловался на самовластіе Москвы (Никон. лѣт. ч. II, стр. 204).

¹⁸⁾ Истерзанные остатки несчастныхъ князей были преданы землѣ въ Тверской соборной церкви подлѣ гробницы св. Михаила и Димитрія: четыре жертвы лютой Узбека и кровавой борьбы между Тверью и Москвою!

¹⁹⁾ Кромѣ каменнаго собора Успенскаго, Іоаннъ построилъ также изъ камня соборъ Архангельскій, церковь св. Іоанна Лѣствичника и церковь Преображенія Господня въ Кремлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ. Изъ числа этихъ храмовъ только послѣдній (Спасъ на Борѣ) удѣлялъ до нашего времени, хотя въ измѣненномъ видѣ, а прочіе храмы впоследствии разобраны и перестроены вновь.

²⁰⁾ Въ рукописн. житіи препод. Пафнутія Боровскаго (см. выше, примѣчаніе 13) помѣщенъ анекдотъ о князѣ Іоаннѣ Калитѣ: «сказываютъ, что одинъ нищій, взявъ у князя милостыню, тотчасъ же опять пришелъ и получилъ вторично; потомъ, зашедши сзади, сталъ опять просить. Князь далъ ему въ третій разъ, сказавъ: «возьми, несытыя зеницы».—«Ты самъ несытыя зеницы, отвѣчалъ нищій,—и здѣсь царствуешь, и тамъ хочешь вѣчно царствовать». Въ томъ же житіи повѣствуется, что одна благочестивая инокиня обмирала и видѣла въ раю великаго князя Іоанна Даниловича. Въ рукописныхъ святцахъ онъ оставленъ въ числѣ святыхъ.

Г Л А В А V.

Присоединеніе Южно-Русскихъ княжествъ къ Литвѣ.—Ольгердъ, в. к. Литовскій.—Литовскіе мученики.—В. к. Симеонъ.—Подвигъ св. Θεогноста въ ордѣ.—Начало дѣятельности св. Алексія.—Кончина св. Θεогноста и великаго князя Симеона Гордаго.—В. к. Іоаннъ Іоанновичъ.—Св. Алексій, митрополитъ всея Руси.—Юность и первые подвиги преп. Сергія Радонежскаго.—Иецѣленіе Тайдулы.—В. к. Димитрій Суздальскій.—Основаніе монастырей св. Алексіемъ.—Юный Димитрій Іоанновичъ на великомъ княженіи.—Конецъ борьбы между Москвою и Тверью.—Преставленіе св. Алексія.—Памятники пастырской его дѣятельности.—Куликовская битва.—Кончина Донского.—Сынъ его, в. к. Василій Дмитріевичъ.—Явленіе Богоматери преп. Сергію.—Преставленіе преп. Сергія.

Въ первой половинѣ XIII вѣка окончательно рушились Русскія княженія въ Галицкой и Волынской земляхъ. Послѣдній князь Галицкій, Георгій Юрьевичъ, умеръ бездѣтнымъ, и ханъ Золотой Орды, считая себя верховнымъ властителемъ земель Русскихъ, прислалъ въ Галицію своихъ намѣстниковъ; но жители убили ихъ и поддались сначала Болеславу, зятю Гедимина, а потомъ, когда онъ вздумалъ обращать ихъ изъ православія въ папизмъ, присягнули на вѣрность свояку его Казиміру, который, сдѣлавшись королемъ Галицкимъ, заключилъ мирный договоръ съ Литвою и уступилъ часть новыхъ своихъ владѣній сыновьямъ Гедимина. Такъ уничтожилось знаменитое княжество, или королевство, Даніила Романовича, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ св. Владиміра, было раздѣлено между иноплемениками.

Около того же времени скончался Гедиминъ. Въ Вильнѣ, новой столицѣ Литовской, было уже много христіанъ православныхъ, а папизмъ еще не проникалъ туда. Почти всѣ сыновья Гедимина были крещены въ православной вѣрѣ. Одинъ только Ольгердъ, съ 1341 до 1377 великій князь Литовскій, долго и упорно оставался язычникомъ ¹⁾.

---

¹⁾ Сыновья Гедимина почти всѣ были христіанами: Коріать-Михаилъ построилъ храмъ св. Николая близъ Новогородка. Наримундъ въ крещеніи назывался Глѣбомъ; Любартъ-Димитрій можетъ быть Владиміръ, князь Волынскій, былъ всегда ревностнымъ сыномъ православной церкви; Явнугъ-Іоаннъ въ 1345 году крестился въ Москвѣ; Кейстутъ,

Ольгердъ, второй сынъ Гедимины, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную: не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, былъ занятъ единственно мыслию о распространеніи своихъ владѣній, не чтить святости договоровъ и былъ всегда готовъ на войну съ сосѣдями, если только она казалась ему выгодною.

Духовникъ первой супруги его, священникъ Несторъ, успѣлъ обратить къ христіанству нѣсколькихъ Литовцевъ и въ томъ числѣ двухъ родныхъ братьевъ,—любимцевъ Ольгерда: Кумець и Нежило (въ крещеніи Іоаннъ и Антоній) перестали являться въ храмъ Перкуна для принесенія жертвъ Зничу (огню)²⁾ и соблюдали постъ въ извѣстные дни. Это открыло ихъ вѣру жрецамъ. Ольгердъ, по настоянію жрецовъ, приказалъ бросить въ темницу обоихъ братьевъ. Тамъ провели они цѣлый годъ, томимые голодомъ и сыростью темницы, но оставались тверды въ вѣрѣ. На другой годъ старшій братъ Іоаннъ ослабѣлъ и объявилъ жрецамъ Знича, что отрекается отъ христіанства. Тогда Ольгердъ освободилъ обоихъ братьевъ. Но Антоній не переставалъ быть твердымъ христіаниномъ, и даже братъ его Кумець, терзаемый угрызеніями совѣсти, открыто объявилъ князю, что онъ не хочетъ измѣнить святой вѣрѣ и остается христіаниномъ. Свирѣпый язычникъ рѣшился отдать Іоанна и Антонія въ распоряженіе жрецовъ. Послѣ безчисленныхъ звѣрскихъ истязаній Антоній 14 апрѣля 1347 года, былъ повѣшенъ на дубѣ. Іоанна мучили долѣе, потому что надѣялись снова отвлечь его отъ христіанства; наконецъ, 24 апрѣля, жрецы повѣсили его на томъ же дубѣ.

Родственникъ мучениковъ Круглецъ, также придворный Ольгерда, умный у прекрасный юноша, пораженный твердостью страдальцевъ, принялъ крещеніе съ именемъ Евстаѳа и признался въ томъ самому Ольгерду, отказавшись ѣсть мясо въ Рождественскій постъ. Пришедши въ ярость, Ольгердъ принялся мучить Евстаѳа, велѣлъ лить ему въ ротъ холодную воду при жестокомъ морозѣ, ломать ноги желѣзными прутьями и содрать кожу съ головы вмѣстѣ съ волосами. Мученикъ терпѣлъ и еще утѣшалъ христіанъ, свидѣтелей его подвига, надеждою на блаженную вѣчность. Наконецъ св. страдалецъ былъ повѣшенъ 13 декабря на томъ самомъ дубѣ, который былъ освященъ мученическою смертію Іоанна и Антонія³⁾.

кажется, умеръ язычникомъ. Самъ Ольгердъ-Александръ еще при жизни отца крещенъ въ православіе и остался христіаниномъ по расчетамъ житейскимъ, чтобы получить Витебское княжество съ рукою княжны Маріи Витебской. По смерти ея онъ снова сдѣлался язычникомъ и гонителемъ христіанъ.

²⁾ Храмъ Перкуна стоялъ въ дубовой рошѣ, тамъ, гдѣ теперь Виленскій кафедральный костелъ.

³⁾ Мощи мучениковъ Литовскихъ были погребены у церкви св. Николая въ Вильнѣ. Въ 1364 году св. митрополитъ Алексій по сношеніи съ Цареградскимъ патріархомъ Филошеемъ включилъ Литовскихъ мучениковъ въ число святыхъ и установилъ праздновать память ихъ 14 апрѣля. Мощи мучениковъ въ 1826 году были свидѣтельствованы, по поруженію св. Синода, въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, куда онѣ были укры-

„Кровь мучениковъ—сѣмя христіанства“, по выраженію одного изъ древнихъ писателей Церковныхъ ⁴⁾. Примѣръ страданій мучениковъ Литовскихъ привлекъ многихъ язычниковъ къ истинной вѣрѣ.

Между тѣмъ, какъ эти событія происходили въ Литвѣ, престоль великаго княженія, по кончинѣ Іоанна Даниловича Калиты былъ занятъ старшимъ сыномъ его Симеономъ, съ утвержденія хана Узбека. Новый великій князь при самомъ вступленіи на престоль показалъ опытъ твердости въ сношеніяхъ съ Новгородцами, которые отказались отъ уплаты ордынской дани, говоря, что Новгородъ самъ избираетъ князей и не терпитъ насилія. Симеонъ ополчился противъ Новгорода со всѣми удѣльными князьями, принудилъ своевольныхъ гражданъ просить мира, взыскалъ съ нихъ дань и самъ обязался грамотою наблюдать древніе уставы Великаго-Новгорода.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ Теогностомъ Симеонъ долженъ былъ отправиться въ Орду на поклонъ къ новому хану Джанибеку, сыну и преемнику Узбека. Съ честію и милостію отпустивъ великаго князя, ханъ удержалъ митрополита: фанатики исламизма настоятельно требовали, чтобы митрополитъ платилъ дань за себя и духовенство. Теогностъ ссылался на ханскіе ярлыки, освобождающіе Церковь отъ податей; но магометане, не желая нарушать устава монгольскаго правительства, хотѣли довести первосвященителя до того, чтобы онъ самъ отказался отъ прежнихъ правъ. Съ этою мыслию они томили митрополита и подвергали его разнымъ истязаніямъ; но блаж. Теогностъ терпѣлъ и не соглашался сдѣлаться предателемъ Церкви. Наконецъ, онъ роздалъ татарскимъ вельможамъ богатые дары (до 600 тогдашнихъ рублей) и возвратился въ отечество съ прежними правами ⁵⁾.

Видя усиленіе Литовскихъ князей, Симеонъ старался не только уклониться отъ всякаго разрыва съ ними, но и привязывать ихъ къ себѣ родственными союзами ⁶⁾. Въ то же время сынъ Ольгерда, Андрей, крещенный въ православной вѣрѣ, княжилъ во Псковѣ, по избранію тамошнихъ гражданъ.

ты отъ насилій уни и пализма. Нынѣ онѣ почиваютъ открыто въ церкви, посвященной имъ въ 1851 году и устроенной въ складѣ подъ алтаремъ соборнаго храма Святодуховской обители.

⁴⁾ Это выраженіе принадлежит Тертуллиану.

⁵⁾ Такой подвигъ блаж. Теогноста заслужилъ признательность Церкви. Въ прологѣ, 14 марта, помѣщено «страданіе митрополита Теогноста».

⁶⁾ Такъ за Любарта-Волынскаго была выдана Ростовская княжна, родная племянница Симеона, а за вдовца язычника Ольгерда—княжна Юліанія, дочь Александра Михайловича Тверскаго. Этотъ послѣдній бракъ былъ разрѣшенъ св. Теогностомъ въ надеждѣ, что Ольгердъ рано или поздно возвратится къ христіанству, и съ условіемъ, чтобы дѣти его воспитывались въ истинной вѣрѣ. Самъ Симеонъ былъ женатъ на дочери Гедимина, названной въ крещеніи Анастасією. Исповѣдуя православную вѣру и принявъ русскій языкъ, Литовскіе князья роднились съ князьями Русскими. Русскіе князны приносили съ собою въ Литву усердіе къ православію, строили церкви, воспитывали дѣтей въ истинномъ благочестіи; княжны Литовскія, выходя въ замужество за князей Русскихъ, сближали свое прежнее отечество съ новымъ. Языкъ Русскій былъ господствующимъ языкомъ Литвы; на немъ писались законы и производились сношенія съ иностранными государями (Западно-Русскій мѣсяцесловъ 1866 г., стр. 62 и 63).

Св. митрополитъ Теогность неутомимо трудился, обозрѣвая сѣверныя и южныя области обширной своей паствы. Ослабленный старостію и трудами, онъ чувствовалъ нужду въ помощникѣ, который могъ бы замѣнять его собою при частыхъ отсутствіяхъ святителя изъ Москвы. Вѣроятно, не безъ особенной воли Божіей, онъ избралъ въ это званіе будущаго своего преемника, великаго по духу вѣры Алексія.

Еще при княженіи св. князя Данила Александровича переселился въ Москву изъ Чернигова, разореннаго тогда татарами, знатный бояринъ Феодоръ Бяконтъ. Здѣсь подъ защитою кроткаго и благочестиваго князя, онъ нашель спокойную жизнь и оставилъ по себѣ многочисленное потомство ⁷⁾. Старшій сынъ его Елевверій, родившійся въ 1300 году ⁸⁾, былъ принятъ отъ купели сыномъ князя Данила, отрокомъ Іоанномъ. Обучившись грамотѣ, Елевверій узналъ на 13-мъ году жизни объ ожидающемъ его высококомъ назначеніи: однажды раскинулъ онъ сѣти на птичекъ и, долго стороживъ ихъ, отъ утомленія задремалъ. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: „Алексій! къ чему такой трудъ твой? тебѣ надобно быть ловцомъ людей“. Эти слова глубоко запали въ душу отрока; онъ сталъ молчаливъ, покинулъ игры дѣтскія, искалъ уединенія, проводилъ время въ молитвѣ и чтеніи книгъ и изнурялъ себя постомъ.

На 15-мъ году онъ рѣшился посвятить себя иноческой жизни и въ 1320 году постриженъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ съ именемъ Алексія, которое слышалъ онъ въ сонномъ видѣніи за семь лѣтъ передъ тѣмъ. Наставникомъ и руководителемъ юнаго инока былъ старецъ Геронтій, опытный въ духовной жизни. Прошло болѣе 20 лѣтъ въ иноческихъ подвигахъ Алексія. Блаж. митрополитъ Теогность любилъ Геронтія и ученика его, часто призывалъ ихъ къ себѣ для бесѣды, и повелѣлъ Алексію жить на святительскомъ дворѣ и завѣдывать церковными судебными дѣлами. Алексій провелъ 12 лѣтъ въ этой должности, съ званіемъ намѣстника митрополичьяго. Въ концѣ 1352 года блаж. первосвятитель, уже дряхлый и слабый, рукоположилъ намѣстника своего въ санъ епископа Владимірскаго и на совѣтъ съ великимъ княземъ Симеономъ назначилъ Алексія своимъ преемникомъ. Объ этомъ избраніи тогда же послали грамоту въ Константинополь.

Въ то время свирѣпствовала въ Москвѣ и во многихъ другихъ областяхъ Русской земли страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ Черной смерти. Она началась въ Китаѣ, гдѣ истребила до 13

⁷⁾ По лѣтописи, внукъ Бяконта, Данилъ Теофановичъ, былъ однимъ изъ старшихъ и лучшихъ бояръ Московскихъ; умный, храбрый, онъ вѣрно служилъ великому князю на Руси и въ Ордѣ. Онъ погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, близъ могилы св. митрополита Алексія. Отъ младшихъ сыновей его произошли дворянскіе роды Плещеевыхъ, Игнатевыхъ, Жеребцовыхъ и Фоминыхъ (послѣдніе долго прозывались митрополичими). Бяконтъ и супруга его погребены въ Богоявленскомъ монастырѣ, когда старшій сынъ ихъ подвизался уже тамъ въ иночествѣ.

⁸⁾ По житію св. Алексія, писанному Пахоміемъ, онъ былъ старше великаго князя Симеона 17-ю годами, а Симеонъ родился въ 1317 году.

милліоновъ народа, обошла всю сѣверную и среднюю Азію, большую часть Европы и изъ Скандинавіи перешла во Пековъ, гдѣ свирѣпство-вала съ такою силою, что едва одна треть жителей осталась въ живыхъ. Псковитяне призвали къ себѣ изъ Новгорода блаж. архіепископа Василия; какъ добрый пастырь, онъ спѣшилъ утѣшить ихъ, презирая опасность, и молился вмѣстѣ съ ними, обходя городъ крестнымъ ходомъ, съ чудотворными иконами и св. мощами. На возвратномъ пути блаж. святитель скончался, безъ сомнѣнія зараженный язвою ⁹⁾. Скоро язва посѣтила Новгородъ, Кіевъ и почти всѣ города русскіе; въ Москвѣ въ короткое время скончались блаж. митрополитъ Θεогность ¹⁰⁾ и великій князь Симеонъ съ двумя сыновьями.

Симеонъ скончался 36 лѣтъ отъ рожденія. Достигнувъ велико княжескаго сана въ бодрой юности, хитрый, благоразумный, твердый, онъ умѣлъ угождать ханамъ и даже выпрашивать у нихъ облегченія дани для удѣловъ разоренныхъ, умѣлъ ладить съ Литвою и держать въ страхѣ Новгородъ. Русскими князьями онъ повелѣвалъ строго, не допуская ихъ до междоусобій, и заслужилъ отъ нихъ прозваніе „Гордаго“. Онъ справедливо именовалъ себя „великимъ княземъ всея Руси“, какъ это вырѣзано на его печати. Въ завѣщаніи своемъ онъ обращается къ братьямъ съ такими словами: „худыхъ людей не слушайте, а если кто станетъ ссорить васъ, слушайтесь отца нашего, владыки Алексія“.

Преемникомъ Симеона былъ родной братъ его, Іоаннъ Іоанновичъ, тихій, миролюбивый и слабый. Хотя Новгородцы желали имѣть великимъ княземъ умнаго Константина Суздальскаго, но Джанибекъ утвердилъ на великомъ княженіи Іоанна Московскаго.

Преемнику Θεогноста предстояла борьба съ разными неприятно-стями. Болгарскій (Терновскій) патриархъ еще при жизни Θεогноста посвятилъ Θεодорита въ митрополита для Русской митрополіи. Хотя Константинопольскій соборъ призналъ поступокъ Болгарскаго патриарха незаконнымъ и, отвергнувъ Θεодорита, назначилъ Владимірскаго епископа Алексія въ митрополиты всея Руси (въ 1354 году), однако, уступая требованію Ольгерда, который не хотѣлъ, чтобы христіане, живущіе въ Литвѣ, зависѣли отъ митрополита, избраннаго въ Москвѣ, патриархъ рѣшился поставить для Литвы другого митрополита, какого-то Романа. Это произвело тревогу въ Русской землѣ, тѣмъ болѣе,

⁹⁾ Блаж. Архіепископъ Василій (въ мірѣ священникъ Григорій Калѣка) святитель-ствовалъ въ Новгородѣ 23 года, украсилъ Софійскій храмъ новымъ иконостасомъ, стѣннымъ писаніемъ, мѣдными позолоченными вратами; послѣ пожара онъ возстановилъ мостъ на Волковѣ и заложилъ каменную стѣну на Торговой сторонѣ. Онъ получилъ отъ патриарха Цареградскаго знаменитый бѣлый клубукъ, хранящійся въ Софійской ризницѣ. Скончался на берегу р. Шелони 3 іюля 1352 года и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. Новгородцы мѣстно празднуютъ память его 10 февраля.

¹⁰⁾ Св. Θεогность преставился 11 марта 1353 года и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1471 году мощи его обрѣтены нетлѣнными, но почиваютъ подъ спудомъ въ ногахъ у раки святителя Петра.

что Романъ сталъ оказывать притязаніе и на Тверскую епархію. Чтобы положить конецъ смутамъ, святитель Алексій долженъ былъ снова отправиться въ Царьградъ, гдѣ патріархъ подтвердилъ Роману, чтобы онъ управлялъ только Литвою и Волянью, а Алексію предоставилъ быть митрополитомъ Кіева и всея Руси ¹¹⁾.

Съ восторгомъ приняла Москва своего первосвятителя, который сталъ прилагать труды къ трудамъ, какъ истинный пастырь стада Христова ¹²⁾. А во время путешествія святителя возсіялъ въ Русской землѣ великій свѣтильникъ благодати, скрывавшійся дотолѣ въ тѣни дремучаго лѣса.

Въ Ростовской области жилъ благочестивый бояринъ Кириллъ съ женою своею Марією. У нихъ было три сына: Стефанъ, Петръ и Вареоломей. Еще до рожденія послѣдняго (въ 1314 году) промыслъ Божій указалъ, что онъ будетъ избраннымъ сосудомъ благодати. Однажды, когда Марія слушала дитургію, младенецъ закричалъ во чревѣ три раза — предъ чтеніемъ Евангелія, въ началѣ Херувимской пѣсни и при возгласѣ: Святая Святымъ. Послѣ этого необыкновеннаго приключенія Марія во все остальное время беременности не употребляла ни мяса, ни молока, ни рыбы, ни вина, а питалась только хлѣбомъ и водою и молилась Богу. Новорожденный младенецъ былъ названъ Вареоломеемъ, и въ немъ открылась дивная особенность: въ среду и пятокъ онъ не бралъ сосцовъ матернихъ.

На 7-мъ году отдали Вареоломея учиться грамотѣ; онъ учился съ усердіемъ, но почти безъ всякаго успѣха, и грамота не давалась ему, къ глубокому огорченію добраго дитяти. Однажды Вареоломей увидѣлъ близъ дома родительскаго подъ дубомъ старца-черноризца, стоявшаго на молитвѣ. Отрокъ подошелъ и дождался конца молитвы. „Что тебѣ надобно, чадо?“ спросилъ старецъ. — Учусь грамотѣ, — отвѣчалъ отрокъ, — но не успѣваю; помолись за меня Богу, отче, чтобы я могъ выучиться грамотѣ. Старецъ помолился и далъ ему часть просфоры въ знаменіе благодати Божіей, сказавъ притомъ, что отроку надлежитъ содѣлаться обителю Св. Троицы и привести многихъ къ разумѣнію воли Божіей.

Получивъ неожиданный и совершенный успѣхъ въ ученіи, благодатный отрокъ чуждался дѣтскихъ игръ, смѣха и праздности, прилѣпился къ церковному богослуженію, читалъ священныя книги и наблюдалъ строгое воздержаніе: въ среды и пятки не вкушалъ ничего, а въ прочіе дни питался хлѣбомъ и водою.

Все это происходило въ окрестностяхъ Ростова. Тамъ воспламе-

---

¹¹⁾ На обратномъ пути страшная буря застигла святителя на морѣ. Онъ молился усердно и далъ обѣтъ соорудить храмъ во имя того угодника Божія, которому будутъ праздновать въ день высадки половцевъ на берегъ. Господь услышалъ молитву праведника, и корабль присталъ къ берегу 16 августа, когда Церковь празднуетъ Нерукотворенному образу Спасителя.

¹²⁾ Къ этому времени относится посланіе св. Алексія къ христіанамъ, живущимъ на Дону; оно помѣщено въ Истор. Акт. I. № 3.

нялись только первыя искры того великаго свѣтильника благодати, которому надлежало просіять въ мрачной пустынѣ и оттуда свѣтить престольному граду и всѣмъ предѣламъ земли Русской.

Притѣсненія московскихъ правителей¹³⁾ въ Ростовѣ принудили Кирилла переселиться съ семействомъ въ одну изъ областей великаго княженія—въ Радонежь, который отданъ былъ Іоанномъ Калитою въ удѣлъ меньшему сыну его Андрею. Тамъ переселенцамъ обѣщались разныя льготы, а Кирилль, нѣкогда богатый, по разнымъ несчастіямъ оскудѣлъ. Старшіе сыновья Кирилла уже вступили въ бракъ, а младшій, Вареоломей, желалъ сдѣлаться инокомъ. Но, повинаясь волѣ родителей, онъ остался при нихъ и служилъ имъ до того времени, когда они сами вступили въ монастырь, и, недолго поживъ въ монашествѣ, отошли къ Богу¹⁴⁾. Тогда, отдавъ послѣдній долгъ родителямъ и предоставивъ имѣніе ихъ брату Петру, Вареоломей пошелъ искать себѣ мѣста для пустынножителства вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Стефаномъ¹⁵⁾.

Они долго ходили по лѣсамъ, пока полюбилося имъ мѣсто въ густой дубравѣ, въ 10 верстахъ отъ Радонежа и отъ Хотькова, удаленное не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ. Оно возвышалось небольшимъ холмомъ надъ окрестностью, почему и прозывалось „Маковицею“, или Маковкою. Здѣсь пустынники поставили келью, а потомъ—небольшую церковь, которая была освящена въ честь Пресв. Троицы¹⁶⁾, по благословенію св. митрополита Теогноста. Вскорѣ послѣ того Стефанъ переселился въ Московскій Богоявленскій монастырь, а Вареоломей принялъ постриженіе отъ нѣкоего игумена Митрофана на 24 году жизни, въ 1337 году 7 октября, на память св. мучениковъ Сергія и Вакха, при чемъ, по обычаю того времени, наречено ему имя Сергій.

Юный инокъ остался въ глухомъ лѣсу безъ предшественника и безъ сверстника, безъ наставника и безъ помощника, съ единымъ Богомъ вездѣсущимъ и всегда готовымъ на помощь къ призывающимъ Его. Много искушеній предлежало пустыннику: голодъ, жажда, мо-

13) Великій князь Іоаннъ Даниловичъ, купивъ удѣлы Бѣлозерскаго и Угличскаго князей (какъ видно изъ завѣщанія Дмитрія Донскаго), составлявшіе прежде одно пѣлое съ Ростовскимъ княжествомъ, наложилъ державную руку и на остальной удѣлъ Ростовскій. О дѣйствіяхъ Московскихъ бояръ въ Ростовѣ упомянуто выше. Мѣсто, куда переселился Кирилль, городъ Радонежь—нынѣ село Городецъ—въ Дмитровскомъ уѣздѣ.

14) Блаж. Кирилль и Марія погребены въ Хотьковомъ монастырѣ, тогда мужескомъ, а нынѣ дѣвичьемъ.

15) Стефанъ жилъ недолго въ супружествѣ, имѣлъ двухъ сыновей: Климента и Іоанна, и, овдовѣвъ, постригся въ Хотьковѣ монастырѣ. Послѣ того онъ жилъ въ пустынѣ съ младшимъ братомъ; наконецъ былъ игуменомъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и духовникомъ вел. князя Симеона.

16) Когда деревянный храмъ былъ срубленъ, младшій братъ спросилъ старшаго: «во чье имя будетъ храмъ?» Старшій, напомнивъ Варооломею о словахъ дивнаго старца, сказалъ, что храмъ слѣдуетъ освятить въ честь Св. Троицы. Тогда младшій признался, что и онъ имѣлъ ту же мысль (Русск. Святые. Сентябрь, стр. 157).

розь, страхъ звѣрей, уныніе и смущеніе души, тягость и волненіе плоти. И невидимые враги старались преслѣдовать отшельника; во время ночной молитвы ему представлялись ужасающія видѣнія и слышался вопль: „бѣги отсюда, не надѣйся здѣсь жить!“ Мужественный подвижникъ прогонялъ пустынные страхи и мечтанія крѣпкою, смиренною молитвою; онъ обуздывалъ плоть постомъ, трудами и бдѣніемъ. Иногда стаи голодныхъ волковъ рыскали около кельи съ ужаснымъ воемъ; иногда приходили и медвѣди. Однажды Сергій увидѣлъ передъ своею хижиною медвѣдя и, примѣчая, что онъ голоденъ, сжалился надъ нимъ, вынесъ кусокъ хлѣба и предложилъ ему пустынный обѣдъ на пнѣ. Звѣрь полюбилъ страннопріимство пустытника и часто приходилъ за угощеніемъ. А пустытникъ привыкъ миловать звѣря, дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ, а иногда отдавалъ ему послѣдній кусокъ, самъ оставаясь безъ пищи.

Около двухъ лѣтъ пробылъ преп. Сергій въ совершенномъ одиночествѣ; потомъ стали приходять къ нему люди, ищущіе спасенія, и просили дозволенія жить подлѣ него. Онъ выставлялъ имъ трудности пустынной жизни, но они обѣщались терпѣть съ помощію Божіею. Такъ собралось къ Сергію до 12 братій ¹⁷⁾, построены кельи, и обитель обнесена тѣсною оградю.

Но для совершенія литургіи не было священника, а для управленія новою обителью не было игумена. По глубокому смиренію, преп. Сергій не хотѣлъ принять ни игуменскаго, ни пресвитерскаго сана. Онъ управлялъ только посредствомъ примѣра своей жизни: онъ былъ первый тѣмъ, что былъ всѣмъ слуга. Онъ строилъ кельи, рубилъ дрова, молотъ жерновомъ рожь, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, носилъ воду на гору въ водоносахъ и ставилъ у кельи каждаго. Но братія чувствовала нужду въ игуменѣ-наставникѣ и неотступно умоляла Сергія принять на себя настоятельство. Смиранный отшельникъ долго не соглашался; наконецъ, братолюбіе одержало побѣду. „Желаю,—сказалъ преп. Сергій,—лучше повиноваться, нежели начальствовать, но страшусь суда Божія и предаю себя въ волю Господню“. Взявъ съ собою двухъ старцевъ, онъ отправился въ Переяславль-Залѣсскій къ Аѳанасію, епископу Волынскому, которому св. митрополитъ Алексій поручилъ дѣла митрополіи на время отсутствія своего въ Царьградъ. Сергій просилъ назначить игумена для новой обители. „Я слышалъ о тебѣ,—сказалъ святитель;—тебя избралъ Господь; ты будешь игуменомъ въ обители Св. Троицы“. Такъ преп. Сергій противъ желанія принялъ посвященіе въ санъ пресвитера и игумена. Это было въ 1354 году.

Возвратившись изъ Царьграда, святитель Алексій узналъ пу-

¹⁷⁾ Первыми сподвижниками преп. Сергія въ отшельнической жизни были: Василій Сухой, пришедшій съ береговъ сѣверной Двины; Іаковъ, усердный труженникъ; Онисимъ, престарѣлый діаконъ, служившій привратникомъ; Исаакій—наложившій на себя обѣтъ молчанія, и Симонъ епископъ. Число пустытниковъ долго ограничивалось 12-ю; первый поступившій сверхъ этого числа, былъ Смоленскій архимандритъ Симонъ, промѣнявшій власти на званіе послушника Сергіева.

стынножителя Сергія, и съ того времени святая любовь соединила двухъ угодниковъ Божіихъ. Въ 1357 году совершился великій подвигъ святителя въ ордѣ, гдѣ супруга хана Джанибека, Тайдула, лежала больная и слѣпая уже три года. Ханъ писалъ къ великому князю Іоанну: „Мы слышали, что есть у васъ служитель Божій Алексій, котораго Богъ слушаетъ, когда онъ о чемъ попроситъ. Отпустите его къ намъ; если его молитвами исцѣлѣетъ моя царица, то дарую вамъ миръ; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю“. Смутился смиренный святитель: любовь къ родинѣ и усердіе къ святой Церкви не позволяли ему отказаться отъ исполненія воли грознаго хана. „Прошеніе и дѣло превышаютъ мѣру силъ моихъ,—говорилъ онъ князю,—но я вѣрую Тому, Который даровалъ прозрѣніе слѣпому. Онъ не презритъ моленія вѣры“. Собираясь въ путь, святитель совершилъ молебствіе въ соборномъ храмѣ предъ чудотворною иконою Богоматери и при ракъ святителя Петра. Вдругъ во время молебна предъ глазами всѣхъ сама собою зажглась свѣча при гробѣ чудотворца. Съ остаткомъ этой свѣчи и освященною водою отправился святитель въ Золотую орду, былъ принятъ тамъ съ честью, отслужилъ надъ болящею молебствіе съ чудною свѣчею, окропилъ больную св. водою, и Тайдула стала видѣть¹⁸⁾. Въ томъ же году св. Алексій долженъ былъ снова, по просьбѣ князей, отправиться въ орду, гдѣ по смерти Джанибека воцарился свирѣпый Бердибекъ и требовалъ къ себѣ князей Русскихъ.

Такъ св. Алексій умѣлъ снискать милость хана, хотя свободно обличалъ магометанство, и получилъ ханскій ярлыкъ съ подтвержденіемъ правъ духовенства.

Торжественно встрѣчали на родинѣ ходатая за землю Русскую. Въ Нижнемъ-Новгородѣ встрѣтили его князья Суздальскіе. Въ Москвѣ великій князь съ юнымъ сыномъ Дмитріемъ, духовенство и народъ вышли встрѣчать первосвятителя за городъ. „Владыко! чѣмъ заплатимъ тебѣ за труды твои? Ты даришь насъ жизнью мирною“, говорилъ св. Алексію восьмилѣтній отрокъ Димитрій, наслѣдникъ Московскаго престола.

Спустя два года по возвращеніи святителя изъ орды (1359 г.), скончался великій князь Іоаннъ, сынъ Іоанна Калиты. Въ краткое время его правленія удѣльные князья съ одной стороны, а съ другой—Ольгердъ Литовскій, нерѣдко нарушали спокойствіе Русской земли; было замѣтно ослабленіе власти въ рукахъ великаго князя, за мягкосердечіе прозваннаго Кроткимъ.

Смерть его подала поводъ къ притязаніямъ Суздальскихъ князей, и старшій изъ нихъ, Димитрій Константиновичъ, былъ утверждёнъ новымъ ханомъ Наврузомъ въ достоинствѣ великаго князя. Новгородъ,

¹⁸⁾ Перстень съ изображеніемъ дракона, подаренный ханомъ Джанибекомъ св. Алексію въ память исцѣленія Тайдулы, сохраняется въ Московской патріаршей (Синодальной) ризницѣ.

не любя и боясь самовластиа богатыхъ князей Московскихъ, охотно принялъ къ себѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, а Димитрій согласился на всѣ условія, предложенныя вѣчемъ вольнаго города. Онъ желалъ перенести во Владиміръ, какъ въ древнюю столицу великокняжескую, и престоль митрополи; но святитель Алексій, благословивъ Суздальскаго князя на великое княженіе въ кафедральномъ соборѣ Владимірскомъ, не захотѣлъ разстаться съ Москвою по любви къ юному Димитрію, о которомъ онъ заботился, какъ отецъ о родномъ сынѣ, и по вниманію къ волѣ Божіей, изреченной устами святителя и чудотворца Петра.

Несмотря на заботы по управленію обширнымъ Московскимъ княжествомъ, которыя легли на рамена св. Алексія, по малолѣтству князя, онъ неуспѣшно продолжалъ свою пастырскую дѣятельность и занимался строеніемъ иноческихъ обителей. Въ 1361 году онъ основалъ женскую общежительную обитель во имя заступника своего, преп. Алексія, челоуѣка Божія; тамъ первую игуменью была благочестивая старица Іуліанія, а послѣ родная сестра св. Алексія, старица Юлія ¹⁹⁾; въ томъ же году основанъ имъ обѣтныи монастырь на берегу р. Яузы во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя ²⁰⁾. На слѣдующій годъ основанъ святителемъ Владыченъ монастырь близъ Серпухова, гдѣ первымъ игуменомъ былъ ученикъ его Варлаамъ ²¹⁾. Въ 1365 году св. Алексій основалъ въ самомъ Кремлѣ Московскомъ монастырь въ честь чуда Архангела Михаила, на мѣстѣ, подаренномъ царицею Тайдулою. Это былъ благодарный памятникъ чудесному исцѣленію царицы, совершившемуся 6 сентября. Святитель весьма щедро украсилъ построенный имъ каменный храмъ Архангела, обезпечилъ содержаніе обители и учредилъ полное общежитіе ²²⁾. Онъ любилъ эту обитель и въ ней подвизался по временамъ въ постѣ и молитвахъ;

¹⁹⁾ Алексіевскій дѣвичій монастырь былъ основанъ св. Алексіемъ у берега р. Москвы и урочища Стоженки. Въ XVI вѣкѣ онъ перенесъ внутрь города къ Пречистенскимъ воротамъ, а при императорѣ Николаѣ I, когда занимаемое имъ мѣсто было назначено для построенія храма Христа Спасителя, въ Красное село близъ Сокольничьяго поля. На мѣстѣ, гдѣ онъ былъ первоначально основанъ, возникъ новый дѣвичій монастырь—Зачатейскій. Въ одномъ изъ храмовъ этого монастыря находятся гробницы двухъ сестеръ св. Алексія, игуменьи Юліи и инокини Евпраксіи.—О первой игуменьѣ Алексѣевской сказано въ лѣтописи: «Ульяна отъ града Ярославля, дщерь нѣкоего родителя богата и славна, сама же зѣло богобоязлива, игуменья бывши 90 черницамъ и общему житію начальница».

²⁰⁾ Этотъ монастырь получилъ названіе Андроникова, по имени перваго своего игумена, о которомъ будетъ упомянуто въ слѣдующей главѣ. Обѣтъ св. Алексія, послужившій поводомъ къ основанію этой обители, описанъ выше въ примѣч. 11-мъ.

²¹⁾ Владыченъ Серпуховской монастырь, въ полуверстѣ отъ Серпухова, на берегу р. Нары, въ 1806 году обращенъ въ женскій монастырь. На панерти соборной его церкви погребенъ блаж. игумень Варлаамъ, бывшій келейникъ св. Алексія, скончавшійся 5 мая 1375 года и мѣстно чтимый за благочестивую жизнь.

²²⁾ Преп. Іосифъ Волоколамскій пишетъ: «въ Чудовомъ монастырѣ блаж. митрополитъ Алексій посадилъ честныхъ старцевъ, испросивъ однихъ у великаго аввы Сергія, а другихъ взявъ изъ иныхъ обителей, старцы тѣ жили иночески живнію духовною; приходили къ нимъ многіе и пользу получали».

ей отказалъ по духовному завѣщанію нѣскольکو селеній ²³⁾. Св. Алексій возстановилъ изъ развалинъ древніе монастыри: Благовѣщенскій близъ Нижняго-Новгорода и Константино-Еленинскій во Владимірѣ.

Въ это время Золотая орда волновалась смутами: въ 1363 году явилось вдругъ два хана. Одинъ изъ нихъ, Мурудъ, или Мюридъ, призналъ малолѣтняго Димитрія Московскаго великимъ княземъ и главою князей Русскихъ. Димитрій Суздальскій удалился изъ Владиміра въ свой удѣль, а святитель съ радостію благословилъ своего питомца на великое княженіе чудотворною Владимірекою иконою Богоматери.

Такъ слабая рука 12-лѣтняго отрока взяла кормило государства раздробленнаго, гѣснимаго извнѣ и возмущаемаго внутреннимъ междоусобіемъ. Калита и Симеонъ Гордый положили въ Москвѣ начало великаго и спасительнаго дѣла—единодержавія; слабость Іоанна Кроткаго и неспособность Димитрія Суздальскаго пріостановили успѣхи этого дѣла и дали удѣльнымъ князьямъ надежду на независимость отъ престола великокняжескаго. Требовалось много твердости и ума, чтобы поддержать то, что начинало клониться къ паденію. Но, по счастію, Провидѣніе даровало Димитрію гѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ. Св. Алексій былъ душею совѣтовъ и дѣлъ юнаго князя Московскаго; непрерывными заботами святителя росла и крѣпла власть великокняжеская.

Между тѣмъ какъ св. Алексій трудился въ управленіи Церковью и государствомъ, преп. Сергій Радонежскій продолжалъ свои иноческіе подвиги въ пустынѣ, служившіе примѣромъ благочестія для его братіи и для веѣхъ приходившихъ къ нему.

Первымъ подвигомъ преп. Сергія былъ подвигъ воздержанія. Мы видѣли выше опыты его постничества въ младенчествѣ и отрочествѣ. Слѣлавшись инокомъ, онъ часто по нѣскольکو дней пребывалъ безъ пищи. Въ житіи его изображается одинъ поучительный случай постническаго труда. Проведши три дня безъ пищи, Сергій приходитъ къ старцу Даніилу и говоритъ ему: „я слышалъ, что ты хочешь слѣлать сѣни у себя предъ кельею; я сдѣлаю тебѣ сѣни, а ты дашь мнѣ хлѣба за трудъ“. Даніилъ сказалъ, что у него есть хлѣбъ, но гнилой. Сергій отвѣчалъ, что для него хорошъ и гнилой хлѣбъ, построилъ старцу сѣни и получилъ обѣщанное воздаяніе за трудъ. Сотворивъ молитву, онъ растворилъ гнилой хлѣбъ съ водою, утолилъ голодь и воздалъ Богу благодареніе.

²³⁾ Духовное завѣщаніе св. Алексія обнаруживаетъ великое его смиреніе и любовь къ основанному имъ монастырю. Оно начинается словами: «Се азъ смиренный грѣшный рабъ Божій Алексій». Великій святитель Божій именуетъ себя грѣшникомъ, не упоминая и о санѣ митрополита. Чудовской обители онъ оставилъ 12 селъ (въ томъ числѣ Жилинское, Черкизово и Раменное). «А всѣ тѣ села,—сказано въ завѣщаніи,—даю съ серебромъ и съ половники и третники и съ животиною. А что моя въ селѣхъ челядь, на нихъ серебрепо. Не похотятъ служити, кто куды, тѣмъ воля, отдавъ серебрепо. А монастырь Михаила чуда приказываю тебѣ своему сыну, великому князю Дмитрію Ивановичу».

Другой подвигъ богоноснаго пустынника состоялъ въ смиреніи и нестяжательности. Даже тогда, когда имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ землѣ Русской, но и на востокѣ, преп. Сергій оставался неизмѣнно вѣренъ заповѣди Евангельской о смиреніи и нищетѣ. Онъ носилъ одежду изъ толстаго и грубаго сукна и притомъ самую ветхую, со множествомъ заплатъ, сдѣланныхъ собственными его руками. Однажды не случилось въ монастырѣ хорошаго сукна для одежды, и никто изъ братій не хотѣлъ употребить единственную оставшуюся половину дурнаго сукна. Смиренный игуменъ взялъ это сукно себѣ, спилъ изъ него рясу и не снималъ ее до тѣхъ поръ, пока она не распалась отъ гнилости. Приходившіе въ обитель иногда не признавали преподобнаго по внѣшнему виду за игумена, но думали видѣть въ немъ одного изъ монастырскихъ работниковъ. Такъ было съ однимъ поселяниномъ, который издалека пришелъ, чтобы видѣть знаменитаго первоначальника Троицкой обители. Онъ увидѣлъ Сергія въ огородѣ, копавшимъ землю въ потѣ лица и одѣтымъ въ разодранное рубище. Вскорѣ прибытіе въ обитель одного князя, который повергся на землю предъ Сергіемъ, вразумило поселянина, и онъ сдѣлался ученикомъ учителя смиренія. До нашего времени сохранились памятники нестяжательности преп. Сергія въ его одеждѣ, келейныхъ и богослужебныхъ вещахъ ²⁴⁾; они свидѣтельствуютъ, что богоносный отшельникъ былъ чуждъ привязанности къ внѣшнимъ удобствамъ, предпочитая всею сокровище духовное.

При умпоженіи числа братіи преп. игуменъ постановилъ правило, чтобы послѣ повечерія иноки не ходили изъ кельи въ келью и не бесѣдовали другъ съ другомъ, а занимались молитвою и рукодѣльемъ каждый въ своемъ мѣстѣ. Наблюдая за исполненіемъ этого правила, онъ самъ по совершеніи своей келейной молитвы въ глубокую ночь обходилъ всѣ кельи братіи. Если находилъ кого въ молитвѣ, за книгою или за рукодѣльемъ, радовался и благодарилъ Бога о немъ. Если же слышалъ празднословящихъ, ударялъ въ дверь или окно и удалялся. А на утро, призывавъ ихъ къ себѣ, старался привести къ смиренному сознанию грѣха; не признательныхъ онъ обличалъ и подвергалъ эпитиміи. Другимъ правиломъ преп. Сергія запрещалось братіи въ случаѣ недостатка пищи и другихъ потребностей ходить по деревнямъ и селамъ за подаяньемъ: пустынники должны были съ терпѣніемъ просить и ожидать милости отъ Бога. Трудное правило для обители, которая находилась въ такомъ дремучемъ лѣсу, что къ ней едва можно было пробраться по узкой, едва замѣтной тропинкѣ ²⁵⁾! Но Сергій вѣровалъ, и сбывалось по вѣрѣ его; уповалъ, и

²⁴⁾ Въ Лаврѣ сохранились: ветхая крашенная фелонь преп. Сергія съ епитрахилью и поручаи, деревянные потиръ и дискосъ, аналавъ изъ схиры, игуменскій посохъ простаго дерева, кожаная сандали, бывшія 30 лѣтъ на ногахъ чудотворца во гробѣ, ножъ съ ветхимъ влагалищемъ и ложка деревянная.

²⁵⁾ Болѣе 15 лѣтъ въ пустынѣ преп. Сергія вела только тропинка по лѣсамъ. При великомъ князѣ Иоаннѣ II (около 1355 года) стали въ окрестностяхъ селиться земледѣльцы Толстаго.—Исторія Русск. Церкви.

упованіе не посрамляло его. По молитвѣ блаж. игумена, самъ Богъ чрезъ неизвѣстныхъ христіолюбцевъ посылалъ хлѣбъ во время скудости. „Видите ли, братія,—говорилъ Сергій ученикамъ своимъ,—Господь не оставляетъ рабовъ Своихъ. Будемъ подвизаться, не ослабѣвая“.

Случалось, что недоставало вина для совершеніи литургіи, еміама для кажденія и воска для свѣчъ; тогда зажигали лучину и при такомъ освѣщеніи совершали утреннюю и вечернюю службу. Даже самыя книги писались въ обители не на хартіяхъ, а на берестѣ ²⁶⁾.

Такъ при началѣ своемъ великая Лавра Сергіева была пустыня безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная и безпомощная! Но основатель ея и сподвижники его твердо уповали на Бога спасающаго; упованіе ихъ оправдалось въ теченіе многихъ вѣковъ и нынѣ оправдывается въ нашемъ скудномъ вѣроу вѣкѣ. Современный намъ великій святитель въ одномъ изъ словъ своихъ говоритъ: „Желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной кельи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и въздыханій преп. Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, преп. Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преп. Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго арихимандрита Симона, который довольно рано понималъ, что полезнѣе быть послушникомъ преп. Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь, только закрыто временемъ или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокої цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище; оно непохитимо и неистоимо; изъ него безъ ущерба его можно заимствовать благопотребное, напимѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“.

Иногда братія жаловались на недостатокъ воды и говорили игумену: для чего на такомъ мѣстѣ создалъ обитель? Сергій отвѣчалъ: „я хотѣлъ одинъ безмолвствовать здѣсь; но Богу угодно было устро-

цы, и уже позднѣе, по словамъ блаж. Епифанія, «исказиша пустыню и не пощадѣша и оставиша селы и двory многи». Тогда проложили мимо обители большую дорогу изъ Москвы въ сѣверные города. Однако и по преставленіи преп. Сергія лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ еще ловили бобровъ. (Акты Арх. Эксп. I, 16).

²⁶⁾ Преп. Іосифъ Волоколамскій въ духовн. грамотѣ, гл. 15.

ить обитель. Онъ не презреть васъ, работающихъ Ему въ молитвѣ день и ночь, и подасть вамъ все нужное“. По молитвѣ преп. Сергія оказался источникъ и потекла вода тамъ, гдѣ ея не было ²⁷⁾. И въ другихъ случаяхъ вѣра чудотворца являлась чудодѣйственною: великій Сергій молитвою воскресилъ отрока, который былъ принесенъ къ нему едва живымъ и умеръ на глазахъ его, и исцѣлилъ бѣсноватаго.

Слава о духовныхъ подвигахъ Сергія и дарованной ему отъ Бога благодати распространилась не только въ Русской землѣ, но и въ странахъ отдаленныхъ. Къ богоносному пустыннику пришли посланные отъ патріарха Царьградскаго Филовея и принесли ему крестъ ²⁸⁾, парамандъ, схиму и посланіе патріарха. „Не къ другому ли кому вы посланы?“ спросилъ ихъ смиренный Сергій, а самъ поспѣшилъ къ святителю Алексію и донесъ ему о случившемся. По прочтеніи посланія, въ которомъ патріархъ совѣтовалъ составить общее житіе въ обители, митрополитъ и съ своей стороны подтвердилъ совѣтъ патріарха.

Съ того времени въ обители Троицкой учреждено совершенное общежитіе ²⁹⁾ и запрещено инокамъ что бы-то ни было называть своимъ, потому что всякая собственность въ монастырѣ должна быть общею для всѣхъ. Такъ совершилось благоустройство обители, при чемъ стало возрастать число братіи и начало водворяться въ ней всякое обиліе. Но, чтобы избытокъ не повлекъ за собою нерадѣнія и пороковъ, мудрый основатель обители ввелъ въ ней страннопріимство, питаніе нищихъ и подаваніе просящимъ ³⁰⁾. Объ этомъ учрежденіи онъ сказалъ ученикамъ своимъ: „если сохраните заповѣдь мою безъ роптанія, то и по кончинѣ моей обитель распространится и многіе годы стоятъ будеть благодатію Христовою“ ³¹⁾.

Казалось, что послѣ того монастырь Сергіевъ уже безопасенъ отъ превратностей; но внезапно поднялась буря, которая едва не лишила обители блаженнаго ея основателя и хранителя. Въ одинъ субботній день св. Сергій стоялъ въ алтарѣ, совершая самъ вечернюю службу. Братъ его Стефанъ, который опять пришелъ въ обитель, стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. „Кто тебѣ далъ эту книгу?“ спросилъ Стефанъ канонарха. „Игуменъ“, отвѣчалъ тотъ. „Кто здѣсь игуменъ?—съ гнѣвомъ

²⁷⁾ Чудеснымъ источникомъ Сергія считается колодезь подъ горою близъ приходской Пятницкой церкви.

²⁸⁾ Крестъ, присланный патріархомъ Филовеемъ, сохраняется въ ризницѣ Лавры. Онъ вырѣзанъ изъ кипариснаго дерева, обложенъ золотомъ и украшенъ драгоценными камнями.

²⁹⁾ Преемникъ Филовея, патріархъ Ниль, около 1382 года, прислалъ также посланіе преподобному Сергію: онъ называлъ привычный образъ жизни Русскихъ монаховъ того времени жизнію мірскою, зависящею отъ дикости и необразованности, а общежитіе, учрежденное Сергіемъ—дѣломъ высокой духовной мудрости. Это посланіе напечатано въ Правосл. Собесѣд. 1860. I, стр. 459—464.

³⁰⁾ Донныя въ Лаврѣ Сергіевой многія сотни бѣдныхъ богомольцевъ ежедневно пользуются трапезою отъ монастыря. Сверхъ того при обители находятся: богадѣльня, пріютъ для странниковъ, больницы для приходящихъ больныхъ и школы для сиротъ.

³¹⁾ Симонъ Азаринъ въ предисловіи къ новымъ чудесамъ преп. Сергія.

сказаль Стефанъ:—не я ли первый основаль это мѣсто? И прибавиль къ тому другія жесткія слова. Сергій слышалъ все это въ алтарѣ. Ему понятно было, что здѣсь излилось тайное негодованіе многихъ на новый порядокъ обители ³²⁾. По окончаніи вечерни онъ не пошелъ и въ келлію, а удалился изъ обители на мѣсто, называемое Киржачь, гдѣ вскорѣ собралось къ нему не мало братіи и основанъ монастырь. Лучшіе старцы Троицкой обители умоляли святителя Алексія возвратить имъ игумена. Немедленно святитель послалъ къ Сергію двухъ архимандритовъ, убѣждая его возвратиться на первоначальное мѣсто подвига. Узнавъ волю архипастыря, смиренный угодникъ Божій отвѣчалъ посланнымъ: „скажите господину моему митрополиту, что все ишедшее изъ устъ его принимаю, какъ изъ устъ Христовыхъ“. Онъ возвратился въ Троицкую обитель, гдѣ ученики, радуясь возвращенію любимаго наставника, цѣловали руки его, ноги и одежду.

Въ это время святитель Алексій былъ обремененъ заботами о водвореніи мира и утвержденіи единодержавія въ землѣ Русской. Еще прежде, вскорѣ послѣ того, какъ Димитрій Суздальскій безъ борьбы уступилъ престолъ великаго княженія юному Димитрію Московскому, послѣдній долженъ былъ помочь первому въ полученіи Нижегородскаго удѣла, неправильно захваченнаго братомъ его Борисомъ Константиновичемъ по смерти другого брата Андрея. Первосвятитель послалъ въ Нижній-Новгородъ преп. Сергія объявить Борису, чтобы шелъ судиться съ братомъ къ великому князю; но князь отвѣчалъ, что повинуется только велѣніямъ хана. Тогда Сергій, согласно съ волей митрополита, затворилъ всѣ храмы въ Нижнемъ-Новгородѣ, а великій князь двинулъ войска свои; Суздальскіе князья раздѣлились между собою мирно ³³⁾.

Подкрѣпляемый мудрыми совѣтами великаго святителя, юный Димитрій Іоанновичъ усмирилъ своеволіе Новгородцевъ и выдержалъ нѣсколько нападений Ольгерда Литовскаго, который, побѣдивъ нѣмецкихъ рыцарей, скучалъ миромъ и искалъ случая къ войнѣ, несмотря на преклонную свою старость. Онъ усердно помогаль брату второй жены своей, Тверскому князю Михаилу Александровичу, и кровавая брань между Москвою и Тверью продолжалась съ ожесточеніемъ. Михаилъ Тверскій успѣлъ достать себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе и возвратился оттуда съ ханскимъ посломъ. Но время безпрекословнаго повиновенія волѣ ханской уже миновалось. Тщетно посоль звалъ Димитрія во Владиміръ выслушать грамоту хана ³⁴⁾; онъ отвѣ-

³²⁾ Монахи того времени не любили общежитія. Даже и позднѣе пастырямъ Церкви не легко было заводить общины въ монастыряхъ. Изъ обители Сергіевой тайно удалились многіе недовольные общежитіемъ; другіе, болѣе упорные, изгнаны св. Алексіемъ.

³³⁾ Принявъ къ себѣ Димитрія Константиновича Суздальскаго, великій князь въ 1367 году женился на дочери его, благочестивой княжнѣ Евдокіи. Свадьбу праздновали въ Коломнѣ, со всѣми пышными обрядами того времени.

³⁴⁾ Въ это время Мамай успѣлъ соединить двѣ орды: Золотую или Сарайскую и свою Волжскую. Онъ объявилъ ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ съ титуломъ темника.

чалъ: „къ ярлыку не ѣду, Михаила во Владиміръ не пушу, а тебѣ, послу, даю путь свободный“. Дѣйствительно, Михаилъ не только не могъ занять столицы великаго княженія, но, гонимый Московскими отрядами, едва успѣлъ пробраться къ зятю своему Ольгерду въ Вильну. Совѣтники великаго князя убѣдили его и св. Алексія призвать Тверскаго князя для примиренія въ Москву; но здѣсь споры князей еще болѣе усилились, и князь Тверскій былъ на нѣсколько времени задержанъ въ Москвѣ³⁵⁾. Это несчастное происшествіе еще болѣе разожгло закоренѣлую вражду, и великій князь долженъ былъ пять лѣтъ бороться съ Михаиломъ Тверскимъ и наконецъ усмирить его, ополчившись почти со всѣми удѣльными князьями и осадивъ Тверь. Тогда, наконецъ, заключенъ былъ мирный договоръ между Москвою и Тверью³⁶⁾.

Около того же времени Димитрій успѣлъ смирить и Литву, гдѣ въ 1377 году умеръ посѣдѣлый въ коварствѣ старецъ Ольгердъ³⁷⁾.

Земля Русская наслаждалась спокойствіемъ, и всѣ удѣльные князья повиновались великому князю, не какъ старшему между равными, но какъ государю; одинъ только смѣлый Олегъ, князь Рязанскій, оставался тайнымъ врагомъ Москвы и ждалъ случая, чтобы удовлетворить своему честолюбію.

Примиреніе великаго князя съ Михаиломъ Тверскимъ было послѣднимъ государственнымъ дѣломъ великаго святителя Алексія. Послѣдніе годы его были омрачены скорбію о безпорядкахъ, которые современники называли „церковною смутою“. Король Польскій Казиміръ и князь огнепоклонниковъ Ольгердъ сильно злобили на митрополита за попеченіе его о Московскомъ великомъ княжествѣ. Они требовали отъ патріарха Филоея особаго митрополита для западныхъ епархій. Патріархъ былъ вынужденъ уступить волѣ властителей иновѣрныхъ³⁸⁾

³⁵⁾ Михаилъ Тверскій послѣ того жаловался патріарху на св. Алексія и на старанія его усилить могущество Москвы.

³⁶⁾ Въ этомъ договорѣ князь Тверскій далъ клятву за себя и за своихъ наслѣдниковъ признавать великаго князя Московскаго «старшимъ» себѣ братомъ, не искать и не принимать отъ хана ни Владимірской отчины, ни Великаго-Новгорода; а великій князь обѣщаль не вступаться въ удѣлъ князя Михаила и не отнимать у него Тверской отчины.

³⁷⁾ Передъ смертію Ольгерда сбылась надежда святителя Феогноста: Ольгердъ, по убѣжденію второй супруги своей и Печерскаго архимандрита Давида, не только возвратился къ православнои вѣрѣ, но и принялъ схиму съ именемъ Алексія. Онъ погребенъ въ соборномъ храмѣ Богородицы въ Вильнѣ, построеннымъ имъ (еще до отступничества) и освященномъ въ 1348 году св. Алексіемъ, тогда еще намѣстникомъ митрополита Феогноста. Въ недавнее время великій подвижникъ Русской народности, графъ М. Н. Муравьевъ, приступилъ къ возобновленію этого древняго святилища, преданнаго поруганію и запустѣнію папистами. Теперь древній Пречистенскій храмъ уже воскресъ изъ своихъ развалинъ вмѣстѣ съ обновленною Русскою жизнію въ Русской Литвѣ.

³⁸⁾ Казиміръ угрожалъ, что въ случаѣ отказа патріарха онъ заставитъ подвластныхъ ему Русскихъ людей принять Римскую вѣру и подчиниться папѣ. Патріархъ писалъ св. Алексію: «что мы должны дѣлать въ такомъ положеніи? Тебя призываемъ въ судьи: что ты самъ скажешь? Другое дѣло, если бы государь земли былъ православный. Посуди самъ, хорошо ли было бы (если бы такъ случилось, какъ писалъ король». Русск. Св. Февраль, стр. 110).

и посвятилъ въ санъ митрополита Антонія, епископа Галицкаго, а по смерти его — Кипріана, родомъ Серба, и притомъ съ тѣмъ, чтобы по смерти св. Алексія онъ остался митрополитомъ всея Руси. Великій князь Московскій выразилъ сильное неудовольствіе за назначеніе Кипріана безъ его согласія при жизни св. Алексія.

При такихъ обстоятельствахъ маститый первосвятитель, чувствуя приближеніе своей кончины, захотѣлъ, подобно предшественнику своему блаж. Θεогносту, избрать себѣ при жизни достойнаго преемника. Онъ призвалъ къ себѣ преп. игумена Сергія и приказалъ принести для него золотой крестъ. „Прости меня, Владыко, сказалъ съ поклономъ Сергій, я отъ юности не носилъ злата, тѣмъ болѣе въ старости желаю пребывать въ нищетѣ“. Тогда святитель объявилъ богоносному пустынноику, что онъ, чувствуя немощь старческую, намѣренъ посвятить Сергія въ санъ епископа и назначить его своимъ преемникомъ. Не только съ глубокимъ смиреніемъ, но даже съ живою скорбію, отрекся любитель пустыни отъ высокаго назначенія. Долго и настойчиво старался святитель убѣдить Сергія; но смиренный труженикъ сказалъ ему рѣшительно: „Владыко святыи! если не хочешь прогнать нищету мою отъ твоей святыни, не говори о такомъ тяжкомъ бремени моему недостойнству“. Уразумѣвъ, что дальнѣйшія настоянія заставятъ Сергія удалиться въ безвѣстную пустыню, прозорливый святитель отпустилъ его обратно въ монастырь.

Кто можетъ изъяснить это священное состязаніе двухъ праведниковъ! По человѣческимъ соображеніямъ, богомудрый Сергій не хотѣлъ противиться волѣ патріарха, назначившаго митрополитомъ Кипріана, отягчить тѣмъ свою совѣсть и обречь себя на продолжительныя тревоженія. Сверхъ того, по внушенію Духа Божія, онъ могъ ясно вѣдать свое назначеніе, помня слово апостола: каждому дается особенное явленіе духа на пользу (1 Коринѣ. XII, 7). „Великій отецъ нашъ Сергій, какъ бы въ нѣкоторое вознагражденіе православной Церкви за то, что не отдалъ ей въ епископство самого себя, въ обилии возвращаетъ подъ сѣнію своею сыновъ послушанія и разума духовнаго, которыхъ потомъ избраніе церковное призываетъ къ епископству“³⁹⁾.

Между тѣмъ великій князь готовилъ въ преемника престарѣлому святителю своего любимца Михаила (Митяя). Кромѣ осанистой наружности, этотъ Михаилъ отличался обширными познаніями въ дѣлахъ:

³⁹⁾ Отвѣтъ высокопреосвящ. Филарета, митрополита Московскаго, на рѣчь, произнесенную архимандритомъ Леонидомъ при нареченіи его въ санъ епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго.

Изъ обители преп. Сергія вышло 79 архипастырей, а именно: митрополитовъ всея Россіи 3, митрополитовъ епархіальныхъ 11, архіепископовъ 31, епископовъ 32, и сверхъ того 2 архипастыря занимаютъ святительскія каѳедры внѣ предѣловъ Россіи на Востока. Изъ числа этихъ святителей нѣкоторые были настоятелями, другіе — намѣстниками Лавры, остальные получили воспитаніе въ Лаврской семинаріи (1742—1814 г.) и въ Московской духовной академіи, находящейся въ обители преп. Сергія съ 1814 года.

гражданскихъ, много читалъ онъ книгъ и имѣлъ крѣпкую память; бесѣда его была разнообразна и любопытна. Поэтому-то великій князь и взялъ Митяя изъ Коломны, гдѣ былъ онъ священникомъ, и сдѣлалъ его своимъ печатникомъ; потомъ, согласно съ своими видами, убѣдилъ его постричься въ монашество и въ тотъ же день, какъ онъ постригся, сдѣлалъ его архимандритомъ въ своемъ Спасскомъ монастырѣ ⁴⁰⁾. Димитрій усиленно просилъ св. Алексія, чтобы онъ благословилъ Михаила быть преемникомъ митрополіи, но святитель отвѣчаетъ ему: „Михаилъ еще молодъ въ иночествѣ. Я не могу благословить его. Пусть будетъ митрополитомъ тотъ, кого изволитъ Богъ и Пресвятая Богородица и избереетъ патріархъ съ соборомъ“.

Предавая престоль митрополіи и вѣрное свое стадо въ волю Божію, св. митрополитъ и чудотворецъ Алексій предалъ и духъ свой Богу 12 февраля 1378 года, 78 лѣтъ отъ рожденія, пробывъ на кафедрѣ всероссійской митрополіи 24 года. Смиранный первосвятитель повелѣлъ положить тѣло свое внѣ церкви; но благодарный питомецъ его Димитрій, съ совѣта епископовъ, рѣшился отступить отъ его завѣщанія и храненіе священныхъ останковъ предоставилъ той самой обители, которую почившій святитель ввѣрилъ попечительности великаго князя ⁴¹⁾.

Драгоценными памятниками его ученія служить Евангеліе, писанное собственною рукою святителя, окружное посланіе къ паствѣ и посланіе къ Нижегородскимъ христіанамъ.

Евангеліе святителя Алексія писано имъ въ 1355 году, когда онъ былъ въ Константинополѣ и, слѣдовательно, могъ имѣть въ рукахъ лучшіе списки подлинника. Евангелійскій текстъ у св. Алексія, во многомъ несходный съ прежними славянскими списками, заключаетъ не только исправленіе ошибокъ, сдѣланныхъ писцами, но совершенно новый переводъ съ подлинника ⁴²⁾, и отличается буквальною близостью къ греческому тексту. „Сей подвигъ, по словамъ современ-

⁴⁰⁾ Это тотъ самый Спасскій монастырь, который основанъ въ Кремлѣ Іоанномъ Калитою. Позднѣе, при Іоаннѣ III онъ перенесенъ на Крутицы — высокое мѣсто на берегу р. Москвы и по новому мѣсту названъ Новоспасскимъ, а древняя церковь его обращена изъ монастырской въ дворцовую. Теперь Новоспасскій монастырь состоитъ первымъ въ числѣ ставропигіальныхъ первоклассныхъ.

⁴¹⁾ Мощи св. митрополита Алексія были погребены въ построенной имъ Архангельской церкви Чудова монастыря въ правомъ предбалтаріи. Нетлѣніе мощей и даже одеждъ на нихъ открылось 20 мая 1431 года при копаніи рововъ для основанія новаго храма на мѣстѣ стараго, котораго своды обрушились отъ ветхости. Съ того времени стали чтить память великаго святителя; мощи прославлены многими чудесами и исцѣленіямъ. По сооруженіи въ 1686 году теплой церкви во имя св. Алексія цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи перенесли на рукахъ своихъ мощи чудотворца въ новый храмъ, гдѣ почиваютъ онѣ и донныя въ серебряной ракѣ, устроенной послѣ похищенія старинной раки врагами въ 1812 г. Близъ ея сохраняются святительскія облаченія и пастырскій жезлъ великаго угодника Божія.

⁴²⁾ Св. Алексій, какъ видно изъ поправокъ въ переводѣ Евангелія и изъ греческой подписи его (описаніе Румянц. Музея стр. 48), хорошо зналъ по-гречески. Онъ могъ научиться этому языку, когда жилъ и служилъ при митрополитѣ-грекѣ.

наго намъ архипастыря, важень, между прочимъ потому, что чрезъ него святитель, Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличилъ, что неправое мнѣніе людей, явившихся послѣ него, которые даже донинѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнять понятнымъ непозволительно и противно православію: онъ повѣрялъ и исправлялъ; и потому, очевидно, не такъ рассуждалъ, какъ новые ревнители не очень старой старины, а точно такъ же и древле, и нынѣ рассуждаетъ православная Церковь“ ⁴³⁾.

Въ окружномъ посланіи святитель совѣтуетъ христіанамъ: „приходите къ отцу духовному съ покаяніемъ и слезами; отвергните всѣ дѣла злыя и не возвращайтесь къ нимъ. Истинное покаяніе въ томъ, чтобы возненавидѣть свои прежніе грѣхи. Оставивъ всѣ дѣла свои, безъ лѣности собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: отпоемъ себѣ дома. Какъ храмина безъ огня отъ одного дыма не можетъ нагрѣться; такъ и молитва домашняя безъ церковной. Церковь именуется земнымъ небомъ. Въ ней закаляется Агнецъ, Сынъ и Слово Божіе, для очищенія грѣховъ всего міра; въ ней проповѣдуется Евангеліе царствія Божія и писанія св. апостоловъ; въ ней престоль славы Божіей, невидимо осѣняемый херувимами; въ ней руками священническими приемятся тѣло и кровь Божественная и преподаются вѣрнымъ во спасеніе и очищеніе души и тѣла. Имѣйте знаменіе Христово въ душахъ вашихъ. Знакъ же для овецъ стада Божія есть приобщеніе тѣла и крови Христовой. Вы, дѣти, какъ овцы словеснаго стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновивъ на себѣ сего знаменія; причащайтесь тѣла и крови Христовой“.

Въ посланіи къ Нижегородской паствѣ святитель поучаетъ страху Божію и сильно возстаетъ противъ пьянства. „Корень зла,—говоритъ онъ,—поднимающій всякія беззаконія,—пьянство. Оно губить душу, помрачаетъ зрѣлище очей, обезсиливаетъ тѣло, сокращаетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, удаляетъ его отъ Бога и доводитъ до нищеты душевной и тѣлесной“ ⁴⁴⁾.

Ублажая память великаго святителя, истиннаго отца Церкви и государства, святая Церковь взываетъ къ нему: „Радуйся, свѣтило Россійской митрополи, свято-прозябшій гроздь винограда жизни, сопрестольникъ апостоловъ, вѣрный хранитель божественныхъ догматовъ, преблаженный святитель Алексій! Стекаясь съ любовію къ благодатной рацѣ твоей, словословимъ Христа Бога нашего, даровавшаго намъ тебя, угодника Своего, какъ обильный источникъ врачеваній, какъ защиту и утвержденіе престольному граду Москвѣ и всей землѣ Русской ⁴⁵⁾.

⁴³⁾ Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ, въ словѣ на день обрѣтенія мощей св. Алексія.

⁴⁴⁾ Первое изъ этихъ посланій напечатано въ Прибавл. къ Твор. Отцовъ 1849 года, а послѣднее издано К. И. Невоструевымъ въ 1-й книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за 1861 г.

⁴⁵⁾ Тропарь и стихиры изъ службы святителя Алексія, составленной св. Птиримомъ, тогда архимандритомъ, а внослѣдствіи епископомъ Пермскимъ и мученикомъ. Житіе

По преставленіи святителя Алексія великій князь настоятельно хотѣлъ видѣть любимца своего Михаила на каедрѣ первосвятительской, а Михаилъ желалъ, чтобы посвященіе было совершено въ Москвѣ Русскими епископами, нарочно для того созванными. Никто изъ нихъ не смѣлъ прекословить великому князю, кромѣ епископа Суздальскаго, св. Діонисія ⁴⁶⁾, который утверждалъ, что самовольное посвященіе митрополита безъ благословенія патріарха будетъ противно правиламъ церковнымъ. Голосъ святителя, уважаемаго за добродѣтельную жизнь, друга преп. Сергія Радонежскаго, былъ принятъ Димитріемъ. Михаилъ уже считалъ себя первосвятителемъ, позволялъ себѣ украшаться святительской мантиею и бѣлымъ клобукомъ и употреблять жезлъ архіерейскій, перешелъ жить на митрополичій дворъ и завѣдывалъ всѣми судами и сборами церковными. Теперь онъ былъ вынужденъ искать посвященія въ Царьградѣ и, отправляясь туда, грозилъ мщеніемъ не только Діонисію, но и Сергію, котораго считалъ врагомъ своимъ ⁴⁷⁾. Но блаж. игумень, услышавъ объ угрозахъ честолюбца, спокойно сказалъ ученикамъ своимъ: „Михаилъ не получитъ желаемаго и Царяграда не увидитъ“. Предсказаніе праведника сбылось: Михаилъ умеръ на пути въ Царьградъ.

Въ это время великій князь былъ занятъ другими заботами: ему предстояла ожесточенная борьба съ Татарами не только за цѣлость, но и за существованіе Русскаго государства.

Мамай давно уже злобился на Димитрія, который отказывалъ ему въ послушаніи (какъ мы видѣли выше) и осмѣливался обнажать мечъ противъ Татаръ ⁴⁸⁾. Какъ истинный властелинъ орды, Мамай приготовился къ страшному нашествію на Русскую землю. Кромѣ несмѣтныхъ полчищъ монгольскихъ, онъ велъ съ собою наемныя войска и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ ⁴⁹⁾, который условился дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ нимъ присталъ внутренней измѣнникъ, Олегъ Рязанскій, въ надеждѣ распространить свои владѣнія при уничтоженіи Московской державы.

святителя писано по краткимъ запискамъ того же блажен. Питирима Пахоміемъ Логоетомъ въ XV вѣкѣ.

⁴⁶⁾ О св. Діонисіи мы будемъ говорить подробнѣе въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ.

⁴⁷⁾ Преп. Сергій убѣждалъ великаго князя принять Кипріана, уже управлявшаго въ то время западными епархіями, чтобы избѣгнуть вреднаго для Церкви раздѣленія митрополіи. Но на этотъ разъ Димитрій, увлекаемый пристрастіемъ къ своему любимцу, не послушалъ Сергія, а Михаилъ (Митяй) обѣщалъ разорить обитель Сергіеву по возвращеніи изъ Царяграда.

⁴⁸⁾ Въ 1377 году Татары вмѣстѣ съ Мордвою опустошали Нижегородскія и Рязанскія области. Димитрій не побоялся ополчиться противъ нихъ и разбилъ ихъ на берегахъ рѣки Вожи. (Ист. Карамз. V, 28).

⁴⁹⁾ Ягайло или Ягелло, сынъ Ольгерда отъ Іуліаніи Тверской, крещенный въ православіи въ именемъ Іакова, перешелъ въ Римскую вѣру, чтобы жениться на королевнѣ Ядвига и съ нею получить престолъ Польскій. При этомъ онъ поклялся польскимъ бискупамъ ввести папизмъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ и сдѣлался изувѣреннымъ гонителемъ православія.

Великій князь съ своей стороны приготовился къ оборонѣ; съ нимъ соединились все князья удѣльные съ своими дружинами. Составилось ополченіе, какого не видала земля Русская даже въ самыя счастливыя времена своей цѣлости и независимости: болѣе 150,000 всадниковъ и пѣшихъ стояло подъ Коломною, на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ Димитрій обозрѣвалъ войско. Признавая въ богоносномъ игуменѣ Троицкомъ силу вѣры и даръ пророчества, достойный воспитанникъ св. Алексія пришелъ къ преп. Сергію и спрашивалъ его: идти ли ему противъ сильнаго и грознаго врага? Преподобный, совершивъ молитву, благословилъ великаго князя и сказалъ ему: „тебѣ, государь, должно попещись о врученномъ тебѣ христоименитомъ стадѣ; Богъ правды даруетъ тебѣ побѣду и сохранить тебя для вѣчной славы, а многимъ изъ сподвижниковъ твоихъ готовы вѣнцы мученическіе“. Онъ отпустилъ съ Димитріемъ двухъ своихъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Андрея Ослябю, которые были облечены въ схиму и горѣли желаніемъ пролить кровь свою за вѣру христіанскую.

Выступивъ противъ враговъ, великій князь отважно перешелъ Донъ, чтобы предупредить соединеніе Мамаю съ Ягайломъ; здѣсь получилъ онъ отъ преп. Сергія просфору и посланіе, въ которомъ было писано: „иди, иди смѣло, князь, надѣйся на помощь Божію“. Эти слова одушевили мужествомъ Димитрія и все войско Русское. На берегахъ р. Непрядвы, на обширномъ полѣ Куликовомъ, произошла знаменитая кровопролитная битва 8 сентября 1380 г. Мамай не успѣлъ соединиться съ Ягайломъ ³⁰⁾, былъ разбитъ и обратился въ бѣгство. Преп. Сергій во время битвы, стоя съ учениками своими на молитвѣ, говорилъ объ успѣшномъ ходѣ сраженія и о рѣшительной побѣдѣ надъ врагами; онъ даже наименовалъ павшихъ на полѣ брани и принесъ за нихъ молитву. Въ числѣ ихъ были оба инока, посланные Сергіемъ на войну. Одинъ изъ нихъ, Пересвѣтъ, мужественно вступилъ въ бой съ татарскимъ великаномъ и богатыремъ, Темиръ-Мурзою: они ударили другъ друга копьями и оба пали мертвыми съ коней ³¹⁾.

Великій князь, возвратясь съ побѣдою, благодарилъ богомудраго Сергія за совѣты и молитву и съ восторгомъ восхвалялъ милость Божію. Вся Русская земля ликовала, въ первый разъ послѣ пораженія

³⁰⁾ Въ день Куликовской битвы Ягайло былъ не болѣе, какъ въ 40 верстахъ отъ Мамаю; узнавъ о пораженіи своего союзника, онъ послѣшно бѣжалъ.

³¹⁾ Пересвѣтъ былъ прежде бояриномъ Брянскимъ. Послѣ Мамаева побоища тѣла иноковъ-витязей перевезены въ Москву и погребены на Старомъ Симоновѣ, гдѣ теперь приходская церковь Рождества Богородицы, близъ Симонова монастыря. Карамзинъ (V прим. 82) говоритъ: «разбирая колокольню сей церкви, въ царствованіе Екатерины II, нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Ослабы и Пересвѣта; нынѣ она стоитъ въ трапезѣ, а камень закладенъ въ стѣнѣ». Въ рукописныхъ святахъ сказано: «Преподобномученицы здѣ на Симоновѣ положены у церкви Рождества Богородицы, ученицы Сергіевы во иноцѣхъ Адріанъ (Андрей Ослаба), во иноцѣхъ Александръ (Пересвѣтъ) что были посланы отъ чудотворца Сергія на безбожнаго Мамаю».

одержавъ побѣду надъ невѣрными. Благодарные современники единогласно прозвали Димитрія Донскимъ, двоюроднаго брата его, Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича, одного изъ главныхъ виновниковъ счастливой побѣды,—Храбрымъ, а самую битву — Мамаевымъ побоищемъ. Эта достославная битва еще не освободила Русской земли отъ постыднаго ига, даже не прекратила варварскихъ нашествій ⁵²⁾, но доказала возрожденіе силъ Руси и явилась зарею ея свободы и независимости.

Молитвенное участіе въ пораженіи Мамаю не было послѣднимъ опытомъ любви къ отечеству въ жизни дивнаго пустытника. Въ 1385 года преп. Сергій ходилъ въ Рязань, чтобы примирить великаго князя съ коварнымъ Олегомъ. Богомудрый игумень умѣлъ смягчить сердце вѣроломнаго князя, и онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній союзъ, скрѣпленный потомъ и родственною связью ⁵³⁾.

Любовь и вѣра Донскаго героя къ основателю Лавры Троицкой была такъ велика, что онъ имѣлъ преп. Сергія восприемникомъ дѣтей своихъ отъ святой купели и свидѣтелемъ при своемъ духовномъ завѣщаніи ⁵⁴⁾.

Великій князь Димитрій Донской скончался въ 1389 году послѣ краткой болѣзни, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста. По словамъ лѣтописца, невозможно описать скорби народной о смерти любимаго государя, котораго современники называли „орломъ высокопарнымъ“. Долго не умолкали стенанія и вопли. Кроткій и незлобивый какъ младенецъ, но твердый въ дѣлахъ правленія, мужественный въ битвахъ, смиренный въ счастіи, терпѣливый въ бѣдствіяхъ, чистый и цѣломудренный, добрый отецъ семейства, Димитрій былъ достойнымъ питомцемъ великаго святителя Алексія; онъ ежедневно ходилъ въ церковь, часто приступалъ къ св. Тайнамъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ, но не пожелалъ, по примѣру предковъ, принять передъ смертію иноческаго постриженія ⁵⁵⁾. Престоль великаго княженія наследовалъ старшій сынъ его, 17-тилѣтній Василій.

⁵²⁾ Спустя два года послѣ Мамаева побоища, Тохтамышъ, побѣдитель Мамаю, вторгнулся въ предѣлы Россіи и разорилъ Москву. Димитрій, не успѣвъ собрать сильнаго войска, долженъ былъ удалиться съ семействомъ своимъ въ Кострому.

⁵³⁾ Въ 1387 году сынъ Олега, Ѳеодоръ, женился на княжнѣ Московской Софьѣ Дмитріевнѣ. Предъ концемъ жизни своей Олегъ, мучимый раскаліемъ, принялъ иночество и схиму въ основанномъ имъ Солотчинскомъ монастырѣ, въ 18 верстахъ отъ Рязани. Онъ жилъ тамъ строгимъ подвижникомъ, носилъ власяницу, а подъ нею ту самую стальную кольчугу, которую не захотѣлъ надѣть на себя для защиты отечества противъ Мамаю. Также и благочестивая супруга его Евфросинія окончила жизнь инокинею. Общая гробница князя и княгини находится въ соборной церкви Солотчина монастыря. Многіе жители Рязани и сосѣднихъ уѣздовъ приходятъ на поклоненіе и служатъ панихиды, надѣвая на себя кольчугу Олега (Странникъ. 1862. № 9, стр. 390 и 398).

⁵⁴⁾ Въ духовномъ завѣщаніи Донскаго, прекрасномъ по чувству христіанскому и по значенію политическому, нельзя не ощущать вѣянія духа Сергіева.

⁵⁵⁾ Въ рукописныхъ святцахъ Димитрій Донской вписанъ въ число святыхъ и названъ царемъ.

Между тѣмъ богоносный Сергій, подвизаясь въ пустынѣ своей, возрасталъ духомъ и восходилъ отъ силы въ силу. Мы не можемъ описать здѣсь безчисленныхъ знаменій, въ которыхъ разнообразно являлась дарованная Сергію благодать Господня; но не должны умолчать объ одномъ чудесномъ видѣніи, которое не только преисполнило небесною радостію самого дивнаго подвижника, но сохранилось вѣчнымъ залогомъ благоволенія Божія къ обители Сергіевой. Однажды въ глубокую ночь Сергій пѣлъ акаѳистъ предъ иконою Богоматери и молилъ Царицу небесную, да призреть на избранное имъ мѣсто. Окончивъ правило, онъ сѣлъ отдохнуть; но вдругъ сказалъ ученику своему Михею: „бодрствуй, чадо, мы будемъ имѣть чудное посѣщеніе“. Едва сказалъ онъ эти слова, какъ услышанъ былъ голосъ: „Пречистая грядетъ“. Преподобный поспѣшилъ изъ кельи въ сѣни, и тамъ осіялъ его великій свѣтъ ярче солнечнаго. Онъ узрѣлъ Богоматерь, сопровождаемую апостолами Петромъ и Іоанномъ. Сергій палъ на землю. Препоблагая Матерь коснулась его и сказала: „Не бойся, избранникъ мой, молитва твоя о ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя Я неотступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее“. Когда видѣніе кончилось и преподобный Сергій пришелъ въ себя, онъ нашелъ ученика своего полумертвымъ отъ страха и поднялъ его. „Скажи, отче,—спрашивалъ блаженный Михей,—что за чудное видѣніе? Душа моя едва не разрѣшилась отъ тѣла“. Но Сергій не могъ еще говорить отъ сильныхъ движеній духа; только лицо его цвѣло и сіяло радостію ⁵⁶⁾).

Наконецъ приближалось время богоносному Сергію перейти къ нескончаемому божественному видѣнію. Предвидя приближеніе кончины, преп. игумень поручилъ обитель управленію ученика своего Никона, а самъ вступилъ въ совершенное безмолвіе. Въ сентябрѣ онъ почувствовалъ предсмертный недугъ, призвалъ сподвижниковъ своихъ и далъ имъ послѣднія наставленія. Предъ самымъ исходомъ души праведникъ принялъ св. Тайны Христовы и предалъ чистую душу свою Господу 25 сентября 1392 года на 78 году жизни. Въ минуту разрѣшенія души отъ тѣла небесное благоуханіе разлилось въ кельѣ, и ликъ богоноснаго старца сіялъ дивнымъ свѣтомъ и чистотою. Св. мощи были преданы землѣ близъ деревянной церкви, построенной первоначальникомъ Троицкой обители.

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій, игумень Радонежскій, чудотворецъ, не только великій свѣтильникъ благодати, но и особенный избранникъ Божій въ дѣлѣ распространенія иноческой жизни: онъ отецъ монашества средней Руси; послѣдующія судьбы основанной имъ Лавры показываютъ въ немъ дивнаго заступника земной отчизны его. „Благодареніе Богу,—скажемъ съ блаж. Епифа-

⁵⁶⁾ Это видѣніе было въ постъ Рождества Христова, въ пятницу, вѣроятно въ послѣдній годъ жизни преп. Михея, который скончался 5 мая 1389 года (Рус. Св. сентябрь, стр. 176).

ніемъ ⁵⁷⁾,—что Онъ дароваль намъ такого богоугоднаго старца, святого и преподобнаго Сергія“.

„Отъ юности ты приняль Христа въ душу твою, преподобный, и болѣе всего желаль уклониться отъ шума мірскаго, мужественно поселился въ пустынь и въ ней возрастилъ чада послушанія, плоды смиренія. Всѣхъ, приходящихъ къ тебѣ съ вѣрою, ты просвѣщаешь чудесами и всѣмъ обильно подаешь исцѣленія. Подвижникъ добродѣтелей, истинный воинъ Бога-Христа, ты много подвизался противъ страстей въ жизни временной, былъ образцомъ для учениковъ своихъ въ молитвахъ, постѣ и бдѣніи; а потому и вселился въ тебя Пресвятый Духъ, свѣтло украсивъ тебя Своими дарами. Предстоя престолу святой Троицы, поминай стадо, которое ты мудро собралъ, и не забудь посѣщать, по обѣщанію, чадъ твоихъ, Сергію, преподобный отецъ нашъ“ ⁵⁸⁾.

---

⁵⁷⁾ Первоначальное житіе преп. Сергія написано ученикомъ его блаж. Епифаніемъ, который (какъ видно изъ его предисловія) принялся за этотъ трудъ вскорѣ по преставленіи своего блаж. наставника, писалъ то, что видѣлъ своими глазами, а о томъ, что было до него, собираль свѣдѣнія отъ древнихъ старцевъ и отъ Стефана, брата преп. Сергія. Житіе, писанное Епифаніемъ и пересмотрѣнное Пахоміемъ Логоветомъ въ XV вѣкѣ, напечатано въ 1647 году.—Самый древній изъ сохранившихся списковъ рукописнаго житія, писанный на Аеоѣ въ 6939 (1431) году и переписанный Угрѣшскимъ игуменомъ Іоною, хранится въ бібліотекѣ Лавры. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ составляли житіе преп. Сергія: 1) Высокопреосвящен. Филаретъ, митрополитъ Московскій, въ 1822 году и 2) Преосвящ. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, въ изданіи его «Русскіе Святые», сентябрь, 1865.—Чудеса преп. Сергія описывали: 1) Пахомій Логоветъ; 2) келарь Троицкой Лавры Симонъ Азарыинъ; 3) Митрополитъ Филаретъ: «Нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти»; 4) Монастырскія письма, 1863; 5) нѣкоторыя изъ новѣйшихъ чудесъ описаны въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. Предѣлы статьи не дозволили намъ исчислять здѣсь чудеса великаго чудотворца, въ своемъ мѣстѣ упомянемъ о томъ, которыя имѣли отношеніе къ судьбамъ Церкви и государства.

⁵⁸⁾ Два тропаря преп. Сергію. Служба ему написана Пахоміемъ Логоветомъ: акантисъ, употребляемый въ Лаврѣ, приписывается митрополиту Платону.

Г Л А В А VI.

Видѣніе преп. Сергія объ ученикахъ его. — Преп. Никонъ Радонежскій.—Обители иноческія, основанныя преп. Сергіемъ.—Ученики его, основатели монастырей: Романъ Киржачскій, Андроникъ и Савва Московскіе, Ѳеодоръ и Павелъ Борисоглѣбскіе, Ѳеодоръ Симоновскій (послѣ архіепископъ Ростовскій), Меодій Пѣшношскій, Аѳанасій Серпуховскій, Савва Стромьинскій, Григорій Голутвинскій, Никита Высоцкій, Ѳерапонтъ Боровенскій, Аврамій Чухломскій, Савва Дубенскій и Сторожевскій, Ксенофонтъ Тутанскій, Іаковъ Желѣзнодорожскій, Аѳанасій и Ѳеодосій Череповскіе, Пахомій Нерехотскій, Никита Костромскій, Сильвестръ Обнорскій, Павелъ Обнорскій, Сергій Нуромскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ Можайскій.

Однажды, въ глубокой вечеръ во время молитвы великій чудотворецъ Сергій услышалъ голосъ, звавшій его по имени. Сотворивъ молитву, онъ открылъ окно и увидѣлъ необыкновенный свѣтъ съ неба. „Сергій,—говорилъ голосъ,—Господь услышалъ молитву твою о чадахъ твоихъ!“ Чудотворецъ увидѣлъ множество прекрасныхъ птицъ. Небесный голосъ продолжалъ: „такъ умножится число учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ“. Сергій въ удивленіи и радости позвалъ къ себѣ ученика своего Симона, и тотъ успѣлъ еще видѣть нѣкоторые остатки явленія.

Эти прекрасныя птицы, порхавшіе въ обители Сергіевой и вокругъ ея, изображали собою достойныхъ учениковъ великаго наставника. Одни изъ нихъ до гроба оставались въ обители отца своего; другіе были основателями монастырей вокругъ престольнаго града, послужившихъ образцомъ благочестія для живущихъ въ шумѣ мірской жизни; наконецъ, третьи удалились въ непроходимыя дебри сѣвѣра и оттуда свѣтили міру дивными подвигами и распространяли вѣру Христову между полудикимъ населеніемъ.

Въ числѣ учениковъ преподобнаго Сергія первое мѣсто принадлежитъ тому, котораго самъ великій отецъ иноковъ назначилъ своимъ преемникомъ. Преподобный Никонъ, уроженецъ Юрьева-Поволжскаго, еще въ ранней юности слышалъ о подвигахъ Сергія и пришелъ къ нему. Но Сергій, вѣроятно, находя неудобнымъ присоединить къ собору опытныхъ старцевъ юношу, который могъ нуждаться въ отдѣльномъ руководствѣ, не принялъ въ свою Лавру своего будущаго пре-

емника и отослалъ его въ Серпуховской Высоцкiй монастырь къ ученику своему Аѳанасiю. Никонъ пробылъ тамъ не болѣе двухъ лѣтъ ¹⁾, много успѣлъ въ иноческихъ добродѣтеляхъ и удостоенъ евященства. Послѣ того преп. Сергiй, видя успѣхи Никона въ духовной жизни, принялъ его въ свою обитель и велѣлъ ему жить въ своей кельѣ. Здѣсь будущiй игуменъ Сергiевой обители нашель для себя „высшее училище духовнаго любомудрiя въ бесѣдѣ богомудраго Сергiя и новое поощренiе къ подвигамъ и добродѣтелямъ въ близкомъ его примѣрѣ, и огражденiе отъ искушенiй въ его прозорливомъ руководствѣ, и подкрѣпленiе противъ немощи въ его сильной молитвѣ, и райское утѣшенiе въ общенiи сей молитвы. Любящее сердце препод. Сергiя было для Никона отверстою дверью, отколѣ исходили къ нему благодатный свѣтъ и миръ; вѣрное сердце Никона къ Сергiю было также отверстою дверью для открытiя помысловъ и душевныхъ движенiй, дабы никакая мгла сомнѣнiя или смущенiя не уменьшала чистоты совѣсти. Такъ почилъ на Никонѣ духъ Сергiя, который сперва возложилъ на него часть своихъ попеченiй о братiи подъ своимъ смотрѣнiемъ, а наконецъ, за шесть мѣсяцевъ до своего преставленiя, совершенно передалъ ему начальство надъ своею Лаврою“ ²⁾.

Принявъ на себя настоятельство (въ 1392 году), преп. Никонъ выполнялъ съ точностью всѣ заповѣди богоноснаго своего наставника и раздѣлялъ труды съ братiей. Самое имя Никона пользовалось всеобщимъ уваженiемъ, какъ нѣчто священное ³⁾, но слава человѣческая тяготила смиреннаго подвижника; онъ испросилъ себѣ у братiи увольненiе отъ игуменства и провель шесть лѣтъ въ безмолвiи. Когда же избранный на мѣсто его игуменъ отказался отъ начальства, преп. Никонъ по неотступнымъ просьбамъ братiи снова принужденъ былъ принять на себя настоятельскiя заботы, но съ условiемъ, чтобы отдѣлять себѣ изъ каждаго дня нѣкоторую часть для безмолвнаго богомыслия и слезной молитвы.

Пустынная жизнь въ обители Сергiевой текла тихо и богоугодно. Но святому мѣсту неожиданно грозило разрушенiе. Въ 1408 году слухъ приближающагося нашествiя невѣрныхъ поколебаль страхомъ всю землю Русскую. Препод. Никонъ молилъ Господа о защитѣ и призывалъ на помощь чудотворца Сергiя, дабы не погибли плоды многолѣтнихъ, благословенныхъ трудовъ его. Однажды послѣ долгой ночной молитвы онъ присѣлъ для отдыха и задремалъ. Внезапно явились ему святители Петръ и Алексiй и съ ними богоносный Сергiй. „Такъ угодно судьбамъ Божиимъ,—сказалъ Сергiй,—чтобы нашествiе иноплеменниковъ коснулось и сего мѣста. Но ты, чадо, не скорби и не смущайся: искушенiе будетъ непродолжительно, и обитель моя не запустѣеть, но

1) «Русские Святые», подъ 17 ноября, примѣчанiе 118.

2) Житiе преп. Никона, составл. высокопреосв. Митрополитомъ Филаретомъ.

3) «Бысть имя его (Никона) яко священiе нѣкое обносимо». Рукоп. житiе пр. Никона Лавр. Библ. № 692, л. 177.

послѣ распространится еще болѣе“. Послѣ того явившіеся изрекли Никону миръ и исчезли съ глазъ его.

Вскорѣ за предвѣщаніемъ послѣдовало событіе. Татарскій военачальникъ Эдигей, недовольный тѣмъ, что великій князь Василій Дмитріевичъ не помогаль хану въ походѣ противъ Литвы, устремился съ полчищами ханскими прямо къ Москвѣ. При этой страшной вѣсти великій князь, не имѣя готоваго сильнаго войска, удалился съ семействомъ въ Кострому. Онъ надѣялся на крѣпость стѣнъ кремлевскихъ, на суровость зимы (это было въ концѣ ноября 1408). Защитникомъ Москвы остался дядя великаго князя, князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятью Куликовской битвы; онъ ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности, но принужденъ былъ выжечь посады, чтобы не подпустить враговъ слишкомъ близко къ стѣнамъ кремлевскимъ. Эдигей, обложивъ Москву, напрасно ждалъ къ себѣ князя Тверского съ стѣнобитными орудіями ⁴⁾ и не предпринималъ ничего противъ столицы, опасаясь дѣйствія кремлевскихъ пушекъ. Несмотря на недостатокъ нужныхъ для приступа снарядовъ, онъ хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ, чтобы взять Москву голодомъ, а между тѣмъ отряды Татаръ разсыпались по областямъ великаго княженія, сожгли и разорили ихъ, ограбили церкви и монастыри. Тогда въ числѣ прочихъ опустошена и сожжена обитель великаго чудотворца Сергія.

Только три недѣли продолжалась осада Москвы: Эдигей получилъ отъ хана Булата извѣстіе о внутреннихъ смутахъ въ Ордѣ и долженъ былъ поспѣшить въ свои степи, взявъ выкупъ съ жителей Московскихъ. Великій князь воротился въ столицу и съ любовью обнялъ храбраго дядю ⁵⁾.

Тогда и преп. Никонъ возвратился на пепелище обители, изъ которой успѣлъ удалиться заблаговременно и притомъ спасти нѣкоторыя святыни: утварь преп. Сергія и книги. Блаженный игумень снова устроилъ обитель на прежнемъ мѣстѣ съ деревяннымъ храмомъ св. Троицы.

„Другъ молчанія, дѣлатель бдѣнія, образецъ цѣломудрія, неистощимое сокровище молитвы“ ⁶⁾, преп. Никонъ занимался преимущественно богослуженіемъ, келейною молитвою и чтеніемъ книгъ ⁷⁾.

⁴⁾ Князь Іоаннъ Михайловичъ Тверской, несмотря на недавнюю борьбу отца своего съ Донскими, не хотѣлъ быть измѣнникомъ и не присоединился къ Эдигею.

⁵⁾ Князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый скончался въ 1410 году, съ доброю славой князя мужественнаго, любившаго отечество болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ старшаго въ родѣ и былъ между князьями Русскими первымъ дядею, служившимъ племяннику. Въ духовной записи, при которой былъ свидѣтелемъ преп. Никонъ Радонежскій, отъ поручаетъ жену и дѣтей великому князю, дѣлить удѣлъ свой между сыновьями и вмѣняетъ имъ въ обязанность «служить» Василью и дѣтямъ его.

⁶⁾ Служба преп. Никону въ ноябрьской книгѣ Миней 1646 года.

⁷⁾ Въ Лаврѣ сохранились служебныя книги преп. Никона: Евангеліе, Служебникъ и Октоихъ отъ 4 до 8 гласа, также писанныя при немъ Диоптра, Филиппа Пустынника, Лѣствица съ 44 главами Григорія Синаита и поученія Аввы Дороея (Описаніе Серг. Лавры, стр. 41, 42, 152 и 155).

Радостнымъ вѣнцомъ и сладостною наградою терпѣнія и подвиговъ преп. Никона было явленіе и прославленіе цѣльбоносныхъ мощей чудотворца Сергія.

Когда исполнилось 30 лѣтъ по преставленіи преп. Сергія, Богъ благоволилъ явить міру сокровище святыни. Преп. Никонъ, приступа къ созданію каменнаго храма, въ присутствіи князя Звенигородскаго и Галичскаго, Юрія Димитріевича, вынесъ изъ земли мощи отца своего 5 іюля 1422 года. При открытіи гроба разлилось благоуханіе необыкновенное. И не только тѣло чудотворца оказалось нетлѣннымъ, самыя одежды его были невредимы, хотя съ обѣихъ сторонъ гроба стояла вода. Мощи на время поставлены были въ деревянномъ храмѣ. Каменный храмъ, какъ мѣсто покоя великаго Сергія ⁸⁾, созидался и украшался съ благоговѣйною любовью и съ усердными молитвами. Онъ и теперь, не потрясаемый вѣками, освящаетъ молящихся, и руки нечестивыхъ враговъ донинѣ не прикасались къ нему. Святыя мощи препод. Сергія перенесены въ новый храмъ при самомъ его освященіи.

Вскорѣ послѣ того преп. Никонъ почувствовалъ близость кончины. Уже на одрѣ болѣзни призвалъ онъ братію и далъ послѣднее наставленіе. Въ предсмертномъ изнеможеніи онъ сказалъ: „отнесите меня въ свѣтлую храмину, уготованную мнѣ молитвами отца моего“, и скончался 17 ноября 1428 года. Мощи его были преданы землѣ подлѣ храма, въ которомъ почивали уже открыто обрѣтенныя имъ мощи великаго чудотворца Сергія ⁹⁾.

Нѣсколько обителей иноческихъ основаны самимъ преп. Сергіемъ или учениками его съ благословенія великаго учителя прежде блаженной его кончины.

Такъ, когда преп. Сергіи удалился изъ своей обители, чтобы избѣгнуть тревоги и несогласія, онъ поселился въ лѣсу близъ рѣки Киржача на прекрасномъ высококомъ мѣстѣ и основалъ малый монастырь съ церковью Благовѣщенія Богородицы. Вскорѣ послѣ того, возвращаясь, по волѣ святителя Алексія, въ свой монастырь, преп. Сергіи поручилъ ученику своему Роману окончить устроеніе новой пустынной обители и быть въ ней наставникомъ иноковъ. Блаж. Романъ исполнилъ заповѣдь отца своего: устроилъ Благовѣщенскій монастырь и былъ образцомъ подвижнической жизни для своей братіи. Онъ преставился 28 іюля 1392 года ¹⁰⁾.

⁸⁾ Мощи преп. Сергія почиваютъ открыто въ Троицкомъ соборѣ Лавры, построенномъ преп. Никономъ изъ блага камня, въ серебряной позолоченной рацѣ, устроенной царемъ Іоанномъ. Эта рака опущена въ другую, также серебряную, которая, равно какъ рѣшетка и сѣнъ на столпахъ, вылиты изъ серебра усердіемъ императрицы Анны.

⁹⁾ Надъ могилою преп. Никона построенъ около 1560 года каменный храмъ во имя его. Мощи преп. Никона почиваютъ здѣсь подъ гробницей, покрытою серебромъ. Рака великаго Сергія отдѣляется одною каменною стѣной отъ раки ученика его. Память преп. Никона установлена чтить повсемѣстно на соборѣ 1547 года, но служба ему написана была Пахоміемъ Логовостомъ почти за сто лѣтъ ранѣе, по волѣ св. митрополита Іоны.

¹⁰⁾ Преп. Романъ въ рукописныхъ святцахъ поставленъ въ числѣ святыхъ. Монастырь его былъ постоянно приписнымъ къ Сергіевой Лаврѣ и ураздненъ въ 1764 году, Толстаго.—Исторія Русск. Церкви.

Въ предыдущей главѣ мы упоминали объ основаніи въ 1361 году св. митрополитомъ Алексіемъ Спасскаго монастыря на берегу р. Яузы подъ Москвою. Первымъ игуменомъ этой обители былъ Андроникъ, одинъ изъ любимыхъ учениковъ великаго Аввы Сергія, уроженецъ Ростовскій, отличавшійся при строгомъ постничествѣ кротостью и глубокимъ смиреніемъ. Вскорѣ по устроеніи обители отецъ и наставникъ монашествующихъ, Сергій, приходилъ посмотрѣть на трудъ ученика своего и благословить новое мѣсто подвиговъ иноческихъ ¹¹⁾. Преставленіе преп. Андроника, по всей вѣроятности, относится къ первымъ годамъ XV вѣка ¹²⁾. Преемникомъ его былъ ученикъ его преп. Савва, а третьимъ игуменомъ — Александръ, ученикъ Саввы и самого Андроника. Онъ построилъ въ обители своей прекрасную каменную церковь.

Вскорѣ послѣ построенія храмъ Спасовъ росписанъ былъ лучшими иконописцами того времени, Андрониковскими іеромонахами: старцами Данииломъ Чернымъ и ученикомъ его Андреемъ Рублевымъ. Они поступили въ сію обитель еще при преп. Андроникѣ и отличались такою ревностью къ посту и иноческимъ подвигамъ, что удостоились божественной благодати; они столько возвысились въ святой любви къ Богу, что никогда не занимались земнымъ, но всегда умъ и мысли свои возносили къ невещественному и божественному свѣту, а чувственное око всегда возводили къ написаннымъ вещественными красками ликамъ Владыки Христа, Пречистой Матери Его и всѣхъ святыхъ. Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова они, сидя на скамейкахъ и имѣя предъ собою честныя иконы, смотрѣли на нихъ неуклонно и исполнялись святою радостію и свѣтомъ. Такъ поступали они и въ другое время, когда не занимались писаніемъ иконъ ¹³⁾. Послѣдніе труды ихъ уже въ глубокой старости посвящены были росписанію двухъ соборовъ: Троицкаго, въ Сергіевой Лаврѣ, и Спасскаго, въ своемъ монастырѣ. Вскорѣ Господь за богоговѣйное

при чемъ монастырскіе храмы обращены въ приходскіе заштатнаго города Киржача, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда. У южной стѣны древняго Благовѣщенскаго храма въ особой палаткѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Романа; на мѣдной гробницѣ вычеканены тропарь и кондакъ (Владим. Губер. Вѣдомости 1864 г., № 30).

¹¹⁾ Московскій Спасо-Андрониковскій монастырь имѣлъ 1674 души крестьянъ, а нынѣ положенъ во второмъ классѣ. Близъ него, на прежней Нижегородской дорогѣ, донныиъ стоитъ часовня, поставленная, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ преп. Сергій послѣ продолжительной бесѣды съ Андроникомъ простился съ нимъ и пошелъ въ Нижній-Новгородъ по порученію митрополита Алексія.

¹²⁾ Изслѣдованія о времени кончины преп. Андроника можно найти въ описаніи обители его, составленномъ въ 1865 году, прилож., стр. 3—6. Преемникъ его, преп. Савва скончался около 1415 года. Мощи двухъ первыхъ игуменовъ Спасской обители почиваютъ въ главной церкви ея подъ спудомъ.

¹³⁾ Иконы, писанныя блаж. Данииломъ и Андреемъ Рублевымъ, пользовались большою извѣстностію съ XV в. и до нашего времени. Эти знаменитые иконописцы расписывали Благовѣщенскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ и Успенскій во Владимірѣ. Изъ числа сохранившихся образцовъ ихъ кисти особенно замѣчательна храмовая икона въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры.

украшеніе св. храмовъ воззвалъ ихъ обоихъ созерцать славу небесныхъ обитателей и лики праведниковъ на небѣ. Блаженный Андрей предварилъ свою кончиною наставника своего Данила; спустя немного времени, и Даниль сталъ приближаться къ смерти; передъ самымъ преставленіемъ онъ увидѣлъ возлюбленнаго ему Андрея, въ радости призывающаго его къ себѣ ¹⁴).

Вскорѣ по основаніи Андроникова монастыря въ Москвѣ, когда преп. Сергій въ 1363 году приходилъ на родину для примиренія Ростовскихъ князей съ великимъ княземъ, два пустыннотителя, Ѳеодоръ и Павелъ, просили у богоноснаго старца благословенія для устройства обители и указанія мѣста. Первый изъ нихъ пришелъ изъ Новгородской стороны въ Черный лѣсъ на рѣкѣ Устьѣ, построилъ себѣ изъ хвороста хижину, а при большой дорогѣ, изъ Бѣлозерска въ Москву, повѣсилъ на деревѣ кузовокъ, чтобы принимать отъ проходящихъ милостыню для своего пропитанія. Онъ жилъ, какъ птица небесная, безъ заботъ о земномъ, проводя время въ молитвахъ. Спустя три года, пришелъ къ нему Павелъ, и оба старца вмѣстѣ обратились къ великому отцу пустыннотителей, бывшему тогда въ Ростовѣ. Сергій избралъ прекрасное мѣстоположеніе на берегу рѣки Устья, въ 15 верстахъ отъ города, и сказалъ пустынникамъ: „призрѣть Богъ и Пресвятая Богородица на мѣсто сіе“. Ободренные этими словами, а потомъ и явленіемъ св. Бориса и Глѣба, Ѳеодоръ и Павелъ построили монастырь Борисоглѣбскій. Игуменъ Ѳеодоръ, послѣ недолгаго настоятельства, поручилъ обитель сотруднику своему Павлу, а самъ удалился сначала на берегъ Кубенскаго озера, а потомъ на устьѣ рѣки Ковжи, гдѣ основалъ новый монастырь ¹⁵). Предузнавъ кончину свою, блаж. старецъ возвратился въ Борисоглѣбскую обитель, гдѣ и преставился 22 октября 1410 года. Вскорѣ послѣ него скончался и преп. Павелъ ¹⁶).

Въ 1365 году, возвращаясь изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, преп. Сергій положилъ основаніе Георгіевской пустыни въ Гороховскомъ округѣ на рѣкѣ Клязьмѣ ¹⁷).

¹⁴) Духов. грам. преп. Іосифа Волоцкаго, слово 10. Рукоп. Синод. Библ., № 25. Рус. Св. подъ 12 іюня. Блаж. Даниль иконописецъ и Андрей Рублевъ, сподвигъ его, въ старинныхъ святцахъ поставлены въ числѣ святыхъ. Они скончались въ 1427 году и погребены въ Андрониковскомъ монастырѣ.

¹⁵) Ковженскій Николаевскій монастырь находится въ 40 верстахъ отъ города Бѣлозерска, на устьѣ рѣки Ковжи, впадающей въ Бѣлое озеро. Строеніе въ немъ было все деревянное. По ветхости и бѣдности онъ упраздненъ еще до учрежденія штатовъ (Истор. Росс. Герар. ч. VI, стр. 548).

¹⁶) Борисоглѣбскій, что на устьѣ, второклассный монастырь замѣчательнъ по громаднѣмъ постройкамъ конца XVI и начала XVII вѣка. Каменная ограда до 15 аршинъ вышиною, а въ окружности около версты, съ 14 башнями и множествомъ бойницъ; огромные храмы, высокая одноярусная колокольня,—все это напоминаетъ прежнее богатство обители, теперь давно уже обѣднѣвшей. Мощи преп. Ѳеодора и Павла почиваютъ подъ спудомъ въ построенномъ ими соборномъ храмѣ монастыря. Свѣдѣнія о нихъ взяты изъ древне-рукописной повѣсти (Библ. Сергіевой лавры, Сборникъ подъ № 20).

¹⁷) Эта пустынь была приписаною къ Сергіевой лаврѣ и давно уже упразднена (Описание Лавры, стр. 164. Ист. Герар. III, 688).

Въ числѣ учениковъ преп. Сергія находился родной племянникъ его, сынъ брата его Стефана, Феодоръ (въ мѣрѣ Іоаннъ). Онъ приведенъ отцомъ на 13-мъ году въ пустыню Сергія и тогда же былъ постриженъ въ монашество. Подъ непосредственнымъ руководствомъ игумена-дяди юный инокъ возрасталъ въ чистотѣ и святости, недоступный соблазнамъ грѣшнаго міра. Въ душѣ его не было ничего сокровеннаго для отца и наставника; онъ открывалъ ему свои грѣхи и помыслы тревожные и днемъ и ночью. Удостоившись священства въ обители Сергіевой, Феодоръ почувствовалъ желаніе основать новый общежительный монастырь. Св. Сергіій, видя твердость и неизмѣняемость этого помысла въ продолженіе многаго времени, призналъ его дѣломъ Божиимъ и согласился отпустить Феодора и съ нимъ нѣсколько братіи, чтобы они избрали мѣсто для новой обители. Имъ понравилось мѣсто близъ р. Москвы, по имени Симоново. Сергіій самъ приходилъ осмотрѣть это мѣсто, одобрилъ и благословилъ. Тогда Феодоръ, съ разрѣшенія святителя Алексія, поставилъ церковь Рождества Богородицы и основалъ общежительный монастырь, извѣстный донинѣ подъ именемъ Симонова ¹⁸⁾. Отличаясь не только привлекательною наружностію, но и добродѣтелями иноческими и обширнымъ умомъ, новый игумень пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Великій князь Димитрій Донской избралъ его духовникомъ своимъ и часто поручалъ ему дѣла церковныя. Такъ въ 1381 году Димитрій посылалъ Феодора въ Кіевъ, чтобы пригласить въ Москву митрополита Кипріяна, а въ 1383 г. отправлялъ его съ порученіями въ Царьградъ къ патріарху Нилу, который, бесѣдуя съ Феодоромъ, весьма полюбилъ его, посвятилъ въ санъ архимандрита и возвелъ монастырь его на степень патріаршей ставропигіи. Наконецъ, въ 1388 году преп. Феодоръ снова путешествовалъ въ Царьградъ съ порученіемъ Великаго князя, который писалъ, что желаетъ видѣть его на святительской каедрѣ. Патріархъ рукоположилъ Феодора въ санъ архіепископа въ Ростовъ, гдѣ до того времени были епископы; но, утомленный трудами, понесенными для Русской Церкви во время долгихъ и опасныхъ путешествій, блаженный святитель недолго правилъ Ростовскою Церковью ¹⁹⁾: онъ преставился 28 ноября 1394 года ²⁰⁾.

¹⁸⁾ Обитель Рождественская на Симоновѣ первоначально стояла у большой дороги. Блаж. Феодоръ, уклоняясь отъ шума, перешелъ нѣсколько далѣе, въ тихое и лѣсное мѣсто, поставилъ себѣ келью и подвизался безмолвно. Скоро собрались къ нему иноки на новое мѣсто: игумень построилъ здѣсь церковь Успенія Богородицы и кельи для братіи при благотворительной помощи боярина Григорія Ховрина, родоначальника Ховриныхъ и Головиныхъ. Такъ возникъ новый Симоновъ монастырь, стоящій теперь въ числѣ первоклассныхъ ставропигіальныхъ, а старое Симоново осталось усыпальницею иноковъ.

¹⁹⁾ Въ Ростовѣ св. Феодоръ основалъ женскій монастырь въ честь Рождества Богородицы. Занимаясь въ свободное время искусствомъ иконописанія, онъ написалъ для этой обители икону Богородицы, которая и теперь тамъ сохраняется (Святѣи Ростова, изд. 3-е, стр. 80).

²⁰⁾ Мощи св. Феодора почиваютъ подъ спудомъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ у южной стѣны. Память его благоговѣнно чтили еще въ XV вѣкѣ.

Другой ученикъ, „спостникъ и собесѣдникъ великаго Сергія“²¹⁾, преп. Меодій, проведеншій нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ великаго наставника иноческой жизни, въ 1361 году удалился, по благословенію его, искать безмолвія. За р. Яхромою, въ дубовой рошѣ, на мѣстѣ, окруженномъ болотами и лѣсами, онъ поставилъ себѣ келью и жилъ въ совершенномъ уединеніи. Но вскорѣ подвижническая жизнь его сдѣлалась извѣстною и начала собирать къ нему ревнителей пустынножительства. Преп. Сергіій, посѣтивъ любимаго ученика, далъ ему совѣтъ построить обитель и храмъ на другомъ, болѣе сухомъ и обширномъ мѣстѣ, и благословилъ то самое мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ обитель²²⁾. Преп. Меодій самъ трудился при построеніи храма во имя чудотворца Николая, „лѣнш“ нося деревья черезъ рѣчку²³⁾. Обитель Меодиѣва была и остается обителью трудолюбія; основатель ея былъ первымъ между братією по неутомимымъ подвигамъ труда, поста, молитвы и нищелюбія. Иногда, какъ любитель безмолвія, онъ удалялся для молитвы за 2 версты отъ обители. Сюда же приходилъ къ нему для духовной бесѣды богоносный Сергіій²⁴⁾. Блаженный игумень Меодій переселился въ вѣчную жизнь 14 іюня 1392 года²⁵⁾.

По просьбѣ Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича Храбраго, преп. Сергіій въ 1378 году ходилъ въ Серпуховъ, основалъ тамъ монастырь въ честь Зачатія Богородицы и далъ этой новой обители перваго игумена, ученика своего Аѳанасія, который былъ сыномъ священника изъ Обонежской пятины и, слыша о пустынныхъ подвигахъ игумена Радонежскаго, пришелъ къ нему изъ отдаленнаго края и принялъ постриженіе въ Троицкой обители.

Съ помощію благочестиваго князя, новый игумень Аѳанасій построилъ въ новомъ городѣ Серпуховѣ храмъ и келью монастыря, прозваннаго Высоцкимъ по высокому берегу р. Нары, на которомъ опѣ стоитъ вблизи р. Оки, въ верстѣ отъ города. Скоро собрались къ нему ученики: первымъ изъ нихъ былъ преп. Никонъ, будущій игумень Лавры Сергіѣвой, присланный сюда самимъ Сергіемъ, а вторымъ — Амось, сынъ знатныхъ родителей, изъ Ярославской области, который

²¹⁾ Такъ называется Меодій въ древнемъ тропарѣ.

²²⁾ Николаевскій Пѣшношскій или Пѣшношскій монастырь находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 80, а отъ Дмитрова въ 15 верстахъ. Онъ отличается особенною продолжительностію богослуженія. Пѣніе употребляется единственно столбовое (знаменное). Общежитіе полное; страннопримство образцовое. О времени основанія монастыря указано въ описаніи его, составленномъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (стр. 8).

²³⁾ Оттого обитель прозвалась Пѣшношскою, а рѣчка подъ стѣнами ея, впадающая въ р. Яхрому—Пѣшношею.

²⁴⁾ Эта мѣстность и теперь называется «бесѣдою». Здѣсь стоитъ часовня, посвященная Предтечѣ. Мѣсто первоначальнаго уединенія блж. Меодія въ лѣсу поддерживается въ памяти другою часовнею, которая называется Меодиѣвою, въ 1 верстѣ отъ обители.

²⁵⁾ Мощи преп. Меодія почиваютъ подъ спудомъ въ церкви св. Сергія и Меодія, построенной надъ могилою его, въ 1732 году. Мѣдная позолоченная рака съ иконою на кипарисной доскѣ сдѣлана въ 1801 году. Въ монастырѣ сохраняется посохъ и деревянный потиръ преп. Меодія.

при постриженіи названъ Аѳанасіемъ. Блаж. игумень ревностно заботился о душевной пользѣ учениковъ своихъ, совѣтовалъ имъ остерегаться праздности и какъ можно чаще заниматься чтеніемъ книгъ ²⁶⁾. Преп. Аѳанасій былъ другомъ св. митрополита Кипріяна, и когда Кипріянь, по неудовольствію великаго князя Димитрія, вынужденъ былъ удалиться изъ Москвы въ Кіевъ и потомъ въ Царьградъ, Аѳанасій, оставивъ игуменство, добровольно послѣдовалъ за нимъ въ изгнаніе. Въ Царьградѣ, въ Предтеченской обители, старецъ купилъ себѣ келью и жилъ съ нѣсколькими учениками, занимаясь то молитвою, то списываніемъ книгъ ²⁷⁾, то дѣлами благотворенія. Святитель Кипріянь, возвращаясь въ Москву, по приглашенію преемника Димитріева, сильно упрашивалъ Аѳанасія возвратиться съ нимъ вмѣстѣ и общалъ ему почести. Но смиренный старецъ отказался. „Келья моя дороже мнѣ всѣхъ почестей“, сказалъ онъ. Святитель отвѣчалъ ему: „о, умъ разсудительный! о, взоръ свѣтлый! возлюбилъ ты горькое и скорбное, зная, что, по слову пророка, эта горечь слаще меда. Дивлюсь твоему подвижническому житію, скорблю, что и я не могу наслаждаться имъ“. Такимъ образомъ блаж. Аѳанасій остался въ Константинополѣ, но и тамъ трудился для блага Церкви русской ²⁸⁾. Тамъ онъ и почилъ въ глубокой старости въ первыхъ годахъ XV вѣка ²⁹⁾.

Между тѣмъ основанная имъ обитель находилась подъ управленіемъ ученика его Аѳанасія, который велъ жизнь богоугодную и скончался 12 сентября 1395 года ³⁰⁾.

По желанію великаго князя Димитрія Донского, богомудрый Сергій основалъ въ 1378 году ³¹⁾ монастырь Дубенскій на р. Стромьни, съ церковью Успенія Богородицы, въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ

²⁶⁾ Въ Синодальной Библіотекѣ сохранилась книга Николая Черногорца, писанная въ 1381 году, по благословенію игумена Аѳанасія, въ обители его.

²⁷⁾ Одинъ изъ учениковъ Аѳанасія, списавшій въ Царьградѣ въ 1392 году сборникъ, говорить въ послѣдствіи: «сію книгу писалъ я по благословенію и совѣту моего старца, священнѣйшаго между иноками, киръ Аѳанасія, бывшаго прежде начальникомъ обществія и братіи въ монастырѣ на Высокомъ. Разсмотрѣвъ жизнь разсудительнымъ умомъ своимъ, оставилъ онъ монастырь и все, что было дорого ему: родныхъ, знатныхъ знакомыхъ, и удалился въ Константинополь; здѣсь пребываетъ онъ какъ одинъ изъ убогихъ; забывая все земное, печется только о будущемъ». Въ Румянц. Музеѣ есть копія этого послѣдствія въ Сборникѣ XVI вѣка подъ № 360, л. 422.

²⁸⁾ Въ 1401 году преп. Аѳанасій прислалъ въ свою обитель списанный (а можетъ быть переведенный имъ) церковный уставъ, съ котораго снято потомъ много списковъ въ Россіи. Онъ прислалъ также нѣсколько иконъ Византійскаго искусства, которыя и теперь цѣлы въ Высоцкомъ монастырѣ.

²⁹⁾ О преп. Аѳанасіи сказано въ лѣтописи: «Бога ради остави (Аѳанасій) игуменство отиде въ Царьградъ и купи себѣ тамо келью, и поживе въ молчаніи со святыми старцы, и тако въ старости глубоцѣ преставися ко Господу» (Никонов. Лѣтоп. IV, 39).

³⁰⁾ Въ рукописныхъ святцахъ сказано объ Аѳанасіи младшемъ: «преп. Аѳанасій игумень Высоцкаго Зачатскаго монастыря, иже въ Серпуховѣ, новый чудотворецъ, ученикъ преп. Аѳанасія, дивнаго ученика преп. Сергія, что послѣ былъ въ Царьградѣ и тамо преставися».

³¹⁾ Исторія Русской Церкви преосв. Макарія IV, 188.

Троицкой Лавры, при рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ рѣку Дубну, и поставилъ игуменомъ ученика своего Леонтія. Вторымъ игуменомъ въ той же обители былъ преп. Савва Стромынской, по благословенію преп. Сергія ³²⁾.

Въ 1380 году, также по желанію Донского, въ благодарность Богу за побѣду надъ Мамаемъ, основанъ преп. Сергіемъ другой монастырь, Дубенскій, на островѣ, также съ Успенскою церковью, къ сѣверо-западу, въ 40 верстахъ отъ лавры Сергіевой, при другой рѣчкѣ Дубенкѣ ³³⁾. Здѣсь первымъ игуменомъ былъ преп. Савва, вполнѣдствіи игуменъ Лавры и основатель Сторожевскаго монастыря близъ Звенигорода.

Въ 1385 году великій отецъ пустынножителей Сергій основалъ, по желанію великаго князя Димитрія, Голутвинъ монастырь близъ Коломны, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку ³⁴⁾, съ церковью Богоявленія

³²⁾ Въ рукописныхъ святцахъ сказано: «преп. Сергія ученицы преподобніи отцы, Савва и Леонтій, начальницы быша Стромынскаго монастыря благословеніемъ Сергія чудотворца». Изъ послѣднихъ словъ видно, что оба они были поставлены самимъ Сергіемъ. Со времени основанія Стромынскаго монастыря до преставленія преподобнаго Сергія протекло 13 или 14 лѣтъ; должно полагать, что Леонтій не долго былъ игуменомъ и выбылъ куда-либо въ другой монастырь, а Савва былъ его преемникомъ въ управленіи обителью, въ ней скончался и погребенъ. Святослію жизни онъ болѣе прославился, чѣмъ Леонтій, и потому имя его въ спискѣ учениковъ Сергіевыхъ поставлено выше Леонтіева и чтилось въ XVII вѣкѣ. На мѣстѣ Стромынскаго монастыря стоитъ теперь село Стромынь на дорогѣ Стромыньскѣ, лежащей между Ярославскою и Владимірскою шоссевыми дорогами. Тамъ подлѣ древняго Успенскаго храма, въ особой часовнѣ, почиваетъ подъ спудомъ преп. Савва Стромынской, который на иконахъ изображается кривымъ, съ закрытымъ правымъ глазомъ.

³³⁾ Мѣстность монастыря Дубенскаго, упраздненнаго въ 1764 году, на границахъ Владимірской и Тверской губерній, въ Александровскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Дубны, въ Пустоши Шавыкиной, принадлежащей нынѣ помѣщику П. Н. Аксакову, находится островъ длиною отъ сѣвера къ югу около 2 верстѣ, шириною до 200 сажень, образуемый съ сѣверной стороны рѣчкой Дубенкою, вытекающею изъ р. Дубны, съ востока самою Дубною, съ юга рѣчкою Ватраскою, а съ запада рѣчкою Быстрицею. Здѣсь на холмѣ, близъ берега Быстрицы, подъ тѣнью нѣсколькихъ вѣковыхъ сосенъ, видны слѣды грядъ, высохшій прудокъ, нѣсколько могилъ, обросшихъ травою, и двѣ часовни на мѣстѣ прежде бывшихъ храмовъ Успенскаго Дубенскаго монастыря; въ одной изъ нихъ сохраняются обетшальныя иконы, а другая стоитъ уже въ развалинахъ. Сюда ежегодно приносится изъ Спасо-Кубежскаго погоста чудотворная Иверская икона Богородицы, которая прежде стояла въ церкви бывшаго здѣсь монастыря (Моя статья: «Нѣсколько словъ объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ», въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1860, I отд. 1, 45—50).

³⁴⁾ Голутвинъ монастырь совершенно обветшалъ по отобраніи монастырскихъ имѣній. По перенесеніи Коломенской архіерейской каведры въ Тулу, остался въ Коломнѣ древній архіерейскій домъ, пустой и безъ способовъ поддержанія. Митрополитъ Московскій Платонъ въ 1800 году рѣшилъ перевести сюда Голутвинъ монастырь, назвавъ его Новоголутвинымъ. Тогда открылось другое важное неудобство: древняя мѣстность Голутвина, освященная благословеніемъ великаго чудотворца Сергія, осталась необитаемою. Въ этой крайности, митрополитъ Платонъ соединилъ старый опустѣвшій Голутвинъ съ монастыремъ Бобреновымъ (находящимся отъ него въ 7 верстахъ) въ одну обитель подъ названіемъ Бобренева-Голутвина монастыря, при чемъ содержаніе для братіи получалось отъ угодій Бобреновскихъ, которыя остались и теперь за Староголутвинымъ монастыремъ, по отдѣленіи Бобренева, который, по просьбѣ почетн. гражд. Д. И. Хлудова, снабдившаго его новыми угодьями, въ 1865 году возстановленъ самостоятельнымъ, на своемъ содержаніи.

Господня. Здѣсь онъ поставилъ игуменомъ ученика своего, блаженнаго Григорія ³⁵⁾.

Во всѣ эти мѣста преп. Сергіи самъ ходилъ, по обычаю, пѣшкомъ, чтобъ избрать мѣсто и положить начало обители. Средства какъ для построения, такъ и для содержанія этихъ трехъ монастырей даны были великимъ княземъ.

Еще при жизни чудотворца Сергія, ученикъ его, блаженный Никита, положилъ основаніе Покровскому Высокому монастырю на восточной окраинѣ города Боровска, на берегу рѣки Протвы ³⁶⁾.

Другой ученикъ Сергія, преп. Ферапонтъ, съ иконою Успенія Богородицы, данною ему въ благословеніе отъ дивнаго наставника, удалился въ густые лѣса Мосальской округи и тамъ соорудилъ Успенскую Боровенскую обитель ³⁷⁾.

Преп. Аврамій, возлюбившій Господа съ молодыхъ лѣтъ, усердный послушникъ въ обители Сергіевой, былъ удостоенъ сана священства и пожелалъ подвизаться въ безмолвіи. Испросивъ благословеніе великаго наставника, онъ удалился въ страну Галичскую на берегъ озера. Здѣсь, стоя на молитвѣ подъ горою, онъ увидѣлъ на горѣ сияющую икону Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. На мѣстѣ явленія иконы пустышникъ при пособіи мѣстнаго удѣльнаго князя устроилъ храмъ и обитель въ честь Успенія Богоматери ³⁸⁾. Обитель процвѣла и сдѣлалась многолюдною; преп. Аврамій назначилъ ей настоятеля ученика своего Порфирія, а самъ удалился въ пустыню, за 30 верстъ далѣе, гдѣ, по желанію учениковъ, основалъ новый монастырь въ честь Положенія пояса Богоматери. Потомъ онъ перешелъ на рѣку Вочу и благословилъ ученикамъ своимъ поставить храмъ въ честь Собора Богоматери и третью обитель. Наконецъ неутомимый просвѣтителъ дикаго края нашелъ себѣ лучшее мѣсто въ 13 верстахъ отъ Вочскаго монастыря, подъ горою, на которой былъ „Чудскій Городокъ“—гнѣздо стараго чудскаго суевѣрія. Здѣсь нужно было много свѣта и силы небесной, чтобы разсѣять оставшійся мракъ язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Аврамій основалъ

³⁵⁾ О блаженномъ Григоріи сказано въ рукописныхъ святцахъ: «Преп. отецъ Григорій, игумень Голутвинскаго монастыря Богоявленскаго, ученикъ бысть св. Сергія чудотворца».

³⁶⁾ Эта обитель упразднена въ 1764 году. Мѣсто ея, на крутой горѣ, занято теперь городскимъ кладбищемъ.

³⁷⁾ Боровенскій монастырь находился въ 10 верстахъ отъ Мосальска и въ 20 отъ Мещовска, при рѣкѣ Боровенкѣ. Онъ упраздненъ въ 1764 году въ одно время съ Покровскимъ Боровскимъ. Сохранилась только Успенская соборная церковь (нынѣ приходская для нѣсколькихъ окрестныхъ селеній) двухъ-ярусная, великолѣпно построенная въ 1754 г., здѣсь стоитъ мѣстнотимая храмовая икона Успенія Богородицы, принесенная преп. Ферапонтомъ. Она имѣетъ видъ складней и вставлена въ старинный кивотъ превосходной работы. (Чтенія Москов. Истор. Общества 1863, I, 127 и 128).

³⁸⁾ Аврааміевъ Чухломскій Городецкій (по имени чудскаго городка) заштатный монастырь находится въ 10 верстахъ отъ г. Чухломы. Остальныя обители преп. Аврамія давно уже не существуютъ.

на Чудскомъ Городкѣ храмъ въ честь Покрова Богоматери: самъ на старческихъ плечахъ своихъ носилъ землю для укрѣпленія крутого берега и ревностно трудился вмѣстѣ съ учениками при устроении обители. Велико было значеніе основателя четырехъ монастырей въ чудской сторонѣ! Онъ самъ жилъ уединенно подъ горою; но сюда приходили къ нему ученики для неповѣданія помысловъ своихъ; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезныя наставленія. Чухломская сторона чтитъ его, какъ своего просвѣтителя. Преп. Аврамій, прозываемый также Чухломскимъ и Городецкимъ, почилъ 20 іюля 1375 года ³⁹⁾.

По блаженной кончинѣ чудотворца Сергія многіе изъ чадъ его разлетѣлись, какъ птицы небесныя, по разнымъ краямъ Русской земли и свили себѣ священныя гнѣзда—обители иноческія.

Преп. Савва, о которомъ мы говорили выше по случаю основанія Дубенскаго монастыря на островѣ, научившись съ молодыхъ лѣтъ отъ блаженнаго наставника своего послушанію, смиренію, чистотѣ мыслей и слезной молитвѣ, желалъ уединенія, но не долго насладился имъ на пустынномъ островѣ Дубенскомъ: по удаленіи преп. Никона въ безмолвіе, смиренный подвижникъ Савва принужденъ былъ неотступными просьбами братіи принять на себя управление обителью Сергіевой ⁴⁰⁾.

Спустя нѣсколько времени, духовный сынъ проподобнаго Саввы и крестникъ преп. Сергія, Звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ, братъ великаго князя Василія, желая устроить монастырь въ удѣлѣ своемъ, умолилъ духовника своего принять на себя это святое дѣло. Преп. Савва полюбились мѣсто близъ Звенигорода на горѣ Сторожевской ⁴¹⁾. Онъ принесъ съ собою икону Богородицы, поставилъ себѣ кпжину на уединенной горѣ и близъ нея—небольшой деревянный храмъ въ честь Богоматери.

Скоро слухъ о святой жизни поваго подвижника Звенигородскаго привлекъ къ нему многіхъ, искавшихъ безмолвія. Препод. Савва

³⁹⁾ Мощи преп. Аврамія почиваютъ подъ спудомъ, въ послѣднемъ монастырѣ его, въ придѣлѣ, посвященномъ его памяти.

⁴⁰⁾ Это было въ 1392 году. Игуменство преп. Саввы въ лаврѣ Сергіевой, по словамъ Маркелла, писавшаго житіе Саввы въ половинѣ XVI вѣка, продолжалось около 6 лѣтъ, а потому переселеніе его на Сторожу должно полагать около 1398 года. Будучи игуменомъ лавры, преп. Савва извелъ своими молитвами источникъ воды за стѣнами обители. Этотъ источникъ существуетъ и теперь, подъ именемъ Саввина кладезя, близъ Воскресенской церкви, что въ Кокуевѣ.

⁴¹⁾ Саввинъ Сторожевскій монастырь находится въ 50 верстахъ отъ Москвы къ западу и въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода, на берегу р. Москвы и рѣчки Разварни. Названіе «Сторожевскаго» современно основанію монастыря и усвоено ему отъ горы «Сторожи», на которой онъ построенъ. Во время Литовскихъ набѣговъ на горѣ стояла воинская стража для наблюденія за движеніемъ неприятелей, которые приходили къ Москвѣ по старой Смоленской дорогѣ, за Можайскомъ уклонившейся влѣво къ Звенигороду. Съ этой горы открывается превосходный видъ на Звенигородъ и на окрестныя села. Она усыпана множествомъ благоухающихъ растений, и самому преп. Саввѣ показалась она «небеснымъ раемъ, насажденнымъ благовонными цвѣтами».

съ любовію принималъ приходившихъ къ нему и завелъ общежитіе въ новомъ монастырѣ, щедро одаренномъ селами и угодами отъ мѣстнаго удѣльнаго князя. Прекрасный бѣлокаменный храмъ Рождества Богородицы въ Сторожевской обители остается понынѣ памятникомъ трудовъ преп. Саввы и благотворительности князя Юрія ⁴²⁾. Блаж. основатель обители, несмотря на богатыя пособія духовнаго сына, не переставалъ самъ трудиться: онъ вырылъ своими руками колодець подъ горой, который понынѣ доставляетъ прекрасную воду, а для безмолвныхъ подвиговъ выкопалъ себѣ пещерную келью въ оврагѣ, въ верстѣ отъ монастыря. Преп. Савва достигъ глубокой старости и предалъ Богу праведную свою душу 3 декабря 1407 года. Мощи его погребены были на паперти созданнаго имъ храма ⁴³⁾.

Другіе ученики великаго Сергія пошли далѣе отъ Москвы, въ предѣлы Тверскіе, Новгородскіе и Костромскіе. Такъ блаженный Ксенофонтъ основалъ Тутанскій монастырь въ Тверскомъ уѣздѣ ⁴⁴⁾. Преподобный Іаковъ Желѣзноборскій, изъ рода Галичскихъ дворянъ Амосовыхъ, поселился въ 1392 году въ 30 верстахъ отъ Галича, въ глухомъ лѣсу у желѣзныхъ рудниковъ, въ уединенной хижинѣ, на берегу рѣчки Тешы. Пришедши случайно въ Москву, онъ своими молитвами возвратилъ къ жизни супругу великаго князя Василия Дмитриевича, которая страдала трудными родами и была при смерти. Когда великій князь послалъ просить молитвы отшельника о больной, старецъ отвѣчалъ: „молись Богу и Пречистой Матери Его; о княгинѣ не скорби, будетъ здорова и въ нынѣшній же вечеръ родить сына, наследника тебѣ“. Софія Витовтовна благополучно родила сына Василия, а благородный супругъ ея далъ щедрое пособіе на устройство Желѣзноборской обители. Преп. Іаковъ преставился въ глубокой старости 11 апрѣля 1442 года ⁴⁵⁾.

⁴²⁾ Этотъ храмъ построенъ въ самомъ началѣ XV вѣка. Зодчество и размѣры его совершенно сходны съ Троицкимъ соборомъ Сергіевой лавры, который началъ строеніемъ въ 1422 году. Можно думать, что Сторожевскій храмъ служилъ образцемъ для Троицкаго.

⁴³⁾ Мощи преп. Саввы обрѣтены нетлѣнными, послѣ 145-лѣтняго пребыванія въ землѣ, 19 января 1652 года, въ присутствіи царя Алексія Михайловича, который особенно благоволилъ къ Сторожевской обители, и самъ на себѣ испыталъ благодатную помощь преп. Саввы. Мощи блаж. основателя обители почиваютъ открыто въ созданномъ имъ храмѣ, на правой сторонѣ близъ южныхъ дверей алтаря, въ серебряной рацѣ, устроенной въ 1680 году. Сторожевскій монастырь, бывшій нѣкогда ставропигіальнымъ, нынѣ считается перво-класснымъ, а съ 1800 года находится въ управленіи епископовъ Дмитровскихъ, викаріевъ Московскихъ. Онъ былъ весьма богатъ: до учрежденія штатовъ, 1764 года, за нимъ числилось болѣе 17,000 душъ крестьянъ и къ нему было приписано 15 монастырей. Въ обители сохранилась бѣлая тафтяная фелонь преп. Саввы. Подробности о жизни и чудесахъ преп. Саввы и объ основанной имъ обители можно найти въ превосходномъ описаніи Саввина Сторожевскаго монастыря, составленномъ ординарнымъ профессоромъ Москов. духовн. академіи С. К. Смирновымъ.

⁴⁴⁾ Русскіе Святые подъ 25 сентября, стр. 180. О жизни преподобнаго Ксенофонта и о монастырѣ его не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

⁴⁵⁾ Желѣзноборскій Галицкій заштатный монастырь существуетъ доннынѣ. Въ Предтеченской церкви его почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Іакова.

Отшельникъ Аѳанасій, по прозванію Желѣзный Посохъ, и Θεодо- сій поселились въ Новгородскомъ краю на Череповскомъ урочищѣ, въ весьма красивой мѣстности, при впаденіи рѣчки Ягорбы въ рѣку Шексну, среди непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ. Тамъ поставили они церковь въ честь св. Троицы и устроили монастырь. Житіе ихъ неизвѣстно ⁴⁶).

Если вѣрить сохранившимся памятникамъ старины, то къ числу учениковъ преп. Сергія, основавшихъ новые монастыри, должно отнести преп. Пахомія Нерехотскаго чудотворца ⁴⁷), и блаж. Никиту Костромскаго ⁴⁸).

Небесныя птицы изъ дивнаго гнѣзда Сергіева залетѣли и въ дикія дубравы Вологодскія, на живописные берега рѣки Обноры, и въ непроходимыя тундры Бѣлозерскаго края.

Прежде другихъ учениковъ преп. Сергія пришелъ на берега Обно- ры преп. Сильвестръ ⁴⁹). Онъ остановился въ глухомъ лѣсу, водрузилъ крестъ, поставилъ себѣ келью и „подвизался подвигомъ добрымъ и изнурилъ свое многострадальное тѣло“ ⁵⁰). Долго окрестные жители не знали о пребываніи отшельника въ лѣсу; но одинъ изъ нихъ, сбившись съ дороги, увидѣлъ пустытника, одѣтаго въ рубище, который

⁴⁶) О преподобномъ Аѳанасіѣ сказано въ рукописныхъ святцахъ: «преп. Аѳанасій пустыжникъ, зовомый желѣзный посохъ, ученикъ бысть св. Сергія чудотворца; представися въ л. 6900» (1382). Череповскій Воскресенскій (называвшійся такъ по соборной церкви) монастырь былъ разоренъ до основанія во время нашествія Литвы, а потому не сохранилось свѣдѣній о блаженныхъ его основателяхъ, кромѣ одной надписи на вкладной книгѣ 1568 года: «Сія книга св. обители Воскресенія Христова и Живоначальныя Троицы и начальниковъ преподобныхъ отецъ нашихъ Θεодосія и Аѳанасія». Эта обитель упразднена въ 1764 году, а монастырская слобода и ближнее село Θεодосеево въ 1760 году обращены въ уѣздный городъ Череповецъ.

⁴⁷) Преп. Пахомій Нерехотскій, уроженецъ Владимірскій и постриженникъ Рождественскаго монастыря, ходилъ по монастырямъ, ища себѣ мѣста пустыннаго. Святитель Алексій, возобновивъ во Владимірѣ монастырь Константиновскій, поставилъ его туда игуменомъ; но любитель безмолвія вскорѣ оставилъ настоятельство и удалился въ страну Нерехотскую. Тамъ, на урочищѣ Сыпановѣ, онъ соорудилъ храмъ Св. Троицы и основалъ обитель. Преподобный Пахомій преставился 21 марта 1384 года. Моши его почиваютъ подъ спудомъ въ церкви упраздненнаго монастыря его, теперь приходской села Сыпанова. Въ Сборникѣ Синодальной библіотеки (№ VI л. 117—155), въ службѣ преп. Пахомію сказано: «оставилъ еси отечество твое и хождавше по странамъ многимъ и по честнымъ обителямъ». Не во время ли этого странствія Пахомій былъ ученикомъ Сергія, какъ онъ называется въ древней надписи, изсѣченной на камнѣ надъ его гробницею, и въ спискѣ учениковъ Сергіевыхъ? (Библ. Ундольскаго, Сборникъ конца XVI вѣка, № 574, л. 543 об.).

⁴⁸) Основаніе Богоявленскаго монастыря обыкновенно относятъ къ половинѣ XV вѣка (Истор. извѣстія о Костр. Богоявленскомъ монастырѣ. С.-Петербургъ. 1837, стр. 3 и 4). Но въ томъ же спискѣ учениковъ Сергіевыхъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали, основателемъ этой обители названъ «преп. старецъ Никита, сродникъ и ученикъ Сергію чудотворцу». Теперь при возобновленіи стѣнной иконописи въ Успенскомъ соборѣ Сергіевой лавры, открыто въ Никольскомъ придѣлѣ изображеніе преп. Никиты.

⁴⁹) Въ рукописныхъ святцахъ имя преп. Сильвестра поставлено въ числѣ учениковъ Сергіевыхъ. Тропарь и кондакъ ему вышиты вязью на покровѣ 1664 года, сохранившемся въ Воскресенской церкви.

⁵⁰) Слова изъ тропаря и кондака.

изумлень былъ появленіемъ челоуѣка близъ своей кельи и разсказаль путнику, что онъ давно уже живетъ въ пустынѣ, питается травами и кореньями и не желаетъ, чтобы знали о немъ люди. Вскорѣ потомъ приплещъ этотъ нарочно посѣтилъ подвижника и принесъ запасъ хлѣба, а вслѣдъ за нимъ начали приходять многіе за благословеніемъ и духовными совѣтами. Нѣкоторые пожелали жить въ пустынѣ и съ благословенія преп. Сильвестра поставили себѣ кельи. Такимъ образомъ устроился монастырь съ деревяннымъ храмомъ Воскресенія Христова. Многолюдное стеченіе богомольцевъ, знатныхъ и простыхъ, побудило любителя пустыни искать себѣ по временамъ уединенія въ дремучемъ лѣсу⁵¹⁾. Преп. Сильвестръ преставился 25 апрѣля 1379 года; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Воскресенской церкви⁵²⁾ и прославлены многими чудотвореніями въ XVII вѣкѣ, а въ наше время, съ половины 1860 года, исцѣленія отъ гроба его потекли обильною, нестоимомою струей и текутъ донинѣ⁵³⁾.

Вскорѣ по кончинѣ блаженнаго Сильвестра возсіяло въ Обнорской сторонѣ новое пустынное свѣтило. Преп. Павелъ, уроженецъ Московскій, сынъ благородныхъ родителей, въ ранней юности сдѣлался ученикомъ великаго наставника Сергія. Онъ трудился нѣсколько лѣтъ съ безотвѣтнымъ послушаніемъ въ обители Троицкой, потомъ провель 15 лѣтъ въ отшельнической кельѣ, въ лѣсу, подъ надзоромъ богоноснаго Сергія, и жилъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ⁵⁴⁾. Но сердце любителя пустыни жаждало совершеннаго безмолвія: переходя съ одного мѣста на другое, наконецъ остановился онъ въ лѣсу Комельскомъ, надъ рѣчкой Грязовицею, и избралъ себѣ жилищемъ дупло старой липы. Въ немъ дивный Павелъ прожилъ три года, славя Бога

⁵¹⁾ Глухое мѣсто, гдѣ преп. Сильвестръ уединился для молитвы, сохраняетъ и теперь названіе «заповѣдной рощи», которую основатель обители запретилъ рубить. Въ срединѣ этой рощи труженикъ Божій выкопаль три колодца, а четвертый на склонѣ горы къ рѣкѣ Обнорѣ. Послѣдній и до сихъ норъ источаетъ струи чистой воды, благоговѣнно почерпаемой богомольцами.

⁵²⁾ Монастырь Воскресенскій на Обнорѣ упраздненъ въ 1764 году. На мѣстѣ его стоитъ каменная церковь, приходская, села Воскресенскаго. Въ ней, за правымъ клиросомъ, близъ южной стѣны, поставлена деревянная надгробница съ изображеніемъ на ней преп. Сильвестра; подъ надгробницею полъ прорѣзанъ, и на поверхности земли поставленъ гробъ съ мощами, сохранившійся невреденнымъ; гробъ окруженъ четверугольнымъ бревенчатымъ срубомъ. Въ стѣнѣ, съ наружной стороны, продѣлано малое оконце, въ которое часть гроба видна. Но весь гробъ можно видѣть сверху изъ-подъ раки, отъ которой съ южной стороны отодвигается доска. (Свѣдѣнія о жизни и чудесахъ преп. Сильвестра, собранныя С. К. Смирновымъ, въ Душеполезномъ Читаніи 1861, III, 254).

⁵³⁾ Чудеса преп. Сильвестра, совершившіяся въ XVII вѣкѣ, описаны въ Сборникѣ Румянц. музея № 364 л. 71—75. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательно исцѣленіе, въ 1645 году, строителя Воскресенскаго монастыря іеромонаха Іова, который былъ пораженъ слѣпотю за то, что велѣлъ рубить «подъ огнище чудотворцеву рощу». Новѣйшія чудеса описаны въ Ярославскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1860 и 1618 года.

⁵⁴⁾ Въ обители преп. Кирилла и въ великой пустыни, основанной на Городкѣ преп. Авраміемъ Чухломскимъ. По соображенію времени, преп. Павелъ находился въ этой послѣдней обители еще при жизни преп. Аврамія. (Русск. Святые подъ 10 января, примѣчаніе 49).

вмѣстѣ съ пернатыми; онѣ лишь однѣ вторили пѣнію отшельника въ дѣбряхъ безлюдныхъ, куда не проникалъ до него голосъ человѣческой. Здѣсь пустынный непрестанно молился Господу, питался травой и кореньями и въ безмолвіи очищалъ умъ духовнымъ созерцаемъ ⁵⁵).

По особенному внушенію Божію, преп. Павелъ, оставивъ дупло свое, перешелъ на рѣку Нурму, впадающую въ рѣку Обнору, и, любивъ мѣсто, сказалъ: „здѣсь покой мой, здѣсь веселюся!“ Построилъ себѣ хижину, почти такую же тѣсную, какъ и оставленное имъ дупло, и проводилъ дни свои въ бдѣніи и молитвѣ. Пять дней въ недѣлю оставался онѣ вовсе безъ пищи и питія; только въ субботу и воскресенье вкушалъ немного хлѣба и воды. При немъ поселилось нѣсколько ревнителей благочестія, но еще не было обители иноческой. Однажды, въ свѣтлую ночь Пасхи, преп. Павелъ услышалъ въ пустынѣ своей звонъ колоколовъ и увидѣлъ свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ поставлена имъ церковь Св. Троицы.

Между тѣмъ на тѣхъ же пустынныхъ берегахъ Нурмы, въ 4 верстахъ отъ пустыни Павловой, подвизался другой отшельникъ, преп. Сергій Нуромскій, постриженникъ Аѳонскій. Онѣ пришелъ съ востока въ предѣлы Московскіе искать просвѣщенія духовнаго отъ Радонежскаго свѣтца. Усиливъ въ духовной жизни, Святогорскій Сергій, съ благословенія Русскаго Сергія, водворился въ этой пустынѣ еще тогда, когда отшельникъ Павелъ обиталъ въ дуплѣ липы, какъ птица, обрѣтшая себѣ храмину, и горлица—гнѣздо свое (Исаи. 83, ст. 4). Два раза нападали на Сергія разбойники: въ первый разъ они избили пустытника до полусмерти, но во второй разъ были прогнаны силою его молитвы. Когда къ блаж. Сергію собралось до 40 подвижниковъ, онѣ поставилъ деревянный храмъ Преображенія Господня и устроилъ общезнательную обитель.

Услышавъ о подвигахъ Павла, Сергій пошелъ къ нему и увидѣлъ въ лѣсу, что стая птицъ вилась около чуднаго отшельника; мелкія пташки сидѣли на головѣ и на плечахъ старца, и онѣ кормилъ ихъ изъ рукъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь, ожидая себѣ пищи отъ пустытника; лисицы, зайцы и другіе звѣри бѣгали вокругъ, не враждуя между собою и не боясь медвѣдя. Вотъ жизнь невиннаго Адама въ Эдемѣ, владычество человѣка надъ тварію, которая вмѣстѣ съ нами стенаетъ отъ нашего паденія и жаждетъ освободиться въ свободу славы чадь Божіихъ! (Римл. VIII, 21—22).

Съ духовною радостію узнали другъ друга два великіе подвижника. Павелъ избралъ себѣ духовнымъ отцомъ Сергія, облеченнаго въ санъ пресвитерскій еще на святой горѣ Аѳонской, и открывалъ ему всѣ свои помыслы. При частныхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ ⁵⁶) Сергій

⁵⁵) Донныи упѣлѣлъ остатокъ того липоваго дупла, въ которомъ преп. Павелъ жилъ три года по подобію пернатыхъ; въ этомъ дуплѣ не болѣе 4 аршинъ въ окружности.

⁵⁶) При свиданіяхъ съ преп. Сергіемъ Нуромскимъ преп. Павелъ провожалъ духовника своего болѣе нежели на двѣ трети разстоянія отъ своего монастыря. Это мѣсто ознаменовано часовнею.

посовѣтоваль Павлу устроить монастырь на томъ мѣстѣ, которое было указано ему въ видѣніи. Старцы разстались во временной жизни для свиданія въ вѣчной: Сергій сталъ готовиться къ отшествію въ небесную обитель, а Павелъ пошелъ въ Москву, чтобъ испросить благословеніе на основаніе монастыря ⁵⁷⁾.

Возвратясь въ свою пустыню, преп. Павелъ не нашель уже въ живыхъ своего собесѣдника и духовнаго отца: преп. Сергій Нуромскій предалъ Богу чистую свою душу 7 октября 1413 года ⁵⁸⁾. Построивъ деревянный храмъ Св. Троицы, преп. Павелъ учредилъ общежительную обитель и строго наблюдалъ, чтобы все въ монастырѣ исполнялось по преданію отцовъ, чтобы въ кельяхъ не было никакой собственности, кромѣ иконъ и книгъ. Онъ заповѣдывалъ на работахъ наблюдать безмолвіе, не носить въ монастырь хмельныхъ напитковъ и рукодѣльемъ изгонять праздность. „Нищихъ не забывайте, — говорилъ онъ, — помните, что мы сами нищіе и душою и жизнію“. Поручивъ настоятельство ученику своему Алексію, самъ преп. Павелъ попрежнему жилъ отшельникомъ на горѣ, въ своей кельѣ. Онъ приходилъ къ братіи на молитву только по субботамъ и днямъ воскреснымъ. Въ эти дни раздѣлялъ онъ съ братіей трапезу; но самъ вкушалъ только хлѣбъ съ водою и овощами: ни масла, ни молока, ни рыбы онъ никогда не вкушалъ. Когда слухъ о немъ распространился, то многіе приходили къ нему для пользы душевной. Онъ былъ доступенъ для каждаго, и для каждаго готово было у него живое слово назиданія; онъ наставлялъ и словомъ и жизнію, узнавалъ тайные помыслы приходящихъ къ нему, врачевалъ душевные недуги и утѣшалъ скорбящихъ. Такъ великій подвижникъ достигъ глубочайшей старости — 112 лѣтъ, изъ которыхъ 50 провелъ въ разныхъ монастыряхъ и 40 лѣтъ въ пустынѣ Обнорской. Но дивный старецъ еще былъ свѣжъ и бодръ, очи его были свѣтлы, сіяя кротостію и благодушіемъ, станъ не согбенный, борода густая и окладистая, бѣлая какъ снѣгъ. Предъ кончиною онъ провидѣлъ разореніе Костромы татарами и преставился 10 января 1429 года ⁵⁹⁾.

⁵⁷⁾ Когда преп. Павелъ пришелъ въ Москву, митрополитъ Фотій сначала не обратилъ вниманія на просьбу старца, но въ слѣдующую ночь услышалъ голосъ: «Зачѣмъ оскорбилъ ты человѣка Божія? Поспѣши найти старца и выполнить желаніе его, иначе сильно пострадаешь». Фотій провелъ ночь безъ сна, въ страхѣ, и утромъ велѣлъ отыскать отшельника. Его нашли въ одной изъ обителей, и святитель принялъ его съ любовью; испросивъ прощеніе у преп. Павла, благословилъ строить храмъ, далъ щедрое подаваніе отъ себя на обитель, выпросилъ у него худую одежду его, а ему въ знакъ любви далъ свою; наконецъ, посвятилъ ученика его Алексія въ іерейскій санъ, послѣ того какъ самъ Павелъ отказался отъ священства. Первосвятитель прислалъ новому монастырю поучительную грамоту; она помѣщена въ Ист. Акт. I, № 257.

⁵⁸⁾ Мощи преп. Сергія почиваютъ подъ спудомъ въ кладбищенской Спасской церкви села Нуромскаго, стоящей на мѣстѣ обители, давно уже упраздненной. Отъ гробницы великаго подвижника истекали многія исцѣленія; до 1584 г. описано 80 чудесъ (Русская Энциклопедія, стр. 502. Русскіе Святые подъ 7 октября).

⁵⁹⁾ Обитель преп. Павла въ 1538 году была разорена Казанскими татарами, при чемъ умерщвлено нѣсколько иноковъ. Въ 1546 году, при копаніи рововъ для новаго храма,

„Возлюбивъ жизнь безмолвную, преподобный отче, ты удалился отъ людей, поселился въ пустыни и жилъ со звѣрями и пернатыми. Нынѣ пребываешь ты во свѣтѣ святыхъ. Поминай насъ, почитающихъ память твою 60)“.

Въ странѣ Бѣлозерской процвѣли святостію жизни великіе подвижники Кирилль и Терапонть. Оба они были учениками св. Θεодора и богомудраго наставника иноковъ, Сергія Радонежскаго, потому что, пребывая въ Симоновской обители, пользовались духовными совѣтами преп. Сергія.

Первый изъ нихъ, называвшійся въ мірѣ Козьмоу, сынъ благородныхъ родителей и сирота съ ранней юности, жилъ въ Москвѣ у родственника своего, боярина Тимоея Вельяминова 61), и надзиралъ за слугами его. Но не чувствуя расположенія къ свѣтской жизни, Козьма стремился душею на служеніе Господу. Онъ открылъ сердце свое преп. Стефану, игумену Махрицкому, который успѣлъ испросить согласіе боярина и отвелъ юношу въ Симоновъ монастырь къ архимандриту Θεодору. Облекши Козьму въ иночество съ именемъ Кирилла, св. Θεодоръ поручилъ его опытному старцу, а потомъ назначилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ и поварнѣ. По временамъ приходилъ на Симоново преп. Сергій и прежде прочихъ посѣщалъ Кирилла въ хлѣбнѣ, гдѣ подвижникъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и, смотря на пылающій огонь, говорилъ самъ себѣ: „смотри, Кирилль, не попасть бы тебѣ въ вѣчный огонь“. Эти смиренные труды Кирилла продолжались 9 лѣтъ; потомъ, уважаемый братією за подвижническую жизнь, онъ былъ удостоенъ іерейства; а по возведеніи св. Θεодора на святительскую кафедру, въ 1390 году, назначенъ архимандритомъ обители. Кирилль, будучи архимандритомъ, не измѣнилъ образа жизни и въ свободное время выходилъ на работу вмѣстѣ съ послушниками; но посѣщенія богатыхъ и знатныхъ людей смущали смиренный духъ подвижника. Онъ не долго оставался настоятелемъ и перешелъ подвизаться на Старое Симоново. И здѣсь шумъ города беспокоилъ любителя безмолвія: преп. Кирилль молилъ Богоматерь указать ему мѣсто, удобное для спасенія души. Однажды ночью читалъ онъ акаѳистъ Богоматери и услышалъ голосъ отъ Ея иконы:

найденъ былъ гробъ съ мошами преп. Павла. Игумень Протасій хотѣлъ осмотрѣть ихъ, но великій подвижникъ явился къ нему и сказалъ гнѣвно: «зачѣмъ ты хочешь осмотрѣть мои мощи? огонь сожжетъ васъ. Вели скорѣе задѣлать гробъ!» Настоятель немедленно исполнилъ волю угодника Божія. Мощи преп. Павла почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ Павлова Обнорскаго монастыря. На ракъ его лежитъ мѣдный осьмиконечный крестъ— благословеніе чудотворца Сергія Радонежскаго. Въ церкви замѣчательна икона чуднаго пустынножителя Павла, писанная преп. Діонисіемъ Глушицкимъ. На Московскомъ соборѣ 1547 года преп. Павелъ, вмѣстѣ съ другими угодниками Божиими, причисленъ къ лику святыхъ.

60) Служба въ Миней на 10 января.

61) Окольный Тимоей Васильевичъ Вельяминовъ, впоследствии бояринъ, въ 1380 году собиралъ пѣшее войско у Лопасни и въ 1381 году былъ свидѣтелемъ завѣщанія Дмитрія Донскаго.

„иди на Бѣлое озеро—тамъ тебѣ мѣсто“. вмѣстѣ съ тѣмъ Кириллъ увидѣлъ на дальнемъ сѣверѣ прекрасную мѣстность, озаренную свѣтомъ.

Въ числѣ иноковъ Симонова монастыря былъ тогда преп. Ѳерапонтъ, уроженецъ Волока-Ламскаго, въ мирѣ Ѳеодоръ, изъ рода дворянъ Поскочинныхъ. Онъ тайно ушелъ изъ родительскаго дома, постригся въ Симоновѣ, проводилъ жизнь подвижническую и по временамъ слушалъ наставленія преп. Сергія. Незадолго до видѣнія, котораго удостоился Кириллъ, Ѳерапонтъ, связанный съ нимъ узами духовнаго дружества, былъ посланъ настоятелемъ по какому-то дѣлу въ дальнюю Бѣлозерскую сторону. Съ посохомъ странническимъ ходилъ онъ по живописнымъ берегамъ Бѣлаго озера, плѣнился тишиною густыхъ лѣсовъ и вынесъ оттуда жажду уединенія пустыннаго.

Дождавшись возвращенія друга, Кириллъ спросилъ Ѳерапонта: есть ли на Бѣломъ озерѣ мѣсто, гдѣ бы можно было безмолствовать иноку? Ѳерапонтъ отвѣчалъ, что тамъ много прекрасныхъ мѣстъ. Друзья ушли тайно въ пустынную сторону, долго ходили по Бѣлозерскому краю, тогда еще глухому и малолюдному, и взошли на гору Мауру. Здѣсь лѣса, луга и воды соединились на огромномъ пространствѣ; подношву высокой горы омываютъ волны озера Сиверскаго. Съ одной стороны быстрая Шексна извивается по лугамъ необозримымъ, съ другой—нѣсколько спниихъ озеръ разбросано среди густыхъ дебрей.

Здѣсь преп. Кириллъ узналъ прекрасную мѣстность, указанную ему въ видѣніи; онъ палъ съ усердною молитвою передъ иконою Богородицы, которую принесъ съ собою, поставилъ деревянный крестъ и подлѣ него пустынники выкопали себѣ землянку.

Вскорѣ Ѳерапонтъ ушелъ далѣе за 15 верстъ отъ Кирилла и поселился между двумя озерами—Папскимъ и Бородавскимъ, на красивомъ высокомъ мѣстѣ. Тутъ онъ расчистилъ землю для насажденія овощей и прогонялъ уныніе безмолвія то трудомъ, то молитвою и бдѣніемъ.

Между тѣмъ преп. Кириллъ болѣе года подвизался въ своей землянкѣ, не выдавая ни съ кѣмъ, кромѣ двухъ крестьянъ, которые приносили ему сухой хлѣбъ. Послѣ того пришли изъ Симонова два инока, любимые Кирилломъ, а вслѣдъ за ними стали приходять многіе. Преп. Кириллъ увидѣлъ, что насталъ конецъ безмолвному его уединенію; въ 1397 году онъ построилъ храмъ въ честь Успенія Богородицы.

Когда въ окрестности распространилась молва, что пришедшій изъ Москвы архимандритъ Кириллъ устраиваетъ въ пустыни монастырь, то сосѣднему боярину Ѳеодору пришло на мысль, что вѣрно архимандритъ принесъ съ собою много денегъ, и онъ послалъ слугъ своихъ ограбить его. Но двѣ ночи сряду подходили они къ обители и видѣли вокругъ обители ратныхъ людей. Ѳеодоръ подумалъ, что вѣрно пришелъ кто-нибудь изъ московскихъ вельможъ къ Кириллу, и послалъ узнать, кто такой пришелъ. Ему отвѣчали, что болѣе не дѣли, какъ никого изъ постороннихъ не было въ обители. Тогда Ѳео-

доръ пришелъ въ чувство и, поспѣшивъ въ обитель, со слезами исповѣдалъ Кириллу грѣхъ свой. Преподобный сказалъ ему: „будь увѣренъ, сынъ мой Ѳеодоръ, что ничего нѣтъ у меня, кромѣ одежды, которую видишь на мнѣ, и нѣсколько книгъ“. Бояринъ съ того времени сталъ благоговѣнно уважать преп. Кирилла.

Когда въ обители Кирилловой умножилось число братіи, онъ далъ для нея уставъ общежитія и освящалъ его примѣромъ своей жизни. Въ церкви никто не смѣлъ бесѣдовать и никто не долженъ былъ выходить изъ нея прежде окончанія службы. За трапезу каждый садился на своемъ мѣстѣ и въ трапезѣ была тишина. Весьма строго заповѣдалъ преп. Кириллъ, чтобы ни при немъ, ни послѣ него хмельныхъ напитковъ не только не пили, но и не держали въ обители. Изъ трапезы каждый молча шелъ въ свою келью, не заходя къ другому. Никто не смѣлъ получать ни писемъ, ни подарковъ, помимо настоятеля,—къ нему приносили нераспечатанныя письма; безъ его благословенія и не писали писемъ. Деньги хранились въ монастырской казнѣ, и ни у кого не было никакой собственности. Даже пить воду ходили въ трапезу: въ кельѣ же ничего не держали, кромѣ иконъ и книгъ, и она никогда не запиралась. Иноки старались одинъ передъ другимъ являться какъ можно раньше къ службѣ Божіей и на монастырскія работы, подвизаясь не для людей, а для Господа. Когда случался недостатокъ въ хлѣбѣ и братія понуждали настоятеля послать за хлѣбомъ къ христолюбцамъ, Кириллъ отвѣчалъ: „Богъ и Пречистая Богоматерь не забудутъ насъ, иначе зачѣмъ и жить на землѣ?“ и не позволялъ докучать мірянамъ просьбами о подавніи.

Почти одновременно съ Кирилловымъ монастыремъ возникла и обитель Ѳерапонтава. Когда къ преп. Ѳерапонтѣ стали стекаться любители пустынной жизни, онъ построилъ въ 1398 году храмъ Рождества Богородицы и учредилъ общежитіе, но не согласился принять на себя ни священства, ни игуменства. На усиленные просьбы братіи, желавшей имѣть его настоятелемъ, старецъ отвѣчалъ: „не я оградилъ это мѣсто, а Пречистая Богородица: Она и можетъ наставить васъ на все полезное“. Но преп. Ѳерапонтъ оставался для всѣхъ отцомъ и наставникомъ. Уставъ обители былъ во многомъ сходенъ съ Кирилловскимъ; братія занималась то списываніемъ книгъ, то плетеніемъ сѣтей для ловли рыбы. Въ монастырѣ была крайняя скудость до того времени, когда князь Андрей Можайскій, сынъ Донского, владѣвшій и Бѣлозерскою странюю, пожаловалъ новой обители земли и озера и прислалъ утварь для храма ея.

Друзья, основатели пустынныхъ обителей, приходили другъ къ другу для духовной бесѣды. Но въ 1408 году имъ суждено было разстаться: князь Андрей, давно желавшій построить монастырь близъ Можайска, вызвалъ къ себѣ преп. Ѳерапонта и умолилъ его принять на себя устроеніе новой обители. На просьбы князя старецъ сначала отвѣчалъ слезами, но потомъ согласился исполнить волю его или,

лучше сказать, волю Божию. Онъ покинулъ свою пустыню ⁶²⁾ и переселился въ Можайскъ, гдѣ при богатыхъ средствахъ князя скоро устроился монастырь Рождества Богородицы въ Лужкахъ, въ верстѣ отъ города. Основатель новой обители пользовался особеннымъ уваженіемъ первосвятителя Фотія, который съ любовью бесѣдовалъ съ нимъ о духовной жизни и облекъ его саномъ архимандрита. Послѣ 18-лѣтняго настоятельства въ Можайскомъ монастырѣ преп. Ѳерапонтъ преставился въ глубокой старости 27 мая 1426 года ⁶³⁾.

Приближался уже конецъ земныхъ подвиговъ преп. Кирилла. Господь наградилъ угодника Своего даромъ прозорливости и чудотвореній: преп. Кириллъ узнавалъ помыслы приходившихъ къ нему, исцѣлялъ больныхъ, умножалъ молитвою запасы монастырскіе, щедро раздавая хлѣбъ нищимъ во время голода; укротилъ бурю на озерѣ осѣненіемъ животворящаго креста, испросилъ чадородіе Бѣлевскому князю Михаилу и супругѣ его Маріи.

Приближаясь къ блаженной кончинѣ, богоносный Кириллъ призывалъ къ себѣ братію, строго заповѣдалъ не нарушать даннаго имъ устава и сказалъ рыдавшимъ ученикамъ своимъ: „не скорбите о моемъ отшествіи: если получу дерзновеніе у Господа и трудъ мой будетъ угоденъ Ему, то не только не оскудѣетъ обитель моя, но еще больше распространится по отшествіи моемъ, только любовь имѣйте между собою“. Онъ блаженно почилъ на 90 году своей жизни 9 іюня 1427 года ⁶⁴⁾.

Преп. Кириллъ любилъ заниматься списываніемъ книгъ ⁶⁵⁾. Послѣ

⁶²⁾ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь упраздненъ въ 1798 году, и древняя соборная церковь его обращена въ приходскую.

⁶³⁾ Мощи преп. Ѳерапонта почиваютъ подъ сводомъ въ соборной церкви основаннаго имъ Можайскаго Лужецкаго монастыря.

⁶⁴⁾ Мощи преп. Кирилла почиваютъ подъ сводомъ въ обители его, между Успенскимъ соборомъ и церковью во имя его. Надъ мощами поставлена рака изъ кипарисныхъ досокъ, обложенная басменнымъ серебромъ въ 1643 году. Въ обители сохранились памятники преп. Кирилла: 1) икона Богородицы Одигитріи, принесенная имъ изъ Симонова; она богато украшена золотомъ и драгоценными камнями; 2) образъ преп. Кирилла, писанный при жизни его преди. Діонисіемъ; 3) два креста деревянныхъ, срубленныхъ чудотворцемъ: одинъ изъ нихъ восьмиконечный поставленъ имъ самимъ въ часовнѣ, сооруженной подлѣ первоначальной его землянки, а другой четвероконечный, сдѣланный имъ же изъ сосны, которая едва не убила его своимъ паденіемъ, теперь обозначаетъ мѣсто бывшей землянки. Оба эти креста покрыты навѣсами на каменныхъ столбахъ; 4) фелонъ и подризникъ преп. Кирилла изъ бѣлаго мухояра; 5) разныя келейныя вещи, какъ-то колпакъ, визаннй изъ шерсти, тулугъ, кожаный поясъ, дорожный посохъ черемхового дерева, деревянный ковшъ и двѣ мѣдныя чашки съ кожаными влагалищами.

⁶⁵⁾ Самъ преп. Кириллъ много потрудился въ списываніи книгъ. Доселѣ пѣлы въ обители его 17 рукописей—книги чудотворца Кирилла: 7 Евангелій; Апостоль, Псалтирь, 3 книги правилъ, Лѣствица, 4 Канонника. Два Евангелія писаны рукою Христофора, ученика преп. Кирилла: одинъ Канонникъ писанъ въ 1405 г., а другой въ 1423 г. «по благословенію старца Кириллы игумена» рукою преп. Мартиніана, также ученика Кириллова. Весьма замѣчательны двѣ книги правилъ, писанныя рукою самого преп. Кирилла. Въ одной изъ нихъ, кромѣ отвѣтовъ на вопросы Ѳеогноста Сарайскаго и правила противъ суевѣр-

него сохранилась подлинная духовная грамота, писанная на столбцѣ обыкновенной бумаги мелкимъ, четкимъ и красивымъ почеркомъ ⁶⁶⁾, и три посланія, которыя, отличаясь простотою изложенія и искренностью благочестивой души, глубоко назидательны. Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ къ великому князю Василию Дмитріевичу, чудотворецъ говоритъ: „ты, государь, приобретаешь себѣ великую пользу душевную смиреніемъ своимъ, посылая ко мнѣ грѣшному, нищему, недостойному, страстному и чуждому всякой добродѣтели, съ просьбою о молитвѣ. Я грѣшный съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ государѣ, и о княгинѣ твоей, и о дѣтяхъ твоихъ, и о всѣхъ христіанъ, порученныхъ тебѣ Богомъ. Но будь и самъ внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію, въ которомъ Духъ Святой поставилъ тебя пасти людей, искупленныхъ кровью Христовою. Чѣмъ больше удостоенъ ты власти, тѣмъ болѣе строгому подлежишь отвѣту. Воздай Благодарителю долгъ твой, храня святыя Его заповѣди и уклоняясь отъ путей, ведущихъ къ гибели. Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребець, вредъ отъ того бываетъ не важный; если же ошибется кормчій, то губить весь корабль: такъ, государь, бываетъ и съ князьями. Если согрѣшитъ бояринъ, наносить пакость себѣ, а не всѣмъ; но если согрѣшитъ самъ князь, причиняетъ вредъ всему народу. Слышалъ я, что у тебя, великій князь, великое несогласіе съ твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они—свою: кровь христіанъ льется. Осмотришь, государь. Если они правы въ чемъ-либо, уступи имъ смиренно; если въ чемъ правда на твоей сторонѣ, стой за правду. Если они будутъ кланяться тебѣ, Бога ради, государь, окажи имъ милость, сколько можно, покажи къ нимъ любовь и состраданіе, дабы не погибли, блуждая въ татарскихъ странахъ. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не можетъ избавить насъ отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а если будешь любить ближняго какъ себя, если утѣшишь души скорбныя и огорченныя, — это много поможетъ тебѣ, государь, на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ“.

ныхъ примѣтъ, помѣщены выписки изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. Ясно, что преп. Кирилль читалъ и изучалъ книги о законахъ видимой природы, приобриталъ познанія о ней, повѣренныя опытомъ и разсудительностію, и тѣмъ разсѣвалъ предразсудки народа (Обзоръ Русск. Дух. Литературы I. 580). Въ XVI вѣкѣ ни одна изъ обителей Русскихъ не была такъ богата рукописями, какъ Кириллова. По описи XVII в., въ ней хранилось до 2092 рукописей. Хотя многія изъ нихъ поступили въ Патриаршее и другія книгохранилища, но бібліотека Кирилловская и теперь еще заключаетъ въ себѣ не мало замѣчательныхъ рукописей. Онѣ описаны отчасти С. П. Шеллевымъ въ книгѣ его: «Поѣздка въ Кирилловъ монастырь».

⁶⁶⁾ Въ этой духовной грамотѣ чудотворецъ Кирилль поручаетъ обитель свою покровительству князя Андрея и говоритъ: «если кто не захочетъ жить по моему преданію и не станетъ слушать игумена, вели, государь, выгнать того изъ монастыря». Житіе преп. Кирилла и множество чудотвореній описаны Пахоміемъ Лагоетомъ со словъ преп. Мартиніана и другихъ учениковъ чудотворца.

Благотворителю своему, князю Андрею Можайскому и Бѣлозерскому, богомудрый старецъ напоминаетъ посланіемъ, что онъ поставленъ отъ Бога удержатъ людей отъ зла въ своей отчинѣ. „Смотри, государь, чтобы судьи судили судъ праведно, какъ передъ Богомъ, не кривя; чтобы не было подлоговъ и клеповъ... Наблюдай, чтобы не было въ твоей области питейныхъ домовъ,—отъ нихъ великая пагуба людямъ: крестьяне пропиваются, а души ихъ гибнутъ... Также пусть не будетъ у тебя и таможенныхъ сборовъ,—эти деньги неправедныя. Пусть не будетъ въ твоей вотчинѣ ни разбоя, ни воровства. Если не уймутся отъ злого дѣла, вели наказывать, кто чего стоитъ. Унимай подчиненныхъ твоихъ отъ скверныхъ словъ и брани,—все это гнѣвить Бога. Если не потщишься управить всѣмъ тѣмъ, взыщется на тебѣ, потому что ты властелинъ надъ своими людьми, поставленный Богомъ. Не лѣнись самъ давать управу крестьянамъ; это вмѣнится тебѣ выше поста и молитвы. Удерживайтесь отъ пьянства. Подавайте по силѣ милостыню. Вы часто не можете поститься и молиться лѣнитесь: пусть же милостыня восполнить недостатки ваши“.

Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича преп. Кириллъ утѣшалъ въ скорби о болѣвшей супругѣ и по смиренію своему просилъ, чтобы князь отложилъ намѣреніе пріѣхать къ нему въ монастырь. „Знаю, государь,—писалъ старецъ,—что по грѣхамъ моимъ выйдетъ изъ того искушеніе, если поѣдешь ко мнѣ. Извѣщаю тебя напередъ, что нельзя тебѣ видѣть насъ: оставляю монастырь и уйду, куда Богъ наставитъ. Вы думаете, что я тутъ добрый, святой человекъ. Нѣтъ! истинно я всѣхъ грѣшнѣе и окаяниѣе и исполненъ срама. Не удивляйся сему, князь Юрій: слышу, что ты самъ читаешь и знаешь св. писаніе и понимаешь, какой вредъ происходитъ отъ человѣческой похвалы, особенно для насъ слабыхъ. Былъ у насъ братъ твой, князь Андрей; но здѣсь его отчина и намъ нельзя было не отдать поклона своему государю. А твоей отчины здѣсь нѣтъ. Если поѣдешь ты сюда, всѣ люди станутъ говорить: для Кирилла поѣхалъ князь“ 67).

Знаменитая Лавра чудотворца Кирилла 68) и по преставленіи его долго и неослабно соблюдала уставъ своего основателя; она почиталась основнымъ камнемъ иночества для всего сѣвера Русской земли и воспитала въ нѣдрахъ своихъ многихъ дивныхъ под-

67) Посланія преп. Кирилла напечатаны въ Истор. Акт. I. № 12, 16 и 17.

68) Обитель преп. Кирилла во многихъ актахъ называется лаврою. Наружный видъ ея подобенъ укрѣпленному городу: высокая трехъ-ярусная ограда, болѣе 700 саж. въ окружности, съ 10 огромными башнями, не считая малыхъ, окружаетъ монастырь, раздѣленный на нѣсколько частей; одна изъ нихъ заключающая тотъ холмъ, въ которомъ была землянка преп. Кирилла, называется Ивановскимъ монастыремъ. Кирилловъ монастырь былъ нѣкогда весьма богатъ и имѣлъ до 20000 крестьянъ. Теперь средства его значительно оскудѣли, но сады прежняго богатства еще видны въ украшеніяхъ храмовъ и иконъ и въ драгоценностяхъ ризницы, которая почитается одною изъ лучшихъ въ Россіи.

вижниковъ, которые разошлись по крайнимъ предѣламъ сѣвера и свѣтили міру изъ пустынныхъ своихъ обителей, какъ яркія звѣзды во мракѣ ночи.

Не всѣхъ духовныхъ чадъ великаго отца нашего Сергія могли мы исчислить въ нашемъ краткомъ разсказѣ: имена и дѣянія многихъ изъ нихъ извѣстны единому Богу, Которому посвятили они многотрудную жизнь свою. На духовномъ потомствѣ заступника земли Русской сбылось обѣтованіе, дарованное ему въ дивномъ видѣніи: птенцы гнѣзда его свили свои пустынные гнѣзда, и безчисленное множество прекрасныхъ птицъ Божіихъ наполнило собою дебри и тунды суроваго сѣвера, поморье и острова Ледовитаго моря ⁶⁹⁾.

---

⁶⁹⁾ О подвигахъ духовнаго потомства преп. Сергія, которое возникло въ лаврѣ Кирилловой и другихъ обителяхъ, основанныхъ учениками Радонежскаго чудотворца, мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Г Л А В А VII.

Друзья и собесѣдники преп. Сергія Радонежскаго: Стефанъ Махрищскій, Димитрій Прилуцкій, святитель Діонисій Суздальскій съ ученикомъ своимъ преп. Евѣиміемъ.—Проповѣдники вѣры Христовой: святитель Стефанъ въ великой Перми; Сергій и Германъ Валаамскіе и Арсеній Коневскій—на островахъ и берегахъ Ладожскаго озера; Кириллъ Челмогорскій—въ странѣ Каргопольской; Авва Лазарь—между Лопарями.—Начало упадка новгородской вольности.—Юродивые въ Новгородѣ: Николай Кочановъ и Θεодоръ.

У друзей Божіихъ бываютъ и друзья святые. Таковы были друзья богоноснаго распространителя иноческой жизни, чудотворца Сергія—преподобные: Стефанъ Махрищскій и Димитрій Прилуцкій; святители Діонисій Суздальскій съ ученикомъ своимъ Евѣиміемъ и Стефанъ Пермскій.

Первое мѣсто между ними занимаетъ преп. Стефанъ Махрищскій, какъ ближайшій собесѣдникъ Радонежскаго отшельника почти съ самаго водворенія его въ пустынь. Рожденный и воспитанный въ Кіевѣ, Стефанъ постригся въ Печерской обители и провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ послушанія и молитвы. Притѣсненія папистовъ заставили его вмѣстѣ съ другими печерскими иноками искать убѣжища въ Москвѣ, гдѣ благосклонно принялъ его великій князь Іоаннъ, сынъ Калиты и отецъ Донского. По грамотѣ его и благословенію святителя, Стефанъ поставилъ себѣ келью въ уединенномъ мѣстѣ на берегу рѣчки Махрищи, въ 35 верстахъ отъ обители Сергіевой; своими руками рубилъ онъ лѣсъ и обрабатывалъ землю, чтобъ имѣть пропитаніе отъ трудовъ своихъ. Желая сохранить безмолвіе, онъ сначала не хотѣлъ принимать приходившихъ къ нему, но потомъ уступилъ просьбамъ усердія. Когда собралось къ нему нѣсколько ревнителей иноческой жизни, Кіевскій подвижникъ поставилъ храмъ Св. Троицы, кельи и трапезу и ввелъ общежитіе; святитель ¹⁾ посвя-

---

¹⁾ Житіе преп. Стефана написано игуменомъ (впослѣдствіи епископомъ Вологодскимъ) Іосафомъ, по волѣ митрополита Макарія, при пособіи краткихъ записокъ, составленныхъ столѣтнимъ монахомъ Серапіономъ. Авторъ житія (рукопись Сергіевой лавры 692 л. 712) полагаетъ, что Стефанъ рукоположенъ митрополитомъ Θεогностомъ; но Θεогноность скончался прежде великаго князя Симеона, и Стефанъ получилъ грамоту отъ Іоанна II при архипастырствѣ св. Алексія.

тиль его въ санъ іерея и игумена. Это было, какъ вѣроятно, въ 1358 году ²⁾).

Принявъ настоятельство, Стефанъ былъ примѣромъ добродѣтелей для братіи; онъ трудился болѣе всѣхъ, носилъ убогое рубище, былъ кротокъ и молчаливъ. Особенныя обстоятельства доставили подвижнику Махрицкому утѣшеніе видѣть у себя въ монастырѣ преп. Сергія, который пришелъ туда, уклоняясь отъ неудовольствія, воздвигнутаго роднымъ его братомъ. Когда игумень Махрицскій услышалъ о приходѣ игумена Радонежскаго, онъ велѣлъ ударить въ било и вышелъ къ нему навстрѣчу со всею братіей: оба они поклонились другъ другу до земли, прося взаимно благословенія, и долго не вставали, потому что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ принять на себя первенства. Наконецъ, умоленный блаж. Стефаномъ, преп. Сергій далъ благословеніе ему и всей братіи. Онъ пробылъ нѣсколько дней въ монастырѣ Махрицскомъ и выпросилъ себѣ одного изъ тамошнихъ иноковъ, хорошо знающаго окрестности, чтобы избрать себѣ мѣсто для безмолвнаго уединенія ³⁾. Такое мѣсто нашлось въ 15 верстахъ отъ Махры, надъ рѣкою Киржачемъ ⁴⁾.

Нѣчто подобное тому, что случилось съ преп. Сергіемъ, суждено было испытать и преп. Стефану: онъ также долженъ былъ удалиться изъ своей обители и основать монастырь въ другомъ мѣстѣ. Близъ Махры жилъ одинъ благочестивый человекъ, хранившій отъ юности чистоту тѣлесную, смиреніе и любовь ко всѣмъ; онъ отдалъ обители Махрицкой свою усадьбу съ засѣянными полями, а самъ принялъ иночество съ именемъ Григорія и былъ любимымъ ученикомъ блаж. Стефана. Это было не по сердцу сосѣднимъ владѣльцамъ: они знали уваженіе великаго князя Димитрія къ Стефану и опасались, чтобы земли, которыми они владѣли, не перешли во владѣніе монастыря. Четверо изъ нихъ, братья Юрцовскіе, подняли гоненіе на игумена и грозили убить его, если онъ не уйдетъ изъ Махры. Тогда преп. Стефанъ, уступая мѣсто злобѣ, удалился вмѣстѣ съ Григоріемъ на сѣверъ и въ 60 верстахъ отъ Вологды на рѣкѣ Авнежѣ основалъ въ 1370 году ⁵⁾ пустынную обитель съ храмомъ Св. Троицы. Пустынножителемъ помогаль богатый землевладѣлецъ Константинъ Дмитріевичъ, который и самъ принялъ иночество съ именемъ Кассіана.

Великій князь Димитрій прислалъ книги и другіе вклады въ Авнежскую пустынь, а Стефана вызвалъ въ Москву, принялъ его съ любовію и велѣлъ остаться въ Махрицкой обители, которой тогда же пожертвовалъ земли и угодыя ⁶⁾.

²⁾ Русскіе Святые подъ 4 июля стр. 8.

³⁾ При этомъ случаѣ Стефанъ сказалъ Сергію: «ничтоже есть въ монастырѣ семъ, еже возбранено тебѣ». Знаменательныя слова, служащія какъ бы основаніемъ продолжающейся донинѣ духовной зависимости обители Махрицкой отъ лавры Сергіевой.

⁴⁾ Об основанія Благовѣщенскаго монастыря на Киржачѣ сказано выше въ VI главѣ.

⁵⁾ Описаніе Махрицкаго монастыря, стр. 10.

⁶⁾ Оставляя Авнежскую пустынь, прен. Стефанъ передалъ настоятельство Григорію, а Кассіана поставилъ келаремъ. Оба они были въ 1392 убиты при разореніи обители ихъ

Всегда кроткій и покорный, Стефанъ возвратился въ Махру, продолжалъ подвизаться въ подвигахъ духовной жизни и по временамъ, какъ увѣряетъ преданіе, приходилъ для бесѣды къ великому чудотворцу Сергію. Достигнувъ глубокой старости и предчувствуя приближеніе кончины, онъ облекся въ великую схиму и предалъ духъ свой Господу, 14 іюля 1406 года 7).

Подвиги преп. Димитрія Прилуцкаго начались на родинѣ его въ Переяславль-Залѣскомъ. Сынъ богатаго купца, обученный въ юности чтенію книгъ, онъ не стремился къ земному богатству, но искалъ небснаго. Принявъ постриженіе въ Нагорномъ Борисоглѣбскомъ 8) монастырѣ, онъ снискалъ себѣ чистою, равноангельною жизнію любовь и уваженіе братіи. Спустя нѣсколько лѣтъ Димитрій основалъ на берегу Переяславскаго озера Николаевскій монастырь 9) съ правилами строгаго общежитія для братій.

Друзья Божіи любятъ другъ друга: блаженный Димитрій въ первый разъ познакомился съ дивнымъ пустынникомъ Радонежскимъ тогда, когда преп. Сергій приходилъ въ Переяславль и былъ посвященъ въ санъ игумена 10). Это было въ 1354 году. Съ того времени преп. Димитрій часто ходилъ къ преп. Сергію для духовныхъ бесѣдъ и возвращался съ одушевленіемъ на новые подвиги. Онъ былъ весьма красивъ лицомъ, и красота его расцвѣла отъ поста; во избѣжаніе искушеній въ обители, посѣщаемой мірскими людьми, онъ закрывалъ лицо свое куколемъ и бѣгалъ женщинъ. Одна изъ именитыхъ женъ Переяславскихъ, слышавшая о необыкновенной красотѣ его, захотѣла непременно видѣть лицо его, и ей удалось это тогда, когда преподобный готовился къ священнослуженію; но нецѣломудренная внешне поражена была разслабленіемъ. Братія, увидѣвъ жалкое поло-

---

Вятскими татарами. Въ 1524 году одинъ земледѣлецъ при расчисткѣ лѣса (выросшаго на мѣстѣ заустѣлаго монастыря) нашелъ мощи преп. Григорія и Кассіана; надъ ними поставили часовню. Махрицскій настоятель Варлаамъ царскимъ иждивеніемъ построилъ въ 1560 году надъ гробомъ преподобныхъ монастырь съ храмами Св. Троицы и великомученика Георгія, а блж. митрополитъ Макарій поручилъ Вологодскому епископу Іоасафу освидѣтельствовать мощи и затѣмъ установлено совершать мѣсто память преп. Григорія и Кассіана 15 іюня. Обитель упразднена въ 1764 г., но придѣлъ Троицкаго храма остается посвященнымъ имени преподобныхъ, а на гробницѣ стоитъ древняя икона ихъ. Явленіе мощей и чудеса блж. Григорія и Кассіана описаны тѣмъ же Іоасафомъ, который написалъ житіе преп. Стефана (Обзоръ Русск. Дух. Литературы I. § 133).

7) Мощи преп. Стефана обрѣтены негнѣнными при построеніи каменнаго храма св. Троицы въ 1550 году, но оставлены въ новомъ храмѣ подъ спудомъ. Отъ кожанаго параманда, найденнаго на персяхъ мощей и вложеннаго въ серебряный крестъ, послѣдовало нѣсколько исцѣленій (Описаніе Махр. монастыря, стр. 16). Описаніе чудесъ преп. Стефана и служба ему составлены тѣмъ же Іоасафомъ. Въ началѣ XVII вѣка Махрицская обитель; разоренная Ляхами, приписана къ Сергіевой лаврѣ.

8) Нагорный Борисоглѣбскій монастырь находился въ 2 верстахъ отъ Переяславля Залѣскаго, близъ дороги въ Ростовъ, на высокомъ мѣстѣ. Теперь тамъ городское кладбище.

9) Переяславскій Николаевскій монастырь, что на болотѣ, подлѣ города и озера Клещина, существуетъ и теперь, но весьма скуденъ.

10) Смотри въ V главѣ.

женіе ея, сжалились надъ нею и просили настоятеля простить ее. Тронутый раскаяніемъ и слезами ея, онъ сказалъ: „зачѣмъ ты хотѣла видѣть грѣшника, уже умершаго міру?“ и крестнымъ знаменіемъ возвратилъ ей здравіе.

Слухъ о высокой жизни преп. Димитрія дошелъ до соименнаго ему великаго князя, который просилъ подвижника быть воспріемникомъ дѣтей его. Преподобный исполнилъ желаніе добраго князя и получилъ отъ него щедрые дары для обители. Но, бѣгая славы чело-вѣческой, онъ рѣшилъ удалиться въ глухое мѣсто и отправился съ любимымъ ученикомъ своимъ Пахоміемъ на сѣверъ, тогда еще малолюдный, въ непроходимыя дубравы Вологодскія. При сліяніи рѣкъ Лежи и Великой, недалеко отъ Авнежской волости, онъ поставилъ храмъ Воскресенія Христова, существующій донинѣ; но окрестные жители, боясь потерять часть земли своей, не дозволили устроить монастырь. Смиранный отшельникъ радъ былъ и тому, что успѣлъ построить церковь ¹¹⁾ и, не желая быть никому въ тягость, ушелъ въ Вологду, гдѣ еще не было до него обителей иноческихъ. За 3 версты отъ города полюбились ему уединенное мѣсто „при лукѣ“ (излучинѣ) р. Вологды. Здѣсь преп. Димитрій рѣшилъ основать монастырь. Владѣльцы мѣста (Илья и Исидоръ) съ радостію подарили землю и сами затоптали свои озимы и нивы, чтобы немедленно приступить къ постройкѣ храма. Каждый изъ жителей Вологды спѣшилъ жертвовать, сколько кто могъ. Многіе изъ учениковъ преп. Димитрія перешли изъ Переяславля къ нему на Прилуки. Такъ составила въ 1371 году первая общежительная обитель съ храмомъ Спасителя, въ окрестностяхъ Вологды.

Блаж. игумень новаго монастыря подвизался въ молитвѣ и трудахъ. Онъ не искалъ ничего отъ людей и не прерывалъ молитвеннаго правила для богатыхъ посѣтителей, но любилъ втайнѣ помогать бѣднымъ. Пища его состояла изъ одной просфоры съ теплою водою; одеждою въ зимнее и лѣтнее время служилъ ему ветхій овчинный тулупъ. Для братіи принималъ онъ подаваніе отъ мірянъ, но съ разборомъ. Одному благотворителю, чело-вѣку скупому и немилостивому, онъ сказалъ: „отнеси назадъ, что принесъ намъ, ѿ накорми слугъ и сиротъ-крестьянъ, живущихъ у тебя, чтобы не страдали они отъ голода и нужды; когда останется отъ того что-нибудь, принеси нашей нищетѣ“.

Другой опытъ прозорливости показалъ преп. Димитрій на родномъ своемъ братѣ, Переяславскомъ купцѣ, который, торгуя неудачно и обремененный долгами, два раза приходилъ къ Прилуцкому игумену за благословеніемъ на путь въ Югру и Печору, къ дикимъ народамъ Чуди и Самояди. По благословенію преп. Димитрія онъ торговалъ счастливо: послѣ первой поѣздки уплатилъ всѣ долги свои, а послѣ

¹¹⁾ Въ житіи преп. Димитрія сказано: «у людей этого края мало было духовной пищи божественнаго писанія и назиданія. Пришедъ въ эту страну, Димитрій видѣлъ и слышалъ, что церковей Божіихъ тамъ мало, а нужды въ нихъ много».

второй разбогатѣлъ. Но въ третій разъ блаженный старецъ отказалъ ему въ благословеніи, совѣтуя довольствоваться тѣмъ, что уже нажилъ. Купецъ не слушался и пропалъ безъ вѣсти въ дикой сторонѣ.

Однажды, занимаясь работою вмѣстѣ съ братіей, преп. Димитрій вздохнулъ и сказалъ: „мы, братія, строимъ земныя, тлѣнныя дѣла, а благовѣрный великій князь Димитрій уже не печется о суетной жизни“. Спустя нѣсколько дней пришло извѣстіе, что великій князь скончался въ тотъ самый день и часъ.

Когда преп. Димитрій достигъ глубокой старости и приближался къ блаженной кончинѣ, братія спросили, гдѣ похоронить его. „Бросьте, отвѣчалъ онъ, грѣшное тѣло мое въ болото“. Онъ мирно преставился 11 февраля 1392 года. Мощи его были погребены въ построенномъ имъ храмѣ ¹²⁾ и прославлены многими чудесами ¹³⁾.

Святитель Діонисій, въ мірѣ Давидъ, съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя на служеніе Богу; по примѣру кievскихъ подвижниковъ, онъ выкопалъ себѣ пещеру на берегу р. Волги, 3-хъ верстахъ отъ Нижняго-Ногорода ¹⁴⁾. Сначала онъ жилъ здѣсь одинъ отшельникомъ, а потомъ, когда собрались къ нему и другіе искатели безмолвія (около 1335 года), основалъ монастырь въ честь Вознесенія Господня. Обширнымъ знаніемъ правилъ вѣры и строгою подвижническою жизнію Діонисій приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Современники видѣли въ немъ „мужа кроткаго, разсудительнаго, знающаго святое писаніе, учительнаго, славнаго постничествомъ и исполненнаго любви ко всѣмъ“ ¹⁵⁾. Подъ опытнымъ его руководствомъ воспитались въ иноческой жизни великіе подвижники: Евѡимій Суздальскій, Макарій Унженскій и Павелъ Высокій ¹⁶⁾.

Князья Нижегородскіе, Борисъ и Андрей Константиновичи, уважали блаж. Діонисія; супруга послѣдняго изъ нихъ, княгиня Анастасія, основала въ престольномъ своемъ городѣ на берегу р. Волги Зачатіевскій дѣвничій монастырь и приняла въ немъ, по смерти мужа, постриженіе съ именемъ Вассы. Она пользовалась наставленіями преп. Діонисія ¹⁷⁾.

¹²⁾ Мощи преп. Димитрія почиваютъ подъ спудомъ въ соборной Спасской церкви Прилуцкаго монастыря, построенной надъ гробницею его въ 1537 году. Спасоприлуцкій второклассный монастырь, до отобранія имѣній, имѣлъ около 3,000 крестьянъ.

¹³⁾ Житіе преп. Димитрія описано Прилуцкимъ игуменомъ Макаріемъ, со словъ Пахомія, ученика и преемника Димитрія. Оно помѣщено въ Миней митрополита Макарія подъ 11 февраля вмѣстѣ съ похвалою и словомъ о чудесахъ (Обзоръ Русс. Дух. Литерат. I. § 91). Служба и дополненіе къ житію и чудесамъ составлены Прилуцкимъ іеромонахомъ Лонгиномъ.

¹⁴⁾ Преп. Діонисій пришелъ въ Нижній изъ Кіева и принесъ съ собою списокъ съ Печерской иконы Богородицы. Этотъ образъ, сохраняемый дониндѣ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, почитается чудотворнымъ.

¹⁵⁾ Степен. кн. I, 528. Собр. лѣтоп. VIII. 20; 21.

¹⁶⁾ Павелъ Высокій, по словамъ современниковъ, «старецъ книжный и чудный, и философъ велій», скончался 1 января 1382 года. Приписываемыя ему сочиненія исчислены въ Обзорѣ Русс. Дух. Литерат. I, § 72.

¹⁷⁾ Княгиня Анастасія, по кончинѣ супруга, оставалась еще 4 года въ мірѣ бездѣтною вдовою. Потомъ, даровавъ свободу всѣмъ слугамъ своимъ, раздавала богатство

Святитель Алексій, лично зная добродѣтели и образованность Діонисія, рукоположилъ его въ санъ епископа Суздальскаго въ 1374 году. По кончинѣ св. Алексія, когда великій князь Димитрій настоятельно хотѣлъ видѣть митрополитомъ любимца своего Михаила (Митяя) и созвалъ епископовъ для посвященія его въ Москвѣ, только одинъ изъ нихъ, блаж. Діонисій, смѣло поддерживалъ убѣжденіе, что по зависимости Русской Церкви отъ Цареградской, поставленіе первосвятителя безъ воли вселенскаго патріарха будетъ незаконно. Великій князь долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Діонисія, и Митяя отправился въ Константинополь, угражая, что по возвращеніи лишитъ Діонисія сана и своими руками споретъ скрижали съ его мантии.

Вслѣдъ за Митяемъ поспѣшилъ туда и Діонисій, по вызову патріарха ¹⁸⁾. Онъ пробылъ въ Царьградѣ болѣе года и объяснилъ патріарху опасность, угрожающую Русской Церкви отъ ереси стригольниковъ, усилившейся въ Новгородѣ и Псковѣ ¹⁹⁾. Патріархъ, лично узнавъ высокія достоинства Діонисія, почтилъ его саномъ архіепископа и далъ ему фелонь многокрестную (полѹставрій). „Мы нашли его,—писалъ патріархъ въ граматѣ,—достойнымъ всякой похвалы; видѣли пощеніе и слезы его, молитву и милостыню, все, чѣмъ обозначается духовный Божій человекъ; онъ присутствовалъ и на святомъ соборѣ, духовно бесѣдовалъ съ епископами о священномъ писаніи, при чемъ показалъ ревность въ вѣрѣ и глубокое разумѣніе священныхъ правилъ“.

Послѣ несчастной смерти Митяя, блаж. Діонисій могъ бы, пользуясь расположеніемъ патріарха, испросить себѣ санъ митрополита, но онъ не искалъ земной чести. Между тѣмъ Московское посольство, состоявшее изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, воспользовалось бѣлыми листами съ печатью великокняжескою, чтобы написать просьбу отъ имени Димитрія къ патріарху о поставленіи въ первосвятительскій санъ одного изъ членовъ посольства — Пимена, архимандрита Переяславскаго. Патріархъ поспѣшилъ исполнить мнимое желаніе великаго князя; но Димитрій не хотѣлъ видѣть обманщика на каедрѣ чудотворцевъ Петра и Алексія, заточилъ Пимена въ Чухлому и призвалъ на митрополию блаженнаго Кипріяна.

церквамъ и нищимъ и пострижена преп. Діонисіемъ на 40 году отъ рожденія. Она была настоятельницею въ своей обители, подвизалась въ смиреніи и терпѣніи, пребывала безъ пищи по нѣскольکو дней, ночи проводила въ молитвѣ, носила на тѣлѣ власяницу вмѣсто бѣлья и приобрѣтала пропитаніе трудами рукъ своихъ. Княгиня-подвижница, принявъ схиму съ именемъ Феодоры, скончалась 47 лѣтъ въ 1378 году. Память ея мѣстно читается 16 апрѣля. Мощи ея перенесены въ Спасскій Нижегородскій монастырь и почитаютъ тамъ подъ спудомъ. (Карамзина V, прим. 4. Нижегородскихъ губерн. вѣдом. 1847, № 5).

¹⁸⁾ Грамата патріарха въ Истор. Акт. 1.

¹⁹⁾ О ереси стригольниковъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Изъ этой поѣздки блаж. Діонисій прислалъ въ свою епархію: 1) два списка съ иконы Богородицы-Одигитриі: одинъ изъ нихъ находится въ Суздальскомъ, а другой въ Нижегородскомъ соборѣ; 2) часть животворящаго древа и «страсти Христовы», т. е. частицы орудій мученія Спасителя; онѣ сохраняются теперь въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ серебряномъ крестообразномъ ковчегѣ.

Блаж. Діонисій въ концѣ 1381 года возвратился изъ Греціи съ патриаршимъ порученіемъ—заботиться объ истребленіи ереси стригольниковъ въ Новгородѣи Псковѣ. „Смирение нашеи великій соборъ,—писалъ патриархъ Псковичамъ,—послали къ вамъ боголюбиваго архіепископа Суздальскаго Діонисія, мужа честнаго, благочестиваго, добродѣтельнаго, извѣстнаго хранителя священныхъ каноновъ; онъ отъ лица нашего посѣтитъ и благословитъ васъ, научитъ и наставитъ устроить должное и соединитъ васъ съ соборною апостольскою Церковью Божіею. Вы должны знать, что отлучающіеся отъ Церкви отлучаются отъ самого Христа Бога; все, что услышите изъ устъ его, примите какъ наше собственное слово“. Ревностный святитель успѣлъ сильно потрясти ересь въ двухъ вольныхъ городахъ.

Между тѣмъ смута церковная продолжалась. Повидимому, Димитрій полюбилъ Кипріана; но послѣ нашествія Тохтамыша великій князь, возвратившись въ столицу, былъ разгнѣванъ тѣмъ, что митрополитъ искалъ убѣжища у враждебнаго ему князя Тверскаго ²⁰). Онъ вызвалъ блаж. Кипріана изъ Твери, осыпалъ его укоризнами за оставленіе паствы во время опасности и изгналъ изъ Москвы, назначивъ на мѣсто его Пимена, котораго прежде не хотѣлъ видѣть ²¹). Впрочемъ Димитрій не могъ уважать этого хитраго чистолюбца и, убѣдившись въ достоинствахъ и заслугахъ св. Діонисія, пожелалъ видѣть его на первосвятительской каѳедрѣ. Діонисій еще разъ въ 1383 году предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, получилъ утвержденіе отъ патриарха, но на обратномъ пути былъ задержанъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, который объявилъ, что если Московскій князь по своей волѣ изгналъ изъ Москвы Кипріана, митрополита всея Россіи, то онъ, князь Кіевскій, задерживаетъ Діонисія. Подвижникъ-пастырѣ преставился въ заточеніи 15 октября 1384 ²²).

Одинъ изъ учениковъ св. Діонисія, преп. Евѳимій, называется „спостникомъ и собесѣдникомъ“ преп. Сергія ²³). Онъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ ранней юности пришелъ въ пещерную обитель Діонисія. Здѣсь, по волѣ настоятеля, Евѳимій носилъ воду и рубилъ дрова въ пекарнѣ; взгляды на огонь возбуждалъ въ немъ слезы сокрушенія о грѣхахъ, ввергающихъ грѣшниковъ въ огонь вѣчный. Грудясь неутомимо, онъ проводилъ ночи въ молитвѣ и постился, употребляя пищу не до сыта, а воду пилъ мѣрю. Когда князь Борисъ

²⁰) Князь Тверскій во время нашествия Тохтамыша не только не хотѣлъ принять участія въ отраженіи враговъ отъ Москвы, но искалъ для себя великокняжескаго достоинства.

²¹) За Пимена, заточеннаго въ Чухломѣ, вступился патриархъ. Онъ писалъ къ Димитрію, что мірская власть не должна подвергать тѣлесному страданію архипастыря, хотя бы можно было сомнѣваться въ законности его поставленія (Архивъ Ист. Юридич. Калачева, стр. 12).

²²) Мощи св. Діонисія почиваютъ открыто въ Антоніевой пещерѣ. Память его празднуется 26 іюня и въ день преставленія. По древнимъ памятникамъ онъ называется чудотворцемъ (Русскіе Святые подъ 15 октября).

²³) Апрельская Миня Московской печати 1625 года.

Константиновичъ въ 1352 году пожелалъ построить въ Суздаль монастырь и просилъ у блаж. Діонисія одного изъ учениковъ его для настоятельства въ новой обители. Діонисій назначилъ Евѳиміа. „Не удаляй меня, отче, отъ пребыванія съ тобою: тяжело мнѣ жить съ чужими“, со слезами говорилъ Евѳимій. „Господня земля, а непослушанія бойся“, отвѣчалъ Діонисій. Евѳимію тогда было 36 лѣтъ.

Въ Суздаль принялъ его св. епископъ Іоаннъ, первопрестольникъ ²⁴⁾ Суздальскій, ревностный архипастырь, сѣявшій сѣмя слова Божія на новой нивѣ, между дикою Мордвою ²⁵⁾, безкорыстный и сердобольный, облегчившій повинности крестьянъ, жителей церковныхъ земель, и устроившій богадѣльни для больныхъ и престарѣлыхъ. Онъ самъ указалъ мѣсто для обители, вблизи города, на берегу рѣки Каменки; рукоположилъ Евѳиміа въ санъ архимандрита и освятилъ новопостроенный храмъ въ честь Преображенія Господня ²⁶⁾. При самомъ построеніи храма преп. Евѳимій приготовилъ въ немъ мѣсто для своего погребенія и своими руками обтесалъ камни для гроба. Къ смиренному подвижнику собралось до трехъ сотъ братіи. Онъ посѣщалъ иногда преп. Сергія Радонежскаго и подражалъ равноангельской жизни его, раздавалъ пищу бѣднымъ, успокаивалъ больныхъ, платилъ долги за должниковъ и защищалъ угнетенныхъ. Послѣ 52-лѣтняго настоятельства, блаж. старецъ преставился 88 лѣтъ, 1 апрѣля 1404 года ²⁷⁾. Память преп. Евѳимія прославлена многими чудотвореніями.

Къ числу друзей великаго чудотворца Сергія принадлежитъ также св. Стефанъ, богумудрый просвѣтитель и апостолъ земли Пермской. Уроженецъ Великаго Устюга, сынъ благочестивыхъ родителей, онъ еще въ юныхъ лѣтахъ отличался необыкновенными дарованіями и любознательностію. Въ сердцѣ его загорѣлось желаніе посвятить жизнь свою просвѣщенію дикихъ обитателей сѣвера—Зырянъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на торгу въ родномъ своемъ городѣ.

Для приготовленія себя къ святому и великому дѣлу онъ пошелъ въ Ростовъ и постригся въ Григорьевскомъ монастырѣ ²⁸⁾, гдѣ

²⁴⁾ Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій перенесъ столицу свою въ Нижній-Новгородъ и испросилъ себѣ у папіарха особаго епископа Нижегородскаго и Суздальскаго. Первымъ архипастыремъ на этой новой каедрѣ былъ св. Іоаннъ.

²⁵⁾ Мордва покорена и присоединена къ Нижегородской области тѣмъ же княземъ Константиномъ.

²⁶⁾ Мощи святителя Іоанна почиваютъ открыто въ Суздальскомъ соборѣ. Память его празднуется 15 октября. Рукописная служба съ канонамъ сохраняется въ библиотекѣ Спасо-Евѳиміева монастыря. (Владимірскій Сборникъ, стр. 165).

²⁷⁾ Мощи преп. Евѳимія обрѣтены нетлѣнными при копаніи рововъ для новаго каменнаго храма, 7 іюня 1507 года. Онѣ почиваютъ открыто въ соборной Спаской церкви второкласснаго Суздальскаго Евѳиміева монастыря. Житіе и чудеса преп. Евѳимія описаны инокомъ обители его Григоріемъ въ XVI вѣкѣ. Ризница монастырская богата старинными утварями; въ библиотекѣ много старопечатныхъ книгъ и нѣсколько замѣчательныхъ рукописей.

²⁸⁾ Монастырь св. Григорія Богослова, въ углу Ростовскаго кремля, давно уже упраздненъ. Церковь его совершенно обветшала и входъ въ нее закладенъ.

было много книгъ. Здѣсь онъ выучился по-гречески ²⁹⁾, занимался языкомъ Зырянъ (который зналъ еще на родинѣ), составилъ Зырянскую азбуку и перевелъ на этотъ языкъ нѣсколько церковныхъ книгъ. Рѣшась на подвигъ апостольскій, онъ упражнялся въ смиреніи, кротости, терпѣніи и любви, чтобы переносить всѣ непріятности и скорби для Господа, безъ вреда великому дѣлу и своей душѣ.

Въ 1379 году блаженный Стефанъ явился въ Москву къ Герасиму, епископу Коломенскому, управлявшему дѣлами митрополіи ³⁰⁾. „Благослови меня, владыко,—говорилъ Стефанъ,—идти въ страну языческую, великую Пермь; хочу учить вѣрѣ людей невѣрныхъ, привести ихъ ко Христу или пострадать за Христа моего“. Епископъ увидѣлъ въ Стефанѣ особенное призваніе Божіе, удостоилъ его священства, снабдилъ антиминсами и святымъ мѣромъ; а великій князь далъ ему охранную грамоту.

Изъ Устюга блаженный Стефанъ спустился по Сѣверной Двинѣ до впаденія въ нее рѣки Вычегды. Здѣсь начинались тогда поселенія Зырянъ; здѣсь предстояло ему много борьбы, трудовъ, лишеній и скорбей; здѣсь стало предъ нимъ язычество лицомъ къ лицу съ непримиримою злобою противъ истины. Главные идолы Зырянъ были: Воипель и Золотая Баба. Кромѣ того, Зыряне поклонялись огню, камнямъ и деревьямъ, вѣрили въ духовъ добрыхъ и злыхъ и слышали о великомъ духѣ, будто бы недоступномъ для поклоненія. У нихъ были кудесники (волхвы), готовые на все для защиты великаго язычества.

Первое Зырянское поселеніе, которое встрѣтилъ Стефанъ при устьѣ Вычегды, было Котласъ. Здѣсь радушно приняли Московскаго проповѣдника; онъ крестилъ здѣсь много жителей и основалъ храмъ ³¹⁾. Продолжая далѣе путь по правому берегу рѣки Вычегды, ставя по мѣстамъ кресты и часовни, какъ самыя понятныя для простыхъ людей указанія новой вѣры, Стефанъ остановился при слияніи рѣки Выми съ Вычегдою, въ главномъ поселеніи Зырянскаго народа Усть-Вымѣ. Простые сердцемъ люди съ изумленіемъ слушали новаго проповѣдника и крестились; они часто приходили къ благовѣстнику, бесѣдовали съ нимъ и полюбили его. Когда число увѣровавшихъ возрасло значительно, блаженный Стефанъ построилъ здѣсь храмъ Благовѣщенія Богородицы, имѣя въ виду ту мысль, что какъ Благовѣщеніе было началомъ спасенія для всего міра, такъ и церковь эта послужила началомъ спасенія земли Пермской ³²⁾. Новосозданная церковь привлекла къ себѣ не только увѣровавшихъ, но и невѣрныхъ Зырянъ, которые часто приходили къ ней, чтобы только полюбоваться ея красотою, и

²⁹⁾ По древнему житію преп. Петра Царевича, въ Ростовскомъ соборномъ храмѣ, при епископѣ Кириллѣ, «на лѣвомъ клиросѣ пѣли по-гречески, а на правомъ по-русски».

³⁰⁾ Это было по кончинѣ св. Алексія, когда Митяй отправился въ Царьградъ за посвященіемъ.

³¹⁾ Ист. Iер. VI, 567.

³²⁾ Эта Благовѣщенская церковь была послѣ кафедральною св. епископа Стефана и его преемниковъ, а позднѣе принадлежала къ Усть-Вымской Архангельской обители.

отходили съ мыслию о величїи Бога христіанскаго. Но много было и такихъ между Зырянами, которые, по привязанности къ старому зловѣрїю, оскорбляли проповѣдника и покушались убить его. Предметомъ особеннаго благоговѣнія Зырянъ-язычниковъ была „прокудливая“ береза, громадная по толщинѣ и вышинѣ. Св. Стефанъ срубилъ и сжегъ обожаемое невѣрными дерево и сильною рѣчью обратилъ ко Христу многихъ озлобленныхъ язычниковъ. На этомъ мѣстѣ онъ поставилъ храмъ въ честь Архистратига Михаила,—побѣдителя духовъ тьмы ³³⁾).

Упорнѣйшіе изъ невѣрныхъ, особенно волхвы, кудесники и старцы, неоднократно собирались къ Стефану и вступали съ нимъ въ торжественныя пренія о вѣрѣ въ присутствїи многочисленнаго народа; но каждый разъ были побѣждаемы и посрамляемы. Вслѣдствіе этого обратилось къ христіанству еще великое множество мужей, женъ и дѣтей. Тогда Стефанъ началъ учить ихъ Пермской грамотѣ, имъ избрѣтенной, и книгамъ—Часослову, Осмогласнику, Псалтири и другимъ, переведеннымъ прежде книгамъ; а обучившихся, судя по ихъ уснѣхамъ, однихъ предназначалъ во священники, другихъ въ діаконы, третьихъ въ чтецы. Училъ ихъ также церковному пѣнію и письму, заставляя переписывать книги, а самъ переводилъ другія съ Русскаго на Пермскій. Радуюсь успѣху предпрїятія и видя, какъ ежедневно умножалось стадо Христово, св. благовѣстникъ построилъ еще нѣсколько храмовъ въ разныхъ мѣстахъ, по рѣкамъ и погостамъ, гдѣ жили Зыряне. Сооруженіе церквей сопровождалось повсюду сокрушеніемъ идоловъ. Св. Стефанъ самъ съ учениками своими, днемъ и ночью, при народѣ и безъ народа, обходилъ лѣса, погосты, распутія, входилъ въ дома жителей, и гдѣ только ни отыскивалъ кумиры и кумирницы, все это разрушалъ и предавалъ огню. Равнымъ образомъ всѣ приношенія язычниковъ, которыя были повѣшены вокругъ идоловъ или надъ ними и служили къ украшенію ихъ, какъ-то: шкуры соболей, куницъ, горностаевъ, бобровъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей, собиралъ въ кучи и сожигалъ, къ немалому удивленію Зырянъ, которые не могли понять, почему онъ не хотѣлъ воспользоваться самъ этими цѣнными мѣхами.

Противъ распространенія христіанства возсталъ старшина Вымичей, престарѣлый кудесникъ и начальникъ волхвовъ, котораго Зыряне чтили болѣе всѣхъ своихъ чародѣевъ. Имя ему было Памъ или Пам-Сотникъ. „Не оставляйте,—говорилъ онъ,—боговъ отеческихъ, не слушайте Московскаго бродяги. Можетъ ли быть для насъ изъ Москвы

---

³³⁾ При Архангельской церкви св. Стефанъ устроилъ обитель для сотрудниковъ своихъ, подвизавшихся въ обращенїи язычниковъ ко Христу. Здѣсь же заведена имъ и школа. Престоль Архангельскаго храма былъ поставленъ надъ пнемъ боготворимаго язычниками дерева, которое, по преданію, донинѣ сохранившемся между Зырянами Усть-вымскими, было не береза, а ель. Достоверность этого преданія подтверждается тѣмъ, что Зыряне называютъ предковъ своихъ идолослужителей—«ельниками», т. е. поклонниками ели, шишками которой питаются мелкіе звѣрки. Извѣстно, что звѣроловство составляетъ главный промыселъ Зырянъ.

что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на насъ тяжкія дани и насильства, тіуны и приставники? Но меня слушайте, вашего одноземца, одноплеменника и давняго учителя, желающаго вамъ добра — меня, старца, а не того, который по лѣтамъ годился бы мнѣ во внуки“. Много разъ св. Стефанъ вступалъ въ открытыя пренія съ злымъ кудесникомъ; но Памъ оставался непреклоненъ и, наконецъ, предложилъ въ оправданіе своей вѣры пройти невредимо сквозь огонь и воду. Онъ требовалъ того же и отъ Стефана. „Я не повелѣваю стихіями, — отвѣчалъ смиренный проповѣдникъ Христовъ, — но Богъ Христіанскій великъ, и я иду съ тобою“. Стефанъ приказалъ собравшемуся народу зажечь избу, стоявшую особо, и когда пламя охватило ее, онъ, призвавъ на помощь Бога, взялъ волхва за одежду и принуждалъ его идти въ огонь вмѣстѣ. Но Памъ упалъ къ ногамъ человѣка Божія и молилъ избавить его отъ вѣрной смерти. Онъ отказался также и отъ испытанія водою. Народъ хотѣлъ убить обманщика, но блаженный Стефанъ сказалъ: „Христосъ послалъ меня учить, а не убивать людей. Когда Памъ не хочетъ спасительной вѣры Христовой, пусть Богъ накажетъ его, а не я“ ³⁴). Памъ былъ выгнанъ изъ Пермской земли и удалился съ своими сообщниками на берега рѣку Оби; тамъ, между Березовскими Остяками, онъ основалъ селенія Алтымъ ³⁵).

Въ 1382 г. св. Стефанъ отправился въ Москву, чтобы испросить для жителей Перьми особаго епископа, по отдаленности этого края отъ Ростова и по нуждѣ — избирать священниковъ, знающихъ народный языкъ. Великій князь Димитрій былъ въ восторгѣ отъ подвиговъ Стефана, а соборъ епископовъ, вполне одоббивъ предлагаемую имъ мѣру, избралъ на новую кафедру самого Стефана. Рукоположенный въ санъ епископа во Владимірѣ и отпущенный съ дарами великаго князя, новопоставленный святитель Пермскій, прибывъ къ своей паствѣ, утвердилъ кафедру свою въ Усть-Вымѣ и еще съ большею ревностію принялся за свое апостольское дѣло. „Онъ, какъ выражается жизнеописатель его Епифаній, повсюду изыскивалъ, гдѣ оставались некрещенные и, въ какихъ бы предѣлахъ ни находилъ ихъ, обращалъ отъ язычества и крестилъ; а всѣхъ крещеныхъ утверждалъ въ вѣрѣ, училъ ихъ Пермской грамотѣ, писалъ имъ книги, ставилъ и святилъ церкви, которыя снабжалъ книгами и иконами, открывалъ мо-

³⁴) На мѣстѣ побѣды надъ Памомъ св. Стефанъ поставилъ церковь св. Николая. Сказанные три храма (Архангельскій, Благовѣщенскій и Никольскій) принадлежали къ одному Усть-Вымскому монастырю, который существовалъ до 1764 года, а послѣ того обращены въ приходскіе. Мѣстность бывшей обители весьма красива, храмы съ колокольнями стоятъ на двухъ высокихъ холмахъ; издали, версть за десять, они кажутся красивымъ городкомъ. На южной сторонѣ одного холма еще видны слѣды бойницъ, устроенныхъ для защиты отъ Вогуличей (Вологод. губ. вѣд. 1850, № 9. Статьи Надеждина въ Энциклоп. Лекс. XII, 299).

³⁵) Въ Тобольской губерніи, между жителями Большаго Алтыма, доселѣ сохранилось преданіе, что предки ихъ, въ числѣ нѣсколькихъ семействъ, перешли сюда изъ Перми съ шаманомъ Па-Сотникомъ. (Журн. Мин. Народ. Просв. 1851. № 12, стр. 12).

настыри ³⁶⁾, постригаль въ чернецы, устрояль игуменовъ, поставляль священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдни на Пермскомъ языкѣ, пѣли вечерню и заутреню Пермской рѣчью, и канонархи его возглашали по пермскимъ книгамъ, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по-пермски. Прекрасная картина, напоминающая времена апостольскія!

Обходя свою паству, святитель вмѣстѣ съ догматами истинной вѣры преподавалъ правила семейной и гражданской жизни, миролюбиво рѣшалъ споры, помогаль бѣднымъ. Во многихъ мѣстахъ съ утѣшеніемъ видѣль онъ достойные плоды своей проповѣди, миръ и любовь между тѣми, которые прежде были дики и злы ³⁷⁾. Но въ большомъ селеніи Гамѣ, въ 30 верстахъ отъ Яренска, онъ нашель, что многіе изъ новокрещенныхъ увлечены кудесниками снова въ язычество. „Слѣпой Гамѣ“! сказалъ съ горестію святитель ³⁸⁾.

Св. Стефанъ былъ истиннымъ отцомъ своихъ Зырянъ, во всѣхъ ихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Въ 1385 году, при нападеніи Вогуличей на Зырянскія поселенія, ревностный святитель отправился самъ, въ полномъ облаченіи, съ духовенствомъ и множествомъ Зырянъ вверху по Вычегдѣ, навстрѣчу врагамъ. Замѣтивъ издали ладью Стефана и принявъ его за страшнаго волхва, Вогуличи пустились бѣжать и оставили все награбленное у Зырянъ. Въ неурожайные годы, когда въ Пермскомъ краѣ развился страшный голодъ, добрый пастырь привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Устюга и Вологды, былъ теплымъ заступникомъ паствы своей противъ насилія тунновъ и бояръ, ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ о льготахъ для края, разореннаго голодомъ, предпринималь путешествіе въ Новгородъ, съ просьбою и убѣжденіями, чтобы вѣче обуздало своеволія и наглость Новгородской вольницы, которая производила грабежи въ Перми, по Камѣ и Волгѣ, и опустошала поселенія по Вычегдѣ. Великій князь въ то же время наказаль за то же Новгородъ силою оружія. Святитель Перми былъ принятъ въ Новгородѣ съ честію; вѣче щедро заплатило за убытки,

³⁶⁾ Св. Стефанъ основаль, кромѣ Усть-Вымскаго монастыря, еще пустыню Ульяновскую въ 160 верст. отъ Усть-Сысольска и Стефановскую въ 50 верстахъ отъ этого города, на рѣкѣ Вотчѣ. Въ послѣдней изъ нихъ пѣніе на Зырянскомъ языкѣ сохранялось еще въ прошедшемъ вѣкѣ. (Ист. Іер. VI, 328. 467. 579). Къ нимъ нужно прибавить еще двѣ обители: Яренскую Архангельскую, бывшую на мѣстѣ нынѣшней Покровской церкви г. Яренска (Вологод. губ. вѣдом. 18 № 9), и Цыбинскую, въ 28 вер. отъ Яренска; начальникъ ея, преп. Димитрій, былъ усерднымъ насадителемъ христіанства, и память его мѣстно читится, какъ память угодника Божія. Въ часовнѣ надъ гробницею блаж. Димитрія сохранились двѣ его иконы (Ист. Іерар. VI, 649).

³⁷⁾ Новообращенные Зыряне весьма любили св. Стефана. Въ с. Тулинѣ, въ 25 верстахъ ниже Яренска, одна женщина, видя худую обувь праведника, дала ему новую. Святитель, благословляя простосердечную благотворительность, сказалъ, что это мѣсто будетъ торговымъ, и дѣйствительно, до нашего времени было здѣсь нѣсколько ежегодныхъ ярмарокъ, не смотря на недостатокъ удобствъ для торговли. (Вологод. губ. вѣдом. 1850, № 7 и 8).

³⁸⁾ Съ того времени понынѣ волость эту называютъ: «Слѣпой Гамѣ»; жители Гама понынѣ близоруки и подслѣповаты и ихъ называютъ «слѣпородами» (Рус. Святые подъ 26 апрѣля).

понесенные Зырянами, и строго запретило ушкуйникамъ касаться Стефановой паствы ³⁹⁾.

Въ 1390 году святыи Стефанъ ходилъ въ Москву для нужды своей паствы. Не успѣвъ зайти въ Троицкую обитель преподобнаго Сергія, онъ остановился въ 9 верстахъ, сотворилъ молитву и сказалъ: „миръ тебѣ, духовный братъ!“ Чудотворецъ сидѣлъ тогда за трапезою; онъ всталъ, поклонился и сказалъ: „радуйся и ты, Христовъ пастыръ; миръ Божій да пребываетъ съ тобою“ ⁴⁰⁾. Въ Москвѣ святи-тель Пермскій нашелъ особенное вниманіе со стороны первосвятителя Кипріяна и новаго великаго князя Василія Димитріевича.

Спустя шесть лѣтъ равноапостольный просвѣтитель Перми снова посѣтилъ Москву, но уже не возвращался къ дѣтямъ своимъ: проведя 18 лѣтъ въ трудахъ апостольскихъ, онъ заболѣлъ и скончался въ Москвѣ 26 апрѣля 1396 года. Мощи его погребены въ Спасской кремлевской обители ⁴¹⁾.

Въ церковной службѣ святителю Стефану выражаются чувства новокрещенныхъ къ просвѣтителю ихъ. „Сокровище премудрости, Стефанъ богомудрый, подражатель апостоловъ, ты проповѣдывалъ въ дальнихъ странахъ людямъ незнающимъ Бога, привелъ ихъ отъ тьмы къ свѣту богоразумія и насадилъ въ оледенѣвшихъ сердцахъ живое сѣмя вѣры. Принявъ премудрость не отъ челоуѣковъ, но отъ Вышняго Промысла, ты изложилъ на языкѣ новомъ и невѣдомомъ ⁴²⁾ святаго писанія и ими привелъ къ познанію Христа сидѣвшихъ во мракѣ не-

³⁹⁾ Блаж. Епифаній, ученикъ преш. Сергія, написалъ житіе св. Стефана «Плачь» Перми о смерти его. Вотъ какъ выражается горестъ народа въ этомъ плачѣ: «лишились мы попечителя и ходатая своего. Онъ молился о спасеніи душъ нашихъ предъ Богомъ, а князю предлагалъ жалобы наши, печаловался о льготѣ для насъ и о нашихъ пользахъ: предъ боярами и начальниками былъ усерднымъ заступникомъ нашимъ; много разъ избавлялъ онъ насъ отъ насилій, работъ, тиунскихъ взятокъ и облегчалъ намъ подати. Даже Новгородскіе ушкуйники, эти злые разбойники, слушались словъ его и не грабили насъ. Прежде были мы насмѣшкою для сосѣднихъ язычниковъ—Лопи, Вогуличей, Югры и Шипеги, а онъ избавилъ насъ отъ нихъ».

⁴⁰⁾ Память этого чуднаго сближенія св. мужей увѣковѣчена сооружеіемъ на мѣстѣ, гдѣ остановился св. Стефанъ, часовни съ колодеземъ и сохранившимся въ лаврѣ особымъ обыкновеіемъ: на трапезѣ, по данному колоколомъ знаку, всѣ братія встають, и начальствующій произноситъ краткую молитву.

⁴¹⁾ Мощи св. Стефана почиваютъ подъ спудомъ въ церкви Спаса на Бору, что на стѣнѣ большаго кремлевскаго дворца. Въ Пермскомъ краѣ сохранились нѣкоторыя вещи, принадлежавшія святителю: полотняный саккосъ въ Сольвычегодской Благовѣщенской церкви, пастырскій посохъ въ Пермскомъ соборѣ, икона Св. Троицы въ Вологодскомъ соборѣ, икона Спасителя въ Иртынской церкви близъ Яренска и образъ св. Николая въ Чердынскомъ соборѣ. Двѣ послѣднія иконы почитаются чудотворными (Пермск. вѣдом. 1847, № 14).

⁴²⁾ Нельзя не сожалѣть, что очень небольшое сохранилось до нашего времени изъ письменныхъ трудовъ просвѣтителя Перми. Кромѣ Пермской азбуки, впрочемъ не цѣлой, извѣстна неполная заупокойная литургія, съ апостоломъ и евангелиемъ, на зырянскомъ языкѣ. По словамъ Епифанія, св. Стефаномъ переведены были на зырянскій языкъ: часословъ, псалтирь, избранныя чтенія изъ евангелія и апостола, пареміи, стихирарь, октоихъ, литургія и нѣсколько службъ праздничныхъ. Все это теперь потеряно.

вѣрїя. Приидите нынѣ новопросвѣщенные соборы, почтимъ достойно пѣснями и хвалами отца и благодѣтеля, породившаго насъ новою жизнію. Господи, молитвами угодника твоего Стефана, спаси и ущедри всѣхъ насъ ⁴³⁾“.

Почти въ то же время, какъ св. Стефанъ обращалъ ко Христу жителей Перми, и сѣверныя окраины Русской земли имѣли своихъ просвѣтителей.

На Валаамскомъ островѣ Ладожскаго озера преподобные Сергій и Германъ были основателями иноческой жизни. Хотя опустошеніе этого края Шведами лишило насъ точныхъ свѣдѣній о первоначальникахъ Валаамской обители, но подвиги ихъ должно отнести къ первой половинѣ XIV столѣтія ⁴⁴⁾. Извѣстно, что православное христіанство было распространено въ Корелїи предъ самымъ нашествіемъ Татаръ (въ 1227 году), а съ 1249 года Шведы, утвердись на юго-западѣ этой страны, огнемъ и мечомъ принуждали Кореловъ къ папизму, возбудили въ нихъ ненависть къ христіанству и заставили ихъ искать помощи у прежнихъ ложныхъ боговъ. Король Магнусъ, усердный слуга папы, въ 1349 году насильно перекрещивалъ народъ въ окрестностяхъ Орѣшка (нынѣшняго Шлиссельбурга), въ то же время старцы Сергій и Германъ, поселясь на пустынномъ островѣ, явились отрадными лучами для угнетеннаго края, оживили тамъ ученіемъ и своею жизнію православную вѣру и основали иноческую обитель съ полнымъ общежитіемъ. Блаженная кончина ихъ послѣдовала вѣроятно въ половинѣ XIV вѣка ⁴⁵⁾. Не только Финская Корелія, но и Олонецкій край, по древнему преданію, почитаютъ преподобныхъ Сергія и Германа своими просвѣтителями ⁴⁶⁾.

Спустя нѣсколько времени по представленіи Валаамскихъ святителей, на другомъ островѣ Ладожскаго озера поселился преподобный Арсеній, Новгородецъ, постриженникъ Лисичьей обители близъ Хутыня. Онъ подвизался три года въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей и, возвращаясь въ отечество, получилъ отъ игумена икону Божіей Матери и уставъ общежитія, съ заповѣдью основать обитель на дальнемъ сѣверѣ. Проживъ нѣсколько времени на Валаамѣ, онъ пустился на ладѣѣ искать себѣ уединеннаго мѣста и былъ занесенъ бурей къ

⁴³⁾ Стихиры изъ службы св. Стефану, написанной сербомъ Пахоміемъ, по волѣ Пермскаго епископа Филовея, во второй половинѣ XV вѣка.

⁴⁴⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ, Сергій и Германъ были учениками апостола Андрея; другіе почитаютъ ихъ современниками св. Ольги и равноапостольнаго Владиміра. Но на доскѣ древняго списка правилъ Софійскаго собора написано: «въ лѣто 6837 (1329) нача жити на островѣ Валаамскомъ, на озерѣ Ладожскомъ, старецъ Сергій».—Въ Новгородскомъ свиткѣ, писанномъ въ XVI в., читается слѣдующее извѣстіе: 6837 (1329) старецъ Сергій пришелъ на Валаамъ: 6901 (1393) старецъ Арсеній пришелъ на островъ Коневскій (Опис. Румянц. муз., стр. 43).

⁴⁵⁾ Русскіе Святые подъ 28 іюня. Память Валаамскихъ чудотворцевъ празднуется 28 іюня, а перенесеніе мощей 11 сентября. Мощи ихъ почитаютъ подъ спудомъ въ соборномъ монастырскомъ храмѣ.

⁴⁶⁾ Ист. Правосл. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, соч. проф. Чистовича, стр. 16.

острову Коневцу. Здѣсь преподобный Арсеній поставилъ крестъ и часовню въ каменной скалѣ и рѣшился при помощи Божіей превратить островъ, посвященный суевѣрію, въ обитель истины и благочестія. По мѣстному преданію, преподобный Арсеній освободилъ окрестныхъ жителей—Кореловъ отъ страха злыхъ духовъ и обратилъ ихъ къ вѣрѣ Христовой ⁴⁷). Мало-по-малу собралась къ нему братія; въ 1398 году построенъ храмъ въ честь Рождества Богоматери и въ немъ поставлена икона, принесенная преподобнымъ Арсеніемъ съ Святой горы ⁴⁸). Такъ основался Рождественскій Коневскій монастырь. Достигнувъ глубокой старости, преподобный Арсеній Коневскій преставился 12-го юня 1447 года ⁴⁹).

Дикая Чудь въ странѣ Каргопольской имѣла благовѣстникомъ своимъ преподобнаго Кирилла Челмогорскаго. Еще въ XIII вѣкѣ Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, усмиряя „Чудь бѣлоглазую“, основалъ городъ Каргополь ⁵⁰). Вскорѣ затѣмъ блаженный старецъ Вассіанъ устроилъ здѣсь Спасскую обитель ⁵¹), а спустя около 30 лѣтъ послѣ кончины Вассіана, въ 43 верстахъ отъ Каргополя, на горѣ Челмѣ, поселился преподобный Кириллъ. Постриженникъ монастыря преподобнаго Антонія Римлянина, онъ шесть лѣтъ проходилъ подвиги послушанія, три года странствовалъ по пустыннымъ мѣстамъ и, наконецъ, избралъ себѣ пребываніе на уединенной горѣ Челмѣ. Мѣсто было дикое, но прекрасное: при подошвѣ горы съ одной стороны — обширное озеро Лекшма, съ другой — небольшое озеро Челма. Гора покрыта

⁴⁷) Тамъ же, стр. 41. До поселенія Арсенія на Коневцѣ береговые жители пользовались островомъ для конскаго пастбища. Они вѣрили, что скотъ ихъ остается здѣсь пѣльмъ и невредимымъ отъ того, что его берегутъ духи, живущіе подъ огромнымъ камнемъ, и въ знакъ благоговѣйной признательности оставляли у камня каждую осень одного коня. Конь погибалъ отъ голода, а они вѣрили, что онъ благосклонно принять въ жертву духами. Оттого огромный камень называли «Конь-каменемъ», а островъ Коневымъ или Коневцемъ. Преданіе увѣряетъ, что когда блаженный отшельникъ окропилъ камень святою водою, духи въ видѣ вороновъ отлетѣли на Выборгскій берегъ въ большую губу, которая понынѣ называется «Чертовой лахтой». Заливъ на островѣ, гдѣ встрѣчали св. владыку Евнѣмія, который посѣтилъ преп. Арсенія въ 1446 году, зовется «Владычню лахтою».

⁴⁸) На Коневской иконѣ Богоматерь изображена держащею на рукахъ Младенца Иисуса; въ лѣвой рукѣ Его два птенца голубиные. Въ 1610 году Коневскіе иноки, по завоеваніи Корелии Шведами, переселились въ Новгородскій Деревяницкій монастырь. Коневецъ находился въ запустѣніи до тѣхъ поръ, пока Петръ I не возвратилъ страну Корельскую Русской державѣ. Монахи возвратились на свой островъ въ 1718, а икона Богоматери перенесена на Коневецъ въ 1798 году. Она прославлена многими чудотвореніями.

⁴⁹) Мощи преп. Арсенія почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ основаннаго имъ монастыря. Ученики его, преп. Теофилъ и Іаковъ, подвизались сначала вмѣстѣ съ нимъ на островѣ Коневцѣ, потомъ въ 1398 году основали Успенскую пустынь на рѣкѣ Омучѣ, въ 65 вер. отъ Порхова. Блаженная кончина ихъ послѣдовала 1412 года. Мощи ихъ почиваютъ подъ спудомъ въ Успенской церкви, теперь приходской, по упраздненіи монастыря въ 1764 году. (Русскіе Святые подъ 20 октября).

⁵⁰) Эта страна называлась по-фински «Каркунъ-Пуоли» (Медвѣжья сторона), отсюда—название города Каргополя.

⁵¹) Спасская Строкинская пустынь близъ Каргополя давно уже не существуетъ. Она стояла на берегу рѣки Онеги на болотѣ и была весьма бѣдна. (Акты Историч. I, 112).

была лѣсомъ и въ лѣтнее время изобиловала ягодами — морошкою и голубицею. Первую зиму отшельникъ провелъ въ тѣсной пещерѣ, которую выкопалъ на горѣ; потомъ построилъ себѣ келью и при ней часовню. Здѣсь, не заботясь о удобствахъ жизни временной, отшельникъ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, обрабатывалъ землю заступомъ, садилъ овощи и не зналъ другой пищи, кромѣ овощей и дикихъ ягодъ. Много искушеній претерпѣлъ онъ отъ духовъ злобы, много скорбей—отъ Чуди бѣлоглазой. Однажды дикари зажгли лѣсъ, чтобы прогнать пустытника, но молитва его прекратила пожаръ; въ другой разъ они хотѣли ограбить преподобнаго Кирилла, но не нашли въ кельѣ его ничего, кромѣ иконы Богоматери. Мало-по-малу невѣрные жители стали сближаться съ отшельникомъ и слушать его бесѣду; наконецъ, въ теченіе долгой подвижнической жизни преподобнаго Кирилла, почти вся окрестная Чудь приняла отъ него святое крещеніе. Онъ поставилъ на горѣ храмъ Богоявленія Господня и устроилъ общежитіе для собравшихся къ нему немногихъ ревнителей пустынной жизни. Проживъ на Челмѣ 52 года и достигнувъ глубокой старости, преподобный Кириллъ почувствовалъ близость кончины и молилъ у Господа милости видѣться съ духовникомъ и получить напутствіе св. Таинъ. По молитвѣ блаженнаго старца посѣтилъ его игуменъ Вассіановой пустыни Іосифъ. Причастившись св. Таинъ, преподобный Кириллъ мирно преставился 8-го декабря 1367 года, 89 лѣтъ отъ роду ⁵²⁾.

Почти въ то же время дикіе Лопари слышали проповѣдь евангельскую отъ Аввы Лазаря. Онъ былъ постриженникъ Цареградской Высокогорской обители, прожилъ 9 лѣтъ въ Кесаріи у епископа Василія, потомъ по кончинѣ его переселился въ Новгородъ къ блажен. архіепископу Василию (Калѣкѣ) ⁵³⁾. Спустя нѣсколько лѣтъ, уже при архипастырствѣ св. Моисея, Лазарь въ 1352 году переселился, по особенному внушенію, на необитаемый островъ Мурму или Мучь, на Онежскомъ озерѣ. Онъ водрузилъ тамъ крестъ, поставилъ часовню и хижину. Жившіе на берегахъ озера Лопари и Мурманская Чудь, пере-

⁵²⁾ Мощи преп. Кирилла почиваютъ подъ спудомъ въ Богоявленской, бывшей монастырской, а теперь приходской церкви. На ракѣ его положена древняя икона преп. Кирилла во весь ростъ съ надписью о времени кончины. Житіе его написано въ XV вѣкѣ, а позднѣе дополнено описаніемъ чудесъ.

⁵³⁾ Житіе и подвиги преп. Лазаря описаны имъ самимъ въ предсмертномъ завѣщаніи, которое начинается такъ: «Я грѣшный священнонокъ Лазарь, рабъ Владыки Христа моего, отходя изъ сей маловременной жизни въ вѣкъ неисходимый, къ страшному Судіи, исповѣдаюсь предъ Богомъ: вась, отцы и братія, молю усердно—помолитесь о мнѣ грѣшномъ, дабы вашими молитвами избавилъ меня Богъ отъ вѣчной муки».—Въ этомъ завѣщаніи дивный старецъ излагаетъ всѣ обстоятельства жизни своей въ Царьградѣ, въ Кесаріи, въ Новгородѣ при блаженномъ владыкѣ Василіѣ (котораго онъ называетъ «добропѣсенною цѣвницею и голубемъ Царя небеснаго») и на Мурманскомъ острову. Списокъ завѣщанія уцѣлѣлъ въ монастырѣ преп. Лазаря и напечатанъ въ Исторіи Россійской Іерархіи (V, 115—129). Въ «Русскихъ Святыхъ» житіе дополнено и исправлено по другому списку завѣщанія, находящемуся въ библіотекѣ Ундольскаго.

селившись на островъ, безпрестанно оскорбляли старца, прогоняли его. Но онъ былъ утѣшенъ и укрѣпленъ видѣніемъ отъ образа Богородицы, который сохранился невредимымъ при пожарѣ хижины. Спустя нѣсколько времени старшина Лопарей принесъ къ преподобному Лазарю слѣпорожденное дитя: дивный старецъ окрестилъ младенца, приложилъ къ чудотворному образу, и дитя прозрѣло. Послѣ того дикіе язычники стали уважать отшельника, весьма многіе изъ нихъ крестились, а нѣкоторые даже приняли иночество въ обители, основанной преп. Лазаремъ. Авва Лазарь предалъ духъ свой Господу 8 марта 1391 года. Всѣхъ лѣтъ жизни его было 105, изъ числа которыхъ почти 40 лѣтъ прожилъ на Мурманскомъ островѣ ⁵⁴).

Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія иночества въ отдаленныхъ предѣлахъ Русской земли, насаждалась тамъ и вѣра Христова. Крестъ, водруженный инокомъ въ пустынь, по сосѣдству грубаго, суевѣрнаго племени, или часовня и хижина, имъ воздвигнутая, были сѣменемъ обители, которая скоро возрастала, когда умножалось число новыхъ искателей безмолвнаго служенія Господу. Благочестіе иноковъ привлекало въ нѣдра обители иновѣрныхъ ея сосѣдей. Здѣсь узнавали они ученіе Церкви Христовой, здѣсь начинали любить Господа Иисуса и нерѣдко, облакаясь во Христа, принимали и санъ иноческій. Другихъ изъ невѣрныхъ Господь привлекалъ въ единеніе Церкви Своей ревностію тѣхъ воспитанниковъ безмолвія, которые оставляли обители для обращенія невѣрныхъ и полагали начало новымъ иноческимъ общежитіямъ. Такимъ образомъ отъ одной обители произрастали другія, и вмѣстѣ пролагались новые пути для приведенія язычниковъ къ единому царству Божію; возникали понемногу въ окрестностяхъ монастырей отдѣльные храмы, являлись священники—новые просвѣтители невѣрныхъ. Въ новопокоренныхъ земляхъ, основывая города и селенія, государи Русскіе также прежде всего размножали обители и церкви; архипастыри посылали священниковъ и иноковъ, и уста, призывавшія дотолѣ ложныхъ боговъ и демоновъ, начинали исповѣдывать имя Сына Божія Иисуса Христа ⁵⁵).

Нельзя не замѣтить, что христіанство въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распространялось преимущественно въ отдаленныхъ краяхъ, подвластныхъ Великому Новгороду; а между тѣмъ въ ближайшихъ владѣніяхъ „великаго вольнаго города“, Чудь, обитавшая на Ижорѣ, около Иваньгорода, Яма, Копорья, Ладоги, Орѣшка и по берегу Варажскаго (Балтійскаго моря), еще не была утверждена въ вѣрѣ Христовой. Не только выборнымъ гражданскимъ правителямъ, но и архипастырямъ Новгородскимъ не было возможности заняться просвѣ-

⁵⁴) Успенско-Онежскій Мурманскій монастырь упраздненъ въ 1686 году; церкви его обращены въ приходскія. За алтаремъ одной изъ нихъ, въ часовнѣ, почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Аввы Лазаря.

⁵⁵) Статья «о мирномъ распространеніи христіанства въ Россіи» (Прибавл. къ Твор. св. отецъ 1845, стр. 328 и 329).

щеніемъ Чудскихъ племенъ: они были преимущественно озабочены прекращеніемъ непрестанныхъ усобицъ между своевольными гражданами и сохраненіемъ мира съ великими князьями Московскими. По мѣрѣ того какъ въ Москвѣ возвышалось и укрѣплялось единодержавіе, вольность Новгородская стала клониться къ упадку, ускоряя сама свое паденіе буйною дерзостью и междуусобіями ⁵⁶⁾.

Въ концѣ XIV вѣка жили въ Новгородѣ двое угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся въ юродствѣ — Ѳеодоръ и Николай Кочановъ. Первый изъ нихъ, полюбивъ съ дѣтства благочестіе и привыкнувъ къ посту, не имѣлъ нигдѣ постоянного жилья; въ жестокіе морозы онъ бѣгалъ босой и полунагой по улицамъ Торговой стороны; все, что получалъ отъ богатыхъ, раздавалъ бѣднымъ и переносилъ насмѣшки и оскорбленія отъ буйной молодежи. Господь наградилъ его даромъ прозорливости. Случалось, что блаж. Ѳеодоръ говорилъ вслухъ: „берегите хлѣбъ“, и наступалъ голодъ. Въ другое время онъ говорилъ: „тутъ чисто будетъ сѣять рѣпу“, и вслѣдъ затѣмъ пожаръ опустошалъ улицы Торговой стороны.

Блаж. Николай Кочановъ былъ сынъ людей почетныхъ въ Новгородѣ—Максима и Іуліаніи и подражалъ въ благочестіи родителямъ и особенно праведной матери ⁵⁷⁾, соблюдая постъ и чистоту душевную и тѣлесную. Уважаемый вельможами и народомъ и желая избѣгнуть славы человѣческой, онъ посвятилъ себя на подвигъ юродства для Христа и скитался по улицамъ города, подобно безумному, терпѣливо снося ругательства, а иногда и побои отъ людей безразсудныхъ.

Впрочемъ блаж. Николай юродствовалъ всегда на Софійской сторонѣ, не переходя черезъ Волховъ и Торговую сторону, откуда всегда гнали его блаж. Ѳеодоръ, говоря: „Не ходи, юродивый, на мою сторону, а живи на своей“. Оба блаженные рабы Божіи вполнѣ понимали другъ друга, но показывали видъ непримиримой вражды, обличая ТѢМЪ ПОСТОЯННУЮ РАСПРЮ ДВУХЪ ЧАСТЕЙ или сторонъ древняго Новгорода. Однажды блаж. Николай, преслѣдуемый блаж. Ѳеодоромъ, перебѣжалъ по волнамъ Волхова, какъ по сушѣ, на свою сторону, кидая въ мнимаго врага своего капустными кочнами (по старинному Новгородскому выраженію „кочанми“), отъ чего и получилъ прозваніе Кочанова.

Однажды посадникъ Новгородскій, пригласивъ къ себѣ на пиръ всѣхъ именитыхъ людей въ городѣ, позвалъ и блаж. Николая, котораго встрѣтилъ на улицѣ. Пришедши въ домъ посадника до возвра-

⁵⁶⁾ Распри между двумя сторонами Новгорода—Софійскою и Торговою нерѣдко кончались братоубійственнымъ кровопролитіемъ на Великомъ мосту, соединяющемъ обѣ стороны. Сюда обыкновенно слѣзали владыки, чтобы предупредить или прекратить битву.

⁵⁷⁾ Память матери блаж. Николая Іуліаніи читается въ Новгородѣ, какъ память праведницы. Она скончалась за 9 лѣтъ прежде сына. Надъ могилою ея, близъ Пантелеймоновской церкви, на прежнемъ кладбищѣ Іаковлевскаго собора, воздвигнута часовня. Здѣсь ежегодно совершается соборная панихида 21 октября.

щенія хозяина, юродивый былъ прогнанъ и прибитъ слугами. Когда собрались гости и настало время угощенія, въ погребахъ не оказалось ни капли вина и меда въ бочкахъ. Тогда вспомнилъ посадникъ о блаж. Николаѣ и, узнавъ, что слуги прогнали его, послалъ отыскивать юродиваго. Лишь только праведникъ вошелъ въ домъ и послалъ за напитками въ погребъ, всѣ бочки оказались наполненными, какъ были прежде.

Мнимые враги окончили земное свое поприще почти въ одно время: блаж. Феодоръ преставился 19 января ⁵⁸⁾, а блаж. Николай 27 іюля 1392 года ⁵⁹⁾.

---

⁵⁸⁾ Блаж. Феодоръ погребенъ на Торговой сторонѣ, близъ церкви св. Георгія. Надъ гробницею его поставлена каменная часовня. Память его мѣстно совершается 19 января, по особой рукописной службѣ.

⁵⁹⁾ Въ Софійской сторонѣ, надъ гробницею блаж. Николая, воздвигнутъ въ 1554 году храмъ св. Пантелеймона, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Николо-Кочановской церкви. Здѣсь мощи праведника почиваютъ подъ спудомъ. Память его празднуется въ день преставленія.

Г Л А В А VI.

Конецъ церковной смуты.—Нашествіе Тамерлана.—Принесеніе въ Москву чудотворной Владимірской иконы Богоматери.—Пастырскіе и книжные труды св. митрополита Кипріяна.—Преставленіе его.—Св. мученица Іуліанія, княгиня Вяземская.—Св. великая княгиня Евдокія-Евфросинія Московская.—Св. митрополитъ Фотій.—Временное раздѣленіе русской митрополіи.—Григорій Симвлакъ, митрополитъ югозападной Руси.—Кончина великаго князя Василія Дмитріевича.—Великій князь Василій Васильевичъ.—Возсоединеніе митрополіи.—Преставленіе святителя Фотія.—Посланія и поученія его.—Ересь или расколъ стригольниковъ.—Заключеніе книги.

Описывая подвиги насадителей иночества — учениковъ и духовныхъ друзей великаго чудотворца Сергія — и распространеніе вѣры Христовой въ отдаленныхъ окраинахъ Русской земли, мы отклонились отъ дѣль общаго управленія Русской Церкви. Теперь мы возвратимся къ продолженію „церковной смуты“, возникшей по кончинѣ св. митрополита Алексія.

Мы видѣли, что Митяй-Михаилъ умеръ на пути въ Царьградъ; Пименъ, посвященный на основаніи подложныхъ грамотъ, не принятъ въ Москвѣ и заточенъ въ Чухлому; св. Кипріянь, призванный на каѳедру великимъ княземъ Димитріемъ, изгнанъ имъ же, по неудовольствію, послѣ нашествія Тохтамыша; и наконецъ святитель Діонисій, получившій утвержденіе на митрополію отъ Цареградскаго патріарха, задержанъ въ Кіевѣ и скончался въ заточеніи ¹⁾. Около того же времени въ Константинополѣ умеръ Пименъ, вызванный на судъ къ патріарху, а въ Москвѣ скончался великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской. Преемникъ его послѣдшій призвать на каѳедру Московскую святителя Кипріяна.

Такъ окончилась „церковная смута“, продолжавшаяся почти 13 лѣтъ (съ 1376 до 1389 года). Святитель Кипріянь на пути въ Русскую землю, гдѣ предоставлялась ему власть первосвятительская, какъ въ Московскихъ, такъ и въ Литовскихъ странахъ ²⁾, посѣтилъ свое оте-

¹⁾ Объ этихъ происшествіяхъ мы упоминали выше, въ VI и VII главахъ, при описаніи жизни преп. Никона Радонежскаго, св. Θεодора, основателя Симонова монастыря, преп. Аванасія Высоцкаго и святителя Діонисія Суздальскаго.

²⁾ Недопущенный въ Москву Митяемъ, по преставленіи святителя Алексія, Кипріянь писалъ обширное посланіе къ преподобному Сергію и племяннику его Θεодору Симонов-

чество Сербію, опустошенную Турками, которые въ битвѣ Коссовской положили конецъ нѣкогда сильной и знаменитой державѣ Сербской.

Много важныхъ дѣлъ ожидало іерарха, возвращавшагося въ знакому ему Русь. Папизмъ, проникавшій съ запада, грозилъ подавить православіе и распространить вліяніе Римскихъ бискуповъ на православныя епархіи юга. Въ Новгородѣ образовалось своевольное покушеніе отдѣлиться отъ суда митрополичьяго ³⁾. Въ Твери вражда между княземъ и епископомъ требовала соборнаго разсмотрѣнія ⁴⁾. Но съ другой стороны было немало и такихъ явленій, которыя могли порадовать благочестиваго Пастыря: въ странѣ Пермской возсіялъ свѣтъ Евангелія, а подвигами духовныхъ птенцовъ гнѣзда Сергіева распространялись на сѣверѣ Россіи обители иноческія.

Въ мартѣ 1390 года блаж. Кипріанъ прибылъ въ Москву. Самъ великій князь съ матерью, блаж. великою княгинею Евдокіею, встрѣтилъ его за городомъ. Блаж. святитель прежде всего занялся дѣлами митрополіи, которыя находились въ крайнемъ безпорядкѣ.

Между тѣмъ юный великій князь вступилъ въ бракъ съ княжною Софіею, дочерью Витовта ⁵⁾. Василій надѣялся пріобрѣсти въ тестѣ сильнаго сподвижника противъ Ягайла, или посредника для мира съ Литвою. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Василій отправился къ хану Тохтамышу, который принялъ его съ особенною ласкою, не какъ данника, а какъ друга и союзника, утвердилъ великое княженіе наслѣдственнымъ въ родѣ владѣтелей Московскихъ, отдалъ Василію всю область Суздальскую, Нижегородскую, Мещеру и нѣсколько мелкихъ удѣловъ ⁶⁾.

Здѣсь онъ изложилъ искреннюю любовь свою къ великому князю и несправедливости Дмитрія въ отношеніи къ управленію Церкви, и низкіе поступки Митяя, а въ заключеніе произнесъ пастырское осужденіе противъ тѣхъ, которые оскорбили въ лицѣ его санъ святительскій. «Не ишу я ни славы, ни богатства, писалъ святитель, ишу своей митрополіи, которую даровала мнѣ святая Великая Церковь; желаю тишины и единенія церковнаго между югомъ и сѣверомъ». (Три посланія блаж. Кипріана къ игуменамъ писаны въ 1378 г. и напечатаны въ Правосл. Собесѣд. 1860 года). Прибывъ въ Москву послѣ смерти Митяя-Михаила и желая утѣшить тѣхъ, которые оплакивали недавно павшихъ въ Куликовской битвѣ, святитель Кипріанъ установилъ ежегодное поминованіе убиенныхъ на брани за вѣру и отечество—въ субботу Дмитріевскую, то-есть въ ту субботу, которая бываетъ передъ 26 октября днемъ великомученика Дмитрія.

³⁾ Упорство Новгородцевъ въ отдѣленіи отъ суда митрополичьяго было въ связи съ ересью стригольниковъ, о которой мы будемъ говорить; они не хотѣли также платить великому князю народной дани. Василій ополчился противъ Новгорода, и Новгородцы уступили, исполнивъ волю государя и первосвятителя.

⁴⁾ Въ Твери митрополитъ Кипріанъ, по жалобѣ князя, предалъ соборному суду епископа Евѣмїя, который былъ признанъ виновнымъ и лишенъ престола, а на мѣсто его посвященъ блаж. Арсеній, прославившійся впоследствии богоугодною жизнію и нетлѣніемъ мощей. Св. Арсеній преставился 2 марта 1409 года; мощи его открыто почиваютъ въ соборной церкви основаннаго имъ Желтикова монастыря, близъ Твери на берегу рѣки Тмаки.

⁵⁾ Витовтъ былъ сынъ Кестутія и внукъ Гедимина.

⁶⁾ Тестъ Донского Дмитрій Константиновичъ Суздальскій скончался схимникомъ; сыновья его и братъ Борисъ Городецкій спорили о наслѣдствѣ и судились въ Золотой Ордѣ; но Тохтамышъ легко примирилъ ихъ, отдавъ все ихъ владѣнія великому князю. Тогда

Такая благосклонность дикаго властителя, еще недавно разорившаго Москву, объясняется обстоятельствами времени: Тохтамышъ началъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ и боялся, чтобы князья Русскіе не пристали къ этому страшному завоевателю, который шелъ противъ него отъ моря Аральскаго къ берегамъ Волги и Яика (Урала).

Вскорѣ послѣдовали важныя событія въ татарской ордѣ и навели ужасъ на всю Русскую землю. Тамерланъ, разбивъ Тохтамыша, устремился вслѣдъ за нимъ къ сѣверу, перешелъ Волгу и степи, взялъ Елецъ и сталъ на берегу Дона съ 400.000 Монголовъ. Ожидали такого же всеобщаго разрушенія, какое было при нашествіи Батя. Въ это страшное время великій князь явилъ себя достойнымъ сыномъ Дмитрія Донскаго: онъ не упалъ духомъ, велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство. Многіе изъ воеводъ Дмитрія уже лежали въ землѣ; другіе, послуживъ отцу, хотѣли служить и сыну; посѣдѣлые на браняхъ старцы-витязи сѣли на коней и явились передъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровью татарскою на Куликовомъ полѣ. Войско шло охотно и бодро тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ Донской противъ Мамаю. Поручивъ Москву храброму дядѣ своему Владиміру Андреевичу, великій князь сталъ съ ратью за Коломной на берегу р. Оки, готовый встрѣтить непріятеля.

Между тѣмъ въ Москвѣ всѣ церкви были отворены съ утра до глубокой ночи; весь народъ молился съ горькими слезами. Тогда блаж. Кипріанъ отправилъ, по желанію великаго князя, духовенство во Владиміръ за чудотворною иконою Богоматери, которая была принесена изъ Вышгорода Андреемъ Боголюбскимъ и, находясь съ того времени въ соборномъ Владимірскомъ храмѣ, носила названіе Владимірской. Умилительно было шествіе св. иконы изъ прежней въ новую столицу. Жители Владиміра провожали святыню съ горестію; Москвитяне приняли ее съ восторгомъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Когда священное шествіе приблизилось къ Москвѣ, митрополитъ съ духовенствомъ и со всѣми жителями столицы вышелъ за городъ на Кучково поле для срѣтенія грядущей Заступницы рода христіанскаго. Всѣ пали ницъ предъ иконою; не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ и не молился изъ глубины души. Всѣ взывали единодушно: „Матерь Божія! спаси землю Русскую!“ И молитва сокрушенныхъ сердець была услышана. Въ тотъ самый день, когда Москва срѣтила икону Богоматери, Тамерланъ оставилъ берега Дона и пошелъ назадъ въ свои степи. Не одна Москва,—вся Русь спаслась защитою Царицы Небесной. „Не наши воеводы прогнали врага,—говорили современники,—не наши рати устрашили его; у него были войска неисчислимыя. Сила невидимая послала на него страхъ, и онъ бѣжалъ, Богомъ гонимый“. Великій князь, по совѣту съ митрополитомъ, положилъ построить, на мѣстѣ срѣтенія чудотворной иконы, монастырь,

же присоединены къ великому княженію Таруса и Муромъ—древніе удѣлы Черниговскихъ князей, никогда не принадлежавшіе роду Мономаха.

сохраняющій донинѣ имя Срѣтенскаго, и установилъ праздновать 26 августа, день избавленія Русской земли отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей 7).

Нужды юго-запада, гдѣ православіе подвергалось угнетеніямъ латинства, часто требовали присутствія первосвятителя. Блаженный Кипріанъ неоднократно предпринималъ путешествія въ Смоленскъ, Кіевъ, Луцкъ и другія юго-западныя епархіи. Онъ имѣлъ свиданіе съ Витомтомъ, который, на сѣздѣ князей въ Смоленскѣ, далъ слово святителю не тѣснить православной вѣры. Самъ фанатикъ Ягайло принялъ Кипріана съ уваженіемъ.

Устраивая дѣла Церкви въ странахъ, подвластныхъ государямъ иновѣрнымъ, блаж. Кипріанъ въ то же время заботился объ огражденіи правъ Церкви со стороны гражданской власти. Въ несчастное время тяжкаго порабощенія первосвятителя Русскіе получали ярлыки отъ хановъ. Теперь, когда великій князь одинъ только имѣлъ сношеніе съ Ордою и всѣ внутреннія дѣла начали зависѣть исключительно отъ его власти, митрополиту надлежало имѣть подтвержденіе правъ своихъ отъ государя Московскаго. Въ 1402 году великій князь Василій Дмитріевичъ далъ митрополиту Кипріану грамоту, подтверждающую уставы Владиміра и Ярослава о судахъ церковныхъ и права владѣнія имѣніями, принадлежащими митрополичьей кааедрѣ 8).

Послѣ тяжкихъ трудовъ и тревогъ жизни, блажен. Кипріанъ искалъ уединенія въ любимомъ своемъ селѣ Голенищевѣ, близъ Москвы, окруженномъ тѣнистыми рощами. Тамъ онъ занимался учеными трудами, „перелагая многія св. книги съ греческаго языка на русскій“ 9), написалъ многія житія святыхъ 10) и духовное завѣщаніе,

7) Степ. Кн. I, 554. Никон. лѣт. IV, 259—264.

8) Святитель Кипріанъ не совѣтовалъ инокамъ владѣть селами, какъ видно изъ посланія его къ игумену Аванасію, духовному его другу: «Владѣть селами и людьми неприлично инокамъ и не предано св. отцами. Какъ можно отрешиться отъ міра и всего мірскаго снова связывать себя мірскими дѣлами и быть нарушителемъ своихъ обѣтовъ? Древніе св. отцы не приобрѣтали ни селъ, ни богатства... Ты спрашиваешь, что тебѣ дѣлать съ селомъ, которое князь далъ въ монастырь? Вотъ мой совѣтъ: если ты съ своею братіею уповаешь на Бога, если Богъ донинѣ пропитываетъ васъ безъ села, да и впредь пропитаетъ, то для чего связывать себя заботами житейскими?.. Если бы можно было, хорошо было бы устроить такъ: пусть будетъ село близъ монастыря, но инокамъ никогда въ немъ не бывать, а отдать его въ завѣдываніе какому-нибудь богобознненному мірянину, и ему заботиться о всѣхъ дѣлахъ съ тѣмъ, чтобъ онъ доставлялъ въ монастырь все готовое, жито и другія потребности. Ибо вредно инокамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ» (Акт. Истор. I, 149, 480). Но положеніе митрополита было совершенно иное: онъ наследовалъ отъ своихъ предшественниковъ земли и волости, приписанныя къ кааедрѣ и къ монастырямъ, зависѣвшимъ отъ нея непосредственно. Великій князь, грамотою на имя Кипріана, освободилъ живущихъ въ вотчинахъ митрополичьихъ и монастырскихъ отъ своего суда, таможенныхъ сборовъ и княжихъ податей, исключая тѣ случаи, когда придется платить дань Ордѣ.

9) Онъ перевелъ съ греческаго Требникъ, разные каноны и молитвы (Обзоръ Русс. Духов. Литерат. § 75) и исправилъ славянскій служебникъ, сличивъ его съ греческимъ (Приб. къ Твор. Св. Отц. VI, 357). Ему же приписывается включеніе въ наши святцы именъ сербскихъ святыхъ.

10) Вѣроятно, здѣсь разумѣются житія, помѣщенные въ Степенной Книгѣ.

наполненное благочестивыми мыслями. Приведемъ изъ него небольшо-
шой отрывокъ.

„Родъ людей земнородныхъ! оплачемъ общую нашу долю. Какъ унизилось высокое созданіе Божіе, образъ и подобіе Творца! Лежить безъ дыханія, полно червей нечистыхъ, испускаетъ смрадъ гнусный. Какъ пропала мудрость, замолкло слово, распалось двойственное естество!.. Земля—составъ нашъ, земля—покровъ, хотя земля же и возстанетъ. Нагимъ младенцемъ вышелъ я для плача, нагимъ и отхожу. Къ чему же труды? къ чему заботы, когда знаемъ такой конецъ свой? Выходимъ изъ тьмы въ свѣтъ и отходимъ изъ свѣта въ тьму. Съ плачемъ выходимъ изъ чрева матернаго въ этотъ міръ, съ плачемъ и отходимъ изъ міра печальнаго во гробъ. И начало и конецъ—слезы. Что же въ серединѣ? Сонъ, мечты, тѣни—таковы блага жизни! Жизнь исчезаетъ, какъ цвѣтъ, какъ прахъ, какъ тѣнь“.

Еще въ началѣ своего святительскаго служенія блаж. Кипріанъ написалъ житіе св. митрополита Петра и тѣмъ напомнилъ жителямъ столицы, что возвышеніе ея началось съ того времени, когда св. Петръ перенесъ въ Москву свою кафедру; напомнилъ и о томъ, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находились тогда святитель и князь, взаимно содѣйствуя другъ другу. Онъ самъ, по молитвѣ, испыталъ чудную помощь св. Петра, когда жилъ въ Царьградѣ послѣ перваго изгнанія по проiscaмъ Митяя. „Мнѣ нельзя было выйти изъ Царьграда,—пишетъ св. Кипріанъ,—моремъ владѣли Латиняне (Генуезцы), а на сушѣ безбожные турки. Тутъ напала на меня тяжкая болѣзнь. Я обратился за помощію къ св. Петру чудотворцу и молился ему такъ: „Угодникъ Божій! ты имѣешь дерзновеніе къ Богу; если угодно тебѣ, чтобы я, рабъ твой, достигъ до твоего престола и поклонился чудотворному гробу твоему, подай мнѣ облегченіе въ болѣзни“. И вѣрьте мнѣ, въ тотъ же часъ тяжкій недугъ мой прекратился и черезъ нѣсколько дней я оставилъ Царьградъ. Угодникъ Божій помогъ мнѣ совершить путь и поклониться честному гробу его, а великій князь Московскій принялъ меня съ честію“ ¹¹⁾.

Въ посланіяхъ блаж. Кипріана къ игуменамъ встрѣчается много благочестивыхъ совѣтовъ и размышленій. „Горе намъ,—пишетъ святитель къ Аванасію,— что мы оставили путь правый. Всѣ хотимъ повелѣвать, всѣ быть учителями, не бывъ учениками. Новоначальные хотятъ властвовать надъ многолѣтними и высокоумствуютъ. Особенно скорблю и плачу о лжи, господствующей между людьми. Ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, сплетаемъ мы ложь на ближняго, увлекаемые завистью. Лютый недугъ—зависть: много убійствъ совершено въ мірѣ, много странъ опустошено ею... Самого Господа распяли жида по зависти... Приобрѣтемъ братолюбіе и состраданіе. Нѣтъ иного пути ко спасенію, кромѣ любви, хотя бы кто измождалъ тѣло свое подви-

¹¹⁾ Степ. Книга I, 422—424.

гами,—такъ говорить великій учитель Павелъ. Кто достигъ любви, достигъ Бога и въ Немъ почиваетъ“¹²⁾).

Кромѣ того святитель Кирианъ, по извѣстіямъ лѣтописцевъ, положилъ начало Степенной книги¹³⁾, описывалъ дѣянія Русскихъ Соборовъ¹⁴⁾, началъ лѣтопись, которой не успѣлъ докончить¹⁵⁾).

Возвратясь изъ поѣздки въ западныя епархіи, святитель Кирианъ, отягченный старостію и болѣзнями, удалился въ уединенную келью свою въ селѣ Голенищевѣ. Здѣсь онъ и преставился 16 сентября 1406 года¹⁶⁾).

При послѣднемъ посѣщеніи Смоленска блаженнымъ Кирианомъ, этотъ древній городъ, захваченный Витовтомъ, принадлежалъ уже къ Литовской Руси. Послѣдній владѣтель Смоленскій, князь Юрій Святославичъ, искалъ убѣжища въ вольномъ Новгородѣ и получилъ званіе намѣстника въ Торжкѣ, но тамъ запятналъ себя гнуснымъ злодѣйствомъ. Другъ его, раздѣлявшій съ нимъ изгнаніе, князь Симеонъ Вяземскій имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, по имени Іуліанію. Жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вождельніемъ осквернить ложе Симеона; онъ не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни угрозами, и рѣшился на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, онъ убилъ князя Симеона, надѣясь безнаказанно насытить похоть свою насиліемъ. Но цѣломудренная Іуліанія, любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, схватила ножъ и ранила насильника въ плечо. Тогда любострастіе уступило мѣсто ярости. Юрій, обнаживъ мечъ, погнался за мужественной княгиней, изрубилъ ее и велѣлъ бросить тѣло ея въ рѣку Тверцу¹⁷⁾. Это было 21 декабря 1406 года.

Другой поучительный примѣръ цѣломудрія и искренняго благочестія представляла собою мать великаго князя, святая великая кня-

12) Истор. Акт. I, 481—482.

13) Степенная книга приведена въ полный составъ митрополитомъ Макаріемъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ.

14) Мы не имѣемъ отдѣльнаго изложенія Соборовъ Русскихъ съ именемъ Кириана; но въ XVI вѣкѣ сохранялся въ Успенскомъ соборѣ Номокановъ, переведенный Кирианомъ. На этой рукописи были приписаны имъ и опредѣленія Русскихъ соборовъ (Русск. Святые. Сентябрь, стр. 93).

15) Окончаніе этого послѣдняго труда, для котораго собрано было множество книгъ, святитель поручилъ Спасскому архимандриту Игнатію.

16) Мощи св. Кириана, обрѣтенныя въ 1472 г., почиваютъ въ юго-западномъ углу Московскаго Успенскаго собора, подъ спудомъ. Память его празднуется въ день преставленія. Загородное жилище святаго находилось въ самомъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, но ближе къ селу Вольскому, на горѣ, которая и теперь зовется Трехсвятительскою, по имени крестовой (опричной) церкви св. Кириана.

17) Мощи мученицы цѣломудрія, по наступленіи весны, найдены въ рѣкѣ, положены въ каменную раку и погребены въ соборномъ храмѣ города Торжка, гдѣ и нынѣ почиваютъ подъ спудомъ. При нихъ совершилось болѣе 50 исцѣленій. Въ одной рукописи сохранился тропарь св. Іуліаніи. Въ соборномъ Синодикѣ записаны для поминовенія имена двухъ невинныхъ жертвъ вмѣстѣ съ именемъ убійцы. Юрій, гонимый своею совѣстію и ненавистію народной, бѣжалъ въ Орду и на обратномъ пути умеръ въ области Рязанской, въ пустынномъ Веневскомъ монастырѣ. (Карамз. V, прим. 196. Русск. временникъ I, 220).

гиня Евдокія Дмитріевна. Живя въ супружествѣ, она была супругою нѣжною, кроткою, набожною, и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ заботилась о спасеніи души, не предаваясь стремленіямъ чувственности. Благочестивое расположеніе молодыхъ супруговъ поддерживали великіе угодники Божіи: святитель Алексій былъ отцемъ и хранителемъ юной четы, св. Теодоръ, игумень Симоновскій, былъ духовникомъ ихъ, а великій чудотворецъ Сергій принималъ дѣтей ихъ отъ святой купели. Благовѣрная княгиня поддерживала супруга своего въ борьбѣ со скорбями и въ ратныхъ подвигахъ неусыпною молитвою и щедрою милостынею бѣднымъ. Въ память Мамаева побоища она построила въ Московскомъ Кремлѣ, на дворѣ княжескомъ, каменный храмъ Рождества Богородицы ¹⁸⁾, а лишившись супруга, основала, рядомъ съ Чудовымъ монастыремъ, женскую обитель Вознесенія Господня. Изъ духовнаго завѣщанія Донского видно, что онъ высоко уважалъ подругу своей жизни ¹⁹⁾.

Блаженная Евдокія была матерью для всѣхъ бѣдныхъ, благотворила обителямъ иноческимъ, въ томъ числѣ преподобному Кириллу Бѣлозерскому въ сѣверной дикой пустынѣ, и вела жизнь подвижническую. Но, скрывая отъ людей свои подвиги, извѣстные единому Богу, она являлась вездѣ пышною княгинею, съ веселымъ лицомъ, носила богатыя одежды, украшалась жемчугомъ и драгоценными камнями. Такая жизнь вдовы-княгини служила поводомъ къ клеветѣ. Она слышала о людскихъ толкахъ и радовалась, что подвергается безславію. Но когда худая молва дошла до сыновей ея, которые не могли скрыть безпокойства отъ матери, княгиня-подвижница призвала дѣтей въ свою молельню, сняла часть своей одежды: сыновья испугались, увидя худобу ея тѣла, изнуреннаго постомъ и отягченнаго веригами. Она просила дѣтей не открывать другимъ того, что они видѣли, и не обращать вниманія на людскіе толки.

Приближеніе кончины было извѣщено ей явленіемъ ангела. Постѣ видѣнія она онѣмѣла и знаками требовала, чтобы подали ей икону. Когда подали ей образъ архангела Михаила, она обрадовалась и сказала: „Онъ точно въ такомъ видѣ являлся мнѣ“.

¹⁸⁾ Этотъ храмъ построенъ въ 1393 году; стѣны его были расписаны знаменитыми въ то время иконописцами: Теофаномъ Грекомъ и Данииломъ Чернымъ. Въ 1480 г. упали своды церкви, но были складены вновь Алевизомъ. Въ этомъ видѣ церковь, соединенная переходами съ теремнымъ дворцомъ, сохранилась донинѣ.

¹⁹⁾ Димитрій Донской, раздѣливъ волости дѣтямъ своимъ, говорить въ завѣщаніи: «вы, дѣти мои, живите за одно, а матери своей слушайте во всемъ. Если кто изъ сыновей моихъ умретъ, то княгиня моя надѣлитъ его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому—что дастъ она, то тому и есть; дѣти мои изъ воли ея да не выйдутъ. Если у кого изъ сыновей моихъ уменьшится отчина противъ того, чѣмъ я благословилъ его, то княгиня моя надѣлитъ изъ удѣловъ прочихъ сыновей моихъ; а вы, дѣти мои, слушайте матери. Если Богъ возьметъ къ себѣ сына моего, князя Василія, то удѣлъ его идетъ къ слѣдующему за нимъ сыну, а удѣломъ послѣдняго княгиня подѣлитъ сыновей моихъ; а вы, дѣти мои, слушайте своей матери; что кому дастъ она, то того и есть... Который сынъ не станетъ слушаться матери своей, на томъ не будетъ моего благословенія».

Наконецъ пришло время княгинѣ заключиться въ обитель, къ которой давно стремилась душа ея. Идучи туда, она встрѣтила на дорогѣ нищаго-слѣпца, который закричалъ ей: „боголюбивая княгиня, кормилица нищихъ! Ты обѣщала мнѣ во снѣ даровать зрѣніе; исполни же слово твое“. Какъ будто нечаянно, не обращая вниманія на слѣпца, княгиня опустила ему длинный рукавъ своей рубашки; слѣпецъ ощутилъ его въ рукѣ, отеръ имъ глаза и прозрѣлъ. Принявъ иночество въ своей Вознесенской обители съ именемъ Евфросиніи, она удвоила свои молитвенные подвиги, заложила тамъ каменный храмъ ²⁰⁾, и основала Горицкій монастырь въ Переяславлѣ-Залѣскомъ ²¹⁾. Но скоро Господь призвалъ въ небесныя обители кроткую и боголюбивую душу праведницы: достойная супруга Донского представилась 7 іюля 1407 года ²²⁾.

Такимъ образомъ Москва, лишившись общаго отца—первосвященника, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ проводила на вѣчный покой и вдовствующую княгиню, которую всѣ бѣдныя и страждущіе привыкли называть матерью. Но столицѣ великокняжеской и другимъ городамъ русскимъ предстояло новое горе—внезапное нашествіе Татаръ. Великій князь Василій успѣлъ усилить великое княженіе безъ всякаго кровопролитія, обогатилъ казну свою доходами и не дѣлился ими съ Ордою, имѣя возможность считать себя независимымъ. Онъ не принялъ участія въ войнѣ Тохтамыша съ Витовтомъ, видѣлъ, что Монголы, нѣкогда страшные силою, теперь начали уже хитрить, стараясь ссорить государей, которые были для нихъ опасны, и не послушался татарскаго князя Эдигея, который требовалъ его содѣйствія въ походѣ противъ Литвы. Эдигей разорилъ окрестности Москвы и нѣсколько недѣль держалъ въ осадѣ самую столицу.

Спустя три года по кончинѣ св. Кипріяна прибылъ въ Москву новый митрополитъ Фотій, избранный и назначенный патріархомъ для всей Русской земли, уроженецъ города Монемвасіи въ Мореѣ. Съ юности онъ воспитывался въ пустынѣ, пользуясь наставленіями благочестиваго старца Акакія, и не желалъ ничего кромѣ безмолвія, а потому неохотно отправился въ страну отдаленную, иноязычную и холодную ²³⁾.

²⁰⁾ Храмъ Вознесенія Господня, заложенный блаж. великою княгиней Евдокіей, существуетъ донинѣ; въ немъ погребены до 35 парижъ и царевенъ. Московскій Вознесенскій монастырь занимаетъ первое мѣсто въ числѣ первоклассныхъ дѣвичьихъ монастырей.

²¹⁾ Горицкій Переяславскій монастырь, сначала мужской общежительный, а потомъ съ 1744 года кафедральный Переяславскихъ епископовъ, упраздненъ въ 1783 году и приписанъ къ городскому собору. Зданія его стоятъ теперь въ развалинахъ, кромѣ огромной Успенской церкви, которая построена епископомъ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ и отличается превосходнымъ зодчествомъ.

²²⁾ Мощи блаж. княгини инокини Евфросиніи почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви основаннаго ею монастыря.

²³⁾ Въ Мореѣ не мало было и Славянъ. Фотій могъ имѣть понятіе о нашемъ языкѣ могъ знать духъ и обычай Славянъ. Онъ взялъ съ собою близкихъ къ нему: іеромонаха Пахомія изъ болгаръ и іерея Патрикія грека (перваго изъ нихъ не надобно смѣшивать съ извѣстнымъ жизнеописателемъ, Сербомъ Пахоміемъ Логоветомъ).

Посѣтивъ Кіевъ, онъ прибылъ въ Москву и былъ пораженъ еще свѣжими слѣдами нашествія Эдигея ²⁴⁾: всѣ города Русскіе, отъ Рязани до Ростова и отъ Нижняго Новгорода до Твери и Серпухова, были опустошены; Кремль Московскій уцѣлѣлъ, но всѣ посады Москвы сгорѣли ²⁵⁾. Затѣмъ онъ посѣтилъ древній каѳедральный городъ своей митрополіи Владиміръ и поручилъ прибывшему съ нимъ греку, священнику Патрикію, охранять Златоверхій Успенскій соборъ, извѣстный своимъ богатствомъ. Но едва успѣлъ митрополитъ выѣхать изъ Владиміра на сѣверъ, какъ этотъ городъ былъ опустошенъ Ордынскимъ царевичемъ Талычей съ толпами Татаръ. Грабители ворвались въ соборный храмъ, оборвали святыя иконы, но тщетно принуждали Патрикія выдать сокрытыя имъ сокровища—сосуды и казну. Его жгли, сдирали съ него кожу, влчили по городу, привязавъ къ лошадиному хвосту, и замучили до смерти, но не могли принудить къ измѣнѣ. Такъ пострадалъ доблестный служитель алтаря, нашедшій на чужой землѣ вѣнецъ мученической ²⁶⁾. Талыча посылалъ Татаръ захватить самого святителя; но Фотій удалился съ Пахоміемъ въ глухіе лѣса, на озеро Синегъ (нынѣ въ Покровскомъ уѣздѣ). Тихая, безмятежная дубрава напоминала собою пустыню старца Акакія. Здѣсь святитель Фотій построилъ малый деревянный храмъ Рождества Богородицы и съ сокрушеніемъ сердца повторялъ: „думалъ ли я разстаться съ любезною пустынею, молчаніемъ и плачемъ о грѣхахъ моихъ? И вмѣсто прежняго покоя сколько предстоитъ тревогъ, волненій и трудовъ тяжелыхъ!“ Святитель пребылъ въ уединеніи около мѣсяца, потомъ долженъ былъ возвратиться въ Москву по требованію великаго князя, и здѣсь узналъ о помолвкѣ дочери Московскаго государя и родной внуки Витовта съ сыномъ Византійскаго императора, Іоанномъ Палологомъ. Блаженный Фотій съ радостію благословилъ этотъ брачный союзъ ²⁷⁾.

²⁴⁾ Нашествіе Эдигея описано въ VI главѣ этой книги, въ жизни преп. Никона.

²⁵⁾ Вслѣдъ за разореніемъ отъ татаръ, города и селенія, лежація близъ Москвы страдали отъ губительной болѣзни. Моръ повторялся нѣсколько лѣтъ сряду въ разныхъ краяхъ Россіи и сопровождался иногда неуржаемъ и голодомъ. Всѣ эти бѣдствія привели современниковъ къ мысли о приближеніи конца міра; большая часть грамотеевъ ожидала втораго пришествія Христова къ концу седьмой тысячи лѣтъ (то-есть въ 1492 году). Только до этого срока доходила и Пасхалія, составленная въ 1408 году. Впрочемъ нѣкоторые считали конецъ міра еще болѣе близкимъ: они полагали, что страшный судъ наступитъ тогда, когда Пасха случится въ одинъ день съ Благовѣшеніемъ. Одинъ лѣтописецъ даже внесъ это предсказаніе въ свою лѣтопись, но дождавшись 1459 года (когда случилось сказанное сближеніе праздниковъ), приписалъ, что предсказаніе не сбылось потому, что написано было неразумно.

²⁶⁾ Степн. кн. II, 30—33. Сбор. Лѣт. V, 256.

²⁷⁾ Этотъ брачный союзъ былъ бесплоденъ и непродолжителенъ: Анна, спустя три года, скончалась въ Царьградѣ отъ мороваго повѣтрія. Памятникомъ брака Русской княжны съ Византійскимъ царевичемъ сохранился въ патріаршей синодальной ризницѣ саккосъ, присланный блаженному Фотію изъ Константинополя съ изображеніемъ молодой парственной четы, великаго князя Василія, супруги его Софіи Витовтовны и самого Фотія; по переднему краю саккоса вышитъ золотомъ Символъ вѣры на греческомъ языкѣ.

Много трудовъ предстояло святителю на его кафедрѣ. Какъ свидѣтель страшныхъ явленій гнѣва Божія (мора, голода и нашествія иноплеменниковъ), онъ обращался къ духовенству и народу съ духовными увѣщаніями. Въ окружномъ посланіи къ духовенству ²⁸⁾ онъ въ особенности указываетъ на два великія дарованія, усвоенныя священству благодатію Христовою: на право вязать и разрѣшать грѣхи и на право совершать великое таинство Евхаристіи. Сообразно съ высокимъ достоинствомъ духовнаго сана, святитель требовалъ, чтобы священники жили чисто и неукоризненно, чтобы они были свѣтомъ міру и солю земли. Внушая духовенству бдительность о словесномъ ихъ стадѣ и благоговѣніе къ священнодѣйствію, блаж. Фотій пишетъ: „въ благолѣпіи держите церковь, какъ земное небо, и въ особенности святыи алтарь, и съ благоговѣніемъ входите въ него: ибо тамъ не земного царя жилище, но гробъ, и ложе, и мѣсто селенія Царя царствующихъ, окружаемаго небесными силами. Приготовляясь къ священнодѣйствію Христовыхъ Таинъ, ночь проводите въ молитвѣ и предстоаніи предъ Богомъ, и только развѣ по преизнеможенію вкушайте мало сна до утрени; послѣ утрени же никакъ не предавайтесь сну, а послѣ священнослуженія храните святню въ чистотѣ жизни“. Святитель запрещалъ духовенству заниматься торговлею и отдавать деньги въ ростъ. Для предупрежденія соблазновъ, онъ предписывалъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ вступити въ монастырь, а при мірскихъ церквахъ не священнодѣйствовать ²⁹⁾.

Въ отношеніи къ народу блаж. Фотій обращалъ вниманіе на безпорядки въ жизни мірянъ: онъ предписывалъ строго исполнять правила церковныя при совершеніи браковъ, удерживаться отъ сквернословія ³⁰⁾, соблюдать посты, заботиться объ очищеніи совѣсти чрезъ покаяніе предъ отцомъ духовнымъ, чуждаться ворожбы и колдовства. Особенно возмущался духъ ревностнаго первосвятителя судебными поединками, хотя они допускались законами того времени. Убившаго на поединкѣ онъ считаетъ душегубцемъ, и потому налагаетъ на него 18-лѣтнюю епитимію, а убитому отказываетъ въ христіанскомъ погребеніи ³¹⁾.

Такъ заботился блаж. Фотій объ исправленіи своей паствы; но обстоятельства часто отвлекали его отъ занятій духовныхъ къ устройству хозяйственныхъ дѣлъ митрополіи. Хотя при митрополитѣ Кипріанѣ были опредѣлены права и преимущества церковныхъ имѣній, но

²⁸⁾ Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 181, стр. 325. Акт. Арх. Ком. т. I, № 369 ст. 462.

²⁹⁾ Впрочемъ самъ святитель долженъ былъ отступить отъ строгости этого правила, когда при губительной болѣзни открылась большая нужда въ священникахъ, и между ними вдовы оказались болѣе свободными для подвиговъ любви и самоотверженія.

³⁰⁾ Говоря о сквернословіи, святитель замѣчаетъ, что этого зла въ такой степени не встрѣчалъ онъ ни въ какомъ христіанскомъ народѣ.

³¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор. 1, № 181, стр. 328, 328, и Акт. Арх. Экспед. т. I, № 369, стр. 461—462.

не всё безпорядки были устранены. А послѣ опустошеній Тохтамыша и Эдигея, когда кафедрa митрополіи нѣсколько лѣтъ оставалась праздною, земли церковныя были захвачены князьями, боярами и даже епископами; нѣкоторыми доходами митрополіи пользовалась казна великокняжеская. Это ввело митрополита въ споры съ людьми сильными, подвергло его клеветамъ и злорѣчію; но, при усиленной и продолжительной настойчивости, онъ успѣлъ возстановить владѣнія своей кафедрой въ прежней ихъ цѣлости. Заботы о дѣлахъ земныхъ блаж. Фотій облегчались духовными бесѣдами съ подвижниками благочестія, чадами великаго Сергія Радонежскаго. Между близкими къ первосвятителю иноками были: юный монахъ Іона ³²⁾, который приготовлялся подвижническою жизнію въ преемники Фотію, и преподобный Савва Тверской, отличавшійся, кромѣ строгости жизни, мудрымъ разсужденіемъ, такъ что Фотій часто призывалъ его для совѣта въ затруднительныхъ случаяхъ ³³⁾.

Мирныя занятія иноческія, сродныя душѣ блаженнаго Фотія, можетъ быть, отвлекали его отъ церковныхъ дѣлъ юго-западнаго края. Множество дѣлъ и заботъ удерживало первосвятителя въ Москвѣ, а между тѣмъ церковными дѣлами Литовскихъ епархій завѣдывалъ намѣстникъ митрополитчій, жившій въ Кіевѣ, хотя состояніе Церкви православной при государяхъ инновѣрныхъ могло требовать болѣе близкаго, непосредственнаго надзора самого митрополита ³⁴⁾.

³²⁾ Однажды святитель Фотій, посѣтивъ Симоновъ монастырь, нашелъ въ пекарнѣ монастырской молодого инока Іону спящимъ; на лицѣ его видно было изнуреніе отъ трудовъ души и тѣла, а правую руку держалъ онъ на главѣ «согбену, яко благословяше ею». Святитель сказалъ окружающимъ: «знайте, дѣти, сей инокъ будетъ великимъ святителемъ царствующему граду Москвѣ!» (Степн. кн. 2, 69—71)

³³⁾ Преп. Савва, игуменъ Срѣтенскаго, иначе Саввина, монастыря—по свидѣтельству преп. Іосифа Волоколамскаго—проводилъ высокую духовную жизнь и удостоенъ былъ дара чудесъ. «Мы видѣли,—пишетъ Іосифъ, блаж. Савву, который настоятельствовалъ въ Саввиномъ монастырѣ, въ Тверской сторонѣ, болѣе 50 лѣтъ. Онъ такъ заботился о своей паствѣ что всегда стоялъ въ церковныхъ дверяхъ съ жезломъ въ рукѣ: если кто-либо изъ братіи не приходилъ къ началу служенія въ церковь или выходилъ прежде отпуска, или во время пѣнія разговаривалъ, или переходилъ съ своего мѣста на другое, то Савва никакъ не молчалъ о томъ, а запрещалъ, такъ что не упускалъ безъ вниманія и малыхъ проступковъ. А тѣхъ, которые вступали въ споръ и безчинствовали, иногда билъ жезломъ, а иногда сажалъ въ затворъ; когда нужно, бывалъ онъ строгъ, а когда надобность была, бывалъ и милостивъ. Разъ онъ, строго вразумляя безчиннаго брата, положилъ бороду на окно; а этотъ по внушенію бѣсовскому, схватилъ обѣими руками бороду его и едва не всю вырвалъ. Братія схватили его, привели къ блаженному Саввѣ и спрашивали: какъ велитъ наказать его? Онъ отвѣчалъ имъ: «я бю жезломъ и сажю въ затворъ за безчинства и оскорбленія братіи, но за свою обиду не могу наказывать, а долженъ все терпѣть». Когда же увидѣлъ онъ брата кающимся въ своихъ грѣхахъ, то вскорѣ простилъ его, и прощенный братъ пребывалъ въ монастырѣ до смерти, въ покаяніи и умиленіи (Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847, № 7: «О святыхъ отцѣхъ и въ монастырѣхъ Русѣхъ»). Преп. Савва былъ игуменомъ Саввиной пустыни съ 1417 и преставился около 1467 года. Обитель его, въ 20 верстахъ отъ Твери, давно уже не существуетъ; тамъ теперь едетъ Саввино (Русск. Св. Мартъ, стр. 23—28).

³⁴⁾ Дѣйствительно, распоряженіе Польскаго короля Ягайло-Владислава въ подвластныхъ ему областяхъ Русскихъ и Витовта въ Литвѣ были враждебны православію. Ягай-

Для митрополіи Русской готовилось новое бѣдствіе—раздѣленіе. Оно истекало изъ давняго желанія великихъ князей Литовскихъ образовать у себя самостоятельное церковное управленіе, независимое отъ Москвы. Витовтъ созвалъ къ себѣ подручныхъ ему Русскихъ князей и объявилъ, что нужно отнять у Фотія управленіе юго-западными епархіями и имѣть особаго митрополита. По общему рѣшенію ³⁵⁾ отправили посольство въ Царьградъ, чтобъ испросить согласіе императора ³⁶⁾ и патріарха на раздѣленіе Русской митрополіи. Но ни тотъ, ни другой не нашли нужнымъ исполнить желаніе Витовта, и Григорій Симвлакъ, котораго желали видѣть митрополитомъ, возвратился безъ успѣха.

Тогда Витовтъ, въ 1414 году, созвалъ епископовъ и архимандритовъ своей области на соборъ въ Новогродкѣ-Литовскомъ, предложилъ имъ свои намѣренія, обвинялъ императора и патріарха въ корыстолюбивыхъ цѣляхъ, а Фотія въ небреженіи о Церкви и обремененіи южныхъ епархій пошлинами, которыя отсылаются въ Москву. Какъ видно изъ лѣтописи, нѣкоторые епископы и тогда не соглашались посвятить Григорія безъ патріаршей воли ³⁷⁾. Витовтъ настоялъ, и Григорій былъ посвященъ въ Новогродкѣ 15 ноября 1415 года. Въ оправданіе свое, соборъ епископовъ ³⁸⁾ издалъ грамоту, въ которой изображаетъ всѣ невыгоды, какія терпѣла каѳедра Киевская отъ пребыванія митрополитовъ въ Москвѣ, жалуется на незаконное вмѣшательство Греческаго императора въ дѣла Русской Церкви, ссылается на правила апостольскія, на поставленіе митрополитовъ Иларіона и Климента въ Кіевѣ ³⁹⁾ и на примѣры Болгаріи и Сербіи, гдѣ епископы издавна избираютъ и поставляютъ себѣ первосвященителя. Чтобы устра-

---

ло отнимать древніе храмы у православныхъ и замышлялъ обратитъ народъ въ Римскую вѣру. Въ 1413 году онъ вмѣстѣ съ Витовтомъ подтвердилъ права одного только латинскаго духовенства, усвоилъ права дворянства и другія преимущества только лицамъ, принадлежащимъ къ Римской Церкви, запрещая имъ при томъ вступать въ брачныя союзы съ православными. Съ этого времени начинается открытое притѣсненіе православной вѣры въ юго-западной Руси. (Прибавленія къ твор. Св. От. XI. 232).

³⁵⁾ Въ этомъ сѣздѣ не участвовали, какъ кажется, епископы Литовско-Русскіе. Съ одной стороны они могли желать единства митрополіи въ видахъ сохраненія единства народа Русскаго въ обоихъ государствахъ и свободной самостоятельности церковнаго управленія; съ другой стороны для нихъ было удобнѣе имѣть митрополита близъ себя, не затрудняясь отдаленными сношеніями, которыя по временамъ совершенно прерывались, при несогласіяхъ и войнѣ между Москвою и Литвою.

³⁶⁾ За императоромъ Греческимъ тогда, какъ и въ первыя времена Русской Церкви, признавали право участія въ дѣлахъ нашей іерархіи. Самъ блаженный митрополитъ Фотій говорить въ духовномъ завѣщаніи, что его прислалъ въ Россію царь Мануиль.

³⁷⁾ Собр. Лѣт. V. 259.

³⁸⁾ Соборное опредѣленіе подписано епископами Θεодосіемъ Полоцкимъ, Исаакіемъ Черниговскимъ, Діонисіемъ Луцкимъ, Герасимомъ Владимірскимъ, Геласіемъ Перемышльскимъ, Севастіаномъ Смоленскимъ, Харитономъ Холмскимъ и Евѳиміемъ Туровскимъ. Они же написали посланіе къ митрополиту Фотію, объявляя ему, что замѣтили какія-то дѣйствія его противныя правиламъ церковнымъ, а послѣ услышали о какомъ-то поступкѣ, подвергающемъ его изверженію, но не хотятъ наносить безчестія митрополиту и только отказываются отъ повиновенія ему. Незаконность этого акта очевидна.

³⁹⁾ Смотри глава II первой части Разказовъ.

нить отъ себя обвиненіе въ измѣнѣ православію, епископы пишутъ: „мы хранимъ правила святыхъ отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ патріарха Константинопольскаго и другихъ и имѣемъ съ ними одну вѣру, но отвергаемъ незаконную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную царями Греческими“.

Витовтъ съ своей стороны издалъ грамоту, въ которой высказываетъ рѣзкія жалобы на императора, патріарха и Фотія, увѣряя, что онъ дѣйствовалъ единственно для чести и пользы Русской Церкви ⁴⁰⁾.

Блаж. Фотій желалъ предупредить бѣдствіе личнымъ объясненіемъ съ великимъ княземъ Литовскимъ, но былъ ограбленъ на границѣ и принужденъ возвратиться въ Москву. Узнавъ о посвященіи Григорія, святитель не замедлилъ отвѣчать на грамоту Литовско-Русскихъ епископовъ. Онъ не опровергаетъ обвиненій, взводимыхъ лично на него (замѣчательная черта смиренія пастырскаго), не обвиняетъ Витовта, по всю вину слагаетъ на Григорія и на епископовъ, посвятившихъ его, осуждаетъ своевольное нарушеніе церковныхъ правилъ и внушаетъ всѣмъ вѣрнымъ, чтобы не имѣли общенія съ нарушителями древняго порядка церковнаго, измѣнившими своему клятвенному общанію. Епископамъ Литовскимъ блаженный Фотій напоминаетъ, что каждый изъ нихъ, при своемъ поставленіи, давалъ предъ алтаремъ Господнимъ общаніе не принимать иного митрополита, кромѣ присланнаго изъ Царь-града, и церковными правилами доказываетъ, что приемиющіе власть не отъ законнаго чиноначалія церковнаго и самовольно поставляющіе себѣ пастыря сами себя подвергаютъ изверженію изъ сана ⁴¹⁾. Это опредѣленіе первосвятителя и все дѣло о Григоріи было разсмотрѣно соборомъ Великорусскихъ епископовъ, созванныхъ въ Москву въ мартѣ 1416 года по случаю посвященія Новгородскаго владыки. Святители произнесли соборное осужденіе на незаконнопоставленнаго митрополита Кіевскаго ⁴²⁾. Замѣчательно, что въ это смутное время, когда оспаривались права митрополіи Московской на Кіевъ, въ особенномъ изобиліи открылись знаменія отъ мощей почившаго въ Москвѣ первосвятителя всея Руси, св. Петра. Первый изъ митрополитовъ Кіевскихъ, перенесшій свою кафедру въ городъ св. князя Даніила, свидѣтельствовалъ чудесами неизмѣнность своего благоволенія къ Москвѣ и утѣшалъ своего преемника, незаконно отвергаемаго самовольными ⁴³⁾.

Впрочемъ на этотъ разъ раздѣленіе Русской митрополіи не было окончательнымъ. По смерти или удаленіи митрополита Григорія ⁴⁴⁾,

⁴⁰⁾ Грамота Витовта издана въ Актахъ Западной Россіи I, № 25. Витовтъ хочетъ казаться въ ней покровителемъ православной Церкви, которой измѣнилъ.

⁴¹⁾ Акты Историч. I, № 19.

⁴²⁾ Собраніе Лѣтоп. IV, стр. 116.

⁴³⁾ Посвященный на этомъ соборѣ, владыка Симеонъ, одинъ изъ мѣстно-чтимыхъ святителей Новгородскихъ, возвратясь изъ Москвы, построилъ въ Новгородѣ храмъ въ честь святителя Петра.

⁴⁴⁾ Григорій Симвлакъ или Цамвлакъ, родомъ изъ Болгаріи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту Кипріану, которому онъ былъ обязанъ и пріѣздомъ своимъ въ

Витовтъ согласился, чтобы Фотій снова принялъ въ свое завѣдываніе епархіи юго-запада ⁴⁵⁾, и блажен. святитель поспѣшилъ посѣтить города, возвращенные въ его паству ⁴⁶⁾.

Но несмотря на радость, доставленную старцу митрополиту прекращеніемъ разрыва между двумя половинами Русской Церкви, послѣдующіе годы были скорбны для попечительнаго пастыря. Три года сряду былъ неурожай, и во многихъ мѣстахъ появился голодъ; моровая язва свирѣпствовала въ разныхъ краяхъ Русской земли и особенно во Псковѣ. Святитель разсылалъ посланія и поученія, призывая къ покаянію нераскаянныхъ и утѣшая унылыхъ. Впрочемъ самъ Господь посылалъ утѣшеніе вѣрному рабу Своему ⁴⁷⁾.

Въ 1425 году открылся новый источникъ тяжкихъ заботъ для блаж. Фотія: въ Москвѣ скончался великій князь Василій Дмитріевичъ ⁴⁸⁾, оставивъ по себѣ малолѣтняго сына Василя. Трудно было надѣяться, чтобы братья умершаго великаго князя добровольно согласились подчиниться младенцу-племяннику. И дѣйствительно, старшій изъ нихъ Юрій Дмитріевичъ не согласился на завѣщаніе умершаго брата, не поѣхалъ въ Москву, куда звали его отъ имени племянника, и началъ собирать полки въ своемъ обширномъ княженіи. Влекомый желаніемъ міра, маститый первосвятитель самъ отправился въ сѣверный Галичъ и убѣждалъ Юрія прекратить притязанія на великокняжескій престолъ и заключить вѣчный миръ съ племянникомъ; Юрій

южную Россію, какъ видно изъ написаннаго имъ похвальнаго слова Кипріану. Современники напрасно обвиняли его въ наклонности къ Римской церкви: въ проповѣдяхъ онъ касался нѣкоторыхъ латинскихъ установленій, напр., совершенія литургіи на оубѣнокахъ и осуждалъ ихъ. Онъ былъ отправленъ, съ посольствомъ Витовта, на соборъ Констанскій, прибылъ уже предъ закрытіемъ собора и такимъ образомъ могъ возвратиться въ Литву не подвергаясь опасности измѣнить православной вѣрѣ на томъ соборѣ, который сожегъ Іоанна Гусса. Слова Григорія, исполненныя живаго краснорѣчія, распространялись даже въ великой Россіи, гдѣ осуждалось его имя. Въ сентябрѣ 1419 года Симвакъ, по словамъ нашихъ лѣтописей, скончался въ Кіевѣ; а по свидѣтельству одного Молдавскаго лѣтописца, удалился въ Молдавію и жилъ тамъ въ званіи митрополита Молдовахійскаго (Преосвящ. Макарія Истор. Русск. Церкви IV, 100).

⁴⁵⁾ Теперь трудно рѣшить: недовольство ли народа отдѣленіемъ Литовской митрополіи, внушенія ли нѣкоторыхъ князей и бояръ, заботившихся о воссоединеніи ея съ Московскою, освобожденіе ли изъ темницы Литовскаго князя Свидригайла (сына Ольгердова), котораго Витовтъ считалъ своимъ соперникомъ и болѣе девяти лѣтъ держалъ въ заключеніи, а православные жители Литвы признавали какъ бы поборникомъ своей вѣры, всегда готовымъ на помощь имъ,—или всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ расположили Витовта примириться съ митрополитомъ Фотіемъ и возвратитъ ему право на управленіе Литовскими епархіями.

⁴⁶⁾ Въ это путешествіе Фотій видѣлся съ Витовтомъ въ Новгородѣ, посѣтилъ Кіевъ, Вильну, Львовъ и другіе города.

⁴⁷⁾ Святитель былъ утѣшенъ прекращеніемъ язвы во Псковѣ, когда принесена была туда изъ Чирской волости чудотворная икона Богородицы (Святыни и древности Пскова, стр. 20), открытіемъ мощей великаго чудотворца Сергія и святителя Алексія, чудесами иресп. Никиты столпника Переяславскаго.

⁴⁸⁾ Василій Дмитріевичъ скончался на 53 году, пробывъ на княжествѣ 36 лѣтъ, чтимый князьями и народомъ, союзниками и непріятелями. Онъ не отличался великими свойствами родителя, но былъ справедливъ, твердъ и остороженъ.

не согласился. Тогда святитель разстался съ нимъ, не давъ благословенія ни князю, ни народу. Немедленно губительная болѣзнь начала свирѣпствовать въ Галичѣ, гдѣ прежде ея не было. Народъ пришелъ въ ужасъ, а князь догналъ блаж. Фотія, умолилъ его воротиться въ городъ и согласился на миръ, но съ условіемъ, чтобы споръ о престолѣ предоставленъ былъ рѣшенію хана ⁴⁹⁾. Такъ первосвятитель успѣлъ остановить, хотя на время, кровавыя междоусобія!

Исполнилось 20 лѣтъ архипастырскаго служенія блаженнаго Фотія въ Москвѣ. Рано утромъ, въ четвертокъ Пасхальной недѣли (20 апрѣля 1430 года), святитель увидѣлъ предъ собою свѣтоноснаго мужа, съ вѣнцомъ на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Въ трепетѣ Фотій спросилъ: „кто ты и какъ явился здѣсь, когда двери заперты?“ „Я не изъ числа людей, — отвѣчалъ посѣтитель, — но ангелъ Божій, посланъ къ тебѣ отъ Господа Вседержителя. Господь повелѣлъ сказать тебѣ слово для утвержденія твоего. Внимай себѣ и стаду твоему. Христосъ Богъ даетъ тебѣ время на разсмотрѣніе жизни твоей и на распоряженіе о паствѣ“. Услышавъ эти слова, святитель въ трепетѣ палъ къ ногамъ посланника Божія, но онъ сталъ невидимъ. Послѣ того блаж. Фотій успокоился, предоставилъ себя волѣ Божіей и продолжалъ свое пастырское служеніе. Онъ еще разъ предпринялъ путешествіе въ западную Русь, былъ вмѣстѣ съ юнымъ великимъ княземъ Василиемъ въ Вильнѣ у Витовта, который хотѣлъ короноваться королемъ Литовскимъ, но тщетно ждалъ вѣнца изъ Рима. Отпущенный съ ласкою, митрополитъ въ Новгородѣ узналъ о кончинѣ престарѣлаго Витовта ⁵⁰⁾ и тамъ же видѣлся съ преемникомъ его Свидригайлomъ.

Исполнился срокъ, данный блаженному Фотію для приготовления къ вѣчности: онъ мирно почилъ 1 іюля 1431 года ⁵¹⁾, оставивъ своимъ преемникамъ Церковь Русскую умиренною и воссоединившеюся подъ властію одного іерарха. Предъ смертію онъ написалъ подобно предшественнику своему Кипріану завѣщательную грамоту, въ которой, сказавъ о своей прежней спокойной жизни въ Греціи и внезапно избраніи на престолъ Русской митрополіи, потомъ о своихъ многоразличныхъ скорбяхъ въ Россіи по случаю постигавшихъ ее бѣдствій и особенно по случаю церковнаго мятежа, испрашиваетъ себѣ прощенія у всѣхъ и самъ преподаетъ прощеніе всѣмъ, благодарить тѣхъ, кото-

⁴⁹⁾ Это рѣшеніе послѣдовало не ранѣе шести лѣтъ послѣ заключенія мира и было благоприятно Василию. Но и судъ ханскій не погасилъ вражды между дядей и племянникомъ: она продолжалась еще долго и достигла, какъ увидимъ ниже, до кровопролитія и страшныхъ злодѣйствъ.

⁵⁰⁾ Витовтъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ государей своего времени; онъ умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, управлять народомъ и князьями, обогащать казну свою войною и торговлею; онъ отличался, подобно Ольгерду, трезвостью и неутомимо занимался дѣлами государственными. Съ нимъ, по словамъ Польскаго историка Длугоша, возсіяла и затмилась слава Литвы и Западной Руси (Исторія Карамзина V, 147).

⁵¹⁾ Мощи блаж. митрополита Фотія погребены рядомъ съ гробницею св. митрополита Кипріана въ сѣверо-западномъ углу Московскаго Успенскаго собора. Онѣ обрѣтены нетлѣнными въ 1471 году и прославлены чудесами, но почиваютъ подъ спудомъ.

рые содѣйствовали воссоединенію Церкви, умоляетъ соблюдать неприкосновенными всѣ церковныя имѣнія, приобрѣтенныя имъ въ Россіи и Литвѣ, поручаетъ молиться о душѣ своей и преподаетъ всѣмъ послѣдніе благословеніе ⁵²).

Послѣ св. Фотія сохранилось много посланій и поученій. Въ одномъ изъ нихъ онъ обращаетъ вниманіе пастырей на важность служенія, къ которому они призваны.

„Какъ небо отстоитъ отъ земли, говорилъ онъ,—такъ нашъ санъ выше всякаго мірскаго, такъ Христово священнодѣйствуемое таинство выше всего въ мірѣ. Христосъ самъ священнодѣйствовалъ, давъ намъ тѣло Свое и кровь Свою въ пищу и питіе, и завѣщавъ чрезъ апостоловъ творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается божественнаго угля. Принявъ челоуѣка смраднаго и мертваго, силою благодати Христосъ сотворилъ его яко Бога, поручилъ намъ дѣло, которое принадлежитъ единому Богу—прощать грѣхи челоуѣческіе ⁵³).

Въ посланіи къ Литовцамъ св. Фотію, упомянувъ о совершившемся воссоединеніи Русской митрополіи, говоритъ, что онъ съ теплою любовію духовною пришелъ къ ихъ любви, чтобы сѣять между ними сѣмя слова Божія; объясняетъ притчу „о челоуѣкѣ-царѣ, состязавшемся съ рабами своими“, прилагаетъ ее къ тѣмъ страшнымъ казнямъ Божиимъ, которыя тогда поражали Литву и всю Россію; убѣждаетъ всѣхъ покаяться и исправиться, угрожая гнѣвомъ Божиимъ, и въ частности даетъ наставленія князьямъ, вельможамъ и богатымъ. „Вы, благородные князья и вельможи,—говоритъ онъ,—которымъ врученъ народъ христіанскій, молю васъ, непрестанно оказывайте всякое благодѣяніе, и заступленіе, и помощь Христовымъ людямъ, по природѣ родственной вамъ и присной братіи, отъ которыхъ и вы сами произошли. И за нихъ Христосъ пролилъ кровь свою, и васъ поставилъ надъ ними владѣльцами. Посему умоляю васъ, чада мои, призирать и блюсти ихъ въ соблюденіи заповѣдей Христовыхъ, и во всемъ содержать нелицемѣрный судъ Божіей правды. Такъ, чада мои, немилостивымъ владѣльцамъ предлежитъ тяжкій судъ, державныхъ и сильнѣйшихъ ожидаетъ грозное испытаніе отъ праведнаго Судіи. Ибо какъ правосудіе, такъ и правомѣріе любитъ Богъ, будучи праведенъ и промышляя о праведныхъ. Въ постановленіяхъ касательно торжищъ не дѣлайте ничего вопреки правды Божіей и узаконеннаго вамъ, не обижайте и не корыстуйтесь излишнимъ несправедливо насчетъ братіи вашей. Ибо неправильно собранное злѣ погибнетъ и приобрящетъ вамъ вѣчную душевную тщету; а сѣющіе съ благословеніемъ съ благословеніемъ и пожнутъ, и въ тишинѣ снѣдятъ трудъ плодовъ своихъ. И такъ молю васъ, будьте довольны оброками вашими... Богатые! стяжите милосердіе и челоуѣколюбіе и оказывайте нищимъ щедрое подаяніе... Самъ

⁵²) Завѣщаніе Фотія—въ II Собр. Р. Лѣт. VI, 144, Ник. Лѣт. V. 100.

⁵³) Поученія блж. Фотія изданы въ Правосл. Собесѣд.

Богъ убожить и богатить, смиряеть и возноситъ, возводитъ отъ земли убогаго и воздвизаетъ отъ гноища нищаго“ ⁵⁴).

Особенно назидательны посланія блаж. святителя во Псковъ, по случаю моровой язвы. „Изначала, — пишетъ митрополитъ, — Творецъ нашъ Христосъ Владыка наказываетъ насъ, свое достояніе, многоразличными наказаніями и болѣзнями къ нашему исправленію, требуя обращенія нашего, а не погибели. Посему многократно всячески претитъ намъ, щадя кореня, да сохранить плоды. Вотъ и на насъ, возлюбленные, послѣдовало такое Божіе наказаніе, на Москву и на иные окрестные грады, и на Тверь, и на другія страны. Мы зато только благодаримъ глубину судебъ Божіихъ и неизреченную пучину чело-вѣколюбія Господа, что Онъ не внезапно и не горько взымаеть Свои созданія, а даетъ вполне приготовляться къ христіанской кончинѣ съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, съ елеосвященіемъ и причащеніемъ честнаго животворящаго Христова тѣла и божественныя и жи-вотворящія Его крови; а многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго ангельскаго одѣянія. И я имѣю надежду на чело-вѣколюбіе Бо-жіе объ отходящихъ такимъ образомъ къ вѣчной жизни. Молюсь также чело-вѣколюбцу Богу и надѣюсь, ожидая, что Онъ праведный гнѣвъ Свой обратитъ въ прежнее милосердіе къ намъ, своему достоянію. Страшась же и трепеща постигшихъ насъ Владычныхъ наказаній, всѣ мы, православные, вмѣстѣ должны внимательно испытать себя и познать, за что мы такъ страдаемъ, и не уклонились ли съ праваго пути. А затѣмъ со слезами да потщимся снова вступить на правый путь, прибѣгнемъ къ Богу, чистосердечно исповѣдуясь Ему во всемъ, и отступимъ отъ всѣхъ нечистотъ и страстей“ ⁵⁵).

Святитель Фотій ревностно боролся съ ересью или, лучше ска-зать, расколомъ стригольниковъ, возникшимъ во время „церковной смуты“. Это лжеученіе обнаружилось въ Псковѣ. Расколоучители— Карпъ стригольникъ и Никита дьяконъ ⁵⁶), нападали сначала на без-порядки духовенства, а потомъ стали отвергать самую іерархію Церк-ви, утверждая, что епископы и священники поставляются и постав-ляютъ „на мздѣ“ (т.-е. за плату). Отвергая священство, они съ тѣмъ вмѣстѣ отвергали и таинства, совершаемыя священными лицами, отвергали и поминовеніе умершихъ, какъ источникъ доходовъ для духовенства: они сами поставляли себѣ учителей по выбору народа, безъ всякаго посвященія. Церковное отлученіе, произнесенное влады-кою Новгородскимъ противъ стригольниковъ, снятіе дьяконскаго сана съ расколоучителя Никиты и самая смерть Карпа и Никиты, убитыхъ народомъ въ 1376 году ⁵⁷), не прекратили лжеученія. Къ несчастью,

⁵⁴) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 183.

⁵⁵) Акт. Ист. I, № 30.

⁵⁶) Основатель секты стригольниковъ, Карпъ, былъ прежде діакономъ, потомъ за свое лжеученіе разстриженъ и отлученъ отъ Церкви. Онъ занимался ремесломъ стриголь-ника, т.-е. стрижкою волосъ (Исторія Рус. Церкви преосв. Макарія, Т. IV, стр. 153).

⁵⁷) Карпъ, Никита и еще одинъ еретикъ были сброшены новгородцами въ Волховъ съ Великаго моста (Полное собр. Лѣт. III, 79)

самыя обстоятельства благопріятствовали безпорядкамъ: Псковъ, враждуя съ Новгородомъ, тяготился властью владыкъ Новгородскихъ, которые съ своей стороны также тяготились зависимостью отъ митрополитовъ, пребывающихъ въ Москвѣ; Русская Церковь, раздираемая „церковною смутой“, или вовсе оставалась безъ іерарха, или управлялась часто смѣняемыми митрополитами. Наконецъ, дѣло о лжеученіи дошло до Царьграда. Патріархъ Ниль поручилъ св. Діонисію, архіепископу Суздальскому, бывшему въ Царьградѣ въ 1387 году, посѣтить лично Новгородскую паству и употребить ревностныя попеченія объ истребленіи пагубнаго ученія стригольниковъ. Патріархъ прислалъ съ нимъ двѣ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ объяснял заблуждающимся необходимость священноначалія, несправедливость пренебреженія къ священству вообще, на основаніи недостойной жизни нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и, наконецъ, различіе между мздою за посвященіе и вознагражденіемъ необходимыхъ расходовъ ⁵⁸⁾. По свидѣтельству одной лѣтописи ⁵⁹⁾, святой Діонисій совершенно прекратилъ мятежи и соблазны въ Новгородѣ и Псковѣ; но онъ прекратилъ ихъ, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, только наружно и на нѣкоторое время, потому что дѣйствія стригольниковъ продолжались еще долго. Послѣ обличительной грамоты, присланной въ Новгородъ патріархомъ Антоніемъ (преемникомъ Нила ⁶⁰⁾), митрополитъ Фотій въ 1416 году написалъ посланіе Псковитянамъ. Онъ выражалъ свою глубокую скорбь о пагубной ереси; ободрялъ православныхъ мыслью, что сколько не было еретиковъ и раскольниковъ, какъ ни нападали они на Церковь Божію, но сами всѣ погибли, а Церковь оставалась непоколебимою и сіяетъ, какъ солнце. Приводилъ цѣлый рядъ правилъ, строго запрещающихъ производить расколъ въ Церкви и отдѣляться отъ епископа или священника, каковы бы они ни были, пока тотъ и другой по законному суду не будутъ лишены своего сана. Наконецъ, увѣждалъ православныхъ Псковичей, чтобы они сами поучались божественнымъ заповѣдямъ, а стригольниковъ старались вразумлять и наставлятъ на путь истины. „Если же они не обратятся къ истинному пути и останутся безчувственными,—присовокуплялъ митрополитъ, то отжените ихъ отъ своей православной вѣры, да не будутъ посреди васъ, какъ плевелы среди пшеницы“. Прошло еще болѣе десяти лѣтъ, и тотъ же первосвятитель вновь писалъ Псковитянамъ, какъ прискорбно ему, что между ними доселѣ остаются еретики, отвергающіе священство и иночество. „Благословляю васъ, дѣтей моихъ,—

⁵⁸⁾ Грамоты Патріарха Нила сохранились обѣ: одна въ подлинникѣ, а другая въ переводѣ. Первая помѣщена въ Акт. Ист. I, № 4, а послѣдняя—Акт. Patriarch. Constantinop. II, 31.

⁵⁹⁾ Никон. Лѣтоп. IV, 130.

⁶⁰⁾ Въ грамотѣ патріарха Антонія лжеученіе стригольниковъ изложено полнѣе; она заключается увѣщаніемъ, обращеннымъ къ лжеучителямъ, чтобы они покаялись и возвратились въ нѣдра Церкви, и угрозою анаемы, если они пребудутъ въ своемъ упорствѣ и ожесточеніи. (Акт. Ист. I, № 6).

говориль онъ,—не сообщайтесь съ ними ни въ пищѣ, ни въ питіи, да не осквернитесь, пока не покаются. А я, по божественнымъ правиламъ, сотворю судъ на таковыхъ и осужденіе“ ⁶¹⁾.

Увѣщанія митрополита не остались безъ дѣйствія. Псковитяне ревностно принялись за стригольниковъ, стали отыскивать ихъ и казнить. Нѣкоторые изъ заблуждающихся обратились, другіе упорствовали въ заблужденіи, а иные бѣжали. О всемъ этомъ Псковитяне дали знать митрополиту. Фотій хвалилъ усердіе ихъ и совѣтовалъ впередъ такъ поступать, на не одобрялъ того, что они наказывали еретиковъ смертными казнями. Тѣхъ, которые не обратились, велѣлъ, какъ и прежде, увѣщавать,—если не послушаютъ, не принимать въ общеніе съ собой, даже наказывать, но только сносными наказаніями и заточеніемъ. Псковитяне перемѣнили образъ своихъ дѣйствій. Благомыслящее гражданское начальство, по предварительномъ сношеніи съ духовною властію, положило, захвативъ всѣхъ державшихся мнѣній стригольниковъ, заключить ихъ на всю жизнь въ темницы. Мѣра эта приведена была въ исполненіе и послужила къ уничтоженію лжеученія, о которомъ съ того времени ничего уже неизвѣстно ⁶²⁾.

Пагубное ученіе стригольниковъ, распространявшееся въ продолженіе 50 лѣтъ, было плодомъ своего времени, произведеніемъ той почвы, на которой появилось и развилось. Рѣзкіе примѣры симоніи или святокупства, случавшіеся тогда въ самомъ Царьградѣ при постановленіи митрополитовъ Русскихъ (напр. Романа и Пимена), очень естественно могли возбуждать многихъ противъ самихъ патріарховъ. Въ Новгородѣ ересеначальники могли указывать на поборы митрополитовъ при мѣсячномъ судѣ, а въ Псковѣ на пошлины, собираемыя въ пользу Новгородскихъ владыкъ ихъ намѣстниками. Укоры противъ пастырей Церкви и иноковъ за соблазнительную и нетрезвую жизнь подтверждались грамотами самихъ святителей Алексія и Фотія, обращенными къ духовенству. Сверхъ того, при духѣ вольности, или, лучше сказать, необузданнаго своеволія, какимъ постоянно отличались Новгородцы и Псковитяне, они постоянно допускали народное участіе въ дѣлахъ церковныхъ, сами избирали и при первомъ неудовольствіи смѣняли владыкъ своихъ. При такомъ порядкѣ вещей здѣсь легче, нежели въ другомъ мѣстѣ, могло образоваться возстаніе противъ духовенства, открытое неповиновеніе и, наконецъ, отложеніе отъ самой Церкви ⁶³⁾.

⁶¹⁾ Обѣ грамоты святителя Фотія помѣщены въ Акт. Ист. I, № 33 и 34.

⁶²⁾ О томъ, что лжеученіе стригольниковъ прекращено тюремнымъ заключеніемъ ихъ, свидѣтельствуетъ преп. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ Просвѣтителѣ (Разсужденіе о ересахъ и расколахъ Н. Руднева, прим. 72).

⁶³⁾ Святитель Фотій, искореняя лжеученія стригольниковъ, счелъ нужнымъ отстранить соблазнъ, который причиняло вдовое духовенство, особенно во Псковѣ, гдѣ каждое пятно его представлялось лжеучителями въ преувеличенномъ видѣ. Онъ писалъ туда, чтобы вдовы священники и діаконы не священнодѣйствовали при церквахъ приходскихъ и соборныхъ, но вступали въ монастыри. Онъ запрещалъ также жить въ одномъ монастырѣ чернецамъ и черницамъ (Стоглавый Соборъ, гл. 73).

Обращая внимательный взоръ на событія, которыя мы обозрѣли теперь—отъ нашествія Татаръ до раздѣленія Русской митрополіи на двѣ отдѣльныя половины—мы могли убѣдиться, что ни угнетенія пудикихъ завоевателей, ни безпорядки гражданскаго быта при жалкой неурядицѣ удѣльнаго правленія, ни мѣстныя проявленія лжеученій, ни самыя церковныя смуты не могли ослабить или поколебать твердой привязанности Русскаго народа къ Церкви православной, основанной на краеугольномъ камнѣ—самомъ Господѣ и Спасителѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

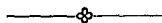
Ему единому, Царю вѣковъ, нетлѣнному, невидимому, премудрому Богу ⁶⁴⁾, честь, слава и поклоненіе вѣки вѣковъ. Аминь.

---

⁶⁴⁾ 1 Тимое. I, 17.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Графа М.^н Толстаго.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Г Л А В А I.

Св. Иона, епископъ Рязанскій.—Междоусобія между великимъ княземъ Василиемъ и дядею его Юриемъ.—Митрополитъ Исидоръ и соборъ во Флоренціи для соединенія церквей.—Послѣдствія этого собора.—Злодѣйства Шемяки.—Обличительное посланіе святителей.—Возведеніе св. Ионы на престолъ митрополіи.—Пастырскіе его подвиги.—Завоеваніе Константинополя Турками.—Кончина св. Ионы.—Чудеса его.—Смерть Василя Темнаго.

По кончинѣ святителя Фотія митрополичья кathedра въ Москвѣ оставалась нѣсколько лѣтъ праздною: непрестанныя распри между юнымъ великимъ княземъ Василиемъ и дядею его Юриемъ Галицкимъ не давали досуга позаботиться о замѣщеніи кathedры. Хотя въ санъ первосвятительскій былъ избранъ и нареченъ Рязанскій епископъ Иона ¹⁾, но не спѣшили отправить его въ Царьградъ для посвященія.

Родившись близъ Солигалича, св. Иона съ двѣнадцатилѣтняго возраста былъ инокомъ въ одномъ изъ Галичскихъ монастырей, а послѣ перешелъ въ Московскую Симоновскую обитель, которая славилась святостію жизни первыхъ своихъ настоятелей. Юный инокъ еще засталъ здѣсь старцевъ, которые хорошо помнили и неизмѣнно хранили ихъ правила и учрежденія. Между ними извѣстны: Вареоломей, строитель (экономъ) Симонова монастыря, Іоаннъ Златый и Игнатій иконникъ. Собственная ревность Ионы къ подвигамъ иноческимъ скоро сдружила его съ этими благочестивыми старцами, а ихъ наставленія и примѣръ воспитали въ немъ самомъ строгаго подвижника. Подобно имъ, онъ неуклонно стоялъ за исполненіе правилъ монастырскихъ и, не выходя изъ границъ послушанія, съ дерзновеніемъ напоминалъ новымъ настоятелямъ о правилахъ благочинія, преданныхъ святыми ихъ предшественниками. А самъ подвизался въ непрерывныхъ трудахъ: пощеніи, молитвѣ и чтеніи слова Божія, проходя разныя иноческія послушанія ²⁾. Въ этихъ подвигахъ духъ его возрасталъ и совершенствовался столь быстро, что прозорливому оку и въ простомъ послушникѣ можно было провидѣть будущаго великаго пастыря Церкви Русской.

¹⁾ Въ началѣ 1433 года епископъ Иона уже дѣйствовалъ, какъ «нареченный на святѣйшую митрополію Русскую» (Акты Историч. I, № 37).

²⁾ Сказаніе о блаж. отцахъ преп. Іосифа Волоколамскаго.

Строгая жизнь и твердое знаніе правилъ церковныхъ доставили блаж. Іонѣ такое общее уваженіе, что онъ посвященъ былъ въ санъ епископа Рязанскаго, а когда скончался митрополитъ Фотій, назначенъ управляющимъ дѣлами митрополіи.

Между тѣмъ кровавыя междоусобія между дядей и племянникомъ продолжались нѣсколько лѣтъ и сопровождались страшными злодѣйствами ³⁾. Счастіе служило попеременно той и другой сторонѣ: сначала Василій, разбитый дядею, долженъ былъ удалиться въ Коломну; по смерти Юрія, великій князь долго велъ борьбу съ сыновьями его, Василюмъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой; только младшій изъ Юрьевичей, Димитрій Красный, не принималъ участія въ междоусобіи ⁴⁾. Наконецъ Василій Васильевичъ, повидимому, утвердился прочно на великомъ княженіи.

Между тѣмъ Смоленскій епископъ Герасимъ отправился въ Царьградъ, а осенью въ слѣдующемъ году возвратился оттуда уже въ санѣ митрополита ⁵⁾. Онъ остановился въ Смоленскѣ и не пошелъ въ Москву, гдѣ продолжались княжескія междоусобія. Впрочемъ онъ управлялъ западными епархіями не болѣе двухъ лѣтъ ⁶⁾.

Послѣ смерти Герасима великій князь Василій, съ согласія великаго князя Литовскаго, всѣхъ Русскихъ князей, всего духовенства и народа, отправилъ нареченнаго митрополита Іону въ Константинополь для поставленія. Только и теперь не суждено было святителю

³⁾ Два старшіе сына Юрія отличались свирѣпствомъ и жестокостію. Такъ они сами зарѣзали боярина Морозова. Василій Косой, имѣя себѣ товарищемъ въ бѣгствѣ какого-то князя Романа, велѣлъ отрубить ему руку и ногу. Но и великій князь также запятналъ себя злодѣйствомъ: захвативъ въ плѣнъ двоюроднаго брата своего Василя Косого, онъ велѣлъ ослѣпить его.

⁴⁾ Младшій сынъ Юрія, Димитрій, прозванный Краснымъ, былъ кротокъ и набоженъ. Онъ скончался въ молодости, изумивъ современниковъ необыкновенными обстоятельствами кончины. За нѣсколько дней до смерти онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься св. Таинъ и долго не могъ,—кровь лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Когда пріобщился онъ св. Таинъ, то совсѣмъ успокоился и заснулъ. Но въ поздній вечеръ увидѣли, что онъ умираетъ; прочитали отходную, и всѣ думали, что князь скончался; его одѣли какъ мертваго. Въ полночь мнимый мертвецъ скинулъ съ себя покровъ и, не открывая глазъ, началъ пѣть церковныя пѣсни. Предъ утренею духовникъ принесъ св. Дары. Князь, взглянувъ, сказалъ: «радуйся утробо божественнаго воплощенія!» и причастился. Цѣлые три дня князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слышалъ ничего, наконецъ, умеръ. Тѣло его перенесено въ Москву и погребено въ Архангельскомъ соборѣ. Въ рукописныхъ святцахъ имя Димитрія Краснаго поставлено въ числѣ святыхъ.

⁵⁾ Повидимому, Герасимъ былъ поставленъ не для одной Литвы, ему приписывали титулъ митрополита Кіевскаго и всея Руси, а впоследствии даже Московскаго и всея Руси. Впрочемъ не видно, чтобы онъ принималъ участіе въ управленіи сѣверовосточными епархіями, хотя посвятилъ архіепископа въ Новгородъ (Исторія Русской Церкви пресвященнаго Макарія, IV, прим. 111).

⁶⁾ Сначала Герасимъ пользовался благосклонностію князя Свидригайла. Извѣстно, что оба они вмѣстѣ замыслили принять участіе въ начинавшемся тогда дѣлѣ о соединеніи Церквей. Но вскорѣ Свидригайло прогнѣвался на Герасима, заковалъ его и сжегъ на кострѣ въ юлѣ 1435 года.

Рязанскому сдѣлаться первосвятителемъ всей Русской земли: еще до приѣзда его былъ избранъ на Русскую митрополию и посвященъ въ Царьградѣ Исидоръ, родомъ Болгаринъ, а блаженному Ионѣ обѣщали, что онъ будетъ митрополитомъ послѣ Исидора.

Избраніе Исидора было въ связи съ дѣломъ, давно уже задуманнымъ. Греческая имперія находилась тогда въ крайней опасности; она заключалась почти въ однѣхъ стѣнахъ столицы; всѣ ея области были уже во власти Турецкаго султана; войска были немногочисленны и большею частію наемныя; финансы государства почти не существовали. Императоръ Мануиль Палеологъ и сынъ его Іоаннъ очень ясно видѣли, что Греки рѣшительно не въ силахъ защищать себя отъ Турокъ: они думали, что единственное средство для спасенія имперіи состоитъ въ примиреніи съ папою, чтобы чрезъ него получить помощь отъ западныхъ христіанъ.

Переговоры объ этомъ продолжались болѣе 20 лѣтъ. Въ 1433 году отцы Базельскаго Собора, который считалъ себя вселенскимъ и дѣйствовалъ въ духѣ независимости отъ папы, приглашали Грековъ къ себѣ для разсужденія о примиреніи Церквей и увѣряли, что отъ Собора вѣрнѣе можно ожидать помощи, нежели отъ папы Евгенія II, который находился тогда въ самомъ ненадежномъ положеніи, между тѣмъ какъ на сторонѣ Собора было нѣсколько королей и самъ нѣмецкій императоръ Сигизмундъ. Но императоръ Іоаннъ, возлагая всю свою надежду на папу (хотя и отправлялъ посольство для предварительныхъ совѣщаній въ Базель), согласился, чтобы Соборъ былъ открытъ въ Италіи, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы папа доставлялъ отъ себя содержаніе Грекамъ, присутствовавшимъ на Соборѣ. Указъ императора созывалъ въ Константинополь всѣхъ православныхъ епископовъ. Многіе изъ нихъ прибыли лично, но изъ патріарховъ вселенскихъ одинъ только Іосифъ Цареградскій согласился ѣхать въ Италію; патріархи Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій отказались присутствовать на соборѣ и назначили вмѣсто себя мѣстоблюстителей.

Исидоръ былъ давно извѣстенъ императору: еще въ санѣ игумена онъ былъ отправленъ въ числѣ посольства въ Базель⁷⁾. Послѣ посвященія въ санъ митрополита, онъ получилъ порученіе склонить русскихъ къ участію въ предполагаемомъ соборѣ. Прибывъ въ Москву, Исидоръ тотчасъ же началъ возвѣщать, что въ Италіи готовится восьмой вселенскій соборъ для примиренія Церквей, въ которомъ необходимо участвовать и представителю Русской Церкви. Онъ сталъ собираться къ путешествію. Напрасно великій князь Василій Васильевичъ убѣждалъ митрополита не ѣздить въ латинскую землю и даже запрещалъ ему своею властію. Наконецъ, видя упорство Исидора, Василій сказалъ ему: „если уже ты непремѣнно желаешь итти на соборъ, то

⁷⁾ На Базельскомъ Соборѣ въ актѣ, который надлежало доставить въ Царьградъ, Исидоръ позволилъ назвать Греческую вѣру «старою ересью» (Silvestr. Siropuli vera historia unionis non verae. Hagae. 1660, pag. 27. 29 & 45).

принеси намъ оттуда наше древнее православіе, которое мы приняли отъ предка нашего св. Владиміра; а новаго и чуждаго не приноси намъ,—мы того не примемъ“. Исидоръ далъ клятву стоять за православіе ⁸⁾ и отправился въ Италію, взявъ съ собою епископа Суздальскаго Аврамія и много другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, числомъ до ста.

Между тѣмъ императоръ Іоаннъ съ патріархомъ Іосифомъ, 22 митрополитами и епископами и почти 700 другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ отправились на папскихъ галерахъ въ Италію. Соборъ былъ открытъ въ Феррарѣ 1438 года 9 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія, при которомъ было 11 кардиналовъ и до 150 латинскихъ епископовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ частныхъ совѣщаніяхъ о чистилищѣ и о состояніи праведниковъ по смерти; папа, видя непреклонность Грековъ къ принятію латинскаго ученія, началъ дѣйствовать принудительно, прекративъ выдачу назначеннаго имъ содержанія. Наконецъ 8-го октября открыты торжественныя засѣданія Собора. Для веденія преній назначены были съ обѣихъ сторонъ по шести лицъ и въ числѣ ихъ со стороны Грековъ блаж. Маркъ, митрополитъ Ефесскій, и Исидоръ, митрополитъ Русскій. Предметомъ для соборныхъ разсужденій избранъ былъ вопросъ: законно ли прибавленіе къ Символу вѣры „Filioque“ (и отъ Сына), сдѣланное Латинами? Этимъ вопросомъ занимались до 8 декабря въ 15 соборныхъ засѣданіяхъ. Спорившіе тщетно истощали все свое знаніе и искусство: ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить ни въ чемъ; не состоялось никакого рѣшенія и соборнаго опредѣленія.

Послѣ того соборъ былъ перенесенъ во Флоренцію. Здѣсь съ 26 февраля возобновлены были торжественныя засѣданія, посвященныя разсмотрѣнію латинскаго ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына. Всѣ пренія со стороны Грековъ велъ почти одинъ Маркъ Ефесскій, а со стороны Латинянъ—одинъ провинціалъ ордена Доминиканцевъ Іоаннъ, славившійся своею діалектикою. Начали разбирать свидѣтельства отцовъ Церкви Греческой и въ продолженіе пяти засѣданій разсмотрѣли только весьма немногія, вдаваясь въ величайшія тонкости и словопренія, которыя утомляли всѣхъ. Императоръ, наскучивъ медленностію, поручилъ Марку Ефесскому изложить главныя основанія православнаго ученія о спорномъ предметѣ. Это изложеніе и было читано въ слѣдующемъ засѣданіи Собора. Но такъ какъ Латиняне и послѣ этого не хотѣли согласиться съ Греками и требовали продолженія соборныхъ засѣданій, то императоръ, убѣдившись изъ опыта, что пренія не приводятъ рѣшительно ни къ какому соглашенію, запретилъ Марку являться на засѣданія. Греки слушали, что говорилъ провинціалъ Іоаннъ, и не возражали ему ни слова. Тогда раздраженный папа прислалъ объявить патріарху, что такъ какъ Греки отказа-

⁸⁾ При выѣздѣ изъ предѣловъ Русской земли Исидоръ успѣлъ показать свою привязанность къ латинству: въ Юрєвѣ-Ливонскомъ (Дерптѣ) онъ пошелъ вмѣстѣ съ Нѣмцами въ ихъ костель, а не въ православную церковь.

лись отъ дальнѣйшихъ состязаній, то они должны къ наступающей пасхѣ (5 апрѣля) или изъявить согласіе на ученіе Римской Церкви или отправляться въ отечество. Этимъ окончились соборныя дѣйствія во Флоренціи, неприведшія ни къ какому результату. Отселѣ начинается долгая и тяжкая борьба между совѣстью императора Іоанна и требованіями Латинянъ, между видами на помощь колеблющейся имперіи и опасеніемъ подвергнуться общему укору и проклятіямъ за измѣну православію. Надежда на истинный, христіанскій миръ церковей была потеряна. Надобно было купить его уступками и уступками тяжкими.

Чтобы принять на себя какъ можно менѣ ответственности передъ Церковью и народомъ, Палеологъ старался приблизить къ себѣ тѣхъ членовъ собора, которые оказались наиболѣ преданными дѣлу соединенія: Виссаріона Никейскаго, Исидора Русскаго и Григорія духовника. Съ ними онъ совѣтовался, черезъ нихъ старался направлять умы прочихъ, грозилъ своимъ гнѣвомъ тѣмъ, которые оставались вѣрными православію, не допускалъ ихъ къ участию въ преніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никому не позволялъ возвратиться въ отечество. Папа съ своей стороны старался дѣйствовать на Грековъ, задерживая выдачу денегъ на содержаніе.

Когда (въ понедѣльникъ страстной недѣли) возобновились частныя совѣщанія Грековъ въ кельяхъ большаго патріарха Іосифа, митрополитъ Исидоръ первый подалъ голосъ: „лучшею душою и сердцемъ соединиться съ Латинами, нежели возвратиться не кончивши дѣла. Возвратиться, конечно, можно; но какъ возвратиться, куда и зачѣмъ?“ Съ этимъ мнѣніемъ открыто согласился Виссаріонъ, другіе молчали. Одинъ Маркъ Ефесскій оставался непреклоннымъ.

Послѣ нѣсколькихъ собраній сдѣлана была первая уступка Латинянамъ: Греки признали, что „Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“, послѣ того патріархъ Іосифъ внезапно скончался. Уступки продолжались: согласились, что таинство Евхаристіи равно дѣйствительно при совершеніи на квасномъ хлѣбѣ или на опрѣснокахъ; признали, хотя не ясно, ученіе о чистилищѣ и, наконецъ, рѣшили написать, что Греки почитаютъ папу верховнымъ первосвященникомъ, намѣстникомъ Іисуса Христа, пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ, управляющимъ Церковью Божіею, съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, такъ что они занимаютъ первыя мѣста непосредственно послѣ папы.

Латиняне и Греки спѣшили составить соборное опредѣленіе о соединеніи Церквей (unio ecclesiarum). Подъ нимъ подписались сперва Греки немногіе, какъ первые виновники дѣла, съ радостью, другіе увлекаемые подкупомъ или боязнью. Немногіе успѣли освободиться отъ подписи, скрывшись изъ Флоренціи ⁹⁾. Одного только Марка Ефес-

⁹⁾ По свидѣтельству Сиропула и священника Симеона Суздальскаго (въ описаніи путешествія Исидора во Флоренцію), папа нѣсколько разъ присылалъ Грекамъ золото и серебро. Авраамій, епископъ Суздальскій, сопровождавшій Исидора, на хлѣбую недѣлю былъ посаженъ имъ въ темницу и потомъ насиліемъ вынужденъ къ подписи.

скаго никто не тревожилъ, потому что всѣ были убѣждены въ непоколебимой твердости сего великаго мужа православной Церкви. Когда соборное опредѣленіе было принесено для подписи къ папѣ и на вопросъ его: подписался ли Ефесскій? ему отвѣчали: нѣтъ; то папа невольно воскликнулъ: „такъ мы ничего не сдѣлали!“ Вмѣстѣ съ папою подписались кардиналы, епископы и аббаты.

Торжественное обнародованіе соединенія совершено въ кафедральной церкви Флорентійской. Кардиналъ Юліанъ и митрополитъ Никейскій Виссаріонъ громогласно прочли съ кафедры соборное опредѣленіе: одинъ на Латинскомъ, другой на Греческомъ языкахъ.

Такъ заключенъ былъ миръ, но мира не было! Не было мира въ духъ примирившихся! Признали, что таинство Евхаристіи равно дѣйствительно какъ на опрѣснокахъ, такъ и на квасномъ хлѣбѣ. Но Греки отказались отъ причащенія за литургією Латинскою, а Латиняне отказались и присутствовать при литургіи Греческой. Послѣ того Греки начали развѣзжаться съ собора. Папа напутствовалъ императора одними благословеніями и обѣщаніемъ выслать флотъ и войско на помощь Царьграду, если согласятся европейскіе государи. Странники, слишкомъ два года не видавшіе отечества, прибыли въ Константинополь 1 февраля 1440 года.

Какъ смотрѣть на это соединеніе Церквей, восточной и западной, будто бы совершившееся во Флоренціи? Безъ всякаго сомнѣнія, это было соединеніе незаконное и недѣйствительное, а только мнимое, призрачное. Разматривая обстоятельства, предшествовавшія Собору, съ перваго же взгляда можно видѣть, что не искреннее, святое желаніе мира церковнаго, но постороннія своекорыстныя цѣли побуждали императора и папу стараться о возстановленіи древняго союза Церквей. На соборныхъ преніяхъ Латиняне не могли опровергнуть несомнѣнныхъ доказательствъ, приводимыхъ Греками. Но прекращеніи публичныхъ собраній мало-по-малу начались со стороны Грековъ уступки, вынуждаемыя то стѣсненіемъ въ способахъ содержація, то покупомъ, то льстивыми убѣжденіями, то милостями, то насиліемъ. Наконецъ, разными неправдами, черезъ немногихъ измѣнниковъ православію, Латиняне достигли призрака торжества надъ Греками. Такой ли Соборъ присвоитъ себѣ право именоваться восьмымъ вселенскимъ ¹⁰⁾? Если даже не принимать въ соображеніе очевидной незаконности опредѣленій, то нельзя признать Флорентійскаго Собора вселенскимъ уже и потому, что актъ соединенія не подписанъ никѣмъ отъ имени патріарха Константинопольскаго, за смертью Іосифа, а равно и отъ имени патріарха Антиохійскаго, потому что мѣстоблюститель его Маркъ Ефесскій остался непреклоннымъ поборникомъ православія. Со стороны Латинянъ соборъ также не былъ вселенскимъ:

¹⁰⁾ Въ изложеніи дѣйствій Флорентійскаго собора мы руководствовались сочиненіемъ, изданнымъ отъ Москов. Духов. Академіи: Исторія Флорентійскаго собора, и Исторією русской Церкви преосв. Макарія. Т. V, стр. 340—367.

кромѣ папы съ немногими кардиналами и епископами, на немъ не присутствовали епископы французскіе и другихъ странъ Европы, которые упорно продолжали свой Соборъ въ Базелѣ и, наконецъ, осудили папу какъ еретика, а созванный имъ Соборъ признали незаконнымъ.

Не можемъ умолчать объ одномъ дивномъ событіи, явно подтверждающемъ пеправославіе лжесобора Флорентійскаго. Суздальскій священникъ Симеонъ, бывшій съ Исидоромъ на Соборѣ, не хотѣлъ покориться латинству, много пострадалъ за это и вмѣстѣ съ Тверскимъ послемъ Ѳомою рѣшился бѣжать въ отечество. Не имѣя ни средствъ, ни защиты, ни знанія путей, они пристали было къ путешествующимъ купцамъ; но приближаясь къ одному, грозно укрѣпленному городу, купцы отогнали ихъ отъ себя, опасаясь потерпѣть за нихъ, какъ за людей неизвѣстныхъ и сомнительныхъ. На одной горѣ, утомясь и недоумѣвая о пути, Симеонъ и Ѳома легли и задремали. Вдругъ видитъ пресвитеръ старца, который, взявъ его за правую руку, сказалъ: „благословился ли ты отъ послѣдовавшаго стопамъ апостольскимъ Марка, епископа Ефесскаго?“ Онъ отвѣчалъ: „да! я видѣлъ сего чуднаго и крѣпкаго мужа и благословился отъ него“. Тогда явившійся говорилъ далѣе: „благословенъ отъ Бога челоуѣкъ сей, потому что никто изъ суетнаго Латинскаго собора не преклонилъ его ни имѣніемъ, ни ласкательствомъ, ни угрозами мукъ. Ты сіе видѣлъ, не склонился на прелесть и за то пострадалъ. Проповѣдуй же заповѣданное тебѣ отъ святого Марка ученіе, куда ни придешь, всѣмъ православнымъ, которые содержатъ преданіе святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ седми Соборовъ, и имѣющій истинный разумъ да не уклоняется отъ сего. О путешествіи же вашемъ не скорбите: я буду неотступно съ вами и чрезъ сей непроходимый городъ проведу васъ безопасно. Теперь, воставъ, идите; прошедъ немного, увидите мѣсто, гдѣ двѣ палаты, и подлѣ нихъ жену, именемъ Евгенію, которая приметъ васъ въ домъ свой и успокоитъ; а потомъ вскорѣ и чрезъ городъ пройдете безъ задержанія“. Пресвитеръ спросилъ старца: кто онъ? и явившійся отвѣчалъ: „я Сергій Маковскій (Радонежскій), котораго ты нѣкогда призывалъ въ молитвѣ. Ты обѣщался придти въ обитель мою, но не пришелъ; и теперь обѣщанія не исполнишь, но по неволѣ тамъ будешь“. Пробудясь, пресвитеръ рассказалъ видѣніе своему спутнику, и они пошли съ радостію. Все случилось по предсказанію: Евгенія пригласила ихъ для успокоенія; потомъ прошли они чрезъ городъ среди множества вооруженныхъ людей, не бывъ никѣмъ задержаны. Такъ Симеонъ возвратился въ отечество, гдѣ сбылось надъ нимъ предсказаніе великаго чудотворца ¹¹⁾.

¹¹⁾ Симеонъ почему-то замедлил и не поспѣшилъ въ обитель Сергіеву. Между тѣмъ возвратился Исидоръ и заключилъ его въ оковы, какъ непокорнаго. По изгнаніи Исидора Симеонъ освобожденъ изъ оковъ и отданъ игумену Троицкой Лавры Зиновію. Такимъ образомъ, по предсказанію преподобнаго Сергія, онъ поневолѣ привезенъ въ обитель его, гдѣ со слезами рассказывалъ братіи свои приключенія (нѣкоторыя черты изъ житія преподобнаго Сергія Радонежскаго послѣ смерти, стр. 35—37).

Достигъ ли папа своей цѣли, успѣлъ ли утвердить свою власть надъ Греками? Нисколько. Лишь только бывшіе на Соборѣ сошли съ галеръ на родной берегъ и были встрѣчены вопросомъ: „чѣмъ кончился Соборъ“, то многіе изъ нихъ съ сокрушеніемъ отвѣчали: „мы продали нашу вѣру, мы промѣняли православіе на ересь латинскую!“ Какъ бы отдавая себя на судъ своихъ соотечественниковъ и отрекаясь отъ принятаго соединенія, они восклицали: „да отсѣчется рука, подписавшая незаконное опредѣленіе! да исторгнется языкъ, изрекшій согласіе съ Латинянами!“ Одинъ изъ митрополитовъ, бывшій мѣстоблюстителемъ патріарха Александрійскаго, Антоній Ираклійскій, явившись на соборъ архипастырей въ Константинополь, торжественно исповѣдалъ: „я не былъ согласенъ съ одобрявшими соединеніе, какъ вы сами знаете, однако же подписался подъ опредѣленіемъ, хотя недобровольно. И съ той поры совѣсть меня мучить. Я отвергаю соединеніе и предаю себя суду Церкви, какъ виновнаго“. Такія извѣстія произвели сильное смущеніе въ православныхъ жителяхъ столицы. Всѣ чуждались новоприбывшихъ. Духовенство, остававшееся въ Царьградѣ, не хотѣло совершать богослуженія даже съ тѣми, которые раскаявались въ своемъ согласіи на унію. Патріархи Востока, собравшись въ Иерусалимѣ, произнесли осужденіе на всѣхъ, соединившихся съ западною Церковью. Не молчалъ и твердый адамантъ православія, блж. Маркъ Ефесскій, изнуренный лѣтами и болѣзнями, но твердый духомъ: окружными посланіями ко всѣмъ православнымъ христіанамъ онъ заклиналъ всѣхъ удалиться отъ Флорентійскаго единенія, какъ отъ дѣла богоненавистнаго. И голосъ великаго поборника православія имѣлъ неотразимую силу. Соборъ Флорентійскій не только не привлекъ Грековъ къ папѣ, но еще сильнѣе возбудилъ въ нихъ ненависть къ латинству.

Достигъ ли императоръ того, чего такъ пламенно желалъ достигнуть, принося чистоту своей вѣры въ жертву земнымъ выгодамъ? Нѣтъ. Богъ не благословилъ предпріятій, основанныхъ на измѣнѣ православію. Императоръ не получилъ изъ Рима обѣщанныхъ пособій: никто изъ государей Европейскихъ не отозвался на воззваніе папы, кромѣ короля Венгерскаго и Польскаго Владислава, который ополчился противъ Турокъ и погибъ подъ Варною. Іоаннъ Палеологъ, хотя находилъ нужнымъ казаться ревнующимъ о соединеніи и для того поставлялъ на Царградскій патріаршій престолъ лицъ преданныхъ уніи, но до конца своей жизни не хотѣлъ или не смѣлъ обнародовать опредѣленія Флорентійскаго и умеръ (въ 1448 г.) православнымъ, отрекшись отъ всякаго союза съ Римскою Церковью. А по смерти его новая попытка сближенія съ Римомъ для защиты отъ Турокъ произвела сильное волненіе между православными и только ускорила паденіе имперіи.

Каковъ былъ успѣхъ Исидора въ Русской землѣ? Облеченный саномъ кардинала и званіемъ легата отъ ребра Апостольскаго (a latere apostolico) для всѣхъ странъ сѣверныхъ, онъ возвѣстилъ соеди-

неніе Церквей въ Будииѣ, Краковѣ и Львовѣ, совершая литургіи въ храмахъ латинскихъ, провелъ зиму въ Кіевѣ, гдѣ получилъ грамоту на всѣ митрополичьи отчины и доходы ¹²⁾. Весною 1441 года онъ прибылъ въ Москву, но тамъ уже знали о дѣйствіяхъ его въ Италіи. Предъ нимъ несли крестъ латинскій. Лжепастырь, надѣясь на простоту и малообразованность своей паствы, поступилъ рѣшительнѣе, нежели его собратія въ Константинополѣ. На первой литургіи уже возносимо было имя папы Евгенія, а по окончаніи службы архидіаконъ съ амвона прочиталъ опредѣленіе Флорентійскаго Собора. Всѣ эти новости, неслыханныя въ Церкви Русской, сильно изумили и духовныхъ и мірянъ. Никто не зналъ, что и думать о видѣнномъ и слышанномъ. Но великій князь Василій, одушевляясь ревностію къ чистому ученію Церкви, торжественно въ храмѣ сталъ обличать измѣнника Исидора, называлъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ, наконецъ велѣлъ пизвести недостойнаго митрополита съ престола и, посадивъ его подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвалъ на соборъ епископовъ ¹³⁾ и знатнѣйшее духовенство для разсмотрѣнія Флорентійской соборной грамоты. Когда сіе опредѣленіе признано было противнымъ древнему православному ученію, и отъ спутника Исидорова Аврааміи узнали весь ходъ дѣла на соборѣ Флорентійскомъ; тогда великій князь повелѣлъ склонить Исидора къ раскаянію и исправленію. Но все было напрасно. Пробывъ въ заключеніи все лѣто, предатель православія бѣжалъ сначала въ Тверь, гдѣ также подвергся заключенію, потомъ въ Литву и наконецъ въ Римъ, съ печальною вѣстію о неудавшемся замыслѣ.

Можетъ быть онъ надѣялся имѣть болѣе успѣха въ областяхъ Русскихъ, подлежавшихъ Литовскому и Польскому иновѣрному владычеству. Но и тамъ православные не поддались обольщенію, не прельстились привилегіями Владислава Варнскаго, не уступали даже преслѣдованіямъ ¹⁴⁾. Таковы были послѣдствія Флорентійскихъ постановленій! вмѣсто сближенія Русской Церкви съ Римомъ или уклоненія ея отъ православія они только усилили отвращеніе Руси отъ латинства.

Послѣ побѣга изъ Москвы измѣнника Исидора великій князь послалъ грамоту въ Царьградъ о томъ, чтобы соборомъ восточныхъ святителей разрѣшено было избирать и поставлять митрополита въ Москвѣ; но слухъ объ измѣнѣ православію въ Царьградѣ заставилъ воротить посла съ дороги ¹⁵⁾.

¹²⁾ Грамота, данная Исидору Кіевскимъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ, помѣщена въ Акт. Истор. Т. I. № 259. Впрочемъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Исидоръ былъ изгнанъ изъ Кіева (Пол. Собр. лѣтоп. Т. II, стр. 355).

¹³⁾ На этомъ соборѣ были святители: Ефремъ Ростовскій, Иона Рязанскій, Варлаамъ Коломенскій, Іовъ Сарайскій, Герасимъ Пермскій, Авраамій Суздальскій (возвратившійся изъ Флоренціи) и множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и иноковъ.

¹⁴⁾ Литовская церковная унія, соч. М. Кояловича. Т. I, стр. 15 и слѣд.

¹⁵⁾ Русскіе Святые подъ 31 марта, стр. 143.

А между тѣмъ новыя, страшныя междоусобія надолго отодвинули заботу о дѣлахъ церковныхъ. Великій князь Василій былъ захваченъ врагомъ своимъ Дмитріемъ Шемякою въ обители Троицкой, ослѣпленъ (16 февраля 1446 года) и заточенъ въ Угличъ. Похититель великаго княженія вызвалъ въ Москву святителя Рязанскаго, встрѣтилъ съ почетомъ, какъ нареченнаго митрополита, и успѣлъ убѣдить его, чтобы принялъ „на свою епитрахиль“ и доставилъ къ нему малолѣтнихъ дѣтей Василія изъ Мурома, куда укрыли ихъ вѣрные бояре. Обманутый коварнымъ обѣщаніемъ милостей дѣтямъ несчастнаго отца, святитель исполнилъ волю Шемяки, но самъ же долженъ былъ скорѣе отвезти ихъ въ отцовскую темницу—въ Угличъ.

Управляя церковными дѣлами въ Москвѣ, какъ блюститель митрополіи, правдолюбивый святитель былъ всегдашнимъ обличителемъ беззаконнаго князя и ходатаемъ за Василія Темнаго (такъ прозвали современники вѣнценоснаго слѣпца). Онъ непрестанно твердилъ Шемякѣ: „Ты поступилъ несправедливо и меня ввелъ въ грѣхъ и стыдъ. Тебѣ бы слѣдовало выпустить князя на свободу, а ты и дѣтей его засадилъ съ нимъ въ неволю. Ты мнѣ далъ свое правое слово—и сдѣлалъ меня обманщикомъ, посрамивъ сѣдины мои. Какой вредъ можетъ причинить тебѣ князь, лишенный зрѣнія, съ малыми дѣтьми? Если ты еще сомнѣваешься въ томъ, возьми съ него клятву при свидѣтельствѣ братіи нашей, епископовъ“. Шемяка рѣшился созвать епископовъ на совѣтъ объ этомъ дѣлѣ, объявилъ свободу Василію Темному и далъ ему въ удѣлъ Вологду.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Василій, успокоенный совѣтомъ любившихъ отечество иноковъ¹⁶⁾, снова занялъ престолъ великокняжескій, незаконно у него отнятый. Враги спѣшили примириться съ нимъ. Когда же Шемяка и по заключеніи мирнаго договора продолжалъ коварствовать и заводить новыя смуты, тогда соборъ пастырей Русскихъ обратился къ нему съ грознымъ обличительнымъ посланіемъ. „Врагъ рода человѣческаго возбудилъ тебя на брань междоусобную,—писали святители.—Презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, второй Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ старшаго брата твоего великаго князя и злодѣйски истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли властвовалъ, и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волнуемый, мучимый страхомъ, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, днемъ томимый заботами, а въ ночи сновидѣніями и мечтами? Искалъ ты большаго, но сгубилъ свое меньшее. Великій князь снова на престолѣ, ибо даннаго Богомъ никто отнять не можетъ. Одно милосердіе государя спасло тебя: онъ повѣрилъ клятвѣ твоей и опять видитъ измѣну... Ты дерзашь быть вѣроломнымъ, презрѣлъ крестное цѣлованіе, а епитрахили наши сквернишь своими бо-

¹⁶⁾ Трифона, игумена Кирилловскаго и преп. Мартиніана, игумена Ферапонтовскаго. Они объявили Василію, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, незаконна, какъ дѣйствіе неволи и страха. Первый изъ нихъ былъ послѣ архіепископомъ въ Ростовѣ, а послѣдній—игуменомъ Троицкой Сергіевой обители.

гомерзкими рѣчами... Епитрахили наши святительскія не могутъ скверниться твоими гнусными клятвопреступными словами, но ты губишь бѣдную душу твою... Никогда между христіанами не было слуху о такихъ злодѣйствахъ, какія ты совершилъ. Принеси покаяніе предъ Богомъ и примиришь съ великимъ княземъ, а онъ готовъ, по нашему ходатайству, жаловать тебя и держать какъ брата. Если же не раскаешься, то чуждъ будешь Богу и Церкви Божіей и православной вѣрѣ, не будетъ тебѣ части съ вѣрными, не будетъ на тебѣ милости Божіей и силы животворящаго креста, который ты цѣловалъ клятвопреступно. Ты будешь проклятъ и погибнешь на вѣки“ 17).

Закоренѣлый клятвопреступникъ смирился, но не надолго. Вскорѣ онъ опять ополчился на междоусобіе 18), потерялъ свой Галичскій наслѣдственный удѣлъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Потомъ еще разъ пытался, но напрасно, возвратить удѣлъ свой, послѣ чего снова напелъ убѣжище въ Новгородъ и тамъ, отлученный отъ церкви, умеръ отъ яда 19).

Еще прежде смерти непримиримаго врага своего великій князь Василий Темный, едва успѣвъ утвердиться на своемъ престолѣ, началъ помышлять о поставленіи митрополита. Изъ Константинополя ожидать было нечего: въ Москвѣ уже слышали, что въ Царьградѣ свирѣпствуетъ раздѣленіе между вѣрными православію и принявшими соединеніе съ Римомъ. Основываясь на правилахъ церковныхъ и примѣрахъ прежняго времени 20), соборъ пастырей Русскихъ 5 декабря 1448 года возвелъ Іону на престолъ митрополита Кіевскаго и всея Руси.

Новый первосвятитель прежде всего озаботился соединеніемъ епархій юго-запада подъ одно управленіе, что было особенно нужно въ виду опасности со стороны латинства. Онъ принялъ участіе въ мирныхъ сношеніяхъ великаго князя съ королемъ Казиміромъ 21) и утвердилъ своимъ благословеніемъ договоръ ихъ. Король съ своей

17) Это посланіе писано 29 декабря 1477 года и помѣщено въ Актахъ Историческихъ. Т. I. № 11. Подпись Рязанскаго владыки Іоны занимаетъ здѣсь третье мѣсто; ему, по всей вѣроятности, принадлежать укоризны за оскверненіе епитрахилей святительскихъ.

18) Въ этомъ междоусобіи достопамятна ожесточенная битва подъ Угличомъ, какъ послѣднее кровопролитное дѣйствіе княжескихъ междоусобій.

19) Шемяка умеръ отъ «лютаго зелья», которымъ отравилъ его близкій къ нему человекъ, Иванъ Котовъ (Львовская лѣтопись II, 348). Мѣсто могилы несчастнаго и преступнаго князя, погребеннаго Новгородцами, несмотря на отлученіе отъ Церкви, въ Юрьевскомъ монастырѣ, совершенно забыто потомствомъ.

20) По первому правилу апостольскому и по 4-му правилу перваго вселенскаго собора, епископы каждой области имѣютъ право избрать и посвятить старшаго епископа. На основаніи этихъ правилъ были посвящены въ Кіевѣ Русскими епископами митрополиты: Иларіонъ при в. к. Ярославѣ и Климентъ при в. к. Изяславѣ.

21) Король Польскій Казиміръ, избранный изъ великихъ князей Литовскихъ, держалъ сторону собора Базельскаго и не признавалъ уніи, установленной папою Евгеніемъ. Онъ охотно подчинилъ святителю Іонѣ православныя епархіи западной Руси, но мятежные паны не допустили возвратить подъ власть того же святителя епархіи, которыя принадлежали собственно Польшѣ, а именно: Галицкую, Холмскую и Перемышльскую.

стороны изъявилъ согласіе на подчиненіе святителю Іонѣ православныхъ епархій Литовскаго княжества и звалъ самого Іону въ Литву для личнаго свиданія. Въ началѣ 1451 года митрополитъ отправился въ Литву. Король сдержалъ свое слово и выдалъ святителю грамоту на управленіе Кіевскою митрополіею. При такомъ положеніи своемъ св. Іона немедленно вытребовалъ къ себѣ Волынскаго епископа Даниїла, посвященнаго Исидоромъ, заставилъ его отречься отъ согласія съ Римскою Церковію и дать обязательство на вѣрность православію, послѣ чего отпустилъ его на епархію. Онъ также назначилъ намѣстниковъ своихъ для городовъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ кіевской митрополіи (Кіева, Вильны, Новогрудка и Гродна), съ правами выдавать одобрительныя грамоты ищущимъ духовнаго сана, надзирать за соблюденіемъ церковныхъ постановленій, судить виновныхъ и управлять церковными имѣніями.

Кромѣ попеченій о поддержаніи православія въ западномъ краю Руси, св. Іонѣ, уже одаренному благодатію прозорливости и чудесъ, предстояло много заботъ и скорби внутри Московскаго государства. Едва успѣлъ онъ возвратиться въ Москву изъ Литвы, разнеслись слухи о пашествіи на Россію Мазовши, сына Седіахмета, хана Ногайскаго. Великій князь выѣхалъ изъ Москвы, ввѣривъ ей охраненіе св. Іонѣ и боярамъ. Непрiятель (2 іюля 1451) зажегъ посады московскіе. Пастырь, готовый положить душу свою за стадо, подкрѣплялъ заключавшихся вмѣстѣ съ нимъ въ Кремлѣ духовными пособіями. Подъ зноемъ страшнаго пожара, въ облакахъ дыма, несшагося на Кремль, онъ совершалъ крестные ходы по стѣнамъ его. Стрѣлы татарскія искали своихъ жертвъ. Одинъ инокъ Чудова монастыря, Антоній, по прозванію Кловыня, уважаемый святителемъ за строгость жизни, едва успѣлъ сказать, что Господь за молитвы святительскія спасетъ городъ, какъ палъ пронзенный стрѣлою²²⁾. Въ вечеру того дня осажденные сдѣлали вылазку и бились съ татарами ночью. На другой день непріятеля уже не было подъ стѣнами Московскими: онъ бѣжалъ, оставивъ тяжелые запасы въ добычу осажденнымъ. Св. Іона самъ почтилъ погребеніемъ богоугоднаго инока и въ память милости Божіей поставилъ церковь на своемъ дворѣ въ честь Положенія ризы Пресвятой Богородицы, которое празднуется Церковію 2 іюля²³⁾. Послѣ другого нашествія Ногайскихъ татаръ, которые приходили, „похваляясь на Русь“, какъ говоритъ лѣтописецъ, и были прогнаны юнымъ сыномъ великаго князя Іоанномъ, святитель устроилъ въ Успенскомъ соборѣ придѣлъ въ „похвалу Божіей Матери“²⁴⁾.

²²⁾ Похвальное слово св. митрополиту Іонѣ въ Макаріев. Четь-Миней, 21 марта, л. 953 об.

²³⁾ Эта церковь стоитъ противъ западныхъ вратъ Успенскаго собора. Съ построеніемъ ея положено основаніе новому дому первосвятителей Русскихъ, которые прежде того жили у Боровицкихъ воротъ при храмѣ Предтечи.

²⁴⁾ Придѣлъ похвалы Богородицы устроенъ въ юго-восточной главѣ Успенскаго собора. Въ немъ съ XVI вѣка до конца XVII происходило избраніе и нареченіе первосвятителей Русскихъ.

Содѣйствуя благоденствію Русской земли своими молитвами, престарѣлый митрополитъ, какъ попечитель отечества, раздѣляя съ великимъ княземъ важнѣйшія государственныя заботы, постепенно приготовлявшія самодержавіе государей Московскихъ. Своимъ благословеніемъ онъ утверждалъ всѣ договоры Василия съ удѣльными князьями, старался удерживать послѣднихъ въ зависимости отъ великаго князя и въ согласіи съ нимъ. Когда жители Вятки, возмущенные Шемякою, долго не покорялись великому князю, св. Іона отправилъ къ нимъ игумена съ своимъ посланіемъ къ воеводамъ и прочимъ начальникамъ земскимъ, въ которомъ укорялъ ихъ за своевольство и грабительство и увѣщевалъ принести великому князю раскаяніе въ своихъ винахъ, въ то же время духовенству вмѣнялъ въ обязанность строже наблюдать за поведеніемъ своихъ духовныхъ дѣтей. Видимъ отсюда, какъ усердно власть духовная вспомоствовала распоряженіямъ власти гражданской.

Святитель Божій старался насаждать въ паствѣ своей истинное благочестіе и искоренять дурныя привычки то увѣщаніями и распоряженіями пастырскими, то помощью гражданской власти. Вотъ что писалъ великій князь своимъ сельскимъ волостямъ: „отецъ мой, митрополитъ Іона, говорилъ мнѣ, что ваши люди ѣздятъ незванные въ митрополичьи села на праздники, пиры и братчины, и на этихъ пирахъ бывають убійства, воровства и другія худыя дѣла. И я, великій князь, далъ митрополиту грамоту, чтобы въ его села не ѣздили незванные на праздники, пиры и братчины“ ²⁵⁾. Въ Вышгородѣ, волости верейскаго князя Михаила, десятильникъ и дворяне святителя прибиты были до полусмерти. Святитель потребовалъ отъ князя, дабы горожане немедленно подвергнуты были наказанію. „Спроси старыхъ бояръ своихъ,—писалъ святитель князю,—бывало ли такое неуваженіе къ Церкви Божіей и святителямъ при твоихъ прародителяхъ и родителяхъ? Тебѣ извѣстно, что великій князь Витовтъ, какъ и теперешній король и всѣ ихъ княжаты и паны,—не нашей вѣры; но спроси, какъ они оберегаютъ Церковь и какую воздаютъ ей честь! А эти люди, будучи православными христіанами, поносятъ и безчестятъ Церковь Божію и насъ... Молю тебя, чтобы ты, какъ православный властитель, защитилъ отъ горожанъ Церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, дабы впередъ не было ничего подобнаго“ ²⁶⁾.

Жители Смоленска скорбѣли о томъ, что древняя чудотворная икона Богородицы Одигитріи оставалась въ Москвѣ. Епископъ ихъ Мисаилъ прибылъ въ Москву съ усердною просьбою возвратить Смоленскую святыню въ Смоленскъ. Св. Іона, желая, чтобы древняя святыня питала и поддерживала древнее благочестіе въ Смольнянахъ, убѣдилъ великаго князя отпустить къ нимъ чудотворную икону ²⁷⁾.

²⁵⁾ Акты Историческіе 1. № 50.

²⁶⁾ Тамъ же. № 261.

²⁷⁾ Чудотворная икона Богородицы Одигитріи—древнѣйшій предметъ благоговѣнія Смоленска и всей православной Руси—представляетъ съ лицевой стороны Божію Матерь

Въ 1453 году Константинополь палъ подъ ударами полковниковъ Магомета. Несчастные Греки искали себѣ убѣжища на Западѣ, имѣя тамъ уже довольно своихъ соотечественниковъ, то перемѣною вѣроисповѣданія, то своею образованностью снискавшихъ себѣ покровительство папы и государей; но были выходцы изъ поращенной имперіи и у насъ: Россія отверзла свои сокровища для облегченія ихъ участи и для искупленія страдавшихъ въ плѣну ²⁸). Страданія Церкви Греческой были неизобразимы. Дивный защитникъ вѣры отъ латинства и исламизма, св. патріархъ Геннадій (въ мірѣ Георгій Схоларій) просилъ святителя Іону о помощи бѣдствующимъ христіанамъ Востока. Отправляя отвѣтъ съ посломъ великаго князя, святитель Московскій извинялся въ скудости посылаемыхъ пособій и писалъ, что дорожить поддержаніемъ союза съ православною Церковью Цареградскою ²⁹). Можетъ быть, благодаря этимъ сношеніямъ, даровано было Русской Церкви право избирать и поставлять себѣ первосвятителей, не сносясь съ Константинопольскимъ престоломъ, и митрополія Русская поставлена выше всѣхъ прочихъ, первую послѣ престола патріарховъ Іерусалимскихъ ³⁰).

Отношенія Московскаго первосвятителя къ воссоединеннымъ епар-

съ Ея Божественнымъ Сыномъ; правая рука ея приподнята у груди съ раскрытою дланью, лѣвая поддерживаетъ Младенца Іисуса. На оборотной сторонѣ иконы изображено Распятіе и стоящіе при крестѣ: Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Величина иконы 1 аршинъ въ длину и 14 вершковъ въ ширину.—Церковныя преданія относятъ этотъ образъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Никифоръ Каллистъ въ своей исторіи (кн. VI гл. 13) говоритъ, что свангелістъ Лука прежде составленія книги Дѣяній написалъ образъ Пресвятой Богородицы, носящей Младенца предвѣчнаго на рукахъ, потомъ написалъ еще двѣ такія же иконы и принесъ показать ихъ Матери Господа, угодно ли онѣй Ей. Богоматерь, увидавши свой образъ, произнесла: «Благодать родившагося отъ меня да будетъ съ сими иконами». Изъ сихъ трехъ иконъ первая (именно та, на которой есть Распятіе съ другой стороны) была писана по просьбѣ Антіохійскаго правителя Теофила и послана ему въ даръ. Впослѣдствіи, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, она была перенесена въ Іерусалимъ, а отсюда въ Константинополь, гдѣ была поставлена въ храмѣ Влахернскомъ и прозвана Одигитріею.—Императоръ Константинъ въ 1046 году выдалъ дочь свою Анну за князя Всеволода, одного изъ сыновей Ярослава I, и, благословивъ ее сею иконою Одигитріи, отправилъ въ Русскую землю. Здѣсь чудотворная икона находилась сначала въ Черниговѣ, гдѣ княжилъ Всеволодъ; потомъ Владиміръ Мономахъ, получивъ икону въ благословеніе отъ матери своей княгини Анны, принесъ ее въ даръ новоустроенному имъ соборному храму въ Смоленскѣ. Послѣдній князь Смоленскій Юрій при завоеваніи Смоленска Витовтомъ привезъ икону въ Москву, гдѣ она оставалась слишкомъ 50 лѣтъ. Теперь эта древняя святыня пребываетъ въ Смоленскѣ въ Успенскомъ каедральномъ соборѣ (Ист. описаніе Смоленской епархіи, стр. 246—249).

²⁸) На другой годъ послѣ паденія Константинополя, былъ въ Псковѣ какой-то Цареградскій митрополитъ Игнатій; получивъ здѣсь щедрую милостыню, онъ отправился съ тѣмъ же въ Новгородъ. Около того же времени св. Іона сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ князьямъ, епископамъ и всему православному христіанству о вспомошествованіи Греку Димитрію на искупленіе его семейства, приглашая и всѣхъ своихъ дѣтей духовныхъ подать ему милостыню, кому что Богъ положить на сердце, во спасеніе души своей (Акт. Истор. I, № 264).

²⁹) Акт. Истор. I, № 263.

³⁰) Дополненіе къ Акт. Ист. II, № 76.

хіянь не измѣнялись, пока не явились изъ Рима новыя притязанія на западную половину Русской митрополіи. Въ 1458 году Григорій, ученикъ отступника Исидора, доставленъ въ Римъ митрополитомъ Русской земли. Великій князь, лишь только услышалъ объ этомъ, писалъ къ королю Казиміру, чтобъ онъ не принималъ къ себѣ новопоставленнаго митрополита, который ни за что не будетъ принятъ въ Москвѣ. Епископы сѣверовосточной Руси на соборѣ опредѣлили: не имѣть никакихъ сношеній съ самозванцемъ Григоріемъ и признавать законнымъ митрополитомъ только того, кто посвященъ у гроба чудотворца Петра. Самъ св. Іона, удрученный старостію и болѣзнію, не могъ отправиться въ Литву, но вмѣсто себя послалъ съ письмами къ Литовскимъ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и народу двухъ игуменовъ знатнѣйшихъ монастырей своей митрополіи: Троицко-Сергіева—Вассіана, знаменитаго краснорѣчіемъ, и Кирилловскаго—Кассіана. Князья успокоили митрополита твердостію въ православіи; епископы литовскіе также обѣщались быть вѣрными, но, къ скорби св. Іоны, нѣкоторые изъ нихъ вошли въ сношеніе съ Григоріемъ. Лжемитрополитъ привезъ съ собою въ Литву грозную буллу Пія II. Папа, поручая королю Григорія, повелѣвалъ „поймать и сковать нечестиваго отступника Іону“ ³¹⁾. Но Господь посрамляетъ гордость человѣческую! Папа называетъ св. Іону нечестивымъ отступникомъ, а Господь тогда уже прославилъ его даромъ предвѣдннй и чудотвореннй ³²⁾. Внушая всѣмъ твердо стоять въ православіи, св. Іона писалъ: „если бы кому пришлось и умереть за свое исповѣданіе, вѣрую Христу моему Владыкѣ, причтенъ будетъ пострадавшій къ лику мучениковъ“ ³³⁾.

Такъ подвизался святитель Божій, уже близкій къ блаженной кончинѣ! По совѣту великаго князя и съ согласія прочихъ епископовъ, онъ самъ назначилъ себѣ преемникомъ старшаго изъ архіепископовъ по служенію, а можетъ быть и по лѣтамъ, Θεодосія Ростовскаго. Это было сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Церковь Русская въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не оставалась безъ архипастыря.

О близости кончины св. Іона извѣщенъ былъ свыше. Тогда же для засвидѣтельствованія святости его предъ людьми открыто было о томъ же ключарю Успенскаго собора, священнику Іакову. Въ одну ночь сторожъ Успенскаго собора примѣтилъ необыкновенное освѣщеніе въ запертомъ храмѣ и услышалъ пѣніе. Видя это, ключарь немедленно отперъ церковь, вошелъ въ нее, нашелъ свѣчи горящими, но никого здѣсь не видалъ; только слышалъ голосъ: „пойди, скажи рабу Моему митрополиту Іонѣ, что по его молитвѣ о посѣщеніи его

³¹⁾ Софійскій Временникъ II. 40—42. Истор. Карамз. V, прим. 311.

³²⁾ Преп. Іосифъ Волоколамскій, почти современникъ Іоны, пишетъ объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ писемъ: «и тогда былъ на Москвѣ митрополитъ Іона Кіевскій и всяя Руси, иже быше чудотворецъ».

³³⁾ Акт. Ист. I. № 114 и 119.

тѣла, ради спасенія души, Я попустилъ быть знаменію на ногѣ его съ болѣзнію. Онъ же, устроивъ потребное о себѣ и о порученной ему паствѣ, съ благодареніемъ переселится изъ жизни временной въ вѣчную, гдѣ всѣмъ веселящимся жилище“. Смущенный пресвитеръ не посмѣлъ явиться къ своему митрополиту съ такою вѣстію; но на утро самъ святитель призвалъ его, обличилъ за ослушаніе божественному повелѣнію и предсказалъ ему за это скорую смерть жены его, тогда здоровой. Болѣзнь открылась въ ногѣ святителя, но, преодолевая болѣзнь, святитель Иона не отлучался отъ церкви, съ радостію готовляясь къ блаженному исходу. Онъ скончался въ глубокой старости 31 марта 1461 г., во вторникъ на страстной недѣлѣ. Мощи его преданы землѣ въ сѣверо-западномъ углу Успенскаго собора.

Память св. митрополита Ионы осталась священной для Церкви Русской. Не прошло и года послѣ блаженной его кончины, какъ духовный другъ его, св. Иона, владыка Новгородскій, поручилъ Сербскому иноку Пахомію, жившему тогда въ Россіи, составить канонъ въ честь св. Ионы митрополита. Спустя 11 лѣтъ, при построении вновь Успенскаго собора, мощи его обрѣтены нетлѣнными, при чемъ многіе больные получили исцѣленіе. А въ 1547 году на соборѣ Московскомъ установленно повсемѣстное празднованіе памяти великаго святителя ³⁴⁾.

Послѣ св. Ионы сохранилось много посланій ³⁵⁾. Одни изъ нихъ относятся къ охраненію гражданскаго покоя Россіи и порядка внутренняго церковнаго управленія; другія—къ защитѣ православія отъ насилій папизма; третьи утѣшаютъ скорбящихъ или вразумляютъ нарушителей закона.

Св. Иона писалъ къ Вятскому духовенству: „Молю васъ, священники Господни, осмотритесь всячески и содрогнитесь. Смотрите, въ какія уста входитъ безсмертное тѣло и честная кровь Христа Спасителя нашего и Владыки. Если съ устами нечистыми и гнусными дерзаете приступать или допускать кого-либо къ безсмертнымъ и животворящимъ Тайнамъ, вы, какъ трава прикасаетесь къ огню“.

Святитель писалъ къ дѣтямъ, не повинующимся своей матери ³⁶⁾: „жаловалась мнѣ на васъ мать ваша, а моя дочь, княгиня, что вы, по нерадѣнію ли своему или по наученію діавола, или по своей молодости, не только не почитаете ея, но еще обижаете ее во всемъ. Мужъ ея, князь, далъ ей отдѣльное владѣніе, чѣмъ ей прожить, пока угодно Богу, а потомъ по смерти учинить помощь душѣ своей; вамъ

³⁴⁾ Память св. Ионы празднуется марта 31—въ день преставленія, мая 27—въ день обрѣтенія мощей, юня 15 и октября 5—вмѣстѣ съ памятью святителей Петра и Алексія. Мощи его почитаютъ открыто на томъ же мѣстѣ Успенскаго собора, гдѣ покоились онѣ въ могилѣ. Къ массивной серебряной ракѣ великаго святителя, такъ же, какъ и къ серебрянымъ лампадѣ и подсвѣчнику предъ гробницею его, не коснулись святоотечественныя молчища Наполеона I, ограбившія въ 1812 году московскіе соборы.

³⁵⁾ Большая часть посланій св. Ионы напечатана въ Актахъ Археографической Экспедиціи, Актахъ Истор. и Дополненіяхъ къ нимъ.

³⁶⁾ Сыновьямъ умершаго Кіевскаго князя Александра Владиміровича (Акт. Истор. 1 № 45).

отецъ вашъ далъ особья части, а вы отняли у своей матери данное ей. Это дѣло богопротивное, дѣти: вы строите себѣ погибель во времени и вѣчности. Ужели не помните вы Господа, Который говоритъ: иже злословитъ отца или мать, смертію да умреть? И апостоль сказалъ: чада, послушайте родителей своихъ,—это благоугодно Богу. И въ другомъ мѣстѣ писаніе говоритъ: яко рабъ послужи родившимъ тя: что бо воздаси противу дающа ихъ? Въ книгѣ Притчей писано: чтая отца и мать долги дни сотворитъ и очиститъ свои грѣхи; благословеніе бо отчее утверждаетъ дома, клятва же матерняя искореняетъ и основаніе... Пишу вамъ кротко, чтобы вы пришли въ чувство, испросили бы прощеніе у матери и возвратили бы ей почтеніе по Божію повелѣнію, слушались бы ее во всемъ, а не обижали; пусть она завѣдываетъ своимъ, а вы — своимъ, по благословенію отцовскому. Отпишите къ намъ, когда вы примиритесь съ своею матерью, и я, по святительскому долгу и по вашему чистому покаянiю, буду молить за васъ Бога. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою мать, то, дѣлать нечего, самъ боясь Бога, по святительскому долгу, пошлю за своимъ сыномъ, за вашимъ владыкою, и за другими многими лицами, и вмѣстѣ съ ними возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое и прочихъ священныхъ лицъ неблагословеніе“.

Москва утвердилась и окрѣпла подъ покровомъ дѣятельности и молитвъ трехъ дивныхъ святителей. Великій въ смиреніи святитель Петръ перенесъ престоль митрополіи въ малый и убогій городъ св. князя Даніила: пророческимъ словомъ онъ возвѣстилъ будущее величіе Москвы. Великій въ вѣрѣ святитель Алексій упрочилъ великокняжеское достоинство въ родѣ Іоанна Калиты, поддержавъ малолѣтняго внука его и возвысивъ Москву надъ прочими удѣльными городами. Великій въ законѣ и правдѣ святитель Іона возвратилъ престоль законному великому князю, смирилъ междоусобіе, былъ крѣпкою подпорой несчастнаго слѣпца въ дѣлахъ государственныхъ и неусыпнымъ стражемъ православія въ дѣлахъ церковныхъ.

Первоначальное образованіе подъ надзоромъ строгихъ иноковъ Симоновскаго монастыря имѣло вліяніе на всю жизнь святителя. Самъ неуклонно держась правилъ церковныхъ и закона христіанскаго въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ требовалъ и отъ другихъ строгаго исполненія своего долга ³⁷⁾. И неоднократно въ судѣ его надъ нарушителями сего долга изрекался грозный приговоръ суда Божія. Ма-

---

³⁷⁾ Такъ въ 1455 году онъ судилъ на Соборѣ архіепископа Ростовскаго Феодосія за неправильное разрѣшеніе монахамъ на рыбу, а мірянамъ на мясо въ навечеріе Богоявленія, которое случилось тогда въ воскресный день. Только по ходатайству великой княгини Софіи Феодосій не лишился архипастырскаго сана. Епископа полоцкаго Симеона св. Іона строго обличилъ, когда тотъ позволилъ себѣ въ посланіяхъ къ своему митрополиту назвать себя его братомъ. Несмотря на уваженіе къ преп. Пафнутію, игумену Боровскому, святитель заключилъ его въ темницу и оковы за неисполненіе въ обители его какой-то заповѣди митрополичьей (въ мартовской книгѣ Четь-Миней, Митроп. Макарія, л. 954 об.).

лолѣтняя дочь великаго князя Василя, Анна, была при смерти. Молитвы святителя, къ которому принесли ее почти бездыханною, возвратили болящей здравье и силы. Между боярами нашелся одинъ, который говорилъ, что княжна выздоровѣла сама собою. Святитель, призвавъ его, сказалъ: „страшна хула на Св. Духа. Повѣрь, сынъ мой, здравье возвращено больной Самимъ Господомъ по вѣрѣ родителей благочестивыхъ“. Въ отвѣтъ на эти слова невѣрующій началъ кощунствовать. „Да заградятся хульные твои уста, изрекъ святитель, и да умрешь ты вмѣсто княжны, бывшей при смерти“. Бояринъ внезапно палъ мертвымъ къ ногамъ святителя. Другой вольнодумецъ, бояринъ Василій Кутузъ, страдалъ зубною болѣзнію. Св. Іона подозвалъ его къ себѣ по окончаніи литургіи, далъ ему наставленіе и сильно ударилъ по лицу. Пришедши въ себя отъ сильной боли, Василій почувствовалъ, что зубная болѣзнь совершенно миновалась, и раскаялся въ своемъ невѣрїи. Ключникъ св. Іоны, Пименъ, обличенный въ томъ, что отказалъ бѣдной вдовѣ въ малой мѣрѣ меда для ея подкрѣпленія въ немощи, въ тотъ же день, по предсказанію святителя, лишился жизни. Другой слуга святителя, которому поручено было раздаваніе милостыни бѣднымъ, отказавшій въ подаваніи также нищей вдовѣ, за жестокосердіе и обманъ предъ св. Іоною, по его обличенію, немедленно впалъ въ болѣзнь и вскорѣ умеръ ³⁸⁾. Достоинно замѣчанія, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ кара постигла виновныхъ за недостатокъ любви.

Вскорѣ послѣ святителя Іоны скончался великій князь Василій Темный на 47 году жизни: страданія и скорби преждевременно изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ утвердилъ великое княженіе за старшимъ сыномъ своимъ Іоанномъ, который съ юныхъ лѣтъ былъ соправителемъ отца, лишеннаго зрѣнія; но отдѣлилъ небольшіе удѣлы и меньшимъ сыновьямъ, клятвенно обязавъ ихъ слушаться матери не только въ дѣлахъ семейныхъ, но и въ государственныхъ. Онъ приготовилъ многое для успѣховъ своего преемника: присвоилъ себѣ большую часть удѣловъ, принадлежавшихъ потомкамъ Донского, властвовалъ въ Суздали и Рязани ³⁹⁾, покорилъ Вятку и ослабилъ вольность Новгородскую. Хотя Василій не умѣлъ повелѣвать, какъ повелѣвали отецъ и дядя его, но оставилъ сыну государство болѣе сильное и болѣе обширное: рука Божія явно влекла Москву къ величію, благословивъ доброе начинаніе Калиты и Донского.

³⁸⁾ Тамъ же л. 952—956.

³⁹⁾ Рязанскій князь Іоаннъ Ѳеодоровичъ предъ смертію своею поручилъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ великому князю. Василій взялъ ихъ на воспитаніе въ Москву и послалъ своихъ намѣстниковъ для управленія Рязанскимъ княжествомъ.

Г Л А В А II.

Угодники Божіи, современные св. митрополиту Іонѣ, святители: Евѳимій и Іона Новгородскіе; Герасимъ, Питиримъ и Іона Пермскіе.—Преподобные Паисій Галичскій; Діонисій, Амфилохій, Макарій и Тарасій Глушицкіе, Филиппъ Рабангскій и Григорій Пельшемскій; Макарій Желтоводскій и Унженскій; Александръ Куштскій, Евѳимій и Харитонъ Сянжемскіе; Іоасафъ Спасокаменскій, Варлаамъ Шенкурскій или Важскій; Савва Вишерскій и Ефремъ Перекомскій; Пафнугій Боровскій.—Юродивые: Максимъ Московскій, Исидоръ Ростовскій и Михаилъ Клопскій.

При архипастырствѣ св. митрополита Іоны просіяли въ нашемъ отечествѣ святостію жизни многіе богоугодные мужи. Различными путями достигали они одной цѣли—царствія небеснаго въ блаженной вѣчности. Одни изъ нихъ сіяли яркимъ свѣтомъ на престолахъ святительскихъ, другіе укрывались отъ міра въ пустынныхъ обителяхъ, но и тамъ примѣромъ жизни своей учили міръ благочестію; третьи трудились въ тяжкомъ подвигѣ юродства для Христа.

На Софійской каедрѣ сіяли благочестіемъ и святостію одинъ послѣ другого двое святителей-чудотворцевъ: Евѳимій и Іона.

Родители св. Евѳимія, священникъ Михей и благочестивая жена его Анна, долго жили въ супружествѣ, но не имѣли чадъ; наконецъ, по усердной молитвѣ ихъ, Господь даровалъ имъ сына, котораго они назвали при крещеніи Іоанномъ и посвятили на служеніе Господу и Пречистой Его Матери. Весьма рано научился грамотѣ блаж. отрокъ и почувствовалъ влеченіе къ пустынному безмолвію: 15-ти лѣтъ онъ уже удалился въ непроходимое мѣсто, называемое Вяжищи, гдѣ жило тогда нѣсколько иноковъ подъ настоятельствомъ Пимена, который съ радостію принялъ юношу Іоанна и немедленно постригъ его подъ именемъ Евѳимія. Вскорѣ юный инокъ такъ прославился послушаніемъ, смиреніемъ и всѣми добродѣтелями, что блаж. архіепископъ Симеонъ ¹⁾ взялъ его къ себѣ въ архіерейскій домъ и назначилъ казначеемъ надъ церковными имѣніями. По кончинѣ святителя Симеона Евѳимій

¹⁾ Блаж. архіепископъ Симеонъ, именовавшійся въ иночествѣ Самсономъ, преставился 15 іюня 1421 года и погребенъ въ Мартирѣвской паперти Софійскаго собора. Онъ читается мѣстно вмѣстѣ съ владыками Новгородскими Іоакимомъ, Луккою, Мартиріемъ, Аркадіемъ, Антоніемъ и Василиемъ.

удалился на безмолвіе въ Хутынскую обитель, откуда, по неотступной просьбѣ братіи Лисицкаго Богородицкаго монастыря, поступилъ къ НИМЪ на игуменство.

Когда умеръ преемникъ святителя Симеона, народное вѣще Великаго Новгорода вмѣстѣ съ духовенствомъ, запечатавъ по обычаю жребія съ именами избираемыхъ, положили на престолѣ святой Софіи: по волѣ Господней выпалъ жребіи блаж. Евфимія. Съ радостію устремился народъ на Лисичью гору, чтобы возвести благоговѣйнаго игумена на владычнія сѣни палатъ Софійскихъ ²⁾. Но по причинѣ смятеній въ Москвѣ между великимъ княземъ Василиемъ и дядею его Юріемъ нареченный владыка не успѣлъ принять посвященія отъ святителя Фотія. Только спустя три года послѣ избранія, 26 мая 1434 года, онъ посвященъ былъ въ Смоленскѣ митрополитомъ Герасимомъ. Новый святитель трудился неуспѣшно въ управленіи паствою; не упуская ежедневнаго иноческаго правила, онъ исполнялъ ночью то, чего не успѣвалъ исполнять днемъ, а во все дневное время былъ доступенъ каждому, имѣвшему до него нужду. Тайная милостыня его была извѣстна единому Богу; но всѣ ежедневно видѣли, какъ онъ былъ милостивъ ко всѣмъ страннымъ и убогимъ, подражая страннолюбію Авраама, такъ что никто не отходилъ отъ него скорбнымъ. И не на одинъ Новгородъ простиралась его щедрость: милостыни св. Евфимія достигали Царьграда, до Святой горы и до самаго Иерусалима. Постъ и воздержаніе его были безпримѣрны: во всю первую недѣлю св. четырехдесятницы онъ вовсе не вкушалъ пищи, а въ прочія недѣли великаго поста вкушалъ понемногу черезъ день. То же правило соблюдалъ онъ и въ прочіе посты, разрѣшая на пищу только по праздникамъ.

Прилагая особенное попеченіе о храмахъ Божіихъ, святитель Евфимій обновилъ и благолѣпно украсилъ первопрестольный храмъ Софійскій ³⁾, построилъ Софійскую звонницу и украсилъ многіе храмы въ Новгородѣ и окрестностяхъ. Съ особенною любовью занялся онъ благоустройствомъ той обители, гдѣ онъ постригся и гдѣ предназначилъ себѣ вѣчное упокоеніе. При немъ сооружены палаты архіерейскія, сохранившія донинѣ название Евфиміевыхъ, и высокая башня съ боевыми часами заграничнаго искусства, которые служили предметомъ удивленія для Новгородцевъ.

---

²⁾ Новгородцы имѣли обычай избирать владыкъ своихъ на вѣчѣ. Жребіи съ именами избираемыхъ полагались потомъ на престолѣ Софійскаго собора, откуда снималъ ихъ или младенецъ, или слѣпецъ. Послѣдній жребій, оставшійся на престолѣ, заключалъ въ себѣ имя новоизбраннаго владыки, который тогда же вступалъ, еще до посвященія, во всѣ права управленія епархіей. Случалось, что нареченный владыка нѣсколько лѣтъ оставался безъ рукоположенія; случалось и то, что Новгородцы, почему-либо недовольные имъ, изгнали его изъ палатъ владычныхъ и на мѣсто его выбирали другого.

³⁾ Онъ украсилъ гробницы хромоздателя Софійскаго собора св. князя Владиміра, св. княг. Анны и поставилъ въ соборѣ много драгоцѣнныхъ иконъ. Въ соборной ризницѣ сохранился устроенный при св. Евфиміи артосный панагіарь, замѣчательный по изяществу древняго искусства.

Ночью въ 1439 году пономарь Софійскаго собора Ааронъ не во снѣ, а на яву видѣлъ почившихъ святителей Новгорода, вошедшихъ во храмъ изъ притвора. Объятый ужасомъ, не смѣлъ онъ разбудить своихъ товарищей. Немного спустя, святители вышли изъ алтаря въ полномъ облаченіи и, ставъ предъ Корсунскою иконою Богородицы, начали совершать молебное пѣніе: голосъ ихъ слышалъ Ааронъ, но словъ не могъ понять. Они молились долго и возвратились въ алтарь. Тѣмъ кончилось видѣніе. На разсвѣтѣ Ааронъ донесъ о томъ архіепископу Евѣимію. Блаженный архипастырь соборно отслужилъ литургію и панихиду по всѣмъ архипастырямъ св. Софін и потомъ роздалъ щедрую милостыню бѣднымъ ⁴⁾).

Въ томъ же году при возобновеніи Софійскаго собора внезапно упалъ камень сверху стѣны и такъ сильно ударился въ крышу близъ стоящей каменной гробницы, что она разсѣлась; гробница была безъ надписи, и давно уже всѣ забыли, кто въ ней покоится. Услышавъ объ этомъ, блаж. архіепископъ Евѣимій пришелъ въ церковь, приказалъ отвалить разсѣвшійся камень, при чемъ весь храмъ наполнился благоуханіемъ, и, заглянувъ въ гробницу со свѣчею, увидѣлъ нетлѣнное тѣло, облеченное схимою. „Разумѣю,—сказалъ онъ предстоящимъ,— что здѣсь почиваетъ великій рабъ Божій“. Послѣ того онъ приказалъ снова покрыть гробницу, а самъ въ келліи своей усердно молился Богу, да проявитъ ему, кто сей угодникъ Божій? Однажды ночью явно предсталъ архіепископу видѣнный имъ во гробѣ старецъ и сказалъ: „не ужасайся, рабъ Божій: я тотъ, лежащій во гробѣ, о которомъ ты молился, архіепископъ Илія, въ схимѣ Іоаннѣ, сподобившійся послужить чуду пречистыя Богородицы честнаго Ея знаменія. Господь послалъ меня къ тебѣ, да устроишь память преставившихся и погребенныхъ во Храмѣ Премудрости Божіей князей Русскихъ, святителей Великаго Новгорода и всѣхъ православныхъ въ 4-й день октября, и поминовеніе сіе да будетъ установлено навсегда, потому что тебя избралъ Богъ достойнымъ строителемъ Церкви, и дѣла твои угодны Богу. Я же буду молить Господа о всѣхъ христіанахъ, и ты самъ будешь причтенъ вмѣстѣ съ нами въ царствіи небесномъ“. Съ того времени сдѣлались извѣстны и положены открыто многоцѣлебныя мощи великаго святителя Іоанна, и тогда же устроено ежегодное поминовеніе въ 4-й день октября всѣмъ почивающимъ въ Софійскомъ Соборѣ, продолжающееся и доннѣ ⁵⁾).

Вскорѣ послѣ того другой чудотворецъ Новгородскій явилъ святителю славу нетлѣнія мощей своихъ, остающихся подъ спудомъ. Св. Евѣимій пожелалъ видѣть мощи преп. Варлаама Хутынскаго. Послѣ трехнедѣльнаго поста въ обители и многихъ всенощныхъ бдѣній онъ съ игуменомъ Тарасіемъ и иподіакономъ своимъ, по имени Іоанномъ, вошелъ въ церковь. Владыка сталъ у главы, а игумень—у ногъ раки,

⁴⁾ Новгородская III Лѣтописъ подъ 6947 годомъ.

⁵⁾ Собраніе Лѣтописей III. 183.

и вмѣстѣ сняли они каменную доску, прикрывавшую гробъ. Тогда увидѣли честныя мощи, лежащія поверхъ земли и совершенно нетлѣнныя; ликъ и брада почившаго сходны были съ изображеніемъ на гробовой иконѣ и на томъ образѣ, который стоялъ въ иконостасѣ ⁶⁾).

Нравы Новгородцевъ того времени доставляли много скорби святителю, который былъ сколько заботливъ о несчастныхъ, столько же и строгъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ. Въ обличеніи грѣха не могли остановить его ни просьбы, ни дары, ни угрозы. Особенно тяготила св. Евѳимія связь Новгородцевъ съ безсовѣстнымъ клятвопреступникомъ Шемякою. Своевольные граждане Новгорода, смотрѣвшіе съ ненавистью на усиленіе Москвы, кричали на вѣчѣ: „св. Софія—защита притѣсненнымъ“, и поддерживали крамолы мятежнаго князя, уже отлученнаго отъ Церкви соборомъ Русскихъ святителей ⁷⁾).

Даже и достигнувъ глубокой старости и чувствуя близость кончины, св. Евѳимій беспокоился въ душѣ, что союзъ Новгорода съ Шемякою поставлялъ его въ неблаговидныя отношенія къ первосвятителю, котораго онъ глубоко чтить. Смиранный святитель послалъ нарочнаго въ Москву, испрашивая молитвъ и прощенія у св. митрополита Іоны, и вскорѣ послѣ того мирно преставился, 11 марта 1458 года. Мощи его были преданы землѣ въ Вяжицкомъ монастырѣ, а найденныя на тѣлѣ его тяжкія вериги повѣшены надъ гробницею ⁸⁾).

На шестнадцатый день послѣ погребенія св. Евѳимія прибылъ въ Новгородъ митрополичій духовникъ старецъ Евменій съ прощальною грамотою, которую онъ долженъ былъ вложить въ руки почившаго владыки, если не застанетъ его въ живыхъ. Когда открыли гробъ, всѣ изумились, видя, что тлѣніе не коснулось архіерея Божія: лицо его было свѣтло, какъ бы уснувшаго на время отъ житейскихъ заботъ, а правая рука была сложена, какъ бы для благословенія паствы. „Еще хранить Богъ Великій Новгородъ: за него молится владыка Евѳимій“,—сказалъ вслухъ старецъ Евменій и, прочтя грамоту св. Іоны,

⁶⁾ Четь-Минея рукописная въ библиот. Серг. Лавры, № 671, л. 126.

⁷⁾ Св. митрополитъ Іона въ одномъ изъ посланій своихъ къ святителю Евѳимію пишетъ: «ты говоришь, будто я называю въ своей грамотѣ князя Димитрія (Шемяку) моимъ сыномъ: посмотри внимательно на мою грамоту; такъ ли тамъ пишется? Самъ онъ отлучилъ себя отъ христіанства, самъ положилъ на себя великую тягость церковную—неблагословеніе отъ всего великаго Божія священства. Даль клятву не мыслить никакого зла противъ великаго князя—и ей измѣнилъ. Ты видѣлъ эту грамоту. Какъ же послѣ того можно мнѣ именовать его своимъ сыномъ духовнымъ? Итакъ, какъ прежде, такъ и теперь пишу къ тебѣ, что я съ прочими владыками почитаю князя Дмитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Церкви Божіей. Ты пишешь еще, что и прежде св. Софія и Великій Новгородъ давали убѣжище у себя гонимымъ князьямъ Русскимъ и по возможности оказывали имъ честь; однакожъ прежніе митрополиты не присылали грамотъ съ такимъ тяжкимъ наказаніемъ. Но скажи мнѣ, сынъ мой, какіе князья причиняли столько зла своимъ великимъ князьямъ, нарушивъ крестное цѣлованіе, или какіе князья, оставивъ жену свою, дѣтей и все имущество въ Новгородѣ, ходили по великому княженію проливать кровь христіанскую? Такъ прежде этого не бывало, такъ прежніе митрополиты не присылали грамотъ съ такою тяжестію».

⁸⁾ Теперь эти вериги сохраняются въ Софійской ризницѣ.

вложилъ ее въ руку почившаго святителя. Гробницу снова закрыли, а святость угодника Божія засвидѣтельствована многими чудесами ⁹⁾.

Непосредственнымъ преемникомъ св. Евѣимія былъ св. Иона, игумень Отней пустыни ¹⁰⁾. Онъ былъ избранъ на вѣчѣ и принялъ рукоположеніе въ Москвѣ отъ св. митрополита Ионы. Къ утѣшенію паствы своей, онъ показывалъ въ судахъ столько же правосудія, не взирающаго на знатность и богатство, сколько снисхожденія къ немощамъ и бѣдности ¹¹⁾.

Послѣ дружескихъ отношеній Новгородцевъ къ Шемякѣ, продолжавшихся до самой смерти этого неукротимаго крамольника, великому князю естественно было помышлять и объ укрощеніи своевольнаго Новгорода. Новгородцы знали это и усердно просили своего владыку отправиться въ Москву, чтобы утѣшить гнѣвъ государя. Несмотря на долготу пути и преклонную старость, святитель исполнилъ желаніе согражданъ своихъ. Приближаясь къ Москвѣ, онъ вспомнилъ великаго Сергія Радонежскаго, незадолго предъ тѣмъ прославленнаго чудотворца, и положилъ обѣщаніе воздвигнуть въ честь его храмъ на дворѣ своемъ, если достигнетъ исполненія своихъ немѣреній. Въ Москвѣ приняли святителя съ почетомъ и любовью. Однажды великій князь Василій при сынѣ своемъ Іоаннѣ и св. митрополитѣ Іонѣ сталъ сильно жаловаться владыкѣ Новгородскому на своеволие согражданъ его и грозилъ наказать Новгородъ войною. Подвигнутый любовью къ родинѣ, св. архіепископъ умолялъ Василя не поднимать оружія, отъ котораго могутъ пострадать и невинные. „Если ты презришь старческую мольбу мою,—сказалъ онъ,—и поднимешь руку на невинныхъ, то помни, государь, что между дѣтьми твоими поднимутся раздоры зависти. Не твори неправды и не дерзай поработать людей свободныхъ ¹²⁾. Конецъ жизни твоей близокъ. Наслѣднику твоему предстоитъ обладаніе всѣми предѣлами Русскими. За счастье его я смиренный и паства моя будутъ усердно молить Бога, и я уповаю, что Господь пошлетъ

⁹⁾ Мощи св. Евѣимія почиваютъ подъ спудомъ въ церкви, устроенной въ 1684 году во имя его подъ Никольскимъ соборомъ Вяжцкаго монастыря, у праваго клироса. Память его празднуется 11 марта.

¹⁰⁾ Св. Иона, въ мѣръ Иванъ, остался круглымъ сиротою въ семилѣтнемъ возрастѣ и воспитанъ въ домѣ богатой вдовы Наталіи Медоварцевой. Въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ онъ удалился въ Отнюю пустынь, въ 50 верстахъ отъ Новгорода, незадолго передъ тѣмъ основанную удалившимся изъ Кіева отъ гоненій архимандритомъ Харитономъ. Здѣсь онъ пострѣлся съ именемъ Ионы, былъ настоятелемъ по смерти Харитона и успѣлъ построить въ бѣдной пустынѣ великолѣпный каменный храмъ.

¹¹⁾ «Вдовы уста благословили тебя, блаженный святитель, удостоившись твоей защиты; богоугождалъ ты Богу, по примѣру Иова, и избавлялъ обижаемыхъ отъ насилія». Изъ службы св. Іонѣ въ ноябрьской Миней Московской печати 1645 года.

¹²⁾ Изъ рукописнаго житія св. Ионы въ библиот. Серг. Лавры № 671, лис. 1—18. Это житіе писано Новгородцемъ и современникомъ св. Ионы, какъ видно изъ свѣдѣнія о мощахъ (смотри ниже, примѣчаніе 16) и особенно изъ послѣсловія, которое оканчивается слѣдующими словами: «да дастъ Господь и нынѣ молитвами его благословеніе, якоже и при немъ, и миръ граду вольному и гражаномъ его». Очевидно, что житіе писано прежде покоренія Новгорода.

ему свободу отъ ига ордынскаго, укрѣпить и распространить державу его въ награду за милость твою въ родинѣ моей“. Этимъ пророчествомъ старца былъ тронутъ и обрадованъ великій князь и, по ходатайству св. первосвятителя Іоины, отложилъ гнѣвъ на Новгородъ, а оба соименныхъ святителя обѣщались молиться объ исполненіи предсказаннаго архіепископомъ. Когда всѣ замолчали, владыка Новгородскій прослезился и сталъ горько плакать. Великій князь и митрополитъ въ удивленіи спрашивали о причинѣ неутѣшной скорби въ то время, когда онъ уже получилъ желаемое. Старецъ отвѣчалъ: „Кто въ состояніи унизить и смирить вольный городъ мой, такой сильный и многолюдный? Междоусобіе согражданъ, неправды, зависть, раздоры низложатъ Великій Новгородъ. По крайней мѣрѣ при жизни моей да ниспослетъ Господь благословеніе, миръ и тишину людямъ моимъ!“

По возвращеніи въ Новгородъ св. Іона исполнилъ обѣтъ свой и устроилъ въ своихъ палатахъ первую церковь въ честь новоявленнаго чудотворца преп. Сергія ¹³⁾.

Когда великій первосвятитель Іона, чувствуя приближеніе кончины, желалъ видѣть въ Москвѣ владыку Новгородскаго, смиренный архіепископъ отвѣчалъ ему: „я уже старъ, въ ногахъ у меня болѣзнь, не могу исполнить воли твоей, господинъ и отецъ; скоро увидимся въ другой жизни“. Но въ 1463 году маститый святитель рѣшился снова предпринять путешествіе въ Москву для свиданія съ новымъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, который былъ недоволенъ Новгородомъ. Принявъ почтительно владыку, Іоаннъ просилъ молитвъ его за себя и напомнилъ обѣщаніе свободы отъ хановъ ордынскихъ. Святитель сказалъ ему: „Не презрять Господь слезныя молитвы угнетенныхъ, разсѣетъ орду своими неисповѣдимыми судьбами, если только государь пребудетъ въ твердомъ благочестіи и будетъ надзирать тихими очами за своею державою“.

Во все время архипастырства св. Іоны Новгородъ наслаждался миромъ; сосѣди не тревожили его предѣловъ, и граждане не заводили междоусобій. Пользуясь спокойнымъ временемъ, престарѣлый владыка обратилъ заботливую любовь свою на Отнюю пустынь, построилъ въ ней два храма и снабдилъ ее землями и рыбными озерами, которыя купилъ на свои келейныя деньги. Онъ вызвалъ къ себѣ въ Новгородъ ученаго инока Серба Пахомія, жившаго тогда въ Москвѣ, и поручилъ ему составить жизнеописанія и службы чудотворцамъ Новгорода и Пскова ¹⁴⁾. При страшной моровой язвѣ въ 1467 году св. Іона показалъ себя добрымъ пастыремъ и отцомъ своего народа ¹⁵⁾.

¹³⁾ Церковь преп. Сергія, нынѣ крестовая, находится между Евѣиміевскимъ корпусомъ и часовой башнею, надъ воротами. Въ ней весьма замѣчательна храмовая икона: лишь чудотворца отличается необыкновенною выразительностію; правая рука его благословляетъ именованно, а лѣвая держитъ развернутый свитокъ.

¹⁴⁾ Пахомій составилъ житія архіепископа Евѣимія, преп. Варлаама Хутынскаго, Саввы Вишерскаго и св. княгини Ольги, потомъ службы св. Евѣимію, преп. Саввѣ, князю Всеволоду-Гаврилу и Черской иконѣ Богоматери.

¹⁵⁾ Во время этого ужаснаго мороваго повѣтрія въ одномъ Новгородѣ число умер-

Св. архієпископъ Іона мирно почилъ въ глубокой старости 5 ноября 1470 года. Мощи его положены были въ могилѣ, имъ самимъ приготовленной въ Предтеченскомъ храмѣ Отней пустыни, но не засыпаны землею, потому что чистое тѣло святителя не издавало запаха тлѣнія ¹⁶⁾.

Между тѣмъ какъ Великій Новгородъ наслаждался миромъ и благоденствіемъ при архипастырствѣ двухъ великихъ своихъ святителей—Евѣимія и Іоны, святители церкви Пермской, незадолго предъ тѣмъ насажденной апостольскими трудами св. епископа Стефана, боролись съ дикимъ язычествомъ и проливали кровь свою за вѣру Христову. Послѣ блаженной кончины перваго просвѣтителя Пермской земли преемникъ его, епископъ Исаакій, архипастырствовалъ недолго и большую часть времени провелъ въ Москвѣ. Новая паства, оставшаяся безъ пастыря, и сама по себѣ скоро дозволила себѣ безпорядки, а фанатики язычества—волхвы рады были, не встрѣчая препятствій, разсѣвать плевелы на нивѣ Божіей; дикіе Вогуличи даже насиліемъ стали принуждать новыхъ христіанъ къ язычеству. При такомъ положеніи дѣлъ новому пастырю, ревностному къ своему долгу, много надлежало трудиться, много перенести неприятностей. Блаженный епископъ Герасимъ ревностно очищалъ плевелы, появившіеся на новой нивѣ Христовой. Въ послѣдніе годы его жизни Вогуличи, подъ начальствомъ свирѣпаго князя Асыки, снова стали врываться въ поселенія крещенныхъ Зырянъ. Святитель до того простиралъ свою отеческую заботу о покоѣ паствы, что съ опасностію жизни являлся самъ въ станъ Вогуличей. Несмотря на свирѣлость начальника, просьбы и убѣжденія святителя подѣйствовали на дикарей, и они удалились въ свои мѣста. Ревностный пастырь занялся потомъ водвореніемъ покоя и порядка въ поселеніяхъ, пострадавшихъ отъ дикаго непріятеля: онъ проникалъ въ самыя глухія мѣста, если слышалъ, что тамъ страдаетъ безпомощная бѣдность; входилъ во всѣ нужды жителей и спѣшилъ оказывать помощь. Такими подвигами заслужилъ онъ имя благодѣтеля

шихъ простиралось до 48,000 человекъ, въ томъ числѣ монаховъ и монахинь умерло 7,650 и 800 приходскихъ священниковъ; во всѣхъ Новгородскихъ пятнахъ похищено заразой 250,652 человекъ. Можно представить себѣ, какую скорбію сокрушалось сердце добраго архипастыря. Онъ плакалъ и молился день и ночь. Въ такой скорби о паствѣ, услышалъ онъ голосъ: «иди крестнымъ ходомъ въ Неревскій конецъ, гдѣ явился образъ Богопріимца Симеона, и моръ перестанетъ». Въ Звѣриноу дѣвичьемъ монастырѣ, въ Неревскомъ концѣ, была тогда обширная скудельница, для погребенія несчастныхъ. Святитель съ крестнымъ ходомъ отправился въ Звѣрлянь монастырь, совершилъ колѣнопреклоненіе предъ явленной иконою объ утоленіи гнѣва Божія, освятилъ ободенный храмъ въ честь праведника и отслужилъ литургію. Затѣмъ моръ прекратился.

¹⁶⁾ Въ томъ житіи, о которомъ мы упоминали выше, сказано, что гробъ поставили въ могилу, но не засыпали землею до 40 дней. А послѣ этого срока, какъ не слышно было запаха тлѣнія и добрая жизнь святителя была всѣмъ извѣстна, то рѣшились оставить гробъ незасыпаннымъ, а только покрытъ досками. «И нынѣ,—говоритъ писатель житія,—на исходѣ втораго года по кончинѣ его, нѣтъ дурного запаха». Послѣднія слова явно указываютъ время, когда писано житіе. Чудеса св. Іоны описаны въ сочиненіи преосв. Филарета Черниговскаго «Русскіе Святые» ноябрь, стр. 143 и 144.

народа. По одному древнему извѣстію, близъ Усть-Вымской крѣпости святитель былъ удавленъ омофоромъ рукою Вогулича, принятаго имъ на воспитаніе.

Преемникъ св. Герасима блаж. Питиримъ испросилъ у великаго князя Василія Темнаго многія льготы и пособія для Зырянъ, пострадавшихъ отъ нападенія того же Асыки, и успѣлъ даже обратиться къ вѣрѣ Христовой нѣкоторыхъ Вогуличей, жившихъ по сосѣдству съ Пермскими христіанами. Онъ былъ схваченъ и убитъ Вогуличами 19 августа 1445 года. Въ продолженіе 40 дней тѣло святителя оставалось на мѣстѣ кончины, и тлѣніе не коснулось его. Изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ стекались жители къ нетлѣннымъ мощамъ священномученика, и многіе по вѣрѣ своей получали благодатную помощь.

Послѣ св. Питирима блаженный епископъ Іона неусыпными апостольскими трудами довершилъ крещеніе Великой Перми ¹⁷⁾. Послѣ нелегкой борьбы съ волхвами онъ успѣлъ склонить къ вѣрѣ Христовой мѣстнаго князя (кажется сына Асыки) и, окрестивъ, назвалъ его Михаиломъ. Этотъ новопросвѣщенный князь усердно помогать святителю въ дальнѣйшихъ успѣхахъ его. Волхвы были изгнаны, предметы суевѣрнаго и нечестиваго обожанія истреблены, идольскія капища замѣнены храмами Божіими, на новой нивѣ поставлены трудолюбивые сѣятели изъ опытныхъ священниковъ Усть-Выми ¹⁸⁾. Блаж. святитель былъ образцомъ искренняго благочестія и неутомимо трудился для блага паствы своей. Онъ мирно почилъ въ Усть-Вымѣ въ 1470 году ¹⁹⁾.

Во второй половинѣ XV вѣка прославились святостію жизни многіе иноки. Нѣкоторые изъ нихъ жили отшельниками въ отдаленныхъ окраинахъ Русской земли, другіе положили основаніе многолюднымъ обителямъ и принимали невольное участіе въ событіяхъ своего времени. Такъ, преп. Паисій, игумень Галичской Успенской обители, былъ духовникомъ князя Димитрія Краснаго, меньшаго брата Шемяки, и свидѣтелемъ междоусобныхъ распрей князя Юрія Галичскаго и сыновей его съ великимъ княземъ Василіемъ. По кончинѣ князя Димитрія ²⁰⁾ преп. Паисій проводилъ тѣло его въ Москву и, по завѣщанію усопшаго, принесъ великому князю икону Богоматери, списанную

¹⁷⁾ Великая Пермь, обширная и дикая, просвѣщенная крещеніемъ при св. епископѣ Іонѣ, заключала въ себѣ нынѣшніе уѣзды Пермскій, Соликамскій, Чердынскій и западную половину Верхотурскаго («Русскіе Святые» подъ 29 января).

¹⁸⁾ Для утвержденія благочестія въ людяхъ простодушныхъ были основаны два монастыря: Богословскій въ Чердынѣ и Троицкій на рѣкѣ Печорѣ; иноки этой послѣдней обители долго отправляли обязанности приходскихъ священниковъ для новыхъ христіанъ, жившихъ по рѣкѣ Печорѣ (тамъ же, стр. 144).

¹⁹⁾ Мощи трехъ святителей Пермскихъ: Герасима, Питирима и Іоны покоятся въ Усть-Вымскомъ Благовѣщенскомъ храмѣ, тамъ гдѣ была ихъ каедрa. Надъ гробницами ихъ стоитъ древняя икона, изображающая ихъ во весь ростъ. Память ихъ мѣстно празднуется 29 января, и къ этому дню бываетъ необыкновенное стеченіе народа въ Усть-Вымѣ.

²⁰⁾ Необыкновенныя обстоятельства кончины Димитрія Краснаго описаны въ 1 главѣ этой части «Разказовъ изъ Исторіи Русской Церкви».

съ чудотворной Овиновской ²¹⁾; въ Москвѣ св. митрополить Іона, великій князь, бояре и народъ благоговѣнно встрѣтили св. икону, и первосвятитель почтилъ Паисія саномъ архимандрита. Блаженный старецъ преставился 25 мая 1460 года ²²⁾.

Преподобный Діонисій Глушицкій, Вологодскій уроженецъ, постриженъ въ обители Спасокаменской соименнымъ ему игуменомъ-святогорцемъ и подвизался тамъ въ постѣ и молитвахъ нѣсколько лѣтъ. Послѣ того онъ отправился съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ искать мѣста для пустынной жизни и нашелъ близъ селенія Святой-Луки запустѣвшій монастырь, построилъ здѣсь деревянный храмъ св. Николая и возобновилъ древнюю общежительную обитель ²³⁾.

Оставивъ здѣсь Пахомія, блаженный Діонисій пошелъ далѣе. За 15 верстъ отъ Луки подвижникъ Божій поселился въ глухомъ лѣсу, на берегу рѣки Глушицы, поставивъ себѣ хижину подъ черемушнымъ кустомъ. Сюда стали собираться къ нему и селиться вокругъ убогой келліи его любители безмолвія. Въ 1403 году срублена небольшая церковь Покрова Богородицы и, по совѣту Ростовскаго архіепископа Григорія, учреждено строгое общежителство подъ настоятельствомъ блаженнаго Діонисія, который еще прежде на Святой-Луцкѣ рукоположенъ въ іерейскій санъ тѣмъ же архипастыремъ.

Не ослабляя своихъ подвиговъ, ревностный игумень строго требовалъ отъ братіи полной нестяжательности, терпѣнія и сострадательности къ нуждающимся. „Дѣти,—говорилъ онъ ученикамъ своимъ,—не смущайтесь трудами пустыни. Многими скорбями надобно достигать небеснаго царствія. Для насъ эти скорби—постъ и лишенія всякаго рода. Молитва наша должна быть отъ чистаго сердца. О милостынѣ къ нищимъ будемъ помнить слова Спасителя: „блаженны милостивые“. Подавая собою примѣръ инокамъ во всѣхъ трудахъ и послушаніяхъ, блаж. Діонисій особенно любилъ заниматься писаніемъ иконъ ²⁴⁾.

Когда Глушицу стали посѣщать многочисленныя богомольцы, любитель безмолвія удалился за 4 версты въ непроходимую дѣбрь и

²¹⁾ Прославленная чудотворная икона Богородицы принадлежала Галицкому боярину Іоанну Овину, который поставилъ ее въ Галицкомъ монастырѣ въ построенной имъ деревянной Успенской церкви. Съ того времени монастырь, гдѣ преп. Паисій былъ игуменомъ, прозвался Успенскимъ, а икона Овиновскою. Бездѣтный внукъ храмоздателя, Дмитрій Овинъ, отдалъ обители всѣ свои отчины (Ист. Русс. Іерархіи V, 447—449).

²²⁾ Мощи преп. Паисія почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ монастыря его, гдѣ находится и чудотворная Овиновская икона.

²³⁾ Пст. Іер. III, 699. По рукописному списку святыхъ Вологодскихъ, «преп. Пахомій на Кубенскомъ озерѣ, начальникъ монастыря, чудотворецъ», но время кончины его неизвѣстно.

²⁴⁾ До нашего времени сохранились труды преп. Діонисія: 1) въ Сосновцѣ икона Знаменія Богородицы съ огненными серафимами и рѣзная икона Одигитріи; 2) въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ образа Успенія Богородицы и преп. Кирилла; 3) въ Седмиозерной пустыни, близъ города Кадникова, другая икона Успенія, перенесенная изъ Глушицкой обители и прославленная чудесами; 4) въ Прилуцкомъ монастырѣ образъ преп. Дмитрія Прилуцкаго.

у огромной сосны, оставившей и мѣсту названіе Сосновца, соорудилъ себѣ келью, а потомъ небольшой храмъ во имя Іоанна Предтечи. Это было въ 1420 году. Къ нему приходили жены съ желаніемъ слушать наставленія его и желали бы часто слушать ихъ; а потому Діонисій въ 2 верстахъ отъ Покровской обители устроилъ женское общежитіе съ храмомъ святителя Леонтія Ростовскаго. Въ устроеніи и поддержаніи всѣхъ трехъ обителей щедро помогали преподобному князю Димитрію Заозерскіи²⁵⁾ и Юрій Бохтюжскій, особенно же послѣдній²⁶⁾.

Блажен. Діонисій ревностно заботился о распространеніи славы имени Божія. Въ 18 верстахъ отъ Грушицкой обители, на р. Сухонѣ, построены имъ храмъ во имя Вознесенія Христова, съ тѣмъ, чтобы окрестные жители могли въ немъ слушать слово Божіе и учиться страху Божію. Другой храмъ, во имя свят. Николая, построены имъ въ с. Двиницѣ, по просьбѣ бѣдныхъ жителей того села, и для этого храма писалъ онъ самъ иконы.

За семь лѣтъ до кончины богоносный основатель трехъ обителей приготовилъ себѣ могилу и часто приходилъ къ ней, размышляя о загробной жизни. Онъ мирно почилъ 1 іюня 1437 года²⁷⁾. Строго-благочестивая жизнь, насажденная аввою въ его пустынь, долго процвѣтала и по кончинѣ его²⁸⁾. Соборъ 1547 года установилъ чтить память преп. Діонисія, прославленнаго многими чудесами, во всѣхъ церквахъ Русскихъ²⁹⁾.

Извѣстность блаж. Діонисія, какъ опытнаго наставника, привлекала къ нему весьма многихъ подвижниковъ. Въ числѣ ихъ были преподобные: Амфилохій, Макарій и Тарасій Глушицкіе, Филиппъ Рабангскій³⁰⁾ и Григорій Пельшемскій.

Блаженный Амфилохій пришелъ уже инокомъ изъ Устюга къ преп. Діонисію, когда основаны были обители Глушицкая и Сосновець. Преп. игумень особенно любилъ Амфилохія за кротость и сми-

²⁵⁾ Князья Заозерскіе имѣли пребываніе близъ устья р. Кубены, впадающей въ соименное ей озеро, напротивъ села Устья. На мѣстѣ двора ихъ, при деревнѣ Черниковѣ, нынѣ стоитъ часовня (Яросл. Губ. Вѣдом. 1853, № 3).

²⁶⁾ Жалованная грамота Глушицкому монастырю князя Юрья Ивановича Бохтюжскаго помѣщена въ Исторіи Іерархіи III, 704. Князь Юрій жилъ въ волости Бохтюгѣ, въ 8 верстахъ отъ Глушицы.

²⁷⁾ По словамъ древняго жизнеописателя, внѣшній видъ преп. Діонисія былъ таковъ: «роста меньшаго и очень сухой, голова не малая, брови полукруглыя, лицо длинное, щеки впалыя, взоръ тихій, борода густая по груди, волосы свѣтлорусые и полусѣдые» (Русскіе Святые подъ 1-мъ іюня).

²⁸⁾ По свидѣтельству царя Іоанна Грознаго, обитель Глушицкая и въ его время процвѣтала «постническими подвигами» (Ист. Акт. I, 380).

²⁹⁾ Житіе преп. Діонисія и похвальное слово ему написано инокомъ Ирнархомъ. Служба составлена въ 1548 году (Служба Русс. Святымъ, рукоп. Румянц. Муз. XVI вѣка, № 397, л. 252).

³⁰⁾ Преп. Филиппъ Рабангскій въ 1447 году основалъ на рѣкахъ Сухонѣ и Рабангѣ обитель съ храмомъ Преображенія Господня, въ 32 верстахъ отъ Вологды. Здѣсь и мощи его покоятся подъ спудомъ, а монастырь его упраздненъ въ 1764 году.

реніе и предъ кончиною своею сказалъ ему: „вижу, что смерть близка ко мнѣ, тебѣ же велить Господь жить. Предай тѣло мое землѣ; не оставляй сего мѣста, подвизайся каждый день. Кто изъ насъ можетъ заплатить чѣмъ-нибудь Владыкѣ Христу? — Когда Амфилохій сталъ плакать о разлукѣ съ учителемъ, — „ты еще не довольно подвизался, — сказалъ онъ, — для полученія назначенной тебѣ награды“, — и поручилъ ему управление своими монастырями. Преп. Амфилохій скончался спустя 15 лѣтъ послѣ своего наставника 12 октября 1452 г.“³¹⁾.

Юноша Матѳей, Ростовскій уроженецъ, съ 12-лѣтняго возраста поступилъ въ обитель преп. Діонисія. Постриженный тамъ въ иночество съ именемъ Макарія и посвященный въ іерейскій санъ Ростовскимъ епископомъ Діонисіемъ (прежде бывшимъ игуменомъ Спасокаменскимъ), Макарій жилъ въ кельѣ блаженнаго аввы до самой его кончины, отличаясь чистотою и простотою души. Онъ былъ игуменомъ Глушицкимъ послѣ Амфилохія³²⁾.

Игумень одной изъ Пермскихъ обителей, основанныхъ Святителемъ Стефаномъ, блаж. Тарасій, добровольно оставилъ начальство, чтобы подвизаться въ послушаніи. Когда сказали Діонисію о прибытіи его въ Глушицкую лавру, онъ вышелъ навстрѣчу къ Тарасію. „Издавна желалъ я видѣть лице твое, честный отче, и много молилъ о томъ Господа, — сказалъ Тарасій при встрѣчѣ съ Діонисіемъ. — Благословенъ Богъ, пославшій къ намъ недостойнымъ мужа опытнаго и благоговѣйнаго, — отвѣчалъ Діонисій. — Тебя прославилъ Господь по дѣламъ твоимъ, — сказалъ Тарасій; — позволь же моему смиренію подражать тебѣ и исполнять твою волю“. Діонисій говорилъ ему: „не ты ли былъ самъ пастыремъ и цѣлителемъ людей, блуждавшихъ во мракѣ язычества въ землѣ Пермской?“ Поселившись въ Глушицахъ, преп. Тарасій проводилъ суровую пустынную жизнь въ Глушицкой обители, сохранялъ строгій постъ и приобрѣлъ благодатныя слезы умиленія, которыя часто текли изъ очей его. Онъ преставился въ 1440 г.³³⁾.

Преп. Григорій Пельшемскій, изъ рода Галичскихъ дворянъ Лопотовыхъ, постриженный въ ранней юности, былъ игуменомъ Спаской обители, что на Пескахъ, въ Ростовѣ³⁴⁾, но, тяготясь настоятель-

31) Изображеніе преп. Амфилохія въ Христ. Древн. Прохорова 1864 г. кн. VII. Мощи его, вмѣстѣ съ мощами преп. Діонисія, почиваютъ подъ сводомъ по срединѣ Предтеченской церкви Сосновца. Рака надъ ними устроена въ 1640 году, усердіемъ гостя Бактеяра Булакова. Теперь иноки живутъ въ Сосновцѣ, кромѣ церквей, все строеніе доннынъ деревянное; въ Глушицы они ходятъ по временамъ, для священнослуженія въ трехъ древнихъ деревянныхъ храмахъ (Ист. Іер. III, 702 и 703).

32) Мощи преп. Макарія почиваютъ подъ сводомъ въ деревянномъ храмѣ Глушицкаго монастыря. Общая служба чудотворцамъ Глушицкимъ отправляется по старинной рукописной книгѣ.

33) Преп. Тарасій погребенъ рядомъ съ преп. Макаріемъ: подлѣ нихъ почиваетъ блаж. Θεодосій, одинъ изъ учениковъ великаго аввы Діонисія. Надъ ними поставлена общая рака.

34) Этотъ монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ княгинею Маріею, вдовою св. князя мученика Василька, присоединенъ къ ставропигиальному Іаковлевскому монастырю. Древняя церковь его цѣла доннынъ.

ствомъ и чувствуя неодолимое влеченіе къ безмолвной жизни, онъ удалился въ дебри Вологодскія. Въ кельѣ Сосновицкой пустыни онъ нашелъ себѣ желаемый покой и сталъ продолжать свои подвиги, пользуясь опытными наставленіями преп. Діонисія Глушицкаго. Пріятна была Григорію тишина уединенной жизни, но онъ почувствовалъ нужду потрудиться для спасенія другихъ.

Съ крестомъ на плечахъ пустился отшельникъ искать удобнаго мѣста для иноческаго пребыванія и на берегу р. Пельшемы водрузилъ крестъ въ основаніе обители. Скоро стали собираться къ нему любители пустынной жизни, и построень былъ первый деревянный храмъ, для котораго преп. Діонисій принесъ иконы праздниковъ Господнихъ своей работы и книги Пролога. Преп. Григорій въ свободное отъ подвиговъ время любилъ списывать священныя книги для своего монастыря. Обитель его цвѣла братскою любовью и иноческими подвигами. Когда при гибельныхъ междоусобіяхъ того времени князь Дмитрій Шемяка опустошалъ страну Вологодскую, несчастные жители бѣжали изъ жилищъ своихъ и скитались въ лѣсахъ, не зная, гдѣ преклонить голову; многіе умирали съ голоду. Толпы разоренныхъ стекались за пищу въ обитель Григорія; онъ помогалъ имъ, сколько могъ. Одушевляясь любовью къ отчизнѣ, онъ рѣшился сказать правду Шемякѣ. „Князь Дмитрій,—говорилъ пустынный,—ты творишь дѣла нехристіанскія; ступай лучше въ сторону языческую, къ людямъ поганымъ и незнающимъ Бога; вдовы и сироты христіанскія вопіють противъ тебя передъ Богомъ. Сколько людей гибнетъ отъ тебя голодомъ и стужею!“ Шемяка, взбѣшенный гордостью, приказалъ сбросить Григорія съ высокаго моста. Старецъ нѣсколько часовъ лежалъ безъ чувствъ, сильно разбитый. Очнувшись, сказалъ онъ окружающимъ: „каковъ госиодинъ, таковы и слуги; но погибнуть они несчастные“. Вскорѣ Шемяка долженъ былъ оставить Вологду, разбитый войсками великаго князя, а мужественное ходатайство отшельника за несчастныхъ усилило уваженіе въ народѣ къ преп. Григорію и его обители.

Старецъ-подвижникъ не измѣнялъ своихъ правилъ до гроба, соединяя смиреніе съ подвигами любви къ Богу и ближнимъ: послѣ молитвенной бесѣды съ Господомъ лучшимъ утѣшеніемъ для него было принимать странныхъ и оказывать возможную помощь нуждающимся. Приблизясь къ кончинѣ, онъ пріобщился св. Таинъ и, преподавъ наставленіе братіи, о себѣ сказалъ: „когда умру я, не воздавайте мнѣ никакой почести, а, взявъ за ноги, оттащите меня въ болото“. Онъ предалъ духъ свой Господу 30 сентября 1441 года ³⁵⁾.

Изъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, основаннаго св. Діонисіемъ Суздальскимъ ³⁶⁾, возсіялъ свѣтильникъ, предназначенный

³⁵⁾ Мощи преп. Григорія почиваютъ подъ спудомъ въ церкви основаннаго имъ монастыря, который удерживаетъ прозваніе своего блж. основателя и извѣстенъ подъ именемъ Лопотова. Онъ находится въ 40 верстахъ отъ Вологды и въ 7 верст. отъ Кадникова.

³⁶⁾ О св. Діонисіи, архіепископѣ Суздальскомъ и объ основаніи имъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря мы упоминали прежде.

свѣтитъ не только христіанамъ, но и поклонникамъ Магомета. Къ Діонисію, еще во время настоятельства его, пришелъ 12-тилѣтній отрокъ, сынъ благочестивыхъ жителей Нижняго-Новгорода, въ дѣтствѣ обученный грамотѣ, при чемъ онъ обнаружилъ особенныя дарованія ума и сильную любовь къ ученю. На вопросъ настоятеля: кто онъ и откуда? отрокъ отвѣчалъ, что онъ безродный сирота и желаетъ работать Господу. Діонисій принялъ его въ свою келью и вскорѣ постригъ, назвавъ Макаріемъ. Юный монахъ началъ подвизаться со всею пылкостью души юношеской, былъ послушенъ каждому въ обители, особенно же настоятелю. Спустя три года, отецъ Макарія, по слухамъ о молодомъ монахѣ, пришелъ въ обитель для свиданія съ любимымъ сыномъ, котораго считалъ погибшимъ, но сынъ, посвятившій себя Богу, сказалъ, что отецъ его Господь, а послѣ Него настоятель. Отецъ, слыша голосъ его за стѣною, со слезами говорилъ: „сынъ мой, сынъ мой! дай посмотрѣть на тебя!“ Макарій отвѣчалъ: „лучше будетъ для обоихъ, если не увидимся здѣсь; увидимся тамъ—въ вѣчности“. Не хочу я препятствовать твоему благому намѣренію,—говорилъ отецъ;—радуюсь о твоёмъ спасеніи: но не отойду отъ кельи, пока не увижу тебя. Блаженный оставался твердымъ въ своей рѣшимости; тогда отецъ просилъ, чтобы сынъ протянулъ ему по крайней мѣрѣ свою руку. Въ успокоеніе рыдающаго отца сынъ выставилъ въ окошко руку. Отецъ схватилъ ее, поцѣловалъ и сказалъ: „теперь спасайся о Господѣ, сынъ мой, и молись о насъ“.

Блаж. Макарій отличался необыкновенною строгостью поста: хотя всегда ходилъ въ трапезу вмѣстѣ съ другими, но принималъ пищу въ такой мѣрѣ, чтобы только не умереть съ голоду. Братія, замѣчая это, стали уважать постника, а Макарій, тяготясь уваженіемъ другихъ и пламенно желая безмолвія, рѣшился удалиться въ пустыню.

Тайно оставивъ обитель Печерскую, онъ пришелъ на рѣку Лухъ при впаденіи въ нее рѣчки Добрицы; тамъ онъ поставилъ себѣ хижину и сталъ жить одинъ. Мало-по-малу стали собираться къ нему ревнители благочестія, и образовался общежительный монастырь³⁷⁾. Устроивъ обитель и назначивъ игумена для братіи, преп. Макарій сталъ снова искать безмолвія. Переходя изъ пустыни въ пустыню, онъ пришелъ на берега Волги и выкопалъ себѣ пещеру близъ озера Желтыя-Воды. Узнали и здѣсь великаго подвижника: не только православные, но и чтители лжепророка Магомета съ благоговѣніемъ и изумленіемъ смотрѣли на строгую и многотрудную жизнь отшельника. Они приносили ему то хлѣбъ, то медь, то другіе припасы, которые Макарій раздавалъ приходившимъ къ нему. Когда собралось довольно братіи, преп. Макарій построилъ (въ 1435) деревянный храмъ во имя Св. Троицы и былъ посвященъ въ игумена Троицкой Желтоводской обители. Для всѣхъ служилъ онъ примѣромъ труда и смире-

³⁷⁾ Теперь на мѣстѣ первой обители преп. Макарія стоитъ храмъ Св. Троицы, при слободѣ Ромнѣ.

нія; обходясь ласково съ сосѣдними язычниками—Мордвою, Черемисами и Чувашиами, онъ проповѣдывалъ имъ вѣру Христову, и многіе изъ нихъ крестились ³⁸⁾.

Когда Улу-Ахметъ утвердился въ Казани ³⁹⁾, сынъ его Мамотякъ въ 1439 году напалъ на Нижній-Новгородъ и опустошилъ окрестныя селенія. Тогда толпы хищныхъ Татаръ напали неожиданно и на обитель Желтоводскую, разорили ее, умертвили многихъ иноковъ, а самого Макарія увели въ улусы. Когда Улу-Махметъ увидѣлъ Макарія, то, зная высокую жизнь его и благотворительную любовь ко всѣмъ, немедленно отпустилъ на родину доблестнаго старца. Изъ уваженія къ нему онъ далъ свободу и другимъ христіанамъ, такъ что съ Макаріемъ вышли изъ плѣна до 400 человекъ. „Но не смѣй жить на Желтыхъ-Водахъ,—говорилъ хищный Татаринъ,—это земля наша“. Макарій выпросилъ себѣ еще дозволеніе похоронить избѣнныхъ братій въ разоренной обители ⁴⁰⁾. „Вотъ Божій человекъ, сказалъ ханъ, онъ заботится не только о живыхъ, но и о мертвыхъ“. Оплакавъ пострадавшихъ братій, преподобный убѣдилъ вышедшихъ съ нимъ изъ плѣна не селиться на прежнихъ мѣстахъ, иначе Татары предадутъ ихъ злой смерти. Всѣ согласились идти въ Галичскую сторону, за 240 вер., и, помолясь Богу, отправились лѣсами и мѣстами топкими. На дорогѣ не стало у нихъ хлѣба, голодъ началъ терзать непривычныхъ къ нему. Преп. Макарій сталъ молиться,—и вотъ нашли они завязшаго въ узкомъ мѣстѣ лося. Это было во время поста апостольскаго. Путники просили у Макарія дозволенія утолить голодъ лосемъ. Но онъ не благословилъ имъ нарушать постъ и убѣждалъ потерпѣть до праздника св. ап. Петра и Павла. „Повѣрьте, братія,—прибавилъ старецъ,—лось будетъ въ вашихъ рукахъ, когда придетъ время разрѣшить постъ; потерпите еще три дня; Господь сохранилъ жизнь вашу“. Путники послушались преподобнаго и, надрѣзавъ ухо лосю, пустили его, а преподобный молилъ Господа, чтобы укрѣпилъ слабыхъ товарищей его. По милости Всемогущаго, даже малыя дѣти остались живы, пробывъ безъ пищи до праздника апостоловъ. Въ праздникъ преп. Ма-

³⁸⁾ Матеріалы для статистики Россійской имперіи ч. II, стр. 161. Передъ самыми воротами обители находится глубокій прудъ, называемый святымъ озеромъ, въ которомъ, какъ увѣряетъ преданіе, преп. Макарій крестилъ язычниковъ и татаръ.

³⁹⁾ Въ Казанской Болгаріи, покоренной Батыемъ, сынъ его Саянъ заложилъ городъ Казань (котель или золотое дно) для перепутья татарскимъ сборщикамъ Русской дани. Это новое поселеніе состоявшее изъ Болгаръ, Черемисовъ и другихъ племенъ, смѣшавшихся съ Монголами, звалось также Саяновымъ юртомъ. Впослѣдствіи Казань опустѣла. Но въ 1347 году ханъ Улу-Ахметъ (или Махметъ) послѣ набѣга на предѣлы Рязанскіе возобновилъ разоренную Казань и населилъ ее Монголами изъ Золотой орды, Астрахани и другихъ мѣсть. Новое татарское царство сдѣлалось опаснымъ для спокойствія Русской земли. (Карамз. Ист. Гос. Росс. V, 25, 159).

⁴⁰⁾ Разоренная Татарами Желтоводская обитель возобновлена въ 1620 году Муромскимъ урожденцемъ, монахомъ Аврааміемъ. Она окружена, на пространствѣ 500 сажень, каменною стѣною и имѣетъ девять башенъ и двое большихъ воротъ. Въ самомъ монастырѣ шесть каменныхъ перквей и 83 каменные кельи, въ которыхъ, до учрежденія штатовъ въ 1764 году, помѣщалось братія до 200 человекъ.

карій, отойдя въ сторону отъ прочихъ, преклонилъ колѣна и, воздавъ благодареніе Господу за Его благодать всесильную, молилъ Его пропитать гладныхъ спутниковъ его. И вотъ неожиданно явился тотъ самый лось, котораго пустили на свободу за три дня предъ тѣмъ. Св. старецъ съ радостію благословилъ его для трапезы. „Надѣйтесь же, друзья мои, на Господа,—прибавилъ онъ.—Онъ не оставитъ насъ и впредь“. И точно, послѣ того то попадался имъ лось, то безъ труда ловили оленя, и такъ благополучно дошли до стариннаго и многолюднаго города Унжи. Тамъ спутники Макарія рассказали жителямъ Унжи объ избавленіи своемъ изъ илѣна, о чудномъ прокормленіи въ дальнемъ странствіи, и Унжане приняли Макарія, какъ ангела Божія, а онъ отыскалъ себѣ безмолвное мѣсто въ 15 верстахъ отъ города, на правомъ берегу р. Унжи, окруженное лѣсомъ, ровное и красивое. Здѣсь онъ поселился, основалъ третью обитель и преставился 25 іюля 1444 года ⁴¹⁾, на 95-мъ году отъ рожденія, послѣ 83-лѣтняго монашества ⁴²⁾.

Въ пустынной обители Спасокаменской, орошаемой водами Кубенскаго озера, созрѣло нѣсколько дивныхъ подвижниковъ. Одинъ изъ нихъ просіялъ святостію жизни на томъ самомъ островѣ, гдѣ получилъ духовное воспитаніе; другіе сдѣлались отцами пустынножителей на дикихъ берегахъ Кушты и Сянжемы.

При игуменствѣ блаж. Діонисія, постриженника Аѳонской горы, введенъ въ Спасокаменскомъ монастырѣ строгій Аѳонскій уставъ. Къ нему стеклись многіе любители пустынной жизни. Въ числѣ ихъ былъ преп. Евѣимій, уроженецъ Вологодскій. Онъ вскорѣ перешелъ изъ обители, съ благословенія настоятеля, за двѣ версты отъ Кубенскаго озера, на рѣку Кушту и въ тѣсной кельѣ работаль Господу постомъ и молитвою.

Вскорѣ послѣ того пришелъ въ ту же пустынную обитель молодой странникъ, родомъ также изъ Вологды, по имени Алексѣй. Онъ палъ къ ногамъ настоятеля и со слезами просилъ облечь его въ иночeskій образъ. „Чадо“,—сказалъ ему игумень,—„это мѣсто скорбное и требуетъ подвиговъ. Ты молодецъ, не перенесешь здѣшней жизни“. Странникъ отвѣчалъ: „Богъ всемъ желаетъ спасенія. Онъ привелъ меня сюда, и я готовъ исполнить все, что повелишь, только не отвергай меня“. Игумень велѣлъ ему служить братіи и скоро постригъ его съ именемъ Александра. Новый инокъ предалъ себя Богу, выполнялъ всѣ послушанія, наблюдалъ строгій постъ, неослабно пребывалъ въ молитвѣ и прогонялъ лѣность рукодѣліемъ. Братія дивились его подвигамъ и смотрѣли на него, какъ на ангела Божія.

Тяготясь всеобщимъ уваженіемъ въ обители и стремясь душею

⁴¹⁾ Въ словарѣ Щекатова, въ словарѣ Русскихъ Святыхъ и въ Исторіи Русской Іерархіи кончина преп. Макарія ошибочно отнесена къ 1504 году. По свидѣтельству рукописнаго житія, онъ преставился 29 іюля 6952 (1444) года. (Русскіе Святые подъ 25 іюля).

⁴²⁾ Преп. Макарій какъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ прославленъ былъ многими чудесами. Мощи его почиваютъ въ соборной Троицкой церкви Макаріева-Унженскаго монастыря, въ серебряной рактѣ. (Ист. Росс. Іерар. V, 40).

къ подвигамъ безмолвія, блаж. Александръ отправился искать пустыннаго мѣста и пришелъ на рѣку Сянжему, гдѣ былъ густой лѣсъ, окруженный озерами. Здѣсь поставилъ онъ себѣ хижину и проводилъ жизнь въ молитвѣ, терпя голодъ и стужу. Мало-по-малу стали приходять къ нему люди и дивились жизни пустытника. Онъ удалился и отсюда и, встрѣтивъ близъ устья р. Кушты ⁴³⁾ преп. Евѣимія, провель съ нимъ нѣсколько времени въ духовной бесѣдѣ. Потомъ пустытники помѣнялись кельями. Преп. Евѣимій пошелъ въ хижину Александра на Сянжемѣ, а ему уступилъ свою малую келью на Куштѣ, и при прощаньи оставилъ ему на благословеніе свой крестъ.

Когда блаж. Евѣимій поселился на Сянжемѣ, вскорѣ пришелъ къ нему дѣлать подвиги отшельникъ Харитонъ, и мало-по-малу возникла Вознесенская обитель. Блаж. Евѣимій и ученикъ его Харитонъ сами копали землю, садили овощи, рубили лѣсъ и такимъ образомъ, изнуряя плоть, возвышались къ жизни духовной. Наставникъ стоялъ въ храмѣ, какъ предъ лицомъ Божиимъ, и слезы умиленія текли изъ очей его; онъ пѣлъ псалмы Давидовы наизусть, упражняясь въ рукодѣльи. Передъ кончиною онъ передалъ управленіе монастыремъ блаж. Харитону ⁴⁴⁾.

Тихая пустыня на берегахъ Кушты очень понравилась преп. Александру. Тамъ онъ водрузилъ крестъ, полученный отъ Евѣимія, и усердно молился,—да благословить Господь собрать на мѣсто сіе ревнителей тѣснаго пути Христова. Блаж. отшельникъ трудился одиноко, копалъ лопатою землю и сѣялъ рожь для своего пропитанія. Когда пришли къ нему, одинъ за другимъ, двое пустытниковъ, преп. Александръ испросилъ благословеніе бывшаго игумена своего, а съ 1418 года архіепископа Ростовскаго, Діонисія, на устроеніе пустынной обители съ храмомъ Успенія Богоматери. Князь Димитрій Васильевичъ Заозерскій очень радъ былъ тому, что являются новые молитвенники къ малонаселенной его отчинѣ. Онъ помогалъ пустынникамъ при основаніи монастыря; супруга его, княгиня Марія, часто присылала припасы для обители, а по кончинѣ мужа ⁴⁵⁾ отдала ей сельцо на поминовеніе души его. Однажды она нечаянно пришла въ монастырь и вошла въ церковь, гдѣ преп. Александръ читалъ псалтирь въ простотѣ пустынной, съ обнаженною грудью, которую терзали насѣкомыя; преп. Александръ огорчился безвременнымъ посѣщеніемъ и сказалъ: „не слѣдуетъ тебѣ, княгиня, назирать за нашимъ убожествомъ и недостоин-

⁴³⁾ Мѣсто, гдѣ первоначально жилъ преп. Евѣимій, а послѣ основанъ преп. Александромъ монастырь, находится на берегу рѣки Кушты, въ 40 верстахъ отъ Вологды, въ 8 в. отъ бывшаго на Кубенскомъ озерѣ Спасокаменскаго монастыря и въ 3 отъ села Кубенскаго Устья. (Ист. Росс. Іерархіи III, 88).

⁴⁴⁾ Время преставленія преп. Евѣимія полагають около 1465 года; преп. Харитонъ почилъ 11 апрѣля 1509 года. Мощи ихъ почивають подъ спудомъ въ Спасской Вознесенской церкви, оставшейся отъ основаннаго ими монастыря и обращенной въ приходскую по упраздненіи обители въ 1764 году. Память преп. Евѣимія и Харитона Сянжемскихъ мѣстно празднуется 11 апрѣля.

⁴⁵⁾ Димитрій Васильевичъ, князь Заозерскій, былъ убитъ татарами въ 1429 году.

ством“. Княгиня смиренно просила прощенья. Отшельникъ простилъ ее и далъ ей наставленіе: „корми свою нищету въ домѣ своемъ“. Скоро она занемогла и прислала просить молитвъ, но преп. Александръ отвѣчалъ: „пусть готовится къ вѣчной жизни“. Спустя 20 дней, княгиня скончалась.

Предчувствуя близость блаженной кончины, старецъ сказалъ ученикамъ своимъ: „я ослабѣваю и оставляю васъ, а вы, чада мои, терпите на этомъ мѣстѣ, храните смиреніе и любовь взаимную“. Совершивъ литургію и причастившись св. Таинъ, преп. Александръ преклонилъ колѣна, помолился со слезами за себя и за обитель свою и на 68 году мирно предалъ духъ свой Господу, 9 іюня 1439 года.

Мощи преп. Александра положены были, по завѣщанію его, внѣ церкви, у южной стороны алтаря. Годъ спустя послѣ его кончины, выросло надъ могилою его рябиновое деревцо. Отрокъ изъ поселянъ отломилъ вѣтку отъ этого дерева, и внезапно разболѣлась рука его; родители привели сына на гробъ преподобнаго, и больной исцѣлился. Съ тѣхъ поръ народъ сталъ брать ягоды съ дерева на исцѣленіе себѣ. Особенно одержимые духами нечистыми исцѣлялись у гроба преподобнаго ⁴⁶⁾.

Сынъ благотворителей Куштской обители, князь Андрей Дмитриевичъ Заозерскій, воспитанный съ дѣтства въ страхѣ Божіемъ, оставшись сиротою и лишившись отцовскаго наслѣдія ⁴⁷⁾, рано почувствовалъ суетность мірской жизни. Онъ пришелъ въ Спасскій монастырь, на Каменный островъ, и просилъ игумена облечь его въ иночество.

Молодость князя (ему было не болѣе 20 лѣтъ), знаменитый родъ его и нерасположеніе великаго князя къ семейству князей Заозерскихъ смущали игумена Кассіана. Онъ сказалъ юному князю: „мѣсто твое не здѣсь, а въ думѣ боярской или на полѣ брани“. Князь Андрей отвѣчалъ ему: „напрасно смущаешься, отче; я твердо рѣшился не принимать услугъ отъ другихъ, а служить другимъ и нести крестъ по слѣдамъ Господа моего“. Игумень послѣ многихъ увѣщаній рѣшился принять его въ монастырь и вскорѣ постригъ, назвавъ Іоасафомъ, именемъ царевича, который оставилъ царство для Христа. Юный князь-иннокъ съ радостію исполнялъ обѣты иночества. Съ братіею имѣлъ онъ свиданіе только въ храмѣ; все время его посвящалось молитвѣ и размышленіямъ о вѣчности; постъ соблюдалъ онъ самый строгій. Чистый душею и тѣломъ, онъ еще на землѣ удостоился посѣщенія небеснаго. Разъ пѣлъ онъ псалмы въ кельѣ и услышалъ голосъ въ отвѣтъ на молитву души его. Голосъ увѣрялъ: „обширная пустыня, окружающая озеро, наполнится пустынниками, пѣвцами славы Божій, и если они

⁴⁶⁾ Мощи преп. Александра почиваютъ подъ спудомъ въ Николаевской церкви его монастыря, упраздненнаго въ 1764 году. Теперь эта церковь служитъ приходскою для окрестныхъ селеній.

⁴⁷⁾ Заозерье было отнято в. к. Василіемъ Темнымъ въ 1447 году у сыновей князя Дмитрія за родство ихъ съ Шемякою (который былъ женатъ на родной сестрѣ ихъ Софіи) и отдано князьямъ Можайскимъ.

будутъ хранить заповѣди Божіи, все будетъ готово для ихъ земной жизни“. Князю Борису Васильевичу Ржевскому пришло на мысль посѣтить племянника и предложить ему денегъ съ тѣмъ, чтобы построилъ себѣ свой монастырь,—предложеніе, пріятное для самолюбія, но опасное для душевнаго спасенія. Блаж. Іоасафъ отвѣчалъ князю-дядѣ: „Не нужно намъ серебра и золота, когда искренно желаемъ жить въ пустынѣ; раздай бѣднымъ, что принесъ для насъ, и получишь щедрую награду отъ Господа“. Юный подвижникъ чувствовалъ, что путь подвиговъ его не будетъ продолжителенъ, и съ пламеннымъ усердіемъ снѣшилъ творить добро. Только пять лѣтъ подвизался онъ въ обители. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ вкушалъ пищу одинъ разъ въ недѣлю, въ день воскресный, по приобщеніи св. Таинъ. Тѣло его отъ подвиговъ весьма ослабло, но онъ благодарилъ за то Господа. Не долгая, но богоугодная жизнь князя-инока прекратилась 10 сентября 1453 года. Дѣвственное тѣло его положено было въ храмъ Спасокаменской обители и скоро стало источать чудесныя исцѣленія ⁴⁸⁾.

Еще далѣе къ сѣверу, въ глубинѣ Заволочья, пустынные берега рѣки Ваги прославлены преп. Варлаамомъ Шенкурскимъ и въ мірской его жизни, и въ иночествѣ.

Посадникъ Великаго Новгорода, Василій Степановичъ Своеземцевъ, человекъ весьма богатый и уважаемый великими князьями, имѣлъ обширныя наслѣдственныя владѣнія въ Зоволочѣ ⁴⁹⁾ и употреблялъ огромныя средства свои на пользу дикой страны, а особенно для нравственнаго образованія туземцевъ. Онъ жилъ въ Новгородѣ и посылалъ въ отчину свою управителей, а по временамъ и самъ бывалъ на Вагѣ ⁵⁰⁾. Исполняя заповѣдь Спасителя, онъ былъ питателемъ сиротъ, одеждою нагимъ, покровителемъ странниковъ.

Тревоги и неправды при союзѣ Новгорода съ Шемякою возмущали совѣсть богобоязненнаго посадника; онъ совсѣмъ удалился изъ шумнаго Новгорода въ любимый Важскій край; на Вагѣ онъ основалъ иноческую обитель въ честь евангелиста Іоанна, наградивъ ее селами и угодыми. Приготовивъ душу къ подвигамъ самоотреченія дѣлами благотворительности и глубоко чувствуя пустоту мірской жизни, Василій Степановичъ, оставивъ жену и дѣтей, поселился въ обители евангелиста и принялъ монашество съ именемъ Варлаама. Иноческая

⁴⁸⁾ Послѣ пожара 1472 года остатки мощей преп. князя Іоасафа собраны въ ковчегъ, и отъ нихъ продолжали истекать исцѣленія. Когда Спасокаменный монастырь въ 1773 году былъ совершенно разрушенъ пожаромъ и перемѣщенъ въ Вологодскій Духовъ монастырь, ковчегъ съ мощами, спасенный отъ пламени, перенесенъ туда же.

⁴⁹⁾ Еще дѣдъ Василія Степановича, посадникъ Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ, въ 1315 году приобрѣлъ у Чудскихъ старшинъ земли Шенкурскія (почти на 300 вер. длиною) за 20,000 бѣлокъ и за десять рублей серебряныхъ. Такъ образовалась на р. Вагѣ боярщина Васильевская, самая обширная и богатая между всѣми боярщинами на Вагѣ. Своеземцевы первые завели тамъ хлѣбопашество: до того времени Чудь питалась рыбою и звѣринымъ мясомъ.

⁵⁰⁾ Василій Степановичъ купилъ Вагу. Онъ построилъ вблизи ея городокъ въ 17 в. ниже Шенкурска и назвалъ его Пинежскимъ городкомъ. Въ той сторонѣ построилъ онъ

жизнь его была весьма строга; смиреніемъ и послушаніемъ онъ ставилъ себя ниже всѣхъ, какъ будто и не былъ основателемъ обители и владѣльцемъ богатыхъ земель. Сколько знаменитъ онъ былъ за оградою обители, столько въ обители, въ одеждѣ инока, старался отличиться только иноческими подвигами. Вѣрный Владыкъ своему рабъ, онъ работалъ Ему каждый день со всѣмъ усердіемъ, упражняясь въ постѣ и молитвахъ. Достигнувъ глубокой старости, преп. Варлаамъ мирно преставился 10 іюня 1462 года, незадолго до покоренія Новгорода и всего Важскаго и Двинскаго края державнымъ великимъ княземъ Іоанномъ.

При необыкновенномъ разливѣ р. Ваги въ іюнѣ 1552 года оторвалась часть горы, на которой стоялъ монастырь Богословскій. Тогда открылось много гробовъ, въ томъ числѣ и гробъ преп. Варлаама. Братія перенесли гробъ основателя своей обители въ церковь и увидѣли, что мощи преп. Варлаама совершенно цѣлы, даже иноческія одежды его и самый гробъ не истлѣли ⁵¹⁾.

Около того же времени основана новая обитель иноческая въ окрестностяхъ великаго Новгорода, уже доживавшаго эпоху своей вольности. Преп. Савва, уроженецъ г. Кашина, второй изъ восьми сыновъ тверскаго боярина Ивана Васильевича Борозды ⁵²⁾, съ ранней молодости не любилъ разсѣянной жизни: нося мірскую одежду, онъ постился и усердно ходилъ въ храмъ Божій. Увлекаемый божественною ревностью и любовью къ Богу, онъ оставилъ домъ свой и родственниковъ, принялъ постриженіе въ одной изъ обителей своей родины ⁵³⁾ и безпрекословно исполнялъ самыя тяжкія послушанія, днемъ трудясь въ хлѣбнѣ и поварнѣ, ночи проводя безъ сна на божественной службѣ. Безмѣрное смиреніе подвижника привлекло къ нему всеобщее уваженіе, такъ что не только братія обители, но и всѣ жители того края почитали его какъ ангела Божія. Избѣгая славы человѣческой, подвижникъ отказался отъ игуменства и отправился на Аѳонскую гору. Неизвѣстно долго ли онъ пробылъ на Аѳонѣ, но впечатлѣнія Аѳона надолго остались въ душѣ его ⁵⁴⁾. Возвратясь со святой горы

много храмовъ: Рождества Христова на Химаневѣ, Рождества Богородицы на Усть-Шуѣ, Предтечи на Ледѣ и нѣсколько другихъ.

⁵¹⁾ Мощи преп. Варлаама, освидѣтельствованныя въ 1630 году Новгородскимъ митрополитомъ Киприаномъ, почиваютъ открыто въ Богословской церкви, прежде бывшей монастырской, а съ 1765 года приходской, въ 15 верстахъ отъ города Шенкурска, Архангельской губерніи. Въ день преставленія преп. Варлаама бываетъ крестный ходъ къ мощамъ его.

⁵²⁾ Родоначальникомъ Бороздиныхъ былъ Юрій Лозыничъ, вѣхавшій изъ Волыни къ князю Александру Михайловичу Тверскому. Правнукъ его и родитель преп. Саввы получилъ прозваніе Борозды (это слово въ старину означало окопъ или траншею). Родословная Бороздиныхъ помѣщена въ Бархатной книгѣ IV, 187.

⁵³⁾ По рукописному житію преп. Саввы (рукопись 1514 года въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи № 73), можно подгадать, что преп. Савва постриженъ въ Тверскомъ Желтиковомъ монастырѣ; по мнѣнію же преобр. Филарета Черниговскаго—онъ постриженникъ Тверской Саввиной пустыни.

⁵⁴⁾ Списокъ Кормчей Книги, принесенный преп. Саввою съ Аѳона, находится въ сборникѣ XV вѣка, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ отечество, блаж. Савва странствовалъ въ видѣ бѣднаго инока по окрестностямъ Новгорода, отыскивая себѣ мѣсто для уединенныхъ подвиговъ.

Въ 7 верстахъ отъ великаго вольнаго города, на р. Вишерѣ, понравилось ему тихое мѣсто. Онъ поставилъ тутъ крестъ ⁵⁵⁾, а вблизи—хижину, и сталъ жить отшельникомъ. Случилось одному изъ Новгородцевъ проходить мимо того мѣста, гдѣ подвизался Савва. День былъ знойный; а инокъ пустынный стоялъ на молитвѣ недвижимый: лицо его покрыто было комарами и истерзано до крови, а онъ какъ бы ничего не чувствовалъ, погруженный въ молитву. Изумленный Новгородецъ разсказалъ другимъ, какого видѣлъ онъ раба Божія. Когда до архіепископа Іоанна III дошла молва, что въ его епархіи явился невѣдомый отшельникъ, онъ послалъ спросить, какъ дозволилъ себѣ тотъ жить въ его епархіи безъ его благословенія? „Одна дѣвица,—поручилъ отвѣчать Савва,—сидѣла у окна близъ площади и безстыдно смотрѣла на всѣхъ проходившихъ; другая же, сидя у другого окна, бережно хранила чистоту души своей. Люди добрые осуждали первую и одобряли вторую; не будетъ, говорили, добра въ той суетной и разсѣянной. Поселясь въ этой пустынѣ, я убѣгаю только міра, а не пастыря, котораго молитвѣ и благословенія жажду“. Архіепископъ понялъ по такому отвѣту, что отвѣчающій—старецъ духовной жизни, и захотѣлъ посѣтить его. Онъ встрѣтился съ Саввою на пути и, не узнавъ его, покрытаго рубищемъ, велѣлъ ѣхать съ собою до кельи Саввы. Бесѣда во время пути показала архіепископу въ спутникѣ смиренномудраго раба Божія, и архіепископъ полюбилъ Савву, прежде чѣмъ узналъ его. Предъ кельею своею Савва назвалъ себя по имени, и архипастырь съ живѣйшею радостью любви благословилъ его. Раздѣливъ съ нимъ пустынную трапезу и наслаждаясь духовною бесѣдою его, архіепископъ Іоаннъ присылалъ потомъ свои дары для пустыни Саввы.

По случаю спора, поднятаго иноками Лисичьяго монастыря ⁵⁶⁾, за землю преп. Савва обратился къ начальникамъ Славянскаго конца съ просьбою отвѣсть ему мѣсто на р. Вишерѣ для пустынной обители; они съ любовію отвѣли. Въ 1418 г., по благословенію блаж. архіепископа Симеона, преподобный построилъ деревянный храмъ въ честь Вознесенія Господня и поставилъ кельи для братіи. Когда онъ рубилъ своими руками храмъ, пришли къ нему трое разбойниковъ. „Дѣти,—сказалъ Савва,—помогите мнѣ поднять дерево на стѣну“. Онъ указалъ имъ на тонкій конецъ огромнаго дерева, а самъ взялся за толстый. Они не могли поднять своего конца, а старецъ Савва, крѣпкій тѣломъ и духомъ, легко подхватилъ свой конецъ и положилъ на мѣсто. Разбойники переглянулись между собою и поспѣшили уйти.

⁵⁶⁾ Лисичій монастырь, съ церковью Рождества Богородицы, находился на Лисей (Лисичей) горѣ, въ 3 верстахъ отъ Хутынской обители. Онъ давно уже упраздненъ, но слѣды его еще замѣтны по оставшемуся кургану.

⁵⁵⁾ Этотъ крестъ и теперь стоитъ въ часовнѣ близъ монастыря, но обложенный досками съ лицевой стороны литыми изъ алебаstra священными изображеніями.

Къ подвижнику стали стекаться ревнители пустынной жизни. Онъ принималъ ихъ съ любовію и училъ подвигамъ собственнымъ примѣромъ, трудясь болѣе всѣхъ.

Устроивъ обитель, преп. Савва поставилъ себѣ столпъ и сталъ подвизаться на немъ въ постѣ и молитвахъ. Столпникъ сходилъ со столпа въ субботу, слушалъ службу воскресную, раздѣлялъ съ братіею трапезу и потомъ возвращался на столпъ, никогда не измѣняя своего правила. Однажды родной братъ пришелъ къ нему изъ Твери; Савва сошелъ со столпа, молча благословилъ брата и возвратился на столпъ. Въ обители сохранилась повѣсть о томъ, какъ преп. Савва привелъ однажды на вѣче дикаго медвѣдя, жалуюсь, что онъ растерзалъ двухъ рабочихъ коней монастырскихъ. По суду посадниковъ, медвѣдь осужденъ былъ работать вмѣсто лошади и несть это наказаніе нѣсколько лѣтъ. Такъ и лютые звѣри повинуются угодникамъ Божиимъ!

Много лѣтъ провелъ блаж. столпникъ въ многотрудномъ своемъ подвигѣ и мирно преставился на восьмидесятомъ году жизни, 1 октября 1461 года.

Вскорѣ начались чудотворенія при гробницѣ преп. Саввы; въ особенности исцѣлялись многіе, страдавшіе продолжительными лихорадками ⁵⁷⁾.

Подъ руководствомъ преп. Саввы образовались дивные подвижники. Блаженный Андрей, ученикъ и преемникъ его въ игуменствѣ, до того изнурилъ тѣло свое постомъ и бдѣніемъ, что едва оставались кожа и кости. Другой ученикъ его, преп. Ефремъ Перекомскій или Перекопскій, вскорѣ послѣ кончины наставника своего удалился на западный берегъ озера Ильменя, на устьѣ р. Веренды, и тамъ поставилъ себѣ келью въ глухомъ безмолвномъ мѣстѣ, въ 25 верстахъ отъ Новгорода. Когда собрались къ нему пустынники, онъ основалъ обитель съ деревяннымъ храмомъ св. Николая, а чтобы осушить болотистую почву и доставить монастырю чистую воду, выкопалъ протокъ изъ р. Веренды въ озеро. По уставу его, братія ночью мололи рожь, послѣ утрени работали въ полѣ или на огородѣ, послѣ же литургіи трудились по кельямъ. Преп. Ефремъ достигъ глубокой старости и почилъ 26 сентября 1492 года ⁵⁸⁾.

⁵⁷⁾ Мощи преп. Саввы Вишерскаго почиваютъ подъ спудомъ въ обители его, напротивъ южныхъ дверей алтаря соборной Вознесенской церкви. Память его празднуется 1-го октября. Служба и житіе написаны, по волѣ владыки Іоны, Пахоміемъ Логофетомъ. Въ 1764 году обитель его была упразднена, но семь лѣтъ спустя снова возобновлена, по ходатайству генералъ-аншефа Бороздина, усердіемъ гвардейскихъ офицеровъ, посвятившихъ себя иноческой жизни: Василія Павловича Глазатова (въ иночествѣ Варлаама), и Ивана Ивановича Аничкова (въ иночествѣ Іоасафа). Первый изъ нихъ, по возобновленіи монастыря, былъ первымъ строителемъ, а послѣдній его преемникомъ.

⁵⁸⁾ Мощи преп. Ефрема почиваютъ подъ спудомъ въ соборной Никольской церкви основаннаго имъ монастыря, въ посвященномъ ему придѣлѣ. Обитель его называлась Перекопскою и по протоколу Веренды—Верендовскою, а теперь носитъ названіе Перекопскаго Розважскаго заштатнаго монастыря.

Почти въ то же время въ предѣлахъ Московскаго великаго княженія просіялъ святостію жизни дивный подвижникъ изъ духовнаго потомства великаго чудотворца Сергія, преп. Пафнутія Боровскій, внукъ татарина, бывшаго баскакомъ въ Боровскѣ⁵⁹⁾, въ молодости ушелъ изъ родительскаго дома въ Боровскій Высоко-Покровскій монастырь, здѣсь наставникомъ его былъ блаж. Никита, одинъ изъ учениковъ богоноснаго Сергія Радонежскаго. Спустя нѣсколько лѣтъ, братія упросили Пафнутія принять на себя начальство надъ обителью, но на 13-мъ году игуменства онъ тяжело заболѣлъ, принялъ схиму и отказался отъ управления монастыремъ. Выздоровѣвъ, Пафнутія сталъ жить въ трехъ верстахъ отъ Боровска, среди густаго лѣса⁶⁰⁾, съ однимъ послушникомъ. Мало-по-малу начали приходить къ нему братія и построили деревянный храмъ Рождества Богородицы. Такъ основался Боровскій Пафнутаевъ монастырь.

Въ числѣ многихъ, поселившихся въ новой обители, чтобы пользоваться наставленіями опытнаго подвижника, были: юноша Іоаннъ Санинъ, въ иночествѣ Іосифъ, будущій основатель Волоколамскаго монастыря, родной братъ его Вассіанъ, впослѣдствіи архіепископъ Ростовскій, дивный старецъ Иннокентій, Исаія—родственникъ блаж. Пафнутія, и нѣсколько другихъ.

Жизнь свою преп. Пафнутія проводилъ такъ: въ понедѣльникъ и пятницу ничего не ѣлъ, а въ среду—сухой хлѣбъ; въ прочіе дни вкушалъ вмѣстѣ съ братією. Всегда пребывалъ въ трудахъ, рубилъ дрова, орошалъ растенія, копалъ въ саду землю, занимался другими тяжелыми работами, и никто прежде его не являлся ни на работѣ, ни на общемъ правилѣ молитвы. Въ зимнее время занимался чтеніемъ и рукодѣліемъ, плелъ мережи для ловли рыбы. Къ тѣлу своему не позволялъ касаться никому, а женскому полу не дозволенъ былъ и входъ въ обитель его; чистота дѣвства сохранена имъ отъ рожденія до смерти. Тѣмъ не менѣе, съ того времени, какъ принялъ онъ схиму, не литургисалъ онъ, какъ обрекшій себя на уединенную молитву смиреннаго схимника, только однажды въ день Пасхи по нуждѣ совершилъ онъ Таинство съ глубокимъ умиленіемъ; послѣ того говорилъ онъ ученикамъ своимъ: „нынѣ душа моя едва осталась въ тѣлѣ“. Когда было нужно, вступалъ онъ въ разговоръ; а когда надобно было молчать, молчалъ; во всемъ любилъ нищету и бѣдность; о тѣлесныхъ нуждахъ не заботился. Относительно догматовъ вѣры наблюдалъ та-

⁵⁹⁾ Преп. Пафнутія родился въ наслѣдственномъ селѣцѣ Кудиновѣ, въ 3 верстахъ отъ Боровска. На мѣстѣ этого селѣца стоитъ теперь часовня.

⁶⁰⁾ Мѣсто, гдѣ основалъ новый монастырь преп. Пафнутія—отлогая долина между рѣкою Протвою и рѣчкою Истермою, близъ дороги изъ Боровска въ Серпуховъ—принадлежало къ отчинѣ князя Суходольскаго, а монастырь Высокій, гдѣ онъ прежде игуменствовалъ, находился въ удѣлѣ князей Боровскихъ. Основаніе Пафнутаева монастыря относится къ 1444 году. Эта обитель, до учрежденія штатовъ, имѣла 11,000 крестьянъ и болѣе 30,000 десятинъ земли; теперь она состоитъ въ числѣ первоклассныхъ, но отъ прежняго богатства сохранила только небольшое число драгоцѣнныхъ утварей въ ризницѣ.

кую строгость, что, если кто начиналъ говорить несогласно съ св. Писаніемъ, не медля, выгонялъ того изъ обители. „Чистота жизни, неутомимые подвиги, твердая любовь къ Богу, надежда на заступленіе пречистой Богородицы привлекли къ преп. Пафнутію особенную благодать Божию, по которой онъ провидѣлъ сердечные промыслы, исцѣлялъ болѣзни, получалъ все, чего просилъ съ вѣрою у Бога“ ⁶¹).

Такъ онъ провидѣлъ тайныя мысли учениковъ своихъ, искушенія лѣности, ропота и нечистоты плотою, открывалъ виновнымъ собственныя ихъ чувства и намѣренія и приводилъ ихъ къ покаянію.

Преп. Пафнутіи говорилъ ученикамъ своимъ, что можно узнать по взору, добрыми ли кто заняты мыслями или дурными. Ученики дивились, но потомъ увидѣли и опыты прозорливости богоноснаго своего наставника. Однажды пришелъ въ обитель Пафнутіеву одинъ странникъ, монахъ; прозорливый старецъ, никогда прежде не видавъ его, сказалъ ученикамъ: „видите ли: этотъ человѣкъ и иночествомъ не очистился отъ крови князя Димитрія, котораго уморилъ“. Это былъ Иванъ Котовъ, убійца Шемяки.

Много исцѣленій и другихъ чудесъ совершилъ преп. Пафнутіи въ земной своей жизни ⁶²). Во время сильнаго голода онъ ежедневно кормилъ до тысячи человѣкъ окрестныхъ жителей, и запасы монастырскіе не истощались.

Послѣ 63-хъ лѣтъ иночества преп. Пафнутіи приблизился къ блаженной кончинѣ, которую предсказалъ за нѣсколько дней, и мирно почилъ 1 мая 1478 года ⁶³).

Въ XV вѣкѣ видимъ нѣсколько дивныхъ подвижниковъ, принявшихъ на себя юродство и превосходившихъ прозорливою мудростію всѣхъ тѣхъ, которые сами себя считали умными. Такъ, въ Москвѣ юродствовалъ блажен. Максимъ; онъ ходилъ почти нагимъ въ морозы и терпѣлъ голодь; „хоть люта зима, да сладокъ рай“, говорилъ онъ, бѣгая по улицѣ. Добровольныя страданія его служили къ спасенію не только ему самому, но и многимъ. Онъ жилъ въ бѣдственное время: то набѣги татаръ, то засуха и голодь, то моровыя повѣтрія томили бѣдный народъ. Блаж. подвижникъ вольнымъ терпѣніемъ своимъ училъ народъ невольному терпѣнію, переносилъ мысли людей къ раю, для котораго охотно переносилъ онъ все на землѣ. Онъ говорилъ народу: „не все по шерсти, ино и напротивъ. Не верти головой, какъ бѣшеная коза: не продали бы татарамъ. За дѣло побьютъ, повились, да ниже поклонись. Не плачь битый, плачь небитый“. Куп-

⁶¹) Подлинныя слова преп. Іосифа Волоколамскаго, изъ сказанія его о блаж. отцахъ.

⁶²) Нѣсколько чудесъ преп. Пафнутія описано преосв. Филаретомъ Черниговскимъ (Русс. Святые, 1 мая); еще большее число—въ рукописномъ житіи, составленномъ Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ (Минея Митр. Макарія, въ Синод. библ. № 818).

⁶³) Мощи преп. Пафнутія почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ обители его, созданномъ имъ самимъ въ честь Рождества Богородицы и освященномъ въ 1467 году, близъ южной стѣны иконостаса. Надъ ними рака, обложенная золоченымъ серебромъ—вкладъ боярина князя И. Б. Рѣпина.

цамъ и знати Москвы говариваль: „божница домашня, а совѣсть продажна. По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ. Всякъ крестится, да не всякъ молится. Богъ всякую неправду сыщеть. Ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь“.—Блаж. Максимъ почилъ отъ тяжкихъ подвиговъ своихъ 11 ноября 1434 года ⁶⁴).

Въ Ростовѣ подвизался другой дивный угодникъ Божій. Блаж. Исидоръ родился въ Германіи отъ богатыхъ родителей, покинулъ родителей и латинскую вѣру по твердому убѣжденію въ истинахъ православія, принялъ на себя юродство и пришелъ въ Ростовъ. Здѣсь бѣдный странникъ, представляя изъ себя безумнаго, терпѣлъ насмѣшки и побои, проводилъ цѣлые дни на улицѣ, а ночью—въ молитвѣ въ непокрытой хижинѣ изъ хвороста, которую онъ поставилъ себѣ внутри города на болотистомъ пустырѣ. За тяжкіе подвиги блаж. Исидоръ удостоенъ былъ благодати чудотвореній. Въ житіи его повѣствуется, что одинъ знакомый ему купецъ, утопая въ морѣ, былъ спасенъ св. Исидоромъ, чудесно явившимся къ нему на помощь. Въ другой разъ, по молитвѣ его, пустые сосуды наполнились виномъ на трапезѣ у князя въ присутствіи архіепископа. Современники звали его Твердисловомъ, потому что слово его всегда сбывалось. Блаж. Исидоръ преставился 14 мая 1474 года. Въ минуту кончины его по всему городу разлилось благоуханіе въ воздухѣ. Ростовцы погребли его въ самой хижинѣ и подлѣ построили деревянную церковь Вознесенія Христова ⁶⁵).

Третій дивный подвижникъ прославился въ Великомъ Новгородѣ. Однажды лѣтомъ во время утрени въ Клопской обители ⁶⁶) іеромонахъ, совершая каждене въ храмѣ, вздумалъ покадить и свою келью, нашель ее отворенною, а въ ней—человѣка въ монашескомъ одѣяніи, писавшаго книгу. На все вопросы игумена и братіи пришлецъ отвѣчалъ повтореніемъ тѣхъ же словъ и представлялъ изъ себя юродиваго. Впрочемъ на литургіи читалъ апостоль, а за трапезою—житіе весьма пріятно и вразумительно. Игумень далъ ему келью, и незнакомецъ поселился въ монастырѣ. Это было въ 1408 году.

Однажды князю Константину Дмитріевичу (сыну Донского) случилось быть въ Новгородѣ и обѣдать за трапезою. Незнакомецъ читалъ житіе, и князь, долго смотря на него, поклонился ему и сказалъ игумену: „это нашъ родственникъ, Михаилъ Максимовичъ, изъ

⁶⁴) Мощи блаж. Максима юродиваго почиваютъ подъ спудомъ въ церкви, построенной въ 1698 году во имя его, на Варварской улицѣ. Память его чтится мѣстно, по опредѣленію Собора 1547 года, вслѣдствіе чудесъ, совершавшихся при гробѣ его.

⁶⁵) На мѣстѣ этой церкви сооружена каменная, на средства Іоанна Грознаго, въ 1566 г. Мощи блаж. Исидора почиваютъ подъ спудомъ въ аркѣ между придѣломъ, посвященнымъ его памяти, и правымъ отдѣленіемъ главнаго алтаря. Серебряная рака устроена въ 1815 году. Въ рукописномъ житіи блаж. Исидора записано нѣсколько чудесъ, совершившихся при гробѣ его.

⁶⁶) Троицкій Клопскій 3-го класса монастырь находится въ 20 верстахъ отъ Новгорода на берегу р. Варяжи, близъ озера Ильмена. Время основанія его неизвѣстно.

княжескаго рода“⁶⁷⁾. Самъ подвижникъ ничего не хотѣлъ открыть о себѣ, кромѣ того, что имя его—Михаилъ.

Въ преподобномъ Михаилѣ открылся даръ прозорливости и чудесь: онъ узнавалъ и предсказывалъ будущее, а во время засухи, когда пересохли рѣчки и источники, извелъ своими молитвами потокъ чистой и свѣжей воды. Однажды онъ началъ звонить во всѣ колокола и объявилъ св. архіепископу Евѳимію: „теперь въ Москвѣ радость: у великаго князя родился сынъ Иванъ. Онъ будетъ наслѣдникомъ Московскаго государства и грозой для сосѣдей, покорить Новгородъ, отбереть у васъ золото и измѣнить всѣ ваши обычаи“.

Отшельникъ смѣло говорилъ правду князьямъ Русскимъ. Когда Шемяка, будучи изгнанникомъ въ Новгородѣ, просилъ блаж. Михаила объ успѣхѣ дѣла его, юродивый отвѣчалъ: „довольно бѣдъ натворилъ ты въ землѣ Русской, къ радости враговъ ея: если и теперь воздвигнешь междоусобіе, со стыдомъ воротись сюда, а здѣсь готовы для тебя три локтя земли“. Послѣ новаго междоусобія старецъ сказалъ закоренѣлому крамольнику: „слышу, князь, земля простонала три раза и зоветъ тебя къ себѣ“. Вскорѣ послѣ того Шемяка умеръ отъ яда.

Преподобный Михаилъ преставился 11 января 1454 года⁶⁸⁾ въ глубокой старости, проживъ въ Клопской обители 45 лѣтъ. Во все это время онъ только одинъ разъ въ недѣлю ѣлъ сухой хлѣбъ и пилъ немного воды; въ кельѣ не было у него ничего, даже и рогожи. Подвижникъ спалъ на голомъ полу и не зналъ теплой одежды.

Таковъ былъ дивный старецъ, отрекшійся отъ славы земной для небеснаго наслѣдія, провидѣвшій рожденіе державнаго собирателя земли Русской и плачевный конецъ вольности Великаго Новгорода!

---

⁶⁷⁾ Въ рукописномъ житіи преп. Михаила (въ Библиот. Сергіев. Лавры, № 673 л. 226) слова эти выражены такъ: «а се Михайло, Максимовъ сынъ, рода князьска, сродникъ нашъ». Но авторъ «Житій святыхъ Россійской Церкви» и вслѣдъ за нимъ другіе, неизвѣстно на какомъ основаніи, называютъ преп. Михаила сыномъ в. к. Симеона. Вовсе невѣроятно, чтобы младенецъ, родившійся въ 1348 году, могъ дожить до 1454 года.

⁶⁸⁾ Мощи преп. Михаила почиваютъ подъ спудомъ на южной сторонѣ соборнаго храма Клопской обители, въ бронзовой позолоченной ракѣ. Память чудотворца положено праздновать повсемѣстно на Соборѣ 1547 года.

ГЛАВА III.

Іоаннъ III Васильевичъ, великій и державный.—Покореніе Новгорода.—Бракъ съ греческою царевною.—Освобожденіе отъ ига монгольскаго.—Уничтоженіе удѣловъ.—Война съ Литвою для защиты православія въ западной Руси.—Соборы въ Москвѣ.—Ересь жидовствующихъ.—Подвиги св. Геннадія Новгородскаго и преп. Іосифа Волоцкаго.

Приступаемъ къ описанію той блистательной эпохи, когда сѣверо-восточная Русь, свергая съ себя иго рабства ордынскаго, возстаетъ, какъ воскрешенный мертвецъ изъ гроба, свободная извнѣ и сильная внутри своей цѣлостью, подъ скипетромъ единаго самодержца. Православная Церковь перестаетъ страдать отъ нашествія варваровъ, которые обращали въ груды пепла храмы Божіи и обители иноческія, и отъ кровавыхъ междоусобій князей; она находитъ себѣ ревностныхъ защитниковъ въ благочестивыхъ государяхъ, помазанникахъ Божіихъ.

Послѣ двухъ тяжкихъ вѣковъ внѣшняго порабощенія и внутренняго неустройства Руси Господь „вознесъ избраннаго изъ людей Своихъ“. На престолѣ обширной державы Русской является Іоаннъ III, сынъ Василія Темнаго: онъ свергаетъ иго орды, уничтожаетъ удѣлы, подчиняетъ себѣ вольный Новгородъ, водворяетъ самодержавіе въ расширенной имъ державѣ и становится твердымъ стражемъ и поборникомъ православной вѣры въ предѣлахъ западной Руси, соединенной съ иновѣрною Польшею ¹⁾.

Начинаемъ съ судьбы Новгорода. По кончинѣ святого архіепископа Іоны избранъ владыкою на вѣчѣ протодиаконъ и ризничій Теофилъ. Испросили дозволеніе нареченному владыкѣ явиться за посвященіемъ къ митрополиту, но въ Новгородѣ открылись сильныя волненія противъ великаго князя, который требовалъ, чтобы Новгородцы не смѣли „вступаться въ его земли и воды и держали имя его честно и грозно, по старинѣ и по крестному цѣлованію“. Легкомысленный

---

¹⁾ Можетъ быть нѣкоторымъ читателямъ покажется, что въ этомъ разсказѣ слишкомъ много событій государственныхъ, а не чисто-церковныхъ. Но нужно замѣтить, что съ одной стороны—краткое изложеніе этихъ происшествій необходимо для связи разсказа, а съ другой—такія событія, какъ освобожденіе Руси отъ Татаръ, соединеніе удѣловъ въ одно великое государство, водвореніе самодержавія, не могли остаться безъ значительнаго и постояннаго вліянія на судьбы православной Церкви.

народъ, несмотря на увѣщанія Теофила, мечталъ о прелестяхъ свободы, хотѣлъ тѣснаго союза съ Казиміромъ, королемъ Польскимъ и великимъ Княземъ Литовскимъ, и принялъ отъ него воеводу—князя Михаила Олельковича. Мятежемъ руководила, къ удивленію современниковъ, женщина гордая и честолюбивая, вдова посадника Исаака Борецкаго, Марѳа, мать сыновей уже взрослыхъ, изъ которыхъ одинъ, Димитрій, былъ въ то время посадникомъ. Заключили договоръ съ королемъ: онъ обязанъ былъ дать помощь Новгороду въ случаѣ войны съ Московскимъ государемъ, не ставить Римскихъ костеловъ на землѣ Новгородской и предоставить владыкѣ посвящаться тамъ, гдѣ будетъ угодно Новгороду. Два послѣднія условія были поставлены для того, чтобъ удержать на каедрѣ Теофила, который хотѣлъ удалиться въ монастырь, не желая быть пастыремъ мятежниковъ и клятвоступниковъ. На вѣчѣ громко кричали: „не хотимъ Іоанна! Да здравствуетъ Казиміръ! да исчезнетъ Москва!“ Іоаннъ взялся за оружіе, разбилъ дружины Новгородскія на берегахъ Шелони (14 іюля 1471 года) и оказалъ умѣренность: онъ взыскалъ съ Новгорода около 80 пудовъ серебра, отнялъ сѣверное поморье и поселенія на берегахъ Двины, обязалъ Новгородцевъ присягою платить ему шардную дань, а митрополиту—судную пощлину, ставить владыкъ въ Москвѣ, не имѣть сношеній съ Казиміромъ и не принимать къ себѣ враговъ великаго князя. Съ своей стороны, государь далъ слово забыть прошедшее, простилъ всѣхъ злоумышленниковъ, въ томъ числѣ и Марѳу Борецкую съ сыновьями, и не прикоснулся къ вольности Новгородской.

Теофилъ былъ посвященъ въ Москвѣ и отпущенъ съ честью. Но умѣренность самодержца не отрезвила людей, привыкшихъ къ своеволію; несогласія Новгородцевъ съ намѣстниками великокняжескими продолжались, недовольные являлись въ Москву требовать суда. Наконецъ нѣкоторые изъ знати Новгородской устроили дѣла такъ, что двое чиновниковъ вѣча прибыли въ Москву съ признаніемъ Іоанна государемъ великаго Новгорода. Державный собиратель земли Русской былъ убѣжденъ, что настало время водворить единовластіе, и если при первомъ походѣ не покорилъ Новгорода, то единственно потому, что надѣялся измѣнить порядокъ дѣлъ мало-по-малу, не прибѣгая къ мѣрамъ насилія. Теперь онъ спѣшилъ воспользоваться даннымъ ему поводомъ и потребовалъ, чтобы Новгородцы отказались отъ всѣхъ древнихъ правъ своихъ, уже отжившихъ свой вѣкъ и несогласныхъ съ новымъ положеніемъ государства Московскаго. Буйный народъ взволновался, избилъ многихъ, которыхъ считалъ сторонниками Москвы, и отважился снова вступитъ въ сношенія съ Казиміромъ. Іоаннъ снова вооружился, пошелъ съ многочисленною ратью на Новгородъ и окончателью покорилъ его (въ концѣ 1477 года).

Ударилъ послѣдній часъ Новгородской вольности! Іоаннъ принялъ присягу отъ новыхъ подданныхъ, уничтожилъ вѣче, перевезъ въ Москву вѣчевой колоколь, казнилъ начальниковъ мятежа и отправилъ въ ссылку Марѳу Борецкую.

Въ числѣ виновныхъ пострадалъ одинъ невинный: архіепископъ Теофилъ, принужденный, по званію владыки, принять участіе въ договорѣ съ Литвою, долженъ былъ отказаться грамотой отъ управления епархіей, и былъ заточенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ провелъ около трехъ лѣтъ въ тѣсномъ заключеніи и тяжело заболѣлъ. Въ болѣзни явился ему св. Нифонтъ, епископъ Новгородскій, почивающій въ ближнихъ пещерахъ Кіевской лавры, и напомнилъ ему прежнее обѣщаніе—поклониться печерскимъ чудотворцамъ. Больной святитель отправился въ Кіевъ и уже приближался къ Днѣпру, какъ болѣзнь его усилилась, и онъ получилъ откровеніе, что хотя не достигнетъ живымъ до пещеръ, но тѣло его успокоится въ нихъ ²⁾).

Другимъ важнымъ дѣломъ государя Московскаго былъ бракъ его съ Греческою царевною. Братъ послѣдняго императора Греческаго Константина Палеолога, деспотъ Тома, умеръ въ Римѣ. Сыновья его жили благодѣянiami папы, не заслуживая ихъ легкомысленнымъ поведениемъ; но юная сестра ихъ, царевна Софія Томинишна, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа Павелъ II искалъ ей достойнаго жениха и обратилъ взоры на великаго князя Московскаго, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшаго ³⁾. Папа надѣялся чрезъ юную царевну, воспитанную въ правилахъ Флорентійской униі, убѣдить Іоанна къ соединенію съ Римомъ и такимъ образомъ покорить себѣ Русскую церковь. Онъ самъ чрезъ особое посольство предложилъ великому князю знаменитую невѣсту—„отрасль царственнаго древа, котораго тѣнь покоила нѣкогда все христіанство православное, еще нераздѣльное“. Бракъ Іоанна съ царевною совершился (въ ноябрѣ 1472 г.) и доставилъ Московскому государству болѣе извѣстности въ Европѣ, которая чтитъ въ Софіи племя древнихъ вѣнценосцевъ Цареградскихъ. Въ видѣ приданаго Іоаннъ принялъ гербъ властителей Восточной Римской имперіи—орла двуглаваго, соединивъ его на своей печати съ гербомъ Московскимъ. Но папа не успѣлъ въ своихъ замыслахъ, и присланный имъ легатъ хотя имѣлъ преніе съ духовными лицами въ Москвѣ, но самъ принужденъ былъ прекратить споръ, будто бы по неимѣнію книгъ. Сама Софія сдѣлалась въ Москвѣ ревностною православною христіанкою.

Наконецъ наступило для русской земли время полнаго освобожденія отъ ига ордынскаго. Мы видѣли, что Димитрій Донской отважился вступить въ бой съ Татарами на берегахъ Непрядвы; но незабвенная Куликовская битва не освободила Руси отъ постыдной власти монголовъ. Самъ побѣдитель и потомки его подвергались нашествіямъ татаръ, земля Русская обогрѣлась кровью и дымилась

²⁾ Мощи св. архіепископа Теофила почиваютъ въ Θεодосіевой пещерѣ Кіевской лавры. Обстоятельства его заточенія и поѣздки въ Кіевъ написаны на доскѣ, закрывавшей мощи блаж. Святителя (Русскіе святые, августъ, стр. 109).

³⁾ Іоаннъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на Маріи Борисовнѣ, княжнѣ Тверской, и имѣлъ отъ нея старшаго сына соправителя—Іоанна, прозваннаго младымъ, въ отличіе отъ отца.

пожарами. Хотя Большая Орда давно уже не была такъ сильна, какъ во времена Батя, хотя отдѣлились отъ нея уже многія другія орды, какъ-то: Ногайская, Крымская, Казанская и Астраханская, но и при державномъ Иоаннѣ ханъ Большой Орды Ахмать еще осмѣливался вторгаться въ Русскіе предѣлы. Иоаннъ, помня обѣтованіе двухъ соименныхъ святителей, Московскаго и Новгородскаго, девять лѣтъ не платилъ дани и наконецъ въ 1480 году рѣшился торжественно объявить свободу Русскаго государства. Когда ханъ Ахмать отправилъ въ Москву пословъ для сбора дани, великій князь взялъ при нихъ басму (изображеніе хана), бросилъ на землю и растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, котораго отправилъ сказать хану, что и съ нимъ поступить такъ же, какъ съ его басмою, если онъ не оставитъ въ покоѣ Русской земли. Скоро услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата. Иоаннъ встрѣтилъ его на берегахъ Угры осенью, когда рѣки начинали уже замерзать. Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи; Иоаннъ, не любившій проливать крови въ битвахъ, рѣшился отступить на поля Боровскія. Бояре изумились, а воины оробѣли, думая, что великій князь страшится битвы. Митрополитъ Геронтій и Ростовскій архіепископъ Вассіанъ убѣдительными грамотами напомнили Иоанну обѣтъ его стоять крѣпко за вѣру и отечество. Старецъ Вассіанъ, достойный братъ Іосифа Волоколамскаго, писалъ такъ: „Наше дѣло говорить царямъ истину: что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ митрополита, своей родительницы, благовѣрныхъ князей и бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ намѣреніемъ ударить на врага христіанскаго, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали къ алтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же мы слышимъ? Ахмать губитъ христіанство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ нему пословъ; а нечестивый дышетъ гнѣвомъ и презираетъ твое моленіе?.. Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь? людей недостойныхъ имени христіанскаго. И что совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обратиться ли въ бѣгство? Но помысли: отъ какой славы и въ какое униженіе низводятъ они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разоренію, тьмы людей погибели! чье сердце каменное не изліется въ слезахъ отъ единыя мысли? О, государь! кровь паствы вопіетъ на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать? гдѣ воцаришься, погубивъ данное тебѣ Богомъ стадо? Смертнымъ ли бояться смерти? Судьбы Божіи неизбѣжны. Я старъ и слабъ, но не убоюсь меча татарскаго, не отвращу лица моего отъ его блеска... Отложи страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости Его! Единъ поженетъ тысящу и два двинуть тьму, по слову мужа святаго: „не суть боги ихъ, яко Богъ нашъ! Господь мертвитъ и живить“: Онъ дастъ силу твоимъ воинамъ. Поревнуй предкамъ своимъ: они не только землю Русскую хранили, но и многія иныя страны покоряли; вспомни

Игоря, Святослава, Владиміра, коихъ данниками были цари Греческіе, и Владиміра Мономаха, ужаснаго для Половцевъ. А прадѣдъ твой, великій, достославный Димитрій, не сихъ ли невѣрныхъ Татаръ побѣдилъ за Дономъ? Презирая опасность, сражался впереди и не думалъ: „имѣю жену, дѣтей и богатство; когда возьмутъ землю мою, всеядюся индѣ“, но сталъ въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу его въ день брани. По какому святому закону ты, государь православный, обязанъ уважать сего злочестиваго самозванца, который силою поработилъ нашихъ отцовъ за ихъ малодушіе и воцарился, не будучи ни царемъ, ни племени царскаго? То было дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго; но Богъ есть Отецъ чадолубивый: наказуетъ и милуетъ. Древле потопилъ Фараона и спасъ Израиля,—спасетъ и народъ твой и тебя, когда поканіемъ очистишь свое сердце; ибо ты человекъ и грѣшенъ. Покаяніе государя есть искренній обѣтъ блюсти правду въ судахъ, любить народъ, не употреблять насилія, оказывать милость и виновнымъ... Тогда Богъ возстановитъ намъ тебя, государя великаго, яко древле Моисея, Иисуса и другихъ, освободившихъ Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою отъ нечестиваго Ахмата, новаго Фараона. Ангелы снидутъ съ небесъ въ помощь твою, Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы, и одолѣешь враговъ, и смятутся, и погибнутъ. А мы соборами святительскими день и ночь молимъ Его, да разсыплются племена нечестивыя, хотящія брани; да будутъ омрачены молшіею небесною и какъ псы гладныя да лижутъ землю языками своими“ ⁴⁾. Но осторожный Іоаннъ не рѣшился на битву. Тогда, по словамъ лѣтописца, совершилось чудо: при отступленіи Русскихъ войскъ отъ лѣваго берега Угры. Татары вообразили, что ихъ заманиваютъ въ сѣти и вызываютъ на бой, приготовивъ засады. Объятый страннымъ ужасомъ, ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное: два воинства бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ въ степи, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ за то, что Казиміръ не далъ ему помощи. Такъ кончилось это послѣднее наше- ствіе хана большой орды на Россію: онъ не могъ ворваться въ ея предѣлы и не вывелъ ни одного плѣнника Московскаго. „Да не похвалятся легкомысленные страхомъ своего оружія,—писали современники. Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію“ ⁵⁾! При всеобщемъ ликованіи народа, въ благодарность Богоматери, заступленію Которой приписали освобожденіе отъ ига монголовъ, установленъ былъ ежегодный крестный ходъ въ Москвѣ, съ чудотворною Владимірскою иконою, 23 іюня, въ день бѣгства Ахмата отъ Угры.

⁴⁾ Знаменитое посланіе Вассіана находится въ лѣтописи Синодальной бібліотеки № 365, л. 487. Оно же помѣщено въ Степенной книгѣ II. 140.

⁵⁾ Ист. Карамзина VI, примѣч. 233 и 238. Современники называли р. Угру «поисомъ Богоматери»; охраняющимъ Московскія владѣнія. Рѣка Угра протекаетъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Въ 1502 году союзникъ Іоанна, Крымскій ханъ Менгли-Гирей, разрушилъ остатки Большой орды, прогнавъ хана въ степи Ногайскія и торжественно извѣстилъ Іоанна, что Большая орда уже не существуетъ.

Такъ положенъ былъ конецъ бѣдственному рабству нашихъ предковъ! Оно продолжалось около двухъ съ половиною столѣтій. Иго, въ началѣ своемъ страшное и губительное, позднѣе сдѣлалось болѣе легкимъ, ограничивалось временными нашествиями, вмѣшательствомъ въ распри князей и въ послѣднее время однимъ платежомъ дани. Наконецъ Господь помиловалъ Русскую землю и положилъ конецъ монгольскому владычеству, даровавъ Іоанну побѣду безъ пролитія крови.

Освобожденіе Россіи было почти современно уничтоженію удѣловъ и водворенію самодержавія. Покоритель Новгорода присоединилъ къ своему государству всѣ отдаленныя сѣверныя владѣнія бывшаго вольнаго города, Вятку и Пермскую землю, до самаго хребта Уральскаго, присвоилъ себѣ удѣлы многихъ ⁶⁾ мелкихъ владѣтелей, подчинилъ верховной своей власти хановъ, или царей Казанскихъ, и наконецъ завоевалъ Тверское княжество, которое боролось нѣкогда съ Москвою и спорило съ нею о первенствѣ ⁷⁾. Собиратель удѣловъ въ одно цѣлое могъ справедливо именоваться самодержцемъ всея Руси; только Псковъ оставался еще вольнымъ городомъ ⁸⁾, и Рязанское княжество сохраняло видъ державы независимой ⁹⁾.

Счастливыи въ дѣлахъ государственныхъ, Іоаннъ былъ менѣе счастливъ въ дѣлахъ семейныхъ. Отъ второй супруги своей Софіи, царевны Греческой, онъ имѣлъ сначала нѣсколько дочерей, потомъ, по молитвѣ великаго чудотворца Сергія Родонежскаго ¹⁰⁾,—сына Василия. Старшій сынъ и наслѣдникъ, Іоаннъ Младшій скончался еще при жизни отца, оставивъ послѣ себя малолѣтнаго сына Димитрія, котораго державный дѣдъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ и самъ вѣнчалъ на царство въ первопрестольномъ Успенскомъ соборѣ вѣнцомъ

⁶⁾ Верейскій удѣлъ Іоаннъ присвоилъ себѣ грамотою, а остальную часть удѣла Ростовскаго купилъ. Князья Ярославскіе, давно уже зависѣвшіе отъ Москвы, добровольно отрелись отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ. Не упоминаемъ о другихъ менѣе важныхъ удѣлахъ.

⁷⁾ Шуринъ Іоанновъ, Михаилъ Борисовичъ, носившій титулъ великаго князя Тверскаго, принужденъ былъ бѣжать въ Литву. Тамъ же нашелъ убѣжище многие изъ князей, лишенныхъ удѣловъ. Другіе сдѣлались слугами государя Московскаго.

⁸⁾ Псковъ, хотя вполнѣ покорный Іоанну, сохранялъ свое вѣче и другія принадлежности самобытной общины. Замѣчательно, что, называвшаяся младшимъ братомъ Новгорода, Псковъ не осмѣлился ослушаться Іоанна и выслалъ ему свои дружины для покоренія великаго вольнаго города.

⁹⁾ Въ Рязани княжилъ тогда Василій Ивановичъ, женатый на Аннѣ, любимой сестрѣ державнаго великаго князя Іоанна.

¹⁰⁾ «Софія желала имѣть сына и съ молитвою о семъ предприняла путешествіе изъ Москвы въ обитель преподобнаго Сергія пѣшкомъ. Прошедъ подмонастырское село Клементьево и спускаясь подъ гору къ самой обители, нечаянно увидѣла она идущаго ей на встрѣчу священнолѣннаго инока, видомъ подобнаго изображенію преп. Сергія. Онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ младенца и приближаясь внезапно положилъ его въ нѣдро великой книги. Она вострепетала и упала бы, если бы не была поддержана бывшими съ нею женами вельможъ. Сѣла и стала искать у себя въ назухъ, но ничего не нашла. Тогда уразумѣла она, что то было посѣщеніе преп. Сергія; укрѣпилась и съ упованіемъ принесла она въ обители свою молитву. Послѣ чего зачала она и родила сына Василия» (Черты житія преп. Сергія послѣ смерти, стр. 57).

Мономаховымъ ¹¹⁾. Но, какъ видно, Промыслъ Божій судилъ царствовать въ Россіи потомству императоровъ Греческихъ: Іоаннь разгнѣвался на невѣстку, мать Димитрія (можетъ быть по проискамъ греческой партіи), заключилъ подъ стражу юнаго внука и запретилъ ему называться великимъ княземъ, а вскорѣ объявилъ сына Василія наслѣдникомъ престола.

Дочь Іоанна, Елена, была въ супружествѣ съ Александромъ, сыномъ Казиміра, наслѣдственнымъ великимъ княземъ Литовскимъ и избраннымъ королемъ Польскимъ. При совершеніи сего брака Александръ обязался грамотою не беспокоить супруги въ исповѣданіи православной вѣры и дозволить ей имѣть домовую церковь, но, слишкомъ слабый характеромъ, допустилъ изувѣровъ силою обращать православныхъ къ папизму, запретилъ строить храмы православные, умножилъ костелы въ городахъ Русскихъ и даже сталъ стѣснять и оскорблять совѣсть супруги своей. Іоаннь, разгнѣванный на зятя, объявилъ войну. Грамота его заключалась словами: „хочу стоять за христіанство, сколько мнѣ Богъ поможетъ“.

Богъ благословилъ оружіе, поднятое за православную вѣру: Александръ лишился многихъ владѣній, которыя перешли къ Московскому государству ¹²⁾. Но Іоанну не суждено было окончить войну съ Литвою и наказать зятя: онъ скончался послѣ 43-лѣтняго царствованія, 27 октября 1505 года.

Іоаннь принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, воздвигаемыхъ провидѣніемъ для рѣшенія судьбы народовъ. Явившись на тронѣ въ то время, когда новая государственная система возникала повсюду, вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ государей, на развалинахъ системы феодальной или помѣстной, Іоаннь, великій и державный, совершилъ въ Русской землѣ то, что современные ему вѣнценосцы совершали въ Западной Европѣ: онъ не только учредилъ единовластіе, но былъ первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ и карою. Князья племени св. Владиміра и Гедимины служили ему наравнѣ съ другими подданными, славились чинами бояръ, дво-

¹¹⁾ Это былъ первый опытъ вѣнчанія на царство въ Москвѣ. На юнаго великаго князя Димитрія возложены были дѣдомъ бармы и вѣнецъ Мономаховъ, но о помазаніи св. муромъ не упоминается. Ист. Карамз. VI, 172.

¹²⁾ Многіе православные князья изъ рода Рюрика и Гедимины, не стерпѣвъ гоненія на православную вѣру, предалися Московскому государству вмѣстѣ съ своими владѣніями. Такъ въ составъ державы Іоанновой поступили: Масальскъ, Серпейскъ, Мпенскъ, Рыльскъ, Стародубъ, Черниговъ и другіе города, которые при заключеніи мира (уже по кончинѣ Іоанна) остались въ составѣ Московскаго государства. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ князей были потомки непримиримыхъ враговъ государя Московскаго—сынъ князя Ивана Андреевича Можайскаго—Симеонъ и внукъ Шемяки—Василій. Оба они владѣли наслѣдственно пѣлыми областями въ южной Россіи, дарованными отцамъ ихъ Казиміромъ; оба были вѣрными присяжниками короля Александра, пока онъ не вздумалъ обращать князей и народъ въ латинство. Такъ безразсудство поборниковъ папизма послужило къ распространенію южныхъ предѣловъ Московской державы.

рецкихъ, окольныхихъ, пріобрѣтая эти чины долговременною службою государю. Не принимая на себя титула царя ¹³⁾, онъ умѣлъ внушить народу безпредѣльную покорность волѣ монаршей. Онъ первый завелъ сильное многочисленное войско и умѣлъ найти воеводъ смѣлыхъ и счастливыхъ, хотя самъ не былъ отважнымъ воиномъ, и никогда не рѣшался на войну безъ крайней необходимости. При Іоаннѣ были иностранные художники, которые лили пушки, чеканили монету и строили великолѣпныя зданія ¹⁴⁾.

Царствованіе Іоанна можетъ служить яснымъ доказательствомъ той истины, что вѣнценосцы великіе являются въ свое время по волѣ Того, Кѣмъ цари царствуютъ и сильные пишутъ правду. Рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, безъ ученія, безъ наставленій,—руководимый только природнымъ умомъ, Іоаннъ сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени: силою и хитростію онъ возстановилъ свободу и цѣлость Россіи, тѣснилъ Литву, сокрушилъ вольность Новгорода, захватилъ удѣлы, расширилъ свои владѣнія до пустынь Сибири и Лапландіи на сѣверѣ, а на югѣ — почти до самаго Кіева. Бракомъ съ царевною Софіею обративъ на себя вниманіе Европы, онъ далъ себѣ мудрое правило для политики внѣшней: ласкаемый отъ Рима до Константинополя, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ западнымъ, ни гордымъ султанамъ, онъ не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чужія, избиралъ союзы только для пользы Россіи, искалъ орудій для своихъ замысловъ, а самъ никому не служилъ орудіемъ. При немъ Россія, какъ держава независимая, величественно подняла главу свою въ предѣлахъ Европы и Азіи, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Таковъ былъ нашъ первый самодержецъ въ дѣлахъ государственныхъ, въ политикѣ внутренней и внѣшней! Но въ дѣлахъ церковныхъ онъ не присвоивалъ себѣ власти, на которую не имѣлъ права. При всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ ограничивался тѣмъ, что созывалъ на соборы святителей и знатнѣйшее духовенство. Соборы въ царствованіе Іоанна созывались чаще, нежели прежде ¹⁵⁾. Государь только утвер-

¹³⁾ Впрочемъ Іоаннъ писался паремъ въ сношеніяхъ съ иностранными государями, и они въ своихъ грамотахъ величали его титулами: Kaiser, Imperator.

¹⁴⁾ Іоаннъ вызвалъ изъ Італіи знаменитаго зодчаго, Аристотеля Фіоравенти, который построилъ вновь Московскіе соборные храмы: Успенскій (освященъ въ 1479 г.) и Благовѣщенскій. Другой зодчій, миланецъ Алевизъ, былъ строителемъ Архангельскаго собора и новаго дворца великокняжескаго (теремнаго) подлѣ огромной палаты (Грановитой), основанной Маркомъ Фрязинымъ. Иностранцами же художниками воздвигнуты башни кремлевскія: Тайницкая, Боровицкая, Константино-Еленинская и другія. Фіоравенти и другіе Італіяне чеканили для Іоанна монету, лили пушки и колокола.

¹⁵⁾ О частыхъ соборахъ того времени св. Геннадій Новгородскій писалъ къ митрополиту: «поелику повелѣно намъ каждый годъ съѣзжаться къ тебѣ, нашему отцу, то да учинишь на соборѣ съ ними, твоими дѣтми и сослужебниками, исправленіе дѣлъ недоразумѣваемыхъ». Къ сожалѣнію, этотъ обычай, столько полезный для дѣлъ церковныхъ, въ позднѣйшее время вышелъ изъ употребленія. Какъ бы полезно было и въ наше, скудное вѣрою, время, если-бъ архипастыри собирались по временамъ къ одному изъ старѣйшихъ святителей для совѣщанія о потребностяхъ Церкви.

ждали соборныя рѣшенія и содѣйствовали исполненію приговоровъ своею властію. Такъ поступали и преемники Іоанна.

На соборѣ 1503 года Іоаннъ предложилъ вопросъ объ имѣніяхъ церковныхъ, по поводу вотчинъ владычныхъ и монастырскихъ, отобранныхъ имъ въ Новгородской епархіи послѣ покоренія вольнаго города. Самодержецъ желалъ, чтобы были отобраны въ казну имѣнія и прочіихъ монастырей Русскихъ. Замѣчательно, что того же желали и пустынники Бѣлозерскіе; Паисій Ярославовъ ¹⁶⁾ и ученикъ его, преп. Ниль Сорскій, говорили, — что неприлично монастырямъ владѣть селами, такъ какъ чернецы должны жить въ пустыняхъ и кормиться своимъ рукодѣльемъ. Но преп. Іосифъ, ученикъ Пафнутія Боровскаго и основатель монастыря близъ Волоколамска, держался другого мнѣнія. Онъ находилъ необходимымъ, какъ для благолѣпія церковнаго, такъ и для поддержанія монашеской жизни въ сословіяхъ болѣе образованныхъ, чтобы монастыри пользовались нѣкоторымъ довольствомъ и владѣли недвижимыми имуществами ¹⁷⁾. Святители разсудили, что въ Греческой Церкви не существовали запрещенія монастырямъ и церквямъ владѣть недвижимыми имѣніями; въ Русской землѣ было то же со временъ св. Владиміра и Ярослава; даже злочестивые ханы ордынскіе щадили собственность епископовъ и обителей иноческихъ. „Не смѣемъ, — заключилъ соборъ, — отдать церковнаго стяжанія: оно принадлежитъ Богу и неприкосновенно“. И государь, котораго слово было закономъ, добровольно подчинился рѣшенію собора.

На томъ же соборѣ разсуждали о вдовыхъ священникахъ. Еще св. Фотій, желая пресѣчь поводъ къ соблазну стригольникамъ во Псковѣ, запрещалъ Псковскимъ вдовымъ священникамъ священнодѣйствовать. Митрополитъ Θεодосій особенно заботился о нравственности бѣлаго духовенства: вдовыхъ священниковъ онъ отсылалъ въ монастыри, развратныхъ лишалъ сана. Къ скорби добраго пастыря, недостойныхъ оказалось много, и много храмовъ опустѣло безъ священниковъ; народъ поднялъ ропотъ на святителя, и Θεодосій отказался отъ каеэдры ¹⁸⁾. Соборъ 1503 года постановилъ правиломъ, чтобы вдо-

¹⁶⁾ Блаж. Паисій Ярославовъ, постриженникъ Спасокаменскій, старецъ Кириллова монастыря, потомъ игумень Сергіевой лавры, отказавшійся отъ престола митрополита, пошелъ въ той обители, гдѣ принялъ иночество. Онъ былъ наставникомъ одного изъ великихъ отцовъ Русской Церкви, преп. Нила Сорскаго и другихъ подвижниковъ и занималъ первое мѣсто въ числѣ пустынныхъ старцевъ, считавшихъ неполезнымъ для монастырей обладаніе селами.

¹⁷⁾ Іосифъ говорилъ на соборѣ: «аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному человѣку постригшися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополию или архіепископа, или епископа на всякія честныя власти» (Прибавл. въ Твор. Отц. 1851, стр. 505).

¹⁸⁾ Митрополитъ Θεодосій, оставивъ каеэдру въ 1465 году, окончилъ жизнь свою строгимъ подвижникомъ въ кельѣ Чудова монастыря. Тамъ онъ взялъ старика, покрытаго ранами, самъ служилъ ему и обмывалъ раны его до конца своей жизни. Преемникъ его митрополитъ Филиппъ I, былъ также пастырь ревностный и просвѣщенный: когда легать папскій, сопровождавшій въ Москву невѣсту великаго князя, Софію, хотѣлъ имѣть торжественный въѣздъ въ Москву, съ вренесеніемъ большаго серебрянаго креста, блаж. свя-

вые священники и діаконъ не отправляли священнослуженія, пока не рѣшатся обязать себя монашескимъ обѣтомъ чистоты. Имъ предоставлено, если ведутъ они жизнь непорочную, причащаться въ алтарѣ—іереямъ въ епитрахильяхъ, діаконамъ въ стихаряхъ, а за пѣніе на клиросѣ пользоваться четвертою частію доходовъ. Съ того времени стали выдавать епитрахильныя грамоты ¹⁹⁾.

Важнѣйшимъ предметомъ для Московскихъ соборовъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка была ересь жидовствующихъ. Въ 1470 году пришелъ въ Новгородъ изъ Кіева еврей Схарія (Захарія), хорошо знакомый съ естественными науками, извѣстными тогда подъ именемъ алхиміи, онъ успѣлъ обольстить легковѣрныхъ мнимыми чудесами магіи и совратить ихъ въ ересь. Два священника, Діонисій и Алексій, обманутые Схаріей, и вновь прибывшіе изъ Литвы четыре еврея распространили заразу ложнаго ученія; самъ Софійскій протопопъ Гавріилъ былъ въ числѣ зараженныхъ. Въ 1480 году великій князь Іоаннъ взялъ въ Москву двухъ начальниковъ общества, священника Алексія—протопопомъ въ Успенскій соборъ, а Діонисія—священникомъ въ Архангельскій; сюда перешла съ ними и ересь. Они казались людьми кроткими, воздержными, праведными и тайно разсѣвали плевелы лжеученія. Дѣйствуя тайно и хитро, они нашли себѣ слушателей даже при дворѣ; таковы были: близкій къ великому князю дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ. Алексій и Курицынъ имѣли такой свободный входъ къ великому князю, какого никто не имѣлъ. Нельзя было требовать обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ для распространенія ереси. Она была подъ защитой такихъ людей, которые занимали важныя мѣста въ Церкви и государствѣ, могла даже ожидать покровительства отъ самого великаго князя, котораго, какъ самъ онъ послѣ признавался, еретики старались уловить въ свои сѣти. Такъ прошло и еще нѣсколько лѣтъ.

Въ Новгородѣ архіепископъ Сергій, слабый духомъ и тѣломъ и нелюбимый народомъ, видѣлъ опасность, но не имѣлъ твердости дѣйствовать противъ нея ²⁰⁾. Наконецъ Провидѣніе дало Церкви Русской

титель Филиппъ объявилъ Іоанну: «если легать влѣдетъ съ крыжемъ въ одни ворота, то я, отецъ вашъ, выйду въ другія; кто чествитъ чужую вѣру, тотъ унижаетъ свою». И легату велѣно было спрятать крыжъ. Филиппъ преставился въ 1473 году и вписанъ въ старинныхъ рукописныхъ святцахъ въ числѣ святыхъ.

¹⁹⁾ Георгій Скрипица, Ростовскій священникъ, представилъ собору весьма основательное письменное возраженіе противъ распоряженій о вдовыхъ священникахъ. «Пусть,— писалъ онъ,—подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ чистоты вдовства своего. Зачѣмъ же безъ вины отлучать прочихъ, и безъ того уже тяжело наказанныхъ судомъ Божиимъ? Справедливо ли, что вдовый священникъ, постригшись, служить не только въ монастырѣ, но и въ городахъ и въ селахъ, а тотъ же священникъ, если не постригся, не можетъ служить ни въ пустынѣ, ни въ городѣ, ни въ селѣ?» Посланіе Георгія напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1847 года.

²⁰⁾ Сергій, бывшій архимандритъ Чудовскій, первый владыка, присланный въ Новгородъ изъ Москвы, по низложеніи блж. Ѳеофила пробылъ на каеедрѣ Софійской не болѣе одного года.

сильнаго поборника вѣры. На кафедрѣ Новгородской явился извѣстный ученостію, а еще болѣе ревностію по правдѣ, мужественный, дѣятельный, твердый Геннадій ²¹⁾. Вскорѣ по прибытіи на паству онъ открылъ существованіе тайнаго общества и донесъ о томъ великому князю и митрополиту, а самъ приступилъ къ розыску. Нѣкоторые изъ еретиковъ уличены въ Москвѣ и преданы казни. Съ своей стороны ревностный Геннадій, руководствуясь строгимъ указомъ государя, дѣйствовалъ успѣшно. Въ Новгородѣ еретики присмирѣли; одни принесли раскаяніе, другіе подверглись заточенію.

Не такъ было въ Москвѣ: тамъ ересь находила покровительство съ одной стороны въ Курицынѣ, съ другой—въ новомъ митрополитѣ Зосимѣ. Несмотря на то, по державной волѣ Іоанна, въ Москвѣ 17 октября 1490 года открытъ былъ соборъ ²²⁾. Допросили еретиковъ, обличили ихъ, предали проклятію, нѣкоторыхъ сослали въ заточеніе, другихъ отправили въ Новгородъ къ святителю Геннадію, который, давно желая искоренить настоящее зло и страхомъ наказанія предотвратить будущее, подвергъ еретиковъ всенародному позору ²³⁾.

Повидимому, лжеученіе утихло, тѣмъ болѣе, что и судъ Божій каралъ богохульниковъ ²⁴⁾, но въ тайнѣ оно продолжало распространяться въ Москвѣ. Зосима не только давалъ волю злу, но и наказывалъ смѣлыхъ обличителей нечестія. Даже въ самомъ Новгородѣ еретики, употребляя во зло снисходительность св. Геннадія, исходатайствовали себѣ свободу лицемѣрнымъ покаяніемъ и разнесли свое нечестивое ученіе по многимъ городамъ и селамъ. Всеобщее ожиданіе кончины міра, оказавшееся напраснымъ ²⁵⁾, дало имъ поволье съ без-

²¹⁾ Геннадій, по прозванію Гонзовъ, ученикъ преп. Савватія Соловецкаго, «мужъ (по отзыву степенной книги) сановитый, мудрый, добродѣтельный и свѣдующій въ Писаніи», былъ въ 1480 году архимандритомъ Московскаго Чудова монастыря. Тамъ заложилъ онъ каменный храмъ въ честь святителя Алексія.

²²⁾ На этомъ соборѣ были святители: Тихонъ Ростовскій, Нифонтъ Суздальскій, Симеонъ Рязанскій, Вассіанъ Тверскій, Прохоръ Сарскій и Ѳилоеѣй Пермскій. Предѣлательствовалъ митрополитъ Зосима, тайный злоумышленникъ еретиковъ. Вмѣсто великаго князя присутствовалъ на соборѣ сынъ и наслѣдникъ его, Василій Ивановичъ.

²³⁾ Присланныхъ изъ Москвы еретиковъ онъ велѣлъ посадить на коней лицомъ къ хвосту въ вывороченныхъ тудухахъ, въ шлемахъ берестовыхъ, остроконечныхъ съ мочальными кистями, съ вѣнчиками изъ сѣна и соломы и съ надписью: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ возили ихъ по улицамъ, проходящіе плевали имъ въ глаза и говорили: «се враги Божіи, хульники Христа!».

²⁴⁾ Діонисій впалъ въ сумасшествіе, кричалъ на разные голоса и умеръ скоропостижно; протопопъ Алексій, чернецъ Захаръ и дякъ Истома погибли мучительною смертію.

²⁵⁾ Мы упоминали еще прежде, что при окончаніи седьмого тысячелѣтія отъ сотворенія міра (по греческому лѣтосчисленію) были сильныя ожиданія кончины міра. Когда въ 1408 году окончился міротворный кругъ, то рѣшились продолжать пасхальное счисленіе не на 532 года (какъ бы слѣдовало для полнаго міротворнаго круга), а только на 84 года, т. е. до 1492 года отъ Рождества Христова или 7000 года отъ сотворенія міра. Наконецъ этотъ роковой годъ наступилъ и миновалъ благополучно; только еретикамъ открылись новыя средства противъ поборниковъ истины. Св. Геннадій, по соборному опредѣленію въ 1492 году, составилъ пасхальныя числа на 70 лѣтъ восьмой тысячи и написалъ «коловоротный ключъ пасхальный на 532 года», при которомъ не только въ цѣлой тысячѣ лѣтъ

стыдною наглостью смѣяться не только надъ ожиданіемъ христіанъ, но и надъ самыми догматами православія: „если Христосъ есть Месія, говорили они, почему же не является Онъ въ славѣ Своей, по вашему ожиданію?“ Ересь снова усилилась въ Новгородѣ ²⁶⁾, съ дикимъ нечестіемъ и страшными мерзостями разврата. Пламенный ревнитель православія, Геннадій призвалъ къ себѣ на помощь пр. Іосифа Волоколамскаго: они оба стали дѣйствовать рѣшительно, несмотря на силу ереси при дворѣ. Хотя митрополитъ Зосима принужденъ былъ въ 1494 году оставить кафедру, но для искорененія зла нужно было участіе цѣлой Церкви Русской, нуженъ былъ новый соборъ, который и былъ созванъ державнымъ Іоанномъ въ 1503 году. Въ числѣ за-сѣдавшихъ на соборѣ былъ и игуменъ Волоколамскій; онъ требовалъ казни еретиковъ. Обвиняемые были столь дерзки, что рѣшились открыто защищать свое ученіе. Но пламенное, проникнутое силою слова Божія и писаній отцовъ Церкви, слово Іосифа на всѣхъ пунктахъ обличало и опровергало ихъ; важнѣйшіе изъ еретиковъ наконецъ были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ; другимъ рѣзали языки, иныхъ заключали въ темницу. Осужденные хотѣли было спасти себя лицемѣрнымъ раскаяніемъ, но Іосифъ настаивалъ, что притворство, вынужденное страхомъ наказаній, не есть раскаяніе истинное, и еретики не избѣгли строгости гражданскаго суда. Такъ по крайней мѣрѣ наружно кончились успѣхи ереси, которая распространилась тайно, свирѣпствовала долго и сильно ²⁷⁾.

Мы изложили ходъ жидовской ереси къ Русской Церкви, но не сказали еще ни слова о сущности лжеученія еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ жидовствующихъ. По соборному дознанію 1503 года, они 1) отвергали воплощеніе Сына Божія; 2) не вѣрили воскресенію Іисуса Христа и вообще воскресенію мертвыхъ; 3) не чтили Богома-

но и далѣе можно находить пасхальное число того и другого года. Онъ разослалъ по своей паствѣ выѣсть съ пасхаліею окружное посланіе съ тою главною мыслию, что о днѣ и часѣ пришествія Христова не предоставлено знать людямъ, а потому преступно и толковать о томъ.

²⁶⁾ Въ это время предводителемъ еретиковъ въ Новгородѣ былъ Юрьевскій архимандритъ Кассіанъ, столько же дерзкій, сколько и развратный еретикъ. Присланный на это мѣсто изъ Москвы по ходатайству дьяка Θεодора Курицына и надѣясь на защиту своего сильнаго покровителя, онъ собиралъ къ себѣ разбѣжавшихся изъ Новгорода еретиковъ, несмотря на противодѣйствіе мѣстнаго владыки.

²⁷⁾ Сохранился отрывокъ изъ позднѣйшаго посланія преп. Іосифа къ в. к. Василю Ивановичу о томъ: «иже еретика руками убити или молитвою, едино есть». Это посланіе вызвало строгое письменное осужденіе мыслямъ Іосифа со стороны заволжскихъ иноковъ, старцевъ Кириллова и другихъ монастырей; они убѣждали въ необходимости милосердія къ заблуждающимся и въ неумѣстности крутыхъ уголовныхъ мѣръ въ дѣлѣ вѣры, хотя казни послѣдовали не по соборному опредѣленію, а по волѣ великаго князя (Древняя Русская Вивлюэнка XVI, 423 и 424). Іосифъ отвѣчалъ посланіемъ (Рукопись Моск. Дух. Акад. № 171). Видно, что нѣкоторые, освободясь отъ казни лицемѣрнымъ раскаяніемъ, остались съ ложными мыслями. Смертныи приговоръ еретикамъ (въ числѣ сожженныхъ были дьякъ Курицынъ и архимандритъ Кассіанъ) долго возбуждалъ противъ себя жалобы, но лжеучители, обузданные страхомъ казни, не смѣли уже распространять ереси.

тери, угодниковъ Божіихъ, иконъ и мощей; 4) не признавали св. Евхаристіи и прочихъ таинствъ; 5) держались болѣе ветхаго завѣта, нежели новаго, праздную пасху по-іудейски (т.-е. по Іудейскому календарю); 6) не наблюдали постовъ, отвергали монашество и предавались явному разврату.

Происхожденіе ереси изъ Литвы ясно указываетъ на то, что начало ея нужно искать въ броженіи идей рачіонализма, распространенныхъ на западѣ задолго до временъ Лютеровой реформы и даже до появленія Соцініанства²⁸⁾. Жидовскій элементъ былъ внесенъ въ ученіе ереси, по всей вѣроятности, самимъ Схаріей или людьми пришедшими съ нимъ въ Новгородъ, потому что они сами были евреи.

Весьма болѣзненно было для Церкви Русской появленіе въ нѣдрахъ ея такой новой, совершенно противной христіанству ереси. Но въ то же время отрадою и славою Церкви были два ревностныхъ дѣятеля—неутомимый въ подвигахъ св. архіепископъ Геннадій²⁹⁾ и искренно благочестивый учитель чистой вѣры преп. Іосифъ Волоколамскій³⁰⁾.

²⁸⁾ Въ Западной Европѣ еще въ XIII столѣтіи было общество еретиковъ, называвшихся обрѣзанными (circumcisi). Около половины того же столѣтія образовалась въ Лонгобардіи секта Пассажировъ (Passagieri). Сущность ученія ихъ состояла въ томъ, что они не принимали Таинства Св. Троицы въ такомъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ его православная Церковь. Пассажиры отвергали также равенство Сына Божія и Святаго Духа Богу Отцу; сверхъ того держались закона Моисеева, соблюдали обрѣзаніе и другіе обряды Іудейской религіи (Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ въ Русской Церкви Н. А. Руднева, стр. 139). Впрочемъ въ нашей жидовской ереси дѣйствовали и природныя жида.

²⁹⁾ Св. Геннадій былъ вскорѣ оклеветанъ предъ великимъ княземъ Василіемъ и въ 1504 году, вызванный въ Москву, подалъ грамоту, которою отказался отъ управления епархіей, и мѣстомъ уединенія избралъ себѣ Чудовъ монастырь. Здѣсь онъ предалъ духъ свой Господу 3 декабря 1515 года; честное тѣло его погребено въ правомъ предбалтаріи Михайловскаго храма, въ той самой могилѣ, гдѣ покоились мощи св. митрополита Алексія до перенесенія ихъ въ новый, посвященный ему храмъ.

³⁰⁾ О письменныхъ трудахъ преп. Іосифа Волоколамскаго мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Г Л А В А IV.

Ревность о православіи и просвѣщеніи въ южно-русской митрополіи.— Соборъ въ Вильнѣ.—Священномученикъ Макарій, митрополитъ Кіевскій.—Упадокъ образованія въ сѣверной Руси.—Обители иноческія.—Разсадники духовнаго просвѣщенія.—Библия, собранная святителемъ Геннадіемъ.—Жизнь и писанія преп. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.—Свѣтъ Христовъ на крайнемъ Сѣверѣ: преп. Евемій Корельскій и первоначальники Соловецкіе: Савватій, Германъ и Зосима.

Обозрѣніе достославнаго царствованія Іоанна III отвлекло насъ отъ дѣлъ южной митрополіи, о которыхъ мы почти не упоминали съ того времени, когда православная Русская Церковь, по преставленіи святителя Іоны, окончательно раздѣлилась на двѣ половины, подъ отдѣльнымъ управленіемъ двухъ іерарховъ.

Чистота вѣры и ревность къ православію сохранялись въ юго-западной Руси иновѣрною властію, несмотря на козни папизма. Мы видѣли, что гоненіе, воздвигнутое въ Литвѣ противъ православія, послужило во вредъ самимъ гонителямъ: слабый великій князь Александръ за послабленіе фанатизму принужденъ былъ уступить Москвѣ свои восточныя владѣнія по Днѣпръ. Хотя папа, со времени Флорентійскаго собора, считалъ себя законнымъ распорядителемъ Церкви не только на западѣ, но и на востокѣ, но унія не распространялась въ Литовской Руси, несмотря на то, что ученикъ отступника Исидора, Григорій, долго занималъ первосвятительскую кафедру Кіева ¹⁾. Преемники его были архипастыри православные, избираемые своими епископами, съ утвержденія патріарха Константинопольскаго. Несмотря на скудость свѣдѣній объ этомъ времени, мы часто встрѣчаемъ указанія на сношенія ихъ съ Константинополемъ и никакого намека на сношенія съ Римомъ ²⁾.

Живое и общее стремленіе къ наукамъ, пробудившееся въ Европѣ, отразилось и на западной Руси. Нѣкоторые изъ дворянъ православныхъ еще въ XV вѣкѣ слушали уроки въ Краковской академіи, въ Прагѣ и другихъ мѣстахъ. Необходимость охраненія чистой вѣры

¹⁾ Литовская церковная унія, соч. М. Кояловича, т. I, стр. 16—22.

²⁾ Статья «Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской» въ прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1854, стр. 535.

предковъ отъ покушенія папы заставила умножать собственныя училища. А для размноженія православныхъ богослужебныхъ книгъ и сохраненія ихъ отъ злонамѣренныхъ поврежденій послужили типографіи въ Краковѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, учрежденныя вскорѣ по избрѣтеніи книгопечатанія ³⁾.

Блистательнымъ памятникомъ заботливости южныхъ пастырей о лучшемъ управленіи Церковію Христовою служить Виленскій Соборъ 1509 г. На немъ составлены были правила благоразумныя, твердыя, достойныя восточнаго православія. Изобразивъ печальное состояніе южной своей Церкви, Соборъ постановилъ: 1) Не подкупать никого для полученія сана епископскаго, и епископа, поставляющаго въ священство за деньги, лишать власти. 2) Не поставлять въ священство людей чужой епархіи. 3) Поставлять въ священство людей достойныхъ, одобренныхъ судомъ духовника. Если бы и самъ государь прислалъ недостойнаго, то вѣзмъ епископамъ съ митрополитомъ, явясъ къ государю, объявить недостойнство того и ни за что не посвящать. 4) Отлучать отъ священства тѣхъ, которые, скрывъ свое поведеніе предъ духовникомъ, обнаружатъ жизнь своею недостойнство. 5) Не допускать до священнодѣйствія священниковъ и иночествующихъ, когда являются безъ увольнительной грамоты. 6) Не допускать къ служенію и вдовыхъ священниковъ, пока не поступятъ въ монашество. 7) Священниковъ и игуменовъ безъ вины не лишать церковей ихъ. 8) „Если князь или бояринъ отниметъ церковь отъ священника безъ вины и свидѣтельства святительскаго, то не давать другого священника, пока не оказана будетъ справедливость невинно-обиженному“. 9) Князь или бояринъ можетъ оставлять церковь безъ священника не долѣе, какъ на три мѣсяца; по прошествіи срока сего посылать священника по усмотрѣнію епископа. 10) Не отнимать имѣній у церковей. 11) Священникъ, священствующій только по волѣ князя или боярина, но безъ благословенія святителя лишается сана. 12) Также игумены-іеромонахи, произвольно удаляющіеся изъ обители. 13) Епископамъ не принимать на себя мірскихъ дѣлъ и не уклоняться отъ Соборовъ за недосугами. Наконецъ, 14) „если государь, или бояре, или другая власть пришлеть за митрополитомъ или епископомъ по какому-либо изъ постановленныхъ и утвержденныхъ теперь правилъ, желая разрушить заповѣдь, положенную по правиламъ апостольскимъ и выполнить свою волю, то никому на то не осмѣливаться, а вѣзмъ немедленно съѣхать къ митрополиту, каждому на свой счетъ, смиренно просить государя и твердо стоять, дабы не былъ нарушенъ законъ, положенный и утвержденный по правиламъ Божиимъ, апостольскимъ и отеческимъ“ ⁴⁾.

Эти опредѣленія писаны, какъ очевидно, подъ вліяніемъ особенной осторожности и вниманія къ вліянію иновѣрной гражданской

³⁾ Въ Краковѣ изданы (въ 1491 г.) псалтирь, часословъ, шестодневъ, тріоди. Въ Вильнѣ съ 1525 года напечатано много церковныхъ книгъ. Позднѣе издавались онѣ въ Заблудовѣ, Львовѣ, Острогѣ.

⁴⁾ Опредѣленія Виленскаго собора помѣщены въ Истор. Акт. Т. I, № 289.

власти; они поставлены такимъ образомъ въ главное руководство для управленія православною Церковью среди козней папизма.

Южная Русь много страдала отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ; они нѣсколько разъ опустошали югъ, убивали или уводили въ плѣнъ христіанъ, грабили и жгли храмы. Особенно пораженъ былъ югъ глупою скорбію, когда Татары, сдѣлавъ внезапный набѣгъ, умертвили митрополита Макарія ⁵⁾, мужа святой жизни и пастыря ревностнаго (1 мая 1497 г.). Макарій отправился изъ Вильны въ Кіевъ, съ тѣмъ, чтобы заняться исправленіемъ дѣлъ, разстроенныхъ нападеніями тѣхъ же Татаръ, преимущественно же возобновеніемъ Софійскаго храма; Татары нагнали его въ селѣ Скрыголовѣ на р. Бчичи, за 5 миль отъ Мозыря. Современный лѣтописецъ, знавшій жизнь Макарія, оплакиваетъ смерть его, какъ наказаніе за грѣхи паствы, но вмѣстѣ видитъ въ ней залогъ награды за его святую ревность. И онъ не ошибся: мощи Макарія прославлены нетлѣніемъ, какъ мощи священномученика ⁶⁾.

Въ сѣверной Руси, или государствѣ Московскомъ, усердіе къ вѣрѣ и отвращеніе отъ всего неправославнаго были такъ же живы и искренни, какъ и на юго-западѣ Русской земли, хотя образованіе не только мірянъ, но и клира находилось въ жалкомъ положеніи. Въ XIV вѣкѣ, даже въ началѣ XV, еще были (особенно въ Новгородѣ, въ Москвѣ и другихъ городахъ) училища для первоначальнаго обученія грамотѣ, чтенію, письму и церковному пѣнію подъ руководствомъ мѣстныхъ священнослужителей ⁷⁾, но къ концу XV столѣтія невѣжество стало усиливаться. Какъ печальна картина, представленная блаж. архіепископомъ Геннадіемъ, богомудрымъ ревнителемъ просвѣщенія! „Вотъ,—пишетъ онъ къ митрополиту,—приводятъ ко мнѣ мужика для поставленія въ священный санъ: я приказываю дать ему читать апостоль, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: „земля, господине, такова; не можетъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ“. Вотъ и обругалъ всю землю,—будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить“. Приказываю учить ектенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, а они, немного поучившись азбукѣ, просятъ прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа недостаетъ ставить неучей въ священники. Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ: а между

⁵⁾ Св. митрополитъ Макарій посвященъ въ этотъ санъ изъ архимандритовъ Виленскаго Троицкаго монастыря въ 1495 году.

⁶⁾ Нетлѣнныя мощи священномученика Макарія почиваютъ открыто въ Кіевскомъ соборѣ. Тамъ же хранится кипарисный крестъ святителя.

⁷⁾ Въ одномъ изъ такихъ училищъ воспитывался сирота Иванецъ, впоследствии святитель Новгородскій Іона, какъ видно изъ житія его. И соборъ 1551 года свидѣтельствуетъ, что «въ прежнія времена въ Москвѣ, въ Новгородѣ и другихъ городахъ бывало много училищъ».

тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, едва-едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ“. Вотъ какъ готовили къ сану учителей Церкви! Вотъ каковы были познанія будущихъ наставниковъ народа! Святитель Геннадій молилъ великаго князя и митрополита объ учрежденіи первоначальныхъ училищъ, но не видно, чтобы желанія его были исполнены ⁸⁾).

Не было въ храмахъ живой изустной проповѣди слова Божія: она, по необходимости, замѣнялась уставными чтеніями изъ древнихъ учителей Церкви. Люди неграмотные, составлявшіе огромное большинство народа, не могли освободиться отъ суевѣрія и ложныхъ толкованій, потому что поученія, писанныя для древняго времени или другой страны, переведенныя неяснымъ языкомъ и читаемыя въ церкви безъ всякаго изъясненія, были для нихъ совершенно невразумительны. Такое невѣжество народа открывало къ нему свободный доступъ всѣмъ учителямъ лжи, всѣмъ сѣятелямъ ересей и расколовъ. Пагубные плоды такого посѣва увидимъ въ послѣдующее время.

Только смиренныя обители иноческія продолжали распространять просвѣщеніе духовное по Русской землѣ; въ нихъ попрежнему духовный опытъ объясняли подвижникамъ тайны вѣры и благочестія; примѣры святой жизни разливали свѣтъ и жизнь на современниковъ. Во многихъ обителяхъ списывали отеческія сочиненія, заносили въ лѣтописи событія современные, писали житія угодниковъ Божіихъ.

Памятникомъ пастырской заботливости св. владыки Новгородскаго Геннадія сохранился составленный имъ полный списокъ Библии ⁹⁾. При этомъ онъ желалъ не только доставить православнымъ возможность читать Священное Писаніе, необходимое для всѣхъ и почти никому недоступное ¹⁰⁾, но и оградить простодушныхъ отъ оболъщенной еретиковъ, которые выдавали подложныя и баснословныя сочиненія за книги священныя.

Другой знаменитый ревнитель и труженикъ духовнаго просвѣщенія былъ преп. Іосифъ, Волоцкій чудотворецъ. Уроженецъ Волока-Ламскаго, онъ происходилъ изъ дворянскаго рода Саниныхъ. Ученикъ опытнаго наставника преп. Пафнутія Боровскаго, Іосифъ наслѣдовалъ ему, по желанію братіи, въ управленіи монастыремъ. Какъ пламенный приверженецъ общежительнаго житія, онъ предлагалъ братіи ввести

⁸⁾ Исторія Русск. Церкви преосв. Филарета Черниговскаго, изд. 3-е. Пер. III, стр. 94.

⁹⁾ Полный списокъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета, древнѣйшій изъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ въ Россіи, написанъ въ 1499 году въ Новгородѣ по волѣ св. Гениадія и хранится въ Моск. Синод. Библ. подъ № 915. Нѣкоторыя изъ ветхозавѣтныхъ книгъ помѣщены въ переводѣ съ еврейскаго, другія—съ греческаго, а нѣкоторыя—съ латинской вульгаты. Превосходный обзоръ этой замѣчательной рукописи, составленный А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, помѣщенъ въ описи рукоп. Синод. библ., стр. 1—164.

¹⁰⁾ Отдѣльныя священныя книги не легко было отыскать и самому владыкѣ Новгородскому, какъ видно изъ посланія его.

въ обитель чинъ общежитія, и когда предложеніе не было принято, тайно ушелъ на Бѣлое озеро и тамъ нѣсколько лѣтъ, въ видѣ простаго послушника, на опытѣ изучалъ уставъ общежитія, который былъ составленъ преп. Кирилломъ и сохранялся во всей строгости. Такъ у братіи все было общее—и пища и одежда; собственности личной не было; послушаніе было совершенное, такъ что безъ благословенія старца не дѣлалось ни малѣйшаго дѣла; въ храмѣ иноки вели себя благоговѣнно, каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, погруженный въ молитву; за трапезою безмолвно внимали чтенію душеспасительныхъ книгъ. Іосифъ принялъ на себя послушаніе въ хлѣбопекарнѣ монастырской; между тѣмъ онъ старался точнѣе узнать уставъ преп. Кирилла и бесѣдоваль со старцами, болѣе прочихъ знакомыми съ преданіями богомудраго основателя обители. Здѣсь Іосифъ нашель тотъ порядокъ, который желалъ учредить въ своемъ братствѣ. Посѣтивъ еще нѣсколько монастырей ¹¹⁾, ревностный игумень возвратился въ свою обитель, снова предложилъ братіи правила общежитія и, получивъ новый отказъ, рѣшилъ оставить навсегда Пафнутіевъ монастырь и основать свой собственный, чтобъ устроить его по своему желанію. Для сего съ семью преданными ему иноками онъ удалился въ знакомые ему лѣса Волоколамскіе.

Князь Волоколамскій Борисъ Васильевичъ, давно слышавшій о добродѣтеляхъ Іосифа, узнавъ о прибытіи его въ предѣлы Волоколамскіе, отдалъ въ полную его волю выбрать мѣсто для обители ¹²⁾. Она была основана преп. Іосифомъ въ 1479 году.

При самомъ началѣ монастыря ревностный основатель не имѣлъ возможности учредить общее житіе; но когда число братіи возрасло значительно и удовлетвореніе внѣшнихъ нуждъ обезпечено было обильными вкладами, тогда Іосифъ учредилъ порядокъ общежительныхъ монастырей, избравъ образцомъ преимущественно уставъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря.

По правилу преп. Іосифа, у братіи должно быть все общее: одежда, обувь, пища, питіе; никто изъ братіи безъ благословенія настоятеля не могъ взять въ келію ни малѣйшей вещи; не долженъ былъ ничего ни ѣсть и пить отдѣльно отъ другихъ; хмельные напитки не только не позволялось держать въ монастырѣ, но запрещалось привозить пріѣзжающимъ и въ гостиницу. Къ божественной службѣ должно было являться по первому благовѣсту и занимать въ храмѣ опредѣленное для каждаго мѣсто; переходить съ мѣста на мѣсто или разговаривать во время службы запрещалось. Послѣ литургіи всѣ должны были идти въ трапезу, вкушать пищу безмолвно и внимать чтенію. Въ свободное отъ службы время братія должна была участво-

¹¹⁾ Въ это время онъ посѣтилъ Тверской Саввинъ монастырь, Савватіеву пустынь близъ Твери, гдѣ подвизался тогда дивный старецъ Евфросинъ, проведшій 60 лѣтъ безвыходно въ пустынь, и видѣлъ преп. Макарія въ Калязинской его обители.

¹²⁾ Мѣсто для новой обители избрано Іосифомъ среди густаго сосноваго лѣса на берегу небольшой рѣчки Струги, вливающейся въ р. Сестрь.

вать въ общихъ работахъ или, сидя по кельямъ, заниматься рукодѣльемъ. Послѣ повечерія не позволялось останавливаться въ монастырѣ или сходиться, но каждый долженъ былъ идти въ свою келью и съ наступленіемъ вечера исповѣдываться отцу своему духовному,— въ чемъ кто согрѣшилъ въ теченіе дня. Женщинамъ и дѣтямъ запрещенъ былъ входъ въ монастырь, а братіи—всякая бесѣда съ ними¹³⁾. Безъ благословенія никто не могъ выходить за ворота. Для управленія монастыремъ былъ совѣтъ изъ старцевъ.

Подъ руководствомъ преп. Іосифа братія подвизалась усердно на поприщѣ иноческой жизни. Все время было посвящено или молитвѣ, или трудамъ тѣлеснымъ. Пища была самая простая; всѣ носили худыя одежды, обувь изъ лыкъ, терпѣли зной и холодъ съ благодушіемъ; не было между ними смѣха и празднословія, но видны были постоянныя слезы сокрушенія сердечнаго. Въ кельяхъ своихъ братія ничего не имѣли, кромѣ иконъ, книгъ божественныхъ и худыхъ ризъ, а потому у дверей келій и не было запоровъ. Кромѣ обыкновеннаго правила монашескаго, иной полагалъ еще по тысячѣ, другой по двѣ и по три тысячи поклоновъ въ день. Для большаго самоумерщвленія иной носилъ желѣзную броню, другой тяжелыя вериги, третій острую власяницу. Большая часть ночи проходила въ молитвѣ. Сну предавались на короткое время, иной сидя, иной стоя. И всѣ такіе подвиги предпринимались не самовольно, но съ благословенія настоятеля. Такимъ образомъ послушаніе освящало ихъ и любовь увѣнчивала. Каждый готовъ былъ помочь тѣлеснымъ и душевнымъ нуждамъ своего брата. Знаменитость происхожденія, мірская слава и богатство за вратами были забываемы. Приходилъ ли въ монастырь пищій или богачъ, рабъ или вельможа, они равны были; на каждого возлагались одинакіе труды, и почестъ отдаваема была только тѣмъ, которые болѣе подвизались и преуспѣвали на поприщѣ иноческихъ подвиговъ.

Самъ Іосифъ во всемъ былъ примѣромъ для братіи. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ храмъ Божій, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, говорилъ поученія и послѣ всѣхъ выходилъ изъ храма. Была ли общая работа для братіи, онъ спѣшилъ и здѣсь предварить всѣхъ,— трудился, какъ послѣдній изъ братіи; носилъ такую убогую одежду, что часто его не узнавали; изнурялъ себя постомъ и бдѣніемъ, вкушая пищу большею частію только черезъ день и проводя ночи въ молитвѣ. Но не видали его никогда дряхлымъ или изнемогающимъ; всегда лицо его было свѣтло, отражая душевную чистоту. Съ любовію помогалъ онъ братіи во всѣхъ ихъ нуждахъ; особенное вниманіе обращалъ на душевное состояніе каждого, подавалъ мудрыя совѣты и силу слова подкрѣплялъ усердною молитвою къ Богу о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Когда кто изъ братій боялся или стыдился открывать ему свои

¹³⁾ Строго запрещая женщинамъ входъ въ монастырь, преп. Іосифъ отказался принять даже престарѣлую мать свою инокиню, когда она просила свиданія съ нимъ.

помыслы, опытный старецъ, проводя внутреннія помышленія, самъ заводилъ бесѣду о нихъ и подавалъ нужные совѣты. Ночью тайно обходилъ онъ кельи, чтобы видѣть, чѣмъ кто занимается, и если слышалъ гдѣ разговоръ послѣ повечерія, то ударялъ въ окно, показывая свой надзоръ. Во время одного изъ такихъ обзрѣній замѣтилъ онъ, что кто-то крадетъ жито изъ монастырской житницы. Увидя Іосифа, воръ хотѣлъ бѣжать, но Іосифъ остановилъ его, самъ насыпалъ ему мѣшокъ жита и отпустилъ съ миромъ, обѣщаясь впередъ снабжать его хлѣбомъ.

Благодѣтельное вліяніе Іосифа не ограничивалось однимъ монастыремъ, но распространялось на всю Волоцкую область. Слава добродѣтельной жизни Іосифа, мудрость наставленій, подкрѣпляемыхъ свидѣтельствами Писанія и Отцевъ Церкви, сила слова привлекали къ нему многихъ. Князь Волоколамскій Борисъ часто посѣщалъ его, открывалъ ему свою душу и руководствовался въ жизни благочестивыми его совѣтами. Сынъ его Іоаннъ былъ крестникъ и духовный сынъ Іосифа. Вельможи и высшіе сановники считали для себя за счастье удостоиться бесѣды съ Іосифомъ, избирали его себѣ духовнымъ отцомъ, съ любовію исполняли его совѣты и исправляли жизнь свою по его указанію. Женщины, не имѣя возможности лично пользоваться паставленіями Іосифа, спрашивали совѣтовъ его письменно или чрезъ своихъ духовниковъ.

Особенно онъ любилъ помогать нуждающимся. Имѣлъ ли кто изъ поселянъ нужду въ сѣменахъ для посѣва или лишился домашняго скота и земледѣльческихъ орудій,—приходили къ Іосифу, и онъ снабжалъ всѣмъ нужнымъ. Въ одинъ годъ въ Волоколамской области былъ голодъ. Не имѣя насущнаго пропитанія, поселяне стекались къ обители Іосифа, прося хлѣба. Въ продолженіе всего этого несчастнаго времени Іосифъ питалъ около семи сотъ человѣкъ, кромѣ дѣтей. Чтобы дать пріютъ нѣкоторымъ изъ нихъ, и особенно дѣтямъ, Іосифъ построилъ подлѣ монастыря страннопріимницу и при ней церковь въ честь Введенія во храмъ Богородицы, велѣлъ покоить болящихъ и страждущихъ, кормить всѣхъ бѣдныхъ, поставилъ здѣсь особаго смотрителя, и эта страннопріимница получила названіе „Богораднаго монастыря“. Когда истощились собственныя средства обители, Іосифъ, несмотря на ропотъ братіи, дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ. Въ то же время убѣждалъ и владѣтельныхъ князей употребить свои мѣры для вспомошествованія страждущимъ отъ голода. По устроенію Промысла Божія, пожертвованія препод. Іосифа въ пользу бѣдныхъ не остались безъ вознагражденія, для новыхъ раздаяній бѣднымъ. Великій князь Василій Іоанновичъ, лично удостовѣрившись въ оскудѣніи обители, обильными дарами спѣшилъ вознаградить издержки. Братья великаго князя: Симеонъ, Дмитрій и Юрій также присылали отъ себя пожертвованія въ обитель Іосифа.

Мы знаемъ уже подвиги преподобнаго Іосифа въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ. Твердыя рѣчи его на соборѣ и богомудрыя

писанія много способствовали къ обузданію ереси ¹⁴⁾ и успокоенію Церкви.

Но вскорѣ неутомимый оберегатель мира церковнаго самъ подвергся огорченіямъ въ собственномъ своемъ монастырѣ. Главною причиною этихъ безпокойствъ былъ князь Волоколамскій Ѳеодоръ Борисовичъ. Онъ началъ дѣлать различныя притѣсненія Іосифову монастырю, который принадлежалъ тогда, вмѣстѣ съ владѣніями Волоцкаго князя, къ епархіи Новгородской. Чтобъ избавиться отъ обидъ, преподобный Іосифъ рѣшился, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ обителей ¹⁵⁾, перейти подъ непосредственное покровительство великаго князя и митрополита. Въ 1507 году желаніе его было исполнено, и онъ получилъ отъ великаго князя несудимую грамоту.

Переходъ Іосифа изъ Новгородской епархіи въ область митрополита оскорбилъ владыку Новгородскаго: архіепископъ Серапіонъ ¹⁶⁾ подвергъ Іосифа запрещенію за то, что онъ безъ вѣдома и воли своего архипастыря уклонился изъ паствы его; а великій князь, принявъ за претительную грамоту Серапіона за личное оскорбленіе ¹⁷⁾, объявилъ владыку лишеннымъ кафедры и подвергъ тяжкому заключенію въ Москвѣ, въ Андроніевомъ монастырѣ. На соборѣ 1509 года обвинили Серапіона за неправильное отлученіе Іосифа, который желалъ, но не могъ получить благословеніе своего архипастыря ¹⁸⁾, а Іосифу выдали разрѣшительную грамоту. Спустя нѣсколько времени двое богоугодныхъ мужей: святитель и игумень примирились, и прежняя любовь водворилась между ними ¹⁹⁾.

¹⁴⁾ Ересь жидовствующихъ не прекратилась вполне, потому что изъ числа еретиковъ многие разбѣжались по разнымъ окраинамъ Русской земли и впоследствии положили начало «сектѣ іудействующихъ», которая существуетъ и до сихъ поръ. Позднѣ эта секта сливалась иногда съ молоканствомъ или подготавливала многихъ къ принятію молоканства и духоборчества (Статья г. Ливанова «Тамбовскіе молокане и духоборцы въ XVIII вѣкѣ» въ журналѣ «Всемирный трудъ» 1867, февраль, стр. 252).

¹⁵⁾ Іосифъ оправдывалъ себя примѣрами монастырей Троицкаго Сергіева, Толгскаго и Каменнаго, которые отъ притѣсненій удѣльныхъ князей перешли подъ покровительство великаго князя.

¹⁶⁾ Серапіонъ былъ прежде сельскимъ священникомъ не далеко отъ Москвы и овдовѣвъ, постригся въ Дубенской пустыни, что на островѣ (см. въ VI главѣ II-й части этихъ «Разсказовъ»), былъ тамъ настоятелемъ, потомъ игумень Сергіевой Лавры, а съ 1506 года—архіепископомъ Новгородскимъ.

¹⁷⁾ Серапіонъ писалъ въ грамотѣ къ Іосифу: «почему ты передалъ монастырь свой въ вѣдѣніе великаго государства? Ты отступилъ отъ небеснаго и пришелъ къ земному». Великій князь понялъ эти слова превратно и послѣ выговаривалъ святителю: «ты назвалъ князя Ѳеодора (Волоцкаго) небеснымъ, а меня—земнымъ. Что я земной, это я знаю: по скажи мнѣ, почему ты Ѳеодора назвалъ небеснымъ?»

¹⁸⁾ По причинѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ Новгородѣ, великій князь поставилъ на дорогахъ заставы для прекращенія сообщеній съ зараженнымъ краемъ.

¹⁹⁾ По примиреніи съ св. Серапіономъ преп. Іосифъ испросилъ ему дозволеніе великаго князя жить въ любимой имъ лаврѣ чудотворца Сергія. Здѣсь въ тотъ самый часъ, когда Іосифъ переходилъ въ жизнь вѣчную, Серапіонъ всталъ и сказалъ бывшимъ при немъ: «братъ нашъ Іосифъ преставился. Да проститъ ему Богъ: бываетъ подобное и съ праведными». Святитель-страдалецъ, принявъ схиму, мирно почилъ 16 марта 1516 года.

Пользуясь расположеніемъ великаго князя, преп. Іосифъ послѣдніе годы жизни своей провелъ въ мирѣ. Но онъ подвергался тяжкимъ и частымъ недугамъ. Предъ концомъ жизни ослабѣло у него зрѣніе, такъ что онъ съ трудомъ видѣлъ, но не могъ читать, едва могъ ходить и въ церковь, водимый и поддерживаемый братією. Чувствуя свою немощь и приближеніе къ смерти, онъ вновь просилъ великаго князя охранять своимъ покровительствомъ монастырь, насажденный его потомъ и трудами и возвращенный молитвами и слезами. Чувствуя приближеніе кончины, онъ поручилъ братіи избрать изъ среды себя преемника ему. Выборъ палъ на Даніила, старца, любившаго нищету, пребывавшаго въ трудахъ, постѣ и молитвахъ. Преп. Іосифъ утвердилъ это избраніе и послѣ того часто бесѣдовалъ съ своимъ преемникомъ объ обязанностяхъ его званія, завѣщавалъ ему поступать во всемъ по духовной грамотѣ, написанной самимъ Іосифомъ, а братіи внушалъ имѣть любовь и почтеніе къ новому игумену.

Въ послѣдніе дни своей жизни преп. Іосифъ принималъ великую схиму и пребывалъ постоянно въ совершенномъ уединеніи и въ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ. Во время церковнаго богослуженія братіи выносили его въ храмъ: тамъ въ уединенномъ мѣстѣ, невидимый другими, онъ слушалъ церковную службу. Въ субботу, 8 сентября 1515 г., приобщившись св. Таинъ, онъ созвалъ всѣхъ братій, преподалъ имъ миръ и благословеніе и, при послѣднемъ прощаніи, изрекъ имъ утѣшительное обѣтованіе: „вотъ вамъ знаменіе, — сказалъ онъ, — если я получу нѣкое дерзновеніе и милость у Господа, — мѣсто сіе святое не оскудѣетъ и обитель распространится“. На слѣдующій день братія отпѣли у него въ послѣдній разъ утреню. Въ церкви богослуженіе еще продолжалось, и въ то время, какъ тамъ начали пѣть: „Святый Боже“, препод. Іосифъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, предалъ духъ Богу, 75 лѣтъ отъ рожденія ²⁰⁾.

Въ обители преподобнаго Іосифа образовалось много великихъ подвижниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ возведены были на кафедры святительскія: непосредственный преемникъ Іосифа, Даніиль, былъ послѣ митрополитомъ. Ростовскій архіепископъ Вассіанъ II-й, братъ Іосифа; епископы: Смоленскій Савва Слѣпущкинъ, Коломенскій Вассіанъ Топорковъ, Тверской Акакій, Крутицкіе Савва Черный, Нифонтъ и другіе были постриженниками и учениками богомудраго игумена Волоколамскаго. Изъ простыхъ иноковъ замѣчательны по своей жизни Герасимъ Черный и Кассіанъ Косой, пришедшіе съ Іосифомъ изъ Пафнутіева монастыря. Первый изъ нихъ, строгій постникъ, жилъ вполнѣ въ затворѣ, занимаясь молитвою и рукодѣ-

---

Мощи его обрѣтены нетлѣнными 7 апрѣля слѣдующаго года и остаются подъ спудомъ въ Серапіонской палатѣ близъ Троицкаго собора Сергіевой лавры.

²⁰⁾ Мощи преп. Іосифа почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ основаннаго имъ монастыря. Житіе его писано двумя учениками его: Досіеемъ Топорковымъ и Саввою Чернымъ, епископомъ Крутицкимъ. Память его празднуется повсемѣстно, по опредѣленію собора 1591 года.

ліемъ. Однимъ изъ главныхъ его занятій было списываніе книгъ. Касіанъ Косой ни лѣтомъ, ни зимой не носилъ обуви, не зналъ мѣховою одежды; онъ такъ изнурялъ себя постомъ, что преп. Іосифъ находилъ нужнымъ умѣрять его подвиги.

Извѣстенъ также по жизни добродѣтельной Іопа Голова, въ мѣрѣ бывший приставникомъ у дѣтей князя Бориса. Въ одно время онъ не досмотрѣлъ за княземъ Федоромъ, который упалъ и повредилъ себѣ языкъ. Избѣгая гнѣва князя, онъ удалился, какъ въ тихое пристанище, въ обитель Іосифа, постригся въ монашество и проходилъ самыя тяжелыя послушанія, непрестанно пребывая въ трудахъ и молитвѣ. Непрестанное сокрушеніе и смиреніе надѣлили его обильнымъ даромъ слезъ, а любовь и святость жизни привлекали къ нему всѣхъ. Проходящіе мимо обители воины брали хлѣбъ, который онъ пекъ, на благословеніе, а больные для исцѣленія. Ему отдался въ послушаніе племянникъ его юный Епифаній, оставившій дворъ князя Бориса и убѣжавшій отъ похвалы человѣческой, чтобъ удостоиться благословенія Божія. Шесть лѣтъ провелъ онъ въ непрекословномъ повиновеніи своему духовному отцу, подвизаясь въ молитвѣ; никакое обидное слово не могло вызвать съ его стороны гнѣва и ропота. Чрезъ 14 лѣтъ по кончинѣ Епифанія тѣло его найдено было петлѣннымъ. Славился также своимъ благочестіемъ Діописій, изъ рода князей Звенигородскихъ: онъ исправлялъ послушаніе въ хлѣбопекарнѣ за двоихъ братій и каждый день прочитывалъ по 77 псалмовъ и полагалъ по 3000 земныхъ поклоновъ. Но, любя уединенія, онъ выпросилъ себѣ у Іосифа позволеніе идти на Бѣлоозеро къ Нилу Сорскому. Съ нимъ вмѣстѣ удалился туда и другой знаменитый инокъ Іосифова монастыря, Нилъ Полевъ, изъ рода князей Смоленскихъ. Князь Андрей Андреевичъ Голенинъ-Ростовскій былъ душевно привязанъ къ Іосифу и любилъ слушать его наставленія. Въ одно время, отправившись на охоту, онъ заѣхалъ въ монастырь Іосифа, вошелъ въ церковь, гдѣ совершалась Божественная служба, и, павъ къ ногамъ Іосифа, умолялъ его немедленно постричь въ монашество, ПОВТОРЯЯ, ЧТО ОНЪ НЕ ВЫЙДЕТЪ ИЗЪ ХРАМА, ПОКА НЕ ИСПОЛНИТСЯ ЕГО ЖЕЛАНІЕ. И тутъ же, свергнувъ съ себя драгоценную одежду, облекся въ грубую власяницу инока и получилъ при поструженіи имя Арсеній. Свое имѣніе онъ подарилъ монастырю, а слугъ отпустилъ на свободу. Отданный въ послушаніе Іонѣ Головѣ, онъ раздѣлялъ съ братіей всѣ труды, держалъ чреду на поварнѣ и хлѣбопекарнѣ, ходилъ за больными. Никогда не видали его празднымъ; одежду носилъ онъ одинакую съ братією и питался тою же пищею ²¹⁾.

Писанія преп. Іосифа, по большей части, находятся въ тѣсной связи съ обстоятельствами его жизни: та же ревность о славѣ Божіей и вѣчномъ благѣ своихъ братій, которая одушевляла его во всѣхъ

²¹⁾ По кончинѣ преп. Іосифа Арсеній часто ходилъ на могилу его и умолялъ со слезами, чтобы взял его къ себѣ, если онъ обрѣлъ благодать у Бога. Іосифъ явился ему во снѣ и сказалъ: «знай, что я получилъ благодать отъ Бога, и ты скоро перейдешь въ лучшую жизнь». Дѣйствительно, Арсеній вскорѣ заболѣлъ и, принявъ схиму, скончался.

дѣлахъ, открывається и въ сочиненіяхъ праведника. Преп. Іосифъ одаренъ былъ обширною и твердою памятью; при свѣтломъ умѣ, при опытности въ духовной жизни, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями²²⁾. Главное изъ твореній его—шестнадцать словъ противъ еретиковъ жидовствующихъ, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ „Просвѣтителя“. Здѣсь богоносный игумень является глубокимъ богословомъ, основательно защищающимъ догматы и постановленія христіанской Церкви мѣстами св. Писанія и свидѣтельствами отцовъ церкви, а иногда объясняющимъ и своими умозаключеніями. Въ предисловіи къ этой книгѣ, изложивъ сущность Новгородской ереси, онъ говоритъ о соборѣ, бывшемъ противъ еретиковъ при Зосимѣ, и о нечестивыхъ мнѣніяхъ самого Зосимы. Послѣ сего, прерывая повѣствованіе, занимается опроверженіемъ еретическихъ мнѣній, въ XIV словахъ. Въ XV словѣ онъ доказываетъ, что не всякаго еретика, тотчасъ же послѣ покаянія, можно допускать къ общенію съ Церковью, но нужно различать свойство и тяжесть ереси и отступленіе отъ вѣры. Разсматривая дѣйствія Новгородскихъ еретиковъ послѣ собора, бывшаго на нихъ при Зосимѣ, до второго собора, преп. Іосифъ доказываетъ, что съ такими еретиками нельзя поступать снисходительно. Въ XVI словѣ онъ старается доказать, что раскаяніе, вынужденное страхомъ казни, не должно освобождать кающагося отъ наказанія.

Основатель Волоколамскаго монастыря желалъ оградить обитель свою опредѣленными правилами, дабы своеволіе не ввело въ нее, ко вреду духовной жизни, своихъ обычаевъ. Въ такомъ духѣ писаны имъ: „Уставъ монастырю“, въ 14-ти главахъ²³⁾. Въ заключеніе Устава приложены „завѣщаніе или духовная грамота грѣшнаго или худого игумена Іосифа“ и дополнительные правила для иноковъ.

Сверхъ того преп. Іосифъ оставилъ послѣ себя много посланій, писанныхъ имъ во время борьбы съ еретиками, по поводу спора съ св. Серапіономъ и для назиданія разныхъ лицъ въ жизни духовной²⁴⁾.

Чтобы ближе ознакомить читателей съ писаніями преп. Іосифа, извлечемъ изъ нихъ наставленіе его о томъ, какъ надобно служить единому Богу.

²²⁾ Замѣтимъ, что преп. Іосифъ, хотя не зналъ по-гречески, но приводитъ въ своихъ писаніяхъ мѣста почти изъ всѣхъ великихъ Отцовъ Греческой Церкви и даже изъ многихъ не очень важныхъ писателей. Это доказываетъ, какъ богата была въ его время славянская письменность переводами отеческихъ твореній. Преп. Іосифъ любилъ собирать книги; многіе изъ учениковъ и преемниковъ его подражали въ этомъ отцу своему, такъ что въ Волоколамскомъ монастырѣ составилаь весьма обширная библіотека, изъ которой въ недавнее время часть рукописей поступила въ Моск. Дух. Акад., а другая—въ Моск. Епарх. библіотеку.

²³⁾ Особенно замѣчательна X глава Устава, заключающая въ себѣ прекрасное описаніе иноческой жизни, по наблюденіямъ преп. Іосифа, во время путешествій его по монастырямъ. Это описаніе напечатано въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1848 г.

²⁴⁾ Посланія и другія сочиненія преп. Іосифа перечислены въ Обзорѣ Русск. Дух. Литер. преосв. Филарета Черниговскаго. Ч. I, стр. 121—126.

„Прежде всего возлюби Господа Бога всѣмъ сердцемъ и всѣмъ умомъ твоимъ и крѣпостію; пусть не отлучаетъ тебя отъ любви Божіей ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее. Пусть всѣ правила и привычки твои будутъ угодны Богу... Мало говори и много размышляй; не будь дерзокъ въ словѣ, не излишествуй въ бесѣдѣ, не будь склоненъ къ смѣху, украшайся стыдливостію. Трудись руками своими, благодари за все, терпѣливъ будь въ скорби, охраняй сердце отъ гордости и худыхъ помышлений.—Не засматривайся на жизнь лѣнливыхъ, а ревнуй житію святыхъ; радуйся успѣхамъ добродѣтельныхъ, но не завидууй. Плачь о согрѣшающихъ, но не осуждай ихъ—есть Судія, Который воздастъ каждому по дѣламъ его. Не оправдывай себя, а признавай себя грѣшникомъ предъ Богомъ и людьми; не бесѣдуй льстиво; не клевети ни на кого и не слушай клеветы. Пусть ярость не дѣлаетъ тебѣ насилія и похоть не владѣетъ тобою; не гнѣвайся напрасно и не думай о мести, чтобы платить зломъ за зло. Пусть укоряютъ тебя, но ты не укоряй; пусть бьютъ тебя, но ты не бей; пусть обижаютъ тебя, но ты не обижай. Остерегайся бесѣдъ женскихъ и вина: то и другое отуманиваетъ даже самыхъ умныхъ людей. Совершая заповѣди Господа, не будь печаленъ, а жди награды отъ Бога и ищи жизни вѣчной.

„Читай завѣщанныя книги и отнюдь не читай запрещенныхъ. Ищи небеснаго и не жаждай земныхъ благъ: надъ ними растянута сѣть—увязнешь какъ птица. Откажись отъ мірской мудрости и умудряйся во Христѣ. Иное дѣло мудрость Его и другое—мудрость міра, который распялъ Христа Господа славы.

„Пусть исходитъ изъ устъ твоихъ слово утѣшенія, укрѣпляя любовь къ тебѣ другихъ. Бесѣдуй съ лицомъ веселымъ, чтобы весело было и разговаривающему со тобою. Разговаривая съ бѣднякомъ, не оскорби его: кто обижаетъ нищаго, оскорбляетъ Создателя. Не стыдись кланяться **ВСЯКОМУ, КАКЪ** созданному по образу Божію. Старшаго лѣтами постарайся почитать; съ равными встрѣчайся мирно; младшихъ принимай съ любовію; предъ почтенными не лѣнись стоять. Алчущаго накорми, жаждущаго напой, какъ повелѣлъ Господь, нагого одѣнь, страннаго введи въ домъ, больного посѣти; дойди до темницы и узнай бѣду тамошнихъ; чего требуютъ, подай; поскорби, вздохни и прослезись съ ними; вспомни, что многіе изъ нихъ страждутъ за одинъ какой-нибудь грѣхъ, а мы постоянно грѣшимъ и однако живемъ счастливо. Такъ скорби о грѣхахъ своихъ, воздыхай о соблазнахъ и паденіяхъ города, гдѣ живешь.

„Ищи челоуѣка, боящагося Бога и служащаго Ему всею душою, и къ нему прилѣпись душою и тѣломъ. Если нашелъ ты такого челоуѣка, будь покоенъ: ты нашелъ ключъ къ царству небесному. Слѣдуй ему во всемъ, внимай словамъ его, дѣлай пріятное ему. Монастыри и дома святыхъ пусть будутъ для тебя пристанищемъ; прибѣгай къ нимъ, принимай въ нихъ участіе, утѣшай ихъ въ нищетѣ ихъ. Если есть у тебя нужное для нихъ, принеси имъ: ты отдашь это въ

руки Божіи. Пойми, чего требуетъ Царь небесный отъ твари Своей—малой и легкой милостыни. Подай же малость и получишь вѣчное; подай немногое и возвратится тебѣ во сто разъ. Милующій убогого даеть взаймы Богу.

„Міръ этотъ пройдетъ мимо насъ и слава его исчезнетъ; а придетъ Господь съ небесными силами, поставитъ каждого на судъ и каждому воздастъ по дѣламъ его. Помни, что можешь завтра же увидѣть, какъ развернутся небеса, сойдутъ ангелы, и ты станешь предъ страшнымъ судилищемъ и будешь давать отчетъ въ твоей жизни, въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ. Позаботься же о себѣ, вспомни грѣхи свои, не забывай о судѣ. Помни, что ты человѣкъ смертный, немощный и подверженный страстямъ. Помни, что ты живешь въ жизни печальной, погубившей многихъ добрыхъ и злыхъ, умныхъ и неумныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Помни, что ты человѣкъ слабый, не можешь вынести труда одного дня, ни бдѣнія одной ночи. Вспомни, сколько ты грѣшилъ предъ Богомъ въ юности своей. Вспомни, что день и ночь борешься ты съ грѣхомъ, какъ со львомъ. Подумай, сколько тамъ подъ землею душъ, оскорблявшихъ Бога, желавшихъ получить малый отдыхъ и неполучившихъ. Подумай, какъ часто поднималось море жизни нашей отъ плоти нашей, сколько бурь и мятежей, сколько вѣтровъ, сколько грѣховъ, сколько слезъ по городамъ, домамъ и торгамъ! Подумай, сколько было людей послѣ Адама, и всѣ прошли безъ слѣда. Прославились на небѣ и на землѣ лишь тѣ, которые жили по заповѣдямъ Божиимъ. Что въ этомъ мірѣ не ложь? Все полно болѣзни и страха. Рожденіе наше съ страстями и смерть страшна. А что будетъ по смерти, неизвѣстно; всѣ пути наши—печальны. Плоть наша неумирима. Здоровая воюетъ, немощная печалитъ насъ; не давай ей хлѣба—ослабѣетъ. Кто въ этой жизни прожилъ безъ скорби? Кто не стоналъ? Сколько обманутыхъ жизнию! Подумай, **ЧТО СКОРО, СКОРО ОСТАВИШЬ ТЫ ВСЕ ВИДИМОЕ:** и эту землю, и это небо, и этихъ людей. Подумай, какъ ничтоженъ ты тѣломъ и душою. Малая скорбь одолѣваетъ тебя, малое слово громитъ тебя, малая болѣзнь какъ огонь обжигаетъ тебя и ввергаетъ въ скорбь. Каждое веселье свѣта оканчивается печалію. Нынѣ играютъ свадьбу, завтра плачутъ надъ мертвецомъ. Нынѣ рождаются, завтра погребаются. Нынѣ радость, завтра слезы. Нынѣ богатъ, завтра нагой. Нынѣ знатенъ, завтра трупъ, поѣдаемый червями. Содрогнемся и вострепещемъ. Что съ нами будетъ, не знаемъ. Покаемся теперь; послѣ смерти пѣтъ покаянія. Что сдѣлаемъ здѣсь, то и найдемъ тамъ; что посѣемъ, то пожнемъ“ ²⁵⁾.

Другимъ путемъ, но къ той же цѣли—спасенію своей души и пользѣ ближняго—шелъ великій отецъ Русской Церкви, преп. Нилъ Сорскій, изъ дворянскаго рода Майковыхъ. Онъ родился въ 1433 году и положилъ начало иноческой жизни въ Кирилловой обители, гдѣ

²⁵⁾ Эти наставленія извлечены нами изъ книги «Русскіе Святые» (сентябрь, стр. 39—45).

пользовался совѣтами мудраго и строгаго старца Паисія Ярославова. Спустя нѣсколько времени, онъ пошелъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудиномъ, монахомъ Иннокентіемъ, къ святымъ мѣстамъ восточнымъ и нѣсколько лѣтъ провелъ на Аѳонской горѣ и въ монастыряхъ Константинопольскихъ. Въ это особенно время онъ напиталъ духъ свой наставленіями великихъ отцовъ пустынныхъ, которые путемъ внутренняго очищенія и непрестанной молитвы, совершаемой умомъ въ сердцѣ, достигали свѣтоносныхъ озареній Духа Святаго. Душеспасительные уроки сихъ богомудрыхъ Отцовъ не только изучилъ онъ умомъ и сердцемъ, но и обратилъ въ жизнь и постоянное упражненіе ²⁶⁾.

Возвратясь въ Бѣлозерскій монастырь, преп. Нилъ уже не остался жить въ немъ, но срубилъ себѣ келью невдалекѣ отъ него; потомъ отошелъ за 15 верстъ, гдѣ, водрузивъ крестъ, поставилъ сперва часовню и уединенную келью и при ней ископалъ кладезь, а когда собралось къ нему для сожитія нѣсколько братіи ²⁷⁾, то построилъ деревянную церковь Покрова Богородицы. Отсюда писалъ онъ къ другу своему Иннокентію: „когда мы жили вмѣстѣ съ тобою въ монастырѣ (Кирилловомъ), ты знаешь, какъ удалялся я мірекихъ связей и старался жить по священному писанію, хотя по лѣности моей и не успѣвалъ. По окончаніи странствованія моего пришелъ я опять въ монастырь, устроилъ себѣ вблизи его келью, жилъ сколько могъ. Теперь переселился я вдаль отъ монастыря, нашелъ благодатію Божію мѣсто по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ ²⁸⁾. Живя наединѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній: прежде всего испытываю заповѣди Господни, ихъ толкованіе и преданія апостольскія, потомъ житія и наставленія св. отцовъ. О всемъ томъ размышляю и что по разсужденію моему нахожу благоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизнь моя и дыханіе. О немощи моей и лѣни возложилъ упованіе на Бога и пречистую Богородицу. Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ писаніи, на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или въ общежитіи, внимай святому Писанію и слѣдуй по стопамъ Отцовъ, или повинуйся тому, кто извѣстенъ тебѣ, какъ мужъ духовный въ словѣ, жизни и разсужденіи... Святое Писаніе жестоко лишь для того, кто не хо-

²⁶⁾ Преп. отпа нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ о жительствѣ скитскомъ. М. 1894, стр. I и II.

²⁷⁾ Братіи было немного: іеромонахъ, діаконы и 12 старцевъ. Преп. Нилъ и не желалъ принимать къ себѣ многихъ, потому что усердныхъ исполнителей правилъ его оказывалось весьма мало.

²⁸⁾ Дико, мрачно, пустынно мѣсто, избранное преп. Ниломъ. Рѣчка Сорка чуть струится по болотистой, низкой мѣстности, на которой устроенъ скитъ. Тамъ цѣлы еще выкопанные дивнымъ подвижникомъ небольшой прудъ и колодець съ весьма вкусною водою, цѣлбною для вѣрующихъ. Еще цѣла власяница преп. Нила; волосы ея колются, какъ иглы.

четь смириться страхомъ Божиимъ и отступитъ отъ земныхъ помышленій, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать св. Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто писаніе не для насъ писано, не должно быть выполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ и въ нынѣшнія, и во всѣ вѣка слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ очищенное серебро; заповѣди Господни для нихъ дороже золота и камней драгоценныхъ, слаще меда и сота“.

Какъ для себя, такъ и для учениковъ своихъ, преп. Нилъ поставилъ правиломъ не общежительное житіе, а строгое скитское (аскетское). При построеніи храма надлежало сдѣлать на болотистой почвѣ высокую насыпь, тѣмъ болѣе, что подъ церковью назначалась братская усыпальница. Руками богомудраго старца и жившихъ при немъ скитниковъ насыпанъ былъ высокій холмъ для храма и усыпальницы. Кельи поставлены на возвышеніи; каждая отъ другой и отъ храма—на разстояніи брошеннаго камня. Скитники собирались въ храмъ свой, по примѣру восточныхъ, только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ; въ прочіе дни каждый молился и трудился въ своей кельѣ. Всенощная скитская продолжалась всю ночь въ полномъ смыслѣ слова: за каждую каѳизмою предлагалось по три и четыре чтенія изъ отцовъ. Во время литургіи пѣли только трисвятую пѣснь, аллилуія, херувимскую и достойно; все прочее читалось протяжно, нараспѣвъ. Въ субботу приходили въ братскую усыпальницу, гдѣ совершалась паннихида за упокой усопшихъ. Въ завѣщаніи ученикамъ преп. Нилъ такъ изображаетъ внѣшнюю сторону скитскаго житія: а) „пропитаніе снискивать трудами рукъ, но не заниматься даже земледѣліемъ, такъ какъ оно по сложности своей неприлично отшельнику. б) Только въ случаѣ болѣзни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому-либо въ огорченіе. в) Не выходить изъ скита. г) Въ церкви не имѣть никакихъ украшеній изъ серебра, даже и для священныхъ сосудовъ, а все должно быть просто. д) Здоровые и молодые должны утомлять тѣло постомъ, жаждою и трудомъ, а старцамъ и слабымъ дозволяется успокоеніе въ извѣстной мѣрѣ. е) Женщинамъ отнюдь не входить въ скитъ“. Не многосложно правило для наружной жизни! Но преимущественный трудъ и подвигъ скитскаго житія состоитъ во внутреннемъ подвижничествѣ, въ бдительности надъ состояніемъ души, въ очищеніи ея молитвою и богомысліемъ. Сіе-то подвижничество преп. Нилъ изображаетъ довольно подробно въ завѣщаніи для учениковъ своихъ и въ обширномъ сочиненіи: „Преданіе о жительствѣ отъ св. Отецъ ученикомъ своимъ“, или скитскомъ уставѣ ²⁹⁾.

²⁹⁾ Скитскій уставъ преп. Нила напечатанъ въ Ист. Русс. Іер. V, 214—236, но не совсѣмъ исправно; болѣе исправная редакція его—въ вышеупомянутой брошюрѣ (см. прим. 26); въ переводѣ на современный языкъ—въ книгѣ А. П. Муравьева «Русская Оиваида на сѣверѣ». Тамъ же помѣщены отрывки изъ посланій преп. Нила, донынѣ еще неизданныхъ.

Сколько уставъ преп. Іосифа Волоцкаго отличается внѣшнею строгостію, столько творенія дивнаго подвижника Сорскаго глубокими свѣдѣніями о внутренней жизни во Христѣ ³⁰⁾. Введенный имъ неслыханный дотолѣ на сѣверѣ скитскій образъ жизни, полное отреченіе отъ всего земнаго, высказанное имъ на Соборѣ ³¹⁾, и заботы объ исправленіи испорченныхъ переписчиками церковныхъ книгъ, возстановили многихъ противъ преп. Нила и учениковъ его; но онъ продолжалъ терпѣливо идти путемъ своимъ, не обращая вниманія на клеветы людскія.

Преп. Ниль предалъ духъ свой Господу 7 апрѣля 1508 г., достигнувъ 75-тилѣтняго возраста. Передъ кончиною онъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ: „Молю васъ, бросьте тѣло мое въ пустынѣ, потому что оно согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія; пусть растерзаютъ его звѣри и птицы. Или, если хотите, выкопайте яму и положите его туда безъ всякаго уваженія. Бойтесь слова сказаннаго Великимъ Арсеніемъ ученикамъ его: на судъ стану съ вами, если кому отдадите (для почитанія) тѣло мое. Во всю жизнь мою избѣгалъ я чести и славы вѣка сего; того же желаю и по смерти“. И предсмертное желаніе великаго ревнителя нищеты и смиренія исполнилось: обитель его осталась одною изъ самыхъ малолюдныхъ и бѣдныхъ на сѣверѣ Россіи, и св. мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ убогой часовнѣ ³²⁾.

И дальнія окраины сѣвера, суровые берега и острова „студенаго моря“ (какъ называли наши предки Сѣверный океанъ съ его заливами) населились пустынножителями. Въ началѣ XV вѣка пришелъ (неизвѣстно откуда) на Корельскій берегъ Бѣлаго моря преп. Евѣмій. Но едва усердный труженикъ успѣлъ построить храмъ святителя Николая и нѣсколько келій, какъ въ 1419 году Норвежскіе разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нѣсколькихъ иноковъ. Вскорѣ потомъ сыновья Марѣы посадницы, владѣвшей на сѣверѣ огромными пространствами земли, осматривая имѣнія свои,

³⁰⁾ Общежительныхъ уставовъ, писанныхъ для разныхъ монастырей, было нѣсколько (Корнилевъ, Кирилловъ, Іосифовъ и другіе); но наставникомъ жизни созерцательной осталась одинъ Ниль Сорскій, великій отецъ скитниковъ (аскетовъ).

³¹⁾ Одинъ современникъ говорить о мнѣніи, предложенномъ Собору преп. Ниломъ: «нѣкоторые отцы, любители пустыннаго уединенія и внутренняго безмолвія (преп. Ниль Сорскій съ старцемъ своимъ Паисіемъ Ярославовымъ и немногими другими), скорбѣли о томъ, что монастыри владѣютъ селами, и полагали, что напрасно монахи произносятъ отреченіе отъ міра, потому что они, такъ же какъ и міряне, волнуются и ссорятся за доходы съ имѣній, ходятъ по судамъ и заводятъ тяжбы. Въ этомъ убѣжденія они высказали свой образъ мыслей собору и самодержцу, уважавшему ихъ за крѣпкую жизнь и великія добродѣтели» (Русс. Свят., апрѣль, стр. 20).

³²⁾ Царь Іоаннъ Грозный въ 1569 году хотѣлъ построить каменный храмъ надъ гробницею преп. Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты въ сонномъ видѣніи запретилъ царю эту постройку. Прошло нѣсколько столѣтій, и уже въ наше время возобновилась мысль о каменной церкви въ честь преп. Нила; церковь была построена, но своды ея обрушились надъ самою ракою основателя обители, при чемъ чудесно спаслись отъ смерти трое каменщиковъ, работавшіе въ церкви («Русская Энциклопедія», стр. 353).

утонули въ устьѣ Двины ³³⁾ и погребены въ развалинахъ разоренной обители, а мать ихъ доставила богатяя средства для возобновленія церкви и келій. Блаж. Евѳимій извѣстенъ не только по заботамъ объ устройствѣ монастыря, но и по ревности къ просвѣщенію дикаго Корельскаго края свѣтомъ евангельской истины. Онъ просвѣщаль заблудшихъ словомъ и примѣромъ жизни своей. Преставленіе преп. Евѳимія послѣдовало около 1435 года ³⁴⁾.

Почти въ то же время на одномъ изъ бесплодныхъ острововъ Бѣлаго моря возникла обитель иноческая, которой суждено было занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между монастырями Русской земли.

Въ Бѣлозерской лаврѣ преп. Кирилла подвизался инокъ Савватій. Безотвѣтное послушаніе игумену, кроткая любовь къ братіи и строгая жизнь стали пріобрѣтать ему уваженіе. Это тяготило старца, и онъ рѣшился скрыться въ безмолвное мѣсто. Услышавъ, что въ Новгородской сторонѣ на озерѣ Нево (Ладожскомъ) есть островъ Валаамъ и на немъ монастырь, отдѣляемый отъ міра водою, любитель смиренія и безмолвія собрался идти на тихій островъ; Бѣлозерскіе иноки не безъ скорби разстались съ подвижникомъ Божіимъ. На Валаамѣ Савватій явился инокомъ послушливымъ и безотвѣтно выполнялъ порученія, не спрашивая и себя, для чего требуютъ того или другого. Дошло до слуха Савватія, что еще дальше на сѣверъ есть Соловецкій островъ ³⁵⁾, никѣмъ необитаемый, весьма тяжелый для пребыванія на немъ, рѣдко доступный даже для рыбаковъ. Загорѣлась душа пустыннолюбиваго старца желаніемъ пожить тамъ въ любезномъ безмолвіи. Когда объявилъ онъ о своемъ желаніи игумену и братіи, они никакъ не хотѣли разстаться съ Савватіемъ. Чудная ревность къ суровымъ

³¹⁾ Потопувшій Феликсъ и Антоній были сыновья Марѳы отъ перваго ея брака съ Филиппомъ Васильевичемъ и кончили жизнь въ молодости, потому что въ 1470 году мы видимъ Марѳу уже вдовою послѣ втораго ея брака съ Исаакомъ Борецкимъ, матерью взрослыхъ сыновей Борецкихъ: посадника Дмитрія Исаковича и другихъ. Одинъ изъ числа утонувшихъ, Феликсъ, при жизни своей былъ извѣстенъ благотворительностью: онъ далъ Михаило-Архангельскому монастырю, на устьѣ Двины, земли съ топями по морскому берегу (Акты Юридич. № 110, стр. 144). Надъ могилами сыновей Марѳы построена часовня, и тамъ сохранились портреты ихъ. Въ томъ же монастырѣ хранятся изображеніе будто бы самой Марѳы посадницы, но вся одежда и обстановка до мельчайшихъ подробностей весьма похожи на портреты другой Марѳы—Романовой, матери царя Михаила Феодоровича, хотя самое лицо различно. Невольно возникаетъ сомнѣніе: не снято ли изображеніе древней Новгородской боярыни съ портрета «великой старицы» Марѳы Иоанновны?

³⁴⁾ Въ древнихъ святцахъ записаны между святыми, покоющимися въ Корельской обители, не только Антоній и Феликсъ подъ названіемъ «праведныхъ», но и «преп. Стефанъ подвижникъ и преп. отцы Исаія и Никифоръ, новые чудотворцы».

³⁵⁾ Острова Бѣлаго моря, числомъ шесть, извѣстны подъ названіемъ Соловецкихъ, находятся въ 150 верстахъ отъ берега Кемскаго уѣзда, въ 180—отъ Онеги и 400 отъ г. Архангельска. Главный изъ нихъ—Соловки длиной отъ сѣвера къ югу около 25, а шириной до 16 верстъ. Остальные пять острововъ называются: Анзерскій, большой и малый Муксалыскіе и два Заяцкихъ. Около нихъ множество мелкихъ островковъ, или «коргъ» и отмелей.

подвигамъ! Убѣленный сѣдинами старецъ ночью бѣжалъ съ Валаама. Когда достигъ онъ берега Бѣлаго моря и сталъ спрашивать прибрежныхъ жителей о Соловецкомъ островѣ, они рассказали ему, что островъ великъ, съ озерами, лѣсами, горами, но необитаемъ оттого, что очень неудобно сообщеніе съ нимъ. Этотъ рассказъ еще болѣе воспламенилъ въ старцѣ желаніе поселиться на немъ. „Чѣмъ же ты будешь питаться и одѣваться тамъ, старецъ, когда ты такъ бѣденъ и дряхлъ?“ спросили люди, съ которыми бесѣдовалъ Савватій. Подвижникъ отвѣчалъ: „у меня такой Владыка, Который и дряхлости даетъ силы свѣжей юности и голодныхъ питаетъ до сытости“. Старецъ рѣшился остаться на время въ часовнѣ, стоявшей вблизи устья р. Выги ³⁶⁾.—Здѣсь увидался онъ съ отшельникомъ Германомъ и отъ него узналъ еще болѣе, какъ благопріятенъ для безмолвія островъ. Германъ изъявилъ готовность не только проводить его до острова, но и поселиться съ нимъ тамъ. На малой ладѣ отправились они по безпокойному морю и хранимые Господомъ на третій день счастливо достигли берега. Близъ горы Сѣкирной, въ разстояніи 12 верстъ отъ нынѣшней обители, поставили они крестъ ³⁷⁾ и себѣ кущи. Это были первые отшельники па дальнихъ Соловахъ. Подвиги ихъ съ 1429 года освятили пегостепримный островъ суроваго сѣвера. Это отшельничество далеко тяжелѣе отшельничества восточнаго. На здѣшней почвѣ нельзя было имѣть никакой растительной пищи, а страшный холодъ зимы и сырость осени сжимали самую жизнь въ организмѣ тѣлесномъ. Подвижники Божіи терпѣливо выносили всѣ переменны климата въ плохихъ своихъ хижинахъ, согрѣваясь любовію къ Господу; они молились и пѣли псалмы, ожидая вѣчности блаженной.

Когда прибрежные жители Кеми услышали, что на Соловецкомъ островѣ поселились монахи, они позавидовали и послали туда одну семью, съ тѣмъ, чтобы она, ознакомясь тамъ ближе съ средствами острова, открыла удобства и другимъ для поселенія. Разъ Савватій пѣлъ съ другомъ своимъ воскресную всенощную и вышелъ покадить крестъ, поставленный предъ кельею. Неожиданно слышитъ онъ крикъ и вопль и въ смущеніи слышитъ въ келью сказать о томъ Герману. Ограда съ крестнымъ знаменіемъ, Германъ идетъ на голосъ крика и видитъ горько рыдающую женщину. „О чемъ ты такъ плачешь?“ спросилъ онъ. „Я шла къ мужу,—отвѣчала она,—и вдругъ встрѣтились мнѣ двое юношей свѣтлыхъ, съ гнѣвомъ стали жестоко бить меня и говорили: бѣгите отсель, не для васъ это мѣсто, сонмы иноковъ будутъ здѣсь славить Бога,—бѣгите, чтобы иначе скорая смерть не постигла васъ. И мгновенно исчезли они“. Германъ рассказалъ старцу, что узналъ и оба прославили Господа за Его дивную волю.

На шестомъ году Соловецкой отшельнической жизни, авва Гер-

³⁶⁾ Здѣсь теперь волость Сороки на Корельскомъ берегу.

³⁷⁾ На этомъ мѣстѣ впоследствии сооружена пустынь съ часовнею преп. Савватія и нѣсколькими кельями.

манъ для нужды келейныхъ отправился на берегъ къ р. Онегѣ. Послѣ него въ томъ же году старцу Савватію было извѣщеніе о скоромъ разрѣшеніи его отъ узъ тѣлесныхъ. Онъ поспѣшилъ на твердую землю, чтобы приобщиться св. Таинъ, и въ два дня на утлой ладѣ достигъ берега. Тамъ встрѣтилъ онъ игумена Наанаила, жившаго при часовнѣ на р. Выгѣ; рассказавъ о себѣ, гдѣ онъ жилъ, Савватій просилъ преподавать ему разрѣшеніе и приобщить св. Таинъ. — Наанаиль спѣшилъ напутствовать больного и просилъ св. старца идти въ часовню и тамъ ждать его до утра. „Не вѣсте, что утрѣ будетъ“, сказалъ старецъ и просилъ не отлагать исполненія просьбы его до утра. Игумень исполнилъ желаніе св. старца и просилъ подождать его въ часовнѣ, чтобы насладиться духовною бесѣдою. „Какъ Господу угодно, такъ и будетъ“, отвѣчалъ старецъ и пошелъ къ часовнѣ. Въ это время прибылъ на берегъ Новгородскій купецъ Іоаннъ. Помолясь въ часовнѣ, зашелъ онъ въ келію и здѣсь увидѣлъ благолѣпнаго старца. Усладясь бесѣдою его, купецъ предложилъ ему богатое подаяніе. „Мнѣ это не нужно, — сказалъ старецъ, — раздай бѣднымъ“, и объяснилъ, какъ много значить для души подаяніе милостыни. Купецъ опечалился тѣмъ, что св. старецъ не принялъ у него ничего для себя, и Савватій съ ласкою любви сказалъ ему: „останься, другъ, до завтра здѣсь: не будешь жалѣть о томъ, и путь твой будетъ покоенъ“. Купецъ отвѣчалъ, что нынѣ же долженъ отправиться въ море. Но едва вышелъ онъ изъ келіи, какъ на морѣ поднялась буря. Пришлось и противъ желанія остаться на берегу. На утро добрый купецъ пришелъ принять благословеніе у старца; съ молитвою толкнулъ въ дверь, отвѣта не было, взшелъ въ келію и увидѣлъ старца сидящаго въ куколѣ и мантии, съ кадильницею въ рукѣ, но не слышалъ отвѣта на привѣтствіе: старецъ скончался съ молитвою на устахъ. Это было 27 сентября 1435 года. Пришедшій игумень Наанаиль похоронилъ вмѣстѣ съ Іоанномъ почившаго подвижника.

По кончинѣ преп. Савватія, островъ, освященный его молитвами и подвигами, не надолго остался необитаемымъ. Въ поморскій край пришелъ инокъ, по имени Зосима ³⁸⁾, искавшій удобнаго мѣста для безмолвія. На устьѣ р. Сумы встрѣтилъ онъ бляж. авву Германа и узналъ отъ него о подвигахъ преп. Савватія. Зосима обрадовался и вмѣстѣ съ Германомъ пустился въ ладѣ, черезъ Бѣлое море, на Соловецкій островъ. Прибывъ безбѣдно на желаемое мѣсто, пустынники ходили по острову съ мыслию, гдѣ бы Богъ благословилъ устроить обитель, и остановились недалеко отъ морского берега на берегу озера съ пріятною водою. Они поставили себѣ кущи и провели ночь въ молитвѣ. Это было въ 1436 году. На утро пр. Зосима вышелъ изъ хижины и увидѣлъ надъ мѣстомъ ихъ необыкновенный свѣтъ и на воздухѣ церковь. Незнакомый еще съ видѣніями, онъ ужаснулся и въ

³⁸⁾ Преп. Зосима былъ родомъ изъ села Толвуя, на берегу Онѣжскаго озера; неизвѣстно, въ какой обители онъ постригся.

страхъ поспѣшилъ въ кущу. Старець Германъ, увидѣвъ измѣнившееся лицо его, понялъ, что онъ видѣлъ что-нибудь особенное и спросилъ: „что случилось съ тобою, братъ мой? Ты видѣлъ что-то необыкновенное!“ Зосима передалъ ему, что видѣлъ. Старець рассказалъ ему въ свою очередь, какъ еще при Савватіи прогнаны были съ этого мѣста мірскіе люди и какъ оно свыше назначено было для пребыванія иноковъ. Обрадованный увѣреніемъ небеснымъ о назначеніи мѣста, Зосима утвердился въ намѣреніи основать здѣсь обитель. Помолясь Господу, отшельники начали рубить деревья для сооруженія кельи; днемъ они занимались работою, а ночь проводили въ молитвѣ. Въ исходѣ лѣта Германъ отправился на Сумскій берегъ, чтобы заpastись хлѣбомъ, и надѣялся возвратиться осенью. Но вѣтры и потомъ снѣгъ не позволили ему пуститься въ море, и онъ провелъ зиму на берегу. Зосима остался одинъ, но возложилъ упованіе на Господа. Онъ удвоилъ молитвенныя бдѣнія свои³⁹⁾. Духи злобы стали тревожить отшельника разными призраками, домогаясь прогнать его съ мѣста. Зосима подвизался твердо. „Если дана вамъ,—говорилъ онъ,—власть надо мною, дѣлайте что хотите; если же нѣтъ, напрасно трудитесь“. Призраки исчезли. Но стала грозить голодная смерть: скудный запасъ хлѣба исчезалъ. Зосима обратился съ молитвою къ Господу о помощи. И вотъ приходятъ къ нему два человѣка съ запасомъ хлѣба, муки и масла и говорятъ: „возьми это и положи у себя; если будешь имѣть нужду, можешь употреблять въ пищу до нашего возвращенія“. Зосима не успѣлъ спросить, кто они и какъ зимою попали на островъ. Напрасно прождавъ ихъ не малое время, онъ понялъ, что это помощь отъ Господа, и возблагодарилъ Его. Весною Германъ привезъ съ собою запасъ хлѣба и рыболова Марка съ снастью для рыбной ловли. Духовные друзья прославили вмѣстѣ Господа за дивную благодать Его.

Когда разнеслась молва о новомъ подвижникѣ Соловецкомъ, къ преп. Зосимѣ стали приходять любители безмолвія, и онъ принималъ ихъ съ любовію. На мѣстѣ дивнаго видѣнія срубленъ былъ небольшой храмъ Преображенія Господня и при немъ трапеза. Послали одного монаха въ Новгородъ испросить благословенія архипастыря и антиминосъ для новаго храма. Возблагодаривъ Господа за благодать, одушевившую такимъ мужествомъ рабовъ Его, святитель⁴⁰⁾ послалъ игумена Павла съ антиминосомъ для освященія храма и для управления новымъ братствомъ. Такъ началась обитель Соловецкая! Для содержанія своего братія рубили дрова, копали подъ огородомъ землю, доставали изъ озеръ соль. Послѣднюю по времени продавали они и для

³⁹⁾ Еще цѣла въ Синод. библ. (№ 708) рукописная псалтирь, по которой, какъ видно изъ собственноручной приписки св. митрополита Филиппа «правиль правило самъ Зосима чудотворецъ».

⁴⁰⁾ Вѣроятно, св. Евѣимій (1429—1457), хотя писатель житія преп. Зосимы Доснеей, по ошибкѣ, называетъ св. Иону, который вступилъ на епископство не ранѣе 1458 года.

стороннихъ людей, которые стали ѣздить на островъ и взамѣнъ соли привозили хлѣбъ. Приобрѣтая трудами рукъ средства къ жизни, иноки, по наставленію и примѣру Зосимы, ревностно славили Бога въ храмѣ и довольны были малымъ. Но жадная зависть подняла войну противъ пустынниковъ. Боярскіе люди явились на островъ и отнимали у иноковъ рыбную ловлю. „Это отчина бояръ нашихъ,—говорили они,—тогда какъ дотолѣ никто не жилъ на островѣ. Лопари также жестоко обижали иноковъ. Эти нападенія злости сильно тревожили Зосиму. Старецъ Германъ успокаивалъ его: „нужны терпѣніе и молитва“, говорилъ онъ. Между тѣмъ игумень Павель не долго могъ вытерпѣть трудности жизни на суровомъ и глухомъ островѣ. Послѣ него были еще два игумена, но и они возвратились въ Новгородъ.

Такъ какъ настоятели, посылаемые на островъ, не могли уживаться тамъ, то братія рѣшили избрать игумена изъ среды себя и стали просить первоначальника своего, преп. Зосиму, чтобы онъ принялъ на себя игуменство. Но смиренный подвижникъ не хотѣлъ и слышать о томъ. Пустынники собрались къ Герману и сказали: „мы собрались сюда для подвижника Божія Зосимы, изъ насъ никто не можетъ быть игуменомъ; игуменомъ долженъ быть тотъ, кому поручили мы души свои“. Затѣмъ тайно отправили посла въ Новгородъ, чтобы архипастырь вызвалъ и посвятилъ въ игумена Зосиму. Святитель согласился и, вызвавъ Зосиму, убѣдилъ его принять санъ священства и игуменства. Въ Новгородѣ уже слышали о чудномъ подвижникѣ Соловецкомъ, и многіе желали получить отъ него благословеніе въ домахъ своихъ. Преп. игумену Зосимѣ дарили для обители церковную утварь и хлѣбъ; другіе вызывались помогать обители въ возможныхъ нуждахъ.

Возвратившись на свой островъ, преп. Зосима ревностно занялся устроеніемъ внутренняго быта обители. Постановивъ непремѣннымъ правиломъ для нея общежитіе, онъ внушалъ братіи вести жизнь иноческую такъ, какъ заповѣдали великіе отцы общежитія: не желать и не искать для себя, а заботиться объ общемъ покоѣ; въ храмѣ стоять со страхомъ Божиимъ, не сходить съ мѣста до конца службы, не разговаривать съ другими, въ трапезѣ сохранять молчаніе и внимать назидательному чтенію. Понынѣ извѣстенъ уставъ его о жизни братіи. „Игумень,—говорится въ немъ,—священники, старцы, вся братія ѣдятъ и пьютъ въ трапезѣ; кушанье для всѣхъ одинаковое; по келіямъ, за исключеніемъ больныхъ, нѣтъ стола; изъ трапезы не выносятся кушанья и питья. Одежда и обувь выдаются изъ казны. Если кто можетъ, покупаетъ себѣ келію; иначе живутъ въ келіяхъ обители. Дохода нѣтъ никакаго ни священникамъ и братіи, ни служащимъ въ монастырѣ и за монастыремъ! все нужное для каждаго выдается изъ казны“⁴¹⁾.

⁴¹⁾ Описаніе Соловец. монастыря, сост. архимандр. Досиѣемъ. Ч. I, стр. 222.

Богъ благословилъ монастырь по молитвамъ угодника Своего. По двумъ грамотамъ ⁴²⁾ новая обитель получала земли по р. Сумѣ и право на владѣніе цѣлымъ островомъ Соловецкимъ и другими сосѣдними островами.

Слухъ о высокой духовной жизни преп. Зосимы привлекалъ на островъ ревнителей вѣчнаго спасенія со всѣхъ сторонъ. Приходили священники, діаконы, причетники, иноки, желая жить съ преподобнымъ и пользоваться наставленіями его: старецъ принималъ ихъ съ любовью. Даже Лопари и Чудь, даже Норвежцы приходили къ преп. Зосимѣ и поучались душевному спасенію. Мало зная языкъ Русскій, они слушали языкъ сердца чистаго, которое безъ словъ говоритъ сердцамъ о Богѣ и вѣчности ⁴³⁾.

Въ 1465 году, по совѣту Кирилловскихъ иноковъ ⁴⁴⁾, преп. Зосима перенесъ мощи преп. Савватія, уже прославленныя чудесами, съ берега р. Выги, въ свою обитель. Между тѣмъ люди міра грѣшнаго не переставали оскорблять иногда Соловецкихъ иноковъ. Блаж. игумень отправился въ Новгородъ. „Часто приходятъ къ намъ боярскія дѣти,—говорилъ онъ владыкѣ Теофілу,—и много дѣлають оскорбленій, не позволяя ловить рыбу и угрожая даже совсѣмъ выгнать насъ изъ нашей пустыни; заступись за насъ“. Владыка обѣщаль помочь. Старецъ обратился съ просьбою и къ Новгородскимъ боярамъ. Боярыня Марѳа, вдова посадника, была тогда лицомъ сильнымъ въ Новгородѣ. Къ ней болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, нужно было обратиться съ просьбою, потому что слуги ея, жившіе на ея земляхъ, близкихъ къ острову, болѣе чѣмъ кто-нибудь, дѣлали оскорбленіе послушникамъ обители. Преподобный явился къ ней. Гордая боярыня, возмущенная своими слугами, сочла за оскорбленіе для себя жалобы иноковъ и приказала выгнать Зосиму изъ своего дома. Преподобный спокойно перенесъ оскорбленіе и сказалъ со вздохомъ ученикамъ: „на-

---

⁴²⁾ Обѣ подлинныя грамоты: вдовы посадника Борецкаго Марѳы на земли при устьѣ р. Сумы и Новгородскаго вѣча на право владѣнія Соловецкихъ острововъ съ прочими островами, принадлежащими къ нему, хранятся въ монастырской ризницѣ. Вѣчевая грамота писана на пергаментѣ за подписью св. владыки Іоны, посадскихъ и тысяцкихъ, при ней 8 свинцовыхъ печатей.

⁴³⁾ Воевода Каянскаго войска Теодоръ съ двумя подвоеводами, «дѣти Корельскіе, Вымольцы и Тиврульцы, и все войско Каянское», наученные вѣрѣ Христовой преп. Зосимою, дали при приѣмникѣ его колоколъ въ Соловецкую обитель (Правосл. Собесѣд. 1860. № 2, стр. 27).

⁴⁴⁾ Иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, свидѣтели добродѣтельной жизни преп. Савватія, писали въ Соловецкую обитель и совѣтовали перенести мощи его туда, гдѣ онъ много лѣтъ трудился. Въ томъ же письмѣ сообщено извѣстіе о знаменіяхъ и чудесахъ при гробницѣ преп. Савватія и о томъ, какъ онъ сохранилъ отъ потопленія на морѣ купца Теодора, родного брата того Іоанна, который бесѣдовалъ съ нимъ предъ блаженною его кончиною. Когда раскопали уединенную могилу дивнаго подвижника, воздухъ наполнился благовоіемъ; нетлѣнныя мощи по перевезеніи на островъ были положены за алтаремъ Преображенскаго храма, и на гробницѣ поставленъ образъ преп. Савватія, посланный отъ помянутыхъ Іоанна и Теодора.

стануть дни, когда обитатели сего дома не станут ходить въ немъ; затворятся двери его и дворъ заростетъ травою“. Прочіе бояре почтительно принимали преподобнаго, у кого только онъ былъ. Марѳа почувствовала затѣмъ вину свою и пригласила къ себѣ св. старца. Встрѣтивъ его съ дѣтьми своими, просила она простить ея вину предъ нимъ и обителю. Она вручила ему новую вкладную грамоту на землю и рыбныя ловли. За обѣдомъ, къ которому приглашено было нѣсколько бояръ, Зосима сидѣлъ молча и по обыкновенію мало кушалъ. Взглянувъ на сидѣвшихъ съ нимъ, онъ увидѣлъ, что шестеро бояръ сидятъ безъ головъ; въ другой и третій разъ смотрѣлъ онъ на всѣхъ и видѣлъ одно и то же. Слезы жалости потекли изъ глазъ его и онъ уже болѣе не касался пищи. Ученикъ его Даніиль, когда вышли они изъ дома боярыни, спросилъ его: что значить, отче! что во время стола три раза смотрѣлъ ты на сидѣвшихъ и потомъ съ поникшимъ лицомъ плакалъ? Св. старецъ открылъ ученику, что видѣлъ онъ, и не велѣлъ говорить о томъ до времени другимъ ⁴⁵).

Великій свѣтильникъ глубокаго сѣвера Русской земли, начальникъ общежитія въ странѣ нестерпимыхъ морозовъ, богоносный Зосима прожилъ 42 года на Соловецкомъ островѣ и 26 лѣтъ настоятельствомъ въ созданной имъ обители. Убѣленный сѣдинами, чувствуя близость кончины, созвалъ онъ братію и сказалъ: „дѣти, я иду въ путь отцовъ, изберите себѣ наставника“. Они зарыдали о разлукѣ съ нимъ. „Не плачьте,—сказалъ преподобный,—поручаю васъ милостивому Спасителю и Матери Божіей“. Братія со скорбію объявила, что только онъ, наставникъ ихъ, можетъ назначить вмѣсто себя наставника. Преподобный указалъ на Арсенія и, обратясь къ послѣднему, сказалъ: „ты строитель и питатель обители сей; смотри, чтобы сохранилось все установленное по храму и трапезѣ и соблюдался чинъ, введенный смиреніемъ моимъ. Заповѣдую ученикамъ моимъ соблюдать уставъ киновіи; опьяняющее питье и женскія лица не должны быть на этомъ островѣ, даже и дающія млеко животныя не должны быть здѣсь. Тѣлесно разлучаюсь я съ вами, но духомъ съ вами пребывать буду“. Сказавъ послѣднее: „миръ всѣмъ“, онъ осѣнилъ себя

---

⁴⁵) Видѣніе преп. Зосимы о боярахъ, обезглавленныхъ вскорѣ, исполнилось: сынъ Марѳы Борецкой Дмитрій Исаковъ, Василиій Селезневъ-Губа, Еремей Сухошекъ, Киприанъ Арбузеевъ и еще двое бояръ, тѣ самые, которыхъ прозорливый старецъ видѣлъ сидящими безъ головъ, были казнены Іоанномъ, какъ главные возмутители, при окончательномъ покореніи Новгородѣ. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, на заднемъ столпѣ съ правой стороны, поставлена большая икона Соловецкихъ чудотворцевъ, письма XVI вѣка: на ней изображеніе преп. Зосимы и Савватія окружено множествомъ клеймъ съ событіями изъ жизни чудотворцевъ. Особенно замѣчательны два клейма, на которыхъ представлена Марѳа Борецкая: на первомъ принимающая въ своемъ домѣ преп. игумена Соловецкаго, а на второмъ—сидящая за обѣдомъ съ нимъ же и съ обезглавленными гостями. Черты лица Марѳы на иконѣ довольно сходны съ портретомъ, о которомъ упомянуто нами выше (въ прим. 33).

крестнымъ знаменіемъ и предалъ душу свою Господу 17 апрѣля 1478 г. ⁴⁶⁾.

Вскорѣ по блаженной кончинѣ преп. Зосимы множество исцѣленій и другихъ благодатныхъ знаменій доказали святость угодника Божія. Особенно пловцы Бѣлаго моря много разъ испытывали дивную помощь въ страшныхъ опасностяхъ, когда призывали на помощь преп. Зосиму. „Постоянно обуреваемые бѣдами и страстями, прибѣгаемъ къ тебѣ, преп. Зосима, и молимъ быть молитвенникомъ за насъ предъ Богомъ. Посѣщай милостиво, отче нашъ, да тобою спасаемые поемъ: благословенъ Богъ отецъ нашихъ“ ⁴⁷⁾.

Подъ руководствомъ великаго аввы образовались крѣпкіе подвижники благочестія. Таковы были свѣщеносецъ и ученикъ св. Іоаннъ, Василій ученикъ, Онуфрій ученикъ и пустынный, Герасимъ ученикъ и отшельникъ ⁴⁸⁾. Всѣ они пережили дивнаго наставника. Пережилъ и его ветхій старецъ Германъ. Болѣе 50 лѣтъ прожилъ авва на островѣ Соловецкомъ. Онъ не былъ человѣкомъ книжнымъ, но многолѣтняя духовная опытность научила его различать явленія духовныя отъ естественныхъ. Убѣжденный въ томъ, что жизнь великихъ подвижниковъ доставляетъ назиданіе многимъ, авва Германъ приказывалъ ученику своему Досіею ⁴⁹⁾ и другимъ записывать все, что онъ видѣлъ при жизни преп. Савватія и какъ жилъ съ нимъ на островѣ. Онъ любилъ слушать назидательное чтеніе и собиралъ книги. Несмотря на глубокою старость, онъ много разъ путешествовалъ на твердую землю для нуждъ обители, и самая кончина застигла старца въ 1479 году вдали отъ обители—въ великомъ Новгородѣ, куда онъ былъ посланъ игуменомъ Арсеніемъ. Преп. Германъ преставился въ обители преп. Антонія Римлянина ⁵⁰⁾.

⁴⁶⁾ Мощи преп. Зосимы были преданы землѣ за алтаремъ деревяннаго Преображенскаго храма, подлѣ могилы преп. Савватія, въ 1566 году. По освященіи новаго каменнаго собора нетлѣнные мощи обоихъ чудотворцевъ перенесены въ придѣлъ, посвященный ихъ памяти, и тамъ почиваютъ подлѣ спудомъ на южной сторонѣ. Въ ризницѣ сохраняется фелонь бѣлаго полотна съ камчатнымъ плечемъ, данная преп. Зосимѣ св. архіепископомъ Іоною.

⁴⁷⁾ Изъ канона на 17 апрѣля Минеи Московской печати 1625 года.

⁴⁸⁾ О первомъ изъ нихъ, блж. старцѣ Іоаннѣ, сказано въ описаніи чудесъ преп. Зосимы (въ рукописи Житія святыхъ рус. библ. Серг. лавры № 692): «Этого Іоанна всѣ помнятъ, онъ былъ постриженникъ Соловецкій еще при преп. Зосимѣ, дивный подвижникъ и постникъ, смиренный, кроткій и послушливый; особенно трудился въ рыбной ловлѣ». При исцѣленіи одного больного, по имени Никона, преп. Зосима и Савватій являлись ему вмѣстѣ съ Іоанномъ.

⁴⁹⁾ Этотъ Досіею былъ послѣ игуменомъ Соловецкимъ. По желанію архіепископа Геннадія, онъ написалъ записки о житіи преп. Зосимы и похвальное ему слово. Имъ собрано много книгъ въ монастырѣ; нѣкоторыя изъ нихъ донныя цѣлы. Послѣ преп. Германа сохранился принадлежавшій ему сборникъ.

⁵⁰⁾ Ученики повезли тѣло старца своего въ Соловки, но за распутицею принуждены были оставить его на берегу р. Свири въ часовнѣ при деревнѣ Хавроньиной. Спустя 5 лѣтъ, гробъ св. аввы Германа перенесенъ на Соловецкій островъ; мощи его, обрѣтенныя нетлѣнными, положены 30 іюля 1484 г. въ часовнѣ, посвященной его памяти, подлѣ спудомъ. Тамъ же хранится четвероконечный келейный крестъ его.

Прославляя подвиги первоначальниковъ Соловецкой обители, св. Церковь воспѣваетъ: „Избѣгая шума многомятежнаго міра, мудрый Савватій, ты поселился на пустынномъ островѣ и въ ладѣ тѣлесной при кроткомъ дыханіи всеоживляющаго Духа легко переплылъ пучину житейскую, въ которой мы теперь подвергаемся бурямъ и напастямъ: молись о душахъ нашихъ ³¹⁾“.

„Возсіяла весна духовная въ странѣ лютаго мороза, когда ты, бодомудрый Зосима, руководимый доблестнымъ Германомъ, проникъ въ незнакомые стоки моря, въ селеніе Савватія, и тамъ собралъ множество подвижниковъ, неусыпно прославляющихъ Господа ³²⁾“.

---

³¹⁾ Изъ канона преп. Савватію въ сентябрьской Миней.

³²⁾ Стихира изъ службы преп. Зосимѣ по рукописной Миней начала XVII вѣка, принадлежавшей Іосифову монастырю, а нынѣ находящейся въ Моск. епарх. библиот. подъ № 391.

Г Л А В А V.

Подвижники и основатели монастырей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка: преп. Мартиніанъ и ученикъ его блаж. Галактіонъ; преп. Макарій Калязинскій, Паисій Углицкій, князь Іоаннъ-Игнатій, Кассіанъ Грекъ, Савва Крыпецкій, Александръ Свирскій, Корнилій Комельскій и Кириллъ Новозерскій.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію общецерковныхъ и соединенныхъ съ ними гражданскихъ событій при преемникѣ Іоанна III, обратимъ благоговѣйный взоръ на подвиги тружениковъ Божіихъ, насадителей иночества, основателей пустынныхъ обителей, которые свѣтили, какъ яркіе свѣтильники, среди лѣсовъ, болотъ и дебрей покрытой мракомъ земли Русской.

Въ странѣ Бѣлозерской доживалъ послѣдніе дни долгой своей жизни дивный подвижникъ Мартиніанъ, ученикъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, основатель общежительной обители на безлюдномъ островѣ озера Вожа, а послѣ преп. Ферапонта настоятель въ монастырѣ его. Тамъ подаль онъ совѣтъ державному слѣпцу изгнаннику, Василию Темному, искать наслѣдія, отнятаго Шемякою ¹⁾, и благодарный великій князь, возвративъ снова престолъ, вызвалъ Мартиніана къ себѣ и поручилъ ему игуменство въ лаврѣ чудотворца Сергія. Искренно любя великаго князя Василія и желая ему добра, преп. Мартиніанъ всегда прямо говорилъ ему правду. Однажды Василій поручилъ ему уговорить вельможу, удалившагося къ Тверскому князю, возвратиться въ Москву, и обѣщалъ, что тотъ не только будетъ прощенъ, но и получить награду. Бояринъ послушался преподобнаго, но вмѣсто почести заключенъ былъ въ темницу. Услышавъ о томъ, Мартиніанъ немедленно явился къ великому князю и сказалъ ему: „таковъ ли праведный судъ твой, государь! Ты продалъ грѣшную мою душу, лишивъ свободы того, кому ручался я за свободу душею моею. Да не будетъ благословеніе мое на тебѣ и на твоёмъ княженіи!“ Великій князь созналъ свой грѣхъ. Вслухъ бояръ своихъ онъ сказалъ, какъ бы гнѣваясь: „судите бояре, что со мною надѣлалъ болотный чернецъ? Пришелъ ко мнѣ во дворецъ и снялъ съ меня благословеніе Божіе“. Бояре не понимали, что это значить. Великій князь прибавилъ: виновать я предъ

¹⁾ См. въ I главѣ 3-й кн. этихъ «Разсказовъ».

Богомъ, забыть свое слово и поступилъ несправедливо; пойдемъ къ Св. Троицѣ, къ преп. Сергію и блаж. Мартиніану, чтобы получить прощеніе“. Вслѣдъ затѣмъ освободилъ онъ боярина и осыпалъ его милостями, и потомъ отправился въ обитель преп. Сергія. Здѣсь со всей братією вышелъ къ великому князю навстрѣчу обрадованный Мартиніанъ. Но обитель, близкая къ столицѣ, тяготила пустытника. Онъ припоминалъ себѣ слова наставника своего преп. Кирилла: „добро иноку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмущать чувства“. Съ другой стороны желалъ онъ докончить устроеніе внутренняго порядка въ любезной ему Ферапонтовой обители.

Онъ простился съ братією Лавры въ 1455 году и еще 28 лѣтъ управлялъ обителью преп. Ферапонта. Здѣсь онъ преставился 86 лѣтъ отъ рожденія, 12 января 1483 года ²⁾. Любимый ученикъ великаго Кирилла и собесѣдникъ подвижника Ферапонта воспиталъ много духовныхъ чадъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательенъ преп. Галактіонъ. Онъ жилъ въ кельѣ своего отца и наставника, и когда старецъ, по дряхлости, не могъ ходить въ церковь, Галактіонъ носилъ его на плечахъ своихъ. Достигши тайными подвигами до высокаго совершенства духовнаго и желая сохранить смиреніе, Галактіонъ, по благословенію преп. Мартиніана, иногда налагалъ на себя юродство и предсказывалъ будущія событія. По кончинѣ наставника своего онъ прожилъ еще 20 лѣтъ въ обители, служа примѣромъ строгой жизни и подкрѣпляя ослабѣвшихъ. Такъ сказалъ онъ одному брату, который впалъ въ уныніе и хотѣлъ оставить обитель: „что это, братъ, задумалъ ты? отъ волненія не убѣжишь, хотя бы ты и удалился отъ насъ: нельзя нигдѣ избѣгать искушеній вражійихъ“. Когда въ 1505 году великій князь Василій посылалъ войско противъ Казани, прозорливый подвижникъ говорилъ: „еще много разъ князь Василій будетъ хлопотать о Казани, но безуспѣшно; родится сынъ Иванъ, тотъ овладѣетъ Казанскимъ царствомъ“ ³⁾. Блаженный Галактіонъ предвидѣлъ свою кончину и извѣстилъ о томъ братію; сотрудникъ его Савва скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ: „не скорби, чрезъ восемь дней увидимся“, сказалъ ему Галактіонъ. И точно, спустя 8 дней послѣ блаженнаго Галактіона, умеръ и Савва. Это было въ 1506 году.

Въ Тверской области, близъ г. Кашина, въ селѣ Грибковѣ (что нынѣ Кожино), у боярина Василя Кожки ⁴⁾ родился сынъ Матвѣй.

²⁾ Мощи преп. Мартиніана почиваютъ подъ спудомъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ, упраздненномъ въ 1798 году. Они обрѣтены нетлѣнными, спустя 30 лѣтъ по кончинѣ, когда хотѣли погребсти друга и ученика его, архіепископа Иосафа, хотя весь гробъ былъ наполненъ водою. Рака, окованная серебромъ, устроена въ 1643 году. Надъ гробницею воздвигнута позднѣе церковь во имя преп. Мартиніана (Русская Энциклопедія, стр. 385).

³⁾ Это предсказаніе сбылось въ свое время: царь Іоаннъ (Грозный) покорилъ Казань въ 1552 году.

⁴⁾ Полководецъ Василя Темнаго, сынъ выходца изъ Швеціи Георгія Аренсбаха, Василій одержалъ побѣду надъ Галицкимъ княземъ (Шемякою?) и убилъ подъ нимъ коня. Въ знакъ побѣды онъ привезъ великому князю лукъ, палашъ и лоскутъ кожи отъ убитаго

Рано обученный грамотѣ, молодой Кожинъ женился на дѣвицѣ изъ рода Яхонтовыхъ, но, скоро овдовѣвъ, рѣшился быть слугою Царя небеснаго и постригся въ Клобуковѣ монастырѣ ⁵⁾, съ именемъ Макарія. Спустя нѣсколько лѣтъ, не довольствуясь подвигами послушанія и стремясь душою изъ городской обители въ пустынное уединеніе, Макарій удалился съ семью иноками изъ Клобукова, чтобъ отыскать безмолвное мѣсто для подвиговъ. Въ 18 верстахъ отъ Кашина, между двумя озерами, вблизи Волги, нашель онъ мѣсто красивое и тихое, какого искалъ душою. Водрузивъ крестъ, поставилъ онъ хижину и сталъ подвизаться въ безмолвіи. За мѣстомъ трудовъ его оставилъ названіе Колязиной пустыни бояринъ Иванъ Коляга, которому принадлежали ближнія земли. Этотъ Коляга сначала ненавидѣлъ пустыльниковъ, но, исцѣленный преп. Макаріемъ отъ тяжелой болѣзни, отдалъ свои земли подъ новую обитель иноческую. Она была устроена въ честь Св. Троицы, и Макарія принудили принять на себя настоятельство. Въ санѣ игумена Макарій трудился на ряду со всею братією, какъ и въ то время, когда былъ простымъ инокомъ. Для умножавшейся братіи купилъ онъ у Тверского князя с. Сергѣевское. Игумень къ подвигамъ инока присоединилъ заботу и трудъ наставлять братію и посѣтителей обители. Къ Макарію приходили и простые люди, и многіе вельможи. Они уважали его, какъ отца, хотя посиль онъ одежду худую, покрытую заплатами. По такому одѣянью и по простотѣ обращенія иные принимали его за человѣка простого и даже смѣялись надъ нимъ. Утѣшеніемъ для него было ходить по мѣстамъ безмолвнымъ и бесѣдовать съ природою. Тогда почти единственными жителями пустыннаго края были дикіе звѣри; но они были кротки съ кроткимъ рабомъ Божиимъ и иногда принимали отъ него пищу.

Духовная жизнь цвѣла въ обители Макарія. Вотъ что говорилъ самъ Макарій посѣщавшему его преп. Іосифу Волоколамскому: „когда пришелъ я на это мѣсто, то со мной пришли изъ Клобукова монастыря семь старцевъ. Они были такъ совершенны въ добродѣтеляхъ и духовной жизни, что всѣ братія приходили къ нимъ принимать наставленія; они же учили всѣхъ полезному, однихъ утверждали въ добродѣтеляхъ, а уклонившихся къ безчинію удерживали запрещеніемъ и не дозволяли слѣдовать своей волѣ“. Благодать Божія проявлялась въ подвижничѣ Божіемъ чудными знаменіями еще въ земной жизни его. Разъ привезли въ обитель его разслабленнаго Захарію, и больной со слезами просилъ Макарія помолиться за него. „Зачѣмъ привезли тебя ко мнѣ, братъ мой, зачѣмъ просишь ты помощи у грѣшника, который едва кое-что приобрѣлъ только для своего спасенія?“—говорилъ смиренный игумень.—Разслабленный не переставалъ

коня и съ того времени получилъ прозваніе «Кожа». (Ланіера Русская Геральдика. Ч. II, стр. 514).

⁵⁾ Клобуковъ Николаевскій заштатный монастырь находится подлѣ г. Кашина. Время основанія его неизвѣстно. Тамъ донинѣ указываютъ келью, въ которой подвизался преп. Макарій. (Жури. Мин. Внутр. Дѣлъ 1844, V, 508)

просить помощи. „Знаю,—говорилъ онъ,—что молитва твоя за меня несчастнаго не останется тщетною передъ Богомъ“. Макарій сказалъ ему: „сынъ мой! Богъ не хочетъ смерти грѣшника и ведетъ его къ покаянію. Вотъ и на тебя пришло посѣщеніе Божіе. Если покаешься и отстанешь отъ прежнихъ привычекъ худыхъ—получишь исцѣленіе; если же нѣтъ, хуже будетъ съ тобою“. Захарія со слезами исповѣдалъ всѣ грѣхи свои. Блаженный благословилъ его, и больной сталъ здоровъ. Другой опытъ былъ съ бѣсновавшимся молодымъ человѣкомъ, Василиемъ Рясинымъ. Макарій отслужилъ молебенъ о его здравіи, осѣнилъ его крестомъ, и выздоровѣвшій больной уже не возвратился въ свой домъ, а принялъ въ обители иночество. Разъ недобрые люди украли рабочихъ воловъ обители, но внезапно ослѣпли. Блуждая по окрестностямъ, они невольно воротились въ обитель и покаялись въ грѣхъ своемъ Макарію; преподобный разрѣшилъ ихъ отъ грѣха и слѣпоты, прибавивъ: „впередъ не грѣшите“.

Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ пустынь—Макарій не измѣнялъ своего иноческаго правила до глубокой старости: твердо стоялъ онъ на молитвѣ днемъ и ночью. Разъ вступивъ на жесткій путь, не оставлялъ его до гроба и часто лилъ слезы умиленія. По смерти нашли на немъ тяжелыя вериги, о которыхъ дотогѣ не знали. Блаженная кончина его послѣдовала 17 марта 1483 года, на 83 году жизни его ⁶⁾.

Родная сестра преп. Макарія, Ксенія Васильевна, была въ замужествѣ за помѣщикомъ Иваномъ Гавреневымъ, вѣрнымъ слугою Углицкаго князя Андрея Васильевича. Сынъ ихъ отрокъ, Павелъ Гавреневъ, часто приходилъ въ обитель Калязинскую, а по смерти родителей совсѣмъ перешелъ къ дядѣ: былъ имъ постриженъ на 11-мъ году возраста и нареченъ Паисіемъ. Подъ руководствомъ опытнаго старца, въ тиши обители, юный инокъ возрасталъ въ жизни духовной, не тревожимый опасными волненіями и навѣтами міра: съ юныхъ лѣтъ научился онъ подвигамъ послушанія, поста и молитвы. Онъ занимался списываніемъ душеполезныхъ книгъ и, между прочимъ, списалъ книгу св. Григорія Богослова. Не засоряемый впечатлѣніями мірскими и очищаемый подвигами самоотреченія, духъ его сталъ способенъ и къ созерцанію міра духовнаго. Разъ во время ночной молитвы явился къ нему ангель и сказалъ; „Ты долженъ быть наставникомъ для многихъ; ты выйдешь отсюда и будешь жить тамъ, гдѣ тебѣ велятъ, такъ надобно для славы Божіей“. Паисій со стра-

⁶⁾ Мощи преп. Макарія почивали въ соборномъ храмѣ обители его, на правой сторонѣ подъ аркою, въ серебряной ракъ, устроенный иждивеніемъ царя Бориса. Въ 1610 году Ляхи взяли приступомъ монастырь, сожгли и разорили его, при чемъ похитили раку, извергнувъ изъ нея св. мощи. Теперь онѣ почиваютъ открыто въ серебряной, позолоченной ракъ, сооруженной въ 1700 г. (Ист. Русск. Іер. IV, 583). Повсемѣстное празднованіе преп. Макарія установлено на Соборѣ 1547 года. Основанный имъ Макаріевъ-Колязинъ монастырь, состоящій нынѣ въ 1-мъ классѣ, имѣлъ, до отобранія монастырскихъ имѣній, около 12,000 крестьянъ.

хомъ выслушалъ эту вѣсть и тайно пересказалъ наставнику своему преп. Макарію.

Прошло нѣсколько времени послѣ чуднаго видѣнія. По просьбѣ князя Андрея, желавшаго основать обитель иноческую въ Угличѣ, преп. Макарій отпустилъ къ нему юнаго инока. Паисій поселился въ хижинѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Волги, въ 3 верстахъ отъ Углича, и на первый разъ построилъ деревянный храмъ Богоявленія съ нѣсколькими кельями. Къ нему собралось 10 братій и онъ ввелъ строгое общежитіе. По настоянію князя, подвижникъ принялъ санъ игуменства. Благочестивый и добрый князь искренно уважалъ Паисія и щедро подавалъ пособія для новой обители; въ 1482 году освященъ былъ каменный храмъ въ честь Покрова Богоматери. Но ни уваженіе князя, ни санъ игумена не ослабили подвижнической строгости въ достойномъ ученикѣ преп. Макарія. Онъ самъ копалъ землю, носилъ воду и въ жестокіе морозы ходилъ въ одной власяницѣ. Свѣтская вѣтренность смѣялась надъ трудолюбивымъ старцемъ, но къ своему вреду. Разъ молодой бояринъ ѣхалъ мимо обители и, увидавъ старца, заступомъ копающаго землю, посмѣялся надъ нимъ. Вдругъ лошадь сбросила его съ себя и онъ упалъ безъ чувствъ: блаженный Паисій привелъ его въ чувство и кротко сказалъ: „не осуждай иноковъ“. Печальная участь любимаго князя Андрея, скончавшагося въ темницѣ (въ 1493 г.) ⁷⁾, и дѣтей его, сосланныхъ въ заточеніе, оживляла въ душѣ подвижника мысль, что въ царствіе Божіе входятъ путемъ скорбей многихъ. Преподобный просилъ вел. князя за невинныхъ дѣтей; но это не облегчило горькой ихъ участи; удручаемый скорбью и немощами глубокой старости, передалъ онъ управленіе монастыремъ ученику своему Геннадію, но неутомимо продолжалъ молитвенные подвиги. Каждый воскресный день и каждый праздникъ самъ онъ совершалъ литургію. Когда же, наконецъ, ноги отказались служить, ослабленныя дряхлостью и подвигами, онъ сидя совершалъ келейное правило. Преп. Паисій почилъ отъ трудовъ на 107 году своей жизни, 6 іюня 1504 года ⁸⁾.

Между тѣмъ невинныя дѣти князя Андрея Васильевича, жертвы подозрительности державнаго дяди, невинно томились въ Вологодской темницѣ. Старшій изъ нихъ Димитрій тосковалъ и по временамъ горько жаловался на жестокость Іоанна III-го. Но младшій Іоаннь, съ юныхъ лѣтъ кроткій и богобоязненный, находившій утѣ-

⁷⁾ Іоаннь не довѣрялъ братьямъ—Андрею и Борису, которые не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе самодержца. Въ 1491 году князь Андрей былъ вызванъ въ Москву; здѣсь объявили ему, что онъ лишается свободы за измѣну противъ великаго князя. «Воленъ Богъ, да государь братъ мой,—сказалъ Андрей,—а Всевышній разсудилъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно». Спустя два года Андрей умеръ узникомъ, а дѣти его остались въ Вологодской темницѣ.

⁸⁾ Мощи преп. Паисія почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ монастырскомъ храмѣ; онѣ были свидѣтельствованы 1610 году и тогда же написана служба. Чудеса описаны у преосв. Филарета Черниговскаго (Русск. Свят., іюнь, стр. 32—34).

шеніе только въ изученіи закона Божія, и самую темницу сдѣлалъ для себя училищемъ благочестія; не только не ропталъ онъ на суровую участь свою, но благодарилъ за нее Господа, по примѣру мучениковъ Божіихъ: онъ подвизался въ молитвѣ и въ ней находилъ для себя силу и утѣшеніе. Онъ утѣшалъ брата тѣми высокими мыслями христіанскими, которыми жила душа его. „Къ чему скорбѣть, братъ мой? — говорилъ онъ Димитрію. — Богъ внушилъ великому князю позаботиться о спасеніи душъ нашихъ. Не видишь ли, какъ мы далеки отъ міра, опаснаго для души? Все, что есть въ мірѣ — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская—все это не отъ Отца, но отъ міра. Счастливы мы, что разлучены съ такими незавидными преимуществами міра. Тѣсенъ затворъ нашъ? Но не тѣснымъ ли путемъ шли въ царство небесное святые? Они терпѣли голодь, стужу, побои, раны, темницу, потерю всего; но пѣли псалмы и утѣшались чтеніемъ слова Божія. Будемъ и мы подражать имъ и намъ данъ будетъ вѣнецъ негнѣнія“. Такъ чистая душа блаженнаго юноши смотрѣла на земную участь свою, какъ на строеніе благой премудрости Божіей, обращающей и дѣла людскія въ средства ко спасенію. Наконецъ, страдалецъ Божій истомился въ душномъ воздухѣ темницы и, чувствуя близость кончины своей, захотѣлъ облечься въ иноческую одежду. Почему же давно онъ не облекся въ эту одежду? Тогда подозрительная политика людская, конечно, возвратила бы ему свободу. Но въ такомъ случаѣ братъ Димитрій, не желавшій иночества, не принявшій его и передъ смертью, остался бы одинъ въ темницѣ, а этого не допускала нѣжная любовь къ брату. По просьбѣ блаженнаго узника, Прилуцкій игумень Михайлъ облекъ его въ иноческую одежду, назвавъ Игнатіемъ. Страдалецъ причастился св. Таинъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой“. Такъ перешелъ онъ въ вѣчный покой, 19 мая 1523 года, 45 лѣтъ отъ рожденія. Горько плакалъ братъ Димитій о потерѣ утѣшителя и наставника — брата. Но смотря на свѣтлое лице почившаго, не имѣвшее вида мертвенности, и ощущая легкое благоуханіе, исходившее отъ почившаго, успокоился увѣренностью въ блаженной его долѣ. Весь городъ собрался къ темницѣ, услышавъ о преставленіи блаж. князя: его уважали въ узахъ болѣе, нежели другихъ, обладавшихъ силою власти земной. Во время погребенія блаженнаго князя-инока совершилось нѣсколько чудесъ⁹⁾.

Собесѣдникомъ и другомъ преп. Паисія былъ пришлецъ изъ

⁹⁾ Мощи преп. Игнатія положены въ томъ же храмѣ Прилуцкаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи преп. Димитрія, основателя этой обители. Братъ князя-инока Игнатія еще нѣсколько лѣтъ по кончинѣ его остался узникомъ, но умеръ на свободѣ и погребенъ при ногахъ брата, утѣшителя его въ узахъ темничныхъ. Замѣчательно, что икона Богородицы, единственное родительское наслѣдіе братьевъ узниковъ, постоянно находится въ тюрьмѣ на память страдальцевъ. Жители Вологды притекаютъ съ вѣрою къ сему чудотворному образу въ острогѣ. Церковная служба преп. Игнатію извѣстна по рукописи XVI в. (Библи. Царскаго, № 563).

Греци, потомокъ княжескаго рода, по имени Константинъ. Онъ прибылъ въ Москву съ невѣстою Иоанна III-го, царевною Софьею, но не захотѣлъ остаться при дворѣ великокняжескомъ и, любя уединеніе и скорбя о горькой участи своей родины, страдавшей подъ игомъ Турокъ, избралъ себѣ скромное мѣсто боярина при Ростовскомъ архіепископѣ Иоасафѣ, изъ князей Оболенскихъ. Когда святитель Иоасафъ отказался отъ каедры и удалился въ Терапонтовъ монастырь, на мѣсто своего постриженія; сюда вмѣстѣ съ нимъ перешелъ и кн. Константинъ. Здѣсь въ молитвѣ и чтеніи книгъ находилъ онъ покой души. Это было спустя шесть лѣтъ по преставленіи преп. Мартиніана. Константинъ не желалъ постриженія иноческаго, хотя и уговаривали его блаж. Иоасафъ и другіе. Явившись ему въ сонномъ видѣніи, преп. Мартиніанъ грозилъ подвергнуть его строгому наказанію за сопротивленіе доброму совѣту. „Видѣлъ я во снѣ,—разсказывалъ онъ владыкѣ Иоасафу,—благолѣпную церковь съ иконами; посреди ея какъ бы каедрa и на ней преп. Мартиніанъ съ жезломъ въ рукѣ. Постригись, говоритъ мнѣ игумень. Не постригусь, отвѣчалъ я. Если не послушаешься,—продолжалъ онъ,—буду бить тебя жезломъ, и хотѣлъ ударить меня“. Отъ страха я проснулся. Константинъ тогда же, по просьбѣ его, постриженъ былъ съ именемъ Кассіана.

Въ обители Терапонтовой жилъ онъ недолго и удалился съ нѣсколькими братьями въ удѣлъ добраго Угличскаго князя Андрея, съ которымъ былъ друженъ еще въ мѣрѣ. Въ 15 верстахъ отъ Углича, на берегу Волги и р. Учмы, водрузилъ онъ крестъ, поставилъ кельи и, по благословенію Ростовскаго архіепископа, построилъ храмъ въ честь Успенія Богоматери. Но храмъ поврежденъ былъ разливомъ Волги. Добрый князь Андрей доставилъ ему средства построить храмъ и кельи на новомъ мѣстѣ и назначилъ еще пособіе на содержаніе обители. Чудотворецъ Кассіанъ, предузнавъ свое отшествіе къ Господу, преподалъ наставленіе братіи, приобщился св. Таинъ и преставился 2 октября 1504 года ¹⁰⁾).

Въ половинѣ XV вѣка подвижникъ, по имени Савва, пришедшій изъ чужихъ странъ (изъ Сербіи, а по сказанію другихъ, съ св. горы Аѳонской), спасался въ окрестностяхъ Пскова, сначала въ Снѣтогорскомъ ¹¹⁾, потомъ въ Елезаровомъ монастырѣ ¹²⁾, гдѣ пользовался на-

¹⁰⁾ Основанный преп. Кассіаномъ монастырь упраздненъ въ 1704 году, при чемъ перковь сдѣлана приходскою для сосѣднихъ селеній. Въ ней почиваютъ мощи преп. Кассіана подъ спудомъ. Надгробная икона написана иконописцемъ-священникомъ по двукратному явленію чудотворца. Чудеса исчислены въ Яроsl. Еларх. Вѣдом. 1861, № 29.

¹¹⁾ Время основанія Снѣтогорскаго монастыря близъ Пскова на Снѣтной, или Снятой горѣ, неизвѣстно. Въ 1299 году онъ былъ разоренъ Ливонскими рыцарями, при чемъ умерщвленъ блаж. игумень Иоасафъ съ 17 иноками. Соборная перковь обители, построенная въ 1312 году, замѣчательна по красотѣ древняго зодчества.

¹²⁾ Спасо-Елезаровъ монастырь, въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Пскова, близъ Псковскаго озера, основанъ въ 1425 году преп. Евфросиномъ, въ мѣрѣ Елезаромъ, который собралъ братію, далъ ей наставленіе въ формѣ завѣщанія, сохранивашагося доннынѣ, потрудился болѣе 50 лѣтъ въ пустынѣ и преставился 15 мая 1481 года, достигнувъ 95-ти-лѣтней

ставленіями преп. Евфросина; наконецъ удалился за 15 верстъ далѣе на урочище, называемое Крыпцы, находившееся въ непроходимомъ мѣстѣ, гдѣ жили только медвѣди и другіе дикіе звѣри, около озера, обильнаго рыбой. Тамъ на камнѣ поставилъ себѣ Савва малую хижину, подвизался въ постѣ и молитвѣ, питался хлѣбомъ и водою, а въ среду и пятокъ пребывалъ вовсе безъ пищи, воздѣлывая землю своими руками, что въ послѣдствіи завѣщаль и ученикамъ своимъ, которые вскорѣ начали стекаться къ нему на сожительство, привлекаяемые молвою о святой его жизни. Не желая самъ начальствовать, блаженный старецъ въ обители своей поставилъ игумена, по имени Кассіана, и устроилъ общежительство, не позволяя никому изъ братіи считать что-либо своимъ, хотя бы кто и пожертвовалъ изъ имѣнія своего при вступленіи въ монастырь. Въ келіи у самого Саввы ничего не было, кромѣ иконъ Спасителя и Божіей Матери, убогой мантіи и ветхой рогожи, на которой онъ ложился для краткаго успокоенія. Посадники и бояре Псковскіе усердно жертвовали имѣнія для новаго монастыря, а Псковскій намѣстникъ, князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, имѣя великую вѣру къ преп. Саввѣ, подавалъ много милостыни обители и еженедѣльно пріѣзжалъ туда ко всенощному бдѣнію. Однажды онъ вздумалъ отправиться туда съ супругою, которая была больна и хотѣла просить преподобнаго о исцѣленіи. Но прозорливый старецъ выслалъ къ нему навстрѣчу ученика своего съ такими словами: грѣшный старецъ Савва говоритъ тебѣ, князь: не входи съ княгинею въ монастырь, ибо, по преданію св. отцевъ, не дозволено женщинамъ входить въ обители иноческія; если же не послушаешь меня, то супруга твоя не получитъ исцѣленія“. Князь смиренно повиновался, взошелъ одинъ въ монастырь и просилъ прощенія въ нарушеніи заповѣди, которой не зналъ, а старецъ вышелъ къ княгинѣ за врата обители, тамъ отлужилъ для нея молебень съ водосвятіемъ и окропленіемъ св. воды исцѣлилъ княгиню отъ болѣзни. Благодарный князь въ память сего избавленія устроилъ чрезъ непроходимыя болота мостъ къ обители преп. Саввы въ 1400 саж. длины, существующій донинѣ подъ именемъ „маста Ярославля“, а въ 1487 году, по совѣту съ посадниками, съ тысяцкими и со всѣмъ Псковскимъ вѣчемъ, по благословенію духовенства всѣхъ соборовъ богоспасаемаго града Пскова, далъ обители крѣпостную грамоту на владѣніе землями.

Въ томъ же году преп. Савва, достигнувъ маститой старости, впалъ въ тяжкую болѣзнь и мирно отошелъ ко Господу, 28 августа 1487 года. Ученики съ великимъ плачемъ погребли его на правой сторонѣ построенной имъ деревянной церкви св. Іоанна Богослова ¹³⁾.

старости. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ воздвигнутой имъ обители.

¹³⁾ Основанный преп. Саввою Крыпецкій монастырь находится въ 20 верстахъ отъ г. Пскова, за р. Псковою. Въ нижней церкви подъ соборомъ св. Іоанна Богослова, построеннымъ въ 1547 году, почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Саввы чудотворца. Подроб-

Въ дикой и суровой странѣ Олонецкой возсіялъ великій свѣтильникъ благочестія, преп. Александръ Свирскій ¹⁴⁾. Жизнь его — чудно-высокая, отраженіе чистой евангельской жизни.

Дивный рабъ Божій родился въ древней Обонежской пятинѣ, въ с. Мандерѣ, что нынѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Когда онъ отданъ былъ учиться грамотѣ, то сначала тупо учился въ сравненіи съ прочими. Это сильно огорчало отрока. Разъ со слезами молился онъ въ храмѣ о раскрытіи разумѣнія своего и слышалъ голосъ: „встань,—ты получишь, чего просилъ“. Веселымъ воротился онъ въ домъ и съ того времени легко и скоро сталъ понимать книжную мудрость. Богобоязненный отрокъ постоянно соблюдалъ постъ и молился по ночамъ. „Зачѣмъ ты, сынъ мой, такъ изнуряешь себя?“ съ скорбію говорила мать. Сынъ отвѣчалъ: „зачѣмъ же тебѣ, мать моя, отклонять меня отъ пріятнаго мнѣ воздержанія?“ Родители хотѣли, чтобы вступилъ онъ въ бракъ; но онъ отклонялся отъ того подъ разными предлогами и думалъ объ одномъ, какъ бы совсѣмъ разстаться съ міромъ.

Тайно отъ родителей отправился онъ прямо въ Валаамскій островъ и на 26 году возраста облекся въ иночество. Здѣсь провелъ онъ 13 лѣтъ, какъ самый строгій къ себѣ послушникъ. Крѣпкій здоровьемъ, онъ усердно служилъ всѣмъ, носилъ воду, таскалъ изъ лѣса дрова, и того никогда не допускалъ, чтобы отказаться отъ приказанія старшихъ. Ночь проводилъ въ молитвѣ, а иногда обнаженное тѣло свое отдавалъ въ пищу комарамъ.

Въ 1486 году Александръ удалился на озеро Рошинское, въ 6 верстахъ отъ р. Свири, избралъ себѣ мѣсто и тамъ, гдѣ впоследствии построенъ храмъ Спасителя; 7 лѣтъ подвизался въ тѣсной хижинѣ. Здѣсь по случаю нашелъ его бояринъ Завалишинъ и подумалъ, что видитъ иривидѣніе: такъ изнурилъ себя подвигами рабъ Божій. По усердной просьбѣ набожнаго боярина, преподобный открылъ ему жизнь свою, подъ условіемъ молчанія. „Семь лѣтъ живу я здѣсь, не видя никого,—говорилъ онъ,—ни раза не вкушалъ я хлѣба, а довольствовался травой; иногда же приходилось мнѣ ѣсть одну сырую землю“.—Трудно было жить тебѣ такъ?—спросилъ изумленный бояринъ. „Вначалѣ было тяжело, — отвѣчалъ подвижникъ, — сильно страдалъ желудкомъ; по временамъ я валялся на землѣ, не въ силахъ будучи поднять головы; я совершалъ пѣніе свое, лежа на землѣ; разъ очень сильно страдалъ я, и вотъ вижу кого-то свѣтлаго. Чѣмъ ты боленъ?—спросилъ онъ меня. Желудкомъ, — отвѣчалъ я. Покажи мнѣ больное мѣсто, — сказалъ онъ. И когда я указалъ, онъ возложилъ на меня руку и сказалъ: „се здравъ еси, ктому не согрѣшай, но работай Господу“. Съ того времени чувствую себя здоровымъ“. Была еще борьба отшельнику. Духи злобы не разъ являлись ему въ грозныхъ приви-

ности о Спасо-Елеазаровомъ и Крыпецкомъ монастыряхъ можно найти въ книгѣ моей: «Святѣи и древности Пскова».

¹⁴⁾ Житіе преп. Александра Свирскаго, писанное въ 1545 году ученикомъ его, игуменомъ Продиономъ, въ Синод. Библ. № 874.

дѣшяхъ, но онъ не уступалъ насилію ихъ и молитвою разсѣваль мечтанія. Спустя 7 лѣтъ стали собираться къ нему труженики, но и они сперва жили отшельнически, не близко одинъ отъ другого. Бояринъ Завалишинъ доставлялъ по временамъ отшельникамъ хлѣбъ, что укрѣпляло слабыхъ.

По особенному внушенію, преп. Александръ началъ строить монастырь въ 130 саженяхъ отъ своей хижины, а сподвижники убѣдили его принять на себя санъ священства и настоятельство. Въ 1508 году освященъ храмъ Св. Троицы. Новый игумень не перемѣнилъ строгости къ себѣ, но казался послѣднимъ въ обители. Онъ первый выходилъ на труды и больше другихъ трудился: то мѣсилъ въ хлѣбнѣ тѣсто и пекъ хлѣбы, то носилъ воду изъ озера, то рубилъ и носилъ дрова, то мололъ рожь за другихъ своими руками. Никогда не спалъ онъ даже на рогожѣ, а всегда на голой доскѣ или сидя. Одежда его была покрыта заплатами. Иные и смѣялись надъ нимъ за такую одежду, но онъ оставался вѣрнымъ себѣ. Усердно заботился онъ о спасеніи чадъ своихъ, иноковъ, и умолялъ братію приближаться къ Богу смиреніемъ, трудами послушанія, постомъ и молитвою.

Высокая духовная жизнь сѣвернаго пустытника привлекала къ нему многихъ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ. Къ великому подвижнику одни приходили для испрошенія благословенія и молитвъ, другіе шли со скорбями земной жизни, третьи открывали большую совѣсть свою. Преподобный принималъ всѣхъ съ кроткою любовію и старался помогать всѣмъ.

Вотъ одинъ изъ многихъ опытовъ прозорливости великаго подвижника. При освященіи храма Св. Троицы народъ подавалъ ему деньги и вещи. Сосѣдній поселянинъ Григорій также хотѣлъ подать отъ себя что-то, но преподобный не принималъ. Два и три раза Григорій пытался положить даръ свой въ фелонь игумена, но старецъ отталкивалъ руку его. „Рука твоя смердитъ, — сказалъ ему наконецъ преподобный: ты билъ ею мать твою и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій“. Что-жъ мнѣ дѣлать? — спросилъ въ сокрушеніи Григорій. „Ступай, испроси прощеніе у матери твоей и впредь не смѣй оскорблять ее“. Не задолго до блаженной кончины, св. пустыжникъ утѣшенъ былъ видѣніемъ Богоматери, обѣщавшей ему не забывать обители его и умножить число братіи богоугодной.

Много подвижниковъ благочестія воспиталъ преп. Александръ. Въ бывшей Оредежской пустыни подвизался ученикъ его преп. Макарій, основатель этой обители, почившій въ 1532 году. Въ Важеозерской Спасской пустыни, въ 12 вер. отъ Свирскаго монастыря, почиваетъ сподвижниковъ его и основатель пустыни преп. Никифоръ. Въ Оятской пустынѣ скончались питомцы Свирскаго наставника Игнатій, Леонидъ, Діонисій, Θεодоръ, Θεерапонтъ, Корнилій и Аванасій (поставленные, по рукописнымъ святцамъ, въ ликъ преподобныхъ). Александръ въ духовномъ своемъ завѣщаніи писалъ: „братіи моей приказываю жить о Христѣ и отнюдь не держать въ нашей пустынѣ опя-

няющаго питья, не имѣть вражды между собою и не считаться ни въ чемъ. Богъ далъ, доселѣ считаться не изъ чего,—казны монастырской нѣтъ; что Богъ посылалъ при моей жизни, какой христіюбецъ давалъ вкладъ въ монастырь, то все пошло въ домъ Св. Троицы и боголѣпнаго Преображенія, на храмъ и теплую церковь и на другой монастырскій расходъ“. Св. старецъ скончался на 85 году отъ рожденія, 30 августа 1533 года ¹⁵⁾.

И изъ необъятнаго лѣса Комельскаго свѣтъ Божій продолжалъ сіять на окрестности. Какое благословенное Богомъ мѣсто была эта дубрава, растилавшаяся во всю южную полосу Вологодскаго края, разсѣкаемая пустыннымъ теченіемъ Нурмы и Комелы и другихъ безвѣстныхъ рѣчекъ! Казалось, дебри были созданы для витанія дикихъ звѣрей, но туда стремились ангелоподобные люди, чтобы сперва по краямъ лѣса, гдѣ только позволяла мѣстность, а потомъ даже и въ самой дремучей глуши его, съ большимъ дерзновеніемъ созидать свои духовныя твердыни.

Преподобный Сергіи Нуромскій и Павелъ Обнорскій съ южной стороны коснулись только сихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, и едва ли не впервые застучала ихъ иноческа я сѣкира на вѣковыхъ соснахъ, невиданныхъ дотолѣ руки человѣческой ¹⁶⁾. Въ концѣ XV столѣтія подвизались здѣсь преп. Аврамій и Копрій — на берегу р. Печенги ¹⁷⁾, преп. Иннокентій, другъ и собесѣдникъ Нила Сорскаго ¹⁸⁾, преп. Онуфрій и Авксентій, основатели Перцовой пустыни ¹⁹⁾, и, наконецъ, великій отецъ пустынножителей Корнилій.

Родители преп. Корнилія, люди знатные и богатые, по прозванію Крюковы, оставили его сиротою въ младенчествѣ, поручивъ дядѣ

¹⁵⁾ Память преп. Александра чтли церковною службою съ 1547 года (Акты Арх. Экспедиц. I, 203), но мощи его открыты не ранѣе 1641 г., и царь Михайлъ устроилъ серебряную раку, въ которой онѣ и нынѣ покоятся. Въ алтарѣ Московскаго Успенскаго собора есть древній огромной величины образъ въ «житіи» преп. Александра Свирскаго. По свидѣтельству одной старинной рукописи, эта икона прославлена чудесами въ 1555 г. Она стояла тогда «у стола, противу чудотворнаго гроба блаж. Іоны митрополита» (Сборн. Румянц. Музея XVII вѣка подъ № 364, л. 286).

¹⁶⁾ О подвигахъ преп. Сергія и Павла см. во второй книжкѣ нашихъ Разказовъ гл. VI.

¹⁷⁾ По рукописному описанію Вологодскихъ святыхъ преп. отцы Аврамій и Копрій Печенскіе жили въ 1492 г. Пустыня ихъ была въ Грязовецкомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ Вологды. Тамъ и мощи ихъ почиваютъ подъ спудомъ, въ Спасской церкви сдѣлавшейся приходскою по упраздненіи обители въ 1764 году.

¹⁸⁾ Преп. Иннокентій, изъ боярскаго рода Охлѣбнинныхъ, постриженникъ обители Кирилла Бѣлозерскаго, странствовалъ на востокъ съ преп. Ниломъ Сорскимъ и слѣдовалъ за нимъ въ скитъ его. Въ 1491 году онъ удалился, по совѣту Нила, на р. Нурму и поселился въ самой глубинѣ Комельскаго лѣса, въ 70 верстахъ отъ Вологды. Здѣсь собралось къ нему духовное стадо. Онъ преставился 19 марта 1522 г. Обитель его закрыта въ 1764 году и Благовѣщенская церковь ея обращена въ приходскую. Тамъ почиваютъ подъ спудомъ мощи Иннокентія.

¹⁹⁾ Преп. Онуфрій и Авксентій въ 1499 году поселились въ Комельскомъ лѣсу, въ 35 верстахъ отъ Вологды, и основали Перцову пустынь съ церковью Св. Троицы. Въ этомъ храмѣ, нынѣ приходскомъ, почиваютъ мощи ихъ подъ спудомъ.

Лукьяну Крюкову, служившему при дворѣ великой княгини Маріи, супруги Темнаго. Лукьянъ, удалясь въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла, взялъ съ собою и 13-тилѣтняго племянника. Здѣсь отрокъ, принявъ постриженіе, началъ труды иноческіе тяжелымъ послушаніемъ въ хлѣбняхъ, въ свободное время списывалъ книги, носилъ вериги, потомъ предпринялъ странствованіе по пустыннымъ обителямъ ²⁰). Это странствованіе не было празднымъ: юный инокъ собиралъ опыты жизни духовной, терпѣлъ голодь и жажду, зной и морозъ для Господа.

Въ 1497 году Корнилій перешелъ въ глухой и дикій Комельскій лѣсъ и поселился въ 45 верстахъ отъ Вологды. Сначала онъ подвизался одиноко и безмолвно, потомъ стали собираться къ нему любители безмолвія; онъ построилъ (1501 г.) деревянную церковь Введенія Богоматери во храмъ и посвященъ былъ въ санъ священства. Рѣшась жить въ обществѣ братіи, блажен. Корнилій не щадилъ себя для ихъ пользы. Онъ самъ на ряду съ другими трудился въ лѣсу и въ обители, рубилъ и очищалъ лѣсъ. Разбойники, досадуя на старца, какъ на помѣху ремеслу ихъ, избили его до того, что едва добрелъ онъ до кельи. Разъ шелъ онъ съ братією по лѣсу и на него упало дерево, мимо котораго другіе прошли счастливо; послѣдствіемъ была тяжкая болѣзнь, отъ которой пролежалъ онъ на одрѣ полтора года; а рана на головѣ его оставалась еще долго. Едва оправился онъ отъ этой болѣзни, какъ, будучи на работѣ, оскользнулся и покатился по ребрамъ страшной стремнины: онъ разбился до того, что отчаивались въ его жизни; но Господь сохранилъ раба Своего. Не мало пришлось ему перенести огорченій и за самое мѣсто, гдѣ основалась пустынная обитель. На него жаловались даже в. князю, будто онъ отнимаетъ чужую собственность, тогда какъ заселялъ онъ непроходимый лѣсъ. Когда число братіи увеличилось, онъ построилъ (въ 1512 г.) новый, болѣе прежняго обширный храмъ. При этомъ одни изъ братій плотничали, другіе писали иконы или занимались рѣзною работою, третьи списывали книги. Корнилій построилъ и еще храмъ въ честь начальника пустынной жизни Антоція великаго; при тепломъ храмѣ устроена братская трапеза. Для набоженія за порядкомъ въ храмѣ назначилъ онъ еkkлесіарха, а для хозяйственныхъ дѣлъ келаря; установилъ чинъ утреннихъ и вечернихъ службъ. Въ постоянное руководство своей братіи онъ далъ письменный уставъ ²¹). Для больныхъ и странни-

²⁰) Тогда Корнилій нѣсколько времени пробылъ въ пустынѣ близъ Новгорода, гдѣ посѣщалъ святаго Геннадія, который желалъ удержать его при себѣ; потомъ искалъ, но не нашелъ, безмолвія въ Савватіевой пустыни.

²¹) Уставъ, оставленный преп. Корниліемъ, довольно сходенъ съ правилами другихъ общежительныхъ монастырей. Предписывая братіи нестяжательность и воспрещая принимать отдѣльныя подаванія, отецъ пустынножителей говоритъ: «Инокъ, имѣющій въ общежитіи что-либо свое собственное, чуждъ любви Божіей. Желаящій сподобиться благодати пребываетъ въ полномъ нестяжаніи и нищетѣ, по примѣру убожества Христова. Если же кто изъ приходящихъ захочетъ раздавать милостыню по рукамъ, то пусть лучше не будетъ милостыни, нежели разорять ея правило общежитія».

ковъ поставилъ больницу и страннопріимный домъ. Если приходилось преподавать кому-либо изъ братіи наставленіе въ присутствіи другихъ, старецъ не обличалъ его лично, а говорилъ противъ грѣха его. Если же кто самъ приходилъ къ нему исповѣдать грѣхъ свой, для облегченія совѣсти, опъ возлагалъ эпитимію.

Преп. Корнилій особенно любилъ исполнять заповѣдь Спасителя о милостынѣ. Случилось, что ко дню праздника преп. Антонія запасы вышли и раздавать было нечего. Преподобный обратился къ Богу и на разсвѣтѣ дня праздничнаго посланный великаго князя Василія, принесъ богатую милостыню, такъ что весь народъ питался съ избыткомъ. Милосердіе и вѣра его открылись въ блистательномъ видѣ во время голода, посѣтившаго Вологодскую страну. Для всѣхъ входящихъ отворены были клѣти съ мукою, хотя мука покупалась по дорогой цѣнѣ. Родители оставляли дѣтей у стѣнъ обители, не имѣя чѣмъ кормить ихъ: преподобный устроилъ для нихъ богадѣльню на монастырскомъ дворѣ и кормилъ ихъ. Иные по два и по три раза получали милостыню, во зло употребляя доброту старца, и приставники говорили о томъ преп. Корнилію; но онъ приказывалъ подавать помощь всѣмъ просящимъ, безъ различія. За подвиги любви утѣшенъ онъ былъ видѣніемъ. Въ праздникъ великаго Антонія, вечеромъ послѣ обычнаго правила, сѣлъ онъ отдохнуть и въ тонкомъ снѣ видитъ преп. Антонія: египетскій отшельникъ приказываетъ ему идти за нимъ и выводить на обширное поле, съ грузами просфоръ и калачей. „Вотъ твои подаванія нищимъ,—сказалъ небесный посѣтитель,—собрай себѣ въ полы“. Корнилій сталъ собирать; собралось такъ много, что они посыпались на землю. Корнилій проснулся и съ радостными слезами дивился видѣнію. Потомъ разсказалъ о томъ братіи и заповѣдалъ, чтобы при жизни и по смерти его щедро подаваема была милостыня нищимъ.

Устроивъ обитель свою, старецъ, по случаю неудовольствій, поднятыхъ противъ него нѣкоторыми строптивыми людьми, рѣшился удалиться на новое уединеніе. Напрасно уговаривали его лучшие изъ братіи не оставлять обители своей. Сказавъ имъ, что онъ не расстанется съ ними духомъ, онъ поручилъ управленіе монастыремъ 12 ученикамъ, а самъ съ ученикомъ Геннадіемъ отправился искать себѣ уединенія, и за 70 вер. отъ своей обители, на Сурскомъ озерѣ, сталъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Въ 1526 г. великій князь Василій съ молодою супругою Еленою ходилъ на богомолье въ Кирилловъ монастырь. На пути посѣтивъ Корниліеву обитель, узналъ, что Корнилія нѣтъ тамъ. Онъ послалъ сказать Корнилію, что желаетъ видѣть его. Старецъ явился къ великому князю въ Вологду. Василій радъ былъ свиданію съ дивнымъ подвижникомъ; онъ просилъ его молить Господа и Богоматерь, дабы даровано было ему чадородіе; потомъ потребовалъ, чтобы старецъ возвратился въ свою обитель, и смиренный пустынникъ повиновался. Послѣ сего великій князь сказалъ ему: „слышалъ я, отче, что монастырь твой не имѣетъ ни селъ, ни деревень:

проси, что тебѣ нужно—дамъ все“. Преподобный благодарилъ великаго князя и просилъ утвердить за монастыремъ окружающую его землю съ лѣсомъ, дабы братія спокойно, трудами рукъ своихъ, доставали себѣ хлѣбъ. Великій князь исполнилъ желаніе старца ²²⁾.

Въ обители съ радостію встрѣтили преп. Корнилія. Онъ принялся по прежнему трудиться здѣсь и очищать лѣсъ для нивы. Разъ въ полдень братія отдыхали, а онъ собиралъ хворостъ; внезапно поднявшееся пламя обхватило вокругъ него лѣсъ, и онъ едва не сгорѣлъ; но поднявшійся вѣтеръ открылъ ему дорогу среди пожара. Не взирая на старость, онъ не уклонялся ни отъ какихъ трудовъ по обители и первый являлся на церковную службу. Одежду любилъ онъ самую бѣдную. Инокъ Закхей просилъ его, чтобы мантия Закхеева, связанная лыками, замѣнена была другою. Игумень отдалъ Закхею свою, а на себя надѣлъ Закхееву.

Сила Божія, могущественно дѣйствовавшая въ дивномъ подвижникѣ, дѣйствовала чрезъ него и въ другихъ людяхъ, которыхъ сердца были открыты для нея. Осязаемый опытъ тому былъ слѣдующій: инокъ, посланный на работу, принесенъ былъ въ монастырь едва живой, избитый разбойниками. Преподобный велѣлъ позвать духовника, а самъ пошелъ къ больному и лишь только коснулся перстомъ ранъ его, какъ тотъ всталъ здоровымъ.

За годъ до смерти передалъ онъ правленіе обители ученику своему Лаврентію. На четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи изнемогшій отъ лѣтъ—старецъ велѣлъ вести себя въ церковь, чтобы еще разъ причаститься св. Таинъ. Возвратясь изъ церкви, простился со всѣми, выслушалъ акаѳистъ Спасителю и Богоматери и тихо предалъ духъ свой Господу; это было 19 мая 1537 года, на 82 г. жизни ²³⁾.

Великій пустынножитель Комельскій примѣромъ жизни своей и наставленіями возрастилъ для духовной жизни много мужей благоугодныхъ. Таковы: блаж. Лаврентій Комельскій ²⁴⁾, основатели монастырей: преп. Геннадій Любимскій, Иродіонъ Илозерскій, Адріанъ Пошехонскій ²⁵⁾, Кириллъ Новозерскій.

²²⁾ Впрочемъ преп. Корнилій не любилъ владѣть угодьями и селами. Онъ продалъ землю въ Пошехонскомъ уѣздѣ, подаренную Комельской обители княземъ Семеномъ Шелешнанскимъ (Юрид. Акты, стр. 121).

²³⁾ Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ Комельской обители. Тамъ сохранилась часть власяницы чудотворца, фелонь его изъ бѣлой камки, составленный имъ уставъ общежитія и подлинная ставленная грамота, выданная 1501 г. митрополитомъ Симономъ рукоположенному имъ въ діаконскій и іерейскій санъ «дьяку иноку Корнилію Ѳеодорову сыну Крюкову». Эта грамота напечатана въ Ист. Росс. Іер. IV, 660.

²⁴⁾ Лаврентій, преемникъ преп. Корнилія въ настоятельство Комельской обители, постникъ, подвижникъ и молитвенникъ, скончался 1 мая 1547 г.

²⁵⁾ О преп. Геннадіи Люсимскомъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Преп. Адріанъ по кончинѣ богомудраго наставника своего поселился съ двумя иноками, по указанію черноризца Безстужа, въ дремучемъ Пошехонскомъ лѣсу, на берегу р. Вотхи, подъ дубомъ, на которомъ нашли они икону Богородицы, Здѣсь въ 1543 году соорудили они обитель, въ которой почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Адріана, умерщ-

Земною родиною Кирилла былъ г. Галичъ; родители его были люди богатые и благочестивые, изъ дворянскаго рода Бѣлыхъ, или Бѣлаго. Еще въ лѣтахъ отрочества Кирилль ушелъ изъ родительскаго дома искать преп. Корнилія, о которомъ много слышалъ. Дорогою встрѣтилъ онъ старца. На вопросъ: куда идешь? Кирилль отвѣчалъ: къ Корнилію; у него, какъ слышно, учатся спасенію, а мнѣ хотѣлось бы спастись. „Благословенъ Богъ, вразумившій тебя,—отвѣчалъ старецъ;—если хочешь, иди за мною къ Корнилію“. На другой день въ виду было мѣстопребываніе Корнилія; указывая на него, старецъ сказалъ: „иди, чадо, къ блаженному Корнилію, я попрошу его за тебя“; благословилъ его и разстался съ нимъ. Преп. Корниліи съ любовію принялъ отрока и вскорѣ же постригъ его въ иночество; ему было тогда около 20 лѣтъ. Молодой инокъ съ горячею любовію началъ совершать подвиги иночества, учиться послушанію, посту и молитвѣ. Послѣ молитвы общей, со всею усердіемъ трудился онъ то въ пекарнѣ, то на другой службѣ. Въ свободное отъ трудовъ время поучался житію святыхъ, читалъ св. книги, особенно псалмы Давидовы. Чистая, духовная жизнь его радовала всѣхъ, жившихъ съ Корниліемъ. Родители блаженнаго, безъ пользы искавъ сына долгое время, начали уже считать его умершимъ, какъ спустя 7 лѣтъ Комельскій монахъ сказалъ имъ, что въ ихъ пустыни ведетъ высокую жизнь молодой инокъ, неизвѣстно откуда пришедшій. Отецъ отправился въ пустынь съ богатыми пожертвованіями и не узналъ въ строгомъ постникѣ Кириллѣ сына своего.

Сынъ продолжалъ молить Господа о спасеніи родителей. Наконецъ отецъ, узнавъ сына, объявилъ ему, что самъ желаетъ иночества и его постригли съ именемъ Варсонофія. Спустя 8 дней получено извѣстіе, что мать блаж. Корнилія скончалась инокинею Еленою. По распоряженію Кирилла, оставшееся имѣніе роздано было бѣднымъ и слугамъ дана была свобода. Отецъ прожилъ въ обители около трехъ лѣтъ въ постѣ и молитвахъ; сынъ покоилъ старость его до гроба.

Спустя годъ по смерти родителя, Кирилль, стремясь къ высшему совершенству, рѣшился вести жизнь отшельническую, въ глуши лѣсовъ сѣверныхъ. По благословенію Корнилія, отправился онъ на сѣверъ и ходилъ по пустынямъ; пищу его составляли теперь то разныя травы²⁶⁾, то кора сосновая; чаще ему случалось видѣть звѣрей, чѣмъ людей. Такъ провелъ онъ около 7 лѣтъ, очищая въ уединеніи душу молитвою и созерцаніями духовными. По временамъ посѣщалъ онъ, какъ благоговѣйный поклонникъ, святыя мѣста Новгорода и

вленнаго разбойниками, 5 марта 1550 года. Другой ученикъ дивнаго Корнилія, преп. Продионъ Илозерскій—основатель монастыря на островѣ Илозера, въ 15 верстахъ отъ берега озера Бѣлаго, преставился 28 сентября 1541 года. Надъ гробницею его въ XVII в. построенъ храмъ Рождества Богородицы съ придѣломъ въ честь преп. Продиона. Надгробная икона написана, по особому явленію, живописцемъ Софоніемъ.

²⁶⁾ Въ числѣ растений, которыми питался въ пустынѣ преп. Кирилль, упоминается «вахта», или трефоль (*Menyanthes trifoliata*)—горькая болотная трава.

Пскова; но, проходя по жилымъ мѣстамъ, не заходилъ онъ ни въ одинъ домъ и не бралъ ни отъ кого подавій, кромѣ развѣ куска хлѣба. Духъ его возвысился въ такихъ подвигахъ, но тѣлесное здорье ослабѣло. Онъ молилъ Господа указать ему мѣсто постояннаго пребыванія. Молитва была услышана.

По небесному указанію, блаж. Кириллъ въ 1507 году изъ Тихвина пошелъ къ Бѣлоозеру; съ Кобылиной горы увидѣлъ Новое озеро и на немъ Красный островъ; ангель во снѣ извѣстилъ его, что здѣсь назначено ему мѣсто ²⁷⁾. Пустынникъ подъ высокою елью устроилъ себѣ хижину, выпросилъ у сосѣднихъ крестьянъ Красный островъ для основанія обители, поставилъ другую келью, сборную для ожидаемой братіи, соорудилъ двѣ малыя церкви: Вознесенія Христова и Одигитріи. Вѣроятно тогда, какъ испрашивалъ онъ благословеніе архипастыря на освященіе храмовъ своихъ, посвященъ онъ былъ въ санъ священства. Одинъ за другимъ стали собираться къ Кириллу искатели безмолвія. Но на пустынномъ островѣ предстояли имъ скорби. Рыболовы, пріѣзжавшіе на островъ для своего промысла, видѣли въ Кириллѣ своего врага; опасаясь, что озеро сдѣлается собственностію монастыря, они дѣлали ему разныя оскорбленія, домогаясь согнать его съ острова. Блаженный переносилъ оскорбленія ихъ терпѣливо. Не такъ принималъ онъ людей, жившихъ безчестнымъ, безчеловѣчнымъ ремесломъ. Шайка разбойника, грабившаго берега Новаго озера, досадовала уже на то, что поселились на островѣ люди, которые могутъ знать о ея дѣлахъ. Хищники приплыли на челнахъ къ Красному острову. „Сыны беззаконія,—грозно сказалъ отшельникъ при встрѣчѣ съ ними,—вы забыли, что есть грозный судъ правды Божіей, и на пустой островъ явились вы для грабежа, и у пустытника думаете найти корысть? Что вы дѣлаете?..“ Приведенные въ ужасъ, хищники молили простить ихъ. „Впередъ не злодѣйствуйте, чтобы не быть въ аду“,—сказалъ преподобный и отпустилъ ихъ.

Онъ служилъ для учениковъ своихъ образцомъ подвижнической жизни: самъ копалъ землю и рубилъ лѣсъ, въ жесточайшіе морозы ходилъ въ худой одеждѣ и даже иногда босой. Когда только нужно было для другихъ, самъ совершалъ литургію, никогда не утомляясь. Похотливая жена вздумала прельстить блаженнаго на грѣхъ: она явилась въ келью, когда чтеніемъ молитвъ готовился онъ къ совершенію литургіи. На вопросъ блаженнаго: зачѣмъ пришла? лукавая отвѣчала, что, не зная, гдѣ добыть огня, пришла за огнемъ. Преподобный обличилъ ее предъ всею братією: „вздумала,—говорилъ онъ,—видѣть тѣло мое мертвое, заживо погребенное“. Пораженная страхомъ, она трепетала всѣмъ тѣломъ. Преподобный успокоилъ ее кроткимъ наставленіемъ, но запретилъ женщинамъ являться на островъ его.

²⁷⁾ На Кобылиной горѣ стоитъ теперь часовня съ Тихвинскою иконою Богородицы, принесенною преп. Кирилломъ изъ Комельской обители. Сюда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ монастыря (Поѣздка въ Кирилловъ монастырь Шевырева II, 186):

Опыты прозорливости и чудесных исцѣленій доказали святость угодника Божія, который мирно преставился 4 февраля 1532 года ²⁸⁾. Въ числѣ чудесъ преп. Кирилла Новаго (такъ звали его современники) особенно замѣчательно слѣдующее: въ с. Кемѣ въ 1620 году жена священника Михаила сильно страдала отъ родовъ. Преподобный явился ей въ іерейскомъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ и сказалъ: „иди въ монастырь мой—и будешь здорова“. Она почувствовала облегченіе, хотѣла идти въ обитель, но удержана была родными, по опасенію за ея здоровье. Преподобный явился опять въ прежнемъ видѣ. „Не бойся, Антонина!—сказалъ онъ,—пусть священникъ отслужить молебенъ, и ты будешь здорова. Мужу твоему іерею Михаилу скажи, чтобъ училъ людей добру. Видите гнѣвъ Божій: то нападаютъ иноплеменики, то посѣщаетъ голодъ и моръ. Это за то, что презираютъ праздники Божіи, не постятся въ среду и пятокъ, не чтятъ воскреснаго дня и валяются въ тинѣ грѣховъ. Если не покаются, хуже того будетъ“.

„По успеніи твоёмъ, блаженный, и рака твоя—учитель нашъ. Истекающими изъ нея чудесами возбуждая къ трудамъ и подвигамъ, она говоритъ намъ: любите Господа, чтобъ обрѣсти благодать; не ставьте ничего выше Его, дабы тогда, когда придетъ Онъ, найти покой съ избранными и сподобиться жизни вѣчной“ ²⁹⁾.

---

²⁸⁾ Мощи преп. Кирилла обрѣтены были нетлѣнными при основаніи новаго храма монастырскаго, освидѣтельствованы и въ 1652 году перенесены въ новый храмъ, гдѣ и нынѣ почиваютъ открыто.

²⁹⁾ Стихира изъ службы преп. Кириллу въ Миней Москвитинской печати 1646 года.

Г Л А В А VI.

Великій князь Василій Іоанновичъ.—Завоеваніе Смоленска, присоединеніе Пскова, Рязанскаго и Сѣверскаго удѣловъ.—Нашествіе крымскаго хана и чудное видѣніе инокини.—Расторженіе брака великокняжескаго.—Влаженная княгиня-инокиня Софія.—Преподобный Максимъ Грекъ.—Блаженный Ѳеодоритъ и преп. Трифонъ Кольскій, просвѣтители сѣверныхъ лопарей.—Утвержденіе вѣры Христовой между чудскими племенами.—Второй бракъ великаго князя и рожденіе наслѣдника.—Кончина Василія Іоанновича.

Сынъ и наслѣдникъ державнаго Іоанна, великій князь Василій, принялъ державу родительскую безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые могли бы напоминать народу о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу. Безжалостно осужденный на самую тяжкую неволю, скрытый отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ, изнуряемый горесью, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, юноша Димитрій преставился въ 1509 году ¹⁾.

Война съ Литвою, начатая при Іоаннѣ, продолжалась болѣе десяти лѣтъ при Василіи, благопріятствуя иногда одной, иногда другой сторонѣ. Важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ для Московскаго государства было завоеваніе Смоленска, крѣпкаго оплота со стороны битвы (28 іюля 1514 года). Оно, по словамъ лѣтописца, казалось „свѣтлымъ праздникомъ для всей Русской земли“. Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись, но имя Русское еще трогало сердца жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братолюбіемъ православнымъ, облегчила для великаго князя это важное завоеваніе, которое увѣковѣчено въ памяти народной основаніемъ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ ²⁾.

¹⁾ Несчастный Димитрій по кончинѣ удостоился царскихъ почестей и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ подлѣ могилы дѣда и отца.

²⁾ Московскій первоклассный Новодѣвичій монастырь основанъ въ 1525 году, въ память завоеванія Смоленска; соборный храмъ его, освященный въ честь чудотворной Смоленской иконы Богоматери, стоитъ на томъ мѣстѣ, до котораго великій князь Василій Темный и митрополитъ Іона провожали эту икону (въ 1455), отпуская ее, по просьбѣ Смольнянъ изъ Москвы, гдѣ она оставалась слишкомъ 50 лѣтъ, съ того времени, какъ по Толстаго.—Исторія Русск. Церкви.

Хотя послѣ того войска Литовскія и Польскія, подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго ³⁾, разбили войска Московскія въ Оршинской битвѣ, но Василій при замиреніи съ Литвою удержалъ Смоленскъ и всѣ прежнія пріобрѣтенія державнаго Іоанна.

Княженіе Василя казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшалъ важныя дѣла въ совѣтѣ бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанна, ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не странясь войны и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ, важнымъ для государственнаго могущества.

Утвержденіе самодержавія было главною его цѣлью. Еще Рязань сохраняла тѣнь независимости подъ управленіемъ вдовы княгини Агриппины за малолѣтствомъ сына ея Іоанна. Но когда этотъ послѣдній владѣтель Рязани, достигнувъ совершеннолѣтія, захотѣлъ свергнуть съ себя опеку матери и великаго князя Московскаго и вступилъ въ союзъ съ ханомъ Крымскимъ, Василій заключилъ его въ оковы и взялъ себѣ Рязань съ остальными городами этого древняго княжества.

Еще Псковъ считался вольнымъ городомъ и пользовался вѣчными правами, хотя подъ управленіемъ Московскихъ намѣстниковъ. Но самыя остатки народнаго правленія не могли уцѣлѣть въ общей системѣ самодержавія. Поводъ къ тому скоро представился. Псковитяне жаловались на своего намѣстника. Великій князь, пріѣхавъ въ Новгородъ, вызвалъ къ себѣ на судъ посадниковъ и старостъ Псковскихъ; они были задержаны, и въ то же время объявлено во Псковѣ, что граждане, если хотятъ жить по старинѣ, должны исполнить волю государя—отмѣнить народное вѣче, снять вѣчевой колоколь и во всѣ города принять намѣстниковъ великокняжескихъ. Горько было Псковитянамъ разстаться съ своею вольностію, но они покорились безпрекословно, не оказавъ дерзости Новгородской ⁴⁾. Такъ кончилась само-

---

слѣдній князь Смоленскій Юрій, спасаясь отъ завоеваній Витовта, привезъ св. икону въ Москву. Списокъ, снятый съ иконы при отпускѣ ея изъ Москвы, поставленъ въ видѣ храмоваго образа новаго монастырскаго собора, при чемъ установленъ праздникъ съ крестнымъ ходомъ изъ кремля 28 іюля. Первая игуменья Новодѣвичьей обители Елена, прозваніемъ Дѣвочкина, поставлена въ числѣ святыхъ въ старинныхъ рукописныхъ свѣцахъ (книга о Россійскихъ святыхъ).

³⁾ Знаменитый полководецъ Литовскій, князь Константинъ Іоанновичъ Острожскій, взятый въ плѣнъ (въ 1500 году) въ славной Ведрожской битвѣ, шесть лѣтъ томился въ заточеніи въ Вологдѣ, куда Іоаннъ III отослалъ его въ оковахъ. Тамъ онъ получилъ исцѣленіе отъ преп. Дмитрія Прилуцкаго (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2-е; прим. 210). Послѣ того Константинъ въ 1507 году принялъ присягу на вѣрность Василю, одарившему его помѣстьями и воеводствомъ, но вскорѣ бѣжалъ изъ Москвы въ Литву, былъ снова вождемъ Литовскимъ и одержалъ знаменитую побѣду при Оршѣ.

⁴⁾ Всегда вѣрные общему отечеству и вѣрныя православной, граждане Пскова не мо-

бытность Пскова, какъ вольнаго города! Отселъ онъ становится уже областнымъ городомъ Московскаго государства, но продолжаетъ быть оплечьемъ Руси со стороны Литвы и Ливоніи, и жители города, не охотно покорившагося Москвѣ, служатъ ей вѣрно и за нее проливаютъ кровь свою въ тяжелой борьбѣ съ сосѣдями врагами.

Оставался еще одинъ удѣльный владѣтель въ Путивлѣ, въ странѣ Сѣверской, князь Василій Шемякинъ, перешедшій добровольно изъ Литовской зависимости подѣ власть великаго князя Московскаго. Онъ былъ вѣрнымъ стражемъ южной Россіи, но, какъ родной внукъ ненавистнаго Шемяки, не внушалъ къ себѣ довѣрія. Вызванный въ Москву, онъ умеръ въ темницѣ, несмотря на ходатайство Троицкаго игумена Порфирія ⁵⁾ и самого митрополита Варлаама ⁶⁾.

Успѣхи великаго князя Василія въ войнахъ съ сосѣдями и огражденіи цѣлости государства возбуждали зависть въ Крымскомъ ханѣ Махметъ-Гиреѣ. Воспользовавшись войною Литовскою и надѣясь, что не встрѣтитъ сильнаго сопротивленія, ханъ возмущилъ Казанскихъ татаръ и въ одно время съ ними двинулся къ Москвѣ. Татары восточные и южные соединились въ Коломнѣ и стали подѣ Москву, гдѣ все трепетало отъ ужаса. Въ это время одна престарѣлая инокиня Вознесенскаго монастыря, лишенная зрѣнія, сидя въ своей кельѣ, узрѣла въ видѣніи, что въ Флоровскія (Спасскія) ворота выходитъ изъ Кремля, какъ бы въ крестномъ ходу, сонмъ святителей, въ числѣ которыхъ она узнала чудотворцевъ Петра, Алексія, Іону и святителя Ростовскаго Леонтія, а среди нихъ—чудотворный Владимірскій образъ Богоматери. Едва вышли они изъ воротъ, какъ встрѣтили ихъ богоносные подвижники: Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій, близъ великаго торгу Ильинскаго и, припавъ къ стопамъ святителей, вопрошали ихъ: „зачѣмъ они идутъ вонъ изъ города и на кого оста-

---

гли покориться ни Литвѣ, ни Нѣмцамъ,—не могли и сопротивляться властителю, который имѣлъ въ рукахъ силы всей Руси, соединенной уже въ одно государство. Они испросили себѣ у посла великокняжескаго одинъ день для размышленія: этотъ день и ночь за нимъ прошли въ плачѣ, рыданіяхъ и столахъ. На разсвѣтѣ позвонили къ вѣчу, и Псковичи объявили послу великаго князя, что «волею Богъ и государь въ своей отчинѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы на государя руку поднять и въ городѣ запереться не хотимъ». 13 января 1510 года сняли вѣчевой колоколъ и повезли его въ Новгородъ къ великому князю. Народъ плакалъ по своей старинѣ и по своей волѣ. Спустя нѣсколько дней, Василій пріѣхалъ въ Псковъ, обошелся ласково съ гражданами, но выселилъ въ Московское княжество 300 лучшихъ семей Псковскихъ, которыя вскорѣ замѣнены были такимъ же числомъ семействъ Московскихъ и подмосковныхъ купцевъ.

⁵⁾ Игуменъ лавры Сергіевой Порфирій, постриженникъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, осмѣлился ходатайствовать за гонимаго Шемякина и сказалъ в. князю: «Если пріѣхалъ въ храмъ безначальныя Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прошенія грѣховъ, то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ безъ правды». Раздраженный Василій изгналъ Порфирія изъ обители преп. Сергія, и старецъ съ радостію удалился въ свою прежнюю пустыню.

⁶⁾ Митрополитъ Варлаамъ, бывшій свидѣтелемъ и порукою при крестоцѣловальной записи Шемякина, строго обвинилъ неправду в. князя и отдалъ ему посохъ свой. Раздраженный Василій сослалъ святителя въ Спасокаменный монастырь, гдѣ онъ и скончался.

вляють его при настоящемъ нашествіи враговъ?“ Святители со слезами отвѣтствовали: „много молили мы всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу о избавленіи отъ подлежащей скорби; Господь же не только повелѣлъ намъ выдти изъ города, но и вынести съ собою чудотворный образъ Пречистой Его Матери; ибо люди сіи презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ Его не радѣли, а почему попустилъ Богъ придти сему варварскому народу, да накажутся нынѣ и чрезъ покаяніе возвратятся къ Богу!“ Чудотворцы Сергій и Варлаамъ стали умолять отходящихъ святителей, чтобъ они своимъ ходатайствомъ умилостивили правосудіе Божіе, и начали вмѣстѣ съ ними пѣть молебень, произнесли молитву Пречистой Богоматери и, осѣнивъ градъ крестообразно, возвратились въ Кремль 7). Москва была спасена: татары удовольствовались дарами и удалились безъ кровопролитія 8).

Послѣ того великій князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занялся важнымъ дѣломъ семейнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдовательно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ природы; но братья не такъ близки къ сердцу, и сверхъ того братья великаго князя Василия не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему брату, болѣе опасаясь его, какъ государя, нежели любя, какъ единокровнаго 9). Не только льстецы придворные, но и ревностные слуги отечества могли совѣтовать Василию, чтобъ онъ развелся съ супругою, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію и желая быть отцомъ, государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: онъ безъ милосердія отвергнулъ Соломонію 10) и повелѣлъ постричь ее въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Повѣствуютъ, что она противилась совершенію беззаконнаго обряда, билась о землю, вырывала ножницы изъ рукъ митрополита Даниила; наконецъ, видя неодолимое насиліе, залилась слезами и, надѣвая мантию, сказала: „Богъ увидитъ и отмститъ моему гонителю“. Но порывы

7) Русскій Временникъ II, 272—280.

8) Въ благодареніе Пречистой заступницѣ Москвы учрежденъ праздникъ съ крестнымъ ходомъ 21 мая—день избавленія отъ нашествія Махметъ-Гирея.

9) Современный лѣтописецъ повѣствуетъ, что великій князь, проѣзжая однажды внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «птицы счастливѣе меня: у нихъ есть дѣти!» Послѣ онъ также со слезами говорилъ боярамъ: «кто будетъ моимъ и Русскаго царства наслѣдникомъ? братья ли, которые не умѣютъ править и своими удѣлами?» Бояре отвѣтствовали: «государь! неплодную смоквицу посякаютъ: на ея мѣстѣ садятъ иную въ вертоградъ» (Истор. Карамз. VII, прим. 276).

10) Дочь боярина Сабурова, Соломонія Юрьевна, вступила въ бракъ съ Василиемъ Иоанновичемъ въ 1505 году. Тогда для наслѣдника Московскаго престола, по волѣ державнаго Иоанна, собрано было 500 дѣвицъ-невѣстъ, отличившихся красотой и здоровьемъ; изъ нихъ выбрали 10 лучшихъ красавицъ, и уже изъ этихъ десяти молодой князь женихъ выбралъ Соломонію (Гербштейнъ de rebus moscovit. pag. 25).

страстей скоро утихли въ сердцѣ невольной постриженницы; она всею душою обратилась къ Господу и изгнала изъ души мірскія мечты. Она стала очищать сердце, столько нечистое у всѣхъ насъ, духовною бдительностію, самоукореніемъ, покаянiемъ, молитвою. Такъ, восходя отъ совершенства къ совершенству путемъ скорби и борьбы съ собою ¹¹⁾, блаж. инокиня Софія прожила въ Суздальской Покровской обители (куда заточили ея послѣ постриженія) 17 лѣтъ и мирно почилла 16 декабря 1542 года ¹²⁾. Современники почитали ее преподобно-мученицею ¹³⁾ и осуждали Василя за жестокость и нарушеніе церковныхъ уставовъ ¹⁴⁾.

Если митрополитъ Даниль, уклончивый и челоуѣкоугодливый, охотно согласился на разводъ великаго князя и самъ постригъ супругу его, то нашлись любители правды, которые прямо сказали государю, что дѣло его противно совѣсти: таковы были князь-инокъ Вассіанъ ¹⁵⁾ и препод. Максимъ Грекъ, святогорецъ.

Преп. Максимъ хотя и не родился въ Русской землѣ, но по великимъ подвигамъ своимъ вполнѣ принадлежитъ Русской Церкви, для которой онъ былъ свѣтильникомъ при жизни и остался свѣтильникомъ по смерти въ своихъ сочиненіяхъ.

Получивъ начальное воспитаніе въ отечествѣ своемъ въ г. Артѣ, Максимъ, по любви къ наукамъ, путешествовалъ по Европѣ: въ Парижѣ у знаменитаго грека Іоанна Ласкаря, потомъ во Флоренці и Венеці изучалъ словесныя науки, исторію, философію, богословіе; основательно узналъ языки латинскій и древне-греческій, познакомился съ языками французскимъ и итальянскимъ. По возвращеніи въ отечество поступилъ на Аѳонъ и здѣсь въ Ватопедской обители принялъ иночество.

Когда в. к. Василій Ивановичъ, желая разобрать въ своей библіотекѣ собраніе греческихъ рукописей и нѣкоторыя изъ нихъ видѣть въ переводѣ, просилъ начальство Аѳонскихъ обителей прислать къ нему ученаго грека, то на Максима указали, какъ на челоуѣка, самого способнаго исполнить желаніе великаго князя. Максиму не хо-

11) «Сказаніе о житіи и о чудесѣхъ благ. в. княг. схимонахини Софіи, Суздальскія новыя чудотворицы»; помѣщено въ «истор. описаніи о градѣ Суздаль»—соборнаго ключаря Ананія Ѳедорова (Временникъ И. Моск. Общ. Исторіи и Древностей, кн. 22, стр. 182—186).

12) Ключарь Ананія пишетъ, что «отъ гроба преп. Софіи истекало много чудесъ и исцѣленій для притекающихъ съ вѣрою въ славу Христа Бога нашего». Онъ описываетъ и самыя чудеса (числомъ 21): прозрѣніе слѣпой княжны Александры Ногтевой, спасеніе Суздаля отъ разоренія Литвою въ 1609 году, исцѣленіе глухихъ, ослабленныхъ, помѣшанныхъ и больныхъ.

13) Сказаніе кн. Курбскаго, изд. 2-е, стр. 4-я.

14) Законъ церковный о ненарушимости брака основанъ на словахъ самого Спасителя (Матѣ. V, 32). Впрочемъ, для поступленія въ монашество допускается исключеніе, только въ томъ случаѣ, когда оба лица, соединенныя брачнымъ союзомъ, одновременно примутъ постриженіе.

15) Вассіанъ по прозванію Косой (въ мірѣ Василій) былъ сынъ князя Ивана Юрьевича Патрикева, праправнука Ольгерда и сына дочери в. к. Василя Васильевича. Князь

тѣлось разстаться съ безмолвіемъ св. горы, но, повинувась волѣ старцевъ, онъ въ 1516 году отправился въ Москву. Здѣсь принять онъ былъ ласково: ему указано жить въ Чудовѣ монастырѣ и получать содержаніе отъ великаго князя. Сокровища греческой учености привели его въ восторгъ; сочиненій, не переведенныхъ на славянскій языкъ, нашлось много. На первый разъ ему поручили перевести толкованіе на псалтирь. Въ помощь ему, мало знакомому съ славянскимъ языкомъ, даны переводчики съ латинскаго: Димитрій Герасимовъ и Власій и для письмоводства инокъ Сергіевой Лавры Силуанъ и Михаилъ Медоварцевъ. Черезъ полтора года переводъ толковой псалтири со-всѣмъ былъ оконченъ; Максима осыпали милостями и оставили для новыхъ трудовъ. Потомъ поручили ему пересмотрѣть богослужебныя книги, и онъ принялся за это дѣло, попрежнему при пособіи переводчиковъ. Многосвѣдущій Максимъ нашелъ много грубыхъ ошибокъ, внесенныхъ невѣжественными переписчиками въ церковныя книги, и, „разжигаемый, — какъ говоритъ онъ, — божественною ревностію, очищалъ онъ плевелы обѣими руками“. Но слѣпая страсть къ старинѣ принимала отзвывы его о старинныхъ ошибкахъ писцовъ за оскорбленіе святыни. Сначала ропотъ былъ тайный. Митр. Варлаамъ, у котораго испрашиваемо было разрѣшеніе на важныя перемѣны въ древнихъ книгахъ, понималъ преп. Максима; вел. князь отличалъ его своею любовію. И клевета не смѣла открыто возставать на труженика. Совѣтами его пользовались въ дѣлахъ Церкви и государства, отличая въ немъ человѣка умнаго и образованнаго, инока пламеннаго въ любви къ истинѣ и вѣрѣ. Онъ былъ усерднымъ ходатаемъ за вельможъ, впавшихъ въ немилость в. князя, и Василій былъ внимателенъ къ его просьбамъ.

Въ концѣ 1521 года на кафедрѣ первосвятительскую, оставленную правдивымъ и разсудительнымъ Варлаамомъ, взошелъ новый митрополитъ Даниилъ. Блаженный Максимъ скоро понялъ, что онъ не можетъ уже съ прежнею свободою и покоемъ трудиться для истины, и онъ обратился къ новымъ предметамъ дѣятельности: онъ сталъ писать противъ папизма ¹⁶⁾, магометанъ и язычниковъ. Митрополитъ Даниилъ требовалъ, чтобы Максимъ перевелъ церковную исторію Θεодорита. Разсудительный Максимъ представлялъ, что это сочиненіе по содержащимся въ немъ письмамъ Арія и другихъ еретиковъ можетъ

Иванъ служилъ вѣрно Іоанну III, какъ первый бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: онъ отстаивалъ права внука его Димитрія, за что подвергся гнѣву строгаго государя, заключенъ въ темницу и осужденъ на смертную казнь вмѣстѣ съ сыномъ. Митрополитъ и другіе святители испросили пощаду Патрикѣевымъ, но они должны были принять постриженіе: отецъ въ обители преп. Сергія, а сынъ въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Тамъ Вассіанъ прославился строгою чистотою жизни и былъ вызванъ уважавшимъ его в. к. Васиіемъ въ Симоновъ монастырь. Но когда строгій инокъ не убоился обличить самодержца въ прелюбодѣйномъ расторгеніи брака, онъ былъ заточенъ въ Волоколамскую Іосифскую обитель, гдѣ скоро скончался въ «томленіи» по свидѣтельству Курбскаго.

¹⁶⁾ Въ 1520 году папскій легатъ Николай Шомбергъ хитрилъ въ Москвѣ и распро-странялъ слово «о соединеніи Руссовъ и Латиновъ». Максимъ писалъ противъ него.

быть опасно „для простоты“. Даниилъ принялъ такой отвѣтъ за непослушаніе непростительное и остался въ сильной досадѣ. Онъ не только не приближалъ къ себѣ Максима, но, какъ видно изъ послѣдствій, былъ очень недоволенъ имъ за исправленіе книгъ, совершавшееся при Варлаамѣ. В. князь продолжалъ быть благосклоннымъ къ Максиму. Пользуясь этою любовію, Максимъ свободно обличалъ пороки вельможъ, духовенства и народа. Онъ писалъ, что не прилично, не полезно, весьма опасно инокамъ владѣть недвижимыми имѣніями. Это сильно оскорбило Даниила и ему подобныхъ ¹⁷⁾.

Когда в. к. Василій вознамѣрился приступить къ расторженію своего брака, преп. Максимъ прислалъ ему обширное сочиненіе: „главы поучительныя къ начальствующимъ правовѣрныхъ“, начинавшееся убѣжденіемъ не покоряться плотскимъ страстямъ. „Того признавай царемъ истиннымъ и самодержцемъ, благовѣрный государь (такъ писалъ Максимъ Василію), кто управляетъ подданными по правдѣ и закону, а безсловесныя похоти и страсти старается преодолѣвать въ себѣ... Кто побѣждается ими въ оскорбленіе смыслу, тотъ не образъ одушевленный Владыки небеснаго на землѣ, а челоуѣкообразное подобіе безсловеснаго естества“. Разгнѣванный государь повелѣлъ заключить обличителя въ темницу Симоновской обители, отягчивъ его цѣпями.

Съ того времени вся остальная жизнь преп. Максима была длиною и непрерывною цѣпью страданій. Сначала старались, но тщетно, уличить праведника въ мнимомъ соучастіи въ дѣлѣ виновныхъ бояръ, потомъ осыпали его обвиненіями въ порчѣ книгъ, оскорбительной для вѣры. Дѣйствительно, нашлись въ первыхъ переводахъ его нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ: Максимъ искренно признался въ нихъ и извинился недостаточнымъ знаніемъ Русскаго языка. Узника схватили изъ Симонова, отправили въ Волоколамскую темницу, запретивъ ему не только приобщеніе св. Таинъ, но и самый входъ въ церковь, какъ еретика не раскаянному; здѣсь отъ дыма и смрада, отъ оковъ и побоевъ по временамъ приходилъ онъ въ омертвѣніе; но здѣсь же явившійся ему ангель сказалъ: „терпи, старецъ! этими муками изба-

---

¹⁷⁾ Максимъ вполне раздѣлялъ мнѣніе князя-инока Вассіана, что при значительныхъ имѣніяхъ, какими владѣли многіе монастыри, естественно было завестись роскоши и нѣгѣ, а затѣмъ послѣдовать сильному расслабленію благочинія. Но вотъ что писалъ инокъ Зиновій о современныхъ ему монахахъ: «Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной. Доселѣ приходитъ мнѣ на память, какъ видѣлъ я монаховъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ монастырей, которыхъ осуждаютъ за деревни.—Руки скорчены отъ тяжкихъ страданій; кожа какъ воловьѣ и истрескалась; лица осунувшіяся, волосы растрепаны; безъ милости волочатъ и бьютъ ихъ истязатели (сборщики податей), истязываютъ какъ иноплеменники; ноги и руки посинѣли и опухли. Иные хромаютъ, другіе валяются. А имѣнія такъ много у нихъ, что и нищія, выпрашивающія подаянія, больше ихъ имѣютъ. У иныхъ пять или шесть серебряныхъ монетъ, у другихъ двѣ или три; а у большей части рѣдко найдешь и одну мѣдную монету. Обыкновенная пища ихъ овсяный, невѣянный хлѣбъ, ржаные колосья толченые и такой хлѣбъ еще безъ соли. Питье—имъ вода; варево—листья капусты; зелень достаточныхъ—свекла и рѣпа; если есть овсци, то это рябина и калина. А объ одеждѣ что и говорить?»

вишься вѣчныхъ мукъ“. Тамъ Максимъ углемъ на стѣпѣ написалъ канонъ св. Духу-Утѣшителю. Спустя шесть лѣтъ (въ 1531 году), снова потребовали Максима къ духовному суду въ Москву. Это потому, что въ Москвѣ лучшіе люди стали говорить за Максима и противъ Даниїла, а самъ Максимъ не признавалъ себя ни въ чемъ виновнымъ, когда въ монастырѣ увѣщавали его каяться. Изъ книгъ Максима выбрали все, что можно было выставить противъ него. Но и по судному списку ошибки въ поправкахъ оказываются то ошибками писцовъ, то ошибками незнающаго Русскаго языка. Тщетно блаженный страдалецъ три раза повергался предъ соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей, ради немощей человѣческихъ,—со слезами просилъ простить ему ошибки, если какія и допущены имъ въ книгахъ, и отпустить его въ Аѳонское уединеніе. Максима оставили и послѣ суда подъ запрещеніемъ церковнымъ; но не малымъ облегченіемъ для негс было то, что послали его въ Тверь, подъ надзоръ добродушнаго епископа Акакія, который принялъ его милостиво и обходился съ нимъ привѣтливо. Особенно пріятно было для Максима, что онъ теперь могъ читать книги и писать. Въ 1532 году написалъ онъ для себя самого „мысли, какими инокъ скорбный, затворенный въ темницѣ, утѣшалъ и укрѣплялъ себя въ терпѣніи“¹⁸⁾.

Въ то время, когда исповѣдникъ правды, Максимъ томился въ тѣсномъ заключеніи, проповѣдь слова Христова распространялась на крайнихъ предѣлахъ Русской земли. Еще преп. авва Лазарь¹⁹⁾ благоговѣствовалъ Евангеліе Лопарямъ, жившимъ по берегамъ Онежскаго озера. Теперь благовѣстіе достигло до собратій ихъ на берегахъ Колы и Печенги, на сѣверныхъ окраинахъ „моря студенаго“.

Уроженецъ Ростовскій (род. около 1480 г.²⁰⁾, съ юныхъ лѣтъ пострижникъ Соловецкой обители, блаж. Феодоритъ, послѣ многолѣтнихъ подвиговъ въ разныхъ обителяхъ²¹⁾, по любви къ совершенному безмолвію удалился въ устье рѣки Колы; по рукоположеніи во пресвитера онъ построилъ здѣсь монастырь. Долговременное пребываніе въ сосѣдствѣ съ Лопарями ознакомило Феодорита съ ихъ языкомъ: онъ

¹⁸⁾ Въ многочисленныхъ писаніяхъ преп. Максима нельзя не удивляться разнообразію познаній его и талантовъ: онъ филологъ и историкъ, поэтъ и ораторъ, философъ и богословъ. Не возможно исчислить всѣ труды его въ истолкованіи св. Писанія, въ исправленіи церковныхъ книгъ и объясненіи обрядовъ, въ защитѣ православія отъ иновѣрцевъ и іудеевъ, магометанъ и язычниковъ, въ обличеніи суетвѣрія и предразсудковъ невѣжества; въ изслѣдованіяхъ историческихъ, въ нравственномъ назиданіи, въ пѣсняхъ и молитвахъ. Списокъ сочиненій и переводовъ великаго труженика въ Обзорѣ Русск. Духов. Литературы преосв. Филарета Черниговскаго, ч. I, стр. 194—198. О послѣднихъ дняхъ жизни преп. Максима мы упоминаемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

¹⁹⁾ Объ автѣ Лазарѣ мы упоминали прежде въ нашихъ Разсказахъ.

²⁰⁾ Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ., 1866, іюль, статья: «Просвѣтителі Лопарей», стр. 262 и слѣд.

²¹⁾ Тогда же Феодоритъ посѣтилъ обитель Свирскую. Преп. Александръ чудотворецъ, увидѣвъ его, сказалъ: «сынъ Авраамовъ пришелъ къ намъ, Феодоритъ діаконовъ» (Сказанія князя Курбскаго, изд. 2-е, стр. 127).

началь благовѣствовать бѣднымъ дѣтямъ бѣдной природы, простымъ и кроткимъ, по собственному его отзыву, и скоро нѣкоторыхъ крестиль. Онъ училъ Лопарей грамотѣ и перевелъ на ихъ нарѣчіе нѣкоторыя молитвы. Наконецъ проповѣдь ревностнаго инока, подтверждаемая и чудесными знаменіями, принесла обильные плоды: въ одинъ день онъ крестиль до двухъ тысячъ человѣкъ.

Въ то же время призванъ Господомъ на подвигъ просвѣщенія Лопарей еще другой труженикъ, сынъ Новгородскаго священника, Митрофанъ ²²⁾. Съ юныхъ лѣтъ благочестивый, онъ по временамъ удалялся въ уединеніе, чтобы бесѣдовать съ своею душою и Господомъ. Разъ, когда онъ молился въ уединенномъ мѣстѣ, услышалъ онъ голосъ: „не здѣсь твое мѣсто; тебя ждетъ земля непросвѣщенная и жаждущая“. Повинуясь небесному признанію, отправился онъ на р. Печенгу, къ дикимъ Лопарямъ. Эта страна дальняго сѣвера входила прежде въ составъ Новгородскихъ владѣній, а потомъ перешла подъ державу Московскую. Русскіе и въ началѣ 16 в. бывали здѣсь только временными гостями, являлись для рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Для нихъ въ Колѣ была часовня, а церковей вовсе не было. Длинная и широкая полоса по р. Печенгѣ была занята болѣе кочующими, чѣмъ осѣдло живущими Лопарями. Тутъ было поле обширное для дѣятельности проповѣдника, полного ревности къ истинѣ Христовой и къ спасенію людей.

Первыя сношенія съ Лопарями завязалъ Митрофанъ подъ видомъ дѣль торговыхъ. Потомъ онъ говорилъ съ ними о ихъ вѣрованіяхъ и объ одной небесной вѣрѣ. Лопари обожали не только духовъ, но даже гадовъ и ночныхъ нетопырей, поклонялись и камнямъ. Проповѣдникъ Евангелія говорилъ имъ, что одинъ есть истинный Богъ, одинъ Творецъ земли и неба, одинъ Отецъ всѣхъ племенъ и народовъ, одинъ Спаситель всѣхъ потомковъ первозданнаго и согрѣшившаго человѣка. Онъ внушалъ имъ, какъ близокъ къ людямъ Отецъ небесный, посылающій пищу и одежду и какъ грубо, ошибочно обожаніе идоловъ и духовъ, изъ которыхъ первые не видятъ и не слышатъ, а другіе не болѣе, какъ слуги Божіи, мятежные и покорные, но твореніе одного Творца вселенной. Тяжелы подвиги, какіе надлежало совершать проповѣднику у Лопарей. Жрецы языческіе, кебуны, возстали на Митрофана сперва съ гордою надежною оспорить его, потомъ съ ярою злобою, готовою убить и растерзать непобѣдимаго проповѣдника новыхъ мыслей и дѣль. Не разъ они били его жестоко и таскали за волосы. „Ступай прочь отселѣ,—говорили ему кебуны,—иначе ждетъ тебя злая смерть“. Не разъ собирались они и убить его; но Господь хранилъ раба Своего. Ревнитель небесной истины съ кротостію переносилъ брани и побои и, когда свирѣпѣла злоба, удалялся въ горы, а потомъ опять выходилъ на проповѣдь. Когда онъ снова являлся къ дикарямъ, одни изъ нихъ, волнующе слѣпою злобою, кричали: убьемъ его; дру-

²²⁾ По другимъ извѣстіямъ, онъ былъ родомъ изъ Торжка.

гіе говорили: онъ ни въ чемъ не виноватъ предъ нами, напротивъ, онъ желаетъ намъ добра; за что же убивать его? Такимъ образомъ сперва немного было такихъ, которые принимали къ сердцу слова проповѣдника истины; потомъ число ихъ становилось значительнѣе. Для наученія новопросвѣщенныхъ Митрофанъ пользовался молитвами, которыя перевелъ на языкъ Лопарей блаж. Ѳеодоритъ ²³⁾.

Послѣ долгихъ трудовъ и скорбей проповѣдника значительное число Лопарей, живущихъ у рѣки Печенги, увѣровали въ Господа Иисуса. Блаж. Митрофанъ не крестилъ ихъ, потому что не былъ облеченъ саномъ священства: онъ даже не былъ еще инокомъ. Онъ отправился въ Новгородъ испросить у архіепископа Макарія грамоту на построеніе храма. Изъ Новгорода привелъ онъ съ собою и плотниковъ, которые болѣе изъ усердія къ Богу, нежели за деньги, рѣшились идти съ нимъ въ дальнюю и дикую сторону. При построеніи церкви блаж. храмоздатель за три версты носилъ на плечахъ своихъ бревна и лѣсъ. Въ Колѣ, тогда еще малолюдномъ мѣстечкѣ, онъ нашелъ іеромонаха Ілію, который освятилъ храмъ, крестилъ обученныхъ вѣрѣ Лопарей и постригъ въ монашество самого проповѣдника, съ именемъ Трифона. Это было не прежде 1531 года ²⁴⁾. Блаж. Трифонъ сталъ устроить на устьѣ р. Печенги обитель св. Троицы. Теперь у него были два труда—трудъ распространенія Евангелія и трудъ устроенія обители. Чтобы продолжать дѣло евангельской проповѣди, надлежало путешествовать. А что это значило въ той странѣ? Жилища Лопарей разбросаны по мѣстамъ болотистымъ, пересѣченнымъ горами и скалами; ни селъ, ни деревень нѣтъ, а только уединенные шалаши. Каково же было, не встрѣтивъ готовности сердець въ одномъ жильѣ, идти по тундрамъ и горамъ, чтобы встрѣтить, можетъ быть, подобный же пріемъ въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ. Но подвижникъ Божій трудился терпѣливо. Когда между обращенными имъ нашлись готовые

²³⁾ Блаж. Ѳеодоритъ провель на берегахъ Колы около 20 лѣтъ. Строгость правилъ его была причиною того, что малодушные изгнали его изъ основанной имъ обители. Послѣ того онъ два года былъ игуменомъ одного бѣднаго Новгородскаго монастыря, потомъ—около пяти лѣтъ архимандритомъ Суздальской Евѣмиевой обители. Оклеветанный (въ 1554 г.) въ единомыслии съ еретиками, онъ заточенъ былъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ пробылъ полтора года, потомъ былъ оправданъ и удалился на пребываніе въ Вологодскій Спасоприлуцкій монастырь. Несмотря на глубокую старость, онъ два раза путешествовалъ изъ Вологды къ любезнымъ дѣтямъ своимъ Лопарямъ. Когда, гдѣ и какъ Ѳеодоритъ окончилъ жизнь, достовѣрно неизвѣстно: по сказанію нѣкоторыхъ, онъ былъ, по повелѣнію Грознаго царя (около 1577 г.), утопленъ въ рѣкѣ за то, что дерзнулъ ходатайствовать о прощеніи князя Курбскаго, бывшаго нѣкогда его духовнымъ сыномъ; по другимъ извѣстіямъ, старецъ мирно скончался въ уединеніи (Волг. Епарх. Вѣд. 1867 г. № 13).

²⁴⁾ Въ лѣтописи сказано подъ 1531 годомъ: «Прибыли въ великій Новгородъ Лопарцы съ Мурманскаго (Норвежскаго) моря съ р. Колы и Туломи (съ р. Туломи, соединяющейся съ р. Колою предъ впаденіемъ въ море) и просили архіепископа Макарія дать имъ антиминсы и священниковъ, чтобы освятить церкви Божіи и ихъ просвѣтить св. крещеніемъ. Боголюбивый архіепископъ Макарій послалъ священниковъ и діакона, и они освятили перкви Благовѣщенія Богородицы и Святителя Николая и Лопарей крестили въ великомъ числѣ, даже за Святымъ Носомъ (Собр. Лѣтоп. VI, стр. 289).

посвятить жизнь свою служенію Господу, это облегчило труды проповѣдника вѣры. Лопари, наученные Трифономъ живому благочестію, съ живымъ одушевленіемъ передавали другимъ сѣмена благочестія, и цѣлый дикій край получилъ совсѣмъ новый видъ. Крещенные Лопари до того полюбили св. вѣру, что они приносили въ пользу обители плоды торговли своей—деньги, другіе отдавали земли, озера и приморскія угодья. Званіе игумена въ новой обители преп. Трифонъ предоставилъ другому иноку, а самъ озаботился тѣмъ, чтобы оградить разсадникъ благочестія, насажденный въ дикой странѣ, защитою гражданской власти. Онъ отправился въ Москву и испросилъ у государя охранную грамоту²⁵⁾.

Съ 1570 года во всемъ сѣверномъ краѣ былъ сильный, продолжительный голодъ. Нѣсколько лѣтъ сряду морозъ убивалъ посѣвъ хлѣбный. Это вызвало блаж. Трифона на новые тяжкіе труды для обители. Взявъ съ собою нѣсколько братій, онъ ходилъ по Новгородскому краю изъ одного поселенія въ другое, испрашивая у боголюбивыхъ подаянія. Все, что получалъ, отсылалъ онъ на содержаніе братіи. Такъ кормилъ онъ духовныхъ дѣтей своихъ цѣлыхъ 8 лѣтъ.

Съ юныхъ лѣтъ возлюбивъ Господа, перенесши столько трудовъ и скорбей для Него, въ лѣтахъ зрѣлости дивный старецъ продолжалъ подвизаться до гроба. Разъ купилъ онъ въ Колѣ ручные жернова и положилъ ихъ себѣ на плеча, чтобы несть въ свою обитель. Ученики просили его не мучить себя такою ношею. „Братія!—сказалъ старецъ,—тяжелое бремя лежитъ на потомкахъ Адама, съ рожденія до самой смерти; лучше повѣсить камень на шею, нежели соблазнять братію праздностію“. И 138 верстъ отъ Колы до Печенгской обители, дорогою то болотистою, то гористою, несть онъ жернова на себѣ и при такомъ трудѣ мало вкушалъ пищи.

Такими подвигами преп. Трифонъ достигъ великой крѣпости духовной. Разъ медвѣдь вошелъ въ его келью, опрокинулъ квашню и началъ ѣсть тѣсто. Подвижникъ, подходя къ кельѣ, сказалъ мед-

²⁵⁾ Царь Іоаннъ надѣлилъ обитель Трифона церковною утварью, угодьями, рыбными ловлями и приписалъ къ ней Лопарей, обитавшихъ при Матоккой и Печенгской губахъ. Добрый и набожный царевичъ Феодоръ предупредилъ отца своего милостію къ сѣверному подвижнику: онъ прислалъ Трифону свою парчевую одежду. Уже по блаженной кончинѣ своей угодникъ Божій отблагодарилъ за этотъ даръ: въ одну ночь, когда Феодоръ (тогда уже царь) спалъ въ шатрѣ, при осадѣ Нарвы, ему явился благолѣпный старецъ въ иноческой одеждѣ и сказалъ: «встань, государь, и выйди изъ шатра, иначе будешь убитъ». Кто ты такой? спросилъ царь. Явившійся отвѣчалъ: «я тотъ Трифонъ, которому ты подаль свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другія; Господь Богъ мой послалъ меня къ тебѣ». Пробудившись, царь едва успѣлъ выйти изъ шатра, какъ ядро изъ города ударило въ кроватъ царскую.—Путешествіе преп. Трифона въ Москву отнесено въ житіи его къ 1556 году, но это—явная ошибка: тогда еще не родился царевичъ Феодоръ, давшій свой кафтанъ просвѣтителю Лопарей. Можно думать, что Трифонъ былъ въ Москвѣ позднѣе, а именно послѣ великаго голода 1570 года, или отнести подарокъ царевича (рожденнаго въ 1557 году) ко второму приѣзду преп. Трифона въ Москву, о которомъ упоминается въ декабрьской книгѣ Милютинскихъ Четь-Миней безъ указанія года (въ Синод. Библ. № 800).

вѣдо: „Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, повелѣваетъ тебѣ выйти изъ кельи и стоять смирно“. Медвѣдъ вышелъ и сталъ у ногъ преподобнаго. Взявъ жезлъ, преподобный наказалъ виновнаго медвѣдя и, сказавъ, чтобъ впередъ не смѣлъ беспокоить обители, отпустилъ его. Съ того времени,—прибавляетъ писатель житія преп. Трифона,—медвѣди никогда не дѣлали вреда ни оленямъ, ни другимъ животнымъ монастырскимъ.

Въ послѣдніе годы жизни своей преподобный часто удалялся въ пустыньку, гдѣ, построивъ храмъ Успенію Богоматери, проводилъ время въ уединенной молитвѣ.

Передъ кончиною своею блаж. Трифонъ былъ тяжело боленъ. Наконецъ, близкій къ смерти, сказалъ онъ братіямъ: „заповѣдую вамъ, погребите меня у церкви Успенія Богородицы въ пустынькѣ, куда отходилъ я на молчаніе“. Онъ преставился въ глубокой старости, 15 декабря 1583 года, проживъ на Печенгѣ около 60 лѣтъ ²⁶⁾.

Чудъ поморья Балтійскаго, въ Ижорѣ и Копорѣ ²⁷⁾, еще не отставала отъ жрецовъ давняго суевѣрія—колдуновъ, чтила камни и дерева, совершала обряды языческіе при рожденіи и смерти родныхъ. Архіепископъ Макарій, по сношеніи съ государемъ, въ 1530 году отправилъ способнаго священника къ суевѣрамъ, велѣлъ разорять мольбища ихъ, а мѣстному духовенству строго подтвердилъ о его долгѣ. Старики, по привычкѣ къ старинѣ, со страхомъ смотрѣли, какъ священникъ сокрушалъ страшные для нихъ деревья и камни. Но дѣти оказались умнѣе стариковъ: они помогали священнику въ трудахъ его. Съ того времени христіанство прочнѣе утвердилось между Чудью.

Апостольскіе подвиги распространенія вѣры христіанской между Лопарями и Чудью происходили въ послѣдніе годы жизни великаго князя Василія Іоанновича и передъ самою его кончиною

Отвергнувъ добродѣтельную, но неплодную супругу, Василій поспѣшилъ вступить въ новый бракъ, чтобъ имѣть наслѣдника. Онъ избралъ невѣстою княжну Елену Глинскую, родную племянницу знаменитаго измѣнника, князя Михаила Глинскаго ²⁸⁾. Великолѣпно от-

²⁶⁾ Мощи преп. Трифона погребены въ основанномъ имъ монастырѣ Кольско-Печенгскомъ, который находился при впаденіи р. Печенги въ Сѣверный океанъ, близъ св. Носа. Впослѣдствіи эта обитель перенесена въ самый г. Колу, а въ 1764 году упразднена и приписана къ Кольскому собору. На первоначальномъ мѣстѣ монастыря, надъ могилою преп. Трифона, стоитъ деревянная церковь Срѣтенія Господня. Въ житіи преп. Трифона помѣщено нѣсколько чудесъ его и ученика его, праведнаго старца Іоны. Блаж. Трифонъ много разъ являлся на морѣ во время бури и спасалъ погибающихъ.

²⁷⁾ Въ нынѣшней Петербургской губерніи и въ южной части Финляндіи.

²⁸⁾ Князь Михайлъ Глинскій, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Литовскихъ, владѣлецъ г. Сурова, славился храбростію и умомъ. По неудовольствіямъ съ Сигизмундомъ онъ передался Василію; потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, измѣнилъ и ему, тайно сносясь съ Литвою и бѣжалъ изъ Русскаго стана; но былъ схваченъ, заключенъ въ оковы и сидѣлъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, когда племянница его сдѣлалась великою княгинею. Можетъ быть, какъ думаетъ Карамзинъ, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ в. князя; мо-

праздновали бракъ, но болѣе трехъ лѣтъ Елена не имѣла дѣтей. Наконецъ, 25 августа 1530 года родился столь давно ожидаемый сынъ и наслѣдникъ. Онъ былъ окрещенъ въ обители Троицкой и нареченъ Иоанномъ: обрадованный отецъ принялъ младенца изъ рукъ воспріемниковъ—столѣтняго старца Кассіана Босого и преп. Даниїла Переяславскаго и положилъ въ раку чудотворца Сергія, моля угодника Божія, да будетъ ему заступникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъяснить благодарность небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ.

Но дни его были уже сочтены. Спустя три года по рожденіи первенца, великій князь заболѣлъ и черезъ нѣсколько недѣль скончался (3 декабря 1533 года), принявъ передъ смертью монашество съ именемъ Варлаама и благословивъ младенца-сына на царство тѣмъ самымъ крестомъ, которымъ нѣкогда св. Петръ митрополитъ благословилъ Иоанна Калиту.

Любовь народная къ почившему государю, котораго лѣтописецъ называетъ „добрымъ и ласковымъ“²⁹⁾; раскрылась вполнѣ при его погребеніи. Скорбь народа была неописанная, плачь и вой раздавался въ кремлѣ: видно было, что дѣти хоронили отца.

Можетъ быть, всеобщая горестъ увеличивалась еще страхомъ предстоящаго царствованія государя-младенца, подъ опекою матери, которую мало любили и еще менѣе уважали жители Москвы. Но они не знали еще, какіе ужасы ожидаютъ ихъ въ будущемъ; они не могли предчувствовать, что плодъ законопреступнаго брака³⁰⁾ сначала возвеличитъ царство и раздвинетъ предѣлы его, но потомъ обольетъ землю Русскую потоками Русской крови и оставитъ по себѣ страшную память кровожаднаго мучителя!

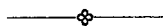
жетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ владѣтельномъ домѣ и въ обычаяхъ нѣмецкихъ, коими славился ея дядя Михаїль, скорѣе могла понравиться вѣнченосному жениху, нежели тогдашнія московскія боярышни, наученныя единственно цѣломудрію и кроткимъ смиреннымъ добродѣтелямъ женскимъ.

²⁹⁾ Въ старинныхъ святцахъ («Книга о Росс. святыхъ») в. к. Василій Иоанновичъ вписанъ въ ликъ Московскихъ чудотворцевъ. На паперти Московскаго Благовѣщенскаго собора и теперь еще сохранилось изображеніе его съ надписью: «Святый и благов. в. к. Василій Иоанновичъ».

³⁰⁾ Въ одномъ изъ сборниковъ Москов. Синод. Библіотеки помѣщена: «Выпись изъ грамоты (?), что прислана къ в. к. Василію Ивановичу о разлученіи перваго брака и сочетанія втораго брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино старца Ферапонтова монастыря». Здѣсь между прочимъ сказано, что в. к. Василій испрашивалъ разрѣшенія на бракъ съ Еленою у восточныхъ патріарховъ и настоятелей Аѳонскихъ монастырей; но отъ всѣхъ получилъ отказъ, при чемъ Іерусалимскій патріархъ Марко въ пророческомъ духѣ писалъ ему, что если онъ, вопреки канонамъ церковнымъ, дерзнетъ вступить въ законопреступное супружество, то будетъ имѣть сына, который удивитъ весь міръ лютостію (Сборникъ. № 466, л. 359 и 360).

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Графа М. Толстаго.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Г Л А В А I.

Малолѣтство царя. — Изгнаніе двухъ митрополитовъ. — Внезапное исправленіе молодого самодержца. — Вѣнчаніе Іоанна на царство и первый бракъ его. — Соборы 1547—1549 года. — Стоглавъ. — Ересь Баншкина и Косого. — Дѣло о дьякѣ Висковатомъ. — Покореніе Казани и учрежденіе казанской епархіи. — Болѣзнь Іоанна. — Кончина царицы Анастасіи.

Воцареніе государя-младенца было не на радость Церкви и государству. Недолго власть оставалась въ рукахъ правительницы-матери ¹⁾. Послѣ преждевременной смерти Елены начались необузданныя смуты бояръ, которые принялись управлять государствомъ и безпощадно губили другъ друга. Въ этихъ крамолахъ не уважалась и святость сана первосвятителей: митрополитъ Даніилъ былъ сверженъ съ митрополіи указомъ боярскимъ и заточенъ въ Іосифовъ монастырь ²⁾. Преемникъ его Іоасафъ, поставленный изъ игуменовъ Сергіевой лавры, мужъ богоугодный и добродѣтельный, не болѣе трехъ лѣтъ занималъ кафедру первосвятительскую: крамольники низвергли его еще съ большею наглостью и буйствомъ. На мѣсто его возведенъ владыка Новгородскій Макарій, — святитель просвѣщенный, усердный ко благу Церкви и отечества.

Между тѣмъ возрасталъ юный самодержецъ сирота. Рожденный съ отличными способностями, но предоставленный съ дѣтства своимъ влеченіямъ, лишенный всякаго воспитанія, онъ развивался во злѣ, а не въ добрѣ. Можетъ быть, предрасположеніе къ жестокости онъ всосалъ въ себя съ молокомъ матери, но бояре, на бѣду самимъ себѣ, постарались усилить въ немъ это предрасположеніе до страсти; они тѣшили его звѣриною охотой, любовались, когда онъ убивалъ жи-

¹⁾ Правленіе Елены было ознаменовано развратомъ и жестокостью. Она уморила въ темницѣ (голодомъ, по увѣренію современниковъ) шурина своего, князя Юрія. Родной дядя, замѣнявшій ей отца, знаменитый измѣнникъ князь Михаилъ Глинскій, смѣло обличалъ правительницу въ зазорномъ ея поведеніи и за то былъ замученъ въ тюрьмѣ. Сама Елена, послѣ пятилѣтняго правленія умерла скоропостижно отъ яда, какъ свидѣтельствуетъ современникъ Герберштейнъ.

²⁾ Бояре взяли съ Даніила запись, будто бы онъ добровольно отказался отъ святительства, желая окончить жизнь въ той обители, гдѣ принялъ постриженіе. Тамъ онъ загладилъ грѣхи своего честолюбія, челоукоугодія и участія въ козняхъ вельможъ строгою жизнію подвижника.

вотныхъ и мучилъ ихъ разными муками. „Пусть веселится державный“,—говорили они. Отрокъ государь уже разумѣлъ, что верховная власть, которою такъ дерзко злоупотребляли князья Шуйскіе и другіе бояре, принадлежитъ ему, а не имъ; видѣлъ, что они пренебрегаютъ имъ, позволяя себѣ всякое безчиніе и наглость, даже въ присутствіи государя. Въ душѣ отрока возникла и росла ненависть къ боярамъ-крамольникамъ.

Іоанну исполнилось 17 лѣтъ. Онъ объявилъ митрополиту и боярамъ волю свою — вѣнчаться на царство и вступить въ бракъ. Торжество царскаго вѣнчанія совершено митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ соборѣ 16 января 1547 г.; на Іоанна возложенъ былъ крестъ царскій, вѣнецъ Мономаховъ и бармы (ожерелье) ³⁾. Съ того времени самодержцы Русскіе начали не только въ сношеніяхъ съ иными державами, но и внутри государства во всѣхъ актахъ именоваться царями, сохраняя и древній титулъ великихъ князей. Въ 1561 году патріархъ Константинопольскій Іоасафъ, въ знакъ усердія къ вѣнценосцу Русскому, соборною грамотой утвердилъ его въ санѣ царскомъ ⁴⁾.

Со всѣхъ краевъ Россіи привезли въ Москву красавицъ, дѣвицъ благородныхъ. Іоаннъ выбралъ изъ нихъ дѣвицу Анастасію Романовну, дочь вдовы Захарьиной ⁵⁾. Совершая бракосочетаніе царственной четы, первосвятитель Макарій, въ краснорѣчивомъ словѣ, поучалъ новобрачныхъ творить правду и милость, посѣщать темницы, чтить духовенство, жаловать бояръ и народъ, не слушать клеветниковъ, святить дни воскресные и праздничные молитвою и добрыми дѣлами и соблюдать посты, воздерживаясь на это время отъ плотскихъ удовольствій.

Но совѣты мудраго первосвятителя и вліяніе добродѣтельной супруги не могли вскорѣ исправить царя, приученнаго къ шумной

³⁾ Вѣнчаніе Іоанна IV было совершено по тому же обряду, какъ и вѣнчаніе несчастнаго Дмитрія, внука Іоанна III.

⁴⁾ Въ грамотѣ патріарха, за подписью его и 36 святителей греческихъ, сказано: «нынѣшній властитель Московскій происходитъ отъ незабвенной царицы Анны, сестры царя Багрянороднаго, и митрополитъ Ефесскій, нарочно присланный изъ Византіи, вѣнчалъ на царство великаго князя Русскаго Владиміра». По изслѣдованіямъ А. О. Вольмана, слова эти относятся не къ Владиміру «Мономаху», а «монарху», т.-е. къ Владиміру Равноапостольному, а потому и древняя утварь царская ошибочно называется Мономаховою (Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860 г. кн. 1, стр. 38—41). За соборною грамотою посланъ былъ въ Царьградъ блаж. Θεодоритъ, просвѣтитель Лопарей. По возвращеніи царь подарилъ ему соболью шубу и 30 рублей, изъ которыхъ подвижникъ взялъ только 25. Подлинная грамота сохраняется въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

⁵⁾ Отецъ Анастасіи, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а дѣдъ—бояриномъ Іоанна III. Но не знатность рода, а личныя достоинства невѣсты оправдали царскій выборъ; современники приписываютъ Анастасіи всѣ женскія добродѣтели: искреннее благочестіе, смиреніе, дѣломудріе, милосердіе, доброту души, соединенныя съ умомъ основательнымъ и твердостью воли, которая нечувствительно укрощала пылкія страсти супруга. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что «добрая» царица наставляла и приводила царя на всякія добродѣтели».

праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочестивымъ. Нуженъ былъ сильный урокъ и этотъ урокъ ниспосланъ въ страшномъ пожарѣ, опустошившемъ Москву. На пепелищѣ столицы кипѣлъ мятежъ народный, Іоаннъ трепеталъ въ недоумѣніи на Воробьевыхъ горахъ. Тамъ предсталъ царю Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и сильнымъ словомъ пробудилъ заснувшую совѣсть юноши. Угроза суда Божія, въ минуту гнѣва Божія, потрясла сердце, не совѣмъ еще ожесточенное. Іоаннъ сталъ какъ бы другимъ человѣкомъ. Онъ призвалъ митрополита и святителей, торжественно каялся имъ въ грѣхахъ своихъ, собралъ и народъ на Лобномъ мѣстѣ, оплакалъ передъ нимъ свои заблужденія, слагая вину на недостойныхъ пѣстуновъ. Съ чудеснымъ исправленіемъ царя все приняло вокругъ него иной видъ: удалились преступные бояре; Адашевъ, новый добродѣтельный другъ царя, незнатный родомъ, но благонамѣренный и вѣрный, сталъ на ближней ступени престола и процвѣло государство; нашлись въ думахъ мужи совѣта, въ битвахъ—водители. На законы гражданскіе въ началѣ обратилось вниманіе новаго правительства: опытная дума бояръ, разсмотрѣвъ уложеніе Іоанна III, составила новый судебникъ.

Собравъ соборъ епископовъ Русскихъ, царь открылъ его трогательною рѣчью, въ которой изложилъ бѣдствія первыхъ лѣтъ своихъ. „Отцы наши, пастыри и учителя,—говорилъ онъ,—внидите въ чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, истрезвите умъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, какъ предалъ намъ Господь, и меня сына своего наказуйте и просвѣщайте на всякое благочестіе, какъ подобаетъ быть благочестивымъ царямъ, во всѣхъ праведныхъ царскихъ законахъ, во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, и все православное христіанство нелестно утверждайте, да непорочно сохранится истинный христіанскій законъ. Я же единодушно всегда буду съ вами исправлять и утверждать все, чему наставитъ васъ Духъ Святый; если буду вамъ сопротивляться, вопреки божественныхъ правилъ, вы о семъ не умолкайте; если же преслушникъ буду, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя и всё сущіе подъ властію нашею“. На этомъ Соборѣ установлено празднованіе угодникамъ Божиимъ, новымъ чудотворцамъ Русской земли, отъ которыхъ царь желалъ призвать благословеніе на свой царскій санъ; постановлено составить имъ новыя службы и пересмотрѣть житія ихъ ⁶⁾. Тотъ же Соборъ утвердилъ и предложенный ему на разсмотрѣніе новый судебникъ.

⁶⁾ Определено праздновать по всѣмъ церквамъ Россіи слѣдующимъ двѣнадцати чудотворцамъ: св. митрополиту Іонѣ, св. Іоанну архіепископу Новгородскому, св. князю Александру Невскому, преподобнымъ: Никону «Сергіеву ученику», Пафнутію Боровскому, Макарію Калязинскому, Михаилу Конскому, Зосимѣ и Савватию Соловецкимъ, Павлу Обнорскому, Діонисію Глушицкому и Александру Свирскому. Празднованіе только на мѣстѣ подвиговъ и прославленія назначено девяти угодникамъ Божиимъ; а именно: въ Москвѣ,—блж. Максиму, въ Устюгѣ Великому—блж. Прокопію и Іоанну, въ Муромѣ—блгов. князьямъ Константину съ сыновьями Михаиломъ и Феодоромъ, князю Петру и супругѣ

Въ 1551 году снова собрались святители Русскіе въ Москву, по желанію государя ⁷⁾. Положеніе не только государства, но и самой Церкви требовало соборныхъ совѣщаній. Беспорядки государственные, развившіеся отъ мятежнаго духа бояръ и нравственной порчи самого юнаго самодержца, не могли не вредить и благоустройству Церкви. Церковь на восточной окраинѣ Русскаго царства испытывала виѣшнія бѣдствія отъ враговъ иноплеменныхъ, которые при вторженіяхъ своихъ грабили и разрушали храмы, попирали святыню, отводили въ плѣнъ священнослужителей и многихъ плѣнныхъ христіанъ доводили до измѣны вѣрѣ и отечеству.

Во внутреннемъ своемъ состояніи Церковь страдала отъ буйства правителей государства, которые (какъ мы уже видѣли) низвергли, въ теченіе трехъ лѣтъ, двухъ первосвятителей. Когда царь еще юный, но совращенный съ добраго пути тѣми же боярами, уже терялъ уваженіе къ поставленнымъ церковнымъ, когда и сами пастыри увлекались смутами правленія, неизбежно возникали важныя опущенія и беспорядки во внутренней жизни Церкви ⁸⁾. Въ самомъ дѣлѣ, явное пренебреженіе обязанностей христіанскихъ, нарушеніе уставовъ церковныхъ, нравственные беспорядки въ духовенствѣ, взаимное невниманіе и презрѣніе между духовенствомъ и мірянами,—все это ясно и сильно представляетъ самый Стоглавый Соборъ. Народъ, по легкомыслію и невѣжеству, легко могъ увлекаться въ заблужденіи, своевольничать въ дѣлахъ вѣры и предаваться всей грубости своихъ нравовъ. Таковы были дѣйствія невѣжества, при отсутствіи способовъ къ просвѣщенію народа, при отсутствіи даже самаго попеченія объ этомъ важномъ предметѣ!

Предметы разсужденій Собора раздѣлены на сто главъ, откуда и самый Соборъ получилъ имя Стоглаваго. Въ этихъ главахъ изложены вопросы царскіе Собору, отвѣты на нихъ Собора и нѣкоторыя соборныя постановленія. Соборъ разсуждалъ, обличая беспорядки и безчинія, о богослуженіи и уставахъ церковныхъ, объ иконахъ ⁹⁾, о

его Февроніи. Впрочемъ двумъ послѣднимъ назначено и повсемѣстное празднованіе (Грамота митроп. Макарія въ Акт. Археограф. Экспеди. т. I, № 213).

⁷⁾ На соборѣ присутствовали архіепископы: Новгородскій Θεодосій и Ростовскій Никандръ, епископы: Суздальскій Трифонъ, Смоленскій Гурій, Тверской Акакій, Коломенскій Θεодосій, Сарскій Савва, Пермскій Кипріанъ и Рязанскій Кассіанъ (впослѣдствіи лишенный епархіи за ересь), съ архимандритами, игуменами и другими духовными лицами. Въ разсмотрѣніи соборныхъ постановленій принимали участіе бывший митрополитъ Іоасафъ, жившій на покоѣ въ Сергіевой Лаврѣ, и бывший архіепископъ Ростовскій Алексій.

⁸⁾ Самъ Іоаннъ, въ рѣчи къ Собору, свидѣтельствовалъ, что многіе священные обычаи въ церкви «поисшаталися», многія преданія нарушены, многое введено самовольно, вопреки древнимъ, священнымъ установленіямъ: появились «безумные челоуѣки», готовые поносить всякое доброе предпріятіе въ пользу Церкви.

⁹⁾ Соборъ требовалъ отъ иконописцевъ, кромѣ искусства въ иконописаніи, неукоризненной жизни и поручалъ ихъ надзору духовныхъ отповѣ; епископамъ вмѣнялъ въ обязанность надсматривать за иконописаніемъ, лучшихъ иконописцевъ отличать вниманіемъ любви, а неискуснымъ и людямъ худой жизни запрещать писать св. иконы. Онъ же совѣ-

книгахъ богослужебныхъ ¹⁰⁾, о просфорахъ и просфорницахъ ¹¹⁾, о благочиніи въ храмахъ, о чинѣ совершенія таинствъ, крестномъ знаменіи, о произношеніи аллилуйи, объ избраніи и поставленіи священнослужителей, о благочиніи чернаго и бѣлаго духовенства, о судѣ церковномъ, или святительскомъ, о содержаніи храмовъ и причтовъ, объ исправленіи общественныхъ нравовъ и обычаевъ ¹²⁾. Догматовъ вѣры Соборъ не касался и не имѣлъ въ виду опроверженія какой-либо ереси.

Что сказать о достоинствѣ постановленій Стоглаваго Собора? Справедливость требуетъ сказать, что многія постановленія Собора были полезны для Церкви и имѣютъ свое несомнѣнное достоинство. Таковы его опредѣленія о заведеніи училищъ при церквяхъ, объ учрежденіи старостъ для надзора за благочиніемъ духовенства ¹³⁾, защищеніе судебныхъ правъ клира, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ, объ истребленіи соблазнительныхъ пороковъ духовенства, суевѣрій и зловредныхъ обычаевъ народныхъ. Заботливость о избраніи достойныхъ служителей алтаря, о точности въ соблюденіи церковнаго устава при богослуженіи, о благочиніи христіанскомъ въ храмахъ, благоустроеніе монастырей, попеченіе о содержаніи церквей, ограниченіе мзды въ церковныхъ сборахъ, приведеніе въ порядокъ судопроизводства епископскаго — все это показываетъ въ членахъ Собора пастырскую ревность о благоустройствѣ Церкви отечественной. Нѣкоторыя особенныя постановленія Собора были весьма полезны для жизни общественной, какъ, напр., постановленія о богадѣльныхъ домахъ, о выкупѣ плѣнныхъ, о принятіи въ церковныя училища дѣтей гражданскихъ сословій; съ добрымъ намѣреніемъ Соборъ предохранялъ

товалъ слѣдовать въ иконописаніи лучшимъ древнимъ образцамъ, указывая въ особенности на иконы блаж. Андрея Рублева.

¹⁰⁾ Порча богослужебныхъ книгъ черезъ переписываніе ихъ невѣжественными, полуграмотными писцами была очевидна для всѣхъ. Соборъ горько жаловался на неисправность книгъ церковныхъ и вмѣнилъ въ обязанность протопопамъ и благочиннымъ (поповскимъ старостамъ) исправлять церковныя книги по хорошимъ спискамъ и книгъ непересмотрѣнныхъ не пускать въ употребленіе, но не могъ дать надлежащаго руководства и нужныхъ пособій для выбора лучшихъ списковъ. Тогда же возникло убѣжденіе, что вмѣсто писцовъ необходимо завести типографію и печатать книги. Это было приведено въ исполненіе, но, по неудачности первыхъ опытовъ, первая книга Московскаго «печатнаго двора» — Апостоль, напечатана не ранѣе 1564 года.

¹¹⁾ Просфорницы (просвирни) при церквяхъ, по опредѣленію Собора, должны быть «чистыя вдовицы. единобрачныя, а не второбрачныя», не моложе 40 или 50 лѣтъ. Черницамъ не дозволено быть просфорницами при мірскихъ храмахъ.

¹²⁾ Соборъ разсуждалъ о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ изъ неволи, о необходимости богадѣленъ и другихъ благотворительныхъ учреждений и строго вооружался противъ клятвенныхъ преступленій, волшебства и разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ.

¹³⁾ Десятильники или старосты поповскіе (нынѣшніе благочинные) существовали и прежде въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ, но Стоглавому Собору принадлежать правила для повсемѣстнаго назначенія этихъ лицъ. Церкви города Москвы раздѣлены были на семь соборовъ и подчинены семи старостамъ по одному при каждомъ соборѣ. Замѣчательно, что избраніе «поповскихъ старостъ» Соборъ предоставилъ самому духовенству (Акты Археограф. Экспед. т. I, № 238).

отечество отъ иноземныхъ обычаевъ, съ доброю мыслию обращалъ вниманіе на крестьянъ (епископскихъ и монастырскихъ) и людей, скитающихся по міру для собиранія милостыни, открывая послѣднимъ способы получать пропитаніе честными трудами, облегчая состояніе первыхъ чрезъ ограниченіе роскоши и корыстолюбія въ монастыряхъ. Вообще видна благонамѣренность рѣшеній Собора и усиліе основывать ихъ на правилахъ Вселенской Церкви. Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить и тѣхъ недостатковъ и даже погрѣшностей въ рѣшеніяхъ Собора, которыя унижаютъ его достоинство и лишаютъ его канонической важности въ Церкви.

Такъ въ особенности главы о двуперстномъ сложении для крестнаго знаменія и сугубомъ аллилуіи потворствуютъ неразумной привязанности къ мнимой старинѣ. Впрочемъ, въ разныхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ Стоглава крестное знаменіе и іерейское благословеніе „двумя персты“ изложено не одинаково и не ясно ¹⁴⁾.

О сугубой аллилуіи особаго вопроса на Соборѣ предложено не было. Но въ одной изъ главъ Стоглавника помѣщено свѣдѣніе о явленіи будто бы пресв. Богородицы преп. Евфросину, Псковскому чудотворцу ¹⁵⁾, съ повелѣніемъ произносить сугубое аллилуія (т.-е.

¹⁴⁾ Въ 1554 году игумень Сергіевой лавры Артемій отозвался, что на Стоглавомъ Соборѣ о крестномъ знаменіи «слово было, да не доспѣли ничего», т.-е. ничего не успѣли рѣшить опредѣленно (Акты Арх. Эксп. т. I, № 239). Этотъ отзывъ доказываетъ, что положеніе о двуперстн въ Стоглавникѣ должно почитаться частнымъ мнѣніемъ, а не постановленіемъ соборнымъ.

¹⁵⁾ Преп. Евфросинъ, въ мірѣ Елеазаръ. Псковскій чудотворецъ, основатель Спасо-Елеазаровскаго монастыря въ 25 верстахъ отъ Пскова, преставился 15 мая 1481 года, 95 лѣтъ отъ рожденія. Житіе его, бывшее на разсмотрѣніи Собора, передѣлано съ болѣе древней редакціи, около 1547 года извѣстнымъ попомъ Василиемъ. Здѣсь сообщается длинный расказъ о путешествіи преп. Евфросина въ Царьградъ: рѣчь о томъ, что будто Евфросинъ, видя «великъ расколъ посредѣ Христовой Церкви, овѣмъ бо двоющимъ, овѣмъ бо троящимъ пресвятую аллилуію, сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ». Такъ какъ никто изъ Русскихъ пастырей не могъ «протолковать преподобному Евфросину тайну о божественной аллилуіи», то онъ отправился въ Царьградъ къ патріарху Іосифу, который будто бы протолковалъ ему тайну аллилуіи такъ, что ее нужно двоить, или сугубить; для большаго подтвержденія, патріархъ будто бы далъ Евфросину «писаніе», которымъ уполномочилъ его завезъ въ своемъ монастырѣ сугубую аллилуію. Затѣмъ идетъ рѣчь о возстаніи противъ преп. Евфросина всѣхъ пяти соборовъ Псковскихъ, особенно нѣкоего священника Іова. Далѣе говорится, будто бы первому списателю житія преп. Евфросина являлся два раза во время тонкаго сна преп. Евфросинъ вмѣстѣ съ преп. Серапіономъ и говорилъ: «опиши сію тайну святыхъ аллилуіи»; наконецъ явилась ему сама Пресвятая Богородица съ архангеломъ и тѣми же преподобными, изъяснила ему тайну сугубой аллилуіи и велѣла написать объ ней для общаго вѣдѣнія. Какъ будто дѣло шло о какомъ-то всемірномъ переворотѣ или о столь великой тайнѣ, безъ которой невозможно спасеніе человечества! Кромѣ того Василій въ своихъ расказахъ помѣстилъ много противорѣчій и несообразностей историческихъ съ жизнью преп. Евфросина, которому усвоетъ слишкомъ узкій взглядъ на аллилуію, и произнесъ хулу на Пресвятую Богородицу, приписавъ ей попятія темныя и даже еретическія (Исторія Русск. Церкви преосв. Филарета Черниговскаго, пер. III, прим. 306). Недавно отыскался, въ бібліотекѣ покойнаго В. М. Ундольскаго, единственный и никѣмъ не описанный экземпляръ житія преп. Евфросина первоначальной редакціи, принадлежащій первой половинѣ XVI в. (Житіе и жизнь и подвиги

аллилуія дважды, а въ третій разъ: слава Тебѣ, Боже). Эта мнимая заповѣдь Божіей Матери, изложенная въ житіи преп. Евфросина, въ видѣ весьма важнаго догмата вѣры, введена въ Стоглавникъ, какъ правило для всеобщаго употребленія, и сопровождается толкованіемъ, наполненнымъ самыми странными заблужденіями и нелѣпостями,— жалкими плодами невѣжества.

Должно полагать, что ученіе объ аллилуіи не принадлежитъ цѣлому Собору, но есть частное мнѣніе одного изъ членовъ его, внесенное въ Стоглавникъ позднѣе переписчиками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что еще въ 1419 году первосвятитель Фотій грамотою къ Новгородцамъ предписывалъ „трегубить аллилуія“ (какъ и нынѣ соблюдается при православномъ богослуженіи) и самъ предсѣдатель Стоглаваго Собора, митрополитъ Макарій, помѣстилъ такое же распоряженіе въ одной изъ книгъ своей великой Четь-Минеи, съ строгимъ обличеніемъ противъ „сугубящихъ“ аллилуія ¹⁶⁾.

Подлинныхъ актовъ Стоглаваго собора не сохранилось въ лѣтописяхъ; даже ни въ одномъ изъ списковъ сборника, называемаго Стоглавникомъ, не видимъ подписей лицъ, бывшихъ на соборѣ, даже подписи самого митрополита Макарія. Можетъ быть недостатокъ единомыслія между членами собора въ опредѣленіяхъ или общая неувѣренность въ правильности и твердости соборныхъ постановленій были причиною того, что они не были утверждены общимъ согласіемъ и не могли имѣть законной силы. Во всякомъ случаѣ соборъ Стоглавый не имѣетъ каноническаго значенія для Церкви Русской, какъ допустившій заблужденія, сдѣлавшіяся впоследствии опорой суевѣрія и расколовъ, и въ особенности, какъ не утвержденный Греческой Церковью и позднѣе отвергнутый большимъ соборомъ не только Русскихъ святителей, но и патріарховъ восточныхъ.

преп. отца нашего Евфросина трудолюбца и пустынножителя. Полууставъ XVI в., на 117 листахъ, въ 4-ку. Библ. Унд. № 306). Здѣсь нѣтъ разказа о явленіи Божіей матери и чудотворствъ писателю житія. Откуда же могъ почерпнуть этотъ разказъ Василій, незащавшій въ живыхъ перваго, неизвѣстнаго ему даже и по имени, жизнеописателя? Нелѣпое сужденіе о важности сугубой аллилуіи изложено такъ же, какъ и у Василія, только короче и темнѣе. И здѣсь также не мало невѣжественныхъ лжеученій. Но всѣ эти «сонныя мечтанія» (по выраженію осудившаго ихъ собора 1667 года) достаточно опровергаются уставомъ, который составленъ преп. Евфросимомъ для основанной имъ обители, и завѣщаніемъ его. И уставъ и завѣщаніе сохранились въ Спасо-Елеазаровомъ монастырѣ: но ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ нѣтъ ни слова объ аллилуіи. Могъ ли бы Евфросинъ не преподавать братіи своей особаго подробнаго постановленія о такомъ мнимо-важномъ предметѣ, составлявшемъ будто бы, по словамъ обоихъ писателей житія его, главную цѣль его дѣятельности?

¹⁶⁾ «Указъ о трегубомъ аллилуія» помѣщенъ въ книгѣ великихъ Четь-Миней за мѣсяцъ августъ (Экземпляръ Успенскаго собора, пожертвованный митроп. Макаріемъ подь 31 августа, стр. 3126). Тотъ же «указъ» помѣщенъ полнѣе въ экземплярѣ Синод. Библ. (л. 815—816). Въ тѣхъ же Великихъ Минеяхъ находится ясно выраженное имѣніе о правильности крестнаго знаменія тремя перстами (въ августовской книгѣ соборнаго экземпляра, стр. 2772 и въ декабрьской, стр. 1907). Неоспоримое доказательство, что предсѣдатель Стоглаваго собора не принималъ ни двуперстія, ни сугубой аллилуіи!

Спустя два года, созванъ былъ снова соборъ по слѣдующему случаю: появилась, особенно въ сѣверныхъ монастыряхъ ¹⁷⁾, ересь Матвѣя Семенова Бакшина (или Башкина). Вотъ сущность этой ереси.

1. Бакшинъ хулилъ Иисуса Христа, отрицая Его равенство Отцу:
 2. Тѣло и Кровь Господа называлъ простымъ хлѣбомъ и виномъ.
 3. Не признавалъ таинства покаянія по чину православной Церкви. „Какъ перестанеть грѣхъ творити,—говорилъ еретикъ,—аще и у священника не покается, то нѣсть ему грѣха“.

4. Отвергалъ достоинство вышнихъ учрежденій церковныхъ; „что такое Церковь?—говорилъ онъ.—Собраніе вѣрныхъ? Итакъ, эти храмы—ничто, иконы—идолы“ и проч.

5. Отеческія преданія и жизнеописанія Отцовъ называлъ баснословіемъ и обвинялъ въ властолюбіи Отцовъ Вселенскихъ Соборовъ: „все для себя они писали,—говорилъ Бакшинъ,—чтобъ имъ всемъ владѣть—и царскимъ и священническимъ“. Кромѣ этого Бакшинъ разсѣвалъ много и другихъ плевель, подкрѣпляя свое ученіе неправильнымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ св. Писанія.

Ересь Бакшина очевидно сходна съ ересью жидовствующихъ; но, по признанію самого ересеучителя, наставниками его были Литовскіе протестанты: аптекаръ Матвѣй и Андрей Хотѣвъ ¹⁸⁾.

Бакшинъ наименовалъ своими послѣдователями многихъ, между прочими—Артемія, отказавшагося предъ тѣмъ отъ игуменства Сергіевой Лавры, которому Бакшинъ отданъ былъ на увѣщаніе. На Артемія явились и другіе доносители. Но обвиненіе въ хулѣ Артемія на Св. Троицу, на таинства, на иконы, соборъ призналъ недоказанными; а за неосторожность отзывовъ его о нѣкоторыхъ предметахъ священныхъ лишили его сана и заточили въ Соловецкій монастырь ¹⁹⁾.

¹⁷⁾ Именно въ Зоволожскихъ. По выраженію Курбскаго, «тогда за Волгою прозябоша руганія».

¹⁸⁾ Соборъ дѣйствовалъ противъ новыхъ еретиковъ снисходительнѣе, нежели прежде противъ жидовствующихъ. Бакшинъ былъ заточенъ въ Иосифовъ монастырь; нѣкоторые изъ послѣдователей его отданы подъ присмотръ въ отдаленные монастыри, «да не съюгутъ злобы своей роду человѣческому»; другіе подвергнуты церковной эпитиміи. Гражданскихъ казней не было.

¹⁹⁾ По свидѣтельству Курбскаго, Артемій «преподобный и премудрый», пустынный Заволжскій, взятый за святость жизни въ игумены Сергіевой лавры, удалился оттуда снова въ пустыню, противъ воли царя, «многаго ради мятежа и любостяжательныхъ, искони законопреступныхъ мниховъ» (лаврскихъ); потомъ заподозрѣнный въ соучастіи съ еретиками, подвергнутъ истязаніямъ и сосланъ, отягченный цѣпями, въ Соловецкій монастырь (Сказ. Курбскаго изд. 2-е, стр. 134—135). На соборѣ обвиняли его въ томъ, что онъ хулилъ крестное знаменіе, считалъ бесполезнымъ поминованіе усопшихъ, унижалъ чтеніе акаѣистовъ. Но Артемій отвѣчалъ, что порицалъ не крестное знаменіе, а наглое маханіе рукою, при небрежномъ осѣненіи себя крестомъ, что бесполезнымъ считалъ поминованіе только для грѣшниковъ нераскаившихся, а чтеніе акаѣистовъ—для тѣхъ, которые, называя Иисуса сладчайшимъ и взывая къ Богородицѣ «радуйся», презираютъ законъ Иисусовъ и не радятъ о своемъ спасеніи.—Все новѣйшіе писатели по исторіи Русской Церкви налагаютъ на

Между зараженными вольномысліемъ Бакшина особенно извѣстны стали Θεодосій Косоі, распутный бродяга, и такой же товарищъ его Игнатій. Θεодосій былъ слугою одного боярина въ Москвѣ, но, обокравъ его, бѣжалъ на Бѣлоозеро и постригся въ монашество. За распространеніе нечестивыхъ мыслей онъ (въ 1555 г.) былъ взятъ въ Москву, но и отсюда бѣжалъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ, и оба скрылись въ Литвѣ. Здѣсь, сбросивъ съ себя монашество, оба женились: Косоі—на жидовкѣ, Игнатій—на полькѣ, и стали новыми проповѣдниками.

Косоі оставилъ и въ сѣверной Россіи сѣмена своихъ лжеученій. Мысли его сильно тревожили клирошанъ Хутынскаго монастыря. Ученіе Косого было совершенно сходно съ ересью Бакшина. Только Косоі былъ наглѣе Бакшина и, начитавшись соцініанскихъ книгъ, нагло высказывалъ самыя дерзкія выходки Соціна. Онъ прямо выставлялъ только одинъ разумъ источникомъ знанія человѣческаго; прямо говорилъ, что смерть человѣку естественна, а не есть плодъ вольнаго грѣха; троичности Лицъ въ Божествѣ и воплощенія Сына Божія рѣшительно не допускалъ; надъ всѣмъ вышнимъ устройствомъ церковнымъ, надъ св. иконами и проч. насмѣхался нагло.

Монахъ Зиновій, даровитый ученикъ преп. Максима Грека, посланный въ Отенскій монастырь (въ 50 верстахъ отъ Новгорода), послѣ заточенія его учителя, написалъ здѣсь цѣлую книгу противъ ереси Косого ²⁰⁾.

Артемія печать ереси и утверждаютъ, что онъ, бѣжавъ изъ Соловковъ въ Литву, дѣйствовалъ тамъ заодно съ Косымъ. Но нельзя не замѣтить: 1) что Артемій былъ въ числѣ судей Бакшина и опровергалъ на соборѣ его лжеученія, весьма сходныя съ ученіемъ Косого; 2) что онъ, когда былъ игуменомъ лавры, испросилъ дозволеніе перевести въ обитель преп. Сергія праведнаго узника Максима Грека, котораго глубоко почиталъ и старался успокоить его старость, чего никакъ нельзя было ожидать отъ еретика; 3) извѣстный писатель Захарій Копыстенскій утверждаетъ, что «преподобный инокъ Артемій въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвергнулъ» (Палинодія, рукопись библ. Ундольскаго, № 425, л. 377). Всего болѣе служить къ оправданію Артемія весьма рѣдкая, или лучше сказать единственная, никому неизвѣстная рукопись: «Артемія старца посланія противъ Буднаго и другихъ еретиковъ, полууст. Бѣлорусскій конца XVI вѣка» библ. Ундольскаго № 494. Въ этихъ посланіяхъ на имя князя Черторискаго и другихъ лицъ излагается ученіе чисто православное, безъ всякихъ примѣсей ереси, и опровергаются лжеученія Лютера и Кальвина. Въ замѣчательномъ посланіи къ царю Іоанну, Артемій упоминаетъ о епископѣ, который совѣтовалъ ему: «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши» (л. 151). Въ другомъ мѣстѣ, оправдываясь отъ нареканій въ ересь, проситъ не вѣрять на слово ни ему самому, ни другимъ, «кромѣ вѣрнаго свидѣтельства богодухновенныхъ писаній. На убійство и изгнаніе, говоритъ онъ, устремляются царскою помощію, яко и древніе мучители, ничто же имуще глаголати, точю: еретики! указати же явственно ереси не могутъ» (л. 162).—Вообще въ личности Артемія можно видѣть жертву невѣжества того темнаго времени, нежели соумышленника еретиковъ.

²⁰⁾ «Истины показанія къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Монахъ Зиновій писалъ въ назиданіе монахамъ, которые спрашивали его объ ученіи Косого, въ томъ порядкѣ, въ какомъ передавали ему клирошане Хутынскіе, присвокоуплявшіе по мѣстамъ и своимъ мнѣнія. Разсужденія его спокойны, отвѣты обдуманны, опроверженія отчетливы, свѣдѣнія удивляютъ обширностію. Зиповію извѣстенъ былъ «Просвѣтитель» Іосифа, и сочиненіе его показываетъ, что онъ выполнилъ свое дѣло далеко лучше своего предшественника (Обзоръ Русск. дух. литературы ч. I, стр. 216).

Около того же времени на соборѣ разсматривалось дѣло дьяка Висковатаго. Послѣ страшнаго пожара 1547 года возобновлялось стѣнное писаніе въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ; иконописцы, вызванные изъ Новгорода, изобразили въ стѣнахъ храма, вмѣсто прежнихъ предметовъ, исторію творенія міра, символы вѣры, содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ въ лицахъ, или, какъ говорили тогда, — „въ притчѣ“. Когда окончено было стѣнное письмо, начались толки о новости; оставленные иконописцы явились первые съ судомъ надъ новостію и распространяли между простодушными подозрѣніе. Дьякъ Висковатый, какъ вѣроятно, по особеннымъ видамъ противъ любимца царскаго Сильвестра, поднялъ открытое волненіе, шумѣлъ, бранилъ новыя иконы, а еще болѣе надзиравшихъ за работою. Онъ указывалъ народу въ Сильвестрѣ и Благовѣщенскомъ же священникѣ Симеонѣ сообщниковъ Бакшина. Поднялось волненіе. Висковатый устно и письменно изложилъ предъ соборомъ сомнѣнія о новостяхъ, говорилъ, что другія изображенія, кромѣ показанныхъ седьмымъ Вселенскимъ соборомъ, запрещены; позволилъ себѣ даже говорить, что лице Бога Отца—лице неизобразимое. Митрополитъ Макарій, которому, вѣроятно, извѣстны были иконописцы и ихъ работа еще въ Новгородѣ, словесно и письменно разрѣшилъ сомнѣнія Висковатаго. Священники Сильвестръ и Симеонъ оправдались въ взведенныхъ на нихъ подозрѣніяхъ, и первый присовокупилъ: если нѣкоторыя изображенія соблазняютъ народъ, то благословить соборъ разсудить, не должно ли запретить ихъ. Соборъ показалъ, что ни на какомъ другомъ не было запрещенія новымъ иконамъ, а потому нѣтъ нужды запрещать новыхъ иконъ за то, что онѣ новы, указалъ въ Ветхомъ Завѣтѣ явленіе Бога Отца въ образѣ Ветхаго деньми, поставилъ на видъ Висковатому и правило Трульскаго Собора: „не подобаетъ предъ людьми простыми учительнаго слова подвигнути, или учить, самъ себѣ учительство усваяя, но внимати отъ Господа преданному чину“. Висковатый принесъ раскаяніе. Соборъ за то, что онъ произвелъ волненіе въ народѣ и несправедливо говорилъ, особенно объ изображеніи Бога Отца, наложилъ на него духовную епитимію ²¹⁾.

Между тѣмъ внутреннее благосостояніе государства отозвалось побѣдами надъ врагами: царства и области постепенно падали къ ногамъ юнаго царя; обломки Золотой Орды, разсыпавшейся при Іоаннѣ III, вошли въ державу его внука. Еще недавно грозились Крымъ и Казань взаимно поддерживать свои силы, и ханъ Девлетъ-Гирей опустошительнымъ набѣгомъ приближался къ столицѣ, приводя въ трепетъ думу боярскую и отрока Іоанна; въ свою очередь бѣжалъ онъ въ степи при одномъ слухѣ о вооруженіи возмужавшаго царя. Въ

²¹⁾ Въ Благовѣщенскомъ соборѣ изображены тогда въ лицахъ церковные стихи: «пріидите людіе трипостасному Божеству поклонимся; Единородный Сыне; Во гробѣ плотски». Въ Новгородѣ символическія изображенія появились еще ранѣе. Весьма вѣроятно, что Новгородскіе и Псковскіе иконописцы переняли ихъ у западныхъ художниковъ, съ которыми имѣли сношенія.

послѣдній разъ взволновалась Казань и возбудила гнѣвъ Іоанна. Сильныя приготовления воинскія предшествовали величайшему изъ ратныхъ подвиговъ того времени. На пути къ мятежному городу заложена была Свіязская крѣпость; увѣщательныя грамоты митрополита возбудили ея новыхъ поселенцевъ и собравшіеся полки къ святому исполненію своего долга²²⁾. Наконецъ поднялся самъ Іоаннъ; блистательный походъ его имѣлъ совершенное подобіе крестоваго; торжественность обрядовъ церковныхъ мѣшалась съ упражненіями воинскими; молебствія начинали и заключали каждый подвигъ. Въ виду Казани расположился необъятный станъ Русскій, и близъ шатра царскаго разбитъ шатеръ церковный. Предъ началомъ приступа все войско очистило совѣсть исповѣдью. Царь молился въ походномъ храмѣ, при совершеніи литургіи готовясь къ приобщенію св. таинъ. Когда діаконъ возгласилъ слова евангелія: „будеть едино стадо и единъ пастырь!“ грянулъ громъ перваго взрыва подкоповъ; при словахъ ектеніи: „покорите подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“—второй взрывъ поднялъ на воздухъ стѣны Казанскія. Сѣча закипѣла, но царь причастился и дождался конца литургіи. Едва успѣлъ онъ сѣсть на коня, какъ принесли ему вѣсть: „Казань взята!“ Это событіе совершилось 1 октября 1552 г. и сопровождалось избавленіемъ 60 тысячъ христіанъ, томившихся въ неволѣ мусульманской.

Торжествующій побѣдитель самъ водрузилъ первый крестъ посреди покореннаго города и обойдя по стѣнамъ, съ хоругвями и иконами, посвятилъ Пресвятой Троицѣ бывшую столицу царства Казанскаго. Въ нѣсколько дней создана и малая церковь Благовѣщенія, начатокъ просвѣщенія сѣверо-востока. Неисчислимы были счастливыя послѣдствія взятія Казани, прославившей имя Іоанна въ Европѣ и Азіи: владѣтель Сибирскій предложилъ ему дань, князья Горскіе и Черкасскіе—подданство. Скоро пало предъ его оружіемъ и другое царство татарское—Астрахань, хотя съ меньшими усиліями. Казаки, новый народъ, образовавшійся еще при его дядѣ изъ разнородныхъ племенъ, съ однимъ лишь условіемъ православія, на верховьяхъ До-

²²⁾ Еще до похода Іоанна на Казань великій заступникъ земли Русской, преп. Сергій Радонежскій, наименовалъ благословеніемъ своимъ мѣсто для христіанскаго города Свіязска. Когда былъ основанъ Свіязскъ и въ немъ монастырь съ храмомъ чудотворца Сергія, тогда отъ храмовой иконы его совершились многія испѣленія. Старшины горныхъ Черемисъ, пришедши въ Свіязскъ, сказывали: „лѣтъ за пять до основанія сего города, когда мѣсто сіе было пусто, когда Казань была спокойна, мы часто слышали здѣсь Русскій церковный звонъ. Удивляясь и приходя въ страхъ, мы посылали легкихъ молодыхъ людей къ сему мѣсту посмотреть, что такое происходитъ; и они слышали голоса прекрасно поющихъ, какъ будто въ церкви, а никого не видали, кромѣ одного вашего стараго инока, который ходилъ съ крестомъ, благословлялъ на всѣ стороны, какъ будто размѣрялъ мѣсто, гдѣ теперь городъ; и все то мѣсто наполнялось благоуханіемъ. Когда посланные нами покушались ловить его, онъ становился невидимъ. Когда пускали въ него стрѣлы, стрѣлы не ранили его, а летѣли вверхъ, падали на землю и ломались. Мы сказали о семъ нашимъ князьямъ, а они—царю и вельможамъ въ Казани“. (Нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти, собр. Филаретомъ митроп. Московскимъ, стр. 58).

на и на порогахъ Днѣпра, тревожили Крымъ и Литву и соединились подъ предводительствомъ вождей Русскихъ, чтобы наступить на Хана. Стоило одной воли Иоанновой, и послѣдній остатокъ силы Батыевой исчезъ бы въ предѣлахъ нашихъ, но царь не послушалъ совѣта благоразумныхъ вельможъ, обратилъ честолюбивый взоръ на Ливонію, и Крымъ ожилъ для бѣдствій Русской земли.

Торжественно и радостно возвращался царь-побѣдитель изъ коренной Казани; рожденіе сына Димитрія, возвѣщенное ему на пути, еще болѣе усугубило радость. Онъ направилъ путь въ лавру дивнаго чудотворца Сергія, чтобы принести тамъ благодарственное моленіе; два святыхъ мужа, какъ жилицы иныхъ временъ, встрѣтили его у гроба Сергіева: святитель Іоасафъ, пострадавшій во дни его юности, и преп. Максимъ Грекъ, доживавшій въ заточеніи многострадальную старость. Другая болѣе торжественная встрѣча ожидала его въ Москвѣ, митрополитъ Макарій со всеѣмъ духовенствомъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда предмѣстникъ его Кипріанъ принималъ икону Владимірскую, какъ залогъ спасенія Москвы отъ Тамерлана. Въ умиленной рѣчи изложилъ царь все свои побѣды, смиренно относя ихъ къ молитвамъ святителей, и въ избыткѣ чувствъ простерся предъ соборомъ. Въ свою череду привѣтствовалъ его Макарій, благодаря отъ лица всеѣи земли Русской, и палъ къ ногамъ его съ духовенствомъ и безчисленнымъ народомъ. Послѣдняя сладостная встрѣча была въ Кремлѣ—супруга Анастасія съ младенцемъ. Крещеніе его ознаменовалось принятіемъ въ пѣдра Церкви парицы и двухъ царей Казанскихъ: митрополитъ самъ испытывалъ искренность обращенія. Въ новоокоренномъ царствѣ Казанскомъ открыта, по опредѣленію собора 1555 года, новая архіепископія, къ которой причислена Казань, Свяжскъ, нагорная сторона, Василь и вся Вятская земля. Для устроенія церквей въ новопросвѣщенной странѣ и на содержаніе причтовъ царь сдѣлалъ значительныя пожертвованія изъ казны; то же вмѣнено въ обязанность монастырямъ и святителямъ. Пастыремъ по жребію избранъ былъ Гурій, игумень Салижаровскій, а въ помощники ему даны архимандриты Германъ и Варсонофій. Царь, отправляя Гурія въ Казань, вмѣнялъ ему въ обязанность приводить къ вѣрѣ съ любовью и не противъ воли, лучшихъ изъ крестившихся наставлять при своемъ домѣ, другихъ посылать въ монастыри, не отвергать и тѣхъ, которые искали бы крещенія съ сознаниемъ въ винѣ гражданской и ходатайствовать за подсудимыхъ ²³⁾. Новый первопрестольникъ Казанскій былъ торжественно отпущенъ изъ Москвы на судахъ, сопровождаемый крестами и хоругвями.

Подвигъ сокрушенія царства Казанскаго былъ дѣломъ досто-славнымъ не только для государства, но и для свободы и успѣховъ вѣры православной, страдавшей отъ татаръ цѣлыя столѣтія. Памят-

²³⁾ Въ такомъ духѣ написана была «память» святителю Гурію (Акты Археограф. Экспед. т. I, № 241).

никомъ покоренія Казани сохранился для насъ воздвигнутый по повелѣнію Іоанна одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ Московскихъ, соборъ Покрова Богородицы, поражающій взоры своею необычайною, полувизантійскою, полуготическою громадою ²⁴⁾.

Обращеніе царя Іоанна на путь благочестія, правды и добра казалось искреннимъ и прочнымъ. Но мало-по-малу обстоятельства стали возбуждать въ немъ чувства недовѣрія къ добрымъ совѣтникамъ. Жестокая болѣзнь едва не свела въ могилу молодого вѣнценосца и послужила началомъ грядущихъ бѣдствій Русскаго царства: на смертномъ одрѣ Іоаннъ испыталъ опять смуты боярскія, которыя, еще въ дѣтствѣ и отрочествѣ были ему такъ горьки. Бояре въ его присутствіи спорили между собою, и—что наиболѣе поразило умирающаго—самые близкіе къ нему люди, изъ страха безначалія при государѣ-младенцѣ или зависти къ родственникамъ царицы, не хотѣли присягать законному наслѣднику, малолѣтнему царевичу Димитрію и желали видѣть на престолѣ двоюроднаго брата царскаго, князя Владиміра Андреевича ²⁵⁾. Въ какомъ волненіи была душа Іоанна, когда онъ на порогѣ смерти видѣлъ непослушаніе, строптивость въ безмолвныхъ дотогѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ, когда онъ, государь, самовластный и вѣнчанный славою, долженъ былъ смиренно молить тѣхъ, которые еще оставались ему вѣрными, чтобъ они охраняли семейство его хотя бы въ изгнаніи! Іоаннъ перенесъ ужасъ этихъ минутъ, выздоровѣлъ и всталъ съ одра, повидимому, исполненный милости ко всѣмъ боярамъ. Казалось, онъ не хотѣлъ помнить того, что происходило во время его болѣзни,—но могъ ли пылкій самодержецъ забыть мятежь крамольниковъ и муки души своей, растерзанной ими въ минуты боренія съ ужасами смерти?

Съ этого времени начался гибельный переворотъ въ чувствахъ и дѣлахъ царя, уже остывшаго въ любви къ ближнимъ своимъ совѣтникамъ ²⁶⁾. Отправляясь на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь съ царицею и младенцемъ царевичемъ, Іоаннъ посѣтилъ на Пѣсношѣ бывшаго Коломенскаго епископа Вассіана Топоркова, друга отца его, лишенаго епархіи въ боярское правленіе за лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчала въ немъ души:

²⁴⁾ Покровскій соборъ, что на рву, болѣе извѣстный подъ названіемъ храма Василия Блаженнаго, на площади близъ Лобнаго мѣста, заложенъ «на казенныя деньги» въ 1554 г.; довершенъ уже по кончинѣ Іоанна сыномъ его, царемъ Феодоромъ. Строилъ «фрязинъ», т. е. одинъ изъ западныхъ художниковъ; имя зодчаго не сохранилось, но по народному преданію (впрочемъ не имѣющему достовѣрныхъ основаній) и по отзывамъ иностранныхъ писателей, царь Іоаннъ такъ былъ доволенъ зданіемъ, что велѣлъ выколоть глаза зодчему, дабы онъ не могъ произвести ничего подобнаго.

²⁵⁾ Феодоръ Адашевъ (отецъ любимца) сказалъ умирающему государю: «мы, до твоего возраста, испили чашу бѣды отъ правленія боярскаго. Не хотимъ служить Захаріинымъ-Юрьевымъ!» Священникъ Сильвестръ также клонился на сторону князя Владиміра.

²⁶⁾ Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и Алексѣй Адашевъ тайно держали сторону князя Владиміра. Всего хуже было то, что ближніе совѣтники царя подверглись непрязни царицы, которая думала, что они хотѣли пожертвовать ею, сыномъ и братьями ея своему честолюбію.

склонялся къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу и ненависть къ боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать челоуѣка, заслужившаго довѣренность его родителя: говорилъ съ нимъ о временахъ Василя и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Вассіанъ сказалъ ему: „если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣ себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться,—повелѣвать, а не повиноваться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій государя неминуемо овладѣетъ имъ“. Эти ядовитыя слова проникли въ глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ руку Вассіана, онъ съ живостію сказалъ: „самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!“—Въ лаврѣ Сергіевой царь бесѣдовалъ въ послѣдній разъ съ преп. Максимомъ Грекомъ. Страдалецъ за правду не похвалилъ богомольнаго путешествія царскаго: „пристойно ли тебѣ, государь,—говорилъ угасающій старецъ,—скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ славы Его. Если желаешь изъяснить ревностную признательность къ небесной благодати, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго царства, счастливое для Россіи, было гибелью для многихъ христіанъ: вдовы, сироты, матери избѣнныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское“. Іоаннъ не принялъ его совѣта, и преп. Максимъ сказалъ ему чрезъ бояръ послѣднее слово, что если онъ не печется объ устройствѣ сиротъ и вдовъ, то Богъ у него самого отниметъ сына²⁷⁾.

Предсказаніе Максима сбылось: царевичъ Димитрій скончался въ дорогѣ. Онъ былъ замѣненъ царю двумя сынами—Іоанномъ и Феодоромъ, но ничто не могло замѣнить царицы Анастасіи. Ранняя кончина ея послѣ краткой болѣзни отняла у неутѣшнаго супруга послѣднюю поддержку на пути къ добру. Никогда общая горестъ не изображалась умиленнѣе и сильнѣе. Не дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою первую, возлюбленную царицу. Когда несли тѣло въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь со стенами ко гробу. Всѣ плакали и всѣхъ неутѣшнѣ бѣдныя, нищія, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную еъ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ день печали. Но еще не знали тогда, что Анастасія унесла съ собою счастье царя и царства Русскаго!

---

²⁷⁾ Преп. Максимъ Грекъ переведенъ въ 1551 году изъ Тверскаго Отроча монастыря въ лавру Сергіеву, наслаждался здѣсь полною свободою, но былъ изможденъ недугами старости послѣ долгихъ страданій. Здѣсь онъ пробылъ на покоѣ еще 5 лѣтъ, преставился въ 1556 году и погребенъ у сѣверозападнаго угла церкви Сошествія Св. Духа. Часовня надъ гробницею его сооружена митрополитомъ Московскимъ Платономъ. Святость страдальца за вѣру и правду ознаменована чудесами: 20 исцѣленій описаны въ одной рукописи бібліотеки В. М. Ундольскаго (Максима Грека житіе и избранныя творенія, полуустав. XVIII вѣка, № 338). Послѣднее изъ описанныхъ здѣсь чудесъ относится къ 1721 году.

Г Л А В А П.

Святители, современные первой половинѣ царствованія Іоанна IV: митрополиты св. Іоасафъ и Макарій; святитель Гурій Казанскій и сотрудники его Варсонофій и Германъ. Преп. иноки - подвижники: Даниль Переяславскій, Германъ Болдинскій, Арсеній Комельскій, Адрианъ Ондрусовскій, Геннадій и Никифоръ Важеозерскіе, Антоній Сійскій, Ниль Столбенскій, св. Василій, юродивый Московскій.

Обозрѣвъ церковныя событія въ первой, достославной половинѣ царствованія перваго царя Московской Руси, обратимъ благоговѣйный взоръ на тѣ благодатныя звѣзды, которыя свѣтили тогда на небосклонѣ Русскомъ, озаряя собою тьму глубокаго невѣжества. Въ числѣ ихъ были великіе святители, правоправившіе слово истинны, были и смиренныя отшельники, уединенно подвизавшіеся въ пустыняхъ.

Митрополитъ Іоасафъ, изъ дворянскаго рода Скрипицыныхъ, принялъ постриженіе въ лаврѣ Сергіевой и съ 1529 года былъ тамъ игуменомъ. Близкій къ любителю иноковъ и иночества в. к. Василию Іоанновичу при жизни его, онъ крестилъ сына и паслѣдника его Іоанна у раки преп. Сергія. Во время малолѣтства царя, при буйномъ управленіи боярѣ, митрополитъ Даниль принужденъ былъ сложить съ себя санъ первосвятительскій, и на мѣсто его избранъ игуменъ Іоасафъ. Въ своемъ исповѣданіи вѣры нареченный митрополитъ писалъ: „во всемъ слѣдую святѣйшимъ патріархамъ, соблюдающимъ истинную непорочную вѣру христіанскую, установленную св. апостолами и преданную богоносными отцами, а не ту, которую принесъ Исидоръ съ несвященнаго латинскаго собора, просіявшаго злочестіемъ. Къ тому же обѣщаюсь не дѣлать ничего изъ одного угожденія в. князю или многимъ князьямъ, хотя бы грозили мнѣ смертью, принуждая сдѣлать что-либо вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ“. Блаж. Іоасафъ выполнилъ обѣщаніе свое съ полной твердостью.

Въ эту эпоху совершеннаго безначалія и неистовыхъ злодѣйствъ, которыми особенно отличались Шуйскіе, новый первосвятитель, заботясь о прекращеніи безпорядковъ, испросилъ свободу заточенному князю Бѣльскому, и, дѣйствительно, добрый бояринъ, занявъ мѣсто въ думѣ правителей государства, умѣлъ остановить грабежи и насилія. Но князь Иванъ Шуйскій схватилъ и отправилъ Бѣльскаго на

Бѣлоозеро, гдѣ его и удушили. Тогда толпы неистовыхъ едва не убили святителя: въ келью его бросали камни; во дворцѣ самого в. князя онъ не нашель защиты; на Троицкомъ подворьѣ готовы были растерзать его. Именемъ преп. Сергія игуменъ Алексій умолилъ пощадить жизнь первосвятителя. Св. Іоасафъ выпросилъ себѣ милость провести послѣдніе годы на мѣстѣ иноческаго обѣта. Съ нимъ и здѣсь были непріятности: съ нимъ жили тогда люди, которые сами по себѣ мало хотѣли жить въ монастырѣ и которыхъ загнали туда только бѣды жизни мірской: они часто оскорбляли блаж. Іоасафа припадками своего мірскаго своеволія. Невольными и вольными скорбями святитель очищаль душу свою для свѣтлыхъ радостей неба и мирно почилъ 27 іюля 1555 года ¹⁾.

Въ уединеніи блаж. Іоасафъ еще потрудился для Церкви, разсматривая присылаемыя къ нему разсужденія Стоглаваго Собора ²⁾, и усердно занимался исправленіемъ книгъ для пользы общей. Въ сборникѣ его читаемъ: „Божією благодатію и пречистыя Богородицы помощію переписаль житіе св. преп. отецъ. Писаль же съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый. И обрѣтохъ въ спискахъ много не исправлено. И елика возможна моему худому разуму, сія исправлять, а яже невозможна, сія оставихъ, да имущіи разумъ большій насъ, ти исправятъ неисправленная и пополнятъ недостаточная“ ³⁾.

Достойный преемникъ его, митрополитъ Макарій, поставленный изъ архимандритовъ Лужецкаго монастыря на кафедрѣ Новгородской архіепископіи (въ 1526), былъ избранъ на митрополию въ 1542 году и, какъ мы уже видѣли прежде, предсѣдательствовалъ на нѣсколькихъ соборахъ. Забота его объ уменьшеніи заблужденій и суевѣрій въ народѣ и о распространеніи просвѣщенія,—одна эта забота уже даетъ ему почетное мѣсто между великими учителями Церкви. Множество письменныхъ трудовъ, учрежденіе типографіи, попеченіе о лучшемъ устройствѣ иноческой жизни, о распространеніи христіанства на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Руси, наконецъ, благотворное вліяніе на молодого царя дѣлають навсегда незабвеннымъ имя первосвятителя Макарія.

Опредѣленіе Собора 1551 года о необходимости пересмотра книгъ, очевидно, вело къ тому, чтобы большинство людей сознало на опытѣ, въ какомъ печальномъ положеніи находятся богослужебныя книги. Послѣ такого опыта должно было согласиться, что противъ поврежденія книгъ рукописныхъ надобно воспользоваться тѣмъ средствомъ, которымъ давно уже пользовались въ южной Русской митрополи,

¹⁾ Мощи св. митрополита Іоасафа почиваютъ подъ спудомъ въ южномъ притворѣ Троицкаго собора лавры, въ Серапіоновской палаткѣ, прямо противъ входа. Память его празднуется въ день преставленія.

²⁾ Замѣчанія святителя Іоасафа помѣщены особою главою въ книгѣ такъ называемаго Стоглавника.

³⁾ Истор. описаніе лавры стр. 157.—Въ патриаршей (Синодальной) ризницѣ хранится алтабасный саккосъ св. митрополита Іоасафа.

надобно ввести печатаніе книгъ. Царь Іоаннъ просилъ Датскаго короля прислать въ Москву книгопечатниковъ, и въ 1552 г. присланъ былъ королемъ типографъ Гансъ. Впрочемъ, и въ Москвѣ святитель Макарій нашель Русскихъ, знающихъ дѣло типографское. Дьяконъ Іоаннъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ приняли на себя приготовить все нужное для типографіи. Въ Новгородѣ сыскался рѣзчикъ буквъ Василій Никифоровъ. Первые опыты печати, какъ и во всемъ, были неудачны: не прежде, какъ въ 1564 году, напечатана была первая книга—Апостолъ ⁴⁾, уже по кончинѣ Макарія.

Обратимся къ словеснымъ произведеніямъ приснопамятнаго святителя. Онъ владѣлъ блистательнымъ даромъ краснорѣчія. Рѣчи его къ царю при бракѣ его, передъ походомъ царя на Казань и по возвращеніи изъ Казани написаны съ одушевленіемъ и краснорѣчиво. Таковы же: увѣщательное его посланіе къ войску въ Свіяжскъ передъ началомъ Казанскаго похода и пространное посланіе къ царю отъ 17 іюля 1552 г. съ увѣщаніемъ идти смѣло противъ враговъ Христовыхъ ⁵⁾, учительскія посланія о молитвѣ противъ разныхъ ересей, въ Водскую пятину объ искорененіи язычества ⁶⁾ и многія другія. Глубоко-умилительно духовное завѣщаніе святителя ⁷⁾.

Весьма замѣчательны труды блаж. Макарія на поприщѣ исторіи. Краснорѣчивый слогъ, какимъ описаны въ Степенной книгѣ 26 лѣтъ царствованія Іоанна, скромность, съ какою коснулись здѣсь дѣйствій митроп. Макарія и опустили рѣчи и посланія его къ царю, показываетъ, что трудъ митроп. Кипріяна въ составленіи Степенныхъ книгъ продолжень былъ самимъ Макаріемъ. Несомнѣнно и то, что онъ дополнилъ трудъ Кипріяна внесеніемъ житій святыхъ ⁸⁾. „Великая книга Минеи-Четы“ — блистательный памятникъ трудовъ Макарія и самый богатый подарокъ для исторіи. Это цѣлая библіотека сочиненій историческихъ, поучительныхъ и назидательныхъ, состоящая изъ 12 огромныхъ фоліантовъ. Надъ составленіемъ ея проведено двѣнадцать лѣтъ. За основаніе приняты синаксари, или, какъ несправедливо называли ихъ, прологи; потомъ помѣщены не только полныя жизнеописанія

⁴⁾ При печатаніи Апостола не пользовались греческимъ текстомъ, а потому не могли выбрать лучшаго списка. Издатели называютъ текстъ Новаго Завѣта текстомъ 70 толковниковъ.

⁵⁾ Древн. Вивліое. XIX, стр. 227. Царств. книга. Ист. акты I, № 150, 160.

⁶⁾ Востокова Опис. Румянц. музея стр. 626. Дополн. къ истор. актамъ I, № 38. Послѣднее посланіе—памятникъ апостольскихъ трудовъ Макарія, еще архіепископа Новгородскаго, для распространенія свѣта Христова между оставшимися язычниками. Мы упоминали объ этихъ трудахъ въ VI главѣ III части «Разсказовъ».

⁷⁾ Истор. Акты I, № 172.

⁸⁾ Святитель Макарій заботился о составленіи житій и службъ Русскихъ святыхъ, которымъ установлено праздновать на соборѣ 1547 года (имена ихъ исчислены нами въ предыдущей главѣ). Изъ біографовъ и пѣснопѣвцевъ того времени извѣстны: Михайлъ Тучковъ, бояринъ, въ иночествѣ Ілія; блаж. Иродіонъ, ученикъ преп. Александра Свирскаго; Хутынскій игумень Маркелль, Владимірскій инокъ Михайлъ, Псковскій священникъ Василій и другіе. Сочиненія Василія отличаются отъ всѣхъ прочихъ скудостью смысла и обиліемъ басней.

санія, не только слова на дни святыхъ и на праздники, но и цѣлыя обширныя сочиненія учителей Церкви ⁹⁾).

Незабвенны для иночества заботы Макарія объ устройствѣ общежитія въ обителяхъ. Тогда какъ многіе изъ Московскихъ монастырей, по учрежденію св. Алексія и преп. Сергія, сохраняли чинъ общежитія, почти всѣ Новгородскіе монастыри, въ томъ числѣ и Антошевъ, до 1527 года не имѣли сего чина. „Каждый, — говоритъ лѣтопись, — въ своей кельѣ имѣлъ трапезу, всѣ отягчались житейскими печалями“. Нѣкоторые монастыри имѣли у себя приходы наравнѣ съ церквами приходскими. Въ 1528 г. архіеп. Макарій собралъ къ себѣ игуменовъ обителей Новгородскихъ и предложилъ имъ принять уставъ строгаго общежитія. Изъ 18 обителей, въ Новгородѣ и близъ него, только двѣ отказались принять этотъ уставъ: „въ томъ безчиніи обыкоша жити“. Во всѣхъ прочихъ стали вводить строгое общежитіе. Слѣдствія сего скоро замѣчены. „Когда устроились общежитія, — говоритъ лѣтописецъ, — тогда начала умножаться благодать Божія, благочиніе усилилось, число братій увеличилось! Тогда же владыка назначилъ для инокинъ особыя монастыри, поставивъ надъ ними игуменій, а игуменовъ, дотолѣ завѣдывавшихъ женскими обителями, вывелъ въ мужскія обители. Тѣмъ монастырямъ, которые изъявляли желаніе принять строгое общежитіе, архіепископъ давалъ грамоту благословенія съ объясненіемъ чина общежитія ¹⁰⁾).

Когда Макарій возведенъ былъ на митрополию, онъ сталъ заботиться, чтобъ и во всей митрополіи обители иноческія подчинились уставу общежитія. Намѣренія святителя были приведены въ исполненіе, но не повсюду, — привычка къ старому обычаю была слишкомъ сильна.

Наконецъ, попеченія объ исправленіи юнаго царя и о руководствѣ его на пути правды и добра составляютъ также великую заслугу приснопамятнаго святителя. Священникъ Сильвестръ, пробудившій со вѣсть Іоанна послѣ великаго пожара и съ того времени имѣвшій сильное вліяніе на царя, былъ безъ сомнѣнія извѣстенъ Макарію еще въ Новгородѣ и имъ переведенъ въ Москву. Блаженная кончина великаго святителя послѣдовала 31 декабря 1563 года, когда царь

⁹⁾ «Писалъ есми (говорилъ самъ Макарій) сія книга въ Новгородѣ, какъ есми тамъ былъ архіепископомъ, а писалъ есми и собиралъ и во едино мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя серебра и всякихъ почестей, наипаче же многіе труды и подвиги подъяхъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ пословицъ, перевода на Русскую рѣчь... иная же и доднесъ въ нихъ не исправлена пребысть и сія оставихомъ по насъ могущимъ съ Божіею помощію исправити». Князь М. А. Оболенскій отыскалъ книгу великихъ миней за августъ, съ собственноручными поправками Макарія (Москвитян. 1850, т. V). Видно, что великія миней окончены уже въ Москвѣ. Полный экземпляръ, отданный святителемъ въ Моск. Успенскій соборъ, хранится въ Синод. бібліотекѣ. Сверхъ того тамъ же и въ другихъ бібліотекахъ находятяся экземпляры неполныя.

¹⁰⁾ Извѣстна грамота митр. Макарія съ благословеніемъ на общежитіе у Востокова въ Опис. Румянц. музея, стр. 780.

Іоаннъ уже совратился съ добраго пути, но не успѣлъ еще сдѣлаться ужасомъ человѣчества ¹¹⁾).

Во времени первосвятительства Макарія относится начало апостольскихъ трудовъ въ покоренномъ царствѣ Казанскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ архипастыря для новой паствы и достойныхъ его сотрудниковъ принадлежитъ митроп. Макарію. Святитель Гурій, въ крещеніи Григорій, родился въ Радонежскомъ городкѣ, гдѣ жилъ нѣкогда преп. Сергій, въ родной семьѣ своей, до удаленія въ пустыню. Родители Григорія были дворяне Руготины, бѣдные и малоизвѣстные. Въ домѣ благочестиваго отца сынъ получилъ и благочестивое воспитаніе и обученъ былъ читать и писать. Сыновья незнатныхъ дворянъ обыкновенно служили тогда если не въ службѣ в. князя, то при домахъ богатыхъ княжескихъ фамилій. Такъ служилъ въ домѣ князя Ивана Пенькова и Григорій Руготинъ. Григорій былъ уменъ и дѣятеленъ, нрава кроткаго и послушливаго, чистоты неподкупной; онъ любилъ ходить въ храмъ Божій на молитву, молился и въ домѣ; любилъ цѣломудріе и, охраняя его, держалъ постъ, подавалъ нищимъ милостыню, какую только могъ. Умъ, строгая честность и благочестивая жизнь Григорія пріобрѣли особенную довѣренность къ нему князя и его супруги: Григорію поручено было все правленіе по княжескому дому. Товарищи Григорія стали завидовать его счастію и оклеветали чистаго юношу въ преступной связи съ княгинею. Гнѣвный князь придумалъ жестокою мечь: была выкопана яма и въ нее опущенъ срубъ, сюда заперли Григорія. Только малое отверстіе сверху темницы пропускало въ нее свѣтъ и въ то же окошко бросали Григорію на пять дней по снопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положеніе невиннаго страдальца; природа отвращается отъ страданія и неправды. Но благочестивая душа его скоро помирилась съ темницею. „Мученики,—думалъ Григорій,—терпѣли и не то, при всей своей святости: темница избавила меня отъ соблазна и тревогъ мірскихъ. Это уединеніе оставляетъ мнѣ полную свободу готовиться къ вѣчности, а для чего и жить на землѣ, если не для вѣчности?“ И вотъ блаженный Григорій „въ таковой бѣдѣ наипаче простирается на славословіе Божіе, терпя и благодаря Бога о всемъ!“—Уже проходилъ второй годъ заключенія, когда одинъ изъ товарищей по княжескому дому, бывшій другомъ Григорію, упросилъ суроваго сторожа дозволить подойти къ окну темницы и поговорить съ заключеннымъ; разспросивъ о состояніи заключеннаго, онъ вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорій поблагодарилъ друга за участіе и сказалъ: „безъ наказанія,

¹¹⁾ Митр. Макарій погребенъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ у сѣверной стѣны. Современники глубоко чтли память святителя, какъ мужа богоугоднаго. Въ «книгѣ о Россійскихъ святыхъ» имя его поставлено между святыми, съ прозваніемъ «чюднаго» (чудотворца). Въ сборникѣ Румянн. музея, скороп. XVII в., № 364, помѣщено сказаніе о жизни «иже во святыхъ отца нашего чюднаго Макарія митрополита» (л. 319) и «сказаніе о явленіи преп. отца Александра Свирскаго и съ нимъ во святыхъ чюднаго отца Макарія митрополита» (л. 322).

которое терплю я, душа моя могла остаться неисцѣленною; благодареніе Богу за все! Въ пищѣ не имѣю я нужды; а прошу тебя принести чернила и бумаги: я стану писать азбуки, а ты будешь продавать ихъ, и деньги, послѣ покупки бумаги, станешь раздавать нищимъ“. Такъ Григорій и въ темницѣ хотѣлъ, чтобы дѣти учились закону Божію, такъ же какъ хотѣлъ помогать бѣднымъ, самъ терпя крайнюю нужду.—Спустя два года, неожиданно въ дверяхъ темницы блеснулъ свѣтъ. Григорій, сотворивъ молитву, толкнулъ дверь,—она отворилась. Страдалецъ понялъ, что Господь посылаетъ ему свободу. Онъ взялъ икону Божіей Матери, бывшую съ нимъ въ темницѣ, и пошелъ оттуда прямо въ обитель преп. Іосифа Волоколамскаго, извѣстную тогда по строгой жизни инокѣвъ. Тамъ онъ и постригся съ именемъ Гурія.

Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ въ постѣ, безмолвіи и богомыслии, къ которымъ приучился еще въ темницѣ, Гурій былъ возведенъ на игуменство въ Іосифовомъ монастырѣ; потомъ, по волѣ царя, принялъ на себя настоятельство Селижаровской обители ¹²⁾.

Для завоеваннаго Казанскаго царства Соборъ опредѣлилъ избрать архіепископа. Это мѣсто служенія въ тогдашнее время было чрезвычайно важно; здѣсь надлежало быть мужу съ апостольскою ревностью и чистотою души, чтобы благоплодно проповѣдывать св. вѣру незнающимъ ея. Поэтому и избраніе архипастыря происходило необыкновеннымъ образомъ. По совершеніи молебнаго пѣнія митрополитомъ, изъ четырехъ жребіевъ взять былъ съ престола одинъ, и это былъ жребій Гурія; потомъ взять одинъ изъ двухъ, и это былъ опять жребій того же избранника. Въ 1555 году св. Гурій соборомъ архипастырей рукоположенъ въ санъ архіепископа Казанскаго. Отправясь изъ Москвы водою, архипастырь въ каждомъ городѣ встрѣчаемъ былъ молебствіями и самъ совершалъ молебствія, такъ что все путешествіе святителя до Казани, продолжавшееся два мѣсяца, было почти непрерывнымъ моленіемъ.

Первопрестольнику Казанскому даны были два достойные помощника для многотруднаго его служенія: Германъ, бывшій архимандритъ Старицкаго монастыря, бывшій на покоѣ въ Іосифовомъ монастырѣ ¹³⁾, и Варсонофій, игумень Пѣсношскій; первый опредѣленъ архимандритомъ въ Успенскій монастырь города Свіязска, а послѣднему предназначена была архимандрія въ новой обители Преображенской, кото-

¹²⁾ Селижаровъ Троицкій монастырь, Тверской епархіи, находится въ Осташковскомъ уѣздѣ, при впаденіи рѣчки Селижаровки въ Волгу. Время основанія его неизвѣстно.

¹³⁾ Св. Германъ, въ крещеніи Григорій, былъ изъ знаменитой фамиліи Полевыхъ, происходившей отъ князей Смоленскихъ. Въ ранней юности постригся онъ въ обители Іосифовой, гдѣ отличался строгою жизнію родной дядя его Ниль (въ мірѣ Никифоръ Васильевичъ Полевъ); тамъ пользовался онъ наставленіями богомудраго страдальца Максима Грека и добродѣтельнаго игумена св. Гурія Руготина, для котораго трудился въ списываніи книгъ. Назначенный на игуменство въ Старицкій монастырь, блаж. Германъ настоятельствовалъ только два года и удалился на апостольскіе подвиги въ Казань, съ наставникомъ св. Гуріемъ.

рую онъ долженъ былъ самъ еще основать въ Казани. Варсонофій былъ сынъ Серпуховскаго іерея Василія и самъ получилъ въ крещеніи то же имя. Въ 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега рѣки Оки и захватили многихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и юнаго Василія. Горько было положеніе плѣнника. Зная на память псалмы Давидовы, онъ взывалъ къ Богу отцовъ своихъ: „Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и заступникъ спасенія моего (Псал. 88, 27); избави мя отъ руки чужди“ (Псал. 143, 7). Молитва и богомысліе не только облегчали скорбь его, но доставляли сердцу его такое утѣшеніе, какого не чувствовалъ онъ въ домѣ родительскомъ. Въ немъ росла любовь къ Богу, а съ нею и преданность волѣ Его. Въ такомъ расположеніи души молодой Василій работалъ невѣрнымъ со всѣмъ усердіемъ и обучался послушанію безотвѣтному, терпѣнію и незлобію. Постъ, сперва невольный, обратился въ дѣло воли его. Утомительныя работы невольника занимали у него все время дня, и онъ посвящалъ ночь молитвѣ. Всегдашняя готовность къ услугамъ, вѣрность и жизнь чистая смягчили сердце варваровъ; на другомъ году илѣна облегчили ему тягость трудовъ и дали нѣкоторую свободу. Василій изучилъ разговорный языкъ татарскій; по своей даровитости онъ узналъ его столько, что могъ излагать мысли свои на письмѣ, изучалъ основанія магометанскаго зловѣрія, такъ что могъ отчетливо говорить о заблужденіяхъ ученія Магометова. Основательнымъ познаніемъ языка и вѣры татаръ исполнилась премудрая цѣль, для которой Господь попустилъ рабу своему быть въ плѣну. И вотъ, спустя три года илѣна, отецъ нашель средства выкупить дорогого сына изъ неволи татарской.

Василій возвратился на родину, но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Рабъ Божій покорилъ самъ себя игу Христову въ Андроньевской обители и въ монашествѣ нареченъ Варсонофіемъ. Потомъ жилъ онъ при Тверскомъ епископѣ Акакіи въ санѣ іеродіакона. Тамъ и здѣсь совершаемы имъ были иноческіе подвиги съ полнымъ усердіемъ. Слухъ о духовной жизни дошелъ до митроп. Макарія, и въ 1544 году онъ былъ посвященъ въ игумена Пѣсношской обители.

Много трудовъ предстояло на новомъ поприщѣ святителю Гурію, бодрому духомъ, но изнуренному плотію (темничная жизнь навсегда разстроила его здоровье). Хотя существовали начатки христіанства въ землѣ Казанской, уже напоенной кровію мучениковъ Христовыхъ ¹⁴⁾, но ревностный святитель и сотрудники его должны были неуспынно трудиться: прежде всего поучать духовенство, новокрещенныхъ утверждать въ вѣрѣ и благочестіи, магометанъ и язычниковъ обращать къ св. вѣрѣ убѣжденіями, не прибѣгая къ насиліямъ, за магометанина

¹⁴⁾ Въ Казани пострадали за вѣру Христову: въ 1529 году Русскій плѣнникъ Іоаннъ, а въ 1552 году Стефанъ и Петръ, урожденцы Казанскіе, обратившіеся изъ магометанства въ Свіяжскѣ.

и язычника осуждаемаго судомъ за преступленіе, но принимающаго св. вѣру, ходатайствовать предъ начальствомъ о прощеніи вины его. Святитель, выполняя эти правила, присовокуплялъ, для успѣховъ вѣры, молитву и милосердіе: въ домъ его находили себѣ пищу и помощь всякая бѣдность и нужда. Невѣрующіе видѣли, что вся жизнь его—любовь святая, любовь благотворительная для всѣхъ безъ различія. На второмъ году служенія своего святитель началъ строить близъ Казани Зилантовъ монастырь. По уставу святителя, иноки этой обители занимались обученіемъ дѣтей чтенію и письму, преимущественно же закону Божію. Благочестивое желаніе знакомить дѣтей съ вѣрою и правилами христіанскими, пробудившееся еще въ темницѣ, теперь развилось въ св. Гуріи съ особенною силою ¹⁵⁾. И труды евангельскаго проповѣдника въ странѣ мрака были благоплодны: „божественный мужъ, какъ свидѣтельствуешь Гермогенъ, одинъ изъ преемниковъ его, ученіемъ своимъ привелъ ко Христу множество душъ“.

Ревностно помогаль наставнику своему блаж. Варсонофій. Вмѣстѣ съ добрыми иноками, взятыми имъ изъ Пѣсноши, онъ устроилъ въ Казани новую общежительную обитель Преображенскую ¹⁶⁾ и неутомимо трудился въ обращеніи магометанъ. Въ этомъ подвигѣ помогали ему знаніе языка и вѣры татаръ и искусство врачевать болѣзни.—Знаніе татарскаго языка доставило ему удобство входить въ близкія сношенія съ татарами, а основательное знаніе ученія Магометова, при его глубокомъ умѣ, представляло обличенія его магометанству неотразимыми.—Умѣнье лѣчить болѣзни привлекало къ нему больныхъ всякаго рода, тогда какъ болѣзнь сама отворяетъ душу для лучшихъ чувствованій, а слѣдовательно и для принятія мыслей христіанскихъ; къ тому же терпѣливое и безкорыстное лѣченіе со стороны Варсонофія внушало довѣріе къ безмездному врачу не только въ больныхъ, но и въ здоровыхъ.

Другой сотрудникъ св. Гурія, блаж. Германъ, устроилъ обитель иноческую въ Свіяжскѣ, училъ дѣтей, во множествѣ крестилъ магометанъ и язычниковъ въ струяхъ Волги и усердно выполнялъ порученія святителя по епархіи. Съ своей стороны св. Гурій оказывалъ ему особенное довѣріе, поручилъ суду его всѣ сельскіе церковныя причты Свіяжскаго уѣзда, а монастырь его освободилъ отъ своего суда.

Послѣдніе три года жизни святитель Гурій лежалъ на одрѣ болѣзни и не могъ совершать служеніе и даже ходить въ храмъ. Но духъ его молился и молитвою низводилъ благодать небесную на его паству. Въ великіе праздники носили его къ литургіи въ соборный

¹⁵⁾ Дочныя жители Казани, начиная учить дѣтей своихъ грамотѣ, испрашиваютъ благословенія св. Гурія при какъ мощей его. Такъ памятна въ томъ краѣ любовь святителя къ дѣлу образованія дѣтей!

¹⁶⁾ Еще цѣль тамъ уставъ, данный «въ общій монастырь Спаса многогрѣшнымъ чернцемъ архимандритомъ Варсонофіемъ, что былъ игумень на Пѣсношѣ; а писанъ уставъ съ Пѣсношкаго».

храмъ Благовѣщенія Богоматери, построенный имъ; здѣсь сидѣлъ онъ или даже лежалъ, слушая службу Божію; душа его горѣла желаніемъ молиться вмѣстѣ съ паствою своею въ дни общей хвалы и молитвы.— Блаженная кончина его послѣдовала 4 декабря 1563 г. Преемникомъ его каведры былъ св. Германъ.

Вскорѣ послѣ того (въ 1567 г.) св. Варсонофій рукоположенъ былъ въ санъ святительскій на Тверскую каведру; но спустя четыре года, отягченный старостью, отказался отъ управленія епархіею и возвратился въ Казанскій Преображенскій монастырь.

Въ обители продолжалъ онъ подвижническую жизнь. Когда отъ дряхлости не могъ онъ ходить въ церковь, ученики возили его на телѣжкѣ къ богослуженію: такъ любилъ онъ молитву и славословіе храма. Блаженная кончина его послѣдовала 11 апрѣля 1567 года, на 86 году жизни его 17).

Между тѣмъ какъ равноапостольные святители Казанскіе просвѣщали свѣтомъ истиннаго богопознанія страну, погруженную во мракъ язычества и магометанства, въ пустынныхъ обителяхъ земли Русской ярко сіяли свѣтильники благочестія, а на стогнахъ Москвы одинъ дивный труженикъ подвизался въ юродствѣ Христа ради.

Преп. Даніиль, Переяславскій чудотворецъ, въ мірѣ Димитрій, еще въ юныхъ лѣтахъ обнаруживалъ порывы души къ строгимъ подвигамъ. Услышавъ, при чтеніи житія преп. Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, отрокъ отрѣзалъ себѣ конецъ веревки, которою рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ ею станъ свой и такъ крѣпко, что веревка по времени стала въѣдаться въ тѣло; родители увидѣли у спящаго мучительный поясъ и поспѣшили снять его. Воспитанный потомъ для жизни иноческой въ Никитскомъ монастырѣ, онъ тайно ушелъ въ обитель преп. Пафнутія Боровскаго и, принявъ постриженіе съ именемъ Даніила, пользовался наставленіями опытнаго старца Левкія 18).

По смерти родителей блаж. Даніиль возвратился въ Переяславль и поселился въ Успенской обители, что на Горицахъ; архимандритъ Антоній, родственникъ его, зная чистоту его жизни, убѣдилъ его принять санъ священства. Тутъ совершалъ онъ особенный подвигъ любви къ ближнимъ: умершихъ странниковъ, убитыхъ, замерзшихъ и утоп-

17) Мощи св. Варсонофія были погребены въ храмѣ обители его, подлѣ мощей св. Гурія. Въ 1596 году, при построеніи каменнаго Преображенскаго храма на мѣстѣ деревяннаго, обрѣтены гробы обоихъ святителей. «Вся рака св. Гурія, говоритъ очевидецъ (святитель Гермогенъ), наполнена была благоуханнымъ муромъ и мощи плавали; св. тѣло было нетлѣнно; только верхней губы нѣсколько коснулось тлѣніе. Самъ я недостойный, грѣбною моею рукою, коснулся св. тѣла и чувствовалъ, какъ оно плавало; осязалъ и погребальныя ризы и онѣ были тѣлы; прикасался къ мантии и сильно тянулъ ее, но она была крѣпче новой». Мощи святителя Гурія почиваютъ открыто въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, а св. Варсонофія—въ Преображенскомъ монастырѣ.

18) Блаж. Левкій былъ основателемъ Успенской пустыни на рѣкѣ Рузѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Успенской церкви, нынѣ приходской.

шихъ бѣдняковъ на своихъ рукахъ переносилъ въ скудельницу; онъ просилъ и другихъ сказывать ему, если увидятъ гдѣ застигнутого внезапною смертію, и ночью шель отпѣвать покойнаго. Такъ продолжалъ онъ не одинъ годъ. По ночамъ, смотря изъ Горицкой кельи на скудельницу (божедомье), онъ думалъ: „сколько тайныхъ рабовъ Божиихъ лежитъ, быть можетъ, въ этой скудельницѣ, попавъ туда только оттого, что не хотѣли они быть извѣстными міру ни при жизни, ни по смерти!“ Эта мысль особенно часто стала посѣщать его послѣ того, какъ одинъ странный человекъ не сказавшій о себѣ, кто онъ, но часто находившій у Даниіла въ кельѣ покой себѣ, зимней ночью найденъ былъ имъ уже умершимъ и быть похороненъ въ скудельницѣ. По временамъ преп. Даниілъ видѣлъ въ скудельницѣ огонь и до слуха его оттуда доносилось пѣніе. Въ блаж. подвижникѣ родилась мысль построить храмъ въ божедомьѣ, и Богу угодно было желаніе смиреннаго раба Его. Бояре Челяднины, избавленные молитвами преп. Даниіла отъ княжеской опалы, представили его лично великому князю Василию Ивановичу, выпросили ему дозволеніе имѣть въ своемъ распоряженіи божедомье и построить тамъ храмъ. Тогда же стали поступать приношенія для построенія храма, и появились желающіе поселиться при немъ, такъ что на божедомьѣ неожиданно составила обитель иноческая. Новые подвижники стали жить подъ руководствомъ преп. Даниіла. Онъ обнесъ божедомье оградой, далъ правила монашескаго житія и каждый день ходилъ изъ Горицъ совершать службу въ божедомскомъ храмѣ. В. к. Василій, уважавшій преп. Даниіла, воспріемника отъ св. купели сына его Іоанна, посѣтивъ бѣдную обитель, назначилъ для нея ежегодный отпускъ хлѣба.

Между тѣмъ иноки Горицкіе упросили преп. Даниіла быть архимандритомъ ихъ обители. „Если настояли вы на томъ, чтобы я былъ вашимъ настоятелемъ,—говорилъ Даниілъ братіи,—то должны слушаться меня“.—Желаемъ повиноваться,—отвѣчали иноки. „У васъ есть обычай,—говорилъ настоятель,—ходить изъ монастыря на торгъ безъ благословенія настоятеля: ходите въ мірскіе дома и тамъ пируете и ночуете по нѣскольку сутокъ. Прошу васъ впередъ не дѣлать такъ“. Иноки обѣщались исполнить волю настоятеля. „Вы ходите въ бани,—продолжалъ настоятель,—и тамъ бываете вмѣстѣ съ мірскими людьми. Этому не должно быть“. Согласились и на то иноки. Преп. Даниілъ продолжалъ: „Въ праздники, именины, въ поминовеніе родныхъ созываете вы къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ съ женами и дѣтьми, и они гостятъ у васъ по нѣскольку дней и ночей. Впередъ не только не должно быть пировъ, не только не долженъ никто изъ женскаго пола ночевать въ кельяхъ вашихъ, но женщинъ никогда не должны вы принимать въ кельи“. Тяжело было на это согласиться монахамъ, но согласились. „Кельи у васъ очень высоки, съ высокими крыльцами, какъ у вельможъ,—сказалъ еще преподобный,—это неприлично монашескому смиренію“. Братьямъ непріятно было это замѣчаніе, но прекословить не могли. Впрочемъ не прошло и года, какъ преп. Да-

ніилъ отказался отъ настоятельства Горицкаго и перешель жить въ новую обитель на божедомѣ, гдѣ въ 1530 г. построилъ каменный храмъ св. Троицы иждивеніемъ в. к. Василя.

Во время голода обитель Данила, гдѣ уже было до 70 братій, питала страдавшихъ отъ голода. Разъ сказали преподобному, что муки такъ мало осталось, что ея не станетъ для братіи и на недѣлю. Даниилъ пошелъ посмотрѣть, и въ то же время подходитъ вдова съ дѣтьми, изнуренная голодомъ, и просить помощи. Онъ далъ ей муки и приказалъ отпустить оставшуюся муку всѣмъ нуждающимся по ихъ просьбѣ. Въ продолженіе 8 мѣсяцевъ въ обители Данила доставало для всѣхъ хлѣба. И послѣ голоднаго времени многіе, зная любовь св. старца къ несчастнымъ, бросали у воротъ монастыря больныхъ, увѣчныхъ и не имѣвшихъ чѣмъ кормиться. Угодникъ Божій съ радостію принималъ ихъ въ монастырь, лѣчилъ и кормилъ, одѣвалъ и покоилъ. Будучи образцомъ христіанской любви къ ближнимъ, онъ до гроба былъ и образцомъ смиреннаго подвижничества. Онъ воспиталъ и въ ученикахъ своихъ любовь къ подвигамъ. Инокъ Нилъ, родомъ нѣмецъ, постриженный преп. Даниломъ, соблюдалъ такой постъ, что довольствовался только хлѣбомъ и водою и то въ мѣру.

Предъ концомъ земной жизни своей богоносный старецъ посѣтилъ крестника своего, в. к. Іоанна Васильевича, и сообщилъ ему, что Переяславскіе храмы св. Предтечи и св. Николая, стоящіе у городскихъ воротъ, очень обветшали, такъ что необходимо построить новые; при этомъ преп. Даниилъ сказалъ, что у ветхаго храма св. Николая въ землѣ лежатъ мощи св. князя Андрея Смоленскаго, которому въ прежніе времена, какъ онъ твердо помнить и знаетъ, была служба со стихирами и канономъ и ликъ его писали на иконахъ; почему нынѣ не отправляется пѣніе, неизвѣстно. Объ этомъ же доложилъ онъ и святителю Іоасафу. В. князь и митрополитъ приказали построить новые храмы и дозволили преп. Даниилу вмѣстѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ осмотрѣть гробъ св. князя Андрея. Послѣ молебна разобрали надгробный памятникъ и начали копать могилу, открыли гробъ и въ немъ мощи, обернутыя берестю, мощи нетлѣныя и издававшія благоуханіе: волосы русые и долгіе, одежда цѣлая съ мѣдными пуговицами, загнутая на сторону. Крупицы бересты, осыпавшіяся при отгребаніи земли, съ вѣрою брали недужные и исцѣлялись. Преп. Даниилъ послалъ священника Константина извѣстить о томъ митрополита и великаго князя. Изъ Москвы присланы Чудовскій архимандритъ Іона (впослѣдствіи Суздальскій епископъ) и Успенскій протопопъ Гурій для повѣрки донесенія и перенесенія мощей въ храмъ. Они вздумали спросить св. старца: съ чьего дозволенія рѣшился онъ отыскивать мощи? и объявили, будто бы „владыка митрополитъ ничего не знаетъ о томъ и ничего не приказывалъ“. Старецъ заплакалъ и сказалъ: „не будемъ искушать Духа Святаго, дѣйствующаго въ чудныхъ рабахъ Своихъ. Не говорите также, будто ничего неизвѣстно великому отцу нашему и святителю. Богъ мнѣ свидѣтель,

что извѣщалъ я его самъ и не только его, но и благочестиваго самодержца, и по ихъ волѣ осмѣлился я, недостойный, открыть святаыя мощи“.

Даніиль сказалъ потомъ, что противодѣйствующіе св. дѣлу будутъ наказаны ¹⁹⁾: митрополитъ лишится престола, архимандритъ и протоіерей жестоко пострадаютъ. Это слово сперва смутило слѣдователей ²⁰⁾, но потомъ они приняли его за плодъ дряхлой старости. Впрочемъ очевидность дѣла вынудила кончить неумѣстный споръ. Мощи блаженнаго князя положили въ новый гробъ и совершили службу.

Преп. Даніиль преставился 7 апрѣля 1540 года, достигнувъ почти 90-лѣтней старости ²¹⁾.

Въ томъ же Переяславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ подвизался преп. Даніиль, родился другой подвижникъ—преп. Герасимъ Болдинскій, въ мѣръ Григорій. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ усердно ходилъ въ храмъ Божій; святая жизнь преп. Даніила особенно увлекла его душу за собою, и на 13 году онъ уже со слезами просилъ старца принять его къ себѣ. Даніиль принялъ отрока къ себѣ послушникомъ: это было еще тогда, когда старецъ жилъ въ Горицкомъ монастырѣ. Герасимъ былъ „кожешвецъ“ (сапожникъ) и по волѣ старца усердно служилъ ремесломъ своимъ бѣдной братіи божедомья; на время оставлялъ онъ старца, чтобы слушать наставленія другихъ подвижниковъ, и по ихъ совѣту, возвратясь къ Даніилу, принялъ постриженіе отъ рукъ его. Это было тогда, какъ Даніиль началъ жить въ Троицкой обители. Новоначальный инокъ Герасимъ ревностно совершалъ подвиги поста и молитвы; принималъ пищу черезъ день и черезъ два, постоянно выполнялъ келейное правило, а иногда всю ночь стоялъ на молитвѣ. Преп. старцу усердно служилъ онъ въ заботахъ его о новой обители, особенно при построеніи храмовъ и келій. Чистую

¹⁹⁾ Предсказаніе прозорливаго старца сбылось: архимандритъ претерпѣлъ тяжкія скорби и истязанія, протопресвитеръ лишился любимаго сына, а митрополитъ—царсвотельскаго престола.

²⁰⁾ Кто былъ св. Андрей и когда жилъ? По повѣствованію о немъ, послѣ смерти его нашли записку: «азъ есмь Андрей, единъ изъ Смоленскихъ князей», нашли также золотую цѣпь и перстень, которые потомъ взялъ себѣ Іоаннъ Васильевичъ и за то далъ ругу для храма святит. Николая. По преданію, князь удалился изъ родной стороны по крамоламъ; въ Переяславлѣ жилъ онъ, какъ никѣмъ незнаемый бѣднякъ, и исправлялъ должность пономаря при церкви св. Николая; терпѣлъ всякую нужду, но былъ усерднымъ молитвенникомъ храма, велъ жизнь чистую и строгую. Такъ провелъ онъ 30 лѣтъ. Таковыя данныя о жизни того, кто не хотѣлъ быть знаемъ во время земной жизни своей! По догадкѣ преосв. Филарета Черниговскаго, онъ былъ сынъ князя Θεодора Θεоминскаго слѣпого и скончался около 1390 года (Русскіе Святые, октябрь, стр. 90). Позднѣе при этой церкви былъ монастырь Князь-Андреевскій; теперь—она приходская. Здѣсь почиваютъ подъ слудомъ мощи св. князя Андрея, Переяславскаго чудотворца.

²¹⁾ Мощи преп. Даніила обрѣтены и освидѣтельствованы 30 декабря 1653 года. Онъ почиваютъ открыто въ сооруженномъ имъ соборномъ Троицкомъ храмѣ обители его, на сѣверной сторонѣ, подъ аркою, соединяющей соборъ съ придѣльною церковью преп. Даніила. Великолѣпная рака устроена въ 1816 году.

и подвижническою жизнью Герасимъ снискалъ себѣ общее уваженіе не только въ обители, но и за оградою ея; онъ сталъ извѣстенъ и въ Москвѣ. Эта слава тяготила его; онъ желалъ безмолвнаго уединенія. Проживъ до 26 лѣтъ подъ руководствомъ преп. Данила, онъ вышелъ изъ обители его съ желаніемъ работать Господу въ уединеніи.

Въ 1527 году поселился онъ въ Дорогобужскомъ округѣ, въ такомъ дикомъ лѣсномъ мѣстѣ, что, кромѣ змѣй и дикихъ звѣрей, никого тамъ не жило; по временамъ же скрывались тамъ разбойники, такъ какъ невдали проходила большая дорога, на которой они занимались своимъ промысломъ. Блаж. Герасимъ поставилъ себѣ хижину и въ ней сталъ подвизаться; разбойники не разъ били его, стараясь прогнать изъ своего сосѣдства, но пустынный терпѣлъ и молился. Въ хижинѣ своей онъ жилъ, какъ птица, безъ печалей и заботъ житейскихъ, хранимый и питаемый Господомъ. Впослѣдствіи явился у него сторожъ — воронъ; если недобрый челоувѣкъ подходилъ къ хижинѣ, воронъ поднималъ крикъ и летая билъ крыльями по лицу нежеланнаго гостя; то же было съ хищнымъ звѣремъ: тому клевалъ онъ глаза, пока не заставлялъ обратиться въ бѣгство. По особенному видѣнію, перешелъ Герасимъ на Болдину гору, гдѣ надъ потокомъ Болдинымъ стоялъ огромный дубъ. Отсюда хотѣли прогнать его поселяне и отвели въ Дорогобужъ къ намѣстнику, который велѣлъ посадить подвижника въ тюрьму, какъ бродягу. Но здѣсь внезапно явилась помощь: входитъ къ намѣстнику царскій посланный изъ Москвы. Увидавъ преп. Герасима, котораго видѣлъ вмѣстѣ съ преп. Даниломъ у царя, онъ съ глубокимъ уваженіемъ поклонился ему и просилъ благословенія. Намѣстникъ испугался и съ честію отпустилъ подвижника. Съ того времени имя св. старца стало въ уваженіи, и въ пустыню его начали приходять ревнители благочестія. Сперва построена была молитвенная храмина общихъ молитвъ и поставлена хижина. Потомъ преп. Герасимъ отправился въ Москву и тамъ получилъ позволеніе на построеніе обители. Мало-по-малу построены были храмъ св. Троицы и келіи для братій съ трапезою. Преп. Герасимъ самъ трудился при постройкахъ, трудился потомъ и для общежитія вмѣстѣ съ другими: молотъ жерновомъ рожь, даже и за другихъ, пекъ хлѣбы, рубилъ и носилъ дрова, мылъ для братіи свитки, прислуживалъ больнымъ. Спалъ онъ мало и никогда лежалъ. Пища его была хлѣбъ съ водою.

Кромѣ Болдина монастыря, преп. Герасимъ построилъ еще Сретенчевъ монастырь въ Вязьмѣ; потомъ въ Брянскомъ лѣсу на рѣкѣ Жиздрѣ основалъ обитель Введенія во храмъ Богоматери. Въ Болдиной обители подъ конецъ жизни преподобнаго было до 140 братій. Онъ бдительно велъ всѣхъ ихъ по путямъ спасенія. Подъ его руководствомъ воспитались строгіе подвижники благочестія: блаж. Аркадій, послѣ наставника своего скончавшійся въ затворѣ; и блаж. Антоній, почившій Вологодскимъ епископомъ (въ 1588) и донинѣ мѣстно

чтимый Вологжанами. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ преп. Герасимъ преставился 1 мая 1554 года ²²⁾).

Другой ревностный труженикъ, постриженникъ лавры Сергіевой и впослѣдствіи одинъ изъ достойныхъ преемниковъ великаго чудотворца Сергія, — преподобный Арсеній происходилъ изъ дворянскаго рода Сухорусовыхъ. При томъ богатствѣ доходовъ, какіе тогда имѣла обитель Сергіева, преп. Арсеній не измѣнялся въ любви своей къ нищетѣ и посту. Однажды в. к. Василій пришелъ на богомолье въ обитель Сергія и на игуменѣ богатой лавры увидѣлъ одежду раздранную и ушитую заплатами. На вопросъ изумленнаго в. князя братія отвѣчали: „игуменъ нашъ истинный рабъ Божій и живетъ въ Богѣ; но онъ думаетъ только о томъ, какъ бы оставить насъ и удалиться въ безмолвную пустыню“. И дѣйствительно, въ 1527 году любитель безмолвія оставилъ игуменство и удалился въ необъятный Комельскій лѣсъ, гдѣ прежде его уединялись многіе отшельники; избралъ себѣ самое глухое мѣсто на берегахъ рѣчекъ Кохтыжа и Лежи, водрузилъ крестъ, поставилъ келью и сталъ подвизаться въ безмолвномъ уединеніи. Мѣсто это, въ 36 верстахъ отъ Вологды, еще и нынѣ окружено трясиными и болотами. Крестьяне, ходившіе сюда то для рубки лѣса, то для звѣриной ловли, сочли помѣхою себѣ келью Арсенія и разорили ее. Давая мѣсто гнѣву, пустынный ушелъ въ Шилегонскій лѣсъ, на рѣчку Ингарь или Маслянку, и здѣсь сталъ подвизаться. Къ нему стали приходять ревнители пустынной жизни и сверхъ того многіе жители страны Вологодской, гонимые нашествіемъ татаръ, толпами бѣжали въ Шилегонскій лѣсъ. Такъ безмолвіе пустынниковъ нарушено было поселившимися близъ пустыни изгнанниками.

Любитель безмолвія, поручивъ небезмолвную „Арсеніеву пустынь“ одному изъ учениковъ своихъ, рѣшилъ водвориться опять въ Комельскомъ лѣсу: онъ поселился съ ученикомъ своимъ Герасимомъ тамъ, гдѣ прежде водрузилъ крестъ свой, и сталъ расчищать лѣсъ. Его стали тревожить не люди ²³⁾, а звѣри; но молитвою своею онъ смирилъ ихъ, и медвѣди уступали ему свои берлоги. Когда собралось къ нему нѣсколько учениковъ, онъ поставилъ храмъ въ честь положенія ризы Богоматери во Влахернѣ. Иногда посѣщалъ онъ и Шилегонскую пустынь. На пути изъ одной пустыни въ другую онъ имѣлъ обычай бесѣдовать о спасеніи души со встрѣчавшимися съ нимъ, а останавливаясь въ селеніяхъ, назидаль простыхъ людей словомъ спасительнымъ. Если замѣчалъ, что кто-нибудь въ полѣ трудится въ праздникъ или въ день воскресный, то строго обличалъ за то. Разъ

²²⁾ Мощи преп. Герасима почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Троицкаго Болдина монастыря, въ 15 верст. отъ г. Дорогобужа.

²³⁾ Отъ злыхъ людей отшельникъ былъ огражденъ грамотою в. к. Василя Іанновича. Этою грамотою строго запрещалось всѣмъ «около пустыни старца Арсенія Сухорусова, въ Комельскомъ лѣсу на р. Кохтыжѣ», рубить дрова, ставить новое поселеніе, гоняться за звѣрями и обращать въ свое владѣніе землю или лѣсъ.

поселяне ослушались его — не перестали работать въ праздникъ, и внезапно поднявшійся вѣтеръ разметалъ снопы ихъ. Проведя долгую иноческую жизнь въ постѣ, молитвѣ и непрестанныхъ трудахъ, старецъ предъ кончиною приобщился св. Таинъ и мирно предалъ духъ свой Господу 24 августа 1550 года ²⁴⁾.

На другомъ краю Русскаго сѣвера, въ странѣ Олонецкой, подвижался одинъ изъ достойныхъ учениковъ преп. Александра Свирскаго ²⁵⁾: въ 9 верстахъ отъ мѣста подвиговъ преп. Александра жилъ въ своей отчинѣ дворянинъ Андрей Завалишинъ, охотникъ до звѣриной ловли. Однажды, въ самомъ разгарѣ охоты, Андрей увидѣлъ оленя и бросился догонять его; охотникъ мчался съ такою быстротою, что далеко оставилъ за собою товарищей охоты, и все-таки олень исчезъ изъ глазъ его. Вдругъ Завалишинъ увидѣлъ предъ собою хижину и слѣды пустытника въ такомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, никогда не ступала нога человѣческая. Онъ постучался у хижины, и предъ нимъ явился труженикъ, изнуренный постомъ и подвигами, въ ветхой одеждѣ. Повѣсть подвижника о дикой своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатлѣніе. Это было въ 1493 году. Завалишинъ послѣ того часто приходилъ къ преп. Александру (это былъ онъ) слушать наставленія его и доставлялъ хлѣбъ сподвижникамъ его. Изъ бесѣды съ отшельникомъ познавъ сладость пустынной жизни, Завалишинъ рѣшился слѣдовать примѣру жизни его, оставилъ богатое имѣніе свое и удалился въ Балаамскую пустынь; здѣсь принялъ онъ ипчество съ именемъ Адріана и провелъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ общежитія. Потомъ, по благословенію преп. Александра, избралъ для пребыванія своего уединенное мѣсто на полуостровѣ на берегу Ладожскаго озера. Къ нему собрались ученики и послѣдователи. Въ пустынѣ построенъ былъ храмъ въ честь святителя Николая. Однажды Адріанъ вблизи своей обители встрѣтился съ такими людьми, которые грозили не только существованію обители, но и жизни пустытниковъ. Въ дремучемъ лѣсу острова Сала, напротивъ Адріановой пустыни, укрывался недобрый человѣкъ, Ондрусъ, съ шайкою подобныхъ себѣ, жившій насчетъ пловцовъ Ладожскаго озера. Близкое сосѣдство пустытника, начавшаго собирать къ себѣ

²⁴⁾ Тѣло подвижника Божія положено было близъ алтаря построеннаго имъ храма. Впослѣдствіи мощи его ознаменовались многими испѣленіями. Спустя сто лѣтъ послѣ его кончины, сооруженъ былъ въ обители каменный храмъ съ придѣломъ въ честь преп. Арсенія, гдѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи его. Тамъ же сохраняется евангеліе, писанное имъ въ 1506 году, еще въ лаврѣ Сергіевой, съ надписью: «писалъ многогрѣшный чернецъ Арсеньишко Сухарусовъ». Въ послѣсловіи этого евангелія сказано: «Аще будетъ, по грѣхъ, опись, въ вѣденіи или невѣденіи, исправите Бога ради, зане многи пословицы приходили Новгородскія; азъ окаянный скуденъ умомъ, разсудите на се грубъ и невѣгласъ тѣсенъ разумомъ». Монастырь Арсеніевъ существуетъ, но другая, Шилегонская его пустынь, бывшая въ 40 верстахъ отъ Вологды, упразднена, а церковь ея обращена въ приходскую села, донинѣ называемаго Арсеньевымъ.

²⁵⁾ Житіе преп. Александра Свирскаго помѣщено въ третьей части нашихъ «Разсказовъ» (глава V). Здѣсь упомянуто и о преподобныхъ Важеозерскихъ.

другихъ, тревожило атамана разбойниковъ: онъ объявилъ, чтобы пустынные удалились съ острова, иначе будетъ имъ худо. Скорбно было Адриану разстаться съ пустыннымъ мѣстомъ, особенно потому, что великій наставникъ его благословилъ ему здѣсь жить. Онъ умолялъ разбойника предоставить это мѣсто мирнымъ труженикамъ; не имѣя у себя денегъ, чтобы предложить выкупъ за мѣсто, Адрианъ общалъ атаману ходатайствовать за него предъ Богомъ и совѣтовалъ ему разстаться съ худымъ промысломъ. Разбойникъ смѣялся надъ словами пустытника. Долго упрашивалъ Адрианъ разбойника съ горькими слезами; наконецъ атаманъ смягчился и сказалъ: живите. На каменистомъ мосту Ладожскаго озера, называющемся понынѣ Сторожевскимъ, тогда жилъ другой разбойникъ съ шайкою и сторожилъ пловцовъ. Завидя счастью Адрианова сосѣда, онъ старался захватить и истребить его. Случилось, что оба атамана, разбѣзжая по озеру съ шайками для промысла, встрѣтились, и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побѣждены, и скованный предводитель ихъ брошенъ въ лодку врага своего. Несчастный зналъ, что ожидаетъ его мучительная смерть; онъ вспомнилъ совѣты пустытника,—горькое раскаяніе проникло въ душу его, и вотъ онъ видитъ предъ собою преп. Адриана. „По милосердію Господа, для Котораго просилъ я у тебя пощады пустынному братству, ты свободенъ“, сказалъ явившійся и исчезъ; атаманъ увидалъ себя безъ оковъ, на берегу, и никого подлѣ себя. Пораженный до глубины души, пришелъ онъ въ обитель и напелъ Адриана и сподвижниковъ его въ псалмопѣніи. Атаманъ налъ къ ногамъ настоятеля и просилъ научить его путямъ спасенія. Оставленный въ обители, онъ здѣсь и кончилъ жизнь свою въ тихомъ покаяніи. И соперникъ его по ремеслу молитвами старца Адриана наконецъ пришелъ въ себя. Почувствовавъ пагубу своей жизни, онъ на мѣстѣ разбойничьяго притона основалъ обитель молитвы и подвизался въ ней съ именемъ инока Киприана. Новою жизнію своею, благотворительною для многихъ, бл. Киприанъ не только привелъ въ забвеніе у современниковъ прежнія недобрія дѣла свои, но и заслужилъ уваженіе; а Господь, благодѣй и милостивый, за подвиги истиннаго самоотреченія, прославилъ почившаго подвижника чудесами. Такъ благотворна была жизнь преп. Адриана для глухого края. Основатель Адриановой Ондрусовой пустыни столько извѣстенъ былъ по святости жизни, что онъ и преп. Григорій Пельшемскій приглашены были царемъ Иоанномъ въ Москву для принятія отъ св. крещенія дочери царской Анны. Это было въ августѣ 1549 года. Когда св. старецъ возвращался изъ Москвы въ свою обитель и уже недалеко былъ отъ нея, близъ селенія Обжи, злые люди напали на него и убили; злодѣи надѣялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братія долго ждали своего настоятеля и уже не знали послѣ долгаго ожиданія, что о немъ думать. Спустя два года, въ одну ночь, въ сонномъ видѣніи, является преп. Адрианъ одному изъ старцевъ Ондрусовой пустыни, рассказываетъ ему о страдальческой кончинѣ

своей, указываетъ мѣсто, гдѣ злодѣи скрыли тѣло его, и повелѣваетъ перенести его въ обитель. На другой день, 17 мая, иноки обрѣли въ болотѣ нетлѣпное тѣло страстотерпца и предали землѣ подлѣ стѣны церкви св. Николая. Такъ вся жизнь преп. Адріана была преимущественно борьбою противъ злыхъ людей, и Господь увѣнчалъ его вѣнцомъ мученика ²⁶⁾.

Еще два ученика того же великаго наставника пустынножителей, преп. Александра, Геннадій и Никифоръ, подвизались на Важеозерѣ. Первый изъ нихъ, наслѣдникъ богатаго достоянія, раздавъ все нищимъ, отправился къ преп. Александру, который тогда жилъ одинъ на Свири: не хотѣлось дивному отшельнику нарушить своего уединенія принятіемъ кого-либо въ свою келью; но усердныя мольбы Геннадія заставили его разстаться съ любимымъ уединеніемъ — Геннадій остался ученикомъ и соподвижникомъ Александра. Спустя нѣсколько лѣтъ, преп. Александръ благословилъ Геннадія искать себѣ уединенія въ другомъ мѣстѣ. Геннадій поставилъ себѣ келью на Важеозерѣ и здѣсь подвизался отшельнически, впослѣдствіи дозволилъ онъ двумъ, тремъ ученикамъ поставить хижины подлѣ своей кельи для безмолвной молитвы. Предъ кончиною своєю авва сказалъ ученикамъ: „на этомъ мѣстѣ будетъ храмъ и киновія“.

Блаж. Никифоръ пришелъ къ преп. Александру инокомъ и въ веригахъ, когда уже основанъ былъ монастырь Свирскій; отецъ пустынножителей принялъ Никифора и потомъ съ утѣшеніемъ смотрѣлъ на его подвиги въ общежитіи. Въ 1518 г. онъ просилъ у великаго аввы благословенія поклониться Печерскимъ угодникамъ Божиимъ. „Иди, напередъ повидайся съ работъ Божиимъ Кирилломъ Новоозерскимъ“, отвѣчалъ авва. Послушный ученикъ исполнилъ волю своего старца. Когда прибылъ онъ на берегъ Новоозера, то, утомленный трудомъ, заснулъ. Кириллъ, окончивъ вечернее правило, поспѣшилъ переплыть на лодкѣ озеро и разбудилъ странника. Изумленный путникъ просилъ благословенія. Кириллъ, поклонившись ему, сказалъ: „ты благослови меня, ты посланъ преп. игуменомъ и духовнымъ братомъ Александромъ посѣтить меня грѣшнаго“. Никифоръ понялъ, кто говоритъ съ нимъ. Восемь дней послѣ того пробылъ Никифоръ у преп. Кирилла, наслаждаясь духовными бесѣдами его. Съ восторгомъ радости возвратился онъ къ своему аввѣ и пересказалъ, что видѣлъ и слышалъ у преп. Кирилла. „Теперь можешь идти въ Кіевъ, по твоему желанію“, сказалъ Александръ. Окончивъ благочестивое странствованіе свое до Кіева, преп. Никифоръ, по благословенію аввы, поселился на Важеозерѣ, тамъ, гдѣ прежде его подвизался преп. Геннадій, вблизи с. Сермакса, гдѣ жили и почилы родители преп. Але-

²⁶⁾ Императоръ Александръ I, осматривая въ 1819 году Олонеккую губернію, желая поклониться преподобномученику Адріану, взялъ въ проводники крестьянина и безъ свиты отправился къ гробу пустытника. Здѣсь долго молился онъ со слезами и потомъ прислалъ сосуды и книги для храма. Въ 1828 г. мощи преп. Адріана перенесены въ новый каменный храмъ.

ксандра. Мало-по-малу онъ собралъ къ себѣ любителей пустынной жизни, построилъ храмъ въ честь Преображенія Господня и завелъ общежитіе. Здѣсь подвизался онъ до кончины своей, послѣдовавшей 9 февраля 1550 года ²⁷⁾).

Еще далѣе, на тундрахъ Сѣвера, просіялъ святостію жизни преп. Антоній Сійскій. Сынъ богатыхъ и благочестивыхъ земледѣльцевъ Двинской волости, Андрей (мірское имя Антонія), научившись грамотѣ и иконописанію, не имѣлъ охоты къ трудамъ земледѣльческимъ; любимымъ занятіемъ его были иконописаніе и молитва. По смерти родителей отправился онъ въ Новгородъ и тамъ пять лѣтъ служилъ у одного боярина и по совѣту его вступилъ въ бракъ; но черезъ годъ жена умерла, и онъ рѣшился разстаться съ суетою міра. Возвратясь въ домъ свой, онъ роздалъ свою часть нищимъ и въ одной одеждѣ отправился въ Пахоміеву пустынь на р. Кѣну. На дорогѣ заснувъ, видѣлъ онъ во снѣ: мужъ благолѣпный, съ крестомъ въ рукѣ, говорилъ ему: „возьми крестъ свой и не бойся вступить въ подвигъ“, и осѣнилъ его крестомъ. Проснувшись, провелъ онъ остальную ночь въ молитвѣ. Блаж. Пахомій ²⁸⁾, облекши его въ иноческую одежду, держалъ его въ своей кельѣ. Это было въ 1508 году. Антоній прежде всѣхъ являлся въ храмъ на молитву; трудился въ поварнѣ, нося воду и готовя дрова; пищу принималъ черезъ день и то не до сытости; память о смерти и судѣ постоянно хранилъ въ сердцѣ. Удостоенный іерейства, одинъ совершалъ онъ служеніе въ храмѣ (другого іеромонаха не было) и вмѣстѣ съ тѣмъ ходилъ на работы наравнѣ съ прочими; здоровье его было такъ крѣпко, что могъ онъ трудиться за двоихъ.

По любви къ пустынному уединенію, съ благословенія игумена, оставилъ онъ Пахоміеву пустынь и съ двумя братьями Александромъ и Іоакимомъ отправился на рѣку Шелексю; здѣсь избрано мѣсто для пустынной жизни, поставленъ небольшой храмъ св. Николая и нѣсколько келій. Тамъ подвижники прожили семь лѣтъ; потомъ, тѣснимые сосѣдними жителями, ушли еще далѣе на сѣверъ.

Въ глухомъ сѣверѣ звѣроловъ показалъ пустынникамъ мѣсто удобное для пустынной жизни—Михайловъ островъ, окруженный глубокими озерами и омываемый съ одной стороны рѣкою Сією. Мѣсто было совершенно дикое—тундра и лѣсъ, озера и чащи „непролазныя“; оленей, лисицъ, медвѣдей, волковъ множество, и только по временамъ звѣроловы заходили сюда, гоняясь за звѣремъ, но еще никогда не

²⁷⁾ Мощи преп. Геннадія и Никифора почиваютъ подъ спудомъ въ пещерѣ, близъ церкви бывшаго ихъ монастыря, нынѣ приписанной къ Свирской обители, по упраздненіи Задне-Никифоровской пустыни въ 1764 году. Надъ гробницами ихъ поставлена часовня.

²⁸⁾ Блаж. Пахомій былъ основателемъ Кянской или Кѣнской пустыни въ Онежскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Кѣнѣ. Въ церкви этой пустыни, давно уже упраздненной, почиваютъ подъ спудомъ мощи его. Въ рукописныхъ святцахъ помѣщено имя его въ числѣ святыхъ, но время кончины не показано. По житію преп. Антонія можно полагать, что Пахомій скончался около 1520 года.

обиталь здѣсь человѣкъ. Антоніи поставилъ тутъ часовню и для себя съ братією хижину. Это было въ 1520 году, на 42 году жизни Антоніевой. Три года проведено здѣсь въ крайней скудости и въ тяжеломъ трудѣ! Антоній очищаль лѣсъ и копаль землю, чтобы сдѣлать мѣсто сноснымъ для житья; братія начинали роптать на скудость; но неожиданно неизвѣстный христороубецъ доставилъ имъ хлѣбъ, муку, масло и сверхъ того деньги на построение обители. Сборщикъ доходовъ Новгородскаго архіепископа, Василій Бебрь, въ увѣренности, что у Антонія много денегъ, вздумаль добыть богатый доходъ для себя: онъ послаль извѣстныхъ ему людей ограбить пустынниковъ; но послѣ самъ же съ раскаяніемъ говорилъ Антонію, что хищникамъ представилось, будто обитель окружена стражею. Съ того времени начали посѣщать пустынь Антонія богомольцы и доставлять ему средства къ жизни.

Когда число учениковъ умножилось, двое старшихъ изъ числа братіи Александръ и Исаія отправились въ Москву испросить у в. к. Василя дозволеніе занять дикое мѣсто пустынною обителью, и получили на это грамоту. Тогда они построили обширный деревянный храмъ Св. Троицы. Мѣстный храмовый образъ написанъ былъ самимъ Антоніемъ и съ молебнымъ пѣніемъ поставленъ въ иконостасѣ. Однажды, послѣ утренняго пѣнія, оставили въ храмѣ незагашенную свѣчу: храмъ объять былъ пламенемъ, когда вся братія была на работѣ съ Антоніемъ; весь храмъ и вся утварь сгорѣли; осталась только Антоніева икона Св. Троицы. Построенъ новый храмъ и другой теплый при трапезѣ. По общей просьбѣ братіи, Антоній принялъ званіе игумена, но продолжалъ быть примѣромъ любви къ труду; онъ каждый день былъ въ храмѣ при каждомъ богослуженіи и потомъ, въ худой одеждѣ, то чистилъ онъ лѣсъ, то трудился на пашнѣ, то занимался иконною работою. Праздности не любилъ ни въ себѣ, ни въ другихъ; о больныхъ заботился съ отеческою любовью; пища и одежда была у него для всѣхъ одинаковая; нетрезвость считаль тяжкимъ грѣхомъ. Старець внушалъ братіи никогда не увлекаться гнѣвомъ, жить въ кротости, терпѣніи и любви. Отъ иконы Св. Троицы еще при жизни преп. Антонія получались исцѣленія.

Передъ кончиною своею, по просьбѣ учениковъ, оставилъ онъ духовную грамоту: „Братія и отцы!— писалъ онъ,— видите, постигла меня грѣшнаго старость, часто подвергаюсь болѣзни, которою и теперь отягченъ. Всѣ болѣзни мои говорятъ мнѣ объ одномъ—о смерти и о страшномъ судѣ. Сердце мое смущено отъ грознаго исхода и страхъ смерти напаль на меня. Вы любовью своею понуждаете меня грѣшнаго написать, какъ вамъ жить послѣ моей смерти. Господь Богъ видитъ мои беззаконія и въ вашихъ глазахъ мои грѣхи. Вы видѣли,—не былъ я примѣромъ ни одной добродѣтели. Вы называли меня грѣшнаго отцомъ своимъ, пастыремъ и учителемъ; но я не пастырь и не учитель. Единъ есть пастырь Христось. Неразуміемъ своимъ я, грѣшный, разорялъ ваше богоугодное житіе. Но не отчая-

ваюсь я въ своемъ спасеніи, а надѣюсь на милость Божію и на ваши молитвы. Богъ говоритъ: „не придохъ призвати праведника, но грѣшники на покаяніе“. Святыми молитвами вашими, по слову пророка, возлагаю на Господа печаль мою: пусть творить со мною, что Ему угодно. Онъ хочетъ, чтобы всѣ спаслись и пришли въ уразумѣніе истины“.

„Много бы нужно писать вамъ изъ св. писанія. Но вы знаете, что я умѣю грамотѣ лишь отчасти; да и боюсь Владыки моего Христа, Который сказалъ, что прежде надо самому дѣлать и потомъ учить. Поручаю монастырь свой и васъ Богу и Пречистой Матери Его и преп. Сергію, великому чудотворцу. Назначаю вамъ, по вашей просьбѣ, строителя старца Кирилла; пусть съ нимъ священники соборно рѣшаютъ монастырскія дѣла въ трапезѣ, при всей братіи. Если иные строптивые и своевольные не захотятъ жить по монастырскому чину, не станутъ повиноваться строителю и братіи, выгоняйте ихъ изъ монастыря въ страхъ прочимъ; если же такой возвратится съ раскаяніемъ, то нужно принять его, какъ своего, простить и считать не врагомъ, а братомъ... Прежде всего имѣйте страхъ Божій въ душѣ, да вселится въ васъ Духъ Святой и научить васъ всякой истинѣ. Живите общею жизнью, по духу и тѣлу, въ пищѣ и одеждѣ, по заповѣди св. отецъ. Строитель пусть довольствуется братскою трапезою, не прибавляя себѣ ничего; тоже—въ одеждѣ и обуви, развѣ по особенному усмотрѣнію. Не держите хмѣльнаго въ монастырѣ и не принимайте отъ христоробивыхъ. Женскій полъ отнюдь не долженъ почевать въ монастырѣ и міряне не должны почевать въ кельяхъ вмѣстѣ съ братіями. Поите и кормите бѣдныхъ до сыта; подавайте милостыню, чтобы не обѣднѣло это святое мѣсто. Здоровые изъ братіи, для своего спасенія, не должны оставаться безъ работъ. Не позволяйте ставить дворовъ вокругъ монастыря; скотный дворъ пусть стоитъ за озеромъ. Молю васъ, храните это“.

Передавъ управленіе обителю ученику своему Кириллу, преп. Антоній мирно почилъ на 79 г. жизни своей, 7 декабря 1556 года ²⁹⁾.

Въ то же время и на островѣ другого озера подвизался отшельникъ. Уроженецъ Валдайскаго уѣзда, постриженникъ Крынецкой обители преп. Саввы (близъ Пскова), преп. Ниль удалился сначала на р. Серемлю (тогда Ржевскаго, нынѣ Осташковскаго уѣзда). Здѣсь поставивъ хижину, довольствовалъ онъ тѣло свое только травами, а духъ насыщалъ молитвою и богомысліемъ. Онъ не давалъ простора желаніямъ плоти и жилъ духомъ для Господа, потому и Господь былъ съ нимъ. Разъ хотѣли напасть на него злые люди; онъ вышелъ къ

²⁹⁾ Память преп. Антонію установлено праздновать въ 1579 году. Мощи его прославленные многими чудотвореніями, почиваютъ подъ слудомъ въ соборномъ храмѣ основаннаго имъ Троицкаго Софійскаго монастыря, въ 92 верст. отъ Холмогоръ, на полуостровѣ Михайловскаго озера, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Сія, впадающая въ Двину. Въ обители сохранились донныя: чудотворная икона пресв. Троицы, фелонь и посохъ преп. Антонія и писанное имъ евангеліе.

нимъ на встрѣчу съ иконою Богоматери, и они бѣжали. Къ нему приходили многіе за наставленіями и съ просьбою о молитвѣ; жизнь его была полезна для многихъ. Но онъ считалъ себя неутвердившимся въ добрѣ, а извѣстность имени его опасною для души. Потому сильно желалъ онъ безмолвія. Однажды послѣ молитвы задремалъ онъ и услышалъ голосъ: „Ниль! иди на озеро Селигеръ, тамъ на островѣ Столбенскомъ можешь спастись“. Узнавъ отъ приходившихъ къ нему, гдѣ и каковъ Столбенскій островъ, Ниль въ радости о готовомъ для него безмолвіи поспѣшилъ исполнить велѣніе свыше ³⁰⁾.

Столбенскій островъ на озерѣ Селигерѣ, заключая въ себѣ около 8 десятинъ пространства, весь покрытъ былъ дремучимъ лѣсомъ. Отъ нынѣшняго города Осташкова, если плыть водою, онъ въ 9 верстахъ. Преп. Ниль радъ былъ такому тихому мѣсту. На первый разъ онъ выкопалъ здѣсь въ горѣ пещеру и прожилъ въ ней зиму (1528 г.). Потомъ поставилъ себѣ небольшую келью и часовню; для овощей воздѣлывалъ онъ землю; а прежде того питался ягодами и травою. Отшельникъ утѣшался тѣмъ, что славилъ Господа вмѣстѣ съ природою, не развлекаясь людьми. Плоть не докучала ему. Духу была свобода славить Господа своего.

Разъ пришли къ отшельнику охотники до чужого добра и требовали денегъ. „Чада! — сказалъ гостямъ своимъ преп. Ниль, — все сокровище мое — въ углу кельи“. Тамъ стояла у него икона Богоматери. Разбойники бросились искать денегъ и ослѣпили. Въ слезахъ раскаянія просили они прощенія. Ниль преподалъ имъ наставленіе жить честно, не волноваться завистью слѣпою, помнить волю Божию: „въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“; потомъ сжалившись надъ ними, молитвою возвратилъ имъ зрѣніе.

Иные были и добры къ пустыннику. Рыбаки по временамъ присылали ему рыбу. И онъ не оставлялъ ихъ безъ наставленія. Разъ послали они рыбу съ однимъ товарищемъ своимъ; но преп. Ниль, увидѣвъ его издали, затворилъ окно и тотъ принужденъ былъ воротиться назадъ. „Конечно, братъ, ты совершилъ какой-нибудь грѣхъ, почему св. старецъ и не принялъ тебя“, — сказали ему товарищи. И тотъ сознался въ нечистомъ плотскомъ грѣхѣ. Они послали другого товарища, — отшельникъ принялъ отъ него рыбу и благословилъ его. Св. старецъ охотно преподавалъ наставленія желавшимъ спасенія, при чемъ инымъ говорилъ голосомъ строгости. Одинъ, оскверненный плотскимъ грѣхомъ, безстыдно пришелъ къ преподобному, но былъ обличенъ въ грѣхъ и съ того времени сталъ жить въ страхъ Божиимъ. Опытнаго въ духовной жизни пустынника посѣщали многіе съ пользою для себя.

Въ послѣднее время свое, св. Ниль жилъ въ пещерѣ, приготовивъ въ ней гробъ и молитвою готовился къ переселенію въ вѣч-

³⁰⁾ Донныя часовня и келья, окруженная группою вѣковыхъ сосенъ, остаются памятникомъ пребыванія преп. Нила на р. Серемлѣ, гдѣ прожилъ онъ 12 лѣтъ.

ность. Извѣщенный о близкой кончинѣ, онъ молилъ Господа удостоить его причастія св. Таинъ передъ смертью. Великій подвижникъ, столько возвысившійся въ духовной жизни, считалъ нужнымъ для себя причаститься Тѣла и Крови Христовыхъ. По молитвѣ угодника Божія желаніе его исполнилось. На островъ прибылъ посѣтить отшельника духовный отецъ его Сергій, игумень Никольскаго монастыря, что на Рожку; блаж. отецъ исповѣдался и причастился св. Таинъ; онъ просилъ игумена и еще посѣтить его. На другой день игумень пришелъ съ братією и уже засталъ преподобнаго почившимъ. Св. старецъ стоялъ, опершись на двухъ костыляхъ: такъ нашли его. Онъ преставился 7 декабря 1554 года, послѣ 26-лѣтняго уединеннаго пребывания на пустынномъ островѣ ³¹⁾.

Между тѣмъ, какъ дивные пустынножители озаряли свѣтомъ богоугодной жизни своей дикія пустыни и дубравы, одинъ великій труженикъ въ первопрестольной Москвѣ училъ народъ благочестію, посвятивъ себя на многотрудный подвигъ юродства Христа ради. Это былъ блаж. Василій. Въ ранней молодости оставилъ онъ домъ родительскій ³²⁾, безъ крова и пристанища ходилъ по Москвѣ, едва не нагой; зимой переносилъ такіе морозы, отъ которыхъ трескалась земля, а лѣтомъ терпѣлъ зной солнца; днемъ скитался по улицамъ, а на ночь ложился на папертѣ церковной и проводилъ время въ молитвѣ. Ни дружбы, ни знакомства не было у него ни съ кѣмъ, для всѣхъ былъ онъ чужимъ: такъ лишалъ онъ себя всякаго утѣшенія земного! Только у одной бѣдной вдовы иногда преклонялъ онъ голову. Умъ блаженнаго Василія постоянно былъ занятъ молитвою и богомысліемъ. Во время малолѣтства царя Іоанна и страшныхъ смутъ боярскихъ, жизнь Василія была урокомъ людямъ развратнымъ и утѣшала невинно-страдавшихъ отъ произвола дикихъ страстей. Не легко было праведнику смотрѣть на грѣхи людскіе. Любя людей, онъ плакалъ за нихъ и слезами своими велъ ихъ къ покаянію. Такъ въ 1547 году онъ горько плакалъ, молясь передъ монастырскою церковью Воздвиженія креста ³³⁾. На слѣдующій день въ Москвѣ былъ страшный пожаръ, начавшійся съ этого самаго храма; оба города, старый и новый, сгорѣли: храмы, дома, дворецъ в. князя исчезли: „мѣдъ, какъ вода разливалась“, по слову лѣтописца.

Внимательные къ спасенію своему замѣчали, что когда Василій

³¹⁾ Спустя нѣсколько лѣтъ по преставленіи преп. Нила, двое иноковъ желавшихъ подражать его пустынножительству поселились около запустѣлой его келліи. Въ 1594 году поставлена здѣсь первая деревянная церковь и основана общежительная Нилова пустынь. Мощи преп. Нила обрѣтены 27 мая 1667 года и почиваютъ открыто, въ соборномъ храмѣ обители, въ великолѣпной ракѣ. Здѣсь же находится чудотворная икона Богоматери, называемая Селигерскою, принесенная на островъ преп. Ниломъ, и схи́ма, въ которой онъ былъ погребенъ. Въ день обрѣтенія мощей преп. Нила мощи его обносятся вокругъ обители.

³²⁾ Родиною блаж. Василія было подмосковное село Елохово, взошедшее впоследствіи въ составъ города.

³³⁾ На улицѣ Воздвиженкѣ. Теперь здѣсь приходская церковь.

проходилъ мимо дома, въ которомъ безумно веселились, пѣли пѣсни и пьянствовали, онъ со слезами обнималъ углы того дома. Что это значить?—спрашивали Василия. „Ангелы скорбные,—прерывая молчаніе, отвѣчалъ онъ,—стоять у этого дома и сокрушаются о грѣхахъ людскихъ, а я со слезами упрашивалъ ихъ молить Господа объ обращеніи грѣшниковъ“. Блаженный возвышался до чудныхъ состояній духовныхъ. Его видѣли ходящимъ по морю, какъ по суху: „видѣли люди невѣрные и дивились; придя въ Россію, они говорили: мы видѣли такого челоувѣка ходящимъ по морю“³⁴). Это были Персидскіе купцы, спасенные Василиемъ на морѣ во время бури.

Митрополитъ Макарій, узнавъ о блаженномъ Василии, сообщилъ объ немъ царю, и оба славили Бога, воздвигшаго въ ихъ время такого подвижника. Однажды царь Іоаннъ стоялъ въ храмѣ и думалъ, какъ украсить ему свой новый дворецъ на Воробьевыхъ горахъ. Послѣ службы Василій зашелъ изъ храма къ царю. „Гдѣ ты былъ, Василій? Я не видалъ тебя въ храмѣ“.—„А я видѣлъ тебя,—отвѣчалъ Василій,—только ты былъ не во храмѣ, а на Воробьевыхъ горахъ. Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, поетъ намъ Церковь“. Царю вздумалось пригласить юродиваго на свои именины. Подносили заздравную чашу. Юродивый три раза принималъ ее и выливалъ за окошко. Іоаннъ прогнѣвался, считая дѣйствіе юродиваго за пренебреженіе къ себѣ. „Не кипятись, Иванушка,—сказалъ юродивый;—надобно было заливать пожаръ въ Новгородѣ, и онъ залить“. Царь не былъ изъ числа довѣрчивыхъ людей, посланъ былъ нарочный въ Новгородъ, и оказалось, что блаженный сказалъ правду.

Одинъ богатый вельможа любилъ блаж. Василия, и Василій по временамъ бывалъ у него. Разъ Василій пришелъ къ нему въ лютый морозъ. Сострадательный бояринъ сталъ упрашивать его, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ такое время защитилъ тѣло свое отъ мороза теплой одеждой.—Хочется тебѣ этого?—сказалъ юродивый. „Искреннимъ сердцемъ люблю тебя, братъ, прими въ знакъ любви моей“,—говорилъ бояринъ. Блаженный съ улыбкою сказалъ: пусть такъ,—и я люблю тебя.—Бояринъ съ радостію надѣлъ на Василія богатую лисью шубу. Блаженный по обычаю побѣжалъ по улицѣ. Недобрые люди, увидавъ юродиваго въ богатой шубѣ, вздумали обманомъ взять ее у него. Одинъ легъ на дорогѣ, притворясь умершимъ; товарищи стали просить Василія подать что-нибудь на погребеніе бѣдняка. Отдавая шубу, Василій сказалъ: „лукавнующіе потребятся“. Когда отошелъ онъ, обманщики нашли товарища мертвымъ.

Въ послѣдніе дни свои блаж. труженикъ лежалъ на одрѣ, тяжело больной. Царь и царица Анастасія съ дѣтьми Іоанномъ и Теодоромъ пришли къ нему испросить молитвъ его за нихъ. Блаженный, находясь уже при смерти, сказалъ царевичу Теодору: „все достояніе прародителей твоихъ будетъ твоимъ, ты—наслѣдникъ“. И вслѣдъ затѣмъ

³⁴) Пѣснь 6-я канона на 2 августа, въ Миней Москвитинской печати 1646 г.

скончался. Это было 2 августа 1552 года. Изъ 88 лѣтъ жизни своей блаж. Василій провелъ въ подвигахъ юродства 72 года. Царь съ боярами несъ одръ его. Митр. Макарій съ соборомъ духовнымъ совершилъ погребеніе. Тѣло блаженнаго погребено было на кладбищѣ Троицкой церкви на рву ³⁵⁾.

Исцѣленія отъ мощей блаж. Василія начались съ 1588 г. Изъ множества чудесъ, совершенныхъ Васиціемъ въ загробной жизни, замѣтимъ одно, весьма замѣчательное. Черноризецъ Герасимъ двѣнадцать лѣтъ былъ безъ ногъ и питался милостынею у Спасскихъ воротъ. „Сколько лѣтъ ты ползаешь на колѣняхъ?“—спросилъ явившійся ему Василій.—Двѣнадцать лѣтъ, и все, что имѣлъ, роздалъ врачамъ, но безъ пользы,—отвѣчалъ старецъ. „Для чего же ты,—сказалъ ему Василій,—не вѣришь святымъ, отъ которыхъ можно получать исцѣленіе безъ всякой платы? Вѣруешь ли, что Богъ можетъ исцѣлить тебя?“ Вѣрую, Господи,—сказалъ бѣднякъ; вѣрую,—прибавилъ онъ,—что твоими молитвами помилуетъ меня Богъ. „Хорошо,—сказалъ явившійся,—ступай же къ гробу юродиваго“. Герасимъ пошелъ и совершенно выздоровѣлъ.

„Преблаженный Василій! Съ юности заботился ты стать въ день суда безъ страха и боязни, и смѣло отвергнувъ всѣ удовольствія тѣлесныя, послѣдовалъ за Христомъ; собиралъ богатство духовное трудами и терпѣніемъ, съ свѣчею всегда горящею. Какъ истинный и непобѣдимый страдалецъ, явился ты съ чистотою душевною и тѣлесною, для Христа изнузивъ тѣло всякою нуждою. Потому и получилъ отъ Него даръ исцѣленій. И нынѣ, блаженный Василій, моли о насъ, славящихъ твое усупеніе“ ³⁶⁾.

---

³⁵⁾ Мощи блаж. Василія почиваютъ подъ сводомъ въ Покровскомъ соборѣ, воздвигнутомъ царемъ Иоанномъ Грознымъ, въ память покоренія Казани. На гробницѣ его висятъ тяжелыя его вериги.

³⁶⁾ Стихира и тропарь блаж. Василія изъ той же Минеи.

Г Л А В А Ш.

Вторая половина царствованія Іоанна IV.—Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго.—Священномученикъ Филиппъ митрополитъ.—Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салось.—Преподобномученикъ Корнилій Псково-Печерскій.—Прославленіе мощей св. Никиты Новгородскаго и чудо въ Нарвѣ.—Явленіе Богородичной иконы въ Казани.—Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова.—Антоній Поссевинъ и происки папизма.—Сыноубійство.—Смерть Грознаго царя.

Страшно слѣдить за состояніемъ души человѣческой, когда она, предавшись вполнѣ влеченію страстей и похотей, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, никогда не укрощаемыхъ, не внимая ни голосу совѣсти, ни прещеніямъ слова Божія, направляется къ погибели путемъ беззаконій! Трудно и медленно поднимается человѣкъ на высоту, по узкому пути добродѣтелей, подъ игомъ Христовымъ и бременемъ креста (хотя—при всеильной помощи Господа-Спасителя—это иго дѣлается благимъ и это бремя легкимъ). Но какъ быстро, безъ усилій и напряженій, подобно безжизненному тѣлу, увлекаемому своею собственною тяжестью, стремятся въ бездну тѣ несчастные, которые пошли широкимъ путемъ пагубы! Поразительный примѣръ такого внезапнаго, бѣдственнаго, приводящаго въ ужасъ паденія представляетъ намъ личность царя Іоанна Васильевича, котораго наши лѣтописцы прозвали Грознымъ, а современники-иностранцы—Мучителемъ.

Іоаннъ родился съ пылкимъ сердцемъ, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага, въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили этотъ прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, приготовили перемѣну. Царь пересталъ чувствовать потребность въ руководствѣ, обнаруживалъ холодность къ Адашеву и Сильвестру, помня, что они благопріятствовали князю Владиміру во время болѣзни цар-

ской. Скоро не стало ихъ при дворѣ Іоанна ¹⁾; враги прежнихъ любимцевъ восторжествовали и заочно оклеветали ихъ предъ государемъ: увѣрили его, что Сильвестръ и Адашевъ извели царицу ядомъ или чародѣйствомъ. Нашлись новые любимцы, которые умѣли угодить Іоанну пирами и развратомъ. Новый бракъ съ злонравною черкешенкою ²⁾ еще болѣе развилъ въ сердцѣ его подозрительность и злобу на бояръ, которыхъ почиталъ онъ измѣнниками; полилась кровь ручьями; появились пытки и казни неслыханныя. Въ порывѣ непонятнаго изступленія, Грозный царь раздѣлилъ всю державу Русскую на двѣ части: одну назвалъ своею собственною, или „опричиною“, въ которую включилъ многіе города и участки самой столицы подъ личнымъ управленіемъ; другую, съ именемъ „земщины“, поручилъ боярамъ, жертвуя ею во всѣхъ случаяхъ своей опричинѣ. Онъ окружилъ себя ватагою буйныхъ людей, объѣзжалъ города и села, предавая ихъ огню, мечу и насилію, такъ что страшные опричники прослыли кромѣшниками въ народѣ, какъ будто они исторглись изъ тьмы кромѣшной. Избѣгая столицы, въ Александровской слободѣ ³⁾ устроилъ онъ себѣ кельи, палаты съ крестовою великолѣпною церковью и обнесъ ихъ оградою на подобіе обители; тамъ въ мантіи иноческой (которую, какъ бы на поруганіе, облекъ и свою кровожадную братію) ревностно исполнялъ онъ весь уставъ церковный, чтобы заглушить совѣсть, молясь и карая, изъ храма выходя на пытки: странная игра человеческого сердца! Благочестивые навыки дѣтства, всосанные съ молокомъ кормилицы, набожность внѣшняя, обратившаяся ему въ природу, безъ отчета и отголоска въ сердцѣ, пробивались всюду сквозъ жесткую, грубую оболочку страстей, которая сдѣлалась второю природою Іоанна.

Отъ мрачной подозрительности и лютой Грознаго царя страдала не только держава Русская, но и Церковь.

Преемникъ приснопамятнаго митрополита Макарія, кроткій, но слабый духомъ и тѣломъ Аѳанасій ⁴⁾, не могъ вынести страшнаго

¹⁾ Замѣтивъ немилость царскую, Адашевъ перешелъ на ратную службу и съ успѣхомъ воевалъ въ Ливоніи, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и тамъ постригся. Когда оба осуждены были заочно въ Москвѣ, Адашевъ былъ заключенъ въ тюрьму, въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ, а Сильвестръ заключенъ въ Соловки.

²⁾ Лѣтописцы увѣряютъ, что вторая жена Грознаго царя, Марія, изъ рода Черкесскихъ князей, много содѣйствовала злымъ своимъ нравомъ къ развитію лютой Іоанна. Чрезъ 8 лѣтъ она умерла, и царь, ненасытный въ плотскихъ наслажденіяхъ, былъ женатъ еще нѣсколько разъ; четвертый бракъ былъ разрѣшенъ ему соборомъ святителей 29 апр. 1572 года съ наложеніемъ епитиміи (Акты Археогр. Экспед. т. 1, № 284, стр. 329).

³⁾ Александровская слобода (теперь Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи) находится въ 112 верстахъ отъ Москвы. Тамъ сохранились донинѣ двѣ церкви, построенныя Грознымъ царемъ, съ подземными ходами подъ одной изъ нихъ. Онѣ принадлежатъ теперь къ дѣвичьему монастырю.

⁴⁾ При посвященіи Аѳанасія въ санъ митрополита, былъ возложенъ на него по соборному опредѣленію бѣлый клобукъ «съ рясами (воскриліями) и съ херувимомъ». До того одиѣ владыки Новгородскіе носили бѣлый клобукъ, какъ отличіе, данное св. архіепископу Василію патріархомъ Цареградскимъ Филоошемъ. Въ соборной грамотѣ упомяну-

зрѣлица казней и жестокостей и оставилъ каѳедру. Іоаннъ, какъ будто бы заботясь о благѣ Церкви, пожелалъ видѣть первосвятителемъ св. Германа, архипастыря Казанскаго; но когда нареченный митрополитъ, предъ поставленіемъ на каѳедру Московскую и всея Руси, осмѣлился говорить царю о страшномъ судѣ Божіемъ, предъ которымъ должны отдать отчетъ всѣ подданные и цари, и предъ которымъ страшно будетъ презрителямъ закона Божія, кто бы они ни были,—Іоаннъ съ безчестіемъ изгналъ праведника изъ митрополичьяго дома ⁵⁾).

Тогда выборъ царскій, конечно не безъ воли Божіей, палъ на пустыннаго подвижника, настоятеля обители Соловецкой, извѣстнаго Іоанну еще въ дѣтскомъ его возрастѣ и нѣкогда имъ любимаго. Это былъ игумень Филиппъ, изъ боярскаго рода Колычевыхъ. Онъ принадлежалъ къ семейству знатному по заслугамъ предковъ и искренно благочестивому. Бояринъ Степанъ Ивановичъ былъ любимъ в. к. Василиемъ, какъ доблестный и заслуженный воевода; жена его Варвара была набожна и сострадательна къ бѣднымъ. Сынъ ихъ Θεодоръ (мірское имя Филиппа) получилъ лучшее воспитаніе въ духѣ того времени: онъ учился грамотѣ по церковнымъ книгамъ, приобрѣлъ и сохранилъ до конца жизни любовь къ душеполезному чтенію ⁶⁾. В. к. Василий взялъ Θεодора Колычева ко двору, и юный Іоаннъ полюбилъ его. Но въ малолѣтство Іоанна жизнь при дворѣ была вдвойнѣ опасна: опасна для жизни отъ крамоль боярскихъ, опасна и для сердца отъ разврата. Горькая судьба, постигшая родственниковъ Θεодора ⁷⁾, не могла не подѣйствовать на его сердце: юноша живо почувствовалъ грѣховность и пустоту свѣтской жизни. Въ одинъ воскресный день (5 іюня 1537 года) случилось ему во время литургіи слышать слово Спасителя: „никтоже можетъ двѣма господинома работати“. Божественныя слова такъ поразили его, что онъ рѣшился навсегда разстаться съ міромъ. Это было на 30-мъ году его жизни.

то, что св. митроп. Петръ и Алексій и нѣкоторые древніе святители изображаются на иконахъ въ бѣлыхъ клобукахъ.

⁵⁾ Св. Германъ не былъ отпущенъ на епархію, но тайно содержался въ заключеніи. Впрочемъ онъ былъ на посвященіи св. Филиппа и скончался въ Москвѣ 6 ноября 1567 года, во время мороваго повѣтрія. Мощи его были погребены въ церкви св. Николая (по прозванію Мокраго). Въ 1595 году Свіязскіе граждане выпросили у царя Θεодора дозволеніе перенести св. тѣло архипастыря ихъ въ Свіязскъ. Архіепископъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ и нашелъ негнѣнными мощи святителя. Когда ставили ихъ (25 сент.) въ алтарь созданнаго имъ монастырскаго храма, то не только въ церкви, но и по всей обители разлилось благоуханіе. Тогда же истекли отъ нихъ исцѣленія нѣсколькимъ больнымъ; въ томъ числѣ прозрѣли два слѣпца. Теперь мощи св. Германа почиваютъ въ соборной церкви Свіязска, въ серебряной ракѣ.

⁶⁾ Въ то время многіе изъ знатныхъ бояръ не знали грамоты. Такъ видимъ въ одной грамотѣ 1566 года: «а Шереметевъ и Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣютъ» (Собр. госуд. грамотъ и договоровъ ч. 1, стр. 556).

⁷⁾ Колычевы пострадали за преданность князю Андрею (дядѣ царя Іоанна) въ суровое правленіе в. кн. Елены. Одинъ изъ нихъ былъ повѣщенъ, другой пытанъ и долго содержался въ оковахъ.

Теодоръ тайно, въ одеждѣ простолюдина, удалился изъ Москвы и близъ озера Онеги въ деревнѣ Хижакъ пробылъ нѣсколько времени въ занятіяхъ поселянина, чтобъ остаться незамѣченнымъ въ случаѣ поиска; потомъ явился въ Соловецкую обитель, незнаемый никѣмъ, и принялъ на себя суровыя работы: сынъ знаменитыхъ и славныхъ родителей рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ землю, работалъ на мельницѣ и на рыбной ловлѣ. Испытанный въ теченіе полутора года, Теодоръ Колычевъ постриженъ, по желанію своему, въ монашество съ именемъ Филиппа и отданъ подъ надзоръ опытному старцу Іонѣ Шамину, собесѣднику преп. Александра Свирскаго. Игуменъ Алексій послалъ новаго инока въ монастырскую кузницу, и Филиппъ колотилъ желѣзо тяжелымъ молотомъ; потомъ заставили его работать въ хлѣбнѣ. Вездѣ Филиппъ оказывался лучшимъ послушникомъ; несмотря на тяжелую работу, онъ никогда не оставлялъ церковной молитвы—первымъ являлся въ храмъ и послѣднимъ выходилъ изъ него. Послѣ девятилѣтнихъ подвиговъ смиренный послушникъ, по единому желанію всей братіи, посвященъ въ санъ игумена (въ 1548 году) и много потрудился для обители преп. Зосимы и Савватія ⁸⁾.

Таковъ былъ новый избранникъ, вызванный въ Москву на престолъ митрополіи! Первый взглядъ на царя долженъ былъ произвести тяжкое впечатлѣніе на благочестиваго игумена: безпокойный, раздражительный видъ, зловѣщій огонь нѣкогда ясныхъ очей, внезапная, ранняя потеря волосъ—должны были высказать опытному старцу всю несчастную повѣсть души царевои, пожираемой страстями. Царь надѣялся, что найдетъ въ Филиппѣ совѣтника, который ничего не имѣетъ общаго съ мятежнымъ, по мнѣнію Іоанна, боярствомъ, какъ удаленный отъ него сначала образомъ мыслей и правилами воспитанія, потомъ монашествомъ на островѣ Бѣлаго моря. Самая святость Филиппа должна была служить укоромъ для бояръ—въ глазахъ царя, недостойныхъ и нечестивыхъ. Іоанну казалось, что если онъ вручитъ подобному человѣку жезлъ первосвятительскій, то угодитъ Богу ревностію къ благу Церкви и себѣ доставитъ надежнаго молитвенника и духовнаго утѣшителя. Притомъ онъ могъ надѣяться, что смиренный отшельникъ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла правленія, а, сия добродѣтелью, будетъ и царя освѣщать ею въ глазахъ народа. Онъ принялъ Соловецкаго игумена съ честію, говорилъ и обѣдалъ съ нимъ дружески; наконецъ объявилъ, что желаетъ видѣть его на каедрѣ митрополита. Филиппъ долго не соглашался принять высокой санъ. „Не могу,—говорилъ онъ со слезами,—принять на себя дѣло, превышающее силы мои: отпусти меня Господа ради; зачѣмъ малой ладѣй поручать тяжесть великую?“ Царь настаивалъ на своемъ. Филиппъ объявилъ наконецъ, что исполнитъ волю царя, но съ тѣмъ,

⁸⁾ Труды св. Филиппа въ званіи игумена Соловецкаго подробно изложены въ соч. преосв. епископа Леониды: «Жизнь св. Филиппа митрополита» (Душепол. Чтен. 1861, ч. II, стр. 58—83).

чтобъ уничтожена была опричнина, отъ которой страдаетъ держава Русская. Іоаннъ отвѣчалъ, что опричнина нужна для царя и для царства, что противъ него всё умышляютъ. Святители уговорили Филиппа согласиться на волю гнѣвнаго царя: „не вступаться въ дѣла двора и опричнины, послѣ поставленія не удаляться съ митрополіи за то, что царь не уничтожилъ опричнины, но совѣтываться съ царемъ, какъ совѣтовались прежніе митрополиты“. Такимъ образомъ св. Филиппъ оставилъ за своею совѣстію свободу и долгъ печаловаться за невинно-гонимыхъ и говорить о правдѣ евангельской ⁹⁾. Въ первое за тѣмъ время дѣла шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпалъ его ласками и вниманіемъ уважительнымъ. Москва радовалась, увидя тишину съ появленіемъ новаго митрополита.

Въ послѣдней половинѣ 1567 года снова поднялись дѣла опричнины: доносы, клеветы, убійства, грабежи; особенно по возвращеніи изъ безуспѣшнаго похода Литовскаго царь былъ въ сильномъ раздраженіи, и этимъ пользовались злодѣи. Надъ стонами невинныхъ смѣялись они и предавались гнуснымъ дѣламъ. Уже многіе знатнѣйшіе бояре сложили головы, кто въ Москвѣ, кто по городамъ; одни въ истязаніяхъ, другіе подъ ударомъ топора, на плахѣ, нѣкоторые пали отъ собственной руки Іоанна. Уже не только вельможи мнимо-опасные, по и мирные безвѣстные граждане, страшась наглости кромѣшниковъ, были въ отчаяніи, запирались въ домахъ, и Москва какъ будто замерла отъ ужаса; опустѣли площади и улицы столицы. Среди страшнаго безмолвія, несчастные ожидали тольکو, не раздастся ли за нихъ единственный спасительный голосъ—голосъ Филиппа... Между тѣмъ митрополитъ убѣждалъ владыку Новгородскаго Пимена и другихъ епископовъ стать за правду предъ лицомъ гнѣвнаго государя. Но уже не было въ живыхъ св. Германа Казанскаго, „непобѣдимаго о Бозѣ ревнителя“, а прочіе трепетали отъ малодушія. Тогда ревностный первосвятитель не устранился и одинъ, безъ помощниковъ, вступить въ подвигъ: онъ отправился увѣщавать Іоанна въ Александровскую слободу,—эту берлогу разврата и злодѣйствъ. „Державный царь!—говорилъ онъ наединѣ Іоанну,—облегченный саномъ самымъ высокимъ, ты долженъ болѣе всѣхъ чтить Бога, отъ Котораго принялъ державу и вѣнецъ; ты образъ Божій, но вмѣстѣ и прахъ. Властелинъ тотъ, кто владѣетъ собою, не служитъ низкимъ похотямъ, и не волнуется, въ самозабвеніи, собственную державу“. Іоаннъ закипѣлъ гнѣвомъ и сказалъ: „что тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ дѣлъ?“ Святитель отвѣчалъ: „по благодати Св. Духа, по избранію священнаго собора и по вашему изволенію, я—пастырь Христовой церкви. Мы съ тобою должны заботиться о благочестіи и покоѣ православнаго

⁹⁾ Право «печалованія» или заступничества за осужденныхъ и гонимыхъ искони принадлежало святителямъ Русскимъ. Въ грамотахъ самого Іоанна и отца его читаемъ: «для отца своего митрополита» государь прощаетъ (Дополн. въ акт. истор. т. I, № 52 и 62. Акты истор. т. I, № 158, 175 и др.).

христіанскаго царства“. „Молчи“,—сказалъ Іоаннъ. Молчаніе неумѣстно теперь—продолжалъ святитель: оно размножило бы грѣхи и пагубу. Если будемъ выполнять произволы человѣческіе,—какой отвѣтъ дадимъ въ день пришествія Христова? Господь сказалъ: „да любите другъ друга: больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя. Аще въ любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете“. Твердый начетчикъ книжный, Іоаннъ отвѣчалъ словами Давида: „искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа, и ближніи мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущи душу мою, ищущи злая мнѣ“. „Государь!—сказалъ святитель,—надобно различать добрыхъ людей отъ худыхъ: одни берегутъ общую пользу, а другіе говорятъ тебѣ неправду, по своимъ видамъ: грѣшно не обуздывать людей вредныхъ, пагубныхъ тебя и царству; пусть водворится любовь на мѣстѣ раздѣленія и вражды“. Филиппъ!—сказалъ Іоаннъ,—не прекословъ державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или оставь митрополию“. „Я не посылалъ,—отвѣчалъ святитель,—ни просьбъ, ни ходатаевъ и не наполнялъ ничьихъ рукъ деньгами, чтобы получить санъ святительскій. Ты лишилъ меня пустыни моей. Твори, какъ хочешь“.

Съ того времени опричники стали настойчиво вооружать царя противъ митрополита. Царь возвратился въ Москву, и казни возобновились. Къ святителю приходили вельможные и простые и со слезами умоляли его о защитѣ. Святитель утѣшалъ несчастныхъ словами евангелія: „Дѣти!—говорилъ онъ,—Господь милостивъ! Онъ не посылаетъ искушеній болѣе, чѣмъ можемъ понести; надобно быть и соблазнамъ, но горе тому, къмъ соблазнъ приходитъ. Все это случилось съ нами по грѣхамъ нашимъ, для исправленія нашего; но счастье обѣщано намъ не на землѣ, а на небѣ“. Въ крестопоклонное воскресенье (2 марта 1568 года) царь пришелъ въ храмъ соборный. Онъ и опричники были въ черныхъ одеждахъ, съ высокими пылками на головахъ и съ обнаженными оружіями. Іоаннъ подошелъ къ митрополиту, стоявшему на своемъ мѣстѣ, и ждалъ благословенія. Святитель безмолвно смотрѣлъ на образъ Спасителя. Опричники сказали: „Владыко! государь предъ тобою, благослови его“. Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, сказалъ: „Государь! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и сказивъ благолѣпіе твоего сана! Ни въ одеждѣ, ни въ дѣлахъ—не видно царя. У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а на Руси нѣтъ правды; въ цѣломъ свѣтѣ уважаютъ милосердіе, а на Руси нѣтъ состраданія даже для невинныхъ и правыхъ. Убойся, государь, суда Божія. Сколько невинныхъ людей страдаетъ! Мы здѣсь приносимъ жертву безкровную Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Грабежи и убійства совершаются именемъ царя“. Іоаннъ распалился гнѣвомъ и сказалъ: „Филиппъ! ужели думаешь перемѣнить нашу волю? Не лучше ли быть тебѣ одиѣхъ съ нами мыслей!“— „Къ чему же вѣра наша?—отвѣчалъ святитель.—Не жалѣю я тѣхъ, которые пострадали невинно: они мученики Божіи; но скорблю за

твою душу“. Иоаннъ пришелъ въ неистовство и грозилъ казнями: „Намъ ли противишься ты? Увидимъ твердость твою!“ „Я пришлецъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои,—тихо отвѣчалъ святитель,—готовъ страдать за истину“. Въ себя отъ ярости, Иоаннъ вышелъ изъ храма. Предъ соборъ епископовъ явился чтецъ съ гнусною клеветою на святителя. Новгородскій владыка Пимень, унижавшійся предъ царемъ,—сказалъ вслухъ другихъ: „Митрополитъ царя обличаетъ, а самъ дѣлаетъ гнусности“. Тогда исповѣдникъ правды сказалъ Пимену: „Любезный! челоуѣкоугодничествомъ домогаешься ты получить чужой престоль, но лишишься и своего“. Чтецъ тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами говорить клевету. Святитель, простивъ чтеца, предалъ себя въ волю Божию. „Вижу,—говорилъ онъ духовнымъ сановникамъ,—что хотятъ моею погибели, и за что же? за то, что никому не льстилъ я, не давалъ никому подарковъ, не угощалъ никого пирами. Но что бы ни было, не перестану говорить правду—не хочу носить бесполезно санъ святительскій“.

Такую же смѣлость обличенія показалъ святитель и во время крестнаго хода (28 юля), куда Иоаннъ явился съ опричниками въ полномъ ихъ нарядѣ. Въ то время, когда пришелъ царь, святитель хотѣлъ читать евангеліе и, преподавая миръ всѣмъ, увидѣлъ опричника въ тафѣѣ. „Державный царь!—сказалъ святитель,—добрые христіане слушаютъ слово Божіе съ непокрытыми главами; съ чего же эти люди вздумали слѣдовать магометанскому закону—стоять въ тафяхъ?“ Кто это такой?—спросилъ царь. Но виновный спряталъ тафью, а товарищи его сказали, что митрополитъ лжетъ и возстаетъ на царя. Иоаннъ вышелъ изъ себя, грубо ругалъ святителя, называлъ его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, клялся, что уличитъ его въ преступленіяхъ.

Стали искать лжесвидѣтелей противъ святителя въ Соловецкомъ монастырѣ, но тамъ всѣ называли Филиппа праведнымъ и святымъ; наконецъ игумень Паисій, которому обѣщали санъ епископа, монахъ Зосима и съ нимъ еще нѣкоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками противъ святителя. Составили доносъ. Въ Москвѣ Паисій, въ присутствіи царя и духовенства, со всею наглостію обвинялъ Филиппа. Святитель кротко сказалъ Паисію: „что сѣешь, то и пожнешь“. И обратясь къ царю, говорилъ: „Государь! не думаешь ли, что боюсь я смерти? Достигнувъ старости, готовъ я предать духъ мой Всевышнему, моему и твоему Владыкѣ. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, чѣмъ въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія. Оставляю жезлъ и мантию митрополичьи. А вы всѣ, святители и служители алтаря, пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь небснаго Царя болѣе, чѣмъ земного“. Святитель снялъ съ себя бѣлый клобукъ и мантию. Но царь остановилъ его, сказавъ, что ему должно ждать суда надъ собою, заставилъ взять назадъ утварь святительскую и еще служить литургію 8 ноября. При началѣ литургіи ворвался въ соборный храмъ одинъ изъ гнусныхъ

любимцевъ царскихъ, Басмановъ, и вслухъ народа прочель осужденіе Филиппу. Опричники бросились въ алтарь, сорвали со святителя облаченіе, одѣли въ рубище, вытолкали изъ храма, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь, осыпая его бранью и побоями. Толпы народа со слезами правожали святителя, а онъ спокойно благословлялъ народъ. Предъ вратами обители онъ сказалъ народу: „дѣти! все, что могъ, сдѣлалъ я; если бы не изъ любви къ вамъ, и одного дня не оставался бы я на каедрѣ. Уповайте на Бога, терпите“. Нѣсколько дней страдалъ неустрашимый исповѣдникъ правды—въ смрадной кельѣ, окованный цѣпями, съ тяжелою колодкой на шеѣ, лишенный хлѣба. Сюда Іоаннъ прислалъ ему голову любимаго его племянника и велѣлъ сказать ему: „вотъ твой любимый сродникъ, не помогли ему твои чары“. Святитель всталъ, благословилъ и поцѣловалъ голову и велѣлъ возвратити царю кровавый подарокъ. Наконецъ Іоаннъ сослалъ Филиппа въ заточеніе въ Тверской Отрочъ монастырь.

Прошло около года, какъ св. Филиппъ томился въ заточеніи. Въ декабрѣ 1569 года двинулся царь со своею дружиною карать Новгородъ и Псковъ за мнимую измѣну. Тогда, по волѣ Іоанна, Малюта Скуратовъ ¹⁰⁾ явился въ келію Филиппа и съ видомъ смиренія сказалъ: „Владыко святыи! преподай благословеніе царю на путь въ Новгородъ“. Святитель зналъ, зачѣмъ явился Малюта. Еще за три дня до того сказалъ онъ бывшимъ при немъ: „вотъ приблизился конецъ моего подвига“, и причастился св. Таинъ. Злодѣю отвѣчалъ онъ: „дѣлай, что хочешь, но дара Божія не получаютъ обманомъ“. Сказавъ это, онъ сталъ на молитву и просилъ Господа, да приметъ духъ его съ миромъ. Малюта задушилъ святителя подушкою и сказалъ настоятелю, что бывшій митрополитъ умеръ отъ угара. Это было 23 декабря 1569 г. Такъ окончилъ земную жизнь свою великій святитель, положившій жизнь за стадо свое! Многими богоугодными, великими іерархами просіяла Церковь Русская, но въ числѣ ихъ одинъ только мученикъ за правду и человѣколюбіе: слава его нетлѣнна, какъ нетлѣнны самыя останки его ¹¹⁾.

„Восхвалимъ Филиппа премудраго, наставника православія, провозвѣстника истины, ревнителя Златоустаго, свѣтильника Русской земли. Вооруживъ себя броней духовнаго мужества, ты безтрепетно обличалъ не послушавшихъ тебя; властію отъ Бога единого данною,

¹⁰⁾ Любимецъ Іоанна и начальникъ опричниковъ, закоренѣлый злодѣй, «мужъ камосердечный», по выраженію перваго жизнеописателя св. Филиппа.

¹¹⁾ Мощи св. Филиппа были немедленно, въ присутствіи убійцы, преданы землѣ, за алтаремъ монастырской церкви. Въ 1591 году онѣ перенесены изъ Твери въ Соловецкую обитель—на мѣсто иноческихъ подвиговъ священо-мученика, при чемъ найдены совершенно нетлѣнными и положены въ приготовленной имъ для себя могилѣ, въ предверіи созданнаго имъ храма, подлѣ любимаго наставника его въ монашествѣ, инока Іоны Шамина. Въ 1652 году св. мощи перенесены изъ Соловковъ въ Москву и поставлены открыто въ царственномъ соборномъ храмѣ Успенія Богоматери, гдѣ и нынѣ почиваютъ.

ты совершилъ свое теченіе и соблюлъ вѣру, блаженный святитель, увѣнчанный свѣтлымъ вѣнцомъ правды! Тобою украсилъ Богъ храмъ Матери Своей и нетлѣнное тѣло твое, въ изгнаніи пострадавшее, много лѣтъ въ землѣ сокровенное, возвратилъ престолу твоему, къ радости и веселію паствы твоей“¹²⁾.

Между тѣмъ царь прибылъ въ Новгородъ, гдѣ вѣрныи народъ и не думалъ сопротивляться волѣ его. Начались страшныя истязанія подь предлогомъ мнимой измѣны, неслыханныя свирѣпства; начался „разгромъ“ или, какъ называется современный лѣтописецъ,—„неисповѣдимое колебаніе, паденіе, кровопролитіе Великаго Новгорода“¹³⁾. Но и здѣсь нашелся смѣлый обличитель неправды и злодѣйства—преп. Арсеній затворникъ¹⁴⁾. Царь пощадилъ обитель Арсенія, нѣсколько разъ посѣщалъ его и безъ гнѣва выслушивалъ обличенія праведника, который одинъ дерзалъ быть заступникомъ несчастнаго города, отказывалъ царю въ благословеніи и не принималъ отъ него богатыхъ даровъ. Во все продолженіе разгрома Арсеній не выходилъ изъ кельи, неусыпно, но—увы!—неуслышанный, молясь о смягченіи царской ярости. Утомившись казнями и собираясь въ Псковъ, Грозный царь пришелъ къ затворнику—принять благословеніе и звать его съ собою. „Насытился ли кровію звѣрь, кровожадный? — сказалъ ему праведникъ.—Кто можетъ благословить тебя, кто можетъ молить Бога о мучителѣ, облитомъ кровію христіанскою? Много душъ неповинныхъ послалъ ты въ царство небесное, а самъ не узришь его. И еще замышляешь новое кровопролитіе“. Царь увѣрялъ, что никому не сдѣлаешь зла во Псковѣ, если не найдетъ тамъ измѣнн. „И ты самъ, отче, будешь свидѣтель тому“, прибавилъ онъ. „Пусть будетъ по слову твоему,—отвѣчалъ преп. Арсеній. Завтра готовъ я въ путь съ тобой и не отступенъ буду отъ тебя во Псковѣ. Но знай, что не на радость тебѣ будетъ, когда помыслишь злое, и ярость кровожадная возгорится въ тебѣ. Тогда вспомнишь слова мои: страхъ и тре-

¹²⁾ Кондакъ и стихиры изъ службы св. Филиппа, напечатанной въ январской Мишеѣ подь 9 числомъ. Память святителя праздновалась всею церковью Русскою съ 1591 года, въ 23 день декабря, но съ 1660 года празднованіе перенесено на 9 января (Душепол. Чт. 1861, ч. II, стр. 180).

¹³⁾ Собр. лѣтоп. т. III, стр. 254 и слѣд. Кровопролитіе «великаго разгрома» было безпримѣрное: въ мукахъ и истязаніяхъ, подь мечомъ oprичниковъ и въ волнахъ Волхова, погибло въ продолженіе шести недѣль до 60 т. человекъ. Волховъ, запруженный группами, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Всѣ церкви и монастыри въ городѣ и окрестности были разграблены. Особенно пострадалъ монастырь преп. Антонія Римлянина: тамъ убили игумена Геласія со всѣми монахами и совершенно ограбили обитель, которая осталась послѣ того на три года пустою, безъ братіи и безъ службы церковной. Владыка Пимень заточенъ въ Николаевскій Веневскій монастырь и тамъ скорѣ скончался, какъ думали современники, отъ голода.

¹⁴⁾ Преп. Арсеній, уроженецъ Ржева-Владимірова, устроилъ въ 1562 году иноческую обитель съ храмомъ Рождества Богородицы, на Торговой сторонѣ Новгорода, близъ Ярославова дворища и церкви св. Мурносицъ. Онъ былъ строгій подвижникъ, носилъ вериги, жилъ въ затворѣ и, предвидя бѣдствія роднаго города, непрестанно проливалъ слезы. Иногда видали его плачущимъ на Великомъ мосту.

петь объимуть тебя, и сотрясутся отъ ужаса всѣ кости твои“. На утро дверь въ кельѣ Арсенія оказалась запертою изнутри, и сколько ни стучались, старецъ не подалъ голоса. Разломали дверь и увидѣли старца на колѣняхъ, съ согнутыми на груди руками и наклоненною головой. Онъ какъ будто продолжалъ молиться, но праведная душа его отлетѣла уже въ селенія небесныя¹⁵⁾.

Для совѣсти, отягченной кровью, тяжело было зрѣлище мирной кончины праведника! Во всю дорогу Грозный былъ мраченъ и задумчивъ. На послѣднемъ ночлегѣ, въ с. Любятѣвъ, близъ Пскова, царь съ ужасомъ выбѣжалъ изъ избы, между тѣмъ какъ въ городѣ, трепетавшемъ отъ ужаса, раздавался благовѣстъ къ воскресной утрени. „Теперь во Псковѣ всѣ трепещуть, но напрасно; я не сотворю имъ зла“, сказалъ царь спокойнымъ голосомъ. „Притупите мечи о камень. Да престануть убійства“. Чѣмъ объяснить внезапный ужасъ Іоанна, внезапный переходъ отъ свирѣпства къ кротости? Царь твердо помнилъ послѣднія слова затворника Арсенія и былъ увѣренъ, что усопшій праведникъ невидимо сопутствуетъ ему во Псковѣ. При мрачномъ и подозрительномъ характерѣ, при разстроенномъ воображеніи, при помраченной злодѣянiami совѣсти Грознаго, не страшно ли было ему имѣть при себѣ такого неотступнаго обличителя?

На слѣдующее утро, 20 февраля, во второе воскресенье великаго поста, улицы Пскова представляли необыкновенное зрѣлище. По всѣмъ улицамъ до Кремля, противъ всѣхъ домовъ и воротъ, были разставлены столы съ разными постными кушаньями; жители въ праздничномъ платьѣ стояли предъ столами. Всѣ они были въ страхѣ, какъ приговоренные къ смерти; многіе дрожали, иные плакали. Одинъ только человекъ, въ длинной рубашкѣ, подпоясанный веревкою, смѣло и беззаботно разгуливалъ по улицамъ, пробѣгая босыми ногами отъ одного стола къ другому и стараясь ободрить жителей.

Это былъ юродивый Никола, по прозванію Салось, всему городу извѣстный и всѣми уважаемый праведникъ. Царь въѣхалъ въ городъ. Вдругъ явился предъ нимъ юродивый, прыгая на палочкѣ по дѣтскому обычаю и приговаривая:

— Иванушка! Иванушка! покушай: вотъ тебѣ хлѣбъ-соль. Чай не наѣлся мясомъ человѣчьимъ въ Новгородѣ.

Царь разгнѣвался и велѣлъ было опричникамъ схватить его; но блаженный исчезъ, скрывшись въ толпѣ народа. При выходѣ изъ Троицкаго соборнаго храма снова встрѣтилъ царя Никола и неотступно звалъ къ себѣ въ келью подъ соборную колокольню. Въ этой

¹⁵⁾ Тѣло затворника погребено въ той же хижинѣ, гдѣ онъ затворился для молитвы. По упраздненіи основанной имъ обители, мощи преп. Арсенія перенесены въ 1787 году въ Кирилловъ монастырь (въ 4 верстахъ отъ Новгорода) и тамъ почиваютъ подъ спудомъ. Память преставленія его показана въ святцахъ и житіи 12 іюля; но это явная ошибка: отъѣздъ Грознаго царя изъ Новгорода во Псковъ былъ въ февралѣ 1575 г., а не въ іюлѣ. Можетъ быть 12 іюля (неизвѣстно въ какомъ году) обрѣтены были мощи преп. Арсенія.

убогой и тѣсной кельѣ, на лавкѣ, была разостлана чистая скатерть и на ней лежалъ огромный кусокъ сырого мяса.

— Покушай, покушай, Иванушка, — приговаривалъ Никола, съ поклономъ угощая царя.

— Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ, — сурово сказалъ царь.

— Мяса не ѣшь, а людей губишь и кровь христіанскую пьешь, и суда Божія не боишься!

Закипѣло на душѣ у Грознаго. Онъ велѣлъ снимать колокола съ соборной церкви и грабить ризницу. А юродивый, взглянувъ ему въ глаза, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Не тронь насъ, прохожій человѣкъ, ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, не на чѣмъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда.

Въ ту же минуту вошелъ Малюта Скураговъ, блѣдный отъ страха, и доложилъ царю, что любимый конь его палъ.

— Вотъ только тронь кого-нибудь въ богоспасаемомъ Псковѣ, — закричалъ ему юродивый, — или церкви начни грабить — тотчасъ же издохнешь, какъ конь твой. — Грозный оставилъ въ покоѣ городъ, спасенный отъ разоренія юродивымъ ¹⁶⁾.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Грозный царь, отправляясь въ Ливонскій походъ, посѣтилъ Псково-Печерскій монастырь ¹⁷⁾, гдѣ настоятельствовавъ тогда преп. игумень Корнилій.

Иноческіе подвиги Корнилія начались съ ранней юности въ той же Печерской обители; при немъ распространень пещерный храмъ и съ 1524 г. храмовая икона Успенія Богородицы начала источать исцѣленія. Облеченный въ санъ игумена съ 1529 года, ревностный подвижникъ, въ продолженіе многолѣтняго настоятельства, возвысилъ обитель во всѣхъ отношеніяхъ. Жизнь его была образцомъ строгой иноческой жизни и онъ старался одушевить ревностью къ подвижничеству подчиненныхъ ему иноковъ. Неутомимый въ трудахъ, онъ по-

¹⁶⁾ Праведный Николай, Псковскій чудотворецъ, преставился 28 февраля 1576 года. По особому уваженію жителей Пскова къ блаж. Николаю, онъ погребенъ былъ подъ соборнымъ храмомъ — почеть, какой удостоивались тогда только князья и архипастыри. Теперь мощи его почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ, въ правомъ придѣлѣ Троицкаго собора. Въ древнемъ кондакѣ ему сказано: «Чудотворецъ явися Николае, цареву державу и смысла свирѣпство на милость обративъ, и нынѣ молимъ тя, святе, пребуди въ насъ еще, защити отъ коварствъ вражнихъ; ты бо еси граду Пскову и всѣмъ христіолюбивымъ людямъ похвала и утверженіе». Память его мѣстно празднуется въ день преставленія.

¹⁷⁾ Въ той мѣстности, гдѣ стоитъ Псково-Печерскій монастырь (въ 56 верст. отъ Пскова, близъ Лифляндской границы) въ XV вѣкѣ поселилось нѣсколько старцевъ, искавшихъ уединенія для спасенія душъ своихъ. Выкопавъ себѣ въ горѣ пещеры, а можетъ быть, нашедши уже готовую пещеру, устроенную самою природою, они проводили тамъ жизнь свою и тамъ преставились, никому невѣдомые. Звѣроловы Изборскіе слышали пѣніе какъ бы внутри горы, прозванной послѣ того «святою»; потомъ случайно открыто устье пещеры и надпись надъ нимъ: «Богомъ зданная пещера. Въ 1473 году поселился здѣсь пришедшій изъ Юрьева-Ливонскаго (Дерпта) священникъ Іоаннъ. Принявъ иночество съ именемъ Іоны, онъ устроилъ церковь въ пещерѣ и былъ первымъ строителемъ новой обители.

строилъ въ Псковѣ, на Печерскомъ подворьѣ, каменный храмъ въ честь Богоматери Одигитріи; въ монастырѣ своемъ деревянный храмъ 40 мучениковъ онъ перенесъ за монастырь для монастырскихъ рабочихъ, а на мѣстѣ его построилъ каменный храмъ Благовѣщенія ¹⁸⁾. Въ назиданіе другимъ описалъ онъ чудеса Печерской иконы Богоматери. „Свидѣтель этихъ чудесъ,—говоритъ онъ,—не я одинъ, а весь Псковъ и Новгородъ. Богоматерь подаетъ исцѣленія не только православному, но и иновѣрному, приходящимъ изъ нѣмецкой земли (изъ Лифляндіи) съ вѣрою къ чудотворному образу“. Блаженный Корнилій любилъ просвѣщеніе и насаждалъ благочестіе не только въ своей обители, но и во всей окрестности: онъ построилъ храмы Божіи въ Агиревѣ и Топинѣ—сосѣднихъ селеніяхъ и много заботился о просвѣщеніи полудикихъ Эстовъ православною вѣрою. Когда дружины Русскія завоевали большую часть Ливоніи, блаж. Корнилій щедрою рукою раздавалъ пособія бѣднымъ Эстамъ, пострадавшимъ отъ войны. Въ Нейгаузенѣ построилъ онъ православный храмъ. Благотворительность ревностнаго игумена, кроткія наставленія, безкорыстіе и чистая жизнь его произвели то, что въ приходѣ Нейгаузена всѣ Эсты, а въ другихъ приходахъ многіе обратились къ православію, какъ къ благочестію безкорыстному и искреннему. Въ 1565 году блаж. Корнилій окружилъ монастырь каменною оградой и надъ вратами построилъ храмъ въ честь святителя Николая, поручивъ сему дивному защитнику чистой вѣры оберегать обитель православія. При положеніи обители на границѣ Ливонскихъ нѣмцевъ, заклятыхъ враговъ православія, такое укрѣпленіе необходимо было не для одной обители, но и для всей Русской земли.

Царь Іоаннъ зналъ и уважалъ преп. Корнилія. Онъ обошелся съ нимъ милостиво, когда старецъ встрѣтилъ его въ Псковѣ, послѣ разгрома Новгородскаго. Но, приближаясь къ обители Печерской, со стороны Ливоніи, Грозный царь увидѣлъ твердыни монастырской ограды, воздвигнутыя Корниліемъ и страшно разгнѣвался, подозрѣвая, по навѣтамъ клеветниковъ, что въ этихъ укрѣпленіяхъ кроется мысль независимости отъ Москвы ¹⁹⁾. Когда преп. Корнилій вышелъ за во-

¹⁸⁾ Оба эти храма, Благовѣщенскій въ монастырѣ и 40 мучениковъ за оградой, доселѣ существуютъ. Послѣдній изъ нихъ, деревянный, съ крышею въ одинъ скатъ, служить приходскимъ для жителей заштатнаго городка Печерска. Живописное расположеніе монастыря, въ ущелии, съ двумя горами, изъ которыхъ одна—«Святая», вмѣщаетъ въ себѣ Успенскій храмъ и пещеры, необыкновенный видъ маститыхъ дубовъ надъ нею, громадныя твердыни ограды, сложенной изъ плитняка, въ 380 саж. длиною и до 5 сажень въ вышину, съ множествомъ башенъ—все это даетъ обители такой дивный видъ, котораго нельзя передать словами, но онъ навсегда остается въ памяти того, кто хотя однажды видѣлъ эту дивную обитель.

¹⁹⁾ Курбскій увѣряетъ, что преп. Корнилій и вмѣстѣ съ нимъ другой инокъ, ученикъ его Вассіанъ Муромцевъ, раздавлены какимъ-то мучительскимъ орудіемъ, и тѣла ихъ положены въ одномъ гробѣ. Теперь мощи преподобно-мученика почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ въ пещерной Успенской церкви. Годъ кончины преп. Корнилія трудно опредѣлить съ точностію, но, принимая въ соображеніе, что Курбскій говоритъ о ней вслѣдъ

рота съ крестомъ на встрѣчу государю, Грозный тутъ же повелѣлъ умертвить старца. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, „приснопамятный, достохвальный, достоблаженный игумень, добрый пастырь, отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному Царю въ вѣчное жилище“.

Страшная година мучительства служила испытаніемъ вѣры для Русскаго народа: не было ни заговоровъ противъ Грознаго царя, ни мятежа, ни измѣны, немногіе рѣшились на побѣгъ за предѣлы отечества ²⁰⁾. Первые вельможи, подпоры престола, съ такимъ же смиреніемъ, съ такою же покорностью волѣ Божіей, какъ и простолудины, клали голову на плаху; никто, среди неслыханныхъ мученій, не осмѣливался проклинать мучителя, почитая въ немъ помазанника Божія; нашлись и такіе, которые, перенося истязанія, молились за царя. При такихъ чувствахъ православнаго народа, неудивительно, что Господь посылалъ чудныя знаменія для утѣшенія и укрѣпленія вѣрующихъ въ разныхъ краяхъ Россіи.

Такъ, въ Великомъ Новгородѣ, не задолго до страшнаго разгрома, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи святителя Никиты, которыя, съ разрѣшенія самодержца и митрополита, были открыты владыкою Пименомъ, послѣ бывшаго ему видѣнія. Когда поднята была крыша гробницы, увидѣли священное сокровище благодати: не только тѣло угодника Божія, но и ризы его сохранились въ совершенномъ нетлѣніи. Тогда же святыя мощи, 450 лѣтъ почивавшія въ нѣдрахъ земли, были переложены изъ ветхой раки на одръ и поставлены посреди церкви; безчисленное множество чудесъ и исцѣленій надъ приходящими съ вѣрою слѣпыми, бѣсноватыми, хромыми, разслабленными и одержимыми разными недугами, ознаменовало незабвенный для Новгорода день 30 апрѣля 1558 г. ²¹⁾. Въ это время вой-

---

за извѣстіемъ объ опустошеніи Нарвы и другихъ городовъ, можно полагать, что Корнилій умерщвленъ въ 1577 году. Надпись на гробницѣ о времени смерти его, 20 февраля 1570 года, совершенно ошибочна: въ этотъ самый день преп. Корнилій встрѣчалъ царя во Псковѣ, и былъ принятъ имъ ласково. Тогда убійствъ вовсе не было.—Преп. Корнилій написалъ «повѣсть о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ». Позднѣе она была дополнена разными лицами (Обзоръ Русск. духовн. литературы, ч. I, стр. 244) и многократно напечатана.

²⁰⁾ Въ числѣ послѣднихъ былъ бояринъ и знаменитый воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Онъ бѣжалъ въ Литву въ 1563 году, въ эпоху первыхъ казней Грознаго. Курбскій былъ изъ числа образованнѣйшихъ людей своего времени, ревностно заботился о поддержаніи православія въ Литвѣ, что видно изъ переписки его съ разными лицами. Измѣною государю и отечеству, столь несродною Русскому сердцу, запятнавъ доброе имя свое и омрачивъ славу свою, прежде безукоризненную, князь не могъ не чувствовать угрызенія совѣсти. Среди богатствъ и почестей въ странѣ чужой, онъ тосковалъ о Россіи, о любимомъ отечествѣ своемъ и въ лѣтахъ цвѣтущаго мужества, убѣленный сѣдинами, страдалъ недугами: не раны тѣлесныя,—раны сердца сокрушили его. Чтобы облегчить растерзанную душу и хотя нѣсколько оправдать себя въ глазахъ современниковъ и предъ строгимъ судомъ потомства, онъ взялся за перо и написалъ «Исторію князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими». Извѣстны обличительныя письма его къ Грозному царю.

²¹⁾ О житіи святителя Никиты мы говорили въ IV главѣ 1-й книжки нашихъ «Раз-

ска Русскія осаждали Ливонскій городъ Ругодивъ (Нарву), и въ день открытія мощей многіе Ливонцы видѣли между Русскими полками ѣздящаго по берегу Нарвы мужа безбородаго ²²⁾, въ ризахъ святительскихъ, съ жезломъ и крестомъ. Между тѣмъ въ Нарвѣ нѣмецъ-пивоваръ бросилъ въ огонь, разведенный подъ котломъ, двѣ иконы, писанныя на липовыхъ доскахъ и похищенныя изъ Иванъгорода: на одной изъ нихъ изображена была Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ, а на другой—угодники Божіи: Николай чудотворецъ, Василій, Козьма и Даміапъ. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ и пламя, разливаясь изъ-подъ котла, объяло весь городъ; не только дома, но и стѣны, и ворота сгорѣли, а войска Русскія вмѣстѣ съ жителями Иванъгорода, воспользовавшись смятеніемъ нѣмцевъ, быстро переправились черезъ рѣку Нарву и овладѣли Ругодивомъ безъ приступа и стѣнобитныхъ орудій. Къ довершенію чуднаго событія, обѣ иконы, брошенныя въ огонь, найдены невредимыми въ пеплѣ на мѣстѣ пивоваренія ²³⁾.

Другимъ знаменіемъ милости Божіей было явленіе иконы Пресвятой Богородицы въ Казани. Въ 1579 г. девятилѣтняя дѣвочка, по имени Матрона, жившая съ матерью въ новопросвѣщенной столицѣ бывшаго татарскаго царства, видѣла во снѣ образъ Богоматери, при чемъ голосъ повелѣвалъ ей донести градоначальнику и архіерею, чтобъ открыли и взяли изъ земли св. икону и указалъ самое мѣсто, гдѣ она была скрыта. Но Матрона, по свойственному дѣтямъ неразумнью и страху, боялась сначала открыть объ этомъ происшествіи и уже спустя недѣлю рассказала матери о благодатномъ снѣ своемъ. Мать не обратила на рассказъ дочери должнаго вниманія и отнесла сонъ ея къ обыкновенной дѣтской грезѣ. Черезъ нѣсколько времени то же сновидѣніе повторилось во второй и въ третій разъ и уже съ угрозой. Святитель и воевода, къ которымъ обратилась Матрона и мать ея, не обратили вниманія на слова дѣвочки. Тогда, 8-го іюля, около полудня, мать Матроны пришла съ заступомъ на указанное дочерью мѣсто и начала копать землю. Долго копала она, но св. иконы не находила. Послѣ нея принялись копать сосѣди ея, собравшіеся толпою изъ любопытства, вскопали все мѣсто, но также ничего не

сказовъ». Мощи его открыто почиваютъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, подъ аркою между придѣлами Рождества Богородицы и свв. Богоотецъ Іоакима и Анны. Великолѣпная серебряная рака устроена въ 1846 году усердіемъ графини А. А. Орловой-Чесменской. Въ соборной ризницѣ хранится облаченіе, неистѣнно лежавшее 450 лѣтъ въ землѣ на мощахъ св. Никиты: фелонь, омофоръ, епитрахиль, поручи и шапка.

²²⁾ Святитель Никита изображается на иконахъ безбородымъ.

²³⁾ Въ житіи св. Никиты (Сборникъ библ. Сергіевой лавры 1630 года № 673) говорится, что православіе св. мощей его обличило еретиковъ, послѣдователей Башкина и Θεодосія Косого, отрицавшихъ воскресеніе мертвыхъ (лист. 371 обор.). Ту же мысль выражаетъ и Зиновій, ученикъ Максима грека, писавшій противъ ереси Косого. Онъ говорить, что на обличеніе этой ереси прославлены чудесами мощи святителя Никиты и двѣ иконы въ Нарвѣ (Истор. Русской Церкви преосвящен. Филарета, изд. 1, періодъ III, стр. 122).

находили. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими, начала копать сама дѣвица Матрона въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась печь, и только что прорыла землю на полъ-аршина, вдругъ явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, обвернутая въ ветхое сукно вишневаго цвѣта. Чуднымъ свѣтомъ сіяла святая икона, какъ будто недавно была изображена она, и прахъ земли, казалось, не коснулся ея. Дѣвица, съ благоговѣйнымъ страхомъ и невыразимою радостью, приняла на руки пречистую икону и поставила ее на томъ же мѣстѣ. Такое чудное знаменіе милости Божіей скоро сдѣлалось извѣстнымъ всему городу: христіане радовались и благодарили Бога, а магометане дивились непонятной для нихъ силѣ Божіей ²⁴). Св. икона, прославленная многими чудотвореніями, была перенесена въ ближнюю церковь св. Николая, а царь Іоаннъ, получивъ извѣстіе о чудномъ явленіи Казанской иконы Богородицы, повелѣлъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтена чудотворная икона, построить храмъ во имя Пресвятой Богородицы и основать женскій монастырь, приславъ на сооруженіе храма значительную сумму изъ собственныхъ царскихъ доходовъ и опредѣливъ въ то же время выдавать деньги на содержаніе священнослужителей, игуменъ и сорока сестеръ ²⁵).

Спустя нѣсколько лѣтъ, на другомъ концѣ широкой Русской земли, усердная Заступница христіанъ даровала имъ свою помощь и предстательство. Это было въ древнемъ Псковѣ, осажденномъ Ляхами и Литвою, во время несчастной войны Іоанна съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Грозный царь имѣлъ огромныя рати въ полѣ, но мучимый неизъяснимымъ страхомъ, видя вездѣ мнимую измѣну, не рѣшался двинуть ихъ противъ врага. Въ Псковѣ войскъ было не много, но доблестные воеводы укрѣпляли себя и воиновъ молитвою: духовенство города, воеводы, воины, граждане съ крестами, чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода-Гавріила обошли крестнымъ ходомъ вокругъ всѣхъ укрѣпленій. Они молились, да будетъ градъ св. Ольги неодолимою твердынею противъ враговъ, да спасется самъ и да спасеть Россію. Вечеромъ увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслись къ городу. Скоро явилась и рать непріятельская; она шла медленно, осторожно и стала вдоль рѣки Великой. Началась достопамятная осада Пскова ²⁶). Ждали приступа.

²⁴) «Сказаніе о явленіи и чудесахъ отъ иконы Богородицы Казанскія» написано въ 1594 году митропол. Казанскимъ Гермогеномъ (впослѣдствіи патріархомъ). Онъ былъ самовидѣцъ прославленія иконы еще въ санѣ священника. Автографъ «Сказанія» сохраняется въ Моск. Син. библ. подъ № 982. Тѣмъ же писателемъ писана и служба на 8 июля.

²⁵) Богородицкій Казанскій 1-го класса монастырь принадлежитъ къ числу знаменитыхъ женскихъ обителей въ Россіи. Въ великолѣпномъ соборномъ храмѣ его, заложенномъ въ 1798 и освященномъ въ 1808 году, хранится чудотворная икона Богородицы, покрытая золотою ризою со множествомъ драгоценныхъ камней (Ист. Росс. Іер. III, стр. 382—385).

²⁶) Въ Псковѣ было до 30,000 защитниковъ; но этого войска было недостаточно по

Наканунъ праздника Рождества Богородицы, дряхлый слѣпецъ Дороеей, инокъ Покровскаго монастыря, что въ Углу, объявилъ воеводамъ бывшее ему видѣніе. Онъ говорилъ такъ: „Сидѣлъ я въ поздній вечеръ въ сѣняхъ келійцы своей и плакалъ о горестномъ положеніи нашего города. Вдругъ вижу померкшими своими очами, будто свѣтъ великій простирается отъ Печерскаго монастыря, чрезъ Великую рѣку къ городу Пскову, и въ томъ свѣтѣ шествуетъ сама Пресвятая Владычица наша Богородица. Подъ лѣвую руку поддерживаетъ Ее преподобный отецъ Антоній, Кіевскій пещероначальникъ, а подъ правую нашъ блаженный Корнилій, игумень Печерскій. Перешедши чрезъ градскую стѣну, Она вошла въ нашу Покровскую церковь. Потомъ вышедши изъ нея, вмѣстѣ съ преподобнымъ Корнилиемъ, Пречистая Богородица стала на стѣнѣ близъ Покровской башни. Здѣсь предстали предъ Нею святитель Нифонтъ, строитель Мирожскаго монастыря, благовѣрные князья Всеволодъ-Гавріилъ и Довмонтъ-Тимоѣей и преподобные Евфросинъ и Савва игумены, а сзади ихъ сталъ блаженный Никола Салось. Всѣ они поклонились Пречистой Богородицѣ, а Она, смотря на градъ, какъ бы съ гнѣвомъ сказала: „О, злые человѣки града сего! прогнѣвали вы Сына Моего, Господа и Бога, и осодомили градъ сей скверными дѣлами своими. И пынь пришла на васъ туча и бѣда великая“. Тогда игумены Корнилій, Евфросинъ и Савва съ блаженнымъ Николою пали передъ Нею со слезами и сказали: „О, Пресвятая Владычица Богородица! великъ грѣхъ ихъ и беззаконіе, но не прогнѣвайся на нихъ до конца и помолись Сыну Твоему и Богу нашему за градъ сей и за народъ согрѣшившій“. Потомъ всѣ благовѣрные князья припали къ ногамъ Владычицы Богородицы, а Она, обратясь къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, сказала мнѣ: „Старче! иди скорѣе, возвѣсти боголюбивымъ воеводамъ, Печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегутъ это мѣсто, пусть принесутъ сюда старыи Мой образъ Печерскій и св. хоругви, пусть поставятъ здѣсь пушки и направятъ ихъ на шатры королевскіе. Всему народу вели плакаться о грѣхахъ своихъ, и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрѣшенія“. Послѣ сихъ словъ пресв. Богородицы все видѣніе исчезло въ очахъ моихъ. Я снова очутился въ прежней темнотѣ и поспѣшилъ повѣдать дивное видѣніе, посланное мнѣ грѣшному и недостойному“.

На утро начался приступъ и именно на томъ мѣстѣ города, которое было указано въ видѣніи Дороею. Отъ дѣйствія тяжелыхъ орудій вражескихъ образовался проломъ въ стѣнѣ, близъ Свинорской и Покровской башень, и въ этомъ проломѣ закипѣла страшная сѣча. Не одни воины защищали городъ, но всѣ граждане, способные носить

обширности городовыхъ укрѣпленій. Рать Баторія простиралась до 100 тысячъ. А между тѣмъ болѣе 200 тысячъ Русскихъ войскъ стояло въ бездѣйствіи въ Новгородѣ, Ржевѣ и Волокѣ-Ламскомъ.

оружіе, простились съ женами, благословили дѣтей и стали вмѣстѣ съ воинами, между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще недостроенною. Дряхлые старцы, женщины и дѣти собрались въ соборный храмъ, гдѣ Печерскій игумень Тихонъ и священники усердно молились. При страшномъ извѣстїи о приступѣ и проломѣ, всѣ молящїеся зарыдали воплемъ отчаянїя. По словамъ лѣтописца, они „весь полъ храма омыли слезами“. Черезъ нѣсколько часовъ враги завладѣли обѣими башнями и ворвались въ южную часть города. Градъ пуль сыпался на осажденныхъ, слабѣющихъ и тѣснимыхъ. Уже они изнемогали и начали отступать шагъ за шагомъ. Но мгновенно измѣняется ужасная картина. Изъ Кремля идетъ духовенство съ чудотворною иконою Печерской, съ мощами св. князя Всеволода-Гавриила, съ крестами и хоругвями. Подъ выстрѣлами непрїателя, посреди кровавой сѣчи раздаются пѣніе молебствїя. Утомленные защитники города одушевились вѣрою, упованїемъ и мужествомъ. Они стали непоколебимо. Вдругъ Свинорская башня, подъ которую заранѣе подложенъ былъ порохъ, потрясенная пушками, взлетѣла на воздухъ съ королевскими знаменами. Весь ровъ наполнился трупами враговъ, а на помощь къ осажденнымъ приспѣли свѣжія дружины, изъ другихъ частей города. Ужасъ овладѣлъ врагами, а вѣрные Псковичи твердо сомкнулись и двинулись впередъ съ крикомъ: „Умремъ за Христову вѣру! Богородицу и св. Гавриила не выдадимъ!“ Дружнымъ натискомъ они смяли изумленныхъ непрїателей, вытѣснили изъ пролома и прогнали въ поле. Дольше другихъ держались Венгерцы, засѣвъ въ Покровской башнѣ; ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Еще кровь лилась до вечера, но уже внѣ города, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти. Самыя женщины помогали отцамъ и братьямъ: нѣкоторыя изъ нихъ тащили на веревкахъ въ Кремль пушки, брошенныя бѣгущимъ непрїателемъ; другія приносили холодную воду, чтобы освѣжить сражающихся, изнуренныхъ жаждою. Поздняя ночь положила предѣлъ кровопролитїю. Съ трофеями побѣды, знаменами, трубами Литовскими и множествомъ плѣнныхъ возвратились побѣдители въ городъ—воздать хвалу Богу въ храмѣ Св. Троицы. Тамъ главный воевода, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, сказалъ воинамъ и всему народу: „Вотъ, братіе, миноваль для насъ первый день печали и веселїя, трудовъ и мужества. Совершимъ, какъ начали. Сильные враги наши пали, а мы, немощные, препоясались силою. Гордый исполинъ лишился хлѣба, а мы, алчущїе милосердія Божїя, исполнились благъ. Будемъ готовы умереть за Церковь и за царя, не измѣнимъ ни лукавствомъ, ни малодушіемъ“. Воины и граждане отвѣчали ему со слезами умиленїя: „мы готовы умереть за вѣру Христову! Какъ начали, такъ и довершимъ, съ Богомъ, безъ всякой хитрости 27). Послѣ

27) Видѣніе Дороева было написано на иконѣ, которую воеводы прислали къ царю, а царь, обложивъ ее золотомъ и жемчугомъ, возвратилъ во Псковъ и повелѣлъ поставить храмовою въ церкви Покровскаго монастыря, получившаго прозванїе «у пролома». Эта Покровская церковь, построенная въ XV вѣкѣ, малая, съ четырьмя столпами внутри и со

достопамятнаго побоища 8 сентября 1581 года уже не было другого приступа къ Пскову, но битвы возобновлялись. Морозы и недостатокъ продовольствія принудили враговъ снять осаду.

Такъ, по вѣрѣ и молитвѣ Псковитянь, спасенъ древній городъ св. Ольги! Въ то же время Матерь Божія чудно сохранила отъ враговъ Свою Печерскую обитель. Мимо монастыря нерѣдко проходили обозы, отправляемые Баторіемъ въ Литву съ награбленнымъ имѣніемъ и Русскими плѣнниками. Въ октябрѣ одинъ изъ такихъ обозовъ, состоявшій изъ 30 подводъ, былъ остановленъ людьми, бывшими въ монастырѣ, которые разсѣяли польскую стражу, а имѣніе все взяли и привезли въ монастырь. Ободренные этимъ успѣхомъ, защитники обители на другой день разбили польскій отрядъ изъ 300 человекъ, отняли плѣнныхъ и богатую добычу. Озлобленный сопротивленіемъ, Баторій послалъ войско осаждать обитель. Осада началась приступомъ съ восточной и южной стороны монастыря; монахи съ небольшимъ числомъ воиновъ и поселянами, бывшими въ то время въ монастырѣ, твердо стали на стѣнахъ и бились съ непріателемъ отъ 3 часа дня до самой ночи. Приступъ былъ отраженъ, одинъ изъ военачальниковъ Баторія раненъ, а другой вмѣстѣ съ многими воинами взятъ въ плѣнъ.

Знаменитая осада Печерскаго монастыря продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ и окончилась перемиріемъ, заключеннымъ между Россією и Польшею. Во время осады неустрашимые защитники обители, подкрѣпляемые многими чудесными примѣрами заступленія Божіей Матери, безстрашно отражали всѣ нападенія непріятелей и, несмотря на недостатокъ продовольствія, на моръ и заразительныя болѣзни, не хотѣли слышать о сдачѣ обители. Чудесное спасеніе Печерскаго монастыря отъ враговъ прославило эту обитель не только между христіанами всей Русской земли, но и въ чужихъ странахъ и между невѣрными ²⁸⁾.

Война кончилась постыднымъ договоромъ съ Ляхами ²⁹⁾, кото-

множествомъ голосниковъ въ сводахъ, уцѣлѣла до нашего времени, хотя монастырь давно уже упраздненъ. Подлѣ нея стоитъ Покровская башня, сохранившаяся въ прежнемъ видѣ. За ручьемъ Свиноскимъ, обнимающимъ южную стѣну города, растиается поляна—мѣсто избіенія враговъ бѣгущихъ, до слободы Выползовой, а за этою слободою возвышается Никитская колокольня, съ которой Баторій смотрѣлъ на приступъ. Списокъ съ Покровской иконы находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

²⁸⁾ По увѣренію лѣтописца, сами Ляхи и нѣмцы Баторіевы удивлялись, какъ эта малая крѣпостца, защищаемая монахами, служителями и поселянами, подъ управленіемъ молодого и неопытнаго начальника Юрія Нечаева, могла ускользнуть отъ рукъ ихъ, и какъ они не одолѣли ея. Тотъ же лѣтописецъ рассказываетъ со словъ Козьмы Ляпунова, бывшаго въ то время въ плѣну у Турокъ, что султанъ Амурать-Селимъ, услышавъ о неудачныхъ приступахъ короля Стефана, сказалъ: «како сей несмысленный не соодолѣ безлюдному граду Пскову и монастырю Печерскому, неимущему войскъ?»—Въ благодарность Богу-Избавителю и въ память для потомства, учрежденъ крестный ходъ изъ монастыря съ чудотворными иконами во Псковъ, въ седьмую недѣлю по Пасхѣ.

²⁹⁾ При заключеніи перемирія съ Баторіемъ на 10 лѣтъ, Іоаннъ уступилъ всю Ливонію и Полоцкъ съ Велижемъ. Но если бы врагамъ удалось завладѣть Псковомъ, царь не-

рыи заключенъ при посредничествѣ папскаго посла, Антонія Поссевина. Хитрый іезуитъ имѣлъ цѣлю не примиреніе враждующихъ, а подчиненіе Русской Церкви папскому престолу, и папа Григорій XIII питалъ большую надежду на успѣхъ посольства, потому что самъ царь просилъ папу усовѣститъ Баторія, союзника султана, и общалъ, вмѣстѣ съ другими государями, ополчиться противъ турокъ и быть въ непрестанныхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ ³⁰⁾. Но надежды папы и старанія Поссевина не увѣнчались успѣхомъ: Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразуміе, которымъ и самъ іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость, благодарилъ за услугу (которая, впрочемъ, не стоила благодарности), общалъ свободу и покровительство священникамъ латинскимъ въ Русской землѣ, честилъ и льстилъ Римскаго посла, но отринулъ домогательство о позволеніи строить на Руси латинскія церкви, отклонилъ споры о вѣрѣ и соединеніи Церквей, на основаніи правилъ Флорентійскаго собора, и не увлекся мечтательнымъ общаніемъ приобрѣтенія не только Кіева, но и всей имперіи Византійской, утраченной Греками будто бы за отступленіе отъ Рима. Царь спокойно отвѣчалъ: „мы никогда не писали къ папѣ о вѣрѣ, я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить о ней: во-первыхъ, опасаясь уязвить твое сердце какимъ-нибудь жесткимъ словомъ; во-вторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами, не толкую церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего отца и богомольца митрополита. Ты говоришь смѣло, ибо ты попъ и для того пріѣхалъ сюда изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не Грекамъ. Что касается до Восточной имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только милости Божіей въ будущемъ“. Въ отвѣтъ на папскую грамоту Іоаннъ снова изъявлялъ готовность участвовать въ союзѣ христіанскихъ державъ противъ турокъ, но ни слова не сказалъ о соединеніи Церквей. Этимъ пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, бесполезныя для обѣихъ сторонъ, потому что не ходатайство папы, а доблесть воеводъ Псковскихъ побудила Баторія къ умѣренности послѣ выгодной для него войны.

Но война еще не была прекращена, а страшная кара Божія уже совершилась надъ мучителемъ, къ ужасу современниковъ и потомства. Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ—Іоаннѣ царь готовилъ Россіи второго себя: вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбовствовалъ и губилъ людей. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, царевичъ оказывалъ

минуемо лишился бы всей Сѣверной земли, Смоленска и, можетъ быть, даже Новгорода (Карамз. Истор. IX, стр. 206).

³⁰⁾ Съ просьбою о посредничествѣ былъ отправленъ къ папѣ гонецъ Швергинъ, но Григорій XIII еще прежде собирался отправить посольство въ Москву для совѣщаній о соединеніи Церквей.

умъ въ дѣлахъ и чувствительность къ славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ, страдая за Россію, читая гордость на лицахъ бояръ, слыша, можетъ быть, всеобщій ропотъ, царевичъ пришелъ къ отцу и просилъ дозволенія стать во главѣ ратей Русскихъ, изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи.—Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: „Мятежникъ! ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!“—и поразилъ сына въ голову острымъ жезломъ своимъ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью. Внезапно исчезла ярость Грознаго царя. Помертвѣлый отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи онъ закричалъ: „Я убилъ сына, Богъ покаралъ меня, я убилъ его!“ Онъ кинулся на землю, обнималъ, цѣловалъ царевича, старался удерживать кровь, струившуюся изъ глубокой раны, плакалъ, рыдалъ, молилъ Бога о милосердіи, звалъ лѣткарей иноземныхъ. Но судъ небесный уже совершился! Царевичъ Іоаннъ, спустя 4 дня, скончался въ ужасной слободѣ Александровской ³¹⁾. Тамъ, гдѣ потоками лилась кровь невинная, Грозный царь, обогранный кровію сына, неподвижно, въ страшномъ оцѣпенѣніи, сидѣлъ у трупа нѣсколько дней и ночей бозъ пищи и сна. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ уже веселой улыбки на лицѣ царя. Силы тѣлесныя изнемогли. Онъ тосковалъ ужасно, не зналъ тихаго сна. Ночью, какъ бы окруженный привидѣніями, онъ вскакивалъ съ постели, звалъ убитаго сына, стоналъ, вопилъ; утихалъ только къ утру отъ изнуренія силъ, забывался въ минутной дремотѣ на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и изголовье. Онъ ждалъ и боялся дневнаго свѣта, боялся видѣть людей и показать имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы—страшное предвкушеніе адской муки.

³¹⁾ Несчастный царевичъ еще въ 1570 году какъ будто предчувствовалъ, что ему не долго жить при такомъ отцѣ, каковъ Грозный царь, и онъ «пожаловалъ въ домъ Пречистой и Чудотворца Кирилла (т.-е. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь) тысячу рублей... ино похочетъ постричься, царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ, а если, по грѣхамъ, царевича не станеть, то и поминати». Въ сборникахъ библиографическаго общ. ист. и древн. № 39, 40 помѣщены: а) служба преп. Антонію Сійскому, «описана Иваномъ Русиномъ, отъ рода Варяжска въ лѣто 7086 (1578)»; б) «житіе и подвиги аввы Антонія чудотворца... переписано бысть многогрѣшнымъ Иваномъ во второе по первомъ писатели»; в) похвальное слово преп. Антонію того же сочинителя, царевича Іоанна, написанное въ 1580 г. Въ послѣсловіи царевичъ пишетъ, что при митрополитѣ Антоніи Сійскій игумень Питиримъ и ученикъ преп. Антонія Филоеи приходили въ Москву просить объ установленіи празднованія преп. Антонію, и соборъ повелѣлъ праздновать, и что тогда просили его, царевича, написать канонъ преп. Антонію. Далѣе царевичъ называетъ Филоею первымъ списателемъ житія преп. Антонія и объ этомъ жизнеописаніи замѣчаетъ: «Зѣло убо суще въ легкости написано». «Послѣ канона, говорить онъ, написалъ я и житіе; архіеп. Александръ убѣдиль написать и похвальное слово». Царевичъ упоминаетъ еще, что преп. Антоній приходилъ въ Москву къ родителямъ его и весьма любилъ ихъ духовно; особенно любилъ его мать, т.-е. добродѣтельную Анастасію. Эта-то любовь угодника Божія и заставила царевича описать жизнь его. Такимъ образомъ царевичемъ Іоанномъ сочинены служба и похвальное слово преп. Антонію. Что касается до житія, то при сочиненіи его имѣлъ ли онъ въ виду жизнеописаніе іеромонаха Іоны 1579 году, онъ не говоритъ о томъ, а пишетъ, что дополнилъ краткіи записки.

Ни прекращеніе тяжелой и опасной войны съ Баторіемъ, ни успѣхи Ермака въ завоеваніи Сибири не могли возвратитъ спокойствія Грозному. Онъ медленно угасаль, какъ багровое солнце въ тучахъ. Въ часъ кончины митрополіи Діонисіи постригъ государя, и уже не Грозный царь Іоаннь, а смиренный инокъ Іона, предалъ духъ свой Всевышнему Судіи страшныхъ дѣлъ его (18 марта 1584 года).

Здѣсь не мѣсто изображать характеръ Грознаго царя и судить о послѣдствіяхъ его царствованія. Но не можемъ умолчать объ одной замѣчательной особенності:—непрестанно обуреваемый страстями неукротимыми, необузданный въ кровопролитіи и мерзостномъ сластолюбіи, Іоаннь сохранилъ до конца жизни усердіе къ обрядамъ Церкви и благолѣпію храмовъ. Такъ онъ приносилъ великолѣпныя вклады въ нѣкоторые, особенно любимые имъ монастыри, не почитая грѣхомъ святотатствовать въ опустошаемыхъ имъ городахъ, и жертвовалъ награбленное въ другія церкви и обители. Имена погубленныхъ имъ онъ вносилъ въ синодики и на поминаеніе ихъ щедро разсылалъ золото ³²⁾, почиталъ своимъ долгомъ заботиться о порядкѣ и благочиніи иноческой жизни и писалъ строгія обличенія по монастырямъ ³³⁾. Слогъ его отличается твердостью, чистотою языка и ѣдкостью ироніи, но обличаетъ тревожный духъ и отсутствіе теплоты душевной. Обладая обширною начитанностію и отличною памятью, Грозный царь любилъ употреблять выраженія изъ св. Писанія и твореній Отцовъ, также примѣры изъ исторіи церковной и гражданской ³⁴⁾, любилъ составлять и пѣснопѣнія церковныя ³⁵⁾.

³²⁾ Синодики, въ которыхъ записаны имена жертвъ Іоанновой лютости, сохранились въ Сергіевой Лаврѣ, въ Никитскомъ Переяславскомъ, Кирилловѣ и въ другихъ монастыряхъ. При многочисленности убійствъ, иногда видимъ не имена, а только счетъ убиенныхъ, съ прибавкою словъ: «ихже имена Ты вѣси, Господи!» За упокой значительныхъ лицъ вклады были крупнѣе прочихъ. Послѣ смерти царевны Іоанна, на поминаеніе души его послано къ четыремъ патріархамъ вселенскимъ до 20 тысячъ червонцевъ, кромѣ вкладовъ въ монастыри Русскіе.

³³⁾ Особенно замѣчательно посланіе къ братіи Кириллова монастыря, напечатанное въ Ист. Росс. Іер. IV, стр. 421—479.

³⁴⁾ Въ письмахъ къ изгнаннику князю Курбскому.

³⁵⁾ Въ двухъ крюковыхъ стихираряхъ начала XVII в., изъ которыхъ одинъ находится въ библ. Сергіевой лавры (№ 428), а другой въ библиотекѣ Моск. Дух. Академіи (№ 78), читаемъ двѣ стихирѣ св. Петру митрополиту (21 декабря) на Господи возвахъ, съ надписью: «твореніе царя Іоанна—деспота Россійскаго»; двѣ стихирѣ ему же «на исхожденіи» (т.-е. на литіи) съ надписью: «твореніе царя и в. к. Іоанна Васильевича всея Россіи», и двѣ стихирѣ на срѣтеніе «Пречистой Владимірской» (26 августа). Для примѣра приводимъ одну изъ послѣднихъ: Слава и нынѣ, гласъ 6. «Вострубите трубою пѣсней во благонарочитомъ дни праздника нашего, и тмы разрушеніе, и свѣту пришествіе паче солнца возсіявшу во всѣхъ; се бо парица и владычица, Богородица, Мати Творца всѣхъ Христа Бога нашего, услышавши моленіе недостойныхъ рабъ своихъ, на милосердіе преклоняется и милостиво и видимо рупѣ стирающи къ сыну си и Богу нашему, молитву о своей Руси предлагающи и согрѣшеніемъ свободженій даровати молящися и праведное его прощеніе возвратити. О великая милосердіемъ Владычице! О великая щедротами Царице! О великая заступленіемъ Богородице! Како убо молящи Сына своего и Бога нашего, пришествіемъ честнаго образа градъ и веси избавляющи, яко да воспоемъ царипѣ паря

Наслѣдникъ царства былъ Теодоръ, второй сынъ отъ перваго брака царскаго, добрый сердцемъ, но слабый способностями ума и тѣлеснымъ здоровьемъ. Другой царевичъ, еще младенецъ, Димитрій, рожденный отъ послѣдняго (шестого или седьмого) супружества Грознаго царя, получилъ въ удѣлъ Угличъ, куда и отправился съ матерью, царицею Маріею, изъ рода Нагихъ.

рожденной: радуйся, христіаномъ милости и щедротъ промышленіе. Радуйся, къ тебѣ прибѣгающимъ пристанище и заступленіе, и избавленіе, и спасеніе наше» (Стихирарь Лавр. л. 222—226).—Молитвенное посланіе, писанное царемъ Іоанномъ, въ 1575 году, къ св. страстотерпцамъ князю Михаилу Черниговскому и боярину его Теодору, предъ перенесеніемъ мощей изъ Чернигова въ Москву напечатано въ Памятникъ. Моск. древн., прилож. стр. 4. Оно очень краснорѣчиво.

Г Л А В А IV.

Царь Θεодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.—Установленіе патріаршества.—Права и преимущества патріарха.—Убіеніе царевича Димитрія.—Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. кн. Романа Углицкаго. — Крымскій ханъ подъ Москвою. — Достопамятное слово Θεодора Годунову.—Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.—Кончина Θεодора.—Воцареніе Бориса.

Послѣ ужасной грозы Іоанновой внезапно наступило время мира и всеобщаго благоденствія. Дворъ царскій не представлялъ уже страшной и отвратительной картины свирѣпства и разврата неслыханнаго; напротивъ того, юный вѣнценосецъ былъ для подданныхъ образцомъ кротости, сострадательности, искренней набожности, цѣломудрія и тихой семейной жизни.

Царь Θεодоръ, рожденный отъ перваго брака царя Іоанна Васильевича, былъ слабъ душою и тѣломъ. Не одаренный отъ природы способностію къ труду, почти постоянно больной, онъ уклонился отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ. По словамъ современниковъ, Θεодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и ждалъ духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ, святою водою и съ иконою Угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять или болѣе, шелъ къ царицѣ и вмѣстѣ съ нею отправлялся къ утренѣ; возвратясь садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ литургіи; въ 11 обѣдалъ; послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ вечернѣ и все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, съ шутами и карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни, иногда же любясь работою своихъ ювелировъ, золоторей, швцовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять долго молился съ духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Онъ любилъ пышность и благолѣпіе обрядовъ церковныхъ, любилъ звонъ колоколовъ, всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, иногда забавлялся медвѣжьею травлею. Случалось, что челобитчики окружали Θεодора при выходѣ изъ дворца: „избывая мірскія суеты и докуки“, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ правителю.

Кто же былъ этотъ правитель, облеченный, при жизни царя, неограниченною царскою властію? Грозный самодержецъ, ясно сознавая неспособность своего преемника, назначилъ ему совѣтниками „и блюстителями державы“ пятерыхъ знаменитыхъ вельможъ ¹⁾; но одинъ изъ нихъ, ближайшій къ новому царю, по родству и дружбы, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ умѣлъ отстранить нѣкоторыхъ изъ нихъ и вполнѣ подчинить себѣ остальныхъ.

Не только важное значеніе Годунова при жизни послѣдняго царя изъ рода князей Варяжскихъ и по пресѣченіи царскаго рода, но и вліяніе дѣлъ его на послѣдующія судьбы Русской Церкви и государства заставляють насъ ознакомиться ближе съ этою необыкновенною личностію.—Борисъ находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ душевной и тѣлесной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (какъ говоритъ лѣтописецъ), Борисъ хотѣлъ и умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви къ славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли. Если бы онъ родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, онъ не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодною, и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову. Блестая умомъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, всегда осторожный и миролюбивый, Борисъ спокойно благоустроилъ Русское царство, старался казаться безпристрастнымъ, но всегда готовъ былъ жертвовать тѣми, которыхъ считалъ своими врагами, не затрудняясь ни знатностію ихъ, ни важными заслугами государственными ²⁾. Въ глазахъ Россіи и всѣхъ сносив-

¹⁾ Князя Ивана Мстиславскаго, сына родной племянницы в. к. Василія и слѣд. двоюроднаго брата царя Іоанна, человѣка безхарактернаго и неспособнаго; князя Ивана Петровича Шуйскаго, прославившагося защитою Пскова и другими отважными дѣлами воинскими; Никиту Романовича Юрьева, какъ чтимаго народомъ брата незабвенной царицы Анастасіи, какъ вельможу благодушнаго, сохранившаго себя чистымъ отъ всякаго зла даже въ бѣдственную эпоху кровопійства; Бѣльскаго, хитраго и гибкаго любимца Грознаго царя, и наконецъ Бориса Годунова, шурина царя Ѳеодора (роднаго брата царицы Ирины).

²⁾ Вотъ примѣръ, какъ умѣлъ Годуновъ оберегать себя. Открыто было намѣреніе митрополита Діонисія и князей Шуйскихъ, съ многими участниками, ударить челомъ Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонию, въ монастырь, и взявъ другую, дабы имѣть настѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія державы. Это моленіе, будто бы внушаемое опасеніемъ видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту, княжну Мстиславскую. Борисъ успѣлъ захватить заговоръ въ самомъ началѣ; княжна Мстиславская была пострижена; изъ враждебнаго рода Шуйскихъ бояринъ князь Андрей сосланъ въ Каргополь и тамъ уморень, а знаменитый князь Иванъ Петровичъ удалень въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла и вскорѣ удавленъ: спаситель Пскова, мужъ безсмертный въ исторіи, предалъ позорной петлѣ свою голову, увѣнчанную лаврами, въ одной изъ монастырскихъ башенъ, извѣстной подъ названіемъ «Мѣшокъ». Митрополитъ Діонисій лишенъ престола (какъ кажется, безъ суда) и заточень въ Новгородскій Хутынскій монастырь.

шихся тогда съ Москвою державъ онъ стоялъ на высшей степени величія, какъ полный властитель царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ или громко славословящихъ его высокія достоинства, не только во дворцѣ кремлевскомъ, въ ближнихъ и дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, государями и министрами иноземными, получая на свое имя грамоты и дары отъ союзныхъ вѣнценосцевъ. Всѣ видѣли въ немъ правителя царства и притомъ „правителя изряднаго“ (т.-е. превосходнаго, выходящаго изъ ряда правителей обыкновенныхъ).

Въ то время, когда всѣ дѣла внутреннія и внѣшнія зависѣли вполне отъ правителя Годунова, только одно важное дѣло должно быть приписано собственному желанію царя Θεодора: это учрежденіе патріаршества Московскаго и всея Россіи. Со временъ св. Владиміра до царя Θεодора Русская іерархія не искала чести равенства съ древними патріаршими престолами востока: Византія державная и гордая не согласилась бы на равенство своей іерархіи съ Кіевскою или Московскою; Византія, раба Оттомановъ, не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его. Русская митрополія въ послѣднее время почти не зависѣла отъ Царьграда; Русскаго первосвятителя съ половины XVI столѣтія называли „святѣйшимъ“ и отличали особеннымъ уваженіемъ, какъ предстоятеля Церкви обширной, наслаждавшейся благоденствіемъ. Естественно, что благочестивый царь Θεодоръ, услаждавшій душу свою только дѣлами набожности и благочиніемъ церковныхъ обрядовъ, желалъ почитать митрополита всея Россіи саномъ патріарха. Къ тому же надежда найти въ Русскомъ патріархѣ защиту православію, угнетенному на востокѣ игомъ мусульманства, а съ запада тѣснымому папизмомъ, также располагала желать возвышенія сана для Русскаго митрополита.

Въ 1586 году прибылъ въ Москву за милостынею Антиохійскій патріархъ Іоакимъ. Благочестивый царь предложилъ собору святителей и боярской думѣ свое желаніе объ учрежденіи патріаршескаго достоинства въ Русскомъ царствѣ *). Годунову поручено совѣтываться о томъ съ Антиохійскимъ іерархомъ. Іоакимъ, соглашаясь съ мыслями благочестиваго царя, обѣщалъ предложить это дѣло собору патріарховъ.

На слѣдующій годъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Константинополя, что патріархи Цареградскій и Антиохійскій согласны съ желаніемъ

Вмѣсто него возведенъ на первосвятительскую кафедру Ростовскій архіепископъ Іовъ, пастырь добродушный, искренно преданный Годунову.

*) Соборъ, одобвивъ желаніе царское, говорилъ: «благочестивый царю! аще восхощетъ благочестивая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніе вселенскимъ четырьмя патріархамъ. Понеже благочестивая ти держава и мы вси имѣемъ сихъ яко столпы благочестію, аще и во области поганыхъ суть, но святая, якоже рече писаніе, николи же осквернена бывають». Къ тому же, говорилъ еще соборъ, пусть не думаютъ другіе народы, особенно же пишущіе противъ святой нашей вѣры латинскіе и прочіе еретики, что въ царственномъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроенъ только одною царскою волею и проч. (Допол. къ ист. акт. II, стр. 191 и 192).

царя и что они послали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ для совѣщанія и рѣшенія соборнаго, положивъ отправить въ Россію патріарха Іерусалимскаго. Но нужды Церкви Цареградской потребовали, чтобы отправился въ Россію не четвертый, а первенствующій между патріархами, патріархъ Константинопольскій, къ области котораго издревле принадлежала Церковь Русская. Въ іюлѣ 1588 года прибылъ въ Москву святѣйшій Іеремія, пастырь знаменитый какъ просвѣщеніемъ, такъ и страданіями за Церковь. Вся Москва была въ радостномъ волненіи, когда первенствующій святитель православнаго христіанства, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ Монеувасійскій (или Мальвазіискій) Іерооѳей и архіепископъ Элассонскій Арсеній. Когда они вошли въ Золотую палату, Ѳеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близъ себя, съ любовію принялъ дары его: икону съ памятниками страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами св. царя Константина, и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріархъ передалъ правителю свою исторію. Главною причиною бѣдствій,—говорилъ патріархъ,—былъ одинъ отступникъ Грекъ, который, промѣнявъ вѣру на выгоду земную, донесъ султану, будто Іеремія богатъ, будто храмъ его владѣетъ сокровищами, которымъ нѣтъ цѣны: къ тому же другой искалъ почести, отъ которой Іеремія готовился отказаться за старостью. Султанъ нарушилъ обѣщаніе Магомета II, давашаго за себя и преемниковъ клятву не вступаться въ дѣла христіанства, и велѣлъ Ѳеолипту быть патріархомъ безъ соборнаго опредѣленія.—Іеремія смѣло напомнилъ черезъ пашей о клятвѣ султана, и султанъ сослалъ его на островъ Родосъ, гдѣ пробылъ онъ четыре года. Амуратъ оставилъ и Ѳеолипта, ограбилъ церковь Божію, превратилъ патріаршій храмъ въ мечеть и возвратилъ Іеремію изъ заточенія къ новымъ скорбямъ. „Обливаясь слезами,—заклучилъ патріархъ,—вымолилъ я у Амурата позволеніе ѣхать въ христіанскія земли для милостыни, чтобы построить новый храмъ истинному Богу. Слышавъ о такомъ благочестивомъ царѣ, пришелъ я сюда, чтобы помочь ты намъ, царь, въ нашихъ скорбяхъ“. Затѣмъ первосвятитель объявилъ, что прибылъ съ соборнымъ опредѣленіемъ объ открытіи патріаршества въ Россіи.

Оставалось избрать патріарха. Бѣдствія святѣйшаго Іереміи возбудили въ Ѳеодорѣ желаніе успокоить страдальца-святителя въ Россіи, что, по мнѣнію царя, возвысило бы и достоинство патріарха Русскаго. Но представились затрудненія. Если патріархомъ Москвы будетъ незнающій языка Русскаго, трудно имѣть съ нимъ сношенія, особенно по дѣламъ тайнымъ; не хотѣлось также доброму царю огорчить Іова лишеніемъ Московской кафедры, особенно при просьбѣ правителя Бориса за Іова. Итакъ, царь велѣлъ предложить святителю Іереміи: „ты извѣстилъ, что, по грѣхамъ христіанскимъ, султанъ воздвигъ на Церковь и тебя гоненіе; посему благочестивый самодержецъ молить

святыню твою остаться въ Русскомъ царствѣ и патриаршествовать на престолѣ Владиміра и всей Россіи съ именемъ вселенскаго; онъ общаетъ во всемъ успокоить тебя и твоихъ“. Іеремія искренно благодарилъ добраго царя; но далъ замѣтить, что, оставаясь вдали отъ царя, будетъ онъ бесполезенъ и для Русской и Константинопольской Церкви, наконецъ сказалъ, что желаетъ лучше раздѣлять скорби той Церкви, которую „какъ мать воспріялъ“, и куда его зовутъ скорби епископовъ и всей паствы. Святителю предлагалъ вторично о томъ же и Соборъ Русскихъ пастырей; но онъ опять отказался и благословилъ Государя избрать соборомъ патриарха Русскаго, съ тѣмъ, чтобы и впредь патриархи поставлялись въ Россіи своими митрополитами, по чину церковному, не испрашивая разрѣшенія восточныхъ патриарховъ.

Собрался многочисленный Соборъ Русскихъ пастырей, и царь предложилъ имъ сдѣлать совѣтъ о патриархѣ. Въ храмѣ Успенія Богоматери, въ придѣлѣ Похвалы Ея, гдѣ совершалось вообще избраніе пастырей, происходило совѣщаніе о назначеніи великаго первосвященителя Русской Церкви. По окончаніи совѣщанія патриархъ принялъ на себя представить царю имена трехъ избранныхъ, и выпулся жребій митрополита Іова. Постановленіе патриарха происходило 23 января 1589 года. Престоль, покрытый парчою для царя, и два стула, обитыхъ темнымъ (смирненнымъ) бархатомъ для патриарховъ, поставлены были на амвонѣ, возвышенномъ 12 ступенями отъ помоста храма; по сторонамъ были скамьи для архіереевъ.—Нареченный патриархъ исповѣдалъ на орлѣ предъ лицомъ всего Собора, предъ Богомъ и избранными ангелами Церкви его праведную и непорочную вѣру. По прочтеніи символа вѣры, взоидя на амвонъ, онъ пріялъ осѣненіе патриаршее и цѣлованіе епископовъ и, поклонясь, удалился въ придѣлъ Богоматери.

Когда служившій патриархъ со всеѣмъ соборомъ епископовъ вошелъ на маломъ входѣ въ алтарь и пѣли пѣснь трисвятую, протоіерей соборный и архидіаконъ привели нареченнаго Іова предъ царскія двери, а два епископа ввели его въ алтарь. Патриархъ вселенскій, возложивъ на него руки и развернувъ надъ головою Евангеліе, призывалъ божественную благодать, какъ на нуждающагося въ сугубой благодати для высокаго своего званія. Такъ совершилось посвященіе патриарха всероссійскаго.

Послѣ литургіи, которую совершали оба патриарха, великолѣпное торжество въ домѣ царя дополнило общую радость о великомъ святителѣ земли Русской. Патриарха вселенскаго долго еще честили въ радушной Москвѣ, такъ что онъ пробылъ на сѣверѣ, со времени прибытія, почти годъ. Избраніе и поставленіе патриарха царь велѣлъ описать на пергаментѣ, грамота была скрѣплена печатями царя, обихъ патриарховъ и всеѣхъ архіереевъ русскихъ и греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали весьма многіе архимандриты и игумены.

Черезъ два года патриархъ Іеремія прислалъ соборную грамоту объ утвержденіи патриаршества въ Россіи за подписью его, патриарховъ

Іерусалимскаго и Антіохійскаго (Александрійскій въ это время скончался), 19 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. Въ грамотѣ писано: „Во-первыхъ, признаемъ и совершаемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ поставленіе и поименованіе патріаршеское господина Іова, да почитается и именуется и впредь съ нами патріархами и будетъ чинъ ему въ молитвахъ послѣ Іерусалимскаго; а главнымъ и начальнымъ содержать апостольскій престоль Константина града, какъ и иные патріархи держать; во-вторыхъ, дарованное нынѣ имя и честь патріаршества не только одному господину Іову дано и утверждено непоколебимо, но позволяемъ и по немъ поставлять Московскимъ Соборомъ начальныхъ властей въ патріархи по правиламъ“.

Такъ патріаршество Русское утверждено всею православною Церковью! Видимымъ поводомъ сего важнаго нововведенія было, какъ сказали мы выше, одно благочестивое желаніе царя Феодора ⁴⁾; но промыслъ Божій невидимо творилъ Свое дѣло въ Церкви Своей. Онъ готовилъ въ патріархахъ Русскихъ защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясеній, которыхъ не могли еще предвидѣть люди. Онъ незримо устроилъ обстоятельства дѣла такъ, что патріаршество Русское явилось какъ бы по внезапному стеченію случаевъ, къ взаимному утѣшенію востока и сѣвера.

Права новаго первосвятителя—патріарха по управленію Церковью Русскою были тѣ же, какъ и права митрополитовъ, его предмѣстниковъ. Только преимущества священнослуженія, сообразныя сану, возвышали его предъ прочими архіереями ⁵⁾. Но какъ санъ, такъ и эти преимущества сообщали ему высокое значеніе въ глазахъ духовенства и народа, и благочестіе чадъ Церкви окружало его глубокимъ уваженіемъ.

Патріарху, какъ и митрополиту всей Россіи, окончательно при-

⁴⁾ Напрасно Карамзинъ искалъ начала патріаршества во властолюбивыхъ замыслахъ Годунова: набожный Феодоръ не отважился бы на важное нововведеніе церковное, если бы не имѣлъ своихъ собственныхъ, благочестивыхъ побужденій. Сверхъ того, правитель, въ объясненіяхъ съ Іереміею, является скорѣе противникомъ, нежели доброжелателемъ патріаршества, а ту услугу, которой будто бы ожидалъ Годуновъ отъ Іова патріарха, могъ оказать ему тотъ же Іовъ и въ санѣ митрополита.

⁵⁾ Особенности патріаршаго священнослуженія: новопосвященный патріархъ объѣзжалъ кремль на ослии, «благословляя градъ и люди». Патріархъ облачался среди церкви на амвонѣ о 3 ступеняхъ, съ 4 свѣщниками по сторонамъ. Предъ пѣніемъ Трисвятого, когда возглашалось ему многолѣтіе, онъ благословлялъ народъ, сидя предъ св. трапезою, лицомъ къ западу. Во время причащенія онъ причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ. Одежды его въ богослуженіи: сакко съ нашивною епитрахилью, усыпанною жемчугомъ, по подобію Ааронова нагрудника, омофоръ, митра съ крестомъ наверху, иногда съ зубчатою короною по опушкѣ, стихарь (подризникъ), поясъ, епитрахиль и поручи его съ гамматами, какъ символами токовъ крови Іисусовой, два энколпія, или панагіи, и крестъ. Мантия его бархатная зеленая съ струями золотыми и серебряными, на которой скрижали вверху съ образомъ Благовѣщенія или съ крестами и хорувимами, а внизу со звонками. Пастырскій жезлъ съ зміями—символомъ мудрости; клубукъ бѣловидный съ нашивнымъ крестомъ и иногда съ серафимами. Въ церковномъ ходу предъ патріархомъ несли свѣчъ, а во время путешествія предшествовали ему крестъ и послѣдовалъ жезлъ.

надлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ: дѣла, касающіяся всей Церкви, рѣшались на Соборѣ. И Соборы при патріархахъ были часты. За патріархомъ оставалась особенная важность голоса на Соборѣ.—Область патріарха, какъ епархіальнаго святителя, была весьма обширна ⁶⁾, но она была та же, что и область Московскаго митрополита. Впослѣдствіи съ одной стороны она увеличилась частію нѣсколькими монастырями съ принадлежащими къ нимъ сельскими храмами, взятыми подъ непосредственное вѣдѣніе патріарха, частію селами, пожертвованными или купленными въ пользу новыхъ или прежнихъ патріаршихъ монастырей. Дворъ и управленіе прежнихъ митрополитовъ сохранились въ прежнемъ своемъ значеніи, но получили болѣе наружнаго величія: штатъ патріарха былъ многочисленный; чиновниковъ въ его распоряженіи было великое множество, какъ говорилъ очевидецъ. Штатъ образованъ по примѣру царскаго: были бояре, стольники, боярскія дѣти и другія должностныя лица.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ Московскаго первосвятительскаго престола на степень патріаршества возвышены и нѣкоторыя изъ епархіальныхъ каедръ. Тою же грамотою Московскаго Собора, которою узаконено патріаршество, положено быть въ Россіи 4 митрополитамъ, 6 архіепископамъ и 8 епископамъ. Сему возвышенію основаніемъ поставлена сообразность съ саномъ патріарха и благолѣпіемъ Церкви. Постановленіе собора о митрополитахъ тогда же приведено было въ исполненіе: саномъ митрополита почтены были пастыри Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій, постоянный помощникъ (викарій) патріарха. На степень архіепископа возведены прочіе прежніе епископы, кромѣ Коломенскаго. Изъ числа же новыхъ каедръ епископскихъ замѣщены только двѣ—Псковская и Корельская.

Таковы были дѣла церковныя въ Московскомъ государствѣ. Дѣла гражданскія, внѣшнія и внутреннія оставались въ твердыхъ рукахъ Годунова; для него наступалъ рѣшительный часъ, и самовластный правитель дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

По воцареніи Θεодора младенецъ царевичъ Димитрій, сынъ царя Іоанна отъ послѣдняго брака его, какъ уже было нами замѣчено, былъ удаленъ въ предоставленный ему родителемъ городъ Угличъ вмѣстѣ съ матерью, царицею Маріею, и братьями ея, боярами Нагими. Могъ ли Годуновъ спокойно наслаждаться величіемъ и властію, помышляя о близкой кончинѣ удрученнаго болѣзнію Θεодора и о законномъ его наслѣдникѣ ⁷⁾, воспитываемомъ матерью и родными, въ явной, хотя и

⁶⁾ Московская патріаршая епархія въ началѣ своемъ заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи: Московскую (исключая Коломенскую область), Костромскую, Вятскую, Нижегородскую, Курскую и Орловскую, съ участками епархій: Архангельской, Владимірской, Новгородской и Тамбовской. Предѣлы епархій были довольно перепутаны.

⁷⁾ При судѣ надъ Шуйскими, желавшими расторгенія брака Θεодора съ неплодною царицею, самъ Годуновъ напоминалъ, что законный наслѣдникъ державы—царевичъ Димитрій.

почетной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? Монастырь. Что ожидало Годунова? Темница или плаха... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибали несчастные, которыхъ опасался правитель: кто же былъ для него опаснѣе Дмитрія? Борисъ не страшился случая, безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюрика до Феодора: трона упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династіи, и твердо былъ увѣренъ, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго. Алчный властолюбецъ видѣлъ между собою и престоломъ одного отрока безоружнаго, какъ голодный волкъ видитъ агнца! Сначала правитель надѣялся возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, распуская слухъ, что отрокъ Дмитрій есть совершенное подобіе отца—любитъ муки и кровь, даже самъ для потѣхи убиваетъ животныхъ. Эта сказка осталась безъ успѣха. Годуновъ думалъ объявить Дмитрія незаконно-рожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой супруги Іоанна; не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на богослуженіи; но, разсудивъ, что это супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо церковною властію, что Дмитрій, несмотря на то, во мнѣніи людей остался бы царевичемъ, единственнымъ наслѣдникомъ бездѣтнаго Феодора,—ненасытный властолюбецъ рѣшился прибѣгнуть къ яду или ножу; онъ искалъ только, кому отдать ихъ въ руки для совершенія убійства.

Начали съ яда. Мамка царевича, Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили его орудіемъ; но зелѣ смертоносное не вредило отроку, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи. Нашли человѣка надежнаго, дьяка Михаила Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатью звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото, общалъ совершенную безопасность, велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его Данило и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. И вотъ 15 мая 1591 года „царевича въ Угличѣ не стало“. Какъ же это случилось? Въ полдень, когда во дворцѣ не было никого изъ Нагихъ, мамка Волохова вывела царевича во дворъ; сюда же сошла и кормилица, Ирина Жданова. Убійцы уже дожидались жертвы. Осипъ Волоховъ, взявъ царевича за руку, спросилъ: „это у тебя, государь, новое ожерельице?“ Отрокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: „нѣтъ, старое“. Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но убійца не захватилъ гортани и убѣжалъ. Дмитрій упалъ. Кормилица пала на него, чтобы защищать его собою и стала кричать. Битяговскій и Качаловъ отняли у нея царевича, дорѣзали и кинулись внизъ

съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Восьмилѣтній страсотерпецъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая вскормила его своею грудью; онъ „трепеталъ какъ голубь“, испуская духъ, и скончался, уже на слыша воплей отчаянной матери. По звону на соборной колокольнѣ, откуда пономарь видѣлъ убійство, прибѣжали братья царицы Нагіе, дворъ наполнился смятеннымъ народомъ. Угличане, озлобленные убіеніемъ царевича, умертвила убійць: Битяговскаго, Качалова, Волохова и еще нѣсколько человѣкъ; мамку сохранили живою для показаній. Увѣряютъ, что злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ; наименовали и главнаго виновника Димитріевой смерти—Бориса Годунова.

Но виновникъ преступленія самъ былъ распорядителемъ слѣдствія и суда: слѣдователи, присланные въ Угличъ, Крутицкій митрополитъ Геласій, бояринъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій ⁸⁾, окольнічій Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ, въ угодность правителю, засвидѣтельствовали неправду: они объявили, что царевичъ игралъ въ тычку ножемъ, и „туть пришла на него падучая немочь, и зашибло его и учало его бити; да какъ его било, и онъ поколосъ ножемъ самъ“. Самый первый вопросъ на слѣдствіи предложенъ такъ: „какому обычаемъ царевича не стало? И что его болѣзнь?“ Вообще слѣдственное дѣло, сохранившееся до нашего времени, доказываетъ, что слѣдователи дѣйствовали криводушно ⁹⁾. Царская дума утвердила слѣдствіе и донесла царю, что „жизнь царевича прекратилась судомъ Божиимъ; что Михайло Нагой есть виновникъ кровопролитія ужаснаго и дѣйствовалъ по внушенію личной злобы; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою измѣну и беззаконіе“. Бояръ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы, вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую пустыню, въ обитель св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла

⁸⁾ Правитель успѣлъ уже примириться съ Шуйскими и вступить съ ними въ родство, женивъ кн. Димитрія Шуйскаго (родного брата кн. Василія) на своей свояченицѣ, дочери Малюты Скуратова.

⁹⁾ Никто изъ современниковъ не сомнѣвался, что царевичъ убитъ по волѣ Годунова. Только въ наше время стали возникать сомнѣнія: нѣкоторые полагали, что вмѣсто царевича представленъ и убитъ другой ребенокъ; другіе раздѣлили мнѣніе слѣдователей о самоубійствѣ царственнаго отрока; наконецъ третьи отвергали виновность Годунова. Но если бы убитый не былъ царевичемъ, могли ли не видѣть обмана не только царица и братья ея, но и весь народъ Угличскій, хорошо знавшій и любившій Димитрія? При осмотрѣ тѣла царевича въ лѣвой рукѣ его нашли ширинку (платокъ), а въ правой—орѣхи; могъ ли онъ держать орѣхи, если бы бросалъ ножемъ въ тычку? Если бы онъ, въ припадкѣ болѣзни, упалъ на ножъ, горло было бы проколото, а въ дѣйствительности—гортань была перерѣзана рукою сильнаго злодѣя, а не слабою, дѣтскою. Если же царевичъ палъ отъ руки злодѣя, то кого можно считать главнымъ виновникомъ страшнаго преступленія, кромѣ правителя Годунова? Кому, кромѣ Бориса, нужна была смерть Димитрія? Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ дальнѣйшихъ подробностей; желающіе могутъ найти ихъ въ превосходной статьѣ покойнаго преосв. Филарета Черниговскаго: «Исслѣдованіе о смерти царевича Димитрія» (Чтенія въ общ. Ист. и Древн. Росс. 1858, № 1).

злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію, а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около 200; другимъ отрѣзали языки, многихъ заточили, большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, такъ что древній, обширный Угличъ, гдѣ было, если вѣрить преданію, болѣе 100 церквей и не менѣе 30 тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей преступленія. Тѣло невиннаго страдальца-царевича предано землѣ въ Углицкомъ Спасскомъ соборѣ ¹⁰⁾.

Царь Ѳеодоръ, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ о смерти нѣжнолюбимаго брата и наконецъ сказалъ: „да будетъ воля Божія!“ и всему повѣрилъ. Еще нѣсколько лѣтъ продолжалась тихая, чуждая житейскихъ попеченій, богомольная жизнь послѣдняго царя изъ дома Рюрикова. По выраженію лѣтописца, „Господь возлюбилъ смиреніе царево“ и посылалъ Русской землѣ благодатныя знаменія Своего благоволенія. Къ числу такихъ знаменій относится прославленіе мощей двухъ угодниковъ Божіихъ: преп. Антонія Римлянина, Новгородскаго чудотворца, и св. князя Романа Углицкаго.

Протекло уже 450 лѣтъ послѣ преставленія преподоб. Антонія. Послѣ трехъ пожаровъ въ XIV вѣкѣ и страшнаго разгрома въ 1570 году ¹¹⁾ обитель совершенно запустѣла, такъ что не было въ ней ни братіи, ни церковной службы. Гонителю Новгорода, Грозному царю, пришло наконецъ на мысль, что нельзя оставить въ запустѣннѣи монастыря столько знаменитаго по святости основателя его, чудодѣйственно прибывшаго изъ Рима. Для возобновленія обители царь избралъ и послалъ туда игуменомъ добродѣтельнаго старца Кирилла ¹²⁾, который собралъ братію и ввелъ строгій уставъ общежитія, чѣмъ навлекъ на себя злобу людей неблагонамѣренныхъ и былъ ими отравленъ на трапезѣ; но по усердной молитвѣ къ Божіей Матери и преп. Антонію получилъ исцѣленіе. За этимъ первымъ чудомъ преподобнаго, по возобновленіи обители его, вскорѣ послѣдовали и другія чудеса.

Между тѣмъ какъ продолжались благодатныя исцѣленія у раки преп. Антонія, въ обители его жилъ добродѣтельный и блаженный старецъ Ананія ¹³⁾ иконописецъ, который 33 года провелъ въ мона-

¹⁰⁾ Прославленіе мощей св. страстотерпца царевича Димитрія будетъ описано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

¹¹⁾ Разгромъ Новгорода и разореніе обители преп. Антонія описаны нами прежде.

¹²⁾ Кириллъ Завидовъ, впоследствии архимандритъ Сергіевой лавры (съ 1594 г.), а съ 1605 года митрополитъ Ростовскій, скончался въ 1619 году и погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ (Историч. описаніе Свято-Троицкой Серг. лавры, изд. 1857 г., стр. 90). Древнія святыни Ростова Великаго, соч. гр. М. Толстого, изд. 3-е, прилож. I стр. 12 и 13).

¹³⁾ Ананія иконописецъ, помѣщенный въ списокъ святыхъ Новгородскихъ въ одной рукописи XVII вѣка, погребенъ въ обители, но мѣсто могилы его забыто.

стырѣ неисходно и имѣлъ у себя ученика, именемъ Нифонта ¹⁴⁾. По кончинѣ праведнаго своего наставника этотъ Нифонтъ, одушевляемый живою вѣрою и любовію къ чудотворцу Антонію, сподобился дивнаго сновидѣнія и послѣ того рѣшился приподнять доску, прикрывавшую раку, чтобы видѣть святыхъ и нетлѣнныхъ мощи, лежавшія поверхъ земли въ каменномъ глубокомъ гробѣ, ниже помоста церковнаго. Это было при державѣ благочестиваго царя Θεодора Іоанновича, при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ и первомъ митрополитѣ Новгородскомъ Александрѣ. Нифонтъ повѣдалъ о нетлѣнной мощей игумену Кириллу, игумень—митрополиту, а митрополитъ обѣщался донести царю и патріарху, но не успѣлъ того исполнить, потому что вскорѣ скончался. Между тѣмъ игумень Кириллъ, по волѣ царя Θεодора, сдѣлался архимандритомъ великой лавры преп. Сергія Радонежскаго, куда вслѣдъ за нимъ перешелъ и Нифонтъ, непрестанно умоляя Кирилла, чтобы позаботился о начатомъ святомъ дѣлѣ. Архимандритъ нашелъ случай доложить царю въ присутствіи Бориса Годунова ¹⁵⁾ о нетлѣнныхъ мощей пред. Антонія.

Новому митрополиту Новгорода Варлааму поручено было патріаршею грамотою освидѣтельствовать и открыть св. мощи. Когда сняли богато украшенную раку, стоящую надъ гробомъ чудотворца, то митрополитъ, наклонившись, увидѣлъ нетлѣнное тѣло, лежащее подобно живому на два локтя ниже помоста. Не осмѣливаясь взять святыхъ руками, братія вмѣстѣ съ новымъ игуменомъ Трифономъ стали копать землю подлѣ гробницы. Тогда отъ святыхъ мощей дивное благоуханіе разлилось въ воздухъ. Цѣлебоносные останки чудотворца оказались лежащими на огромномъ камнѣ, съ которымъ вмѣстѣ были приподняты на помость церковный 1 іюля 1597 года.

Явленіе св. мощей сопровождалось множествомъ чудотвореній. Митрополитъ со всѣмъ Новгородскимъ духовенствомъ и множествомъ народа совершилъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Антоніевъ монастырь и, приблизившись къ многоцѣлебной ракѣ, своими руками снялъ покровъ съ чудотворца, при чемъ весь храмъ наполнился сладостнымъ благоуханіемъ; святыхъ мощи были обнесены вокругъ храма

¹⁴⁾ Этотъ самый Нифонтъ составилъ обширное описаніе переложенія мощей преподобнаго Антонія и бывшихъ при томъ чудесъ. Онъ говоритъ о себѣ такъ: «Азъ многорѣшный первый желатель быхъ и понудитель преложити честное тѣло преподобнаго изъ гроба на верхъ земли» (лист. 215). Описаніе составлено имъ въ Сергіевой Лаврѣ въ первые дни царствования Бориса Годунова, 22 марта 7106 (1598) года, по повелѣнію патріарха Іова, отъ котораго были сообщены ему подлинныя документы: «взимахъ у него (патріарха) чудесемъ святаго писанныя памяти до преложения честнаго и многочудеснаго тѣла преподобнаго и имена исцѣлѣвшимъ» (лист. 216). Монахъ Сергіевой Лавры, Германъ Тулузовъ, списалъ сказаніе Нифонта въ 1627 году и былъ безъ сомнѣнія современникомъ сего послѣдняго. Тѣмъ важнѣе для насъ трудъ старпа Германа въ Миней-четвѣ мѣсяца августа, писанной его рукою (Библи. Серг. Лавр. рук. № 681).

¹⁵⁾ Нифонтъ говоритъ о Борисѣ: «Боляринъ Борисъ Θεодоровичъ баше мужъ добродѣтеленъ весьма и богобоязливъ и весьма кипяше всякою добродѣтелію Богу и человѣкомъ» (лист. 179).

и поставлены въ церкви Рождества Богородицы надъ прежнею могилою преподобнаго. Съ того времени учрежденъ митрополитомъ Варлаамомъ, по волѣ царя Феодора и по благословенію патріарха Іова, ежегодный крестный ходъ въ обитель чудотворца, въ первую пятницу послѣ праздника Петра и Павла, совершаемый и донынѣ.

Игуменъ Трифонъ былъ отправленъ въ Москву къ царю и патріарху съ грамотою объ открытіи св. мощей, а между тѣмъ чудеса и исцѣленія продолжались непрерывно. Братія обители сообщали о нихъ въ Москву игумену Трифону, а онъ докладывалъ царю и патріарху. Благочестивый Феодоръ въ послѣдніе дни своей жизни радовался проявленію благодати Божіей чрезъ новаго чудотворца,

Въ древнемъ Угличѣ, вскорѣ послѣ разоренія его неправеднымъ судомъ, какъ бы въ утѣшеніе оставшимся горестнымъ жителямъ, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи св. князя Романа, обрѣтенныя при перестройкѣ собора, въ 1595 году¹⁶⁾. Онѣ были освидѣтельствованы, по распоряженію патріарха Іова, Казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ и поставлены открыто въ томъ самомъ соборномъ храмѣ, гдѣ таились до времени, въ нѣдрахъ земли; другія нетлѣнныя мощи— св. царевича и страстотерпца Димитрія.

Въ 1594 году Крымскій ханъ Кази-Гирей сдѣлалъ внезапный и коварный набѣгъ на Русскую землю въ то самое время, когда послы его заключили миръ съ Москвою. Онъ прошелъ безпрепятственно до села Коломенскаго и встрѣтилъ отпоръ только подъ стѣнами Москвы: здѣсь войско Русское сразилось съ невѣрными, въ виду храмовъ и палатъ кремлевскихъ, передъ глазами царя и царицы. Стѣны, башни, колокольни были унижены вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: дѣло шло о Москвѣ. Народъ то безмолствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всеми движеніями кровопролитной сѣчи,—зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видѣла приступы къ стѣпамъ ея, но еще до того времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Въ эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человекъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божиимъ призывалось Русскими воинами въ пылу битвы, тотъ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ государь!.. Утомленный долгою молитвою, Феодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ одинъ добрый бояринъ и плакалъ. Феодоръ обратился къ нему, увидѣлъ его слезы и сказалъ: „будь спокоенъ! завтра не будетъ хана!“ Битва была нерѣшительна и прекратилась къ вечеру, но слово царское, по замѣчанію современниковъ, оказалось пророчествомъ: ханъ, со всеми своими полчищами,

¹⁶⁾ Св. князь Романъ Владиміровичъ Углицкій, внукъ в. к. Константина Всеволодовича, жилъ въ бѣдственное время нашествія Батыева и преставился въ 1285 году.

бѣжалъ ночью за часъ до разсвѣта, преслѣдуемый Русскою ратью, предводимою правителемъ Годуновымъ.

Въ 1596 году царь Феодоръ былъ утѣшенъ переложениемъ нетлѣнныхъ и многоцѣлебныхъ мощей св. митрополита Алексія въ новую серебряную раку. Онъ приказалъ Годунову прикоснуться къ мощамъ и сказалъ ему достопамятное слово: „Осыжай святыню, правитель народа христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты достигнешь желаемаго, но все суета и тлѣніе на землѣ“.

Почти въ то же время набожное сердце Феодора глубоко огорчено было бѣдствіемъ знаменитой обители Печерско-Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда угодники Божіи—Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евѳимій и Макарій Желтоводскій, или Унженскій¹⁷⁾: гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келіи, ограду. Сія гибель мѣсто святого поразила воображеніе народное и названа въ лѣтописи „великимъ знаменіемъ“ того, что ожидало Россію, чего ожидалъ и Феодоръ, замѣтно слабѣя и изнемогая. Онъ предвидѣлъ близкій конецъ свой, и часъ насталь.

И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ это время еще менѣе заботился о мірѣ и царствѣ, ходилъ и ѣздилъ изъ обители въ обитель, благотворилъ нищимъ и духовенству, особенно греческимъ монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопонесскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоценности святыни (однѣ нерасхищенные турками!): кресты, иконы, мощи. Въ концѣ 1597 года Феодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь: 6 января открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Феодора, какъ ангела земного, и приписывалъ дѣйствию ревностныхъ молитвъ его благосостояніе отечества, любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Мономаховой крови; и когда въ отверстыхъ храмахъ усердныя толпы москвичей еще съ надеждою молили Бога объ исцѣленіи государя добраго, тогда патріархъ, вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Феодоровой самодержавной власти, завѣщая о Россіи сиротѣющей. Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведникъ отходитъ къ Богу... Государь! кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу? Феодоръ тихо отвѣтствовалъ: „въ царствѣ, въ васъ и царицѣ воленъ Господь Всевышній... оставляю грамоту духовную“. Завѣщаніе было уже написано; Феодоръ вручалъ державу Иринѣ, а „душу свою приказывалъ“ святителю Іову, двоюродному брату Феодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасіи) и шурина Борису Годунову, то-есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками трона. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ царя елеемъ, исповѣдалъ и приобщилъ святыхъ таинъ, а въ

¹⁷⁾ О св. Діонисіи, преп. Евѳиміи и Макаріи мы упоминали уже прежде.

часть утра 7 января 1598 года Феодоръ испустилъ духъ безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко ¹⁸⁾.

Всѣ присягнули съ усердіемъ вдовствующей царицѣ Иринѣ, но скоро узнали, что вмѣстѣ съ нею вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ, что вѣнецъ и скипетръ лежать на немъ праздно, что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы: Ирина приняла постриженіе иноческое въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ Александры. Изъ всѣхъ областныхъ городовъ созваны люди выборные на Великій Соборъ, и наконецъ 17 февраля 1598 года правитель Борисъ Годуновъ единогласно былъ избранъ и возведенъ на престолъ царскій.

Окончимъ словами нашего незабвеннаго историографа: „Что видимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? И что благоразумнѣе? Перемѣнилось только имя царя, власть державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную и властвовалъ счастливо для цѣлости государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей, человѣческою мудростію надѣленный, правитель достигъ престола злодѣйствомъ... Казнь небесная угрожала царю преступнику и царству несчастному ¹⁹⁾.

---

¹⁸⁾ Въ «книгѣ о Россійскихъ святыхъ» царь Феодоръ Іоанновичъ поставленъ въ ликъ Московскихъ чудотворцевъ. Повѣствуютъ, что въ предсмертномъ томленіи онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-то незримымъ для другихъ, именуя его великимъ святителемъ, и что въ часъ кончины Феодора ощущалось неизреченное благоуханіе въ палатахъ кремлевскихъ.

¹⁹⁾ Карамз. Истор. Гос. Россійскаго Т. X., конецъ III-й главы.

Г Л А В А V.

Состояніе церкви Кіевской митрополіи въ XVI вѣкѣ.—Церковная унія.— Состояніе церкви Московской митрополіи.— Упадокъ иноческой жизни.— Угодники Божіи: преподобные Никандръ Псковскій, Адріанъ и Ферапонтъ Мензенскіе; юродивые: Симонъ Юрьевецкій и Іоаннъ Московскій.

Когда на престолѣ Московскаго государства прекратился державный родъ св. Равноапостольнаго Владиміра въ лицѣ царя Θεодора, и нашему отечеству готовились тяжкія, продолжительныя испытанія,— въ первопрестольной и боголюбивой Москвѣ существовала уже крѣпкая опора для православныхъ сыновъ ея, поставленная Промысломъ Божиимъ незадолго до пресѣченія царственной династіи: мы говоримъ о возвышеніи первосвятительской кафедрѣ, которое придало ей новый блескъ, новое освященіе въ глазахъ народа. Первые патріархи Московскіе, вынося на старческихъ раменахъ своихъ бремя власти, не только церковной, но и государственной, явили себя истинными отцами Церкви и отечества ¹⁾.

Не такова была судьба православной церкви въ западной Руси, подъ скипетромъ королей иноплеменныхъ и иновѣрныхъ, подъ высшимъ управленіемъ патріарховъ Цареградскихъ, отдаленныхъ по мѣсту жительства и чуждыхъ по языку, при архипастыряхъ слабыхъ и нерѣдко увлекаемыхъ честолюбіемъ. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ о первыхъ стѣненіяхъ православной вѣры при Ягайлѣ, вскорѣ по соединеніи Литвы съ Польшею ²⁾. Хотя общихъ гоненій и не было, но самое раздѣленіе Русской Церкви на двѣ митрополіи не могло не вредить чистой вѣрѣ ³⁾ и пролагало путь къ уніи.

Унія Флорентійская не удалась папѣ и не оставила по себѣ слѣдовъ не только въ Московской, но и въ Кіевской (юго-западной) ми-

---

¹⁾ Подвиги двухъ первыхъ патріарховъ будутъ изложены въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

²⁾ Такъ для православныхъ воспрещены были браки съ папистами и затрудненъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Но впоследствии эти мѣры были оставлены, потому что «жатва не отвѣчала ожиданіямъ», какъ говоритъ извѣстный Галицкій писатель Зубрицкій.

³⁾ Раздѣленіе Русской митрополіи на двѣ—Московскую и Кіевскую было вредно для послѣдней. Митрополитъ, подданный короля-паписта, не имѣлъ довольно силы, чтобы защищать православіе, а вліяніе патріарха Цареградскаго, подъ властію котораго оставалась южно-русская Церковь, было слишкомъ незначительно.

трополи. Поборники папизма убѣдилась, что имъ (послѣ Флорентійской попытки) невозможно вести борьбу съ православною Церковію въ полномъ ея составѣ; тогда они рѣшились ограничить свои дѣйствія Русскими областями, непосредственно подвластными Польской коронѣ ⁴⁾. Первымъ и самымъ надежнымъ приготовленіемъ къ униі было воспитаніе молодыхъ людей изъ знатныхъ, южно-русскихъ фамилій, у іезуитовъ Польскихъ, особенно въ Римѣ. Приготовленіе это, какъ нельзя лучше, вело къ цѣли іезуитовъ ⁵⁾.

Обстоятельства и страсти человѣческія сильно содѣйствовали коварнымъ замысламъ. Съ одной стороны — вступившій на престолъ Польши Шведскій королевичъ Сигизмундъ III, отъ колыбели воспитанникъ іезуитовъ, былъ ревностнымъ слугою ихъ до гроба и всегда покорнымъ орудіемъ въ рукахъ папизма. Съ другой стороны — упадокъ нравовъ въ православномъ духовенствѣ, особенно высшемъ, потребовалъ довольно строгихъ мѣръ отъ патріарха Цареградскаго.

Святѣйшій Іеремія, отправляясь въ Москву для избранія и посвященія перваго Русскаго патріарха (событіе непріятное и тревожное для враговъ православія), увидѣлъ въ южной митрополиі много безпорядковъ — ослабленіе нравственности, отступленіе отъ правилъ и обычаевъ церковныхъ. Онъ лишилъ каедръ митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и предалъ суду Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, который велъ жизнь разгульную, по примѣру Римскихъ прелатовъ, и уличался въ разныхъ преступленіяхъ. Строгость первосвященителя возбудила неудовольствіе духовенства, привыкшаго къ своеволю, недовѣрчивость и вражду къ патріарху, котораго мало знали. Мѣсто Онисифора заступилъ Михаилъ Рогоза, старикъ добрый, но съ характеромъ слабымъ. Патріарху было угодно, чтобы къ возвращенію его изъ Москвы митрополитъ Михаилъ собралъ соборъ для разсужденія о церковномъ благочиніи. Соборъ не былъ собранъ: Кириллъ заставилъ слабаго Рогозу бояться за самого себя. Патріархъ напрасно ждалъ собора въ Замостьѣ съ потерей времени и издержекъ, тяжелыхъ для его скуднаго престола. Отзываемый дѣлами въ Валахію, онъ послалъ довѣрительную грамоту къ митрополиту въ Вильну; но Кириллъ отнялъ ее на дорогѣ. Патріархъ, узнавъ о томъ, послалъ другую грамоту къ Мелетію, епископу Владимірскому (на Волыни), поручая ему и экзарху своему созвать соборъ, а на слабаго митрополита возложилъ уплату издержекъ пребыванія въ Замостьѣ. Кириллъ дружески посѣтилъ Мелетія и тайно похитилъ у него грамоту патріарха. Такимъ образомъ соборъ опять не состоялся; союзъ съ патріархомъ былъ сильно ослабленъ.

⁴⁾ На люблинскомъ сеймѣ Польша произвела себѣ, на особыхъ правахъ, лучшія области великаго княжества Литовскаго — Кіевъ, Волынь, Украйну. Тогда же прелаты заговорили о религіозной униі въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Желавшихъ подробнѣе ознакомиться съ дѣйствіями іезуитовъ въ эпоху, предшествовавшую Брестской униі, отсылаемъ къ превосходному сочиненію г. Козловича: «Литовско-церковная униа».

⁵⁾ Князь Курбскій оплакивалъ воспитаніе іезуитское, направленное къ совращенію православныхъ въ папизмъ (Кіевлян. Максимовича на 1840 г., стр. 923).

Между тѣмъ іезуитъ Скарга издалъ ловкій панегирикъ уніи, посвятивъ его „духовному сыну своему“, королю Сигизмунду. Для Кирилла, склонявшагося на сторону уніи, найденъ хитрый помощникъ въ сенаторѣ Поцѣѣ, воспитанникѣ латинской Краковской академіи. Іезуиты выпросили у короля обѣщаніе доставить Поцѣю доходное епископство Владимірское, и Кириллъ постригъ Ипатія въ монахи. Въ то же время, по настоянію іезуитовъ, открылись новыя притѣсненія православнымъ.

Впрочемъ церковь южно-русская имѣла двѣ сильныя опоры: первую изъ нихъ были православныя церковныя братства Львовское, Виленское и множество другихъ (въ числѣ ихъ два первыя основаны еще въ XV вѣкѣ). Братства, какъ попечители монастырей и храмовъ, заботились о поддержаніи церковныхъ зданій, о содержаніи духовенства и бѣдныхъ и имѣли право голоса при назначеніи настоятелей и священниковъ. Въ бѣдственное время борьбы, о которомъ мы теперь говоримъ, братства одушевились новою ревностію. Не ограничиваясь прежнимъ кругомъ дѣятельности, по преимуществу челоуѣколюбивой, они обратили ревность свою на защиту вѣры, на помощь пастырямъ Церкви, на учрежденіе типографій и народныхъ училищъ ⁶⁾.

Волнуемая бурей папизма, южно-русская Церковь имѣла также ревностнаго поборника въ лицѣ доблестнаго воеводы Кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго, — челоуѣка благочестиваго и образованнаго. Онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Востокомъ, собиралъ и издавалъ богослужебныя книги ⁷⁾, заводилъ училища,

⁶⁾ Старѣйшимъ изъ училищъ (послѣ Острожскаго, извѣстнаго еще прежде) было Львовское. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, прибывъ въ Россію съ наставленіями Царградскаго патріарха Іереміи, въ 1586 г. далъ братству Львовскому уставъ и одушевилъ его ревностію открыть школу и типографію, а патріархъ Іеремія, получивъ извѣстіе о томъ Іоакима, прислалъ во Львовъ Елассонскаго архіепископа Арсенія, который принялъ на себя обязанность преподавать въ новомъ училищѣ уроки и преподавалъ два года. Львовскимъ братствомъ была издана (1591 г.) первая еллинословенская грамматика. Прочія братства дѣйствовали усердно въ томъ же духѣ, по мѣрѣ средствъ своихъ. Кромѣ того епископомъ Львовскимъ Гедеономъ заведено было училище въ Стратинѣ. Предметами ученія были: Греческій, Славянскій, Русскій, діалектика и риторика.

⁷⁾ Князь Константинъ открылъ первое высшее училище въ Острогѣ, которое при немъ называлось академіею. При училищѣ завелъ онъ типографію, изъ которой вышло до 18 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ. Библія, изданная имъ въ 1580 и 1581 гг. въ Острогѣ, составляетъ блистательный памятникъ благочестія и христіанскаго, свѣтлаго ума его. Въ предисловіи, имъ самимъ написанномъ, онъ говоритъ, что изданіемъ желаетъ «благочестію нѣкое дарованіе духовное оставить. Кто бо есть отъ благочестивыхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкви Христовы, на паденіе клоняюща? Волцы тяжцы нещадно расхищаютъ и распужаютъ овчье стадо Христово». Ему недоставало, говорить онъ, и людей, способныхъ къ изданію Библии, и полныхъ списковъ Библии. Надлежало послышать къ патріарху и въ монастыри Греческіе и Балгарскіе, за лучшими списками. При изданіи принято за правило слѣдовать греческому тексту. Усердіе благочестиваго князя достойно всякой похвалы, а Библія его, какъ первый опытъ, во всякомъ случаѣ былъ дорогимъ подаркомъ для православной Церкви. Особенно же дорогъ былъ этотъ подарокъ тогда, какъ съ одной стороны гордая реформація, съ другой коварный папизмъ упрекали православныхъ недостаткомъ образованности, а еще болѣе тѣмъ, что у православныхъ нѣтъ

разсылалъ по Литвѣ, Украинѣ и Волыни проповѣдниковъ для утвержденія народа въ истинахъ вѣры. Постоянная, неуспяная заботливость князя о Церкви православной была извѣстна всѣмъ Полякамъ, и они преклонялись предъ нею. Король Стефанъ Баторій, уважая въ князѣ несомнѣнныя заслуги воинскія и гражданскія, даровалъ ему то преимущество, которое вѣрный и знаменитый сынъ православной Церкви считалъ для себя выше всѣхъ наградъ: король призналъ его стражемъ, хранителемъ и защитникомъ южной Русской митрополіи⁸⁾. Убѣленный сѣдинами маститой старости, доблестный воевода оправдалъ этотъ почетный титулъ неутомимыми трудами.

Соборъ, созванный въ 1590 году (первый Брестскій), разсмотрѣлъ грамоты и привиллегіи, данныя въ разныя времена православію. Положено было просить короля, дабы имъ возвращено было значеніе дѣйствующаго закона. Хитрый Кириллъ, который „яко бѣсъ не преста клевета на патріарха“, успѣлъ получить въ свои руки бѣлые бланкеты съ приложенными печатями епископовъ, выданные для ходатайства предъ королемъ о защитѣ Церкви. Послѣ того Кириллъ и Ипатій Поцѣй, уже епископъ, объѣхали города для приготовленія умовъ къ униі. Они старались склонить на свою сторону Михаила Копыстинскаго, епископа Перемышльскаго, но тотъ тогда же протестовалъ противъ преступнаго ихъ умысла. Легче казалось расположить къ униі Гедеона Балабана, епископа Львовскаго, такъ какъ онъ сильно недоволенъ былъ патріархомъ, который не въ его пользу рѣшилъ споръ его съ Львовскимъ братствомъ о правахъ епископа и даже грозилъ ему отлученіемъ. Терлецкій и іезуиты съ одной стороны употребляли все, чтобы отягчить положеніе Гедеона, съ другой—твердили Гедеону, что патріархъ оставилъ его, что онъ несправедливъ къ нему. Гедеонъ поколебался; онъ склонилъ было и многихъ изъ духовенства, въ томъ числѣ нѣсколькихъ Грековъ, къ тому, чтобы признать надъ собою власть папы⁹⁾. Но эта невѣрность долгу совѣсти была только временною въ душѣ Гедеона. Князь Острожскій въ отвѣтъ на письмо Поцѣя (отъ 21 іюня 1593 года) писалъ ему, что и онъ не прочь отъ мира съ немиролюбивымъ Римомъ по желанію облегчить участь православія, но желаетъ только мира, на который могли бы согласиться патріархи Восточные и Московскій; къ нимъ и надобно прежде всего отнестись по сему дѣлу¹⁰⁾. Патріархи Александрійскій и Константинопольскій прислали увѣщанія—не прельщаться новыми ученіями, а послѣдній грозилъ отлученіемъ отъ Церкви каждому, кто захотѣлъ бы измѣнить

даже и Библии. Но, отдавая честь подвигу благочестиваго князя, мы должны замѣтить, что Библия его требовала очень многихъ поправокъ. Въ ней не вездѣ исправлены даже ошибки писца и слова часто не отдѣлены одно отъ другого. Въ поправкахъ старались быть вразумительными, но, рѣдко справляясь съ греческимъ текстомъ, часто удалялись отъ него. (Обзоръ Дух. Рус. литературы преосв. Филарета Черниговскаго; ч. I, стр. 233—235).

⁸⁾ По свидѣтельству г. Кояловича.

⁹⁾ Истор. Акты т. IV, № 54. Дополненія къ Акт. истор., стр. 474.

¹⁰⁾ Акты Запад. Рос. т. IV, № 45.

православію. Голосъ Востока произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Но тѣмъ рѣшительнѣе стали дѣйствовать Ипатій и Кириллъ.

Въ концѣ 1594 года происходило совѣщаніе объ уніи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали, что Кириллъ ѣздилъ въ Краковъ и возилъ туда бланкеты, а Ипатій писалъ: „истинно не знаю я ни о какихъ бланкетахъ“. На тѣхъ бланкахъ, которые выданы были въ 1590 г. за подписью всѣхъ пастырей Церкви, Ипатій и Кириллъ написали прошеніе къ королю и посланіе къ папѣ (отъ 12 іюня 1595 г.), съ изложеніемъ желанія уніи не только отъ лица митрополита и всѣхъ епископовъ, но и „всего духовенства и ввѣренныхъ имъ овецъ“. Сигизмундъ грамотою 30 іюля 1595 года объявилъ равенство правъ уніатскаго духовенства съ Римскимъ и отправилъ Ипатія и Кирилла въ Римъ на свой счетъ.

Тамъ приняли съ восторгомъ измѣнниковъ православія. Въ торжественномъ собраніи кардиналовъ и прелатовъ Римскихъ, 33 декабря 1595 года, Ипатій и Кириллъ облобызали ногу папы Климента, вручили ему прошеніе собора, и оно прочтено было вслухъ всѣхъ. Секретарь папы, отъ имени его, пышною рѣчью объявилъ имъ благоволеніе. Оба епископа прочли исповѣданіе вѣры: они признали исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, верховную власть папы, чистилище, причащеніе тѣла и крови Христовой подъ однимъ видомъ, индульгенціи, приняли все, что „опредѣлено Тридентскимъ соборомъ, сверхъ содержащагося въ Никейско-Константинопольскомъ символѣ“! Оба дали присягу за себя и прочихъ епископовъ. Такимъ образомъ Ипатій и Кириллъ дѣйствовали не только какъ отступники отъ вѣры, но и какъ вѣроломные предатели, потому что приняли въ Римскомъ исповѣданіи много такого, чего никто даже и изъ числа сообщниковъ ихъ не думалъ принимать, а потому и не могъ позволять ручаться за него въ принятіи. Папа и кардиналы торжествовали, пѣли хвалебныя пѣсни, выбили медаль, достойную Рима ¹¹⁾, внесли въ лѣтопись „повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полуночныхъ“.

Предатели родной вѣры не успѣли еще возвратиться въ отечество, а народное негодованіе противъ уніи уже кипѣло и принимало грозный видъ. Епископъ Гедeonъ подалъ сейму жалобу (1 іюля 1595 г.), что депутаты-отступники приняли во всемъ Римскую вѣру, оставивъ только для виду Греческіе обряды, что они безсовѣстнымъ подлогомъ позорятъ имя его и Михаила Черемышльскаго и безъ вѣдома паствы покорили паству волѣ папы. Народъ проклиналъ отступниковъ. Князь Острожскій объявилъ, что онъ не хочетъ знать уніи. Митр. Михаилъ еще прежде того окружною грамотою извѣстилъ, что онъ не думалъ и не думаетъ объ уніи, и съ клятвою увѣрялъ, что дорожить союзомъ съ патріархомъ Константинопольскимъ.

Тогда на защиту уніи возсталъ со всѣми своими силами король

¹¹⁾ На медали вырѣзали изображеніе папы Климента и падающаго передъ нимъ Россіянина, съ надписью: Ruthenis receptis—«на принятіе Руссовъ».

Сигизмундъ. Въ августѣ 1596 г. онъ выдалъ привиллегію на имя униатскаго духовенства. Затѣмъ назначенъ былъ сеймъ въ Брестѣ, и въ началѣ октября 1596 г. прибыли туда пять епископовъ, приверженныхъ униі, съ повѣренными короля, латинскими епископами и сенаторами. Поборниками православія на соборѣ (по нашему счисленію, третьемъ Брестскомъ) ¹²⁾ были экзархи патріарховъ—Константинопольскаго Никифоръ и Александрійскаго Кириллъ Лукаръ, епископы Гедеонъ и Михайлъ, Лука, митрополитъ Бѣлогородскій изъ Славоніи, множество архимандритовъ и протоіереевъ. Князь Острожскій и вся свѣтская знать русская были на сторонѣ православія. Начались богословскія пренія. Но за униатовъ былъ король, требовавшій только повиненія. Прибылъ послѣ всѣхъ и митр. Михайлъ. Православные послали спросить его: чью сторону будетъ держать онъ? И онъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ униі, но черезъ нѣсколько часовъ сталъ на сторону униі. Православные отправили протестацію къ митрополиту, гдѣ грозили судомъ какъ ему, такъ и другимъ измѣнникамъ; но все было напрасно. Соборъ униатовъ собрался въ храмѣ св. Николая, гдѣ все дѣло началось и кончилось тѣмъ, что съ амвона прочтены были: булла папы и актъ соединенія, подписанный 8 октября митрополитомъ съ пятью епископами, но никѣмъ изъ свѣтскихъ.

Православные составили и подписали приговоръ: а) не слушать ни въ чемъ митрополита и прочихъ отступниковъ епископовъ, а считать ихъ лишенными власти, и б) не принимать ничего въ отношеніи къ вѣрѣ безъ согласія Константинопольскаго патріарха.

Такъ началась униа. Сигизмундъ, латинскіе прелаты фанатики и Польскіе магнаты употребили всѣ мѣры насилія въ пользу униі, облили землю кровью—на пагубу Польши, бессознательно и невольно подготавливая въ будущемъ присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, раздѣленіе Польши и зарю того отдаленнаго дня Господня, когда „отвергнутые насиліемъ воссоединены любовью“ ¹³⁾.

„Отягщенія и насилія,—писала Литовская конфедерація 1599 г.,—умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ Римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, православныхъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частію уже захвачены, ра-

¹²⁾ Между первымъ Брестскимъ соборомъ 1590 года и послѣднимъ, на которомъ принята униа митропол. Рагозою и другими предателями православія, былъ еще второй Брестскій соборъ (26 октября 1591 года) совершенно неизвѣстный нашимъ историкамъ. Подлинный актъ этого собора, писанный въ православномъ духѣ, за подписями и печатами Рагозы, Терлецкаго, Гедеона Балабана и другихъ епископовъ, составляетъ собственность преосвященнаго Павла, епископа Псковскаго.

¹³⁾ Надпись, вырѣзанная вокругъ креста, на медали, выбитой на воссоединеніе униатовъ съ православною Церковію. На другой сторонѣ медали—ликъ Спасителя и слова апостольскія: «Такова имама первосвященника».—Какая противоположность между двумя памятниками Римскимъ и Русскимъ.

зорены и опустошены, притомъ съ грабежомъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіемъ, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и мертвыми. Духовныя лица наши за твердость въ исповѣданіи терпятъ разныя преслѣдованія: на нихъ нападаютъ въ собственныхъ домахъ ихъ, грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности. Священники наши не могутъ крестить младенцевъ, исповѣдывать умирающихъ, отпѣвать мертвыхъ; тѣла православныхъ христіанъ вывозятъ, какъ падалъ, въ поле. Всѣхъ, кто не измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ... Вопіемъ—не слушаютъ!..“

Возблагодаримъ Бога при мысли, что такой нетерпимости никогда не бывало въ нашемъ любезномъ отечествѣ—сѣверной Руси, отъ самой отдаленной древности и до нашего времени. Всѣ иновѣрцы были терпимы подъ однимъ условіемъ—не совращать православныхъ. Иностранцы въ концѣ XVI вѣка дивились нашей терпимости, неслыханной въ образованной Европѣ, гдѣ пылали тогда костры инквизиціи. Каковы бы ни были причины, которыя произвели и поддерживали это благотворное явленіе, во всякомъ случаѣ оно служило къ славѣ православной Церкви и было выгодно для государства, облегчая завоеванія древнихъ князей нашихъ и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, когда понадобились намъ иновѣрцы, какъ пособники этого великаго дѣла. Не только христіане иныхъ исповѣданій, но магометане и язычники совершали у насъ молитву по своимъ убѣжденіямъ и обрядамъ, между тѣмъ какъ въ Литвѣ принуждали православныхъ быть папистами и хотѣли утвердить единство Римской вѣры кровавыми гоненіями.

Но если Церковь сѣверной Руси не страдала отъ латинскаго изуверства, то и она, готовясь къ ужасамъ смутнаго времени, имѣла свои внутренніе недуги—недостатокъ просвѣщенія и упадокъ монашеской жизни. О мрачномъ невѣжествѣ не только народа, но и самаго духовенства мы говорили уже прежде, но въ концѣ XVI вѣка это зло еще усилилось. На Московскомъ соборѣ 1551 года признаны были необходимыми—школы для народа и типографіи для печатанія книгъ церковныхъ. Но школы учреждено не было, а типографское дѣло шло неудачно: первыя книги напечатаны были безъ всякаго сличенія съ подлинниками. Люди темные, особенно писцы, возстали противъ типографовъ; невѣжество и злоба не замедлили огласить ихъ еретиками. Діаконъ Іоаннъ и Тимоѣевъ, напечатавъ въ 1565 году Часовникъ, вынуждены были бѣжать изъ Москвы въ Литву. Народъ при слухѣ о ереси, о дѣлѣ еретическомъ взволновался, и самый домъ типографскій былъ сожженъ. Однако царь велѣлъ возобновить дѣло: въ 1568 г. напечатана ученикомъ изгнанниковъ, Андроникомъ Невѣжею, Псалтирь въ Москвѣ, а въ 1578 г. она же—въ Александровской слободѣ.

Въ предыдущихъ вѣкахъ обители иноческія были разсадниками духовнаго просвѣщенія; въ нихъ живой опытъ объяснялъ для души

тайны вѣры и благочестія, развивая въ нихъ сознание въ превосходствѣ чистой вѣры; примѣръ святой жизни разливалъ изъ нихъ свѣтъ и жизнь на современность. Но въ мрачное время Грознаго царя замѣтно ослаблѣніе пустынной строгости въ монастыряхъ. Оно зависѣло особенно отъ помѣщенія въ обителяхъ бояръ, то истриженныхъ насильно, по волѣ Іоанна, то укрывавшихся отъ страшнаго гнѣва его подъ иноческую мантию, и отъ невольнаго постриженія вдовыхъ священнослужителей. Какъ бы строго ни наблюдали настоятели за сохраненіемъ правилъ монашествующими, невольные постриженники — ненадежные слуги Божіи. Положимъ, со временемъ нужда приучала ихъ къ монашескому затвору; но до того времени каково было отъ нихъ монастырю! Люди, привыкшіе ни въ чемъ не отказывать себѣ, могли ли скоро разстаться съ своими привычками, даже съ одною привычкою къ независимости ¹⁴⁾? Сверхъ того много вредили монашеству попеченія объ имѣніяхъ недвижимыхъ. Хотя управление ими возлагалось на немногія избранныя лица; но разныя непріятности и неустройства управления развлекали вниманіе и во всей обители; притомъ смотрѣть на міръ — не то, что имѣть въ виду только Бога и святыхъ Его: примѣръ міра заразителенъ, по крайней мѣрѣ для слабыхъ ¹⁵⁾.

Впрочемъ и въ это время просіяло нѣсколько угодниковъ Божіихъ, подобно звѣздамъ на тверди небесной, среди темной ночи.

Такъ, въ пустынномъ лѣсу, окруженномъ болотами, между Псковомъ и Порховомъ, поселился около 1530 года молодой отшельникъ, по имени Никонъ, сынъ благочестивыхъ поселянъ изъ погоста Виде-лебья. Въ домѣ родителя обучился онъ чтенію, и съ юности былъ богобоязненъ и часто посѣщалъ Храмъ Божій. Примѣръ старшаго брата, принявшаго монашество съ именемъ Арсенія, и слава недавно почившихъ преп. Саввы и Евфросина возбудили въ юной душѣ его рѣшимость отказаться отъ міра и служить единому Господу. По смерти отца семнадцатилѣтній Никонъ убѣдилъ мать раздать имѣніе частію храмамъ, частію бѣднымъ, и удалиться въ обитель молитвы. Самъ онъ обошелъ обители иноческія въ странѣ Псковской. Замѣтивъ въ себѣ недостаточное умѣнье читать полезныя книги, онъ поступилъ для работы въ домъ одного набожнаго Псковскаго жителя, а тотъ отдалъ его для обученія опытному книжному учителю, и Никонъ приобрѣлъ „разумѣніе писаній“.

¹⁴⁾ Царь Іоаннъ, въ посланіи къ братіи Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, рѣзко обличаетъ порчу нравственную, внесенную боярами въ обители иноческія. Но кто же, если не онъ самъ, былъ виновникомъ этого зла?

¹⁵⁾ Тогдашнее ослабленіе строгости въ богатыхъ монастыряхъ обнаруживаютъ и самыя ихъ уставы. Тогда какъ въ бѣдныхъ обителяхъ иноки вели жизнь истинно-страдальческую, уставомъ Тихвинскаго монастыря во всѣ субботы и воскресенія великаго поста предлагалась инокамъ икра, а въ воскресеніе 1-й недѣли жареная лососина, или просоленная семга. Даже по уставу Сергіевой лавры въ субботу 1-й недѣли предлагали икру, а въ воскресеніе 1-й недѣли, въ субботу 5—6 недѣль — рыбу. (Доп. ист. акт., № 135).

Услышавъ о пустынномъ мѣстѣ на р. Демьянкѣ, онъ рѣшился удалиться туда на безмолвіе. Блаж. Николай, юродивый Псковскій, встрѣтивъ его на дорогѣ, сказалъ ему, что ожидаютъ его „горечи“; но это не остановило юношу, также и какъ дикость пустыннаго мѣста не измѣнила его намѣренія. Поставивъ себѣ хижину, Никонъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ безмолвныхъ подвигахъ молитвы и питался растеніями пустыни. Сосѣдніе жители услышали о новомъ пустынникѣ, стали посѣщать его и невольно нарушили его безмолвіе. Отшельникъ, избѣгая мірской извѣстности, ушелъ въ общежительную пустынь преп. Саввы Крыпецкаго и принялъ здѣсь иночество съ именемъ Никандра. Строгостію жизни скоро обратилъ на себя вниманіе братіи и потому снова возвратился въ прежнюю свою пустыню.

Безмолвный и уединенный, безъ всякой защиты со стороны людей, отшельникъ жилъ въ бесѣдѣ съ Господомъ и съ надеждою на Него. Разъ злые люди вошли въ его келью, ограбили иконы, книги и другую бѣдную собственность отшельника, избили его самого немилосердно, а одинъ пронзилъ копьемъ ребро его. Едва живой, покрытый кровію, подвижникъ со слезами благодарилъ Господа и молилъ простить враговъ, увлекшихся грѣхами корысти и злости. Онъ исцѣлѣлъ быстро; хищники, потерявъ дорогу, блуждали три дня около озера; двое изъ нихъ, ожесточившись, осыпали имя пустытника бранью, и скоро, упавъ въ воду, утонули. Остальные раскаялись, возвратили Никандру отнятое у него и просили помолиться за нихъ; отшельникъ отпустилъ ихъ съ миромъ. Народъ сталъ собираться къ нему, желая слышать наставленія изъ устъ подвижника. Отшельникъ провелъ уже 15 лѣтъ въ уединеніи, но и теперь боялся славы человѣческой.

Убѣгая извѣстности, опасной для души, онъ снова пришелъ въ Крыпецкую обитель. Здѣсь поручили ему должность уставщика и потомъ келаря. Жизнь его была и здѣсь такъ же строга, какъ и въ отшельничествѣ. Пять дней довольствовался онъ хлѣбомъ съ водою и только по субботамъ и воскреснымъ днямъ вкушалъ немного вареной пищи. Днемъ, сверхъ возложеннаго послушанія, носилъ онъ воду и дрова для братіи, а ночью молился. По временамъ, уходя изъ обители въ лѣсъ, обнажалъ онъ до половины тѣло свое и отдавалъ его въ пищу насѣкомымъ, а самъ пряхъ волну и въ то же время пѣлъ псалмы. Строгость его по званію келаря и жизнь, непохожая на жизнь большинства братіи, казались тяжкими для слабыхъ. Тогда онъ, замѣтивъ, что тяготитъ собою другихъ, рѣшился оставить обитель; въ 3 верстахъ отъ нея, на островѣ, поставилъ себѣ хижину и опять сталъ подвизаться въ уединеніи. Но и здѣсь жизнь его колола глаза слабымъ. Когда стали приходять ревнители благочестія за совѣтами отшельника, братія обители еще болѣе вознегодовала на него и говорила: „Никандръ отниметъ доходы у монастыря“. Подвижникъ оставилъ ихъ въ покоѣ и отправился опять на р. Демьянку.

На дорогѣ въ пустыню, въ с. Локотахъ, нетрезвые крестьяне

избили его по подозрѣнію,—не изъ числа ли онъ злыхъ людей, сожегшихъ предъ тѣмъ домъ одного изъ нихъ? Преподобный великодушно простилъ ихъ. Въ послѣдніе годы открылся въ немъ даръ прозрѣнія и чудесной силы. Одного сосѣдняго помѣщика, никогда не выдавъ прежде, назвалъ по имени и предсказалъ чадородіе бесплодной супругѣ его. Другому предсказалъ скорую смерть. Крестьянинъ Назарій, полтора года лежавшій больнымъ, велѣлъ нести себя въ пустынь къ преп. Никандру и умолялъ его о помощи. Старецъ велѣлъ отнести больного въ гостиную хижину, гдѣ останавливались приходившіе, и оградилъ его крестомъ; больной, сладко уснувъ, всталъ на другой день совершенно здоровымъ.

Каждый годъ въ великій пятокъ преп. отшельникъ приходилъ къ вечернѣ въ Демьянскій монастырь ¹⁶⁾ и на другой день послѣ исповѣди пріобщался св. Таинъ; а за 8 лѣтъ до кончины принималъ схиму отъ Демьянскаго игумена. Жившіе въ окрестности иногда тайно приходили къ хижинѣ отшельника и всегда слышали, что онъ молился съ горькимъ рыданіемъ; когда замѣчалъ близость людей, внезапно умолкалъ. Никто не заставлялъ его лежащимъ для отдыха; онъ только сидя засыпалъ немного. Постоянною пищею его были пустынные растенія и по захожденіи солнца вкушалъ онъ немного сухого хлѣба, если приносили его; въ великій постъ только разъ въ недѣлю принималъ пищу.

Въ послѣдніе годы жизни преп. Никандра часто приходилъ къ нему благочестивый діаконъ Петръ для бесѣды о душевномъ спасеніи. Однажды старецъ сказалъ ему: „Братъ мой! Много страдалъ я ногами, но по благодати Божіей освободился теперь отъ болѣзни“. Тогда же открылъ ему о скоромъ своемъ преставленіи и просилъ предать землѣ тѣло его. Какъ же узнаю я о твоей кончинѣ?—спросилъ Петръ. „Безъ скорби нельзя сказать тебѣ объ исходѣ моемъ,—отвѣчалъ преподобный: въ тотъ день Псковъ объять будетъ бурей войны, его будутъ держать въ осадѣ Литовцы. Ты же, когда услышишь о смерти моей, послужи мнѣ“. Такъ и случилось. Прохожій крестьянинъ нашелъ 24 сентября 1581 года преп. Никандра въ кельѣ его простертымъ на рогожкѣ, со сложенными на груди руками, почившимъ въ мирѣ и еще не остывшимъ; въ это время Баторій осаждалъ Псковъ. Діаконъ, услышавъ о кончинѣ богоноснаго старца, пригласилъ духовныхъ и мірянъ отдать честь подвижнику Божію, и хотя Литовское войско разсѣяно было по уѣздамъ Порховскому и Псковскому, усердствующіе безопасно совершили свое благочестивое дѣло.

Вскорѣ поселился на пустынномъ мѣстѣ преп. Никандра инокъ Исаія. Онъ первый испыталъ на себѣ благодѣянія почившаго праведника: Исаія сильно страдалъ ногами, такъ что едва двигался—и по молитвѣ надъ могилою пустытника получилъ исцѣленіе. Благодарный

---

¹⁶⁾ Демьянскій Спасскій монастырь находился недалеко отъ Никандровой пустыни, при впаденіи рѣчки Демьянки въ р. Шелонь. Онъ давно уже не существуетъ.

къ преп. Никандру, Исаія построилъ (1584 г.) на мѣстѣ его подвиговъ обитель съ храмомъ Благовѣщенія Богоматери. Въ новую обитель скоро собрались пустынники и отъ гроба великаго подвижника стали истекать чудеса. Новгородскій дворянинъ Іаковъ Муравьевъ, скорбѣвшій о безчадіи, обратился съ молитвою къ преп. Никандру, и чрезъ годъ родился у него сынъ; онъ построилъ храмъ въ честь преп. Никандра 17).

Въ концѣ XVI вѣка, въ предѣлахъ Костромскихъ, возникла уединенная обитель Монзенская. Первоначальникомъ ея былъ преп. Адріанъ, въ мірѣ Амосъ, Костромскій уроженецъ. Еще въ мірской жизни, будучи боленъ, онъ видѣлъ во снѣ одинокій храмъ между двухъ рѣкъ и слышалъ слово: „здѣсь твое мѣсто“. Оправясь отъ болѣзни, Амосъ тайно ушелъ изъ дома родительскаго въ Толгскій монастырь, потомъ въ Геннадіевой обители принялъ постриженіе съ именемъ Адріана. Здѣсь прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ; послѣ того жилъ на Каменномъ островѣ Спасской обители и въ Павловой Обнорской пустыни. Между тѣмъ повсюду сопровождала его мысль о храмѣ, видѣнномъ между двухъ рѣкъ. Въ Павловой пустыни полюбилъ его старецъ Пафнутій, и Адріанъ разсказалъ ему давнее свое видѣніе. Въ одно время вечеромъ, Пафнутій, послѣ правила, легъ отдохнуть. Является ему неизвѣстный человѣкъ и говорить: „пошли друга твоего Адріана къ востоку: мѣсто не дальше 50 верстъ отсюда; тамъ увидитъ онъ преподобнаго мужа“. Пафнутій спросилъ: кто онъ и какъ знаетъ то мѣсто? Неизвѣстный отвѣчалъ: „то мѣсто не тебѣ назначено“. Пафнутій сообщилъ объ этомъ Адріану. Адріанъ, по разсказу столѣтняго іерея Евпла, отыскалъ въ глухомъ мѣстѣ запустѣлый деревянный храмъ, тотъ самый, который представлялся ему въ видѣніи. Съ радостію возвратился онъ къ Пафнутію; оба вмѣстѣ рѣшились идти туда. Но неожиданно царскій указъ потребовалъ Пафнутія въ Москву, гдѣ онъ былъ (въ 1595 г.) назначенъ архимандритомъ Чудова монастыря. Адріанъ основался при храмѣ съ нѣсколькими иноками. Мѣсто было самое пустынное, тихое и пріятное. Но открылось и неудобство: полая вода подмывала берегъ, и была въ виду опасность, что вода подроется подъ храмъ. Одинъ старецъ сказалъ при томъ Адріану, что прежній игумень хотѣлъ перенести храмъ съ опаснаго мѣста на другое, и указалъ то мѣсто.

Но воля Божія назначала пустынникамъ не то мѣсто для подвиговъ, которое понравилось Адріану. Пришелъ къ нему незнакомый отшельникъ и сказалъ: „не трудись, старецъ! тебѣ назначено другое мѣсто—на берегу р. Монзы; ты узнаешь его тогда, когда двое юношей исцѣлятся отъ жестокой болѣзни“. Адріанъ сталъ осматривать мѣсто

17) Мощи преп. Никандра почиваютъ открыто въ соборномъ храмѣ Благовѣщенской Никандровской пустыни. Они были освидѣтельствованы по указу патріарха Іоакима и торжественно открыты 29 іюня 1687 года.—Житіе преп. Никандра и служба ему, написанныя неизвѣстнымъ, находятся въ Москов. синод. бібліотекѣ (рукоп. XVII вѣка, № 620).

на берегу р. Монзы. Въ это время были привезены въ Благовѣщенскую обитель Адріана два больныхъ отрока, одинъ изъ Буйгорода, другой изъ Сольгалича; отецъ перваго объявилъ, что сынъ его по словамъ неизвѣстнаго старца исцѣлится у старца Адріана, у котораго ветхій монастырь Благовѣщенскій, а въ новомъ мѣстѣ—храмъ Воскресенія Христова и Николая чудотворца. По разсказу другого, старецъ сказалъ ему, что больной сынъ исцѣлится у Адріана, который переноситъ монастырь на устьѣ р. Монзы. Больные дѣйствительно исцѣлились у Адріана, по совершеніи молебствія въ храмѣ. Тогда преп. Адріанъ рѣшился перенести обитель на новое мѣсто; оно было въ 35 верстахъ отъ Галича и въ 20 отъ Костромы, при впаденіи Монзы въ р. Кострому. Невѣдомый Адріану пустынникъ, указавшій новое мѣсто, былъ преп. Ѳерапонтъ, великій подвижникъ и сокровенный рабъ Божій. Впослѣдствіи узнали, что онъ жилъ прежде въ Москвѣ и подражалъ подвигамъ блаж. Василія ¹⁸⁾, потомъ постригся въ Костромскомъ Воздвиженскомъ монастырѣ и былъ тамъ образцомъ послушанія и постничества. Жители Костромы, начиная съ воеводы, питали къ нему уваженіе, приходили слушать наставленія его и принимать благословеніе; онъ принималъ посѣщавшихъ съ любовію, но иныхъ строго обличалъ за слабую жизнь и пристрастіе въ мірской суетѣ. Тяготаясь извѣстностію, удалился онъ изъ Костромы и поселился на р. Монзѣ, въ 25 верстахъ отъ Галича; мѣсто, гдѣ поселился онъ, было лѣсное, и окружено болотами, такъ что сюда можно было проникнуть только на челнокѣ р. Костромою. Незримый никѣмъ, подвизался онъ здѣсь въ молитвѣ и постѣ. Только слѣдъ незнаемаго человѣка видѣли здѣсь на травѣ; но пустынникъ не показывался никому.

Когда монастырь Адріана уже устроился на новомъ мѣстѣ, преп. Ѳерапонтъ самъ пришелъ въ обитель Монзенскую и сталъ жить здѣсь. Онъ взялъ слово съ Адріана, что не будетъ говорить о немъ ничего, что извѣстно ему, и просилъ быть его духовнымъ отцомъ. „Скоро, прибавилъ преподобный, спустя два года съ половиною, исполнится надо мною воля Божія: до смерти же моей не разглашай обо мнѣ“. Ѳерапонтъ каждый день выходилъ изъ обители и, перейдя р. Монзу, скрывался въ чащѣ лѣса, тамъ молился онъ наединѣ, а ночь проводилъ въ кельѣ безъ сна и переписывалъ книги. Инокъ Кириллъ воз-

¹⁸⁾ Такъ, когда видѣлъ его старецъ Пафнутіи (другъ преп. Адріана) въ Павловомъ Обнорскомъ монастырѣ, на вопросъ Пафнутіевъ: кто онъ? Ѳерапонтъ отвѣчалъ: «я сожителъ Василіевъ, что на Москвѣ». Точно такъ же, когда въ первый разъ видѣлся съ нимъ Адріанъ, онъ сказалъ ему: «ты будешь мнѣ отцомъ и тогда узнаешь мое имя: теперь же скажу тебѣ, что я сожителъ Василія, который подвизался въ Москвѣ». Поселясь въ Монзенской обители, старецъ на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ, что онъ «постриженникъ Воздвиженскаго монастыря, что въ Костромѣ, но бывалъ въ царствующемъ градѣ, гдѣ жилъ близъ дома Блаженнаго Василія, отдѣленный отъ него однимъ лишь тыномъ». Онъ постриженъ въ иночество за 16 лѣтъ до кончины своей, какъ самъ сказалъ духовнику (слѣд. 1575 г.). Такимъ образомъ ясно, что онъ едва ли видалъ въ живыхъ Блаж. Василія († 1554), а только подражалъ сокровенному духовному житію его.

ропталъ на св. старца, что не участвуетъ въ строеніи обители, и увидѣлъ евоіоповъ, внушавшихъ ему негодованіе на святого; тяжело ему приходилось отъ этихъ посѣтителей, пока не пришелъ къ нему чудный Ѳерапонтъ; старецъ разогналъ духовъ, но запретилъ Кириллу говорить о томъ. Однажды преп. Ѳерапонтъ вышелъ въ лѣсъ на обычное мѣсто для уединенной молитвы. Женщина, по имени Пелагея, собиравшая ягоды, увидѣла старца издали и перешла оврагъ, чтобы посмотрѣть на него вблизи. Старецъ сидѣлъ на колодѣ, обнаженный до пояса; по тѣлу его, искусанному комарами и оводами, лилась кровь, надъ нимъ роились кровожадныя насѣкомыя. Увлекаемая женскимъ любопытствомъ, она подошла еще ближе и ослѣпла. Въ страхѣ закричала она: „угодникъ Божій, прости меня грѣшную!“ Съ этимъ словомъ невидимая сила отбросила ее за оврагъ, и она стала видѣть, но она боялась сказать о случившемся съ нею кому-либо другому, кромѣ старца Адріана. Служившій въ обители Петръ, видя однажды преподобнаго идущаго за р. Монзу, сказалъ ему съ насмѣшкою: „древенъ ты годами, а ступаешь искусно, какъ бы плывешь ногами, и мантия на тебѣ не движется“. Старецъ ничего не отвѣчалъ ему и прошелъ мимо. Петръ, возвратясь въ монастырь, почувствовалъ страшную боль въ головѣ и лицо его искривилось. Адріанъ, узнавъ нечаянно о его болѣзни, спросилъ: не говорилъ ли ты при встрѣчѣ чего-нибудь оскорбительнаго св. старцу? Петръ исповѣдалъ грѣхъ свой. Адріанъ совѣтовалъ ему молиться и просить прощенія у блаженнаго Ѳерапонта. Когда св. старецъ выходилъ отъ вечерни, больной просилъ у него помилованія. Ѳерапонтъ возложилъ на него руки и сказалъ: „не надобно осуждать никого“,— и болѣзнь миновалась. За день до кончины блаженный Ѳерапонтъ сказалъ: „близокъ конецъ мой“, и просилъ Адріана причастить его св. Таинъ во время литургии. Братія, видя его на ногахъ, не хотѣли вѣрить, что онъ скоро умретъ. Въ самый день кончины его всѣ собрались къ утренѣ (это былъ воскресный день—недѣля св. Праотецъ); пришелъ къ утренѣ и чудный Ѳерапонтъ, по окончаніи службы простился онъ съ братією и пошелъ въ келію. Игуменъ Адріанъ пригласилъ иноковъ посмотрѣть на кончину праведника. Братія и теперь повторяли, что еще крѣпокъ онъ; но когда пришли въ келію, подвижникъ лежалъ на одрѣ въ мантии и куколѣ, и свѣчи горѣли предъ иконами; онъ уже отошелъ ко Господу. Это было 12 декабря 1591 года.

Вскорѣ по преставленіи преп. Ѳерапонта, однажды послѣ литургии, игуменъ Адріанъ легъ отдохнуть на рогожкѣ. Является Ѳерапонтъ и говоритъ ему: „спустя десять лѣтъ будетъ великій голодъ въ Россіи, береги рожь; многіе будутъ тогда питаться изъ твоихъ житницъ, и онѣ не оскудѣютъ; тогда населятся и пустыя земли твои“. Ѳеодосій, слѣпой старецъ, постриженникъ обители, въ полночь молотъ жерновомъ рожь. И вотъ яркій свѣтъ наполнилъ храмину, и онъ увидѣлъ свѣтъ, исходящій изъ храма св. Николая; предъ царскими дверями стоялъ преп. Ѳерапонтъ. „Чего ты просишь у Господа?“ спросилъ его

преподобный. „Отпущенія грѣховъ“, отвѣчалъ слѣпой старецъ. „Подвизайся и какъ началъ, такъ и довершай; спустя немного времени увидишь ты свѣтъ вѣчности“, сказалъ ему чудный Ѳерапонтъ. Послѣ того старецъ опять остался во мракѣ. Въ другое время Ѳеодосій въ полдень молотъ хлѣбъ. Опять явился ему Ѳерапонтъ и сказалъ: „миръ тебѣ и благословеніе! Спустя немного времени будетъ великій голодъ во всей Россіи, но ты не доживешь до того: скоро ты увидишь меня въ другомъ мѣрѣ; скажи тайно Адріану, чтобы крѣпко берегъ рожь—многимъ придется питаться отъ монастыря“. Ѳеодосій вскорѣ скончался ¹⁹⁾.

Въ обители Монзенской братіи доставали себѣ пропитаніе земледѣліемъ, и настоятель Адріанъ былъ первымъ на работахъ. Вѣря по смертному предсказанію чуднаго Ѳерапонта, онъ наполнялъ монастырскія житницы хлѣбомъ. Когда въ 1601 году предсказаніе сбылось и наступилъ голодъ ²⁰⁾, обитель Адріана и Ѳерапонта была питательницею для всей окрестности: люди селились на пустошахъ монастырскихъ, не находя на прежнихъ мѣстахъ пропитанія. Игуменъ Адріанъ отпускалъ хлѣбъ всѣмъ нуждающимся, въ упованіи на Господа, и житницы обители не оскудѣли.

Преп. Адріанъ прожилъ послѣ кончины старца Ѳерапонта болѣе 20 лѣтъ и мирно преставился 5 мая 1619 г. ²¹⁾.

Два подвижника того же времени проходили трудный путь юродства. Одинъ изъ нихъ былъ блаж. Симонъ, сынъ поселянъ, жившихъ близъ Юрьевца Поволгскаго. Тайно ушелъ онъ изъ дома родительскаго въ густой лѣсъ. Поселяне села Ялнатскаго увидѣли въ лѣсу челоуѣка полунагого, въ лохмотьяхъ, но не могли допытаться отъ него, кто онъ и откуда. Изъ состраданія привели они его къ священнику. Въ домѣ добраго пастыря послушливо занимался онъ работою, никогда не оставаясь празднымъ; онъ усердно посѣщалъ и храмъ Божій; но являясь малоумнымъ передъ людьми, подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Одна рубашка зимою и лѣтомъ была одеждою его, и земля служила ему постелью; обуви не носилъ онъ и въ самыя жестокіе морозы. Такъ прожилъ Симонъ въ с. Ялнатскомъ 15 лѣтъ.

¹⁹⁾ «Преподобный Ѳеодосій, трудникъ Благовѣщенскаго монастыря, иже на Монзѣ рѣцѣ, преставился въ лѣто 7100 (1592)». Такъ сказано о немъ въ древнемъ спискѣ Русскихъ святыхъ.

²⁰⁾ Въ Успенскій постъ 1601 года морозъ уничтожилъ хлѣбъ по всей Россіи: насталъ страшный голодъ и продолжался три года. Въ Москвѣ похоронено въ скудельницахъ до 127,000 челоуѣкъ, умершихъ отъ голода. Тогда люди, получавшіе пропитаніе изъ Монзенскихъ житницъ и наученные примѣромъ труженниковъ пустыни, говорили: «невѣянный хлѣбъ—не голодъ, а посконная рубашка—не нагота».

²¹⁾ Мощи преп. Адріана и Ѳерапонта Чуднаго почиваютъ подъ спудомъ въ Благовѣщенскомъ храмѣ обители ихъ, которая упразднена въ 1764 году. Тамъ же погребенъ и блаж. труженикъ Ѳеодосій. Житіе ихъ изложено въ «Сказаніи о началѣ Монзенскаго монастыря», библ. Царскаго, № 118.

Перейдя въ г. Юрьевецъ, онъ не имѣлъ уже никакого пристанища. Попрежнему босой и полунагой, онъ скитался по улицамъ, претерпѣвая насмѣшки и оскорбленія; только въ жестокіе морозы заходилъ онъ въ корчемницу, по и здѣсь встрѣчалъ наглые толчки и шутки. Любимое мѣсто его была паперть того или другого храма, гдѣ проводилъ онъ время въ молитвѣ; особенно же любилъ онъ Богоявленскую обитель. Внимательные видали на глубокомъ снѣгу слѣды колѣнопреклоненныхъ молитвъ его. Отъ суровой жизни кожа его совсѣмъ почернѣла, а отъ поста прилипла къ костямъ. Такими подвигами самоотреченія духъ его очистился и благодатно окрѣпъ, такъ что онъ видѣлъ то, чего не видали другіе.

Разъ юродствуя вошелъ онъ въ домъ воеводы Третьяка Трегубова; воевода разгнѣвался на то, что вошелъ къ нему такой нищій, и велѣлъ вытолкать его вонъ. Прогоняемый Симонъ намекнулъ на несчастіе, ожидавшее воеводу, за это подвергся онъ новымъ побоямъ. На слѣдующее утро жена Трегубова упала съ крыльца дома и убила до смерти. У гроба жены суровый воевода вспомнилъ о словахъ юродиваго и, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, сталъ уважать Симона. Въ другое время блаженный говорилъ: „молитесь, будетъ пожаръ“. Но никто не обратилъ вниманія на слова юродиваго. Спустя нѣсколько дней въ полдень загорѣлся городъ. Третьякъ вспомнилъ о словахъ Симона и послалъ отыскать его. Его нашли на паперти, со слезами молящимся предъ иконою Богоматери. Воеводы и другіе просили его о помощи противъ страшной бѣды, и пламень тотчасъ же погасъ. Юрьевскій житель Зубаревъ, переплывая Волгу въ ладѣ, по срединѣ ея застигнутъ былъ сильною бурей, и ладья его готова была потонуть. Увидавъ блаженнаго на берегу, онъ мысленно молилъ Симона помолиться о его спасеніи и обѣщаль дать ему новую одежду и обувь. Буря утихла, но спасенный забылъ о своемъ обѣщаніи. Спустя нѣсколько времени, Симонъ, встрѣтись съ нимъ въ уединенномъ мѣстѣ, сказалъ ему: „а кафтанъ и сапоги гдѣ? Ты забылъ свое обѣщаніе, которое давалъ, какъ тонулъ въ водѣ“. Зубаревъ сознался въ грѣхѣ и готовъ былъ немедленно подарить обѣщанное; но блаженный сказалъ: „мнѣ не нужно; отдай нищимъ и не забывай ихъ; милостыня избавляетъ отъ напастей“.

Близкій къ кончинѣ, Симонъ зашелъ въ домъ новаго воеводы Петелина. Тотъ, не зная его, избилъ его жестоко — до того, что блаженный сильно заболѣлъ. Брошенный въ подвалъ воеводы, упротилъ онъ слугу призвать духовника. Какъ великой милости Божіей, обрадовался онъ, когда пришелъ священникъ съ св. Дарами; исповѣдался, приобщился св. Таинъ и предалъ духъ свой Богу, 4 ноября 1584 г. ²²⁾.

²²⁾ Мощи блаж. Симона погребены въ Богоявленской церкви города Юрьевца; она принадлежала нѣкогда къ монастырю, который давно уже упраздненъ. Житіе блаж. Симона въ библ. Царскаго, № 113.

Другой подвижникъ въ то же время юродствовалъ на улицахъ Москвы. Уроженецъ страны Вологодской, блаж. Іоаннъ назывался „водоносцемъ“. Это названіе напоминаетъ о трудахъ его въ молодости; въ солеварнѣ съ тяжкими трудами добыванія и переноски соленого раствора соединялъ онъ строгій постъ и молитву. Съ заводовъ перешелъ онъ въ Ростовъ. Здѣсь начался новый подвигъ его, подвигъ особаго рода. Его звали „большимъ колпакомъ“, потому что на голову носилъ онъ тяжелый желѣзный колпакъ. На тѣлѣ, подъ одеждою, носилъ онъ еще вериги, состоявшія изъ толстыхъ желѣзныхъ крестовъ, тогда какъ на пальцахъ его было нѣсколько блестящихъ колецъ. Разъ посѣтивъ преп. Ирнарха затворника, онъ далъ ему совѣтъ носить на себѣ кресты желѣзные и сказалъ пророческія слова: „дасть тебѣ Богъ—научать людей отъ востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей отъ пьянства. За незаконное же пьянство и развратъ Господь Богъ наслетъ на Русскую землю иноплемennыхъ. И они подивятся и почудятся великому терпѣнію твоему и подвигамъ; мечъ ихъ тебя не повредитъ, и они прославятъ тебя болѣе вѣрныхъ. А я теперь иду въ Москву просить у царя земли, потому что у меня въ Москвѣ столько будетъ видимыхъ бѣсовъ (Литвы), что едва уставятся хмелевыя тычины. Но ихъ Святая Троица Своею силою прогонитъ“ ²³⁾. Въ Москвѣ ходилъ онъ въ самые жестокіе морозы босой, почти нагой, съ распущенными волосами. Встрѣчаясь съ Годуновымъ, говорилъ вслухъ: „умная голова, разбирай Божьи дѣла. Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ“. Предъ смертію пришелъ онъ въ церковь Покрова Богородицы, что на рву ²⁴⁾, и просилъ у протоіерея мѣсто себѣ, гдѣ бы ему лечь. Протоіерей, понявъ, чего желаетъ юродивый, обѣщавъ похоронить его; блаженный указавъ на мѣсто могилы. По выходѣ изъ церкви, Іоаннъ спустился къ живому мосту на р. Москву; здѣсь встрѣтился ему больной Григорій, два года не владѣвшій ногою; разспросивъ его о болѣзни, Іоаннъ какъ бы нечаянно наступилъ ему на ногу и нога исцѣлила. Потомъ пошелъ за рѣку въ баню и тамъ, въ первый разъ, снявъ съ себя вериги, трижды облился водою, готовя себя къ погребенію; легъ на скамью, положилъ подъ голову всѣ свои тяжести и сказалъ: „простите меня, братія; когда я умру, отнесите къ церкви Покрова Богородицы, ко гробу блаж. Василія, чтобы протоіерей съ братією похоронили мое тѣло“. Съ этими словами онъ скончался. Это было 3 іюля 1589 г.—Желаніе блаженнаго исполнили; протоіерей и его причтъ перенесли бездыханное тѣло праведника въ церковь свою, гдѣ во время панихиды исцѣлился боярскій сынъ Елеазаръ Юрьевъ, 20 лѣтъ страдавшій глазами. По волѣ царя Θεодора, слышавшаго о подвигахъ блаженнаго, юродиваго отпѣвали Казанскій митрополитъ, Рязанскій архіепископъ и множество настоятелей монастырскихъ. Въ самый часъ погребенія

²³⁾ Жизнь преп. Ирнарха затворника, сост. архимандр. Амфилохіемъ, стр. 12—13.

²⁴⁾ Болѣе извѣстную подъ именемъ Василія Блаженнаго.

забушевала буря съ громомъ и молніею: ризничій владыки Рязанскаго убить былъ до смерти въ самомъ храмѣ; Покровскаго діакона Пимена вынесли едва живымъ; многіе другіе были оглушены и опалены ²⁵⁾.

Эта буря была какъ бы вѣстникомъ волненій и безначалія, которыя грозили Московскому государству. Они были предсказаны блаж. Іоанномъ преп. затворнику Иринарху, и время событій уже приближалось. Объ этомъ страшномъ времени мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

---

²⁵⁾ Мощи блаж. Іоанна почиваютъ подъ спудомъ въ Москвѣ, въ Рождественскомъ придѣлѣ Покровскаго собора, близъ раки св. Василія Блаженнаго. Житіе блаж. Іоанна въ библ. Царскаго, № 128, въ Синод. библ., № 850. Въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, въ прежнемъ алтарѣ теплой церкви, а теперь зимней ризницѣ есть икона Іоанна юродиваго «большого колпака» во весь ростъ, иконнаго письма первой половины XVIII вѣка. Здѣсь онъ изображенъ съ большою головою, несоответствующею его туловищу, и длинными распущенными, курчавыми волосами. Большаго же колпака не на головѣ, ни близъ его изображенія не написано.

Г Л А В А VI.

Смутное время.—Царь Борисъ.—Попеченія патріарха Іова о распротраненіи вѣры.—Гоненіе на Романовыхъ.—„Великій гладъ“ и прав. Юліанія Лазаревская.—Смерть Бориса и гибель его семейства.—Лжедмитрій.—Заточеніе патріарха Іова.—Лжепатріархъ Игнатій.—Воцареніе Василя Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія.—Погребеніе Годуновыхъ въ лаврѣ Сергіевой.—Смятенія.—Всенародное покаяніе.—Преставленіе патріарха Іова.—Низверженіе Шуйскаго съ престола.—Твердость Патріарха Гермогена.—Междоусобица.—Ужасы безначалія и разврата.

Предъ нами разстилается лѣтопись той эпохи, которую современники очень мѣтко назвали „смутнымъ временемъ“. Дѣйствительно, то было смутное время! Безпрестанное нарушеніе долга присяги, низверженіе царей и святителей, царсубійство, измѣна—становятся дѣломъ обыденнымъ, обыкновеннымъ. Вѣрность считается преступленіемъ, измѣна и воровство—заслугою; разрываются всѣ связи общественныя и даже семейныя; святость крестнаго цѣлованія, любовь къ отечеству, честь и совѣсть исчезаютъ, какъ бы безслѣдно, на лицѣ земли Русской; престоль царскій сиротѣетъ и предлагается измѣнниками иноземцамъ; вѣра православная колеблется... Наконецъ, когда бѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда мракъ грѣховнаго ослѣпленія сдѣлался непроницаемымъ—гнѣвъ Божій обратился въ милость, по молитвамъ Церкви, торжествующей на небесахъ и воинствующей на землѣ. Страшная ночь миновалась. Новое солнце возсіяло на небосклонѣ Русскомъ.

„Смутное время“ начинается съ воцареніемъ Бориса Годунова. Достигнувъ престола царсубійствомъ, онъ былъ однакоже царемъ законнымъ, избраннымъ „всею землею“ Московскаго государства. Возлагая на себя вѣнецъ Мономаховъ, новый царь клялся посвятить всю жизнь свою благу Россіи. Какъ бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи онъ воззвалъ громогласно: „Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго“—и, тряся воротъ своей рубашки, примолвилъ: „отдамъ и сію послѣднюю народу“. Единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; бояре славословили монарха, народъ плакалъ.

Нѣсколько лѣтъ продолжалось мирное царствованіе при постоянныхъ попеченіяхъ Бориса о благоустроеніи державы. Въ то же время и первый патріархъ русскій, Іовъ, заботился о распространеніи вѣры Христовой между Татарами Казанскими. Христіанство, насажденное между ними святителемъ Гуріемъ, стало ослабѣвать, по мѣрѣ ослабленія охранительныхъ мѣръ. Въ 1593 году ревностный Гермогенъ, тогда митрополитъ Казанскій, съ глубокою скорбію писалъ въ Москву, что нѣкоторые изъ Татаръ совсѣмъ отпали отъ вѣры. Посему просилъ онъ, чтобы возобновлены были мѣры къ охраненію христіанства. По ходатайству патріарха передъ царемъ, приказано было построить слободу съ церковью и туда переселить всѣхъ новокрещенцевъ изъ уѣзда; запрещено было мусульманамъ держать у себя христіанъ въ услуженіи, а христіанамъ предписано плѣнниковъ иновѣрныхъ или отпускать или присоединять ко Христу, женъ имѣть не иначе какъ христіанокъ и выполнять все требуемое святою вѣрою ¹⁾. Чтобы оживить въ Казанцахъ память о чудесахъ христіанства, бывшихъ въ Казанской странѣ, равно о подвигахъ первыхъ проповѣдниковъ вѣры, Гермогенъ (въ 1594 г.) написалъ повѣсть о Казанской иконѣ Богоматери и житіе святителей Гурія и Варсонофія.

Апостольская ревность первосвятителя Іова распространялась и на отдаленную, но единовѣрную Грузію, страдавшую подъ игомъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ и опасностей. Турція тревожила ее набѣгами, а Персія принуждала къ принятію мусульманства. Предъ концомъ жизни царя Θεодора, Грузинскій царь Александръ слезно умолялъ его принять подъ покровительство единовѣрную Иверію. „Настали времена ужасныя для христіанства,—писалъ онъ;—мы, единовѣрные братья Россіянъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ; единъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и наши души“. Въ слѣдующемъ году принята была клятва царя Александра на подданство Россіи, а Россія обязалась защищать Грузію, какъ собственность. Такъ какъ церковь Грузинская была въ разстройствѣ по всѣмъ частямъ, то царь Александръ просилъ святителя Іова вспомошествовать ей способными людьми. Въ апрѣлѣ 1589 г. отправлены были священники для исправленія порядка въ богослуженіи и иконописцы для украшенія ветхихъ и опустѣлыхъ храмовъ живописью. Патріархъ Іовъ отвѣчалъ тогда Александру за себя и царя умнымъ посланіемъ, въ которомъ святительски поучалъ царя и народъ христіанскому смиренію предъ судьбами Божиими. Царь съ восторгомъ принялъ посланіе и посланныхъ духовныхъ людей и отвѣчалъ, что Русскіе священники — ангелы для духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ ²⁾.

¹⁾ Акты Археограф. Экспед. II, № 350.

²⁾ Посланіе къ царю Александру въ I г. Ист. Акт. № 227.—Тогда посланы въ Грузію «учительные люди»: изъ Сергіевой лавры соборный старецъ, бывший казначей, Закхей и иеромонахъ Героевъ, изъ Чудова монастыря діаконовъ Θεодосій, иконописцы: Успенскій

При патриархѣ Іовѣ установлены нѣкоторые новые праздники: въ 1591 г. написанъ канонъ и самимъ Іовомъ исправлена служба преподобному Іосифу Волоколамскому, а Соборъ положилъ праздновать память его во всѣхъ церквахъ; въ 1600 г. установлено повсемѣстное празднованіе преподобному Корнилию Комельскому ³⁾).

Книгопечатаніе въ Москвѣ шло довольно успѣшно. Къ сожалѣнію, по недостатку людей, знающихъ греческій языкъ, въ новопечатныхъ книгахъ оказывалось много недостатковъ, хотя въ самомъ началѣ патриаршества уже твердо были убѣждены, что необходимо исправлять безчисленныя ошибки въ книгахъ и что для того надобно не только печатать книги, но предварительно печатанію сличать поздніе съ древними, лучшими списками ⁴⁾).

Но время всеобщаго спокойствія и благоденствія не было продолжительно. Прежде всего замѣтили перемѣну въ дѣйствіяхъ самого царя: подъ личиною добродѣтели, Борисъ таилъ въ душѣ мрачную подозрительность. Онъ естественно думалъ, что и другіе подобно ему могли питать въ сердцѣ жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость; хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы, и вотъ возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ. Много знатныхъ родовъ боярскихъ, по доносамъ подкупленныхъ рабовъ, подверглось опалѣ, ссылкѣ и истязаніямъ. Въ числѣ пострадавшихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по дальнѣйшему вліянію на судьбы Церкви и государства семейство Романовыхъ-Юрьевыхъ ⁵⁾. Старшій въ этомъ родѣ, родной племянникъ царицы Анастасіи, бояринъ Феодоръ Никитичъ, по ложному доносу холопа, обвиненъ въ измѣнѣ и въ намѣреніи извести государя средствами волшебства. Постриженный насильно съ именемъ Филарета, онъ былъ сосланъ въ отдаленную Сіискую обитель преп. Антонія. Сюда не пускали даже и богомольцевъ, чтобы кто-нибудь не доставилъ письма иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ царю, что Филаретъ хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣд-

---

священникъ Богданъ, Архангельскій священникъ Димитрій и диаконъ Феодоръ. Исторія Грузинской Церкви Іоселиана 102—105.

³⁾ Волоколам. рукоп. № 190—191, находящіяся теперь въ библиотекѣ Моск. Дух. Академ.—Акты Археограф. Экспед. II, № 222.

⁴⁾ При патриархѣ Іовѣ (съ 1589 до 1602 г.) въ первый разъ изданы обѣ тріоди—цвѣтная и постная, октоихъ, архіерейскій чиновникъ, общая минея и служебникъ.

⁵⁾ Память добродѣтельной царицы Анастасіи и близкое родство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ угасшимъ царскимъ домомъ были для нихъ правомъ на общее уваженіе и любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ (братъ царицы), достойный любви благородными качествами, оставилъ пять сыновей: Феодора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни умоляя Годунова быть имъ вмѣсто отца.

ственной жизни. Богъ не услышалъ этой молитвы къ счастью Россіи *)! Спустя три года Борисъ захотѣлъ похвалиться милостію: позволилъ Филарету стоять въ церкви на клиросѣ, взять къ себѣ чернеца въ келью для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствоваться своего измѣнника (такъ называлъ онъ мужа, непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ іеромонахи и въ архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра.

Это печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи: наслѣдство,—гибельное для будущаго! Любовь народная къ государю, единодушно избранному, остыла: онъ не могъ уже возобновить ее даже чувствительностію къ народному бѣдствію и щедростію неслыханною во время голода. Весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною; все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы вышли и поля уже остались незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицахъ опустѣли. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы низкою цѣною, отворилъ и казну, раздавалъ цѣлыя кучи серебра народу. Но это пособіе приманило въ Москву несмѣтное число нищихъ, и ужасы голода достигли до крайности. По свидѣтельству современниковъ, люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостини-

*) Супруга Феодора Никитича, Ксенія Ивановна, постриженная и названная Марою, заточена въ одинъ изъ Заонежскимъ погостовъ, а сынъ ихъ шестилѣтній Михаилъ (будущій царь) на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ семействомъ дяди, князя Бориса Черкаскаго. Романовы, братья Ѳ. Н., также подверглись ссылкѣ въ самые отдаленные углы Русской земли, томилась въ душныхъ землянкахъ и померли въ узахъ (кромѣ Ивана Никитича). Донинѣ близъ села Ныроба (въ 7 верст. отъ Чердыни), растутъ два кедра на мѣстѣ могилы Михаила Романова. Донинѣ въ церкви Ныробской хранятся тяжкія его оковы, и старцы еще рассказываютъ тамъ по преданію отъ дѣдовъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной крѣпости и силѣ твердаго узника, о любви къ нему всѣхъ жителей, которыхъ дѣти приходили къ темницѣ его играть на свирѣляхъ и сквозь отверстія землянки подавали ему все лучшее, что имѣли для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обильною грамотою.—Въ 1616 году прахъ страдальцевъ перенесенъ въ Москву и покоится въ Новоспасскомъ монастырѣ.

цы стали вертепомъ душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пици! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкѣ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!.. Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду, но преступленія не уменьшались... И въ это время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продавать его еще дороже! 7). Но нашлись и люди сострадательные, готовые жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ для помощи братьямъ по человѣчеству и христіанству. Такъ блаж. Юліанія Осоргина, вдова помѣщица Муромскаго округа, при оскудѣніи пици, распродала скоть и всю движимость свою и кормила хлѣбомъ, купленнымъ по дорогой цѣнѣ, не только челядь свою, но и всѣхъ, просившихъ у нея милостыни. Когда великая нищета умножилась въ домѣ ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: „голодъ обдержитъ насъ, видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на свободу и не изнуряется для меня“. Благодарныя между ними общались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословіемъ и молитвою отпустила она ихъ и не держала на нихъ гнѣва. Оставшимся рабамъ велѣла собирать траву лебеду и кору съ дерева, называемаго „илимъ“ (вязь), и изъ этихъ припасовъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила. И молитвою ея былъ тотъ хлѣбъ сладокъ, и никто въ домѣ ея не изнемогалъ отъ голода. Тѣмъ хлѣбомъ она и нищихъ питала, и не накормивши, никого изъ дому не отпускала, а нищихъ въ то время было безчисленное множество. Сосѣди говорили нищимъ: „что къ Юліаніи въ домъ ходите? Она и сама голодомъ умираетъ“. Нищіе отвѣчали: „много селъ мы обходимъ, и чистые хлѣбы собираемъ, а такъ въ сладость не наѣдаемся, какъ сладокъ хлѣбъ у этой доброй вдовы“. И сосѣди, для испытанія, посылали къ ней за хлѣбомъ, ѣли его и дивились, говоря: „горазды рабы ея печь хлѣбы“, а того не разумѣли, что молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудѣвалъ домъ ея, но не противилась смотрѣнію Божію, терпя благодарно и вѣдая, что терпѣніемъ пріобрѣтается царствіе небесное. И терпѣла въ той нищетѣ два года: не опечалилась, не смутилась и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго 8).

Но ужасы „великаго глада“ (какъ выражались современники) были только первыми каплями изъ фіала гнѣва Божія, медленно изливавшагося на Россію. Настало время явной казни для Бориса: не

---

7) Въ 1603 году мало-по-малу исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золь: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 коп., къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы.

8) Блаж. Юліанія (по выраженію кн. о Росс. святыхъ), «новая чудотворица» представилась 2 января 1665 года. Житіе ея, написанное сыномъ праведницы, Каллистратомъ Осоргинымъ, помѣщено мною въ Душенов. Чтен. (1869 года, № 1). Дочинѣ жители Муромачтутъ память прав. Юліаніи и отправляютъ панихиды надъ могилою ея въ селѣ Лазаревскомъ, въ 4 верстахъ отъ города.

тамъ, откуда онъ, волнуемый напрасными подозрѣніями, ждалъ для себя опасности, появилась опасность внезапная; не потомки Рюрика, не князья и вельможи, имъ гонимые, ополчились противъ него. Возсталъ на него неизвѣстный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ Угличской могилѣ⁹⁾. Имя царевича, слухъ о сохраненіи послѣдней отрасли державнаго рода придали силу обманщику. Впрочемъ успѣхи Лжедмитрія при жизни Бориса не были значительны. Еще не открылось явной измѣны. Патріархъ Іовъ съ духовенствомъ твердо стоялъ за царя законнаго, разослалъ грамоты, повелѣвая совершать ежедневное молебствіе объ успѣхахъ Борисова оружія и всенародно проклиналъ самозванца. Когда Борисъ скоростижно умеръ, сынъ его Ѳеодоръ вступилъ на престолъ, и всѣ присягнули ему. Но войско предалось Лжедмитрію, думая видѣть въ немъ законнаго государя—сына Іоаннова; за эту первую измѣною послѣдовали другія; успѣхи измѣны навели ужасъ на столицу; грамоты самозванца читались на лобномъ мѣстѣ. Патріархъ просилъ бояръ уговаривать народъ и самъ въ храмѣ обличалъ обезумѣвшихъ клятвопреступниковъ. Многіе присягнули самозванцу, но патріархъ Іовъ остался твердъ. Злодѣи во время литургіи, которую совершалъ самъ первосвятитель, ворвались въ храмъ, въ самый алтарь, и стали рвать съ Іова святительскую одежду. Іовъ снялъ съ себя панагію, положилъ ее у чудотворной Владимірской иконы и со слезами молился вслухъ всѣхъ: „Владычице Богородице! здѣсь возложена на меня панагія святительская, съ нею исправлялъ я слово Сына Твоего и Бога нашего и 12 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры. Нынѣ, ради грѣховъ нашихъ, какъ вижу, бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе, молитвами къ Сыну Твоему“. Святая молитва святителя только озлобила злодѣевъ—слугъ Лжедмитрія. Они надѣли на Іова рясу и клобукъ простого монаха, позорно таскали по площадямъ и, наконецъ, посадивъ въ телѣгу, послали въ Старицкій монастырь, прежнюю его обитель. Царь Ѳеодоръ убитъ вмѣстѣ съ матерью; сестра его царевна Ксенія обречена на горькую жизнь¹⁰⁾.

Едва успѣлъ воцариться самозванецъ, какъ всѣ лучшіе люди съ ужасомъ увидѣли въ пришлецѣ орудіе ляховъ и іезуитовъ, а не сына Іоаннова. На каѳедру низверженнаго патріарха возведенъ, безъ соборнаго избранія, Рязанскій архіепископъ Игнатій, хитрый грекъ, жившій

⁹⁾ Здѣсь не мѣсто для изслѣдованія—кто былъ первый самозванецъ. Современники считали его бѣглымъ діакономъ Григоріемъ Отрепьевымъ; въ наше время появились разныя объ немъ мнѣнія. Вѣрно только одно, что онъ не былъ истиннымъ Димитріемъ (сыномъ Іоанна Грознаго), что онъ былъ выставленъ Польскою интригою, при содѣйствіи нѣкоторыхъ бояръ, недовольныхъ Борисомъ. Просимъ читателей замѣтить, что мы всячески стараемся избѣгать историческихъ подробностей, неизмѣющихся ближайшаго отношенія къ судьбамъ Русской Церкви, и говоримъ о дѣлахъ государственныхъ только тогда, когда это становится необходимымъ для связи событій.

¹⁰⁾ Царевна Ксенія сдѣлалась жертвою гнуснаго сладострастія самозванца, потомъ пострижена съ именемъ Ольги и заточена въ отдаленной обители.

долго въ Римѣ. Такой пастырь нуженъ былъ самозванцу и Ляхамъ. Когда Игнатій для приличія просилъ благословенія у Іова, старецъ свободно отвѣчалъ: „по ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастухъ“. Новый патріархъ согласился вѣнчать на царство, помазать св. мѣромъ и сподобить причащенія св. Таинъ, еще до совершенія брака, невѣсту мнимаго Димитрія, Марину Мнишекъ, папистку, дозволяя ей имѣть свою латинскую каплицу и наблюдать всѣ уставы Римской вѣры. Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ настоятельно требовали, чтобы невѣста, какъ царица Русская, торжественно приняла православіе, а иначе она не царица и даже не можетъ быть заключенъ бракъ царя съ нею. Самозванецъ закипѣлъ гнѣвомъ, приказалъ немедленно выслать Гермогена изъ столицы въ Казанскій монастырь и грозилъ лишить его сана. Такая же участь ожидала и Іосифа. Но Господь защитилъ Церковь Свою! Неистовства Ляховъ, во время свадьбы Лжедимитріевой, возстановили всѣхъ противъ самозванца, и онъ погибъ смертію позорною. Тогда же и лжепатріархъ сведенъ былъ съ престола и заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ ¹¹⁾.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, первый дѣятель въ низверженіи Лжедимитрія и знатнѣйшій между боярами, былъ избранъ жителями столицы и занялъ престолъ царскій. Прежде всего желалъ онъ избрать законнаго первосвятителя (старецъ Іовъ, лишившійся зрѣнія, отказался). Освященнымъ соборомъ единодушно избранъ и посвященъ Казанскій митрополитъ Гермогенъ, мужъ непоколебимой твердости и правоты, постигнутый опалою самозванца за ревность къ православію.

Бѣдствія еще только начинались. Хотя самозванецъ убить былъ всенародно, хотя трупъ его обруганъ былъ на площади Кремлевской; но буря, поднятая именемъ царевича Димитрія, не утихла. Нѣкогда Василій Шуйскій не имѣлъ твердости открыть предъ царемъ Θεодоромъ объ умерщвленіи царевича Димитрія и низкимъ лжесвидѣтельствомъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства смерти закланнаго отрока. Теперь, избранный на престолъ, отдалъ онъ торжественную почесть царственному страстотерпцу перенесеніемъ мощей его въ Москву. Царь велѣлъ святителямъ: Филарету Ростовскому ¹²⁾ и Θεодосію Астраханскому, съ боярами: княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими ¹³⁾, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой; іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приблизиться къ тому мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго

¹¹⁾ Церковь не поставляетъ имени Игнатія въ числѣ десяти патріарховъ Московскихъ и всея Россіи, именуя его лжепатріархомъ.

¹²⁾ Филаретъ (бывшій бояринъ Θεодоръ Никитичъ Романовъ), по волѣ перваго самозванца посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго, какъ свойственникъ мнимаго Димитрія.

¹³⁾ Родными дядями св. царевича Димитрія.

Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились къ нему толпами, лили слезы умиленія и покаянія, потому что лучше другихъ знали истину и молчали противъ совѣсти. Когда святители и бояре Московскіе, прибывъ въ Угличъ, объявили волю государя, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоценныя останки юнаго мученика, взывая: „мы его любили и за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли и мертваго?“ Когда же, вынувъ гробъ изъ земли и снявъ его крышу; увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ неповрежденное сыростію земли: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлыя, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую золотомъ и серебромъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго отрока въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу; тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить знаменіе святости. За чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы. Василій, царица-инокиня Марфа, патріархъ Гермогенъ, духовенство, синклитъ, народъ встрѣтили раку за городомъ (1606 г.); открыли мощи, явили ихъ нетлѣныя, чтобы „утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ“. Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до собора Архангельскаго, какъ бы желая усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія со Лжедимитріемъ для обмана ¹⁴⁾—и святители, исполняя волю царя, разрѣшили ее торжественно, „изъ уваженія къ ея супругу и сыну“. Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, внезапно исцѣленныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитрія, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ священныя останки страсто-терпаца въ правомъ предѣлтаріи, гдѣ лежитъ царь Іоаннъ съ двумя сынами; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать „источникъ благодати“; вложили мощи въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву. Съ того времени нетлѣныя мощи св. царевича Димитрія открыто почиваютъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ Василій захотѣлъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства, снявъ опалу съ памяти вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ пышно и ве-

¹⁴⁾ Возвращенная Лжедимитріемъ изъ заточенія царица-инокиня согласилась (вѣроятно изъ страха) признать въ обманщикѣ своего сына.

ликолѣпно перенести тѣло царя Бориса, Маріи, юнаго Θεодора въ знаменитую лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между царскими памятниками, но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго монарха въ Годуновѣ, будучи также монархомъ избраннымъ, хотѣлъ возбудить жалость если не къ Борису виновному, то къ Маріи и Θεодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе гнуснымъ ихъ убійцамъ. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего духовенства, двора и синклита открыли могилы: двадцать иноковъ взяли гробъ Бориса на плеча свои (царь Борисъ скончался инокомъ); гробъ Θεодора и Маріи несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ, несчастная Ксенія, громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые годы Борисова царствованія ¹⁵).

Но еще не довольно смирился передъ Богомъ царь Василій, чтобы погасить гнѣвъ Божій на Россію за нечистоты сердечныя, за клятвопреступленія и цареубійство. Повсюду начались волненія, сначала только потому, что Василій избранъ одною Москвою; далѣе стали говорить, что нельзя нарушить клятву Димитрію и что Димитрій спасся изъ Москвы во время возстанія народнаго; появились новые самозванцы ¹⁶).

Тогда царь и Соборъ положили принести всенародное покаяніе. Патріархъ Гермогенъ посланіемъ пригласилъ въ Москву бывшаго патріарха Іова, „для великаго государева и земскаго дѣла“ ¹⁷). Іовъ пріѣхалъ и (20 февраля 1607 г.) явился въ соборномъ храмѣ Успенія извнѣ окруженномъ и внутри наполненномъ несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у патріаршаго мѣста въ видѣ простаго инока, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и стра-

¹⁵) Тѣла царя Θεодора и матери его были преданы землѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ св. Варсаногія (теперь приходская церковь на Рождественкѣ). Здѣсь же зарыли и тѣло царя Бориса, извергнутое, по волѣ самозванца, изъ Архангельскаго собора. По перенесеніи трехъ царственныхъ гробовъ въ лавру, они погребены были въ притворѣ Успенскаго собора. Здѣсь же оставили мѣсто и для Ксеніи, которая прожила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ. Теперь этотъ притворъ уже не существуетъ и надгробницы Годуновыхъ прикрыты желѣзною кровлею.

¹⁶) Самозванцевъ было много въ разныхъ концахъ Россіи; важнѣйшимъ изъ нихъ былъ второй Лжедимитрій, извѣстный подъ именемъ «Тушинскаго вора». Онъ имѣлъ большое скопище Ляховъ, казаковъ и Русскихъ измѣнниковъ и долго держался въ с. Тушинѣ (близъ Москвы), угрожая столицѣ.

¹⁷) Гермогенъ писалъ Іову: «молимъ со усердіемъ святительство твое и колѣна преклоняемъ: сподоби насъ видѣти благолѣпное лице твое и слышати пресладкій гласъ твой: презлѣные мы желаемъ тя чувственными очима зрѣти и Богомъ благословенныя десницы твоя лобзанія сподобитись, паче же о сихъ, еже благосердне препослещи о насъ молитву твою къ Трисобственнаго естества Владычеству, да сподобитъ премилостивый Богъ за молитвъ святыхъ твоихъ Россійское государство жити въ мирѣ и покоѣ и въ тишинѣ». (Исторія Госуд. Росс. Карамз. т. XII, прим. 106).

даній за истину, смиреніемъ и святостію, — отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ небомъ. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія, поднесли Іову бумагу и велѣли патриаршему архидіакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ (и только одинъ народъ, а не царь) молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божиимъ, всѣ его грѣхи предъ закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ государю, требовалъ прощенія живымъ и мертвымъ, дабы успокоить души клятвopреступниковъ и въ другомъ мѣрѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ царевубійствахъ, приписывая убіеніе Θεодора и Маріи одному самозванцу; наконецъ молилъ Іова благословить царя, бояръ, христоролюбивое воинство и всѣхъ христіанъ,—да торжествуетъ царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и краснорѣчиво. Тотъ же архидіаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, созданное умомъ и счастіемъ ея монарховъ, Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ злодѣйства, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса ¹⁸⁾, напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію народа, прельщеннаго бродягою; говорилъ: „я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить—и сдѣлалось то, чему нѣтъ примѣра ни въ священной, ни въ свѣтской исторіи“. Описавъ всѣ измѣны, бѣдствія отечества и церкви, свое изгнаніе, гнусное царевубійство, если не совершенное, то но крайней мѣрѣ допущенное народомъ, воздавъ хвалу Василю, „царю святому и праведному“, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели, Іовъ продолжалъ: „вы знаете, убить ли самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и мерзкаго тѣла его, а злодѣи дерзаютъ увѣрять васъ, что онъ живъ и есть истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ Богомъ, „въ сіи лѣта послѣднія“, когда вымыслы нелѣпны, когда сволочь гнусная, тати, разбойники, бѣглые холопы могутъ столь ужасно возмущать отечество!“ Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвopреступленія, не исключая и данной Лжедимитрію присяги, Іовъ именемъ небеснаго милосердія, своимъ и всего духовенства объявлялъ народу разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что онъ не измѣнитъ снова царю законному, и добродѣтелью вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилоустивитъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ государству миръ съ тишиною ¹⁹⁾.

¹⁸⁾ О смерти царевича Димитрія Іовъ выражается такъ: «И Вел. Гос. нашего царевича не стало 99 (1591) году: пріять закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ».

¹⁹⁾ Заключеніе грамоты: «И въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и преступленіи крестнаго цѣлованія, азъ Ермогенъ, патриархъ Московскій и всея Руссіи и азъ смиренный бывшій Іовъ патриархъ царствующаго града Москвы, по даннѣй намъ бла-

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что Самъ Всевышній устами праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались—и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы въ Старицу, преставился. Мысль, что онъ, уже стоя на порогѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Видѣли въ немъ мужа святого, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благославляя его и возвѣстивъ ему умилоствленіе неба ²⁰).

Дальнѣйшія событія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Государство утопало въ пучинѣ крамоль. На время возсіяла надежда въ лицѣ юнаго витязя, воздвигнутаго, повидимому, самимъ Провидѣніемъ для избавленія погибающаго отечества. Все благопріятствовало герою—князю Михаилу Скопину-Шуйскому: довѣренность царя и народа, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Рускіе увидѣли, что уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастье въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемаго ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый и достойный. Но и эта надежда исчезла: князь Михаилъ, на 23-мъ году стяжавъ безсмертіе въ исторіи, умеръ скоропостижно ²¹). Москва въ ужасѣ онѣмѣла. Не находя

годати отъ Пресв. и Животв. Духа, и полагаяся на премилостивыя щедроты Божія, вась вкупѣ всѣхъ православныхъ христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сій вѣкъ и въ будущій».

²⁰) Патріархъ Іовъ преставился 8 марта 1607 года. Въ книгѣ о Росс. святыхъ онъ причисленъ къ лику Московскихъ чудотворцевъ. По волѣ царя Алексія Михайловича, мощи перваго патріарха Русскаго перенесены въ Москву, доставлены въ Успенскомъ соборѣ поверхъ пола, и надъ ними устроена каменная надгробница. Въ сборн. Румянц. музея (скороп. въ 4-ку, конца XVII и начала XVIII в., № 364) послѣ изложенія жизни патріарха Іова, описаны слѣдующія чудеса его: 1) при погребеніи была «великая роса» на лицѣ почившаго святителя. Вскорѣ по преставленіи, блж. Іовъ явился настоятелю обители, гдѣ онъ скончался, св. Діонисію, впослѣдствіи знаменитому архимандриту Сергіеву лавры. 3) Въ 1609 году больной Иванъ Тулузовъ исцѣлился по молитвѣ надъ могилою святителя. 4) Мощи, вынутыя изъ могилы для перенесенія въ Москву, оказались нетлѣнными и благоуханными. 5) Тогда же исцѣлился бѣсноватый, носадскій человекъ Иванъ Александровъ. 6) Въ 13 верстахъ отъ Старицы въ селѣ Ильинскомъ исцѣлилась бѣсноватая дѣвица Улита Харитонова, приложившись къ мощамъ, несомымъ въ Москву. 7) На продолженіи пути, въ церкви села Латашина исцѣлилась бѣсноватая женщина деревни Горохова Агрипина Тарасова. 8) По принесеніи мощей въ Москву исцѣлился въ Успенскомъ соборѣ крестьянинъ Устьяновской волости, Исаакій глухой, страдавшій нарывомъ въ ухѣ и безпрестаннымъ шумомъ въ головѣ. На концѣ приписка: «Списана съ монастырскаго Успенскаго Старицкаго (?) исторія сія въ лѣто 7267 (т.-е. 1699) году слово въ слово».

²¹) Современники увѣряютъ, что князь Михаилъ умеръ, сраженный внезапнымъ недугомъ во время обѣда у царскаго брата кн. Димитрія Шуйскаго, выпивъ чару вина, поднесенную хозяйкой княгинею Екатериною, дочерью того, кто жилъ смертоубійствами—Малюты Скуратова. Думали, что и самъ царь Василій не былъ чуждъ участія въ зломъ умыслѣ, потому что душа его страдала подозрѣніями съ того времени, какъ голосъ народный сталъ предназначать Михаилу вѣнецъ царскій. Истина въ этомъ дѣлѣ вѣдома единому Срдцевѣдцу.

словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутѣшно, какъ царя Теодора Иоанновича. Кончина Михаила, столь неожиданная, казалась явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, лишивъ ее защитника, который одинъ вселялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Люди Русскіе имѣли государя, но плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ несчастнымъ царствованіемъ. Самъ Василій лилъ горькія слезы о горѣ: ихъ считали притворствомъ и взоры подданныхъ убѣгали царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы державнаго. Въ Архангельскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Иоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница знаменитаго юноши, единственнаго добродѣтеля и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ.

Можетъ быть Василій, погребая юнаго героя подъ кровомъ того храма, гдѣ почіютъ наши вѣнценосцы, уже предчувствовалъ свою гибель. Она скоро свершилась. Въ Москвѣ запумѣлъ мятежь народный. Враги Василія требовали сверженія его съ престола; другіе надѣялись, что земля Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Лжедмитрія немедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго; для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что государство безсильно только отъ раздѣленія силъ: соединится, усмирится—и враги исчезнутъ! Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и царя злосчастнаго—голосъ Гермогена; съ жаромъ и твердостью, патріархъ изъяснялъ народу, что пѣтъ спасенія тамъ, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавить, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ. Весьма немногіе бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые искренніе и ближніе его уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго. Василій былъ сведенъ съ престола и невольнo постриженъ ²²⁾.

Никто не противился насилію нечестивому, кромѣ великаго святителя: патріархъ торжественно молился за Василія въ храмахъ, какъ за помазанника Божія, царя Россіи, хотя и въ темницѣ; торжественно проклиналъ бунтъ и не признавалъ Василія инокомъ. Но вопли страстей заглушали голосъ правды: дума боярская рѣшилась предложить престолъ Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда, хотя па-

²²⁾ Царь Василій былъ сначала заточенъ въ Волоколамскомъ Іосифовомъ монастырѣ, а послѣ избранія Владислава выданъ Ляхамъ и умеръ въ плѣну. Прахъ его при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ перевезенъ въ Москву и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Супруга его царица Марія, въ иночествѣ Елена, окончила жизнь въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

тріархъ убѣждалъ не жертвовать Церковію для земныхъ выгодъ и совѣтовалъ возложить вѣнецъ на юнаго Михаила Романова (сына Филарета). Такъ богомудрый святитель предвозвѣстилъ отечеству волю небесъ, хотя далеко еще было до избавленія! Впрочемъ святѣйшій Гермогенъ успѣлъ устоять на томъ условіи, что Владиславъ до вступленія на престоль обязанъ принять православіе, прекратить связи съ папою и поставить закономъ смертную казнь каждому, кто отступитъ отъ православія.

Между тѣмъ престоль царскій все еще оставался празднымъ ²³⁾. Наступили времена ужаса, безначалія, буйства народнаго. Дума боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить народной тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ; Польскія войска къ ней приближались, народъ вольничалъ, холопы не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедмитрію, единственно для безопасности личной. Казалось, что Русскіе люди уже не имѣли ни отечества, ни души, ни вѣры; что государство, зараженное нравственною язвою Русскихъ измѣнниковъ, издыхало въ страшныхъ судорогахъ. По словамъ очевидца, добродѣтельнаго келаря Сергіевой лавры Авраамія Палицына, „Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междуусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ Ближнимъ,—и снова отнимали, къ забавѣ Русскихъ измѣнниковъ... Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убиенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій... Были женщины, прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, многіе умирали за семейства; мужъ за жену, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный царю воинъ, взятый въ плѣнъ Лягами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками царя Тушинскаго; всѣхъ твердыхъ въ

²³⁾ Хотя королевичъ Владиславъ былъ избранъ на царство, но отецъ его король Сигизмундъ, руководимый іезуитами, не утвердилъ условій избранія, желая получить Русскій престоль для себя и ввести въ Россіи унию. Бѣдственная эпоха отъ низложенія царя Василія до избранія Михаила Романова носить въ нашей исторіи названіе «Междоцарствія» (съ 1610 до 1613 года).

добродѣтели предавали жестокой казни: метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ, въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, Ляхи содрагались и говорили: „что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губять съ такою лютостію?“ Сердца окаменѣли, умы омрачились: вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали—оно минуетъ насъ! или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія; рабы хотѣли быть господами, чернь—дворянствомъ, дворяне—вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ и разумные разумныхъ оболыщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: „мы блаженствуемъ, идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!..“ Гибли отечество и Церковь; храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ алтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони; злодѣи пили изъ св. потировъ, на иконахъ играли въ кости; въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, священниковъ палили огнемъ, допытываясь сокровищъ; отшельниковъ, схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолствующихъ убивали... Люди уступали свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дѣбряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ невѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ обсушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою—дома и скирды хлѣба,—да будетъ Россія пустынею необитаемою ²⁴).

При этомъ страшномъ кипѣніи необузданныхъ страстей, только одни пастыри словеснаго стада Христова оставались вѣрными своему долгу. Они видѣли, какъ дѣйствовалъ патріархъ Гермогенъ, непоколебимый столбъ православія, несокрушимый адамантъ Церкви и отечества, и всѣ ревностно подражали первосвятителю. Въ слѣдующей главѣ увидимъ доблестные подвиги святителей, іереевъ, иноковъ и отшельниковъ.

2.) Лѣтопись о мятежахъ 32—47.

Г Л А В А VII.

Подвиги духовенства въ „смутное время“.—Святители: Филаретъ Ростовскій, Сергій Смоленскій, Сильвестръ Вологодскій. — Преп. Галактіонъ.—Преп. Иринархъ, затворникъ Ростовскій.—Исидоръ, митрополитъ Новгородскій.—Открытие мошей св. князя Θεодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Затворникъ Іоаннъ.—Святители: Геннадій Псковскій, Θεоктистъ Тверскій, Іосифъ Коломенскій, Галактіонъ Суздальскій.—Протоіерей Димитрій и Амосъ.—Преп. Евфросинъ Синозерскій.—Разореніе Пафнутаева монастыря.—Знаменитая осада лавры Сергіевой.—Архимандриты лавры Іоасафъ и Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ.—Ляхи въ Москвѣ.—Послѣдніе подвиги и страдальческая кончина патріарха Гермогена.—Троицкія грамоты.—Постъ и покаяніе народа.—Возстаніе городовъ.—Явленіе преп. Сергія Козьмѣ Минину.—Очищеніе Москвы.—Избраніе на царство Михайла Романова.

Посреди ужасовъ „смутнаго времени“, православное Русское духовенство, одушевляемое сознаниемъ священныхъ своихъ обязанностей и руководимое примѣромъ своего неустрашимаго первосвятителя, сіяло доблестію и совершало подвиги, достойные первыхъ вѣковъ христіанства. Постараемся изложить эти подвиги въ томъ видѣ, какъ сохранились они въ бытописаніяхъ современниковъ.

Первое мѣсто принадлежитъ родоначальнику грядущаго поколѣнія царей, будущему патріарху Московскому. Филаретъ (Романовъ), въ санѣ митрополита Ростовскаго, показалъ въ лицѣ своемъ образецъ добраго пастыря. Когда (въ 1608 г.) Сапѣга съ Ляхами возмутили Суздаль и Переяславль, вѣрные Ростовцы, не имѣя крѣпкихъ стѣнъ для защиты, предложили митрополиту удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество, что великодушная смерть лучше жизни срамной, что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для христіанъ, вѣрныхъ царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ соборной церкви; всѣ исповѣдались, причастились святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переяславцы, дерзнули осадить святой храмъ, стрѣляли, ломились въ двери и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ митрополита, который молилъ не быть извергами. Двери пали, и добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился тру-

пами. Злодѣи ограбили святыню ¹⁾, а митрополита повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босого, въ изорванномъ польскомъ платьѣ и татарской шапкѣ. Тамъ самозванецъ готовилъ новое безчестіе и посрамленіе: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи и жертву Борисовой ненависти, величалъ какъ знаменитѣйшаго достойнаго архипастыря, далъ ему золотой поясъ и святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ царю Василию. Уже послѣ двухлѣтняго плѣна, Филаретъ отнять былъ у непріятели, подъ стѣнами Волоколамской обители, отрядомъ Скопина-Шуйскаго.

Во время междуцарствія, Филаретъ былъ отправленъ во главѣ посольства ²⁾ къ королю Сигизмунду для предложенія вѣнца царскаго сыну его Владиславу на условіяхъ заключенныхъ въ Москвѣ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ Филаретъ дѣйствовалъ какъ вѣрный сынъ отечества: ни хитрыя обольщенія, ни льстивыя обѣщанія, ни угрозы не могли поколебать его. Въ восемь лѣтъ плѣна, среди страданій и лишеній всякаго рода, онъ не уступилъ ни шагу врагамъ, не согласился ни на сдачу Смоленска Сигизмунду, ни на измѣненіе Московскихъ условій.

Достойнымъ сподвижникомъ его былъ Смоленскій архіепископъ Сергій. Когда Сигизмундъ съ сильною арміею осадилъ Смоленскъ и требовалъ сдачи города, архипастырь, вмѣстѣ съ доблестнымъ воеводою Шейнымъ отвѣчалъ королю: „мы въ храмъ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять государю нашему Василию Іоанновичу, а тебѣ, литовскому королю, и твоимъ панамъ не раболѣпствовать вовѣки“. Добрый пастырь одушевлялъ защитниковъ родины, раздѣлялъ съ ними лишенія и опасности въ продолженіе двухлѣтней осады. Когда въ городѣ изъ 80 тысячъ жителей осталось едва 8 тысячъ, когда, наконецъ, всѣ средства геройской защиты истощились и городъ былъ взятъ приступомъ, тогда и Сергій сдѣлался плѣнникомъ Ляховъ и окончилъ жизнь свою въ темницѣ.

И до отдаленной Вологды достигло буйство Ляховъ и Русскихъ измѣнниковъ. Въ 1609 году Вологда уцѣлѣла невредимою по молитвамъ преп. Димитрія Прилуцкаго ³⁾; но три года спустя и она пострадала отъ враговъ и мятежниковъ.

¹⁾ При ограбленіи собора, единственная въ своемъ родѣ «золотая» рака святителя Леонтія была разсѣчена на части грабителями. Съ того времени мощи св. Леонтія почиваютъ подъ спудомъ.

²⁾ Вторымъ посломъ назначенъ былъ бояринъ князь В. В. Голицынъ. Въ числѣ посольства были и духовныя лица: Новоспасскій архимандритъ Евфимій, келарь лавры Сергіевой Авраамій Палицинъ, Угрѣшскій игуменъ Іона и протоіерей Вознесенскаго монастыря Кириллъ.

³⁾ Воевода Вологодскій доносилъ царю Василию: «чудотворецъ Димитрій явилъ намъ свою милость, обѣщался стоять за нами противъ враговъ государевыхъ. Онъ явился духовному старцу у своей гробницы и велѣлъ перенести чудотворный свой образъ въ Во-

Въ Вологдѣ подвизался тогда замѣчательный затворникъ, преп. Галактіонъ. Когда Грозный царь умертвилъ боярина князя Ивана Бѣльскаго, семилѣтній сынъ убиеннаго, Гавріиль, былъ укрытъ родственниками и друзьями отца, которые отправили ребенка въ городъ Старицу, чтобы спасти его отъ ярости царской. Тамъ юный князь скрывался въ неизвестности и кормился сапожнымъ мастерствомъ, а пришедши въ зрѣлый возрастъ, постригся съ именемъ Галактіона, пришелъ въ Вологду, выпросилъ у жителей мѣстечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложилъ на себя тяжкій подвигъ затворничества въ оковахъ. Онъ приковалъ себя къ стѣнѣ цѣпью. Богобоязненные люди подавали ему въ окошко пищу; когда склонялъ его сонъ, онъ становился на колѣни и, держась за цѣпь, засыпалъ сномъ легкимъ и прерывистымъ; пищею его былъ только сухой хлѣбъ съ водою. Подвижнику Божію открыто было о наступающихъ для Вологды бѣдствіяхъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ цѣпяхъ своихъ, явился въ земскую избу и объявилъ: „грѣхи призвали на насъ Ляховъ и Литву: пусть начнутъ постъ и молитву и поспѣшатъ построить храмъ Знаменія Богоматери. Царица небесная избавитъ Вологду, какъ нѣкогда Новгородъ, отъ гнѣва Божія“. Но одинъ изъ именитыхъ гражданъ Нечай Шелкуновъ сказалъ: „не о насъ, а о себѣ хлопочетъ старецъ; ему хочется только имѣть храмъ вблизи себя; а что будетъ съ храмомъ,—прибавилъ онъ съ насмѣшкою,—когда умрешь ты, старецъ?“ Старецъ отвѣчалъ строго: „гнѣвъ близокъ къ Вологдѣ; что же до меня, то на моемъ мѣстѣ прославится Богъ,—построена будетъ обитель“. Затѣмъ объявилъ, что Троицкій храмъ, построенный Нечаемъ, будетъ сожженъ и домъ Нечая запустѣетъ. Проходя мимо храма св. Димитрія Прилуцкаго, онъ громко сказалъ: „чудотворецъ Димитрій молилъ Спасителя за городъ, но его оскорбили тѣмъ, что вокругъ его храма настроили лавокъ и завели шумъ торговый; вотъ увидите, что и этотъ храмъ разоренъ будетъ“.

Предсказаніе труженика скоро исполнилось: 22 сентября 1612 года Ляхи напали на Вологду и, по сказанію современника, „городъ взяли и людей всякихъ поѣкли, и церкви Божіи поругали, и городъ и посады выжгли до основанія“. Злодѣи не пощадили и смиренной кельи Галактіона; а его самого жестоко избили и истерзали, такъ что онъ чрезъ три дня скончался мученикомъ. Вологжане погребли тѣло страдальца въ бывшей его кельѣ ⁴⁾. Лютость враговъ особенно пала

логду. Мы встрѣтили тотъ образъ съ великою честію, поставили его со слезами и молитвеннымъ пѣніемъ въ церковь Всемилостиваго Спаса и рѣшились смѣло стоять противъ враговъ государя и всего православнаго христіанства» (Акт. археограф. экспед. II, 196).

⁴⁾ Спустя нѣсколько лѣтъ, надъ могилой страдальца поставленъ деревянный храмъ Знаменія Богородицы и возникъ монастырь, называемый Духовымъ, по соборному храму Шестствія Св. Духа, построенному въ 1654 году. Здѣсь почиваютъ нодъ спудомъ моши преп. Галактіона. При рабѣ преподобномученика находится шапка, сдѣланная изъ двухъ желѣзныхъ полосъ, крестообразно сложенныхъ съ обручемъ вокругъ головы, и желѣзные вериги, соединенныя съ одной стороны такимъ аналавомъ, а съ другой стороны крестомъ. На аналавѣ вырѣзаны надписи: «рабъ Божій Гавріиль во имя Отца и Сына и Св. Духа обѣщался терпѣти до конца».

на духовенство Вологодское, вѣроятно за то, что лица духовныя поддерживали вѣрность жителей при первомъ нападеніи Ляховъ. Епископа Сильвестра держали подъ стражею четыре ночи, подвергали истязаніямъ и едва отпустили живымъ ⁵⁾. Множество священниковъ и иноковъ было умерщвлено ⁶⁾.

Почти въ то же время, когда Ляхи не пощадили въ Вологдѣ дряхлаго старца-отшельника, наставникъ этого старца преп. Иринархъ, затворникъ Борисоглѣбскаго монастыря ⁷⁾, безтрепетно говорилъ правду врагамъ и мятежникамъ. Въ 1609 году Ляхи завладѣли Ростовомъ; свирѣпый панъ Микульскій пришелъ къ затворнику ⁸⁾ и спросилъ:

⁵⁾ Епископъ Сильвестръ писалъ въ Москву: «нынѣшняго 1612 г. сентября 24 д. въ послѣднемъ часу ночи разорители нашей чистой, православной вѣры и ругатели креста Христова, Поляки и Литовцы съ Черкесами и русскими измѣнниками нечаяннымъ набѣгомъ пришли въ Вологду, взяли городъ, умертвили людей, осквернили церкви Божія, сожгли городъ и посады; воевода князь Иванъ Одоевскій ушелъ, а околичній и воевода кн. Григорій Долгорукій и дьякъ Истома Карташевъ убиты; меня грѣшнаго взяли въ плѣнъ, держали у себя 4 ночи и не разъ присуждали къ казни, но Господь умиловившяся надо мною,—едва живого отпустили. Когда Ляхи и Литва пришли къ Вологдѣ, то по грѣхамъ нашимъ, по нерадѣнію воеводе, не было ни развѣзжихъ карауловъ, ни сторожей на башняхъ, на городской стѣнѣ и въ крѣпости; у воротъ было нѣсколько человекъ на караулѣ, да и тѣ не слышали, какъ Литовцы вошли въ городъ, а большіе ворота не были заперты.— Съ 25 сентября непріатели оставили Вологду. Воевода Григорій Образцовъ съ своимъ полкомъ прибылъ съ Бѣлоозера и занялъ Вологду; но никто не слушалъ его, другъ друга грабятъ... Все отъ пьянства: воеводы пропили Вологду».—Это донесеніе напечатано въ словарѣ Щекатова 1, 988.

⁶⁾ Въ синодикѣ Софійскаго собора записано слѣдующее: «121 (1612) году, сентября 22 день, вторникъ въ первомъ часу дни. Помяни, Господь, иже во градѣ избіенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ»... Затѣмъ поименно исчисляются 68 человекъ убитыхъ и сгорѣвшихъ во время нашествія: 3 протоіерея, 34 священника, 6 діаконовъ, 6 иноковъ (въ числѣ иноковъ упомянуть «іерей иннокъ Галактіонъ» (т.-е. преподобный затворникъ-страдалецъ). Въ то время всѣхъ церквей въ Вологдѣ, градскихъ и посадскихъ, было около пятидесяти; а священниковъ при нихъ, вѣроятно, около шестидесяти, изъ которыхъ слѣдовательно погибло, при нашествіи враговъ, болѣе половины. Свѣдѣнія объ іерархахъ Вологод. епархіи, Н. И. Суворова, стр. 51 и 52).

⁷⁾ Въ рукописномъ сборникѣ Моск. Дух. Академіи 1657 года подъ № 217 святцы № 1) исчислены ученики блаженнаго Иринарха, подвизавшіеся въ затворѣ. Вотъ имена ихъ: 1) затворникъ Іоакимъ подвизался въ Николаевскомъ-Шартомскомъ монастырѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ; 2) затворникъ Діонисій—въ Перенславль-Залѣскомъ въ Никольскомъ монастырѣ, что на болотѣ; 3) препод. схимонахъ Корнилій, затворникъ Перенславскаго Борисоглѣбскаго монастыря (Русскіе святые, іюль, стр. 123—116); 4) преп. Галактіонъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. «Сіи вси,—сказано въ томъ же сборникѣ,—единъ образъ имуще житія, желѣза тяжкая на себѣ ношаху и къ стѣнѣ цѣпями прикованы бяху, пищею сухою питахуся, рыбы-жь и масло, ни скорому, и мягкихъ явствъ не прикасахуся. И житіе ихъ единому Богу вѣдомо. Людіе мнози къ нимъ приходяху, и житіе ихъ ублажаху, и пользу отъ нихъ, сказываютъ, велію приимаху».

⁸⁾ Преп. Иринархъ, въ мірѣ Ілья, былъ сынъ крестьянина деревни Кондаковой, Ростовскаго округа, постригся на тридцатомъ году отъ роду въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (въ 25 верст. отъ Ростова) и началъ подвижничество свое тѣмъ, что сталъ ходить босой и въ рубищѣ, съ тяжелыми веригами на плечахъ и оковами на ногахъ, затворился безвыходно въ кельѣ и приковалъ себя цѣпью къ стулу. Съ того времени Иринархъ постепенно увеличивалъ тяжести, носимыя на тѣлѣ; спалъ только два часа въ сутки и би-

кого признаешь ты царемъ? „Я живу на Руси,—отвѣчалъ старецъ,— и знаю Русскаго царя, а другихъ не знаю“. Слыша угрозы Ляховъ, онъ сказалъ спокойно: „Вѣрѣ своей я не измѣню, и Русскаго царя не отвергну. Не много вамъ во мнѣ крови: вашего меча тлѣннаго я не боюсь, а у моего живого Бога есть такой мечъ, что всѣхъ васъ погубить и ввергнуть въ геенну огненную“. Послѣ того и самъ вождь грабителей, Сапѣга, посѣтилъ препод. Иринарха. „Благослови, батюшко сказалъ онъ,—какъ терпишь ты эту муку въ такой темницѣ?“ „Для Бога терплю,—отвѣчалъ старецъ.—А ты, панъ, возвратись въ свою землю; полно тебѣ разорять Русь. Если не выйдешь изъ Руси или опять придешь, то Богомъ тебя увѣряю—убьютъ тебя въ Русской землѣ“. Сапѣга прислалъ старцу пять рублей и строго запретилъ Ляхамъ тревожить обитель. Спустя три года снова явились Ляхи въ Ростовъ; преп. Иринархъ остался въ своемъ затворѣ. Сюда пришелъ къ нему одинъ изъ пановъ съ извѣстіемъ, что Сапѣга, по предсказанію затворника, убить подь Москву. „И вамъ не быть живыми,—сказалъ старецъ,—если не уйдете въ свою землю“. На этотъ разъ Ляхи оставили Ростовъ, не тронувъ никого, по уваженію къ преподобному Иринарху ⁹⁾.

Въ Великомъ Новгородѣ митрополитъ Исидоръ претерпѣлъ много притѣсненій, но успѣлъ своими увѣщаніями удержать народъ отъ измѣны царю Василию, призвать на помощь героя Скопина-Шуйскаго и сохранить единеніе съ Москвою; можно сказать, что одинъ онъ отклонилъ Новгородцевъ отъ намѣренія покориться Шведамъ и призвать къ себѣ Шведскаго королевича Густава-Адольфа. Когда Шведы, прежде союзники, а потомъ враги Московскаго государства, завладѣли Новгородомъ, самая жизнь архипастыря была въ опасности. Тогда же открыты были мощи св. князя Феодора, вынутыя Шведскими солдатами изъ могилы въ соборномъ храмѣ Юрьева монастыря ¹⁰⁾. Митрополитъ Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у вождя Шведовъ Делегардія дозволеніе перенести гробъ въ Новгородскій Софійскій соборъ; въ это

чевалъ тѣло свое желѣзною палкою. Такъ подвизался онъ тридцать лѣтъ. Тяжкими и долгими подвигами очистилось духовное зрѣніе блаженнаго старца. Однажды, заснувъ въ притворѣ, онъ увидѣлъ Москву въ огнѣ и во власти Ляховъ, и голосъ сказалъ ему: «Иди, скажи объ этомъ царю». Преп. Иринархъ явился къ царю Василию Ивановичу (Шуйскому) и рассказалъ о видѣніи; царь принялъ его съ честью и отвезъ назадъ въ своей повозкѣ.

⁹⁾ Блаж. подвижникъ преставился на 69 году отъ рожденія, 13 января 1616 года, оставивъ по себѣ подражателей дивнаго своего житія, и погребенъ въ ископанной имъ самимъ могилѣ. При гробницѣ его совершилось нѣсколько исцѣленій; особенно бѣсноватые боятса креста его.—Тяжести или «праведные труды» преп. Иринарха, сохранившіеся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ состоятъ изъ 142 крестовъ, тяжелаго камня, множества цѣпей, желѣзнаго кольца на голову, желѣзнаго пояса, желѣзной палки и толстаго кнута. Все это составляло вѣсъ въ 9 пуд. 34 фун. (Жизнь преп. Иринарха, сост. о. архим. Амфилохіемъ, съ рисунками).

¹⁰⁾ По извѣстію 1634 года «нѣмцы въ церкви великомученика Георгія, въ монастырѣ, ищуще поклажи, обрѣли челоуѣка цѣла и неразрушена въ княжескомъ одѣянніи и вынуть изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны» (Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1862, кн. 4).

время не только оказались нетлѣнными мощи дѣвственнаго князя, но многимъ источали и исцѣленія. Съ того времени св. мощи покоятся открыто при входѣ въ придѣлъ св. Предтечи. При владыкѣ находился тогда старецъ-подвижникъ, преп. Антоній Леохновскій, Тверской уроженецъ, изъ боярскаго рода Вельяминовыхъ. Принявъ иночество въ молодости, Антоній основалъ пустынную обитель съ храмомъ Преображенія Господня. Здѣсь отшельникъ служилъ для братіи образцомъ строгаго подвижничества и почтенъ былъ саномъ игумена. Всего прожилъ онъ въ иноческой жизни 56 лѣтъ и столько успѣлъ въ жизни духовной, что въ послѣдніе годы извѣстенъ былъ по опытамъ духовной прозорливости. Когда Шведы стали въ 1611 г. опустошать окрестности Новгорода, митрополитъ Исидоръ вызвалъ къ себѣ уважаемаго старца съ учениками его. Антонію было тогда уже 85 лѣтъ. Въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня причастился онъ св. Тайнъ; тогда же сказалъ онъ вслухъ другихъ, что тѣло его будетъ покоиться въ пустынной его обители. Октября 17 мирно предалъ онъ духъ свой Господу. Тѣло его, по опасностямъ военнымъ, предано было землѣ въ Новгородѣ, у церкви св. Евангелиста Луки ¹⁴⁾.

Псковъ, еще недавно выдержавшій со славою знаменитую осаду Баторія, въ пагубные дни безначалія сдѣлался вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Духовенство, дворяне, гости были вѣрны, но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали мелкихъ гражданъ, чернь, стрѣльцовъ, казаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Они присягнули Лжедмитрію, расхитили достояніе святительское и монастырское. Добродѣтельный архипастырь Геннадій старался усовѣститъ неистовыхъ силою слова Божія; вооружалъ крестьянъ своихъ и монастырскихъ для сопротивленія мятежу и разбоямъ въ окрестностяхъ Пскова и не могъ пережить измѣны своего города: онъ умеръ отъ горести ¹⁵⁾. Не успѣлъ образумить измѣнниковъ и дивный затворникъ Іоаннъ, который совершалъ изумительные свои подвиги на городской стѣнѣ. Въ 1592 г. осаждали Псковъ Шведы; съ 1608 г. семь лѣтъ сряду рыскалъ около Пскова съ разбойничьими шайками своими ляхъ Лисовскій. Блаж. Іоаннъ во все время только молился и постился: среди шума, брани и битвъ, среди волненій гордаго ума и малодушнаго маловѣрія онъ жилъ какъ въ пустынѣ, бесѣдуя съ Господомъ и для Него каждый день распиналъ плоть свою и каждый день твердилъ приходившимъ къ нему людямъ о вѣрности Богу и погибающему отечеству ¹⁶⁾.

Въ томъ же духѣ дѣйствовали святители русскіе. Іосифъ Коло-

¹⁴⁾ Мощи преп. Антонія въ 1620 году перенесены изъ Новгорода на мѣсто подвиговъ его и почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ бывшей обители его (въ 45 верст. отъ Новгорода). Монастырь упраздненъ въ 1764 году.

¹⁵⁾ «Преставися епископъ Геннадій отъ кручины». Псков. лѣтоп. 77.

¹⁶⁾ «Октября 24 (1616) преставися Иванъ, что въ стѣнѣ жилъ 22 лѣта; ядь же его рыба сырая, а хлѣба не ѣлъ, а жилъ во градѣ, якоже въ пустыни, въ молчаніи великомъ». Полн. Собр. лѣтоп. IV. 332.

менскій, сопротивлявшійся первому самозванцу, схваченъ былъ воинами второго, которыхъ напрасно хотѣлъ вразумить, и привязанный къ пушкѣ, влачимъ былъ бродягами; его паства при немъ осталась вѣрною долгу. Тверскій архіепископъ Теокистъ, еще въ началѣ смятеній отъ Тушинскаго самозванца, явился бодрымъ стражемъ своего стада, ополчилъ духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ людей боярскихъ, гражданъ и разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ. До послѣдняго издыханія боролся онъ съ измѣною и, взятый въ плѣнъ мятежниками, удостоился мученическаго вѣнца. Ляхи, захватившіе Суздаль, принуждали архіепископа Галактіона, чтобы онъ призналъ второго Лжедмитрія и разослалъ паствѣ своей грамоты о молитвахъ за него. Святитель не согласился: его отправили въ заточеніе, гдѣ онъ и преставился ¹⁴).

Тюю же ревностію и сознаніемъ долга одушевлялось и бѣлое духовенство; городскіе и сельскіе священники вездѣ противились бунту и безначалію; немногіе изъ нихъ уцѣлѣли ¹⁵). Особенно отличался ревностный протопопъ Зарайскаго Никольскаго собора Димитрій, достойный сподвижникъ князя Пожарскаго въ защитѣ родного города: онъ укрѣплялъ гражданъ въ вѣрности законному царю, не допустилъ до присяги второму самозванцу и всѣхъ благословлялъ на смерть за правое дѣло ¹⁶).

Другой протоіерей въ Великомъ Новгородѣ запечатлѣлъ пастырскую вѣрность собственною кровію. Когда шведы ворвались въ западную часть города, и закипѣла сѣча на улицахъ, одинъ домъ на торговой сторонѣ казался недолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ протоіерей Софійскаго собора Амосъ съ своими друзьями, въ глазахъ митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны и, видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою. Шведы наконецъ сожгли и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новгородца!

Смиранные отшельники не щадили жизни своей за Бога и отечество; обители ипоческія оказывались несокрушимыми твердынями вѣры и вѣрности. Преп. Евфросинъ подвизался въ основанной имъ пустынной обители на берегу Синичьяго озера ¹⁷). Сюда спѣшили укрыться многіе изъ окрестныхъ мѣстъ, когда ватаги Ляховъ проникли въ

¹⁴) «Тверскаго архіепископа Теокиста обезчестивше, по многимъ мукамъ на пути къ царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша. Также и Суздальскій архіепископъ Галактіонъ во изгнаніи скончался; епископа же Коломенскаго Іосифа на пушкѣ привязавше, на единою подъ грады водяще, и симъ страшаще многихъ». Авраамій Палицынъ. стр. 44.

¹⁵) «И мали отъ священнаго чина тѣхъ бѣдѣ избѣгоша; память же тѣмъ язвъ многихъ и до смерти остася». Тамъ же.

¹⁶) Никон. лѣтоп. 137 и 138.

¹⁷) Синозерская пустынь, основанная преп. Евфросиномъ въ 1603 году, находилась въ 60 верстахъ отъ Устюжны Желѣзнопольской, на берегу Синичьяго озера. Она упразднена въ 1764 году, и храмъ ея обращенъ въ приходскій для Синозерскаго погоста. Здѣсь почиваютъ подъ слудомъ мощи преп. Евфросина.

округъ Устюжны для грабежа и разбоя. Прозорливый отшельникъ увѣщевалъ всѣхъ твердо стоять въ вѣрѣ православной и не соблазняться обольщеніями измѣнниковъ, а 19 марта объявилъ, что скоро придутъ враги и въ пустыню его. Онъ совѣтовалъ бѣжать, кто куда можетъ; о себѣ же сказалъ, что онъ долженъ остаться здѣсь по обѣту.—Инокъ Иона въ страхѣ хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ другими. „Зачѣмъ допускать въ душу страхъ малодушія?—говорилъ безтрепетный праведникъ. Когда настанетъ брань, тогда-то и нужно мужество. Мы дали обѣтъ жить и умереть въ пустынѣ. Надобно быть вѣрнымъ слову, данному предъ Господомъ. Въ такомъ случаѣ смерть вводитъ въ покой. Другое дѣло—мірскіе люди: они не связаны обѣтомъ и имъ надобно беречь себя и для дѣтей“. Укрѣпленный словами игумена, Иона остался съ святымъ старцемъ. Въ слѣдующій день Ляхи явились въ Евфросинову пустынь. Преп. Евфросинъ въ схимѣ молился у креста, который поставилъ онъ, какъ только пришелъ сюда. Наглые грабители потребовали у Евфросина монастырскихъ сокровищъ, а пустычникъ указалъ на храмъ Богоматери, какъ на единственное сокровище пустыни. Тогда одинъ изъ кровопійцъ ударилъ по шеѣ преподобнаго и разсѣкъ ему голову. Старецъ упалъ полумертвымъ. Поляки ворвались въ храмъ Божій, но въ немъ ничего не нашли и возвратились къ своей жертвѣ. Одинъ ударилъ чеканомъ по головѣ Евфросина и разбилъ черепъ до самаго мозга. Новый страдалецъ предалъ душу свою въ руки Господу. Съ нимъ вмѣстѣ убитъ былъ и иннокъ Иона.

Многія обители были разорены и иноки умерщвлены за ревность въ вѣрѣ и правдѣ ¹⁸⁾. Знаменитый Боровскій монастырь преп. Пафнутія былъ осажденъ врагами. Здѣсь былъ главнымъ воеводою неустрашимый князь Михаилъ Константиновичъ, по прозванію Хромой, изъ доблестнаго и вѣрнаго рода князей Волконскихъ. Когда младшіе воеводы ¹⁹⁾ измѣнили ѣ тайно впустили Ляховъ и измѣнниковъ въ заднія ворота монастыря, князь Михаилъ бился съ врагами въ воротахъ церковныхъ и пальъ, покрытый ранами близъ раки чудотворца ²⁰⁾, оста-

¹⁸⁾ Такъ въ Николаевскомъ Малоярославецкомъ монастырѣ избита врагами вся братія, такъ что онъ болѣе 10 лѣтъ стоялъ въ запустѣніи (Истор. Рос. Іерарх. VI, 702); въ Калезинской обители преп. Макарія умерщвлено 68 иноковъ; въ двухъ Костромскихъ монастыряхъ Богоявленскомъ и Крестовоздвиженскомъ — болѣе 20, а въ Спасоприлукомъ близъ Вологды—до 200 человекъ, изъ числа которыхъ захвачено въ трапезѣ и сожжено 59 монаховъ.

¹⁹⁾ Яковъ Змѣевъ и Аванасій Челищевъ.

²⁰⁾ «Литовскіе люди и Русскіе воры выноша... К. Михайло жъ Волконской, видя свое неизможение, побѣже въ церковь. Тѣ же воеводы зваху его на встрѣчу; онъ же имъ отказа, умереть-де мнѣ у гроба Пафнутія чудотворца... ста въ дверяхъ церковныхъ и бился много и изнемогъ отъ великихъ ранъ и паде къ церкви у крылоса лѣваго. Веліе жъ чудо Богъ показалъ надъ тѣми убійенными; того жъ К. Михайлова кровь прыснула на лѣвой крылосѣ на камень, и многажды тое кровя скребяху и мыша, но не можаху тое крови ни соскрестъ, ни смести». Никон. лѣтоп. 136. Прахъ князя Михаила покоится въ обители преп. Пафнутія, подъ церковью Всѣхъ Святыхъ, сооруженною потомками его, князьями Волконскими, въ 1837 году.

вивъ память своей доблести въ гербѣ г. Боровска ²¹⁾. Иноки и всѣ защитники обители были умерщвлены.

Лучезарнымъ вѣнцомъ подвиговъ доблестныхъ, незаблемымъ оплотомъ Москвы и всего отечества въ „смутное время“ была знаменитая обитель великаго чудотворца Сергія. Въ 1608 году Троицкій монастырь окруженъ былъ мятежными полчищами, которыя поддерживали второго Лжедмитрія (Тушинскаго). Самозванецъ хотѣлъ овладѣть монастыремъ: его побуждали къ тому и сокровища монастыря, собранныя вѣками, и усилія иноковъ Троицкихъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, поддержать въ Москвѣ вѣрность народа царю Шуйскому, и мѣстная важность Троицкой обители, которая стояла на пути къ Москвѣ отъ сѣверныхъ и восточныхъ городовъ, откуда могли придти вѣрные сыны отечества для освобожденія его отъ иноземцевъ и мятежниковъ.

Защитою обители было, во-первыхъ, упованіе на всесильную помощь Божію и ходатайственное заступленіе беземѣннаго начальника монастыря, которому сама Матерь Божія дала обѣтованіе быть неотступною отъ его обители; потомъ благоразуміе и попечительность ея временныхъ правителей. Архимандритъ Іоасафъ вездѣ являлъ себя сердобольнымъ отцомъ для нуждающихся, усерднымъ молитвенникомъ, вѣрнымъ до смерти блюстителемъ святыни. Келаремъ лавры тогда былъ знаменитый въ лѣтописяхъ отечества Авраамій Палицынъ. Во время осады его не было въ лаврѣ; но тѣмъ не менѣе онъ болѣлъ душею за нее и дѣлалъ все, что могъ, въ ея пользу,—въ Москвѣ.

Обитель Троицкая имѣла тогда болѣе 300 человекъ братіи; въ числѣ ихъ были такіе, которые въ мірѣ служили отечеству на полѣ брани и въ настоящихъ обстоятельствахъ могли быть полезными для обители своимъ мужествомъ и искусствомъ. Сверхъ того, для защиты монастыря были присланы царемъ воеводы съ отрядомъ войска, вооружены слуги монастырскіе и жители окрестныхъ селеній. Число всѣхъ защитниковъ монастыря простиралось, въ началѣ осады, до 2,500.

Стѣны и башни монастыря снабжены были принадлежностями, нужными для осадныхъ случаевъ. Но непрочность укрѣпленій видна была еще прежде осады; особенно западная стѣна была ветха и ненадежна. Запасовъ хлѣбныхъ было немного. Такимъ образомъ обыкновенныя человѣческія средства защиты не обезпечивали обители: она не могла положиться ни на число воиновъ, ни на крѣпость стѣнъ, ни на довольство запасовъ—и, если бы Господь, по молитвамъ угодника Своего, не сохранилъ града, конечно—все бдѣли бы стрегущіе.

Враги явились подъ стѣнами лавры 25 сентября. Со слезами

---

²¹⁾ Въ память геройской кончины кн. Михаила Волконскаго, императрица Екатерина II пожаловала Боровску Гербъ, въ которомъ серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце—вѣрность, а находящійся посреди его крестъ—усердіе къ закону Божію; сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ—символомъ славы.

встрѣтили въ обители праздникъ памяти преп. Сергія, но не унывали. Принесши моленіе Господу Богу о защитѣ отъ супостатовъ, воеводы, дворяне, дѣти боярскіе, слуги монастырскіе, стрѣльцы, всѣ собравшіеся здѣсь, въ самый день праздника, обязались присягою сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Число непріятельскаго войска, по показаніямъ захваченныхъ въ плѣнъ, простиралось до 30,000 человекъ. Предводителями были Янъ-Петръ Сапѣга, командовавшій польскими войсками, и Лисовскій съ отрядомъ, славившимся дерзостью; къ нимъ присоединились русскіе измѣнники, Татары и казаки. Сапѣга и Лисовскій хотѣли склонить архимандрита и воеводъ къ добровольной сдачѣ монастыря, для чего прислали боярскаго сына съ грамотою, обѣщая милости мнимаго Димитрія и грозя истребленіемъ въ случаѣ упорства. Осажденные не поколебались. „Надежда наша и упованіе,—говорили они,—Пресвятая живоначальная Троица; стѣпа и покровъ нашъ—препорочная Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія; помощники наши и молитвенники о насъ къ Богу—преподобные отцы наши Сергій и Никонъ“. И въ семъ упованіи писали къ Полякамъ и измѣнникамъ: „да будетъ извѣстно вашему темному царству, что напрасно прельщаете вы стадо Христово; и десятилѣтнее отроча въ Троицкомъ монастырѣ смѣется вашему безумному совѣту. Не измѣнимъ ни вѣрѣ, ни царю, хотя бы предлагали вы намъ и всего міра сокровища“.

Начались приступы враговъ и вылазки защитниковъ монастыря. Такъ 13 октября Сапѣга выступилъ изъ таборовъ съ полками, окружилъ монастырь и съ наступленіемъ ночи двинулся на приступъ. Осажденные мужественно встрѣтили нападающихъ и отразили; а на утро, увидѣвъ оставленныя имъ осадныя орудія, предали ихъ огню и благодарили Бога за избавленіе отъ враговъ, ходя со святыми иконами по стѣнамъ монастырскимъ.

Защищая обитель свою отъ враговъ, „великій чудотворецъ явился въ чинѣ Взбраннаго Воеводы, который приписуется ему въ церковномъ пѣснопѣннѣ (акаѳистѣ). Онъ ободрялъ и охранялъ подвижающихся за вѣру и отечество, устрашалъ враговъ и умножалъ свои чудеса, дабы, при умноженіи опасностей, не изнемогала надежда спасенія“ ²²⁾. Октября 23 преп. Сергій, явившись во снѣ пономарю Иринарху, предувѣдомилъ осажденныхъ о новомъ приступѣ враговъ и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобы они дерзали съ надеждою. Въ подкрѣпленіе сей надежды преподобный прошелъ по стѣнѣ, кропя ее и зданія монастырскія святою водою. Ночью дѣйствительно послѣдовало нападеніе, но отражено съ урономъ враговъ. Вскорѣ узнали, что подъ монастырь ведется подкопъ. Такъ какъ мѣсто и направленіе подкопа было неизвѣстно, то опасеніе сдѣлалось всеобщимъ. Осажденные начали готовиться къ смерти; исповѣдывались, приобщались св. Таинъ,

²²⁾ «Житіе преп. Сергія послѣ смерти», составленное Филаретомъ, митр. Московскимъ (стр. 60).

съ каждымъ часомъ ждали взрыва. Въ это скорбное время явился настоятелю преп. Сергій, молящійся предъ храмовою иконою Пресв. Троицы, и по окончаніи молитвы сказалъ: „бдите и молитесь: Всесильный Господь, по множеству щедротъ Своихъ, еще милуетъ васъ и даетъ вамъ время на покаяніе“.—Осажденные ободрились, и непріятель, возобновившій нападеніе, былъ отраженъ съ урономъ.

Въ день архистратига Михаила, во время вечерни, ядро ударило въ полуденныя желѣзныя двери Троицкаго собора и оставило слѣдъ на доскѣ образа св. чудотворца Николая. Народъ пришелъ въ ужасъ, слезы орошали церковный помостъ; пѣніе замедлялось отъ плача. Но во время той же вечерни изнемогшему отъ унынія архимандриту явился архангелъ Михаилъ, съ лицомъ сіяющимъ, съ скипетромъ въ рукахъ и грозя врагамъ, говорилъ: „Вскорѣ Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе“. Сіе видѣніе тогда же возвѣщено народу, и архимандритъ совершилъ молебное пѣніе ко Пресвятой Троицѣ и архангелу Михаилу.

Упованіе на помощь Божію еще болѣе укрѣпилось, когда вечеромъ, во время правила, архимандритъ услышалъ новое ободреніе изъ устъ преп. Сергія; а на другой день старцы Геннадій, Гурій и Киприанъ, съ нѣкоторыми мірянами, видѣли предъ утренею преподобнаго Сергія ходящаго по монастырю и зовущаго братію въ церковь, гдѣ видѣнъ былъ также св. архіепископъ Серапіонъ, молящійся предъ образомъ Божіей Матери.

Ободренные защитники обители вышли за три часа до свѣта, въ трехъ отрядахъ, разными путями; именемъ Сергія и быстрымъ нападеніемъ привели они непріятеля въ смятеніе, опрокинули и преслѣдовали по восточной и южной сторонѣ монастыря. Это дало случай найти устье подкопа, веденнаго подъ монастырь. Двое крестьянъ монастырскихъ взорвали его и сами сдѣлались жертвою сего подвига.

Сраженіе продолжалось весь день, при возобновляемыхъ съ обѣихъ сторонъ усиліяхъ, въ разныхъ направленіяхъ и при обоюдныхъ утратахъ; но кончилось тѣмъ, что воины монастырскіе захватили многочисленныя туры непріятелей на Красной горѣ, взяли восемь большихъ пушекъ, много мелкаго оружія, пуль и пороху, укрѣпленія сожгли и истребили и заставили Салтѣгу удалиться въ свои таборы. Побѣдители возвратились съ тѣлами павшихъ своихъ братій и добычею уже поздно. Первымъ дѣломъ было благодареніе Господу, даровавшему побѣду. Звонъ до полуночи возвѣщалъ ихъ торжество. Быстро разнесшаяся по Россіи вѣсть о семъ славномъ боѣ послужила сильнымъ ободреніемъ для вѣрныхъ сыновъ отечества.

Между тѣмъ внутри лавры открылось новое гибельное зло. Отъ тѣсноты, сырости, недостатка чистой воды и пряныхъ зелій, съ 17 ноября появилась цинготная болѣзнь. Сначала въ сутки умирало челоуѣкъ по десяти, потомъ по пятидесяти, даже иногда по сту. Наконецъ некому стало ходить за болящими. Монастырь наполнился смрадомъ отъ зараженныхъ и умирающихъ. Успенскій соборный храмъ

каждый день наполнялся умершими. Оскудѣли священники отъ непрестаннаго хожденія за больными и умирающими. Не столько война, сколько эта губительная болѣзнь до того уменьшила число защитниковъ, что нельзя уже было думать попрежнему о частыхъ вылазкахъ. Помощи ни откуда не было. Положеніе осажденныхъ становилось весьма затруднительнымъ.

Въ мартѣ осажденные получили нѣкоторый отдыхъ со стороны враговъ. Лисовскій отлучился; оставшіеся враги, не тревожа монастыря, заключились въ лагерь. Но во время отдыха многіе слишкомъ забылись. Недостойные воины предались невоздержанію и другимъ безчиніямъ; пользуясь трапезою монастырскою, они требовали еще себѣ урочнаго хлѣба для продажи и ссорились съ трезвенными иноками, которые, сами довольствуясь на трапезѣ только хлѣбомъ и водою, отказывали въ удовлетвореніи ихъ прихотей. Напрасны были увѣщанія архимандрита Іоасафа. Стрѣльцы жаловались на него царю, что не даетъ имъ продовольствія, и отказывались выходить на вылазки.

Спасительнымъ исправителемъ неустройствъ явился самъ преп. Сергій. Однажды, когда воины, побѣжденные страстями, съ робостію шли на брань противъ Поляковъ, приступавшихъ къ стѣнамъ, встрѣтилъ ихъ мужъ святолюбивый, идущій отъ надворной церкви чудотворца Сергія, и грозно сказалъ имъ: „что вы трепещете! Если и никто изъ васъ не останется въ живыхъ, Господь не предастъ святого мѣста сего. Не будетъ услышано во вразѣхъ, яко плѣнникомъ обитель Пресвятыя Троицы. Скажите въ обители, что нечисто живущіе во святомъ мѣстѣ семь погибнуть: Господь не нечестивыми спасетъ мѣсто сіе, но имени ради Своего, безъ оружія избавитъ“.

Архимандритъ Іоасафъ, для прекращенія смертоноснаго недуга, 8 мая положилъ устроить въ храмѣ Пресвятыя Богородицы придѣлъ по древнему обычаю—для испрошенія чрезвычайной помощи Божіей строить обыденныя церкви. И 9 мая, въ день святителя и чудотворца, дѣйствіе болѣзни примѣтно сократилось. Еще не оправившись и не собравшись съ силами, осажденные должны были вынести новый сильный приступъ: 28 іюня они замѣтили въ станѣ Сапѣги и Лисовскаго необыкновенное движеніе и готовились отразить непріятеля. Будучи скудны числомъ и средствами, они кипятили варъ, сѣру, смолу, таскали известь и камни на стѣну и вечеромъ всѣ стали на стѣнѣ для стражи и защиты,—мужчины и женщины. Иноки Аѳанасій Ощеринъ, Паисій Литвинъ, Гурій Шишкинъ приняли начальство надъ горстію оставшихся защитниковъ. Когда смерклось, непріятель сталъ подвозить лѣстницы и стѣнобитныя орудія, и пальбою изъ пушекъ на Красной горѣ открытъ былъ жестокой приступъ; Поляки и Литовцы лѣзли на стѣну, но вездѣ были отбиваемы оружіемъ, камнями, известью, смолою, варомъ. Приступъ продолжался съ перваго часа ночи до перваго часа дня. Въ то время, какъ одни сражались въ стѣнахъ, другіе въ храмахъ молились. И къ утру враги со стыдомъ и съ по-

терею стѣнобитныхъ орудій и множества людей принуждены были отступить, хотя въ обители оставалось уже весьма мало защитниковъ ²³).

Около того же времени преп. Сергій исцѣлилъ одного больного старца въ обители и притомъ сказалъ ему: „Не такъ гнусенъ мнѣ смрадъ мірянъ согрѣшающихъ блудомъ, какъ иноковъ, нерадящихъ о своемъ обѣщаніи; и подѣ стѣнами обители моя всѣхъ пришедшихъ враговъ истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущихъ погублю же, и со осквернившимися управляю“.

Примѣтимъ здѣсь, какъ многообразно вдругъ дѣйствовалъ чудотворецъ Сергій: и враговъ устрашалъ, и находящихся въ опасности ободрялъ, и болящихъ врачевалъ, и маловѣрныхъ исправлялъ, и всѣхъ иноковъ поучалъ такимъ поученіемъ, которое и нынѣ должно еще звучать въ ушахъ нашихъ ²⁴).

При слухѣ объ успѣхахъ Скопина-Шуйскаго, Сапѣга удалился отъ монастыря, оставивъ подѣ стѣнами нѣсколько ротъ для наблюденія. Но послѣ несчастной битвы подѣ Калязинымъ, разбитый еще разъ княземъ Михаиломъ подѣ Александровымъ 18 октября, принужденъ былъ возвратиться въ свой лагерь. Въ это время спаситель отечества Скопинъ-Шуйскій, для охраненія монастыря, послалъ отрядъ въ 900 человекъ. Наконецъ Валуевъ, посланный княземъ Михаиломъ съ 500 человекъ, для обозрѣнія непріятели, соединясь съ прежде присланнымъ отрядомъ, ударилъ на Сапѣгу; Поляки и Литовцы были опрокинуты въ свои таборы и лагерь ихъ зажженъ. Много было пролито крови на Красной горѣ, на прудѣ Келарскомъ, на Волушкѣ и Клементьевскомъ полѣ; но это уже въ послѣдній разъ.

Наконецъ 12 января 1610 г. Сапѣга обратился въ бѣгство, почти 16 мѣсяцевъ продержавъ монастырь въ осадѣ безъ успѣха; въ продолженіе недѣли иноки еще не рѣшались вѣрить, что враги оставили ихъ навсегда; но 20 числа отправили старца Макарія въ Москву къ царю съ извѣщеніемъ о милости Божіей и съ святою водою, окропивъ ею напередъ стѣны монастыря ²⁵).

Архимандритъ Іоасафъ, старецъ, теплыми молитвами и попечительностію содѣйствовавшій спасенію обители, утомленный бѣдами и опасностями, вскорѣ послѣ окончанія осады удалился въ Пафнутіевъ монастырь, изъ котораго взять былъ въ настоятели лавры. Но когда Пафнутіевъ монастырь взять былъ врагами, тогда вмѣстѣ съ прочими иноками умерщвленъ и сей доблестный старецъ, которому напрасно грозилъ смертію Сапѣга въ стѣнахъ Сергіева монастыря ²⁶). Преемни-

²³) По увѣренію келаря Авраамія, во время этого послѣдняго приступа «въ обители чудотворца болѣе 200 человекъ не бѣше».

²⁴) Подлинныя слова изъ «Житія преп. Сергія послѣ смерти» (стр. 62).

²⁵) Освобожденіе лавры отъ осады торжествовала съ нею вся Россія. Въ обители память благодѣянія Божія увѣковѣчена установленіемъ крестнаго хода по стѣнамъ монастыря въ тотъ день, когда Сапѣга бѣжалъ отъ монастыря.

²⁶) Въ одномъ изъ синодиковъ лаврскихъ при имени архимандрита Іоасафа отмѣчено: «убитъ въ Пафнутіевѣ». О взятіи обители преп. Пафнутія Лахами и измѣнниками мы уже говорили въ этой главѣ.

комъ его былъ преп. Діонисій. Уроженецъ города Ржева, онъ въ мѣрѣ именовался Давидомъ; по желанію родителей вступилъ въ супружество; „за благочестіе“ удостоенъ сана священства, но вскорѣ лишился супруги и вступилъ въ Старицкій Богородичный монастырь; около 1605 г. возведенъ въ санъ архимандрита того же монастыря. Въ смутное время царя Василія Іоанновича Шуйскаго онъ особенно обратилъ на себя вниманіе патріарха Гермогена, такъ что въ послѣднее время неотлучно при немъ находился²⁷⁾. Царь имѣлъ въ немъ одного изъ ревностныхъ защитниковъ своего престола. Когда Іоасафъ оставилъ Троицкую обитель, царь и патріархъ ввѣрили управленіе ея преп. Діонисію.

Обитель Сергіева, послѣ продолжительной осады, требовала отъ своихъ властей ревностныхъ заботъ для возстановленія ея благосостоянія, но бѣдствующее отечество призывало ихъ еще къ новымъ усиліямъ и пожертвованіямъ. Обитель предлагала кровь, пищу и врачеваніе лишеннымъ крова и изувѣченнымъ отъ враговъ. Архимандритъ Діонисій убѣждалъ братію и слугъ монастырскихъ служить бѣдствующимъ, кто чѣмъ можетъ; приказалъ устроить страннопримные дома и больницы въ подмонастырскихъ слободахъ и селѣ Клементьевѣ. Братія согласилась довольствоваться на трапезѣ овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлѣбъ для раненыхъ. По окрестнымъ лѣсамъ и дорогамъ разсылаемы были люди собирать изнемогшихъ отъ ранъ и мученій и приводить въ обитель, или погребать умершихъ. Старець Дорошеѣ, келейникъ преп. Діонисія, днемъ и ночью, разносилъ отъ него больнымъ и раненымъ платье, полотенца, деньги. Такое пособіе страждущимъ оказывала обитель во все то время, около полутора года, пока Москва боролась съ Поляками. Келарь Симонъ полагаетъ въ это время болѣе 7.000 умершихъ и до 500 оставшихся при обители во многихъ службахъ: по сему можно судить, какъ велико было число всѣхъ воспользовавшихся пособіями отъ обители.

Такъ дѣйствовали служители православной Церкви Русской въ тяжкую годину искушенія и гибели! Чистая и пламенная молитва, твердая вѣра, единодушные подвиги самоотверженія и мученичества могли ли не привлечь къ себѣ всесильной помощи Бога-Спасителя, Который изрекъ нѣкогда Своими устами: „гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ?“ Безъ сомнѣнія, Самъ Господь-человѣколюбець невидимо присутствовалъ посреди вѣрныхъ рабовъ Своихъ, когда они жертвовали всѣмъ, даже жизнію, для со-

²⁷⁾ Патріархъ Гермогенъ ставилъ Діонисія въ примѣръ другимъ. «Смотрите—говорилъ онъ—на старицкаго архимандрита; никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ». Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха, увѣщавалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы. (Исторія Россіи Соловьева VIII, 439).

храненія православія, для спасенія отечества. И теперь, при преобладаніи Ляховъ и измѣнниковъ, какъ нѣкогда подъ игомъ Монголовъ, нечеловѣческія силы удержали Россію отъ гибели: теперь, какъ и тогда, Церковь спасла государство!

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этой непреложной истинѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на продолженіе событій, описанныхъ нами въ предыдущей главѣ. По избраніи Владислава на Русскій престолъ, Дума боярская рѣшилась призвать гетмана Жолкѣвскаго съ польскими войсками и поручить врагамъ охраненіе столицы. Среди бояръ, частью измѣнниковъ, предавшихся Ляхамъ, частью робкихъ и своекорыстныхъ, среди черни, объятой безначаліемъ и развратомъ, бодрствовалъ на стражѣ Церкви и отечества только одинъ старецъ, ветхій и слабый тѣломъ, но несокрушимо твердый духомъ—первосвятитель Гермогенъ. Зная (черезъ Филарета и Голицына) намѣренія Сигизмунда и козни иезуитовъ, онъ разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги польскому королевичу и разослалъ грамоты по городамъ, призывая православныхъ на защиту вѣры и государства. Первый возсталъ по зову патріарха и пошелъ къ Москвѣ со своею дружиною, Рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Но не ему, прежнему слугѣ самозванца и заклятому врагу царя Василія, судилъ Промыслъ Божій спасти отечество: чистое дѣло требовало людей чистыхъ ²⁸⁾.

Боярская Дума убѣждала патріарха успокоить народъ, сильно взволнованный вѣстію о походѣ рязанцевъ. Въ особенности наглый измѣнникъ Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Гермогенъ не позволялъ ополчаться Ляпунову. „Не велю, — отвѣчалъ патріархъ, — если увижу крещеннаго Владислава и Ляховъ выходящихъ изъ Москвы; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги“. Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ; Гермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: „сіе знаменіе противъ ножа твоего и да взыдетъ вѣчная клятва на главу твою!“ И обратясь къ князю Мстиславскому, который, по знатности рода, занималъ первое мѣсто въ Думѣ, тихо примолвилъ: „ты начальныи; тебѣ первому должно пострадать за вѣру и правду; по если соблазнишься кознями сатанинскими, то истребитъ Господь корень твой отъ земли живыхъ и христіанской кончины не сподобишься“ ²⁹⁾. Между тѣмъ, по грамотамъ первосвятителя, одинъ за другимъ поднимались города Русскіе; народъ Московскій съ петерпѣніемъ ждалъ избавителей и замышлялъ гибель Ляховъ. Еще разъ бояре заклинали Гермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ ополчившимся воеводамъ, чтобы они шли назадъ и распустили войско. „Ты далъ имъ оружіе въ руки, — говорилъ Салтыковъ, — ты можешь и смирить ихъ“. „Все смирится, — отвѣтствовалъ патріархъ, — когда вы, измѣнники, съ своею Литвою исчезнете, но въ

²⁸⁾ Ляпуновъ былъ убитъ подъ Москвою казаками.

²⁹⁾ Проклятіе первосвятителя видимо отяготѣло надъ измѣнникомъ и его потомствомъ; предсказаніе о прекращеніи рода Мстиславскихъ также вскорѣ исполнилось.

царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь латинскимъ пѣніемъ (Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу), благословляю достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и церкви“. Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенство; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ недѣлю Ваіѣ велѣли или дозволили Гермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ этотъ день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай-городъ и Кремль—быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго. Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ: узду его ослати держалъ, вмѣсто царя, одинъ изъ бояръ; за нимъ шло нѣсколько сановниковъ,—унылыхъ, мрачнымъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ внезапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго. День прошелъ мирно; такъ же и слѣдующій. Но во вторникъ на Страстной педѣлѣ вспыхнуло народное возстаніе, кровь полилась рѣкою, запылалъ пожаръ. Ляхи, обративъ въ пепель Бѣлый и Земляной городъ и предмѣстія, заперлись въ Китай-городѣ и Кремлѣ. Тамъ вмѣстѣ съ боярами-измѣнниками праздновали Свѣтлое Воскресеніе и молились за царя Владислава, съ іерархомъ, достойнымъ такой паствы—Игнатіемъ, котораго вывели изъ Чудовской обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Гермогена на Кирилловскомъ подворьѣ. Одинъ среди враговъ неистовыхъ и гнусныхъ измѣнниковъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — великій святитель Божій въ темной кельѣ сіялъ добродѣтелью, какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ народѣ жизнь и ревность къ великому дѣлу. Еще пытались склонить старца, изнуреннаго постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, чтобы онъ отмѣнилъ возстаніе городовъ на защиту Москвы. Отвѣтъ святителя былъ готъ же: „пустъ удалятся Ляхи!“ Грозили ему злою смертію,—старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: „боюся Единаго, тамъ живущаго!“ Невидимый для паствы своей, великій іерархъ сообщался съ нею молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества и тайно, изъ глубины сердца, пылавшаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ. Наконецъ, видя непреклонность старца-первосвятителя, Ляхи и измѣнники заключили его въ Чудовъ монастырѣ и уморили голодомъ ³⁰⁾. Старецъ-святитель, иста-

³⁰⁾ О кончинѣ святѣйшаго патріарха Гермогена въ одной рукописи (Сборникъ Румянц. Музея въ 4-ку, XVII в., № 364, л. 324 об.) сказано такъ: «Немилостивіи приставники из-

явая и угасая, подобно догорающей лампадѣ предъ ликомъ Господнимъ, до послѣдняго вздоха возсылалъ крѣпкую молитву къ Богу объ избавленіи отечества и предалъ духъ свой небесному Пастыреначальнику 17 февраля 1612 года, оставивъ въ наслѣдіе разоренной Москвѣ свои нетлѣнные, священномученическія мощи ³¹⁾.

Умолкъ голосъ пастыря, призывавшій вѣрную паству на защиту отечества. Но оплотомъ Россіи была лавра Сергіева: оттуда разсылались по всѣмъ городамъ и полкамъ увѣщательныя грамоты, призывающія къ очищенію земли. Въ одной изъ этихъ грамотъ архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ писали такъ: „Вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію — святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ Св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молитесь служивыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и иныхъ, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ, гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? гдѣ иноки сѣдинами цвѣтушіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Помните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ та же лютая смерть не постигла. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите это все на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось“.

мѣннички заморилъ его голодомъ. Меташа бо страдалцу Христову не человѣческую пищу — на недѣлю снопъ овса и мало воды. И тако претерпѣ близъ годичнаго времени и скончался о Христе, предаде честную свою душу въ руки Божіи въ лѣто 7121 (1612) февраля въ 17 д. и погребенъ бысть тамо въ Чюдовъ монастырѣ». — Эти подробности о страдальческой кончинѣ святѣйшаго патріарха Гермогена здѣсь въ первый разъ являются въ печати.

³¹⁾ Мощи священномученика Гермогена, въ 1653 году, при перенесеніи ихъ въ Успенскій соборъ, были обрѣтены нетлѣнными и потому положены поверхъ помоста, въ ящикѣ, обитомъ фіолетовымъ бархатомъ, подлѣ мѣднаго шагра, построеннаго для Ризы Господней. Въ 1812 году враги-грабители извлекли ихъ изъ ящика, думая, что тамъ скрыты сокровища; по изгнаніи Наполеоновыхъ полчищъ изъ Москвы, мощи святителя Божія найдены на полу храма, въ прежнемъ полномъ нетлѣніи. Онѣ почиваютъ и теперь на томъ же мѣстѣ, въ томъ же ящикѣ.

Дружины изъ 25 городовъ стояли уже подъ Москвою, но, къ несчастію, между защитниками отечества господствовало несогласіе: воеводы не слушались другъ друга, и разныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть важнаго успѣха ³²⁾.

Но Троицкія грамоты не оставались безъ дѣйствія: народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человекъ; непрерывный рядъ смуть и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанию необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе,—„воры“. Явились признаки сознания и необходимости нравственнаго очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, обратился всѣмъ сердцемъ къ высшему духовному міру, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писалось, что въ Нижнемъ-Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человеку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдывать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полночи: видѣлъ онъ, какъ съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдію о покаяніи и очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было подобное видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься—отъ пищи и питья воздерживаться три дня, даже съ грудными младенцами; и по приговору, и по своей волѣ православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли и не пили, въ четвергъ и въ пятницу ѣли одинъ хлѣбъ. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Мы видѣли, что еще царь Василій (Шуйскій) думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха произнесли отпущеніе народу отъ грѣха недавнихъ клятво-преступленій; но тогда покаяніе совершалось по предначинанію правительства, а не по всеобщему убѣжденію; теперь же народъ путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія. „Православные христіане постились,—говоритъ грамота—по своему изволенію“.

Одна изъ грамотъ Троицкихъ получена была въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда прочли ее въ соборѣ, земскій староста Козьма Мининъ-

³²⁾ Въ станѣ Русскихъ, осаждавшихъ Москву, по смерти Ляпунова, было два главныхъ начальника: люди чиновные и пришельцы изъ Тушинскаго стана выбрали князя Дмитрія Трубецкаго, а грабители казаки—атамана Заруцкаго. Трубецкой, сверхъ знатности, имѣлъ еще и нѣкоторыя благородныя свойства, стараясь оказать себя достойнымъ высокаго сана; Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ боярство въ Тушинѣ, имѣлъ одну смѣлую предприимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества.

Сухорукій объявилъ, что онъ удостоенъ былъ явленія великаго чудотворца Сергія. Бывшее ему видѣніе состояло въ слѣдующемъ: однажды, въ уединенной храминѣ, куда Козьма удалялся по временамъ для молитвы, „явился ему преп. Сергіи и повелѣлъ собирать казну для военныхъ людей и идти для очищенія государства Московскаго отъ враговъ. Пришедъ въ себя, Козьма былъ въ великомъ страхѣ, но ни на что не рѣшился, думая, что устройство войска не его дѣло. Видѣніе повторилось: но онъ опять остался въ бездѣйствіи. По краткомъ времени преподобный явился ему въ третій разъ, возобновилъ свое повелѣніе съ прещеніемъ и присовокупилъ, что есть изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ помиловать православныхъ христіанъ и отъ великаго смятенія привести въ тишину; что старѣйшіе въ городѣ не столько войдутъ въ поручаемое Козьмѣ дѣло, сколько младшіе, и что начинаніе ихъ приведетъ къ доброму окончанію. Сіе послѣднее видѣніе оставило Козьму не только въ трепетѣ, но и въ нѣкоторой болѣзни; почему онъ раскаялся въ своемъ небреженіи, рѣшился приступить къ исполненію повелѣннаго и думалъ, какъ бы начать дѣло ³³⁾. На сходѣ гражданъ Нижегородскихъ Мининъ предложилъ: „Если захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“. Послѣ того начались частыя сходки; Мининъ продолжалъ свои увѣщанія. „Что же намъ дѣлать?“ спрашивали его.—„Ополчаться“, отвѣчалъ Мининъ: „сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь кликать по вольныхъ служилыхъ людей“.—„Будь такъ, будь такъ!“—закричали всѣ. Начался сборъ, всякій жертвовалъ, что могъ; иные отдавали послѣднее „для великаго земскаго дѣла“. Пришла одна вдова и сказала: „осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ“. Но прежде, чѣмъ скликать ратныхъ людей, надо было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло, и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему Печерскій архимандритъ Θεодосій, дворянинъ Жданъ Петровичъ Болтинъ, да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: „Радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберете прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну собирать“. Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого чело- вѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: „Есть у васъ Кузьма Мининъ, былъ онъ чело- вѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай“.

³³⁾ «Нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти». Мы приводимъ здѣсь полныя слова нашего незабвеннаго архипастыря, покойнаго митр. Филарета (стр. 69).

Когда посланные возвратились и объявили Нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Козьмѣ, чтобъ принялся за дѣло: „Соглашусь,—говорилъ онъ,—если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги“. Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Козьма взялъ его и отправилъ къ Пожарскому.

Собранное ополченіе двинулось къ Ярославлю, чтобы забрать по пути дружины другихъ городовъ. Проходя съ княземъ Пожарскимъ и съ воинствомъ къ Москвѣ мимо Сергіевой обители и совершая въ ней молебное пѣніе, Мининъ самъ объявилъ архимандриту Діонисію о бывшихъ ему явленіяхъ преп. Сергія. 18 августа 1612 года, на горѣ Волкушѣ (въ 4 верст. отъ лавры), архимандритъ Діонисій благословилъ христоролюбивое воинство на брань за вѣру и отечество. Къ успокоенію недовѣрjавшихъ успѣху дѣла, вѣтеръ, дотолѣ противный, сдѣлался попутнымъ воинству, и всѣ двинулись съ надеждою къ Москвѣ. Келарь Авраамій пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Но и соединившіеся подъ Москвою князья Трубецкой и Пожарскій дѣйствовали неединодушно, потому что послѣдній не могъ вполне довѣриться первому, а еще болѣе Заруцкому съ его казаками. Изъ обители писали къ нимъ о мирѣ. Келарь Авраамій переходилъ изъ стана въ станъ, то склоняя несогласныхъ воеводъ ко взаимному вспоможенію, то ободряя въ самыхъ сѣчахъ именемъ Сергія, то убѣждая казаковъ не отдѣляться отъ воинства. Чтобы удовлетворить корыстолюбивыхъ, обитель предложила казакамъ послѣднія свои сокровища—священныя ризы, низанныя жемчугомъ. Но никто не дерзнулъ коснуться святини, и всѣ единодушно общались не отступать отъ столицы, доколѣ не освободятъ ее.

Не станемъ исчислять подробностей очищенія Москвы отъ враговъ: ляхи, запертые въ Китай-городѣ, не получая помощи отъ своего короля ³⁴⁾ и томимые голодомъ, стали ѣсть человѣческое мясо и трупы; 22 октября Русскіе сдѣлали сильный приступъ на Китай-городъ. Голодные поляки не могли обороняться и заперлись въ Кремлѣ. Пожарскій и Трубецкой вошли въ Китай-городъ съ Казанскою иконою Богородицы, которая находилась въ Русскомъ станѣ, и тогда же дали обѣщаніе построить въ память этого дня церковь во имя иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія ³⁵⁾. Взявъ Китай городъ, Русскіе окружили Кремль. Но Поляки уже не думали защищаться. На другой же день они прислали просить милости и пощады, сдавались военно-

³⁴⁾ Король, поздно рѣшившись идти къ Москвѣ, дошелъ только до Волока-Ламскаго, и, потерявъ надежду завладѣть столицею, пустился обратно въ Польшу.

³⁵⁾ Въ память взятія Китай города учреждено второе празднованіе, 22 октября, въ честь Казанской иконы Богоматери. Обѣтныя храмы сооружены въ 1630 году иждивеніемъ князя Д. М. Пожарскаго на углу Никольской улицы и Красной площади. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ Казанскаго собора.

плѣнными, вымаливали себѣ только жизнь. Пожарскій далъ отъ себя обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча. Наконецъ наступило время освобожденія Москвы: ночью подѣ 25 октября великій заступникъ земли Русской, препод. Сергій чудотворецъ, явился Арсенію, архіепископу Елассонскому ³⁶⁾, томившемуся отъ голода и болѣзни въ осажденномъ Кремлѣ, среди враговъ, и сказалъ ему: „Встань и иди въ срѣтеніе православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы, Господь очистилъ царствующій градъ отъ враговъ“ ³⁷⁾. Въ слѣдующее утро вѣрная Русская рать торжественно вступила въ Кремль. Земское войско, предводимое Пожарскимъ и Мининымъ, собралось подлѣ церкви Іоанна Милостиваго, на Арбатской площади, а войско Трубецкого за Покровскими воротами. Съ двухъ этихъ концовъ пошло впереди духовенство съ крестами, иконами и хоругвями: за нимъ двигались войска. Оба крестные хода сошлись въ Китай-городѣ на Лобномъ мѣстѣ. Во главѣ духовенства былъ преп. архимандритъ Діонисій, прибывшій изъ своей обители нарочно для такого великаго торжества вѣры и земли Русской. Изъ воротъ Флоровскихъ вышло духовенство, находившееся въ Кремлѣ, съ архіепископомъ Арсеніемъ, получившимъ исцѣленіе отъ преп. Сергія. Духовенство вошло въ Кремль, за нимъ посыпала туда ратная сила, и въ Успенскомъ соборѣ совершено было благодарственное молебствіе о избавленіи царствующаго града, очищеннаго отъ враговъ чистою вѣрою и любовію къ отечеству.

Припомнимъ слова нашего приснопамятнаго святителя: „Прославляютъ любовь къ отечеству. Прославленіе справедливое и полезное! Богъ да умножитъ въ отечествѣ нашемъ людей достойныхъ такого прославленія! Но славя любовь къ отечеству, не забудемъ отдать должную славу благочестію, помощи Божественной, молитвамъ небесныхъ гражданъ о земномъ отечествѣ. Любовь къ отечеству возбуждается, дѣйствуетъ и преуспѣваетъ только тогда, когда она одушевляется благочестіемъ, когда руководствуется и утверждается помощію свыше“ ³⁸⁾.

Москва была очищена, но престолъ царскій оставался еще празднымъ; буйныя ватаги Ляховъ, казаковъ-грабителей и Русскихъ измѣнниковъ еще неистовствовали по городамъ и селеніямъ. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что „Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ

³⁶⁾ Арсеній, ученый грекъ, бывшій архіепископъ города Елассона въ Фессалии, оставался въ Москвѣ, какъ кажется, съ 1589 года. Въ 1613 году онъ получилъ кафедру въ Суздалѣ, гдѣ и скончался въ 1625 году. Тѣло его погребено въ Суздальскомъ соборѣ.

³⁷⁾ Прологъ подѣ 22 октября.

³⁸⁾ Слова приснопамятнаго митроп. Филарета («Нѣкоторые черты житія преп. Сергія послѣ смерти», стр. 71).

и людьми Божиими промышлять некому; и потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всё духовныя власти прибыли къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, посколькѣ человекъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія всё города прислали бы въ Москву“. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго Русскаго? И порѣшили: „Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и ни которыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры и не Греческаго закона на Московское государство не избирать, потому что Польскаго и Нѣмецкаго королей видѣли на себѣ неправду, и крестное преступленье, и мирное нарушенье. Литовскій король Московское государство разорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ“. Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волпенія. Однажды, говорить хронографъ ³⁹⁾,—какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всёхъ по родству съ прежними царями Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: „кто принесъ такую грамоту, кто, откуда? Въ это время выходитъ Донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. „Что это ты подаль, атаманъ?“—спросилъ его князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. „О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“,—отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе поданное дворяниномъ и Донскимъ казакомъ сильно подѣйствовало на избирателей. Но еще не всё выборныя находились въ Москвѣ. Знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разѣхались изъ Москвы; имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные. 21 февраля 1613 года, въ недѣлю Православія, т.-е. первое воскресенье Великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подаль письменное мнѣніе, и всё эти мнѣнія найдены сходными, всё чины указывали на одного человека—Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ пошли на лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь: кого они хотятъ въ цари? Народъ единогласно воскликнулъ: „Михаила Ѳеодоровича Романова!“ Тогда Авраамій Палицынъ сказалъ: „Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога!“

³⁹⁾ Исторія Россіи проф. Соловьева, т. VIII, стр. 460.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Графа М. Толстаго.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Воцареніе Михаила Романова.—Подвигъ Сусанина.—Возвращеніе изъ плѣна митрополита Филарета.—Дѣятельность его въ санѣ патріаршемъ: народная перепись; патріаршіе приказы; исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Труды и страданія преп. Діонисія.—Учрежденіе сибирской епархіи.—Сношенія съ Грузіей.—Принесеніе ризы Господней въ Москву.—Преставленіе Филарета.—Отношенія его къ папству и протестантству.—Патріархи Іоасафъ I и Іосифъ.—Кончина царя Михаила.

Слово Авраамія Палицына, при единодушномъ избраніи на царство Михаила Романова: „Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога“—оказалось вѣщимъ и сбылось на дѣлѣ. Новый царь, „излюбленный всею землею“, сталъ залогомъ успокоенія церкви и государства. При ближайшихъ потомкахъ Михаила укрѣпилось царство Русское, и до наш хъ дней, по милости Божіей, на престолѣ обширной и сильной Имперіи сіяютъ доблестями и славою державныя отрасли дома Романовыхъ.

Провозгласивъ царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, Земскій Соборъ назначилъ ѣхать къ нему „въ челобитчикахъ“: Ѳеодориту, архіепископу Рязанскому, съ Владимірскою иконою Богоматери и образомъ Московскихъ чудотворцевъ, троимъ архимандритамъ—Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, Троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ, боярамъ—Ѳеодору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владиміру Ивановичу Бохтеярову-Ростовскому съ нѣсколькими окольничими, стольниками и выборными людьми изъ городовъ. Посольство выѣхало изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила.

Между тѣмъ послы Земскаго Собора прибыли въ Кострому и 14 марта, поднявъ иконы, принесенныя изъ Москвы, и чудотворную Ѳеодоровскую икону Богоматери, изъ Костромскаго Успенскаго собора, пошли все съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ избранный царь съ матерью, инокинею Мареею Ивановною. Они встрѣтили образа за монастыремъ; но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ: „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“, что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Мареею приба-

вила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты отъ Собора и говорили рѣчи по наказу, но получили прежній отвѣтъ; Марѳа говорила, что у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всяческихъ чиновъ люди по грѣхамъ „измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили“; что Михаилу быть на государствѣ, а ей благословить его на государство только на гибель; кромѣ того, отецъ его, митрополитъ Филаретъ, теперь у короля въ Литвѣ въ большемъ утѣсненіи, и враги, свѣдавъ объ избраніи сына его на царство, могутъ погубить Филарета. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презиралъ: выбрали его по изволенію Божию, не по его желанію, положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. Все прежнее зло, говорили они, дѣлалось попусценіемъ Божиимъ, да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ, во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства „люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ“. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часу дня до девятого, говорили, чтобъ онъ воли Божіей „не спималъ“ и былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Богъ взыщеть на немъ конечное разоренье государства. Наконецъ священныя чины, подъявъ на рукахъ честныя кресты и чудотворныя иконы, подошли съ ними къ Михаилу, и Теодоритъ съ твердостію сказалъ: „не противься волѣ Божіей: не мы предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія Матерь возлюбила тебя,—устыдись пришествія Ея“. Смутился Михаилъ отъ неожиданной, строгой святительской рѣчи, въ которой мнилъ слышать гласъ самого Бога; твердость его поколебалась: онъ подошелъ въ слезахъ къ матери, чтобы въ ней найти себѣ подкрѣпленіе; но въ то же время Теодоритъ со всѣмъ соборомъ и бояре съ выборными отъ всѣхъ родовъ, и народъ пали на колѣна предъ инокинею Марѳою Ивановною, рыдая и умоляя ее именемъ Бога, Церкви и страждущаго отечества—отдать сына на утѣшеніе народа Русскаго, на спасеніе церкви, вѣры и отечества. „Смотри, говорили они въ слезахъ, указывая на чудотворныя иконы, кто желаетъ сего, кто пришелъ привѣтствовать тебя съ избраннымъ царемъ — сыномъ твоимъ“. Наконецъ благочестивая инокиня съ твердостію сказала сыну: „Божіе есть сіе дѣло, а не чловѣческій разумъ“. Тогда сынъ повергся на землю предъ чудотворными иконами Богоматери и, рыдая, произнесъ: „аще есть на то воля Твоя, я—Твой рабъ, спаси и соблюди меня“. Потомъ, вставши и обратившись къ посламъ, сказалъ: „аще есть на сіе дѣло воля Божія, буди тако“. Затихли въ храмѣ рыданія; на лицахъ присутствовавшихъ въ немъ

слезы печали превратились въ слезы радости; вѣсть о милостивомъ словѣ новаго царя мгновенно перелетѣла за стѣны храма и вложила въ сердца всѣхъ восторгъ невыразимый. Благочестивая старица взяла руку сына и, вмѣстѣ съ нимъ преклонивъ колѣна предъ ликомъ Заступницы рода христіанскаго, со слезами изрекла: „въ Твои пречистыя руки, Владычице, предаю чадо мое, настави его на путь истинный, устрой полезная ему и всему православному христіанству“ ¹⁾. Тотчасъ возложили на государя животворящій крестъ, поднесли царскій жезлъ и предложили стулъ царскій. Самодержецъ всея Россіи слушалъ Божественную литургію и торжественное молебствіе, при окончаніи котораго возглашено было многолѣтственное поздравленіе царю богоизбранному. Такъ совершилось воцареніе Михаила Ѳеодоровича въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ въ 14 день марта 1613 года, съ того самаго времени доселѣ торжественно празднуемый Церковію въ честь Ѳеодоровскія иконы Богоматери.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства „наказались“ и пришли въ соединеніе—эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди Московскаго государства научились, что значить „рознь и шатость“, развязывающія руки измѣнѣ. Земскіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство и отнынѣ могутъ уже поддерживать новаго государя. Казны нѣтъ и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими казаками, не знающими мѣры своему буйству; Заруцкій грозитъ съ юго-востока, Шведы и Поляки—съ запада; новый государь—неопытный, мягкосердечный юноша, около котораго нѣтъ людей сильныхъ умомъ и доброю волею, и, несмотря на все это, Михаилъ удержался на престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ подлѣ царя видимъ Соборъ Земскій, одушевленный тою же ревностію, съ какою „последніе люди“ шли на очищеніе государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго государственный порядокъ, до какой степени лучшіе люди наказались въ этомъ отношеніи, доказалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы послѣ сдачи Кремля, жилъ въ отчинѣ своей близъ Костромы, отрядъ Поляковъ (какъ говоритъ грамота, но по всей вѣроятности воровскихъ казаковъ, ибо Поляковъ уже не было тогда въ этихъ мѣстахъ), узнавъ объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлью умертвить нежеланнаго имъ возстановителя государственнаго порядка. Враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показа-

¹⁾ Сказаніе Авраамія Палицына, стр. 298.

ніе, гдѣ скрывался Михаилъ. Сусанинъ зналъ, но не сказалъ, и былъ замученъ до смерти ²⁾).

Царское вѣнчаніе Михаила совершилось въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 11 іюля; въ священномъ обрядѣ первенствовалъ Ефремъ, митрополитъ Казанскій ³⁾).

И дума и дворъ въ первые годы царствованія Михаила находились въ смутномъ положеніи, изобличали беспорядокъ, бывающій обыкновенно слѣдствіемъ сильныхъ бурь: развалины старины слабыя, безпомощныя, лишеныя главныхъ опоръ своихъ, низвергнутыхъ бурей ⁴⁾); подлѣ нихъ нанесенный ураганомъ новый слой, также еще не утвердившійся крѣпко, не вошедшій въ свое новое положеніе. При такомъ неопредѣленномъ состояніи и при отсутствіи твердой руки, которая бы все привела въ порядокъ, каждому дала свое мѣсто, всего легче людямъ энергическимъ, ловкимъ, дерзкимъ, не разборчивымъ въ средствахъ, овладѣть волею другихъ и приобрѣсть видное мѣсто.

Наконецъ нашлась твердая рука для управленія кормиломъ государства. По заключеніи перемирія съ Ляхами и Литвою ⁵⁾ возвратился въ отечество доблестный родитель государя, митрополитъ Филаретъ, измученный долговременнымъ плѣномъ. Послѣ многихъ почетныхъ встрѣчъ на пути подь Москвою, на берегу рѣчки Прѣсни ⁶⁾,

²⁾ Тѣло Сусанина погребено въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, но мѣсто могилы, къ сожалѣнію, забыто. Зятю Сусанину, Богдану Савинину и всему его потомству дарована вѣчная свобода отъ всѣхъ податей, работъ, рекрутства и половина земли принадежащая деревнѣ Деревнищи; а такъ какъ село Домнино съ деревнями, въ томъ числѣ и показанная земля, по кончинѣ инокини Марыи Ивановны, отказаны были Новоспаскому монастырю, то потомкамъ Сусанина дана взамятъ пустошь Коробово на лѣвомъ берегу Волги, отстоящая отъ Костромы въ 35 верстахъ. Они основали на сей землѣ деревню Коробово и донинѣ, пользуясь дарованными имъ правами, называются «бѣлопашпами». Они сохраняютъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, подтвержденныя въ 1692 году царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, а въ 1767 году—императрицею Екатериною II,

³⁾ При вѣнчаніи на царство Михаила сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому; Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне. Яростные споры о мѣстахъ во время самаго торжества доказали, что Московскіе вельможи чувствовали себя столько же независимыми, какъ и въ эпоху междуцарствія.

⁴⁾ Знатнѣйшіе роды боярскіе мало-по-малу выбыли изъ думы: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе, погибли самыя важныя, самыя энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ наверху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе на составъ царской думы.

⁵⁾ Перемиріе съ Польшею на 14 лѣтъ заключено было въ лаврской деревнѣ Деулинѣ, въ 3 верстахъ отъ Троицкой лавры. Черезъ годъ сооруженъ тамъ деревянный храмъ во имя преп. Сергія, «истиннаго миротворца». Эта церковь превосходно, сохранившаяся до нашего времени, сгорѣла въ 1867 году.

⁶⁾ Рѣчка Прѣсня впадаетъ въ р. Москву въ Прѣсенской части города Москвы. Въ наше время этотъ ручей, запруженный плотинами, составляетъ изъ себя два пруда, занимаемые зоологическимъ садомъ.

встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги. Филаретъ сдѣлалъ то же самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не имѣя силъ ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ (14 іюня 1619 г.).

Патріаршій престолъ послѣ Гермогена оставался празднымъ: дожидались Филарета, дожидался его іерусалимскій патріархъ Теофанъ, пріѣхавшій въ Москву за милостынею. вмѣстѣ съ владыками русскими Теофанъ предложилъ патріаршій престолъ Филарету, „зная, что онъ достоинъ такого сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помощатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель“. Посвященіе Филарета послѣдовало 24 іюня.

Съ этого времени начинается въ Москвѣ двоевластіе: было два великихъ государя, Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ ⁷⁾, и это была не одна форма; всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностранные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и тихомъ Михаилѣ. Этою неопытностію и мягкостію молодого царя уже успѣли воспользоваться люди, которымъ, по прежнимъ дѣламъ ихъ, не слѣдовало быть близъ престола. Иначе пошло дѣло, когда пріѣхалъ Филаретъ; нѣкоторые, привыкшіе къ своеволію при молодомъ царѣ, не желали возвращенія его родителя, который долженъ былъ положить предѣлъ этому своеволію; другіе, наоборотъ, были довольны тѣмъ, что съ пріѣздомъ Филарета они избавлялись отъ смутнаго и тяжкаго многовластія ⁸⁾.

Дѣятельность Филарета была обращена преимущественно на дѣла государственныя. Въ самомъ началѣ своего правленія предложилъ онъ мѣру простую, но весьма важную по послѣдствіямъ: произвести всеобщую поземельную перепись государству. Земскій соборъ вполнѣ одобрилъ предложеніе патріарха. Когда составила перепись, правительство стало знать, съ кого и сколько требовать, и доходы государственныя увеличились. Помѣщикамъ опредѣленъ рубежь, за который

⁷⁾ Путешественникъ Олеарій сохранилъ намъ печать Филарета: на одной сторонѣ была изображена Богоматерь, а на другой слѣдующая надпись: «Смиранный Курь Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію Великаго Государя Царя и Вел. Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русси Самодержца по плотскому рожденію отецъ, волею Божіею по духовному чину Пастыръ и Учитель и по духу Отецъ, Святѣйшій патріархъ Московскій и всея Русси».

⁸⁾ Одинъ современникъ (въ хронографѣ митропол. Пахомія 1639 г.) такъ изображаетъ патріарха Филарета: «Божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ мнителенъ, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его. Бояръ же и всякаго сана царскаго синклита зѣло томяше заточенми необратными и инѣми наказаньи; къ духовному же сану милостивъ былъ. Всякими дѣлами царскими и ратными владѣлъ».

никто не могъ простирать своего права; крестьяне перестали бродить съ мѣста на мѣсто и въ нищенской праздности предаваться пьянству и грабёжамъ.

Другимъ важнымъ дѣломъ державнаго первосвященника было учрежденіе патріаршихъ приказовъ. Изъ числа ихъ: а) приказъ судный, иначе патріаршій разрядъ, сталъ завѣдывать всею судебною частью въ значеніи епархіальнаго управления. Предметами завѣдыванія были: 1) дѣла о построеніи церквей; 2) опредѣленіе къ духовнымъ должностямъ, или, точнѣе,—выдача настольныхъ грамотъ; 3) разсмотрѣніе жалобъ на духовенство и духовныхъ лицъ между собою; 4) разсмотрѣніе преступленій противъ вѣры; 5) разсмотрѣніе завѣщаній и судъ по брачнымъ дѣламъ; б) Приказъ церковныхъ дѣлъ, наблюдавшій, чтобы никто не служилъ безъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ и при богослуженіи соблюдалось бы благочиніе. в) Казенный патріаршій приказъ, съ 1620 года, собиралъ доходы съ вотчинъ, посылалъ приказчиковъ, посельскихъ и житничныхъ старцевъ, бралъ пошлыны за грамоты и печать патріарха. г) Дворцовый приказъ, подъ управленіемъ дворецкаго съ дьяками, дѣлалъ заготовленія и расходы по продовольствію и постройкамъ патріаршаго дома и двора и завѣдывалъ служащими при дворѣ патріарха.

Печатаніе книгъ церковныхъ и мѣры къ исправленію ихъ возобновились въ Москвѣ еще до возвращенія Филарета изъ плѣна. Въ ноябрѣ 1616 года, царскимъ указомъ поручено архимандриту Сергіевской лавры Діонисію ⁹⁾, съ канонархистомъ старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и священникомъ села Клементіевскаго (что нынѣ слобода Сергіевскаго посада) Иваномъ Насѣдкою, заняться исправленіемъ Требника. Діонисій и его сотрудники принялись за дѣло, ввѣренное имъ, съ живымъ усердіемъ и не безъ достаточныхъ пособій: кромѣ древнихъ славянскихъ рукописей, были у нихъ четыре греческихъ требника. Арсеній хорошо зналъ славянскую грамматику и языкъ греческій. Съ такими пособіями увидѣли, что позднѣйшіе списки Требника обезображены ошибками; особенно странно было видѣть, что **Требникъ, недавно издаанный**, издавъ былъ съ грубыми ошибками. Исправители сдѣлали, что могли сдѣлать,—по мѣрѣ силъ и убѣжденію своему. Но въ Москвѣ огласили ихъ еретиками. Въ іюлѣ 1618 г. на соборѣ положили: „архимандритъ Діонисій писалъ по своему изволу. И за то архимандрита Діонисія, да попа Ивана отъ церкви Божіей и литургіи служить отлучаемъ, да не священствуютъ“. Діонисія обвинили въ томъ, что „имя Святой Троицы“ велѣлъ въ книгахъ марать и Духа Святаго не „исповѣдуетъ, яко огонь есть“. Это означало: а) что исправители полагали сдѣлать перемѣны въ славословіяхъ Святой Троицы, оканчивающихъ собою разныя молитвы; б) въ чинѣ водоосвященія исключали слово „и огнемъ“, какъ внесенное произволомъ невѣже-

⁹⁾ Въ предыдущихъ «Разказахъ» мы неоднократно упоминали о преп. архимандр. Діонисіи.

ства ¹⁰⁾. Напрасно Діонисій писалъ защищеніе поправкамъ своимъ. Пока происходили совѣщанія собора, Діонисія держали подъ стражею, а въ дни праздничные въ кандалахъ водили по улицамъ Москвы. Народъ кричалъ: „вотъ еретики! хочеть вывести огонь изъ міра“. И бросалъ въ него, чѣмъ попало. Преподобный, покрытый рубищемъ, былъ веселъ, какъ младенецъ. Потомъ въ Новоспасской обители томили его въ дыму на полатахъ и морили голодомъ. Арсеній также посаженъ былъ въ жестокое заключеніе. И цѣлый годъ продолжались истязанія съ Діонисіемъ. Главными обвинителями на соборѣ были: Сергіева монастыря уставщикъ Филаретъ, ризничій диаконъ Маркеллъ, да головщикъ старецъ Логгинъ. Маркеллъ мало извѣстенъ, но весьма извѣстны Логгинъ и Филаретъ. Головщикъ Логгинъ былъ прежде того справщикомъ книгъ при типографіи, и, слѣдовательно, теперь онъ стоялъ за личное свое дѣло. Все его достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ „громогласный пѣвецъ, и хитрость грамматическую и философство книжное нарицалъ еретичествомъ“. „Ты мастеръ всему,— замѣчалъ ему разъ преподобный Діонисій,— а что поешь и говоришь, о томъ не разсуждаешь; вопишь великимъ гласомъ: Аврааму и сѣмени, сѣмени его до вѣка“. Архимандритъ ввелъ читать въ храмѣ бесѣды Златоустаго, переведенныя преподобнымъ Максимомъ Грекомъ,—а Логгину это „море сладости, яко лужа негодная, вмѣняшеся“. Наглость его не знала себѣ границъ, какъ и невѣжество. Уставщикъ Филаретъ былъ другомъ Логгина. Этотъ былъ еще замѣчательнѣе. Онъ иночествовалъ въ обители болѣе 50 лѣтъ, но „отъ простоты ненаученія двѣ мысли мудрованія недобраго на умъ его придоша; первая убо мысль сиеца: глаголаше бо, Господь нашъ Иисусъ Христосъ не прежде вѣкъ отъ Отца родися, но тогда, егда посланъ былъ Архангелъ Гавриилъ благовѣстити пресвятой Дѣвѣ Маріи. Другая же мысль ему бѣ мудрованіе: содѣтеля Бога, непостижимаго и неописаннаго, Отца и Сына и Святаго Духа, описана глаголаше и человѣчеобразна суца“.

Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, прибывъ въ Москву, обратилъ вниманіе любви на страдальцевъ: онъ предложилъ патріарху Филарету облегчить положеніе ихъ; Діонисій и Арсеїй освобождены были изъ темницы; Насѣдка успѣлъ освободиться отъ гоненія еще прежде. Совершенное же оправданіе Діонисію Филаретъ произнесъ не прежде того, какъ получилъ письменный отзывъ отъ другихъ патріарховъ. Тогда (въ 1626 г.) особенною грамотою повелѣлъ онъ не читать болѣе слова „и огнемъ“ въ молитвѣ водоосвященія и зачернить это слово въ Требникѣ. Такимъ образомъ волненіе невѣжества, дышавшаго расколомъ, было укрощено.

Исправленіе и печатаніе книгъ при патріархѣ Филаретѣ продолжалось непрерывно. Преп. Діонисій и сотрудники его указали много

¹⁰⁾ Арсеній Глухой пишетъ, что изъ числа 12 славянскихъ списковъ въ 10 спискахъ не было слова «и огнемъ»; въ одномъ изъ двухъ остальныхъ прописано оно на полѣ, а въ другомъ надъ строкою; но въ печатномъ требникѣ это слово внесено уже въ строку.

ошибокъ въ разныхъ церковныхъ книгахъ. Согласно съ волею патріарха особенно тщательно пересмотрѣны были Требникъ и Служебникъ. Но такъ какъ тревоги невѣжества, заволнававшася изъ-за одного слова, показывали, что весьма нужна осторожность въ дѣлѣ исправленія да и самъ патріархъ Филаретъ стремился болѣе всего охранить Русское отъ иноземнаго, отъ латинства; то въ исправленіи книгъ при немъ слѣдовали преимущественно также славянскимъ спискамъ. Въ 1633 г. окружною грамотою онъ требовалъ отобрать по всѣмъ мѣстамъ и прислать въ Москву для преданія огню уставъ, напечатанный справщикомъ Логгиномъ ¹¹⁾).

Въ то же время обращено особенное вниманіе на распространеніе христіанства между Сибирскими народами. Еще тогда, какъ при царѣ Грозномъ покорена была Сибирь, въ ней стали селиться по мѣстамъ Русскіе; въ 1603 г. уже крестились нѣкоторые изъ начальниковъ Чусовскихъ Вогуличей. Въ 1620 году, по ревностной заботливости патріарха Филарета, положено было, для успѣховъ вѣры, назначить архипастыря въ Тобольскъ; архіепископомъ поставленъ Кипріанъ, игуменъ Хутынской, уже извѣстный ревностію къ отеческой вѣрѣ. Благочестивый царь Михаилъ снабдилъ Сибирскаго архіепископа пособіями жизни. Ревностный архипастырь выполнялъ надежды царя и патріарха, крестилъ многихъ невѣрныхъ въ св. вѣру; а чтобы и жизнь христіанъ не была соблазномъ для слабыхъ въ вѣрѣ, онъ старался врачевать то сильное разслабленіе нравовъ, какое видно было въ Русскихъ поселенцахъ того края. Это стоило ему многихъ трудовъ и огорченій. Для успѣховъ вѣры и благочестія построилъ онъ нѣсколько монастырей въ разныхъ мѣстахъ своей епархіи ¹²⁾).

Заботы первосвятителя обращались и на бѣдственную, отдаленную Иверію. Персидскій шахъ Аббасъ, пользуясь бѣдствіями Россіи, страшно опустошилъ Грузію. Кахетинскій царь Теймуразъ I въ 1619 г. писалъ къ царю Михаилу: „лучше бы у матери моей утроба пересохла и я бы не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ глазахъ разорены; въ церквахъ имя Божіе не славится и онѣ стоятъ все пусты“. Теймуразъ умолялъ подать помощь Грузіи. На соборѣ духовенства и земскихъ лицъ Кахетія, Карталинія и Имеретія приняты были въ подданство Русскаго царя. Россія спѣшила подать возможную помощь бѣдствующей Церкви и государству Грузіи. Въ 1637 г. при посольствѣ къ Теймуразу отправились „для разсмотря и исправленія христіанской вѣры“ Ипатскій архимандритъ, два священника съ діакономъ, два иконописца и столяръ съ матеріалами“.

¹¹⁾ Грамота Акт. Эксп. III, № 228. Уставъ, изданный въ 1610 году, повелѣно отобрать «для того, что печаталъ его воръ и бражникъ чернецъ Логгинъ не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ».

¹²⁾ Въ Туринскѣ Николаевскій, въ Алапаевѣ Невьянскій-Богоявленскій, въ Тарѣ Спасскій, въ Томскѣ Знаменскій, въ Тобольскѣ Николаевскій.

Желая поддержать мирныя сношенія съ Россією, разоритель Гружиі, шахъ Аббасъ, прислалъ въ 1625 году посольство въ Москву съ дарами для великихъ государей. Патріарху поднесена была риза Господня, въ драгоценномъ золотомъ ковчегѣ, похищенная Персіянами изъ Мцхетскаго собора ¹³⁾. При этомъ случаѣ патріархъ и святители поступили весьма осмотрительно. Они разсудили, что о ризѣ Господней нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ, а положиться на отзывъ магометанъ невозможно: остается одно—молить Бога объ открытіи истины. Назначенъ былъ недѣльный постъ съ молитвою. Послѣ того въ крестопоклонное воскресеніе Великаго поста первосвятитель, совершивъ всенощное бдѣніе, повелѣлъ возлагать принесенную изъ Персіи святыню на недужныхъ, какъ древле равноапостольная царица Елена полагала найденные ею кресты на мертвеца. И какъ тогда истинный крестъ Христовъ узнали по силѣ, воскресившей мертвеца, такъ и теперь получено было удостовѣреніе свыше о ризѣ Господней: больные разными болѣзнями, по возложеніи на нихъ святыни, получали исцѣленія. Въ честь принесенія ризы Господней въ Москву учреждено празднество въ 10-й день іюля и составлена служба ¹⁴⁾.

Послѣ 14-лѣтняго правленія патріархъ Филаретъ преставился, въ старости доброй 1 октября 1633 года и погребенъ, при всеобщемъ плачѣ, въ первопрестольномъ Успенскомъ соборѣ. Знаменитый бояринъ въ думѣ и на полѣ ратномъ при сродникѣ его царѣ Ѳеодорѣ, гонимый и невольно постриженный при Годуновѣ, митрополитъ Ростовскій при первомъ самозванцѣ, страдалецъ за вѣру и правду въ 10-лѣтнемъ плѣнѣ польскомъ, наконецъ патріархъ и соправитель державному своему сыну,—Филаретъ Никитичъ Романовъ занимаетъ видное мѣсто между великими людьми Русской земли, какъ незыблемый столпъ церкви и отечества въ самое трудное и опасное время. Онъ любилъ просвѣщеніе: возвратясь изъ плѣна, онъ принесъ съ собою съ юго-запада сознаніе услуги просвѣщенія для вѣры. Въ Чудовѣ монастырѣ заведена была при немъ патріаршая греко-латинская школа, первымъ учителемъ въ ней былъ тотъ самый Арсеній, который страдалъ предъ тѣмъ за ревность свою въ исправленіи требника; въ 1633 году она уже подавала иностранцу-путешественнику Олеарію надежды на лучшую будущность. А въ слѣдующемъ году напечатали для нея при букварѣ нѣсколько грамматическихъ правилъ. Подъ над-

¹³⁾ О пребываніи ризы Господней въ Грузіи сохранилось слѣдующее преданіе. При распятіи Господа нашего Иисуса Христа находился въ числѣ воиновъ одинъ Грузинецъ. Ему досталась, по жребію, риза Господня (хитонъ нешвенный). Возвратясь въ отечество, онъ подарилъ святыню сестрѣ своей, дѣвицѣ, а она, умирая, велѣла положить ее съ собою въ могилу. Впослѣдствіи риза Господня, вынутая изъ могилы дѣвицы и вложенная въ драгоценный ковчегъ, сохранялась въ Мцхетѣ, въ престольномъ храмѣ первосвятителей Иверскихъ (Четь-Минея 10 іюля).

¹⁴⁾ Ковчегъ съ ризою Господнею былъ положенъ въ нарочно устроенномъ мѣдномъ шатрѣ, у западной стѣны Успенскаго собора. Теперь эта святыня сохраняется въ соборномъ алтарѣ, въ Петропавловскомъ придѣлѣ.

зоромъ патріарха Филарета составлена и исправлена его рукою „Повѣсть о бывшихъ послѣ царя Бориса замѣшательствахъ“ ¹⁵⁾.

Папизмъ на сѣверѣ надѣлалъ столько зла, а на югѣ мнимое сближеніе съ нимъ Греческаго православія (унія) раздирало Русь и топило ее въ потокахъ собственной ея крови. Въ такое время не дивно слышать отзывъ православія о папизмѣ не слишкомъ мягкой. Патріархъ Филаретъ на соборѣ 1620 года положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства къ православію: постановленіе неправо предъ ученіемъ церковнымъ, но извиняемое ужасами времени ¹⁶⁾. Въ томъ же духѣ горькаго недостойнства папизмомъ осуждены были сочиненія Кирилла Транквилліона и разсмотрѣнь катихизисъ Лаврентія Зизанія ¹⁷⁾.

Хотя лютеранство представлялось менѣе опаснымъ, нежели папизмъ, но постановленіе о перекрещиваніи римскихъ христіанъ отнесено и къ лютеранамъ. Царь строго предписалъ, чтобы какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ православные, находившіеся въ услуженіи у иностранцевъ, оставили и дома ихъ и впредь не поступали бы къ нимъ для работъ и службы.

Преемникомъ Филарета на первосвятительской каѳедрѣ былъ архіепископъ Псковскій Іоасафъ, „по изволенію царя и по благословенію патріарха Филарета“. Современные хронографы говорятъ, что „правомъ и жизнію онъ былъ добродѣтельнъ, но къ царю не дерзновенъ“, т.-е. не пользовался такимъ значеніемъ въ дѣлахъ государственныхъ, какое по праву принадлежало великому предмѣстнику его, отцу государя. Печатаніе богослужебныхъ книгъ продолжалось и при новомъ патріархѣ: Іоасафъ сперва позволилъ издать Требникъ, Уставъ и Служебникъ Филарета безъ перемѣнъ; но потомъ счелъ необходимымъ исправить въ нихъ очень многое. Главное исправленіе состояло въ пополненіи чиновъ молитвами и дѣйствіями, частію же въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ дѣйствій ¹⁸⁾. Въ другихъ книгахъ, напр. въ Октоихѣ, желали исправлять ошибки писцовъ повѣркою, но по спискамъ славян-

¹⁵⁾ Она напечатана въ Москвѣ, въ 1837 году, подъ названіемъ «Рукопись Филарета».

¹⁶⁾ Правила о перекрещиваніи латинянъ и уніатовъ отмѣнены рѣшеніемъ патріаршаго Собора въ Москвѣ 1667 года и грамотою Константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1718 году.

¹⁷⁾ Въ 1627 году разсмотрѣно было «учительное евангеліе» Транквилліона и опредѣлено,—какъ это сочиненіе, такъ и другія сочиненія Кирилла, какія найдутся, съечь «и чтобы впредь никто никакихъ литовскихъ книгъ не покупалъ» (Собр. грам. 3,298). Книгу пересматривалъ свящ. Иванъ Насѣдка. Катихизисъ Зизанія нап. 1628 г. въ Москвѣ; исправителями были Богоявленскій игуменъ Исаія и типографъ Григорій Онисимовъ, спорившіе съ Зизаніемъ цѣлые три дня; они выпустили все, что имъ казалось новостью, и внесли то, что казалось, хотя не всегда было, стариною.

¹⁸⁾ Напр., въ Филаретовомъ требникѣ 1623 г. положено погребеніе священниковъ; а въ Іоасафовомъ оно отмѣнено. Въ первомъ: въ началѣ чина исповѣди положенъ указъ, какъ іереямъ вязать и разрѣшать; здѣсь же положено въ великій постъ, исключая первую и послѣднюю седмицы, ѣсть рыбу въ четыре дня недѣли: въ субботу, воскресенье, вторникъ и четвертокъ. Въ Іоасафовомъ требникѣ это исключено.

скимъ, или же только однимъ своимъ разсужденіемъ. Особенно же усердно продолжали печатать еще не напечатанныя службы. Въ пособіе къ улучшенію книгъ собирали славянскіе списки въ Москву изъ монастырей; но точно такъ же, какъ при патріархѣ Филаретѣ, глубоко чувствовали и сознавали, что въ исправленныхъ книгахъ остается много разныхъ погрѣшностей.

По кончинѣ патріарха Іоасафа I на престолѣ патріаршій возведенъ былъ, по избранію жребіемъ, Симоновскій архимандритъ, старецъ Іосифъ (27 марта 1643 года).

Вскорѣ послѣ того (12 іюля 1645 года) скончался царь Михаилъ добродушный первоначальникъ державнаго рода Романовыхъ на престолѣ Русскомъ. Предъ кончиною, находясь въ полномъ сознаніи, онъ велѣлъ призвать царицу, сына Алексѣя Михайловича съ дядькою его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою благословилъ сына на царство, при чемъ сказалъ Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣнни и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его какъ зѣницу ока: такъ и теперь служи“.

Снова увидѣли люди Русскіе вѣнецъ Мономаха на главѣ шестнадцатилѣтняго отрока ¹⁹⁾. Но еще не знали они, что юному царю Алексѣю промыслъ Божій предназначилъ расширить предѣлы государства, стѣсненные при отцѣ его ²⁰⁾.

---

¹⁹⁾ Царь Алексѣй Михайловичъ родился отъ второго брака царя Михаила съ дочерью бѣднаго дворянина Стрѣшнева, Евдокіей Лукьяновой. Первая супруга царя Михаила была Марія Владиміровна, дочь думнаго боярина, князя Долгорукова.

²⁰⁾ Уклоняясь, по возможности, отъ описанія дѣлъ государственныхъ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ церковными дѣлами, мы не говорили о несчастной войнѣ царя Михаила съ Польскимъ королемъ Владиславомъ (тѣмъ самымъ, который въ смутное время былъ избранъ на Московскій престолъ). Война эта была неудачна: при заключеніи мира въ 1634 году уступленъ Польшѣ Смоленскъ съ нѣсколькими городами Сѣверскаго края. Для примиренія со Шведами (1617 г.) отдана была Ижора и Корелія, т. е. все побережье Финскаго залива.

Г Л А В А II.

Угодники Божіи, жившіе въ первой половинѣ XVII вѣка, преподобные: Діонисій, архимандритъ лавры Сергіевой. — Ученикъ его блаж. Дороеей. — Иринархъ, игуменъ Соловецкій, — Діодоръ Юрьегорскій, — Прокопій Вятскій, — Вассіанъ Тотемскій, — Симеонъ Верхотурскій, — Симонъ Воломскій. Упадокъ иночества и просвѣщенія. — Сѣмена будущаго раскола.

Обратимъ благоговѣйный взоръ на подвиги угодниковъ Божіихъ, современныхъ царствованію перваго самодержца изъ благословеннаго рода Романовыхъ. Начнемъ съ великаго поборника вѣры и отчизны, преп. Діонисія, архимандрита Сергіевой лавры. Освобожденный отъ истязаній, которымъ подвергнутъ былъ за исправленіе требника, онъ имѣлъ утѣшеніе принять въ обители своей патріарха Іерусалимскаго, своего защитника отъ несправедливаго гоненія. Первосвятитель Теофанъ возложилъ на страдальца правды свой клобукъ, положивъ его прежде къ ногамъ преп. Сергія и совершивъ молитву къ угоднику Божію. И всему братству лавры, со слезами радости, изъявилъ патріархъ одобреніе за его подвиги: „прежде слышали въ церкви восточныя скорбы вашу и трудъ, понесенные вами за Христа отъ гонителей правой вѣры, а нынѣ очи мои видѣли все, за что пострадали вы, и не напрасно, потому что многимъ послужило это ко спасенію“.

Особенно патріархъ изъявилъ желаніе видѣть тѣхъ иноковъ обители, которые во время бѣды ратной дерзнули возложить на себя броню и съ оружіемъ въ рукахъ ратовать противъ враговъ. Преподобный Діонисій принялъ было требованіе патріарха съ недоумѣніемъ, но подвижники добровольно вызвались: „Яви насъ, отче, владыкъ нашему; буди все по волѣ его“.

И представлено патріарху болѣе двадцати иноковъ, „въ нихже первый былъ именемъ Аванасій Ощеринъ, зѣло старъ сый и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ“. Патріархъ спросилъ его: „ты ли ходилъ на войну и начальствовалъ надъ ратью мученической?“ Аванасій отвѣтствовалъ: „ей, владыко святыи, понужденъ былъ слезами кровными“. Патріархъ спросилъ еще: „Что тебѣ свойственнѣе—иночество ли въ молитвахъ тайно или подвигъ передъ всѣми людьми?“ Аванасій, поклонясь, отвѣтствовалъ: „всякая вещь и дѣло, владыко святыи, въ свое время познается: у васъ, святыхъ отецъ, отъ Господа Бога власть въ

рукахъ разрѣшить и связывать. Что творю и сотворилъ,—то сдѣлано по долгу послушанія“; и обнаживъ голову, поклонился ему и сказалъ: „извѣстно тебѣ да будетъ, владыко мой, вотъ подпись латынянъ на главѣ моей отъ оружія; а еще и въ лядвіяхъ моихъ находится шесть памятей свинцовыхъ; сидя же въ келліи въ молитвахъ, какъ можно найти было добровольно такихъ будильниковъ къ воздыханію и сто-нанію? Все это не по нашему изволенію, но по волѣ пославшихъ насъ на службу Божію“.

Патріархъ, безъ сомнѣнія, удовлетворенный сознаніемъ, что надъ воинственнымъ одушевленіемъ защитниковъ лавры господствовалъ духъ иноческаго благочестія, смиренія и простоты, благословилъ Аеанасія, цѣловалъ его съ любовію и прочихъ его сподвижниковъ отпустилъ съ похвалою.

Преп. Діонисій ввелъ въ обители чтеніе бесѣдъ св. Златоуста по переводу, сдѣланному Максимомъ и Силуаномъ, также бесѣдъ Григорія Богослова, и разсылалъ ихъ списки по монастырямъ. „Келья не имѣетъ устава“, говорилъ Діонисій; въ кельѣ, по своей горячей любви къ Богу, онъ почти все время проводилъ въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія и писаній св. Отцовъ. Спать ложился за три часа до благовѣста къ заутренѣ: когда приходилъ къ нему пономарь съ свѣ-чою, онъ въ малой мантии полагалъ 300 поклоновъ земныхъ; потомъ, разбудивъ келейниковъ, шелъ въ церковь. Онъ строго соблюдалъ цер-ковный уставъ, не позволяя ничего убавлять противъ него. Самъ чи-талъ и нѣлъ на клиросѣ. Признательный къ благотворителямъ оби-тели, онъ требовалъ, чтобы читались синодики на проскомидіи. Въ каждую утреню обходилъ онъ церковь и осматривалъ, всѣ ли въ хра-мѣ; выходилъ съ братією и на работы монастырскія. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Онъ усердно заботился о храмахъ не только лавры, но и сель мона-стырскихъ, гдѣ построено имъ нѣсколько новыхъ храмовъ, особенно послѣ разгрома польскаго. Все, что получалъ онъ для себя отъ бла-готворителей, употреблялъ онъ не на себя.

Изъ числа учениковъ преп. Діонисія особенно извѣстенъ блаж. Дороей, по прозванію—„Трудникъ“ ¹⁾. Келарь Симонъ Азаринъ пи-шетъ о немъ: „онъ былъ такъ твердъ въ благочестіи, что никогда не оставлялъ церковнаго богослуженія, исправлялъ должность пономаря въ церкви чудотворца Никона и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ канонархи-стомъ и книгохранителемъ. Въ кельѣ выполнялъ онъ правило необы-кновенное: ежедневно читалъ весь псалтирь и клалъ до 1000 покло-новъ, притомъ же писалъ книги. Спалъ онъ очень мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служилъ кусокъ хлѣба и ложка толоч-на и притомъ не каждый день; только по убѣжденію архимандрита сталъ онъ ѣсть хлѣбъ съ квасомъ. По извѣстію священника Ивана

¹⁾ Въ рукописныхъ святцахъ: «преп. Дороей трудникъ бысть ученикъ преп. Діонисія архимандрита: преставися въ лѣто 7130» (1622).

Насѣдки, Дороеей, усердно трудившійся для раненныхъ и больныхъ, много терпѣлъ непріятностей и по особенности своей жизни. Слѣдившіе за жизнію его замѣчали, что не ѣдалъ онъ по три и по четыре дня, а иногда и цѣлую недѣлю. Иные говорили о немъ, что онъ — святой человѣкъ; другіе же, видя его валяющимся у стѣны или у печки, смѣялись надъ нимъ, какъ надъ глупцомъ. „Разъ и я,—говорилъ Насѣдка,—смѣялся надъ нимъ вмѣстѣ съ другими. Діонисій, замѣтивъ это, строго посмотрѣлъ на меня. Спустя 10 лѣтъ, въ духовной бесѣдѣ въ Москвѣ напомнилъ я Діонисію о замѣчаніи его относительно Дороеея; авва сказалъ: „не спрашивай иноковъ о дѣлахъ иноческихъ. Для насъ бѣда открывать мірянамъ наши тайны“. Я грѣшный просилъ объяснить мнѣ это. „Вы, міряне, сказалъ онъ, если услышите худое о чернецахъ, осуждаете ихъ на грѣхъ себѣ; а если услышите доброе, не стараетесь подражать тому, а только хвалите; изъ вашей похвалы выходитъ опасное искушеніе для насъ: раждается гордость“. На вопросъ о значеніи строгаго взгляда его онъ отвѣчалъ: „вы смѣялись надъ человѣкомъ святымъ, оттого, что жилъ онъ не по-вашему. Мнѣ извѣстно, что не ѣдалъ онъ по недѣлѣ, по 10 дней капли воды не бывало у него во рту; ходилъ босой, нагой, голодный, съ неумытыми руками и лицомъ. Онъ мучился блудными помыслами и потому-то томилъ себя голодомъ и жаждою“.

Послѣ опустошеній польскихъ, въ селахъ лавры храма были сожжены или ограблены. Преп. архимандритъ построилъ нѣсколько церквей сельскихъ, изъ которыхъ инья еще доселѣ цѣлы. Ревностный о благолѣпнн дома Божія, онъ имѣлъ въ запасъ всякую церковную утварь и, когда являлись просители, съ любовью выдавалъ нужное для той или другой церкви.

Проведя жизнь въ высокихъ подвигахъ любви къ Богу и къ ближнему, авва Діонисій мирно преставился 10 мая 1633 года, и патриархъ Филаретъ самъ отпѣвалъ его ²⁾.

Въ то же время просіялъ благочестіемъ другой настоятель обширной и многолюдной обители, преп. Иринархъ, игумень Соловецкій съ 1614 года. Тогда настоятель Соловецкаго монастыря былъ лицомъ весьма значительнымъ для цѣлага сѣвернаго края. На него возлагалась защита сѣвера отъ Шведовъ и Датчанъ. Хотя съ Шведами заключенъ былъ тогда миръ, но и на нихъ нельзя было полагаться; а Датчане, увлекаясь надеждою на счастье Шведовъ, потребовали отъ Россіи, чтобы отдана имъ была вся Лапландія (земля Лопарей), и приготовились поддерживать требованіе свое морскою войною. Царь Михайлъ, предоставивъ блаж. игумену Иринарху, кромѣ безпошлин-

²⁾ Мощи преп. Діонисія погребены въ палаткѣ при юго-западномъ притворѣ Троицкаго собора лавры. Житіе его и канонъ ему написаны келаремъ Симеономъ Азарынымъ. По словамъ Симона, Діонисій былъ роста высокаго, съ лицомъ благолѣпнымъ, съ очами свѣтлыми, веселыми, съ бородою долгою и широкою. Портретъ, снятый съ него по представленіи, хранится въ Сергіевой лаврѣ.

ой продажи соли и рыбы, казенную подать съ монастырскихъ крестьянъ и еще казенную долю съ рыболовныхъ промысловъ на Норвежскомъ берегу моря, предписывалъ привести всѣ крѣпостныя строения монастыря въ полное оборонительное состояніе на случай войны. Сколько заботъ и трудовъ игумену! На восточной сторонѣ монастыря проведена вторая каменная стѣна съ двумя огромными башнями; внутри монастыря построены два корпуса для военныхъ людей; на сѣверной и южной сторонѣ обители проведены глубокіе рвы, выкладенные камнемъ. Въ Сумскомъ и Кемскомъ острогахъ сдѣланы новыя укрѣпленія. Въ нихъ и въ обители число военныхъ людей увеличилось до 1040 человекъ,—на содержаніи монастыря. Датчане въ 1623 г. на четырехъ военныхъ корабляхъ явились у Корельскаго острова, ограбили нѣкоторыхъ русскихъ промышленниковъ, но ни на что болѣе не отважились и возвратились. При такихъ заботахъ объ огражденіи обители отъ внѣшнихъ бѣдъ преп. Иринархъ, какъ самъ былъ примѣромъ духовной жизни, такъ и ревновалъ возбуждать и поддерживать въ братіи заботу о жизни духовной. Эта ревность заставила его просить великихъ государей—царя и родителя его патріарха, дабы словомъ власти напомнили забывчивымъ инокамъ о ихъ обязанностяхъ. Во все время правленія своего преп. Иринархъ отличался снисходительною кротостію въ отношеніи къ другимъ и строгостію къ себѣ. Проведя послѣдніе два года свои безъ дѣлъ начальственныхъ, въ подвигахъ безмолвной молитвы, онъ преставился 17 іюля 1628 года *).

При настоятельствѣ преп. Иринарха подвизался въ Соловецкомъ монастырѣ преп. Діодоръ Юрьегорскій, постриженный въ иночество еще игуменомъ Антоніемъ, который поручилъ его въ надзоръ духовному иноку, іеромонаху Іосифу Новгородцу.

Похоронивъ отца своего, скончавшагося инокомъ въ Соловкахъ, Діодоръ пожелалъ видѣть Соловецкихъ отшельниковъ, подвизавшихся на пустыхъ островахъ. Онъ ушелъ на пустынный островъ, не взявъ съ собою ни пици, ни питья; ходя 40 сутокъ по острову, онъ изнемогъ до крайности, нѣкоторые изъ братій нашли его лежавшимъ подъ деревомъ и едва живымъ; они принесли его на монастырское подворье и призвали духовника. Послѣ исповѣди, укрѣпившись пищею, ревнитель отшельнической жизни поселился на пустынномъ островѣ, при двухъ найденныхъ имъ отшельникахъ. Отсюда ходилъ онъ бесѣдовать и съ другими отшельниками, каковы были: старецъ Ефремъ, Никифоръ Бѣлецъ, Алексѣй Калужанинъ, Іоасафъ Тихонъ Москвичъ, Теодоръ Рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Іоасафъ, Севастіанъ и другіе. Пустынный Тихонъ, по настоятельной просьбѣ его, рассказалъ о себѣ, что онъ ушелъ изъ Алексина во время перваго самозванца, оста-

* Житіе преп. Иринарха написано (около 1640 г.) Калязинскимъ игуменомъ Иларіономъ, постриженникомъ Соловецкимъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ особой часовнѣ.

вивъ все свое и переплывъ на утлой лодкѣ море. Никифоръ, встрѣченный безъ всякой одежды, успѣвшиль скрыться и только сказалъ: „посѣщай подвижниковъ, Діодоръ, чтобъ и самому имѣть отъ Бога утѣшеніе“. Діодоръ усердно посѣщаль пустынниковъ, доставляя имъ необходимое для жизни. Впослѣдствіи братія обители стали роптать на то и говорили: „хлѣбъ обители тратится на тѣхъ, которые не трудятся для обители“. Особоже же, когда ушелъ въ отшельничество больничный келарь Кирикъ, лучше котораго никто не ходилъ за больными, братія сильно возмущалась, и игумень Иринархъ вынужденъ былъ принять мѣры противъ страсти къ отшельничеству. Онъ послалъ братію, стрѣльцовъ и рабочихъ на острова, съ тѣмъ, чтобы они возвратили отшельниковъ въ монастырь; тогда и Діодоръ вмѣстѣ съ другими заключенъ былъ въ оковы въ больницѣ, и къ нему представлена была стража. Спустя три мѣсяца, онъ снова ушелъ на островъ и прожилъ здѣсь полгода. Братъ его, жившій также въ Соловецкомъ монастырѣ, отыскалъ его, но въ самомъ жалкомъ положеніи, — разслабѣвшимъ отъ борьбы съ нечистыми духами. Діодоръ рѣшился теперь разстаться съ Соловками и удалиться на Онегу. Недалеко отъ Кенозера, въ пустынномъ лѣсу, избралъ онъ себѣ мѣсто для пребыванія и началъ подвизаться. Но сосѣдніе жители вынудили его уйти отсель. Ему понравилась Юрѣва гора надъ озеромъ Водломъ, въ 25 вер. отъ Олонца къ сѣверу; здѣсь водрузилъ онъ крестъ, поставилъ келью и началъ подвизаться въ молитвѣ; сюда векорѣ пришелъ къ нему пустынный Прохоръ, и они 7 лѣтъ провели отшельниками. Послѣ того Діодоръ рѣшился основать здѣсь обитель Св. Троицы и отправился въ Москву; при посредствѣ келаря Сергіевой лавры Александра *) получивъ доступъ къ великой старицѣ Марѣ Ивановнѣ (матери царской), онъ получилъ отъ нея разную утварь и 200 руб. денегъ; царь Михаилъ далъ старцу грамоту; отъ другихъ благотворителей получено имъ 300 рублей. Такъ построены были храмъ и обитель. Скоро собралось довольное число братій и построенъ былъ еще храмъ Богоматери съ придѣломъ въ честь Соловецкихъ чудотворцевъ. Хлѣбопашества своего еще не было у обители, а мѣсто было вдаль отъ поселеній. Поэтому случилась нужда въ хлѣбѣ. Поднялся ропотъ на старца: „деньги, — говорили, — истратили на храмъ, а питаться намъ нечѣмъ“. Потерпите, — отвѣчалъ старецъ, и самъ сталъ на молитву. Ему явился свѣтлый старецъ. Кто ты? — спросилъ Діодоръ. „Я Александръ Ошевенскій“, — сказалъ явившійся: „не скорби, а утверждай братію; пропиталъ же Господь народъ Израильскій въ пустынѣ, а васъ немного; будетъ время, что здѣсь соберется множество иноковъ, теперь

*) Келарь Сергіевой лавры, старецъ Александръ Булатниковъ, изъ знатнаго рода, заступилъ мѣсто знаменитаго Авраамія Палицына, возвратившагося (въ 1621 г.) въ Соловецкій монастырь «на свое общаніе». Александръ былъ келаремъ около 20 лѣтъ и принесъ лаврѣ богатые вклады. Онъ былъ восприемникомъ отъ купели царевича Алексѣя и царевень, сестеръ его.

же скажи братіи, чтобы ловили рыбу въ озерѣ“. Старецъ не съ перваго раза повѣрилъ явившемуся, опасаясь оболъщенія; три раза явился ему небожитель и только тогда, когда явившійся произнесъ молитву Господню, Діодоръ выслушалъ его довѣрчиво. Братія столько наловили рыбы, что, оставивъ себѣ нужное, продали на 60 рублей и купили хлѣба. Въ другой разъ избавились отъ голода тѣмъ, что нечаянно нашли въ лѣсу черную куницу и продали ее за 8 рублей. Въ монастырь присланъ былъ для усмиренія отъ патріарха Филарета инокъ Θεодосій, человекъ безпокойный. Разъ такъ озлобился онъ на старца, наставлявшаго его добру, что хотѣлъ убить его. Онъ завелъ преподобнаго въ лѣсъ подъ какимъ-то предлогомъ и жестоко избилъ его, до того, что бросилъ подъ деревомъ, считая умершимъ. Когда старецъ, пришедши въ себя, добрелъ кое-какъ до кельи, Θεодосій испугался и бросился въ ноги настоятелю, прося простить его. „Богъ да проститъ тебя, чадо—это не твое дѣло, а дѣло врага“,— отвѣчалъ незлобный старецъ и не сказалъ тогда никому о случившемся. Θεодосій и послѣ того не переменился. Онъ началъ возмущать братію противъ настоятеля и уговорилъ нѣкоторыхъ удалиться изъ обители. 17 человекъ убѣждали съ Θεодосіемъ, похитивъ, что только могли, изъ собственности монастырской. Діодоръ благодарилъ Бога, что избавилъ обитель отъ смутъ и тревогъ. Много и другихъ скорбей пришлось испытать блаж. Діодору; но онъ все переносилъ терпѣливо. Большая часть времени его проходила въ уединенной молитвѣ. Приблизился и конецъ жизни его. Собираясь ѣхать въ Каргополь, по нуждамъ обители, старецъ собралъ братію и убѣждалъ проводить жизнь иноческую и не слушаться людей, подобныхъ Θεодосію; а старцу Прохору сказалъ: „уже намъ съ тобой здѣсь не видаться; если Богу угодно, увидимся въ будущемъ вѣкѣ“. И точно, прибывъ въ Каргополь, онъ заболѣлъ, приобщился св. Таинъ и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Онъ погребенъ былъ здѣсь подъ церковью; но собесѣдникъ его Прохоръ, спустя два года, перевезъ нетлѣнное тѣло его въ обитель, гдѣ оно было похоронено на южной сторонѣ храма св. Троицы. Послѣ преп. Діодора осталось духовное завѣщаніе, въ которомъ строго заповѣдалъ онъ братіи отнюдь не держать въ обители ничего хмельнаго ⁵⁾.

Въ XVII вѣкѣ немало являлось людей съ именемъ юродивыхъ. Патріархъ Іоасафъ I въ 1636 году писалъ: „иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и веригахъ, растрепавъ волосы, но не для Господа и не въ Господѣ“ ⁶⁾. И позднѣе соборъ 1667 г. осуждалъ такихъ же людей: „иже мнятся благоговѣйни быти, но суть же таковы, живутъ посреди градовъ и сель въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ монашеской свитцѣ, иные же и въ желѣ-

⁵⁾ Мощи преп. Діодора почиваютъ подъ слудомъ въ храмѣ бывшей обители его, нынѣ приходскомъ Янгорскаго погоста.

⁶⁾ Акты археогр. экспед. III, 402.

захъ скованы, такожде наги и босы ходять по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспримуть славу отъ людей и да почитаютъ ихъ за святыхъ, ко прелести простымъ и невѣждамъ“ 7). Не таковъ былъ блаж. Прокопій Вятскій. Взявъ на себя иго юродства для одного Христа, для Христа онъ несъ его до смерти: до смерти терпѣлъ скорби самолюбія, язвимаго то насмѣшками, то бранью, то холодностію людей, до смерти заставлялъ страдать плоть свою и отъ недостатка пищи и отъ перемѣнъ погоды. Онъ блаженно почилъ 21 декабря 1627 года 8).

Въ предѣлахъ Тотемскихъ подвизался преп. Вассіанъ. Въ мірскомъ быту онъ былъ портнымъ, жилъ въ бракѣ и имѣлъ двухъ сыновей. Потомъ, въ Тотемской обители принявъ монашество, года два провелъ въ подвигахъ послушанія подъ настоятельствомъ настоятеля Ѳерапонта. Ревнуя же о высшемъ совершенствѣ, по благословенію игумена, поселился въ 50 верстахъ отъ Тотьмы, на р. Тикснѣ, при храмѣ св. Николая. Сперва жилъ онъ здѣсь на паперти храма, потомъ упросилъ причтъ и окрестныхъ жителей уступить ему мѣсто въ 20 саженьяхъ отъ храма для хижинны. Ему поставили келью, и онъ началъ уединенно подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Это было въ 1594 г. Онъ приходилъ въ храмъ на каждую службу, а въ кельѣ совершалъ иноческое правило. По благословенію наставника своего Ѳерапонта, возложилъ онъ на тѣло свое вериги, на плечи—цѣпь, на чресла—железныи обручъ, а на голову подъ куколемъ надѣлъ железную шапку. Въ такомъ одѣяніи подвизался онъ 13 лѣтъ. Онъ не пускалъ никого къ себѣ въ келью, кромѣ духовнаго отца, и питался подаяніемъ, которое принималъ въ оконцѣ кельи. Такъ подвизался рабъ Божій въ строгомъ затворѣ, очищая духъ страданіями грѣшной плоти для жизни небесной. Уразумѣвъ близкую кончину свою, преп. Вассіанъ призвалъ духовника, исповѣдался, приобщился св. Таинъ и тихо предалъ духъ свой Богу 12 сентября 1624 г. Только при погребеніи узнали, какими тяжестями смирялъ онъ тѣло свое 9).

Другой подвижникъ того же времени, Симеонъ Верхотурскій, или Меркушинскій, былъ родомъ изъ дворянъ, но скрывъ знатность свою въ смиреніи христіанскомъ, велъ жизнь бѣдняка. Переходя изъ деревни въ деревню, шилъ онъ платье преимущественно для бѣдныхъ; кончивъ работу, уходилъ изъ дома рано по утру, когда всѣ спали, чтобы избѣжать не только денежной платы, но и слова благодарнаго за работу. Онъ доволенъ былъ и тѣмъ, что давали пищу и кровь. Чаше всего проживалъ онъ въ погостѣ Меркушахъ, въ 50 верстахъ

7) Дополн. къ акт. истор. V, 465, 474.

8) Мощи блаж. Прокопія почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Вятскаго Успенскаго монастыря.

9) По кончинѣ преп. Вассіана на мѣстѣ подвиговъ его устроился монастырь съ церковью въ честь Нерукотворенной иконы Спасителя. Въ этой церкви (нынѣ приходской) находится могила преп. Вассіана. Почитаніе памяти его началось съ моровой язвы 1647 года, когда у гроба его многіе получали исцѣленіе.

отъ Верхотурья, гдѣ была пристань для судовъ, плававшихъ по р. Турѣ. Онъ любилъ въ тиши уединенія наслаждаться красотами природы и прославлять Творца ея. Когда не было работы, бралъ онъ уду, садился на берегу рѣки и доставалъ оттуда лишь нужное для одного дня. Еще понынѣ цѣла ель на утесистомъ берегу р. Туры, гдѣ полюбилъ сидѣть блаженный, занимаясь ловлею рыбы. Вогуличи и другіе инородцы края тогда были новыми христіанами; блаж. Симеонъ вступалъ съ ними въ разговоры и училъ христіанскому благочестію. Располагая къ себѣ бѣдныхъ своею услужливостію, онъ находилъ сердца ихъ открытыми для принятія наставленій его и усердно сѣялъ въ простыхъ душахъ правила страха Божія.—Никогда не оставлялъ онъ посѣщать богослуженіе храма и особенно храма Меркушевскаго. Чистая жизнь его служить примѣромъ для другихъ; а этотъ примѣръ особенно нуженъ былъ и благодворенъ для края еще дикаго, недавно увидавшаго свѣтъ христіанскій. Блаженный Симеонъ, страдавшій грыжею, скончался не старымъ, около 35 лѣтъ, въ 1642 году, и погребенъ былъ при церкви Архистратига Михаила ¹⁰⁾.

Земледѣлецъ изъ отчины Волоколамскаго Іосифова монастыря, Симеонъ, пріавшій иночество съ именемъ Симона въ Пинежской Макаріевой обители, въ 1613 г. поселился въ 80 верстахъ (къ юго-западу) отъ Устюга, на р. Кичменгѣ, въ лѣсу Воломскомъ. Здѣсь онъ пять лѣтъ прожилъ одинъ, не знаемый людьми; питался овощами, которыя самъ садилъ, а иногда выпрашивалъ хлѣба въ какомъ-либо селеніи.—Когда понемногу стали являться къ нему ревнители благочестія, онъ построилъ по грамотѣ царя Михаила и по благословенію Ростовскаго митрополита Варлаама храмъ въ честь Воздвиженія креста Господня и въ 1620 г. посвященъ былъ въ санъ игумена своей обители. Строгій подвижникъ, служившій для другихъ примѣромъ трудолюбія, простоты сердечной, поста и молитвъ, 12 іюля 1641 г. злодѣйски умерщвленъ былъ въ своей обители. Подвижникъ рубилъ лѣсъ, когда подошли къ нему три крестьянина и стали требовать, чтобы онъ отдалъ имъ царскую грамоту на землю обители. Они навалили на него колоду и грозили смертію; преподобный едва упросилъ отпустить его въ обитель за грамотою. Монастырскіе люди бросились искать злодѣевъ, но тѣ скрылись. Когда приблизился праздникъ блаж. Прокопія Устюжскаго,

¹⁰⁾ Прав. Симеонъ по преставленіи своемъ совершалъ много чудесъ и въ Меркушахъ и въ Николаевской Верхотурской обители, куда перенесены мощи его въ 1704 году по распоряженію Сибирскаго митрополита Филовея. Особенность въ явленіяхъ прав. Симеона состоитъ въ томъ, что онъ, испѣлая тѣлесные недуги, вмѣстѣ съ тѣмъ подавалъ наставленія для души. Такъ, напр., въ 1749 году онъ явился жителю Невьянскаго завода, раскольнику Василью Масленникову, три года лежавшему въ параличѣ, и сказалъ ему: иди въ Верхотурье, въ обитель св. Николая, помолись тамъ съ усердіемъ надъ моими мощами а «крестное знаменіе изображай на себѣ, во образъ пресв. Троицы, тремя первыми перстами». Послѣ явленія Василій почувствовалъ себя испѣленнымъ и обратился отъ раскола къ истинной вѣрѣ. (Рукоп. сказаніе о житіи и чудесахъ прав. Симеона, составл. митрополитомъ Сибирскимъ Игнатіемъ Корсаковымъ. Здѣсь описано до 50 чудесъ).

народъ пошелъ на поклоненіе святому и большая часть братіи Симоновой пустыни отправилась также въ Устюгъ. Злодѣи, узнавъ о томъ, воспользовались благоприятнымъ для нихъ временемъ. Ночью найдя преп. Симона одного въ пустынь, стали терзать его пытками, требуя царской грамоты; потомъ послали его въ церковь искать грамоту. Преподобный со слезами молился Богоматери, причастился св. Тайнъ и затѣмъ сказалъ: „теперь дѣлайте со мною, что хотите“. Злодѣи осыпали его ругательствами и побоями, потомъ отсѣкли ему голову и бросили тѣло близъ кельи ¹¹⁾

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что число подвижниковъ, угодившихъ Богу въ первой половинѣ XVII столѣтія, весьма не велико. Мы не видимъ здѣсь ни тѣхъ великихъ святителей-чудотворцевъ, ни тѣхъ дивныхъ основателей обителей иноческихъ, какіе просіяли въ предыдущихъ вѣкахъ. Упадокъ истиннаго, искренно-благочестиваго монашества былъ очевиденъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Вмѣстѣ съ нимъ, постепенно развивалось и другое зло—упадокъ просвѣщенія, начинавшійся еще прежде. Въ страшномъ переломѣ междуцарствія, нашествія Ляховъ исчезли послѣдніе остатки школь; въ разоренныхъ храмахъ и обителяхъ богослужебныя книги, истребленныя пожарами, замѣнены новыми рукописными,—работами полуграмотныхъ писцовъ, со множествомъ грубыхъ ошибокъ, или вновъ напечатанными, безъ надлежащей повѣрки и исправленія. А между тѣмъ слѣпая привязанность къ буквѣ и обряду возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія невѣжества. Мы видѣли, какую бурю гоненія воздвигло одно слово, невѣжественно внесенное въ требникъ и исключенное изъ него преп. Діонисіемъ. Что же можно ожидать отъ другихъ изувѣровъ, подобныхъ уставщику Филарету и громогласному пѣвцу Логгину, когда будетъ предпринято полное исправленіе богослужебныхъ книгъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ вскорѣ—во время первосвятительства великаго Никона.

---

¹¹⁾ Мощи преп. Симона погребены подлѣ построеннаго имъ храма (нынѣ приходскаго). Въ 1646 году послѣ многихъ чудесъ, совершившихся надъ мощами преп. Симона, сочинена ему служба съ описаніемъ житія и чудесъ.

Г Л А В А III.

**Страданія южно-русекаго народа отъ уніи.—Іосафать Кунцевичъ.—
Возстановленіе православной іерархіи.—Архипастыри Кіевскіе: Іовъ
Борецкій и Іеаія Копинскій.**

Между тѣмъ какъ Московское, или лучше сказать—сѣверно-русское государство начинало успокаиваться послѣ бѣдствій и кровопролитія смутнаго времени подъ скипетромъ перваго самодержца изъ дома Романовыхъ, православный народъ южной Руси претерпѣвалъ тяжкія страданія за вѣру отеческую. Насильственное введеніе уніи сопровождалось мучительствомъ и страшными гоненіями, о которыхъ мы говорили уже прежде. Дикій фанатизмъ короля Сигизмунда и іезуитовъ не уступалъ въ свирѣпости языческимъ гонителямъ христіанства. Въ Малороссію введены были войска и начались преслѣдованія вооруженною рукою. Полилась кровь. Гетманъ Наливайко, пламенный защитникъ прародительской вѣры ¹⁾, защищалъ родину счастливо, разбилъ Ляховъ и старался возвратить слабыхъ между духовными къ долгу ихъ по вѣрѣ и жизни. Въ 1597 г. войсковые депутаты отправлялись по обыкновенію на главный сеймъ. Наливайко вмѣстѣ съ ними явился засвидѣтельствовать вѣрность королю. Но ихъ всѣхъ въ первую же ночь схватили и бросили въ подземную темницу; здѣсь ни днемъ, ни ночью не давая отдыху гетману, сторожа будили его обухомъ сѣкиры, а на третій день онъ и депутаты выведены были на площадь, посажены въ мѣднаго быка и сожжены медленнымъ огнемъ. Этимъ злодѣйствомъ, нарушавшимъ всѣ права политики и совѣсти, разсудка и чести, не удовольствовались. Польскіе солдаты съ обнаженными саблями принуждали въ храмахъ народъ преклонять колѣна и ударять себя въ грудь по обычаю римскому и читать символъ вѣры о Святомъ Духѣ непрославно. Храмы насиліемъ отнимали и объявляли

---

¹⁾ По словамъ Польскаго фанатика, патера Янчинскаго, отецъ гетмана Наливайки имѣлъ трехъ сыновей, отличавшихся нечестіемъ (т.-е. приверженностію къ православію). Старшій былъ соборнымъ протопопомъ въ острожскомъ замкѣ и притомъ самый закоснѣлый схизматикъ: предъ смертію своею онъ запретилъ похоронить себя въ церкви. «Знаю (сказано въ его завѣщаніи), что въ Острогѣ водворятся латинская вѣра, почему похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ латинскою церковію». Меньшой братъ Наливайки, шинкаръ, торговалъ шубами, не уступая старшему въ нечестіи (т.-е. въ искреннемъ благочестіи). Смотри у Б. Каменскаго въ Истор. Малор. I, прим. 119).

унитскими. Духовенство латинское переѣзжало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрягали до 20 и болѣе человѣкъ, вмѣсто скотовъ. Тѣ храмы, прихожане которыхъ никакимъ насиліемъ не могли быть вынуждены къ уни, отданы въ аренду жидамъ; ключи храма и колоколни перешли въ жидовскую корчму.

На сеймѣ, въ Варшавѣ, одинъ депутатъ (Волынской) говорилъ: „Въ войнѣ турецкой много ратныхъ людей потребуется отъ народа Русскаго греческой вѣры,—того народа, который если не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли поставить грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ какъ падалъ вывозятъ; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благословенія; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ приобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цѣхи принять быть не можетъ; нельзя мертвое тѣло погребать, нельзя къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти. Въ Вильнѣ, когда хотятъ погребсти тѣло благочестиваго русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ“²⁾.

Болѣе двадцати лѣтъ (считая отъ низложенія на Брестскомъ соборѣ 1596 г. увлеченнаго въ унию митрополита Михаила Рагозы) кафедре православныхъ первосвятителей Киевскихъ оставалась праздною; не подчинившихся униі епископовъ оставалось только двое: Гедeonъ Львовскій († 1607) и Михаилъ Перемышльскій († 1612). Епископы, увлеченные въ соединеніе съ Римомъ, заняли престолы святителей православныхъ и употребляли всѣ средства, не стыдяся даже и самыхъ преступныхъ, для умноженія своего стада. Между ними особенно отличался безчеловѣчною жестокостію полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Онъ запечаталъ православные храмы по всей

²⁾ Такъ было въ Вѣлоруссіи и на Волыни во все время царствованія Сигизмунда. По словамъ современника, «въ Луцкѣ храмы Божіи обращены въ питейные дома... Въ Вильнѣ церкви стали кабаками и гостиницами. Невинныхъ людей выгоняли изъ магистратовъ и цѣховъ и сажали въ подземелья... Въ Минскѣ церковную землю отдали на постройку мечети. Въ Полоцкѣ принуждали къ униі кандалами и несогласныхъ выгоняли изъ города. Въ Туровѣ насиліемъ отобрали храмы съ утварью и выгнали благочестиваго епископа. Въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ даже въ шалашахъ запрещено было молиться... Въ Бѣльскѣ составлено было опредѣленіе: если кто изъ мѣщанъ не пойдетъ за крестнымъ ходомъ въ костель, казнить смертію» (Ліоусъ, або камень, напеч. въ Кіевѣ. 1642).

Бѣлорусси и открыто требовалъ выгнать православныхъ вонъ изъ государства; мучилъ ихъ слѣдствіями и судами, домогаясь одного—перехода въ унию; ругался надъ совѣстію и надъ самыми мертвецами ³⁾. Въ ноябрѣ 1623 года Кунцевичъ умерщвленъ жителями Ви-тебска, въ которомъ онъ запечаталъ храмы, ругался надъ святынею и надъ клиромъ, сохранявшимъ вѣрность отеческой вѣрѣ ⁴⁾. Смерть одного мучителя дала поводъ другимъ къ усиленію мучительства.

Но церковь православная, утвержденная на незыблемомъ основаніи, на самомъ Христѣ Спасителѣ, и Его единого признающая своимъ главою и верховнымъ Пастыремъ пастырей, пребывала недолимою, несмотря на отпаденіе многихъ чадъ своихъ, увлекаемыхъ лестию, или отторгаемыхъ насиліемъ ⁵⁾.

Слабыми въ вѣрѣ оказались нѣкоторые изъ дворянства, прельщаемые богатствомъ и почестями. Въ числѣ ихъ находился и сынъ святопамятнаго князя Константина ⁶⁾, послѣдній князь острожскій—

³⁾ Канцлеръ Литовскій, Левъ Сапѣга, усердный униатъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ православію, писалъ Кунцевичу: «Безспорно, что я самъ хлопоталъ объ униіи и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда на мысль не приходило, чтобъ вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ не извѣстенъ вамъ ропотъ глупаго народа, его рѣчи, что онъ хочетъ лучше быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣры?—Постуки ваши, простицающіе болѣе изъ тщеславія и частной ненависти, нежели изъ любви къ ближнему, обнаруженные въ противность священной воли и даже запрещенію республики, произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ, или даже всеистребительнымъ пожаромъ. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый самъ причиною бѣды своей надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безразсудно своему стремленію.— Говорите, что вольно вамъ неуніатовъ топить, рубить; нѣтъ, заповѣдъ Господня всѣмъ мстителемъ строгое сдѣлала запрещеніе, которое и насъ касается.— Когда насилуете совѣсти людскія, когда запираете церкви, чтобы люди безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными, то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надобно усмирять, тогда нами дыры затыкать хотите! Печатаютъ и запираютъ церкви и ругаются надъ кѣмъ-либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Покажите, кого вы приобрѣли, кого вы уловили вашею суровостію, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? вмѣсто того откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навели опасность государство, а можетъ быть и гибель всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой униіи, ибо если отечество потрается, то не знаю, что въ то время съ вашею униєю будетъ!» (Исторія Россіи Соловьева, т. X, стр. 85—88).

⁴⁾ Имя этого Юсафата папа Пій IX недавно вписалъ въ число римскихъ святыхъ, какъ бы имя мученика. Какое доказательство канонической «непогрѣшимости» мнимаго намѣстника Христова, торжественно провозглашенной (въ 1870 году) на Ватиканскомъ лжевселенскомъ соборѣ, предъ уничтоженіемъ свѣтской власти папы!

⁵⁾ Не дивно, что при продолжительномъ кровожадномъ преслѣдованіи почти половина православныхъ жителей Литвы и Бѣлорусси обращена къ униіи или къ латинству. Не столько успѣли на Волини, еще менѣе на Червонной Руси, а въ Малороссіи народъ отдалъ жизнь злобѣ фанатиковъ, но не измѣнялъ вѣрѣ отцовъ своихъ.

⁶⁾ Мститель поборникъ вѣры и просвѣщенія христіанскаго, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался 1608 г. 18 февраля, на 82 году жизни; погребенъ

Іоаннъ (Янушъ), принявшій латинство изъ опасенія лишиться своихъ богатыхъ владѣній ⁷⁾. Самою чувствительною потерею для православной церкви было отступничество князя Іереміи Вишневецкаго, владѣтеля неизмѣримыхъ пространствъ и неисчислимыхъ поселеній въ южно-русскомъ краѣ.

Главными опорами церкви въ это тяжкое время были: казачество и школы, учрежденныя братствами.

Непоколебимая твердость въ вѣрѣ казацкаго войска удерживала иногда порывы фанатизма папистовъ. Шляхта ненавидѣла казаковъ, но короли дорожили ими, понимая значеніе войска Запорожскаго для обороны королевской власти отъ непокорныхъ и мятежныхъ пановъ, а потому опасались слишкомъ раздражать казаковъ гоненіями на православіе. Такъ особенно при воинственномъ гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, польское правительство не нарушало правъ казацкихъ, и унія въ Малороссіи утихла. Даже на Волицѣ, въ Червонной Руси и въ Литвѣ, при жизни Сагайдачнаго, всегда готоваго извлечь мечъ на защиту вѣры, гоненія ослабѣли. По смерти его они возобновились съ прежнею силою.

Мы имѣли уже случай говорить о церковныхъ братствахъ и основанныхъ ими школахъ. Въ началѣ XVII вѣка они усугубили ревность свою на защиту вѣры; явились и учителя, достойные православія. Одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей православія былъ Леонтій Карповичъ, воспитанникъ Острожскихъ школъ, строитель и первый архимандритъ виленскаго Духова монастыря, съ 1616 г. епископъ владимірскій и брестскій. Онъ еще тогда, какъ былъ іеродіакономъ печерской лавры, въ 1608 г. написалъ обличеніе на унію: онъ описываетъ унію, какъ очевидецъ брестскаго сейма 1595 г. и перомъ достойнымъ событія. Въ званіи архимандрита виленскаго братства, Леонтій въ 1615 г. говорилъ двѣ проповѣди, одну на Преображеніе Господне, другую на Успеніе Богоматери. Эти проповѣди—образецъ сердечнаго краснорѣчія, плодъ глубокаго знанія слова Божія, искусства, достой-

---

въ Острогѣ, въ замковой Богоявленской церкви, возлѣ своего меньшаго и любимаго сына Александра, который умеръ, къ неутѣшной скорби отца и всѣхъ православныхъ, въ 1603 году. Оба сына князя Александра—Константинъ и Иванъ, несмотря на то, что мачеха ихъ, княгиня Анна, была ревностною католичкою и орудіемъ іезуитовъ, жили и умерли православными. Когда дядя ихъ Янушъ, не имѣвшій сыновей, назначилъ въ наслѣдники своихъ племянниковъ подъ условіемъ быть католиками, то оба они отказались отъ богатаго наслѣдства. А сестра и наслѣдница ихъ, княжна Гальшка (Анна) Острожская, въ 1636 году, въ великую субботу, велѣла раскопать могилу достославнаго дѣда своего князя Константина, вынула кости и, обмывъ ихъ, отослала къ матери своей для передачи іезуитамъ. Этотъ святотатственный поступокъ описанъ у М. А. Максимовича подлинными словами современной Львовской лѣтописи (Письма о князьяхъ Острожскихъ. Кіевъ, 1866).

⁷⁾ Владѣніе острожское состояло тогда въ 25 городкахъ, 10 мѣстечкахъ и 670 селеніяхъ, кромѣ приписанныхъ къ разнымъ монастырямъ и церквамъ. Сверхъ того князьямъ Янушу и Александру Острожскимъ принадлежало еще владѣніе Тарновское, оставшееся отъ матери ихъ, княгини Софіи, дочери графа Станислава Тарновскаго. Были у нихъ еще и Литовскія помѣстья, купленныя отцомъ ихъ. Не даромъ была пословица: «богатый якъ Острожскій».

наго церковной кафедры; современники не напрасно называли сего страдальца за вѣру „подобнымъ Златоусту въ витійствѣ“.

Мелетій Смотрицкій, преемникъ Леонтія въ управленіи виленской обители и воспитанникъ того же Острожскаго училища, сперва былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ православія: отягченный злымъ гоненіемъ латинянъ и уніатовъ, онъ имѣлъ слабость (1627) перейти на сторону уніи; по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, онъ раскаялся предъ смертію († 1633).

Въ томъ же Острожскомъ училищѣ написано было весьма дѣльное сочиненіе объ уніи: Апокризисъ или отвѣтъ на Ипатіево описаніе брестскаго собора ⁸⁾. Къ числу училищъ южной Руси въ 1615 году присоединилось еще одно, которому суждено было стать во главѣ всѣхъ прочихъ. Жена Стефана Лозки, маршалка Мозырскаго повѣта, Анна Гулевичевна Лозкина, по наслѣдственной набожности и по любви къ Русскому народу, съ согласія своего мужа отдала кievскій домъ и дворъ свой на пользу общественную, а именно: на устроеніе тамъ монастыря, школы для дѣтей всякаго сословія и гостиницы для духовныхъ странниковъ „греко-восточнаго исповѣданія“, а чтобы ея „фундація“ пришла въ дѣйствіе, она немедленно ввела туда священноинока Исаію Копинскаго съ нѣсколькими монахами и свѣтскими лицами и завела тамъ школу; это распоряженіе свое она утвердила на судѣ записью 1615 года 14 октября. Съ этой записи и начинается положительная и достовѣрная исторія кievскаго братства ⁹⁾. „Богомысленный мужъ“ (по выраженію современниковъ) Исаія Копинскій былъ первымъ исполнителемъ распоряженій достопамятной основатель-

⁸⁾ Эта книга, приписываемая Христофору Вронскому, была напечатана въ Вильнѣ въ 1597 году какъ на польскомъ, такъ и на литовско-русскомъ языкѣ; сочиненіе превосходное по основательности мыслей и любопытное по множеству историческихъ документовъ, на которыхъ основаны мысли автора. Кievская Д. академія къ 50 лѣтнему своему юбилею (въ 1869 г.) изготовила новое изданіе Апокризиса.

⁹⁾ Безъ сомнѣнія, и прежде существовали школы въ Кіевѣ, но объ нихъ не сохранилось достовѣрныхъ свѣдѣній. Преданіе о томъ, будто бы царградскій патріархъ Іеремія, бывшій въ Россіи въ 1589 г., далъ благословеніе на основаніе Богоявленскаго братства, не подтверждено документами. Объ этомъ не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ кievскаго братства, начиная съ 1615 г., между тѣмъ какъ въ актахъ тѣхъ братствъ, которыя несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ, ясно упоминается объ этомъ благословеніи. Наконецъ самыя выраженія записи Анны Гулевичевны 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 года ведутъ къ прямому заключенію, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичевна говоритъ, что даетъ дворъ съ землею «на монастырь ставропигіи патріаршей и школу», т.-е. на будущій монастырь, будущую ставропигію, будущую школу, иначе она назвала бы этотъ монастырь, упомянула бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: «начинаемъ» сей душеспасительный, дружелюбный союзъ братства церковнаго, «начинаемъ» по благословенію святѣйшаго вселенскаго патріарха господина Θεοφана и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ и согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ. (Памятники кievской комиссіи т. II, отд. I, стр. 17, 37—38).

ницы кievскаго братства и первымъ его устроителемъ. Вскорѣ явился новый попечитель кievскаго братства— „мужъ христіанскихъ добродѣтелей и милостынъ полный“, по словамъ митрополита Іова Борецкаго. То былъ питомецъ Острожскихъ школъ и Запорожской Сѣчи, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, уроженецъ червонорусскій. Послѣ многолѣтнихъ войнъ и походовъ, онъ въ 1619 году, „вспомогая православному монастырямъ и церквамъ на Украинѣ“, построилъ въ кievскомъ братствѣ деревянную Богоявленскую церковь съ придѣломъ Благовѣщенія.

Въ 1620 году, среди великаго поста, въ братской гостиницѣ остановился достопамятный духовный странникъ, Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, возвращавшійся изъ Москвы, гдѣ онъ посвятилъ въ санъ патріаршій государева отца Филарета Никитича. При немъ находился экзархъ патріаршаго престола константинопольскаго, Арсеній, архимандритъ великой церкви. Тогда Кievское братство около десяти мѣсяцевъ было, можно сказать, средоточіемъ Кievской іерархіи, куда со всѣхъ ея концовъ принимали обрадованные православные люди. Теофанъ далъ Кievскому братству двѣ благословенныя грамоты и призналъ его патріаршею ставропигіей.

Пребываніе патріарха Теофана въ Кievѣ составило эпоху въ управленіи южнорусской митрополіи. Къ празднику Успенія Пресв. Богородицы (15 августа 1620 г.) съѣхалось, по обыкновенію, множество знатнѣйшаго духовенства, дворянъ и запорожскихъ казаковъ съ своими начальными и гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ. Скорбя о бѣдственномъ положеніи сиротствующей Кievской іерархіи, всѣ, и особенно казаки, стали неотступно просить патріарха Теофана поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовыя польскія конституціи, опредѣлявшія свободу восточнаго вѣроисповѣданія, и указали на примѣръ прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ, которые присылали въ Кievъ ими самими избранныхъ митрополитовъ, тогда Теофанъ склонился на общую просьбу, посвятилъ Іова Борецкаго, игумена Михайловскаго монастыря, въ санъ митрополита и рукоположилъ еще десять епархіальныхъ архипастырей.

Возстановленіе православной Кievской іерархіи встревожило униатскихъ епископовъ. Тотчасъ по отъѣздѣ Теофана изъ Кіева, они подали доносъ Сигизмунду III, что пріѣзжавшій патріархъ былъ никто иной, какъ султанскій шпионъ и возмутитель Малороссіянъ, что Іовъ Борецкій и другіе посвященные Теофаномъ епископы суть его соумышленники, что самое посвященіе ихъ безъ королевскаго разрѣшенія есть нарушеніе и презрѣніе высшей правительственной власти. Окруженный іезуитами, король забылъ на этотъ разъ, что самъ онъ въ томъ же году предписывалъ кievскимъ гражданамъ принимать священнаго гостя съ почтеніемъ, что самъ онъ въ ту пору повелѣвалъ всѣмъ украинскимъ и польскимъ жителямъ провожать его „честно,

безопасно и со всякимъ удобствомъ“. Безъ всякаго изслѣдованія доноса, онъ немедленно велѣлъ разослать универсалы, гдѣ всѣ новопосвященные епископы объявлены были измѣнниками, которыхъ слѣдуетъ ловить и представлять королевскому суду. Напрасно митрополитъ Іовъ посылалъ для оправданія себя Іосифа, епископа владимірскаго: король требовалъ, чтобы къ нему явились и всѣ прочіе. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Іовъ написалъ только свое: „Оправданіе невинности“, посланное имъ къ Сигизмунду III ¹⁰⁾.

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись съ огнемъ и мечомъ на вѣрныхъ чадъ церкви православной. Іезуиты и уніаты, какъ бы соревнуя другъ другу, употребили все, что только могутъ внушить нетерпимость и изуверство. Описаніе этихъ ужасовъ до глубины волнуетъ душу самага спокойнаго испытателя дѣлъ человѣческихъ...

Въ это бурное время наравнѣ съ прочими и Кіевское училище подверглось опустошенію. Братство было разсѣяно; ученики и учителя умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостиница разорена, и не осталось бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Сагайдачный съ своими казаками не остановилъ буйства грабителей и убійць. Огорченный вѣроломствомъ Поляковъ, онъ отказался помогать имъ противъ Турокъ, и поднявшись съ своимъ станомъ, перенелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію. Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ, гоненіе на православныхъ стало значительно утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, овладѣлъ остатками Кіево-братскаго монастыря и занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный далъ монастырю села и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей свое достояніе. Тамъ покоится и прахъ его ¹¹⁾.

Митрополитъ Іовъ Борецкій (1620—1631), посвященный изъ игуменовъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, былъ, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, „благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языки добръ умѣвый и тѣхъ языковъ иныя въ школѣ учивый“ ¹²⁾. Имъ въ 1621 году издано „Совѣтованіе о благочестіи“,—сочиненіе столь превосходное, что переносить съ собою читателя во времена мужей апостольскихъ. Вотъ нѣкоторыя правила его: „Возбуждать и приготавливать къ св. мученичеству какъ самихъ себя, воспоминаая слова Христовы—пастырь добрый ду-

¹⁰⁾ Наконецъ Сигизмундъ послалъ въ Грецію удостовѣриться, точно ли Теофанъ былъ патриархъ іерусалимскій. Утвердительное показаніе посла заставило короля признати напраснымъ гоненіе, воздвигнутое имъ на новопосвященныхъ епископовъ.

¹¹⁾ См. мое первое письмо изъ Кіева, Душеч. Чт. 1869 г., ч. III, отд. 2, стр. 57.

¹²⁾ Онъ учился и былъ учителемъ въ Львовской школѣ, потомъ священникомъ въ Кіевѣ. Имъ издано, еще до святительства, нѣсколько полезныхъ книгъ: «Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ», переведенный имъ самимъ съ греческаго, напечатанъ въ 1628 г. «во дворѣ Іова Борецкаго, митр. Кіевскаго».

шу свою полагаетъ за овцы, такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ и терпѣли бы, какъ за вины, притѣсненія отъ властей, а также и оковы, наконецъ охотно, мученически, принимали бы всякую смерть, ради Господа... Не должно гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью клириковъ, если они архіереямъ и другимъ начальникамъ напоминаютъ что-нибудь, или отъ чего предостерегаютъ; напротивъ, позволить имъ это дѣлать, помня, что и царей и патріарховъ предостерегали и обличали... Если архіереи и другіе настоятели съ любовью допустить дѣлать себѣ замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное, то отцы въ сынахъ, а сыны въ отцахъ пребывать будутъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа“.

Когда православный епископъ Полоцкій, Мелетій Смотрицкій, послѣ путешествія въ Римъ, написалъ „Защищеніе путешествію по восточнымъ землямъ“, въ которомъ онъ не только высказалъ желаніе, дабы „восточная Церковь соединилась съ западной“, но и написалъ оскорбительныя клеветы на Церковь восточную и русскихъ защитниковъ православія,—митрополитъ Іовъ созвалъ соборъ (въ 1628 году) въ Печерской лаврѣ. Общимъ приговоромъ сочиненіе Мелетія признано противнымъ истинной церкви, а самъ авторъ принужденъ былъ торжественно отказаться отъ своихъ мнѣній.

Между тѣмъ иезуиты и униаты, оспаривая законность существованія Кіевской школы, воздвигнутой Сагайдачнымъ безъ королевскаго разрѣшенія, дѣлали ей разныя притѣсненія и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смѣли продолжать своихъ благотвореній: если бы кто, даже по духовному завѣщанію, отказалъ что-нибудь въ пользу церкви и училища, принимать не дозволялось.

Налоги, утѣсненія, гоненія на Малороссію до того усилились, что наконецъ воевода кіевскій счелъ себя вынужденнымъ принести королю и сенату жалобу о горестномъ состояніи народа русскаго, доведеннаго до крайности. Тогда же митрополитъ Іовъ отправилъ изъ Кіева въ Москву Исаакія, епископа Луцкаго, съ просьбою къ царю и патріарху принять Малороссію подъ свое покровительство. Уважая права народныя и не желая поступить противъ чести, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ и нарушить миръ съ Польшею¹³⁾; но щедро одарилъ митрополита и посланника его. Малороссія опять продолжала бороться своими собственными силами. Послѣ кровавой борьбы, разбитые Поляки старались помириться съ казаками и предложили имъ въ гетманы коневскаго уроженца Тимо-

¹³⁾ Впрочемъ бояре московскіе сказали Исаакію: «А если впередъ Вамъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будутъ утѣсненія, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте знать; тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божія и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленія видѣть (Истор. Росс. Соловьева т. X, стр. 95—96).

ея Арандаренка. Митрополитъ Іовъ и новый вождь храбрыхъ запорожцевъ, съѣхавшись въ Черкассахъ, положили отправить къ королю двухъ представителей съ жалобою на розоренія, причиняемая Украинѣ войною. Въстѣ съ тѣмъ Іовъ поручилъ имъ исходатайствовать у короля привилегію на заведенную въ Кіевѣ братскую школу. Въ 1629 году послѣдовала королевская грамота, которою утверждалось устройство на усадьбѣ подаренной Анною Гулевичевною, братства милосердія и богадѣльни, съ тѣмъ, дабы что „они своимъ изживеніемъ ни построили бы, то на вѣчныя времена должно остаться во власти и вѣдомствѣ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ потомковъ“. О школѣ впрочемъ тутъ не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамота эта писалась подъ редакцію ближайшихъ совѣтниковъ короля—іезуитовъ, для которыхъ борьба съ училищами была во сто разъ труднѣй, чѣмъ разграбленіе церквей, монастырей и богадѣленъ. Но на этотъ разъ довольно было и такой привилегіи: все-таки она могла служить хоть какою-нибудь защитой отъ безпрестанныхъ нападений заклятыхъ противниковъ православнаго училища. Наконецъ, на сеймѣ, послѣ самаго шумнаго засѣданія, повелѣно и духовнымъ и мірянамъ обоихъ вѣроисповѣданій сохранять миръ и спокойствіе, а за насильство и наѣзды на владѣнія, принадлежащія православнымъ, положенъ штрафъ въ три тысячи гривенъ. Такимъ образомъ, при концѣ жизни своей, митрополиту Іову привелось увидѣть хотя малые плоды своихъ многолѣтнихъ попеченій о спокойствіи угнетеннаго края.

Преимникомъ святителя Іова былъ Исаія Копинскій, воспитанникъ острожскихъ училищъ, съ молодыхъ лѣтъ до гроба подвижникъ. Онъ 14 лѣтъ провель въ Антоніевой пещерѣ и былъ ея настоятелемъ, потомъ короткое время начальствовалъ въ Богоявленскомъ братствѣ при самомъ учрежденіи училища. По просьбѣ старцевъ, принималъ онъ на себя заботы объ устройствѣ новаго Густинскаго монастыря, по его ходатайству князь Михаилъ Вишневецкій обезопасилъ существованіе новой обители своими распоряженіями; а супруга его, княгиня Ирина (Раина) Вишневецкая назначила, какъ для устроеннаго имъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря, такъ и для новаго Ладинскаго скита, угодыя, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ женскимъ, а игуменіею была сестра отца Исаіи Александра¹⁴⁾. Изъ игуменовъ Межигорскаго монастыря посвященъ онъ въ 1620 г. патр. Теофаномъ въ епископа Перемышльскаго. Гоненіе, воздвигнутое іезуитами и униатами, принудило его оставить Перемышль. Въ Ладинскомъ скиту съ послушникомъ Геннадіемъ выкопалъ онъ своими руками пещеру, построилъ кельи и другія принадлежности: въ Густынѣ и Мгарѣ построилъ и освятилъ храмы. Любимымъ мѣстомъ пребыванія его былъ

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. IV, № 214—216. Княг. Раина Вишневецкая называлась «Могилянкою», потому что происходила изъ Молдавской княжеской фамиліи Могиля. По всей вѣроятности, она приходилась теткою митропол. Петру Могиля.

Ладинскій скитъ ¹⁵⁾. Съ званіемъ архіепископа Смоленскаго и Черниговскаго, присутствовалъ онъ на соборѣ, призывавшемъ Мелетія къ раскаянію. Въ томъ же званіи онъ подписался на исправленіи служебника, изданнаго въ Кіевѣ въ 1629 году.

Блаж. Исаи одолжена Церковь превосходнымъ назидательнымъ сочиненіемъ — „Духовною лѣствицею“. Это сочиненіе издается между сочиненіями св. Димитрія Ростовскаго, но ему принадлежитъ развѣ только переводъ сочиненія на славянскій языкъ ¹⁶⁾. Особенно важно и по содержанію и по духу посланіе святителя къ князю Іереміи Вишневецкому, сыну благотворительницы основанныхъ имъ монастырей, съ увѣщаніемъ возвратиться къ прародительской вѣрѣ: „Милостивый князь,—взывалъ къ отступнику богомысленный старецъ,—сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего благочестиваго христіанства преисполнились скорбію неизрѣченною, когда мы увидѣли, что ваша княжеская милость, вождельнная утѣха наша, отрекается отъ святой вѣры вашихъ предковъ и родителей. Плачетъ и сѣтуетъ Церковь Божія, вами покинутая. Всѣмъ намъ вѣдомо, какими страшными клятвами связала васъ, относительно религіи, родительница ваша, блаженной памяти княгиня Раина, отходя отъ міра сего. На чью душу падаетъ грѣхъ, Господь вѣдаетъ. Но мы знаемъ, что отцовская клятва сушитъ, а материнская искореняетъ. Спросилъ бы я всѣхъ, зачѣмъ отрекаются отъ древней и чистой вѣры? Если для мудрости міра сего, то она мудрость есть юродство предъ Богомъ, по слову Апостола. Если для избѣжанія заблужденій, то да вѣдуютъ всѣ, что нѣтъ и бытъ не можетъ заблужденія въ православной церкви Христовой; скорѣе тамъ оно найдется, гдѣ ежегодно что-нибудь прибавляется, или убавляется по изволенію человѣческому. Если же для почести міра сего и для корысти—то это дѣло постыдное и низкое, недостойное вашего славнаго рода“ ¹⁷⁾.

Кратковременное управленіе митрополіею Исаи (1631—1633) ознаменовано, по отношенію къ юго-западной Россіи, нѣкоторою льготою для православія, а по отношенію къ Кіево-братскому училищу полнымъ развитіемъ многополезной дѣятельности Петра Могилы.

¹⁵⁾ «Гамо наипаче жительствовати обыче на уединеніи; не хотяще бо ни въ чесомъ братіи (Густынской) отягчати клиросомъ своимъ и самымъ собою» (Лѣтоп. Густынскаго монастыря, изд. въ Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древ. 1848).

¹⁶⁾ Въ рукоп. Синодальной библіот. (146), принадлежавшей самому св. Димитрію, заглавіе сочиненія говорить: «Лѣствица духовнаго по Бозѣ жительства написана отцемъ Исаіею Копынскимъ, послѣди бывшимъ митропол.» Тоже видимъ и въ другихъ спискахъ у царскаго, № 229; у Толстого II, № 305).

¹⁷⁾ Акты Зап. Росс. IV, № 526.

ГЛАВА IV.

Благотворное правленіе митрополита Петра Могила. Кіевская коллегія.—Преподобный Аеанасій Брестскій и Іовъ Почаевскій.

Величайшій благодѣтель кіевской школы, Петръ Могила, происходилъ отъ князей молдавскихъ, былъ внукомъ волошскаго князя Іоанна и сыномъ молдавскаго князя Симеона. Онъ принадлежалъ къ тому семейству, которое всегда славилось своею ревностію къ православію и любовью къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Въ Кіевскомъ каталогѣ митрополитовъ сказано, что Петръ Могила получилъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ словесныхъ наукъ и богословія; другіе же пишутъ, что онъ обучался во львовской школѣ. Не утверждая ни того, ни другого мнѣнія, мы видимъ только, что Могила совершенно былъ знакомъ съ европейскимъ образованіемъ; онъ лучше всѣхъ усмотрѣлъ то, чего тогда не доставало нашему отечественному просвѣщенію. Въ молодости онъ находился въ военной службѣ и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно, что заставило Петра Могила промѣнять блестящее поприще, ожидавшее его въ мірской жизни, на скромную долю инока: пути Промысла неисповѣдимы и часто вопреки всѣмъ предположеніямъ ведутъ они человѣка къ цѣли высокой, которой съ другаго противоположнаго пути и не видно. Печерскій архимандритъ Захарій Копыстинскій (1614—1626) принялъ его въ число святаго братства. Здѣсь въ общеніи съ учеными братьями, которые единственною цѣлію своихъ мирныхъ занятій поставляли поддержаніе православія, онъ ближе могъ ознакомиться съ состояніемъ и нуждами русской церкви и довершить свое образованіе, полученное имъ въ мірѣ.

Обитель Кіевопечерская была тогда одною изъ главныхъ опоръ гонимаго православія. Заведенная въ ней архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ типографія издавала необходимыя книги для православныхъ церквей и возникавшихъ училищъ. Святогорскіе иноки: Кипріанъ, получившій образованіе въ Венеціи и Падуѣ, Іосифъ, протосинкелль александровскаго патріарха, виленскій проповѣдникъ Лаврентій-Зизаній Тустановскій, Памва Берында и Тарасій Земка приготовляли переводы писаній отеческихъ. Архимандритъ лавры, Захарія Копыстенскій, кромѣ переводовъ, писалъ защищеніе православнаго

ученія отъ нападенія латинянъ и другихъ иновѣрцевъ ¹⁾. Такимъ образомъ въ киевопечерской лаврѣ, несмотря на гоненія враговъ, все одушевлено было ревностію по православію; ученые иноки старались и въ прочихъ братіяхъ и служителяхъ церкви возбудить усердіе къ православнои вѣрѣ и слову Божію. Потомокъ княжескаго рода, имѣвшій, конечно, значительныя связи, отлично образованный Могила и въ санѣ простого іеромонаха пользовался особеннымъ вліяніемъ на дѣла церковныя. Онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ митрополиту Іову, и къ архимандриту печерской лавры Захаріи. Съ ними-то онъ думалъ думу крѣпкую о бѣдственномъ положеніи церкви православнои; съ благословенія ихъ онъ исполнилъ замысль, дотолѣ небывалый. Не столько боясь огня и меча враговъ вѣры истинной, сколько зловреднаго и хитрообольстительнаго ихъ ученія, Петръ Могила рѣшился образовать достойнѣйшихъ имъ соперниковъ. Для этой цѣли, выбравъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей изъ иноческаго и свѣтскаго званія, онъ отправилъ ихъ на собственномъ своемъ иждивеніи за границу для усовершенствованія въ выснихъ наукахъ.

Когда архимандритъ Захарія скончался (въ апрѣлѣ 1626 г.), и братія лавры, по своимъ правамъ, приступили къ избранію новаго настоятеля вольными голосами, то нашлось много голосовъ въ пользу іеромонаха Петра, челоувѣка знатнаго родомъ, истиннаго ревнителя о благѣ церкви, хотя ему едва было тридцать лѣтъ отъ роду, и прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ вступилъ въ монастырь. Правда, были и несогласныя на это избраніе, и обитель довольно времени оставалась безъ настоятеля; но наконецъ ученые братія восторжествовали. Патріархъ константинопольскій Кирилль Лукаръ, отъ котораго зависѣла лавра, какъ его ставропигія, утвердилъ избраніе.

Кіевопечерская лавра только съ половины XVI столѣтія начала возставать изъ развалинъ. Сколько позволяли обстоятельства, настоятели ея! Малетій, Елисей и Захарія, заботились объ улучшеніи наружнаго ея состоянія. Петръ Могила, будучи архимандритомъ лавры и въ санѣ митрополита въ продолженіе девятнадцати лѣтъ, не жалѣлъ ни своихъ денегъ, ни трудовъ на ея устройство. Онъ обновилъ извнѣ и внутри церковь Успенія Божіей Матери, украсилъ св. пещеры, возстановилъ упавшія церкви. При немъ въ первый разъ издано описаніе житій преподобныхъ, подвижавшихся въ пещерахъ, или Патерикъ, въ прославленіе памяти древнихъ подвижниковъ ²⁾. При немъ описа-

¹⁾ Важнѣйшее изъ сочиненій Захаріи «Палинодія, или оборона св. католической Церкви», къ сожалѣнію, донинѣ остается въ рукописяхъ. Здѣсь отецъ Захарія съ силою мысли и теплотою чувства поражаетъ противника на каждомъ шагѣ его и предлагаетъ много любопытнаго о состояніи православнои Церкви. Въ другомъ сочиненіи: «Предисловіе къ толкованію посланій апостольскихъ», Захарія предлагаетъ прекрасное увѣщаніе духовнымъ и мірянамъ изучать священныя книги.

²⁾ Трудъ Сильвестра Коссова, въ то время префекта Кіевской Коллеги, изд. въ Кіевѣ 1635 г. на польскомъ языкѣ. Въ предисловіи Сильвестръ пишетъ: «Посѣщая пещеры Кіевскія и гробы св. отецъ и чудясь нетлѣнію святыхъ тѣлъ ихъ, не разъ я горь-

ны и совершившіяся при св. мощахъ угодниковъ Божіихъ чудеса, которыя, вопреки несправедливымъ толкамъ враговъ православія, не изсякали и по отпаденіи уніатовъ; а вмѣстѣ описана и лавра съ ея пещерами ³⁾. Онъ возвратилъ подѣ управленіе лавры древній монастырь въ Кіевѣ Пустынно-Николаевскій, основалъ Голосѣевскую пустыню и на свой счетъ завелъ богадѣльню.

Другое дѣло, постоянно занимавшее Петра, было учрежденіе вышшаго училища въ Кіевѣ для образованія достойныхъ защитниковъ православія. Училище, существовавшее въ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ, не достигало этой цѣли, потому что не доставляло вышшаго богословскаго образованія. Между тѣмъ для желающихъ такого образованія изъ уніатовъ открытъ былъ доступъ въ коллегію, основанную папою Григоріемъ XIII для грековъ въ Римѣ, гдѣ по просьбѣ уніатскаго митрополита кіевскаго назначено было постоянно содержать на казенный счетъ четырехъ воспитанниковъ изъ Русскихъ. Многіе изъ учившихся въ этой коллегіи заняли потомъ значительныя мѣста въ грекоунитской іерархіи. Подобную же коллегію, или семинарію, положили основать въ Минскѣ уніатскіе епископы.

Петръ Могила дождался возвращенія изъ-за границы своихъ питомцевъ, а другихъ ученыхъ взялъ изъ львовскаго православнаго братства и назначилъ имъ пребываніе въ лаврѣ, обязавшись письменнымъ условіемъ доставлять имъ содержаніе и всякія пособія. Патріархъ Константинопольскій Кирилль Лукаръ и управляющій митронолією кіевскою Исаія Копинскій преподали благословеніе на сіе святое дѣло. Епископы: луцкій, пинскій и хельмскій, знатнѣйшее духовенство кіевское и почетное братство лаврское письменно изъявили на то свое согласіе. Какъ велика была ревность къ святому дѣлу въ лаврѣ, доказываетъ подпись одного изъ числа братіи ея Антонія Мужиловскаго, который подписался такъ: „Антоній Мужиловскій, іеромонахъ и старецъ монастыря печерскаго, при томъ кровь свою пролить готовъ“.

Однакоже вскорѣ по прошенію главныхъ сословій: православнаго духовенства, войска казацкаго и обывателей города Кіева Петръ Могила рѣшилъ соединить свое вновь заводимое училище съ Бого-

---

ко плакалъ, что несчастливое завистливое время до сей поры не явило свѣту избранныхъ Божіихъ, которыхъ прославилъ самъ Богъ. Когда же нынѣшній нашъ архипастырь (Петръ Могила) изъявилъ свое попеченіе и волю, чтобы житія святыхъ были очищены отъ праха и изданы въ свѣтъ, тогда я охотно углубился въ хроники и лѣтописи греческія, славянскія, латинскія, русскія и польскія, чтобы узнать—кто были сіи избранные Божіи и когда они жили».

³⁾ Аванасій Кальнофойскій, инокъ пещернаго монастыря, сочинилъ на польскомъ языкѣ «Тератургима, или чудеса, какъ въ самомъ Печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ св. пещерахъ», съ истор. замѣчаніями. Набожный повѣствователь исчисляетъ до 64 чудесъ современныхъ ему (1594—1638), присовокупляя клятвенное свидѣтельство отъ каждаго объявлявшаго о чудѣ, совершившемся надъ нимъ. Все это описаніе предпринято и совершено было съ тѣмъ, чтобы опровергнуть злосамѣренные клеветы уніатовъ и іезуитовъ, будто въ православной Церкви нѣтъ болѣе чудесъ.

явленскимъ. Причиною такой переменѣны съ одной стороны было опасеніе, чтобы училище Богоявленское совсѣмъ не упало, имѣя столь значительнаго соперника въ училищѣ лаврскомъ, у котораго были лучшіе наставники, съ другой, быть можетъ, и желаніе самого Петра скорѣе достигнуть цѣли трудовъ своихъ, такъ какъ въ училищѣ братскомъ воспитанники уже были готовы для высшаго образованія, тогда какъ въ лаврѣ надлежало бы еще готовить ихъ. Петръ Могила удержалъ за собою званіе старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна, смотрителя и защитника въ братскомъ училищѣ. Такимъ образомъ давнее желаніе его исполнилось: кругъ образованія духовнаго былъ расширенъ, и приняты въ преподаваніи наукъ лучшія методы, какія существовали тогда въ иностранныхъ училищахъ.

На сеймѣ 1632 года, бывшемъ по смерти короля Сигизмунда и избранномъ на престолъ польскій сына его Владислава, знаменитый архимандритъ Печерскій былъ въ числѣ депутатовъ отъ Малороссіи. При усиленныхъ стараніяхъ его и православныхъ его сотоварищей въ первый разъ послѣ водворенія уніи было торжественно признано правительствомъ существованіе православной митрополіи и четырехъ епархій. Тогда же положено: 1) быть двумъ митрополитамъ, уніатскому и благочестивому (т.-е. православному); 2) въ Полоцкой епархіи быть двумъ епископамъ и благочестивому имѣть пребываніе въ Могилевѣ; 3) въ епархіяхъ перемышльской и львовской всегда быть благочестивымъ епископамъ; 4) лупцкую епископію уступить имъ же; 5) благочестивымъ свободно относиться къ священникамъ и епископамъ хотя бы другой епархіи. Возвратить имъ нѣсколько монастырей и храмовъ, отнятыхъ унитами. Жарко спорили ляхи и униты, не допуская внести сей актъ въ актовыя книги; но успѣли только въ томъ, что исполненіе его отложено до времени. На сеймѣ коронаціонномъ (13 февраля 1633) Владиславъ возобновилъ актъ, предоставлявшій свободу православнымъ, и присягнулъ въ охраненіи безопасности православія. Тогда же вся Рѣчь Посполитая подтвердила дипломъ, выданный королемъ.

Въ то же время всѣ православные, бывшіе на сеймѣ, единодушно избрали въ санъ митрополита кievскаго Петра Могила. Ему хорошо было извѣстно, что іезуиты и уніаты не отдадутъ безпрекословно того, что они привыкли уже считать своею собственностію, что съ ними надо будетъ дѣйствовать энергически. Съ другой стороны, онъ видѣлъ, что жезлъ кievской іерархіи въ дряхлыхъ уже рукахъ, что старецъ Исаія не выдержитъ ожидаемаго напора со стороны враговъ Церкви восточной; поставляя все это на видъ православнымъ, собравшимся на сеймъ, онъ не сталъ отказываться отъ единодушнаго избранія, несмотря на то, что Исаія былъ еще живъ. Петръ не могъ не видѣть, что оказывается какъ бы неблагодарнымъ къ своему ближайшему благодѣтелю, что дѣло это можетъ лечь пятномъ на достопамятную его память: но, имѣя цѣлью умиротвореніе страждущей Цер-

кви и оборону ея отъ враговъ, онъ рѣшился пожертвовать своею личною безукоризненною и принялъ жезлъ архипастырскій ⁴⁾.

Получивъ королевское утверждение и испросивъ благословеніе патріарха Цареградскаго, Петръ Могила вызвалъ во Львовъ валашскаго митрополита съ епископами и принялъ отъ него посвященіе (28 апрѣля 1633 г.). Послѣ того онъ снова воротился въ Краковъ и присутствовалъ при коронаціи короля Владислава IV, послѣдовавшей 6 февраля того же года. Во время торжествъ и церемоній Могила не терялъ изъ виду своего возлюбленнаго училища. Испросивъ себѣ позволеніе и въ санѣ митрополита оставаться архимандритомъ Кіевопечерской лавры, а также и Никольскаго монастыря блюститель, Могила началъ ходатайствовать о дозволеніи преобразовать кіево-братскія Богоявленскія школы въ православную академію. Но сколь легко достигъ онъ утвержденія первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять послѣднее требованіе. Особенно непріятно это было католическому и униатскому духовенству; оно ясно видѣло, что заведеніемъ первокласснаго училища готовится неизбѣжный подрывъ всему тому, что воздвигали они столько лѣтъ и съ такими непріятностями и трудами. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ чиновъ сейма рѣшительно отвергли просьбу Петра Могилы; но когда Владиславъ IV, по неотступному его ходатайству, изъявилъ твердую свою волю о преобразованіи кіево-братскаго училища, тогда заспорили о переименованіи его въ академію. Могила уже не счелъ нужнымъ гнаться за именемъ, когда самое дѣло было сдѣлано, и получилъ желаемую привилегію на образованіе „коллегіи“, въ которой введено было странное преподаваніе философіи и богословія.

Первопрестольный городъ православія въ Россіи, послѣ многократнаго разоренія Монголами и Литовцами надолго оставленный сво-

⁴⁾ Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что «сѣхавшіеся на сеймъ православные депутаты признали престарѣлаго Исаю неспособнымъ, а можетъ быть онъ не былъ еще и посвященъ. Ни Сильвестръ Коссовъ, ни кіевскій каталогъ не полагаютъ его въ числѣ кіевскихъ митрополитовъ» (Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ. 1825, стр. 166—171). Нѣкто Ерличъ въ своей лѣтописи, писанной на польскомъ языкѣ, обвиняетъ Петра Могилу въ низверженіи Исаи и грубыхъ иоступкахъ съ нимъ. Но Ерличу нельзя вѣрить, потому что онъ, какъ шляхтичъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ всегда къ нимъ благосклоненъ и опирался на казачество, а потому шляхетство старалось всячески очернить его. Скорѣе можно думать, что старецъ-подвижникъ Исаія, дряхлый и немощный, самъ благословилъ любимаго архимандрита печерскаго искать себѣ первосвятительскаго мѣста. Если бы избраніе Могилы было не по мысли Исаи, онъ успѣлъ бы предупредить исполненіе придуманнаго дѣла, продолжавшагося почти годъ, и не приминувъ бы писать объ этомъ и къ православнымъ, бывшимъ на сеймѣ, и къ подвѣдомственнымъ ему епископамъ, и даже къ самому королю; а мы не видимъ ни протеста, ни жалобы. По прибытіи новаго митрополита, Исаія спокойно и благодушно сходитъ съ утомившаго его поприща, конечно благославляя въ душѣ сильнаго умомъ и волею мужа, подъявшаго тяжкое бремя на рамена свои. Лѣтописецъ кіевскій скромно замѣчаетъ объ Исаи: «Сидяше на митрополіи яко двѣ лѣтъ со всякимъ бѣдствованіемъ и остави престоль судомъ Нѣкіимъ Божиимъ, понеже изнемогъ бѣ старостію». Блаж. старецъ почилъ въ печерской лаврѣ въ 1634 г.

ими митрополитами, во время Петра Могилы имѣлъ не болѣе десяти или двѣнадцати церквей православныхъ. Софійскій кафедральный храмъ, или монастырь, со времени уніи принадлежащій уніатскимъ митрополитамъ, былъ въ запустѣніи. Петръ Могила, возвративъ его въ свое вѣдѣніе, первое стараніе употребилъ на возстановленіе этого священнаго памятника благочестія Ярославова, если не въ прежнемъ величіи, то по крайней мѣрѣ въ достойномъ его благолѣпіи. Не укрылись отъ его благочестивой попечительности и другіе памятники древней святыни. Онъ возобновилъ древній храмъ Спаса въ Берестовѣ, возстановилъ монастырь Выдубицкій, началъ возобновлять и церковь Десятинную, подъ развалинами которой обрѣлъ священные останки св. в. к. Владиміра. Такими услугами святитель Петръ засвидѣтельствовалъ не только свое благочестіе, но и глубокое сочувствіе ко всему древне-русскому. Заботясь объ удовлетвореніи главнѣйшихъ потребностей своей паствы, Петръ Могила обратилъ вниманіе и на изданіе церковныхъ книгъ. Онъ требовалъ, чтобы никакія церковныя книги не выходили вновь безъ сличенія съ греческими и самъ трудился надъ ихъ пересмотромъ и исправленіемъ. Этимъ **благовременнымъ распоряженіемъ** онъ устранилъ отъ своей Церкви тѣ смуты, какія произошли въ Церкви великороссійской отъ первыхъ неисправныхъ изданій, выходившихъ болѣе полустолѣтія. Еще будучи архимандритомъ лавры, Петръ Могила вмѣстѣ съ соборомъ малороссійскихъ епископовъ занимался пересмотромъ Служебника. Послѣ того онъ трудился надъ приготовленіемъ къ изданію Цвѣтной Трїоди и особенно Потребника. Этотъ послѣдній трудъ, кромѣ своей обширности, важенъ и по тѣмъ наставленіямъ, какія предлагаются для священнодѣйствующаго о существѣ и образѣ совершенія св. таинствъ.

Особенное защищеніе православной вѣры и богослуженія обнаружено было Петромъ Могилою противъ сочиненія бывшаго ректора кїевского училища, потомъ архимандрита Дубенскаго, Кассіана Саковича, который сперва обратился въ унію, а послѣ совсѣмъ перешелъ въ Римскую Церковь. Этотъ отступникъ православія издалъ книгу, исполненную самой злобной клеветы противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ—православныхъ и уніатовъ, въ которой особенно напалъ на богослуженіе и обряды православной Церкви, оставшіеся и у уніатовъ, по большей части, неприкосновенными, и обвинялъ православныхъ въ усвоеніи себѣ реформатскихъ мнѣній. При такомъ нападении на православіе ревностный архипастырь не могъ оставаться безотвѣтнымъ. Онъ издалъ опроверженіе на клеветы Кассіана въ книгѣ подъ названіемъ „Камень съ пращи истинной святой православной Церкви Русской“, скрывъ свое имя подъ названіемъ Евсевія Пимена, т.-е. благочестиваго или православнаго пастыря. Съ отчетливымъ знаніемъ дѣла, онъ опровергъ хулы на православное чиноположеніе въ совершеніи таинствъ и обрядовъ богослуженія, представилъ несправедливость укоризнъ, дѣлаемыхъ русскому духовенству, и доказалъ неосновательность ученія Римской

Церкви о главенствѣ папы и объ исхожденіи Святаго Духа „и отъ Сына“

Въ 1640 г. Петръ Могила пригласилъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ на соборъ. Съ 8 сентября начались засѣданія и читанъ былъ Катихизисъ, сочиненный въ Кіевѣ. Предварительныя разсужденія о спорныхъ предметахъ происходили между учеными архимандритами и игуменами подъ предѣдательствомъ Самуила Шацека, ученаго архимандрита Слуцкаго, а соборныя опредѣленія записывали разумные и очень ученые отцы Іосифъ Константиновичъ, ректоръ кіевскій, бывшій потомъ епископомъ мстиславскимъ, и Иннокентій Гизель, ректоръ Гойскихъ школъ. Тогда же разсуждали и составили опредѣленіе не только „о состояніи святыхъ, но и состояніи вообще душъ умершихъ, о частномъ судѣ, о чистилищѣ, о формѣ таинства евхаристіи“. Въ этихъ опредѣленіяхъ видимъ, что соборъ, съ одной стороны, опровергалъ римское мнѣніе о чистилищѣ, съ другой — осуждалъ и крайность реформаціи, введшей, во враждѣ къ Риму, ученіе, что святые до будущаго суда не наслаждаются блаженствомъ, а всѣ вообще души умершихъ остаются до суда въ какомъ-то снѣ, въ состояніи безсознательномъ. Такимъ образомъ соборъ старался отклонять православныхъ сколько отъ ошибокъ папизма, столько же отъ своеволій реформаціи. Въ этомъ духѣ пересмотрѣно и „исповѣданіе вѣры“. Назвавъ его „изложеніемъ вѣры Руссовъ“ (*ἔκθεσις τῆς τῶν Ρῦσσω πίστεως*), соборъ отправилъ его на греческомъ языкѣ на разсмотрѣніе восточныхъ пастырей. Яскій соборъ 1642 г. при депутатахъ русской церкви снова пересмотрѣлъ его и отправилъ къ патріарху. „По настоянію нашей русской Церкви, — писалъ Петръ Могила, — Церковь Константинопольская произнесла проклятіе на всѣ кальвинскіе, еретическіе артикулы вѣры, изданные подложно подъ именемъ св. отца памяти Кирилла (Лукарія), патріарха константинопольскаго, на соблазнъ вѣрныхъ Божіихъ чадъ восточной Церкви“. Это опредѣленіе мая 1662 г., защитившее честь патріарха Кирилла, за подписомъ патріарха Парөөнія, препровождено было къ кіевскому митрополиту и было подписано имъ самимъ и всѣми епископами южной Россіи. „Пусть это обратится въ стыдъ тебѣ и каждому другому, несправедливо обвинявшему насъ въ потворствѣ кальвинизму и лютеранству“, — говорилъ митр. Могила отступнику Кассіану Саковичу. Въ маѣ 1643 г. одобрено было всѣми восточными патріархами изложеніе вѣры Руссовъ и названо „православнымъ исповѣданіемъ каѳолической и восточной Церкви“⁵⁾. Но книга оставалась еще на Востокѣ. Митрополитъ два года ждалъ ее. Въ 1645 г. онъ издалъ сокращеніе православнаго исповѣданія вѣры; объ артикулахъ вѣры, сперва на польскомъ, потомъ на русскомъ языкѣ; на польскомъ для того, какъ сказано въ предисловіи къ русскому изданію, чтобы „загра-

⁵⁾ Это исповѣданіе вѣры, приписываемое позднѣйшими писателями самому Петру Могилѣ, составлено игуменомъ Кіево-Николаевскаго монастыря Исаією Трофимовичемъ и пересмотрѣно митрополитомъ (Обзоръ рус. дух. литературы ч. 1, стр. 271).

дять уста безстыднымъ клеветникамъ, которые на томъ же языкѣ дерзають обвинять предъ свѣтомъ Церковь православно-каѳолическую въ разныхъ ересяхъ“. Хотя пространное исповѣданіе вѣры оставалось еще 29 лѣтъ неизданнымъ, вопреки надеждамъ Могилы ⁶⁾, по опредѣленіе границъ, отдѣляющихъ православіе отъ папизма и реформаціи, уже сдѣлалось общеизвѣстнымъ.

Заботясь непрестанно о созданной имъ Кіевской коллегіи, святитель Петръ далъ ей приличное помѣщеніе въ выстроенномъ на его изживеніи каменномъ домѣ, назначилъ изъ своего имѣнія и изъ волостей лаврскихъ нѣсколько деревень на ея содержаніе и вообще оказывалъ учащимъ и учащимся всякаго рода вспоможеніе. Предоставивъ высшее образованіе юношества коллегіи кіевской, онъ завелъ другое низшее училище въ Винницѣ. Онъ приготовилъ своимъ воспитанникамъ руководство для упражненія въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ въ книгѣ, названной имъ: „Анеологіонъ, или собраніе цвѣтовъ“. Посвящая сію книгу „благонравнымъ студеомъ (студентамъ) школъ кіевскихъ“, онъ писалъ юношамъ: „часто приходило мнѣ на мысль, что въ семъ училищѣ не только должны быть преподаваемы высшія науки, но и особенно должно быть посѣваемо въ сердцахъ вашихъ, юноши, благочестіе. Посему я перевелъ нѣкоторыя духовныя размышленія и рѣшилъ самъ въ настоящее цвѣтущее весеннее время въ видѣ отдыха отъ ежедневныхъ трудовъ и хлопотъ собрать для вашего цвѣтущаго юношескаго и дѣтскаго возраста благоухающіе цвѣты благочестивыхъ размышленій и умилительныхъ молитвъ на лугахъ богодуховныхъ церковныхъ учений и св. Писанія и въ знакъ моего отцовскаго усердія принести ихъ въ даръ всему вашему содружеству, т.-е. конгрегаціи школъ кіевскихъ“.

Современники увѣряють, что ревностный къ вѣрѣ и просвѣщенію архипастырь, видя неустройство и безначаліе Польши и встрѣчая на всякомъ шагу нетерпимость и фанатизмъ папистовъ, совѣтовалъ вождямъ казацкой рати искать себѣ спасенія въ союзѣ съ единокровнымъ и единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. Но Петру могилѣ не суждено было дожить до соединенія Малой Руси съ Великою: еще не достигши преклонныхъ лѣтъ, онъ уже приблизился къ концу своего земного поприща. Обращая взоръ на протекшую свою жизнь, онъ могъ сказать: „все, что имѣлъ я, то посвятилъ вмѣстѣ съ собою на хвалу и служеніе Богу“. Той же цѣли посвятилъ онъ и остатки своего имущества. Въ духовномъ завѣщаніи составленномъ за восемь дней до кончины, онъ объявилъ первую свою наследницею Кіевскую Коллегію, которой существованіе, какъ „единственный залогъ свой“ (*unicum pignus meum*), желалъ упрочить и на будущія времена. Ей оставилъ онъ значительныя суммы на содержа-

⁶⁾ Исповѣданіе вѣры на греческомъ языкѣ въ первый разъ издано Панагіотомъ въ Амстердамѣ 1662 года. Въ переводѣ на славянскій митр. Варлаама Ясинскаго издано по благословенію патріарха Адриана 1696 г. въ Кіевѣ.

не, свою бібліотеку на разныхъ языкахъ и недвижимую собственность, для нея прибрѣтенную; поручилъ ее покровительству знатнѣйшихъ тогда защитниковъ православія и умолялъ ихъ милосердіемъ Божиимъ о сохраненіи ея навсегда, а наставниковъ ея обязывалъ, чтобы они жили по даннымъ отъ него правиламъ и, по смерти его, въ каждый четвертокъ совершали о немъ поминовеніе. Прочее свое имущество Петръ Могила раздѣлилъ кievскому собору, лаврѣ, бѣднымъ монастырямъ и церквамъ, имъ воздвигнутымъ изъ развалинъ. Нѣсколько оставшихся отчинъ онъ передалъ своему брату Моисею, единственному тогда потомку рода Могиль.

Приснопамятный и достопочтимый архипастыръ преставился 31 декабря 1646 года; тѣло его, согласно съ его завѣщаніемъ, положено въ склепѣ Великой церкви Кіево-печерской лавры.

Во время первосвятительства митрополита Петра, съ юго-западной Руси подвизались угодники Божіи: преподобный Аѳанасій Брестскій, мученикъ, и преподобный Іовъ (по прозванію Желѣзо) игуменъ Почаевскій, подвижникъ и чудотворецъ.

Первый изъ нихъ былъ сынъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, получилъ въ молодыхъ годахъ своихъ высокое образованіе, такъ что могъ учить другихъ языкамъ латинскому, польскому и русскому. Въ 1622 г. гетманъ литовскій Левъ Сапѣга, по волѣ короля, отдалъ ему на воспитаніе мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, котораго іезуиты готовили на самозванство, чтобы вновь поднять смуты въ Россіи; по распоряженію Сигизмунда отпускали на содержаніе дорогого челоувѣка до 6000 золотыхъ въ годъ; наставникъ жилъ съ питомцемъ своимъ семь лѣтъ въ Брестскомъ монастырѣ; потомъ, принявъ иночество въ Вильнѣ, въ 1629 году, по гоненіямъ отъ униатовъ, принужденъ былъ переходить съ одного мѣста на другое. Онъ жилъ въ обителяхъ: Кутеинской, Межигорской, Дубовской, что подъ Пинскомъ. Въ 1636 г., по распоряженію канцлера Радзивила, Дубовскій монастырь отданъ былъ іезуитамъ, и православные иноки выгнаны были изъ своей обители. Блаж. Аѳанасій пришелъ въ Купятицкій монастырь; но и здѣсь не было ему покоя отъ папизма. Въ 1637 г. онъ отправился для сбора милостыни въ Бѣлороссію и оттуда въ Москву. Полный помысловъ и заботъ о благѣ православія, представивъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о печальной судьбѣ своей, онъ, для успѣховъ св. вѣры надъ ея врагами, совѣтовалъ изобразить на военныхъ хоругвяхъ образъ Божіей Матери въ крестѣ, по его видѣнію 7). По возвращеніи изъ Москвы онъ назначенъ былъ игуменомъ Симоновскаго монастыря въ г. Брестѣ-Литовскомъ. По долгу званія своего, вступивъ въ споръ объ имѣніяхъ обители, рѣзко обличалъ онъ поклонниковъ папы въ жадности, въ корысти и въ проискахъ злост-

7) Наподобіе Купятицкой Богородичной иконы, находящейся нынѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

ныхъ. Это навлекло на него неприятности; но митрополитъ Петръ Могила защитилъ его.

Провождая житіе въ страхѣ Господнемъ, игуменъ училъ тому же и братію и настойчиво внушалъ—не слушать новыхъ ученій, разсѣваемыхъ отступившими отъ восточной каеолической вѣры; особенно же въ скорбяхъ времени ожидалъ онъ помощи Божіей и проводилъ дни и ночи въ молитвѣ. Положивъ себѣ за правило читать каждую субботу акаеистъ Божіей Матери, онъ съ точностію выполнялъ свое правило. Матерь Божія утѣшила подвижника своего. „Иди, слуга мой,—сказала она блаженному Аванасію въ видѣніи,—смѣло говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной вѣры. Если они не послушаютъ тебя, то навлекутъ на себя судъ Божій,—преданы будутъ во власть сильнаго царя и народа“. Повинуясь Матери Божіей, смѣлый подвижникъ правды объявилъ вслухъ сенаторамъ, что ляхи должны ожидать себѣ кары небесной за кровавыя притѣсненія православію. Тогда въ Варшавѣ находились послы православнаго царя. Блаженный Аванасій открылъ имъ, что іезуиты скрываютъ у себя лицо опасное для Россіи, мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, бывшаго у него на воспитаніи, а теперь уже 15 лѣтъ проживающаго у іезуитовъ; игуменъ доставилъ посламъ и нѣсколько писемъ Лубы, гдѣ тотъ называетъ себя царевичемъ. По волѣ царя послы потребовали, чтобы выданъ имъ былъ самозванецъ, но паны увѣряли, что Луба — бѣдный шляхтичъ, невинный ни въ чемъ, и Польша не можетъ выдать его для казни. Блаженный Аванасій твердо повторилъ сенаторамъ, что напрасно худые люди строятъ ковы противъ православнаго царства,—себѣ во вредъ преслѣдуютъ они православіе. Отъ него требовали доказательствъ, что воспитанникъ его—не сынъ Марины. „Ни покойный Салѣга, ни Мнишки не признавали Лубу за царевича“,—отвѣчалъ онъ. Блаженный Аванасій содержался въ оковахъ и былъ освобожденъ только тогда, когда Русское посольство перестало требовать выдачи Лубы. Послѣ того, въ Кіевѣ, невинный страдалецъ докончилъ свой дневникъ, сохранившійся до нашего времени *). Началась кровавая борьба казаковъ съ ляхами. Отъ блаженнаго Аванасія потребовали, чтобы онъ призналъ законность уніи; за несогласіе же съ произволами человѣческими заключили его въ брестскую подземную темницу и заковали по рукамъ и ногамъ въ кандалы. Твердый исповѣдникъ смѣло объявилъ гнѣвъ Божій польскому правительству за оскорбленіе правъ человѣчества и за защиту, оказываемую тѣмъ, которые нагло оскорбляли Церковь Божію для прихотей человѣческихъ. Ляхи рѣшили предать его позорной смерти. Тогда онъ вслухъ сказалъ: „конечно отступники отъ св. вѣры, надменные ложнымъ просвѣщеніемъ, еще не малое время будутъ преслѣдовать исповѣдниковъ истины небесной; но настанетъ время, когда въ Брестѣ и во всей окрестной странѣ процвѣтетъ православіе и сіяніе его уже

*) «Діаріунгъ Аванасія Филипповича» въ Синод. Библ., № 856.

не померкнетъ; тамъ, гдѣ будетъ лежать тѣло мое, козни враговъ отступниковъ отъ св. вѣры будутъ безсильны“. Св. исповѣдникъ былъ обезглавленъ 5 сентября 1748 г. ⁹⁾.

Преп. Іовъ, въ крещеніи Іоаннъ, сынъ православныхъ родителей изъ Покутья, прозываемыхъ Желѣзо, положилъ начало подвижнической жизни въ Угорницкомъ Спасскомъ монастырѣ, въ Червоной Руси. Сюда поступилъ онъ 10 лѣтъ и спустя два года былъ постриженъ въ монашество. Возрастая послушаніемъ, чистотою и кротостю въ жизни духовной, онъ утѣшалъ друзей благочестія жизнію своею. Здѣсь же въ 30-лѣтнемъ возрастѣ удостоился онъ противъ воли своей и по волѣ настоятеля, сана священства. Извѣстность добродѣтелей его разносилась по Украинѣ. По любви къ благочестію и чистой вѣрѣ, кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій, узнавъ о духовной жизни его, выпросилъ его у Угорницкаго игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей. Дубенскій крестный монастырь расположенъ былъ на островѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою, близъ г. Дубно ¹⁰⁾. Благочестивый князь вызвалъ блаж. Іова въ свою обитель, чтобы поддержать искреннее благочестіе въ инокахъ среди разлившейся порчи нравовъ, растлѣваемыхъ папизмомъ. Ревностный игумень собралъ въ обитель свою многочисленное братство, которое по его наставленію усердно занималось изученіемъ писаній св. Отцовъ. Къ нему приходили многіе слушать наставленія его въ благочестіи. Строгий подвижникъ твердо боролся съ скорбями времени и утѣшалъ другихъ въ скорбяхъ.

По кончинѣ приснопамятнаго князя Константина, при отступникѣ отъ вѣры отеческой, сынъ его Янушъ, начались жестокія гоненія на православныхъ. Блаж. Іовъ болѣе 20 лѣтъ управлялъ Дубенскимъ монастыремъ, но когда увидѣлъ, что нельзя уже ему оставаться болѣе въ томъ краѣ безъ вреда себѣ и другимъ, удалился въ Почаевскую обитель.

Успенская обитель на Почаевской горѣ уже славилась тогда чудесами Богоматери ¹¹⁾. Принявъ на себя, по неотступной просьбѣ братіи, настоятельство, блаж. Іовъ встрѣтилъ и здѣсь новыя скорби, но уже не отъ папистовъ, а отъ протестанта Форлея, наслѣдника благо-

⁹⁾ Мощи преподобно-мученика Аеанасія почиваютъ открыто въ Брестскомъ Симеоновскомъ монастырѣ подъ аркою между соборною церковью и предѣломъ св. архидіакона Стефана.

¹⁰⁾ Теперь на этомъ мѣстѣ находится приходская Воздвиженская церковь.

¹¹⁾ Чудотворная икона Богоматери принесена была греческимъ митропол. Неофитомъ въ 1537 году (Свѣд. о монастыряхъ, стр. 83). Вскорѣ послѣ Брестскаго собора 1893 года ревнительница православія, помѣщица Анна Гойская, соорудила въ 1597 году на горѣ Почаевской обитель, чтобы доставить въ ней безопасное убѣжище гонимому православію и чтобы подъ покровомъ ея воспитывались защитники и поборники православной вѣры. Чудо отъ иконы Богоматери надъ татарами было въ 1607 году. Впрочемъ при Успенскомъ храмѣ жилали иноки и прежде Гойской, но по временамъ разгоняемы были татарами.

честивой Анны Гойской. Онъ отнял у обители имѣнія, пожертвованная ей Гойскою, и всячески тѣснилъ иноковъ, разгонялъ богомольцевъ и хотѣлъ совсѣмъ разорить монастырь. Въ 1623 году послалъ онъ толпу слугъ въ монастырь разграбить его. Въ исполненіе воли пана ограблены были всѣ драгоценныя утвари обители и унесенъ былъ чудотворный образъ Богоматери. Для Форлея и этого было мало. Онъ нарядилъ жену свою въ священныя одежды іерейскія, далъ ей въ руки св. Потиръ и она стала произносить хулы на св. Евхаристію и на Богоматерь. Но въ то же мгновеніе злой духъ овладѣлъ богохульною женою. Страшныя ея муки прекратились только тогда, когда чудотворная икона была благоговѣйно возвращена въ монастырь.

Множество подвиговъ преп. Іова, какъ замѣчаетъ писатель житія его ¹²⁾, „можно уподобить развѣ безчисленному множеству звѣздъ на тверди небесной, и они извѣстны единому Богу, прозирающему въ тайныя изгибы сердець человѣческихъ“. И преп. Іовъ дѣла благотворительности и подвиги поста совершалъ въ тайнѣ, равно какъ и подвиги молитвъ въ изрытой имъ уединенной пещерѣ. Днемъ онъ упражнялся въ разныхъ рукодѣліяхъ и особенно любилъ заниматься садоводствомъ: онъ собственными руками насаждалъ плодовые деревья, прививалъ ихъ, окапывалъ, устроилъ садъ. Самъ же копалъ озеро и обносилъ его плотинами ¹³⁾. Съ братіями обходился кротко и ласково: никто ни слышалъ отъ него слова рѣзкаго. Изъ устъ его всего чаще слышались слова: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго“. Разъ проходя чрезъ гумно монастырское, засталъ онъ человѣка, крадущаго пшеницу. Воръ въ испугѣ палъ къ ногамъ игумена и умолялъ не объявлять о его поступкѣ. Преподобный не только не укорилъ его ни однимъ словомъ, но еще самъ поднялъ на плеча его мѣшокъ и отпустилъ съ миромъ, напомнивъ ему только о томъ отвѣтѣ, который должны мы дать за дѣла свои предъ судомъ Божиимъ,

За нѣсколько лѣтъ до кончины, преп. Іовъ принялъ великую схиму съ именемъ Іоанна. Большую часть времени проводилъ онъ теперь въ пещерѣ, въ строгихъ подвигахъ поста и молитвы. „Если бы каменная пещера, въ которой тайно подвизался преподобный, имѣла уста, говорить ученикъ его Досіеей, она о многомъ повѣдала бы намъ“. Впрочемъ не оставлялъ онъ заботъ и объ инокахъ обители; въ 1649 г. подъ его смотрѣніемъ построены были великолѣпный храмъ Св. Троицы. Въ пещеру затворялся онъ иногда на три дня, иногда на цѣлую недѣлю, чтобы проливать слезныя молитвы за себя и за бѣдствующее православіе края. Однажды во время пламенной молитвы его небесный свѣтъ осіялъ пещеру его и отразился изъ глубины пещеры на храмъ обители. Свидѣтель сего чуда Досіеей палъ въ ужа-

¹²⁾ Житіе преп. Іова писано ученикомъ его Досіеемъ.

¹³⁾ Это озеро, за оградю Почаевской лавры, и садъ у подножія горы, существуютъ и теперь.

сѣ. Отъ подвиговъ стоянія молитвеннаго, ноги преп. Іова отекли и покрылись ранами. Это можно видѣть и понынѣ на нетлѣнныхъ мощахъ его. Гніеніе страдавшихъ ногъ было такъ сильно, что тѣло кусками отпадало отъ костей, но блаж. подвижникъ переносилъ страданія съ дивнымъ терпѣніемъ, по примѣру древнаго Іова. Въ такихъ подвигахъ дожилъ онъ до ста лѣтъ и, предсказавъ день смерти своей за недѣлю, тихо, безъ всякихъ страданій, почилъ 28 октября 1651 г. ¹⁴⁾.

Надъ мощами преп. Іова являлся свѣтъ. Спустя семь лѣтъ по преставленіи его, блаж. игуменъ Почаевскій явился Діонисію Болобану, митрополиту кievскому, и сказалъ, что Господу угодно открыть мощи его. Видѣніе повторилось въ другой и въ третій разъ и сопровождалось угрозою гнѣва Божія за неисполненіе воли Божіей. Наконецъ митр. Діонисій съ архимандритомъ Теофаномъ и съ братією обители (8 августа 1659) открылъ гробъ преп. Іова и мощи его обрѣтены нетлѣнными. При этомъ послѣдовали исцѣленія. Самое замѣчательное изъ нихъ совершилось надъ больнымъ Почаевскимъ игуменомъ Досіеємъ. Наканунѣ праздника Воздвиженія Креста Господня, прибывшая въ обитель благородная панна Домашевская услышала съ прислугою своею необыкновенное пѣніе, исходившее изъ храма, тогда какъ въ окнахъ свѣтился огонь ¹⁵⁾. Сперва подумала она, что иноки совершаютъ всенощное бдѣніе. Посланная служанка Анна нашла церковныя двери отворенными, и въ храмъ слышала пѣніе, а когда вошла въ храмъ, увидала преп. Іова среди свѣтлыхъ мужей, совершающихъ молитву. Въ страхъ стояла она неподвижно, но угодникъ Божій, обратясь къ ней, сказалъ: „не бойся, дѣвушка, иди и позови ко мнѣ игумена обители Досіея“.—„Онъ лежитъ на смертномъ одрѣ, отвѣчала Анна“. Преподобный подаль ей шелковый платъ, омоченный въ муро и велѣлъ отнести къ больному. Анна пошла и у дверей кельи стала звать игумена въ храмъ отъ имени преп. Іова. Больной сперва принялъ этотъ зовъ за мечту; потомъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, взялъ платъ, положилъ его на себя и, почувствовавъ себя окрѣпшимъ, всталъ съ постели и пошелъ въ храмъ. Экклесіархъ, пришедшій къ началу утрени, изумился, увидавъ того, кто вчера лежалъ на смертномъ одрѣ. Какъ это ты, отче, пришелъ сюда? спросилъ онъ игумена „Отецъ нашъ Іовъ молится за насъ и послалъ мнѣ исцѣленіе“, отвѣчалъ игумень. Припомнимъ еще одно чудо изъ нашихъ временъ: въ 1832 году дѣвица Матрона изъ Оренбургской губерніи, три

¹⁴⁾ Хотя въ то время, какъ Почаевскою обителью владѣли уніаты, нетлѣнные останки преп. Іова оставались подъ спудомъ, но православный народъ не переставалъ притекать къ гробу преп. Іова, какъ притекаетъ и нынѣ.—Мощи преп. Іова почиваютъ теперь открыто въ гробницѣ серебряной, пожертвованной благочестивою графинею А. А. Орловой-Чесменскою, въ пещерной церкви, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ блаж. труженикъ подвизался во время земной своей жизни.

¹⁵⁾ Еще дѣло въ Почаевской обители завѣщаніе Домашевской, въ которомъ она проситъ похоронить ее въ церкви, построенной ею, «по чину восточнаго православнаго исповѣданія».

года страдавшая головою болью и отвращеніемъ ко всему святому, приведена была на богомолье въ Кіевъ. Тамъ увидѣла она во снѣ старца, украшеннаго сѣдинами, и близъ него нѣкую жену въ бѣломъ одѣяніи. По слухамъ о чудесахъ Почаевской иконы Богоматери отправилась она въ Почаевскій монастырь и здѣсь надъ мощами преп. Іова получила облегченіе, а предъ чудотворною иконою Богоматери полное исцѣленіе ¹⁶⁾. Это было за семь лѣтъ до уничтоженія въ предѣлахъ Русской земли той уніи, отъ которой такъ много страдали православные въ XVII и XVIII вѣкахъ.

---

¹⁶⁾ Христ. Чтеніе 1834, 1, 113—116.

ГЛАВА V.

Первые годы правленія царя Алексѣя Михайловича. — Никонъ до патріаршества. Преп. Елезаръ анзерскій. — Бунтъ въ Новгородѣ. — Перенесеніе въ московскій Успенскій соборъ мощей святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество. — Никонъ патріархъ. — Присоединеніе Малороссіи и счастливая война съ Польшей. — Моровая язва. — Церковная дѣятельность Никона. — Основанные имъ монастыри. — Заботы о просвѣщеніи. — Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Сношеніе съ востокомъ. — Соборы 1654 и 1655 года. — Судьба расколоучителей.

Царь Алексѣй Михайловичъ, при вступленіи на престолъ, имѣлъ важное преимущество предъ своимъ родителемъ: онъ былъ уже не избраннымъ, а наслѣдственнымъ государемъ; бояре и народъ привыкли смотрѣть на него отъ колыбели, съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ на будущаго законнаго царя. Онъ наслѣдовалъ государство, — многолѣтнею дѣятельностію его родителя успокоенное внутри, огражденное безопасностію извнѣ. Несмотря на то, бремя правленія, неразлучное съ царскимъ вѣнцомъ, казалось, было еще не по силамъ 15-лѣтнему монарху. Ему недоставало твердости и опытности, свойственныхъ лѣтамъ болѣе зрѣлымъ; онъ еще чуждался дѣлъ государственныхъ, искалъ развлеченій, особенно въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти. Судьба не подарила ему руководителя, какого имѣлъ юный Михаилъ въ доблестномъ родителѣ; мать Алексѣя, царица Евдокія Лукьяновна, скончалась чрезъ нѣсколько недѣль послѣ своего супруга. Патріархъ Іосифъ не былъ способенъ замѣнить собою патріарха Филарета: удрученный глубокою старостію, онъ не обращалъ полнаго вниманія даже и на дѣла церковныя ¹⁾, а къ государственнымъ былъ вовсе неспособенъ.

Правленіе перешло въ руки бояръ, и во главѣ ихъ сталъ воспитатель царя, Борисъ Ивановичъ Морозовъ ²⁾, сановникъ умный, обра-

¹⁾ Патріархъ Іосифъ, по старости и слабости, не могъ поддержать даже своей собственной церковной власти: при немъ видимъ сильное господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ, издателей поврежденныхъ богослужебныхъ книгъ. Полное безучастіе старца-патріарха въ составленіи Уложенія было причиною многихъ недоразумѣній впослѣдствіи.

²⁾ «Въ житіи Теодора Ртищева» читаемъ: «бѣ бояринъ честенъ, и смотрителенъ крайній, и царскаго величества отъ его младенческаго возраста хранитель, мужъ крѣпкоду-

зованный, но хитрый и корыстолюбивый. Чтобы обезпечить за собою власть, онъ старался удалить отъ двора родственниковъ покойной царицы; окружалъ юнаго государя людьми, себѣ преданными; доставилъ друзьямъ своимъ важнѣйшія мѣста. Не довольствуясь этимъ, онъ искалъ случая еще болѣе возвыситься посредствомъ родственнаго союза съ семействомъ царскимъ ³⁾.

Другіе бояре завидовали вліянію Морозова: корыстолюбіе, притѣсненія его клеветовъ, въ соединеніи съ нѣкоторыми несвоевременными налогами, вывели изъ терпѣнія народъ. Народъ ропталъ, жаловался на лихоимство судей, достигшее высшей степени; приписывалъ всѣ бѣдствія родственнику царскому, съ которымъ заодно дѣйствовалъ тестъ его Милославскій, человекъ ума ограниченнаго, между тѣмъ возгордившійся своимъ возвышеніемъ, алчный къ обогащенію.

Наконецъ вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ; озлобленная чернь умертвила нѣсколько ненавистныхъ ей чиновниковъ и грабила хоромы Морозова ⁴⁾; онъ такъ же былъ бы убитъ, если бы царь не успѣлъ скрыть и тайно отправить его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь ⁵⁾. Спустя нѣсколько времени, когда жители столицы были успокоены ласками и обѣщаніями, а упразддившіяся мѣста заняты достойными и любимыми сановниками, самъ царь, объявивъ народу, что желаетъ говорить съ нимъ,—въ праздничный день выѣхалъ на лобное мѣсто. Въ сильной и трогательной рѣчи выразилъ онъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ гражданами отъ злыхъ чиновниковъ; обѣщавъ быть ихъ защитникомъ, охранять отъ всякихъ притѣсненій. Особенно тяготила Алексѣя Михайловича забота о судьбѣ нѣжно-любимаго воспитателя. Давъ обѣщаніе наказать Морозова, если найдетъ достойнымъ этого, онъ рѣшился напомнить о немъ; объявилъ, что,

шенъ и строитель дѣлъ царскихъ прилежный. Борисъ званіемъ Морозовъ. Благоволеніемъ же царскимъ бысть силенъ въ словѣ и дѣлѣ». Но здѣсь выставлены одни только похвальные качества Морозова.

³⁾ Когда царь вступилъ въ бракъ, по совѣту Морозова, съ дочерью стольника Милославскаго, Маріей Ильиничной, вдовецъ Морозовъ женился на сестрѣ царицы—Аниѣ.

⁴⁾ При нападеніи возмущившейся черни на кремлевскій домъ Морозова, молодая жена его въ трепетѣ ожидала неминуемой смерти, но неистовые не осмѣлились прикоснуться къ ней. Они сказали только: «благодари Бога, что царя сестра твоя!» Замѣчательная черта въ характерѣ народа, сохранившаго, даже въ минуту сильнаго раздраженія, свою преданность къ царскому дому.

⁵⁾ Въ грамотѣ на имя игумена Аванасія, старца Теокиста и келлара Савватія (Акты Арх. Эксп. IV, 29) добрый царь собственноручно прибавилъ: «а если убережете его такъ какъ і мнѣ добро ему здѣлаете і я васъ пожалую такъ, чево отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». Въ другомъ посланіи къ тѣмъ же властямъ (Доп. III, 45): «Какъ ся грамота придетъ, і вы извѣстите приятелю моему і вмѣсто отца моего родново боярину Борису Ивановичу Морозову, что время ему, воспитателю моему, ѣхать в деревню в Тверскую ево, і сю грамоту ему покажите, і вѣрите ей, а вверху приписалъ а государь царь своею рукою у сей грамоты; а какъ придетъ ко мнѣ Борисъ Ивановичъ, і что скажетъ про васъ, по тому і милость моя къ вамъ будетъ».—Въ томъ же году Кирилловскій монастырь возведенъ на степень архимандріи; настоятелямъ дано священнодѣйствовать съ рипидами и свѣщнымъ осѣненіемъ. Это право и теперь сохранилось.

не требовавъ до сихъ поръ отъ гражданъ никакой жертвы, надѣется что они исполнятъ первую его просьбу, забудутъ проступки боярина, который былъ ему вторымъ отцомъ и наставникомъ, а Морозовъ будетъ стараться заслужить и ихъ любовь. Слезы блистали на глазахъ юнаго Алексія. Народъ упалъ на колѣни, цѣловалъ одежду, ноги его и единогласно восклицалъ: „да будетъ, что угодно Богу и тебѣ, государю! мы всѣ дѣти твои“ ⁶⁾. Столица успокоилась. Черезъ нѣсколько времени возвратился въ нее и Морозовъ. Онъ съ тѣхъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался благотворителемъ народа, защитникомъ угѣсненныхъ и, по свидѣтельству современниковъ, вмѣсто прежней ненависти, заслужилъ общую любовь ⁷⁾.

Впрочемъ волненіе, прекратившееся въ Москвѣ, отозвалось въ другихъ городахъ, гдѣ также народъ жаловался на злоупотребленія. Въ это смутное и тяжкое время Промыслъ Божій послалъ юному царю твердаго и вѣрнаго руководителя. Избранникъ Промысла явился къ Алексію въ лицѣ игумена отдаленной и малозначительной обители Кожеезерской, Никона.

Громадное значеніе этой великой (хотя и не всегда безупречной) личности въ исторіи Русской Церкви налагаетъ на насъ обязанность прослѣдить жизнь Никона отъ начала ея до конца.

Въ 1605 году у крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ Никита. Онъ скоро лишился своей матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачехи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни, и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома отца въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера и ревностію въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. На 21 году онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села; но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустѣ. Черезъ два года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собою въ Москву. Черезъ 10 лѣтъ, лишившись дѣтей, Никита уговорилъ жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ.

Анзерскій островъ лежитъ въ двадцати двухъ верстахъ отъ

⁶⁾ Хотя смутныя обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія Алексія Михайловича не имѣютъ прямого отношенія къ истор. Русской Церкви, но мы сочли необходимымъ упомянуть, хотя кратко, о бунтѣ черни въ Москвѣ для того, чтобы показать разницу этого времени отъ послѣдующаго, бывшаго уже подъ другимъ вліяніемъ, и чтобы выставить на видъ свѣтлую черту народа, всегда благоговѣвшаго передъ собою помазанника Божія.

⁷⁾ По возвращеніи, Морозовъ продолжалъ участвовать въ важнѣйшихъ дѣлахъ; и Алексій Михайловичъ, до самой кончины его (1662 г.), пользовался совѣтами мужа, умудреннаго долговременною опытностію (Мейербергъ, стр. 296). Замѣчательнымъ памятникомъ огромнаго богатства этого боярина осталось паникадило чудной работы, пожертвованное имъ въ Успенскій соборъ, и, къ несчастію, похищенное непріятелемъ въ 1812 г. Въ немъ было болѣе ста пудовъ чистаго серебра, на позолоту употреблено 2000 золотыхъ, столько же заплачено за работу (Берхъ II, стр. 181).

острова Соловецкаго. Онъ былъ прежде необитаемымъ и служилъ только временнымъ пристанищемъ для Бѣломорскихъ судовъ и промышленниковъ, покуда не поступилъ въ собственность Соловецкаго монастыря по грамотѣ, данной еще при жизни преп. Зосимы Соловецкаго отъ вѣча великаго Новгорода, незадолго до уничтоженія вольности Новгородской. Настоятели монастыря завели тамъ солотоварни и при нихъ поставили первую деревянную церковь св. Николая. Въ 1616 году поселился на островѣ преп. Елеазарь, сынъ Козельскаго купца Севрюкова, постриженникъ Соловецкій, при преп. игуменѣ Ирнархѣ. Мѣстное преданіе увѣряетъ, что пустынный работникъ работалъ деревянные чашки, выставлялъ ихъ на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморцы брали посуду, а въ отплату оставляли хлѣбъ, крупу и капусту. Мало-по-малу собралось къ нему нѣсколько ревнителей скитскаго житія. Кельи отшельниковъ поставлены были въ верстѣ одна отъ другой. Въ субботу вечеромъ собирались старцы для общей молитвы и на слѣдующій день, совершивъ воскресное пѣніе, расходились по кельямъ для богомыслія и рукодѣлія по силамъ cadaго. Дивный пустынножитель лично извѣстенъ былъ царю Михаилу Феодоровичу, которому онъ предсказалъ рожденіе сына и наслѣдника, Алексія. Къ сему великому подвижнику пришелъ отрешившійся отъ міра священникъ Никита и принялъ постриженіе иноческое съ именемъ Никона. Тогда Анзерскіе скитники озабочены были сооруженіемъ каменнаго храма, вмѣсто ветхаго деревяннаго; деньги на строеніе были собраны ⁸⁾, но работы еще не начинались. Нѣсколько лѣтъ провелъ Никонъ въ далекомъ отъ всякой мірскаго суеты пустынномъ убѣжищѣ, гдѣ, вмѣсто стѣнъ, одно море и благочестіе служили оградой, но нѣкоторыя недоразумѣнія, случившіяся между Никономъ и преп. Елеазаромъ ⁹⁾, были причиною удаленія его въ 1635 году изъ Анзерской пустыни. Никонъ, проѣзжая съ острова на утлой ладѣ, едва не погибъ отъ внезапной бури и только упованіемъ на силу Креста Господня спасся отъ потопленія предъ Онежскимъ устьемъ;

⁸⁾ Преп. Елеазарь, вмѣстѣ съ Никономъ, приходилъ въ Москву для сбора подаянія и получилъ значительную милостыню отъ царя Михаила и многихъ бояръ.

⁹⁾ Никонъ совѣтовалъ отдать собранную сумму на сохраненіе въ Соловецкій монастырь, а преп. Елеазарь съ братією на это не согласился. Первый заботился о сохранности капитала, который могъ подвергнуться ограбленію на пустынномъ островѣ, а послѣдніе имѣли въ виду полную независимость своего скита отъ Соловецкой обители. (Извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и житіи святѣйшаго Никона патріарха, нап. І. Шушеринымъ. Изданіе Воскресенскаго монастыря. Москва, 1871, стр. 7). Впрочемъ эти недоразумѣнія не разрушили союзъ духовной любви между Никономъ и наставникомъ его къ иноческой жизни: уже будучи митропол. Новгородскимъ, Никонъ писалъ къ Соловецкому архимандр.: «Поберегите Анзерскихъ старцевъ, строителей и братію», и предписывалъ исполнить просьбу старца Елеазара—отпустить въ его скитъ больничнаго старца Кирика; въ 1655 г. патріархъ Никонъ выпросилъ у царя прибавку свѣчъ, ладону, вина и муки для скита; установилъ быть 17 братіямъ въ скиту и послалъ отъ себя серебряные оклады на иконы и дары скитникамъ деньгами и рыбою.—Преп. Елеазарь преставился послѣ 40-лѣтнихъ подвиговъ, 13 января 1656 года. Память его чтится мѣстно. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ, въ каменной часовнѣ, за алтаремъ Троицкаго храма въ Анзерскомъ скитѣ.

присталъ къ Кію острову, гдѣ въ память своего спасенія водрузилъ крестъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы со временемъ построить тамъ хотя малую церковь, или монастырь. Потомъ онъ продолжалъ путь свой до Кожеезерской пустыни ¹⁰); пробывъ въ ней нѣсколько времени, онъ возлюбилъ это уединенное мѣсто, и принятый тамъ въ число братіи, удалился на ближайшій островъ, построилъ себѣ келью, питался рыбѳю своей ловли, ходилъ въ монастырь только для отправленія или слушанія Божіей службы и проводилъ все прочее время въ уединеніи и богомысліи. Избранный братіею въ санъ игумена обители, онъ прибылъ въ Москву по дѣламъ монастырскимъ. Молва о добродѣтеляхъ пустыннаго инока сопровождала Никона въ столицу. Его необыкновенный умъ, свѣтлый взглядъ на предметы, природное краснорѣчіе и величавая наружность довершили впечатлѣніе, произведенное имъ при дворѣ. Юный царь полюбилъ его съ перваго свиданія и велѣлъ назначить архимандритомъ Новоспаскаго монастыря.

Здѣсь началось сближеніе царя съ Никономъ, обратившееся въ искреннюю дружбу. Царь часто призывалъ его для бесѣды, поручилъ ему принимать и докладывать себѣ прошенія отъ бѣдныхъ, сиротъ и утѣсняемыхъ. Вліяніе Никона возрастало такъ замѣтно, что даже Морозовъ, достигшій тогда высшей степени значенія, могъ опасаться встрѣтить въ немъ соперника. Черезъ два года Новоспасскій архимандритъ былъ посвященъ въ санъ митрополита Новгородскаго. Довѣренность государя сопровождала его и на новое мѣсто служенія: кромѣ полной власти въ дѣлахъ духовныхъ, на него возложено было порученіе имѣть надзоръ за судопроизводствомъ; дано право освобождать изъ темницъ всѣхъ несправедливо заключенныхъ. Въ Новгородѣ Никонъ прославился многими благодѣянiami: во время бывшаго тамъ голода ежедневно питалъ на архіерейскомъ подворьѣ нѣсколько сотъ неимущихъ, устроилъ богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Еще болѣе возвысился онъ во мнѣніи государя, когда, съ опасностью собственной жизни, укротилъ мятежь, возгорѣвшійся въ Новгородѣ, во время того же голода. Никонъ укрылъ царскаго намѣстника князя Хилкова въ своихъ палатахъ, а самъ вышелъ къ бунтующему народу; удары посыпались на Никона: одни бросали въ него камни, другіе били палками, и онъ замятво оставленъ на площади. Едва дышавшій, поднять онъ служителями; но тотчасъ же отправился совершать литургію съ крестнымъ ходомъ въ той части города, гдѣ свирѣпствовали бунтъ; послѣ литургіи Никонъ не убоился и еще разъ явиться къ мятежникамъ и вошелъ въ самую избу, гдѣ собрались они. Твердость пастыря на сей разъ поразила самыхъ свирѣпыхъ: они притихли, прекратили убійства, но еще не переставали дѣйствовать противъ правительства; заградивъ путь къ столицѣ, ссылались со Шведами,

¹⁰) Кожеезерскій монастырь, упраздненный въ 1764 году, находился въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на берегу озера Кожи въ 920 верст. отъ Новгорода и въ 120 отъ Онеги. (Истор. Росс. Іер. IV, 555).

чтобы передать имъ городъ. Никонъ успѣлъ увѣдомить царя и указалъ, какія нужно предпринять мѣры противъ злоумышленниковъ; самъ предалъ бунтующихъ анаемѣ. Буря утихла, укрощенная твердостью Никона; народъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ духовнымъ; царь предоставилъ судъ надъ виновными митрополиту, и митрополитъ судилъ какъ пастырь справедливый и милостивый ¹¹⁾. Это было въ 1650 г. Съ того времени любовь царя къ Никону увеличилась; онъ часто сталъ вызывать его въ Москву для совѣтовъ.

Послѣдніе годы первосвятительства патріарха Іосифа ознаменованы открытіемъ св. мощей преп. Саввы Звенигородскаго, преп. Александра Свирскаго въ основанныхъ ими обителяхъ и св. великаго князя Георгія Всеволодовича во владимірскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ то же время, по мысли митрополита Никона ¹²⁾ и соборному опредѣленію, царь повелѣлъ перенести въ московскій Успенскій соборъ останки святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество: патріарха Іова изъ Старицы, патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря и св. митрополита Филиппа съ Соловецкаго острова. Срѣтая мощи первопрестольника Іова ¹³⁾, среди великаго стеченія народа, и предчувствуя близость собственной кончины, старецъ—патріархъ Іосифъ со слезами сказалъ царю: „вотъ, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава!“ Черезъ нѣсколько дней Іосифъ сильно заболѣлъ и вскорѣ преставился (въ 1652 году), послѣ 10-лѣтняго первосвятительства.

Между тѣмъ за мощами св. митрополита Филиппа отправился на Соловки митрополитъ Никонъ съ бояриномъ княземъ Хованскимъ въ сопровожденіи многихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Съ нимъ послана была царская молитвенная грамота къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ мученикомъ, молилъ его пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго царя и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти ¹⁴⁾. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему замѣчательныя письма, въ которыхъ выразилась вся душа добраго и набожнаго Алексѣя ¹⁵⁾. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень не-

¹¹⁾ Смертной казни подвергся одинъ только зачинщикъ бунта—посадскій челоуѣкъ Волкъ; не болѣе 10 челоуѣкъ сослано въ Сибирь; всѣ остальные помилованы.

¹²⁾ Церк. Росс. Истор. митропол. Платона ч. 2, стр. 67—235.

¹³⁾ Мощи первыхъ двухъ патріарховъ обрѣтены вполне нетлѣнными (См. Душ. Чт. 1869, ч. II, стр. 212—213, ч. III, стр. 16). Перенесеніе мощей патріарха Іова поручено было митропол. Ростовскому Варлааму II, который вскорѣ послѣ того скончался, при встрѣчѣ мощей св. митропол. Филиппа.

¹⁴⁾ Въ «молебномъ посланіи къ св. мощамъ Филиппа митропол.» царь Алексѣй молить «Христова подражателя, небеснаго жителя, преизящнаго и премудраго духовнаго учителя, пастыря и молитвенника, изгнаннаго и пострадавшаго по ненависти обоянія неправедныхъ мужей, разрѣшити согрѣшеніе» прадѣда его царя Іоанна и возвратиться «на престолъ свой въ царствующій градъ Москву». (Собр. госуд. грам. и догов. III, № 147).

¹⁵⁾ Въ этихъ письмахъ вполне видны любовь и уваженіе царя къ другу его. «О крѣпкой войне и страдальче царя небеснаго, о возлюбленный мой любимиче и содружеб-

довольны были силой Никона ¹⁶⁾, замѣтно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть посписходительнѣе къ боярамъ, но въ то же время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его — царя, что онъ заодно съ нимъ—митрополитомъ. Добрый до слабости ¹⁷⁾, находясь подъ двумя вліяніями—Никона и бояръ, царь боялся оскорбить ту и другую сторону, колебался между ними и старался мирить ихъ.

По исполненіи возложеннаго на него порученія ¹⁸⁾, Никонъ не засталъ уже въ живыхъ патріарха Іосифа и долженъ былъ заступить его мѣсто ¹⁹⁾. Но онъ хорошо видѣлъ слабость церковной власти въ дряхлыхъ рукахъ своего предшественника, видѣлъ вредъ монастырскаго приказа ²⁰⁾ и невыгодное вліяніе новаго уложенія на дѣла церковныя ²¹⁾, видѣлъ самоволіе бояръ и враждебныя отношенія ихъ къ

ниче, свягтый владыко!» такъ пишетъ царь къ Никону, повторяя не разъ подобныя названія. Царь говоритъ съ Никонѣмъ, какъ съ самымъ близкимъ челоѣкомъ, для котораго нѣтъ тайнъ у него. (Акт. Археогр. Эксп. 4, № 57).

¹⁶⁾ Царь писалъ: «Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ грамотахъ Хованскаго, что будто онъ пропалъ, а пропастъ свою пишетъ, что будто ты заставляешь съ собою правило ежедень. Да и у насъ перешептывади: николи де такого безчестья не было, что нынѣ государь выдалъ насъ митрополитомъ... Да Василій Отаевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутче бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ; какъ де такъ силою заставляеть говѣть, никого де силою не заставитъ Богу вѣровать».

¹⁷⁾ Царь писалъ еще: «а слово мое нынѣ во дворцѣ страшно и дѣлается безъ мотчанія» (немедленно).

¹⁸⁾ Мощи св. Филиппа были привезены въ Москву и поставлены открыто въ Успенскомъ соборѣ 9 іюля 1652 года, при чемъ совершились многія исцѣленія. Никонъ прибылъ въ Москву еще прежде, призванный съ дороги.

¹⁹⁾ По обычаю положены были три жребія—митропол. Никона и двухъ іеромонаховъ. Выпалъ жребій одного изъ послѣднихъ—Антонія, іеромонаха Южскаго Козмодаміанскаго монастыря; но онъ, по преклонной старости и вѣроятно, въ угодность волѣ царской—видѣть патріарха Никона, отказался. Этотъ Антоній, въ мѣрѣ священникъ Ананія, былъ наставникомъ Никона въ Желтоводской обители и отцомъ Суздальскаго митропол. Иларіона, который, до вступленія въ монашество, былъ женатъ на родной сестрѣ Павла, епископа Коломенскаго.

²⁰⁾ Монастырскій приказъ (конечно по кончинѣ патріарха Филарета) вступался нерѣдко въ судъ по чисто-церковнымъ дѣламъ, присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшати настоятелей, келарей и другихъ лицъ монастырскаго собора, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія епархіальной власти. Со стороны духовенства начались разнообразныя попытки, уклониться отъ силы новыхъ узаконеній. Архіереи начали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Монастыри тоже хлопотали о несудимыхъ грамотахъ. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привилегій и независимость отъ монастырскаго приказа еще при составленіи уложенія, и самъ Никонъ, въ санѣ митропол. новгородскаго, получилъ царскую несудимую грамоту, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного митропол. какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ.

²¹⁾ Уложеніе весьма чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привилегій и всего государственнаго положенія духовнаго чина. Во-первыхъ, оно рѣшительно подтвердило всѣ прежнія постановленія касательно церковныхъ вотчинъ и безусловно запретило всякое уве-

нему, какъ къ любимцу царя, видѣлъ множество безпорядковъ ²²⁾, требующихъ для уничтоженія своего свободной и ничѣмъ не стѣсняемой силы, и рѣшительно отказался отъ первосвятительскаго сана. Въ Успенскомъ соборѣ, при полномъ собраніи бояръ и многочисленномъ стеченіи народа, царь долго заклиналъ Никона именемъ Божиимъ не оставлять церкви въ сиротствѣ и безъ пастыря. Наконецъ Никонъ рѣшился исполнить волю царскую, но прежде, обратясь ко всѣмъ спросилъ: будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ клятвенно обязались повиноваться своему пастырю въ дѣлахъ церкви и совѣсти, и Никонъ принялъ патріаршество (25 іюля 1652 г.).

Неограниченная дружба соединяла новаго патріарха съ царемъ. Вмѣстѣ молились они, вмѣстѣ разсуждали о дѣлахъ, вмѣстѣ садились за трапезу и такъ было каждый день. Патріархъ былъ воспреемникомъ дѣтей царскихъ. Ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ участія Никона, въ теченіе шести лѣтъ. И великій умъ, предприимчивый, твердый характеръ Никона отпечатлѣны на этихъ годахъ, счастливыхъ для государства русскаго (1651—1657 г.).

Самымъ блистательнымъ и самымъ славнымъ дѣломъ въ царствованіе Алексѣя было соединеніе Малороссіи съ Великою Россією. Еще въ предшествовавшее царствованіе, вскорѣ послѣ смерти знаменитаго защитника вѣры и правъ своей родины, Петра Конашевича-Сагайдачнаго, умѣвшато внушить польскому правительству и страхъ, и уваженіе къ себѣ, православный митрополитъ Кіевскій Іовъ Борецкій, не видя иного „благотишнѣйшаго пристанища“ для своей паствы, присылалъ (въ 1625 г.) къ царю Михаилу Феодоровичу и патріарху Филарету съ просьбою о принятія Малороссіи и запорожскихъ казаковъ „подъ ихъ государскую руку“ ²³⁾. Но царь Михаилъ боялся вовлечь свое, ослабленное смутами, государство въ новую борьбу съ Польшей. Онъ только обнадежилъ своихъ единовѣрцевъ въ покровительствѣ; обѣщалъ, въ случаѣ новаго притѣсненія православія, вступить за нихъ. Съ такою же осторожностію дѣйствовалъ преемникъ

личеніе ихъ. Во-вторыхъ, стремясь установить «равный судъ и расправу» для всѣхъ лицъ всякихъ чиновъ, составители уложенія необходимо должны были столкнуться съ многочисленными привилегіями церковныхъ людей и учрежденій, съ гражданской неподсудностью духовенства мірскому суду и съ удѣльною областью всего церковнаго вѣдомства вообще, по которой оно выдѣлялось среди общаго государственнаго строя.

²²⁾ Еще будучи митропол. въ Новгородѣ, Никонъ приступилъ къ полезнымъ преобразованіямъ. Онъ старался истребить укоренившійся въ церквахъ обычай читать и пѣть послѣшно и во многие голоса, такъ что за всеобщей каеизмы и каноны, за литургією эктени и возгласы сливались съ пѣніемъ клира; вводилъ благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утвари, совершалъ службу съ особеннымъ благоговѣніемъ, часто и умиленно поучалъ свою паству отъ Священнаго Писанія.

²³⁾ Посланный отъ митропол. Іова луцкій епископъ Исаакій говорилъ царю и патріарху: «у Малороссіанъ одна только дума, какъ бы поступить подъ государскую руку. Кромѣ государя московскаго, намъ некуда дѣваться» (Бантышъ-Каменскаго Исторія Малоросс., стр. 199).

его, созвавъ Земскій Соборъ при патріархѣ Іосифѣ (1648 г.), когда доблестный гетманъ Богданъ (Зиновій) Хмѣльницкій умолялъ его о принятіи Малороссіи въ подданство Москвы. Онъ соглашался исполнить его просьбу только тогда, когда самъ король призналъ казаковъ независимыми; предлагалъ имъ, въ случаѣ нестерпимыхъ насилій, переселиться въ Московское государство, обѣщая дать обширныя земли, въ то же время старался примирить своихъ единовѣрцевъ съ польскимъ правительствомъ. Но устроить дѣло мирнымъ путемъ было невозможно.

Между тѣмъ страданія Украины увеличились ²⁴⁾, и Хмѣльницкій снова обратился въ Москву съ усиленными просьбами о присоединеніи единовѣрныхъ къ единовѣрнымъ. Но и на этотъ разъ царь рѣшился еще испытать посредничество, и опять безъ успѣха. Надлежало опасаться, что казаки, доведенные до отчаянія, поддадутся султану; тогда крымскіе татары и турки придвинутся ближе къ Москвѣ.

Гетманъ просилъ покровительства и ходатайства у новаго патріарха московскаго ²⁵⁾, и не напрасно. Въ грановитой палатѣ снова созванъ былъ великій соборъ изъ духовенства, бояръ, думныхъ и выборныхъ всякихъ чиновъ людей. Начиная съ патріарха Никона, всѣ единогласно рѣшили и просили государя „за честь свою стоять и противъ польскаго короля войну вести, а гетмана Богдана и все войско Запорожское съ городами ихъ и съ землями принять подъ свою государскую руку для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“ ²⁶⁾.

Наконецъ важнѣйшее дѣло второго царя изъ дома Романовыхъ, дѣло, обезсмертившее имя Алексія, было рѣшено. Получивъ радостную вѣсть изъ Москвы, обрадованный вождь угнетенной Малороссіи торжественно предложилъ войску и народу присоединеніе къ Великой Россіи. Безсмертный Богданъ изобразилъ бѣдствія, претерпѣнныя Ма-

²⁴⁾ Послѣ несчастной битвы подъ Берестечкомъ, литовскій гетманъ Радзивиль занялъ Кіевъ; соборную церковь Богородицы каменную на посадѣ ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались; въ церкви лошадей своихъ жиды и ляхи ставили. Въ монастырѣ Печерскомъ казну также всю взяли; Радзивиль велѣлъ взять и паникадило, присланное царемъ изъ Москвы; у св. Софіи взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образъ св. Софіи; всѣ монастыри разорили.

²⁵⁾ Послы гетмана—Бурлай и Мужилевскій привезли грамоту къ Никону и ближнимъ боярамъ въ началѣ 1652 года.

²⁶⁾ Такимъ образомъ единовѣріе, желаніе избавить православіе отъ гоненій были истинною причиною присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. На эту причину постоянно указываетъ съ обѣихъ сторонъ. Въ переговорахъ съ Московскимъ правительствомъ, Хмѣльницкій писалъ о необходимости соединенія «съ единовѣрцами и однородцами, послѣднимъ остаткомъ свободаго въ греческой церкви благочестія и древняго апостолическаго православія, угнетеннаго и искаженнаго во всемъ мірѣ магометанствомъ и папешствомъ, невѣрными и недовѣрками». Московское правительство, съ своей стороны, неоднократно повторяло, что государь принялъ Малую Россію подъ свою руку «для избавленія отъ ляхскаго гоненія православныхъ людей, не хотя того слышати, что единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ въ разореньѣ отъ латиновъ и отъ папешникъ быти» (Симб. сборн., грам. 12 и 19).

лороссію, необходимость искать государя и защитника, искать его „не въ царяхъ басурманскихъ, турецкомъ или крымскомъ, но въ православномъ христіанскомъ великомъ царѣ восточномъ; который есть съ ними единого благочестія греческаго закона, единого исповѣданія“. Онъ заключилъ словами: „Кромѣ его царскія высокія руки благотворишнѣйшаго пристанища не обрящемъ; а буде кто съ нами не согласуетъ теперь, пусть идетъ куда хочетъ, вольная дорога“. Раздались общія восклицанія: „Волимъ подѣ царя восточнаго православнаго крѣпкую руку, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись“. Увѣрившись съ согласіи всѣхъ, гетманъ произнесъ: „Буди тако, да Господь Богъ насъ укрѣпитъ подѣ его царскою крѣпкою рукою“. Народъ единогласно отвѣчалъ: „Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобы мы вѣки всѣ едино были!“

Торжество возсоединенія Великой Россіи съ Малою совершилось 8 января 1654 года. Восторгъ народа и войска не зналъ предѣловъ; бояре московскіе, принявшіе присягу отъ новыхъ подданныхъ царя Алексія, посѣтили Кіевъ, гдѣ митрополитъ Сильверстъ Коссовъ встрѣтилъ ихъ такою рѣчью: „Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ оный благочестивый Владиміръ, великій князь Русскій; цѣлуетъ васъ апостоль Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семь мѣстѣ велію просіати славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлуютъ васъ общему житію начальницы, преподобный Антоній и Ѳеодосій Печерскіе и всѣ преподобніи, лѣта и животь свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе; цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе же любовнѣ взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится яко орля юность наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей русскихъ“²⁷⁾.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Малороссіи необходимо должна была начаться война съ Польшею. Но она не могла уже быть опасною для державы, которая по сліянніи двухъ родственныхъ племенъ русской земли сдѣлалась настолько сильною, что сама уже внушала ужасъ

²⁷⁾ Впрочемъ, несмотря на эту рѣчь, въ Москвѣ были недовольны Сильвестромъ: во время послѣднихъ сношеній Хмѣльницкаго съ царемъ о подданствѣ, Сильвестръ не отозвался ни разу; въ Москвѣ показалось это очень страннымъ: вѣдъ дѣло шло объ избавленіи православныхъ отъ гоненія нечестивыхъ латинъ. Малая Россія соединяется съ Великою во имя восточнаго православія, а митрополитъ молчитъ; помнили поведеніе Іова Борецкаго и тѣмъ болѣе изумлялись поведенію Сильвестра Коссова. Но между положеніемъ Іова и Сильвестра была большая разница: Іовъ держалъ митрополию во время сильнаго разгара борьбы между православіемъ и униєю, когда новопоставленные архіереи православные подвергались тяжелымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ. Сильвестръ правилъ Церковію совершенно въ иное время, когда, благодаря Хмѣльницкому, религиозныя преслѣдованія затихли. Прекращеніе гоненій давало просторъ другимъ интересамъ: Сильвестръ былъ шляхтичъ, и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное при польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго патріарха византійскаго была только на словахъ, тогда какъ при подданствѣ Малороссіи московскому государю, митропол. не могъ избѣгать зависимости отъ московскаго патріарха—зависимости дѣйствительной и не легкой.

врагамъ своимъ. Царь Алексій самъ отправился на войну, поручивъ семейство свое и всѣ внутреннія дѣла государственныя другу-патріарху; бояре ежедневно являлись съ докладами къ Никону и безъ него не могли приступить ни къ какому дѣлу ²⁸). Посоль за посломъ спѣшили къ нему отъ царя съ извѣстіемъ о взятіи городовъ. Въ полгода овладѣли Смоленскомъ, Минскомъ, Витебскомъ, со множествомъ окрестныхъ мѣстъ. Въ 1655 г. завоевана была Вильна съ остальными городами Бѣлоруссіи; и въ то же время проишли всю Волынь и Галицію, разбивая поляковъ; тамъ и здѣсь первые въ побѣдахъ были казаки. Польша доведена была до изнеможенія. Она предложила перемиріе, оставивъ временно за Россією всѣ завоеванія.

Между тѣмъ, какъ царь находился съ войскомъ, въ Москвѣ (въ 1651 г.) открылась моровая язва, перешедшая затѣмъ и въ сосѣдніе города. Въ столицѣ свирѣпствовала она съ страшною силою, такъ что къ ноябрю мѣсяцу почти не осталось священниковъ ²⁹). Патріархъ съ обыкновенною для него твердостью дѣлалъ распоряженія къ облегченію бѣдствій; особенно заботился онъ о сохраненіи оставленной на его попеченіи царской семьи. Пославъ напередъ приказаніе въ Колязинскій монастырь объ осторожномъ приготовленіи келлій, службъ и всего нужнаго къ приѣзду царицы ³⁰), Никонъ отправился съ семьею царя-друга въ лавру богоноснаго Сергія, потомъ странствовалъ съ нею изъ монастыря въ монастырь, вмѣстѣ съ чѣмъ лично наблюдалъ за безопасностію мѣстъ. Въ то же время отъ имени царицы разсылалъ по городамъ грамоты объ употребленіи строгихъ мѣръ предосторожности: предписано было ограждать зараженныя мѣста крѣпкими заставами, жечь костры для очищенія воздуха. Наконецъ въ концѣ октября патріархъ въ Вязьмѣ передалъ царю дорогое сердцу семейство его невредимымъ и тогда же отправился впередъ въ Москву, чтобы очистить городъ ³¹). Зараза открылась въ 1655 году по горо-

²⁸) Акты Арх. Эксп. 4, № 71—грамота патріарха о высылкѣ подвоязъ изъ Вологды на государеву службу: «указалъ государь царь... И мы великій государь... По нашему указу довелось съ вологодскихъ монастырей взять». Такого же содержанія грамота въ Галичъ—4, № 86. Дополн. Истор. Акт. 3, № 120—121.

²⁹) Въ Иверскомъ спискѣ «извѣстія» Шушерина: «въ царствующемъ градѣ мало не вси изомроша, а за великое удивленіе, аще въ которой улицѣ человека 4 или 5 осталось».

³⁰) «А готовить запасы велѣтъ въ монастырскихъ вотчинахъ въ добрыхъ мѣстахъ, гдѣ мороваго повѣтрія въ людяхъ не именовалось» (Акт. Арх. Эксп. 4, № 73— грамота патріарха въ Калазинь).

³¹) Думаютъ, что въ это время царь пожаловалъ Никону титулъ «великаго государя»; но это мнѣніе ошибочно. Еще въ октябрѣ 1653 года, въ соборномъ дѣяніи о присоединеніи Малороссіи, Никонъ называется великимъ государемъ (Собр. грам. 3, 481. Тоже видимъ и въ другихъ актахъ того же и слѣдующаго 1654 года). Какъ изъ всѣхъ прежнихъ патріарховъ именовался великимъ государемъ одинъ родитель царскій патріархъ Филаретъ, то по отношенію къ Никону это имя выражало только сыновнее уваженіе царя къ патріарху. Никонъ съ своей стороны весьма не желалъ такой почести и просилъ царя освободить отъ нея. Въ письмахъ къ царю онъ называлъ себя то грѣшнымъ и смиреннымъ Никономъ, то смиреннымъ Никономъ, патріархомъ. Но въ публичныхъ актахъ титулъ, по настоянію царя, остался за Никономъ.

дамъ восточнаго края. Такъ какъ суевѣріе распространяло вредныя мысли о происхожденіи и ходѣ язвы, то патріархъ разослалъ отъ своего имени пространную окружную грамоту къ вразумленію суевѣровъ и невѣждъ. Въ грамотѣ патріархъ, убѣждая переносить несчастіе съ терпѣніемъ, укрѣпляться молитвою и постомъ, совѣтовалъ беречься сообщенія съ зараженными, запрещалъ вѣрять ложнымъ толкамъ суевѣровъ, разглашавшимъ, что никто не долженъ избѣгать этой язвы, какъ посланной гнѣвомъ Божиимъ. Пастырь поучалъ, что каждый отвѣчаетъ за грѣхи свои, что по наставленію пророковъ, Спасителя и апостоловъ спастись отъ смерти не грѣшно, а напротивъ, кто не избѣгаетъ опасности видимой и подвергается ей безъ нужды, тотъ самоубійца. Иные, говорилъ патріархъ, не слушая добрыхъ совѣтовъ, сами погибли и другихъ погубили. Они повѣрили сказкамъ сновидцевъ, которые говорили, будто Богъ открылъ имъ, когда и какъ прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковѣрныхъ, а отъ нихъ переходила на другихъ; христіане умирали безъ приготовленія христіанскаго. „Будемъ,—заклучалъ пастырь,—Ниневитяне, не содомляне! Оставимъ злобу, да не погибнемъ отъ злобы ³²⁾).

При тѣхъ блистательныхъ надеждахъ, какія возбуждены были побѣдами надъ Польшею и присоединеніемъ Малороссіи, естественно было, что Никонъ (1656 г.) одобрилъ войну съ Швеціей за владѣнія православной Россіи въ Ливоніи. Дѣла съ Швеціей, какъ и съ Польшею, шли съ успѣхомъ, пока Никонъ пользовался довѣренностію царя; между прочимъ въ Кокенгузенѣ освящена была церковь во имя царевича Димитрія, и городъ названъ Дмитріевымъ.

Плодомъ трудовъ патріарха было и то, что въ началѣ 1656 года молдавскій воевода Стефанъ черезъ пословъ своихъ просилъ царя принять его подъ покровительство, какъ принять гетманъ Малороссіи. И Молдавія причислена къ владѣніямъ царя, хотя и не была удержана ³³⁾.

Такова была государственная дѣятельность Никона на пользу православному отечеству, съ искреннею любовію къ доброму государю. Посмотримъ теперь на пастырскіе подвиги его въ служеши церкви и духовному просвѣщенію.

Вступленіе на патріаршій престолъ доставило ему средства еще болѣе развить свой преобразовательный духъ въ служеніи истинѣ и благу Церкви и отечества. Онъ установилъ партесное пѣніе греческое и кievское, примѣняясь къ древнимъ напѣвамъ; ввелъ болѣе разнообразія въ иконной живописи; вообще заботился о благолѣпнн церкви московскихъ и о стройности богослуженія, искореняя повсюду, какъ прежде въ Новгородѣ, обычай читать и пѣть въ нѣсколько голосовъ. Собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ духовенству имѣть бдительный надзоръ надъ нравственностію мірянъ; въ от-

³²⁾ Грамота помѣщена въ древн. Вивліое., VI, 162.

³³⁾ О грамотахъ Никона въ Молдавію. Истор. Акт. V, 477.

пошені къ нерадивымъ былъ възыскателенъ и строго наказывалъ за всякое нарушеніе церковнаго чина. При самомъ назначеніи въ духовныя должности подвергалъ ставленниковъ строгому испытанію въ знаніи обязанностей: посвящалъ въ священники и діаконы только людей, имѣвшихъ достаточныя познанія, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи и письмѣ, что конечно не могло нравиться невѣжественнымъ ставленникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно требовало изысканія мѣръ для просвѣщенія духовенства.

Патріаршая власть при Никонѣ усилилась до высшей степени. Патріархъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только „великимъ государемъ“, окружалъ себя царскою пышностію и величіемъ. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ ³⁴⁾, употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и для благолѣпія богослуженія: лучшія облаченія въ патріаршей ризницѣ принадлежать ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней; около митры первосвятителя видимъ корону. Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія, поступая съ ними самовластно ³⁵⁾. Дѣйствія монастырскаго Приказа и самага Уложенія были парализованы сильнымъ вліяніемъ патріарха на царя. Хотя Никонъ не успѣлъ совершенно уничтожить Уложеніе и замѣнить его вновь изданною Кормчею книгою, но побудилъ царя разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія, съ повелѣніемъ производить судъ по этимъ выпискамъ. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ и построенные Никономъ монастыри обогатились новыми вотчинами. Другіе монастыри въ то же время получили возможность дѣлать новыя пріобрѣтенія. Но въ то же время вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ и всегдашней готовности Никона на пожертвованія для блага отечества никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ даточными людьми, лошадьми, военными припасами, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ, кромѣ того, на свои богатя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатую ручную милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы ³⁶⁾.

³⁴⁾ Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій патріарха Антиохійскаго Макарія при первомъ пріѣздѣ его въ Москву, видѣлъ великое множество патріаршихъ чиновниковъ, 7 палатъ съ 7 судьями и множество дьяковъ, и при каждой палатѣ тюрьмы съ цѣпями и колодками, которыми обременяли виновныхъ священнослужителей.

³⁵⁾ Такъ, преслѣдуя чужеземные обычаи, онъ истребилъ у бояръ органы и образа италіанской живописи; у родственника царскаго, боярина Романова, изрѣзалъ на куски ливрею, сдѣланную для прислуги по западному покрою.

³⁶⁾ Для пропитанія бѣдныхъ, Никонъ устроилъ въ Москвѣ нѣсколько богадѣленъ. Судя по расходнымъ книгамъ патріаршаго приказа, никто изъ патріарховъ столько не расходовалъ милостыни нищимъ и не дѣлалъ пособій нуждающимся, сколько Никонъ. При каждомъ выходѣ своемъ на служеніе, онъ жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ деньгами, не забывая и тюремныхъ сидѣльцевъ въ черной палатѣ, въ тюрьмахъ на Варварскомъ крестцѣ;

Въ началѣ и въ половинѣ XVII вѣка былъ уже весьма замѣтенъ упадокъ монашества. Хотя въ это время возникло болѣе ста новыхъ обителей, но всѣ онѣ были не благоустроены и малолюдны (по 2, по 3 монаха, почти безъ всякихъ средствъ). Можетъ быть въ видахъ возвышенія монашества чрезъ посредство новыхъ обителей иноческихъ, образцовыхъ по строгому уставу и изяществу зданій, Никонъ основалъ въ разное время три знаменитыхъ монастыря.

Первый изъ нихъ сооруженъ, въ 1652 году, въ заливѣ Бѣлаго моря, на Кіи островѣ, гдѣ Никонъ, еще отшельникомъ, при переѣздѣ съ Анзерскаго скита на материкъ спасенный отъ иотопленія, водрузилъ крестъ. Новая обитель, въ память этого событія, наименована Крестнымъ монастыремъ и была щедро одарена царемъ и патриархомъ ⁸⁷⁾.

Другой монастырь основанъ Никономъ на озерѣ Валдайскомъ. Живописные виды окрестностей озера и лежащихъ на немъ острововъ весьма понравились Никону, когда онъ, бывши еще митрополитомъ новгородскимъ, проѣзжалъ въ 1651 г. въ Москву. Немедленно по вступленіи своемъ на патриаршескій престолъ онъ вознамѣрился устроить на одномъ изъ острововъ обитель, отличную отъ обыкновенныхъ—по образцу Иверскаго Аѳонскаго монастыря. Испросивъ соизволеніе царя Алексѣя Михайловича, онъ отправилъ на Аѳонскую гору нѣсколько живописцевъ, предписавъ имъ снять новую копию съ чудотворной иконы Божіей Матери, а равно доставить самовѣрнѣйшій планъ монастыря. Когда сіи посланные возвратились, патриархъ отправилъ на островъ Валдайскаго озера искусныхъ зодчихъ, которые, избравъ мѣсто для монастыря, построили на этомъ мѣстѣ сперва рыбачьи хижины, а потомъ и деревянную церковь во имя Божіей Матери. Въ 1654 году Никонъ отправилъ митрополита новгородскаго Макарія въ Боровицкій Духовъ монастырь для перенесенія мощей праведнаго Іакова Боровицкаго въ новосозидаемую обитель ⁸⁸⁾, а самъ, вложивъ

въ разбойномъ и другихъ приказахъ. Въ праздники, при посѣщеніи темницъ, самъ надѣлялъ колодниковъ милостыней и пастырскимъ утѣшеніемъ. Однажды ему случилось ѣхать въ Новоспасскій монастырь на поминованіе царскихъ родителей; на дворѣ попались ему салазки съ горячими сайками; онъ остановился купить ихъ и роздалъ убогимъ. Нищелюбіе его просирилось до того, что онъ допускалъ убогихъ и неимущихъ въ свою столовую палату за праздничныя трапезы, радушно раздѣляя пищу съ меньшею братією Христовой (Патріаршаго Прик. расходн. кн. 1763—64 г., № 58).

⁸⁷⁾ Мѣстность 2-класснаго Крестнаго монастыря—въ 8 верст. отъ материка, въ 15 верст. отъ города Онеги и въ 233 вер. отъ Архангельска. Крестовоздвиженская соборная церковь этой обители построена и освящена патр. Никономъ въ 1661 году. Здѣсь сохраняется въ видѣ мѣстной иконы, крестъ, устроенный тщаніемъ и усердіемъ храмоздателя въ Палестинѣ изъ кипариснаго дерева, въ вышину и въ ширину подобно кресту Христову. Въ крестѣ, въ серебряныхъ позлащенныхъ ковчеггахъ, помѣщены мощи разныхъ святыхъ, числомъ до 300 частицъ.

⁸⁸⁾ Кто былъ прав. Іаковъ? Точныхъ свѣдѣній не отыскано. По мѣстному преданію, онъ былъ простой и набожный судовщикъ, принялъ на себя юродство Христа ради и убить громомъ. Тѣло его принесено было въ 1540 г. на льдинѣ, по весеннему разливу р. Мсты, къ порогу Боровицкому; мѣстные жители положили его на берегу на обрубѣ; тѣло

въ серебряный позолоченный ковчегъ части мощей святителей московскихъ Петра, Ионы и Филиппа, отправился съ ними изъ Москвы и, прибывъ въ новоустроенный монастырь, переложилъ мощи св. Іакова Боровицкаго въ новую серебряную раку и поставилъ ее, равно какъ и ковчегъ съ мощами святителей московскихъ, въ деревянной церкви. Въ томъ же году патріархомъ Никономъ учреждена въ Иверскомъ монастырѣ архимандрія. При второмъ посѣщеніи патріарха заложена, а при третьемъ освящена имъ, вмѣсто бывшей деревянной, каменная церковь во имя пресв. Богородицы. Тогда же принесена имъ икона Божіей Матери, списанная съ Аѳонской Иверской или Портаитской, украшенная золотомъ и драгоценными камнями. Царь Алексѣй Михайловичъ, имѣвшій особое благоволеніе къ Никону, много содѣйствовалъ своими щедрыми пожертвованіями къ устроенію сего знаменитаго монастыря, и 1654 года мая 9 дня далъ новой обители „великую жалованную грамоту“³⁹⁾, въ которой село Валдай переименовано Богородицкимъ, озеро—Святымъ и самый монастырь названъ Иверскимъ-Святоезерскимъ⁴⁰⁾.

Третій и важнѣйшій изъ числа монастырей, основанныхъ Никономъ, находится въ окрестностяхъ Москвы и извѣстенъ всему просвѣщенному міру подъ именемъ Новаго Іерусалима⁴¹⁾. При поѣздкахъ изъ Москвы въ создаваемый имъ Иверскій монастырь Никонъ замѣтилъ прекрасную мѣстность при рѣкѣ Истрѣ и вознамѣрился устроить здѣсь вѣрное подобіе Іерусалимскаго храма и въ немъ гроба Господня. Купивъ у боярина Романа Боборыкина землю и село Воскресенское, все окружаемое рѣкою, гористое мѣсто выровнялъ насыпью, съ трехъ сторонъ выкопалъ рвы, поверхность холма обнесъ деревянною оградой съ восьмью башнями и внутри на первый случай соорудилъ во имя Воскресенія Господня теплую деревянную церковь съ трапезою и прочими службами. Эта церковь въ 1657 году была освящена имъ въ присутствіи государя, который, разсматривая мѣстоположеніе, столько плѣнился имъ, что сказалъ патріарху: „Самъ Богъ изначала опредѣлилъ мѣсто сіе для обители; оно прекрасно какъ Іерусалимъ“.

Никонъ, утѣшенный столь сладкимъ именемъ, назвалъ въ угодность царю новую свою обитель „Новымъ Іерусалимомъ“; а гору, съ которой царь смотрѣлъ на окружающую мѣстность, — „Элеономъ“; тогда же и другія близлежащія многія мѣста получили наименованія, сход-

---

сохранилось нетлѣннымъ и прославлено чудесами. Въ 1545 году мощи блж. Іакова, по освидѣтельствованіи, перенесены были, съ благословенія Макарія, митропол. Всероссійскаго, въ каменный храмъ Боровицкаго Духова монастыря.

³⁹⁾ Этою грамотою приписаны къ обители три монастыря: Покровскій Короцкій, Рождественскій Лисій—Деревеницкій и Духовъ Боровицкій, съ принадлежащими имъ селами, деревнями и пустошами; также два подворья въ Новгородѣ и подворье въ Москвѣ; шесть сольныхъ варницъ въ Старой Русѣ, 10 погостовъ; село Валдай и еще 11 сель и много «рядковъ и деревень съ пустошми и селищи и займищи».

⁴⁰⁾ Сказаніе о чудотворн. Иверской иконѣ Б. М., гр. М. Толстого, стр. 91—96.

⁴¹⁾ Ставропигіальный Воскресенскій 1-классный монастырь, именуемый Новымъ Іерусалимомъ, находится въ 53 верстахъ отъ Москвы и въ 21 в. отъ Звенигорода.

ныя съ священными мѣстностями Палестинскими. Вскорѣ послѣ того чрезъ Арсенія Суханова Никонъ получилъ изъ Іерусалима чертежи и модель храма гроба Господня, и въ 1658 году заложенъ тотъ дивный храмъ, который ему не суждено было окончить ⁴³⁾.

При всегдашней заботливости о духовномъ просвѣщеніи клира и народа великій первосвятитель не могъ оставить безъ вниманія и покровительства Греко-Латинской школы, учрежденной при патріархѣ Филаретѣ. Въ 1648 году любимецъ царя Алексѣя, окольникій Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ ⁴³⁾, устроилъ близъ Москвы Андреевскій монастырь, вызвалъ туда братію изъ разныхъ кievскихъ и другихъ малороссійскихъ обителей и рѣшилъ завести тамъ ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этою цѣлью онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя къ благочестивому его желанію, избралъ между прочими Епифанія Славеницкаго и отправилъ его въ Москву. Обезпеченный содержаніемъ отъ Ртищева, Славеницкій немедленно приступилъ къ переводу разныхъ священныхъ книгъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ явился образцомъ для своихъ сотрудниковъ, также вызванныхъ изъ Кіева, Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго: занимаясь переводами, онъ въ же время составлялъ полный лексиконъ славяно-греко-латинскій и задумывалъ новый переводъ всей Библии съ греческаго текста на языкъ славянскій. По вступленіи Никона на патріаршій престолъ вызванъ былъ изъ Соловецкаго монастыря и Арсеній Грекъ ⁴⁴⁾ и присоединенъ къ ученому братству. Никонъ желалъ имѣть всѣхъ ихъ

⁴³⁾ Эта церковь имѣетъ видъ креста, средину котораго осѣняетъ куполь: внутренняя длина храма простирается на 30 саж., ширина 19, вышина внутри отъ помоста до креста 30 саж. съ арш.; алтарь весьма пространный; горнее мѣсто полукруглое о девяти ступеняхъ и отъ заалтарнаго зданія отдѣлено особенною каменною стѣною, на которой поставлено шесть столповъ на равномъ разстояніи одинъ отъ другого, такъ чрезъ промежутки между ними все застроенное зданіе, состоящее изъ 29 храмовъ, въ самомъ поразительномъ видѣ представляется взору. Посреди самой церкви воздвигнуть надъ гробомъ Спасителя великолѣпный шатеръ выш. въ 33 саж., освѣщенный 75 окнами, съ тремя рядами хоровъ, украшенныхъ 60-ю картинами, изображающими пророчества о Иисусѣ Христѣ и его страданіяхъ. Этотъ куполь по огромности и красотѣ представляетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ зданій. Хромозодатель не успѣлъ достроить церкви: она довершена иждивеніемъ царя Ѳеодора и освящена патріархомъ Іоакимомъ въ 1685 году. Обновленіе всего зданія и сооруженіе новаго купола послѣдовали 1749—1756 годахъ, подъ наблюденіемъ архимандр. (а потомъ епископа) Амвросія Зергисъ-Каменскаго.

⁴⁴⁾ «Житіе» Ртищева помѣщено въ древней Вивліюикѣ (т. XVIII, стр. 400 и слѣд.). Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ, данной имъ Славяно-Греко-Латинской академіи, говоритъ объ Андреевскомъ монастырѣ: «той монастырь, по благословенію отца нашего, великославныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, создася отъ нашего царскаго величества ближняго челоуѣка, чиномъ окольникаго Ѳеодора Михайловича Ртищева, мужа весьма всякаго блага рачительнаго, ради въ ономъ монастырѣ російскаго рода въ просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія» (Истор. Росс. Іер. I, 522).

⁴⁴⁾ Арсеній Грекъ, учитель школы при патріаршемъ дворѣ, подвергся гоненію за ревностное обличеніе невѣждъ, печатавшихъ церковныя книги, и заключенъ, по волѣ патріарха Іосифа, въ Соловецкомъ монастырѣ въ тюрьму. Мѣстное преданіе увѣряетъ, что

близъ себя и изъ Андреевскаго монастыря перемѣстилъ Славеницкаго, Птицкаго и Арсенія въ Чудовъ монастырь, а Сатановскаго—въ Бого-явленскій, и сдѣлалъ Епифанія начальникомъ патріаршаго чудовскаго училища и главнымъ справщикомъ печатнаго двора, не отвлекая его и отъ прежнихъ занятій ⁴⁵).

Важнѣйшій подвигъ патріаршаго служенія Никона заключается въ исправленіи церковныхъ книгъ. Труды, предпринятыя по этой части при патріархѣ Филаретѣ и Іосифѣ, доказали необходимость повѣрки книгъ по греческимъ подлинникамъ и тщательнаго исправленія вкравшихся погрѣшностей. Оба первосвятителя находили время и средства собственнымъ надзоромъ слѣдить за печатавшимися церковными книгами, хотя и при этомъ вновь выходившія книги не могли освободиться отъ нѣкоторыхъ важныхъ ошибокъ.

Въ иномъ отношеніи къ этому дѣлу стоялъ слабый и довѣрчивый патріархъ Іосифъ. Онъ не могъ самъ лично заниматься имъ, а между тѣмъ потребность исправленія книгъ или, по крайней мѣрѣ, строгаго и внимательнаго надзора за ними была уже ясно признана всѣми, такъ что уже нельзя было не удовлетворять ей. Патріархъ рѣшилъ поручить дѣло надзора за печатаніемъ книгъ лицамъ, пользовавшимся особеннымъ его довѣріемъ.

По свидѣтельству сибирскаго митрополита Игнатія ⁴⁶), они были: протопопы Аввакумъ, Іоаннъ Нероновъ, суздальскій попъ Лазарь, попъ Никита (прозванный впослѣдствіи пустосвятомъ), царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ и нѣкоторые другіе. Это были, какъ можно видѣть изъ послѣдствій ихъ жизни, люди съ умомъ хитрымъ, способные дѣйствовать на другихъ, имѣвшіе довольно лице-мѣрія, чтобы возбуждать участіе къ себѣ. Въ предметахъ вѣры суще-
онъ изъ за тюремной рѣшетки зывалъ къ Никону (тогда еще митрополиту, присланному за мощами св. Филиппа): «какъ будешь во времени, то и Арсюшку вспомяни!» Мольба была услышана.

⁴⁵) Епифаній Славеницкій, «мужъ, по свидѣтельству современнаго сказанія, многоученый, аще кто инъ таковъ во времени семъ, не только грамматики и реторики, но и философіи и самыя еѳологии извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ» (Слов. Истор. митр. Евгенія, ч. I, стр. 178), сдѣлалъ въ Москвѣ много переводовъ изъ твореній отцовъ Церкви: Златоуста, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Аѳанасія и Дамаскина. Кромѣ того, имъ переведены: 1) Матѳея Властаря сокращеніе по алфавиту правилъ св. соборовъ и отецъ; 2) Правила св. апостолъ и климентовыхъ апостольскихъ завѣщаній, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и правилъ св. отецъ, пріемлемыхъ восточною церковію, съ Фотіевымъ Номоканономъ и толкованіемъ Валсамона: это полнѣйшая славянская Кормчая книга; 3) Константина Арменула сокращеніе божественныхъ и священныхъ правилъ и градскихъ законовъ. Эту книгу Славеницкій переводилъ въ другой разъ, по повелѣнію патріарха Никона, такъ какъ первый переводъ его погибъ во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ моровой язвы. Изъ собственныхъ сочиненій Славеницкаго, кромѣ упомянутаго Греко-Славено-Латинскаго лексикона, извѣстенъ филологическій лексиконъ, или сводъ разныхъ мѣстъ изъ св. отцовъ греческихъ, объясняющій и опредѣляющій смыслъ словъ и выраженій въщ. Писанія.—Епифаній преставился въ 1676 году и погребенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ.

⁴⁶) Въ посланіи противъ сибирскихъ еретиковъ (Слов. Истор. митр. Евгенія I. 315).

ствовала для нихъ одна только мертвая буква безъ отношенія къ оживляющему ее духу. Не имѣя въ сердцѣ способности воспринимать внутренней смыслъ богослужебнаго обряда и всей внѣшней стороны христіанскаго богопочитанія, руководимые лицемѣрною набожностію, они тѣмъ не менѣе, какъ и всѣ подобные люди, любили доискиваться особеннаго значенія, особенности тамъ, гдѣ или вовсе не было повода къ тому или было совершенно невозможно по сокровенности самаго дѣла. Не удивительно, что такіе люди были приверженцами тѣхъ мнѣній и понятій, чуждыхъ истинно благочестивому чувству, которыя вообще принадлежали партіи мнимыхъ приверженцевъ старины. Они вносили свои мнѣнія и въ богослужебныя книги. Ничто не препятствовало имъ; они овладѣли довѣренностію Іосифа, пользовались общественнымъ уваженіемъ по своему положенію; печатный дворъ былъ тогда въ вѣдомствѣ царскаго дворцоваго приказа, подъ управленіемъ единомышленника ихъ князя Львова. Итакъ, новые справщики церковныхъ книгъ, отличавшіеся крайнимъ невѣжествомъ, не только портили книги, печатая ихъ съ невѣрныхъ, искаженныхъ рукописей, о сличеніи которыхъ и не думали они, но и вносили въ книги свои собственныя заблужденія. Ученіе свое о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи они подтверждали мнимымъ сказаніемъ блаженнаго Θεодорита о перстосложеніи Мелетіевомъ, присоединивъ собственное толкованіе ⁴⁷⁾ въ такъ называемой Кирилловой книгѣ (изд. 1344 г.), въ предисловіи къ слѣдованной псалтири (изд. 1647 г.), также въ книгѣ о вѣрѣ единой (изд. 1648 г.) и въ маломъ Катихизисѣ (изд. 1640 г.). Каждая изъ этихъ книгъ печаталась въ числѣ 1.200 экземпляровъ, всѣ онѣ разносили заблужденія по всѣмъ краямъ русской земли. При такомъ своеволіи въ изданіи богослужебныхъ книгъ происходили безпорядки и несогласія въ самомъ совершеніи богослуженія. Порча церковныхъ книгъ дошла до высшей степени и была тѣмъ прискорбнѣе и безотраднѣе, что производилась явно, утверждаясь по-видимому на законныхъ основаніяхъ.

Еще въ санѣ архимандрита Новоспасскаго Никонъ смотрѣлъ со скорбію на невниманіе къ устроенію церковному со стороны дряхлаго и немощнаго патріарха Іосифа. Въ 1649 году прибылъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Паисій. Святитель, конечно, скоро замѣтилъ несогласіе въ богослуженіи русской Церкви съ Церковію греческою, и изъ всѣхъ окружавшихъ его скорѣе всего онъ могъ раздѣлить наблюденія и мысли свои съ Никономъ, который самъ такъ живо со-

---

⁴⁷⁾ Вотъ какъ изложено ими ученіе о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія: *Вопросъ:* Какимъ образомъ знаменіе святаго креста имамы на себя полагати? *Отв.* Со-вокупити три персты правыя руки, сирѣчь великаго и малаго и третьяго, что подлѣ малаго, въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественныхъ трехъ Ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, въ трехъ лицахъ. Два же перста протянуты великій и средній» (Малый катихизисъ Моск. изданія 1649). А между тѣмъ почти въ то же время и въ той же книгѣ кievскаго изданія (1645 года) сказано: «рукою правою три первіи пальцы сложивши, знакъ креста начинай ими на челѣ» и проч.

чувствовалъ этому дѣлу. Не удивительно, что на благоговѣйнаго къ святынѣ Никона глубоко подѣйствовали неоднократныя бесѣды греческаго святителя о нѣкоторыхъ разностяхъ въ совершеініи обрядовъ русской Церкви съ греческою. При бесѣдахъ съ царемъ Никонъ не замедлилъ передать ему замѣчанія Паисія и собственные свои планы. Слѣдствіемъ было отправленіе на востокъ Арсенія Суханова ⁴⁸). Къ движенію благочастивой ревности пришло на помощь новое побужденіе. Съ святой горы Аѳонской пришло извѣстіе, что тамъ явился нѣкто изъ сербовъ, іеромонахъ Дамаскинъ, учившій открыто, что каждому христіанину нужно креститься двумя, а не тремя первыми перстами. Отцы аѳонскихъ монастырей по благословенію цареградскаго патріарха Парфенія, присланному имъ письменно, составили соборъ, призвали на онъ къ отвѣту самого Дамаскина и „книгу русскую (вѣроятно нашу слѣдованную псалтирь ⁴⁹), у него взяли, а въ ней тако написано, якоже той учаще, и тую книгу соборнѣ сожгоша; а тако творящихъ и учащихъ анаемѣ предаша“. Соборъ святогорскій утвердилъ совершать крестное знаменіе непременно тремя первыми перстами.

Это событіе навлекло явное подозрѣніе на справщиковъ печатнаго двора. Они были удалены и наблюденіе надъ исправленіемъ книгъ поручено ученымъ монахамъ кievскимъ.

Вступивъ на престолъ первосвятительскій, патріархъ Никонъ не замедлилъ обратить вниманіе на тѣ же безпорядки въ московскихъ церквахъ, какіе исправлялъ онъ въ прежней своей Новгородской епархіи. Кромѣ того, онъ былъ пораженъ здѣсь иными, еще болѣе важными разногласіями и неправильностями: такъ литургію совершали то на семи, то на шести просфорахъ, употребляя притомъ просфоры съ различными печатями; образъ совершенія проскомидіи во многихъ церквахъ былъ также различенъ. вмѣсто того, чтобы для крестнаго знаменія слагать три первыхъ перста и благословлять перстосложеніемъ именованнымъ, крестились и благословляли только двумя перстами; неправильно писали святое имя Господа Іисуса; были и другія различія ⁵⁰). Никонъ, строгій во всемъ, касающемся благочинія церковнаго, не могъ смотрѣть на все это равнодушно и рѣшился ввести то единство въ богослуженіи, которымъ все должно быть запечатлѣно въ Церкви. При стремленіи къ сей цѣди онъ еще сильнѣе убѣдился въ необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ. Онъ увидѣлъ,

⁴⁸) Проскинитарій Арсенія: «Лѣта 7157 (1649) мая въ девятый день по государеву цареву и великаго князя Алексія Михайловича всея Русіи указу и по благословенію господина святителя Іосифа... велѣно было ѣхать въ Іерусалимъ».

⁴⁹) Сами раскольники ссылаются на этотъ фактъ, конечно, приспособляя его къ своимъ цѣлямъ: «Какая правда во Аѳонской горѣ: Греки сожгли своихъ святѣйшихъ патріарховъ многосложный свитокъ, книгу, что писали къ Теофилу царю еретику... и нашу Русскую Псалтирь» (Рукоп. разсужденіе объ исправленіи церковныхъ книгъ въ Россіи, М. Середонина).

⁵⁰) Соборный свитокъ, напечатанный при служебникѣ, издан. въ 1667 г.

Толстаго.—Исторія Русск. Церкви.

что беспорядки въ совершеиі богослуженія не были только отступленіемъ отъ чина церковнаго, излагающагося въ богослужебныхъ книгахъ, но что они вошли и въ самый составъ этихъ книгъ, наполненныхъ разными неисправностями.

Чтобы очевиднѣе и тверже удостовѣриться, въ какомъ состояніи были богослужебныя книги, Никонъ обратилъ вниманіе на древнее книгохранилище, давно забытое всѣми. Въ продолженіе многихъ дней онъ разсматривалъ ⁵¹⁾ книгохранилище съ тайною и сильно поражающею душу его мыслию: „не есть ли что погрѣшено отъ православнаго греческаго закона“. Страшная мысль эта оправдалась. Прочитавъ шитый на саккосѣ Фотія, принесенномъ изъ Греціи, символъ вѣры, Никонъ увидѣлъ несогласіе съ нимъ символа въ новопечатныхъ книгахъ; разсматривалъ и чинъ святой литургіи, и здѣсь нашелъ нѣкоторыя недостатки и излишества въ сравненіи съ греческимъ; намѣренныя и ненамѣренныя ошибки въ переводѣ, даже немаловажныя измѣненія въ мысляхъ находились и въ другихъ книгахъ. Надобно было положить конецъ распространенію зла. Къ тому же времени возвратился изъ путешествія Арсеній Сухановъ. Правда, составленный имъ отчетъ о путешествіи (Проскинитарій) далеко не отвѣчалъ тѣмъ цѣлямъ, какихъ ожидалъ отъ него Никонъ, ибо Арсеній смотрѣлъ поверхностно на свое дѣло и, вовсе не обращая вниманія на тогдашнее бѣдственное состояніе христіанскаго Востока, много сообщилъ извѣстій о Греческой Церкви, представившихъ ее не совсѣмъ въ благопріятномъ свѣтѣ; однакожь это не препятствовало ему быть и полезнымъ. Между извѣстіями Арсенія находилось и слѣдующее: „греки троятъ въ церквахъ аллидуія, а въ Царьградѣ знаменуются греки тремя персты“.

Увидѣвъ столько разногласія между богослужебными книгами и церковными чинами, Никонъ совѣтовался съ царемъ объ уничтоженіи и исправленіи поврежденнаго. Царь, конечно, готовъ былъ предоставить ему полную свободу поступать въ семъ случаѣ, какъ ему угодно. Но не такъ думалъ самъ патріархъ. Съ одной стороны, взирая съ глубокимъ уваженіемъ на предпринимаемое дѣло, какъ на дѣло самой православной вѣры, Никонъ не хотѣлъ совершить его единолично, своею собственною властію; а съ другой—замѣчая въ однихъ явное нерасположеніе и предвидя противоборство съ ихъ стороны, а въ другихъ не совсѣмъ увѣренный, онъ призналъ за лучшее просить царя о составленіи Собора. Эту мысль патріархъ передалъ царю, основывая притомъ предложеніе свое о соборѣ на правилахъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, повелѣвающихъ быть по временамъ соборамъ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ. Царь согласился. Причина такого именно образа дѣйствованія лежала сколько въ опытахъ предшествовавшихъ исправленій, столько и еще болѣе въ положеніи настоящаго образа мыслей и отношеній современниковъ. На немъ предсѣдатель-

⁵¹⁾ «Беззаконный бо той, пишутъ раскольники о Никонѣ, еретическія Гришкины книги воспріять сокровенныя подъ казенною благовѣщенскою палатою» (Ркп. Щитъ Вѣры л. 67).

ствовалъ самъ царь, присутствовали патріархъ Никонъ и многіе изъ пастырей Русской церкви ⁵²⁾. Засѣданіе собора открыто было рѣчью патріарха. Раскрывъ, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ присно поучаться въ божественныхъ заповѣдяхъ и на нихъ твердо основываться, показавъ, какъ за цѣлымъ и чистымъ храпеніемъ сихъ заповѣдей постоянно и строго блюли вселенскіе соборы и благочестивые цари, Никонъ продолжалъ: „праведно есть и намъ всяку церковныхъ огражденій новину истребляти, видящимъ новины всегда виновны бывати церковнаго смятенія же и разлученія, но уставомъ послѣдовати святыхъ отецъ“, благоговѣнно принимать все, что пріяли и утвердили святые соборы, бывшіе до сего времени. Слѣдовательно надобно нововведенные чины церковные, несогласные съ древними славянскими и греческими книгами, надлежащимъ образомъ исправить. Этого требуетъ самое дѣло, священный долгъ, возложенный на cadaго пастыря Церкви, и сама совѣсть cadaго истиннаго христіанина. На ваше разсмотрѣніе,—заключилъ патріархъ,—предлагаю теперь вопросъ: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, въ нихъ же многая обрѣтошася нами отъ преведшихъ и преписующихъ неискунѣ съ древними греческими же и славенскими несходства и несогласія, явнѣе же рещи, погрѣшенія, или древнимъ греческимъ и славенскимъ, иже обои единъ купно чинъ и уставъ показываютъ?“ Въ отвѣтъ на эту рѣчь и этотъ вопросъ патріарха царь и соборъ сказали; „достойно и праведно исправить противу старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Получивъ такой отвѣтъ, Никонъ здѣсь же предложилъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствовавшихъ объ отступленіи настоящихъ церковныхъ чиновъ отъ греческихъ и несогласіи съ правилами соборными. Всякій разъ, какъ онъ представлялъ какую-либо несообразность или неправильность новыхъ церковныхъ книгъ, Соборъ говорилъ: „и мы такожде утверждаемъ быти, якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ быти“ ⁵³⁾. Однакоже между присутствовавшими

⁵²⁾ На соборѣ были: Макарій, митрополитъ Новгородскій, Корнилій, митрополитъ Казанскій, Иона, митрополитъ Ростовскій, Сильвестръ, митрополитъ Крутицкій, Михаилъ, митрополитъ Сербскій, Маркелъ, архіепископъ Вологодскій, Софроній, архіепископъ Суздальскій, Михаилъ, архіепископъ Рязанскій, Макарій, архіепископъ Псковскій, Павелъ, епископъ Коломенскій, 11 архимандритовъ и игуменовъ и 13 протопоповъ (Скрижаль 1656, стр. 47—50). Въ основаніе приняты 37-е правило апостольское, 8-е правило шестого и 6-е правило седьмого вселенскихъ соборовъ.

⁵³⁾ Еще до созванія собора, повелѣно было собрать въ Москву всѣ древнія славянскія рукописныя книги, переведенныя съ греческаго за 500 лѣтъ и ранѣе, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были знаменитыя своєю древностію книгохранилища. Такъ доставлены были всѣ харатейныя рукописи и древнія книги изъ Великаго Новгорода, Троицко-Сергіевской лавры, Юрьева монастыря, Іосифова Волоцкаго монастыря и прочихъ мѣстъ. Книги собраны были изъ 39 русскихъ монастырей. Всѣмъ имъ сдѣланъ каталогъ, хранящійся въ синодальной бібліотекѣ подъ № 205 на 89 листахъ. Въ началѣ означено время и поводъ къ собранію книгъ: «17161 (1653 г.) генваря въ 11-й день по указу великаго Господина святѣйшаго Никона патріарха московскаго выписано степенныхъ монастырей изъ отписныхъ книгъ печатнова дѣла исправленія ради» (Подробная опись сихъ книгъ напечатана въ Чтен. Моск. Общ. Истор. за 1848 г. № 6-й).

на соборѣ нашлись люди, которые подавали голосъ въ защиту московскихъ книгъ. Это были—Павель епископъ Коломенскій, протопопъ Аввакумъ, Іоаннъ Нероновъ и другіе ⁵⁴⁾).

Чтобы устранить всякія возраженія со стороны противниковъ, въ совѣтѣ царя съ первосвятителемъ положено было написать къ восточнымъ патріархамъ о предложенномъ дѣлѣ и просить ихъ рѣшенія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Избранъ былъ извѣстный по своей жизни съ доброй стороны Мануиль грекъ и отправленъ въ Константинополь съ царскою и патріаршею грамотою. Въ своей грамотѣ къ патріарху вселенскому Никонъ спрашивалъ о предметахъ въ то время спорныхъ. Патріархъ Паисій собралъ греческихъ пастырей и дѣяніемъ соборнымъ утвердилъ рѣшеніе московскаго собора: слѣдовать православному писанію восточныхъ учителей въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ написаны были соборные отвѣты на 25 вопросовъ, приложенныхъ Никономъ. Патріархъ Паисій въ грамотѣ къ Никону изъяснялъ живѣйшую радость и глубокое уваженіе къ предпріятіямъ русскаго первосвятителя. Препроводивъ толкованіе на чинъ богослуженія, иначе Скрижалъ, разсмотрѣнную и одобренную, какъ писалъ онъ, на соборѣ, вселенскій патріархъ просилъ Никона ни въ чемъ не разнствовать отъ уставовъ восточной Церкви: „да будемъ,—говорилъ онъ,—чадами единой и той же матери—Церкви восточной и да не имѣютъ нечистыя еретическія уста никакого повода упрекать насъ въ какой-либо разности“. Хотя Никонъ, прикрывая Церковь свою какъ любящій ее пастырь, не писалъ Паисію о самомъ важномъ несогласіи нашей Церкви съ греческою, о несогласіи въ символѣ вѣры: но Паисій, узнавъ объ этой разности, препроводилъ вѣрный греческій списокъ никео-константинопольскаго символа вѣры и просилъ уничтожить разность, столь важную ⁵⁵⁾. Въ заключеніе просилъ Паисій Никона быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждались не въ существенныхъ догматахъ вѣры, а только въ вещахъ маловажныхъ.

Посланіе цареградскаго первосвятителя обрадовало царя и патріарха русскаго. Теперь съ поразительною ясностію представилась имъ мысль, ясно высказанная Паисіемъ въ его посланіи, именно мысль о томъ, чтобы среди зачинавшихся движеній не отступить русской Церкви отъ матери своей, но остаться вѣрною и пребыть въ совер-

⁵⁴⁾ Денисовъ, защищая расколъ пишетъ: «никтоже оная новшества возражающъ, кромѣ Павла, доблаго епископа Коломенскаго, и великоревностнаго протопопа Аввакума, въ самопервособорія время сія возразившихъ и прочихъ малыхъ». (Истор. Р. Ц. пер. патр. стр. 179). О Павлѣ и Нероновѣ упоминается въ посланіи Паисія къ Никону въ отвѣтѣ на вопр. 8 и 9 (Скриж. 1656, стр. 712).

⁵⁵⁾ Патріархъ Паисій писалъ: обаче, преблагеннѣйшіи брате, со прошеніемъ здѣ речеся слово, яко бывають въ церковныхъ чинѣхъ нѣкая, яке зряете не стояти добрѣ, яке не имуть подобія чиномъ Великія церкви, и удивляюся, како не воспросишася и сія?—И первое яко во святомъ символѣ Святыхъ Отцевъ Никейскаго Собора имате приложенія и нѣкая словеса, яке мы не имамы; посемъ и ина нѣкая несогласія въ церковныхъ вещахъ» (Скрижаль 1656, стр. 761).

шенномъ единеніи съ нею. Эта мысль окончательно побудила къ приобрѣтенію древнихъ рукописей греческихъ. Съ этою цѣлью отправленъ былъ на востокъ тотъ же Арсеній Сухановъ, который былъ тамъ прежде; ему поручено было не щадить издержекъ для приобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей. Арсеній приобрѣлъ на одномъ Аѳонѣ до 500 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ, между которыми одному евангелію считали тогда 1050 лѣтъ, другому—650, одному служебнику—600 и другому—450 лѣтъ и проч. Много рукописей приобрѣтено въ разныхъ другихъ мѣстахъ ⁵⁶).

Ко времени возвращенія Арсенія съ такими сокровищами прибыли въ Москву патріархи Антиохійскій Макарій и Сербскій Гавріиль, митрополиты Никейскій Григорій и Молдавскій Гедeonъ. Никонъ воспользовался этимъ рѣдкимъ случаемъ для главнаго дѣла своего. Онъ собралъ (въ 1655 г.) соборъ русскихъ пастырей и пригласилъ на оный дальнихъ гостей. Патріархи и митрополиты признали нужду въ исправленіи книгъ, такъ какъ древнія греческія книги, тогда же пересмотрѣнныя, оказались несходными съ поздѣйшими славянскими. По прочтеніи дѣяній соборовъ московскаго и константинопольскаго 1654 г., единогласно всѣми принято слѣдовать ихъ рѣшеніямъ. Никонъ говорилъ предъ соборомъ, что уже много разъ укоряли восточные пастыри Церковь русскую въ неисправности книгъ и обрядовъ ея, и въ примѣръ указалъ на перстосложеніе въ крестномъ знаменіи ⁵⁷). Патріархъ Макарій объявилъ, что двуперстное знаменіе принадлежитъ армянамъ и издревле принято „творити знаменіе честнаго креста тремя перстами десныя руки“. Онъ произнесъ отлученіе на двуперстниковъ и свой отзывъ подписалъ собственноручно ⁵⁸). Такой же голосъ подали сербскій патріархъ и оба восточные митрополиты. Затѣмъ Никонъ предложилъ на разсмотрѣніе собора исправленный служебникъ и скрижаль, присланную патріархомъ Паисіемъ. То и другое было размо-

⁵⁶) Изъ Аѳонскихъ монастырей Арсеній вывезъ 498 книгъ, изъ «иныхъ старожитныхъ мѣсть», Востока около 200 книгъ (Указатель патріаршей бібліотеки, состав. архимандр. Саввою. Изд. 2-е 1858, стр. 7 и 8.

⁵⁷) «Заираху мнѣ, говорилъ Никонъ, приходящій къ намъ въ царствующій градъ Москву потребъ своихъ ради святыхъ восточныхъ церкви вселенскій патріархъ Константина града Аѳанасій, Паисій святаго града Іерусалима и святаго града Назарета митрополитъ Гавріиль и прочіи и поношаху ми много въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ, отъ нихъ же единая сія, яко тремя персты, послѣдними двѣма малыми съ великимъ пальцемъ соединя, да двѣма прочими великосредними, изображающе творимъ на лицѣ нашемъ знаменіе креста». (Скрж. л. 750). Святѣйшій Аѳанасій весьма милостиво былъ принимаемъ въ Москвѣ въ 1652—1653 г. и на обратномъ пути скончался въ Лубнахъ, гдѣ теперь открыто почиваютъ мощи его, прославленные нетлѣніемъ и чудесами. Въ одно время съ нимъ былъ въ Москвѣ ахридскій и болгарскій архіепископъ Діонисій. Іерусалимскій патріархъ Паисій посѣтилъ Москву, какъ уже сказано, въ 1649 г.; Гавріиль, митрополитъ Назаретскій, былъ въ Москвѣ въ 1651 году.

⁵⁸) Вотъ отзывъ патр. Макарія: «преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и святыхъ седми Соборовъ творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ православныхъ христіанъ не творить крестъ тако... есть еретикъ и подражатель Арменовъ» (Скрижаль л. несчетный).

тѣсно и одобрено. Дѣло исправленія и печатанія исправленныхъ книгъ потекло быстро и непрерывно ⁵⁹⁾. Въ особенности изданіе Скрижали было благотворнымъ дѣломъ для Русской Церкви, сликомъ бѣдной такими источниками духовнаго просвѣщенія; изданіе ея прямо направлено было противъ нелѣпныхъ слуховъ и лживыхъ нареканій враговъ книжнаго исправленія.

Великое дѣло Никона принималось большинствомъ духовенства и мірянъ съ полною покорностію. Только немногіе обнаружили противленіе пробудившемуся общему сознанію нужды въ исправленіи книгъ. Это были тѣ, которые портили книги при патр. Іосифѣ и которые теперь, вслѣдствіе опредѣленія соборнаго, должны были отвѣчать за порчу книгъ. Таковъ былъ Аввакумъ, первый обнаружившій неудовольствіе на исправленіе испорченныхъ имъ книгъ. Къ нему пристали Павелъ коломенскій епископъ и костромской протопопъ Данииль, дѣлившіе съ Аввакумомъ дружбу. Эти трое стали возмущать другихъ противъ дѣла, одобреннаго соборами. По соборному опредѣленію, Аввакумъ сосланъ былъ на берегъ Байкала ⁶⁰⁾, помощникъ его въ порчѣ книгъ князь Львовъ—въ Соловецкій монастырь, Данииль—въ Астрахань, а Павелъ скрылся отъ обличеній патріарха. Спокойствіе возстановилось. Мудрыя распоряженія Никона оказывали благотворное дѣйствіе. Когда выслушаны были отзывы святителей Востока, то и тѣ, которые прежде колебались не по упорству противъ истины, а по недостатку образованности, оставляли свои предубѣжденія, какъ, напр., протопопъ Іоаннъ Нероновъ, въ иночествѣ Григорій ⁶¹⁾. Изъ отношеній Никона къ Неронову видимъ, что великій первосвятитель умѣлъ иногда быть снисходительнымъ отцомъ къ немощнымъ, хотя и ревновалъ о чистотѣ Церкви.

Удаливъ сѣятелей плевелъ изъ двора церковнаго и въ то же время дѣйствуя на прочихъ писаніями отеческими и вразумленіями

⁵⁹⁾ До 1658 г. подъ смотрѣніемъ Никона исправлены и изданы были «постная тріодь» и «скрижаль» (1655 г.), «соборникъ» молитвъ и «часословъ» (1666 г.), «ирмологъ», переведенный снова (1657 г.), «требникъ» и слѣдовавшая псалтирь (1658 г.).

⁶⁰⁾ Аввакумъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій: «А меня въ Дарбурскую (Даурскую) землю сослалъ, отъ Москвы, чаю—тысячей будетъ съ двадцать въ Сибирь».

⁶¹⁾ Нероновъ писалъ къ царю (въ 1653 и 1654 году) два письма противъ Никона; царь чрезъ духовника Вонифатьева велѣлъ ему молчать. Онъ обратился съ письмомъ къ царицѣ: «ревнители благочестія, ихъ же реку отца епископа Павла и братію Даниила протопопа Костромскаго и Аввакума протопопа юрьевскаго,—изгнали ради проповѣди закона и ради ученія и за еже понуждати имъ челоуѣкъ», т.-е. за открытое возмущеніе противъ собора. Царица чрезъ того же Вонифатьева отвѣчала Неронову, что она удивляется его упорству. И, несмотря на всѣ эти дерзости, Никонъ, когда Нероновъ объявлялъ ему, что не желаетъ быть подъ осужденіемъ патріарховъ, принялъ его съ любовію и самъ смиренно просилъ прощенія въ строгости, за которую укорялъ его Нероновъ. «По грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я; прости, Господа ради», сказалъ Никонъ. Возвращая Неронова церкви, Никонъ плакалъ. Такъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ ревнителей мнимой старины. И онъ же говорить: «вопроси нѣкогда старецъ Григорій Нероновъ патріарха: иностранныя власти нашихъ служебныхъ (книгъ) не хулятъ? И патріархъ рече: по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь». (Записка неизвѣстнаго, приложенная къ письмамъ Неронова).

въ предметахъ православной вѣры, великій первосвятитель, если бы не отвратилъ совершенно, то по крайней мѣрѣ весьма ограничилъ бы вліяніе приверженцевъ къ старопечатнымъ книгамъ и указалъ бы средства къ скорому искорененію ихъ духа. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла; часто располагающимъ событія вопреки самой, повидимому, очевидной вѣрности человѣческихъ соображеній, произошло иное. Для блага Церкви потребно было отсѣченіе всѣхъ вѣтвей внутренно засохшихъ и ставшихъ безплодными въ очахъ Сердцевѣдца, дабы безпрепятственно и плодоносно совершалось произрастаніе и процвѣтаніе неувядаемаго древа, Самимъ Богомъ насажденнаго.

Наказаны были заточеніемъ въ отдаленныя мѣста главнѣйшіе и упорнѣйшіе противники исправленія церковныхъ книгъ. Удаленіе ихъ послужило къ распространенію, или, лучше сказать, къ обнаруженію раболѣпной привязанности къ старымъ книгамъ и въ другихъ, дышавшихъ однимъ духомъ съ распространителями, суевѣрія. Изгнанные изъ Москвы, защитники старопечатныхъ книгъ разносили грубыя понятія и ложныя нареканія свои въ страны отдаленныя — туда, гдѣ по судебному приговору надлежало имъ быть въ заточеніи. Наказаніе ихъ въ связи съ дѣломъ, которое еще только совершалось и которое не было еще всюду общеизвѣстно, и потому возбуждало любопытство народное, привлекало къ нимъ весьма многихъ слушателей. Преступники пользовались своимъ положеніемъ. И здѣсь, какъ въ Москвѣ, они представляли дѣло по своимъ грубымъ понятіямъ, прибавляя къ этому вымыслы и ложь, говорили съ жаромъ, выставя себя мучениками за истину, за „старую“ вѣру. Посему неудивительно, что „богохульное плодоношеніе“ суевѣровъ ⁶²⁾ распространялось по различнымъ странамъ, градамъ и весямъ царства Русскаго.

Такое пагубное сѣяніе плевеловъ еще болѣе распространилось, когда прекратилась дѣятельность бодрого стража нивы Господней. Послѣдующая печальная судьба патріарха Никона сильно способствовала успѣхамъ расколоточителей.

---

⁶²⁾ Какъ выразился царь Алексѣй въ своей рѣчи на соборѣ 1666 года.

Г Л А В А VI.

Охлажденіе дружбы царя съ патріархомъ.—Козни враговъ Никона.—Удаленіе Никона въ Воскресенскій монастырь.—Прибытіе Паисія Лигарида.—Вопросы Стрѣшнева Паисію.—Обыскъ въ тайномъ архивѣ патріарха.—Дѣло Бобарыкина.—Дѣло Зюзина.—Прибытіе двухъ восточныхъ патріарховъ.—Соборъ 1666 г.: судъ надъ Никономъ.—Низложеніе и заточеніе бывшаго патріарха. — Соборъ 1667 г.; одобреніе книжнаго исправленія; судъ надъ расколоучителями и ихъ послѣдователями.

Соединяя необыкновенный умъ съ возвышеннымъ духомъ и непоколебимою твердостію воли ¹⁾, Никонъ обладалъ чудною нравственною силою, вліянію которой невольно подчинялось все окружающее. Доказательствомъ служить, съ одной стороны, безусловная къ нему преданность большей части его приближенныхъ, любовь народа, привязанность и неограниченная довѣренность царя; съ другой — мелкія козни царедворцевъ, ненаходившихъ средствъ дѣйствовать прямо противъ громадной личности, передъ которою всѣ враги являются какими-то пигмеями. Значеніе, которымъ облакалъ его государь, возбуждало зависть въ боярахъ: Никонъ имѣлъ многочисленныхъ враговъ при дворѣ ²⁾. Вполнѣ сознавая свое превосходство предъ другими, онъ любилъ имъ пользоваться, старался еще болѣе возвысить патріаршую власть, вооружался противъ всякаго нарушенія ея правъ. Суровый до излишества нравъ, взыскательный надзоръ надъ поступками не только духовныхъ, но и свѣтскихъ сановниковъ, высокомѣріе патріарха оскорбляли многихъ. Громко укорялъ онъ въ церкви, въ присутствіи самого государя, бояръ, подражавшихъ нѣкоторымъ обычаямъ

---

¹⁾ Такъ свидѣтельствовали даже иностранцы, недовольные недостаткомъ вѣротерпимости со стороны Никона. Писатель книги «*Sterhanus Razin*» говоритъ: «*Nicon auctoritate et prudentia egregius*» (§ 12).

²⁾ Противъ Никона были Стрѣшневъ—родня царя по матери, Милославскіе—родня первой супруги царя, Морозовъ—царскій своякъ, первая супруга царя Марья Ильинична, составитель Уложенія князь Одоевскій, бояре Долгорукій, Трубецкой, Салтыковъ и др. Семень Стрѣшневъ до такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставлялъ свою власть или давалъ волю своему гнѣву.

запада. Къ духовенству былъ неумолимо строгъ, не щадилъ даже святителей: такъ коломенскаго епископа Павла ³⁾, дерзнувшаго противиться исправленію церковныхъ книгъ, отрѣшилъ, безъ суда соборнаго, отъ епархіи и подвергъ заключенію. Онъ возставалъ и противъ монастырскаго приказа, учрежденіе котораго представлялось стѣснительнымъ для патріаршей власти, особенно когда распоряженія его стали касаться не однихъ церковныхъ имѣній, но и духовныхъ лицъ ⁴⁾; не любя щадить враговъ своихъ, нерѣдко предавалъ ихъ проклятію ⁵⁾. Но какъ дотолъ власть духовная всегда находилась у насъ въ нѣкоторой зависимости отъ власти царской, то, при неуступчивости Никона, паденіе его было неизбѣжно. Не маловажную роль въ этомъ дѣлѣ играли, безъ сомнѣнія, и другія обстоятельства: ненависть приверженцевъ раскола къ смѣлому исправителю книгъ, особенно же происки царедворцевъ. Но они не были главною, тѣмъ менѣе единственною причиною: вражда бояръ только подала поводъ къ первымъ несогласіямъ между царемъ и патріархомъ и вмѣстѣ съ неуступчивостью и раздражительностью Никона уничтожила въ послѣдствіи возможность примиренія.

Перемѣна отношеній между царемъ и патріархомъ сдѣлалась особенно замѣтною по возвращеніи царя изъ втораго (ливонскаго) похода въ 1658 году. Во время отсутствія государя власть Никона естественно усилилась; нѣтъ сомнѣнія, что въ это время и характеръ царя сдѣлался независимѣе, по крайней мѣрѣ относительно Никона; безъ него уже привыкли обходиться. Теперь, при новой встрѣчѣ, дѣйстви-

³⁾ Денисовъ въ «Виноградѣ Россійскомъ» приписываетъ епископу Павлу слѣдующія слова, начертанныя будто бы имъ вмѣсто подписи подъ соборнымъ дѣяніемъ 1654 г.; «аше кто отъ обычныхъ преданій святаго каеолическаго церкви отыметъ, или приложить къ нимъ, или инако развратитъ, анаеема да будетъ». Сверхъ того Денисовъ утверждаетъ, будто бы Павелъ Коломенскій на соборѣ побѣдоносно обличилъ Никона въ посягательствѣ на искаженіе православной вѣры. А между тѣмъ, на подлинномъ дѣяніи собора 1654 г., хранящемся въ Синод. бібліотекѣ подъ № 379, видимъ подпись Павла съ слѣдующею припискою: «а что говорилъ на святомъ соборѣ о поклонѣхъ, и тотъ уставъ харатейной въ оправданіе положилъ здѣ, а другой писмяной». Оказывается такимъ образомъ, что Павелъ, епископъ Коломенскій, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими на соборѣ архіереями призналъ настоятельную нужду исправленія церковнослужебныхъ книгъ и чиновъ и только сдѣлалъ возраженіе по вопросу о поклонахъ въ четыредесятницу: обстоятельство, очень важное для первоначальной исторіи раскола (Дѣяніе Моск. собора 1654 г. Изд. Братства св. Петра митрополита. Москва 1873.). Что касается до низложенія и заточенія Павла, то Никонъ поступилъ, если не совсѣмъ законно, то совершенно справедливо, какъ доказали послѣдствія.

⁴⁾ Такъ Полоцкій Богоявленскій монастырь, зависѣвшій непосредственно отъ патріарха, безъ его согласія, былъ отданъ въ управленіе новопоставленному мѣстному епископу Каллисту; опредѣлялись игумены и священники именемъ государя, помимо патріаршей власти.

⁵⁾ Вотъ для примѣра одинъ случай, когда торговый человѣкъ Иванъ Щепоткинъ, за пятьсотъ пудовъ мѣди, взятыя изъ его лавки для колокола, заверсталь патріаршею мягкою ружадью; Никонъ такъ разгнѣвался, что, по собственному выраженію его, «того ради преобидѣнія Ивана проклялъ». Также проклялъ онъ и Стрѣльнева за кощунственное обученіе собаки.

тельно должны были яснѣе обнаружиться темныя стороны характера строгаго первосвятителя, на которыя прежде царь не обращалъ вниманія, или смотрѣлъ съ снисходительностію друга. Тѣмъ не менѣе, едва ли и въ это время Алексѣй Михайловичъ пріобрѣлъ на столько твердости характера, чтобы дѣйствовать съ полною самостоятельностью,—его натура была слишкомъ мягка для этого. Почувствовавъ на столько рѣшимости, чтобы выйдти изъ подъ вліянія Никона, онъ въ то же время весьма легко подчинился другимъ вліяніямъ, и должно сказать, этимъ послѣднимъ собственно и былъ обязанъ тѣмъ, что шель дальше и дальше въ разладъ съ своимъ прежнимъ другомъ. Дружескихъ бесѣдъ за трапезою уже не было, не было искреннихъ совѣщаній о дѣлахъ съ другомъ-первосвятителемъ. Если бы добрый царь и патріархъ откровенно объяснились между собою, прежнее дружество ожило бы снова. Но царь, по природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ; онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ бѣгство; онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, непривыкшаго къ такому обращенію; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ смириться до того, чтобы искать объясненія и мѣрами кротости уничтожить нелюбе въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалился и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. Такъ, вскорѣ по возвращеніи царя изъ похода, отношенія двухъ друзей сдѣлались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся въ томъ и другомъ неудовольствій. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы подложить искру и зажечь вождѣлѣнную для нихъ вражду между царемъ и патріархомъ. Благопріятный случай къ тому представился скоро.

Въ Москвѣ дѣлали торжественный пріемъ грузинскому царю Теймуразу, прибывшему скрѣпить союзъ Грузіи съ Россією. Патріархъ оставилъ Воскресенское уединеніе свое, чтобы принять участіе въ дѣлѣ, которое было въ связи съ дѣлами церковными и въ которомъ участвовали предшественники его, начиная съ патріарха Іова. Но патріархъ не былъ приглашенъ во дворецъ. Изумленный Никонъ послалъ своего боярина узнать о причинѣ. Стольникъ Богданъ Хитровъ любитель старины и родственникъ царскій, ударилъ боярина палкою; посланный сказалъ, что онъ присланъ патріархомъ; Хитровъ повторилъ ударъ съ грубою бранью. Раздраженный Никонъ требовалъ удовлетворенія, и царь обѣщалъ лично объясниться съ патріархомъ; но, проискавши бояръ, Никонъ не получилъ удовлетворенія. Патріархъ надѣялся говорить съ царемъ въ праздники; но пришелъ одинъ праздникъ (8 іюля 1653 г.), и царь удержанъ былъ отъ выхода; пришелъ другой (10 іюля),—патріархъ долго ждалъ царя; но князь Ромоданов-

скій, пришедшій объявить, что царь не выйдетъ, сталъ публично упрекать Никона въ гордости за титуло великаго государя и „сказалъ царскимъ словомъ“, чтобы впередъ патріархъ не смѣлъ называться и писаться великимъ государемъ.

Тогда Никонъ, огорчившійся до глубины души, потерялъ терпѣніе. По окончаніи литургіи онъ объявилъ въ слухъ всѣхъ, что онъ болѣе не патріархъ ⁶⁾; поставилъ къ Владимірской иконѣ Богоматери посохъ святителя Петра и въ ризницѣ написалъ письмо царю, прося себѣ кельи для пребыванія. Это былъ поступокъ самоволія, достойный порицанія и пагубный по своимъ послѣдствіямъ. Царь смущенный хотѣлъ успокоить Никона; присланный имъ князь Трубецкой сталъ увѣщавать патріарха; но Никонъ остался непреклоннымъ, ожидая повидимому „пришествія царскаго“. Еще разъ явился бояринъ и произнесъ наконецъ: „Великій Государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ ты изволишь, тамо себѣ монастырь и келліи избери“. Тогда патріархъ, имѣвшій на этотъ разъ право оскорбиться только тѣмъ, что не сбылись его ожиданія, вышелъ изъ собора, чтобы сѣсть на телѣгу. Народъ не допустилъ его, Царь прислалъ карету; но Никонъ отвергъ ее и въ большую грязь отправился изъ кремля пѣшкомъ на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ въ свой Новый Іерусалимъ. Вслѣдъ за нимъ былъ посланъ Трубецкой, чтобы еще разъ, отъ имени государя, спросить о причинѣ отшествія. Никонъ повторилъ, что „ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, отрекается отъ патріаршества и проситъ себѣ въ управленіе только основанные имъ монастыри: Воскресенскій, Иверскій и Крестный“. вмѣстѣ съ тѣмъ благословлялъ крутицкому митрополиту Питириму управлять церковными дѣлами и въ письмѣ къ царю смиренно молилъ о прощеніи за скорый отъѣздъ.

Поселившись въ любимой обители, онъ посвятилъ себя попеченіямъ о построеніи каменной соборной церкви, принималъ личное участіе въ работахъ; вмѣстѣ съ другими копалъ землю, носилъ камни, известь, воду. Близъ монастыря устроилъ онъ пустыню, въ которую часто уединялся для поста и молитвы. Молва о труженнической жизни добровольнаго изгнанника не могла не тронуть сердца кроткаго царя, изъ котораго еще не изгладилась слѣды привязанности къ бывшему другу. Алексѣй Михайловичъ не переставалъ осыпать его милостыями; посылалъ значительныя суммы на содержаніе ему и бра-

⁶⁾ Впослѣдствіи, когда происходили допросы объ отреченіи патріарха (всѣхъ показаній), было взято по этому случаю болѣе (60), митрополитъ Крутицкій Питиримъ показывалъ, будто Никонъ говорилъ, что если помыслить впередъ быть патріархомъ, то пусть будетъ анаеема. Никто изъ остальныхъ свидѣтелей не подтвердилъ этого показанія: одни говорили, что совсѣмъ не слышали, другіе не помнятъ, чтобы патріархъ произносилъ клятву, особенно, чтобы говорить: буду анаеема. Еще ризничій патріаршій Іовъ показывалъ, будто Никонъ говорилъ въ своей рѣчи, что его называли иконоборцемъ за то, что править книги, и хотѣли побить камнями; прочіе свидѣтели не подтвердили и этого показанія (Сочиненіе Н. И. Субботина: «Дѣло патріарха Никона», стр. 20). При изложеніи печальной судьбы Никона мы много пользовались этимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ.

ти; предоставилъ въ полное распоряженіе его доходы съ трехъ основанныхъ имъ монастырей и принадлежащихъ къ нимъ селъ. Но враги удалившаго патріарха, въ числѣ ихъ нѣкоторые лица духовныя (крутицкій митрополитъ Питиримъ, рязанскій архіепископъ Иларіонъ, чудовскій архимандритъ Іоакимъ), продолжали дѣйствовать. Стараясь сдѣлать невозможнымъ примиреніе, они, съ одной стороны, болѣе и болѣе вооружали царя; съ другой поддерживали раздражительность въ патріархѣ. Никонъ, изнуряя свое тѣло постомъ и трудами, не смирился духомъ на столько, чтобъ совершенно отказаться отъ притязаній на власть, которая ему уже не принадлежала.

Такъ прошло четыре года, и въ это время отсутствіе ревностнаго первосвященника принесло горькіе плоды для церкви. Съ одной стороны, самъ Никонъ лишилъ себя средствъ примирить простодушныхъ съ дѣломъ книжнаго исправленія. Съ другой — враги Никона, стараясь унижить его, вмѣстѣ съ тѣмъ унижали въ лицѣ его дѣло святой правды и укрѣпляли суевѣріе. Безъ сомнѣнія, созрѣвшее зло открылось бы и безъ переворота въ судьбѣ Никона, но въ другомъ видѣ. Теперь же суевѣры приняли самое сильное участіе въ гибели Никона. Они надѣялись, что, низвергнувъ ненавистнаго имъ патріарха, восторжествуютъ надъ самою Церковью. Они успѣли возвратить Аввакума изъ Сибири, и Аввакумъ въ столицѣ принимаемъ былъ съ честью, тогда какъ патріарха судили и осуждали. Они открыто просили царя свергнуть Никона, жалуюсь, что Никоново исправленіе книгъ грозитъ вѣрѣ паденіемъ ⁷⁾, внушали народу, что Никонъ въ немилости, Никонъ подъ судомъ за исправленіе книгъ.

Можетъ быть въ видахъ мира церковнаго, а вѣроятно же для окончательнаго низложенія ненавистнаго имъ Никона митрополитъ Питиримъ ⁸⁾, съ боярами Салтыковымъ и Трубецкимъ представилъ царю, что Церковь остается безъ пастыря и необходимо избрать новаго патріарха. Царь велѣлъ быть собору. Тогда ненависть къ Никону обнаружилась въ самомъ черномъ видѣ. Чего ни говорили о немъ? Больно слушать крики страстей, дошедшихъ до дикости. Впрочемъ нашлись два лица, которыя довольно свободно говорили въ пользу Никона на соборѣ. Ученый Епифаній Славеницкій, писавшій соборные акты, объявилъ, что въ правилахъ церковныхъ не нашелъ онъ, чтобы отрек-

⁷⁾ Неизвѣстный сочинитель Аввакумовой жизни говоритъ, что спустя 6 лѣтъ (послѣ 1654 г., слѣдовательно въ 1660 или 1661 году) Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву и даже былъ принятъ ласково самимъ царемъ. Аввакумъ скоро началъ здѣсь жарко проповѣдывать свое ученіе; духовное правительство просило царя обуздать Аввакума; царь послалъ Семена Стрѣшнева совѣтывать Аввакуму, чтобы молчалъ.—Аввакумъ «черезъ вѣрныхъ своихъ» подалъ царю просьбу, чтобы Никонъ лишенъ былъ патріаршества. По настоянію духовенства, царь сослалъ Аввакума въ Мезень.

⁸⁾ Питиримъ дѣйствовалъ уже какъ подвластный патріархъ, безъ всякаго сношенія съ Никономъ. Когда въ недѣлю Ваиі Питиримъ совершилъ извѣстный обрядъ «хождение на ослати»,—Никонъ, почитавшій этотъ обрядъ исключительно принадлежащимъ патріарху, написалъ царю, что Крутицкій митрополитъ «дерзнулъ олюбоудѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Руси».

шагося епископа лишали священства. А Игнатій Іовлевичъ, архимандритъ полоцкій, говорилъ, что, не выслушавъ голоса самого патріарха, почему удалился онъ отъ кафедры и желаетъ ли оставить ее навсегда, нельзя составлять опредѣленія объ отрѣшеніи его отъ управленія Церковію; къ тому же русскіе епископы не въ вравѣ судить своего архипастыря безъ участія восточныхъ патріарховъ. Сей голосъ проникъ въ кроткое сердце царя, а постановленія собора не были утверждены.

Къ несчастію Церкви, прибылъ въ Россію бывший митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ. Объ этой личности по важному участію ея въ дѣлѣ Никона необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ.

Пантолеонъ Лигаридъ (мірское имя Паисія) былъ уроженецъ острова Хиоса, получилъ образованіе въ Римѣ, въ греческой коллегіи, учрежденной папою Григоріемъ XIII. Оставивъ Римъ въ 1642 году ⁹⁾, онъ искалъ, но безуспѣшно, счастья въ Константинополѣ, потомъ перешелъ въ Угро-Валахію, былъ учителемъ въ Яссахъ и тамъ умѣлъ расположить къ себѣ пребывавшаго въ молдавскихъ монастыряхъ гроба Господня іерусалимскаго патріарха Паисія. Послѣдовавъ за нимъ въ Іерусалимъ, Пантолеонъ принялъ отъ него постриженіе и получилъ новое имя Паисія, которымъ прикрито было все старое.

Нашъ паломникъ Арсеній Сухановъ, находившійся въ то время въ Іерусалимѣ, былъ воспріемнымъ отцомъ Лигарида. Спустя нѣсколько лѣтъ монахъ Паисій былъ уже митрополитомъ Газы палестинской и, несмотря на перемѣну имени, подвергался осужденію патріарховъ Досіея и Хрисанфа (преемниковъ покровителя его, Паисія) за прежнія неправославныя сочиненія ¹⁰⁾. При непрестанныхъ странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто, Паисій обратилъ на себя вниманіе патріарха московскаго Никона. Имѣя нужду въ ученыхъ людяхъ для предпринятаго исправленія церковныхъ книгъ, Никонъ, по рекомендаціи Арсенія, приглашалъ его къ себѣ въ Москву, тѣмъ болѣе, что слышалъ и о собственномъ желаніи Паисія пріѣхать въ Россію. „Слышахомъ о любомудріи твоемъ,—писалъ онъ къ Лигариду (въ 1857 году),—отъ монаха Арсенія, и яко желаеши видѣти насъ, вели-

⁹⁾ Современникъ его, извѣстный Левъ Аллацкій, въ 1645 г. писалъ къ другу своему Бертольдъ Нигузію: «Пантолеонъ Лигаридъ, три года назадъ удалился изъ Рима въ Константинополь для посѣщенія своего отечества Хиоса и для распространенія въ той сторонѣ римской вѣры». Еще прежде того Лигаридъ издалъ при книгѣ Неофита Родина, соученика своего въ Римѣ, «Апологію Петра Аркудія», извѣстнаго своими ревностными трудами на пользу униі въ югозападной Россіи и между греками. Въ такомъ же духѣ писаны и другія сочиненія Лигарида (Прибавленія къ Твор. Отцовъ 1862. Статья о Паисіи Лигаридѣ А. В. Горскаго, стр. 135 и слѣд.).

¹⁰⁾ О томъ, что патріархъ Нектарій отлучилъ Паисія отъ церкви, несомнѣнное свѣдѣтельство находится въ изданномъ недавно письмѣ патріарха Досіея къ царю Алексѣю Михайловичу (Зап. Археол. Обществ., т. 2.). Здѣсь вины Паисія, за которыя онъ подвергся отлученію, не обозначены точно, сказано только, что онъ имѣлъ «многія и великія вины и согрѣшенія»; можно догадаться изъ письма, что одною изъ такихъ винъ было расположеніе Паисія къ латинству (Дѣла патр. Никона, стр. 50).

каго государя: тѣмъ и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію пріяти хотимъ. Точію, пріемъ сія наша письмена, къ царствующему граду Москвѣ путешествовати усердствуй“. Но неизвѣстно, почему Паисій не послѣдовалъ немедленно этому приглашенію и только уже спустя нѣсколько лѣтъ явился въ Москву, когда Никонъ былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи, и явился не для пособія заботливому патріарху въ его полезныхъ для Церкви трудахъ, а для отягченія его участи.

Паисій былъ самый истый грекъ изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Россію грековъ, хитрый, льстивый, пронырливый, и всего болѣе дорожившій корыстью, которая собственно и привлекала его въ Россію и для которой онъ охотно жертвовалъ и долгомъ и совѣстью. Пріѣздъ его обрадовалъ обѣ стороны: царь принялъ его очень ласково, какъ человѣка, который, при основательномъ знаніи церковныхъ правилъ, легко можетъ распутать ему трудное дѣло, безуспѣшно тянувшееся цѣлыхъ пять лѣтъ. Никонъ съ своей стороны тоже рассчитывалъ найти въ Паисіи своего защитника, тѣмъ болѣе, что онъ явился въ Москву по его приглашенію. Онъ успѣшилъ отправить къ Паисію Арсенія-грека съ привѣтствіемъ. Но обласканный царемъ и еще болѣе вельможами, Лигаридъ не замедлилъ стать въ ряду самыхъ злыхъ враговъ Никона. Первымъ дѣломъ Паисія и вельможъ были вопросы родственника царскаго, Семена Стрѣшнева Паисію о Никонѣ и отвѣты Паисія, выбранные изъ церковныхъ правилъ въ осужденіе Никону. Между тѣмъ Никонъ, въ другихъ случаяхъ не совсѣмъ довѣрчивый, не зная расположенія Паисія, въ письмѣ къ нему излилъ жалобу на свое положеніе и подобную же грамоту написалъ константинопольскому патріарху. Грамота была перехвачена вельможами; письмо къ Паисію было, какъ понятно, также въ ихъ рукахъ, и обѣ бумаги глупо боко огорчили добраго царя.

Вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія скоро дошли до Никона. Теперь онъ уже видѣлъ совершенно ясно, какъ жестоко обманулся въ Паисіи и какаго опаснаго врага нажилъ въ немъ, ожидая встрѣтить защитника. На вопросы и отвѣты онъ отвѣчалъ съ своей стороны сильными возраженіями, при чемъ обнаружилъ обширную начитанность и замѣчательную силу ума, смѣло высказалъ свой взглядъ на многіе важные предметы, имѣвшіе отношеніе къ его дѣлу, выразилъ убѣжденія, въ силу которыхъ онъ дѣйствовалъ прежде,—выразилъ съ полною откровенностію, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что они могутъ послужить орудіемъ противъ него же. Напримѣръ по поводу обвиненія въ томъ, что позволялъ себѣ бить подчиненныхъ, Никонъ говорить прямо, что дѣйствительно иногда и въ церкви смирялъ онъ непокорныхъ, и даже „рукою по малу“,—но что онъ не отказывается и на будущее время поступать такимъ образомъ съ людьми безчинными, такъ какъ, по его убѣженію, „тотъ не погрѣшитъ противъ истины, кто, взявши бичъ, изгонитъ изъ церкви соборной творящихъ беззаконіе, говоря: домъ Мой домъ молитвы наречется, вы же властію

сего міра сотвористе вертепъ разбойниковъ“. Въ возраженіяхъ Никона отразилось вполне смятенное, взволнованное до самой глубины, состояніе духа, въ какомъ онъ находился въ то тяжелое время своей жизни. Какъ будто онъ и писалъ ихъ единственно съ тою цѣлю, чтобы вылить на бумагу подавлявшія его ощущенія, которыя ему необходимо было высказать, чтобы сколько-нибудь облегчить себя, а высказать было некому; предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Никонъ, какъ видно, не имѣлъ намѣренія сдѣлать какое-либо употребленіе изъ написанныхъ имъ возраженій и никому не подавалъ ихъ въ видѣ протеста.

Въ концѣ 1662 года вельможи убѣдили царя потребовать свѣдѣній о состояніи имущества церквей, монастырей и дома патріаршаго, съ донесеніями настоятелей, какихъ вещей и подарковъ требовалъ отъ нихъ Никонъ? Въ то же время раскрытъ былъ тайный архивъ патріарха. Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести на него извѣстія о такихъ обидахъ, какъ обвиненіе въ растратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ въ духовныя дѣла, осмотръ его келій и бумагъ. Никонъ въ письмѣ къ государю горько жаловался на эти обиды и выражался тѣмъ рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорилъ въ минуты душевнаго волненія и которому придавало теперь еще болѣе силы сознаніе правоты своего дѣла. Съ особеннымъ негодованіемъ писалъ онъ объ обыскѣ, произведенномъ въ его кельяхъ и горько жаловался на дерзость, съ какою нарушены тайны совѣсти, ввѣренныя ему, какъ святителю ¹¹⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ не

---

¹¹⁾ «Худыя моего смиренія вещи повелѣлъ если взять, яко суть въ келіи остались, и письма, въ нихже многое таинство, егоже никому же отъ мірскихъ достойтъ вѣдати. Понеже попущеніемъ Божиимъ и вашимъ государскимъ совѣтомъ съ освященнымъ соборомъ избранъ быхъ, яко первый святитель, и многое ваше государево таинство имѣхъ у себя, такожде и иныхъ много, оніи требуе совершеннаго отпущенія грѣховъ своихъ, написующе своима рукама и запѣчатлѣюще подаша ми, да яко святитель имѣя власть по благодати Божіей, данній намъ отъ Пречистаго и Животворящаго Духа, власть на земли вязати и рѣшити чловѣческіе грѣхи, разрѣшаху и имъ грѣхи, ихъ же разрѣшити никому иному и вѣдати подобало, мню, нуже самому тебѣ великому государю. И дивлюся о семъ, какъ вскорѣ въ таковое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ нансисти, аже и святые законы не повелѣвають; нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣлъ еси грѣхи и таинства вѣдати и не самъ точію, но и мірскимъ попустилъ еси, имже дерзающимъ безстрашно на таковая, не постави Господи во грѣхъ, аще покаются. Вскую нынѣ наши судятся отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?—Но слышимъ, яко сего ради бысть, да писанія святыя десницы твоея не останется у насъ, еже писалъ еси, жалюя насъ богомольца своего, любо почитая великимъ государемъ и проч. не по нашей воли, но по своему изволенію. Не вѣмъ, откуда сіе начася; помню тобою великимъ государемъ такія начатки явишася. Понеже ты, великій государь, писалъ тако и въ грамотахъ твоихъ государевыхъ во всѣхъ, и въ отпискахъ изво всѣхъ полковъ къ тебѣ, великому государю, такъ писано и во всѣхъ дѣлахъ, и невозможно сего испразднити. Да потребится зло сіе и горделивое, проклятое проименованіе, аще и не моею волею сіе бысть. Надѣйся на Господа, яко нигдѣ не обрящется моего на сіе хотѣнія или велѣнія, развѣ живаго сочиненія, его же ради днесъ много пострадахъ и стражу Господа ради отъ лжебратіи, ихъ же уста полны суть горести и лести, подъ языкомъ ихъ неправда.—Еще же и самого тебѣ, великій государь, молю, престани Госпо-

могъ не признать справедливости Никоновыхъ жалобъ; но, съ другой стороны, рѣзкій тонъ письма, смѣлая и неумѣренные обличенія не могли не огорчить его: онъ самъ признавался приближеннымъ людямъ, какъ сильно „оскорбляютъ и досадуютъ его жестокия письма“ Никона. Враги Никона, устроившіе все это, торжествовали: имъ удалось разрушить добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ, возбудить между ними новыя неудовольствія и сдѣлать взаимныя отношенія ихъ затруднительнѣе и запутаннѣе прежняго. Время между тѣмъ проходило. Царь оставался подъ вліяніемъ бояръ и хотя все еще не рѣшался приступить къ избранію новаго патріарха, но уже не дѣлалъ попытокъ къ сближенію съ Никономъ; Никону въ свою очередь труднѣе было теперь возвратить прежнее спокойствіе; положеніе его становилось безвыходнѣе, и теперь-то особенно явились тѣ внутреннія искушенія, для борьбы съ которыми нужна была великая нравственная сила. Напрасно думалъ Никонъ подавить поднимавшуюся внутри его бурю суровыми аскетическими подвигами, даже усиленными физическими трудами, раздѣлая ихъ съ работниками, работавшими при постройкѣ Воскресенскаго монастыря.

Вскорѣ послѣ того началось другое дѣло, не менѣе тяжкое для Никона. Тяжба съ родственникомъ царскимъ, стольникомъ Романомъ Бобарыкинымъ, которому монастырскій приказъ присудилъ землю, купленную патріархомъ для Воскресенскаго монастыря, привела Никона въ безмѣрное раздраженіе; онъ прибѣгъ къ тому несчастному средству мщенія, къ которому, какъ онъ сознается, онъ обращался, „отъ тяжкія кручины огорчеваясь“; онъ проклялъ Бобарыкина. При томъ это несчастное дѣло Никонъ совершилъ какимъ-то особеннымъ образомъ: онъ отслужилъ молебенъ, за молебномъ велѣлъ прочесть царскую жалованную грамоту на земли Воскресенскаго монастыря какъ бы свидѣтельство, что отнятая Бобарыкинымъ земля дѣйствительно составляетъ монастырскую собственность, и потомъ сталъ читать 108-й псаломъ, выбирая изъ него извѣстныя слова проклятія и прилагая ихъ къ „обидящему“: да будутъ дніе его мали, да будутъ сынове его сирѣ и жена вдова и проч. Бобарыкинъ сдѣлалъ доносъ, что эти проклятія Никонъ относилъ къ лицу государя. Чувствительный и очень набожный царь былъ, разумѣется, огорченъ этимъ извѣстіемъ до крайности. Назначено изслѣдованіе на мѣстѣ. Въ слѣдователи избраны враждебные Никону бояре (князь Никита Одоевскій и Родіонъ Стрѣшневъ) и нѣсколько духовныхъ лицъ, между которыми первое мѣсто занималъ Паисій Газскій, легкомысленно принявшій на себя судебную должность въ чуждой ему Церкви, не имѣя

да ради туне на мя гнѣватися. Солнце, речеса, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ. Азь же нынѣ паче всѣхъ чловѣкъ оболганъ тебѣ, поношенъ и укоренъ неправедно. Сего ради молю тя: претворися Господа ради и не дай мнѣ грѣшному немилосердія, непусти истязати моя худыя вещи; убояся глаголющаго: «имъ же судомъ судите, осудитесь, и ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ» (Дѣло патр. Никона, стр. 182—186).

отъ своего патріарха не только полномочія, но даже и вида на свое званіе.

Здѣсь суждено было Никону и Паисію, врагамъ прежде перваго свиданія, встрѣтиться впервые лицомъ къ лицу. Не станемъ исчислять всѣхъ наглыхъ рѣчей слѣдователей (особенно Лигарида), обращенныхъ къ Никону, ни отвѣтовъ патріарха, не менѣ суровыхъ и дерзкихъ ¹²⁾. Хотя царь приказалъ вельможамъ-слѣдователямъ обходиться съ патріархомъ Никономъ со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ его сану, но они, окруженные толпами стрѣльцовъ и чиновниковъ, распорядились Никономъ по-своему: вмѣсто вопросовъ предлагали ему укоризны и брань, запирали его въ кельѣ и жившихъ съ нимъ въ монастырѣ подвергли пыткамъ. Никонъ доказалъ, что проклиналъ не царя, а обидящаго Бобарыкина. „Я служу за царя молебны, сказалъ онъ, а не проклиная его на погибель“. Окружающіе его монахи также подтвердили, что патріархъ за царя постоянно молится, а кого проклиналъ, они не знаютъ. Итакъ, изслѣдованіе не подтвердило доноса и только довело патріарха до послѣдней степени раздраженія. Изъ донесенія слѣдователей, явно недобросовѣстнаго, царь не могъ не видѣть ненависти, преслѣдующей Никона, и поспѣшилъ успокоить патріарха своимъ расположеніемъ, потомъ послалъ ему подарки.

Но враги патріарха не дремали: Паисій, въ письмѣ къ царю, выставилъ себя ревнителемъ Церкви и царской чести, писалъ что для пользы Церкви и царя надобно снестись съ Константинопольскимъ патріархомъ. Онъ же приготовилъ еще прежде вопросы о царской и патріаршей власти, не называя въ нихъ по имени Никона, но выбирая случаи изъ исторіи Никона въ томъ видѣ, какъ представляла ихъ враждебная сторона. Царь отправилъ вопросы не къ одному, а ко всѣмъ патріархамъ. Въ 1664 году получены отвѣты, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: о самомъ Никонѣ не было ни слова. Конечно, всѣ отвѣты имѣли ближайшее отношеніе къ его дѣлу и уполномочивали соборъ русскихъ пастырей дѣйствовать по отношенію къ нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнѣніе, то ли именно сказали бы патріархи, еслибъ ихъ прямо спросили о Никонѣ, еслибъ имъ съ полной откровенностью изложили его дѣло. А Іерусалимскій патріархъ Нектарій, хотя и подписался подъ опредѣленіемъ собора, но въ особомъ письмѣ просилъ царя за Никона; онъ писалъ, что ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ послу не находятъ причинъ къ строгому осужденію Никона и умолялъ царя вспомнить заслуги Никона, возвращеніемъ его къ каѳедрѣ, не слушать возмутителей по-

¹²⁾ Никонъ называлъ Паисія «воромъ, нехристомъ, самоставленнымъ мужикомъ». Паисій сказалъ патріарху: «я пришелъ изъ настоящаго Іерусалима, въ которомъ пролилъ Спаситель пречистую кровь Свою, а не изъ твоего лжеименнаго Іерусалима, который не есть ни ветхій, ни новый, а третій сирѣчь грядущаго антихриста». Бояре злобились и бранились; они донесли царю, «только бы онъ (Никонъ) былъ не такова чина, и мы бы и жива его не отпустили».

коя и умирить Церковь ¹³⁾. Голосъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ по глубокой учености и ревности къ православію восточныхъ первосвященителей произвелъ сильное впечатлѣніе на царя; онъ внушилъ ему сомнѣнія относительно дѣйствительной важности патріаршихъ отвѣтовъ въ приложеніи къ дѣлу Никона, показали, что отвѣты въ томъ видѣ, какъ они написаны, не могутъ привести дѣло къ вѣрному и несомнительному рѣшенію и что для этого нужно придумать новыя средства. Царь рѣшился пригласить самихъ патріарховъ въ Москву, для личнаго присутствія на соборѣ, который долженъ будетъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣла о патріархѣ Никонѣ. Въ отвѣтъ на царское приглашеніе, Константинопольскій и Іерусалимскій патріархи отказались ѣхать въ Россію по причинѣ трудности путешествія и смутнаго состоянія церковныхъ дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ. Изъявили согласіе отправиться въ Москву два другіе патріарха—александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій; послѣдній бывалъ уже въ Россіи, именно во дни могущества патріарха Никона, и былъ хорошо знакомъ съ русскимъ гостеприимствомъ.

Когда горестный конецъ Никонова дѣла уже приближался, когда не оставалось уже, повидимому, никакой надежды къ примиренію, лучшіе изъ окружающихъ царя стали замѣчать въ разговорахъ царскихъ сожалѣніе объ участи, ожидающей бывшаго его друга и какъ бы возвращеніе къ прежнему дружелюбію ¹⁴⁾. Царскій постельничій, издавна расположенный къ Никону, Никита Зюзинъ, писалъ ему, что чрезъ ближнихъ людей Артамона Сергѣевича Матвѣева да Аѳанасія

---

¹³⁾ Патр. Нектарій писалъ къ царю: «Просимъ священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ навѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ мѣтежи и возмущенія, особенно если такіе будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ Россійской Церкви соблазны... Несогласіе и возмущеніе въ Церкви страшнѣ всякой войны, ибо раздраетъ нешвенную одежду Христову, которой не раздѣлили и воины во время страданія Христова. Вы знаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда Церковь наша находится подъ игомъ рабства и колеблется какъ корабль обуреваемый волнами, въ одной вашей руссійской Церкви мы видѣли, какъ въ Ковчегѣ Нод, прибѣжище благочестія и мира. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе этого блага? для чего отвергаете первое достояніе? а первое достояніе есть миръ... Если Киръ Никонъ послѣ вторичнаго приглашенія не согласится возвратиться на свой претолокъ, то извольте поступить съ нимъ по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. И такъ не-премѣнно должно или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожь гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по выше приведеннымъ причинамъ» (Дѣло патр. Никона, стр. 80—81).

¹⁴⁾ Къ эту времени почти всѣ жизнеописатели Никона относятъ посылку отъ него Воскресенскаго архимандр. къ царю, прибывшему въ Саввинскій монастырь. Въ отвѣтъ своемъ Никону царь называетъ новый монастырь его Новымъ Іерусалимомъ, а самого Никона—«великимъ государемъ». Но всѣ эти обстоятельства относятся къ другому времени, а именно къ 1657 году: тогда царь послѣ освященія деревянной церкви въ Воскресенской обители (18 октября) отправился въ Савинъ монастырь и оттуда препроводилъ патріарху это письмо или грамоту 20 октября, съ присланнымъ къ нему архимандр. Желаніе могутъ видѣть сказанную въ старинной копіи, сохраняющуюся вмѣстѣ съ прочими, въ архивѣ Воскресенской обители.

Лаврентьича Ордына-Нащокина, государь приказалъ ему, Зюзину, описать къ патріарху, чтобы онъ немедля прїѣзжалъ въ Москву и шель прямо въ соборную церковь Успенія. По прочтеніи письма, Никонъ, вполне увѣренный въ искренности Зюзина¹⁵⁾ и обнадеженный слухами о жалости, выражаемой государемъ, сказалъ: „буди воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей, а я радъ миру“. Чтобы возстановить союзъ любви, Никонъ прибылъ въ Москву, прямо въ Успенскій соборъ, въ день памяти св. митрополита Петра (21 декабря) во время утрени и послалъ звать царя на молитву. Это произвело сильную тревогу. Минута была рѣшительная: отъ нея зависѣло или паденіе враговъ Никона или окончательное низверженіе его. Враги убѣдили царя не принимать патріарха и объявить, чтобы ѣхалъ обратно въ Воскресенскій монастырь. Огорченный патріархъ сказалъ вслухъ, что отрясаетъ прахъ съ ногъ своихъ тамъ, гдѣ не принимаютъ его¹⁶⁾. Потомъ грамотою объявилъ согласіе свое на избраніе новаго патріарха, съ тѣмъ, чтобы оставлены были въ вѣдѣніи его построенные имъ монастыри, прощалъ всѣхъ оскорбившихъ его, разрѣшилъ какъ виновныхъ передъ нимъ епископовъ, такъ и бояръ Стрѣшнева, Бобарыкина и подобныхъ имъ, если они окажутъ раскаяніе; желалъ также, чтобы не былъ запрещенъ ему доступъ къ царю и доступъ къ нему желающимъ посѣщать его. Но эти условія сильно не нравились враждебной сторонѣ: пребывая на покоѣ близъ Москвы, Никонъ могъ снова сблизиться съ царемъ и сдѣлаться опаснымъ для тѣхъ, которые старались погубить его. Убѣдили царя положиться на рѣшеніе собора подъ предсѣдательствомъ приглашенныхъ патріарховъ, а письмо Никона осталось безъ вниманія.

Въ ноябрѣ 1666 года прибыли наконецъ въ Москву два первосвятителя православной церкви: Пансій „милостію Божіею папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенной“ и Макарій „милостію Божіею патріархъ Божія града Антиохіи и всего Востока“. Подъ предсѣдательствомъ самого государя, открылся соборъ, въ которомъ, кромѣ обоихъ патріарховъ, участвовали четыре митрополита русскіе, шесть греческихъ (изъ Никеи, Амасіи, Иконіи, Трапезунда, Варны, Хіоса), одинъ грузинскій и одинъ сербскій, шесть нашихъ и два греческихъ архіепископа, пять епископовъ, болѣе пятидесяти архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ; присутствовалъ и весь синклитъ царскій. Засѣданія открылись 1 декабря 1666 года: царь си-

¹⁵⁾ Зюзинъ и прежде неоднократно совѣтовалъ Никону о примиреніи и велъ съ нимъ постоянную переписку. По изслѣдованію о причинѣ внезапнаго прїѣзда Никона въ Москву, судъ призналъ Зюзина виноватымъ и „за такую лютую дерзость, что своимъ письмомъ церковь поколебалъ и на помазанника Божія солгалъ и людей возмутилъ, бояре приговорили казнить его смертью. Но великій государь, по прошенію своихъ благовѣрныхъ чадъ, пожаловалъ, на милость положилъ: смертью его не казнить, а только сослать въ Казань, на службу, да помѣстья отдать ему на прокормленіе».—Замѣчательно, что лучшіе люди въ Думѣ боярской: Матвѣевъ, Ордынь-Нащокинъ, Ртищевъ, были друзьями Никона.

¹⁶⁾ На это полковникъ Стрѣлецкій сказалъ: «мы прахъ сей подметимъ». А Никонъ отвѣчалъ: «смететь васъ сія небесная метла», указавъ на сіявшую въ то время комету.

дѣль на высококомъ тронѣ; патріархи занимали богатоукрашенныя мѣста. Торжественна была минута, въ которую Никонъ, вызванный изъ своей обители и приготовившійся къ суду причащеніемъ св. Тайнъ и елеосвященіемъ, явился увѣренный въ правотѣ своей, гордый и непреклонный, какъ прежде. Никакія убѣжденія не могли заставить его придти безъ преднесенія, по чину патріаршему, животворящаго креста. Всѣ присутствовавшіе встали. Онъ прочелъ входную: „Достойно есть“ и сотворилъ отпускъ; трижды поклонился царю, потомъ патріархамъ и всему священному собору. Но не видя для себя мѣста наравнѣ съ патріархами, не хотѣлъ сѣсть на указанное ему, которое было безъ возглавія и подножія, и стоя слушалъ обвиненія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный, въ слезахъ, стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшаго душевнаго друга, жаловался на самовольное удаление патріарха, на восмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Если бы въ эту минуту Никонъ рѣшился сдѣлать одинъ добрый, уступчивый шагъ, царь Алексѣй Михайловичъ, по всей вѣроятности, здѣсь же въ соборѣ искренно примирился бы съ нимъ. Но крутой, чуждый смиренія, неуступчивый нравъ не допустилъ Никона сдѣлать этого шага; онъ отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но въ свою же епархію и патріаршества не оставлялъ. Царь представилъ Собору перехваченное письмо Никона къ патріарху цареградскому и жаловался на безчестіе. Никонъ отвѣчалъ, что письмо это онъ писалъ духовно и тайно къ своему брату, и не его вина, что написанное тайно дѣлается явнымъ.

На Соборѣ представлено множество обвиненій противъ Никона. Между ними одни были заготовлены еще прежде и были поводомъ къ созванію Собора и приглашенію восточныхъ патріарховъ; другія возникли во время самаго суда. Въ числѣ первыхъ обвиненій были слѣдующія: а) что патріархъ Никонъ самовольно, безъ благословной вины, оставилъ престолъ свой и пребывалъ въ уединеніи слишкомъ продолжительное время, отчего произошли въ Церкви безпорядки; б) досаждалъ государю и не былъ ему покорень, митрополита газскаго называлъ еретикомъ и мятежникомъ; в) безъ соборнаго суда подвергалъ запрещенію нѣкоторыхъ епископовъ и лишалъ ихъ епархій; г) по удаленіи отъ патріаршаго престола посвящалъ нѣкоторыхъ въ духовный санъ; д) будучи патріархомъ, вмѣшивался въ дѣла гражданскія. Къ другимъ обвиненіямъ, открывшимся на Соборѣ, относились слѣдующія: е) когда былъ призванъ на Соборъ, по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ; ж) унижалъ патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними своими престолами; з) отвергъ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ ¹⁷⁾; и) въ письмахъ къ патріархамъ, православ-

¹⁷⁾ Когда Никонъ въ запальчивости не призналъ этихъ правилъ и выразилъ сомнѣніе въ православіи показаннаго ему греческаго Помоканона, патріархи сказали: «по нуждамъ и діаволъ истину исповѣдуетъ, а Никонъ истины не исповѣдуетъ».

нѣйшаго государя обвинялъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ не-
праведнымъ, говорилъ, что и вся русская Церковь приклонилась къ
латинскимъ догматамъ; і) живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, мно-
гихъ людей наказывалъ не духовно, но мучилъ мірскими казнями;
к) построилъ монастырь Воскресенскій, назвалъ его Новымъ Іеруса-
лимомъ, и такимъ образомъ наругался святому названію; л) отнялъ
многія вотчины для своихъ новоустроенныхъ монастырей, распоря-
жался въ этомъ случаѣ самовластно и въ ущербъ имѣнію монасты-
рей, принадлежащихъ другимъ епархіямъ. Таковы были обвиненія,
которыя читали Никону въ Чудовской церкви, по окончаніи всѣхъ
соборныхъ разсужденій,—обвиненія, вслѣдствіе которыхъ онъ и былъ
низложенъ.

Самое важное изъ всѣхъ обвиненій, возведенныхъ на Никона,
основывалось на пагубныхъ послѣдствіяхъ удаленія его отъ пастыр-
ской дѣятельности—на „волненіи и колебаніи Церкви, на умноженіи
нестроений“, словомъ—на расколѣ, который значительно усилился во
время продолжительнаго вдовствованія Церкви ¹⁸⁾. Дѣйствительно, съ
удаленіемъ Никона, преслѣдовавшаго зло, оно быстро оживилось и
возстало съ новою силою; тѣ, которые были совершенно усмирены си-
лою ума и воли патріарха, теперь снова явились дѣятельными побор-
никами своихъ лжеученій, получивъ къ тому полную свободу; вы-
званные снова боярами и не видя здѣсь прежняго своего обличителя,
они стали свободно развивать свою пагубную дѣятельность. По въ
этомъ прискорбномъ явленіи можно ли обвинять исключительно од-
ного Никона? Не болѣе ли виновными являются тѣ, которые были
причиною удаленія патріарха? Бояре стѣснили чрезъ Монастырскій
приказъ дѣятельность патріаршаго суднаго разряда, которому принад-
лежали дѣла по отношенію къ преступленіямъ противъ вѣры, раздра-
жили Никона своими грубыми выходками противъ святости патріар-
шаго сана, своими клеветами при дворѣ и не дали ему докончить
великаго дѣла. Возвративъ изъ ссылки въ Москву главныхъ зачин-
щиковъ раскола, они, подъ видомъ ревности къ старой вѣрѣ, а въ
самомъ дѣлѣ для успѣшнаго выполненія своихъ замысловъ, открыли
широкій путь распространенію раскола.

На послѣднемъ засѣданіи собора, въ Благовѣщенской церкви
Чудова монастыря (12 декабря 1666 г.), рѣшена участь Никона. При
этомъ печальномъ дѣйствіи добрый царь не хотѣлъ присутствовать;
не приняли участія въ немъ и достойнѣйшіе пастыри того времени:
Лазарь черниговскій, Симонъ вологодскій и Михаилъ коломенскій.
Никону объявлено было, что онъ, отъ имени всѣхъ патріарховъ и Со-
бора російскаго духовенства, присужденъ къ лишенію святительска-

¹⁸⁾ Обвиненіе это было выражено такъ: «яко оставленіемъ престола сотвори церковь
святую вдовствовать 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, въ неже между патріаршества время блазни-
шася его ради мнози, и явшася раскольницы и мятежницы православной русской церк-
ви, лестными своими ученими погубившіе многія души (Древн. Рос. Вивлиоѳ. ч. III, стр. 404)

го сана и заточенію, съ сохраненіемъ только званія простаго монаха, въ одной изъ пустынныхъ обителей „даже до послѣдняго его изданія, яко да тамо возможетъ плакаться своихъ грѣховъ въ безмолвіи мнозѣ“¹⁹⁾. Тщетно возражалъ Никонъ, что его осудили не въ соборной церкви, гдѣ онъ воспріялъ жезлъ пастырскій, а въ частной, монастырской и въ присутствіи однихъ клеветниковъ его. Не удерживая своего негодованія, называлъ онъ незаконнымъ судъ, произведенный „пришельцами и наемниками“. Патріархи стали снимать съ него клобукъ съ жемчужнымъ херувимомъ и драгоцѣнную паннагію: „раздѣливъ ихъ, можете поправить ваше рабское состояніе“, произнесъ низложенный. Отправленный въ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, онъ не принялъ богатой шубы и другихъ даровъ, присланныхъ отъ царя для обезпеченія его во время путешествія; велѣлъ сказать, что Никонъ ничего не требуетъ. Садясь въ сани, онъ говорилъ самъ себѣ: „Никонъ, Никонъ! Отъ чего же все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давалъ бы ты богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не было бы тебѣ этого“.

Низложеніемъ Никона не окончилась дѣятельность великаго собора: окончивъ въ 1666 году судъ надъ бывшимъ патріархомъ, соборъ въ слѣдующемъ 1667 году произнесъ осужденіе на упорныхъ расколуучителей и ихъ послѣдователей.

На Соборѣ высказалась необходимость полнаго, всесторонняго исправленія церковнаго порядка, нарушеннаго по поводу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ патр. Никономъ. Необходимость эта была тѣмъ настоятельнѣе, что неудовольствія и волненія дошли до открытаго отступленія отъ Церкви; духовенство усиливало эти волненія; священники, по выраженію собора, „вознерадили о всякомъ церковномъ благочестіи и попеченіи“, позволяли себѣ произвольныя дѣяствія, противныя правиламъ церковнымъ, даже начали образовывать свои отдѣльныя общества, неповинующія Церкви; мало-по-малу стало развиваться мнѣніе, что „ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства церковныя“²⁰⁾. Въ духовенствѣ усматривалось грубое невѣжество, невнимательность къ своему дѣлу, даже прямыя нарушенія обязанностей, происходящія отъ корыстнаго пользованія мѣстами, нетрезвость, неповиновеніе установленной власти; въ средѣ монашествующихъ замѣтно было пренебреженіе иноческихъ обѣтовъ и нарушеніе строгости монастырской жизни; въ поведеніи народа—небрежное отношеніе къ мѣстамъ богослуженія, равнодушіе къ таинству покаянія и другіе признаки упадка истиннаго благочестія. На Соборѣ постановлены были и опредѣленія: а) ближайшимъ образомъ относившіяся къ дѣлу исправленія книгъ и тѣхъ

¹⁹⁾ Дополн. къ акт. истор. т. V, № 102, стр. 459.

²⁰⁾ «Священники новопечатныхъ книгъ начали гнушаться и по нимъ божественныя славословія не исполняютъ.—Могущи же по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія архіерейскаго». (Тамъ же, стр. 460—461).

именно мѣсть, которыя были защищаемы раскольниками; в) опредѣленія, касавшіяся жизни и поведенія духовенства и, наконецъ, с) опредѣленія, имѣвшія цѣлю искоренить тѣ беспорядки, которые замѣчены были въ церковной жизни.

Опредѣленія, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ опредѣленій Собора 1666—67 года, собственно суть: 1) опредѣленія Собора русскихъ архіереевъ и высшаго духовенства, бывшаго подъ предсѣдательствомъ митрополита Питирима въ февралѣ 1666 г.; 2) опредѣленія Собора русскихъ архіереевъ и прочаго духовенства вмѣстѣ съ восточными патріархами, въ 1667 году, и 3) опредѣленія Собора русскихъ пастырей подъ предсѣдательствомъ новопоставленнаго патріарха—Іоасафа II ²¹⁾.

Приступая къ рѣшенію вопроса о раскольникахъ и ихъ заблужденіяхъ, Соборъ счелъ нужнымъ предварительно изложить свое мнѣніе о трехъ предметахъ, имѣющихъ значеніе „основаній“ въ дѣлѣ о расколѣ.

Предметы эти суть: вопросъ о патріархахъ греческихъ; о греческихъ богослужебныхъ книгахъ; о Соборѣ 1654 г. Два первыхъ вопроса возникли конечно не по сомнѣнію въ чистотѣ вѣрованій православныхъ восточныхъ патріарховъ и неповрежденности греческихъ богослужебныхъ книгъ, а потому что появились дерзкія отрицанія со стороны раскольниковъ. Предубѣжденія противъ Церкви восточной, нужно замѣтить, уже съ давнихъ поръ росли и развивались въ народѣ русскомъ. Несчастное положеніе греческой Церкви подъ владичествомъ турокъ, заставлявшее грековъ обращаться къ западу, приводило нѣкоторыхъ изъ русскихъ къ неправильной мысли о томъ, будто греческая Церковь впала въ латинство, и что греческія книги, печатаемыя на Западѣ, утратили свой первоначальный православный характеръ и имѣютъ отступленія отъ православія въ духѣ западномъ. Предвидя и предчувствуя, что вслѣдъ за патр. Никономъ и другими пастырями русской церкви восточные патріархи выступятъ съ словомъ обличенія противъ нихъ, отдѣлившіеся не устыдились заподозрить восточныхъ пастырей въ неправославіи и чрезъ это самое отрицали одно изъ важныхъ доказательствъ, на которыхъ утверждался патр. Никопъ въ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Послѣдовательно проводя свою мысль, раскольники признавали недѣйствительными и опредѣленія московскаго Собора 1654 г., и это именно потому, что въ глазахъ патр. Никона и всей русской Церкви опредѣленія эти потому и важны, что побужденія къ нимъ были поданы со стороны восточныхъ первосвятителей, и утвержденіе и засвидѣтельствованіе важности этихъ преданій проистекли отъ нихъ же. Прежде всего предложенъ былъ вопросъ: какъ нужно думать о па-

21) Впрочемъ всѣ эти опредѣленія имѣютъ одинаковую силу и достоинство: всѣ они утверждены и собственноручно подписаны восточными патріархами и всѣми членами великаго собора 1667 года.

тріархахъ восточныхъ? Остались ли они вѣрными православію, живя подъ властію магометанъ? Рѣшая этотъ вопросъ, соборъ опредѣляетъ: „исповѣдывать святѣйшихъ патріарховъ“ константинопольскаго, александрійскаго, антiохійскаго, іерусалимскаго „по настоящее время пребывающими въ православіи“. Другой вопросъ былъ: „праведны-ли и достовѣрны-ли печатныя книги греческія, употребляемыя патріархами восточными и священниками въ священнослуженіи?“ Въ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, какъ въ началѣ, такъ и въ послѣдствіи, Никонъ всегда старался поставить на видъ важность греческихъ книгъ; и когда дѣло было сдѣлано и исправленныя книги стали вводить въ употребленіе, тогда каждая разность ихъ со старыми книгами для людей невѣдующихъ казалась, по собственному ихъ признанію, „латинской ересью“. И такъ какъ такого рода сомнѣніе стояло въ связи съ предыдущимъ, то и отцы собора, опровергнувъ первое, опровергнули и второе; они единодушно опредѣлили, что „книги печатныя и рукописныя, которыя употребляютъ св. патріархи и по которымъ исполняютъ славословіе Божіе и чины церковныя, должно признавать православными и слѣдовательно во всемъ принимать ихъ“. Когда такимъ образомъ единодушное опредѣленіе Собора признало вѣрность православію Церкви восточной и ея богослужебныхъ книгъ, то само собою открывалось значеніе Собора московскаго 1654 г.; онъ „признанъ былъ православнымъ, истиннымъ“.

Затѣмъ на соборѣ было изложено мнѣніе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ думали утвердиться державшіеся раскола. Этими основаніями для расколуучителей были:

1) Соборъ 1551 г., извѣстный подъ именемъ Стоглаваго. Положенія раскольниковъ, опровергаемыя Соборами 1666—67 г., почти всѣ первоначально были высказаны уже на Стоглавомъ Соборѣ, и для раскольниковъ постановленія этого Собора были особенно дороги; они представлялись имъ въ видѣ непререкаемыхъ основаній древне-церковнаго ученія; въ Стоглавѣ представлены были доказательства для нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ раскольническихъ мнѣній; эти доказательства почти съ буквальною точностію приводились раскольниками въ борьбѣ противъ ученія православнаго.

2) Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго, въ которомъ доказывается древность употребленія сугубой аллилуіа въ церквахъ русской и греческой.

3) Свидѣтельство Мелетія и Теодорита въ пользу двуперстнаго сложенія.

4) Указаніе на Максима Грека, будто онъ училъ читать и пѣть аллилуіа сугубое.

5) Послѣ историческихъ свидѣтельствъ, раскольники въ основаніе своихъ положеній приводили и собственныя объясненія и разсужденія. Такъ, доказывая свое мнѣніе о сугубой аллилуіа, раскольники приводили въ свое оправданіе, будто аллилуіа значитъ то же, что и слава Тебѣ Боже.

Въ своихъ опредѣленіяхъ Соборъ излагаетъ свое мнѣніе о каждомъ изъ этихъ основаній. Отцы Собора, признавая недѣйствительными постановленія Стоглава, приводимыя раскольниками, указывали, что этотъ Соборъ не чуждъ былъ ложныхъ мнѣній; погрѣшности допущены имъ „неразсудно“, простотою и невѣденіемъ, — внесено въ церковное правило то, чего сами не могли хорошо понимать. Замѣчаютъ даже, что это былъ только помѣстный Соборъ, такъ какъ въ опредѣленіяхъ своихъ не имѣлъ онъ сношенія съ церквами восточными, тогда какъ это надлежало сдѣлать въ силу единовѣрія церквей. И это въ обычаѣ восточной Церкви. Стоглавъ, не исполнившій этого обычая, есть только частный, помѣстный Соборъ, рѣшенія котораго должны быть предоставлены на судъ Собора важнѣйшаго. Последній, т.-е. „большій“ Соборъ можетъ и долженъ исправить неправильности „меньшаго“ Собора. Присутствіе самого царя не дѣлаетъ Стоглавый Соборъ равнымъ вселенскому, потому что характеръ вселенскаго Собора есть именно тотъ, чтобы на немъ или сами непосредственно или чрезъ своихъ представителей—были епископы всѣхъ церквей, какъ это заповѣдуетъ 2-е правило кареагенскаго собора. Заключительнымъ выводомъ было то, что если Соборъ Стоглавый былъ помѣстный, то и постановленія его можно отмѣнять и измѣнять. Клятву, положенную на Соборѣ Стоглавомъ, Соборъ 1667 г. разрѣшаетъ и разрушаетъ, какъ безразсудную клятву, ибо, по замѣчанію отцовъ Собора, митрополитъ Макарій и его сподвижники на соборѣ не только не соглашались съ древними греческими и славянскими книгами, но и издали свои опредѣленія безъ сношенія съ восточными церквами.—Сужденіе собора о другомъ основаніи раскольническихъ мнѣній—„жизни Евфросина“—было такое же, какъ и о Стоглавѣ; соборъ сдѣлалъ подробное и полное опроверженіе мнѣнія о сугубой аллилуіи. Не признали отцы Собора истиннымъ и свидѣтельство Мелетія и Теодорита. А о свидѣтельствѣ Максима Грека соборъ замѣтилъ, что это свидѣтельство не могло принадлежать Максиму, какъ человѣку особенно мудрому и ученому, который не сталъ бы приводить мнѣнія не твердаго и ни на чемъ не основаннаго. Наконецъ и собственнымъ разсужденіямъ раскольниковъ Соборъ противопоставляетъ свои объясненія. Такъ на толкованіе раскольниковъ, будто аллилуія есть то же, что и слава Тебѣ Боже, соборъ даетъ иное, правильное объясненіе.

Такъ въ своихъ опредѣленіяхъ московскій Соборъ опровергаетъ всѣ основанія, приводимыя раскольниками въ защиту своихъ мнѣній.

Далѣе, разсмотрѣвъ основанія свои и раскольничьи, Соборъ разсматриваетъ самый „предметъ“ отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви православной—богослужебныя книги и исправленіе ихъ при патріархѣ Никонѣ.

При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, Соборъ высказалъ свое рѣшеніе—о „служебникѣ“ патр. Никона. Еще на соборѣ 1661 г. разсматриваемъ былъ служебникъ, и въ немъ сдѣ-

лано было нѣсколько поправокъ. Въ 1655 г. въ другомъ московскомъ соборѣ патр. Никонъ, пользуясь присутствіемъ патр. антиохійскаго Макарія, предложилъ снова на разсмотрѣніе собора служебникъ; онъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ. Вновь разсмотрѣнный и напечатанный во время самага собора служебникъ Никона былъ утвержденъ.—Другою книгою, обратившею на себя вниманіе собора, была „Скрижаль“. Русской церкви недавно еще сдѣлалась извѣстною эта книга: когда патр. Никонъ просилъ восточныхъ патріарховъ принять участіе въ исправленіи книгъ, то патр. Паисій препроводилъ между прочимъ толкованіе на чинъ богослуженія, иначе скрижаль, разсмотрѣнную и одобренную, какъ онъ писалъ, на соборѣ; такъ какъ въ этой книгѣ изъяснялся почти весь кругъ церковнаго богослуженія, то соборъ опредѣлилъ воздавать ей особенную честь. Разсмотрѣна и одобрена была книга, которая хотя не принадлежала къ кругу богослужебныхъ, но имѣла важное значеніе въ дѣлѣ полемики противъ раскола. Это „Жезль правленія“ Симеона Полоцкаго ²²⁾. Были разсмотрѣны и утверждены отвѣты патр. Никону (епистоліи), присланные въ 1655 г. патріархомъ Константинопольскимъ Паисіемъ на тѣ вопросы, которые предлагалъ Никонъ. Наконецъ соборъ издалъ свое рѣшеніе о сочиненіи касательно сложенія перстовъ при крестномъ знаменіи,—сочиненіи, обыкновенно предпосылаемомъ псалтири слѣдованной и другимъ церковнымъ книгамъ; соборное опредѣленіе запрещаетъ вѣровать этому сочиненію и повелѣваетъ уничтожать въ печатныхъ книгахъ какъ „невѣжественное и неразумное“ ²³⁾.

Затѣмъ соборъ обратилъ вниманіе на тѣ „частныя положенія“, содержащіяся въ богослужебныхъ книгахъ, которыя явились исправленными въ новопечатныхъ книгахъ, по сравненію со старопечатными. Таковыми были: а) чтеніе 8-го члена символа вѣры, б) крестное знаменіе, в) чтеніе такъ называемой молитвы Иисусовой, г) почитаніе четвероконечной и восьмиконечной формы животворящаго креста и д) хожденіе посолонь.

Всѣ эти частныя положенія, какъ составляющія главный предметъ разногласія православія и раскола, уже очень извѣстны; поэтому мы только перечислимъ вкратцѣ самыя опредѣленія собора. Излишнее слово въ 8-мъ членѣ символа вѣры „истиннаго“ Соборъ опредѣлилъ опустить. Вмѣсто двуперстнаго сложенія при крестномъ знаменіи соборъ опредѣлилъ употреблять троеперстное, какъ древнее и всеобщее, и при этомъ отличаетъ образъ перстосложенія при крестномъ знаменіи и при пастырскомъ именованномъ благословеніи. Въ Иисусовой молитвѣ — вмѣсто словъ „Боже нашъ“ раскольники читали „Сыне Божій“. Отцы собора не осуждаютъ и той, какъ читають

²²⁾ Эта книга особенно замѣчательна потому, что состоитъ въ опроверженіи челобитныхъ, заключающихъ въ себѣ полный сводъ всѣхъ раскольничьихъ положеній, которыя прежде того появлялись отрывочно и по частямъ.

²³⁾ Дополненіе къ акт. истор. № 102, т. V, стр. 462—472.

раскольники, но только утверждают свою, какъ „соборную и общую“, а особенно „сѣкущую мечъ на еретики аrians“.—Вмѣсто исключительнаго почитанія раскольниками восьмиконечнаго креста съ надписаніемъ „се Агнецъ Божій“ и адамовою головою соборъ опредѣлилъ воздавать равное почтеніе и четвероконечному кресту и этотъ послѣдній изображать на просфорахъ назначаеваемыхъ для жертвеннаго Агнца. Наконецъ раскольники защищали ошибочный обычай—хожденіе посолонь, которое дѣйствительно предписывалось въ старопечатныхъ книгахъ при нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ. Восточные патріархи замѣчали на соборѣ, что ходить по направленію къ западу не согласно съ восточною церковію. Поэтому согласно съ обычаемъ церкви восточной и древне-русской соборъ отвергъ раскольническое мнѣніе и опредѣлилъ, чтобы хожденіе съ плащаницею, мощами, хожденіе вокругъ купели при крещеніи, вокругъ аналоя при таинствѣ брака совершалось по направленію къ востоку.

Изъ всѣхъ разсужденій и опредѣленій собора выходило то общее заключеніе, что церковно-богослужебныя книги исправлены законно и правильно и остались вполне вѣрны древне-церковному православію и что слѣдовательно церковь, принимающая въ употребленіе эти книги, также православна. На этихъ общихъ выводахъ держится и то постановленіе, что тѣ, которые не принимаютъ новоисправленныхъ книгъ, не признаютъ ихъ православными, равно тѣ, которые не почитаютъ православную церковь, принимающую таковыя книги, должны быть почитаемы „раскольниками“. Чтобы подѣйствовать на упорныхъ страхомъ церковнаго наказанія, соборъ присовокупилъ къ этимъ общимъ постановленіямъ и угрозы: „аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему священному собору или пачнетъ прекословить и намъ противлятися: и мы таковаго противника данною намъ властію отъ святаго и животворящаго Духа проклятію предаемъ“... Вслѣдствіе такихъ опредѣленій бывший прот. Аввакумъ, попъ Лазарь, чернецъ Епифаній, діаконыъ Теодоръ и др. преданы анаемѣ, какъ противники православію.

Эта анаема доселѣ производила и производитъ сильное дѣйствіе на старообрядцевъ: они утверждаютъ, будто бы начало отдѣленія ихъ отъ церкви послѣдовало вслѣдствіе произнесенія Макаріемъ, патріархомъ Антиохійскимъ, въ Москвѣ 1666 г. и московскимъ соборомъ 1667 г. клятвъ на содержащихъ старые обряды и что клятвы произнесены прежде, а потомъ послѣдовало отдѣленіе. Они какъ будто не видятъ или, лучше сказать, не хотятъ видѣть, что клятвы собора суть ничто иное, какъ приговоръ или осужденіе, произнесенное соборомъ на людей, уже показавшихъ себя противниками церкви, и именно на нихъ, а не на обряды, защитниками которыхъ они себя выставили, потому что отдѣленіе расколуучителей отъ церкви послѣдовало прежде 1667 г., какъ ясно видно изъ наглыхъ поступковъ и писаній зачинщиковъ раскола. Самое учрежденіе „правиль единовѣрія“ неоспоримо доказываетъ, что православная церковь не осуждаетъ строго разности въ

обрядохъ, но отсѣкаетъ отъ себя анаемую тѣхъ, которые изъ-за обрядовъ отдѣляются отъ единства церковнаго. Припомнимъ слова принопамятнаго нашего святителя, митрополита московскаго Филарета: „изреченное соборомъ 1667 года проклятіе положено на непокорящихся святой восточной церкви и священному собору, на противниковъ, яко еретиковъ и непокорниковъ. И слѣдственно вступившіе въ миръ и соединеніе со святою апостольскою церковію, поелику симъ являютъ, что они не суть противники, то по самой силѣ опредѣленія собора 1667 года должны быть разрѣшены и разрѣшаются и пребываютъ свободны отъ изреченнаго тѣмъ соборомъ проклятія. При семъ надлежитъ принять во вниманіе, что писанное въ книгѣ Стоглава о знаменіи честнаго креста и о сугубой аллилуіи, и о прочемъ соборъ 1667 года хотя и нашель несходнымъ съ древними греческими и славянскими харатейными книгами и сего не одобрилъ; но однако на сію книгу и на писанное въ ней, и на упоминаемый въ ней соборъ своего проклятія не положилъ, разсуждая, что писано то по невѣдѣнію и что составившіе описанный въ сей книгѣ соборъ не были противниками церкви. И потому святѣйшій Синодъ не противъ сужденія собора 1667 года и благословно вступившимъ въ соединеніе и миръ со святою апостольскою церковію, по снисхожденію, разрѣшаетъ обычное для нихъ употребленіе вышеупомянутыхъ и прочихъ подобныхъ обрядовъ“ ²⁴).

---

²⁴) Грамота на устроеніе единовѣрческой церкви св. Николы, данная Филаретомъ, митр. Московскимъ, 20 сентября 1854 года. (Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквахъ, Москва, 1858, л. 24).

Г Л А В А VII.

Преемники Никона, патриархи Иоасафъ II и Питиримъ. — Патриархъ Иоакимъ. — Соловецкій бунтъ. — Кончина царя Алексѣя. — Никонъ въ заточеніи. — Царь Θεодоръ Алексѣевичъ. — Возвращеніе и кончина Никона. — Дѣятельность патриарха Иоакима. — Соборъ 1681 года. — Заботы о просвѣщеніи. — Московское училище. — Состояніе духовнаго просвѣщенія на югѣ. — Дѣла южной митрополіи. — Митрополиты: Діонисій Болобанъ и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій.

Въ теченіе семи лѣтъ перемѣнилось два преемника Никона на московскомъ патриаршемъ престолѣ. Они прошли едва замѣтно, какъ тѣни, и дѣйствительно казались тѣнями, сравнительно съ тою личностію, которой мѣсто они заняли. Первый изъ нихъ, патриархъ Иоасафъ II, посвященный двумя восточными патриархами въ январѣ 1667 года изъ архимандритовъ Троицкаго Сергіева монастыря, старецъ добрый, кроткій и незлобивый, остался замѣтнымъ только по дѣяніямъ великаго собора, въ которыхъ онъ участвовалъ. Здѣсь, кромѣ суда церковнаго на противниковъ церкви, опредѣлены были многія статьи, касавшіяся до внутренняго и наружнаго устройства церковнаго, и отмѣнены неправильно вкравшіеся обычаи, какъ-то перекрещиваніе переходящихъ къ намъ изъ латинской церкви и запрещеніе священнослуженія вдовымъ священникамъ, и нѣкоторыя несвойственныя привилегіи, данныя архимандритамъ великихъ обителей. Соображаясь съ нуждами расширяющагося царства, соборъ разсудилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ составѣ епархій: архіепископы астраханскій, тобольскій и рязанскій возведены были на степень митрополитовъ; основано епископство въ Бѣлгородѣ; возстановлены особыя епархіи въ Нижнемъ-Новгородѣ и Владимірѣ; Пермская епархія отдѣлена отъ Вятской; положено увеличить число епархій въ Сибири. Изданы многія постановленія, касавшіяся устройства судовъ патриаршихъ и епископскихъ, имуществъ архіерейскихъ и монастырскихъ. Исправленіе богослужебныхъ книгъ по греческому тексту не прекращалось при патриархѣ Иоасафѣ. Въ 1670 г. издана была цвѣтная Тріодь, провѣренная съ подлинникомъ, а въ 1672 г. напечатана постная Тріодь, вновь переведенная съ греческаго текста.

По кончинѣ Иоасафа (въ 1672 г.) избранъ на патриаршество митрополитъ новгородскій Питиримъ, одинъ изъ враговъ Никона. Деся-

тимѣсячное пребываніе его на патріаршемъ престолѣ прошло безслѣдно для русской церкви, но въ лицѣ преемника его она получила снова мудраго, твердаго и ревностнаго первосвятителя.

Іоакимъ, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, съ ранней юности обучался въ кіево-братской коллегіи, потомъ проходилъ военную службу и на 35 году жизни (въ 1655 году) принялъ постриженіе въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ ¹⁾. Вызванный въ Москву патріархомъ Никономъ въ 1657 году ²⁾, онъ былъ архимандритомъ Чудова монастыря, потомъ митрополитомъ новгородскимъ; возведенъ на патріаршество въ іюль 1673 года. Промыслъ Божій судилъ ему во все время управленія русскою Церковью непрестанно бороться то съ расколомъ, то съ отпрысками папизма.

При самомъ вступленіи на первосвятительскій престолъ онъ засталъ горестное и небывалое дотолѣ событіе: бунтъ въ Соловецкой обители противъ Церкви и царской власти.

Еще въ 1657 году присланы были въ Соловецкій монастырь новоисправленныя книги. Старые іеромонахи посмотрѣли на нихъ и сказали, что они „старики и по старымъ книгамъ едва читаютъ, а по новымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть будетъ“. Нѣкоторые помолуже хотѣли было служить по новому, но имъ запретилъ это архимандритъ Ілія. Въ Москвѣ въ это время заняты были дѣломъ Никона и не обратили надлежащаго вниманія на отдаленный монастырь, только смѣнили Ілію. А между тѣмъ старообрядчество все зрѣло въ обители подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Здѣсь жили князь Львовъ, бывшій начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ, и бывшій архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ, нѣкогда бывшій духовникъ царскій, ставшій во главѣ возстанія. Въ обитель явились разбѣжавшіеся сообщники волжскаго разбойника Разина и множество безразсудныхъ ревнителей мнимой старины. Когда послѣ великаго собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить по новому, келарь Азарій и казначей Геронтій написали челобитную государю отъ лица всей братіи, въ которой просили оставить монастырь въ старомъ преданіи Чудотворцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ ³⁾ въ 1668 году царь послалъ въ монастырь стрѣльцовъ, и началась соловецкая осада, при которой первую опору бунта были казаки изъ шаекъ Разина. Изъ-за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые

¹⁾ Терновскій. Исслѣд. о подчинен. Кіев. митр. Моск. патріархату, стр. 88.

²⁾ Акт. истор. IV, № 208.

³⁾ Увѣщанія мятежниковъ были предлагаемы неоднократно: такъ въ 1674 году ѣздили съ царскою грамотою уговаривать ихъ Холмогорскаго Спасскаго собора священникъ Кириллъ и подъячій Василій Истомино; но монахи Соловецкіе, принявъ грамоту, посланцевъ «вонъ выслали съ безчестьемъ». Еще ранѣе того ѣздилъ въ Соловки и также безуспѣшно Клопскій игуменъ Макарій съ грамотою Іоакима, тогда еще митрополита Новгородскаго (Истор. акты IV, № 248).

возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Въ первый же разъ расколъ отвергъ здѣсь и молитву за царя. Священники всѣ протестовали противъ этого рѣшенія монастырскаго собора и успѣли ускользнуть изъ монастыря. Тогда явилось другое крайнее положеніе раскола: „Мы и безъ священниковъ проживемъ“, порѣшилъ Никаноръ съ казаками и нѣкоторыми изъ монаховъ, „священники намъ не нужны“; и дѣйствительно стали жить безъ богослуженія и безъ таинствъ. Осада монастыря затянулась на 10 лѣтъ, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ, въ 1676 году уже третій воевода Мещериновъ взялъ монастырь. Многіе бунтовщики погибли въ сѣчѣ; оставшіеся въ живыхъ зачинщики бунта, въ томъ числѣ и Никаноръ, перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; покорные Церкви и государству оставлены въ монастырѣ ⁴⁾. Такъ возвращена православію знаменитая лавра Соловецкая, когда зло пустило уже глубокіе корни въ окрестностяхъ и даже въ дальней Сибири.

Усмиреніе соловецкаго бунта было послѣднимъ дѣломъ царствованія Алексія; монастырь былъ взятъ за недѣлю до его кончины ⁵⁾. Послѣ краткой болѣзни царь мирно преставился на 49 году отъ рожденія, напутствованный св. Таинствами и назначивъ наслѣдникомъ престола старшаго сына своего Θεодора ⁶⁾.

Царь Алексій Михайловичъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государей русскихъ. Являя въ себѣ высокій образецъ добродѣтелей христіанскихъ ⁷⁾ и семейныхъ, постоянно заботясь о благѣ

⁴⁾ Раскольническій писатель Денисовъ въ своей «исторіи объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», виновникомъ окончательнаго разоренія обители выставляетъ патриарха Іоакима, говоря, что царь Алексій Михайловичъ предъ своею смертію хотѣлъ было уже разрѣшить Соловлянамъ жить по ихъ старымъ обычаямъ, но патриархъ воспротивился этому всѣми силами: «Патриархъ ожесточился паче камене, не смотряше царевы болѣзни пламене: увѣри царя милость ко отцемъ отложить, хотя мѣсто святое кровію облили. Царь елико патриарху покоряшеся, толико лютости болѣзнь умножашися. И толико болѣзнь злѣное терпяше, яко едва и отдыхать можаше».

⁵⁾ Тотъ же Денисовъ записалъ день взятія обители однимъ числомъ со днемъ смерти государя; тогда какъ государь дѣйствительно скончался «противъ 30 числа», а Соловецкая обитель взята 22-го, а не 29-го января (Акты Археогр. Экспед. IV, № 212).

⁶⁾ Царь Алексій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: двое старшихъ были рождены первою его супругою Марією Ильиничною; младшій—Петръ былъ сыномъ второй супруги—Наталіи Кирилловны, изъ рода Нарышкиныхъ. Сверхъ того царь имѣлъ отъ первой же супруги еще нѣсколько дочерей; первое мѣсто между ними занимала властолюбивая царевна Софія. Это раздѣленіе царскаго семейства на двѣ отрасли послужило впоследствии поводомъ для кровопролитныхъ мятежей стрѣльчихъ.

⁷⁾ Вѣрный исполнитель всѣхъ обрядовъ святой Церкви, Алексій Михайловичъ являлъ примѣръ набожности и воздержанія, доходившихъ до изумительной строгости къ самому себѣ. Никто не соблюдалъ посты строже его. По свидѣтельству иностранца Коллинса, великимъ постомъ онъ обѣдалъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а именно въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ только по куску чорнаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и по стакану полпива. У Котошихина (стр. 63) читаемъ почти то же самое: «и ѣсть царь въ тѣ посты (Великій и Успенскій), въ недѣлю, во вторникъ въ четвергъ, въ субботу, но однажды въ день, а пьеть квась, а въ поне-

своего народа, онъ „покорилъ себѣ сердца подданныхъ, которые столько же любили его, сколько благоговѣли предъ нимъ“⁸⁾. Недоставало ему только пронизательности и болѣе глубокаго взгляда на государственныя отношенія; измѣняла иногда и твердость, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Чрезмѣрная доброта подавала поводъ къ излишней довѣрчивости, которую, какъ мы видѣли, часто употребляли во зло люди, умѣвшіе чѣмъ-нибудь снискать расположеніе царя. Злоупотребленія, особенно корыстолюбіе нѣкоторыхъ вельможъ, были главными причинами смуть, нарушавшихъ при Алексіи Михайловичѣ спокойствіе московскаго государства. Но тѣмъ, набрасываемая временными неустройствами, исчезаетъ предъ свѣтлою стороною царствованія, въ которое присоединилась Малороссія, распространились предѣлы Россіи до береговъ отдаленнаго Амура, вышло Уложеніе, рѣшенъ вѣковой вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, совершились многія другія замѣчательныя событія. Потомство забыло бѣдствія, отъ которыхъ страдали только современныя поколѣнія. Оно помнитъ лишь дѣянія, посѣявшія плодотворныя сѣмена для будущаго, имѣвшія благотѣльное вліяніе на судьбу многихъ грядущихъ поколѣній. Дѣянія эти навсегда увѣковѣчили память о царствованіи Алексія Михайловича, стяжали ему, несмотря на недостатокъ самостоятельности въ его характерѣ, наименованіе „мудраго родителя Петра Великаго“.

Царь Алексій предъ кончиною писалъ въ духовномъ завѣщаніи: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія“.

А между тѣмъ патріархъ—изгнанникъ, на котораго умирающей самодержецъ устремлялъ угасающей взоръ свой, еще томился въ заключеніи, въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ. Послѣ низложенія на соборѣ Никонъ былъ отправленъ въ Терапонтовъ монастырь, назначенный ему мѣстомъ заточенія. При жестокой стужѣ изгнанникъ и спутники

дѣлникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣсть и не пьеть ничего, развѣ для своихъ и царичиныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ именинъ». Онъ не пропускалъ ни одного богослуженія. Когда былъ здоровъ, всегда выходилъ въ церковь; если былъ боленъ, то служба совершалась въ его комнатахъ; въ постъ, посѣщая всенощныя, стоялъ по пяти или по шести часовъ сряду и клалъ много земныхъ поклоновъ; часто, подобно Давиду (говорить Мейербергъ), вставалъ ночью и молился до утра. Не менѣе изумительны подвиги его благотворительности. Въ день Благовѣщенья кормилъ онъ въ своихъ «покоевыхъ хоромахъ», нищихъ и изъ собственныхъ рукъ жаловалъ ихъ милостынею; въ Рождество и другіе большіе праздники не садился за столъ безъ того, чтобъ не накормить прежде тюремныхъ сидѣльцевъ и плѣнныхъ. Наканунѣ праздниковъ, особенно въ сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, бывали такъ называемые «тайные выходы» въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ царь изъ своихъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ, богадѣльнымъ, увѣчнымъ и вслѣжимъ бѣднымъ людямъ, разсыпалъ щедроты свои и на улицамъ, чрезъ которыя проходилъ. Между тѣмъ довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ и подъячихъ тайнаго приказа раздавали царскую милостыню на Земскомъ дворѣ у Лобнаго мѣста и на Красной площади.

⁸⁾ Сказаніе иностранца Лизека, стр. 381.

его, не имѣвшіе теплой одежды, сильно страдали отъ холода ⁹⁾. По прибытіи на мѣсто Никонъ испыталъ всю строгость заключенія, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келлій, однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ и облегченіе отъ незаслуженныхъ томленій. Никонъ даже началъ пользоваться совершенною свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго царя Алексія, который никогда не питалъ къ нему непрязни, несмотря на происки бояръ. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей своихъ. Милостыня царская—деньги и съѣстные припасы, въ видѣ поминокъ то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему патріарху. Сначала онъ отвергалъ дары царскіе, но въ день пасхи (1668 г.) пилъ царское вино и угощалъ имъ свою братію ¹⁰⁾. Вскорѣ Никонъ получилъ отъ царя позволеніе имѣть свою отдѣльную церковь въ монастырѣ, для которой теперь же было прислано ему богато-украшенное евангеліе на престольное, серебряные потиръ и дискось, нѣсколько паръ церковныхъ облачений и немало различной церковной утвари. Никонъ избралъ для себя одну изъ монастырскихъ церквей, во имя Богоявленія Господня на св. вратахъ, и здѣсь стали совершать для него богослуженіе иноки, рукоположенные нѣкогда въ священникъ самимъ Никономъ въ послѣдніе годы его патріаршества. Одни изъ нихъ прибыли съ нимъ изъ Москвы, какъ добровольные спутники осужденнаго патріарха; другіе послѣ различныхъ судебныхъ изслѣдованій объ участіи ихъ въ дѣлѣ Никона подъ стражею присланы къ заточенному патріарху. Самъ патріархъ сталъ съ этихъ поръ получать значительное содержаніе изъ Москвы, имѣлъ всѣ удобства жизни, даже выѣзжалъ изъ мѣста своего заточенія и пользовался свободно монастырской библіотекой.

По указу государя выстроены были для него новыя обширныя кельи съ 25 жилыми покоями и деревянными переходами на стѣнѣ, въ 30 сажень длины, ведущими къ надворотной крестовой церкви ¹¹⁾. По своему властительному характеру Никонъ, можно сказать, былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣстѣ своего заточенія: игумень мона-

⁹⁾ Никонъ не принялъ драгоценныхъ мѣховъ, присланныхъ отъ царя на дорогу, но при выѣздѣ изъ Москвы Новоспаскій архимандритъ Іосифъ подарилъ ему свою шубу. Спутники же Никона продолжали страдать отъ стужи до тѣхъ поръ, пока въ одномъ селѣ близъ Мологи неизвѣстная старушка тайно отъ приставовъ снабдила ихъ теплымъ платьемъ.

¹⁰⁾ Въ день св. Пасхи послѣ литургіи Никонъ пригласилъ къ столу своему архимандрита Іосифа, полковника Наумова, игумена и келаря Ѳерапонтова монастыря и многихъ изъ братіи. Наполнивъ чашу виномъ, присланнымъ отъ царя, Никонъ обратился къ своимъ гостямъ и торжественно сказалъ: «да не до конца пребудетъ вражда наша съ государемъ, се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду».

¹¹⁾ Теперь нѣтъ уже келлій Никона въ Ѳерапонтовѣ, хотя дѣла еще надворотная церковь, къ которой онѣ примыкали переходами, и сохранилась дверь, которая вела на переходы. Послѣднія бревна изъ стѣнъ жилища патріарха-узника недавно употреблены на постройку сельской школы.

стыря и братія, и даже самые стрѣльцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ по тому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ гениальный и твердый волею. Никонъ всегда любилъ труды подвижническіе, когда еще былъ патріархомъ,—еще болѣе сталъ онъ трудиться въ Терапонтѣ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братією, расчистилъ по другую сторону озера лѣсистый участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещево, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Иногда вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать изъ сосѣднихъ монастырей, требовалъ онъ денегъ взамѣнъ ихъ ¹²⁾. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности, и тѣмъ умножалось его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду не только за денежнымъ пособіемъ, на которое Никонъ былъ весьма щедръ, но и за лѣкарствами, и для молитвъ его, потому что бывший патріархъ читалъ молитвы надъ болящими, особенно надъ бѣснующимися, помазывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ письменно извѣщалъ о томъ царя. Никонъ, монахъ и узникъ, казалось, сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Вдругъ нечаянная кончина кроткаго царя жестоко напомнила ему о его узахъ ¹³⁾; можетъ быть, такое тяжкое испытаніе нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрѣшиться его отъ всего земного и сдѣлать достойнымъ той Голгофы, подъ которою онъ избралъ себѣ мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже слишкомъ привольное его положеніе въ Терапонтѣ приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались представить его опаснымъ даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ волжскимъ атаманомъ Разинымъ, неохотно смотрѣли на множество народа, стекавшагося къ нему въ монастырь; келейныя посѣщенія людей всякаго званія и пола возбуждали неблаговидное подозрѣніе, и, быть можетъ, въ этомъ былъ неостороженъ Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. Начались навѣты отъ бѣглаго келейника патріаршаго Іоны, который былъ строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ, по суду монастырскому; Іона рассказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ на озерѣ, съ титуломъ патріаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе ¹⁴⁾.

12) Особенно тяготился поборами Никона сосѣдній Кирилловъ монастырь. Кирилловцы говорили Терапонтскимъ монахамъ: «Батка вашъ ѣсть насъ».

13) При извѣстии о кончинѣ царя Алексія Никонъ вздохнулъ отъ глубины сердца, прослезился и, обративъ взоры къ небу, сказалъ: «воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное прішествіе Господне судитися имать». Лопухинъ просилъ его подать прошеніе царю на бумагѣ. «Мы исполняемъ,—сказалъ Никонъ,—слово Господа: оставите, оставится и вамъ», и присовокупилъ: «Богъ его простить». Но не рѣшился дать письменнаго разрѣшенія.

14) Устроивъ каменный островъ на озерѣ, прилежащемъ къ Терапонтѣ монастырю, Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ надписью: «Никонъ, Божією милостію патріархъ».

Съ кончиною царя Алексія отяготилась участь Өерапонтовскаго заточника. Новый царь Өеодоръ и по молодости, и по болѣзненному состоянію постоянно зависѣлъ отъ лицъ его окружающихъ, а между тѣмъ друзья Никона (Матвѣевъ и другіе) были удалены отъ двора, уступивъ свое мѣсто Милославскимъ, близкимъ родственникамъ царя по матери, враждебно расположеннымъ къ бывшему патріарху.

По доносамъ Іоны и другихъ было назначено строгое изслѣдованіе, съ перемѣщеніемъ Никона монаха для болѣе строгаго надзора въ Кирилловъ монастырь. Изъ наставленій, данныхъ чудовскому архимандриту Павлу и окольничему, посланному съ нимъ для изслѣдованія доносовъ въ Өерапонтовъ монастырь, видно, какъ еще боялись Никона въ Москвѣ и не довѣряли его покорности, хотя и напрасно. Велѣно было позвать его къ допросу въ соборную церковь и, въ случаѣ отказа, идти къ нему въ келью съ приговоромъ; но бывший патріархъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, спокойно пошелъ въ церковь и отвѣчалъ на многочисленныя статьи допросовъ.

Не отрекался онъ, что допускалъ къ своей рукѣ и позволялъ себя называть святѣйшимъ патріархомъ, говоря, что о томъ извѣстно было великому государю. Клеветы о мнимыхъ сношеніяхъ съ Разнымъ нисколько его не смутили; онъ не скрылъ, что когда шайки атамана были въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, самъ приставъ царскій привелъ къ нему въ Өерапонтовъ двухъ казаковъ, которые извѣщали его о силѣ своего атамана, хотя это не имѣло никакихъ послѣдствій и не было тайною. Видно, что совѣсть бывшаго патріарха была совершенно спокойна, и онъ не боялся никакихъ уликъ; касательно же виновнаго келейника объявилъ, что у него не было своей расправы и суда, какъ его въ томъ обвиняли, но что приговоръ надъ Іоною совершился по суду монастырскому.

Несмотря однако на такія искренніе отвѣты, бывшему патріарху не позволено было даже возвратиться въ свои келліи, и прямо изъ церкви былъ онъ отвезенъ въ Кирилловъ монастырь подъ строгій заговоръ; все его имущество колейное описано и отобрано, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей; присные его всѣ разосланы по дальнимъ монастырямъ; къ нему приставлены болѣе для надзора, нежели для услуженія, два совершенно ему чуждые старца въ Кирилловѣ, всякое же свиданіе и переписка запрещены, и выходъ изъ келліи дозволенъ только въ ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; самъ слѣдователь архимандритъ Павелъ, сжалившись надъ нимъ, доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ заплакалъ, услышавъ о намѣреніи удалить его присныхъ, и со слезами просилъ оставить

постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлозерѣ въ Өерапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ». Мимо этого самаго мѣста пролегла зимою большая дорога къ монастырю. Путешественники и богомольцы останавливались при крестѣ Никона и прочитывали надписи. Такая же надпись была вырѣзана на всѣхъ келейныхъ сосудахъ Никона и на стулѣ его работы, который донинѣ хранится въ ризницѣ Кириллова монастыря.

ихъ при немъ, ради его старости, обѣщая впредь помянуть Іоакима свѣтѣйшимъ патріархомъ, чего прежде не дѣлалъ потому, что почиталъ его причиною всего зла. Онъ даже намекнулъ, что при началѣ своего удаленія въ новый Іерусалимъ, когда дѣло шло о избраніи ему преемника, самъ онъ указывалъ на Іоакима, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занять его престолъ; но всѣ просьбы престарѣлаго узника остались тщетными: ему надлежало испытать до дна всю горькую чашу заточенія.

Тяжка была жизнь Никона въ Кирилловѣ. Здѣсь предстоялъ низложенному первосвятителю послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ злато, искушенное въ горнилѣ. Никону суждено было въ первые годы своего заключенія въ Кирилловѣ страдать ежедневно отъ угара въ дымныхъ кельяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что онъ едва не скончался отъ невыносимаго томленія, пока не были построены для него новыя келліи ¹⁵⁾. Изнуренный старецъ помышлялъ о вѣчности и желалъ только послѣдней отрады: успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловѣ во время пятилѣтняго тяжкаго заключенія.

Наконецъ настало и для него время успокоенія. Благочестивая тетка царя, царевна Татіана Михайловна, всегда благопріятствовавшая Никону, убѣдила Θεодора посѣтить забытую обитель новаго Іерусалима и принять отъ оставленной тамъ братіи челобитную о возвращеніи ея основателя. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу св. Гроба, государь велѣлъ продолжать ихъ и, движимый состраданіемъ, предложилъ на соборѣ дозволить старцу Никону умереть въ основанной имъ обители. Долго оставался непреклоннымъ патріархъ Іоакимъ, вѣроятно изъ боязни найти опаснаго совмѣстника въ лицѣ бывшаго патріарха, доколѣ наконецъ вѣсть о принятіи схимы и совершенномъ изнеможеніи Никона тронула его сердце.

Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе царя и патріарха, Никонъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собраться своей келейной братіи. Съ трудомъ посадили въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ. При впаденіи Шексны въ Волгу привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря; Никонъ велѣлъ плыть внизъ къ Ірославлю и, причаливъ у Толгскаго монастыря, пріобщился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игу-

¹⁵⁾ При точномъ изслѣдованіи мѣстности нельзя усомниться, что кельи, которыя занималъ Никонъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается духовное училище съ южной стороны Евѣиміевской церкви: подлѣ нихъ и доселѣ уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся болѣничнымъ. Мѣстности ихъ съ точностію опредѣлена въ доносѣніи архимандрита ~~Шекснинскаго~~ патріарху Іоакиму по тому случаю, когда вѣднѣо было устроить особую кухню для Никона, чтобы избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постоянного угара.

мень съ братією вышли къ нему навстрѣчу и съ ними вмѣстѣ посланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій архимандритъ Сергій, который во время суда содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Этому Сергію, заснувшему въ трапезѣ въ часъ приплытія патріарха, явился во снѣ Никонъ, говоря; „брате Сергіе, возстани, сотворимъ прощеніе!“ и внезапно услышалъ онъ, что шествуетъ Волгою патріархъ и братія уже потекли ему навстрѣчу. Вслѣдъ за ними устремился Сергій и, видя умирающаго, раскаянный, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе. Снова тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ и, видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ припадали къ нему, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали: такъ причалили къ обители Всемиловитаго Спаса.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку; дьякъ царскій велѣлъ перевезти стругъ на другой берегъ, чтобъ избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколь къ вечернѣ, Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братією прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же, распростершись на одрѣ, сложивъ крестообразно руки и вздохнувъ, отошелъ съ миромъ (17-го августа 1681 г.). Между тѣмъ благочестивый царь Ѳеодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ навстрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ въ своей духовной Никонъ? Услышавъ, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприказчикомъ и во всемъ на него положился, кроткій царь съ изумленіемъ сказалъ: „если такъ святѣйшій патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ и я его въ забвеніи не положу“. Онъ велѣлъ везти тѣло его въ новый Іерусалимъ.

Новыя затрудненія возникли со стороны патріарха Іоакима при погребеніи Никона, которому не соглашался онъ воздать почестей святительскихъ, какъ лишенному сана вселенскими патріархами. Однакоже государь убѣдилъ Корнилія, митрополита Новгородскаго, дѣйствовать при погребеніи и, самъ участвуя въ трогательномъ обрядѣ, несъ на раменахъ своихъ останки Никона отъ Елеонскаго креста до той могилы подъ Голговою, гдѣ Никонъ приготовилъ себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя. По просьбѣ царя Ѳеодора, всѣ патріархи восточные, признавая церковныя заслуги Никона, грамотами своими разрѣшили, чтобъ имя его опять было включено въ священный ликъ патріарховъ, ибо этотъ великій мужъ русской Церкви всегда былъ достоинъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ искушенія и скорби.

Между тѣмъ, какъ царь Ѳеодоръ заботился о восстановленіи святительской чести своего крестнаго отца, ревностный патріархъ Іоакимъ

неутомимо подвизался въ устройствѣ дѣлъ церковныхъ, въ борьбѣ съ расколомъ и въ распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Осудивъ Никона, великій соборъ 1667 года утвердилъ однако всё его церковныя распоряженія, признавъ даже справедливымъ его взглядъ на монастырскій приказъ. Было постановлено, что патріархъ не долженъ носить титула „великаго государя“, долженъ повиноваться верховной власти и не вступаться въ мірскія дѣла; но въ то же время была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, несмотря на соборныя постановленія, воеводы и другія мірскія власти постоянно вторгались въ церковныя суды. Само духовенство предпочитало духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на постороннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей; многіе монастыри судились по старому въ приказѣ большого дворца. Такъ было при двухъ слабыхъ престарѣлыхъ преемникахъ Никона; но ревностный первосвятитель Іоакимъ, взявшись твердою рукою за кормило Церкви, не допускалъ мірскаго вмѣшательства въ дѣла церковныя ¹⁶⁾; должности судей и сборщиковъ даней поручалъ онъ лицамъ духовнымъ, строго слѣдилъ, чтобы лица клира не подлежали суду мірскому, кромѣ преступленій уголовныхъ, которыя должна была судить власть свѣтская, и то не иначе, какъ съ вѣдома власти духовной. Между тѣмъ онъ предпринималъ мѣры, которыя должны были увеличить надзоръ духовной власти за дѣлами Церкви. На соборѣ 1675 года онъ опредѣлилъ, чтобы всѣ церкви и монастыри (кромѣ монастырей, приписанныхъ къ патріаршему дому), находившіеся по писцовымъ книгамъ въ той или другой епархіи, были въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея и чтобы никто изъ архіереевъ не имѣлъ въ чужой епархіи подвластныхъ себѣ церквей и монастырей. Этимъ распоряженіемъ уничтожились тѣ страшныя безпорядки, которые въ то время были такъ обыкновенны между духовенствомъ, особенно монашествующимъ, и къ которымъ вели толкъ называемыя „несудимыя грамоты“ и старый обычай, по которому нѣкоторые монастыри и церкви ускользали отъ надзора мѣстнаго архіерея, принадлежа архіерею другой епархіи ¹⁷⁾.

Въ ноябрѣ 1681 года патріархъ Іоакимъ созвалъ соборъ русскихъ святителей для разсужденія о дѣлахъ раскола. Соборъ просилъ благочестиваго царя Θεодора, чтобы „развратники и отступники (раскольники), которые по многомъ церковномъ ученіи и наказаніи, и по архіерейскомъ попеченіи явятся противны и святой церкви непокорны“,

¹⁶⁾ Когда Новгородцы били челомъ патріарху Іоакиму, чтобы духовнымъ лицамъ судиться по гражданскимъ дѣламъ не на митрополичьемъ дворѣ, а въ приказной палатѣ, патріархъ, отстаивая неподсудность духовенства мірскому суду, пригрозилъ имъ за эту участію Корея, Давана и Авирона, (Знаменскій. Руководство къ Русской церк. исторіи, стр. 276).

¹⁷⁾ Акт. истор. V. № 186. Акт. археогр. Эксп. IV. № 201 и 253.

были отсылаемы къ гражданскому суду, гдѣ и получали бы рѣшеніе, какого кто достоинъ, какъ было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ¹⁸⁾, при чемъ воеводы и приказные люди обязаны вполнѣ содѣйствовать церковной власти. По предложенію царя, соборъ положилъ: новоисправленныя книги безденежно выдавать каждому, кто только принесетъ книги прежнихъ изданій. Царь сообщилъ, что самоволіе заводить пустыни съ тѣмъ, чтобъ онѣ служили пристанищемъ раскола; оно же умножаетъ часовни, гдѣ народъ собирается слушать молитвы предъ сомнительными иконами, а оставляетъ святую литургію. Соборъ постановилъ: впредь не дозволять новыхъ подобныхъ пустынь, а живущихъ въ такихъ пустыняхъ, гдѣ вблизи живутъ мірскіе люди, вывестъ въ монастыри, храмы же обратить въ приходскія церкви; изъ числа же часовень оставить только тѣ, къ которымъ близка стража, прочія же закрыть.

Лучшими мѣрами, безъ сомнѣнія, были тѣ, которыя направлялись противъ самаго корня раскола, противъ народнаго невѣжества, которое предавало массы непросвѣщеннаго народа во власть злонамѣренныхъ расколо-учителей. Такъ смотрѣлъ на корень раскола патріархъ Іоакимъ, и на этомъ взглядѣ основывалась заботливость его о распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Патріаршая Чудовская школа, существовавшая въ Москвѣ, покровительствуемая Никопомъ и руководимая Епифаніемъ Славеницкимъ вмѣстѣ съ другими членами ученаго братства, пережила бурю бѣды Никона ¹⁹⁾. Послѣ паденія Никона ученые труды наставниковъ, возбудивъ толки въ толпѣ невѣждъ, нашли многихъ противниковъ и училищу и ученію: расколо-учители открыто вопіяли противъ книжныхъ исправленій, крѣпко держались за старину и въ свѣтѣ образованія хотѣли видѣть тьму бѣсовскую. Но слѣпое гоненіе на ученіе послужило только къ усиленному сознанію нужды ученія и вмѣсто разрушенія науки повело къ ея возрастанію.

Присутствовавшіе на великомъ соборѣ восточные патріархи Паисій и Макарій въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова, убѣждали народъ и царя полюбить мудрость и позаботиться о заведеніи училищъ греческихъ и славянскихъ ²⁰⁾, а пасты-

¹⁸⁾ Въ томъ же году это соборное постановленіе подтверждено указомъ царскимъ, по которому главные расколуучители: Аввакумъ, Лазарь, Феодоръ и Епифаній, были сожжены всенародно, безъ сомнѣнія, въ той надеждѣ, что съ гибелью ихъ погибнетъ и все дѣло ихъ. Но это еще болѣе распалило ненависть раскольниковъ противъ патріарха, котораго они считали главнымъ виновникомъ казней.

¹⁹⁾ Чудовское училище существовало и въ 1666 году. Въ семь году Паисій Лигаридъ писалъ свой отвѣтъ шведскому посланнику о вѣрѣ грековъ и русскихъ относительно Евхаристіи въ училищѣ св. Алексія—in Alexiano Musaeo.

²⁰⁾ «Видишь,—сказано въ семь поученій,—яко во многѣхъ отъ васъ не имѣтъ премудрости мѣста, идѣже главу приклонити. Скитается она якоже Христосъ — Премудрость Божія, въ Видлесемскомъ вертецѣ, и нѣсть въмская ея... Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте (изгнали) ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ яко свѣтили-

рямъ вмѣняли въ обязанность содѣйствовать царю доходами съ церковныхъ имѣній²¹⁾.

Тогда же нѣкоторые изъ боголюбивыхъ гражданъ Москвы подали просьбу о дозволеніи открыть училище при церкви св. Іоанна Богослова²²⁾. Оба патріарха восточные и Московскій патріархъ Іоасафъ благословили доброе намѣреніе двумя грамотами²³⁾. Но всѣ воззванія къ щедрости пастырей и настоятелей монастырскихъ остались тщетными. Церковныя и монастырскія отчины уже довольно были истощены частыми сборами на нужды государственныя. Дряхлые старцы-патріархи Іоасафъ и Питиримъ не предпринимали ничего для устройства училищъ. Царь озабоченъ былъ то укрощеніемъ бунтовъ, то вѣшными войнами. Неизвѣстно ничего даже о судьбѣ предполагаемаго училища при церкви Іоанна Богослова.

Станнымъ кажется, какъ не настояль объ учрежденіи училища въ Москвѣ сильный при дворѣ, молодой образованный инокъ, съ пылкою дѣятельностію, ученикъ уважаемаго царемъ архипастыря черниговскаго Лазаря Барановича, учитель царевича Феодора Алексѣевича, Симеонъ Полоцкій. Но, прибывъ въ Москву въ 1664 году, онъ, хотя и принималъ участіе въ ученыхъ трудахъ на пользу Церкви Русской, однако болѣе семи лѣтъ жилъ простымъ инокомъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Около 1672 г. сдѣлался онъ наставникомъ царевича Феодора: съ этой поры сталъ онъ болѣе имѣть силы и вліянія на другихъ. Но, къ несчастію, онъ не знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ, а его латинское образованіе отчуждало отъ него строгихъ къ православію иноковъ и іерарховъ.

При патріархѣ Іоакимѣ пришло наконецъ время, когда завѣщенное восточными первосвятителями дѣло должно было исполниться. Въ 1673 году возвратился въ Москву изъ путешествія по востоку нѣкто іеромонахъ Тимофей и принесъ съ собою извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе на востокѣ, особенно въ Іерусалимѣ, отъ латинянъ, домогавшихся не только овладѣть всѣми святыми мѣстами въ Палестинѣ, но и привлечь всѣхъ въ покорность папѣ. Дошло это и до свѣдѣнія юнаго царя. Сожалѣя объ участи христіанъ восточ-

---

никъ держать, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Здѣ тоцію лѣности ради зѣло обездѣнися (греческій языкъ)». Изъ рукописи Моск. Дух. Академіи № 68.

²¹⁾ «Не хотимъ же,—говорили патріархи,—да вся тягота и бремя на прекрѣпкій царскій престолъ возложится, яко едва не безконечная имѣющій иждивенія на оборону и утвержденія своя державы. Но токмо хотимъ, да раздѣлится на архіерей и на избраннѣйшія начальныя архимандриты, яко имѣющихъ многія отчины и доходы довольныи» (Изъ той же рукописи).

²²⁾ Въ рук. Синод. библ. подъ № 130, л. 153, есть письмо прихожанъ сей церкви къ неизвѣстному лицу, гдѣ сказано: «Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сирѣчь словенскія грамматики училища сстроеніе учителя и учениковъ пристязжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводить».—Слич. Истор. Росс. іерархій, ч. I, стр. 420.

²³⁾ Обѣ грамоты помѣщены въ прибавл. къ Творен. Св. Отцовъ. 1845, стр. 168—171

ныхъ, онъ пожелалъ учредить училище греческое въ Москвѣ, дабы оказать какую-нибудь помощь угнетаемому православію. Патріархъ Іоакимъ охотно согласился съ мыслию государя. Собрано было до 30 учениковъ; избранъ учителемъ проживавшій въ Москвѣ ученый грекъ Мануилъ ²⁴⁾, а послѣ него іеромонахъ Іоакимъ, также изъ грековъ; ректоромъ училища назначенъ самъ Тимоѳей, котораго патріархъ причислилъ къ своему домовому клиру. Училище открыто было при типографіи. „И невозможно изобразить, — пишетъ одинъ изъ учениковъ сего училища, — какъ заботились о немъ самъ благочестивѣйшій государь и святѣйшій патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію и порознь, и вмѣстѣ, и явно, и тайно, чтобъ утѣшаться новымъ и неслышаннымъ дѣломъ, надѣляли учащихся и одеждою и червонцами ²⁵⁾. Не менѣе радовался и патріархъ іерусалимскій Досіеѳей, когда узналъ о благотворномъ предпріятіи на пользу духовнаго просвѣщенія ²⁶⁾. Скоро начатки еллинскаго ученія показались малы для щедротъ государя, и онъ пожелалъ дать школѣ болѣе обширныя размѣры и преобразовать ее въ академію, но, не успѣвъ привести это дѣло въ исполненіе, скончался. Незадолго до ранней кончины онъ обратился къ патріархамъ восточнымъ съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и учености наставниковъ.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ едва появилась еще заря науки, свѣтъ просвѣщенія колебался и едва не погасалъ на югѣ Руси: Братская коллегія въ Кіевѣ страдала отъ бури мятежей и неустройства, объявившей всю Малороссію. Около 1657 года Кіево-Богоявленскій монастырь, со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями и училищемъ, до-гла былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ. Коллегіи въ это тяжкое время уже не существовало, послѣдніе изъ возмужавшихъ питомцевъ ея взяли за оружіе, чтобы отмстить врагамъ отечественнаго спокойствія за гибель и разрушенія, внесенныя ими. Нѣсколько лѣтъ спустя, при ректорѣ Іоанникии Голятовскомъ предпринято возстановленіе разрушенныхъ зданій, но успѣли построить только деревянную Богоявленскую церковь и нѣсколько убогихъ хижинъ для небольшого остатка уцѣлѣвшихъ учениковъ! Въ 1665 году въ самыхъ

²⁴⁾ Вѣроятно, тотъ самый, который похороненъ въ Московскомъ Заиконоспаскомъ монастырѣ, въ 1694 г., по прозванію Левендаговъ, какъ сказано въ надгробной надписи. Др. Вив. ч. XVIII, стр. 201.

²⁵⁾ «Истор. извѣстіе о Московской Академіи», составленное Поликарповымъ. Др. Вивл. XVI, стр. 296.

²⁶⁾ Досіеѳей писалъ къ царю Θεодору: «Благодаримъ Господа Бога, яко во дни сятаго вашего царствія благоволи быти въ царствующемъ вашемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ; еллини бяху святіи отцы; еллински написанеса дѣяніе святыхъ соборовъ и св. отцовъ списаніе и всѣ святыя церкви книги, и сіе есть Божественное дѣло, еже учити христіанамъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писали суть, и познавати толкованіе ихъ удобно и наипаче, дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества.—Собр. госуд. грам. IV. № 135.

окрестностях Кіева открылись военныя дѣйствія, и коллегія снова подверглась совершенному разрушенію.

Всѣ эти бѣдствія проистекали изъ междоусобій, раздиравшихъ несчастную Украину послѣ кончины доблестнаго гетмана Богдана Хмельницкаго и митрополита Сильвестра. Между тѣмъ какъ война польская продолжалась съ обоюдными успѣхами и неудачами, самая Малороссія едва не отпала отъ державы московской, измѣною гетмана Виговскаго, избраннаго вопреки законныхъ правъ сына Хмѣльницкаго, Юрія. Одинъ только Кіевъ остался неизмѣнно вѣрнымъ царю. Мечтая о совершенной независимости Украины, Виговскій плѣнился ложными обѣщаніями Польши о свободѣ гражданской и духовной и обагрить кровію благословенную страну, присоединеніе которой не стоило ни единой капли крови. Поляки и хищные крымцы воспользовались ея неустройствомъ, чтобы грабить подъ видомъ союзниковъ то Виговскаго, то Юрія. Самъ Юрій явился за булавою отца своего, получилъ утвержденіе отъ царя, измѣнилъ ему и кончилъ иночествомъ, во цвѣтъ лѣтъ, странное и бурное свое поприще.

Въ столь же печальномъ разстройствѣ находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, кіевская іерархія, страдавшая внутренними раздорами и слабостію двухъ своихъ первосвятителей. Первый изъ нихъ, Діонисій Балобанъ (1657—1663), прежде избранія въ митрополиты былъ администраторомъ на Волыни отъ имени Сильвестра Коссова и состоялъ въ санѣ епископа луцкаго и острожскаго. Избранный въ кіевскіе первосвятители, Діонисій Балобанъ истребовалъ на это благословіе отъ константинопольскаго патріарха Паренія. Нежеланіе его снестись предварительно о своемъ избраніи съ патріархомъ московскимъ было причиною того, что царь Алексѣй Михайловичъ не призналъ Діонисія митрополитомъ и повелѣлъ посвященному тогда въ Москвѣ изъ кіевлянъ епископу мстиславскому и оршанскому Меодію быть блюстителемъ кіевской митрополіи. Къ стыду православія, Діонисій усердно содѣйствовалъ измѣнѣ Виговскаго и вмѣстѣ съ нимъ присягнулъ въ вѣрномъ исполненіи статей Гадячскаго договора, предававшаго Малороссію во власть Польши. Онъ окончилъ жалкую и многмятежную жизнь свою въ Корсунѣ, не смѣя показаться въ Кіевъ, но удерживая за собою власть святительскую до самой кончины.

Православное духовенство и шляхетство лѣвой стороны Днѣпра избрали въ митрополиты Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго (1663—1676), бывшаго епископа могилевскаго, удалившагося въ Чигиринъ отъ преслѣдованія униатовъ. Приверженцы Польши съ своей стороны избрали въ митрополиты Антонія Вѣнницкаго и убѣдили короля заточить Іосифа въ Маріенбургскую крѣпость ²⁷⁾.

Въ началѣ 1665 года выступилъ на поприще общественной дѣятельности Петръ Дорошенко, простой чигиринскій казакъ, ознаменовавшій послѣдующую жизнь свою смѣлыми подвигами и разными зло-

²⁷⁾ Маркевичъ. Истор. Малор. II, 102.

дѣянiями. Онъ захватилъ въ свои руки власть гетманскую. По просьбѣ его король приказалъ освободить изъ заточенiя митрополита Иосифа и возвратить его на родину. Но Иосифъ не смѣлъ явиться въ Кiевъ какъ потому, что боялся негодованiя царскаго на принятiе митрополiи, безъ вѣдома и согласiя московскаго двора, такъ и потому, что ни кiевское духовенство, ни малороссiйскiе казаки правой стороны Днѣпра, какъ не участвовавшiе въ избранiи Тукальскаго, не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ. Въ Кiевѣ между тѣмъ мѣстоблюститель Меодiй явился возмутителемъ ²⁸⁾ противъ благодѣтеля своего, царя православнаго. Вскорѣ послѣ того Дорошенко поддался Туркамъ, по наущенiю митрополита Иосифа, который, не внимая совѣтамъ лучшихъ людей Украины ²⁹⁾, чрезъ это постыдное дѣло потерялъ уваженiе народное. Малороссiи предстояло быть союзницею поклонниковъ Магомета, если бы Андрусовскiй договоръ (1667 г.) не остановилъ этого гибельнаго дѣла въ самомъ его началѣ. Россiя заключила перемирие съ Польшею и, взявъ на себя покровительство надъ исповѣдующими вѣру православную, успокоила тѣмъ волненiе въ народѣ, а уступка Кiева со всѣми къ нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первымъ звеномъ, неразрывно связавшимъ юго-западную Россiю съ сѣверо-восточной.

Блюстителемъ престола кiевской митрополiи отъ царя былъ назначенъ черниговскiй архiепископъ Лазарь Барановичъ. Съ перваго же раза онъ благотворно подѣйствовалъ на взволнованные умы несчастной Украины и способствовалъ къ возстановленiю въ ней возможной тишины. Въ 1669 году Барановичъ уговорилъ послать въ Москву посольство о принятiи всей Малороссiи въ подданство, о прощении вины ея и о подтвержденiи казацкихъ вольностей. Между прочимъ поручено было членамъ сего посольства настоять на томъ, чтобы

²⁸⁾ Меодiй попался въ руки Дорошенки и отосланъ къ митрополиту Иосифу, который предалъ его суду, лишилъ епископскаго сана и заточилъ въ монастырь Уманскiй. Оттуда бѣжалъ онъ и явился въ Кiевѣ, но, схваченный бояриномъ Шереметевымъ, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь подъ крѣпкою стражею въ монастырѣ Новоспаскомъ.

²⁹⁾ Еще Хмельницкiй говорилъ нѣкогда: «Христiанамъ самопроизвольно отдаться во власть невѣрныхъ, сдружиться и слиться съ ними есть грѣхъ смертельный, поступокъ позорный и предосудительный,—есть почти самоубiйство. Имѣя съ невѣрными неразрывное сообщенiе, невозможно не совратиться съ пути христiанскаго и не заризаться бусурманскими мерзостями. Мы останемся тогда какъ обломанное судно въ простиранномъ морѣ, обуреваемое со всѣхъ сторонъ и не имущее пристанища и надежды къ спасенiю, и будемъ то же, что были послѣ нашествiя Батия подъ властiю татаръ: невольники, въ богослуженiи отступники и рабы, гибнущiе душою и тѣломъ» (Маркевичъ. Истор. Малор. I, 332). А Лазарь Барановичъ, архiепископъ черниговскiй, писалъ къ Иосифу, склоняя его на подданство Москвѣ: «Подъ бусурманскою рукою стонетъ Греция и по настоящее время, и самихъ патрiарховъ вѣшаютъ: о, невольная вольность! И для чего подъ такое ярмо класть шею? Греки рады бы освободиться отъ него, Русь сама лѣзеть. Я свои овцы черниговскiя поставилъ на путь, и вы, всяя Россiи пастырь, ведите всю Русь къ монарху русскому, а сами летите на престолъ свой, какъ на гнѣздо свое. Знаю, что благодушный монархъ достойно избраннаго на митрополiю пастыря велѣлъ бы принять милостиво» (С. Терновскiй. Изслѣд. о подчиненiи Кiев. митрополiи моск. патрiарху, стр. 50).

не отдавать Полякамъ Кіева,—„сега, какъ сказано въ инструкціи, первопрестольнаго града царства русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возсіяла благодать Божія“. Тогда же состоялись статьи такъ называемаго Глуховскаго договора; Дорошенко отвергнуть, и Демьянъ Многогрѣшный принялъ гетманскіе клейноды и присягнулъ въ вѣрности государю.

Истекаль срокъ Андрусовскому договору; надо было возвратить Кіевъ польской коронѣ. Всегда праводушный и вѣрный слову, царь Алексѣй Михайловичъ, можетъ быть, и исполнилъ бы это; но обстоятельства были сильнѣе его царской воли. Гетманъ Многогрѣшный, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель настоятельно требовали, чтобъ не отдавать священнаго города врагамъ православія, и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился: въ концѣ 1679 года Кіевъ окончательно присоединенъ къ державѣ русской. Разъ утвердивъ это, царь уже не отступалъ ни предъ какими угрозами и на неоднократныя требованія польскаго правительства твердо отвѣчалъ одно: „не отдамъ Кіева“. И Кіевъ, колыбель русскаго православія, остался навсегда достояніемъ державы русской³⁰⁾.

Грустно и смутно померкла вечерняя заря многомятежной жизни митрополита кіевского Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго. Онъ скончался въ Чигиринѣ, въ 1676 году. Увлекаемый обстоятельствами и слабымъ характеромъ, тяжкими несчастіями заплатилъ онъ за свои политическія ошибки; но потомство не упрекнетъ его въ измѣнѣ православію и самую привязанность его къ недостойному Дорошенко отнесеть къ движенію благородно-признательной души. Братская коллегія не забыла его посильной благотворительности; не отъ избытковъ онъ жертвовалъ ей, а дѣлился собственнымъ кускомъ хлѣба, ибо отдалъ ей то, что ему самому дано было на пропитаніе³¹⁾. Смуты и нестроенія своей родины, а всего болѣе Церкви, глубоко волновали его добрую, но слишкомъ довѣрчивую душу, а отсутствіе возможности

³⁰⁾ На съѣздѣ бояринъ князь Одоевскій говорилъ уполномоченнымъ польскимъ: «Россія не въ противность договоромъ владѣетъ всею западною Украиною, а слѣдовательно и Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ завоеваны Россіею не у Поляковъ, а у Турокъ. Польша не имѣла права безъ совѣщанія съ Россіею отдавать султану задніпровскую Украину, а если ужъ она отдала ее, то не въ правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ владѣла держава христіанская, а не магометане. Впрочемъ, что бы ни говорили противъ этого, а Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не будетъ возвращенъ королевству (Маркевичъ. Истор. Малор. II, 187). Въ память этого радостнаго для всей православной Россіи событія государь принесъ въ даръ Кіево-Печерской лаврѣ ризы серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами; оплечье этихъ ризъ по красному бархату богато унизано жемчугомъ.

³¹⁾ Получивъ отъ Дорошенко «на столовое содержаніе» мѣстечко Стайки, Іосифъ не захотѣлъ пользоваться этимъ даваніемъ и подарилъ его кіево-братской коллегіи. «Хотя я и самъ борзо нищетенъ,—писалъ онъ въ своей грамотѣ,—но отдѣляю ихъ (Стайки), какъ двѣ лепты вдовицы, на поддержаніе того обнищавшаго святаго мѣста» (Памята. временной ком. въ Кіевѣ. II, 232).

поправить дѣло своей іерархіи сокрушало его безмѣрно. „По беззаконіямъ моимъ,—писаль онъ 9 августа 1670 года къ боярину Ордыну Нащокину, — которымъ нѣтъ числа, не признаю я себя душою, страждущею за благочестіе. Въ горести душа моя. Какъ могу назваться пастыремъ, когда растеряно стадо? О, да соберетъ его Создатель и Искупившій Своею кровію“ ³²⁾).

Таково было бѣдственное положеніе южно-русской митрополи, еще отдѣленной отъ цѣлости отечественной Церкви, подъ недѣйствительною, а только номинальною зависимостью отъ патриарховъ Цареградскихъ.

---

³²⁾ Филаретъ, архіеп. черниговскій. Истор. Р. Церкви. Періодъ IV, стр.

Г Л А В А VIII.

Уничтоженіе мѣстничества.—Кончина царя Θεодора.—Цари Іоаннъ и Петръ подъ опекою царевны Софіи.—Стрѣлецкій и Раскольникій мятежи въ Москвѣ.—Строгія мѣры противъ раскола.—Усиленіе раскола и раздѣленіе его на толки.—Борьба патріарха съ расколомъ и папизмомъ.—Развитіе устной проповѣди.—Законоспасская академія.—Братья Іоанникій и Софроній Лихуды.—Споры о „пресуществленіи“ въ таинствѣ Евхаристіи.—Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Виды патріарха Іоакима относительно южныхъ славянъ.

Въ числѣ многихъ заслугъ для отечества бдительнаго и ревностнаго первосвященника Іоакима нельзя умолчать объ участіи его въ уничтоженіи пагубнаго мѣстничества ¹⁾. Когда, по челобитной выборныхъ людей, представленной царю Θεодору бояриномъ княземъ В. Голицынымъ, созванъ былъ Земскій соборъ (12 января 1682 года), патріархъ произнесъ сильную рѣчь отъ лица духовенства ²⁾: всѣ члены собора пристали къ мнѣнію патріарха, и разрядныя книги были

¹⁾ Устряловъ въ своей Русской Исторіи говоритъ, что «мѣстничество въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло даже власть самодержавную, ибо воля государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ отечествѣ: подданные безпрекословно исполняли всѣ велѣнія его, не роптали на самыя тяжелыя опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь: но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности и часто охотнѣе подвергался ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, прапрадѣдъ котораго былъ ниже въ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить до какой степени озабочивали государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія, поражаемаго мѣстничествомъ, особенно въ военное время. Эти споры погубили Шеина подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ и Хованскаго въ Литвѣ».

²⁾ Патріархъ сказалъ, между прочимъ, что отъ мѣстничества, «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ вредительная происходила, и благое начинаніе яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точию родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковымъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никакой достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе» (Соловьевъ, Исторія Росс., XIII, 320).

сожжены въ присутствіи царя и собора. Такимъ образомъ дѣла государственныя начали приходить въ порядокъ при тихомъ шестилѣтнемъ правленіи царя Θεодора: усмирилась Малороссія, и съ Портою заключенъ былъ миръ, также съ другими сосѣдями, Швеціею и Польшею. Благоденствовала и Церковь: патріархъ Іоакимъ старался угашать расколы, распространять просвѣщеніе въ училищахъ духовныхъ и даже для лучшаго надзора за духовенствомъ и паствою хотѣлъ учредить въ расширяющемся царствѣ до пятидесяти кафедръ епископскихъ, мѣстныхъ и викарныхъ. Предпріятіе рушилось съ преждевременною смертію бездѣтнаго царя Θεодора (27 апрѣля 1682 года) и государство временно погрузилось въ смуты и волненія, изъ которыхъ исторгла его только мощная десница возмужавшаго Петра.

Неистовый стрѣлецкій бунтъ былъ началомъ золь, когда патріархъ съ благонамѣренными боярами провозгласилъ на царство вмѣсто болѣзненнаго Іоанна ³⁾ десятилѣтняго бодраго Петра, подъ управленіемъ матери его царицы Наталіи и добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Честолюбивая царевна Софія, дѣйствуя втайнѣ съ родственными ей Милославскими, взволновала стрѣльцовъ, и жертвами ихъ сдѣлались въ теченіе трехдневнаго бунта Матвѣевъ, Нарышкины и всѣ бывшія опоры царствованія Алексія и Θεодора; едва не погибъ самъ патріархъ, устремившійся съ Краснаго крыльца увѣщавать толпу. Вынужденное провозглашеніе Іоанна для соцарствованія Петру и приглашеніе Софіи управлять государствомъ совокупно съ малолѣтними братьями были плодами перваго мятежа стрѣлецкаго, стойваго отечеству столько драгоцѣнной крови.

Спустя нѣсколько дней, смятеніе гражданское приняло личину церковнаго. Когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ кровопролитія, раскольники подговорили стрѣльцовъ Титова полка „постоять за старую вѣру“. Никогда расколъ повидимому не имѣлъ лучшаго времени для выполненія самыхъ безразсудныхъ замысловъ. Начальникомъ стрѣльцовъ былъ князь Хованскій, тайный приверженецъ раскола. Хованскій, не столько желая защищать расколъ, сколько стать первымъ при тронѣ, оказалъ покровительство заговорщикамъ. Они желали доставить себѣ болѣе, чѣмъ полную свободу: они желали получить всю власть въ свои руки и отмстить какъ за Соловецкую осаду, такъ и за казнь Аввакума и его сообщниковъ. Хованскій далъ имъ въ предводители Никиту Пустосвята, уже нѣсколько разъ осужденнаго за расколъ ⁴⁾. Подобные Никитѣ, соловецкій бѣглець Савватій и другіе, нарочно вызваны были въ Москву. Они настаивали немедленно приступить къ перемѣнамъ. Хованскій едва уговорилъ ихъ не спѣ-

³⁾ «Скорбнаго главою», по выраженію современниковъ, и вовсе неспособнаго къ дѣламъ правленія.

⁴⁾ Послѣ своего покаянія на соборѣ 1667 г. Никита опять совратился въ расколъ и успѣлъ приобрести себѣ у раскольниковъ громкую репутацію непобѣдимаго книжника. Самъ Хованскій сказалъ про него, «что онъ всѣмъ заградить уста, что и прежде никто не могъ его перекрывать».

нить, польстивъ ихъ обѣщаніемъ, что предстоящее вѣнчаніе царей (23 іюня) совершится по старымъ книгамъ. Никита и другіе бродяги ходили между народомъ, призывая на защиту стараго благочестія. „Постойте, стойте, православные, за истинную вѣру, не принимайте новой Никоновой“, шумѣлъ Пустосвятъ. Выборные Титова полка ходили съ тѣмъ же по стрѣлецкимъ полкамъ. Волненіе становилось общимъ, хотя большинство стрѣльцовъ (исключая Титова полка) не согласились подписываться подъ челобитную, составленную бродягой монахомъ Сергіемъ.

По настояніямъ Хованскаго, назначенъ день для выслушанія челобитной—5 іюля 1682 года. Въ этотъ день толпы раскольниковъ съ шумомъ ворвались въ кремль. Неся предъ собою аналои, образа, зажженныя свѣчи, а за пазухами каменя, они подошли къ Архангельскому собору и расположились на площади. Сергій взошелъ на скамью и читалъ вслухъ соловецкую челобитную. Возбужденный фанатиками, народъ грозно волновался. Первосвятитель съ соборомъ святителей совершалъ моленіе объ усмиреніи мятежа. Изъ храма онъ выслалъ протопопа съ напечатаннымъ увѣщаніемъ народу и съ обличеніемъ клятвoprеступному Никитѣ. Раскольники едва не убили посланцаго. Послѣ молебна патріархъ возвратился въ Крестовую палату. Князь Хованскій не разъ присылалъ требовать, чтобы патріархъ вышелъ на площадь; съ тѣмъ же требованіемъ явился онъ и во дворецъ, куда приглашенъ былъ Софіею патріархъ. Софія и патріархъ видѣли памѣренія заговорщиковъ; да и страшный опытъ былъ такъ недавно. Софія, царица Наталія, двѣ царевны объявили, что не оставятъ церкви и ея пастырей безъ защиты. Хованскому сказано, что собраніе будетъ въ Грановитой палатѣ въ присутствіи царственныхъ особъ; тамъ выслушана будетъ и челобитная.

Долго заговорщики не хотѣли разстаться съ площадью, однако соборъ открылся въ палатѣ. Близъ правительницы, царицы и царевенъ сидѣли съ патріархомъ 7 митрополитовъ, 5 архіепископовъ, 2 епископа, между ними святитель Митрофанъ. Нѣсколько архимандритовъ и пресвитеровъ, бояре и выборные войска стояли. Раскольники, по знаку Хованскаго, вошли въ палату съ шумомъ, съ образами, аналоями, свѣчами. Они подали челобитную. Софія приказала читать ее.

„Бьютъ челомъ, такъ начиналась челобитная, священнической и иноческой чинъ и вси православніи христіане, опрично тѣхъ, которые Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ“. Патріархъ замѣтилъ: „книгъ старыхъ не хулимъ мы, напротивъ по нимъ и по греческимъ исправляются позднія испорченныя; вы, судіи старой и новой вѣры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себѣ судить о вѣрѣ, еще не касались и грамматики, а принимаете на себѣ судить о вѣрѣ, что принадлежитъ пастырямъ“. Дерзкій Никита, несмотря на то, что ему запрещено было говорить, сказалъ съ грубостію: „мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматѣхъ“, и продолжалъ шумѣть въ томъ же тонѣ. Холмогорскій архіепископъ

Аванасій, самъ прежде бывшій въ расколѣ, замѣтилъ Никитѣ дерзость и грубость его. Пьяный разстрига въ порывѣ ярости бросился на архипастыря, хотѣлъ бить его и едва удержанъ былъ однимъ изъ выборныхъ. Далѣе въ челобитной читали: „цари изнемогоша, архіереи падоша; просимъ, чтобы великіе государи взыскали старое правдѣа и дѣда ихъ благочестіе“. Выраженное въ этихъ словахъ сомнѣніе о православіи царей, Алексѣя и Феодора, особенно раздражило пылкую Софію: она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этого уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы трусили этой угрозы, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы на нихъ поднялись бы всѣ войска и вся земля; они поспѣшили успокоить гнѣвную правительницу⁵⁾. Патріархъ взялъ въ одну руку Евангеліе св. Алексія, въ другую—соборное установленіе патріаршества. Первое показывалъ, какъ улику упорству, не желающему переменить въ старомъ ни одной буквы. Въ послѣднемъ прочелъ Символь вѣры, гдѣ написанъ онъ безъ прибавленія слова о Святомъ Духѣ: „и истиннаго“, тогда какъ эта прибавка печаталась при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ. По отношенію къ изображенію святаго креста указалъ на сосуды преподобнаго Антонія Римлянина. Сдѣлано было и еще нѣсколько указаній въ древнихъ книгахъ по главнымъ пунктамъ спора.

Чувствуя, что ничего не сдѣлали для себя, невѣжды подняли неистовый крикъ: „вотъ-такъ, вотъ-такъ!“ кричали они, поднявъ двухперстное знаменіе. Мятежникамъ сказано, что рѣшеніе имъ будетъ объявлено. Царственныя особы удалились; за ними вышли патріархъ и прочіе.

Невѣжды возвращались изъ кремля съ крикомъ: „побѣдили!“ На лобномъ мѣстѣ еще разъ поставили аналой и кричали: „вѣруйте пб-нашему, мы переспорили всѣхъ архіереевъ“. За Яузою отзвонили въ колокола.

На утро разстригѣ Никитѣ, выданному стрѣлецкими выборными, была отрублена голова на лобномъ мѣстѣ; товарищи Пустосвята разосланы были по дальнимъ монастырямъ, многіе разбѣжались⁶⁾.

Послѣ столь явнаго и столь неистоваго мятежа въ самыхъ палатахъ царскихъ правительство принуждено было прибѣгнуть къ самымъ строгимъ, согласно духу времени, мѣрамъ для усмиренія раскольниковъ: расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, назначено казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за укрывательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество расколь-

⁵⁾ Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ сказали царевнѣ: «цора, государыня, давно вамъ въ монастырь: только-де царствомъ мутить».

⁶⁾ Въ числѣ послѣднихъ былъ и Савва, позднѣе написавшій раскольничью «исторію о вѣрѣ, или сказаніе о соборѣ 1682 года». Отобранная у товарищей Пустосвята при слѣдствіи надъ ними книга показала, какими низкими уловками вовлекали они простыхъ людей въ обманъ. Въ этой старинной книгѣ всѣ слова, которыя говорили противъ раскола, были подскоблены и замѣнены другими, согласно съ мыслями раскола.

никовъ въ отчаяніи бросились за границу ⁷⁾ или укрывались отъ правительства въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣвера и Сибири; самые рьяные изуверы сами стремились на казни, какъ на мученіе за вѣру, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самоожженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ множество послѣдователей.

Между тѣмъ расколъ, отвергнувъ церковный авторитетъ и предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, между раскольниками возникъ трудный вопросъ: „откуда брать священниковъ?“ Одни стали брать ихъ у Церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія выборнымъ мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: „Поповщина“ и „Безпоповщина“, которые въ свою очередь распались на множество великихъ толковъ ⁸⁾, раздѣленныхъ другъ отъ друга или обрядовыми разностями, или степенью отрицательнаго отношенія ихъ къ Церкви и государству. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимаетъ въ нихъ характеръ уже не раскола, а чистой ереси ⁹⁾. Еретическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи православной іерархіи, отверженіи таинствъ: евхаристіи, священства и брака, или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи, напр., вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба (артоса) и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ „Нѣтовщинѣ“, которая совершенно отвергнула всѣ таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: „пусть спасетъ, какъ Самъ вѣдаетъ“.

Послѣ раскольничьяго бунта московскаго правительство приняло особыя настоятельныя мѣры. Неутомимый патріархъ Іоакимъ составилъ пространное опроверженіе челобитной, представленной собору

7) Многія тысячи раскольниковъ, преступая клятву къ вѣрности царю, бѣжали за границу и завели тамъ гнѣздо раскола. Такъ основались въ Лифляндіи извѣстныя поселенія раскольниковъ по берегу Пейпуса. Другіе въ 1683 году перешли за рубежъ польскій и основали долго бывшую въ славѣ у раскольниковъ Вѣтку и столь же славное Стародубе. Иные дѣлали еще хуже: бѣжали въ Крымъ къ татарамъ и оттуда вмѣстѣ съ мусульманами то съ моря, то сухимъ путемъ дѣлали набѣги на Россію, грабили и убивали христіанъ; или скрывались въ гребняхъ Кавказа близъ рѣкъ Терекъ и Кумы и оттуда дѣлали набѣги на мирныхъ поселенцевъ, по примѣру дикихъ горцевъ.

8) Цѣль и предѣлы нашихъ Разказовъ не дозволяютъ намъ входить въ подробности исторіи раскола и его толковъ.

9) Не говоримъ здѣсь о ересяхъ случайныхъ, не составляющихъ сущности раскола, каковы, напр., мнѣніе Аввакума, что Троица тресущна въ трехъ равныхъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый сидитъ на четвертомъ престолѣ, содѣрствуя Троицѣ, что душа человѣка и ангелы плотовидны; или противоположное мнѣніе дьяка Ѳеодора, что Троица несѣкома, одно лицо. Подобныя мнѣнія зависѣли отъ личнаго невѣжества расколоучителей.

1682 года, сочиненіе, достойное христіанскаго пастыря и по духу, и по изложенію, въ которомъ видна обширная ученость, умъ глубокой и основательный. Оно составляетъ какъ бы отчетъ въ поправкахъ богослуженія, на которыя расколъ указывалъ, какъ на отступленіе отъ вѣры истинной. Каждой такой поправкѣ показаны основанія въ подлинной священной древности. „Увѣтъ духовный“ (такъ названо опроверженіе челобитной) разосланъ былъ ко всѣмъ архипастырямъ для чтенія по всѣмъ церквамъ. Сверхъ того патриархъ издалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій противъ раскола ¹⁰⁾ и отправилъ въ разныя мѣста избранныхъ имъ увѣщателей. Такъ архіепископъ холмогорскій Аванасій, возвратившись въ свою епархію, ревностно дѣйствовалъ тамъ противъ „поморянъ“ ¹¹⁾. Онъ собралъ обширную бібліотеку рукописей для вразумленія невѣждъ и написалъ для нихъ: „Щитъ вѣры“. Въ сибирскіе остроги и волости въ 1688 г. посланъ былъ іеродіаконъ Михаилъ „для исправленія церковныхъ догматовъ и духовныхъ дѣлъ“, поставленный послѣ въ игумена Енисейскаго съ тѣмъ же назначеніемъ ¹²⁾. Игнатій Корсаковъ въ 1689 г. въ санѣ Новоспаскаго архимандрита отправленъ былъ въ Кострому и Кинешму для увѣщанія тамошнихъ раскольниковъ. Казанскій митрополитъ Адрианъ написалъ для своей паствы „О крестномъ знаменіи“.

Письменная дѣятельность патриарха Іоакима не ограничивалась обличеніемъ расколо-учителей: онъ долженъ былъ вести борьбу и съ папизмомъ. Польско-латинское вліяніе начало беспокоить русскую іерархію еще при жизни Славеницкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій кіевскаго образованія стараго—еллино-славянскаго и новаго—польско-латинскаго, съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему кроткому и миролюбивому характеру Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ и своего несочувствія къ образу его мыслей, напр., указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца Вѣры“ Полоцкій принялъ не Никейскій, а мнимо-апостольскій католическій Символь вѣры. Когда Епифанію было поручено исправлять Библию, онъ не принялъ Полоцкаго въ число своихъ сотрудниковъ, какъ человѣка не знающаго греческаго языка, а знающаго лишь одинъ латинскій, и замѣтилъ, что вообще въ послѣднее

¹⁰⁾ Таковы: 1) «Извѣщеніе чудесе, бывшаго въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, о сложеніи трехъ первыхъ перстовъ, имже подобаетъ воображати крестное знаменіе на себѣ всякому православному христіанину, по древнепреданному отъ отцевъ преданію» напечат. 1677 г. 2) «Поученіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ» 1681 г. 3) «Слово благодарственное Господу Богу... за избавленіе Церкви отъ раскольниковъ 5 іюля 7190 г. 4) «Посланіе ко всѣмъ возлюбленнымъ святымъ, восточнымъ, православнымъ Церкви сынамъ»... 5) Списокъ съ соборнаго опредѣленія о казни Никиты Пустосвята. 1682 г. 6) Клятвенное объявленіе на ругатели св. иконъ послѣ 1684 года.

¹¹⁾ Истор. акты V, № 93.

¹²⁾ Тамъ же, № 160.

время въ Кіевѣ читають однѣ латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія Полоцкій, оставшись безъ соперниковъ, началъ еще рѣзче отъзываться о невѣжествѣ москвитянъ, держалъ себя заносчиво и гордо, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. Патріархъ Іоакимъ былъ сильно раздраженъ противъ гордаго придворнаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклоннической ереси“ (такъ какъ онъ училъ поклоняться хлѣбу въ евхаристіи до времени его дѣйствительнаго пресуществленія), называлъ его орудіемъ іезуитовъ. Но Полоцкій былъ недоступенъ для патріаршей власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку въ царѣ и при Дворѣ¹³⁾.

Симеонъ Полоцкій отличался также, какъ проповѣдникъ. Живая проповѣдь, давно уже замолкшая на сѣверѣ, начала подавать голосъ съ половины XVII вѣка, особенно по примѣру южной Руси. Еще патріархъ Никонъ дозволилъ Епифанію Славеницкому произносить иногда проповѣди, а въ 1667 году восточные патріархи Паисій и Макарій преподали благословеніе прихожанамъ церкви Іоанна Богослова имѣть по ихъ желанію священника-проповѣдника. Однако для русской Церкви нуженъ былъ примѣръ челоуѣка сильнаго, чтобы ослабить предубѣжденіе народное противъ проповѣди. И такимъ явился Симеонъ Полоцкій. Воспитанникъ южныхъ училищъ, даровитый ученикъ просвѣщеннаго и добродѣтельнаго Лазаря Барановича, учитель царскій, увѣренный въ благоволеніи своего вѣнценосца-воспитанника, Симеонъ, съ пылкимъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ жаждою дѣятельности, свободно сталъ на кафедрѣ. Успѣхъ проповѣдника былъ блистательный. Произнесенныя имъ поученія на воскресные дни („Обѣдъ душевный“, изданный въ Москвѣ, 1681) и на праздники („Вечеря душевная“ 1683) быстро распространились по Россіи; они стали извѣстны еще прежде, чѣмъ вышли изъ типографіи¹⁴⁾. Однакожь новость Полоцкаго для иныхъ была странностію, а тѣ, которымъ не нравилась власть его при Дворѣ, особенно желали найти въ новомъ что-нибудь худое. Патріархъ Іоакимъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на проповѣдника, но не могъ запретить ему¹⁵⁾. Впрочемъ, къ чести Полоцкаго, нужно сказать, что онъ, не ограничиваясь тонкостями кіевской схоластики, имѣлъ въ виду живыя, практическія цѣли и умѣлъ приспособляться къ потребностямъ и понятіямъ слушателей: онъ сильно

¹³⁾ Симеону Полоцкому особенно покровительствовалъ царь Феодоръ, который учился у него латинскому и польскому языку, такъ что Полоцкій сохранилъ свою силу и вліяніе при Дворѣ до самой своей кончины.

¹⁴⁾ Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1676 г. писалъ объ этихъ сочиненіяхъ къ Полоцкому: «Поученія недѣльныя и праздничныя скончалъ еси и оныя началъ еси читать въ перквѣ, имѣюще намѣрене въ книждо недѣлю и во всякій праздникъ народу прочитати».—Слѣдов. тѣ и другія поученія были говорены съ кафедръ.

¹⁵⁾ Патр. Іоакимъ называлъ «Обѣдъ душевный» исполненнымъ душевныхъ бѣдъ. Впрочемъ, уже по смерти Полоцкаго, произнося осужденіе на проповѣди его, патріархъ прибавилъ: «а могло бытъ, сочинитель имѣлъ другія мысли».

укорялъ духовенство за лѣность къ назиданію паствы, обличалъ невѣжество народа, раскола, грязные пороки, суевѣріе, остатки язычества—вѣру въ волшебство, въ нашептываніе, заговоры, встрѣчи, примѣты, ложныя чудеса и святыни, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купалы, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ объ умноженіи школъ и учителей.

Примѣръ Полоцкаго не остался безъ подражателей: въ Пермскихъ усолыяхъ умнаго Строганова, поощряемый его покровительствомъ, неизвѣстный по имени, приходскій священникъ городка Орла, написалъ книгу: „Статирь“ или поученія воскресныя и праздничныя, подражая, какъ самъ онъ говорилъ, поученіямъ святыхъ отцовъ,—премудраго Кирилла Транквилона и „трудолюбиваго, разумнаго отца Симеона Полоцкаго“. Сей неученый, но съ здравымъ смысломъ проповѣдникъ умно разсуждалъ о нуждѣ живой проповѣди. Но ему не легко обходилась проповѣдь его; невѣжи прихожане кричали: „здѣсь бывали у насъ священники добрые, но не дѣлали того, а жили попросту; откуда же этотъ вводитъ странности? Въ предисловіи къ „Статирю“ проповѣдникъ излагаетъ обстоятельства жизни своей въ любопытномъ разсказѣ, по которому можно судить о степени образованія нашего духовенства въ концѣ XVII вѣка.

Послѣднимъ трудомъ Полоцкаго была грамота для новой академіи ¹⁷⁾. Мы видѣли, что царь Феодоръ, не желая ограничиться одними начатками еллинскаго ученія, захотѣлъ устроить высшее училище—академію. Намѣреніе царя сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ Европы, и ученые стали являться изъ Польши съ намѣреніемъ занять мѣста наставниковъ въ будущей академіи. Въ 1681 году прибылъ въ Москву съ этою цѣлью нѣкто Янъ Бѣлободскій, бывший кальвинскимъ проповѣдникомъ въ Слуцкѣ. Симоновскій архимандритъ Гавріилъ Домецкій и Павелъ Негребецкій, выходецъ изъ Польши, вскорѣ изъ бе-

¹⁶⁾ Статирь или поученія воскресныя и другія числомъ 156, сочиненныя въ 1684 году неизвѣстнымъ приходскимъ священникомъ Пермской епархіи въ городѣ Орлѣ. (Рукопись Румянцев. Музея № 411).—Въ предисловіи авторъ говоритъ о самомъ себѣ: «Азъ поселянинъ сынъ и навозогребъ, сущій невѣжа, отца имамъ усмаря, дѣда мортягу, прадѣда скотопаса... къ дровосѣчеству немощенъ, къ земледѣланію лѣниавъ, къ куплѣ несмысленъ, въ просительство стыжуся и отъ послѣдней грубости поступихъ несмысленнѣ, воспріяхъ санъ діакона: не яко Богу служити, но тунежительства ради... И препроводихъ лѣтъ пятерицу во обители Пыскорскаго монастыря и ту покусихся отъ части святыхъ книгъ чтанія и воспріяхъ мало вѣдѣнія о законѣ Божіи... Воспріяхъ же и санъ священства, служихъ два лѣта во градѣ Соли-Камской... По сихъ возвѣсти Божія благодарятъ о мнѣ недостойнѣмъ благородному и великоименитому господину Григорію Дмитріевичу Строганову».—Далѣе повѣствуетъ, что Строгановъ перевелъ его къ церкви Похвалы Богородицы въ вотчинѣ своей на Орлѣ городѣ. «Убѣди же мя, невѣжду сушаго, въ церкви Божіи люди учити, зѣло бо онъ любляше поученія Божественнаго закона слушати».

¹⁷⁾ Въ превосходномъ сочиненіи г. профессора Моск. Дух. Академіи, доктора богословія, С. К. Смирнова: «Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи» (стр. 15 и 16), приведены доказательства того, что сочинителемъ грамоты нельзя признать никого другаго, кромѣ Симеона Полоцкаго, какъ представителя въ то время западнаго образованія въ Москвѣ и имѣвшаго большую силу при Дворѣ.

сѣдъ съ нимъ открыли его неправомысліе ¹⁸⁾. Бѣлободскій обличень былъ самимъ патріархомъ въ неправомысліи и не допущень въ училище. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію даже ученымъ изъ югозападныхъ областей русскихъ, которыхъ представлялъ ему Негребецкій, какъ мужей отлично образованныхъ и твердыхъ въ православіи. Русскій посланникъ въ Царь-градѣ Возницынъ, по волѣ царя, въ 1682 году обратился къ патріархамъ: цареградскому, антиохійскому и александрійскому съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и учении наставниковъ, и патріархъ Іоакимъ писалъ о томъ же къ патріарху іерусалимскому Досіею ¹⁹⁾.

Написанная Полоцкимъ грамота замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Академіи предназначалось быть верховнымъ училищемъ всѣхъ свободныхъ наукъ, храмомъ мудрости духовной и гражданской, со всѣми правами самостоятельнаго ученаго корпуса, какими пользовались въ то время европейскіе университеты: она должна была управляться совѣтомъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ избираемаго изъ среды изъ ихъ блюстителя или ректора, подлежала только собственному своему суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, могла пріобрѣтать всякаго рода имущество въ полную безотчетную собственность. Учащіеся изъ низшихъ сословій народа только чрезъ нее получали право на высшія степени государственной службы по части гражданской; для благородныхъ академической аттестатъ облегчалъ и сокращалъ производство, давая немедленно чины, соотвѣтственные успѣхамъ. Сверхъ того академіи принадлежало право завѣдыванія всею системой народнаго образованія и воспитанія: безъ разрѣшенія академіи не дозволялось нигдѣ заводить училищъ, ни даже имѣть домашнихъ наставниковъ и учителей. Иностранные ученые, пріѣзжающіе въ Россію, должны были подвергаться испытанію въ академіи и только на основаніи полученныхъ отъ нея свидѣтельствъ допускались къ свободному пребыванію въ государствѣ. Наконецъ, сообразно съ духомъ времени, академическая конференція облечена была грозною властью верховнаго судилища по дѣламъ вѣры и благочестія надъ людьми всякаго чина и званія. Ректору же и учителямъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ, и чтобы неучившіеся свободнымъ наукамъ не вступали въ состязанія о вѣрѣ.

Общія понятія о важности и цѣляхъ христіанскаго просвѣщенія изложены въ первомъ пунктѣ грамоты ²⁰⁾. Далѣе исчисляются предметы преподаванія: грамматика, шитика, реторика, діалектика, фило-

¹⁸⁾ Рукопись Моск. Дум. Акад. № 68.

¹⁹⁾ Исторія Слав. Гр. Лат. Академіи, стр. 11.

²⁰⁾ «Мудростію слава Божія умножается, православная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ чѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богознаніемъ просвѣщаются, иновѣрная царствія къ благовѣрію обращаются, правовѣрныя же ко извѣстнѣйшему познанію догматовъ вѣры достигаютъ и очищенія совѣсти хранить научаются».

софія разумительная (умозрительная), естественная (физика), богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ) и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія), право церковное и гражданское (ученіе правосудія духовнаго и мірскаго) и прочія свободныя науки.

Отъ блюстителя и учителей требовалась присяга въ твердомъ сохраненіи православія. Если кто изъ учителей пожелаетъ опредѣлиться на царскую службу, то не иначе можетъ быть принятъ, какъ съ свидѣтельствомъ ректора и прочихъ учителей. А за продолжительную усердную службу при академіи, засвидѣствованную ректоромъ, учителю обѣщается особая пенсія отъ щедротъ царскихъ.

Помѣститъ академію предназначалось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ для сего обѣщано построить до Неглинныхъ воротъ зданіе на казенный счетъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ приписывались къ Заиконоспасскому монастырю еще семь монастырей съ ихъ вотчинами. Сверхъ того царь прибавлялъ еще на содержаніе академіи свою дворцовую вышегородскую волость въ Верейскомъ уѣздѣ со всѣми угодьями и мельницами и нѣсколько пустошей. Наконецъ, чтобы обезпечить академію со стороны учебныхъ пособій, царь обѣщаль предоставить академіи царскую бібліотеку ²¹⁾.

Послѣ кончины Θεодора, не успѣвшаго привести въ исполненіе задуманнаго имъ великаго дѣла, бунтъ стрѣлецкій и волненія, поднятые раскольниками, отвлекли на время правительство отъ устройства академіи; впрочемъ ученіе въ типографской школѣ продолжалось. По укрощеніи мятежей, когда бразды правленія приняла царица Софія, заботы о начатомъ дѣлѣ образованія возобновились, и два ученые инока представили царевнѣ просьбы въ стихахъ о водвореніи наукъ въ столицѣ, по плану Θεодора. Первымъ былъ чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминоу, который въ ноябрѣ 1682 года поднесъ царевнѣ просьбу въ стихахъ: въ ней оиъ изображаетъ высокое значеніе мудрости, восхваляетъ умъ Софіи, напоминаетъ ей заботы отца ея и брата о просвѣщеніи своихъ поданныхъ и проситъ, чтобъ она умолила братьевъ своихъ Іоанна и Петра утвердить въ Москвѣ полный курсъ образованія ²²⁾. Другой былъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго; въ январѣ 1685 года оиъ представилъ царевнѣ грамоту царя Θεодора объ учрежденіи академіи и вмѣстѣ съ нею также свое стихотворное посланіе ²³⁾. Но вѣроятно вслѣдствіе вліянія патріарха Іоакима, который неблагопріятно смотрѣлъ на Медвѣдева, какъ поборника латинства, опасался видѣть его блюстителемъ будущей академіи, —

²¹⁾ Впрочемъ эту грамоту нельзя принимать за уставъ Академіи: въ ней же Царь неоднократно обѣщается выдать уставъ, напр. въ пунктѣ четвертомъ «блюстителю училищъ и учителемъ творити крестное цѣлованіе по чину, иже отъ Насъ В. Государя во уставъ Академическомъ». Тутъ самая грамота называется привилегією: «аще кто явится противность сему привилегію каковую привносй» и проч.

²²⁾ Ист. Слав. Грек. Лат. Академіи, стр. 396—400.

²³⁾ Древн. Росс. Вивлію., ч. VI.

привилегіи академіи не были утверждены руками царей. Въ это время въ Москву уже ожидали учителей греческихъ, за которыми посылали къ восточнымъ патріархамъ.

Въ мартѣ 1685 года прибыли въ Москву, послѣ многотруднаго и продолжительнаго путешествія, два родные брата—іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды ²⁴⁾. Они представили въ Посольскомъ приказѣ двѣ грамоты: одну отъ восточныхъ патріарховъ, свидѣтельствующую о ихъ православіи и учености, а другую отъ гетмана Самойловича, обласкавшаго путниковъ при проѣздѣ черезъ Малороссію. Цари и царевна приняли милостиво ученыхъ восточныхъ наставниковъ; для нихъ построены были особыя деревянные кельи въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Здѣсь начались труды Лихудовъ ²⁵⁾. Между тѣмъ приступлено къ постройкѣ обширнаго зданія для академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, чему всема много содѣйствовалъ и деньгами и распоряженіями сильный въ то время при дворѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго Лихуды называли своимъ „заступникомъ, защителемъ, помощникомъ, покровомъ и прибѣжищемъ“. Зданіе было окончено въ 1686 году: самъ патріархъ съ соборомъ духовенства присутствовалъ при открытіи его, и благословилъ перейти туда Лихудамъ съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря. Открылся полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ. Грамматику и піитику Лихуды преподавали на греческомъ, а реторику, логику и физику на обоихъ языкахъ. Успѣхи учениковъ такъ были блистательны, что они въ три года изучили означенныя науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ.

Но едва только первыя сѣмена науки начали приносить плоды, какъ учителя подверглись тяжкимъ искушеніямъ. Еще до пріѣзда

²⁴⁾ Фамилія Лихудовъ замѣчательна и древностію, и знатностію. Еще въ XI вѣкѣ князья Лихуды занимали высшія мѣста въ Греческой имперіи. Потомки ихъ, по разореніи Царьграда Турками, переселились на островъ Кефалонію. Здѣсь отъ одного изъ Лихудовъ, Марка, родились Іоаннъ и Спиридонъ, послѣ въ монашествѣ—Іоанникій и Софроній. Начатки ученія сообщилъ юнымъ Лихудамъ одинъ священникъ кефалонійскій; потомъ они учились богословію и философіи въ Венеціи и въ падуанской Академіи, гдѣ и получили докторскіе дипломы. Въ 1670 году возвратились въ Кефалонію, приняли постриженіе, посвящены въ іерейскій санъ, учили и проповѣдывали. Въ 1683 году въ мартѣ мѣсяцѣ оба брата отправились на венеціанскомъ кораблѣ въ Константинополь и здѣсь, выдержавъ испытаніе въ ученіи и православіи, по порученію патріарха Діонисія, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ неоднократно говорили поученія въ кафедральной церкви въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей. По предложенію патріарховъ, они охотно согласились ѣхать въ Россію.

²⁵⁾ На первый разъ перевели къ нимъ для обученія греческому языку пять учениковъ изъ типографской школы, а именно: Алексѣя Варсова, Николая Семенова-Головина, Ѳедора Паликарпова, Ѳедота Агѣева и Іосифа Аванасьева; къ нимъ присоединились чудовскій монахъ Іовъ и іеродіаконъ Богоявленскаго монастыря Палладій Роговъ. По переведеніи Академіи въ Заиконоспасскій монастырь къ нимъ присоединены всѣ ученики типографской школы, и вновь принято до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ.

Лихудовъ въ Москву начали распространяться въ народѣ неправильные толки о таинствѣ Евхаристіи, принесенные съ запада: нѣкоторые держались мнѣнія лютеранъ о значеніи хлѣба и вина въ Евхаристіи; другіе принимали ученіе римскихъ католиковъ о времени пресуществленія хлѣба въ Тѣло, и Кровь Христову. Въ девятый день по приѣздѣ Лихуды уже имѣли споръ о святой Евхаристіи съ Полякомъ Бѣлободскимъ въ присутствіи царей и придворныхъ. Бѣлободскій не могъ устоять въ спорѣ съ православными докторами богословія и наконецъ сознался, что онъ „непричастенъ богословія“. Но такое благоприятное окончаніе спора было только началомъ продолжительныхъ состязаній. Въ главѣ приверженцевъ римско-католическаго ученія о Евхаристіи стоялъ строитель Заиконоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по отзывамъ современниковъ „чернецъ великаго ума и остроты ученой“²⁶⁾. Онъ представилъ свои мысли въ сочиненіи, подъ названіемъ „Манна“, усиливаясь въ немъ доказывать, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христовы при произнесеніи словъ Спасителя, выражающихъ установленіе таинства: „примите, ядите, сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя“,—и не считалъ важными послѣдующія слова молитвы церковной, которою призывается на освящаемые Дары благодать Св. Духа. Для опроверженія сего мнѣнія Лихуды написали: „Акосъ или врачеваніе, противопологаемое ядовитымъ угрызениямъ змievымъ“,—и на основаніи многихъ свидѣтельствъ, взятыхъ изъ преданій апостольскихъ и писаній св. отецъ, изложили православное ученіе о времени пресуществленія. Противъ „акоса“ Сильвестръ написалъ: „тетрадь на Іоаннію и Софронію Лихудовъ“, на которую Лихуды отвѣчали „диалогами грека учителя къ нѣкому іесуиту“. Споръ зашелъ такъ далеко, что о высокиихъ предметахъ святѣйшаго Таинства даже простой народъ сталъ толковать на торжищахъ. Для престѣченія соблазна, патріархъ Іоакимъ вступилъ въ сношенія съ восточными патріархами, которые и прислали цѣлое собраніе церковныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ православное ученіе о св. Евхаристіи²⁷⁾. Сверхъ того онъ съ особенною пастырскою строгостію писалъ посланія къ духовнымъ властямъ кievскимъ, подозрѣвая, что ложныя мнѣнія первоначально возникли на югѣ Россіи, и получилъ отъ нихъ удостовѣрительныя листы, которыми они соглашались съ православнымъ ученіемъ и отвергали заблужденіе папистовъ²⁸⁾.

²⁶⁾ Въ то время еще сильна была партія сторонниковъ западнаго образованія—учениковъ незадолго передъ тѣмъ умершаго Симеона Полоцкаго. Во главѣ ея стоялъ Сильвестръ, враждебно расположенный къ Лихудамъ съ самаго ихъ приѣзда въ Москву. Потерявъ надежду быть главою академіи, онъ сталъ жаловаться, что Лихуды захватили подъ школы землю, принадлежащую его монастырю, что они посябаютъ въ ученикахъ плевелы ересей, и подобными клеветами успѣлъ при Дворѣ охладить расположеніе къ Лихудамъ.

²⁷⁾ Вся исторія этихъ споровъ подробно изложена въ статьѣ покойнаго А. И. Смирловскаго: «Братья Лихуды», въ журн. Мин. Нар. Просв. 1845 года.

²⁸⁾ По окончаніи указанныхъ сношеній, въ 1689 году, открытъ былъ въ Москвѣ соборъ, который предалъ анаемѣ поборниковъ папистическаго мнѣнія объ Евхаристіи и

Въ это время первосвятитель московскій могъ имѣть властное вліяніе на южнорусскую православную Церковь: кievская митрополія была уже подчинена патріарху московскому и всея Россіи.

При гетманѣ Самойловичѣ настало самое удобное время для соединенія Кіева съ Москвою въ церковномъ отношеніи. Мы видѣли, что это дѣло было близко къ успѣху при Богданѣ Хмѣльницкомъ и патріархѣ Никонѣ, но удаленіе послѣдняго и, наконецъ, низверженіе его отсрочило успѣхъ соединенія надолго. Теперь гетманъ Самойловичъ также сознавалъ необходимость быть вѣрнымъ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Хмѣльницкому, все въ Малороссіи старался подчинить своей власти, отъ всѣхъ требовалъ къ себѣ полнѣйшаго повиновенія; а патріархъ Іоакимъ, еще болѣе Никона, способенъ былъ устроить это дѣло, потому что онъ лучше Никона зналъ состояніе малороссійскаго духовенства, такъ какъ въ юности своей много лѣтъ провель въ Малороссіи ²⁹⁾.

Переписка между патріархомъ Іоакимомъ и гетманомъ Самойловичемъ относительно поставленія въ Кіевъ митрополита начинается съ 1683 года. Въ письмѣ къ Самойловичу (отъ 4 сентября 1683 г.) патріархъ высказываетъ глубочайшее сожалѣніе о томъ, что, по дошедшимъ къ нему слухамъ, кievская митрополія безъ начальнаго пастыря, кievскаго митрополита, всякаго благочинія лишилась. Дѣйствительно, положеніе іерархіи въ кievской митрополіи могло подать поводъ патріарху къ сожалѣнію и къ вмѣшательству въ дѣла митрополіи. Іерархія тогда совсѣмъ пала. Вмѣсто настоящихъ архіереевъ въ кievской митрополіи ходило много греческихъ и сербскихъ архіереевъ, изгнанныхъ патріархами и даже лишенныхъ сана, которые тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ въ Малороссіи настоящихъ архіереевъ, совершали всякія священнодѣйствія и рукоположенія. Но еще болѣе сильное побужденіе заботиться объ избраніи въ Кіевъ митрополита имѣлъ московскій патріархъ потому, что въ то же время могло выста-

---

опредѣлить предать сожженію ихъ сочиненія, въ томъ числѣ и «Манну» Медвѣдева; самъ онъ назначенъ въ заточеніе. Но, узнавъ о рѣшеніи собора, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ, лишенъ иноческаго сана и, подъ именемъ разстриги Семена Медвѣдева, сосланъ на покаяніе въ Троицко-Сергіеву лавру. Здѣсь въ декабрѣ того же года онъ написалъ покаянное исповѣданіе, каляся о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство дѣла. Въ 1683 году, по случаю избранія въ архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинскаго, гетманъ испросилъ благословеніе избранному отъ московскаго патріарха, а позднѣе самъ Варлаамъ, опасаясь, чтобы уніаты не завладѣли лаврою или по крайней мѣрѣ мѣстностями ея въ польскихъ владѣніяхъ, исходатайствовалъ себѣ у Іоакима утвердительную грамоту.

²⁹⁾ Патріархъ Іоакимъ имѣлъ постоянное сношеніе съ Малороссією. Съ 1676 года игумень Кіево-Межигорскаго монастыря ежегодно присылалъ своихъ монаховъ съ посланіями къ патріарху. Съ этими лицами, пріѣзжавшими изъ Малороссіи въ Москву, Іоакимъ могъ очень часто бесѣдовать о поставленіи въ Кіевъ новаго митрополита. Но особенно часто разговаривалъ объ этомъ патріархъ съ пріѣзжавшими въ Москву людьми гетмана и неоднократно писалъ о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство дѣла. Въ 1683 году, по случаю избранія въ архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинскаго, гетманъ испросилъ благословеніе избранному отъ московскаго патріарха, а позднѣе самъ Варлаамъ, опасаясь, чтобы уніаты не завладѣли лаврою или по крайней мѣрѣ мѣстностями ея въ польскихъ владѣніяхъ, исходатайствовалъ себѣ у Іоакима утвердительную грамоту.

вить претендента на ту же митрополию польское правительство, которое возобновило попытку привлечь въ унию представителей южно-русской іерархіи—епископовъ тѣхъ областей, которыя находились еще подъ польскимъ обладаніемъ. Одинъ изъ нихъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій, охотно согласился принять унию. Снискавъ себѣ такимъ образомъ расположеніе польскаго правительства, онъ началъ незаконно титуловаться администраторомъ кievской митрополіи и старался возбудить въ Малороссіи мятежъ противъ Москвы.

Вслѣдъ затѣмъ (въ 1684 г.), когда гетманъ Самойловичъ заботился о присканіи достойнаго лица для занятія престола кievской митрополіи, прибылъ въ Батуринь епископъ луцкій и острожскій Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, знаменитый происхожденіемъ и страданіями за вѣру православную ³⁰⁾. На съѣздѣ въ Кіевѣ онъ былъ избранъ на митрополию и тогда же изъявилъ неперемѣнное свое желаніе принять жезлъ архипастырскій не отъ кого другого, какъ отъ первосвятителя всероссійскаго въ Москвѣ. Послѣ продолжительной переписки о правахъ и преимуществахъ будущаго архипастыря кievскаго, цари и царевна изъявили полное согласіе на присоединеніе южной митрополіи; а патриархъ Іоакимъ съ великою радостію отвѣчалъ Самойловичу, что онъ согласенъ избраннаго архипастыря на престолъ кievской епархіи возвести и благословеніемъ его утвердить, во-первыхъ, потому что съ самаго начала распространенія христіанской вѣры въ Россіи митрополія была одна и повсюду Россіяне были въ повиновеніи и послушаніи всероссійскому престолу; во-вторыхъ, потому что когда соборомъ всѣхъ святѣйшихъ восточной Церкви патриарховъ устроился въ царствующемъ градѣ Москвѣ патриаршій престолъ, то на соборѣ повелѣно было всѣмъ россійскихъ престоловъ архіереямъ повиноваться патриаршему престолу московскому. Въ особомъ письмѣ къ Четвертинскому Іоакимъ приглашалъ его въ Москву для посвященія.

Прибывъ въ Москву съ многолюдною свитою духовныхъ и мірскихъ лицъ, Гедеонъ былъ посвященъ въ санъ митрополита кievскаго 8-го ноября 1685 г., при торжественномъ служеніи патриарха въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и въ присутствіи царей. Стоя предъ патриархомъ среди церкви на орлецѣ и произнося обыкновенную архіерейскую присягу, Гедеонъ давалъ обѣщаніе, что во всемъ будетъ

³⁰⁾ Онъ происходилъ изъ древнѣйшей княжеской фамиліи, ведшей свой родъ отъ Святополка-Михаила, внука Ярослава 1-го, отчего составилось и двойное имя Четвертинскаго: «Гедеонъ-Святополкъ, князь Четвертинскій». Онъ уже 25 лѣтъ носилъ санъ епископа луцкаго и острожскаго, бывъ посвященъ въ этотъ санъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Изгнанный изъ Луцка отступникомъ Шумлянскимъ, онъ рѣшился бѣжать изъ польскихъ владѣній, тѣмъ болѣе, что король и королева лично объявили ему, что если онъ не сдѣлается униатомъ, то будетъ сосланъ на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Тогда, писалъ Четвертинскій, «немошь челоувѣческую имый, устрашился абіе, соглядая сіе, яко не точю азъ имѣхъ быти въ толикомъ лишеніи, но и овцамъ словеснаго стада не возмоглъ быхъ помощи ни въ чемъ же, сего ради оставити престолъ мой и вся свои понужденъ есмь».

повиноваться московскому патриарху ³¹⁾. Послѣ посвященія, онъ получилъ драгоценныя дары отъ щедроты царской ³²⁾ и двѣ утвердительныя грамоты: одну отъ царей, другую отъ патриарха. Въ первой изъ нихъ подтверждены всѣ привилегіи, о которыхъ просилъ гетманъ ³³⁾, за исключеніемъ одной—права называться экзархомъ константинопольскаго патриархата. Въ грамотѣ, данной отъ патриарха, замѣтно стремленіе съ его стороны поставить Гедеона на такое же положеніе, въ какомъ были и другіе митрополиты, подчиненные московскому патриарху. Такъ онъ титулуетъ новопоставленнаго митрополита „митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ и малыя Россіи“, но ни разу не называетъ

³¹⁾ Вотъ слова присяги: «аще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдать... и послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святѣйшему киръ Іоакиму, патриарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и аще случится и по немъ благословеніемъ Божиимъ будущему святѣйшему патриарху московскому и всея Россіи и всему пресвященному собору.—Аще же, еже обѣщано здѣ мною что преступлю, и отцу моему, святѣйшему киръ Іоакиму, патриарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и по немъ будущимъ святѣйшимъ московскимъ и всея Россіи патриархамъ, и всему священному собору явлюся непослушень, или противень, или отъ него во особность восхошу отступити и епархію, мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ ему, отцу моему, святѣйшему патриарху и святому собору въ чемъ непослушно сотворю, и тогда абіе лишень буду сана своего и власти, безъ всякаго извѣта и слова».

³²⁾ Гедеонъ получилъ отъ царей для обветшавшаго и оскудѣвшаго Софійскаго собора: 1) богослужебныя сосуды золотыя съ финифтяными рисунками; 2) кованную изъ чистаго золота митру, украшенную драгоценными камнями, между которыми особенно замѣчательнъ большой превосходный сапфиръ; 3) полное облаченіе изъ персидской золотой парчи, обнизанной жемчугомъ. Эти утвари хранятся донныя въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора.—Лично Гедеону цари подарили множество соболей, великолѣпную карету, обитую бархатомъ, и шестерикъ лошадей. Всѣ лица свиты его были щедро одарены.

³³⁾ Въ письмахъ къ царю и патриарху гетманъ отъ своего имени и отъ имени духовенства просилъ, чтобы послано было изъ Москвы посольство въ Константинополь къ патриарху съ большою посылкою и просьбою, чтобы константинопольскій патриархъ прислалъ свое согласіе на подчиненіе кievской митрополии московскому патриарху. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ просилъ, чтобы соблюдены были права и преимущества кievской митрополии, чтобы оставлено было митрополиту прежнее облаченіе: митра съ крестомъ и предподношеніе креста; просилъ, чтобы избраніе кievскаго митрополита попрежнему совершалось вольными голосами, чтобы попрежнему дозволено было имѣть въ кievской митрополіи типографію и заводить школы, и о томъ наконецъ, чтобы патриархъ московскій совершалъ только посвященіе митрополита кievскаго, но въ суды и распоряженія его не вступался. Нельзя было просить только объ одной привилегіи кievскаго митрополита изъ указанныхъ духовенствомъ, именно—чтобы онъ назывался попрежнему митрополитомъ всея Россіи. Вмѣсто того гетманъ просилъ отъ своего имени, чтобы дозволено было кievскому митрополиту именоваться попрежнему «экзархомъ константинопольскаго трона», считая это названіе необходимымъ для того, чтобы православные епископы въ польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, что можетъ заставить весь народъ преклониться къ этому новому митрополиту. Въ царской грамотѣ утверждено за митрополитомъ право невозбранно печатанія книгъ, а также «и ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ: въ дѣлахъ же, приключающихся Малой Россіи, какъ въ военныхъ, такъ и въ расправныхъ, кievскимъ митрополитомъ воля быти не имѣть и вступатися не довлѣть». Запрещено имѣть какія-либо сношенія съ духовными особами державы польской безъ вѣдома и совѣта гетмановъ и потому всякая переписка «изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ» должна быть объявляема гетману, а чрезъ него всероссійскому престолу.

его митрополитомъ всея Россіи, какъ назывались до того времени кievскіе митрополиты. Дозволяя Гедеону носить митру съ крестомъ и пошеніе креста предъ нимъ въ его епархіи, патріархъ, „ради единчества“ съ прочими російскими митрополитами, повелѣваетъ носить бѣлый клобукъ, что до сихъ поръ не было въ обыкновеніи у кievскихъ митрополитовъ, по примѣру святителей восточныхъ. О неподсудности митрополита патріарху по дѣламъ администраціи (чего особенно добивался гетманъ) въ патріаршей грамотѣ не упоминалось ³⁴).

Послѣ того какъ Гедеонъ Четвертинскій принялъ посвященіе въ санъ митрополита кievскаго въ Москвѣ отъ московскаго патріарха и торжественно обѣщалъ повиноваться ему во всемъ, подчиненіе кievской митрополіи московскому патріархату уже совершилось на дѣлѣ. Но, пока константинопольскій патріархъ не изъявилъ своего согласія, присоединеніе не могло еще считаться совершенно законнымъ. При томъ гетманъ и Четвертинскій считали необходимымъ, чтобы константинопольскій патріархъ зналъ о совершающемся подчиненіи кievской митрополіи московскому патріархату и далъ на это свое согласіе: они опасались, чтобы вселенскій патріархъ не поразилъ ихъ своимъ проклятіемъ, чему уже бывали примѣры ³⁵). Немедленно послѣ посвященія Гедеона отправлено было посольство въ Константинополь и чрезъ годъ получены грамоты отъ патріарха константинопольскаго Діонисія и іерусалимскаго Досея, разрѣшающія подчиненіе южно-русской церкви московскому патріарху ³⁶).

Такимъ образомъ благоразумный и дѣятельный патріархъ Іоакимъ блистательно довершилъ то, чего не успѣли въ свое время сдѣлать великій патріархъ Никонъ и незабвенный гетманъ Богданъ Хмѣльницкій ³⁷). Присоединеніе кievской митрополіи къ Москвѣ имѣло весьма важное значеніе для современной церковной и государственной жизни. Съ одной стороны оно давало московскому первосвятителю возможность слѣдить за ученіемъ православной вѣры на югѣ, не допуская лжеученій, притекающихъ съ запада. Съ другой — предотвра-

³⁴) Подчиненные митрополіи киевской каедрѣ настояною царскою грамотою архіепископъ черниговскій и архимандритъ киевпечерскій не захотѣли оставаться въ вѣдомствѣ митрополита и представили отъ себя грамоты, утверждавшія независимость ихъ ни отъ кого, кромѣ патріарховъ. Вслѣдствіе сего новыми царскими и патріаршими грамотами черниговская епархія и киевпечерская лавра исключены изъ-подъ вѣдомства Гедеона и подчинены непосредственно московскому патріаршему престолу, при чемъ Черниговъ объявленъ первою архіепископіею, а лавра—первою ставропигіею всеросійскихъ патріарховъ.

³⁵) Такъ патріархомъ Паисіемъ былъ проклятъ гетманъ Брюховецкій, патріархомъ Меодіемъ—гетманъ Многогрѣшный. Это проклятіе патріарховъ много смущало гетмановъ, потому что подрывало народное къ нимъ довѣріе, и оба, подвергшіеся проклятію, гетманы усердно просили московское правительство, чтобы оно ходатайствовало за нихъ предъ патріархами.

³⁶) Обѣ эти патріаршія грамоты напечатаны въ приложеніяхъ къ «описанію Кіево-Софійскаго собора» митроп. Евгенія.

³⁷) Въ изложеніи дѣла о церковномъ подчиненіи Кіева Москвѣ мы преимущественно пользовались весьма подробнымъ и основательнымъ сочиненіемъ г. С. Тарновскаго: «Исслѣдованіе о подчиненіи кievской митрополіи моск. патріарху». Кіевъ 1872.

щалась возможность участія духовныхъ властей въ смутахъ, возбуждаемыхъ честолюбцами, которые постоянно находили поддержку въ мѣстномъ духовенствѣ ³⁸⁾. Наконецъ, самое соединеніе политическое, совершенное Богданомъ, оставалось непрочнымъ безъ единства религіознаго, которое одно могло связать неразрывными узами малороссійскій югъ и великороссійскій сѣверъ въ одну обширную Россію, посредствомъ единства Церкви.

Совершивъ великое дѣло соединенія, Іоакимъ явилъ себя самымъ глубокимъ политикомъ XVII вѣка, тѣмъ болѣе, что свѣтлый умъ его прозрѣвалъ еще далѣе для блага и силы Россіи. Въ немъ созрѣла обширная мысль: соединить подъ властію патріаршаго престола всея Руси, какъ основаннаго первозваннымъ апостоломъ, всѣхъ православныхъ нашихъ единоплеменниковъ на югъ Европы. Эту мысль подтвердилъ сербскій митрополитъ Савва II Бранковичъ, пріѣзжавшій въ Россію для сбора въ пользу своей каведры, разоренной междоусобіями ³⁹⁾. Выѣхавшій изъ Болгаріи въ Москву князь Ростиславъ Страшиміровичъ еще болѣе утвердилъ Іоакима въ его намѣреніяхъ: обласканный патріархомъ, онъ обѣщаль склонить къ церковному соединенію не только своихъ единосемцевъ, между которыми имѣлъ много приверженцевъ, какъ единственный потомокъ государей Болгарскихъ ⁴⁰⁾, но даже и Сербовъ съ Черногорцами и Молдаванъ съ Волохами. Іоакимъ надѣялся преклонить вселенскаго патріарха къ отказу отъ духовной власти надъ этими странами, какъ достигъ той же цѣли относительно Малороссіи; но племянникъ его Дубровскій, посланный имъ въ Царьградъ для предварительныхъ переговоровъ съ греческимъ духовенствомъ и турецкимъ правительствомъ объ этомъ дѣлѣ, едва спасся отъ разъяренной черни, когда въ Константинополѣ получено извѣстіе, что въ Москвѣ подписанъ (26 апрѣля 1686 г.) наступательный и оборонительный союзъ съ Польшею противъ Крыма и Турціи ⁴¹⁾. Эта неудачная попытка завоеванія Крыма, предпринятая по

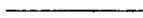
³⁸⁾ Вспомнимъ, что приближалось время Мазепы и что онъ уже не встрѣтилъ приверженцевъ среди духовенства (какъ прежде Дорошенко). Проникнутый чувствомъ церковнаго единства, Малороссійскій народъ заклеилъ вѣчнымъ позоромъ самое имя измѣнника. Церковь дала Петру средства сохранить Малороссію и побѣдить непобѣдимаго дотогѣ короля шведскаго.

³⁹⁾ Русск. Вѣстникъ 1865. № 5. Статья професс. Н. А. Попова: Сербы въ Австріи.

⁴⁰⁾ Онъ происходилъ отъ князя Страшиміра Александровича, сына одного изъ достопамятныхъ королей Болгарскихъ, проникавшаго даже до Адрианополя, при византійскомъ императорѣ Андроникѣ, и побѣдившаго потомъ Іоанна Кантакузена (Исторіографія початія имени, славы и расширенія народа славянскаго, собранная изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ г. Мавроурбина, архимандрита Рагужскаго. Перев. съ итальянскаго (Спб. 1722, стр. 332—334).

⁴¹⁾ Страшиміровичъ и Дубровскій приняли потомъ участіе въ возмущеніи Болгаръ противъ султана и едва успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Здѣсь поселился Страшиміровичъ, женившись на сестрѣ Дубровскаго, и оставилъ послѣ себя сына Савелья, родоначальника дворянъ Савельевыхъ-Ростиславичей. Всѣ свѣдѣнія о намѣреніяхъ патріарха Іоакима относительно Болгаръ заимствованы нами изъ статьи г. Н. Е—на: «Патріархъ Іоакимъ и заслуги его отечеству въ гражданскомъ, политическомъ и религіозномъ отно-

внушенію славолюбиваго князя В. Голицына, вопреки желанію патріарха Іоакима, вопреки убѣдительному моленію цареградскаго патріарха ⁴²⁾ и настояніямъ умнаго гетмана Самойловича ⁴³⁾—послужила препятствіемъ къ тому великому дѣлу, которое и доннѣ еще не вполнѣ совершилось: мы разумѣемъ здѣсь освобожденіе православныхъ Славянъ, и въ особенности многострадальнаго народа Болгарскаго, отъ греческой іерархіи и возвращеніе имъ права имѣть своихъ единоплеменныхъ архипастырей и возносить свои молитвы предъ престоломъ Божиимъ на своемъ родномъ языкѣ.

шеніяхъ» (Сѣвер. Пчела 1847. № 133—136). Въ этой статьѣ г. Е—нъ ссылается на какой-то «Хронографъ, собранный новелѣніемъ патріарха Іоакима», и на грамоты, пожалованныя царями Дубровскому и Страшиміровичу. Этого хронографа и грамотъ намъ не удалось отыскать.

⁴²⁾ Патріархъ Діонисій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, «зане дадутъ вину потребитися всѣмъ христіанамъ, которіи подъ симъ царствомъ безвинно» (Непереплетенный сборникъ Синод. бібліотеки подъ № IV. Переводы съ грамотъ л. 3).

⁴³⁾ «Пусть будетъ, какъ угодно великимъ государямъ,—говорилъ гетманъ,—а мнѣ кажется, нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этотъ миръ послѣ великой и страшной войны заключилъ блаженной памяти великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ, премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радѣнье въ томъ были. А теперь этотъ миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не для чего. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда-нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно» (Соловьевъ. Исторія Россіи XIV, 38).

Г Л А В А XI.

Послѣдній патріархъ Адріанъ. — Характеръ и дѣятельность царя Петра. — Отношенія его къ дѣламъ церковнымъ, къ духовенству великороссійскому и малорусскому и къ монашеству. — Монастырскій приказъ. — Святители: Іовъ новгородскій, св. Митрофанъ воронежскій, Стефанъ рязанскій, св. Димитрій ростовскій, Филоеей тобольскій, св. Иннокентій иркутскій, Теофанъ Прокоповичъ. — Взглядъ Петра на монастыри. — Положеніе монашества и бѣлаго духовенства. — Мѣры противъ раскола; дѣйствія Питирима. — Состояніе духовнаго просвѣщенія въ Кіевѣ и Москвѣ. — Церковные суды. — Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. синода.

Преемникомъ просвѣщеннаго и ревностнаго первосвятителя Іоакима былъ митрополитъ казанскій Адріанъ, послѣдній въ числѣ десяти патріарховъ московскихъ и всея Россіи. При выборѣ патріарха, высшія власти указывали на Маркелла, митрополита псковскаго, — чело-вѣка ученаго и образованнаго ¹⁾; но низшее духовенство было противъ Маркелла и указывало на Адріана. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла; но царица Наталья Кирилловна съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ стояла за Адріана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать ино-вѣрцамъ. Враги Маркелла пересилили, и Адріанъ былъ возведенъ на патріаршество ²⁾.

Новый патріархъ крѣпко стоялъ за старые обычаи: онъ преда-валъ анаемѣ брадобритіе ³⁾ и вооружался противъ употребленія та-

1) «Исторія Россіи» проф. Соловьева XIV. 154. Маркеллъ, родомъ изъ южныхъ сла-вянъ, служилъ прежде въ посольскомъ Приказѣ переводчикомъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, польскаго и татарскаго языковъ; по постриженіи въ монашество былъ въ па-тріаршемъ дворѣ судьей въ тѣнскаго палатѣ; потомъ архимандритомъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря; въ 1680 году посвященъ въ санъ архіепископа Суздальскаго; 6 сентября 1682 г. назначенъ митрополитомъ въ Псковъ, а 8 сентября 1691 года переведенъ въ Ка-зань («Святыши и древности Пскова», стр. 13).

2) Гордонъ II. 309—311.

3) Въ сильномъ посланіи противъ брадобритія «еретическаго безобразія, уподобляю-щаго челоуѣка котамъ и псамъ», патріархъ страшалъ русскихъ людей вопросомъ: «если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: съ праведниками ли, украшен-ными брадоу, или съ обрѣтыми еретиками?» Устряловъ III, 193.

бака столько же, какъ и противъ лжеумствованій лютеранскихъ ⁴⁾. При немъ усилилось противодѣйствіе южно-русскому образованію; одинъ несчастный случай еще болѣе утвердилъ іерарховъ въ подозрительности къ западнымъ ученымъ ⁵⁾.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, риторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля ученые греки выдвинули напередъ отцевъ Церкви, вмѣсто латыни—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній насчетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кievскихъ ученыхъ. Отправляясь въ Россію, Лихуды дали ему обѣщаніе учить москвичей только по-гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обѣщанія, Досиѳей (1693 г.) отправилъ въ Москву три посланія — къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латыни; Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи и не подготовили ни одного учителя, и грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи, предоставивъ имъ преподавать итальянскій языкъ на печатномъ дворѣ; но Досиѳей не былъ доволенъ и этимъ: онъ требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ костромской Ипатьевскій монастырь ⁶⁾. Мѣсто ихъ въ академіи заняли ихъ

⁴⁾ Въ одной проповѣди патр. Адрианъ жаловался на то, что многіе «отъ пипокъ табакскихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человекъ это выдумалъ... Едва только св. книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учить архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устроить чинъ церковный». Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ по старому учились у своихъ духовныхъ отцовъ.

⁵⁾ При Адрианѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьяконъ, Петръ Артемьевъ, который ѣздилъ учиться въ Венецію; этотъ болѣзненный и нервный человекъ попалъ тамъ въ руки іезуитовъ и былъ доведенъ ими до такого фанатизма, что по возвращеніи въ Россію началъ горячо отстаивать и проповѣдывать свои латинскія убѣжденія даже съ церковной кафедрой. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ крѣпкое заточеніе на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на Западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученыхъ етешини, и какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, укрывательству своихъ убѣжденій, должнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого въ Москвѣ не стали вѣрить заграничнымъ воспитанникамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ Церкви.

⁶⁾ Впрочемъ Адрианъ въ письмѣ къ Досиѳею старался защищать Лихудовъ, ссылаясь на прежнія похвалы имъ самого Досиѳея. Досиѳей отвѣчалъ ему: «говорятъ, что я прежде хвалилъ ихъ (Лихудовъ), зачѣмъ же теперь порицаю ихъ? Но говорить такъ не Толстаго. — Исторія Русск. Церкви.

ученики, при которыхъ латинскій языкъ уже совершенно былъ изгнанъ изъ академіи.

Все это происходило въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь, сначала подъ опекою Софїи, потомъ подъ вліяніемъ матери, далеко несвободной отъ предразсудковъ старины ⁷⁾, наконецъ, въ соправительствѣ старшаго брата ⁸⁾, не пользовался полнотою самодержавной власти. Но освободившись отъ всѣхъ препонъ, связывающихъ его руки, Петръ явился геніальнымъ преобразователемъ своего государства.

И прежніе цари изъ дома Романовыхъ предпринимали преобразования, но по характеру своей церемоніальной, неподвижной, дворцовой жизни и своего исключительно церковнаго образованія, они только могли писать грамоты изъ дворца, обличать нестроенія, выставлять новыя требованія на бумагѣ, направленныя не столько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старыхъ обычаевъ при новыхъ порядкахъ. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, связывавшаго дѣятельность его предшественниковъ, и отъ древняго быта. Религіознаго воспитанія онъ не получилъ ни въ правилахъ кievской схоластики, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія: отсюда готовность у него къ воспріятію новыхъ понятій въ религіозной сферѣ и свѣтскій характеръ его реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало очевидной пользой: его заняли не кievская элоквенція съ діалектикой, а корабли, пушки, крѣпостныя работы, ремесла,—то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россією, для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, несмотря на свою религіозную замкнутость; это былъ уже не ученикъ реторики, какъ братъ его царь Θεодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человѣкъ совершенно реальнаго направленія. Это направленіе сблизило его съ Нѣмецкой слободой, безъ которой онъ не находилъ удовлетворенія своей любознательности. Для его предшественниковъ, для большинства русскихъ людей знаться съ еретиками было страшно, для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этого страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, какъ къ друзьямъ и учителямъ.

благоразумно. Христось Сердцевѣдецъ избралъ Іуду и сдѣлалъ его апостоломъ, какъ доброга, а когда онъ сталъ золь, отринулъ его. Такъ и намъ учителя показались на видъ смиренными, и мы думали, что у нихъ сердце доброе, а они оказались послѣ злыми и лукавыми, и мы писали о ихъ злобѣ и лукавствѣ, которыя вы и сами видѣли; и не было нужды писать объ этомъ много грамотъ, но слѣдовало бы вамъ послѣ первой же грамоты сослать ихъ куда-нибудь дальше, чтобы они не оставались въ Москвѣ и не писали, что имъ вздумается; они смиряться не умѣютъ и пишутъ сюда всякую ложь, отъ чего можетъ произойти зло» (Ист. Моск. Академіи, С. К. Смирнова, стр. 70 и 71). Впрочемъ Лихуды были сосланы въ Кострому уже въ 1701 г. по кончинѣ патр. Адріана.

7) Царица Наталья Кирилловна такъ ненавидѣла иностранцевъ, что никогда не допускала ихъ пѣловать ея руку.

8) Царь Іоаннъ, «скорбный главою», умеръ незамѣтно, какъ и жилъ, 29 января 1696 года.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, Милославскихъ, царевенъ-тетокъ и царевенъ-сестеръ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатлѣніями вѣчныхъ жалобъ матери, постоянно раздражаемый указаниями окружающихъ на отнятую у него власть, на его заброшенность въ Преображенскомъ, на торжество нелюбимой родни. Еще въ XVI вѣкѣ былъ у насъ царь, воспитанный подъ такими же впечатлѣніями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра выработывался царь такой же грозный, съ такою же ревностію къ своей власти, съ болѣзненной ненавистью къ религіозному суевѣрію и религіозной исключительности. Но отъ кровожаднаго мучительства Іоаннова спасла его высокая задача, которую онъ поставилъ цѣлью всей своей жизни и для которой трудился, напрягая всѣ силы духовныя и тѣлесныя, силы исполинскія въ сравненіи съ обыкновенными силами человѣческими ⁹⁾. Задачей его было образовать русскій народъ и посредствомъ образованія довести его до возможно высшей степени политическаго могущества и экономическаго благосостоянія. Съ давнихъ поръ и донинѣ противъ Петра слышится упрекъ въ увлеченіи иноземцами, въ поклоненіи Западу, въ пренебреженіи русской народностію. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого упрека. Россія въ ея идеальномъ видѣ была для Петра—все на землѣ; за нее онъ готовъ былъ жертвовать жизнью ¹⁰⁾. Западъ же для Петра былъ только орудіемъ,—орудіемъ цѣннымъ, пока цѣль еще не достигнута ¹¹⁾.

Къ несчатію, еще въ началѣ Петръ встрѣтилъ страшные бунты мнимыхъ старовѣровъ, волненіе невѣжественныхъ массъ, подъ личною вѣрой и во имя древняго православія, потомъ заговоръ на жизнь его и мятежное возстаніе стрѣльцовъ. На это возстаніе царь отвѣчаетъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ пытками и жестокостями, какихъ исторія не видала со временъ Грознаго; это былъ актъ не правосудія, а ожесточенной ярости царя, который въ это время, по словамъ современниковъ, былъ какъ левъ рыкающій ¹²⁾. Странные застѣнки Преображенскаго постоянно наполнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней, орудіе крутой воли Петра—суровый князь-кесарь Ромодановскій непрестанно, по собственнымъ словамъ его, „кровьми омывался“. Такъ съ самаго начала Петровская реформа

⁹⁾ Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ великихъ дѣлахъ Петра; мы постараемся ограничиться взглядомъ на отношеніи его къ Церкви и духовенствѣ, пользуясь съ благодарностью превосходною рѣчью г. профессора Кіев. Дух. Ак. Ф. А. Терновскаго (Труды Кіев. Дух. Акад. 1874 г., октябрь).

¹⁰⁾ «А о Петрѣ вѣдайте, говорилъ онъ передъ Полтавскою битвою, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славу и благоденствію».

¹¹⁾ «Европа, писалъ Петръ, нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ».

¹²⁾ Ярость царя не пощадила и его семейства: царевны Софья и Марѳа, мутившія стрѣльцовъ, и супруга царя, Евдокія Лопухина, державшаяся старинной партіи, были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ-Суздальскомъ монастырѣ, который принялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженницу, великую княгиню Соломоію, супругу Василя Іоанновича.

получила крутой и даже фанатическій характеръ и стала вводиться насильственными и жестокими средствами.

Но, несмотря на ненависть къ суевѣрiю, напрасно обвиняютъ Петра въ недостаткѣ вѣры. Въ виду громадности предстоящихъ работъ, Петръ считалъ первымъ долгомъ какъ для себя, такъ и для своихъ подданныхъ „безустанннй трудъ“, физическiй и умственный, ремесленннй и военннй. И въ этой любви къ труду мы видимъ первую черту религiознаго характера Петрова. „Молись и трудись“,—говаривалъ онъ, а также: „аще кто не хочеть дѣлати, ниже да ясть“. „Мы,—писалъ царь изъ Голландiи патр. Адриану,—послѣдую слову Божiю, бывшему ко праотцу Адаму, въ потѣ лица трудимся“. „Мы,—писалъ царь въ другой разъ почти въ тѣхъ же выраженiяхъ боярину Стрѣшнему,—по заповѣди Божiей къ праотцу Адаму, въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ“. Какъ человекъ умный и много искушавшiй, Петръ не могъ не замѣтить, что часто самыя усиленныя труды ни къ чему не ведутъ, что для успѣха нужно еще что-то. Что же именно? „Благословенiе Божiе“,—рѣшилъ Петръ, по крайней мѣрѣ въ примѣненiи къ себѣ. „Быть трудолюбивымъ и честнымъ,—разсуждалъ Петръ, вотъ лучшая политика человека, власть имущаго; приносить она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословенiе Божiе“. Эта идея о волѣ Божiей, всѣмъ управляющей, о необходимости помощи Божiей, Божьяго благословенiя для успѣшнаго труда, проникаетъ всю общественную дѣятельность Петра и даетъ ей христiанскiй отбѣнокъ. Обращенiе царя къ Промыслу Божiю оживало съ особенною силою при радостныхъ или торжественныхъ событiяхъ ¹³⁾. Воззванiе къ промыслу Божiю не было чуждо Петру и при неудачахъ ¹⁴⁾.

Въ трудныхъ для совѣсти случаяхъ, которые, впрочемъ, при опредѣленности возрѣвнiй Петра, были у него очень рѣдки, онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ обращаться къ свѣту закона Божiя и освѣщать имъ путь свой. Таково было дѣло царевича Алексѣя. Петръ призывалъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ принять участiе въ разбирательствѣ этого труднаго для его совѣсти дѣла ¹⁵⁾.

¹³⁾ По случаю взятiя Азова царь писалъ Шереметеву: «письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостiю приняли и Господу Богу сердечно благодарили; ибо таковыя слухи Ему Единому приписывать достойно». При извѣстiи о заключенiи мира со Шведами царь писалъ: «николи наша Россiя такого полезнаго мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались. За еже все да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, выну хвала».

¹⁴⁾ Послѣ неудачи на берегахъ Прута Петръ писалъ въ Сенатъ: «Такъ воля Божiя благоволила и грѣхи христiанскiе допустили... Но мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать».

¹⁵⁾ Духовнымъ лицамъ царь между прочимъ писалъ слѣдующее: «Хотя довольно власти надъ сыномъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить. Ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другiе въ ихъ. Такожъ и врачи, хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ сiю болѣзнь свою вручаю вамъ, прося лѣченiя оной, бояся вѣчныя смерти. Да взыщите и

Нельзя сказать, чтобы религиозное сознание, внушавшее Петру во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ благоговѣніе къ закону Божію, было всегда безошибочно. Строгость перевѣшивала въ немъ милосердіе, и, казня преступниковъ, Петръ почти всегда забывалъ изреченіе Апостола: „и хвалится милость на судъ“. Въ этомъ отношеніи любопытна одна сцена изъ эпохи стрѣлецкихъ казней. Патріархъ Адріанъ, вспоминая старинную обязанность святителя печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступниковъ. „Зачѣмъ ты здѣсь?—вскричалъ Петръ,—развѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто;—знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“. „Я думаю,—сказалъ даже царь,—что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ“. Но въ другомъ подобномъ случаѣ, Петръ поступилъ иначе: когда онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ для казни стрѣльцовъ, и преступники уже были подведены къ плахѣ, вдругъ изъ толпы народа бросается къ ногамъ раздраженнаго государя игуменья Смоленскаго дѣвичьяго монастыря Марѣа, съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Это неожиданное зрѣлище такъ поразило царя, что онъ подалъ знакъ остановить казнь, и вскорѣ милость восторжествовала надъ справедливымъ гнѣвомъ; Петръ почувствовалъ сладость прощенія и, въ благодарность Марѣѣ, приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, что онъ все готовъ исполнить. Тогда благочестивая старица просила построить въ обители ея каменную церковь, вмѣсто деревянной, и просьба ея была исполнена¹⁶⁾.

Какъ человѣкъ искренно вѣрующій, Петръ естественно долженъ былъ молиться. Къ внѣшнему богопочтенію Петръ относился довольно свободно. По праздникамъ Петръ ходилъ въ церковь, при чемъ, по живости характера, любилъ принимать участіе въ богослуженіи: пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостоль, но богомольемъ особеннымъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгиѣ земные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчей предъ образами, любовь къ добродушнымъ колоколамъ и проч. были не въ духѣ царя. Тѣмъ не менѣе были въ многотрудной жизни Петра такія минуты, когда онъ молился съ полною горячностью и искренностью. Такъ, послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, приставъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, Петръ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудномъ спасеніи. Такъ, на поляхъ Полтавскихъ, надъ могилою убитыхъ воиновъ, Петръ, конечно волнуемый

покажете отъ св. писанія истинное наставленіе и разсужденіе... дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семь дѣлъ имѣли». Свѣтскимъ лицамъ увѣщаніе отъ царя было въ томъ же родѣ: «Не флатируя, сирѣчь похлебствуя мнѣ и несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія».

¹⁶⁾ Отеч. Записки Свиньина № 76 (Августъ 1826), стр. 271 и 272.

самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущениями, во-
друзилъ собственноручно крестъ съ надписью: „воины благочестивые,
за благочестіе кровію вѣпчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Сло-
ва 1709“. Такъ во время пребыванія въ Карлсбадѣ, Петръ часто уда-
лялся на близъ лежащую гору для уединенныхъ молитвъ. И доселѣ
деревянный крестъ обозначаетъ тамъ мѣсто царской молитвы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, въ виду осмѣянія суевѣрій и старыхъ
обычаевъ, позволялъ себѣ грубыя и кощунственныя забавы ¹⁷⁾, соблаз-
нявшія вѣрующихъ людей. Брадобритіе, нѣмецкое платье, праздни-
ваніе Новаго года 1 января (вмѣсто 1 сентября) и другія нововведе-
нія возстановляли читателей старины противъ царя преобразователя.
А преслѣдуемые Петромъ изувѣры раскольники принимали его за
антихриста.

Патріархъ Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ
духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ
былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Мо-
сквы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ мона-
стырѣ ¹⁸⁾. Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было ма-
ло, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ: безучастное
положеніе первосвятителя было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ поряд-
ковъ, только безмолвнымъ. Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нрав-
ственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого
взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было
какихъ-нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана, достаточно
было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде;
теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ
такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно,
могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ времена патріарха Нико-
на. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался, и возникъ трудный во-
просъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочув-
ствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было
выбрать даже такого патріарха который давалъ право надѣяться на
одно только безмолвіе съ своей стороны? Петръ рѣшился повременить
избраніемъ патріарха. Управление церковію на время поручено было
„мѣстоблюстителю патріаршаго престола“. Съ этого времени идетъ не-
прерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ Русской церкви.

Патріаршій домъ, дома архіерейскіе и монастырскія дѣла пове-
лѣно вѣдать боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину: „сидѣть на патрі-

¹⁷⁾ Таково, напр., учрежденіе «всепугѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», во главѣ ко-
торого былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоани-
кита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ
этомъ соборѣ разныя должности—эклезіарховъ, діаконовъ и проч.; самъ царь принялъ на
себя должность протодіакона. Кромѣ того былъ еще князь-папа, съ своей коллегией карди-
наловъ, и князь-игумень.

¹⁸⁾ Въ народѣ говорили: «какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантии
да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ».

аршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ“. Велѣно переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно. Монахи въ кельяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернилъ и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отецъ. Ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ монастыряхъ нельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе нравственности въ монастыряхъ и на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ. Затѣмъ послѣдовала хозяйственная реформа: въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики станутъ давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ отставлены; вмѣсто нихъ опредѣлены приказчики изъ мірянъ. Наконецъ знаменитый указъ 1702 года опредѣлилъ назначить монашествующимъ опредѣленное (весьма ограниченное) количество денегъ и хлѣба, а затѣмъ всѣ остатки назначены на пропитаніе нищихъ въ богадѣльняхъ и въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ.

Понятно, что такія распоряженія не могли не быть неприятными для высшаго духовенства. Можетъ быть, въ этомъ заключалась одна изъ сильнѣйшихъ причинъ, почему Петръ встрѣчалъ въ немъ постоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ преобразованіямъ, особенно въ духовенствѣ великорусскомъ, какъ болѣе обиженномъ притѣсненіями монастырскаго приказа и не имѣвшемъ достаточного для цѣлей реформы образованія. Въ этомъ сопротивленіи видамъ Петра, доходившемъ иногда до преступленія, оказывались виновными не только священники и монахи, но даже и архіереи ¹⁹⁾. Большая часть іерарховъ великорусскаго происхожденія подражала безмолвію патріарха; и только весьма немногіе выражали дѣлами свое сочувствіе Петру, какъ Аѳанасій холмогорскій и Тихонъ казанскій. Первый былъ лично извѣстенъ царю своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, которые пріѣзжали къ архангельскому порту; послѣдній доставлялъ значительныя пожертвованія на содержаніе войска.

Въ особенности пользовались уваженіемъ царя Петра два совре-

¹⁹⁾ Такъ по дѣлу царевича и царицы пострадали и духовники ихъ, Яковъ Игнатьевъ и Ѳедоръ Пустынный (оба казнены), многіе монахи и монахини. Доснеей, епископъ ровоскій (по разстриженіи Демидъ Глѣбовъ), за пророчество у скорой смерти царя и за ложныя видѣнія, которыми онъ дѣйствовалъ на царицу Евдокію, колесованъ. Липены сана: Исаія, митрополитъ нижегородскій, за то, что потворствовалъ раскольникамъ и видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и Игнатій епископъ тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ—антихристъ.

менныхъ ему святителя: Іовъ, митрополитъ новгородскій, и св. Митрофанъ, первый епископъ воронежскій.

Іовъ, постриженникъ и впослѣдствіи архимандритъ Сергіевой лавры, митрополитъ новгородскій съ 1697 года, завелъ въ своей епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ. Главными сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были греки братья Іоанникій и Софроній Лихуды, заточенные, какъ мы уже видѣли, въ костромской Ипатіевскій монастырь. Іовъ выпросилъ ихъ у царя Петра и, съ помощію ихъ, въ 1706 г. учредилъ при домѣ своемъ два училища—греко-латинское и словенское. Для помѣщенія ихъ онъ построилъ, подлѣ своего архіерейскаго дома, обширное двухъэтажное зданіе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они довели своихъ учениковъ до реторики и логики, обучивъ ихъ сверхъ того греческому и латинскому языкамъ. Черезъ учениковъ, получившихъ образованіе въ этихъ училищахъ, митрополитъ завелъ потомъ до четырнадцати русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и монастырямъ обширной своей епархіи.

Кромѣ занятій по училищу, Лихуды трудились надъ сочиненіями и переводами книгъ съ греческаго и латинскаго на русскій языкъ. Для пособія имъ митрополитъ Іовъ вызвалъ изъ Москвы нѣкоторыхъ прежнихъ учениковъ ихъ (іеродіакона Каріона Истомина, Николая Семенова и другихъ) и такимъ образомъ учредилъ при своемъ домѣ „общество переводчиковъ ²⁰⁾“. Кромѣ этихъ учрежденій, клонившихся къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, митрополитъ Іовъ достопамятенъ еще другими заботами, дѣлающими честь его человѣколюбію. Онъ съ 1706 г., на иждивеніе своихъ вотчинныхъ доходовъ, завелъ въ Новгородѣ три больницы, страннопріимницу и домъ для незаконнорожденныхъ и подкидышей. Этотъ воспитательный домъ былъ устроенъ въ приписанномъ къ архіерейской каѳедрѣ упраздненномъ монастырѣ Колмовѣ, на берегу Волхова, близъ Новгорода. Іовъ живалъ здѣсь лѣтомъ и самъ наблюдалъ за своими „найденышками“. Государь, узнавъ объ этихъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ, въ 1712 и 1713 гг., повелѣлъ на содержаніе ихъ приписать къ новгородскому архіерейскому дому половину монастырскихъ вотчинъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и Галилейскую пустынь въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Деревской пятинѣ, бывшую до того времени за Воскресенскимъ монастыремъ; въ 1714 году обратилъ въ воспитательный домъ для пріема несчастнорожденныхъ и всякихъ младенцевъ богадѣльню сестры своей, царевны Наталіи ²¹⁾.

²⁰⁾ Изъ сочиненій, составленныхъ Лихудами въ Новгородѣ, извѣстны: 1) обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина; 2) противъ гадателей Библии; 3) слово о Софіи—Премудрости Божіей, соч. 1708 г. (Рук. Румян. Муз. № 244); 4) похвальное слово св. Варлааму Хутынскому и житіе преподобнаго (Рук. Хутынск. монастыря). Кромѣ того, переведены съ греческаго и исправлены канонъ и стихиры Софіи Премудрости Божіей.

²¹⁾ Голиковъ, изд. 2-е, г. V, стр. 226. Въ 1715 году царь повелѣлъ указомъ во всѣхъ городахъ имперіи, у церкви при оградахъ, сдѣлать госпитали, «по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ».

Достигнувъ глубокой старости, Іовъ нѣсколько разъ просился на покой въ Троицкій монастырь, въ которомъ принялъ постриженіе, или въ Колмовъ, гдѣ завелъ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ; но государь удерживалъ полезнаго дѣятеля на его мѣстѣ. Досточтимый святитель скончался 3 февраля 1716 г. ²²⁾.

Св. Митрофанъ знаменитъ не школьною ученостію, но святостію жизни и содѣйствіемъ Петру въ усердномъ радѣніи о благѣ родной земли.

Михаиль (мірское имя св. Митрофана) происходилъ изъ духовнаго званія и провелъ большую часть жизни въ быту семейномъ. Овдовѣвъ ²³⁾, онъ на 40 году постригся въ Золотниковской обители, недалеко отъ Суздаля. Тамъ же и послѣ въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ былъ онъ настоятелемъ.

Въ 1682 г., когда нужно было избрать перваго епископа воронежскаго царь Феодоръ, благоговѣвшій къ препод. Макарію, избралъ „ученика и намѣстника его, игумена Митрофана, мужа истинно праведнаго и святаго“, какъ говоритъ современная монастырская записка ²⁴⁾. Новыя епархіи, въ томъ числѣ и воронежская, открыты были тогда съ тою цѣлію, чтобы ближайшій надзоръ святителей могъ во время видѣть замыслы лжеучителей, принимать мѣры для противодѣйствія расколу. Митрофанъ посвященъ во епископа воронежскаго 2 апрѣля 1682 г. патриархомъ Іоакимомъ съ 16 архипастырями. Здѣсь же въ Москвѣ пришлось ему убѣдиться въ значеніи раскола для церкви и государства: онъ былъ свидѣтелемъ кроваваго неистовства стрѣльцовъ противъ ненавистныхъ имъ бояръ и буйства Никиты Пустосвята съ его шайкой въ Грановитой Палатѣ. Нельзя было не удержать до гроба въ душѣ этихъ страшныхъ сценъ. И святитель Митрофанъ до гроба былъ столько же твердымъ обличителемъ своеволій невѣжественнаго раскола, сколько ревностнымъ попечителемъ о благѣ государственнымъ.

Проникнутый духомъ ученія Христова, святитель былъ искреннимъ чтителемъ власти царской и усерднымъ попечителемъ о благѣ православнаго царства. Царь Петръ Великій готовился тогда къ войнѣ съ магометанскимъ царствомъ и для осады Азова съ моря строилъ на воронежской верфи корабли разныхъ размѣровъ. Святитель Божій старался помогать царю и молитвою и словомъ увѣщанія. Онъ объяснялъ при каждомъ случаѣ, какъ благодѣтельны намѣренія госуда-

²²⁾ Митр. Іовъ ревностно и съ успѣхомъ подвизался противъ раскола. Послѣ него остались сочиненія: противъ раскольниковъ, о рожденіи антихриста; письмо къ Черкашеву о крещеніи (у Толстаго, IV № 59); три книги писемъ его въ новгородской софійской библ.; духовное завѣщаніе его въ III ч. Описанія Соловец. мон., стр. 257—263. При немъ составлена третья новгородская лѣтопись, лѣтопись преимущественно о храмахъ (Собр. лѣт. III, 205—279).

²³⁾ Въ одномъ изъ писемъ своихъ святитель упоминаетъ о сынѣ своемъ Иванѣ Михайловичѣ, служившемъ въ званіи подьячаго.

²⁴⁾ Описаніе Макаріева Унженскаго монастыря стр. 17 и 21.

ря для церкви и отечества, столько лѣтъ страждущихъ отъ дикаго магометанства. Когда же строеніе кораблей встрѣтило себѣ затрудненіе, вопреки стараніямъ царя, въ недостатокѣ денегъ, святитель поспѣшилъ отвратить это препятствіе. Собравъ всѣ деньги, какія были у него при каедрѣ, онъ принесъ ихъ государю и сказалъ: „всякій сынъ отечества долженъ отъ своего достатка помогать нуждѣ государственной; прими же, государь, отъ моихъ издержекъ оставшіяся деньги и употреби ихъ противъ невѣрныхъ“. Тронутый Петръ принялъ это пособіе изъ рукъ святителя, какъ залогъ благоволенія Божія къ его предпріятію. И въ послѣдующее время св. Митрофанъ жертвовалъ достояніе свое на нужды государства. Во время шведской войны расходы военные истощали казну до крайности. Въ 1700 г. св. Митрофанъ послалъ отъ себя 4000 руб. на остановившееся строеніе кораблей въ воронежскомъ адмиралтействѣ. Въ слѣдующемъ году онъ пожертвовалъ 3000 руб. на жалованье воинамъ.

Съ своей стороны, царь-преобразователь глубоко чтить и любилъ св. Митрофана: не уступая никогда никому и ни для чего изъ своихъ нововведеній, онъ сдѣлалъ однажды уступку только для святителя воронежскаго, по слѣдующему случаю: человекъ Божій, благоговѣя къ помазаннику Божію, твердо хранилъ въ душѣ, что св. воля Божія выше всего и что спасеніе душъ христіанскихъ, врученныхъ сею волею христіанскому пастырю, должно быть предметомъ ревности пастырской, и не боялся говорить правду царю, въ виду опасностей грознаго царскаго гнѣва. Петръ проживалъ по нѣскольку недѣль въ Воронежѣ для надзора за постройкою военнаго флота. Вблизи адмиралтейства стоялъ дворецъ его. По обычаю иноземному зданіе царское было украшено изваяніями языческихъ боговъ. Разъ царь пригласилъ къ себѣ святителя. Старецъ перешелъ уже мостъ и вступилъ на островъ р. Воронежа, гдѣ находилось адмиралтейство, какъ взоръ его встрѣтилъ изваянія языческія у воротъ дворца. Цѣломудренный взоръ святителя оскорбился и благоговѣніе его къ христіанству, замѣняемо-му здѣсь памятниками язычества, возмутилось. Святитель не пошелъ далѣе, а воротился въ свои кельи. Государь, которому сказали, что архіерей былъ у дворца и ушелъ, оскорбился поступкомъ архипастыря и послалъ опять звать его къ себѣ. Святитель отвѣчалъ посланному: „пока государь не повелитъ низвергнуть идоловъ, которые соблазняютъ народъ, не могу явиться во дворецъ предъ царскія очи“. Услышавъ столь рѣшительный отвѣтъ, Петръ пришелъ въ негодованіе. Какъ смѣетъ онъ не слушаться царской власти?—говорилъ гнѣвный Петръ. Царь послалъ сказать, что если не явится сейчасъ же, какъ преступникъ царской воли подвергнется казни. „Жизнь моя во власти царя,—отвѣчалъ святитель посланному:—но для меня лучше умереть, чѣмъ нарушить долгъ святительскаго сана моего. Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческіе болваны и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа“. Гнѣвъ Петра

между тѣмъ нѣсколько остылъ, и когда передали ему слова святителя, онъ терпѣливо выслушалъ ихъ. Съ своей стороны свят. Митрофанъ, хорошо зная строгость Петра, спѣшилъ приготовить душу свою къ вѣчности. Онъ распорядился, чтобы благовѣстили къ всенощному бдѣнію въ большой колоколь. Государь, услышавъ благовѣсть, спросилъ: „что за праздникъ завтра?“ Ему отвѣчали, что нѣтъ никакого. Онъ послалъ спросить о причинѣ благовѣста къ архіерею. Святитель отвѣчалъ посланному: „мнѣ, какъ преступнику, словомъ царскимъ назначена смерть; готовясь къ смерти, хочу я совершить соборное моленіе съ церковью о прощеніи грѣховъ моихъ, чтобы Господь явилъ надо мною милость Свою“. Петръ изумился рѣшимости святителя умереть по ревности къ дѣлу Божію. Онъ немедленно посладеъ успокоить его милостивымъ словомъ своимъ и просилъ не тревожить народа необычнымъ звономъ. Затѣмъ немедля велѣлъ снять статуи, оскорбившія пастыря. Услышавъ о послѣднемъ, святитель на другой день пришелъ къ царю и смиренно благодарилъ его за уничтоженіе изваяній, соблазнительныхъ для народа. Такъ пастырь Божій совершилъ исповѣдническій подвигъ. Государь видѣлъ по этому опыту величіе духа въ святителѣ и еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ уважать его. Святитель Митрофанъ и во всякое другое время близко къ душѣ держалъ мысль о смерти. Доказательствомъ тому служить синодикъ его, въ которомъ видимъ, какъ любвеобильное сердце святителя обнимало и овецъ паствы своей и людей, вѣрно служившихъ отчизнѣ православной ²⁵⁾. Домъ его былъ отдыхомъ для всѣхъ утомленныхъ жизнью, въ немъ находили помощь себѣ всѣ бѣдные, вдовы и сирые. Онъ былъ простъ въ обхожденіи: къ нему открытъ былъ доступъ для каждаго, богатаго и бѣднаго, знатнаго и безызвѣстнаго.

Двадцать лѣтъ св. Митрофанъ управлялъ воронежскою паствою, достигъ глубокой старости и мирно преставился 23 ноября 1703 года ²⁶⁾. По волѣ Божіей случилось, что въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ государь. По обычаю своему поспѣшилъ онъ посѣтить добраго архипастыря, но уже засталъ его при послѣднемъ издыханіи; царь поцѣловалъ его руку и остался ждать кончины, которая не замедлила. Государь самъ закрылъ глаза его и велѣлъ приготовить все нужное для погребенія почетнаго. Когда священники подошли, чтобы поднять тѣло для выноса, государь, обратясь къ чинамъ морскимъ сказалъ: „намъ стыдно будетъ, если не засвидѣтельствуемъ признательности пашей сему благодѣтельному пастырю отданіемъ послѣдней почести; мы сами вынесемъ тѣло его“. И съ этими словами государь

---

²⁵⁾ Въ синодикѣ святителя поминаются воины изъ полка боярина Алексѣя Семеновича Шеина, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ стѣнами сего города, также воины изъ полка боярина Бориса Петровича Шереметева, убіенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

²⁶⁾ Предчувствуя близкое исшествіе изъ міра земнаго, приготовилъ онъ духовное завѣщаніе, весьма поучительное и назидательное. Оно напечатано при «Описаніи житія и чудесъ святителя».

поднялъ гробъ святителя и съ старшими военачальниками понесъ въ соборъ; потомъ самъ же несъ тѣло въ усыпальницу и опустилъ въ могилу. „Не осталось у меня такого святаго старца,—буди ему вѣчная память!“—сказалъ царь благодарный ²⁷⁾.

Между архипастырями своего времени, воспитанными среди стараго, немногосложнаго быта, гдѣ важнѣйшимъ церковнымъ вопросомъ была забота о благолѣпіи обрядовъ и о строгой дисциплинѣ церковной, Петръ нашелъ слишкомъ мало святителей, подобныхъ Іову и Митрофану, и встрѣтилъ слишкомъ мало сочувствія и содѣйствія своимъ предначертаніямъ, а потому естественно долженъ былъ обратить взоръ на духовенство южной Россіи, какъ болѣе просвѣщенное и болѣе способное къ тѣмъ реформамъ, которыя казались ему необходимыми. Недовѣріе къ православію кievскихъ ученыхъ, сильно укоренившееся въ Москвѣ, и обличенія восточныхъ патріарховъ ²⁸⁾ не могли задержать исполненія твердой воли царя. Еще при жизни патріарха Адріана, Петръ положилъ начало поставленію архіереевъ изъ малороссовъ—воспитанниковъ кievскихъ, и первый выборъ палъ на того, кому впослѣдствіи ввѣрено было управление всею Русскою Церковью по кончинѣ послѣдняго патріарха.

Стефанъ (въ мірѣ Симеонъ) Яворскій родился въ Волянскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ. Родители его, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, какъ и всѣ дворяне тогдашняго времени, обращали на себя особенное вниманіе папистовъ и униатовъ. Отъ ихъ злобныхъ преслѣдованій Яворскіе принуждены были покинуть родину, удалились въ Малороссію и поселились со всѣмъ своимъ семействомъ въ Нѣжинѣ. Юный Симеонъ съ дѣтскихъ лѣтъ показывалъ необыкновенныя способности и склонность къ наукамъ. Но такъ какъ въ Нѣжинѣ въ то время не было никакого училища, то родители поручили его на воспитаніе Варлааму Ясинскому, бывшему тогда іеромонахомъ и проповѣдникомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Когда, въ званіи ректора и возобновителя Кіево-могилянскои коллегіи, Ясинскій перешелъ игуменомъ въ Братскій монастырь, то взялъ съ собою Яворскаго и опредѣлилъ его во вновь открытыя школы, имѣя самъ непосредственное надъ нимъ наблюденіе. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинскій, независимо отъ школьныхъ уроковъ, самъ преподавалъ ему поэзію и риторику, читалъ и объяснялъ ему латинскихъ авторовъ, искренно радуясь понятливости и успѣхамъ своего юнаго питомца,

²⁷⁾ Нелѣпіе мощей святителя Митрофана извѣстно было со времени перенесенія ихъ въ другой храмъ, при многократныхъ поправкахъ въ соборѣ, гдѣ онѣ были погребены. Многочисленныя чудеса испѣленія притекающихъ съ вѣрою ко гробу угодника Божія побудили къ освѣдѣтельствуванію мощей. Наконецъ, 7 августа 1837 года св. мощи новопрославленнаго святителя Христова были открыты и повелѣно праздновать повсемѣстно память св. Митрофана въ день его преставленія.

²⁸⁾ Іерусалимскій патріархъ Досіеѣй въ 1702 г. прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а оставить однихъ природныхъ москвитянъ, «аще и немудріи суть».

и, наконецъ, отправилъ его въ галицкія и польскія училища, славившіяся тогда отличными наставниками-іезуитами ²⁹⁾. Возвратившись оттуда съ званіемъ „учителя словесныхъ наукъ и философіи и полно-го богослова“ ³⁰⁾, Яворскій посвятилъ труды свои на служеніе родному училищу. Постриженный въ Кіевской лаврѣ въ 1690 году, учитель, проповѣдникъ, игумень Кіево-Николаевского пустыннаго монастыря, онъ былъ присланъ (въ началѣ 1700 года) отъ благодѣтеля своего Варлаама Ясинскаго (тогда уже митрополита Кіевского) въ Москву, съ просьбою къ патриарху Адріану о посвященіи его на вновь учрежденную южно-Переяславскую епархію. Выслушавъ слово ³¹⁾, произнесенное Стефаномъ надъ гробомъ боярина Шеина, Петръ захотѣлъ видѣть проповѣдника на одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Несмотря на то, что въ Москвѣ приняли Стефана не ласковѣ, осыпали его бранью и клеветами, и даже самъ Стефанъ упорно отказывался отъ архіерейства ³²⁾, царь повелѣлъ патриарху Адріану посвятить Кіевского игумена прямо въ санъ митрополита Рязанскаго, а по кончинѣ патриарха назначилъ его „екзархомъ святѣйшаго патриаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ“.

Однимъ изъ главныхъ дѣлъ Стефана въ новомъ его званіи была борьба съ расколомъ и протестантствомъ. Онъ засталъ въ Москвѣ разсѣваемое раскольниками мнѣніе, что будто бы близко пришествіе антихриста, что Москва—Вавилонъ, а жители ея—вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію этихъ слуховъ были преобразованія Петра, дурно понятыя

²⁹⁾ По всей вѣроятности, обучаясь въ іезуитскихъ школахъ, онъ долженъ былъ на время отступить отъ православія. На одной книгѣ его (въ библ. Харьковской семинаріи) собственноручная надпись: *ex libris Stanislai Simonis Jaworscy* (два имени и притомъ одно—папистское). Филарета Черниговскаго Обзоръ 1, 382.

³⁰⁾ *Artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus*. Такъ подписался онъ на панегирикѣ Echo. Тамъ же.

³¹⁾ Стефанъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ слова. Даже сочинитель лютеранскаго пасквиля на «Камень Вѣры» говоритъ о Стефанѣ, что онъ имѣлъ удивительный даръ слова и «едва подобныя ему въ учительствѣ обрѣстись могли. Мнѣ случалось, продолжаясь тотъ же сочинитель, видѣть въ церкви, что онъ могъ, уча слушателей, заставить ихъ по произволу плакать или смѣяться». Въ проповѣдяхъ его есть сила мысли, есть искусство въ расположеніи частей рѣчи, есть одушевленіе чувства искренняго, есть наконецъ и ясность въ словѣ; но имъ довольно вредить встрѣчающаяся по мѣстамъ искусственность того времени, позволявшая выставлять картины и обороты рѣчей обиходной жизни, съ большою примѣсью иностранныхъ словъ.

³²⁾ Стефанъ писалъ царю: «Вины, для которыхъ я ушелъ отъ посвященія: 1) Писалъ ко мнѣ преосвящ. митрополитъ Кіевскій, чтобъ я возвращался въ Кіевъ и его во время старости не оставлялъ при его немощахъ и недугахъ. 2) Епархія Рязанская, на которую меня хотѣли посвятить, имѣетъ еще въ живыхъ своего архіерея, а правила св. отецъ не повелѣваютъ живу сущу архіерею иному касаться епархій—духовное прелюбодѣянiе (!!). 3) Изощренный завистію языкъ многія досады и поклепы на меня горюилъ: иные рекли, будто я купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонныхъ золотыхъ; иные именovali меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливаникомъ. 4) Не дано мнѣ сроку, чтобъ я могъ приготовиться на такую высокую архіерейства степень очищеніемъ совѣсти своея и чтеніемъ книгъ богодуховенныхъ».

невѣждами. Они брались за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и сообразно съ такимъ вычисленіемъ рыли могилы, дѣлали гробы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа. Яворскій рѣшился обличить и образумить грубыхъ лжеучителей и для этого написалъ сочиненіе, въ которомъ, обличивъ суевѣрныя мнѣнія раскольниковъ, показалъ, на основаніи св. Писанія, истинныя знаменія пришествія антихристового.

Въ то время открыта въ Москвѣ секта самыхъ изступленныхъ кальвинистовъ. Стрѣлецкій полковой лѣкарь Димитрій Евдокимовъ Тверитиновъ-Дерюшкинъ, живя при одномъ неправославномъ врачѣ и набравшись отъ него кальвинскихъ мыслей, началъ разсѣвать дерзкія хулы на св. иконы, крестъ, мощи, Евхаристію, призываніе святыхъ, поминовленіе усопшихъ, литургію, посты, значеніе добрыхъ дѣлъ и другія преданія православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрѣльцами и мастеровыми. Цирюльникъ Ѳома Ивановъ дошелъ до такой дерзости, что публично произносилъ въ Чудовѣ монастырѣ хулу на св. Алексія митрополита и разрубилъ ножомъ его икону. Стефанъ немедленно приступилъ сначала къ тайному разслѣдованію относительно этого общества и, нашедши главныхъ виновниковъ, въ 1714 г. предалъ нераскаянныхъ анаѳемѣ, а Ѳома Ивановъ подвергнуть былъ смертной казни по суду гражданскому ³³⁾. Чтобы навсегда предохранить некрѣпкихъ вѣрою отъ подобныхъ заблужденій, Яворскій написалъ знаменитое свое сочиненіе „Камень Вѣры“, которое впрочемъ не было напечатано при жизни автора.

Митрополитъ Стефанъ Яворскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ревнителей православія. Смѣлый, благородный и откровенный онъ говорилъ правду самому Петру, окруженному протестантами. Это не мѣшало однакожь правдолюбивому монарху уважать святителя; зато иностранцы-лютеране смотрѣли на него, какъ на непримиримаго и опаснаго своего врага. И не они одни, но и всѣ враги Церкви православной боялись сильныхъ, прямыхъ и непобѣдимыхъ его обличеній. По его внушенію царь въ 1719 году издалъ указъ не иначе позволять бракъ лютеранина съ православнымъ лицомъ, какъ подъ условіемъ воспитанія дѣтей въ православіи.

Другой, современный Стефану, великій святитель и искренній другъ послѣдняго отъ юности, былъ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій.

Не вдалекѣ отъ Кіева, въ городкѣ Макаровѣ, у малороссійскаго сотника Саввы Григорьевича Туптало въ 1651 году родился сынъ, нареченный при крещеніи Даниломъ. Воспитанный съ младенчества благочестивыми родителями въ страхъ Божию, юный Даниилъ былъ

³³⁾ Тогда же нѣкоторые изъ увлеченныхъ въ ересь разсланы были по монастырямъ. Въ архивѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря случилось мнѣ видѣть грамоту (митроп. Стефана), при которой былъ присланъ «еретикъ Артюшка монахъ, соумышленникъ Ѳомки цирюльника», для заключенія въ «каменный мѣшокъ», тѣсную тюрьму въ одной изъ монастырскихъ башенъ.

отданъ въ Кіево-могилевскую коллегію и началъ проходить по порядку классы, только что открытыя Іоанникіемъ Галятовскимъ³⁴⁾. Томимый жаждою познаній, онъ быстро окончилъ ученіе въ начальныхъ школахъ и въ двѣтъ юношескихъ лѣтъ достигъ классовъ поэзіи и реторики. Здѣсь-то раскрылся передъ нимъ тотъ рудникъ слова, который потомъ разработалъ онъ самъ своимъ гениальнымъ умомъ. Подъ руководствомъ знаменитаго полемическаго богослова Галятовскаго, Туптало изучилъ тѣ приемы и обороты рѣчи, которые невольно поражаютъ въ его поученіяхъ и бесѣдахъ самаго обыкновеннаго читателя; у него занялъ онъ ту энергію и непобѣдимую силу убѣжденія, которыя явились впоследствии въ борьбѣ его съ раскольниками. И потому благодарить надо Провидѣніе, что оно допустило будущаго святителя слушать уроки въ кіевской коллегіи. Къ сожалѣнію, онъ не могъ идти далѣе реторики: ибо кромѣ того, что другихъ классовъ не было тогда въ коллегіи, даже сама она въ то время едва не подверглась полному разрушенію.

Окончивъ ученіе въ коллегіи, семнадцатилѣтній юноша не захотѣлъ оставаться въ мірѣ и испросилъ у своихъ родителей благословеніе вступить въ монашество; 9 іюля 1668 г. въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ Даніилъ принялъ иноческое постриженіе и прославленное имъ потомъ имя Димитрія. Слѣдуя такимъ образомъ вышнему призванію, юный инокъ весь погрузился въ подвижничество: строгое уединеніе и богомысліе, отреченіе отъ всего, что имѣетъ міръ въ себѣ привлекательнаго, необыкновенная кротость, смиреніе и послушаніе, неутомимое усердіе къ Церкви Божіей и непрестанная молитва отличали его даже между старѣйшими братьями обители. Такой свѣтильникъ не могъ долго оставаться подъ спудомъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого блюститель кіевской митрополіи архіепископъ Лазарь Барановичъ вызвалъ его въ Черниговъ, облекъ въ санъ іеромонаха и опредѣлилъ проповѣдникомъ при соборѣ. Два года проповѣдническаго служенія въ Черниговѣ столько прославили молодого витію, что имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Упрощенный братією Слуцкаго православнаго монастыря, онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многія обители предлагали св. Димитрію принять начальство надъ ними: но онъ уклонялся отъ этихъ приглашеній и продолжалъ жить въ Слуцкѣ, не имѣя силъ разстаться съ любимцемъ души своей Іоанномъ Скоткевичемъ, строителемъ того монастыря. Лазарь Барановичъ и гетманъ Са-

³⁴⁾ Іоанникій Галятовскій, учитель реторики въ Кіевской коллегіи и настоятель Купятискаго монастыря на Волини, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ составительныхъ богослововъ своего вѣка; многочисленныя его сочиненія свидѣтельствуютъ о той ревности, съ какою во всю жизнь свою преслѣдовалъ онъ всякое ученіе, враждебное духу православнаго христіанства. Іезуиты еще не встрѣчали между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника, какъ Галятовскій,—и не одни іезуиты,—даже уніаты, евреи и магометане были поражены несокрушаемымъ словомъ этого великаго поборника православія. И далеко пронесла молва славное имя Галятовскаго.

мойловичъ упрасивали его воротиться въ Малороссію, и св. Димитрій, дождавшись кончины своего друга и почтивъ память его надгробнымъ словомъ, въ 1679 году прибылъ на родину. Гетманъ принялъ его весьма милостиво и благодѣтельствовалъ ему; но добродѣтельный и смиренный инокъ не захотѣлъ употреблять въ свою пользу расположенія сильнаго человѣка и удалился въ Батуринскій Николаевскій монастырь, гдѣ усугубилъ свое подвижничество, проводя время въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. Писанія и проповѣданіи слова Божія. Вскорѣ братія Кіево-Кирилловскаго монастыря обратилась къ св. Димитрію съ убѣдительнонѣйшими просьбами о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его своимъ игуменомъ. Они просили и гетмана ходатайствовать о томъ же; но св. Димитрій отправилъ представителя ихъ съ благодарственнымъ письмомъ; убѣжденія Самойловича также не подѣйствовали. Черезъ годъ послѣ того явились къ нему два старца Максаковской Преображенской обители съ предложеніемъ игуменства. Долго отговаривался св. Димитрій; наконецъ, неотступныя просьбы преодолѣли его глубокое смиреніе,—потому болѣе, что Максаковскій монастырь, по своему уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ строгой отшельнической его жизни. Не долго однакожъ онъ управлялъ этою обителью: 1 марта 1682 года его перевели въ томъ же званіи въ Батуринскій Крутицкій монастырь; но и здѣсь начальствовалъ онъ съ небольшимъ полтора года и потомъ самъ отказался отъ настоятельства и возобновилъ строгую келейную жизнь въ томъ же монастырѣ. Такъ будущій великій святитель готовился въ тиши уединенія къ будущимъ великимъ подвигамъ!

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-Печерскій, Варлаамъ Ясинскій, вызвалъ св. Димитрія въ лавру и предложилъ ему собрать и исправить „Житія святыхъ“. Огромный трудъ устращилъ Димитрія; но убѣжденія архимандрита и соборныхъ старцевъ вынудили его согласіе, и онъ приступилъ къ занятіямъ. Дѣйствительно, работы было много; попытки предшественниковъ Димитрія въ этомъ дѣлѣ были далеко несовершенны, руководствоваться ими и думать было нечего: слѣдовало начинать сначала. Димитрій обложилъ себя книгами Метафраста, писателями восточной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаніями святыхъ, собранными Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, подъ названіемъ Четихъ-Миней. Два года провелъ св. Димитрій въ Кіево-Печерской лаврѣ, весь преданный своему занятію⁸⁵⁾; а въ 1686 году, подвигнутый неотступными убѣжденіями гетмана Самойловича и батуринскаго духовенства, снова принялъ начальство надъ Круцицкимъ монастыремъ. Здѣсь онъ докончилъ первую четверть своихъ Четь-Миней, содержащую въ себѣ жизнеописа-

⁸⁵⁾ Въ великой церкви Кіево-Печерской лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Димитрій всегда становился при богослуженіи. Оно находится съ лѣвой стороны отъ входа, близъ памятника князя Константина Острожскаго; тамъ теперь поставлена икона святителя богатоукрашенная серебряною вызолоченною ризою.

пія святыхъ, память которыхъ празднуеть православная Церковь въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Трудъ этотъ, разсмотрѣнный и одобренный архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и всѣмъ лаврскимъ соборомъ, немедленно былъ напечатанъ въ печерской типографіи и въ 1689 году представленъ царскому Двору. Патріархъ Іоакимъ разгнѣвался было, что книга напечатана безъ его разсмотрѣнія, но, сдѣлавъ замѣчаніе митрополиту Варлааму, одобрилъ благочестивое усердіе сочинителя ³⁶⁾.

Въ томъ же году гетманъ Мазепа, питая уваженіе къ Дмитрію и желая представить его ко Двору, взялъ съ собою въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, при чемъ представился царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, а также и царю Петру Алексѣевичу въ Троицкомъ монастырѣ. Въ Москвѣ Дмитрій часто посѣщаль патріарха Іоакима, который, продолжая одобрять его занятія, благословилъ его иконою. Возвратившись изъ Москвы, св. Дмитрій еще съ большею ревностію принялся за работу. Чтобъ не имѣть никакого развлеченія, онъ построилъ для себя въ своемъ Батуриномъ монастырѣ ³⁷⁾ особую келью, которую въ запискахъ своихъ называетъ „скитомъ“ ³⁸⁾ и, отказавшись отъ управленія вѣрною ему обителью, совершенно заключилъ себя въ своемъ скитѣ и въ 1693 году окончилъ вторую четверть своего творенія, въ ко-

³⁶⁾ Подлинная грамота Іоакима къ Варлааму, съ указаніемъ ошибокъ въ Минеехъ, хранится въ Моск. Синод. бібліотекѣ (непереплетен. Сборникъ № IV). Изъ числа этихъ важна была только одна: «Напечатасте въ книгѣ своей описъ, яко Пречистая Богородица зачата и рождена безъ первороднаго грѣха, отъ Адама происходящаго;—толко видимъ таковое мудрованіе въ книгахъ латинумудрствующихъ, но и ти о семь великія при и раздоры межъ собою имуть». Святитель Дмитрій впоследствии, приготавливая свою Минеею ко второму изданію, тщательно заботился, какъ показываютъ письма его къ Θεологу, объ исправленіи ошибокъ и недостатковъ перваго изданія. И мысли о рожденіи Богоматери безъ грѣха первороднаго уже нѣтъ въ послѣдующихъ изданіяхъ Миней.

³⁷⁾ Въ этомъ монастырѣ при управленіи св. Дмитрія, вѣроятно въ 1691 году, скончался Адамъ Зерниковъ, достойный полнаго уваженія, но въ свое время едва замѣченный. Рожденный въ лютеранствѣ, Адамъ самъ по себѣ почувствовалъ недовольство ученіемъ Лютера. Чтеніе книги Критопула: «Исповѣданіе церкви греческой», обратило мысли его къ православной Церкви. Главный предметъ спора православія съ Римомъ—исхожденіе Св. Духа—обратилъ на себя все его вниманіе. Онъ посѣтилъ бібліотеки Оксфорда, Кембриджа, Парижа и Рима, чтобы въ древнихъ и лучшихъ спискахъ отеческихъ сочиненій видѣть ученіе отцовъ о семь предметѣ. Слѣдствіемъ этого труда была полная увѣренность въ правотѣ Церкви православной. Онъ прибылъ къ Лазарю, архіеп. Черниговскому, и объявилъ ему свое желаніе соединиться съ православною Церковію. вмѣстѣ устнаго отреченія отъ лютеранства онъ представилъ на бумагѣ «опроверженіе лютеранской вѣры». Затѣмъ гетманъ принялъ его съ честью въ Батуринѣ, какъ хорошаго инженера: но онъ, принявъ иночество, занялся собраніемъ розысканій своихъ по бібліотекамъ. Около 1682 г. окончилъ онъ свой обширный трактатъ «объ исхожденіи Духа Св. отъ единого Отца». Это было сочиненіе образцовое, какого доселѣ не было и на Востокѣ. Оно писано на латинскомъ языкѣ и издано въ двухъ частяхъ архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ въ Кенигсбергѣ, 1774 и 1776 года.

³⁸⁾ Это малое изданіе впоследствии общественное и проданное Батуринскому помѣщику, покойнику П. И. Прокоповичу, существуетъ и теперь при учрежденной имъ школѣ пчеловодства и служить для сбереженія воска и меда.

торой помѣстили жизнеописанія святыхъ, празднуемыхъ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Въ слѣдующемъ году св. Димитрій былъ переведенъ игуменомъ въ Глуховской Петропавловскій монастырь, гдѣ также продолжалъ многополезныя свои занятія. Черезъ три года потомъ онъ былъ перемѣщенъ въ званіи настоятеля въ Кіево-Кирилловскій монастырь, куда двадцать девять лѣтъ передъ симъ вступилъ бѣльцомъ, а вышелъ оттуда инокомъ. Здѣсь однакожь св. Димитрій начальствовалъ недолго, ибо того же года наименованъ архимандритомъ Чорниговскаго Успенскаго Елецкаго монастыря, а въ 1699 году переведенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскую Спасскую обитель. Тутъ онъ окончилъ и третью четверть своихъ Миней: мартъ, апрѣль и май мѣсяцы. Послѣдняя четверть совершена св. Димитріемъ въ 1705 году уже въ Ростовѣ. Такимъ образомъ слишкомъ двадцать лѣтъ трудился святитель надъ этимъ образцовымъ сочиненіемъ, которое и въ свое время имѣло и донинѣ сохранило духовновоспитательное вліяніе на православный русскій народъ. Св. Димитрій желалъ доставить благочестію чтеніе и пріятное и полезное и доставилъ лучшее для всѣхъ состояній. Краснорѣчіе жизнеописателя — живое и увлекательное, языкъ — образецъ славянской чистоты и изящества.

Въ томъ же 1700 году, когда Стефанъ Яворскій былъ неволею поставленъ въ митрополиты Рязанскіе, Петръ поручилъ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому „поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ или другихъ иноковъ добраго и ученаго и благодѣющаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божіею милостію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ и долослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ челоуѣкъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живого Бога“. По этому требованію былъ прислалъ Димитрій и весною 1701 года посвященъ въ митрополиты Сибирскіе; но и это назначеніе было невольное: Димитрій заболѣлъ съ горя; онъ чувствовалъ, что здоровье его не могло бороться съ суровымъ климатомъ Сибири, да и трудъ, на который онъ положилъ всѣ свои силы, остался бы неоконченнымъ. Посему царь Петръ, посѣтивъ его больного, позволилъ ему остаться въ Москвѣ для проповѣди слова Божія, и святитель проповѣдывалъ здѣсь около года. Въ 1702 г. опредѣленъ онъ на кафедрѣ Ростовскую.

Ревностный святитель нашелъ свою епархію въ печальномъ положеніи, въ какомъ находились тогда почти всѣ епархіи великороссійскія и изъ котораго хотѣлъ ихъ извлечь Петръ посредствомъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство было невѣжественное, учить своихъ духовныхъ дѣтей не могло, и духовныя дѣти тѣмъ легче увлекались проповѣдью какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричалъ противъ духовенства, отступившаго отъ правой старой вѣры³⁹⁾. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-

³⁹⁾ «Окаянное наше время! говорилъ св. Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей: окаянное время, въ которое такъ пренебрежно сѣянiе слова Божія, и не знаю, кого прежде

западной Руси встрѣтитъ такое невѣжество въ новой своей паствѣ; св. Димитрій рѣшилъ просвѣтить и исправить сперва церковныхъ учителей, и для этого написалъ и разослалъ имъ два окружныхъ наказа съ изъясненіемъ ихъ обязанностей какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и къ вѣренной имъ паствѣ. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнѣйшихъ священнослужителей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію и, раздѣливъ ее на три класса, самъ надзиралъ за ходомъ ученія, а иногда, за неимѣніемъ учителей, самъ обучалъ дѣтей. Кромѣ этого способнѣйшимъ изъ воспитанниковъ онъ толковалъ въ свободное время свящ. писаніе, желая восполнить этимъ недостатокъ богословскаго класса ⁴⁰).

Но св. Димитрію предлежалъ еще другой, важнѣйшій подвигъ въ Ростовской паствѣ. Тамъ было въ то время множество раскольниковъ, главные учителя которыхъ, укрываясь въ брянскихъ лѣсахъ, чрезъ потаенныхъ своихъ проповѣдниковъ всюду разсѣвали свое зловерное ученіе. Крайне прискорбно это было просвѣщенному защитнику вѣры Христовой. Онъ рѣшилъ объѣзжать по пѣскольку разъ свою епархію и проживалъ въ Ярославлѣ не малое время для того, чтобы словомъ обличать законѣлое невѣжество отступниковъ Церкви православной. Однажды при выходѣ изъ храма нечаянно спросили его незнакомые ему чтители брады: „намъ велятъ брить бороды, а мы готовы положить и головы свои за бороду. Какъ повелишь намъ, владыко?“ Святитель, вовсе не ожидая подобнаго вопроса, нашелся однако дать отвѣтъ и вѣрный и остроумный: „Какъ вы думаете,—сказалъ святитель,—отростетъ ли голова, если у васъ снимутъ ее?“ Нѣтъ,—отвѣчали тѣ. „А брада?“ Брада отростетъ. „Пусть же вамъ отрѣжутъ

надобно винить—святелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Святель не сбежъ, а земля не принимаетъ, іереи не брегуть, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны, іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются, іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста: мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались? и они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О окаянныя іереи, нерадѣяте о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящія?»

⁴⁰) Къ сожалѣнію, средства епархіи, ограничиваемыя до крайности монастырскимъ Приказомъ, лишили святителя возможности содержать училища. До насъ дошло слѣдующее письмо св. Димитрія къ Іову новгородскому: «уподобляешься Господу своему, когда, желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ паствѣ своей, собралъ не малое число учениковъ и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т.-е. еллино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространились по всѣмъ народамъ. Я, грѣшный, пришедшій на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть ведурно; но поущеніемъ Божиимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе: питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapient! (разумѣющему довольно).

бороду, дождетесь другой“. Послѣ того святитель узналъ, что въ паствѣ его много людей, которые сомнѣваются въ спасеніи души изъза того, что по указу царя обрили бороду, думая, что вмѣстѣ съ тѣмъ лишились образа Божія. Святитель въ 1705 году разослалъ по епархіи сочиненіе: „О образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“. А царь Петръ повелѣлъ какъ можно чаще печатать это сочиненіе. Между тѣмъ святитель готовилъ обширное сочиненіе: „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, сочиненіе превосходное въ томъ отношеніи, что раскрываетъ самый духъ раскола, показывая въ немъ недостатокъ евангельскаго смысла и любви. Въ первой части онъ оканчиваетъ изслѣдованіе тою мыслію, что вѣра раскольниковъ не права, а во второй—тѣмъ, что ученіе ихъ душевредно; въ третьей тѣмъ, что дѣла ихъ не богоугодны. Ненависть, возбужденная въ раскольникахъ всѣхъ толковъ этимъ сочиненіемъ къ угоднику Божію, лучше всего свидѣтельствуешь о томъ, какъ сильно и непріязненно имъ было оружіе слова Димитрія. Передъ очами всего міра стали они съ своей вѣрой неправой, своимъ вреднымъ ученіемъ и съ дѣлами, приводящими въ ужасъ и омерзеніе всякаго испытателя судебъ человѣчества ⁴¹⁾.

Изъ ученыхъ сочиненій святителя Ростовскаго особенно замѣчательна „Лѣтопись“, названная самимъ сочинителемъ, по скромности, „келейною“, т.-е. написанною для домашняго употребленія; но изъ собственнаго письма св. Димитрія къ другу его, Стефану Яворскому, открывается и другая, важнѣйшая цѣль этого сочиненія. „Въ нашей Малороссійской странѣ трудно найти біблію славянскую... и рѣдко кто знаетъ порядокъ исторій библейскихъ... И для того хотѣлъ вкратцѣ библейскую исторію преподать таковымъ для вѣданія“. Особенно любопытно здѣсь его изслѣдованіе „о несогласномъ лѣтосчисленіи“. Вообще, лѣтопись эта была бы единственною въ нашей литературѣ, еслибъ была окончена; но, къ сожалѣнію, св. Димитрій успѣлъ довести ее только до 3600 года отъ сотворенія міра.

Такія многочисленныя и разнообразныя занятія, увеличивавшіяся съ году на годъ, по мѣрѣ возвышенія св. Димитрія по степенямъ церковной іерархіи, ни мало не погасили въ немъ проповѣдническаго жара. Будучи уже митрополитомъ, онъ все оставался тѣмъ же ревностнымъ органомъ слова Божія, какимъ былъ и въ ту пору, когда едва лишь переступилъ границу юношескаго возраста, какимъ являлся и въ Кіевѣ и въ Черниговѣ, и во всѣхъ монастыряхъ, куда приводимъ былъ, ко благу святой Церкви, вышнимъ Промысломъ. Въ санѣ іерарха онъ рѣдко совершалъ литургію безъ слова поучительнаго. Проповѣдуемая имъ истины христіанства, такъ сродныя его уму, были жизнію его сердца, и оттого, изливаясь прямо изъ души, являлись

⁴¹⁾ 1766 г. шайка раскольниковъ рѣшилась было украсть и сечь мощи святителя, но не успѣла въ покушеніи отъ того, что святитель самъ извѣстилъ во снѣ архимандрита о замыслѣ злодѣевъ (описаніе Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря, Москва, 1850 года, стр. 60—62).

всегда живыми, дѣйственными: и не въ тѣсныхъ предѣлахъ школьной реторики, не въ напыщенныхъ формахъ классическаго ораторства того времени изрекалъ онъ высокіе догматы и святѣя правила жизни христіанской, а въ простой бесѣдѣ отца съ дѣтьми, учителя съ учениками. Искусно пользуясь всѣмъ, что имѣетъ въ себѣ наука, св. Дмитрій, при необыкновенной силѣ выраженій и живости оборотовъ, умѣетъ держать въ постоянномъ напряженіи вниманіе слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту скучать сухимъ изложеніемъ догматическихъ или нравственныхъ истинъ. Самый тонъ обличенія у него не грозный и потрясающій, а тихій, отечески-укорительный, выражающійся иногда въ повѣтствованіи нѣсколько сатирическомъ. И доселѣ вся православная Россія питается вдохновенными бесѣдами святителя Ростовскаго ⁴²⁾.

Но духъ бодръ, а плоть немощна. Изнемогая въ силахъ св. Дмитрій все еще не прекращалъ своихъ занятій и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 г.), больной и разслабленный, едва еовершилъ божественную литургію. На другой день онъ позвалъ къ себѣ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть имъ же самимъ сочиненныя духовныя пѣсни. Что происходило тогда въ душѣ праведника, тихо волнуемой воспоминаніями, поражаемыми этой мелодіей, которую сложилъ онъ въ первой порѣ свѣжести и крѣпости силъ!.. 28 октября служители, взошедшіе въ келью митрополита, увидѣли его стоящимъ на колѣняхъ и уже предавшимъ духъ свой Богу. Такъ скончался праведникъ на 59 году отъ рожденія!

Тѣло святителя оставалось непогребеннымъ до прибытія друга его Стефана Яворскаго ⁴³⁾, который вторично отпѣлъ его 25 ноября и предалъ землѣ въ Іаковлевскомъ монастырѣ, въ юго-западномъ углу Зачатейской церкви, по желанію почившаго ⁴⁴⁾.

Оставшаяся многочисленная библіотека его отослана тогда же

⁴²⁾ Сочиненія св. Дмитрія весьма многочисленны. Довольно подробный списокъ ихъ помѣщенъ въ словарь писателей митр. Евгенія и въ Обзоръ русск. Дух. Литературы Филарета, архіеп. Черниговскаго.

⁴³⁾ Св. Дмитрій и Стефанъ Яворскій условились между собою, чтобы тотъ, кто первый изъ нихъ умретъ, былъ погребенъ другимъ. Рязанскій митропол. сдержалъ свое слово: онъ явился въ Ростовъ на погребеніе своего друга, оросилъ слезами священные останки его, провизнь усопшему надгробное слово и соч. надгробную надпись въ стихахъ. Словарь достоп. людей Рус. Земли, ч. I, стр. 532.

⁴⁴⁾ Въ завѣщаніи своемъ св. Дмитрій говоритъ: «никтоже да трудится по смерти моей испытѹя или взыскѹя каковаго-либо келейнаго моего собранія: ибо ниже на погребеніе что оставляю, ни на поминаеніе, да нищета иноческаѹя наипаче на кончинѣ явится Богу. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Ему будетъ, аще ни едина цапа по мнѣ не останеѣ, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. И аще мене тако нища никто же восхоцетъ обычному предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже свою смерть памятствуютъ, да отвлекнутъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ и тамо между трупіями да повергнутъ е. Аще жъ владычествующихъ изволеніе повелитъ мя умерша погребсти по обычаю, то молю христіолобивыхъ погребателей, да погребутъ мя въ монастырѣ святаго Іакова, епископа Ростовскаго, во углѣ церковномъ, идѣже мѣсто ми назнаменованъ: о семь челомъ бѹю».

въ Москву въ патриаршую библіотеку, а черновья его рукописи положены, согласно завѣщанію, въ гробъ, вмѣсто возглавіи и подстилки. Кромѣ библіотеки не найдено никакого имѣнія, потому что онъ, кромѣ книгъ, ничего не собиралъ, а все раздавалъ бѣднымъ, нуждающимся, больнымъ и сирымъ, не оставивъ ничего даже на погребеніе ⁴⁵⁾.

Мы видѣли, что слабость здоровья и труды въ составленіи Четихъ-Миней отвекли св. Димитрія отъ апостольскаго подвига въ пустыняхъ Сибири. Промыслъ Божій предназначилъ этотъ подвигъ другому, неутомимому и ревностному труженику: имя просвѣтителя Сибири принадлежитъ преимущественно блаж. митрополиту Филоею, въ схимѣ Феодору.

Филоею Лещинскій родился 1650 года и по выходѣ изъ кievской коллегіи женился и былъ священникомъ; но лишившись супруги, принялъ монашество и въ скоромъ времени произведенъ въ намѣстники Братскаго монастыря. Мѣстоблюститель патриаршаго престола Стефанъ Яворскій, соученикъ Лещинскаго, имѣлъ счастье въ непродолжительномъ времени, согласно державной волѣ Петра I, рукоположить Филоею въ санъ митрополита сибирскаго и тобольскаго, на мѣсто св. Димитрія, перемѣщеннаго въ Ростовъ. При самомъ посвященіи онъ получилъ порученіе стараться о распространеніи христіанства между разными язычниками Сибири, въ духѣ евангельскомъ; личная ревность и внутреннее призваніе еще болѣе требовали того же отъ Филоею. Помощниками святому дѣлу были взяты имъ изъ Кіева ученые иноки и благочестивые молодые люди. Филоею, какъ видно, глубоко сожалѣлъ о потерѣ восточной Дауріи, уступленной Китаю въ 1689 г. Онъ отправилъ миссіонеровъ къ пограничнымъ сибирскимъ Монголамъ и старался обратить къ святой вѣрѣ самого калмыцкаго кутухту (первосвященника), который столько уважалъ его, что не усомнился въ грамотахъ своихъ называть святителя „Великимъ ламоу“ и „надъ ламами ламоу“. Святитель Филоею простиралъ ре-

---

⁴⁵⁾ По блаженной кончинѣ св. Димитрія протекло 42 года, и Господь Богъ благоизволилъ прославить угодника Своего. Несмотря на то, что мощи св. Димитрія лежали въ сыромъ мѣстѣ, не покрытомъ сводами, тлѣніе не прикоснулось къ священнымъ останкамъ праведника; даже одежда святителя, его митра, шелковыя четки вишневаго цвѣта сохранились въ прежнемъ видѣ, тогда какъ дубовый гробъ совершенно сгнилъ. Чудесныя исцѣленія, источаемыя вѣрующимъ молитвою и ходатайствомъ угодника Божія, предвозвѣстили прославленіе его у Господа. По освидѣтельствованіи мощей и повѣркѣ чудесъ, св. Синодъ манифестомъ 22 апрѣля 1757 года причислялъ Димитрія къ лику святыхъ и назначилъ повсемѣстное празднованіе памяти его 21 сентября—въ день открытія мощей, и 28 октября—въ день преставленія. Нетлѣнныя мощи поставлены открыто на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде почивали онъ въ могилѣ. Благочестіемъ дочери Петра I, императрицы Елизаветы устроена изъ перваго серебра, открытаго въ ея царствованіе, великолѣпная, кованныя, серебряная рака святителю Димитрію, въ которую нетлѣнныя мощи его переложены 23 мая 1763 года, въ присутствіи императрицы Екатерины II. Длина раки 3 арш. 7 вершк., выш. 2 арш. 6 вершк., шир. въ тумбѣ 3 арш., на крышѣ раки литые атрибуты архіерейскаго достоинства.

вность свою и на Пекинъ ⁴⁶⁾; узнавъ, что нѣкоторые изъ пекинскихъ поселенцевъ, подъ тяжестію языческаго мрака, начинаютъ ослабѣвать въ святой вѣрѣ, онъ послалъ въ Пекинъ (въ 1711 г.) обличительную грамоту и успѣлъ поддержать слабыхъ въ любви ко Христу. Одушевленный наставленіями его, купецъ Осколковъ въ 1713 году просилъ манжурскую палату внѣшнихъ сношеній о дозволеніи присылать въ Пекинъ русскихъ священниковъ. Хотя предъ тѣмъ такая же просьба русскаго правительства была отвергнута, но Осколову дѣло удалось. Императоръ дозволилъ прибыть русской миссіи. И въ 1714 году отправлены были изъ Тобольска архимандритъ Иларіонъ Лежайскій, іеромонахъ Лаврентій и іеродіаконъ Филимонъ съ причетниками. Въ 1715 г. они приняты были въ Пекинѣ съ отличнымъ вниманіемъ; императоръ велѣлъ отвезти имъ квартиры и выдавать содержаніе; они служили въ той же каменной церкви, которая устроена была для русской роты, и ихъ труды не оставались безъ пользы для Русскихъ и для Китайцевъ ⁴⁷⁾.

Заболѣвъ тяжкою болѣзнію, неутомимый труженикъ отказался отъ кафедры и принялъ схиму въ тюменскомъ монастырѣ съ именемъ Θεодора; ревность его къ распространенію вѣры получила теперь еще болѣе свободы. Сибирскій воевода, князь Гагаринъ, предложилъ ему внѣшнія пособія для проповѣди; Θεодоръ отправился съ нѣсколькими священниками внизъ по Иртышу къ Остякамъ. Первый годъ службы вѣрѣ немного принесъ видимыхъ плодовъ; послѣ долгихъ убѣжденій Θεодоръ успѣлъ склонить въ Самарѣ народъ къ тому, что тотъ самъ сжегъ идола своего; то же сдѣлано въ шорванскихъ юртахъ; но здѣсь смятеніе едва могло быть успокоено убѣжденіями въ безсиліи неумѣвшаго защитити себя идола. Въ Конди крещены нѣкоторые отцы семействъ. Въ 1713 г. Θεодоръ во второй разъ поплылъ по Иртышу. Въ алтынскихъ юртахъ слово вѣры одержало побѣду надъ самыми закоренѣлыми идолослужителями. Θεодоръ крестилъ 3500 человекъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей прежде крещенныхъ Остяковъ. Въ слѣдующемъ году отправился онъ изъ Тюмени въ Пелымъ и крестилъ 400 вогуловъ, а миссіонеръ помощникъ его еще 300. Въ Березовѣ, по устроенію Промысла, собрались Остяки изъ дальнихъ кочевьевъ. Θεодоръ крестилъ ихъ и оставилъ имъ священника. Въ 1715 г. онъ плавалъ внизъ по Кондѣ и въ здѣшнихъ Остякахъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе, даже покушеніе на жизнь его. Но надежда на Господа,

⁴⁶⁾ Въ 1684 г., по волѣ китайскаго императора, разорены были русскія селенія на рѣкѣ Амурѣ; нѣсколько плѣнниковъ, жители Албазина, съ священникомъ ихъ отведены были въ Китай и поселены въ сѣверовосточномъ углу Пекина особенною слободою подъ именемъ «русской роты». Императоръ приказалъ дать имъ готовое буддійское капище для устроения церкви, которая и была устроена во имя Софіи, премудрости Божіей. Въ 1695 году Тобольскій митропол. Игнатій отправилъ къ нимъ съ сверхотурскимъ священникомъ Григоріемъ и съ Тобольскимъ діаконъ Лаврентіемъ антиминсъ, миро, богослужебныя книги и утварь.

⁴⁷⁾ Спасскаго, Сиб. Вѣстн. 1822 г., стр. 177—192.

искренность убѣжденія и чистота души, одушевлявшія богоугоднаго старца, одержали побѣду надъ упорнымъ заблужденіемъ. Въ томъ же году онъ снова вызванъ на митрополию и продолжать заботу о распространеніи вѣры. Въ 1716 г. посланные имъ миссіонеры обратили чуждымскихъ татаръ и болѣе половины Кистимцовъ, жившихъ на рѣкѣ Томѣ. Въ 1718 и 1719 годахъ святитель, несмотря на дряхлость лѣтъ опять самъ путешествовалъ съ проповѣдію святой вѣры, былъ въ Иркутскѣ и оттуда дважды за Байкаломъ, плавалъ по рѣкамъ Ангара, Тунгускѣ и Кеши. Феодоръ былъ отцомъ обращенныхъ имъ, доставлялъ имъ пособія жизни, свободу отъ подушнаго оклада и рабства. Апостольскими своими подвигами онъ успѣлъ обрѣсти для Христа до 40,000 остяковъ, вогуловъ, татаръ, тунгусовъ и другихъ инородцевъ и поставилъ для нихъ 37 церквей.

Удалясь въ Троицкую тюменскую обитель, онъ провелъ пять лѣтъ въ труженичествѣ и молитвенныхъ подвигахъ. Добрый пастырь, не щадившій себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 г., завѣщавъ похоронить себя у самаго входа въ храмъ Троицкій, дабы, по его собственному выраженію, „мимоходящіе попирали прахъ его ногами“ ⁴⁸⁾.

Въ первые годы служенія митрополита Филоея открыта была епархія Иркутская,—викарная сибирской митрополіи, гдѣ прежде того были уже обители иноковъ—ревнителѣй вѣры ⁴⁹⁾. Первымъ епископомъ Иркутскимъ былъ Варлаамъ Косовскій, изъ воспитанниковъ кievскихъ. По перемѣщеніи его въ Тверь на мѣсто его, нѣсколько лѣтъ остававшееся празднымъ, поступилъ св. Иннокентій, уроженецъ малороссійскій, изъ древней дворянской фамиліи Кульчицкихъ. По окончаніи полнаго курса наукъ въ кievской академіи онъ былъ постриженъ въ монашество въ Печерской лаврѣ и отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими въ Москву къ должности учителя въ тамошнюю славено-греко-латинскую академію. Четыре года несъ онъ училищную службу и, достигнувъ званія префекта, былъ переведенъ въ Петербургъ въ Александрo-Невскую лавру, гдѣ вскорѣ занялъ должность намѣстника. Когда Петръ I вознамѣрился учредить въ Китаѣ епископію, наравнѣ съ римско-католическою миссіей, Иннокентій 5 марта 1721 года хиротонисанъ былъ въ санъ епископа и отправленъ къ посланнику Измайлову въ Пекинъ на мѣсто бывшаго тамъ архимандрита. О прибытіи его послана была къ китайскому правительству предувѣдомительная грамота. Къ несчастію, она не застала уже въ Пекинѣ Измайлова, пользовавшагося большимъ уваженіемъ Богдыхана, и, по интригамъ миссіонеровъ-іезуитовъ, была возвращена селенгинскому начальнику съ такимъ изъясненіемъ, что „по указу богдыханскому, господина Иннокентія Кульчицкаго въ Пекинъ пропускать не велѣно, для того, что отъ сибирскаго губернатора никакого объ немъ письма нѣтъ и знаку

⁴⁸⁾ Словарь достопамятныхъ людей русск. земли, Бантышъ-Каменскаго, III, 219.

⁴⁹⁾ Спасская въ Якутскѣ съ 1660 года, Троицкая въ Киренскѣ съ 1663 г. и Вознесенская въ Иркутскѣ съ 1672 г.

печати, каковыя даны Измайлову, не приложено“. Иннокентію повелѣно было до времени оставаться въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ и пребылъ до 1725 года, а затѣмъ, по указу Синода, выѣхалъ въ Иркутскъ на житье въ тамошнемъ Вознесенскомъ монастырѣ; два года спустя онъ назначенъ былъ викаріемъ тобольскаго митрополита въ Иркутскѣ, съ подчиненіемъ ему Вознесенскаго монастыря; и такимъ образомъ уроженецъ юга поставленъ былъ Промысломъ благовѣстити Евангеліе сынамъ суровой Сибири. Высшее помазаніе, щедро изліянное въ душу и сердце угодника Божія, не являлось тщетнымъ: полудикіе обитатели дальняго сѣвера убѣждались вдохновенною его проповѣдью и толпами стекались къ купели крещенія. Чтобъ упрочить дѣло обращенія идолопоклонниковъ, Иннокентій открылъ при Вознесенскомъ монастырѣ училище для дѣтей всякаго званія, гдѣ преподавали имъ русскій букварь, чтеніе и пѣніе, толковали заповѣди, учили читать, писать и переводить по-монгольски; но съ кончиною святителя эта школа упала и совсѣмъ уничтожилась. Св. Иннокентій мирно кончилъ благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года и въ простой монашеской мантии погребенъ былъ въ склепѣ подъ соборною церковію Вознесенскаго монастыря ⁵⁰⁾.

Таковы были святители, избранные Великимъ Петромъ на служеніе церкви православной въ трудную эпоху иреобразования Россіи. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ въ высшей степени даровитомъ, ученомъ монахѣ, который сдѣлался ближайшимъ и усерднѣйшимъ сотрудникомъ Царя-преобразователя и по кончинѣ его сталъ во главѣ церковнаго управленія.

Феофанъ Прокоповичъ родился въ 1681 году. Онъ былъ сынъ кievскаго мѣщанина и при крещеніи нареченъ былъ Елеазаромъ. Въ дѣтствѣ лишившись родителя, онъ поступилъ на воспитаніе къ родному своему дядѣ, іеромонаху Феофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ коллегіи. Елеазару было всего три года; но съ каждымъ мѣсяцемъ появлялись въ немъ новыя отблески того могучаго ума и несокрушимой воли, которыми впослѣдствіи изумлялъ онъ всѣхъ своихъ

---

⁵⁰⁾ Въ царствованіе императора Павла I сенаторы Ржевскій и Левашевъ, ревизовавшіе Иркутскую губернію, донесли государю о нетлѣннй мощей святителя Иннокентія, а въ 1800 году Амвросій, митропол. новгородскій, объявилъ Св. Синоду Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣннй всѣхъ обстоятельство, изъясненныхъ въ рапортѣ сенаторовъ, и приложенныхъ при немъ свѣдѣннй отъ тогдашняго иркутскаго епископа Веніамина съ краткой выпиской о чудесахъ, происходившихъ при гробѣ святителя. По слѣдствію оказалось, что мощи и самая одежда въ Бозѣ почившаго пребыли совершенно нетлѣнными, а чудеса, бываемыя отъ нихъ, не подвержены никакому сомнѣнію. Черезъ два года послѣ сего снова произведено разслѣдованіе, и какъ бы во свидѣтельство несомнѣннаго прославленія угодника Божія, въ томъ же году, когда сгорѣлъ весь монастырь, уцѣлѣла одна лишь деревянная церковь, подъ которою почивали мощи св. Иннокентія. Въ 1804 г. указомъ Св. Синода отъ 1 декабря установлено праздновать память свят. Иннокентія 26 ноября. Въ 1805 г., 9 февраля, по облаченіи мощей въ святительскія ризы, онѣ были перенесены въ соборную Успенскую церковь, гдѣ и нынѣ открыто почиваютъ въ серебряной позолоченной ракѣ, источая всѣмъ вѣрующимъ исплѣненія.

современниковъ. Достигнувъ отрочества, онъ поступилъ въ низшіе классы училища и еще разъ остался сиротой, лишившись на восьмомъ году своего возраста благодѣтеля-дяди. Какой-то кievскій мѣщанинъ, имя котораго остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, взялъ мальчика къ себѣ на воспитаніе и далъ ему возможность продолжать начатое ученіе. Семнадцати лѣтъ отъ роду Елеазаръ Прокоповичъ уже окончилъ полный курсъ академическихъ наукъ; но жажда къ познаніямъ только что разгорѣлась въ немъ. Въ 1698 году онъ поѣхалъ въ Литву и, встрѣтивъ препятствіе въ исповѣдваемой имъ православной вѣрѣ, назвался униатомъ и даже вступилъ въ братство витебскаго базилианскаго монастыря подъ именемъ Елисея,—все это для того, чтобъ имѣть возможность еще разъ выслушать курсъ высшихъ наукъ. Настоятель отправилъ его въ волынское владимірское училище, находившееся при каедральномъ монастырѣ униатскаго епископа. Блестательные успѣхи въ наукахъ скоро обратили на него вниманіе всего училищнаго начальства, и Елисей скоро изъ ученика сдѣлался учителемъ поэзіи и реторики. Черезъ нѣсколько времени провинціалъ базилианскаго ордена отправилъ Прокоповича вмѣстѣ съ другими канониками въ римскую академію для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ. Три года пробылъ онъ тамъ, исполняя всѣ обязанности, сопряженныя съ принятымъ имъ званіемъ; но пылкость характера Прокоповича была причиною того, что тайна его обнаружилась и мнимый Елисей долженъ былъ бѣжать черезъ Венецію и Австрію въ Польшу. Прибывъ въ православный Почаевскій монастырь, онъ принялъ монашество съ переименованіемъ въ Самуила. Спустя нѣсколько времени Прокоповичъ былъ приглашенъ въ Кіевъ митрополитомъ Варлаамомъ, который лично зналъ необыкновенныя его способности и 1704 года опредѣлилъ его въ академію учителемъ піитики. Въ слѣдующемъ году Прокоповичъ принялъ имя Теофана, въ память своего покойнаго дяди, и съ тѣмъ уже остался до самой смерти.

Словомъ привѣтственнымъ на пріѣздъ въ Кіевъ Петра I, произнесеннымъ въ Софійской церкви іюля 5-го 1706 года, открывается великолѣпный рядъ торжественныхъ и похвальныхъ словъ Теофана. Это слово замѣчательно, какъ памятникъ первой встрѣчи его съ Петромъ. Несмотря на многіе недостатки, нельзя не признать въ немъ искренняго выраженія радости. Очень кстати Теофанъ окружилъ себя воспоминаніями старины и связалъ древнюю славу Россіи съ настоящею. Въ годъ Полтавской битвы, въ проѣздъ Петра Великаго черезъ Кіевъ, Теофанъ Прокоповичъ произнесъ длинное похвальное слово или „Панигирикось о православной надъ войсками Свейскими побѣдѣ“. Въ этомъ словѣ, довершившемъ возвышеніе Теофана, онъ — первый изъ современныхъ ему ораторовъ сталъ изображать живую современность, не переводя ее въ символы и аллегоріи.

Въ 1716 г. Теофанъ, ужь ректоръ академіи, былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ постоянно говорилъ проповѣди, въ которыхъ вы-

яснялъ слушателямъ политическія событія и планы Петра. Въ 1718 г. во время розысковъ, когда русское духовенство уличалось въ связяхъ съ царевичемъ и отринутой царицей, когда Петръ заподозрилъ въ этомъ даже и Стефана Яворскаго ⁵¹⁾, Теофанъ говорилъ слово о власти царской съ ясными намеками на современниковъ; тутъ говорилось о богословствующихъ невѣждахъ, которые хотятъ летать, но какъ „прузи, имѣя малыя крыльца, а чревище великое“, сейчасъ же падаютъ на землю,—о мудрецахъ, какимъ-то бѣсомъ льстимыхъ или меланхоліею омраченныхъ, которые считаютъ грѣшнымъ, что ни увидятъ чуднаго, славнаго, веселаго,—о видящихъ сонія и гласы слышащихъ; доказывалось, что и священныи чинъ обязанъ повиноваться государю, ибо этотъ чинъ не есть иное государство.

Теофанъ положилъ основаніе новой школѣ проповѣдниковъ, заключавшей въ себѣ возможность уклоненія въ протестантскую односторонность: онъ допускалъ совершенно свободное изъясненіе текстовъ св. Писанія безъ авторитета отцевъ Церкви. ⁵²⁾ Отъ проповѣди онъ требовалъ обличенія предрасудковъ и суевѣрій и преподаваніе основныхъ догматовъ христіанства, всѣмъ доступнаго, яснаго и подкрѣпленнаго текстами. Онъ особенно предостерегалъ противъ произвольныхъ, натянутыхъ толкованій, противъ обычая—мимо прямого смысла искалъ аллегорій и символовъ, и предписывалъ строго держаться буквальнаго смысла. Какъ основатель новой школы въ богословской наукѣ, Теофанъ сильно возсталъ противъ вліянія католическихъ преданій, вкравшихся въ нашу Церковь, и ревностно трудился надъ ихъ искорененіемъ. Въ этомъ критическомъ трудѣ онъ руководствовался однимъ Писаніемъ и личнымъ разумомъ. Понятно, что при такомъ образѣ мыслей Теофанъ, непримиримый врагъ римскаго католицизма, въ своихъ воззрѣніяхъ на предметы вѣры и церковное устройство естественно долженъ былъ уклоняться на сторону протестанства и въ этомъ отношеніи значительно расходился съ Яворскимъ и другими кievскими учеными, которые отыскивали въ его богословскихъ лекціяхъ

⁵¹⁾ Петръ заподозрилъ святителя Стефана въ расположеніи къ царевичу, бывшему тогда за границею, по слѣдующему мѣсту изъ проповѣди на 17 марта (день памяти святаго человѣка Божія и именинъ царевича): «О, угодниче Божій! не забуду и тезоименника твоего, и особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такжеже по чужимъ домамъ скитается; ты удалился отъ родителей: онъ такжеже; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знакомыхъ: онъ такжеже; ты человѣкъ Божій: онъ такжеже рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду». Въ той же проповѣди были слова, которыя Петръ могъ примѣнить къ себѣ: «море свирѣное, море — человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть—во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть, во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче четьредесятницу; берегъ есть почитати иконы».

⁵²⁾ Теофанъ положилъ въ основаніе слѣдующее правило: «испытывали бѣ (проповѣдники) сами отъ священнаго писанія, что есть воля Божія, и тобъ говорили».—(«Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ исповѣдники». Разсужденіе, писанное на степень магистра Ю. О. Самаринымъ, М. 1844, стр. 132).

протестантскія понятія о первородномъ грѣхѣ, оправданіи вѣрою, о церковной внѣшности и т. п. Сверхъ того, мѣстоблюстителю Стефану, строгому въ жизни и твердому въ правдѣ, не могла нравиться гибкость Теофановой совѣсти и свободное участіе его въ пиршествахъ вмѣстѣ съ иностранцами ⁵³), такъ что когда царь захотѣлъ возвести Теофана въ санъ святительскій, Стефанъ счелъ за нужное противиться его постановленію ⁵⁴). Но воля Петра была исполнена, и Теофанъ въ 1718 г. сдѣлался епископомъ псковскимъ съ правомъ носить саккосъ, что тогда почиталось особеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, ибо епископы облачались въ фелонь съ омофоромъ. Съ этой поры Прокоповичъ становится правою рукою Петра въ дѣлахъ церковныхъ, болѣе министромъ, чѣмъ святителемъ Церкви.

По кончинѣ Петра и особенно при Биронѣ Теофанъ стоялъ во главѣ церковнаго правленія и дѣйствовалъ самовластно, нисколько не обуздывая страстей своихъ и мстительности противъ тѣхъ, которые прежде служили ему препоною. Хитрый и дальновидный, онъ умѣлъ устоять и удержать все вліяніе въ ту страшную эпоху, когда знатнѣйшіе дѣятели на поприщѣ политическомъ кончали жизнь свою въ снѣгахъ Сибири, когда отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній не избавляли ни личныя достоинства, ни высокой санъ. Но пришелъ конецъ и его многмятежной жизни (8 сентября 1736 г.); въ устрашающихъ образахъ проходили предъ нимъ минувшія событія, и, готовясь предстать суду Божию, онъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу, произнесъ: „о, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?“ ⁵⁵),

Церковныя преобразованія Петра коснулись и состоянія духовенства какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго. Взглядъ Петра на монашество, выраженный еще при учрежденіи монастырскаго Приказа, проходить по всему его законодательству о монастыряхъ. Руководясь своими матеріальными понятіями о служеніи обществу и раздраженный тѣми подметными письмами противъ реформы, которыя изъ монастырскихъ келлій распространялись въ народѣ, онъ смотрѣлъ на мо-

⁵³) По доносу на дурную жизнь Теофана царь, любившій повѣрять лично всѣ доносы, самъ заѣхалъ къ Теофану въ полночь и засталъ его среди веселой пирушки съ друзьями. Теофанъ не смутился, заплѣлъ, съ кубкомъ въ рукѣ, навстрѣчу царя: «се женья грядеть въ полунощи», и провозгласилъ тостъ за его здоровье. Государю это понравилось, и онъ охотно самъ присоединился къ пирующимъ.

⁵⁴) Стефанъ написалъ и послалъ обличеніе на богословскую систему Прокоповича къ епископамъ Алексію сарскому и Варлааму тверскому, вызваннымъ въ Петербургъ для посвященія Теофана въ санъ епископа псковскаго, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ государю и формально потребовали бы отъ Теофана, предъ посвященіемъ, отреченія отъ указанныхъ пунктовъ и публичнаго оглашенія, что лекціи его были неправильны; въ случаѣ же отказа Теофанова Яворскій требовалъ, чтобы обличеніе его было представлено Вселенскимъ патріархамъ. Но протестъ этотъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, въ нѣкоторыхъ статьяхъ дѣйствительно привязчивый, не былъ уваженъ и, къ сожалѣнію, послужилъ лишь поводомъ къ распрѣ между сими двумя іерархами (Словарь Истор. ч. II, стр. 261).

⁵⁵) Тѣло Теофана, съ 1726 года, архіепископа Новгородскаго, погребено въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ Мартиріевской паперти.

наховъ, какъ на людей, которые „пождаютъ чуждые труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суетвѣрія“. Несмотря на значительныя суммы денегъ, заимствованныя Петромъ изъ богатыхъ обитателей ⁵⁶⁾, первую заботою его было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Еще съ 1701 года монастырской Приказъ началъ перепись монастырей для составленія опредѣленнаго штата монашествующихъ. Штаты не были составлены, но принято было общимъ правиломъ число монаховъ и монахинь противъ переписи не увеличивать, постригать желающихъ только на свободныя мѣста. Съ теченіемъ времени и то число монашествующихъ, какое найдено по переписи, стало уменьшаться; вмѣсто убылыхъ монаховъ въ монастыряхъ помѣщались больные, нищіе, сумасшедшіе и особенно отставные солдаты. Впрочемъ, вскорѣ по основаніи новой столицы на берегахъ Невы Петръ устроилъ тамъ новую обитель въ честь св. великаго князя Александра Невскаго, въ которую перенесъ и мощи его изъ Владиміра ⁵⁷⁾. Здѣсь монахи были преимущественно ученые, по выбору самого царя, который ясно понималъ пользу, приносимую Церкви ученымъ монашествомъ, и указомъ предписалъ: „во всѣхъ Россійскія Имперіи монастыряхъ, переписавъ молодыхъ ниже 30 лѣтъ монаховъ, для ученія, кого какихъ наукъ возможно, въ славянолатинскія школы собрать“. Въ 1727 году императоръ Петръ II повторилъ тотъ же указъ; въ немъ замѣчено между прочимъ, что цѣлю такого распоряженія поставляется то, чтобъ былъ отъ ученыхъ иноковъ „плодъ Божіей Церкви“.

Бѣлое духовенство требовало еще болѣе попеченій, нежели монашествующее; реформа застала его въ самомъ жалкомъ положеніи, матеріальномъ ⁵⁸⁾ и нравственномъ ⁵⁹⁾. Для улучшенія матеріальныхъ

⁵⁶⁾ Такъ изъ Сергіевой лавры Петръ взялъ въ разное время «на ратное дѣло» и въ разные Приказы 402,000 серебряныхъ рублей, 200 золотыхъ червонныхъ и 1000 ефимковъ. Кромѣ того отъ лавры было отписано на Олонецкія верфи и на Невскій монастырь 4412 дворовъ.

⁵⁷⁾ Святотроицкая Александровская лавра основана въ 1710 году при устьи рѣчки Черной, на мѣстѣ, прославленномъ побѣдами св. князя Александра Невскаго надъ Шведами. Мощи св. князя, почивавшія открыто во владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ, перевезены въ 1724 году до Новгорода и тамъ поставлены на яхту. Царь съ своею свитою встрѣтилъ 30 августа св. мощи при устьи рѣки Ижоры, снялъ ихъ съ яхты на свою галеру и самъ управлялъ рулемъ до монастыря, гдѣ св. мощи положены въ бывшей тогда деревянной церкви подъ спудомъ. Тогда же установленъ праздникъ 30 августа. Серебряная рака пожертвована въ 1752 году дочерью Петра, Елисаветою, изъ перваго серебра, добытаго въ ея царствованіе.

⁵⁸⁾ Священники, по словамъ публициста Петровскаго времени, крестьянина Посошкова, были «ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху; мужикъ за косу—и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить, гдѣ было обѣдную служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ».

⁵⁹⁾ Велѣно наблюдать за священниками, чтобы они не шумѣли пьяные по улицамъ, не ссорились по-мужичьи на обѣдахъ, не являли силы и храбрости къ питію, не пили по кабакамъ, не ложились спать на улицахъ.

средствъ приходскаго духовенства правительство предпринимало сокращеніе числа церквей и священно-церковнослужителей. При построеніи новой церкви требовалось предварительное разрѣшеніе высшей духовной власти и самого государя, обращалось вниманіе на число приходскихъ дворовъ, отводимыхъ для новой церкви, на достаточность средствъ для ея содержанія и на разстояніе ея отъ сосѣднихъ церквей. Но вопросъ объ улучшеніи содержанія духовенства такъ и остался нерѣшеннымъ. При Петрѣ уменьшилось даже и то благосостояніе, какимъ духовенство пользовалось прежде. Такъ еще съ 1698 года всѣмъ церквамъ, у которыхъ были какія-нибудь угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга, а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было ни прихода, ни угодій, эту ругу велѣно выдавать только наполовину. Кромѣ того, самыя угодья церквей—мельницы, рыбныя ловли, лавки, постоянныя дворы и пчельники, которые были особенно любимой доходной статьей духовенства, были объявлены теперь оброчными статьями казны и обложены оброкомъ. Старые платежи въ архіерейскую казну сдѣлались для духовенства еще тяжелѣе прежняго, попавъ теперь въ вѣдомство сборщиковъ монастырскаго Приказа. Чтобъ усилить нравственное значеніе блага духовенства, рѣшили поставлять въ священники и дьяконы людей достойныхъ и противодѣйствовать обычаю, по которому мѣста передавались по наслѣдству и продавались, находясь въ зависимости отъ домовъ священнослужительскихъ. Наборъ дѣтей духовенства въ военную службу еще болѣе увеличилъ число недостойныхъ священниковъ и дьяконовъ, потому что молодые люди бросались на мѣста, чтобъ отбыть отъ военной службы. Народному значенію духовенства весьма много вредило еще то, что оно было притянуто къ общей тогда системѣ полицейскихъ доносовъ; оно обязано было доносить правительству о прихожанахъ, которые противодѣйствовали реформѣ, о распространителяхъ суевѣрій и расколовъ, о заговорахъ противъ государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавали о нихъ на исповѣди.

Неудивительно, что при такомъ положеніи духовенства съ одной стороны, а съ другой — при жестокихъ гоненіяхъ со стороны правительства, — расколъ, какъ отрицаніе Церкви, усиливался постоянно, развѣтвляясь на безчисленные толки ⁶⁰⁾. Вразумленія церковнаго (кромѣ святителей, упомянутыхъ выше) онъ встрѣчалъ весьма мало. Безжалостный въ послѣдствіи къ неисправимымъ изувѣрамъ, Петръ въ первой половинѣ своего царствованія приказывалъ съ противниками Церкви съ кротостію и разумомъ поступать по Апостолу—„быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрязу“, и „не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“. Онъ думалъ, какъ видно изъ этихъ словъ, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе съ перемѣною тона, ибо до тѣхъ поръ духовныя лица обращались къ раскольникамъ,

⁶⁰⁾ Снова повторяемъ, что предѣлы нашихъ «Разказовъ» не дозволяютъ намъ входить въ подробности дѣлъ раскольничьихъ.

какъ строгіе судьи къ преступникамъ. Петръ нашелъ человѣка, который могъ быть способнѣе другихъ къ такой перемѣнѣ обращенія: то былъ Питиримъ, игумень Переяславскаго Никольскаго монастыря, самъ бывшій прежде въ расколѣ и потому знавшій хорошо своихъ прежнихъ собратій. Въ 1706 году Петръ поручилъ ему обращеніе раскольниковъ увѣщательными средствами. Если царь не хотѣлъ преслѣдовать своихъ подданныхъ за религіозныя убѣжденія, то съ другой стороны, смотря на расколъ какъ на заблужденіе, онъ не могъ позволить, чтобы заблужденія распространялись въ народѣ. Онъ терпѣлъ расколъ только съ условіемъ, чтобы раскольники исполняли обязанности добрыхъ гражданъ и подданныхъ: такъ онъ прямо объявилъ Выгорѣцкимъ раскольникамъ, что позволяетъ имъ молиться по-старому, если только они будутъ усердно помогать ходу желѣзныхъ заводовъ. Выгорѣцкіе раскольники усердно работали, увѣряли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности и потому безпрепятственно могли молиться по-старому. Но Петръ хорошо зналъ, что не всѣ раскольники были похожи на Выгорѣцкихъ, зналъ, что это самые злые противники преобразованія, самые ревностные распространители ученія о новыхъ временахъ, какъ временахъ антихриста, зналъ, что эти люди толпами бѣгутъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ и отбывая отъ службы. Петръ не хотѣлъ преслѣдовать безвредныхъ раскольниковъ; но чтобы они были безвредны, чтобы правительство могло терпѣть ихъ, какъ безвредныхъ, нужно было знать, что они, гдѣ они и сколько ихъ? Въ февралѣ 1716 года велѣно было переписать всѣхъ раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и чернецовъ и черницъ; но какъ Выгорѣцкіе раскольники получили право молиться по-старому за усердную работу на заводахъ, такъ и всѣ раскольники за это право должны были помочь государству въ его великой денежной нуждѣ, должны были платить двойной окладъ. Въ теченіе 12 лѣтъ Питиримъ обратилъ весьма много раскольниковъ въ юрьевецкомъ и балахнинскомъ уѣздахъ. Въ 1716 г. онъ послалъ въ керженскіе поповщинскіе скиты 130 вопросовъ, на которые раскольники отвѣчали тоже вопросами (числомъ 240), но отвѣтовъ на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь отъ состязанія съ нимъ изъ боязни посрамленія. Послѣ неоднократныхъ требованій съ его стороны эти отвѣты присланы были къ нему въ 1719 году, когда онъ былъ уже епископомъ нижегородскимъ. Въ селѣ Пафнугевѣ наконецъ состоялся обмѣнъ этихъ отвѣтовъ съ отвѣтами Питирима и знаменитое собесѣдованіе его съ учителями Кержевцевъ: Варсонофіемъ и дьякономъ Александромъ, въ присутствіи многочисленной толпы раскольниковъ, кончившееся присоединеніемъ расколуучителей къ православію ⁶¹⁾. Отвѣты святителя Питирима подъ именемъ „Пращицы“ и исповѣдь Варсонофія напечатаны

⁶¹⁾ Александръ послѣ опять отступилъ отъ Церкви и былъ казненъ, какъ оскорбитель власти и обманщикъ (Собр. Зак. 1721 года № 3522).

и разосланы были по церквамъ ⁶²⁾. Питиримъ самъ объѣзжалъ скиты раскольничьи, строилъ церкви, приготовлялъ и поставлялъ способныхъ священниковъ. Къ концу жизни его († 1738) въ его епархіи едва осталось 2000 раскольниковъ, тогда какъ въ 1716 году ихъ считалось свыше 40.000.

Для истребленія раскола необходимо было просвѣщеніе духовное, и оно составляло постоянную заботу царя-преобразователя. Въ кievской Могиліанской коллегіи по восстановленіи ея ученіе продолжало процвѣтать. Тишина, водворившаяся въ Кіевѣ со времени присоединенія его къ семейству городовъ русскихъ, безопасность отъ всѣхъ притѣсненій, никогда не перестававшихъ въ мѣстахъ, подвластныхъ польской коронѣ, привлекали въ Кіевское училище и другихъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ даже державѣ русской. Отъ царей Іоанна и Петра коллегія получила двѣ грамоты: въ первой изъ нихъ предоставлено ей право безпрепятственно владѣть вотчинами со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, пожитками и доходами. Вторая грамота назначаетъ, еще въ первый разъ, царское жалованье коллегіальному начальству ⁶³⁾, хотя весьма скудное. Петръ-единовластитель даровалъ (26 сентября 1701 года) кievскимъ школамъ новую милостивую грамоту. Главное, что особенно было лестнымъ для коллегіи въ этой грамотѣ,—это названіе ея академіей, равно по привилегіямъ „инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ“. вмѣстѣ съ этимъ ученики въ царской грамотѣ наименованы „студентами“, съ правомъ неподсудности никому, кромѣ ближайшаго своего начальства. Съ этой поры началась новая эра существованія Кіево-Могиліанской коллегіи; возведенная въ званіе академіи, она годъ отъ году становилась болѣе достойною своего высокаго имени.

⁶²⁾ Пращица Питирима спасла многихъ въ его паствѣ и въ другихъ мѣстахъ. Она показываетъ въ Питиримѣ не только удивительную начитанность, но умъ ясный и проницательный, вѣрное знаніе св. Писанія и духа Христовой Церкви. Съ мученическимъ терпѣніемъ старается онъ довести любящихъ споры до сознанія въ ошибкахъ, до разумнѣнн вѣрнаго пути,—подробно разбираетъ съ ними каждое сомнѣніе ихъ, объясняетъ непонятое ими и съ сердечною теплотою обращается къ ихъ совѣсти. Здѣсь виденъ Питиримъ съ его умомъ здравымъ, съ его сердцемъ полной любви, съ рѣшимостію воли твердою; виденъ тотъ учитель Церкви, какой нуженъ въ борьбѣ съ расколомъ.

⁶³⁾ Эта грамота замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она составляла какъ бы училищную инструкцію. Главнѣйшіе пункты ея суть слѣдующіе: преподавать науки «черезъ своихъ православныхъ префекторовъ и профессоровъ и учителейъ, а не отъиуда приходящихъ», вмѣнивъ имъ въ святую обязанность дѣлать свое дѣло «съ великою ревностію и тщаніемъ, такъ какъ и предки ихъ въ тѣхъ же школахъ, радѣтельно, спокойно и свободно дѣтей учили безо всякихъ препинаній, во всякомъ почитаніи и безопаствѣ». Преподавать же «не токмо питики и риторики, и философіи, и богословіи ученіе, а также славено-россійскій, еллино-греческій и латинскій языкъ. Въ преподаваніи наукъ свободныхъ ни въ чемъ не отлучатися исповѣданія святаго восточнаго Церкви, наипаче остерегаться того накрѣпко, чтобъ ученіе было благочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія». Въ этой грамотѣ коллегія названа просто «школами», а всѣ воспитанники безъ различія «учениками».

Въ 1710 г. Кіевъ, пораженный тяжкимъ бѣдствіемъ—чумою ⁶⁴⁾, былъ свидѣтелемъ чуда, явленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ Своихъ. Только одинъ Михайловскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи св. великомученицы Варвары, былъ сохраненъ вмѣстѣ съ подгорнымъ скитомъ своимъ отъ губительной болѣзни. Желая увѣковѣчить сіе великое знаменіе молитвеннаго ходатайста св. великомученицы, митрополитъ Іоасафъ сочинилъ ей акаѳистъ и установилъ прочитывать его еженедѣльно по вторникамъ, что исполняется донынѣ.

Конечно и академія не могла не раздѣлять бѣдствій своего края. Въ однихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіальному братству, произвели страшное опустошеніе моровая язва и саранча, а другія отошли за границу, подъ владычество Польши, по Прутскому договору, при которомъ Украина правой стороны Днѣпра досталась Польшѣ. Но внутреннее состояніе академіи день ото дня возвышалось. Особенно ректоръ ея Теофанъ Прокоповичъ, отрѣшившись отъ узъ схоластики, пріобрѣлъ своими богословскими трактатами такую славу, какой никогда не имѣли его предмѣстники. Сверхъ того, высокое значеніе его, пріобрѣтенное милостивымъ вниманіемъ государя и могущественнаго любимца его Меншикова, связи съ другими вельможами двора не могли не быть благодѣтельными и для училища; въ аудиторіи его стали слышаться знатнѣйшія фамиліи, и всѣ лучшіе помѣщики малороссійскіе, зная о любви монарха къ просвѣщенію, наперерывъ спѣшили отдать дѣтей своихъ въ единственное тогда училище. Граждане, купцы и мѣщане кіевскіе за честь себѣ поставляли быть въ числѣ воспитанниковъ академіи, заключавшей въ себѣ до 1100 слушателей.

Академія пользовалась покровительствомъ гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго и имѣла постоянныхъ попечителей въ лицѣ митрополитовъ нѣвскихъ: Варлаама Ясинскаго (1690—1707) и Іоасафа Кроковскаго (1707—1718), который послѣ измѣны Мазепы былъ вызванъ Петромъ на соборъ въ Глуховъ вмѣстѣ съ другими святителями, чтобы предать проклятію коварнаго измѣнника и ненасытнаго честолюбца. Болѣзненно отзывалась въ сердцѣ Іоасафа анаѳема тому, кого за нѣсколько дней передъ симъ почиталъ онъ охранителемъ православія и благодѣтелемъ просвѣщенія; но скорбя о человѣкѣ, онъ поражалъ клятвою измѣнника вѣрѣ, царю-благодѣтелю и родному краю. Немедленно по прибытіи въ Кіевъ митрополитъ обнародовалъ актъ проклятія печатными листами, съ увѣщаніемъ ко всему народу пребывать въ вѣрности къ государю. Въ 1718 году, когда начался судъ

⁶⁴⁾ По словамъ очевидца, «пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнано всѣхъ обитателей изъ Кіева и странствоваху отъ града во градъ, единъ другаго чуждающися—отецъ дѣтей, дѣти отца, и мнозѣхъ трупіе поядаху звѣріе, птицы, псы и свинія. Церкви божественныя опустѣша, такожъ и монастыри, и не бѣ ни жертвы, ни приношенія, и таково быше время, яко ни купити, ни продати, ибо города сталися позапираны, дома позабиваны, жители изгнаны, и вся, яже кто имѣяше, оставляше и бѣгаше по пустыняхъ и поляхъ».

надъ царевичемъ Алексіемъ, Іоасафъ былъ вызванъ въ Петербургъ, но остановленъ въ Твери, и между тѣмъ какъ свитѣ его приказано было слѣдовать въ обратный путь, митрополитъ былъ заточенъ въ Тверскомъ Архангельскомъ монастырѣ, гдѣ 1 іюля 1718 года и скончался ⁶⁵⁾. Онъ былъ послѣднимъ первосвятителемъ кievскимъ на правѣ избирательномъ; преемники его назначались уже по общему порядку.

Положеніе Московской академіи, въ началѣ царствованія Петра, было весьма неблагопріятно. Наступило время переходное: вліяніе греческаго языка смѣняется латинскимъ, кругъ ученой дѣятельности расширяется, наставниковъ беретъ академія не изъ Греціи, но изъ единоплеменной Руси юго-западной. Замѣчательно, что въ это время рушилась послѣдняя опора ученыхъ изъ Грековъ: послѣдній патріархъ Московскій, стоявшій за идеи царя Θεодора и Софіи, до самой смерти заботившейся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ Грековъ, скончался, оставивъ академію въ опасности совершеннаго упадка. Дѣйствительно, непрестанная смѣна наставниковъ въ академіи послѣ Лихудовъ, дошедшая наконецъ до того, что некому было учить, сокращеніе предметовъ ученія, открытое гоненіе на языкъ Греческій, не могли обѣщать академіи прочнаго существованія, и это до тѣхъ поръ, пока не вступился въ ея участь преобразователь Россіи.

Первый изъ учениковъ Лихудовъ и почти послѣдній въ ряду наставниковъ, вышедшихъ изъ ихъ школы, Палладій Роговскій, не могъ напоминать собою Лихудовъ: заграничное образование не оставило въ немъ и слѣдовъ Греческаго образованія, полученнаго имъ въ Москвѣ, такъ что онъ не зналъ даже языка Греческаго. Слушавъ полтора года Лихудовъ еще въ школѣ Богоявленскаго монастыря, Палладій, желая „совершеннаго ученія“, удалился изъ Москвы, снялъ иноческое платье и учился годъ въ Вильнѣ въ іезуитской школѣ; потомъ въ Силезскомъ городѣ Нейссе провелъ еще годъ, „учася шитическому разуму“; отсюда перешелъ въ Ольмюцъ для слушанія реторики. Но ольмюцкіе іезуиты не соглашались допустить его въ школу, если онъ не приметъ уніи, и Палладій рѣшился изъ любви къ наукѣ на временное, впрочемъ, только наружное отступленіе отъ православія. Это открыло ему дорогу въ Римъ, гдѣ семь лѣтъ изучалъ онъ философію и богословіе въ греко-уніатской коллегіи, былъ здѣсь посвященъ въ пресвитера уніатскимъ митрополитомъ Онуфріемъ и, по окончаніи ученія, получивъ степень доктора философскихъ и богословскихъ наукъ, тайно уѣхалъ въ Россію, исповѣдалъ патріарху Адріану свое невольное отступничество, написалъ пространное исповѣданіе своей вѣры въ духѣ православія и проклялъ ученія, мудр-

⁶⁵⁾ Вина Іоасафа осталась неизвѣстною. Можетъ быть замѣчали въ немъ расположеніе къ несчастному царевичу; еще болѣе правдоподобно, что митропол. навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Мазенѣ и посѣщалъ его, при мнимой его болѣзни, въ Борнѣ, незадолго предъ открытіемъ измѣны.

ствованія, догматы и толкованія западныя, несогласныя съ ученіемъ Церкви восточной. Въ 1699 году патріархъ принялъ Палладія въ нѣдра православной Церкви, а на слѣдующій годъ поручилъ ему должность наставника въ академіи и поставилъ его игуменомъ Заиконоспасскаго монастыря ⁶⁶).

Между тѣмъ, по смерти патріарха Адріана во главѣ управленія дѣлами Церкви сталъ митрополитъ Стефанъ Яворскій. Въ 1701 году царь ввѣрилъ его непосредственному надзору и попеченію Московскую академію, и Яворскій первый принялъ названіе протектора академіи. Выборъ, сдѣланный Петромъ, оправдался какъ нельзя лучше: просвѣщенному вниманію Яворскаго обязана академія своимъ возстановленіемъ и распространеніемъ. Лучшій изъ тогдашнихъ воспитанниковъ Кіевской академіи, докончившій свое образованіе за границею, Стефанъ внушилъ царю, что лучшимъ образцомъ для устройства академіи Московской можетъ быть Кіевская, уже засвидѣтельствовавшая долговременными опытами доброе направленіе введеннаго въ ней образованія и даровавшая Церкви многихъ архипастырей и ученыхъ, и Петръ, еще прежде указывавшій патріарху Адріану на кіевскихъ ученыхъ ⁶⁷), повелѣлъ „завестъ въ академіи ученія латинскія“. Сличая это распоряженіе Петра съ распоряженіями царя Θεодора Алексѣевича и патріарховъ восточныхъ, имѣвшими мѣсто при основаніи академіи и послѣ при Лихудахъ, находимъ, что тогда отдавали преимущество и даже исключительное господство образованію греческому, а теперь вводится образованіе латинское. Царь Петръ въ свое путешествіе по Европѣ видѣлъ одни разсадники латинскаго образованія и потому, внося преобразование во внѣшнюю жизнь народа, желалъ и науку облечь въ общепринятія на Западѣ формы. Стефанъ Яворскій, питомецъ школъ кіевской, львовской и познанской, очевидно, не могъ не сочувствовать порядку, введенному въ этихъ школахъ. Потому, въ силу указа царскаго, Яворскій обратился за учителями къ академіи Кіевской и послѣ смерти Палладія устроилъ академію Московскую по образцу Кіевской. Есть основаніе думать, что всѣ уроки читались и сочиненія были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ: академія утратила прежнее названіе школъ греческихъ и именовалась латинскими славяно-латинскими школами ⁶⁸).

⁶⁶) Палладій училъ только на латинскомъ языкѣ, училъ недолго: излуренный продолжительнымъ и труднымъ ученіемъ въ школахъ западныхъ, онъ скончался 23 января 1703 года и погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

⁶⁷) Въ 1699 г. Петръ писалъ патріарху Адріану, что русское духовенство малограмотно, есть въ Москвѣ школа, но мало отъ нея пользы, надобно послать хоть 10 чело-вѣкъ въ Кіевъ для науки.

⁶⁸) Иерусалимскій патріархъ Досеѣй прислалъ въ 1703 году къ мѣстоблюстителю Стефану посланіе, въ которомъ выразилъ сильное негодованіе на недоброжелательство послѣдняго къ грекамъ, на латинское направленіе его сочиненій и на его изгнаніе изъ Московской академіи греческаго языка; при этомъ онъ заранѣе предварялъ мѣстоблюстителя,

Мы уже видѣли, что царь-преобразователь тяготился послѣднимъ патріархомъ. Хотя Адріанъ вовсе не походилъ на Никона и только безмолвіемъ протестовалъ противъ реформъ и нововведеній, но предъ глазами Петра всегда носился призракъ прежняго „властительнаго“ великаго государя⁶⁹⁾. Не надѣясь найти Адріану преемника просвѣщеннаго, достойнаго уваженія по благочестію и вмѣстѣ съ тѣмъ усерднаго сподвижника въ дѣлѣ преобразованія государства, Петръ давно уже рѣшился уничтожить патріаршество въ Россіи и замѣнить его соборнымъ управленіемъ.

По волѣ царя, въ 1720 г. собранъ былъ соборъ пастырей церкви русской. Подъ предсѣдательствомъ самого царя соборъ разсуждалъ о высшемъ духовномъ правительствѣ. Признано было полезнымъ поручить управленіе церковію, вмѣсто патріарха, постоянному собору пастырей. Причины обнародованы слѣдующія: а) тогда какъ занятія одного лица могутъ останавливаться то болѣзнями, то смертію его, соборъ имѣетъ возможность вести дѣла безостановочно, и отвѣты на возможные сомнѣнія могутъ быть всегда готовы. б) Легче дознать правду собору многихъ, чѣмъ одному лицу. в) Въ рѣшеніяхъ собора болѣе можетъ быть безпристрастія, чѣмъ въ рѣшеніяхъ одного лица. г) Рѣшенія собора болѣе имѣютъ важности и твердости, и потому охотнѣе будутъ исполняемы, чѣмъ рѣшенія одного лица. д) Ивліяніе сильныхъ не столько можетъ препятствовать правильнымъ опредѣленіямъ собора, чѣмъ рѣшеніямъ одного лица. Влѣдствіе сего положено было, не измѣняя ничего въ отношеніяхъ церковнаго пра-

---

что на востокѣ не потерпятъ, если его выберутъ въ патріархи. «Находясь въ Москвѣ, писалъ патріархъ, ты стерь въ конецъ еллинское училище и только о латинскихъ школахъ заботишься. Не можетъ быть патріархъ изъ Малороссіанъ или Бѣлоруссовъ, потому что они, имѣя сношеніе съ латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы, за примѣрами не нужно далеко ходить: довольно тебя, который, отправившись въ латинскія земли для спусканія мудрости, принесъ хульные писанія въ даръ воспитавшей и почитавшей тебя восточной Церкви. Зачѣмъ ты опасаясь обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ (т.-е. иностранцевъ)? Святѣйшій патріархъ Іоакимъ, видя смущеніе въ Церкви, съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь!»

⁶⁹⁾ Въ первой части Регламента сказано: «Отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, каіе происходятъ отъ единаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивленный помышляетъ, что такоіаго правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство: такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ; что же, когда приложатся плевельные разговоры властолюбивыхъ духовныхъ лицъ и къ сухому хворосту огонь подложатъ? Простыя сердца такъ мнѣніемъ этимъ развращаются, что не столько смотрятъ на самодержца своего, сколько на верховнаго пастыря, и когда услышатъ между ними распрю, то всѣ болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, хотя слѣпо и пребезумно, за духовнаго ратовать и бунтовать дерзаютъ, и лбятъ себя окаянныя, что по самомъ Богѣ побораютъ и руки свои не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились. Такому въ народѣ мнѣнію очень рады бываютъ коварные люди, враждующіе на своего государя».

вленія, открыть постоянный духовный соборъ, который назывался сначала духовною коллегіею, а потомъ получилъ наименованіе „святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода“.

Въ 1721 году царь Петръ увѣдомилъ посланіемъ константинопольскаго патріарха, а черезъ него и прочихъ первосвятителей восточныхъ объ учрежденіи соборнаго правленія Русской церкви. Патріархъ Іеремія въ отвѣтъ на царское посланіе писалъ къ св. Синоду, признавая его братомъ во Христѣ восточныхъ патріарховъ, съ равною имъ церковною властію. Такое же посланіе получено отъ патріарха антиохійскаго Аванасія; патріархи александрійскій и іерусалимскій не прислали отъ себя отзыва, потому что первый скончался, а второй лежалъ на смертномъ одрѣ.

Такъ утвердился новый видъ высшаго управленія церкви русской!

Духовный Регламентъ, написанный Теофаномъ Прокоповичемъ, пересмотрѣнный соборомъ и утвержденный государемъ, какъ примѣненіе древнихъ церковныхъ правилъ къ состоянію русской церкви, сталъ церковнымъ правиломъ. Впрочемъ самимъ Регламентомъ какъ оставлены въ неприкосновенности и древней силѣ древнія правила соборовъ и отцовъ, такъ предоставлено Синоду вводить и новыя постановленія, по нуждамъ св. церкви, по руководству св. Писанія и правилъ церкви вселенской, по утвержденіи ихъ самодержавною властію ⁷⁰).

Президентомъ св. Синода былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; за нимъ по старшинству слѣдовали члены: Теодосій (Яновскій), архіепископъ Новгородскій, Теофанъ, архіепископъ Псковскій, Петръ, архимандритъ Симоновскій, Леонидъ архимандритъ Петровскій, Филоеѣй, архимандритъ Донской, греческій священникъ Анастасій Кондоиди, Іоаннь, протопопъ Троицкій, Петръ протопопъ Петропавловскій, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ.

Въ сущности постоянный соборъ, или Синодъ, остался тѣмъ же для русской церкви, чѣмъ было патріаршее правленіе, какъ и писали патріархи. Замѣнивъ собою патріаршество, онъ принялъ на себя и занятіе патріаршаго правленія. Священнымъ долгомъ его, долгомъ предъ Господомъ и церковію, служить слѣдующее: наблюдать за чистотою ученія и благолѣніемъ богослуженія, противодѣйствовать ересямъ и расколу, повѣрять сказанія о святыхъ и искоренять всякое суевѣріе, наблюдать за проповѣданіемъ слова Божія, избирать и поставлять достойныхъ архипастырей, преподавать наставленіе архипастырямъ въ случаѣ недоумѣнія ихъ, принимать и разрѣшать жалобы недовольныхъ

⁷⁰) Указъ 25 января 1725 г.: «Должна есть колегія сія (св. синодъ) и новыми впередъ правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ востребуѣтъ разные разныхъ дѣлъ случаи». Первое прибавленіе къ Регламенту составлено было Синодомъ въ 1722 г. Въ Указѣ 1732 г. издано Синодомъ новое дополненіе (Собр. Зак. № 6177). Вообще указы Синода съ правилами составляютъ дополненія къ Регламенту.

рѣшеніями церковныхъ правителей. Преимущественному смотрѣнію его принадлежать всѣ духовныя училища и всѣ лица духовнаго званія, равно цензура духовныхъ книгъ, свидѣтельствованіе мощей и чудесъ и сопрічисленіе къ лику святыхъ. Ему принадлежит окончательное рѣшеніе дѣлъ о сомнительныхъ бракахъ или о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и о расторженіи брака. Вообще же все, что можетъ имѣть вліяніе на состояніе отечественной церкви по отношенію къ догматамъ вѣры или къ богослуженію и правленію, составляетъ предметъ заботъ и разсужденій св. Синода ⁷¹⁾.

к о н е ц ъ .

⁷¹⁾ Исторія русской Церкви Филарета, ч. V, стр. 3—5.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Книга первая.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Первые проявленія христіанства на землѣ Русской.—Аскольдъ и Дирь.—Св. княгиня Ольга.—Первые мученики.—Варяги.—Св. равноапостольный князь Владиміръ.—Свв. страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ.—Преп. Ефремъ Новоторжскій	1
ГЛАВА II. Раздѣленіе Россіи на удѣлы.—Вел. кн. Ярославъ I.—Распространеніе христіанства.—Различіе между православною и латинскою проповѣдью Евангелія.—Іерархія Русской Церкви.—Способы содержанія духовенства.—Церковное управленіе.—Уставы Владиміра и Ярослава о судахъ церковныхъ	14
ГЛАВА III. Начало инопчества въ Россіи.—Основаніе Киевопечерской обители.—Преподобные Антоній и Θεодосій.—Сооруженіе и освященіе Великой церкви	22
ГЛАВА IV. Подвижники Печерской обители: затворники, претерпѣвшіе искушеніе духовной гордости, похоти плотской и сребролюбія;—образцы добродѣтелей и служенія ближнимъ: проповѣдники вѣры Христовой.—Распространеніе христіанства въ Ростовской области и вообще на сѣверныхъ окраинахъ Русской земли	34
ГЛАВА V. Гибельныя послѣдствія удѣльной системы правленія.—Убіеніе св. князя Игоря-Гавріила.—Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій.—Преп. Антоній Римлянинъ.—Сыновья Великаго Мстислава: св. Всеволодъ и блаж. Ростиславъ	51
ГЛАВА VI. Основаніе великаго княженія во Владиміръ.—Юрій Долгорукій.—Сынъ его св. Андрей Боголюбскій.—Св. епископы Новгородскіе: Нифонтъ и Ілія-Іоаннъ.—Св. князь Мстиславъ Храбрый.—Преп. княжна Евфросинія.—Св. Кириллъ Туровскій.—Преп. Никита столпникъ.—Преп. Варлаамъ Хутынский и ученики его	60
ГЛАВА VII. Всеволодъ Великій.—Взятіе Царьграда Латинами.—Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи.—Мстиславъ Удалой.—Борьба между сыновьями Всеволода: Константиномъ и Георгіемъ (Юріемъ).—	

Св. Симонъ, епископъ Владимірскій.—Князья Муромскіе: св. Петръ и св. Февронія.—Св. князь Феодоръ Новгородскій.—Дѣла Галицкія.—Первое нашествіе Татаръ и битва на р. Калкѣ.—Нашествіе Батыя.—Разореніе Рязани, Владиміра и другихъ городовъ.—Убіеніе св. великаго князя Георгія.—Св. Василько князь-мученикъ.—Разореніе Кіева.—Порабощеніе Русской земли	73
---	----

Книга вторая.

ГЛАВА I. Состояніе Русской земли подъ игомъ Монголовъ.—В. князь Ярославъ Всеволодовичъ.—Состояніе Церкви.—Блаж. митрополитъ Кирилль.—Побѣда св. Александра Невскаго надъ Шведами и Ливонскими рыцарями.—Мученическій подвигъ св. кн. Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора.—Св. Александръ на великомъ княженіи.—Кончина его	89
ГЛАВА II. Братья св. Александра на великомъ княженіи.—Мученичество св. кн. Романа Рязанскаго.—Соборъ 1274 года во Владимірѣ.—Постановленія этого собора.—Блаж. Серапіонъ, епископъ Владимірскій.—Преп. Петръ, царевичъ ордынскій.—Князья подвижники благочестія: Романъ Угличскій, Василій Волынскій и сынъ его Владиміръ-Іоаннгъ.—Св. Прокопій, юродивый Устюжскій	100
ГЛАВА III. Сыновья св. Александра Невскаго: Димитрій и Андрей.—Блаж. Симеонъ, епископъ Тверской.—Кончина митрополита Кирилла.—Св. кн. Феодоръ Смоленскій и Ярославскій.—Св. кн. Даніиль Московскій.—Св. Довмонтъ, храбрый князь Псковскій	113
ГЛАВА IV. Борьба между Тверью и Москвою.—Страдальческая кончина в. к. Михаила Ярославича Тверского въ Ордѣ.—Горестная судьба потомковъ его.—Облегченіе ига при великомъ княженіи Іоанна Даниловича Калиты.—Кончина блаж. митрополита Максима.—Св. митрополитъ Петръ.—Возвышеніе Москвы.—Смерть Іоанна Калиты	123
ГЛАВА V. Присоединеніе южно-русскихъ княжествъ къ Литвѣ.—Ольгердь, в. к. Литовскій.—Литовскіе мученики.—В. к. Симеонъ.—Подвигъ св. Феогноста въ Ордѣ.—Начало дѣятельности св. Алексія.—Кончина св. Феогноста и великаго князя Симеона Гордаго.—В. к. Іоаннгъ Іоанновичъ.—Св. Алексій, митрополитъ всея Руси.—Юность и первые подвиги преп. Сергія Радонежскаго.—Исцѣленіе Тайдулы.—В. к. Димитрій Суздаль-	

ский.—Основаніе монастырей св. Алексіемъ.—Юный Димитрій Иоанновичъ на великомъ княженіи.—Конецъ борьбы между Москвою и Тверью.—Преставленіе св. Алексія.—Памятники его пастырской дѣятельности.—Куликовская битва.—Кончина Донского.—Сынъ его, в. к. Василій Дмитріевичъ.—Явленіе Богоматери преп. Сергію.—Преставленіе преп. Сергія 134

ГЛАВА VI. Видѣніе св. Сергія объ ученикахъ его.—Преп. Никонъ Радонежскій.—Обители иноческія, основанныя преп. Сергіемъ.—Ученики его, основатели монастырей: Романъ Киржацскій, Андроникъ и Савва Московскіе, Ѳеодоръ и Павелъ Борисоглѣбскіе, Ѳеодоръ Симоповскій (послѣ архіепископъ Ростовскій), Меодій Пѣшношскій, Аванасій Серпуховской, Савва Стромынскій, Григорій Голутвинскій, Никита Высоцкій, Ѳерапонтъ Боровенскій, Авраамій Чухломскій, Савва Дубенскій и Сторожевскій, Ксенофонтъ Тутанскій, Іаковъ Желѣзнодорожскій, Аванасій и Ѳеодосій Череповскіе, Пахомій Перехотскій, Никита Костромской, Сильвестръ Обнорскій, Павелъ Обдорскій, Сергій Нуромскій, Кирилль Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ Можайскій . 158

ГЛАВА VII. Друзья и собесѣдники преп. Сергія Радонежскаго: Стефанъ Махрицскій, Димитрій Прилуцкій, святитель Діонисій Суздальскій съ ученикомъ своимъ, преп. Еввоиміемъ.—Проповѣдники вѣры Христовой: Святитель Стефанъ въ Великой Перми; Сергій и Германъ Валаамскіе и Арсеній Коневскій на островахъ и берегахъ Ладожскаго озера; Кирилль Челмогорскій — въ странѣ Каргопольской; Авва Лазарь—между Лопарями.—Начало упадка Новгородской вольности.—Юродивые въ Новгородѣ: Николай Кочановъ и Ѳеодоръ 182

ГЛАВА VIII. Конецъ церковной смуты.—Нашествіе Тамерлана.—Принесеніе въ Москву чудотворной Владимірской иконы Богоматери.—Пастырскіе и книжныя труды св. митрополита Кипріана.—Преставленіе его.—Св. мученица Юліанія, княгиня Вяземская.—Св. великая княгиня Евдокія-Евфросинія Московская.—Св. митрополитъ Фотій.—Временное раздѣленіе русской митрополіи.—Григорій Симвакъ, митрополитъ юго-западной Руси.—Кончина в. кн. Василя Дмитріевича.—Великій князь Василій Васильевичъ.—Возсоединеніе митрополіи.—Преставленіе святителя Фотія.—Посланія и поученія его.—Ересь или расколъ стригольниковъ.—Заключеніе книги 201

Книга третья.

Стр.

- ГЛАВА I. Св. Иона, епископъ Рязанскій.—Междоусобія между великимъ княземъ Василіемъ и дядею его Юріемъ.—Митрополитъ Исидоръ и соборъ во Флоренціи для присоединенія Церквей.—Послѣдствія этого собора.—Злодѣйства Шемяки.—Обличительное посланіе святителей.—Возведеніе св. Ионы на престолъ митрополіи.—Пастырскіе его подвиги.—Завоеваніе Константинополя Турками.—Кончина св. Ионы.—Чудеса его.—Смерть Василія Темнаго 223
- ГЛАВА II. Угодники Божіи, современные св. митрополиту Іонѣ: святители: Евѣимій и Иона Новгородскіе; Герасимъ, Питиримъ и Иона Пермскіе.—Преподобные: Паисій Галичскій; Діонисій, Амфилохій, Макарій и Тарасій Глушицкіе; Филиппъ Рабангскій и Григорій Пельшемскій; Макарій Желтоводскій и Уженскій; Александръ Куштскій; Евѣимій и Харитонъ Сянжемскіе; Іоасафъ Спасокаменскій; Варлаамъ Шенкурскій или Вежскій; Савва Вишерскій и Ефремъ Перекомскій; Пафнутій Боровскій.—Юродивые: Максимъ Московскій, Исидоръ Ростовскій и Михаиль Клонскій 241
- ГЛАВА III. Іоаннъ III Васильевичъ, Великій и Державный.—Покореніе Новгорода.—Бражъ съ Греческою царевною.—Освобожденіе отъ ига монгольскаго.—Уничтоженіе удѣловъ.—Война съ Литвою для защиты православія въ Западной Руси.—Соборы въ Москвѣ.—Ересь жидовствующихъ.—Подвиги св. Геннадія Новгородскаго и преп. Іосифа Волоцкаго 266
- ГЛАВА IV. Ревность о православіи и просвѣщеніи въ южно-русской митрополіи.—Соборъ въ Вильнѣ.—Священномученикъ Макарій, митрополитъ Кіевскій.—Упадокъ образованія въ сѣверной Руси.—Обители иноческія—разсадники духовнаго просвѣщенія.—Библия, собранная святителемъ Геннадіемъ.—Жизнь и писанія преп. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.—Свѣтъ Христовъ на крайнемъ сѣверѣ: преп. Евѣимій Корельскій и первоначальники Соловецкіе—Савватій, Германъ и Зосима 279
- ГЛАВА V. Подвижники и основатели монастырей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка: преп. Маргинянъ и ученикъ его, блажен. Галактіонъ; преп. Макарій Калязинскій, Паисій Углицкій, князь Іоаннъ-Игнатій, Кассіанъ Грекъ, Савва Крыпецкій, Александръ Свирскій, Корнилій Комельскій и Кириллъ Новоезерскій 304
- ГЛАВА VI. Великій князь Василій Іоанновичъ.—Завоеваніе Смоленска, присоединеніе Пскова, Рязанскаго и Сѣверскаго удѣловъ.—Нашествіе Крымскаго хана и чудное видѣніе инокини.—Расторженіе брака великокняжескаго.—Блаженная княгиня-

инокиня Софія.—Преподобный Максимъ Грекъ.—Блаженный Теодоритъ и преп. Трифонъ Кольскій, просвѣтители сѣверныхъ Лопарей.—Утвержденіе вѣры Христовой между Чудскими племенами.—Второй бракъ великаго князя и рожденіе наслѣдника.—Кончина Василя Іоанновича 321

Книга четвертая.

- ГЛАВА I. Малолѣтство царя.—Изгнаніе двухъ митрополитовъ.—Внезапное исправленіе молодого самодержца.—Вѣнчаніе Іоанна на царство и первый бракъ его.—Соборы 1547—1549 года.—Стоглавъ.—Ересь Башкина и Косого.—Дѣло о дьякѣ Висковатомъ.—Покореніе Казани и учрежденіе Казанской епархіи.—Болѣзнь Іоанна.—Кончина царицы Анастасіи 337
- ГЛАВА II. Святители, современные первой половинѣ царствованія Іоанна IV: митрополиты: св. Іоасафъ и Макарій; святитель Гурій Казанскій и сотрудники его, Варсонофій и Германъ. Преп. иноки-подвижники: Даніилъ Переяславскій, Германъ Болдинскій, Арсеній Комельскій, Адріанъ Ондрусовскій, Геннадій и Никифоръ Важеозерскіе, Антоній Сійскій, Пилъ Столбенскій, св. Василій юродивый Московскій 351
- ГЛАВА III. Вторая половина царствованія Іоанна IV.—Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго.—Священномученикъ Филиппъ митрополитъ.—Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салось.—Преподобномученикъ Корнилій Псково-печерскій.—Прославленіе мощей св. Никиты Новгородскаго и чудо въ Нарвѣ.—Явленіе Богородичной иконы въ Казани.—Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова.—Антоній Поссевинъ и происки папизма.—Сыноубійство.—Смерть Грознаго царя 375
- ГЛАВА IV. Царь Θεодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.—Установленіе патріаршества.—Права и преимущества патріарха.—Убіеніе царевича Димитрія.—Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. князя Романа Углицкаго.—Крымскій канъ подъ Москвою.—Достопамятное слово Θεодора Годунову.—Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.—Кончина Θεодора.—Воцареніе Бориса 397
- ГЛАВА V. Состояніе Церкви Кіевской митрополіи въ XVI вѣкѣ.—Церковная унія.—Состояніе Церкви Московской митрополіи.—Упадокъ иноческой жизни.—Угодники Божіи: преподобные Никандръ Псковскій, Адріанъ и Оерапонтъ Монзенскіе; юродивые: Симонъ Юрьевскій и Іоаннъ Московскій 411

ГЛАВА VI. Смутное время.—Царь Борисъ.—Попеченія патріарха Іова о распространеніи вѣры.—Гоненіе на Романовыхъ.—„Великій гладъ“ и прав. Юліанія Лазаревская.—Смерть Бориса и гибель его семейства.—Лжедмитрій.—Заточеніе патріарха Іова.—Лжепатріархъ Игнатій.—Воцареніе Василя Шуйскаго.—Патріархъ Гермогенъ.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей св. царевича Димитрія.—Погребеніе Годуновыхъ въ лаврѣ Сергіевой.—Смятенія.—Всенародное покаяніе.—Преставленіе патріарха Іова.—Низверженіе Шуйскаго съ престола.—Твердость патріарха Гермогена.—Междупарствіе.—Ужасы безначалія и разврата 428

ГЛАВА VII. Подвиги духовенства въ „смутное время“.—Святители: Филаретъ Ростовскій, Сергій Смоленскій, Сильвестръ Вологодскій.—Преп. Галактіонъ.—Преп. Иринархъ, затворникъ Ростовскій.—Исидоръ, митрополитъ Новгородскій.—Открытіе мощей св. князя Ѳеодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Затворникъ Іоаннь.—Святители: Геннадій Псковскій, Ѳеохтистъ Тверской, Іосифъ Коломенскій, Галактіонъ Суздальскій.—Протоіерей Димитрій и Амось.—Преп. Евфросинъ Синозерскій.—Разореніе Пафнутьева монастыря.—Знаменитая осада лавры Сергіевой.—Архимандриты лавры Іоасафъ и Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ.—Ляхи въ Москвѣ.—Послѣдніе подвиги и страдальческая кончина патріарха Гермогена.—Троицкія грамоты.—Постъ и покаяніе народа.—Возстаніе городовъ.—Явленія преп. Сергія Козьмѣ Минину.—Очищеніе Москвы.—Избраніе на царство Михаила Романова . 432

Книга пятая.

ГЛАВА I. Воцареніе Михаила Романова.—Подвигъ Сусанина.—Возращеніе изъ плѣна митрополита Филарета.—Дѣятельность его въ санѣ патріаршемъ: народная перепись; патріаршіе приказы; исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Труды и страданія преп. Діонисія.—Учрежденіе Сибирской епархіи.—Сношенія съ Грузіей.—Принесеніе Ризы Господней въ Москву.—Преставленіе Филарета.—Отношенія его къ папству и протестантству.—Патріархи Іоасафъ I и Іосифъ.—Кончина царя Михаила . . 467

ГЛАВА II. Угодники Божіи, жившіе въ первой половинѣ XVII вѣка, преподобные: Діонисій, архимандритъ лавры Сергіевой,—ученикъ его блаж. Дорофей,—Иринархъ, игуменъ Соловецкій,—Діодоръ Юрьегорскій,—Прокопій Вятскій,—Вассіанъ Тотем-

- скій,—Симеонъ Верхотурскій,—Симонъ Воломскій.—Упадокъ иночества и просвѣщенія.—Сѣмена будущаго раскола 478
- ГЛАВА III. Страданія южно-русскаго народа отъ уни.—Иоасафатъ Кунцевичъ.—Возстановленіе православной іерархіи.—Архипастыри Кіевскіе: Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій 487
- ГЛАВА IV. Благодѣтельное правленіе митрополита Петра Могилы.—Кіевская коллегія.—Преподобные Аѳанасій Брестскій и Іовъ Почаевскій 497
- ГЛАВА V. Первые годы правленія царя Алексія Михайловича.—Никонъ до патріаршества.—Преп. Елеазаръ Анзерскій.—Бунтъ въ Новгородѣ.—Перенесеніе въ Московскій Успенскій соборъ мощей святителей, пострадавшихъ за вѣру и отечество.—Никонъ патріархъ.—Присоединеніе Малороссіи и счастливая война съ Польшей.—Моровая язва.—Церковная дѣятельность Никона.—Основанные имъ монастыри.—Заботы о просвѣщеніи.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ.—Сношеніе съ Востокомъ.—Соборы 1654 и 1655 г.—Судьба расколоучителей 511
- ГЛАВА VI. Охлажденіе дружбы царя съ патріархомъ.—Козни враговъ Никона.—Удаленіе Никона въ Воскресепскій монастырь.—Прибытіе Паисія Лигарида.—Вопросы Стрѣшнева Паисію.—Обыскъ въ тайномъ архивѣ патріарха.—Дѣло Бобарыкина.—Дѣло Зюзина.—Прибытіе двухъ восточныхъ патріарховъ.—Соборъ 1666 г.; судъ надъ Никономъ.—Низложеніе и заточеніе бывшаго патріарха.—Соборъ 1667 г.; одобреніе книжнаго исправленія; судъ надъ расколоучителями и ихъ послѣдователями 536
- ГЛАВА VII. Преемники Никона, патріархи Иоасафъ II и Питиримъ.—Патріархъ Іоакимъ.—Соловецкій бунтъ.—Кончина царя Алексія.—Никонъ въ заточеніи.—Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.—Возвращеніе и кончина Никона.—Дѣятельность патріарха Іоакима.—Соборъ 1681 года.—Заботы о просвѣщеніи.—Московское училище.—Состояніе духовнаго просвѣщенія на югѣ.—Дѣла южной митрополи.—Митрополиты: Діонисій Балобанъ.—и Іосифъ Нелюбовичъ - Тукальскій 557
- ГЛАВА VIII. Уничтоженіе мѣстничества.—Кончина царя Ѳеодора.—Цари Петръ и Іоаннъ подъ опекою царевны Софіи.—Стрѣлецкій и раскольничій мятежи въ Москвѣ.—Строгія мѣры противъ раскола.—Усиленіе раскола и раздѣленіе его на толки.—Борьба патріарха Іоакима съ расколомъ и папизмомъ.—Развитіе устной проповѣди.—Законоспаская академія.—Братья Іоанникій и Софроній Лихуды.—Споры о „пресуществленіи“ въ таинствѣ Евхаристіи.—Подчиненіе Кіевской митрополи Московскому патріарху.—Виды патріарха Іоакима относительно южныхъ Славянъ 574

ГЛАВА IX. Послѣдній патріархъ Адріанъ.—Характеръ и дѣятельность царя Петра.—Отношенія его къ дѣламъ церковнымъ, къ ду- ховенству Великороссійскому и Малорусскому и къ монаше- ству.—Монастырскій приказъ.—Святители: Іовъ Новгородскій, св. Митрофанъ Воронежскій, Стефанъ Рязанскій, св. Димитрій Ростовскій, Филоеѣй Тобольскій, св. Иннокентій Иркутскій, Феофанъ Прокоповичъ.—Взглядъ Петра на монастыри.—Поло- женіе монашества и бѣлаго духовенства.—Мѣры противъ раскола; дѣйствія Питирима.—Состояніе духовнаго просвѣще- нія въ Кіевѣ и въ Москвѣ.—Церковные суды.—Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. Синода	592
--	-----